

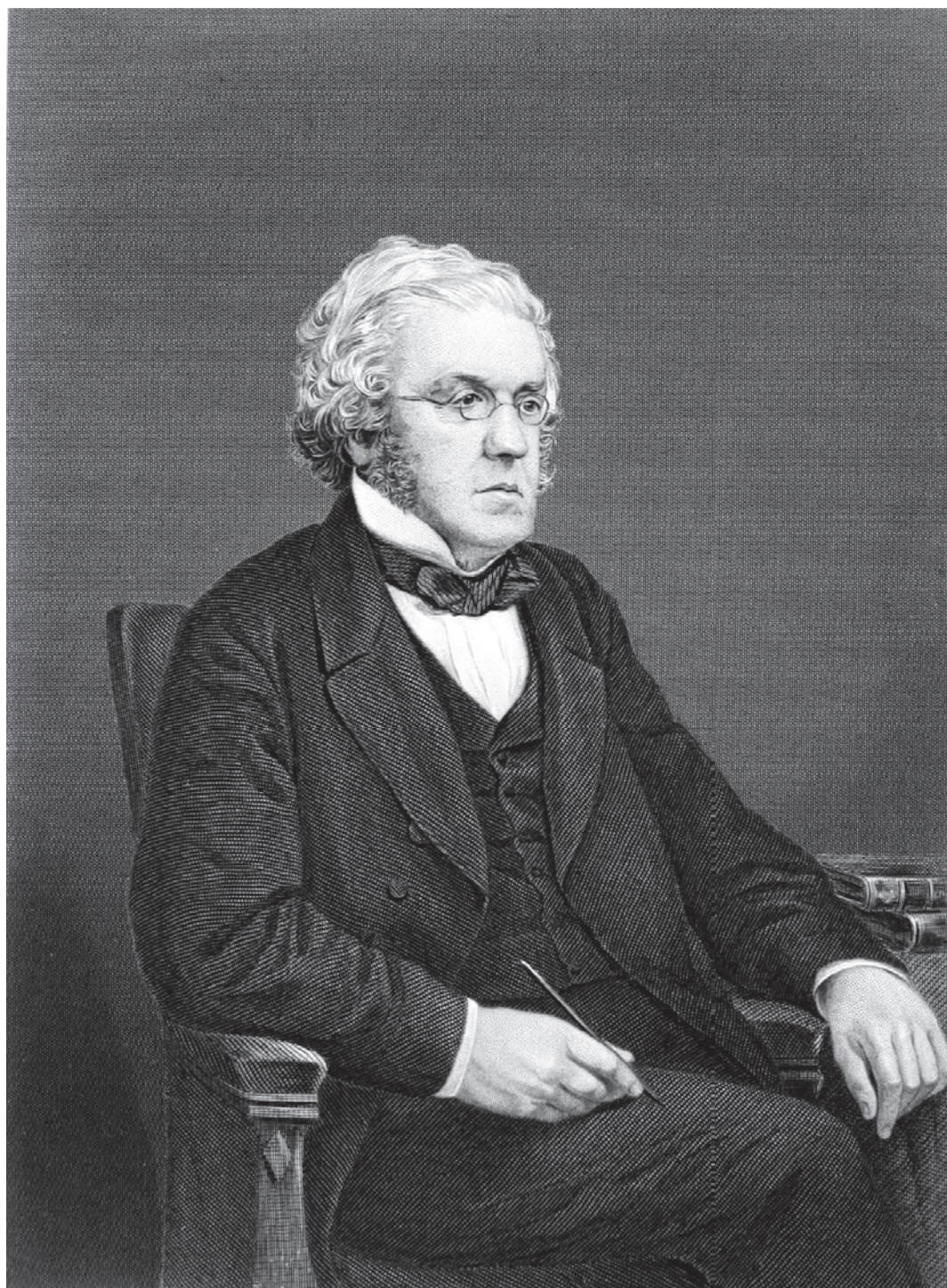
Уильям ТЕККЕРЕЙ ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ
С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ
УИЛЬЯМА ТЕККЕРЕЯ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Уильям Мейкпис Теккерей

УИЛЬЯМ ТЕККЕРЕЙ

ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ

РОМАН БЕЗ ГЕРОЯ

ПЕРЕВОД
В. И. ШТЕЙНА

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор».*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.111
ББК 84(4)
Т11

Верстка, обработка иллюстраций
Л. Корсакова

Книга оформлена работами
Уильяма Теккерея

Первые 100 пронумерованных экземпляров от общего тиража данного издания переплетены мастерами ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“».

Классический европейский переплет выполнен из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи, форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmero с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока с трех сторон методом механического торшонирования с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Т11 Теккерей У. Ярмарка тщеславия. — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2021. — 704 с., ил.

Роман «Ярмарка тщеславия» — вершина творчества английского писателя Уильяма Теккерея. Работая журналистом, он написал к середине XIX в. множество сатирических очерков и статей, которые стали своеобразным материалом к роману. Теккерей сам иллюстрировал свои произведения, изображая их героев в карикатурном виде, что придает его «Ярмарке...» особую прелесть. Этот роман — сатира на извечные человеческие пороки. Впервые он был опубликован в Англии в 1848 г., а затем неоднократно перепечатывался. В данном издании текст представлен в прекрасном переводе В. И. Штейна.

ISBN 978-5-9603-0604-1 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0605-8 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2021

МАУНТ-ЭВЕР

ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ

РОМАН БЕЗ ГЕРОЯ

VANITY FAIR:

PEN AND PENCIL SKETCHES OF ENGLISH SOCIETY.

BY W. M. THACKERAY,

Author of "The Irish Sketch Book;" "Journey from Cornhill to Grand Cairo;" of "Jeames's Diary"
and the "Snob Papers" in "Punch:" &c. &c.

LONDON:

PUBLISHED AT THE PUNCH OFFICE, 85, FLEET STREET.

J. MENZIES, EDINBURGH; J. M'LEOD, GLASGOW; J. M'GLASHAN, DUBLIN.

1847.

Обложка первого издания романа У. Теккерея «Ярмарки тщеславия»

ПЕРЕД ПОДНЯТИЕМ ЗАНАВЕСА

Режиссер, сидя перед поднятием занавеса на подмостках и глядя на разворачивающуюся перед ним ярмарочную суету, бывает охвачен глубокой грустью. Чего тут только не увидишь! Яства и пития, интриги и кокетство, радость и горе, надувательства и потасовки, пляски и скрипки, шутки и дурачества. Тут и хвастуны-проныры, и хлыщи, оглядывающие женщин, и плуты, залезающие в карманы, полисмены на посту, шарлатаны-зазыватели, горланящие перед балаганами, шарлатаны иного сорта — холера их заberi! — деревенские простаки, зевающие на плясуний в мишуре и на несчастных старых размалеванных паяцев, в то время как проворные пальцы облегчают сзади им карманы... Вот она, поистине, ярмарка тщеславия! Место, конечно, не слишком добродетельное, да и не веселое, хотя и весьма шумное. Посмотрите на лица фигляров и шутов, когда они оканчивают свою работу: вот Том-дурак, смыывающий со щек краску, собираясь пообедать с женой и малюткой Джеком Пудингом; но сейчас взвоьется занавес, и он примется кувыркаться, вопя: «Мое почтение, господа!» Человек с умом, склонным к размышлению, разгуливая среди всей этой кутерьмы, не будет, думается мне, введен в заблуждение своей или чужой веселостью. Правда, то здесь, то там смешной или чувствительный эпизод позабавит и растрогает его — будь то миловидный ребенок, засматривающийся на лавочку с пряниками, или красивая девушка, краснеющая от любовностей обожателя, который выбирает ей ярмарочные гостинцы, или, наконец, Том-дурак, расположившийся со всей своей честной семьей позади фургона для скудной трапезы, добываемой его скоморошеством. Но общее впечатление, производимое этой картиной, скорее безотрадное, нежели веселое. И, вернувшись домой, вы усаживаетесь за ваши занятия и книги в состоянии духа серьезном, сосредоточенном и не без грусти.

У меня нет иной морали для нашего повествования о ярмарке тщеславия. Некоторые вообще почитают ярмарки совершенно безнравственными и избегают их с своими чадами и домочадцами. Пожалуй, они и правы. Но те, кто думают иначе и отличаются более ленивым, или благодушным, или насмешливым нравом, может быть, и пожелают зайти туда на полчаса, посмотреть на представления. Зрелища бывают разные. Тут и ужасные сражения, и нарядные карусели, и сцены из жизни людей высшего класса и людей попроще; для чувствительных сердец здесь найдутся любовные объяснения, для других — смешные проделки, и все это с приличной обстановкой и ярко освещено свечами за собственный счет автора.

Что же может еще прибавить режиссер настоящего зрелища? Разве засвидетельствовать благосклонность, с какой представление принималось в главнейших городах Англии, где побывала ярмарка и где о ней одобрительно отзывались и почтенные представители печати, и местное дворянство, и средние классы. Режиссер может гордиться тем, что куклы его доставили удовольствие отборнейшей публике этой страны. Пресловутая куколка Бекки проявила, по общим отзывам, необычайную гибкость на своих шарнирах и замечательную живость на проволоке; куколка Амелия нашла себе, правда, меньший круг поклонников, но все же она отделана и разодета художником с величайшим тщанием. Фигура Доббина, хотя и неуклюжая на вид, пляшет весьма забавно и естественно; пляска других молодцов тоже понравилась некоторым. А вот, неужгодно ли вам взглянуть на богато разукрашенную фигуру нечестивца-аристократа, на которую мы не пожалели издержек и которую в конце этого замечательного представления уносит дьявол.

А затем режиссер низко кланяется своим покровителям и удаляется за кулисы, а занавес поднимается.

Лондон, 28 июня 1848 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Чизуикский бульвар

В 20-х годах нынешнего столетия, в ясное июньское утро, к большим чугунным воротам пансиона для молодых девиц мисс Пинкертон, что на Чизуикском бульваре, подъезжала со скоростью четырех миль в час поместительная семейная карета, запряженная парой откормленных лошадей в блестящей сбруе, с толстым кучером в парике и треуголке на козлах. Когда карета поравнялась со сверкающей медной доской, на которой была выгравирована фамилия мисс Пинкертон, чернокожий лакей, дремавший рядом с толстяком кучером, соскочил с козел и, расправив кривые ноги,

дернул колокольчик, после чего в узких окнах чинного, старинного кирпичного дома замелькало множество юных головок, а за ними внимательный наблюдатель мог бы различить и красный нос самой добродушной мисс Джемимы Пинкертон, торчащий над горшками герани, которые красовались на подоконнике гостиной этой дамы.

— Сестрица, карета миссис Седли! — воскликнула мисс Джемима. — Самбо, негр, только что позвонил... У кучера новый красный камзол!

— Закончены ли, мисс Джемима, все необходимые приготовления к отъезду мисс Седли? — спросила величественная мисс Пинкертон-старшая, Семирамида Хаммерсмита, приятельница доктора Джонсона¹ и корреспондентка миссис Чепон².

— Девицы поднялись в четыре часа утра, чтобы уложить сундуки, сестрица, — ответила мисс Джемима, — а мы собрали им на прощание целый сноп цветов...

¹ *Сэмюэл Джонсон* (1709–1784) — английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения. Прославился фундаментальным «Словарем английского языка».

² *Эстер Мульсо Чепон* (1727–1801) — английская писательница.

— Скажите лучше «букет», сестра Джемима, это благороднее!

— Ну, хорошо, букет, только он величиною чуть ли не со стог сена... Я положила в сундук Амелии две бутылки гвоздичной воды для миссис Седли и рецепт, как ее приготовить.

— Надеюсь, мисс Джемима, вы приготовили счет за мисс Седли? Да вот, кажется, это он и есть... Прекрасно: девяносто три фунта и четыре шиллинга! Потрудитесь же надписать конверт на имя Джона Седли, эсквайра, и вложите туда же и письмо, которое я написала его супруге!

Собственноручные писания мисс Пинкертон-старшей внушали Джемиме такое же благоговение, как и рескрипты высочайших особ. Всем было известно, что мисс Пинкертон раздражалась посланиями к родителям только в трех случаях, именно: когда воспитанницы покидали ее заведение, или готовились вступить в брак, или же, наконец, умирали, как например бедняжка мисс Берч, умершая от скарлатины; по мнению мисс Джемимы, если что и могло утешить миссис Берч в утрате дочери, так это единственно благочестивое и красноречивое сочинение, которым мисс Пинкертон возвестила об этом событии.

На этот раз послание мисс Пинкертон гласило следующее:

«*Чизуикский бульвар. Июня 15 дня 18... г.*

Сударыня!

После шестилетнего пребывания мисс Амелии Седли в моем пансионе имею честь и счастье представить ее родителям как молодую особу, вполне достойную занять место в их изысканном кругу. Все совершенства, какие составляют неотъемлемую принадлежность молодых благородных англичанок, и добродетели, приличествующие происхождению и положению мисс Седли, вполне усвоены милой Амелией: прилежание и послушание неизменно отличали ее в глазах ее наставников, а приятная кротость ее характера одинаково очаровывала как взрослых, так и юных ее сожителей.

В музыке, танцах, орфографии и разного рода рукоделиях и шитье она, несомненно, удовлетворит самым задушевным пожеланиям своих друзей. В отношении географии остается, правда, кое-что пожелать; далее, мисс Амелии нельзя не предписать неукоснительного и аккуратного пользования спинной линейкой по четыре часа в день в течение трех ближайших лет, дабы она приобрела чинную осанку, столь необходимую для всякой светской девицы.

В отношении правил религии и нравственности мисс Амелия окажется вполне достойной того заведения, которое почтил своим посещением великий лексикограф и которое пользовалось покровительством превосходной миссис Чепон. Покидая пансион, мисс Амелия увозит с собой сердца подруг и искреннее расположение наставницы, которая почитает за честь оставаться вашей, сударыня, нижайшей и покорнейшей слугой *Барбарой Пинкертон*.

Р. С. Мисс Седли сопровождает мисс Шарп. И я позволю себе выразить здесь настоятельную просьбу не удерживать мисс Шарп в Рессель-сквере более десяти дней. Почтенное семейство, куда она имеет поступить, желает возможно скорее воспользоваться ее услугами».

Покончив с письмом, мисс Пинкертон приступила к надписанию на заглавном листе словаря Джонсона своего имени и имени мисс Седли. Словарь Джонсона являлся тем назидательным подарком, который начальница пансиона неизменно подносила воспитанницам, оставлявшим ее заведение. На верхней корке переплета были напечатаны «несколько строк к девице, покидающей школу мисс Пинкертон на Чизуикском бульваре от достопочтенного покойного Сэмюэла Джонсона».

Имя лексикографа не сходило с уст величественной дамы, ибо посещение Джонсоном этого заведения создало последнему его репутацию и послужило дальнейшему его процветанию.

Приглашенная старшей сестрой вынуть словарь из шкафа, мисс Джемима достала из упомянутого хранилища два экземпляра такового. После того как мисс Пинкертон закончила надпись на одном из них, Джемима протянула ей другую книгу — не без робости и колебания.

— Для кого предназначается эта книга? — спросила мисс Пинкертон с подавляющей холодностью.

— Для Бекки Шарп, — ответила Джемима с трепетом и отворачиваясь, причем румянец залил ей щеки и шею, — для Бекки Шарп... Ведь она тоже уезжает!

— Мисс Джемима! — воскликнула мисс Пинкертон с выразительностью, какая может быть передана разве наикрупнейшими буквами. — В уме ли вы? Поставьте словарь на место и впредь не позволяйте себе ничего подобного!

— Слушаю, сестрица, но ведь словарь стоит всего два шиллинга и девять пенсов, а бедняжка Бекки будет огорчена, если не получит книги!

— Пошлите ко мне немедленно мисс Седли! — сказала мисс Пинкертон.

Не дерзая прибавить более ни слова, Джемима выбежала вон, чрезвычайно взволнованная и расстроенная.

Отец мисс Седли был зажиточным лондонским купцом, тогда как сирота мисс Шарп была принята в пансион почти что из милости. И, по мнению мисс Пинкертон, для этой воспитанницы было сделано уже достаточно много, чтобы удостоить ее на прощание еще и великой чести в виде поднесения ей словаря.

Хотя аттестациям содержательниц пансионов можно верить не более нежели надгробным эпитафиям, тем не менее, подобно тому, как опочивший иногда и в самом деле заслуживает всех похвал, высекаемых каменщиком над бренными его останками, ибо действительно был истинным христианином, добрым родственником, сыном и супругом и оставил семью в неутешной по нем скорби, — так и в мужских и женских школах попадаются подчас питомцы, вполне достойные похвал своих бескорыстных наставников. К этой-то необычайной разновидности принадлежала и мисс Амелия Седли. Она не только заслуживала одобрений, изложенных мисс Пинкертон в похвальном слове, но обладала еще и многими другими привлекательными свойствами, которых важная и престарелая Минерва не могла заметить по причине разницы в летах и в положении в свете, отделявших ее от ее воспитанницы.

Амелия не только пела как жаворонок или как миссис Биллингтон¹, не только танцевала, как Гиллисберг или Парисо², не только чудесно вышивала и прекрасно писала, — сверх всего этого, она обладала веселым, нежным, незлобивым, великодушным сердцем, и оно невольно завоевало ей всеобщую любовь, начиная с самой Минервы и кончая бедной судомойкой или дочерью кривой пирожницы, которой раз в неделю разрешалось сбывать свои произведения питомицам пансиона. Из двадцати четырех воспитанниц двенадцать были задушевными приятельницами Амелии. Даже завистливая мисс Бриггс никогда не отзывалась о ней дурно; высокомерная же и чванная мисс Сольтайр, внучка лорда Декстера, допускала, что фигура Амелии довольно благородна, а мисс Суорц, богатая мулатка из Сент-Китса с курчавыми волосами, проливала в день отъезда Амелии такие неутешные слезы, что пришлось даже вызвать доктора Флосса, который и помог ей своими солями. Привязанность к Амелии мисс Пинкертон была, как это можно легко себе представить, спокойной и преисполненной достоинства, соответственно высокому положению и почтенным добродетелям этой дамы. Зато мисс Джемима не раз принималась рыдать при одной мысли о разлуке с Амелией; не боясь она сестры, она впала бы в истерику по примеру богатой наследницы из Сент-Китса (с этой последней в пансионе взималась двойная плата); однако такая роскошь в проявлении горести, как истерические припадки, могла быть терпима лишь в отношении состоявшей на особом положении питомицы, доброй же Джемиме полагалось заботиться о счетах и стирке, о штопке и пудингах, горшках и тарелках, и иметь наблюдение за прислугой.

¹ *Элизабет Уэйксл Биллингтон* (1765–1818) — английская певица.

² *Гиллисберг* и *Парисо* — хореографические знаменитости того времени.

Впрочем, зачем нам говорить о ней! Вероятно, мы не услышим о ней больше ничего, после того как тяжелые чугунные узорчатые ворота закроются за отъезжающими. Джемима и ее наводящая трепет сестрица уже никогда больше не появятся в маленьком мирке нашей истории.

Но с Амелией нам еще придется иметь дело, а потому и не мешает отметить при самом начале знакомства с ней, что мисс Седли была самым милым и добрым созданием, какое когда-либо существовало на свете, а разве это не величайшее благо (как в жизни, так и в повестях, обыкновенно изобилующих мрачными злодеями), если нам приходится сопутствовать невинному и доброму существу? Так как Амелия в героини не предназначается, то нам нет надобности описывать ее наружность, тем более что, я боюсь, для героини у нее нос окажется, пожалуй, скорее короток, нежели правилен, а щеки слишком румяны и круглы. В самом деле, лицо ее цвело здоровьем, губы — улыбкой, а ясные глаза светились радостью, за исключением тех случаев, когда застигались слезами, что случалось весьма часто, — глупенькое создание могло часами разливаться над почившей канарейкой, над мышкой, ловко изловленной котом, над развязкой повести, хотя бы и преглупой; поэтому можно себе представить, что происходило, когда кто-нибудь относился к ней недостаточно ласково, если вообще находились столь жестокие сердца. Тем хуже для них! Даже сама мисс Пинкертон, особа суровая и идолоподобная, перестала бранить бедняжку после первого же опыта, хотя и была способна к пониманию чувствительности не более чем алгебры. Тем не менее она предписала всем воспитательницам и учителям обходиться с мисс Седли особенно деликатно, потому что суровое обхождение ей вредило. Так что теперь, когда наступил день разлуки, мисс Седли колебалась между одинаково ей свойственными желаниями плакать и смеяться, и недоумевала, что ей делать: с одной стороны, она радовалась возвращению домой, с другой — ее чрезвычайно огорчало расставание со школой. Маленькая сиротка Лаура Мартин целых три дня ходила за Эмми следом, словно собачонка, и Амелии пришлось принять и сделать по меньшей мере четырнадцать подарков и дать столько же торжественных обещаний писать подругам еженедельно.

— Письма мне посылай на имя дедушки, графа Декстера! — твердила ей мисс Сольтайр, которая, к слову сказать, была скуповата.

— Не заботься, дорогая, о почтовых расходах, пиши каждый день! — просила Амелию вспыхивая, но щедрая и добрая мисс Суорц. А вертевшаяся тут же Лаура Мартин схватила руку Амелии и, заглядывая ей в лицо, заявила:

— Когда я буду писать вам, я буду называть вас маменькой!

Я не сомневаюсь, что Джонс, читающий эту книгу в своем клубе, провозгласит все эти подробности чрезвычайно глупыми, пошлыми и ультрасентиментальными. Я так и вижу Джонса, раскрасневшегося над куском баранины и полупинтой вина; вижу, как он вынимает карандаш и, подчеркнув слова «глупыми», «пошлыми» и т. д., присоединяет и свое собственное замечание: «Совершенно верно!» Ну что ж! Джонс — человек умный, не чуждый даже гениальности; в литературе и в жизни он поклонник великого и героического, и ему лучше обратить свое внимание на что-либо иное.

Итак, цветы и подарки, сундуки и картонки со шляпами мисс Седли уложены уже мистером Самбо в карету вместе с потертым, старым кожаным чемоданчиком с прикрепленной к нему карточкой, на которой значилась фамилия мисс Шарп; оскалывая зубы принял мистер Самбо эту кладь, да и уложена она была кучером с приличным случаю фырканьем. И вот наступила минута расставания. Печаль разлуки была

значительно смягчена благодаря удивительной речи, с какой мисс Пинкертон обратилась к своей питомице. Не то чтобы напутственное слово это вооружило Амелию стойкостью, нет! Оно было нестерпимо напыщенно и скучно, но так как Амелия была преисполнена страха перед наставницей, то в ее присутствии она не решилась предаться печали. Затем, как и при иных торжественных occasions, вроде посещения воспитанниц родителями, в гостиную были поданы пирожное и бутылка вина, и когда с лакомствами этими было покончено, мисс Седли была предоставлена свобода тронуться в путь.

— А вы, Ребекка, зайдете проститься с мисс Пинкертон? — спросила Джемима молодую девушку, на которую никто не обращал внимания и которая, с картонкой в руках, уже спускалась с лестницы.

— Я полагаю, что должна это сделать, — спокойно ответила мисс Шарп, к большому удивлению мисс Джемимы.

Постучавшись в дверь и получив разрешение войти, мисс Шарп непринужденно подошла к своей наставнице и весьма чисто произнесла по-французски:

— Я пришла проститься с вами, сударыня!

Мисс Пинкертон французского языка не понимала, она лишь руководила теми, кто знал его; тем не менее, поджав губы и вздернув вверх свою почтенную голову, украшенную римским носом, над которым высился внушительных размеров тюрбан, она сказала:

— Доброе утро, мисс Шарп!

Произнеся эти слова, хаммерсмитская Семирамида сделала прощальный жест рукой, как бы желая доставить мисс Шарп случай пожать один из ее пальцев, мило-стивно протянутых вперед с этой целью. Однако, мисс Шарп, уклонившись от этой

*Но только карета двинулась с места, мисс Шарп высунула из окна свое бледное лицо
и швырнула книгу обратно в сад*

чести, ограничилась холодной улыбкой и присела, сложив руки. Тюрбан Семирамиды вздернулся вверх еще с большим, нежели когда-либо, негодованием. Это было маленькое сражение между молодой девушкой и старой дамой, причем последняя оказалась побежденной.

— Да благословит вас небо, мое дитя! — произнесла она, обнимая Амелию и грозно озираясь через ее плечо на мисс Шарп.

— Ну, пойдете, Бекки! — сказала мисс Джемима совсем перепуганная, торопясь увести девушку, и дверь гостиной закрылась за ней навсегда. Затем внизу началось суетливое расставание. Слова бессильны передать его. Вся прислуга собралась в сенях, все милые приятельницы, все девицы, и даже прибывший на урок учитель танцев. Никакое перо не может описать происходившей кутерьмы, беготни, обниманий, поцелуев, слез и истерического всхлипывания состоявшей на особом положении мисс Суорц, и мягкому сердцу лучше поскорей пройти мимо всего этого.

Наконец с поцелуями было покончено — расстались, то есть мисс Седли рассталась с подругами; мисс Шарп уже несколько минут сидела, раздумывая, в карете. Разлуку с ней никто не обливал слезами. Самбо на своих кривых ногах захлопнул за плачущей юной госпожой дверцу кареты и вскочил на запятки.

— Стойте, стойте! — закричала тут мисс Джемима, выбегая из ворот с небольшим свертком.

— Тут несколько сэндвичей, моя дорогая, — обратилась она к Амелии, — может быть, вам захочется поесть дорогой... А это вам, Бекки Шарп, это книга, которую моя сестра... то есть я... Словарь Джонсона, знаете?... Не можете же вы уехать от нас, не получив словаря!.. Ну, прощайте!.. Кучер, трогай! Благослови вас бог!

И добрая душа скользнула обратно в сад, вне себя от волнения. Но только карета двинулась с места, мисс Шарп высунула из окна свое бледное лицо и швырнула книгу обратно в сад.

Этот поступок поверг Джемиму в ужас.

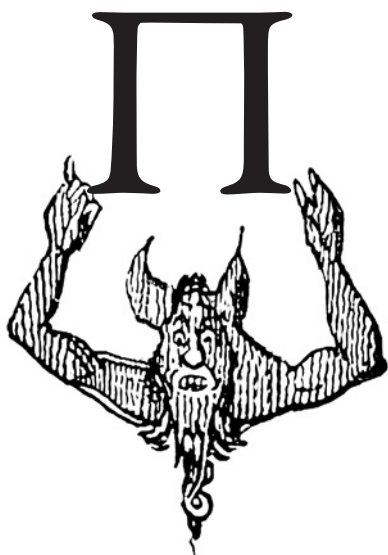
— Ну, никогда бы, никогда... — только и могла она выговорить. — Что за дерзкое...

Волнение помешало ей докончить.

Карета покатила, ворота закрылись, зазвонил колокольчик, созывая воспитанниц на урок танцев. Широкий мир открывался перед молодыми девушками. Прощай, Чизуикский бульвар!

ГЛАВА II, в которой мисс Шарп и мисс Седли готовятся начать кампанию

осле того как мисс Шарп совершила геройский поступок, о котором рассказано в предшествующей главе, и удостоверялась, что словарь, перелетев через ограду сада, упал к ногам пораженной мисс Джемимы, раздражение Ребекки, вызвавшее у нее багровый румянец, улеглось, и на лице ее заиграла улыбка, едва ли, впрочем, более привлекательная, нежели самый ее гнев. Мисс Шарп откинулась на подушки и произнесла с облегченным сердцем:

— Ну, вот вам и словарь! Благодарение богу, что я наконец вырвалась отсюда!

Мисс Седли была поражена дерзкой выходкой Бекки не менее самой мисс Джемимы: ведь не прошло еще и ми-

нуты, как она оставила пансион, и шестилетние ее навыки не могли еще исчезнуть. У иных юношеский страх и трепет не проходят никогда. Так, я знаю одного шестидесятивосьмилетнего старика, который признался мне однажды за завтраком:

— Мне приснилось, будто доктор Рэн меня выпорол!

Воображение унесло его в этот вечер за пятьдесят пять лет назад. Доктор Рэн и его розга рисовались ему в шестьдесят восемь лет столь же страшными, как и в тринадцать. А что было бы, если бы почтенный доктор предстал ему воочию с большой розгой и приказал шестидесятивосьмилетнему старику: «А ну-ка, мальчуган, спусти-ка штаны!»

Да, да, мисс Седли была чрезвычайно взволнована этим актом непокорности!

— Как могли вы это сделать, Ребекка? — произнесла она после продолжительного молчания.

— А что ж? Может быть, вы думаете, мисс Пинкертон явится вдруг откуда-то и запрчет меня в темный карцер? — спросила Ребекка, расхохотавшись.

— Нет, но...

— Я ненавижу этот дом! — продолжала в бешенстве мисс Шарп. — Надеюсь, что глаза мои не увидят его больше!.. Я желала бы, чтобы он очутился на самом дне Темзы, и — попади туда сама мисс Пинкертон — я не стала бы ее вылавливать. И не подумала бы!.. О, как хотелось бы мне посмотреть на нее, как она плавает там со своим тюрбаном и шлейфом и торчащим над водой носом!

— Замолчите! — воскликнула Амелия.

— А что?.. Может быть, ваш негр насплетничает? — спросила Ребекка со смехом. — Пусть его вернется назад и скажет мисс Пинкертон, что я ненавижу ее всеми силами души! Я хотела бы, чтобы он это сделал! Я хотела бы иметь хоть какую-нибудь возможность доказать это!.. Я видела от нее только оскорбления и брань. Со мной обращались хуже, чем со служанкой на кухне. Я ни от кого, кроме вас, не слышала ни ласкового слова, ни привета. Я была обречена присматривать за девочками в младшем классе и разговаривать с девицами по-французски... И это так мне надоело, что родной мне по матери язык стал мне ненавистен... Но, правда ведь, заговорить с мисс Пинкертон по-французски было ловкой выдумкой? Она ни слова не понимает по-французски, а между тем из гордости не хочет в этом признаться. Я думаю, это и было причиной того, что она рассталась со мною! Итак, благодарение богу за французский язык! Да здравствует Франция! Да здравствует император! Да здравствует Бонапарт!

— О, Ребекка, Ребекка, какой стыд! — воскликнула мисс Седли. Ребекка впала в неслыханное сквернословие! Провозгласить в то время в Англии «Да здравствует Наполеон!» — значило почти то же, что пожелать долгоденствия самому Люциферу¹.

— Как можете вы, как осмеливаетесь высказывать такие злые, такие мстительные мысли!

— Я согласна с вами, быть мстительной, может быть, действительно дурно, но ведь не ангел же я!

Если говорить правду, ангелом она, конечно, не была. И хотя она в течение короткого разговора, происходившего, пока карета лениво катилась вдоль реки, и благодарила дважды небеса, она благодарила их только за избавление от ненавистной ей особы и за полученную возможность привести в смущение своих врагов; разумеется, с точки зрения религии и благочестия это едва ли может быть одобрено кроткими и миролюбивыми сердцами. Но мисс Ребекка кроткой и миролюбивой не была. Все обходились с ней дурно, утверждала юная мизантропка, однако мы убеждены, что люди, к которым весь мир относится дурно, вполне заслуживают подобного обращения. Мир — это зеркало, которое отбрасывает каждому отражение его же собственного лица: нахмурьтесь — и мир точно так же неприветливо ответит вам; улыбнитесь — и он станет веселым вам товарищем; поэтому молодые особы могут выбирать себе любую участь. Весьма вероятно, что если свет и пренебрегал мисс Шарп, то и она, в свою очередь, никогда не оказывалась повинною в желании сделать кому-либо добро. И нельзя было ожидать, чтобы все двадцать четыре товарки проявляли по отношению к Ребекке такую же приязнь, как героиня этого произведения, мисс Седли

¹ Действие происходит в эпоху Наполеоновских войн, когда против Наполеона ополчилась почти вся Европа.

(мы производим ее здесь в героини как самую благонравную из всех, иначе что могло бы воспрепятствовать нам взять вместо нее мисс Суорц, или мисс Кремп, или мисс Гопкинс?), чтобы они были бы так же смиренны и кротки, как она, и старались воспользоваться каждым удобным случаем для того, чтобы с помощью тысячи ласковых слов и услуг победить ее злонравие и жестокосердие и преодолеть, наконец, ее нелюбовь к себе подобным.

Отец мисс Шарп был художником и в качестве такового давал уроки рисования в школе мисс Пинкертон. Он был неглупый человек, приятный собеседник, беспечный студент, отличался чрезвычайной склонностью влезать в долги и тяготел к погребку. Терпя недостаток и задолжав всем на целую милю в округности Сохо, где он проживал, он рассудил за лучшее, для поправления своих обстоятельств, жениться на молоденькой француженке, оперной фигурантке. В нетрезвом состоянии он имел обыкновение колотить жену и дочь, а на следующее утро бранить с похмелья весь свет за невнимание к его гению и поносить весьма остроумно, а иногда и не без оснований, своих дураков-собратьев. О скромном происхождении своей родительницы мисс Шарп никогда не распространялась, однако она не раз давала понять, что Антраша — именитый гасконский род, и с великой гордостью выводила от него свою родословную. Любопытно, что по мере преуспевания Ребекки в жизни постоянно вырастали и знатность, и важность предков этой молодой особы.

Мать Ребекки получила где-то некоторое воспитание, и дочь ее хорошо владела французским языком, прекрасно усвоив себе парижский выговор. В те времена подобное достоинство было в редкость, и оно-то и привело Ребекку к получению места у правоверной мисс Пинкертон; когда мать Ребекки умерла, а отец отчаялся оправиться от третьего припадка белой горячки, он в красноречивом и трогательном послании препоручил бедную сироту ее попечительным заботам; вслед за тем он сошел в могилу, поссорив над своим трупом двух судебных приставов. Ребекке было семнадцать лет, когда она появилась в пансионе в качестве принятой из милости воспитанницы; обязанностью ее являлось болтать по-французски, а привилегией — проживать в пансионе бесплатно и за несколько гиней в год собирать крохи познаний от школьных профессоров.

Ребекка была маленькая и слабенькая на вид, бледная, с пепельными волосами и глазами, обыкновенно опущенными вниз; когда же она их поднимала, они оказывались громадными, таинственными и завлекательными, завлекательными настолько, что свежесвыпущенный из Оксфордского университета достопочтенный мистер Крисп, состоящий при чизуикском викарии, достопочтенном мистере Флауердью, по уши влюбился в мисс Шарп, наповал сраженный одним из ее взглядов, пронзившим его в чизуикской церкви, на расстоянии, отделявшем кафедру от скамьи воспитанниц.

Этот ослепленный молодой человек от времени до времени появлялся за чайным столом мисс Пинкертон, которой был представлен своей маменькой, и в последнее время обнаруживал кой-какие матримониальные поползновения — так, по крайней мере, можно было заключить из перехваченной записки, передать которую по назначению было поручено кривой пирожнице. Вызванная вслед за этим из Бекстона миссис Крисп поспешно увезла своего любимчика; тем не менее одна возможность появления в чизуикской голубятне подобного хищника-орла произвела великое смятение в груди мисс Пинкертон. И не будь она связана с мисс Шарп договором, она, пожа-

луй, немедленно бы ее изгнала. Во всяком случае, почтенная дама никак не могла положитьсь на уверения молодой девушки, что та и словом не обменялась с мистером Криспом, если не считать тех двух случаев, когда она встретилась с ним за чайным столом у мисс Пинкертон.

Рядом с другими высокими и пышно расцветшими питомицами школы Ребекка Шарп казалась ребенком; на деле же она обладала тем преждевременным развитием, какое часто наблюдается у бедняков. Ей не раз приходилось заговаривать зубы нестеснительным кредиторам и избавлять от них отца; не одного поставщика умасливала она и смешила, чтобы добиться от него отпуска провизии на лишнее блюдо. Дома Ребекка проводила время обыкновенно с отцом, гордившимся ее сметливостью; она прислушивалась к его болтовне с приятелями-забуддыгами, слушать которую едва ли подобало девочке. Впрочем, девочкой Ребекка никогда не была, по собственному ее признанию, и с восьмилетнего возраста превратилась в женщину. О, зачем впустила мисс Пинкертон столь опасную птицу в свою голубятню?! Правда, почтенная дама считала Ребекку за самое кроткое создание на свете: так искусно умела она разыграть при случае, когда отец брал ее с собой в пансион, роль простушки. Мисс Пинкертон считала ее за скромное и наивное дитя и еще за год до соглашения, в результате которого Ребекка была принята в ее дом, когда Ребекке было шестнадцать лет, мисс Пинкертон, со всей свойственной ей величественностью, после приличной краткой речи, подарила ей куклу, которая, кстати сказать, была конфискованной собственностью мисс Суиндль, нянчившей ее украдкой в часы уроков. Можно себе представить, как отец и дочь потешались над этим подарком, возвращаясь домой после вечернего собрания у мисс Пинкертон, на которое были приглашены все профессора школы, и над произнесенными там спичами! Как бесилась бы мисс Пинкертон, если бы могла видеть свою карикатуру, сделанную Ребеккой с помощью этой куклы! Бекки вела с ней длинные беседы, к великой потехе Ньюман- и Джерард-стрит, словом, всего художественного квартала. Молодые живописцы, приходя на грог к своему ленивому, умному и веселому старшему товарищу, не забывали осведомиться у Ребекки, дома ли мисс Пинкертон; несчастная была им столь же хорошо известна, как и Лоуренс¹ или президент Уэст².

Однажды Ребекка была удостоена чести провести несколько дней в пансионе, после чего сделала дома новую куклу, мисс Джемми, несмотря на то, что эта добрая душа угостила ее такой порцией варенья и печенья, какой хватило бы на троих детей, и подарила ей при расставании семь шиллингов. Однако у Ребекки чувство смешного преобладало над чувством признательности, и — увы! — она осмеяла мисс Джемиму так же безжалостно, как и ее сестру.

Наконец разразилась катастрофа, и Бекки переселилась в пансион, заменивший ей домашний кров. Строгая его чинность душила ее; чтение молитв, принятие пищи, уроки и прогулки были распределены с монастырской правильностью и невыразимо тяготили ее, и она с таким сожалением оглядывалась назад, на свободу ветхой мастерской в Сохо, что все — и даже и она сама — думали, что ее терзает печаль по отцу. У нее была маленькая каморка на чердаке, и служанки часто слышали, как она рыда-

¹ *Томас Лоуренс* (1769–1830) — английский художник-портретист.

² *Бенжамин Уэст* (1738–1820) — английский живописец, президент Королевской академии художеств в Лондоне.

ла там целыми ночами, расхаживая из угла в угол. Но эти слезы вызывались не скорбью, а возмущением. Нельзя сказать, чтобы лицемерие было свойственно Ребекке от природы, но одиночество научило ее притворству. Она мало бывала в обществе женщин; отец ее, как низко он ни опустился, был все же человеком талантливым, и разговор с ним был для нее в тысячу раз назидательней болтовни тех представительниц ее пола, с которыми она теперь столкнулась. Надутое тщеславие старой содержательницы пансиона, глупое добродушие ее сестры, бестолковая болтовня и пререкания старших воспитанниц и корректная холодность воспитательниц в одинаковой мере навели на Бекки тоску. Нежные материнские инстинкты отсутствовали у Бекки, этой несчастной девушки, иначе лепет и возня младших воспитанниц, надзор за которыми был препоручен главным образом ей, послужили бы ей утешением и придали бы интерес ее существованию. А между тем Ребекка провела среди малюток целых два года! Но ни одна из них не пожалела, вероятно, об ее отъезде. Кроткая, мягкосердечная Амелия Седли была единственным человеком, к которому Ребекка могла привязаться, да и кто не привязался бы к Амелии!

Преимущества рождения и довольство молодых девушек, окружавших Ребекку, исполняли ее невыразимыми муками зависти.

— Какую важность напускает на себя эта девчонка только потому, что доводится внучкой какому-то графу! — отзывалась она об одной товарке. — Как они пресмыкаются и низкопоклонничают перед этой креолкой из-за ее состояния! Несмотря на все ее богатство, я в тысячу раз умнее и привлекательнее ее! И я так же хорошо воспитана, как и графская внучка, несмотря на всю знатность ее родословной, однако, меня здесь никто не замечает! А ведь когда я жила с отцом, разве мужчины не отказывались от танцев и веселых пирушек, лишь бы провести вечер со мной!

Она решила во что бы то ни стало избавиться от тюрьмы, куда была заточена, и начала действовать на свой страх, впервые строя себе планы будущего.

Бекки воспользовалась своим положением, чтобы приобрести некоторые познания, а так как вдобавок она была хорошей музыкантшей и хорошо владела языками, то она в короткое время усвоила себе ту ничтожную совокупность знаний, которая тогда считалась необходимой для молодой девушки.

В музыке Бекки упражнялась постоянно, и вот однажды, когда воспитанницы гуляли, а она оставалась одна дома, она так удачно исполнила какую-то пьесу, что Минерва рассудила: зачем понапрасну тратиться на учителя музыки для младших воспитанниц, и предложила Ребекке заниматься с девочками. Но Ребекка впервые, и к великому удивлению величественной повелительницы школы, отказалась повиноваться.

— Я здесь для того, чтобы говорить с детьми по-французски, а не затем, чтобы учить их музыке и этим доставлять вам сбережения! Платите мне, и я буду их учить! — резко заявила она.

Минерва принуждена была пойти на уступки, но с этого дня она невзлюбила девушку.

— За все тридцать пять лет, — заметила она и вполне справедливо, — я не видела в своем доме человека, который вздумал бы идти против моих распоряжений. Я отогрела на своей груди змею!

— Ну, что касается змеи, то это только пустые слова, — возразила мисс Шарп почтенной особе, которая была поражена этим чуть ли не до обморока. — Вы взяли меня, потому что я вам полезна. Между нами не может быть речи о признательности. Я ненавижу этот дом и жажду его покинуть! И сверх своих обязанностей ничего не стану делать!

Тщетно вопрошала ее почтенная дама, сознает ли она, что говорит с самой мисс Пинкертон. Ребекка рассмеялась ей в лицо, и смех ее был столь саркастичен, что с содрожательницей пансиона едва не сделался припадок.

— Дайте мне денег и развяжитесь со мной! Или, пожалуй, если это для вас удобнее, предоставьте мне место гувернантки в хорошем семействе! Ведь вам это нетрудно сделать, если вы только захотите!

И при всех дальнейших столкновениях она неизменно возвращалась к тому же:

— Устройте мне место! Мы ненавидим друг друга, и я готова уйти!

Хотя достойная мисс Пинкертон и обладала римским носом и величественным тюрбаном, а ростом была с доброго гренадера и до сих пор слыла непобедимой, как сказочная принцесса, однако в данном случае она спасовала в отношении воли и твердости перед своей питомицей и тщетно пыталась, состязаясь с ней, вселить в нее

трепет. Когда мисс Пинкертон вздумала сделать Бекки выговор публично, у той появилась мысль оправдываться по-французски, и тут почтенная содержательница пансиона совсем опешила.

Чтобы поддержать в школе свой авторитет, для нее стало необходимым изгнать эту мятежную, это чудовище, эту змею, эту поджигательницу. И вот тут, узнав, кстати, что семья сэра Питта Кроули ищет гувернантку, она не преминула рекомендовать ей мисс Шарп, хотя и считала ее змеей и поджигательницей.

— В сущности, я не вижу в поведении мисс Шарп ничего предосудительного, кроме ее отношения ко мне; я не могу не признать за ней многих талантов и дарований. Что касается ее ума, то она, во всяком случае, сделает честь воспитательной системе, проводимой в моей школе...

Так успокаивала содержательница пансиона свою совесть, рекомендуя Ребекку. Условие, связывавшее мисс Пинкертон с мисс Шарп, было расторгнуто, и воспитанница получила свободу.

Борьба, описываемая здесь в немногих строках, в действительности длилась целые месяцы.

И вот когда мисс Седли, которой минуло семнадцать лет, приготовилась оставить пансион, она, питая дружбу к мисс Шарп («единственная черта в поведении Амелии, не заслуживающая одобрения», — говорила Минерва), пригласила ее провести несколько дней в доме ее родителей, прежде чем она вступит в свои обязанности в ожидающем ее семействе.

Свет открывался для этих двух молодых девушек. Для Амелии он был нов, ослепителен и привлекателен. Ребекке же он не представлялся больше новостью (если говорить правду о приключении с мистером Криспом, то пирожница намекала кое-кому, что дело зашло гораздо дальше, нежели предполагали; рассказывалось, будто письмо его было лишь ответом на другое?). Но кто может знать настоящую правду! Во всяком случае, если Ребекка и не вступала в жизнь впервые, то на житейскую сцену она вступала заново.

К тому времени, как молодые девушки достигли Кенсингтонской заставы, Амелия, хотя и не выкинула из памяти подруг, однако успела осушить слезы и даже покраснела от удовольствия, когда какой-то кавалерист, оглядев ее и прогарцевав мимо, пробормотал:

— Чертовски миленькая девушка, ей-богу!

Прежде чем карета добралась до Рессель-сквера, подруги успели уже переговорить и о представлении ко двору, и о том, надевают ли в таких случаях фижмы¹, и пудрят ли волосы, и будет ли Амелия удостоена этой чести; что она будет на балу у лорд-мэра — она уже знала. И когда они наконец добрались до дому, мисс Седли выпрыгнула с помощью Самбо из кареты веселая и очаровательная. С последним вполне согласились Самбо и кучер, отец и мать, а также и все слуги, когда, сбегавшись в сени приветствовать молодую госпожу, толклись на месте, улыбаясь и кланяясь.

Можете быть уверены, Амелия не преминула показать Ребекке каждый уголок дома, все свои комоды, книги, свое фортепьяно, платья, браслеты, брошки, кружева и безделушки. Она убедила Ребекку принять от нее два кольца — сердоликовое и бирюзовое — и кисейное платье цветочками, которое ей стало узко, а Ребекке придется

¹ *Фижма* — старинная широкая юбка на китовом усе.

как раз впору; кроме того, она решила выпросить у матери позволение подарить Ребекке белую кашемировую шаль. Разве она не обойдется без нее? Ее брат Джоз только что привез ей из Индии две новых.

Рассматривая прекрасные кашемировые шали, привезенные Джозефом Седли сестре, Ребекка заметила с полной искренностью:

— Какое счастье иметь брата!

Это замечание нашло отклик в любвеобильном сердце Амелии, и она мысленно пожалела одинокую сироту, не имевшую на всем белом свете ни родных, ни близких.

— Но теперь вы не будете одиноки! — воскликнула Амелия. — Знайте, Ребекка, я всегда буду вашим другом и всегда буду любить вас, как сестру, верьте мне!

— Да, но это все же не то, что иметь таких родителей, как ваши, — добрых, богатых, нежных, которые дарят вам все, что вы только ни пожелаете! А любовь их, которая драгоценнее всего на свете... Мой бедный отец не мог меня баловать, и все мое богатство заключалось в каких-нибудь двух платицах!.. А иметь брата! Такого доброго брата!.. О, как вы должны любить его!

Амелия рассмеялась.

— Как? Неужели же вы его не любите? Вы, утверждающая, что любите всех на свете!

— Разумеется, люблю, только...

— Только что?

— Только Джозефу, кажется, мало дела до того, люблю ли я его или нет. Возвратившись домой после десятилетнего отсутствия, он протянул мне два пальца для поздравления! Правда, он очень мил и добр, но редко устаивает меня разговором. Я думаю, свою трубку он любит больше, чем...

Тут Амелия умолкла. Зачем дурно отзываться о брате?

— Он всегда был ласков со мной, когда я была маленькой, — прибавила она, — ведь мне было всего пять лет, когда он уехал из дому!

— Вероятно, он очень богат? — спросила Ребекка. — Говорят, все индийские набобы чрезвычайно богаты...

— Я думаю, у него большие доходы...

— А ваша невестка, конечно, очень милая и красивая женщина?

Амелия расхохоталась:

— Да ведь Джозеф вовсе не женат!

Она, вероятно, неоднократно упоминала об этом Ребекке, но последняя, казалось, совершенно забыла это обстоятельство, по крайней мере, она уверяла, что ожидала увидеть у Амелии целую кучу племянников и племянниц; она даже была разочарована тем, что мистер Седли не женат; она положительно уверена, что Амелия говорила ей о женатом человеке, поэтому-то Ребекка и рассчитывала увидеть деток...

— Я думаю, они вам порядком надоели и в пансионе? — спросила Амелия, несколько удивленная обнаруженной подругой нежностью.

Вряд ли когда-либо позднее Ребекка Шарп стала выражать чувства, неискренность которых была столь очевидна; но не будем забывать, что ей было всего лишь девятнадцать лет и бедное неопытное создание еще не изощрилось в искусстве лицемерия и должно было руководствоваться лишь своим личным опытом. Истинный же смысл этого вопроса сводился в тайниках души молодой девушки попросту к ни-

жеследующему: если мистер Седли богат и холост, отчего бы не попытаться выйти за него замуж? Правда, для приведения этого плана в исполнение в ее распоряжении имелись всего лишь две недели, но почему бы не рискнуть? И она решила сделать эту похвальную попытку. Она удвоила свою ласковость к Амелии, целовала сердоликовое ожерелье и клялась, надевая его, что никогда с ним не расстанется. Когда колокол прозвонил к обеду, Ребекка сошла вниз, обнимая за талию свою подругу, как это и практикуется среди молодых девиц. Она испытала такое волнение перед дверями гостиной, что едва собралась с духом туда войти.

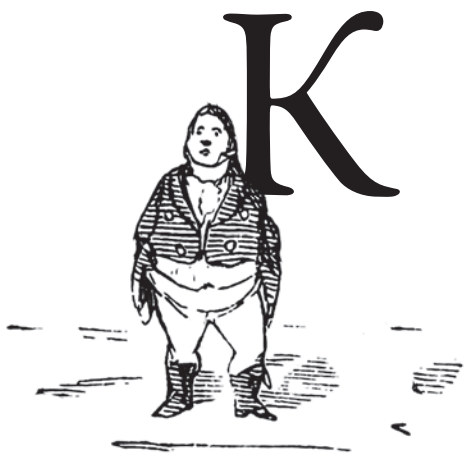
— Посмотрите, дорогая моя, как колотится мое сердце! — сказала она своей подруге.

— Совсем нет! — сказала Амелия. — Идем! Не бойтесь, ведь папенька вам ничего не делает!

ГЛАВА III

Ребекка в виду неприятеля

огда молодые девушки вошли в комнату, там у камина, в кресле, читал газету толстый, одутловатый человек в лосинах и ботфортах, с огромной косынкой, несколько раз обматывавшей его шею и укутывавшей его почти до самого носа, в красном полосатом жилете и зеленом сюртуке со стальными пуговицами вдобрую крону величиной (утренний наряд денди и знатных особ того времени); при появлении девиц он тотчас же вскочил с кресла, густо покраснел и почти совсем скрылся в своем шейном платке.

— Всего лишь твоя сестра, Джозеф! — сказала Амелия, улыбаясь и по-

жимая протянутые ей два пальца. — Ты знаешь, ведь я совсем вернулась!.. А это моя подруга, мисс Шарп, о которой я тебе много раз говорила...

— Никогда... то есть да... — произнес молодой человек из косынки, переминаясь с ноги на ногу. — Впрочем, действительно... Какой отчаянный холод, не правда ли, мисс? — Тут он принялся яростно размешивать угли в камине, хотя дело и происходило в половине июня месяца.

— Ах, как он хорош! — шепнула Ребекка Амелии довольно громко.

— Вы находите? — спросила та. — Я скажу ему!

— Ах, нет, заклиная вас, дорогая моя! — испугалась мисс Шарп и отпрянула назад, как робкая лань. Перед тем она почтительно, как и подобает молодой девице, присела перед молодым человеком, и ее скромные глаза принялись изучать ковер так прилежно, что, положительно, могло показаться чудом, как успела она разглядеть Джозефа.

— Благодарю тебя за восхитительные шали, братец! — обратилась Амелия к Джозефу, продолжавшему размешивать угли. — Правда ведь, они прелестны, Ребекка?

— О, божественны! — воскликнула Ребекка, и взгляд ее немедленно перескочил с ковра на канделябр.

Джозеф все еще продолжал то немилосердно стучать кочергой и щипцами, то раздувать огонь при помощи мехов, причем побагровел так, как это ему позволяла его желтая кожа.

— Я, конечно, не могу отплатить тебе таким же прекрасным подарком, — продолжала его сестра, — но зато я вышила тебе в школе красивые подтяжки.

— Бог мой, Амелия! — воскликнул брат, совершенно испуганный. — Помилуй, о чем ты говоришь!

И он схватился за сонетку с такой яростью, что эта принадлежность домашнего комфорта осталась у него в руке, и это обстоятельство еще более увеличило смущение бедного малого.

— Посмотри, ради бога, подан ли мой бегги?¹ Я не могу ждать дольше, мне надо ехать! Прокл... грум! Ведь мне надо ехать!

В это мгновение в комнату вошел отец Амелии, побрякивая печатями на часах, как подобает истинному британскому купцу.

— В чем дело, Эмми? — спросил он.

— Джо желает, чтобы я посмотрела, подан ли его... бегги... Что такое бегги, папенька?

— Это одноконный паланкин, — ответил старый джентльмен, который не прочь был пошутить на свой лад.

При этом пояснении Джозеф дико расхохотался, но, встретившись взглядом с Ребеккой, внезапно умолк, словно в него выстрелили.

— Эта молодая особа — твоя подруга?.. Мисс Шарп, счастлив вас видеть! Видно, вы и Эмми уже успели поссориться с Джозефом, судя по тому, что он собирается удирать!

— Я обещал моему сослуживцу Бонами отобедать с ним, — оправдывался Джозеф.

— Полно! Ведь ты же сказал вчера матери, что обедаешь с нами!

— Но это совершенно невозможно — в таком костюме!

— Взгляните на него, мисс Шарп, разве он недостаточно хорош, чтобы обедать где угодно?

Тут мисс Шарп переглянулась с подругой, и они разразились громким смехом, доставившем старику большое удовольствие.

— Видывали ли вы когда-нибудь у мисс Пинкертон такие лосины? — продолжал донимать сына старик.

— Господи, боже мой! Да что же вы это, батюшка!

— Ага, видно, я задел за живое! Миссис Седли, моя дорогая, я оскорбил чувствительность твоего сына: я затронул его лосины! Спроси мисс Шарп! Ну, полно, Джоз! Будьте с мисс Шарп друзьями и пойдемте обедать!

— Сегодня у нас пилав², такой, как ты любишь, Джозеф, а отец привез самую лучшую камбалу, какую только можно было найти в Биллингстэте...

— Пожалуйста, пожалуйста, сэр! Иди вниз с мисс Шарп, а я последую за вами с этими двумя молодыми особами! — сказал отец и, ухватив под руки жену и дочь, весело двинулся вниз.

¹ *Бегги* — легкий двухколесный экипаж с откидным верхом.

² *Пилав* — блюдо из риса (гарнир), распространенное на Востоке.

Я не думаю, сударыни, чтобы мы имели право порицать Ребекку Шарп за то, что она решила покорить толстого красавца. Правда, задача уловления женихов обыкновенно скромно возлагается юными особами на их маменек, но не забудьте, у мисс Шарп не было любящих родителей, которым она могла бы поручить это щекотливое дело, и, если бы она не выискивала сама себе жениха, вряд ли во всем обширном мире нашелся кто-нибудь, кто принял бы на себя эту заботу.

Что побуждает молодых особ к выездам в свет, как не благородное стремление к замужеству? Что заставляет их толпами стекаться на минеральные воды? Что поощряет их выплясывать до пяти часов утра в течение многих «мертвых» сезонов? Что заставляет их трудиться в поте лица над сонатами, разучивать романсы у модного учителя пения, платя ему по гинее за урок, и играть на арфе, если им даны красивые ручки и изящные локотки? Что побуждает их украшать себя нелепыми шляпами и перьями? Да все один и тот же умысел: победить с помощью всех этих стрел и луков желанного молодца и сделать выгодную партию.

А что заставляет почтенных родителей снимать ковры, ставить вверх дном свои дома и убивать пятую часть своего годового дохода на балы, ужины и замороженное шампанское? Неужели ими руководит бескорыстное расположение к себе подобным и действительное желание видеть молодежь счастливой и танцующей? Отнюдь нет! Они хотят выдать замуж своих дочерей! Подобно тому, как честная миссис Седли уже слагала в тайниках своего нежного сердца тысячу планов устройства судьбы своей Амелии, так и наша милая, но не имевшая покровителей Ребекка решила приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить себя мужем, который был нужен ей гораздо более, нежели ее подруге.

Ребекка отличалась живым воображением; к тому же она читала «Тысячу и одну ночь» и «Географию» Гутри, поэтому, разведав у Амелии о богатстве ее брата, она, одеваясь к обеду, уже строила воздушные замки, где сама становилась полномочной властительницей, при супруге, пребывающем где-то на заднем плане (не видя еще Джоза, она не могла представить себе его образ с достаточной отчетливостью). Она уже облачалась в шали и тюрбаны, украшала себя бриллиантовыми ожерельями, взбиралась на слона и отправлялась под звуки марша из «Синей Бороды» с торжественным визитом к Великому Моголу. Очаровательные грезы Альнашара!¹ Таково завидное преимущество молодости — созидать себе вас! И, помимо Ребекки, многие молодые существа предаются подобным мечтаньям.

Джозеф Седли был двенадцатью годами старше Амелии. Он состоял на гражданской службе Ост-Индской компании, и в описываемую пору его фамилия была показана в «Ост-индской памятной книжке» под рубрикой «Бенгалия». Он занимал должность заведующего округом Боггли-Уолла, а всякому известно, что эта должность и прибыльная и почтенная. Если читатель пожелает узнать дальнейшие его подвиги по службе, он может обратиться к той же «Памятной книжке».

Боггли-Уолла находится в красивой, уединенной, болотистой местности, изобилующей джунглями и славящейся охотой на бекасов; однако там не редкость спугнуть и тигра. Рамгундж, где проживает судебный чиновник, расположен в 40 милях

¹ Альнашар — персонаж сказок «Тысяча и одна ночь». Получив в наследство деньги, он покупает стеклянную посуду и, замечтавшись о том, как он разбогатеет от продажи этой посуды, неловким движением разбивает ее.

от Боггли-Уолла, а еще дальше, на расстоянии следующих 30 миль, находится кавалерийский пост, — так, по крайней мере, писал Джозеф родителям, вступив в заведение округом. В этом очаровательном уголке Джозеф провел восемь лет, одиноко и почти не видя христианского лица, если не считать тех двух случаев в году, когда в Боггли-Уолла наезжает военный отряд, доставляющий в Калькутту подати, собираемые Джозефом.

По счастью, он схватил болезнь печени и для лечения ее должен был вернуться в Европу, что и послужило ему поводом для всяческих развлечений и удовольствий у себя на родине. Он поселился в Лондоне на отдельной от родителей квартире, как и подобало веселому молодому холостяку. До отъезда в Индию он был еще слишком юн, чтобы принимать участие в восхитительных развлечениях, доступных столичным жителям; по возвращении же он предался им с большим усердием. Он объезжал собственных лошадей в Парке, обедал в модных ресторанах (тогда еще не существовал Восточный клуб), был, следуя тогдашней моде, завсегдатаем театров и показывался в опере, затянутый в вечерний костюм и с треуголкой под мышкой.

Возвратившись снова в Индию, и вообще с тех пор, он с величайшим восхищением и увлечением рассказывал о развлечениях этой поры своей жизни, давая понять, что он да Браммел¹ являлись законодателями современной моды. В действительности же Джозеф оставался в Лондоне столь же одинок, как и в джунглях Боггли-Уолла. Он почти никого не знал в столице, и если бы не доктор, страдание печени и ртутные пилюли — бедняга совсем бы погиб от одиночества.

Он был ленив, брюзглив и любил хорошо пожить; женское общество устрашало его чрезвычайно, поэтому он редко показывался у родителей в Рессель-сквере; веселия там было вдоволь, но шутки добродушного старика отца задевали его самолюбие. Усиливающаяся полнота наводила Джоза на тревожные мысли; от времени до времени он предпринимал даже отчаянные попытки избавиться от лишнего жира, но лень и любовь хорошо покушать скоро брали верх над его усилиями изменить обычный строй жизни, и он возвращался к изобильным трапезам три раза в день. Он никогда не бывал хорошо одет, несмотря на все усилия разукрасить свою грузную особу; за этим занятием он проводил ежедневно долгие часы. Камердинер Джозефа составил себе целое состояние на его гардеробе, а его туалетный стол был уставлен всевозможными эссенциями и помадами, какие пускаются в ход разве стареющими красотками; чтобы улучшить свою талию, Джозеф перепробовал все бандажи, корсеты и пояса, какие только тогда изобретались. Как и большинство толстяков, он особенно тяготел к узкому платью и всегда был озабочен выбором для своего костюма возможно ярких цветов и юношеского покроя.

Завершив наконец свой туалет, он в одиннадцать часов отправлялся верхом в Парк; вернувшись оттуда, он переодевался вновь и ехал, все в том же одиночестве, обедать в модную кофейню «Пьяцца». Он был тщеславен, как молодая девушка, и самая робость его была, может быть, лишь следствием его чрезмерной суетности. Таким образом, если бы мисс Ребекке удалось приручить его при первом своем вступлении в свет, она проявила бы себя особой с умом недюжинным.

Первое наступление было проведено с большим искусством. Называя Джозефа красивым, она была уверена, что Амелия перескажет это матери, а та, по всей веро-

¹ *Джордж Браммел* (1778–1840) — знаменитый английский щеголь.

ятности, передаст это Джозефу и, во всяком случае, будет польщена похвалой своему сыну. Ведь все матери на один покрой; скажите хотя бы Сикораксе¹, что сын ее Калибан красив, как Аполлон, — это порадует и ее, какая бы она не была ведьма. Наконец, и сам Джозеф мог расслышать комплимент, да он его и слышал, конечно; он считал себя в глубине души красивым мужчиной, и эта похвала преисполнила усладой все фибры его грузной особы. Однако, он тотчас же и усомнился. «Не издевается ли надо мной эта девчонка?» — подумал он.

Тут-то он и схватился за сонетку и обратился бы в бегство, если бы шутки отца и упрашивания матери не остановили и не понудили его остаться. Он повел молодую девушку к столу в сомнениях и тревоге. «Неужели она действительно считает меня красивым? — спрашивал он себя. — Может быть, она только посмеялась надо мной?»

Мы уже заметили, что Джозеф Седли был тщеславен, как молодая девушка. Да простит нам бог! Молодые девушки могут перевернуть это изречение, сказав о какой-нибудь своей сестре: «Она тщеславна, как мужчина!» — и тоже окажутся совершенно правы. Брадатые существа так же падки до похвал, так же заняты своим туалетом, так же горды своими личными преимуществами и так же уверены в могуществе своего очарования, как и любая светская кокетка.

Итак, они спустились вниз: Джозеф — красный и смущенный, Ребекка — скромно потупив свои зеленые глаза. Она была вся в белом, с белыми как снег обнаженными плечами и являла собою воплощение юности, беззащитной невинности и смиренной девственной простоты. «Мне следует держать себя совершенно спокойно, — думала она, — и как можно больше интересоваться Индией!»

Мы уже слышали, что миссис Седли приготовила для сына чудесное керри, совсем по его вкусу. И вот за обедом это кушанье было подано и Ребекке.

— Что это? — обратилась она с вопрошающим взглядом к Джозу.

— Великолепная вещь! — пробормотал тот с полным ртом, причем физиономия его побагровела от испытываемого удовольствия. — Это керри, матушка, не уступит индийскому!

— О, я должна попробовать это кушанье, если оно индийское! — сказала Ребекка. — Мне кажется, все, что идет из Индии, — прекрасно!

— Положи мисс Шарп немножко керри, моя дорогая! — обратился к жене мистер Седли, ухмыляясь. — Мисс Ребекка, по-видимому, никогда не пробовала керри. Действительно ли оно так хорошо, как и все, идущее из Индии?

— О, превосходно! — храбрилась Ребекка, хотя и испытывала отчаянные страдания от кайенского перца.

— Вы прибавьте туда чуточку чили!² — советовал Джозеф, искренно заинтересованный.

— Чили? — спросила Ребекка, задыхаясь.

— Ну да!

Ребекка решила, что «чили» — какая-нибудь смягчающая приправа к этому острому кушанью.

¹ *Сикоракса* — колдунья, мать Калибана, получеловека-получудовища, в пьесе В. Шекспира «Буря».

² Испанский жгучий перец в стручках.

— Как свежа эта зелень! — сказала она, кладя стручок в рот.

Но — увы! — он оказался еще более едким, нежели керри, она не могла вытерпеть и положила вилку.

— Воды, ради бога, воды! — крикнула она.

Мистер Седли расхохотался, — он был человек неотесанный и воспитание получил на бирже, где привыкли к шуткам еще и горшего свойства.

— Уверяю вас, это самый настоящий индийский чили! — утешил он Ребекку. — Самбо, подай мисс Шарп воды!

Родительский смех заразил и сына, шутка показалась ему весьма забавной. Дамы только слегка улынулись, они видели, что Ребекке она обошлась не дешево. Сама Бекки готова была задушить старика. Но она проглотила насмешку, как керри, и сказала, когда к ней вернулась способность говорить, с добродушным и шаловливым видом:

— Мне следовало бы вспомнить о том перце, каким персидская принцесса в «Тысяче и одной ночи» посыпает сливочное пирожное... Кстати, мистер Седли, кладут ли у вас в Индии перец в сливочное пирожное?

Старый Седли расхохотался вновь и решил про себя, что Ребекка — славная девочка.

Джоз ответил:

— В сливочное пирожное? У нас в Бенгалии сливки вообще недоброкачественны, и мы обыкновенно употребляем козье молоко. И, знаете, теперь я предпочитаю его сливкам!

— Ну-с, мисс Шарп, пожалуй, теперь вы не станете утверждать, что все, идущее из Индии, прекрасно? — засмеялся старик.

Когда же дамы удалились после обеда в гостиную, коварный старик заметил сыну:

— Смотри, Джоз, берегись! Девочка-то, кажется, начинает на тебя охоту!

— Ба, пустяки! — воскликнул Джоз, весьма польщенный. — Помню, у нас, в Думдуме, была одна молодая особа, дочь артиллериста Кетлера, потом она вышла замуж за хирурга Ланса... Так вот она и вздумай делать на меня стойку — на меня и на Мулигатауни, о котором я вам вчера рассказывал перед обедом... Чертовски славный малый, этот Мулигатауни! Он у нас судьей в Бьюдж-Бьюдже, а лет через пять наверное попадет в совет... Так вот, артиллеристы давали бал, и Квентин — четырнадцатого полка — и говорит мне: «Бьюсь об заклад, что раньше чем польют дожди, Софи Кетлер словит на крючок либо тебя, либо Мулигатауни!» «Идет!» — сказал я, и вот... А кларет-то ваш недурен, батюшка. Где вы брали — у Адамсона или у Карбонеля?

Легкий храп был на это ответом. Почтенный биржевик уснул, и, таким образом, история Джоза осталась на этот раз недосказанной. Джозеф был чрезвычайно словоохотлив в мужской компании и замечательный этот рассказ не раз уже поверял доктору Голлопу, когда тот заезжал к нему осведомиться о состоянии его печени и действиях ртутных пилюль.

В качестве больного Джозефу Седли пришлось ограничиться, сверх выпитой за столом мадеры, только бутылкой кларета; он закусил его двумя полными тарелками земляники со сливками и двумя дюжинами сладких пирожков, оставленных на блюде, причем мысли его (романисты обладают привилегией всеведения) были заняты находившейся наверху девушкой.

«Приветливое, миловидное, веселое существо! — думал он. — А как она посмотрела на меня, когда я поднял ей платок! Она его два раза роняла!.. Кто это поет в гостиной? Черт возьми, пойти взглянуть?»

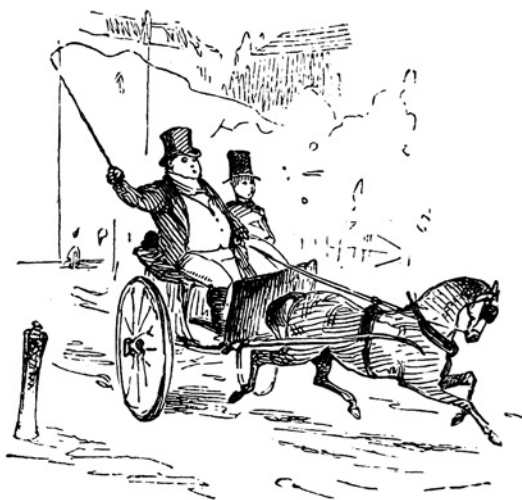
Но тут застенчивость овладела им с непобедимой силой. Отец его спал, шляпа Джоза находилась в прихожей, а карету всегда можно было найти поблизости, на Саутгэмптон-роу.

— Отправляюсь-ка я лучше посмотреть «Сорок разбойников»! — сказал он себе. — Кстати, сегодня танцует мисс Декан...

Он потихоньку, на цыпочках, прокрался в сени и исчез, не нарушив сновидений своего достойного родителя.

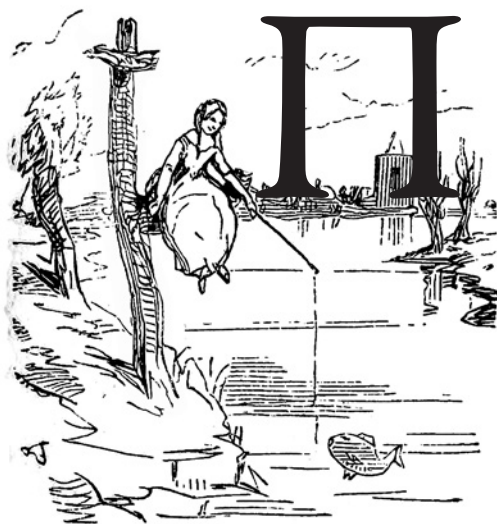
— Вон идет Джозеф! — сказала Амелия, поглядывавшая на улицу из окна гостиной, в то время как мисс Ребекка распевала, аккомпанируя себе на фортепьяно.

— Это вы его спугнули, мисс Шарп! — заметила миссис Седли. — Бедный Джоз! И отчего он такой робкий!

ГЛАВА IV

Зеленый шелковый кошелек

анический страх бедного Джоза продолжался два или три дня, и в течение этого времени он не показывался в родительском доме, а мисс Ребекка не произносила его имени. Она вся обратилась в почтительную признательность к миссис Седли, восхищалась выше всякой меры магазинами и была унесена вихрем восторга в театре, куда ее взяла добрая леди.

Однажды Амелия, страдавшая головной болью, не могла поехать на вечеринку, куда были приглашены обе девушки, и ничто не могло убедить ее подругу отправиться без нее.

— Оставить вас, впервые показавшую бедной сироте, что такое любовь и счастье! О, никогда, никогда!

Зеленые глаза обратились к потолку и наполнились слезами, и миссис Седли должна была признать, что подруга ее дочери действительно обладает добрым сердцем.

На шутки мистера Седли-старшего Ребекка отвечала продолжительным и искренним смехом, чем весьма трогала и тешила доброго старика.

И не только одних хозяев дома снискала расположение мисс Шарп. Она заручилась участием экономки миссис Бленкинсон, обнаружив свое глубокое преклонение перед ее искусством изготовлять малиновое желе, каковая операция производилась в ту пору в комнате последней; обращаясь к Самбо, Бекки неукоснительно называла его «сэр» и «мистер Самбо», к восторгу этого слуги. Она извинялась перед горничной за беспокойство, причиняемое ей звонком, и все это она проделывала с такой любовью и смирением, что все в людской были ею очарованы так же, как и в гостиной. Однажды, пересматривая рисунки, присылаемые Амелией из пансиона домой, Ребекка вдруг разрыдалась над одним из них и была принуждена выйти из комнаты. Это случилось как раз в тот день, когда Джоз появился у них вторично.

Амелия бросилась за подругой узнать причину ее горести; добрая девушка вернулась одна, совсем растроганная.

— Вам известно, маменька, что отец ее был нашим учителем рисования, и он любил сам выполнять наиболее эффектные места на наших рисунках...

— Вот как! Я этого не знала: мисс Пинкертон всегда говорила, что учитель не прикасается к вашим рисункам, а только монтирует их...

— Ну, да, маменька, это-то и называлось у нас монтировкой, отделкой... Так вот, Ребекка узнала рисунок и вспомнила, как работал над ним ее отец. Это воспоминание встало перед ней так внезапно, что... Ну, вы понимаете.

— Бедное дитя! Какое нежное сердце! — сказала миссис Седли.

— Мне хотелось бы, чтобы она погостила у нас еще недельку! — сказала Амелия.

— Мисс Шарп адски похожа на мисс Кетлер, с которой я часто встречался в Думдуме, только красивее той... Она теперь замужем за Лансом, артиллерийским лекарем... Однажды Квентин, четырнадцатого полка, предложил мне...

— О, Джоз, мы уже слышали эту историю! — сказала, смеясь, Амелия. — Оставь ее до другого раза, а теперь попроси лучше маменьку написать этому... сэру... как его... Кроули!..

— Не было ли у него сына-драгуна в Индии?

— Напиши ему, чтобы он позволил Ребекке остаться у нас еще немного! Да вот и она сама, бедненькая! Какие у нее заплаканные глаза!

— Ничего... Теперь уже прошло... — произнесла гостя с самой сладкой улыбкой и, взяв протянутую ей доброй миссис Седли руку, почтительно ее поцеловала. — Как вы все добры ко мне! Все, — прибавила она, смеясь, — кроме вас, мистер Седли!

— Кроме меня? — воскликнул Джозеф, подумывая, не обратиться ли ему немедленно в бегство. — Праведное небо! Бог мой, мисс Шарп!

— Ну, конечно! Не жестоко ли было с вашей стороны угостить меня в первый же день нашего знакомства этим ужасным перечным кушаньем! Вы далеко не так добры ко мне, как милая Амелия!

— Он вас еще не так хорошо знает! — воскликнула Амелия.

— Я презирала бы каждого, кто был бы недостаточно добр к вам, моя дорогая, — заметила мать Эмми.

— Кушанье было превосходно, уверяю вас! — оправдывался Джоз совершенно серьезно.

— Может быть, в нем было недостаточно лимонного сока...

— А чили?

— Бог мой, как вы от него плакали! — сказал Джозеф, вспомнив вдруг смешную сторону происшествия, и разразился громким хохотом, который и оборвал внезапно, по обыкновению.

— Вперед я буду осмотрительней, и еще вопрос — позволю ли я вам выбирать мне что-нибудь за столом, — говорила Ребекка, спускаясь опять с Джозефом к обеду. — Я никак не думала, чтобы мужчины так любили мучить незащищенных девушек!

— Клянусь вам, мисс Ребекка, я ни за что на свете не хотел бы огорчить вас!

— Верю, верю, мистер Джозеф! Я знаю, что это не так!

И с этим она нежно пожала ему руку своей маленькой ручкой, но тотчас же отдернула ее, как бы испугавшись, и, заглянув ему на мгновение в лицо, сейчас же опустила

глаза; и я не могу сказать с уверенностью, что сердце Джоза не забилося сильнее при этом мимолетном, робком и непроизвольном проявлении симпатии со стороны простосердечной девушки.

Это был вызов. Некоторые безукоризненные в своей корректности и строгом понимании приличий дамы найдут, конечно, этот поступок нескромным, но вы знаете, бедной Ребекке приходилось выполнять для себя всю черную работу самой. Подобно тому, как иной щеголь, несмотря на все свое изящество, сам подметает свою комнату, не имея, по бедности, возможности содержать слугу, так и невинная девушка, не имеющая матери, которая наладила бы ее дело с молодым человеком, бывает принуждена браться за это сама. Но какое счастье, что слабые создания не пробуют слишком часто своих сил в этом направлении! Ведь мы не можем устоять перед ними, если они за нас принимаются! Выкажи они немного расположения — и мужчина сейчас же бросается перед ними на колени, будь они стары и уродливы, все равно! Вот вам неоспоримая истина: при благоприятной обстановке женщина, если она не безобразная горбунья, всегда сумеет женить на себе, кого захочет. Поэтому нам только и остается благодарить создателя за то, что прелестные создания до некоторой степени напоминают рабочую скотинку в поле и не разумеют своей силы; почувствуй они ее — и мы будем вконец порабощены!

— Положительно, — размышлял Джозеф, вступая в столовую, — я начинаю испытывать буквально то же, что и тогда, в Думдуме, к мисс Кетлер!

Ребекка беспрестанно требовала от Джозефа маленьких услуг, неизбежных за столом, причем делала это полунежным, полушутливым тоном. К тому времени она была уже в совершенно дружеских отношениях с семейством мистера Седли, с Амелией же они любили друг друга, как сестры. Так всегда бывает с молодыми девушками — для этого им достаточно пожить под одной кровлей десять дней.

Как бы призванная всячески содействовать преуспеянию планов Ребекки, могла ли Амелия поступить иначе, как не напомнить брату о его обещании, данном еще на Пасху, — «когда я была маленькой!», — сказала она смеясь, — свозить ее в Воксхолл¹.

— Теперь, — прибавила она, — когда Ребекка с нами, самое удобное время!

— О, как это чудесно! — воскликнула Ребекка; она хотела было всплеснуть руками, однако, призвала себя к порядку и вовремя остановилась, как это и подобало скромной молодой девице, какой она была.

— Пожалуй, — ответил Джозеф, — только не сегодня!

— Ну, так завтра!

— Завтра мы с вашим отцом не обедаем дома, — сказала миссис Седли.

— Неужели же вы думаете, что я поеду в Воксхолл? — сказал ее муж. — И разумно ли особе твоего возраста и комплекции подвергать себя опасности схватить простуду в таком отвратительном сыром месте!

— Однако же кто-нибудь должен сопровождать детей! — воскликнула миссис Седли.

— Пусть едет Джоз, — сказал отец, смеясь, — он достаточно большой для этого!

При этом замечании мистер Самбо, стоявший у буфета, расхохотался, а бедный толстяк Джоз почувствовал в себе склонность сделаться отцеубийцей.

¹ Воксхолл-Гарденс — увеселительный сад в Лондоне, одно из главных мест общественного отдыха и развлечений с середины XVII до середины XIX в.

— Распустите ему шнуровку! — продолжал безжалостный старый джентльмен. — Плесните ему воды в лицо, мисс Шарп, или, еще лучше, унесите его наверх, он сейчас упадет в обморок! Бедняжка! Тащите его живо наверх, он легкий, как пушинка!

— Будь я проклят, коли это можно выносить дольше! — проревел Джозеф.

— Самбо, вели скорей подать мистеру Джозефу слона! — воскликнул отец. — Сбегай за ним на ближайшую биржу!

И, видя наконец, что раздражил Джозефа чуть ли не до слез, старый шутник перестал смеяться и, протягивая сыну руку, сказал:

— Ну, полно, полно, Джоз! Спокойствие! Самбо, отменить слона! Лучше дай-ка мне и мистеру Джозефу глоточек шампанского! У самого Бони¹ в погребе не найдешь такого, мой мальчик!

Бокал шампанского восстановил нарушенное спокойствие Джозефа, и, раньше чем опорожнилась бутылка, из которой ему, в качестве больного, пришлось две трети, он изъявил согласие свозить девиц в Воксхолл.

— Девочкам следовало бы иметь каждой по кавалеру, — сказал старый мистер Седли. — Джоз наверное потеряет в толпе Амелию, — он будет занят мисс Шарп... Пошлите-ка в девяносто шестой номер, к Джорджу Осборну, узнайте, не поедет ли он?

При этом, совсем не зная почему, миссис Седли посмотрела на своего супруга и засмеялась; глаза мистера Седли блеснули чрезвычайно плутовски, и он взглянул на Амелию, последняя же опустила голову и покраснела так, как краснеют только семнадцатилетние девушки и как мисс Ребекка не краснела если не за всю свою жизнь, то, во всяком случае, с тех пор, как будучи восьмилетней девочкой, была застигнута крестной матерью, когда собиралась стащить варенье из шкафа.

— Пусть лучше Амелия напишет Джорджу записку, — посоветовал отец. — Пусть Джордж Осборн увидит, какой красивый почерк мы привезли от мисс Пинкертон... Помнишь, Эмми, как ты написала, приглашая его на крещение — ты написала «встретить» через «ф»!

— Но ведь это было много лет тому назад! — оправдывалась Амелия.

— А мне кажется, будто это было вчера... Не правда ли, Джон? — обратилась миссис Седли к мужу.

В эту же ночь, в одной из комнат второго этажа, под пологом из богатого, в индийском вкусе ситца, подбитого розовым миткалем², на пуховой кровати с двумя изголовьями, шла беседа: разговаривали два румяных и круглых лица, одно в кружевном чепце, другое в простом бумажном колпаке, увенчанном кисточкой; миссис Седли выговаривала мужу за его бессердечное обращение с бедным сыном.

— Право, мой друг, это было очень жестоко с твоей стороны — мучить так бедного мальчика!

— Послушай, душа моя, — возразил бумажный колпак в защиту своего поведения. — Даже ты сама никогда не была так тщеславна, а этим много сказано! Правда, лет тридцать тому назад, в тысяча семьсот восемьдесят — не помню точно, в котором — году, у тебя и были для этого некоторые основания, я этого не отрицаю. Но

¹ *Бони* — презрительное прозвище Наполеона Бонапарта.

² *Миткаль* — дешевая бумажная ткань разных сортов.

меня выводит из себя его кривлянье! Он только и думает о том, как он великолепен! Попомни мои слова, мы с ним не оберемся хлопот! Вот теперь эта подружка Эмми старается по мере сил поймать его — для меня это ясно! Этому молодцу суждено стать добычей какой-нибудь бабенки, это так же верно, как то, что я каждый день бываю на бирже! Еще слава богу, что он не вывез нам из Индии черномазой невестки! Запомни мои слова: первая же вертушка, закинувшая на него удочку, подденет его на крючок!

— Эта лукавая девчонка завтра же оставит наш дом! — заявила решительно миссис Седли.

— Зачем, мой друг? Почему нашей невесткой быть не ей, а какой-нибудь другой? Хорошо уж и то, что девчонка белолица! Мне совершенно безразлично, кто бы ни пошел за него, пускай делает, что ему нравится!

Тут разговор смолк, или, вернее, сменился легким, хотя и отнюдь не романтическим храпом, и в доме Джона Седли, эсквайра в Рессель-сквере, воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь иногда боем церковных часов да переключкой ночных сто-рожей.

С наступлением утра добрая миссис Седли и не подумала выполнить свои ночные угрозы в отношении мисс Шарп. И хотя едва ли что-либо может быть законнее, естественней и беспощадней, нежели материнская ревность, миссис Седли не допускала мысли, чтобы эта маленькая, смиренная и благодарная гувернантка осмелилась иметь виды на столь великолепную особу, как сборщик податей в Боггли-Уолла. При-том просьба о продлении отпуска Ребекки была уже отослана, и теперь было бы трудно найти какую-нибудь причину для внезапного ее удаления.

Казалось, все в мире складывалось в пользу Ребекки, и даже самые стихии приходи-ли ей на помощь, хотя поначалу Ребекка не слишком замечала их благожелательно-го вмешательства в ее судьбу.

В тот день, когда молодежь собралась ехать в Воксхолл, Джордж Осборн явил-ся к обеду, а старики Седли отправились на банкет к альдерману Больсу и Гайбери Барн. И тут разразилась одна из тех гроз, какие случаются специально затем, что-бы расстроить задуманную увеселительную поездку. Однако мистер Осборн, ка-залось, несколько не был опечален этой неудачей. Он и Джозеф Седли распили вдвоем в столовой порядочную порцию портвейна, и Джоз воспользовался этим случаем, чтобы рассказать множество любопытных историй из своих индийских приключений. В мужском обществе он был, как мы уже говорили, весьма слово-охотлив. А затем мисс Амелия Седли принимала их, на правах хозяйки, в гости-ной, и все четверо провели вечер очень приятно, по общему отзыву, и скорее были рады грозе, заставившей их остаться дома и отложить посещение Воксхолла до другого раза.

Джордж Осборн, крестник старика Седли, был постоянным членом семейства последнего в течение всей своей двадцатитрехлетней жизни. Шестинедельным мла-денцем он получил от мистера Седли в подарок серебряный бокал, шести месяцев — коралловую погремушку с золотой свистулькой и колокольчиками, и потом, в про-должение всего его детства и юности, крестный отец снискивал его расположение прекрасными рождественскими подарками. Он отлично помнил, как однажды, пе-ред отъездом в школу, его, десятилетнего дерзкого увальня, оттузил Джозеф, бывший тогда здоровым хвастливым подростком. Короче говоря, Джордж был близок к семье

Седли настолько, насколько этому способствуют ежедневные проявления дружбы и постоянные встречи.

— Помнишь, Седли, как ты бесился, когда я срезал кисточки у твоих ботфортов, и как мисс... как маленькая Эмми спасала меня от твоих кулаков, как она бросилась на колени и умоляла брата Джоза не колотить маленького Джорджи!

Джоз отлично помнил это замечательное событие, однако божился, что совершенно его забыл.

— Ну, а помнишь, как ты приехал в джиге, перед отъездом в Индию, проститься со мной к доктору Суиштейлю, как подарил мне полгиней и съездил меня при этом по голове? У меня всегда было такое представление о тебе, будто ты по крайней мере семи футов ростом, и я был очень поражен, когда по твоём возвращении оказалось, что ты не выше меня!

— Как это было мило со стороны мистера Седли — приехать в школу проститься с вами и подарить вам деньги! — воскликнула Ребекка в полном восхищении.

— Особенно после того, как я срезал ему кисточки на ботфортах! Ведь школьники никогда не забывают ни колотушек, которыми их дарят, ни тех, кто их дарит.

— Мне страшно нравятся ботфорты! — призналась Ребекка.

Джоз Седли, чрезвычайно гордившийся своими ногами и постоянно носивший эту высокую франтовскую обувь, был немало польщен этим замечанием, хотя и запрягал ноги под кресло, лишь только Ребекка коснулась этого предмета.

— Мисс Шарп, — сказал Джордж Осборн, — отчего бы вам, обладающей таким прекрасным талантом, не сделать из этой сцены с сапогами большой исторической картины! Седли должен быть изображен в лосинах, в одной руке у него обезображенный ботфорт, другая впиалась в воротник моей рубашки. Амелия же стоит перед ним на коленях, воздымая руки к небу. Под картиной можно поместить пышную аллегорическую надпись, вроде тех, какие бывают в старинных книжках и азбуках.

— Здесь я не успею этого сделать... Лучше потом, когда уеду... — сказала Ребекка. Тут голос ее упал, и сама она так приуныла и затуманилась, что все почувствовали участие к ее судьбе и сожаление при мысли о разлуке с ней.

— Ах, если бы вам можно было остаться у нас подольше, дорогая Ребекка! — воскликнула Амелия.

— Зачем? — возразила Ребекка еще грустнее. — Для того чтобы почувствовать себя еще более несча... огорченной, когда наступит момент покинуть вас?

И она отвернулась. Тут Амелия уступила врожденной слабости к пролитию слез, которая, как мы уже отмечали, составляла один из недостатков этого глупенького маленького создания. Джордж Осборн посмотрел на обеих девушек с сочувственным любопытством, а из мощной груди Джозефа вырвалось что-то похожее на вздох, и он погрузился в созерцание своих излюбленных ботфортов.

— Сыграйте нам что-нибудь, мисс Седли... Амелия! — сказал Джордж, почувствовав в это мгновение необыкновенное, почти непреодолимое желание прижать к груди молодую девушку и расцеловать ее при всем обществе. Амелия взглянула на Осборна. Я, конечно, буду неправ, если скажу, что молодые люди полюбили друг друга именно с этого момента. Их родители, воспитывая их, преследовали именно эту цель, и в обеих семьях в течение последних десяти лет считалось, что они помолвля-

ны. Они направились к фортепьяно, находящемуся, как это обыкновенно принято, в небольшой гостиной, и, так как было уже довольно темно, Амелия самым естественным образом вложила свою руку в руку Осборна, который, разумеется, мог лучше нее разглядеть путь среди кресел и диванов. Это обстоятельство привело к тому, что Джордж Седли очутился с глазу на глаз с Ребеккой, занимавшейся у стола вязаньем зеленого шелкового кошелька.

— Мне едва ли приходится справляться о вашей семейной тайне, — произнесла мисс Шарп, — эта парочка сама ее выдала!

— Когда он получит роту, я полагаю, дело сладится, — ответил Джозеф. — Джордж Осборн — превосходнейший малый.

— А ваша сестра — прелестнейшее в мире создание! — сказала Ребекка. — Счастлив тот, кто завоеует ее сердце!

При этих словах мисс Шарп испустила тяжкий вздох.

Когда двое молодых лиц, не связанные еще узами брака, сходятся вместе и начинают рассуждать о столь щекотливом предмете, между ними невольно возникает некоторая интимность.

Мы не считаем нужным излагать в точности разговор, завязавшийся между мистером Седли и молодой девушкой; судя по только что приведенному отрывку, он едва ли был особенно остроумен и красноречив. Впрочем, он редко бывает таким в дружеских кругах, да и вообще где бы то ни было, за исключением высокопарных измышленных романов.

И так как рядом занимались музыкой, беседа велась вполголоса, хотя это и было излишним: соседняя чета настолько была поглощена собой, что не обратила бы внимания и на громкий разговор.

Чуть ли не впервые за всю свою жизнь мистер Седли разговаривал с особой другого пола без всякой робости и замешательства. Мисс Ребекка задавала Джозу множество вопросов относительно Индии, и это послужило Джозефу предлогом рассказать несколько любопытных анекдотов об этой стране и о самом себе. Он описал балы в губернаторском доме, о способах, какими там поддерживается прохлада во время жары, именно путем опахал и тентов; прошелся, весьма остроумно, насчет некоторых шотландцев, которым особенно покровительствовал тамошний губернатор, лорд Минто; потом Джоз описал охоту на тигров и то, как взбесившийся слон сбросил с себя однажды проводника. Как восхищалась Ребекка губернаторскими балами, как смеялась над шотландцами-адъютантами, называя мистера Седли мрачным и злым насмешником, как трепетала от ужаса при описании сцены со слоном!

— Заклинаю вас именем вашей матушки, дорогой мистер Седли, обещайте мне никогда не участвовать в этих ужасных развлечениях!

— Отчего же нет, мисс Шарп? — произнес Джозеф, оправляя воротник. — Мне кажется, опасность только увеличивает удовольствие спорта!

На самом деле Джозеф никогда не принимал участия в охоте на тигров, за исключением упомянутого случая, когда он чуть не умер — не от опасности, а от страха. По мере того как Джоз рассказывал, он становился все отважнее и наконец разошелся до того, что спросил Ребекку, кому предназначается зеленый шелковый кошелек, причем сам удивился своей смелости и восхитился своей изящной развязностью.

— Тому, кто будет нуждаться в нем, — ответила мисс Шарп, бросая на него пленительный взгляд.

Седли собрался было разразиться целой речью:

— О, мисс Шарп, как...

Но романс в другой комнате внезапно оборвался, и Джоз неожиданно услышал звук собственного голоса; он умолк, покраснел и высморкался в сильном возбуждении.

— Случалось ли вам слышать вашего брата столь красноречивым? — спросил Осборн шепотом Амелию. — Ваша подруга поистине творит чудеса!

— Тем лучше! — ответила Амелия.

Подобно всем женщинам, она была в душе свахой и заранее восхищалась мыслью, что Джоз, отправляясь в Индию, повезет с собою жену. В течение этих нескольких дней постоянного пребывания с Ребеккой, она воспламенилась к ней самой нежной дружбой и открыла в ней тысячи добродетелей и прекрасных качеств, которых вовсе не замечала в пансионе. Привязанности молодых девушек растут так же быстро, как и сказочные растения, которые в одну ночь могут достигнуть небес. Их нельзя порицать за то, что после замужества эта «жажда любви» у них ослабевает. Это не что другое, как то, что сентиментальными лицами, орудующими пышными словами, зовется «тоской по идеалу» и, говоря попросту, означает, что женщины не бывают удовлетворены, пока не заполучат мужа и детей, на которых и могут сосредоточить свои чувства, разменивавшиеся ранее по мелочам.

Истощив весь свой небольшой запас романсов и пробыв в гостинной достаточно долго, мисс Седли сочла приличным попросить и свою подругу что-нибудь спеть.

— Вы, Осборн, не стали бы слушать меня, услышав, как поет Ребекка, — сказала Амелия, отлично сознавая, что говорит неправду.

— Я заранее предупреждаю, мисс Шарп, что считаю — справедливо ли, нет ли — мисс Амелию первой певицей в мире!

— Послушайте сначала! — сказала Амелия.

Джозеф Седли проявил достаточную вежливость и понес свечи к фортепьяно. При этом Осборн намекнул, что он предпочел бы оставаться в потемках, но мисс Седли рассмеялась и отказалась составить ему компанию, и они последовали за мистером Джозефом.

Ребекка пела несравненно лучше своей приятельницы (конечно, Осборн мог оставаться при своем мнении) и на этот раз положительно превзошла себя, к удивлению Амелии, которая и не подозревала, что Бекки может быть такой превосходной исполнительницей. Ребекка спела какой-то французский романс, которого Джозеф не понял, а Осборн имел храбрость в том признаться, потом певица перешла к менее мудреным балладам, бывшим в моде лет сорок тому назад, в которых речь шла главным образом о британских морях, наших королях, бедной Сусане, голубоглазой Мери и т. п. Говорят, эти баллады не блещут достоинствами с точки зрения музыкальной, но они чрезвычайно безыскусственны и говорят бесхитростным сердцем несравненно больше, чем вся музыка Доницетти, которой нас угощают в настоящее время.

В промежутках между пением велась соответствующая чувствительная беседа, к которой прислушивался с порога Самбо, подававший чай, и восхищенная кухарка, и даже сама экономка, миссис Бленкинсоп.

Концерт завершился следующим романсом:

В болоте мрачном сиро и уныло,
Холодный ветер стонет и шумит,
Но в хижине лесной огонь пылает
И путника бездомного зовет.
Несносней для него и мрак и стужа,
Порог счастливый манит сироту,
Бредет к нему неверными шагами —
О, только б обогреться и вздохнуть!
В уютной хижине, в семье беспечной
Тепло и кров находит он на час...
Но занялась заря, и гость уходит
Один — брести куда глаза глядят...
Бреди ж, бреди, страдалец сиротливый,
Приют и ласку сыщешь в небесах!

В сущности, здесь выражались те же чувства, которые руководили Ребеккой, когда она сказала: «Когда я уеду отсюда». И вот теперь, дойдя до заключительных слов романса, низкий голос Ребекки задрожал; все поняли намек на приближающийся ее отъезд и на незащищенность ее сиротства. Джозеф Седли, обожавший музыку и обладавший нежным сердцем, был совсем растроган и приведен пением в полный восторг. Будь он поотважнее и останься Джордж Осборн и мисс Седли в другой комнате, пожалуй, холостому состоянию Джоза пришел бы конец, а наш роман никогда не был бы написан. Но тотчас же по окончании романса мисс Ребекка встала из-за фортепьяно и, взяв Амелию под руку, скрылась в полумраке смежной комнаты, а затем Джоз был отвлечен мистером Самбо, который появился с подносом, уставленным сандвичами и сладостями, сверкающими бутылками и рюмками, на каковых и сосредоточилось немедленно же внимание Джозефа. За шумным разговором молодежь не слышала, как подъехала карета, и возвратившиеся с обеда старики Седли вошли в комнату, как раз в тот момент, когда Джозеф говорил:

— Дорогая мисс Шарп, скушайте хоть ложечку желе! Это подкрепит вас после ваших продолжительных и, смею сказать, очаровательных музыкальных упражнений!

— Браво, Джоз! — прервал его тут мистер Седли.

Почуввав насмешку в хорошо знакомом голосе отца, Джоз тревожно умолк и быстро исчез.

Ему, конечно, не пришлось провести ночь без сна, в размышлениях: любит ли он или не любит мисс Шарп, — любовная страсть никогда не мешала ни аппетиту, ни непобедимой сонливости Джозефа Седли, но он не мог не думать о том, как было бы приятно, вернувшись со службы, послушать один-другой романс, и о том, какая Бекки воспитанная особа, как она бойко говорит по-французски, пожалуй, даже лучше, чем генерал-губернаторша, и какое впечатление она производила бы на калькуттских балах: — Ясно как день: бедная дурочка влюблена в меня! А что касается ее состояния, то она не беднее большинства девушек, выходящих в Индию. Право, здесь можно было бы попытаться счастья, и вряд ли из этого получилось бы что-нибудь дурное...» В таких размышлениях он заснул.

Нам ни к чему говорить, что мисс Ребекка Шарп не спала всю ночь, тревожимая мыслью: приедет ли Джозеф на другой день или нет?

И этот другой день настал, такой же неотвратимый, как и сама судьба. Джозеф явился еще до завтрака: подобной чести он дому в Рессель-сквере раньше никогда не оказывал. Джордж Осборн тоже каким-то образом очутился там, помешав Амелии в ее занятии: она писала письмо двенадцати любимейшим подругам, оставленным в пансионе. Ребекка сидела за вчерашним рукоделием. Когда бегги Джозефа остановился у подъезда, и раздался громopodobный удар в дверь, и затем сборщик податей начал свое грузное восхождение по лестнице, Осборн и мисс Седли обменялись взглядом и, лукаво улыбаясь, многозначительно посмотрели на Ребекку, которая покраснела и опустила свои пышные локоны к самому вязанью. Как забилося ее сердце, когда Джоз показался на пороге, в блестящих и скрипящих сапогах, в новом жилете, багровый под своим шарфом от зноя и душевного напряжения. Это было волнующим моментом для всех, а что касается Амелии, то она, сдается мне, взволновалась даже больше, нежели заинтересованные лица.

Самбо широко распахнул дверь и доложил о мистере Джозе; он последовал за ним, скаля зубы и неся два превосходных букета, которые этот любезник приобрел рано утром на Ковент-Гарденском рынке. Хотя эти букеты и не были столь объемисты, как те стога сена, которые наши современницы таскают в бумажных воронках, девицы пришли в восторг от подарка, поднесенного Джозефом последовательно каждой с чрезвычайно торжественным и неуклюжим поклоном.

— Браво, Джоз! — воскликнул Осборн.

— Благодарю тебя, дорогой Джозеф, — сказала Амелия, готовая расцеловать брата, если бы он это позволил (что касается меня, я ради поцелуя такого восхитительного создания, как Амелия, опустошил бы все оранжереи).

— Какие божественные, божественные цветы! — воскликнула мисс Шарп, нежно впивая аромат; она прижала букет к груди и подняла глаза к потолку как бы в экстазе. Но предварительно она успела заглянуть внутрь букета, надеясь найти там записку, но таковой не оказалось.

— А что, Седли, у вас в Бенгалии понимают язык цветов? — спросил Осборн, смеясь.

На это сентиментальный молодой человек ответил:

— Вот вздор! Я купил эти букеты у Натана. Очень рад, если они вам нравятся... Ах, Амелия, я заодно купил еще и ананас, он у Самбо. Распорядись, чтобы его подали к завтраку, это и вкусно, и освежает при теперешней жаре!

Ребекка тут же заметила, что никогда не ела ананасов и что жаждет узнать их вкус.

Разговор завязался. Не знаю, по какой причине Осборн оставил комнату, и почему-то за ним следом вышла и Амелия, — вероятно, чтобы присмотреть, как будут нарезать ананас. Таким образом, Джоз остался наедине с Ребеккой, которая опять принялась за работу, и зеленый шелк на блестящих спицах забегал под ее белыми и тонкими пальчиками.

— Как очаровательно, оч... ро... ва... тельно пели вы вчера, мисс Шарп! — начал сборщик податей. — Я чуть было не прослезился, клянусь честью!

— Это потому, что у вас доброе сердце, мистер Седли. Я полагаю, оно таково у всех Седли.

— Из-за вашей песни я всю ночь уснуть не мог, а сегодня утром, в постели, пытался и сам ее припомнить. Честное слово! Голлоп, мой врач, — вы ведь знаете, какой я жалкий инвалид, он бывает у меня ежедневно, — застал меня распеваящим, словно дрозд. Ей-богу!

— Ах, какой вы забавный! Дайте же мне вас послушать!

— Меня? Нет, мисс Шарп, лучше уж спойте вы! Дорогая мисс Шарп, спойте, пожалуйста, эту песенку!

— Только не теперь, мистер Седли, — сказала Ребекка со вздохом, — я совсем не расположена петь. К тому же я должна окончить кошелек. Не поможете ли вы мне, мистер Седли?

И, не спросив даже, чем он может ей помочь, мистер Джозеф Седли, состоящий на службе Ост-Индской компании, сейчас же уселся против молодой девушки, бросая на нее убийственные взгляды и вытянув руки умоляющим движением; они спутались зеленым шелком, который Ребекка и стала разматывать.

Осборн и Амелия, вернувшись в гостиную, застали парочку в этом романическом положении.

Мистер Джозеф Седли, состоящий на службе Ост-Индской компании, сейчас же уселся против молодой девушки, бросая на нее убийственные взгляды и вытянув руки умоляющим движением; они спутались зеленым шелком, который Ребекка и стала разматывать

Но зеленый шелк был весь намотан на сложенную игральную карту, а Джозеф так и не решился высказаться.

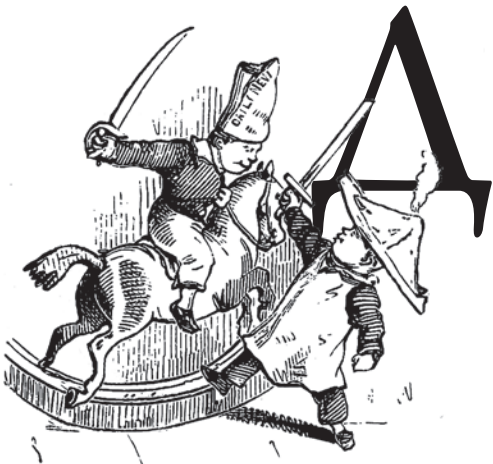
— Я уверена, дорогая моя, что он сделает это вечером, — утешала Ребекку Амелия, пожимая ей руки.

Седли же говорил себе: «Ей-богу, брякну ей в Воксхолле предложение!»

ГЛАВА V

Наш Доббин

рака Кеффа с Доббином и неожиданные ее результаты надолго останутся в памяти молодых людей, воспитывавшихся в знаменитой школе доктора Суиштейля.

Доббин, к которому обыкновенно обращались с окликом: «Эй ты, Доббин!» или «Ах ты, Доббин!», прилагая к его фамилии прозвища, выражающие презрение, был самым тихим, самым неуклюжим и как будто самым тупым из всех джентльменов, состоящих на попечении доктора Суиштейля.

Родитель его был бакалейный торговец в Сити, и ходили слухи, что мальчик принят в школу Суиштейля на условии

«взаимных обязательств», то есть что расходы по содержанию и обучению Доббина будут возмещаться не деньгами, а товаром. Таким образом, сын бакалейного торговца и обрелся там, правда, в качестве отщепенца, в грубой куртке и коротких штанах, разлезавшихся по швам на коренастом мальчике, как живое воплощение определенного количества фунтов чая, свечей, сахара, мыла для стирки, изюма (который в умеренном количестве шел на пудинги, подаваемые воспитанникам) и всякой другой бакалеи.

Ужасен был тот день для юного Доббина, когда один из младших школьников, посланный товарищами потихоньку в город за леденцами и колбасой, наткнулся на фургон с вывеской «Доббин и Редж, продавцы колониальных товаров и масла на Темз-стрит в Лондоне», выгрузивший у школьной кухни товар этой фирмы.

После этого молодой Доббин лишился всякого покоя. На него посыпались беспощадные насмешки.

— Алло, Доббин! — восклицал один. — Чудесные вести в газетах: цена на сахар поднимается!

Другой предлагал задачу:

— Если фунт сальных свечей стоит $7\frac{1}{2}$ пенсов, какова цена Доббину?

Это вызывало восторженный рев в толпе юных сорванцов и их дядек и всех тех, кто считал торговлю в мелочной лавке за позорное и постыдное ремесло, заслуживающее презрения и насмешки со стороны всякого уважающего себя джентльмена.

— Но ведь и ваш батюшка только купец, Осборн! — заметил Доббин, разговаривавший с глазу на глаз с тем именно мальчуганом, который навлек на него вышеизложенные преследования. На это мальчик гордо возразил:

— Мой отец — джентльмен и ездит в собственной карете!

И Уильям Доббин тотчас же ушел в отдаленный сарай в школьном саду, чтобы провести свободные часы в грусти и унынии. Кто из нас не помнит подобных часов горькой, горькой детской печали? Кто весь сжимается от пренебрежения, кто острее чувствует несправедливость и кто ярче выражает признательность за ласку, как не благородный ребенок?

И сколько таких добрых созданий подвергается унижению, терзаниям и мучениям за какую-нибудь ошибку в уроке арифметики или проклятой латыни?

Так и Уильям Доббин из-за неспособности постигнуть тонкости латинского языка, изложенные в превосходном итонском учебнике грамматики, был обречен пребывать среди худших учеников доктора Суиштейля. Немало обид терпел мальчик от малышей с румяными мордочками и еще в фартучках, сидя с ними на задней скамье, словно великан между карликами, с огорченными и изумленными глазами, имея в руках букварь с закрученными страницами и выросший из своих штанов. И дети и старшие издевались над Доббином: ушивали ему потихоньку пресловутые штаны, хотя они и так были узки и коротки, подрезали ремни его кровати, опрокидывали внезапно ему под ноги ведра и скамьи, чтобы он упал и ушибся, что он и выполнял всегда с большим успехом; посылали ему посылки, в которых по вскрытии оказывались родительские свечи и мыло. Не было, кажется, такого шалопая, который не отвел бы душу над Доббином, и он все сносил терпеливо и был безгласен и несчастлив.

Кефф, наоборот, был главным коноводом и щеголем школы; он тайком приносил туда вино, вступал в единоборство с уличными буянами; по субботам за ним приезжал его собственный пони, который и увозил его домой; он хранил в своей комнате охотничьи сапоги, в которых отправлялся по праздникам на охоту, носил золотые часы с репетицией и нюхал табак, точно сам доктор; он бывал в опере и рассуждал о талантах выдающихся актеров, отдавая Кину¹ предпочтение перед Кемблом²; в какой-нибудь час он мог сострять сорок латинских фраз. Он сочинял французские стихи. Чего он только не знал и не мог! Говорили, что сам доктор Суиштейль побаивался его.

Кефф, бесспорно владыка школы, управлял и помыкал своими подданными в совершенстве; один из воспитанников чистил ему сапоги, другой намазывал ему хлеб маслом, иные в течение долгих летних дней только и делали, что поднимали ему шар при игре в крикет.

Доббина — Винную Ягоду — он особенно презирал, бранил его, постоянно насмехался над ним и не входил с ним ни в какие сношения.

Однако в один прекрасный день между двумя этими молодцами произошло столкновение. Винная Ягода корпел в уединении классной комнаты над письмом к

¹ *Эдмунд Кин* (1787–1833) — знаменитый английский актер.

² *Джон Филип Кембл* (1757–1823) — английский актер, антрепренер и эссеист. Постановщик шекспировских пьес и исполнитель многих ролей в них.

своим домашним, когда Кефф, войдя в комнату, дал ему какое-то поручение, едва ли не имевшее предметом сладкие пирожки.

— Мне нельзя, — возразил Доббин, — я должен дописать письмо.

— Нельзя? — воскликнул мистер Кефф, завладев этим документом (многие слова в нем были перечеркнуты, другие написаны неправильно, несмотря на то, что на него было потрачено бог весть сколько стараний, дум и слез, — бедняга писал горячо его любившей матери, хотя и бывшей лишь бакалейщицей и жившей где-то на задворках Темз-стрит).

— Нельзя? — повторил мистер Кефф. — Желал бы я знать, почему? Как будто ты не можешь написать своей старой смокве-матери и завтра!

— Прошу вас не ругаться! — сказал Доббин, рассердясь и вскакивая со скамьи.

— Ну-с, сударь, идете ли вы? — пропел, в свою очередь, школьный петушок.

— Оставьте сейчас мое письмо! — ответил Доббин. — Порядочные люди чужих писем не читают!

— Пойдешь? — допытывался Кефф, отшвыривая листок.

— Нет, не пойду! Не смей меня трогать, я тебе голову прошибу! — взвизгнул взбешенный Доббин, хватая оловянную чернильницу с таким бешенством, что мистер Кефф приостановился, оправил засученные было рукава, спрятал руки в карманы и, фыркнув, удалился прочь. С тех пор Кефф никогда уже не задирали сына бакалейщика, хотя, надо сказать правду, за спиной отзывался о нем не иначе как с презрением.

Спустя некоторое время после этого столкновения случилось так, что мистер Кефф ярким солнечным полднем оказался поблизости от бедняги Уильяма Доббина; тот лежал под деревом в школьном саду, перечитывая излюбленные им арабские сказки, вдали от остальных школьников, предававшихся разнообразным забавам, и чувствуя себя почти счастливым. Он забыл об окружающем его мире, уносясь вместе с моряком Синдбадом далеко, в долину алмазов, или сидя вместе с принцем Называй-как-хочешь и волшебницей Перибану в той чудесной пещере, в которой принц нашел ее и куда нам всем хотелось бы попасть, — как вдруг пронзительные вопли, похожие на плач ребенка, пробудили его от этих приятных грез. Подняв глаза, он увидел перед собой Кеффа, обрабатывавшего маленького мальчика.

Это был тот самый мальчуган, который насплетничал о Доббине по поводу фургона с бакалеей; но Доббин не был злопамятен по отношению к слабым и малым.

— Как ты смел разбить бутылку? — кричал Кефф ребенку, размахивая желтой крикетной палкой.

Мальчику было приказано выбраться из сада через ограду (в укромном уголке ее, в стене были выбраны кирпичи, чтобы удобнее пролезать), далее ему предстояло пробежать с четверть мили, получить в долг в знакомой лавочке лимонаду с ромом и, ловко миновав докторских согладатаев, могущих оказаться за оградой, проникнуть обратно в сад.

Во время этого последнего гимнастического упражнения нога у мальчика сорвалась, бутылка разбилась, ром разлился и панталоны пострадали, и вот он предстал перед властелином, провинившийся, хотя и безвинно, трепещущий и жалкий.

— Как смел ты разбить бутылку! — вопил Кефф. — Маленький воришка! Высосал попросту ром сам, а теперь уверяешь, что разбил посудину! Протягивай руку!

Тут палка с громким свистом опустилась на руку малыша. Послышался стон. Доббин это видел.

Волшебница Перибану с принцем Ахметом исчезли в глубине пещеры. Птица-гриф унесла Синдбада-моряка из алмазной долины далеко за облака, и перед честным Уильямом встали будни: здоровенный юноша тузил малыша.

— Ну, протягивай другую! — ревел Кефф своему маленькому товарищу, лицо которого исказилось от страдания.

Доббин затрясся и весь съежился в своем узком платье.

— Вот тебе, чертенок! — закричал мистер Кефф, снова ударив ребенка по руке палкой.

Не ужасайтесь, милостивые государины! Все ребята в школах проходят через эти испытания. И, по всем вероятностям, ваши сыновья тоже будут колотить других и получать от них трепку.

Опять засвистела палка, но тут выступил Доббин.

Я не берусь решать, что им руководило. Мучительство в школах так же узаконено, как и кнут в России, и с известной точки зрения даже нехорошо восставать против существующего порядка; тем не менее безрассудный Доббин возмутился подоб-

ными тираническими упражнениями; возможно, что в нем пробудилось и желание отомстить, и готовность померяться силами с буяном и утеснителем, завладевшим всей властью в школе и наслаждавшимся славой и почетом при развевающихся знаменах, под грохот барабанов и приветственные клики толпы.

Каковы бы ни были побуждения Доббина, он вскочил и заревел:

— Довольно, Кефф! Не смей больше колотить ребенка, или я тебя...

— Или ты меня? — удивился Кефф неожиданному вмешательству. — Ну-ка, животное, подставляй-ка руку!

— ...или я задам тебе такую встряску, какой ты никогда не получал! — произнес Доббин в ответ на первую часть фразы Кеффа, маленький же Осборн, задышавшись и весь в слезах, с удивлением и недоверием взглянул на неожиданного покровителя, явившегося, чтобы за него вступить. Удивление Кеффа было не меньшим. Представьте себе покойного короля Георга III в то мгновение, когда он узнает о возмущении северо-американских колоний, или вообразите наглого Голиафа в тот момент, когда перед ним появляется щупленький Давид и предлагает ему вступить в единоборство, — и вам станут ясны чувства мистера Реджинальда Кеффа, когда ему был брошен Доббином вызов.

— После уроков, разумеется... — сказал он после некоторого молчания, сопровождая свои слова взглядом, хотевшим выразить:

— А пока что — пиши духовную и поведай друзьям последнюю волю!

— Когда хочешь! — ответил Доббин. — Осборн, ты будешь моим секундантом!

— Пожалуй! — ответил маленький Осборн. Его папенька развезжал в собственной карете, и неудивительно, если сын его несколько стыдился иметь своим заступником Доббина.

Наступил условный час поединка. Осборн весьма конфузился, когда ему пришлось выкрикивать: «Начинай, Винная Ягода!», и при первых трех схватках никто из школьников не поддержал Доббина сочувственным возгласом; в начале боя Кефф, знаток дела, с презрительной улыбкой на лице, сияющий и веселый, словно выступал на балу, осыпал противника ударами и три раза подряд сбивал несчастного с ног. При каждом его падении раздавались радостные крики, и каждый школьник торопился приветствовать победителя.

«Ну и достанется же мне, когда все это кончится!» — размышлял юный Осборн, помогая своему защитнику встать на ноги.

— Уж лучше бы ты сдался! — советовал он Доббину. — Ведь все дело сведется к тому, что Кефф здорово меня отколотит, хотя мне к этому и не привыкать стать!

Тем не менее Винная Ягода, мускулы которого напряглись, а ноздри раздулись от ярости, отстранил секунданта и выступил вперед в четвертый раз.

Не имея понятия о том, как отражать сыпавшиеся на него удары, ибо в предшествовавшие три схватки Кефф первый начинал нападение и не давал противнику времени рассчитать ударов, Винная Ягода решил перейти в наступление, а так как он был левшой, то и пустил в ход левую руку и изо всех сил закатил мистеру Кеффу два удара: один в левый глаз, другой по прекрасному его римскому носу.

На этот раз, к изумлению собравшихся, Кефф был опрокинут наземь.

— Ловкий удар, клянусь Юпитером! — одобрил малыш Осборн с видом знатока.

Левая рука Доббина в течение всего дальнейшего сражения действовала устрашающе. Кефф то и дело валился от ее ударов на землю. На шестой схватке столько

же голосов восклицало: «Валяй его, Винная Ягода!», сколько кричало: «Валяй его, Кефф!» На двенадцатой упомянутый чемпион совсем уже, как говорится, обалдел и утратил способность нападать или защищаться. Винная же Ягода оставался невозмутим, как квакер¹. Бледное лицо, сверкающие широко открытые глаза и глубоко рассеченная нижняя губа, из которой обильно сочилась кровь, придавали юноше свирепый и ужасный вид и преисполнили трепетом не одно сердце. Тем не менее, бесстрашный противник готовился схватиться в тринадцатый раз.

Обладай я красноречивым пером Нейпира² или автора «Беллова жизнь»³, я постарался бы достоподобным образом описать это сражение. Словно последняя атака старой гвардии (или, вернее, ее прообраз, так как в ту пору Ватерлооская битва еще не происходила), словно колонна Нея⁴, шедшая грудью на высоты Ла-Э-Сент и щетинившаяся десятью тысячами штыков, увенчанных двадцатью орлами, словно рев кровавых бриттов, когда они, низринувшись с холма, бросились в дикую рукопашную с врагом, — таков был Кефф, когда, приободрившись, он кинулся вперед, хотя и шатался уже как пьяный и едва держался на ногах. Но — увы! — бакалейщик Винная Ягода ткнул противника, согласно привычке, опять левой рукой в нос и заставил его покатиться в последний раз.

— Думаю, этого с него довольно! — сказал Винная Ягода, когда соперник бухнулся на лужайку, точно бильярдный шар, посланный в лузу меткой рукой Джека Спота.

И когда надо было сходиться вновь, мистер Реджинальд Кефф оказался не в состоянии или не пожелал принять нового вызова.

Тут мальчуганы подняли такой крик во славу Винной Ягоды, что можно было вообразить, будто он-то и был в течение всей битвы любимым их героем. И когда доктор Суиштейль, которому они помешали в его занятиях, выскочил из кабинета, чтобы узнать причину шума и, разумеется, стал грозить, что выпорот Винную Ягоду, Кефф, пришедший тем временем в себя и омывавший свои раны, выступил вперед и заявил:

— Это моя вина, сэр, а не Винной Ягоды... не Доббина! Я оттузил малыша, и мне попало по заслугам!

Этим признанием великодушный Кефф не только спас победителя от розги, но и восстановил собственное влияние, почти утраченное вследствие поражения.

Отчет об этом событии юный Осборн изложил в следующем письме родителям:

«Шугаркейн-Хаус. Ричмонд.

... марта 18.. г.

Дорогая маменька!

Надеюсь, что вы здоровы. Я был бы очень благодарен, если бы вы прислали мне кекс и пять шиллингов. У нас была схватка между Кеффом и Доббином. Кефф, как вам известно, был любимцем школы. Схватывались они тринадцать раз, и Доббин

¹ *Квакеры* — английская религиозная секта.

² *Генерал сэр Уильям Фрэнсис Патрик Нейпир* (1785–1860) — ирландский солдат британской армии и военный историк.

³ «*Беллова жизнь*» (англ. *Bell's Life*) — иллюстрированный еженедельник, названный по имени его редактора Белла, выходил в XIX в. в Лондоне и был посвящен спорту, главным образом боксу.

⁴ *Мишель Ней* (1769–1815) — один из наиболее известных маршалов времен Наполеоновских войн, герцог Эльхинген и князь Москворецкий.

его поколотил. И теперь Кефф уже не главный. Драка была из-за меня. Кефф меня вздул за то, что я разбил бутылку с молоком, а Винная Ягода не хотел этого позволить. Мы его зовем Винная Ягода, потому что его отец — бакалейщик „Фиггс и Редж с Темз-стрит в Сити“. Я думаю, так как он бился за меня, вы должны были бы покупать чай и сахар у его отца. Кефф каждую субботу ездит домой, а теперь не может — у него под обоими глазами фонари. Его отвозит и привозит белый пони в сопровождении ливрейного грума на гнедой кобыле. Как было бы хорошо, если бы папенька подарил мне пони. И я остаюсь ваш послушный сын *Джордж Осборн*.

Передайте мой поклон маленькой Эмми. Я вырезаю для нее карету из картона».

Вследствие одержанной победы Доббин удивительно вырос во мнении товарищей, и прозвище Винная Ягода, раньше носившее характер насмешки, теперь стало почетным и ласкательным.

— Ведь не виноват же Уильям в том, что отец его бакалейщик, — объявил Джордж Осборн, который хотя и был молокососом, однако пользовался большой популярностью среди воспитанников доктора Суиштейля: заключение его было принято весьма сочувственно. Большинство голосов было решено считать низостью всякое издевательство над случайностью рождения Доббина. Старая Винная Ягода обратилось теперь в ласковое и благосклонное прозвище, и он избавился от глумления своих проныр-дядек.

С изменением обстоятельств у Доббина просветлело и разумение: он стал изумительно преуспевать в науках. Сам великолепный Кефф удостаивал его снисхождения, причем Доббин только краснел и удивлялся; Кефф помогал ему в составлении латинских фраз и руководил им при играх; он торжественно перевел его из младшего класса в средний и способствовал тому, чтобы Доббин занял там место на передней скамье. Оказалось, что если Винная Ягода и был не слишком способен к изучению классических языков, то по части математики проявлял незаурядную сообразительность. Ко всеобщему удовольствию, он прошел третьим по успехам по алгебре и получил на публичном летнем испытании награду в виде французской книги. Посмотрели бы вы на лицо его матери, когда Доббину был поднесен «Телемах» (эта восхитительная повесть) — самим доктором, в присутствии школьников, их родителей и всей публики — с надписью: «Gulielmo Dobbin»! Мальчики даже захлопали в ладоши в знак одобрения и сочувствия. А кто сумеет описать румянец Доббина, его беспомощность и застенчивость и пересчитать все ноги, которые он отдал, возвращаясь к своему месту? Старик Доббин впервые почувствовал уважение к сыну и тут же, при всех, подарил ему две гиней; большую часть этих денег Винная Ягода истратил на угощение товарищей, а после вакаций¹ он вернулся к Суиштейлю уже в новом костюме.

Доббин был слишком скромным юношей и не подозревал даже, что счастливая перемена в его обстоятельствах вызвана великодушным и мужественным его поступком. Он предпочел приписать свои удачи единственно защите и благоволению маленького Джорджа Осборна, и с той минуты воспылал к нему той любовью и привязанностью, какие возможны лишь в юности и какие в волшебной сказке неуклюжий Орсон питает к своей победительнице, прелестной Валентине. Доббин стал обожать маленького Осборна и преклоняться перед ним. Правда, он восхищался им втайне и

¹ *Вакация* — каникулы, свободное от учебы и работы время.

до сближения с ним, а тут он совсем уже стал его слугой, собачонкой, его Пятницей. Он считал Осборна за совершенство, за красивейшего, энергичнейшего, отважнейшего, умнейшего и великодушнейшего мальчика в мире. Он делился с ним деньгами, покупал ему бесчисленные ножи, рейсфедеры, золотые печати и детские книжки с большими раскрашенными картинками, изображавшими рыцарей и разбойников; на многих из этих подарков вы могли бы даже прочесть надпись, гласившую: «Джорджу Седли Осборну, эсквайру, от преданного ему друга Уильяма Доббина». Все эти знаки внимания Джордж принимал с большою благосклонностью, однако так, как если бы вполне заслужил их своими достоинствами.

В день поездки в Воксхолл лейтенант Осборн, явившись в Рессель-сквер, возвестил:

— Миссис Седли, я надеюсь, за столом найдется еще местечко. Я зазвал к вам одного из наших приятелей — Доббина — отобедать с нами, а потом ехать в Воксхолл. Он ведь такой же скромник, как и Джо!

— Я — скромник! Вот новость! — воскликнул грузный джентльмен, кидая победоносный взгляд на мисс Шарп.

— Ну, конечно! Он такой же скромник, как и ты, но только ты несравненно грациознее его, Седли, — прибавил Осборн, посмеиваясь. — Я встретил его в Бедфорде, когда ехал к вам; рассказал ему, что Амелия вернулась домой, что мы собираемся в Воксхолл и что миссис Седли простила ему пуншевую чашу, которую он разбил тогда, на детском празднике. Вы помните, миссис Седли, эту катастрофу, случившуюся семь лет тому назад?

— Ну, как же! Помню даже, что пунш залил пунцовое шелковое платье миссис Фламинго! — подтвердила добродушная миссис Седли. — Вот увалень! Сестры тоже не отличаются ловкостью! Миссис Доббин была с тремя дочерьми вчера вместе с нами на обеде в Гайбюри. Ах, дорогие мои, если бы вы знали, как они некрасивы!

— Альдерман, кажется, очень богат? Не правда ли? — спросил Осборн не без лукавства. — Нельзя ли мне присвататься к одной из его дочерей? Ведь это было бы для меня вполне подходящей партией!

— Вот сумасшедший! Желала бы я знать, кто пойдет за вас с вашим желтым лицом!

— С моим желтым лицом? Погодите меня поносить, посмотрите сначала на Доббина! Он три раза перенес желтую лихорадку: два раза в Нассау и раз в Сент-Китсе.

— Да что уж там! Для нас и вы достаточно желты! Не правда ли, Эмми? — спросила миссис Седли.

На этот вопрос мисс Амелия только улыбнулась и покраснела. Любуясь бледным выразительным лицом Осборна, его прекрасными вьющимися волосами и выхоленными усами, на которые молодой джентльмен и сам посматривал не без удовольствия, она подумала, что во всей королевской армии, на всем белом свете, не найдется другого такого красавчика и героя.

— Мне дела нет до наружности и неловкости капитана Доббина, я знаю одно, что всегда его любила и буду любить!

Истинной же причиной этого было то, что Доббин был неизменным другом и защитником Осборна.

— Я не знаю среди сослуживцев лучшего офицера и товарища, хотя, конечно, на Адониса он не похож! — заявил Осборн, поглядывая на себя в зеркало. Но, любуясь собой, он схватил упорно устремленный на него взгляд Ребекки; он покраснел перед

этим взглядом, а проницательная молодая девушка подумала: «Ну, мой прекрасный, кажется, теперь я знаю тебе цену!»

Сметливая маленькая разбойница!

Вечером, когда свежая как роза и распеваящая как жаворонок Амелия вбежала в гостиную в белом платье, предназначенном для побед в Воксхолле, ей навстречу поднялся с самым неуклюжим поклоном, какой когда-либо делал смертный, неловкий джентльмен с большими руками и ногами, с большими ушами и целой шапкой коротко-остриженных черных волос на голове; он был облачен в безобразный мундир, при треугольной шляпе, какие употреблялись в те времена.

Это был не кто иной, как капитан Уильям Доббин, пехотного королевского полка, едва оправившийся от желтой лихорадки и возвратившийся из Вест-Индии, куда был заброшен волею судьбы в то время, как доблестные его товарищи стяжали лавры на Пиренейском полуострове.

Он постучал так тихо и робко, что дамы, находившиеся в верхнем этаже дома, не слышали его прибытия, иначе, будьте уверены, у Амелии не хватило бы смелости влететь в комнату, распевая. И случилось так, что нежный и свежий ее голосок прямо проник в капитанское сердце и прочно там запечатлелся. Когда Амелия протянула капитану ручку, последний, раньше, чем обхватить ее своей, подумал:

«Неужели же эта та самая маленькая девочка, которую я помню в розовом платьице! Это было еще так недавно, по объявлении приказа о моем производстве, в тот самый вечер, когда я опрокинул чашу с пуншем! Неужели это та девочка, о которой Осборн уже тогда говорил, как о своей суженой? Каким очаровательным созданием она стала, и какой клад достается этому молодцу!»

Все это пронеслось у него в голове, пока он склонялся перед Эмми, уронив треуголку, и принимал ее ручку для пожатия.

Хотя его история со времени оставления им школы и по тот момент, когда мы встречаемся с ним вновь, и не была сообщена подробно, она достаточно ясна для сметливого читателя из рассказанного на предыдущих страницах.

Доббин, ничтожный бакалейщик, превратился со временем в альдермана Доббина; альдерман Доббин сделался полковником национальной кавалерии, образованной гражданами Сити, когда их охватил воинственный азарт и они готовились обороняться от французского вторжения. Корпус, к составу которого принадлежал полк Доббина и где мистер Осборн-старший был скромным и незаметным капралом, удостоился смотра, произведенного самим королем в сопровождении герцога Йоркского: вот тут-то альдерман и полковник и был пожалован орденом и получил дворянское достоинство. Сын его поступил в военную службу, а молодой Осборн попал в один с ним полк, и они служили вместе и в Вест-Индии и в Канаде. А теперь их полк вернулся в Англию. Привязанность Доббина к Джорджу Осборну оставалась столь же горячей и искренней, как и во времена их школьной жизни.

Наша почтенная публика уселась за стол.

Толковали о войне и победах, о лорде Веллингтоне, о «Бони», о последних газетных новостях. В то славное время каждый день приносил вести о новых победах, и так как нашим отважным молодым людям не терпелось увидеть свои имена занесенными в списки героев, то они проклинали судьбу за то, что она обрекла их служить в полку, которому не выпали на долю удачи боевых подвигов. Подобные разговоры весьма воодушевляли Ребекку. Амелия же от них трепетала и бывала близка к

обмороку. Мистер Джоз и тут не упустил случая сообщить кое-что из своих охотничьих приключений и закончил, наконец, свою историю о мисс Кетлер и полевом хирурге Лансе. Джоз усердно потчевал за столом мисс Ребекку и одновременно и сам ел и пил с жадностью. Он вскочил с убийственной грацией и распахнул дверь перед дамами, когда они оставляли столовую после обеда, и затем, вернувшись к столу, торопливо влил в себя одну за другой несколько больших, наполненных до краев, рюмок кларета.

— Ловко он заряжается! — шепнул Осборн Доббину.

Но вот наступил момент отправляться в Воксхолл, и карета была подана к подъезду.

ГЛАВА VI

Воксхолл

Я знаю, что дудочка, на которой я насвистываю, издает звуки монотонные (хотя впереди и предстоят главы весьма страшные). Но пусть благосклонный читатель вспомнит, что до сих пор мы рассказывали только о семействе биржевого маклера, в доме которого в Рессель-сквере обедают, завтракают, гуляют, беседуют и влюбляются, как это и бывает обыкновенно в повседневной жизни, пока в нее не вторгается элемент страсти и необычайности. Ведь наш рассказ сводится к тому, что Осборн, влюбленный в Амелию, зазвал старого приятеля обедать в Рессель-сквер, чтобы оттуда ехать в Воксхолл, а Джозеф Седли был влюблен в Ребекку. Женится ли он на ней?

Такова основная тема, которой мы теперь и заняты. Эту тему мы могли бы трактовать и совершенно иначе — на великосветский, романтический и даже на шуточный лад.

Предположим, например, что действие происходит в Гросвенор-сквере, хотя обстоятельства дела остаются все теми же. Разве это не было бы для иных читателей завлекательней?

Вообразите себе, что лорд Джозеф Седли влюблен; маркиз Осборн любит леди Амелию, с полного одобрения высокородного герцога, ее отца. Или, наоборот, предположите, что мы обратились, вместо высших сфер, к самым низменным и описываем приключения в кухне мистера Седли: как черномазый Самбо влюбляется в кухарку (а ведь оно так и было на самом деле) и вступает из-за нее в драку с кучером; как поваренка изобличают в краже холодной бараньей ноги, а новая горничная миссис Седли не хочет идти спать без восковой свечки. Все это можно было бы изложить так, что повествование вызвало бы много смеху и явилось бы правдивым изображением обыденной жизни. Или же нам захотелось бы ужасного, и мы превратили бы любовника новой камеристки в профессионального разбойника, который вторгается со своей бандой в дом,

умерщвляет негра Самбо у ног его хозяина и похищает мисс Амелию в ночной сорочке, а потом держит ее в заключении до третьего тома; получился бы рассказ, полный захватывающего интереса, и читатель с замиранием сердца пробежал бы пылающие ужасом страницы. Вообразите себе хотя бы одну главу этой повести под следующим названием:

Ночное нападение

«Ночь была бурная и мрачная. Тучи — черные, как чернила черные! Бурный вихрь срывал трубы со старых домов и с треском и свистом разносил черепицу по пустынным улицам. Никто не осмеливался бороться с бурей. Нежные сторожа попрятались в свои конуры, обливаемые дождем; но грянул гром и разрушил их будки; один из них был убит против Фаундлинга. От толстого Уилля Стедфаста остались лишь сломанная алебарда да мерцающий фонарь. Сильный порыв ветра стащил с козел проезжавшего по Саутгэмптон-роу извозчика и унес бог знает куда. Ужасная ночь!.. Темно, убийственно темно! Месяца нет, нет и нет. Ни единой дрожащей маленькой звезды! Одна выглянула было на мгновение из мрачных туч, но сейчас же, словно испугавшись, затмилась.

— Раз, два, три!

Это был условный сигнал предводителя шайки, разбойника Черного Визарда¹.

— Меффи, готовы ли вы? Заряжены ли ваши пистолеты и взяты ли ножи?

— Все в порядке!

— Тогда идем! Давно пора быть на месте, а мы только выступаем!

— Блоузер, ты присмотри за кухней! Ты, Марк, займись сундуком старика...

А я, — присовокупил Визард тихим, но ужасным голосом, — беру на себя схватить Амелию.

Наступила мертвая тишина.

— Но что это? Выстрел? — воскликнул Визард».

¹ Wizard (англ.) — колдун, волшебник.

Теперь попробуем sprysнуть рассказ розовой водичкой.

«Маркиз Осборн только что отправил со своим маленьким пажом нежную записочку леди Амелии.

Милое существо приняло ее из рук камеристки, мадемуазель Анастаси.

— Бесценный маркиз! Какая предупредительность!

В письме заключалось приглашение на бал к лорду Д.

— Кто эта адски красивая девушка? — спрашивал той же ночью в своем отеле на Пикадилли герцог Джордж, только что вернувшийся в омнибусе из оперы. — Дорогой Седли, во имя всех купидонов, представьте меня ей!

— Монсеньор, — сказал лорд Джозеф с важным поклоном, — это мадемуазель Седли.

— Недурное имя! — произнес не совсем довольно молодой герцог, поворачиваясь на каблуках и наступая на ногу какому-то старому джентльмену, стоящему сзади и с восхищением смотревшему на Амелию.

— Гром и молния! — воскликнула жертва, скрючившись от боли.

— Тысячу извинений, ваша светлость! — сказал молодой ветреник, вспыхивая и опуская в низком поклоне свои прекрасные кудри. Он наступил на большой палец великому командору своего времени!

— И вы здесь! — сказал молодой герцог, обращаясь к высокому и добродушному джентльмену, черты которого ясно обнаруживали, что в нем течет кровь Кавендишей¹.

— Два слова, мой друг! Скажите же мне, наконец, намерены ли вы расстаться с вашим фамильным бриллиантовым ожерельем?

— Я уже продал его здесь за двести пятьдесят тысяч фунтов князю Эстергази.

— И это совсем даром, черт возьми! — воскликнул венгерец аристократического вида» — и т. д. и т. д. и т. д.

Теперь вы видите, милостивые государины, что автор мог бы избрать любую манеру, тем более что почтенные аристократические салоны известны ему снаружи не хуже, чем Ньюгетская тюрьма. Одно только затруднило бы его — это язык и манеры преступников, а также разговор на различных диалектах, на которых изъясняются заправилы хорошего тона. Поэтому, с вашего позволения, он будет скромно придерживаться середины — тех сцен и персонажей, которые ему лучше всего знакомы. Словом, эта глава о Воксхолле была бы очень короткой, если бы не настоящее маленькое отступление; настолько короткой, что вряд ли бы вообще и заслуживала названия главы, тем не менее это все-таки глава, и даже весьма важная. Да, впрочем, разве в жизни каждого не попадаются коротенькие главки? Они как будто и маловажны, а посмотришь, оказываются решающим образом на всем дальнейшем его существовании.

Итак, проникнем в экипаж, уносящий нашу молодежь из Рессель-сквера, и отправимся в сады Воксхолла.

Между Джозом и Ребеккой, занимающими переднее сиденье, едва ли найдется пустое местечко; мистер Осборн удобно поместился против них, между капитаном Доббином и Амелией.

Все сидевшие в карете, были убеждены, что Джоз в этот вечер неминуемо предложит мисс Шарп сделаться миссис Седли. Родители, остававшиеся дома, примирились с этой развязкой, хотя, говоря между нами, старик Седли питал к сыну чувство, близкое к презрению, и порицал его за его суетность, эгоизм, леность и изнеженность. Он не мог равнодушно видеть его модничанья и от души смеялся над его хвастливыми рассказами.

— Я оставляю этому молодцу половину своего состояния, — говорил он жене, — а кроме того, у него немало и своего; но я вполне убежден, что — умри завтра я — он воскликнет: «Великий боже!» — и так же благополучно усядется за обед. Так чего же мне-то хлопотать о нем? Пускай себе женится на ком хочет. Меня это нисколько не касается!

Наоборот, Амелия, при ее характере и дальновидности, была в восторге от предстоящего брака. Раз или два Джоз собирался поговорить с ней о чем-то важном, и

¹ *Кавендиши* — английский графский род.

Эмми жаждала его выслушать, но толстяка никак нельзя было заставить освободиться от его тайны, и он, к великому разочарованию сестры, облегчал себя лишь глубоким вздохом и отворачивался.

Эта тайна заставляла нежное сердце Амелии вечно трепетать и волноваться. Она не решалась говорить с Ребеккой об этом деликатном предмете, но зато вознаграждала себя долгими и откровенными беседами с миссис Бленкинсоп, экономкой, которая кое-что из сообщенного ей передала горничной; та, в свою очередь, случайно обмолвилась о слышанном перед кухаркой, а последняя — я нисколько не сомневаюсь в этом — разнесла новость по всем поставщикам; таким образом, брак мистера Джозефа обсуждался весьма значительным числом лиц, принадлежавших к миру Рессель-сквера.

Мисс Седли, конечно, считала унижительным для ее сына брак с дочерью художника.

— Но, господи ты боже мой, сударыня! — восклицала миссис Бленкинсоп. — А мы-то сами не были разве лишь простыми зеленщиками, когда выходили замуж за мистера Седли, бывшего простым клерком у маклера? И состояния-то у нас тогда набралось бы всего каких-нибудь пятьсот фунтов, а вот ведь разбогатели же!

Амелия думала так же и постепенно склоняла добродушную миссис Седли в пользу Ребекки.

Мистер Седли продолжал держаться нейтрально.

— Пусть Джоз женится на ком угодно — меня это не касается! Девочка не имеет состояния, но не имела его и миссис Седли. Она, кажется, добродушна и умна и наконец приберет Джоза к рукам. Лучше она, моя дорогая, чем какая-нибудь черномазая, которая наплодит нам дюжину внуков цвета красного дерева!

Таким образом, все как будто улыбалось счастьем Ребекки. Она выступала под руку с Джозом, словно это было в порядке вещей, когда они шли к столу; усаживалась с ним рядом в его открытом экипаже, куда толстяк взмазывался, устрашающий, невозмутимый и величественный, чтобы самому править парой серых. Правда, о свадьбе не было еще произнесено ни слова, но все, по-видимому, считали ее неизбежной. И — ах! — как остро ощущала теперь Ребекка отсутствие маменьки, доброй, нежной маменьки, которая в десять минут уладила бы это трудное дело, вынудив после короткого разговора, преисполненного обоюдной искренности, желанное признание от молодого человека!

Таково было положение дел, когда карета переехала Вестминстерский мост. Наша молодежь добралась до Воксхолла как раз вовремя,

Когда величественный Джоз высаживался из скрипевшей под его тяжестью кареты, в толпе раздались насмешливые поощрения. Он вспыхнул, однако пошел вперед, сохраняя надменный и внушительный вид и ведя под руку Ребекку. Джордж, как и следовало полагать, взялся оберегать Амелию, и она вся сияла счастьем, как розовый куст на солнце.

— Я знаю, Доббин, ты добрый малый и присмотришь за шальями и прочим, — сказал Доббину Джордж, и, в то время как обе пары пробирались в ворота Воксхолла, добрый Доббин удовольствовался тем, что перекинул на руку шали и взял всем билеты. Он скромно шел за своими спутниками, опасаясь помешать той или другой чете. Он не обращал внимания на Джоза и Ребекку, но с отеческой нежностью следил за гуляющими по дорожкам Джорджем и Амелией, наблюдая восхищение и удивле-

ние молодой девушки при виде представлявшегося ей зрелища, и находил ее вполне достойной своего блистательного друга. Правда, он и сам бы был не прочь иметь при себе что-либо, помимо шалей, да и публика немало потешалась, глядя на неуклюжего молодого офицера, нагруженного дамскими уборами, но Уильям Доббин не склонен был к себялюбивым размышлениям. Мог ли он быть недоволен, если его друг блаженствовал? А на садовые развлечения, говоря по правде, Уильям Доббин не обращал ни малейшего внимания.

А чего, чего тут только не было!

Тут были и сотни фонариков, зажженные все до единого, — «полная» иллюминация; тут были пастушки в треугольных шляпах и со свирелями, которые наигрывали пленительные мелодии в разукрашенной беседке посреди сада, были и певцы, улаждавшие слух комическими или сентиментальными песнями, сельские пляски, выполняемые простолюдинами и простолюдинками среди сгрудившейся, шумевшей и кричавшей толпы. А там был подан сигнал, возвестивший, что мадам Сакки готовится пуститься к небесам по канату, протянутому чуть ли не к самым звездам. Далее, в освещенной хижине, виднелся пребывавший там отшельник. Манили погруженные во мрак аллеи, столь благоприятствующие влюбленным. Заманчивы были также и кружки с портером, предлагаемые слугами в грязных старых ливреях. Наконец, светились укромно скрытые беседки-ниши, внутри которых можно было угадать пирующих невидимых счастливых, уписывающих столь же невидимые ломти ветчины.

Капитан Доббин, волочивший за собой белую кашемировую шаль, постоял у раззолоченного павильона в виде раковины, в котором миссис Сальмон воспевала «Бородинский бой» (это была воинственная кантата о корсиканце-выскочке, который лишь недавно напоролся в России на неудачи); идя дальше, Доббин пытался повторить напев, но заметил, что мурлыкает ту песенку, которую напевала, спускаясь к обеду, Амелия.

Он посмеялся над собой, потому что, по правде сказать, пел он не лучше совы.

Входя в сад, общество дало себе торжественное обещание весь вечер не расставаться, но не прошло и десяти минут, как все разбрелось в разные стороны. Впрочем, так всегда бывает с компаниями, посещающими Воксхолл; обыкновенно сходятся только под конец, чтобы поужинать и поведать друг другу о приключениях вечера. Какие же приключения выпали на долю мистера Осборна и мисс Амелии? Это тайна. Но будьте уверены, оба они были совершенно счастливы, а поведение их было безукоризненно. Впрочем, за последние пятнадцать лет они привыкли проводить время вместе, и в этом для них не было ничего нового.

Зато когда мисс Ребекка и ее толстый кавалер потерялись в уединенных аллеях, где блуждало всего несколько десятков подобных же пар, они оба почувствовали, что положение чрезвычайно щекотливо и, можно даже сказать, грозит кризисом. Мисс Шарп решила, что минута, когда она вырвет признание, трепетавшее на робких устах мистера Седли, наступит или теперь, или никогда.

Сначала они посетили панораму Москвы. И тут какой-то невежа, отдавив мисс Шарп ногу, заставил ее опрокинуться с легким стоном в объятия мистера Седли; это маленькое приключение настолько усилило в толстом джентльмене его самоуверенность и его любезность к Ребекке, что он поведал своей спутнице по меньшей мере в шестой раз отборнейшие из своих индийских приключений.

— Ах, как я хотела бы видеть Индию! — сказала Ребекка.

— Вы бы и в самом деле этого желали? — переспросил Джозеф с убийственной нежностью; несомненно, за этим лукавым вопросом не замедлил бы воспоследовать и еще более нежный вопрос (Джоз уже начал задыхаться и пыхтеть, и рука Ребекки, покоясь у его сердца, могла ощутить лихорадочные его толчки), но тут на горе раздался звонок, возвещавший о начале фейерверка; поднялась суета, и наши влюбленные были невольно увлечены общим потоком.

Капитан Доббин подумывал было присоединиться к компании за ужином: садовые развлечения, говоря по правде, вовсе не казались ему занимательными; он прошелся раза два мимо ниши, где соединились обе четы; но никто не обратил на него внимания, стол был накрыт на четверых, влюбленные вели оживленную беседу, и Доббин понял, что забыт ими так, словно его вовсе и не было.

«Я буду только лишним, — подумал капитан, задумчиво смотря на них. — Пойду-ка я, побеседую с отшельником».

И он выбрался из шумной толпы в темную аллею, в конце которой имел пребывание пресловутый картонный затворник.

Разумеется, лично для капитана Доббина было не слишком веселым развлечением мыкаться в полном одиночестве по Воксхоллу, что, как мне известно по собственному опыту, представляет собою для холостяка мало забавного.

Тем временем обе парочки блаженствовали в беседе. Там велась увлекательнейшая и задушевнейшая беседа. Джоз красовался во всем своем великолепии и с большой величием отдавал распоряжения прислуге. Он сам приготовил салат, откупорил шампанское, разрезал жаркое и сам же истребил большую часть поданных яств и напитков. В заключение он потребовал пуншу из арака (все, кто бывает в Воксхолле, заказывают пунш из арака).

— Человек! Пуншу из арака!

Этот пунш из арака и был причиной всей дальнейшей истории. Да почему бы ему и не быть столь же веской причиной, как что-либо иное? Разве не чаша с ядом была причиной того, что прекрасная Розамунда покинула этот мир? Разве не чаша вина была причиной гибели Александра Македонского? По крайней мере, так утверждает Лемпрайр. Так и эта чаша с пуншем из арака имела существеннейшее влияние на судьбу главнейших действующих лиц нашего романа без героя. Эта чаша пунша сказала на всем их дальнейшем существовании, хотя большинство из них не отпило из нее ни капли.

Девушки до пунша не дотронулись. Осборн его не любил, так что тучный лакомка Джоз осушил чашу одиночно; после этого он впал в оживление, которое сначала изумило его спутников, а потом стало для них тягостным. Джоз говорил и смеялся настолько громко, что собрал вокруг беседки целую кучу любопытных, чем привел в немалое смущение сидевшую с ним компанию; затем он громко запел песню в той слезливой манере, к какой тяготеют все джентльмены, впадая в известное возбужденное состояние. Его пение привлекло к беседке целую толпу слушателей, которая до этого времени окружала музыкантов в раззолоченном павильоне и вызвало дружные аплодисменты.

— Браво, толстячок! — поощрял его один из толпы.

— А ну-ка еще, Дэниэл Ламберт!¹ — кричал другой.

— Нет, хороша была бы эта рожа да на канате! — восклицал третий к невыразимой тревоге дам и великому негодованию мистера Осборна.

— Ради самого неба, Джоз, уйдем отсюда! — просил его молодой человек, а девушки поднялись с мест.

— Погодите, погодите же, моя душенька, мое сокровище! — воскликнул Джоз, теперь отважный, как лев, обхватывая мисс Ребекку за талию.

Ребекка встала, но не могла высвободить руку. Смех вокруг беседки усилился. Джоз продолжал пить, любезничал и распевал. Кивая головой и грациозно жонглируя стаканом, он приглашал всех и каждого войти в беседку и распить с ним пуншу.

Мистер Осборн готовился уже дать по шее какому-то джентльмену в охотничьих сапогах, который вздумал воспользоваться приглашением Джоза; столкновение было неминуемо, но по счастливой случайности перед беседкой вынырнул весьма кстати некий джентльмен по фамилии Доббин.

— Пошли вон, дурачье! — произнес этот джентльмен, расталкивая толпу, которая сейчас же и стала редеть перед его треуголкой и внушительным видом, и вошел в беседку, сильно взволнованный.

¹ *Дэниэл Ламберт* (1770–1809) — тюремный смотритель, прославившийся необычайной тучностью.

Мистер Осборн готовился уже дать по шее какому-то джентльмену в охотничьих сапогах

— Бога ради, Доббин, где ты пропадал! — воскликнул Осборн, выхватывая из рук друга белую кашемировую шаль и укутывая Амелию. — Помоги мне, присмотри за Джозом, пока я усажу дам в экипаж!

Джоз хотел было встать, чтобы задержать молодых девушек, но легкий толчок, данный ему Осборном, заставил его повалиться с сопением обратно в кресло, и Джордж мог беспрепятственно увести своих дам.

Пока они удалялись, Джоз посылал им воздушные поцелуи и восклицал среди икоты:

— Да хранит вас бог! Да хранит вас бог!

Затем, схватив Доббина за руку, он среди горьких рыданий поверил этому джентльмену тайну своей любви. Он обожал девушку, которая только что их покинула; он разбил ее сердце — это он понимает прекрасно, — разбил своим поведением, но он завтра же обвенчается с ней в церкви Святого Георгия, что на Ганновер-сквер; он тотчас же отправится в Ламбет, разбудит архиепископа Кентерберрийского и заставит его немедленно сделать все приготовления к венчанию.

Капитан Доббин, поддакивая Джозу, сумел убедить его покинуть сад и, когда они вышли за ворота, взгромоздил без особенного труда толстяка в извозчичью карету, которая и доставила его домой.

Джордж Осборн благополучно проводил молодых девушек, и, когда за ним захлопнулась дверь, он так громко расхохотался, переходя через Рессель-сквер, что привел в изумление ночного сторожа.

Амелия, подымаясь наверх, только сочувственно взглянула на свою подругу; она поцеловала ее и отправилась спать, воздержавшись от всяких дальнейших разговоров.

— Завтра он непременно объяснится со мной, — размышляла Ребекка. — Он четыре раза назвал меня своим сокровищем и душечкой и в присутствии Амелии жал мне руки... Конечно, он откроется мне завтра!

Так думала и Амелия; она уже размышляла о том, какое платье наденет она в качестве подружки и какие подарки приготовит своей будущей милой невестке. Она мечтала и о другой, имеющей последовать за этой церемонии, при которой главная роль будет принадлежать уже ей.

Наивные юные создания! Что знаете вы о действии пунша из арака, о действии, производимым араком вечером, и теми последствиями, какие он вызывает на следующее утро? В качестве мужчины могу засвидетельствовать, что вряд ли голова может болеть сильнее, нежели после пунша, подаваемого в Воксхолле. Даже по прошествии двадцати лет я отлично помню последствия двух стаканчиков этого напитка. Двух винных рюмок, всего лишь двух — заверяю вас честным словом джентльмена! А Джозеф Седли, страдающий печенью, влил в себя по меньшей мере добрую кварту этой ужасной смеси.

Следующее утро, в которое Ребекка ожидала увидеть зарю своего счастья, застало мистера Седли в мучениях, не поддающихся никакому описанию. Содовая вода тогда еще не была изобретена, и легкое пиво было единственным напитком, с помощью которого несчастные джентльмены тушили жар похмелья. За этим-то напитком и застал Джордж Осборн бывшего сборщика податей, стонавшего, лежа на диване в своей квартире. Доббин был уже там и добродушно ухаживал за своим ночным пациентом.

Оба офицера, посмотрев на беспомощно распростертого поклонника Вакха, переглянулись и обменялись сострадательной улыбкой. И даже камердинер Седли,

чрезвычайно торжественный, чинный и молчаливый джентльмен, с трудом сдерживал себя, поглядывая на несчастного своего господина.

— Мистер Седли был вчера чрезвычайно возбужден, — прошептал он конфиденциально Осборну, когда тот поднимался по лестнице. — Он все желал подраться с извозчиком, сэр, и капитан принужден был втащить его наверх на руках, словно маленького ребенка.

Легкая улыбка озарила на мгновение лицо мистера Бреша, но черты его тотчас же приняли обычное невозмутимое выражение, и, распахивая дверь в приемную, он возгласил:

— Мистер Осборн!

— Ну, как ты себя чувствуешь, Седли? — спросил молодой человек, взглянув на свою жертву. — Целы ли у тебя ребра? Внизу стоит извозчик с подбитым глазом и перевязанной головой и клянется, что притянет тебя к суду.

— Что ты хочешь сказать? За что к суду? — промямлил Джоз упавшим голосом.

— За вчерашние колотушки! Правда, Доббин, здорово он его вздул? Ты его преловко с ног сшиб, хоть бы и Молине¹ впору! Сторож утверждал, что никогда не видел, чтобы кого-нибудь так тузили, как ты извозчика! Правда, Доббин?

— Ты действительно напустился на извозчика и хотел помериться с ним силами, и здорово с ним сражался, — подтвердил капитан.

— А тот-то джентльмен, в белом плаще, в Воксхолле! Как вцепился в него наш Джоз! А как завизжали дамы! Ну и доставил же ты мне удовольствие этой расправой! А я-то думал, что постоять за себя умеют только военные! Теперь я уже постараюсь не подвергаться тебе под руку, когда ты заложишь за галстук!

¹ Томас (Том) Молино (1784–1818) — негритянский боксер с голыми кулаками и, возможно, бывший раб, провел большую часть своей карьеры в Великобритании и Ирландии, где добился заметных успехов.

— Это правда, я действительно становлюсь страшен, если меня рассердят, — простонал Джоз с дивана, сделав при этом такую кислую и смешную гримасу, что даже сама холодная учтивость капитана не могла долее выдержать, и он разразился, вместе с Осборном, громким смехом.

Осборн беспощадно пользовался удобным случаем. Он всегда считал Джоза маменькиным сыночком. Он часто задумывался над предстоящим браком Джоза и Ребекки, и ему не совсем нравилось, что член семьи, с которой собирался породниться он, Джордж Осборн, офицер *** полка, затевает неравную партию и собирается ввести в семью бог знает кого — какую-то ничтожную гувернантку.

— А ты и в самом деле вообразил, что был страшен! Ведь ты едва на ногах стоял, весь сад над тобой потешался! А ты еще в слезы ударился! Да, Джоз, ты был пьян-пьянехонек! Помнишь, как ты пел?

— Я... что?

— Ну да! Ты пел чувствительный романс и вдобавок называл эту Розу, Ребекку или как ее там, ну, словом, приятельницу Амелии, своей душечкой, своим сокровищем!

И беспощадный Осборн, схватив Доббина за руку, представил всю сцену в лицах, к великому ужасу ее героя и не взирая на уговоры великодушного Доббина.

— Зачем мне его щадить, — возразил Осборн своему другу, в ответ на его упрек, когда они вышли от страдальца, оставив его на попечение доктора Голлопа.

— А какое право имеет он напускать на себя покровительственный тон и вместе с тем ставить нас в дурацкое положение в Воксхолле? И потом, кто такая эта девчонка, которая строит ему глазки и любезничает с ним? К черту ее! И так уж эта семья занимает в свете довольно жалкое положение. Положим, она гувернантка, — это прекрасно! Но я предпочитаю иметь своей невесткой настоящую леди! Я человек либеральный, но я обладаю чувством собственного достоинства, я знаю свое место — пусть же и мисс Шарп знает свое! Уж я образумлю этого хвастунишку-набоба и не позволю ему окончательно стать дураком! Поэтому-то я и припугнул его раньше, чем Ребекка успела его подцепить!

— Тебе дело известно лучше, — сказал Доббин. — Конечно, ты всегда был тори¹, и род ваш принадлежит к древнейшим в Англии, но...

— А не зайти ли нам повидать девиц? — прервал лейтенант приятеля. — Приволокнись за мисс Шарп!

Но капитан Доббин отказался сопровождать Осборну в его ежедневной прогулке в Рессель-сквер.

Спускаясь по Саутгэмптонскому бульвару, Джордж заметил в разных этажах дома две выглядывающие девичьи головки: он расхохотался. Мисс Амелия стояла на балконе гостиной, поджидая Осборна и всматриваясь в ту сторону, где он жил, а мисс Шарп высматривала из маленькой своей спальни во втором этаже, не покажется ли на горизонте мощная фигура Джоза.

— А сестра Анна на сторожевой башне! — произнес Осборн, обращаясь к Амелии. — Но напрасно ждет она друга... — И он с удовольствием и в сильных выражениях описал мисс Седли плачевное состояние ее брата.

— Я нахожу, что с вашей стороны жестоко так издеваться над братом, Джордж! — сказала наконец Амелия, совсем огорченная, но Джордж, увидев ее расстроенное

¹ *Тори* — политическая партия консерваторов в Англии XVII–XIX вв.

лицо, стал смеяться еще веселее, полагая, что его шутки весьма занимательны. Когда же вниз спустилась мисс Шарп, лейтенант начал с большим оживлением подтрунивать над тем действием, какое ее чары оказали на тучного гражданского чиновника.

— О, мисс Шарп! Если бы вы видели его утром! — сказал он. — Как он страдает и стонет на своем диване, разодетый в халат с цветами! Как он показывал язык доктору Голлопу!

— Да кто — он?

— Кто? Да, конечно же, капитан Доббин, с которым мы вчера обошлись так любезно!

— Да, действительно, мы поступили с ним недостаточно вежливо, — сказала Эмми, сильно покраснев. — Я... я совершенно забыла о нем...

— Ну, конечно, — воскликнул Джордж, продолжая смеяться. — Ведь, право же, Амелия, нельзя только и думать, что о Доббине! Не правда ли, мисс Шарп?

— Что касается меня, я ни минуты не интересовалась существованием капитана Доббина, — заявила высокомерно мисс Шарп, — и если бы он не опрокинул на скатерть стакан с вином...

— Прекрасно, мисс Шарп! Вот я ему скажу! — пригрозил Осборн.

С этой минуты мисс Шарп почувствовала к молодому офицеру недоверие и даже ненависть, о чем он едва ли мог подозревать.

«Неужели же он смеется надо мной? — думала Ребекка. — Пожалуй, он вышучивает и меня перед Джозефом... Уж не запугал ли он его? Он может и совсем не прийти...»

У нее потемнело в глазах и забило сердце.

— Вы всегда шутите, — произнесла она, улыбаясь, и так наивно, как только могла. — Сделайте одолжение, мистер Джордж, потешайтесь сколько угодно, у меня ведь защитников нет!

И когда Бекки вышла из комнаты, а Амелия укоризненно взглянула на Джорджа, тот почувствовал некоторое угрызение совести за то, что он, мужчина, дразнит без надобности беззащитное существо.

— Дорогая моя Амелия, вы слишком добры и слишком ласковы, и притом совсем не знаете света, а я его знаю, и потому и говорю, что ваша молодая приятельница мисс Шарп должна знать свое место!

— Неужели же вы думаете, что Джоз...

— Я ничего не знаю, моя дорогая, даю вам слово! Может быть, он поступит так, а может быть, и иначе... Ведь я ему не нянька! Знаю только одно: Джоз суетный и глупый малый и поставил вчера девушку в скверное и неприятное положение. Это свою-то душечку, свое сокровище!

Тут он рассмеялся настолько заразительно, что Эмми тоже стала ему вторить.

Джоз так и не появился в этот день. Впрочем, Амелия нисколько этим не смутилась. Плутовка послала своего пажа, другими словами, подручного мистера Самбо, на квартиру Джозефа, справиться о его здоровье и попросить обещанную книгу; через камердинера Джозефа, мистера Бреша, последовал ответ, что господин его лежит в постели и что его только что оставил доктор.

«Он придет, наверное, завтра!» — подумала Амелия, но у нее не хватило духу коснуться этой щекотливой темы перед Ребеккой, да и эта последняя не позволила себе в течение всего вечера намека на все происходившее.

Но на другой день, когда молодые девушки сидели на диване, приготовляясь работать, писать письма или читать роман, в комнату вошел Самбо, ухмыляясь, как всегда, с запиской на подносе и пакетом под мышкой.

— Записка от мистера Джоза! — доложил он.

Как дрожала Амелия, вскрывая ее!

А в записке значилось:

«Милая Амелия!

Посылаю тебе „Сироту в лесу“. Я чувствую себя очень дурно, а потому вчера заснуть не мог. А сегодня я уезжаю в Чельтенгам. Пожалуйста, извинись за меня, если можешь, перед любезной мисс Шарп за мое поведение в Воксхолле и упроси ее забыть и простить все, что я мог наговорить, находясь в возбуждении во время этого фатального ужина. Как только мое здоровье поправится — оно весьма пошатнулось, — я тотчас же уеду на несколько месяцев в Шотландию. А пока остаюсь искренно тебе преданным братом *Джозефом Седли*».

Это письмо было смертным приговором. Все было кончено. Амелия не осмелилась даже взглянуть в побледневшее лицо и пылавшие глаза Ребекки. Она уронила письмо подруге на колени и убежала к себе, выплакать свое горе.

Экономка миссис Бленкинсоп принялась ее утешать. Амелия поплакала на ее плече и в значительной степени облегчила свое сердце.

— Не принимайте этого так близко, мисс! Я не хотела вам говорить, но, право же, никто в доме ее больше уже не любит! Теперь совсем не то, что вначале. Я своими глазами видела, как она читала потихоньку письма вашей матушки. А горничная рассказывает, что мисс Ребекка вечно сует свой нос и в вашу шкатулку, и в ваш комод, и всюду. Она уверяет, будто она-то и припрятала к себе в корзинку вашу белую ленту.

— Я сама отдала ее Бекки, я сама отдала ее! — возразила Амелия, но это нисколько не изменило мнения миссис Бленкинсоп относительно мисс Шарп.

— Не верю я этим гувернанткам, — признавалась она. — Держат они себя, словно богатые наследницы и важные леди, а жалованья получают не больше нашего!

Теперь, за исключением бедняжки Амелии, всем в доме стало ясно, что Ребекка уедет, и господа и слуги (все за тем же единственным исключением) только и желали, чтобы это произошло поскорей. Наша милая Амелия перерыла все свои ящики, шкафы, корзинки и шкатулки, пересмотрела все платья, косынки, безделушки, вязанья, кружева, шелковые чулки и вышивки, откладывая то одно, то другое, чтобы подарить Ребекке. Потом она отправилась к отцу, этому тароватому британскому купцу, который обещал дочке подарить ей столько гиней, сколько ей было лет, и упростила старика отдать эти деньги Ребекке, которая, конечно, нуждалась в них гораздо больше, чем она, не знающая ни в чем недостатка.

Даже мистер Осборн — и тот должен был принять в этом участие: он отправился на Бонд-стрит (он был самым щедрым человеком в армии) и купил Ребекке самую лучшую шляпку и самый красивый спенсер, какие только можно было достать за деньги.

— Это подарок вам от Джорджа, моя дорогая! — объявила Амелия Ребекке, с гордостью вручая ей картонку, заключающую эти дары. — Сколько у него вкуса! Ну, найдете ли вы кого-нибудь, кто бы сколько-нибудь мог с ним сравниться?

— Конечно, нет! — ответила Ребекка. — Как я ему благодарна! — уверяла она, хотя и думала про себя: «Это Джордж Осборн расстроил мой брак!» — и соответственно этому питала к Джорджу должные чувства.

Дорожные сборы Бекки совершала с величайшим спокойствием и равнодушием и принимала все маленькие подарки Амелии, конечно, после необходимых предварительных отказов и колебаний. Разумеется, она поклялась в вечной признательности миссис Седли, тем не менее она не слишком пыталась навязывать свое общество этой доброй леди, которая была смущена и явно старалась избегать ее. Она поцеловала руку мистеру Седли, когда тот поднес ей кошелек с деньгами, и умоляла его позволить ей смотреть на него в будущем как на доброго, доброго друга и покровителя. Ее поведение настолько подкупило старика, что он собрался было выписать ей чек на лишние двадцать фунтов, но вовремя поборол свои чувства. Карета ожидала мистера Седли у подъезда, чтобы отвезти его на обед, и он исчез, кинув ей на прощание:

— Благослови вас бог, моя милая! Когда будете наезжать в город, не забывайте нас! Джеймс, пошел скорее во дворец лорд-мэра!

Наконец пришел час разлуки с мисс Амелией, но над этой картиной я намерен задернуть занавес. После сцены, в которой одно действующее лицо проявило полную искренность, а другое — превосходное сценическое дарование, и после того, как в дело были пущены самые нежные ласки, самые трогательные слезы, самые сердечные чувства и нюхательные соли, Ребекка рассталась с Амелией, клянясь любить свою подругу вечно, вечно и вечно.

ГЛАВА VII

Кроули из Куинс Кроули

жду самыми почтенными фамилиями на букву «К» в придворном календаре за 18... год значился сэр Питт Кроули, баронет, жительствующий на Грэт-Гаунт-стрит в Лондоне и в Куинс Кроули в Гэмпширском графстве.

Это же достопочтенное имя в течение многих лет красовалось в списке членов парламента, бок о бок с значительным числом других достойных джентльменов, которые в разное время сменяли друг друга в качестве представителей от разных местечек.

Что касается в частности местечка Куинс Кроули, то, как рассказывают, королева Елизавета в одно из своих путешествий расположилась в Кроули завтракать и пришла в восхищение от чудесного гэмпширского пива, почтительно поднесенного ей одним из Кроули той эпохи — красивым джентльменом с выхоленной бородой и стройными ногами, и Кроули тут же было

пожаловано в «местечки», с правом посылать в парламент своего представителя, и с момента королевского посещения стала именоваться Куинс Кроули (Королевино Кроули). Это название сохранилось и поднесь. И хотя с течением веков и при тех переменах, какие время вносит в судьбы государств, городов, а также и местечек, Куинс Кроули стало далеко не столь многолюдным, как в эпоху королевы Бесс и даже было низведено до положения местечек, которые принято называть «гнилыми» то есть захудалыми, сэр Питт говаривал со свойственным ему изяществом выражений:

— Гнилое местечко! Повесить надо за такую напраслину! Местечко это приносит мне добрых полторы тысячи фунтов дохода в год!¹

Сэр Питт Кроули, названный так в честь великого вождя палаты общин Питта², был сыном Уольполя Кроули, первого баронета этой фамилии. Уольполь Кроули при короле Георге II стоял во главе учреждения, ведавшего приложением государственных печатей, и оказался причастным к делу казнокрадства, в чем, впрочем, в те дни провинился не один достойный и благородный джентльмен. Уольполь Кроули был, как легко можно догадаться, сыном Джона Черчилля Кроули, названного так в честь знаменитого в царствование королевы Анны восначальника. Родословное дерево, красующееся в Куинс Кроули, упоминает далее о Чарльзе Стюарте, а тот был сыном Кроули эпохи Иакова I; таким образом, мы добираемся уже до Кроули королевы Елизаветы, который изображен на первом плане родословной в панцире и с раздвоенной бородой. На картине, согласно обычаю, из полукафтання родоначальника вырастает дерево, а на главных его ветвях начертаны перечисленные выше достославные имена. Рядом с именем сэра Питта, баронета, героя этой главы, вписано имя его брата, достопочтенного Бьюта Кроули (знаменитый председатель палаты общин Питт впал в немилость ко времени рождения этого достойного джентльмена), состоявшего священником в Кроули-кум-Снэльби, а далее приводятся имена и прочих представителей семейства Кроули мужского и женского пола.

Сэр Питт первым браком был женат на Гризельде, шестой дочери Мунго Бинки, лорда Бинки, доводившейся двоюродной сестрой мистеру Дундусу; она родила сэру Питту двух сыновей: Питта, нареченного этим именем не столько в честь отца, сколько в честь знаменитого министра, и Раудона Кроули, получившего имя по фамилии друга принца Уэльского, так основательно забытого королем Георгом IV. Много лет спустя после кончины первой леди Кроули, сэр Питт повел к алтарю Розу, дочь мистера Дж. Графтона из Медбери, и от второго брака родились две дочери, ради которых и была приглашена в настоящее время в Кроули в качестве их воспитательницы мисс Ребекка Шарп.

Мы увидим, что молодая девушка попала в семью с весьма знатными связями и что ей предстояло вращаться в несравненно более избранном кругу, нежели тот, к которому принадлежала скромная семья, только что оставленная ею в Рессель-сквере.

Мисс Шарп получила распоряжение выехать к будущим своим воспитанницам в виде записки, написанной на внутренней стороне конверта, уже побывавшего в употреблении. Записка эта гласила следующее:

«Сэр Питт Кроули просит мисс Шарп быть здесь во вторник и с поклажей, потому — я отправляюсь в Кроули завтра в рань. Грэт-Таунт-стрит».

Ребекке, насколько это было ей известно, никогда еще не приходилось видеть ни одного баронета. И вот, распрощавшись с Амелией, пересчитав гиней, которые доб-

¹ До парламентских реформ второй четверти XIX в., при архаической избирательной системе, многие средневековые захудалые местечки сплошь и рядом посылали депутатов в парламент — хотя давно успели «сгнить», утратить всякое общественное значение и превратиться в кружок 5–10 избирателей, — на том основании, что посылали их и раньше, тогда как многие многолюдные центры зачастую были лишены представительства в парламенте. Уничтожение представительства от продажных «гнилых» местечек лишило бы вожаков партий лучшего средства наполнять палату депутатов своими клеветами.

² Уильям Питт, 1-й граф Чатам (1708–1778) — английский государственный деятель.

рый мистер Седли положил ей в кошелек, и отерев слезы платочком, каковая операция благополучно завершилась в то самое мгновение, как карета завернула за угол Рессель-сквера, она принялась рисовать себе в воображении баронета.

«Желала бы я знать, носит ли он звезду? — размышляла она. — Или же это отличие носят только лорды? На нем, конечно, богатый придворный костюм с кружевными манжетами, и волосы слегка напудрены, как у мистера Роутона в Ковент-Гардене... Он, вероятно, очень горд и будет относиться ко мне пренебрежительно... И тем не менее я должна буду терпеливо переносить свою горькую судьбу! Во всяком случае, утешительно хоть то, что я буду находиться среди знатных особ, а не среди вульгарных обитателей Сити!»

Тут Бекки задумалась о друзьях, покинутых в Рессель-сквере, с той философской горечью, с какой в известной басне Лисица отзывается о винограде.

Выехав из Гаунт-сквера на Гаунт-стрит, экипаж остановился наконец у мрачного большого дома, стиснутого между двумя другими, такими же большими и мрачными домами; над каждым из них было по траурному гербу, приходившемуся над средним окном гостиной, согласно обычаю Грэт-Гаунт-стрит, этого мрачного места, где как будто всегда царит смерть. Ставни окон нижнего этажа в доме сэра Питта были плотно притворены, некоторые же ставни столовой, находившейся во втором, были открыты и являли оконные стекла, тщательно прикрытые старой газетной бумагой.

Грум Джон, сопровождавший экипаж с Ребеккой, и не подумал встать с козел, чтобы позвонить, он попросил оказать ему эту услугу мальчугана, разносившего молоко. Как только раздался звонок, в просвет между полуотворенных ставень столовой выглянула голова, а затем дверь приоткрыл человек в толстых суконных штанах и штиблетах, в грязном старом сюртуке, с фуляровой¹ косынкой, слабо повязанной вокруг щетинистой шеи, с сверкающей лысиной, гадким красным лицом, серыми поблескивающими глазами и ухмыляющимся ртом.

— Это дом сэра Питта Кроули? — спросил Джон с козел.

— Он самый, — протянул старик, утвердительно кивнув головой.

— Тащи-ка эту кладь! — распорядился Джон.

— Тащи сам! — ответил привратник.

— Да разве ты не видишь, что мне нельзя оставить лошадей! Ну, помоги, старина! Мисс даст тебе на пиво! — посулил Джон, заржав, точно лошадь: перед мисс Шарп он больше не стеснялся, ему было отлично известно, что отношения ее с его господами порваны и что она при отъезде ничего не подарила прислуге.

Лысый старик вытащил при этом обещании руки из карманов, подошел к экипажу, взвалил чемодан мисс Шарп на плечи и потащил его в дом.

— Извольте взять эту корзинку и шаль и отворить мне дверцу! — сказала мисс Шарп в большом негодовании и вышла из кареты. — Я напишу мистеру Седли и пожалуюсь на ваше поведение! — пригрозила она груму.

— Ах, помилуйте, не надо! — ответил ей грум. — Надеюсь, вы ничего не забыли? Прихватили с собой платья мисс Амелии? Отжилили их таки у горничной? Авось и вам пригодятся! Припри дверь, Джим! Ведь ты от нее ничего не дождешься! — продолжал Джон, указывая на мисс Шарп пальцем. — Плохая от нее, я тебе скажу, будет пожива, совсем плохая!

¹ Фуляр — легкая шелковая ткань.

Лысый старик вытащил при этом обещании руки из карманов, подошел к экипажу, взвалил чемодан мисс Шарп на плечи и потащил его в дом

И, проворчав это, грум мистера Седли укатил прочь. Говоря по правде, он был равнодушен к горничной мисс Седли и негодовал на то, что его приятельницу так обобрали.

Вступив, по указанию старика в штиблетах, в столовую, Ребекка нашла это помещение не более веселым, чем бывают подобные покои в то время, когда их хозяева проживают вне города, как это и было в данном случае; обыкновенно эти верные обиталища выглядят при подобных okazиях так, словно оплакивают своих отсутствующих владельцев.

Турецкий ковер свернулся в трубку и упрямо залез под буфет; картины спрятали свой лик под старой коричневой бумагой; люстра закуталась в гадкий коричневый коленкоровый мешок; оконные драпировки скрылись под грязными чехлами; мраморный бюст сэра Уольполя Кроули угрюмо созерцает из темного угла голые стены, засаленную каминную решетку и пустые подносы для визитных карточек на каминной доске. Погребец спрятался за ковер; стулья, уложенные один на другой, выстроились вдоль стены, а в углу, против бюста, на немом подносе покоится старомодный грубый замкнутый поставец для ножей.

У камина стояли два кухонных стула, круглый стол и валялись скрюченные кочерга и щипцы; на потухающем огне шипела сковородка. На столе лежали ломоть хлеба и кусок сыра и стояла, рядом с жестяным подсвечником, кружка с темным портером.

— Пообедали уже, полагаю? Вам не слишком жарко? Глоточек пива?

— Где сэр Питт Кроули? — спросила величественным тоном мисс Шарп.

— Хе, хе, хе! Да я и есть сэр Питт Кроули! Он самый! Не забудьте, за вами должок: за то, что я внес ваши пожитки! Хи, хи, хи! Да вот спросите Тинкер, правда ли, что я сэр Питт? Миссис Тинкер — мисс Шарп! Мисс гувернантка — мисс судомойка! Хо, хо, хо!

Дама, которую сэр Питт назвал миссис Тинкер, входила в это мгновение в комнату, держа в руках трубку и сверток с табаком, за которыми она была отряжена в момент приезда мисс Шарп; она протянула эти предметы сэру Питту, усевшемуся у камина.

— А где же фартинг? — спросил он. — Ведь я дал тебе три полупенса! Где сдача, старая Тинкер?

— Вот! — ответила та, кидая медяк. — Только баронету и впору хлопотать о каком-то фартинге!

— Фартинг в день — это семь шиллингов в год! — возразил член парламента. — А семь шиллингов составляют годовой доход с семи гиней. Береги свои фартинги, старая Тинкер, а гиней наплодятся сами собой!

— Уж по одному тому, как он убивается над каждым фартингом, можете не сомневаться, что это и есть сэр Питт, молодая особа! — сказала угрюмо миссис Тинкер. — В скорости вы его хорошо узнаете!

— ...и полюбите как нельзя больше! — прибавил старый джентльмен почти любезно. — Прежде всего справедливость, а там уж, пожалуй, и щедрость!

— За всю свою жизнь он и фартинга никому не подал! — проворчала Тинкер.

— Не подал, да и не подам, — это против моих правил... Пойди, принеси еще стул из кухни, если хочешь посидеть, Тинкер. А там мы с тобой немножко и закусим!

Тут баронет сунул вилку в стоящую на огне сковородку и вытащил кусок рубца и луковицу. Тщательно разрезав то и другое на почти равные порции, он поделился кушаньем с миссис Тинкер.

— Видите ли, мисс Шарп, когда меня здесь не бывает, Тинкер получает деньги, когда же я наезжаю в город, она обедает со всей семьей! Ха, ха, ха! Я очень доволен, что мисс Шарп не голодна! А ты, Тинкер? — И они набросились на эту скудную трапезу.

Отужинав, сэр Питт Кроули закурил трубку, а когда стемнело, зажег сальную свечу, вставленную в жестяной подсвечник и, пошарив в своих бездонных карманах, вытащил оттуда сверток бумаг, которые и начал перечитывать и приводить в порядок.

— Я приехал сюда по судебному делу и, таким-то образом, и воспользуюсь завтра вашим приятным обществом на пути домой.

— Он всегда занят сутяжничеством! — заметила Тинкер, принимаясь за портер.

— Ну, пей себе, пей, — сказал баронет. — Да, моя дорогая, Тинкер совершенно права, я на своем веку выиграл и проиграл более тяжб, чем кто-либо в Англии. Вот, взгляните-ка сюда: Кроули, баронет, ищет со Снэффля, — и не быть мне Питтом Кроули, если я его не поддену. А вот тут Поддер и еще кто-то вчиняют иск уже против меня. А здесь старшины снэйлбийского прихода вздумали выступить против

Кроули, баронета. Да что они возьмут? Ровнехонько ничего! Чем они докажут, что спорная земля — общинная. Земля моя! Она так же принадлежит общине, как вам или Тинкер. Уж я оттягаю у них земельку, хотя бы мне это обошлось и в тысячу гиней! Взгляните на документики! Посмотрите, если хотите, моя милая. А что, почерк у вас хороший? Когда мы приедем в Куинс Кроули, уж я этим воспользуюсь, можете быть уверены! С тех пор, как я схоронил жену-покойницу, мне так нужен переписчик!

— Вот уж поистине под масть ему была! — подтвердила Тинкер. — Вечно судилась со всеми поставщиками! За четыре года на моих глазах сорок восемь лакеев переменила!

— Да, скупенька была покойница! — согласился баронет. — Но для меня она была неоценимой супругой, и я обходился в те времена без управляющего.

В таком откровенном тоне разговор продолжался довольно долго, к большой потехе новоприбывшей. Каковы бы ни были свойства сэра Питта — дурные или хорошие, — он нисколько не старался скрыть их. Баронет говорил о себе беспрестанно, то прибегая к самому грубому и вульгарному гэмпширскому наречию, то пользуясь утонченным языком светского человека. Наконец, внушив мисс Шарп, чтобы она была готова к пяти часам утра, он пожелал ей покойной ночи.

— Вы ляжете сегодня спать с Тинкер, — сказал он, — кровать широкая, места хватит для обеих. Леди Кроули скончалась на ней. Доброй ночи!

Вслед за этим пожеланием сэр Питт удалился, а старуха Тинкер, торжественно вооружившись сальной свечкой, повела Ребекку сначала по большой холодной каменной лестнице в верхний этаж; потом через большую мрачную гостиную, в которой ручки дверей были обернуты бумагой, они проникли в громадную, выходившую окнами на улицу спальню, где леди Кроули опочила некогда вечным сном. И кровать и комната имели уныло-похоронный вид, и можно было подумать, что леди Кроули не только умерла там, но что дух ее не переставал витать в этих угрюмых стенах. Ребекка живо вбежала в комнату и, пока старуха читала вечерние молитвы, заглянула во все огромные гардеробы, шкафы и комоды и попыталась даже открыть ящики, оказавшиеся запертыми на ключ; она пересмотрела также и мрачные картины и туалетные принадлежности.

— Ох, нехорошо ложиться на это скорбное ложе с нечистой совестью! — произнесла старуха.

— Да, на кровати нашлось бы место, кроме нас, доброй полдюжине духов, — ответила Ребекка, — ну, а теперь, дорогая моя миссис Тинкер, расскажите мне все, что знаете о леди Кроули, о сэре Питте и обо всех!

Но старуха Тинкер оказалась не такой, чтобы из нее можно было вытянуть какие-либо сведения. Она коротко пояснила Бекки, что кровать предназначена для сна, а не для пустых разговоров, устроилась на ней в своем уголке и принялась издавать такой храп, какой под силу только праведному носу.

Долго, долго не могла сомкнуть глаз Ребекка, размышляя о завтрашнем дне, о новом мире, в который она вступала, и о будущих своих в нем успехах. Сальная свеча, поставленная в умывальный таз, мигала; камин отбрасывал чудовищную тень на огромный выцветший ковер, вышитый, несомненно, еще покойной леди, и на два небольших портрета, изображавших двух юношей, одного в ученической форме, другого — в красной куртке, на манер солдатской. Засыпая, Ребекка выбрала последнего из них предметом своих ночных грез и сновидений.

В четыре часа чудесным розовеющим летним утром, которое скрашивало даже и Грэт-Гаунт-стрит, верная Тинкер, разбудив свою товарку по ночному ложу и наказав ей спешно готовиться к отъезду, сняла крюки и запоры и отомкнула парадную дверь с таким шумом и звоном, что эхо прокатилось по всей спавшей еще улице; затем ключница отправилась на Оксфорд-стрит и привела оттуда извозчика.

Едва ли есть надобность указывать здесь номер этой колесницы или говорить о том, что извозчик расположился в такую рань по соседству с Суоллоу-стрит в чая-

нии, не наклюнется ли ему какой-нибудь молодой гуляка, который, бредя из кабачка домой, потребует его услуг и наградит его со щедростью пьяного. Равным образом едва ли надо упоминать о том, что если возница лелеял подобные мечты, то на этот раз он жестоко разочаровался; достойный баронет, которого он свез в Сити, не дал ему ни одного пенни сверх таксы. Напрасно он шумел и кричал и пошвырял картонки мисс Шарп в водосточную канаву, грозя притянуть седока за нарушение извозничьей таксы.

— Лучше и не затевай! — сказал один из конюхов постоялого двора — Это ведь сэр Питт Кроули!

— Совершенно верно, Джо, — подтвердил баронет, — желал бы я посмотреть, что ты можешь мне сделать!

— Я бы и сам не прочь на это посмотреть! — произнес конюх, хмуро улыбаясь и помещая багаж баронета на крышу экипажа.

— Эй, кучер, удержи-ка для меня место на козлах! — крикнул член парламента, и хотя возница и ответил, дотронувшись до шляпы: «Слушаю, сэр Питт», тем не менее он в душе бесился — он обещал это место кембриджскому студенту и уж, конечно, получил бы за это лишнюю крону; что касается мисс Шарп, то ей предоставлено было место внутри кареты, которая и должна была, если так можно выразиться, ввезти ее в широкий мир.

Едва ли надо распространяться и о дальнейшем: как недовольный кембриджский студент уложил на самый верх кареты свои пять плащей, как позднее он примирился с судьбой, когда возле него поместилась мисс Шарп, как он прикрыл ее одним из своих плащей и совсем расцвел; как внутри кареты расположились джентльмен, страдавший удушьем, толстая вдова с фляжкой водки и жеманная дама, которая божилась и клаялась, что никогда еще не ездила в почтовых каретах (подобные жеманницы всегда оказываются в них, или вернее, оказывались, ибо — увы! — куда девались теперь эти старомодные экипажи?); как затем кучер собрал со всех плату и получил от джентльмена на пиво шесть пенсов, а от толстой вдовы — пять засаленных полупенсов; как, наконец, дилижанс тронулся в путь, как пробирался он по темным закоулкам Альдерсгэйт, а потом продребезжал мимо синих куполов собора Святого Павла и помчался в ворота Флитмаркета, скрывшегося ныне вместе с Эксетерской биржей в мир теней; как дилижанс миновал «Белого Медведя» на Пикадилли и туман, поднимавшийся от рыночного сада у Найтсбриджа, как он благополучно миновал Тэрнгам-Грин, Брентфорд, Багшот и т. д.

Пишущий эти строки и сам совершал в былые дни в такую же ясную погоду такое же примечательное путешествие и не может вспомнить о нем без сладостного и нежного сожаления.

Куда девались и эта дорога, и все веселые жизненные приключения! Ведь для старых возниц с багровыми носами не существует теперь ни Челси, ни Гринвича! Да я и не знаю, существуют ли еще вообще где-нибудь эти возницы. Жив ли, например, или же умер старина Уэллер?¹ Где хозяева гостиниц, лакеи, постоялые дворы? А ломти холодной говядины, там подававшейся, а угрюмый конюх с сизым носом и звонким ведром? Где он и где его поколение?

Для тех великих гениев, которые сейчас еще расхаживают в платьицах и которые будут со временем писать романы для любезных детей нашего читателя, все эти люди и предметы покажутся такими же отдаленными преданиями и историей, как рассказы о Ниневии, Ричарде Львиное Сердце или даже Джеке Шеппарде². В их глазах ямщики будут рисоваться какими-то романтическими образами, а четверка гнедых цугом — такую же баснею, как басня о Буцефале или кобылице Блэк Бесс. Ах, как блесла на лошадях шерсть, когда конюха снимали с них попоны и они бодро пускались

¹ Сэм (Сэмюэл) Уэллер — персонаж из романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба».

² Джек Шеппард (1702–1724) — английский разбойник, грабитель и вор начала XVIII в., живший и действовавший в Лондоне.

в путь; ах, как звенели их подковы и дымились бока, когда, после сделанного перегона, они медленно въезжали в ворота постоялого двора! Увы, никогда уж не услышим мы в полночь звука почтового рожка и не увидим, как взлетят перед нами шлагбаумы у застав!

Куда же, однако, влечет нас легкий четырехместный трафальгарский дилижанс? Вместо всех дальнейших отступлений, выйдем-ка лучше в Куинс Кроули да посмотрим, как преуспевает там мисс Ребекка Шарп.

ГЛАВА VIII

Приватно и конфиденциально

т мисс Ребекки Шарп к мисс Амелии Седли. Рассель-сквер. Лондон.

(Свободно от почтовых сборов. Питт Кроули)¹.

Моя милая, дорогая Амелия!

С грустью и вместе с тем с отрадой берусь я за перо, чтобы написать это письмо моему бесценному другу. О, какая перемена между вчерашним и сегодняшним днем! Сегодня я одинока и без друзей, а вчера была в родном доме, в сладостном общении с сестрой, которую буду обожать всегда, всегда! Я не буду рассказывать, в каких слезах и тоске провела я роковую ночь, расставшись с

вами. Вам предстояли во вторник радости и веселье в обществе вашей матушки и молодого преданного вам воина; я продумала о вас всю ночь напролет, представляя себе вас танцующей у Перкинсов. Я уверена, вы были самой красивой из всех молодых девиц на балу! Я же была доставлена в старом рыдване в городской дом сэра Питта Кроули, подвергшись бессовестным дерзостям со стороны вашего грума Джона (увы, бедность и несчастье можно оскорблять безнаказанно), и поручена попечениям баронета. Здесь я была обречена провести ночь на старинной мрачной кровати, бок о бок с ужасной, свирепой старухой-судомойкой, которая присматривает за домом. Ни на один миг не сомкнула я глаз в течение всей этой ночи!

¹ Члены парламента пользовались правом не оплачивать свою корреспонденцию почтовым сбором (примеч. переводчика).

Сэр Питт далеко не соответствует тем представлениям, какие мы составили себе о баронетах, зачитываясь в пансионе „Цецилией“¹. И трудно себе представить личность, менее похожую на выведенного в этом романе лорда Орвилля.

Вообразите себе дряхлого, коротконогого, пошлого и отвратительно грязного старика в ветхом платье и рваных штиблетах, с ужасной трубкой в зубах и собственноручно готовящего себе противный ужин на сковородке. Говорит он на провинциальном наречии. Он осыпал страшными проклятиями старуху-судомойку и извозчика, везшего нас на постоялый двор, откуда отправлялся почтовый экипаж. Но мне большую часть дороги пришлось сделать сидя под открытым небом.

Старуха-судомойка разбудила меня на рассвете, и когда мы добрались до постоянного двора, то меня сначала посадили внутрь кареты. Когда же мы прибыли в местечко, называемое Ликинттон, полил страшный дождь, и — поверите ли вы? — тут-то меня и заставили перебраться на наружное место. Сэр Питт — владелец дилижанса, в котором мы ехали, а так как в Медбери явился пассажир и потребовал себе место внутри дилижанса, то мне и пришлось пересесть наружу, под дождь! Правда, какой-то кембриджский студент любезно укутал меня в один из своих многочисленных плащей.

И этот молодой человек, и кучер, по-видимому, прекрасно знали сэра Питта и немало над ним потешались. Они оба согласились на том, что он «старый жила»; это выражение означало, что баронет — жадная, скупая личность. Они утверждали, будто сэр Питт никогда не даст никому ни гроша (презираю подобную мелочность), а студент объяснил мне причину того, почему мы последние два перегона так плетемся: сэр Питт сидел на козлах, рядом с кучером, и не позволял подгонять лошадей, так как он являлся их собственником на этих двух перегонах.

— Не настегать ли мне их, когда вожжи перейдут в мои руки? — предложил студент.

— Хорошенько бы их, мистер Джек! — одобрил кондуктор.

Я поняла истинный смысл сказанного, когда мне сообщили, что мистер Джек собирается сам править остаток пути и хочет выместить злобу против сэра Питта на его лошадях. Разумеется, я расхохоталась.

Карета, запряженная прекрасной четверкой, в сбруе с гербами, поджидала нас в Медбери, в четырех милях от Куинс Кроули, и мы совершили въезд в парк баронета надлежащим образом. К дому тянется аллея в целую милю длиной, а у ворот, над столбами которых водружены змея и горлица, поддерживающие герб Кроули, без конца приседала перед нами привратница, когда распахнулись старинные железные узорчатые их створки, напомнившие мне ненавистный пансион.

— Эта аллея, — сказал сэр Питт, — имеет в длину ровно милю. Здесь строевого лесу на шесть тысяч фунтов стерлингов. Недурно, как, по-вашему?

В Медбери он пригласил в экипаж какого-то человечка, мистера Годсона, и они без конца толковали о каких-то описях и продажах имуществ, об осушке и подпочве, об арендаторах и фермерах; многого я совсем не поняла: какой-то Сам Майльс был застигнут на месте преступления в то время, как охотился на господской земле, а какой-то Питер Баили упрятан в рабочий дом.

¹ «*Цецилия, или Воспоминания наследницы*» — роман английской писательницы Фанни Бёрни (1752–1840).

— Приструните его хорошенько! Все Майльсы были браконьеры и воровали дичь в наших лесах в течение полутора лет!

Вероятно, это был какой-нибудь старый арендатор, который не мог уплатить за аренду.

Дорогой я заметила красивую колокольню, возвышавшуюся в парке над старыми вязами. Перед ними, на лужайке, между пристройками, стоял старинный красный дом с высокими трубами, увитый плющом и с сверкающими на солнце окнами.

— Это ваша церковь, сэр? — спросила я.

— А то чья же, чтоб ее... — ответил сэр Питт (здесь он выразился очень грубо). — А как здоровье Бьюти, Годсон?.. Это мой брат, моя милая, священник. Я называю его Бьюти-бестия, ха, ха, ха!

Этому смеху вторил и Годсон, однако затем он принял сосредоточенный вид и сказал, покачивая головой:

— Боюсь, сэр, что ему лучше! Вчера он уже выезжал на своем пони и засматривался на наши поля.

— Высчитывал причитающуюся ему десятину, чтоб его... — Тут сэр Питт опять пустил в ход то же бранное выражение. — Неужели же водка никогда его не доконает! Эдакий крепыш! Совсем — ну, как его — Мафусаил, что ли!

Мистер Годсон рассмеялся вновь.

— Молодые люди приехали из колледжа домой, — доложил он. — И так здорово отдули вчера Джона Скроггинса, что тот едва жив остался.

— Как, избili помощника моего управляющего! — заревел сэр Питт.

— Да, сэр! Он перешел между священника, — пояснил Годсон.

Тут сэр Питт пришел в бешенство и стал клясться, что, если он когда-нибудь поймает их охотящимися на его земле, он добьется того, что их сошлют, ей-богу, добьется!

Затем он прибавил:

— Я распродал пожизненно место второго представителя от Кроули в парламенте. И теперь никому из сыновей священника не бывать депутатом! Уж это как бог свят!

На это мистер Годсон ответил, что он вполне прав.

Из всего сказанного я поняла, что братья враждуют между собой, как это нередко случается между братьями и даже и сестрами. Помните, как вечно грызлись в школе сестры Скрачей? Или как Мери Бокс постоянно колотила Луизу?

В этот момент мы увидели, что два мальчугана подбирают в роще хворост. Мистер Годсон, исполняя приказание сэра Питта, выскочил из экипажа и бросился за ними с хлыстом.

— Бей их, Годсон, — ревел баронет. — Вытряси из них душонки и тащи разбойников к дому! Уж я им пропишу, не будь я Питт Кроули!

И вслед за этим мы услышали, как хлыст мистера Годсона засвистал, гуляя по плечам бедных малышей, а сэр Питт, убедившись, что злодеи благополучно изловлены, подкатил к своему крыльцу.

Вся прислуга высыпала нам навстречу...

Тут, дорогая моя, я была прервана прошлой ночью страшным стуком в дверь — и кто же за ней оказался, как вы думаете? Сэр Питт Кроули, в ночном колпаке и халате. Если бы вы только видели эту фигуру! Когда я отскочила перед подобным посетителем, он вошел в комнату и схватил мой подсвечник.

— После одиннадцати — никаких свечей, мисс Бекки! — сказал он. — Можете укладываться в потемках, маленькая плутовочка, — так назвал он меня, — если не желаете, чтобы я всякий вечер приходил за свечкой — запомните это и ложитесь спать в одиннадцать часов!

С этими словами он и сопровождавший его дворецкий, мистер Горрокс, смеясь, удалились.

Можете быть уверены, на будущее время я позабочусь не подвергать себя подобным посещениям.

Они спускают на ночь двух огромных чистокровных сторожевых собак, которые всю вчерашнюю ночь выли и лаяли на луну.

— Этого кобеля я зову Хватом, — рассказывал мне сэр Питт, — он как-то в клоушья разорвал человека и справляется даже с быком... Мать его звали Флора, а теперь я ее называю Бабушкой — очень уж она одряхла и перестала кусаться.

Перед замком Куинс Кроули, состоящим из безобразных старинных кирпичных построек, с высокими трубами и фронтонами времен королевы Елизаветы, находится терраса, украшенная фамильными змеей и горлицей; отсюда главные двери ведут в сени. Эти сени, моя дорогая, так же обширны и мрачны, как и сени любимого нами Удольфского замка; каминный выступ там так объемист, что под ним мог бы поместиться чуть ли не весь пансион мисс Пинкертон, а в самом камине можно изжарить целого быка. По стенам развешано уж я и не знаю сколько поколений Кроули. На одних портретах они бородатые и в брыжах, на других — в огромных париках и в башмаках с заостренными носками; дамы в прямых и узких корсажах и жестких платьях, что делает их похожими на какие-то башни; некоторые из них в длинных локонах и, представьте себе, дорогая, едва ли не без корсета! В глубине сеней — широкая лестница черного дуба, чрезвычайно мрачная, а с каждой ее стороны — высокие с прибитыми над ними оленьими головами двери; они ведут в бильярдную, библиотеку, большую желтую гостиную и другие жилые комнаты. Я думаю, в нижнем этаже не менее двадцати спален; в одной из них сохраняется кровать, на которой провела ночь королева Елизавета. По всем этим замечательным покоем меня водили сегодня утром мои новые питомицы; и вряд ли эти комнаты стали бы менее мрачны, если бы в них отворили ставни: в каждой из них, если бы не зажигали света, могло появиться привидение. Во втором этаже помещается классная, и из нее одна дверь ведет в мою комнату, а другая — в спальню девочек.

Далее идут комнаты мистера Питта, или мистера Кроули, как его обыкновенно называют, старшего сына баронета; потом следуют комнаты мистера Раудона Кроули; он офицер, как и кто-то другой, и находится при своем полку. Здесь нет недостатка в помещении, уверяю вас! Я думаю, в этом старом доме можно было бы поселить всех обитателей Рессель-сквера, и еще осталось бы место.

Через полчаса по нашем прибытии большой колокол прозвонил к обеду, и я спустилась вниз с моими двумя воспитанницами — маленькими и очень худенькими ничтожествами десяти и восьми лет — в вашем милом платье, том самом, из-за которого противная миссис Пиннер, недовольная тем, что вы отдали его мне, наговорила мне дерзостей. Я надела его, потому что здесь ко мне относятся как к члену семьи, и я обедаю с моими воспитанницами наверну только тогда, когда наезжают гости.

Итак, прозвонил обеденный колокол, и все собрались в маленькой гостиной, где обыкновенно и сидит леди Кроули. Это вторая леди Кроули и мать девочек. Она дочь

торговца железными изделиями, и считалось, что она сделала прекрасную партию. Внешность миледи показывает, что когда-то она была красива, теперь же ее глаза как будто всегда оплакивают утрату былой красоты. Она бледна, худощава и сутуловата и, по-видимому, очень беспомощна. Ее пасынок, мистер Кроули, находился здесь же; он был в полном туалете и выглядел торжественно, словно факельщик. Он бледен, сухо-

пар, дурен собой и молчалив; у него тонкие ноги, впалая грудь, усы цвета сена и волосы цвета соломы. Он как две капли воды похож на свою покойную мать, Гризельду из благородного дома Бинки, портрет которой висит тут же, над камином.

— Наша новая гувернантка, мисс Шарп! — произнесла леди Кроули, вставая мне навстречу и беря меня за руку.

— А... а!.. — издал мистер Кроули, мотнув головой, и погрузился вновь в чтение какого-то длинного трактата, которым он был занят.

— Я надеюсь, вы будете добры к моим девочкам, — сказала леди Кроули обратив ко мне свои красные глаза, вечно наполнявшиеся слезами.

— Ну, конечно, маменька! — сказала старшая из девочек, и я сразу же убедилась, что этой женщины мне бояться нечего.

— Кушать подано, миледи! — доложил дворецкий в черном фраке и огромном белом жабо, напомнившем мне брыжи изображенных в сенях кавалеров Елизаветинских времен. Опираясь на руку мистера Кроули, миледи открыла шествие, а я последовала за ней, ведя воспитанниц за руку.

Сэр Питт сидел уже в столовой за серебряным жбаном — он только что побывал в винном погребе; он тоже был нарядно одет: он снял свои штиблеты, и его короткие толстые ноги красовались в черных шерстяных чулках. Буфет был уставлен сверкающей старинной утварью: золотыми и серебряными чашами, подносами и судками, словно на выставке ювелиров Рунделя и Бриджа. На обеденном столе тоже все было из серебра, а по обеим сторонам буфета стояли два рыжих лакея в ливреях канареечного цвета.

Мистер Кроули прочел длинную предобеденную молитву, сэр Питт сказал „аминь“, и большие серебряные крышки были наконец сняты с блюд.

— Что у нас на обед, Бетси? — спросил баронет.

— Кажется, баранья похлебка, сэр Питт, — ответила лэди Кроули.

— Mouton aux navets¹, — важно пояснил дворецкий, — а на горячее — potage de mouton à l'écossaise²; затем — pommes de terre au naturel³ и choufleur à l'eau⁴.

— Баранина и есть баранина — чертовски вкусная штука! Это из каких? Когда баран бит? — спросил баронет.

— Из черноголовых шотландских, сэр, — мы зарезали барана в четверг.

— Кто взял остальное?

— Стил из Медбери забрал седло и окорока, сэр Питт. Только жаловался, что баранина слишком молода и жестковата.

— Не угодно ли вам супу, мисс... а... а... Блент? — промямлил мистер Кроули.

— Чудесная шотландская похлебка, моя милая! — сказал сэр Питт, — хоть и окрестили ее на французский лад.

— Я полагаю, сэр, — прервал его высокомерно мистер Кроули, что в приличном обществе это кушанье никто не назовет иначе, чем я.

Похлебка была подана нам в серебряных тарелках одновременно с жарким лакеями в канареечных ливреях. Нам, девицам, был подан разбавленный водой эль в винных рюмках. Я не знаток в нем и, должна сознаться, предпочитаю простую воду.

Пока мы предавались этому пиршеству, сэр Питт не преминул осведомиться, что случилось с бараньей лопаткой.

— Я полагаю, она пошла на обед прислуге, — ответила смиренно миледи.

— Так точно, миледи, — подтвердил Горрокс, — и такая она была крохотная, что нам пришлось немного ею полакомиться.

Сэр Питт разразился хриплым смехом и продолжал свою беседу с Горроксом:

— А, должно быть, поросенок от черной кентской матки уже здорово отъелся?

— Кожа пока не лопается, — ответил дворецкий с серьезнейшим видом, и тут сэр Питт, а за ним на этот раз и обе девочки опять залились неистовым смехом.

¹ Баранина с репой (фр.).

² Шотландская похлебка из баранины (фр.).

³ Вареный картофель (фр.).

⁴ Цветная капуста (фр.).

— Мисс Кроули, мисс Роза Кроули, — сказал мистер Кроули. — Я нахожу ваш смех в высшей степени неуместным!

— Полно, милорд! — сказал баронет. — Попробуем-ка мы в субботу поросятинки! Прикажи заколоть поросенка в субботу пораньше, Горрокс! Мисс Шарп обожает свинину, не правда ли, мисс Шарп?

Вот все, что осталось у меня в памяти из разговора за обедом. По окончании его перед сэром Питтом поставили жбан с кипятком и графинчик, — вероятно, с ромом. Мистер Горрокс налил мне и моим ученицам по рюмке вина, а миледи — полный стаканчик.

Когда мы перешли в гостиную, миледи достала из рабочей корзинки какое-то бесконечное вязанье, а девочки — засаленную колоду карт. Перед нами стояла одинокая зажженная свеча, помещенная, правда, в прекрасный старинный серебряный шандал¹; ответив на несколько обращенных ко мне вопросов миледи, я стала выбирать между оставшимися на мою долю развлечениями: томиком проповедей и трактатом о хлебных законах, чтением которого был занят до обеда мистер Кроули. Так мы и просидели целый час, пока не послышались шаги.

— Бросьте карты, дети! — воскликнула миледи в великом испуге. — Мисс Шарп, положите на место книгу мистера Кроули!

И едва успели мы выполнить это приказание, как мистер Кроули вошел уже в комнату.

— Ну, дети, теперь мы обратимся к вчерашним занятиям. Вы будете читать попеременно по странице, — распорядился он, — а мисс а... а... Шорт?.. будет иметь случай узнать, как вы читаете.

Бедные девочки принялись разбирать по складам скучнейшую проповедь, произнесенную в Ливерпуле, в Вифсайдской капелле, на тему об обращении индийского племени чикасава. Ну не очаровательное ли это препровождение времени?

В десять часов слуге было приказано пригласить сэра Питта и челядь на общую молитву. Сэр Питт вошел первым, с изрядно покрасневшим лицом и как будто не совсем твердо держась на ногах; за ним следовали: дворецкий, канарейки-лакеи, слуга мистера Кроули и еще какие-то трое других, от которых сильно несло конюшной, а также четыре женщины; одна из них, как я заметила, была излишне нарядно одета и метнула на меня гневный взгляд, грузно опускаясь на колени.

После того, как мистер Кроули покончил с молитвами и с назиданием, нам были вручены свечи, и мы разошлись по спальням. И вот тут-то и было прервано мое питание, как я уже сообщила моей милой и дорогой Амелии.

Доброй ночи! Шлю тысячу, тысячу, тысячу поцелуев!

Суббота. Сегодня в пять часов мы услышали вопли черного поросенка. Роза и Вайолет представили вчера меня ему. Мы побывали также в конюшнях и на псарне и посетили садовника, который снимал плоды для отправки на рынок; девочки умоляли его дать им по кисточке винограда, но тот уверял, будто сэр Питт переметил каждый листик и что он поплатился бы своим местом, если бы рискнул угостить нас хоть виноградинкой. Затем милые девочки поймали жеребенка и принялись скакать на нем, предварительно осведомившись, не желаю ли и я взгромоздиться на него, но явился грум и прогнал их прочь с ужасными ругательствами.

¹ Шандал (устар.) — большой подсвечник.

Леди Кроули вечно сидит за вязаньем. Сэр Питт всякий вечер бывает навеселе и коротает время, как я подозреваю, в обществе дворецкого Горрокса. Мистер Кроули по вечерам неизменно читает молитвы, утром же сидит запершись в своей рабочей комнате или же едет либо в Медберк по делам графства, либо в Сквэшмор, где он по средам и пятницам произносит тамошним фермерам проповеди.

Передайте сотни тысяч благодарностей и приветов дорогим вашим батюшке и матушке.

Оправился ли ваш братец от последствий пунша из арака? О, дорогая моя, как должны были бы мужчины остерегаться этого гадкого пунша!

Вечно, вечно ваша *Ребекка*».

По зрелом обсуждении я почитаю за истинное благополучие для нашей милой Амелии Седли в Рессель-сквере, что она рассталась с мисс Шарп. Конечно, Ребекка — милое и занимательное создание: несомненно, ее описания бедной леди, оплакивающей утрату былой красоты, и джентльмена с волосами цвета соломы и усами цвета сена очень остроумны и указывают на большое знание света. Читатель, вероятно, найдет, что, опускаясь на колени для молитвы, Бекки могла бы помышлять о вещах и более возвышенных, нежели наряд мисс Горрокс, однако, любезный читатель, припомни: наше повествование носит заглавие «Ярмарка тщеславия», а ярмарка тщеславия — место нехорошее, вздорное, суетное, где много лицемерия, лжи и всяких притязаний. И хотя моралист, изображенный на обложке¹ и являющийся точным портретом вашего покорнейшего слуги, и не имеет обыкновения рядиться в пышную мантию и обвешиваться лентами, а довольствуется той длиннополой ливреей, какую носят его собратья, он все-таки, видите ли, обязан говорить правду, поскольку она ему известна, независимо от того, что у него на голове: дурацкий ли колпак с погремушками или широкополая священническая шляпа. Подобные опыты всегда приводят к чрезвычайно неприятным осложнениям.

Я слышал, что однажды в Неаполе один из наших товарищей по писательскому цеху вздумал проповедовать на берегу моря перед кучкой ленивых и добродушных бездельников и впал в такой азарт, описывая всякие злодеяния, которые тут же измышлял, что увлек и всю свою аудиторию; и тут рассказчик и его слушатели принялись извергать проклятия и укоризны на голову выдуманного чудовища, а когда наконец импровизатор снял шляпу и стал собирать мзду, то в нее среди бури сочувственных возгласов градом посыпались байокки².

И опять же, в маленьких парижских театрах вы не только можете наблюдать, как публика восклицает: «Вот злодей! Вот монстр!» — и грозит из ложи кулаками, но и сами актеры отказываются выполнять роли злодеев, вроде бессовестного англичанина, грубого казака и тому подобных; они предпочитают получать меньшее вознаграждение, только бы оставаться в присущих им ролях благородных французов.

Я сопоставил эти два случая, с тем чтобы читатель мог удостовериться, что автор выводит в своем романе злодеев на позорную выставку и поругание вовсе не ради де-

¹ Намек на иллюстрированное лондонское издание подлинника.

² *Байокко* — итальянская разменная монета, выпускавшаяся в Папском государстве с XV до XIX в. В одном папском скудо содержалось 100 байокко.

нежных выгод, а потому, что питает к ним искреннее и непобедимое отвращение, которое и должно вылиться в приличные случаю порицание и осмеяние.

Я предупреждаю моих любезных друзей, что замыслил рассказать о душераздирающих злодействах и сложных преступлениях, весьма тем не менее увлекательных, как мне кажется. Смею вас уверить, мои злодеи не молокососы. В свое время, когда мы дойдем до соответствующих мест, мы не пожалеем для них негодования и теплых слов. Нет, нет! Пока же мы заглядываем в мирные уголки, и поэтому нам надо сохранять спокойствие. Буря в стакане воды — нелепость; грозные проявления стихии приличествуют разве могучему океану в глухую полночь. Предстоящая глава будет весьма безмятежна, но последующие... Однако зачем забегать вперед?

По мере того, как мы будем выводить наших действующих лиц, я, с вашего позволения и на правах ближнего и человека, буду не только представлять их вам, но буду спускаться от времени до времени с подмостков и беседовать о них с вами. Ведь если они окажутся достойными и честными — отчего не полюбить их и не пожать им руку? А если они покажутся смешными — отчего не посмеяться над ними втихомолку? Ну а если они выкажут себя бессердечными злодеями — будем порицать их самым строгим образом, насколько это позволяет приличие.

Иначе ведь вы заподозрите, будто я сам подтруниваю над теми благочестивыми упражнениями, которые мисс Шарп — отнюдь не я! — находит смешными; будто я-то и высмеиваю пристрастие к вину старого Силена¹ — баронета, тогда как насмешки исходят в романе от личности, с уважением относящейся лишь к собственным преуспеяниям и думающей лишь о собственных житейских успехах.

В свете ведь только и процветают люди, ни во что не верящие, чуждые идеалам и незнакомые с любовью к ближнему. Выступим же против них, друзья, смело и отважно! Так же успешно властвует над миром шарлатанство и глупость — вот для их-то обличения и борьбы с ними и придуман смех!

¹ Силен — в древнегреческой мифологии демон, сатир, сын Пана или Гермеса и нимфы, воспитатель, наставник и спутник Диониса; здесь: старый веселый сатир, обычно пьяный и лысый.

ГЛАВА IX

Семейные портреты

Сэр Питт Кроули был философом, склонным к так называемой низменной жизни.

Первый брак баронета с дочерью богатого Бинки совершился по настоянию родителей. Не раз внушал он самой леди Кроули при ее жизни, что она отвратительная, надутая, сварливая кляча, и уверял, что — умри она — он скорее повесится, нежели еще раз возьмет за себя подобное сокровище. И он действительно сдержал свое слово, наметив себе в жены мисс Розу Доудсон, дочь мистера Джона Томаса Доудсона, торговца железными изделиями в Медбери.

Какое завидное счастье выпало на долю Розе с ее обращением в леди Кроули! Давайте подведем итог всем элементам этого завидного счастья.

Во-первых, она отказалась от Питера Бутта, юноши, составлявшего ее постоянное общество, который, разочаровавшись в любви, принялся за контрабанду, браконьерство и другие подобные неблагоприятные промыслы. Затем Роза разошлась, как это и повелевало ей ее новое положение, со всеми друзьями и близкими ей от ее юности лицами, которых она не могла, конечно, принимать в Куинс Кроули. Со своей стороны, она в новом своем положении и обстановке не встретила никого, кто отнесся бы к ней приветливо. Да, впрочем, вряд ли кто и встречает приветливое отношение в подобных обстоятельствах.

У сэра Гедльстона Федльстона были три дочери и каждая из них рассчитывала сделаться леди Кроули. Семья же сэра Джильса Уапшота чувствовала себя оскорбленной тем, что предпочтение не было оказано ее отпрыску. А все остальные баронеты графства были возмущены неравным браком своего собрата. Мы умалчиваем о заурядном дворянстве и оставляем в стороне его брюзжание.

Сэр Питт, по собственному его признанию, не обращал на них никакого внимания. Он обладал красавицей Розой — что еще требуется человеку для его удовлетворения?

Он всякий вечер напивался пьян, порою поколачивал Розу и покидал ее в Гэмпшире одну-одинехоньку, уезжая в Лондон на парламентские сессии. Даже миссис Бьют Кроули, супруга священника, и та отказывалась навещать ее, заявляя, что никогда не переступит порога дома дочери торговца.

Так как единственными дарами, полученными Розой от природы, были румяные щечки и нежная кожа, и так как ей не были присущи ни сила характера, ни таланты, ни склонность к развлечениям, и она совсем не обладала тем бешеным и упрямым нравом, какими отличаются вздорные женщины, то она и не могла прочно привязать к себе сэра Питта. Румянец на ее щеках скоро поблек, а стройность унесло рождение двух малюток, и, таким образом, она обратилась в доме сэра Питта чуть ли не в машину, не более полезную, чем фортепьяно покойной леди Кроули.

Будучи блондинкой, леди Кроули, как и всякая блондинка, особенно тяготела к светлым платьям и носила преимущественно мутно-зеленоватые или небесно-голубые цвета. Она день и ночь сидела над вязаньем и тому подобными рукоделиями и за несколько лет замужества успела собственноручно изготовить вязаные одеяла для всех многочисленных кроватей замка. Она завела себе маленький цветничок, к которому относилась довольно любовно, но, за этим изъятием, ко всему прочему относилась с полным равнодушием. Она оставалась нечувствительна к грубому обхождению мужа; когда же он бил ее, она плакала. У миледи не хватило характера даже на то, чтобы приучиться пить с горя, и она лишь томилась, совсем опустившись и целыми днями просиживая в папиюотках¹.

О ярмарка тщеславия, ярмарка тщеславия! Если бы не ты, каким милым существом могла бы стать Роза! Питер Бутт и Роза жили бы в уютной ферме, с любимой семьей, в сердечном согласии, с достаточным запасом забот, удовольствий и надежд. Но — увы! — на ярмарке тщеславия важный титул и карета четверкой слывут за более ценную игрушку, нежели настоящее счастье, и воскресни вдруг Гарри VIII² или Синяя Борода и вздумай они обзавестись десятой по счету супругой — неужели вы думаете, что они не заполучили бы наипервейшую красавицу сезона, подлежащую представлению ко двору?

Тягостное томление маменьки, как это легко себе представить, не могло пробудить особенной к ней привязанности маленьких дочерей, зато они чувствовали себя на верху блаженства в людских и конюшнях, а так как садовник-шотландец имел, по счастью, добрую жену и славных ребят, то девочки леди Розы нашли в садовом домике здоровое общество и присмотр; этим и ограничивалось их воспитание, пока в доме не появилась мисс Шарп.

Гувернантка была приглашена по настоянию мистера Питта Кроули; он был единственным другом и покровителем леди Кроули и вместе с тем единственной личностью, к которой, помимо дочерей, Роза питала некоторую привязанность, в общем все-таки довольно слабую. Мистер Питт пошел в благородных Бинки, от которых происходил по матери, был истинным и весьма вежливым джентльменом. Возму-

¹ *Папиюотка* — небольшой жгут ткани или бумаги, на который до изобретения бигуди накручивали прядь волос для их завивки.

² *Генрих VIII* (1491–1547) — английский король, у которого было шесть жен и который освободился от двух из них, обезглавив их.

жав и окончив колледж, мистер Питт занялся упорядочением домашней дисциплины, невзирая на отца, который его побаивался. Мистер Кроули был настолько строг в понимании светских приличий, что скорее согласился бы умереть от голода, чем сесть за обед, не надев белого галстука. Однажды, вскоре по выходе его из колледжа, когда дворецкий Горрокс подал ему письмо, не положив его предварительно на поднос, молодой Питт так на него взглянул и прочитал ему такую язвительную нотацию, что с тех пор Горрокс не переставал перед ним дрожать.

Да и все домашние склонялись перед Питтом. Когда он бывал дома, папилютки леди Кроули снимались раньше; исчезали грязные штиблеты сэра Питта, и, хотя неисправимый старик и продолжал придерживаться всех своих других привычек, все же в присутствии сына он не наливался так сильно пуншем и обращался с прислугой вежливо и сдержанно, и последней было замечено, что при сыне сэр Питт никогда не бранил леди Кроули,

Мистер же Кроули и научил дворецкого возглашать: «Кушать подано, миледи!» — и ввел обычай водить мачеху к столу под руку. Он редко достаивал Розу разговором, но когда это делал, то не иначе как с величайшей почтительностью, а при выходе ее из комнаты он неукоснительно упреждал ее и, торжественно распахнув двери, провожал ее изящным поклоном.

В Итоне его прозвали Мисс Кроули, а младший его брат Раудон — должен признаться с прискорбием — нередко задавал там старшему трепку. Отметки Питта в колледже никогда не бывали блестящи, но он выкупал отсутствие дарований похвальным прилежанием, и за все восемь лет учения ни разу не подвергся телесному наказанию, избежать какового, по всеобщему признанию, может разве ангел.

В колледже Питт пользовался полным уважением. Он подготовлял себя к общественной деятельности и с большим усердием изучал древних и современных ораторов, принимая деятельное участие во всякого рода прениях, а доступ на службу ему легко открыло покровительство его деда Бинки. Но, хотя речь Питта и текла свободно и слабый его голос своей торжественностью доставлял ему немало удовольствия, мнения и чувства, которые он дерзал высказывать, неизменно отличались избитостью и пошлостью, несмотря на то, что были изукрашены латинскими цитатами; и он не преуспевал, хотя, казалось бы, самая его посредственность и должна была бы обеспечить ему успех. Ему не удалось даже добиться конкурсной награды, несмотря на то, что все его друзья уверяли его, что он ее получит.

По окончании колледжа Питт сделался личным секретарем лорда Бинки, а затем был причислен к посольству в Пумперникеле; свое дело он выполнял добросовестно и не раз был посылаем на родину с «депешами», иначе говоря, со страсбургскими пирогами для тогдашнего министра иностранных дел. После десятилетней службы в посольстве и спустя несколько лет после кончины всеми оплаканного лорда Бинки мистер Кроули, находя, что преуспевание по службе заставляет себя долго ждать, оставил с чувством некоторого отвращения дипломатическую карьеру и превратился в помещика.

По возвращении в Англию он написал брошюру, посвященную солоду, и занял твердую позицию в вопросе эмансипации негров; он был честолюбив и охотно показывал себя публике. Затем он примкнул к партии мистера Уильберфорса, политике которого поклонялся, и тут-то возникла знаменитая его переписка с достопочтен-

ным Силасом Горн-блауером по поводу обращения ашантиев¹. Он наезжал в Лондон, если не ради парламентских сессий, то уж во всяком случае в мае, когда там происходили религиозные собрания. В своем графстве он был мировым судьей и деятельно посещал и просвещал всех обделенных светом веры. Поговаривали, будто он питал нежные чувства к леди Джейн Шипшанск, третьей дочери лорда Соусдауна, сестра которого, леди Эмилия, была автором восхитительных трактатов: «Истинная подзорная труба моряка» и «Яблочная торговка Финчлейской общины».

Описание мисс Шарп времяпрепровождения мистера Кроули отнюдь не было карикатурой. Он действительно подвергал прислугу набожным упражнениям, о которых уже упоминалось и к которым он привлекал даже и отца. Он покровительствовал индипендентам² прихода, к великому негодованию его дяди-священника и соответственному удовольствию сэра Питта, которому довелось раз-другой посетить их молитвенный дом; это обстоятельство повлекло за собой резкие проповеди в приходской церкви, непосредственно обращенные к старой готической семейной скамье баронета. Впрочем, сэр Питт нисколько не был задет этими нападками, так как издавна усвоил себе привычку мирно дремать во время проповедей брата.

Мистер Кроули был глубоко убежден, что действует в интересах британской нации и всего крещеного мира, уговаривая сэра Питта уступить ему место в парламенте, но старик упорно отказывал в этом сыну. Оба они были слишком благоразумны, чтобы отказаться от полутора тысяч фунтов стерлингов, которые приносила баронету должность второго представителя от Кроули.

В описываемое время эту должность занимал мистер Квадрон, которому и были даны полномочия высказываться по вопросу об освобождении чернокожих рабов. По правде сказать, родовое имение было слишком обременено долгами, и тот доход, какой доставляла привилегия продажи второго голоса «гнилого местечка», был очень и очень необходим для хозяйства Куинс Кроули, которое никак не могло оправиться после того, как с первого баронета, Вольполя Кроули, был взыскан громадный штраф в возмездие за хищения по учреждению, ведавшему приложением государственных печатей. Сэр Вольполь был весельчак, падкий на деньги и на спускание их. «*Alieni appetens, sui profusus*»³, — вставил бы тут мистер Кроули со вздохом. Вольполь Кроули пользовался в свое время всеобщей любовью в графстве за беспробудное пьянство и широкое гостеприимство, отличавшее тогда Кроули. В те времена погребя там были переполнены бургундским, псарни — охотничьими сворами, а конюшни — быстрыми скакунами. Ныне же, если в Куинс Кроули и содержались лошади, то они употреблялись для полевых работ или для обслуживания трафальгарского дилижанса. Именно эти лошади и доставили мисс Шарп в один из предшествовавших дней в замок. Хотя сэр Питт и отличался грубыми вкусами, в родовом поместье он тем не менее ревниво оберегал свое достоинство и редко выезжал иначе как четверкой цугом. И если дома его обед сводился к одной вареной баранине, то подавалась она не иначе как тремя лакьями.

Если бы одной скарденности было достаточно для обогащения, сэр Питт давно был бы богачом. И будь он каким-нибудь стряпчим в маленьком городке и не имей

¹ *Ашанти (ашантийцы)* — африканский народ, ведший войны с англичанами.

² *Индипенденты* — английская религиозная секта.

³ Погонишься за чужим — свое потеряешь (*лат.*).

другого капитала, кроме собственных мозгов, он сумел бы извлечь из них пользу и добиться незаурядного положения и влияния. Но, по несчастью, он был обременен аристократическим именем и хотя и большим, но сильно расстроеным имением; оба эти обстоятельства служили ему скорее помехой. Он питал страсть к сутяжничеству, и эта страсть обходилась ему ежегодно в тысячи фунтов; так как он был слишком умен, по его словам, чтобы позволять грабить себя одному, он давал запутывать свои дела целой дюжине агентов, не доверяя никому из них. В качестве землевладельца он был настолько взыскателен, что снимали у него земли только люди, все равно ожидавшие банкротства; собственное полевое хозяйство сэра Питт вел скаредно и жалел на посевы лишнюю горсть семян. За это ему мстила природа, отказывая в урожае, которым дарила более щедрых и осмотрительных хозяев. Сэр Питт пускался на всевозможные спекуляции: он разрабатывал рудники, состоял пайщиком в компании по сооружению каналов, держал дилижансы, брал казенные подряды — словом, во всем графстве не нашлось бы более делового и занятого человека или чиновника. Так как сэр Питт не выплачивал жалования своим честным служащим в гранитных камноломнях, то он и испытал удовольствие услышать, что четверо из его приказчиков удрали от него в Америку и увезли с собой целое состояние. За отсутствием необходимых мер предосторожности угольные его копи заливались водой; казна оставляла на руках гнилое мясо, которое он рассчитывал всучить по подряду, и любому почтодержателю в королевстве было известно, что от падежа лошадей сэра Питт терпел более, чем кто другой, так как он гнался за дешевой и не давал лошадям достаточно корма.

В обращении с людьми он был весьма обходителен и чужд всякой гордости; наоборот, общество фермера или лошадиного барышника он предпочитал беседе с джентльменом вроде милорда — своего сына. Сэр Питт любил выпить, посквернословить, пошутить с дочерьми фермеров; всем было известно, что он никогда не пожертвовал и шиллинга на доброе дело; но нрав он имел приятный, лукавый, смешливый. Впрочем, он мог сегодня шутить и пить со своими арендаторами, а завтра пускать с молотка их имущество; сегодня он пересмеивался с браконьером, а завтра по-прежнему невозмутимо-радостно обрекал его на ссылку. О его вежливости по отношению к прекрасному полу мы уже знаем от мисс Ребекки Шарп. Одним словом, среди всех баронетов, пэров и коммонеров¹ Англии вряд ли нашлся бы другой, более пронырливый, себялюбивый, презренный, бестолковый и бесславный старичишка. Багровая рука баронета Питта Кроули всегда была готова похозяйничать в чужом кармане. Будучи поклонниками британской родовой знати, мы с горечью и прискорбием должны признать существование столь гнусных недостатков у личности, фамилия которой значитесь у Дербетта².

То обстоятельство, что мистер Кроули пользовался уважением своего родителя, обуславливалось денежными между ними расчетами. Баронет задолжал сыну значительную сумму из наследства его матери, но находил более для себя удобным денег этих не выплачивать; по правде сказать, сэр Питт вообще питал непреодолимое отвращение ко всякого рода платежам, и его лишь насильственно можно было пону-

¹ *Коммонер* — в Англии всякий, не принадлежащий к знати.

² «*Дербетт*» — ежегодный генеалогический справочник дворянства, который издавался с 1802 г. и был назван по имени его первого составителя и издателя Джона Дербетта.

дять к уплате долга. Мисс Шарп вычислила (как мы скоро увидим, она оказалась в курсе всех семейных тайн Кроули), что одни судебные издержки по взысканию кредиторов стоили почтенному баронету ежегодно многих сотен фунтов, но сутяжничество являлось для баронета наслаждением, которым он не мог поступиться; он испытывал жестокое удовольствие, заставляя несчастных кредиторов ждать, и вечно оттягивал сроки, переносил дело из одного судебного учреждения в другое.

«Что пользы быть членом парламента, когда все равно приходится платить долги!» — говаривал сэр Питт.

Из этого явствует, что положение сенатора не приносило ему никаких выгод.

О ярмарка тщеславия, ярмарка тщеславия! Вот перед нами человек, едва грамотный и нисколько не интересующийся чтением, который никогда не знал иных привычек, вкусов, волнений и наслаждений, кроме самых низменных и пошлых, и призыванием которого были только разные нечистые делишки, и тем не менее этот человек пользовался видным положением, почестями и в некотором смысле властью: он был верховным шерифом, важным лицом в своем округе и опорой государства и разъезжал в раззолоченной карете; его удостаивали вниманием великие министры и государственные люди, и на ярмарке тщеславия он играл роль, несравненно более видную, нежели та, какая могла бы выпасть на долю блестящей гениальности и бесспорной добродетели.

У сэра Питта была единоутробная незамужняя сестра, которая от своей матери унаследовала большое состояние. Хотя баронет и предлагал мисс Кроули взять ее капитал под залог имения, она отклоняла это предложение и предпочитала помещение денег в государственных бумагах, как более прочное. Впрочем, она заявила о своем намерении завещать свое состояние младшему сыну сэра Питта и семье священника и уже платила дважды долги Раудона Кроули в период его пребывания в колледже и в армии. Поэтому, когда мисс Кроули наезжала в Куинс Кроули, она становилась там предметом великого уважения, — ведь у нее лежал в банке крупный капитал, а уже это одно делает владельца такового желанным гостем всюду.

Какой вес придает почтенной старой даме текущий счет у банкира! С какой нежностью взираем мы на маленькие слабости этой старушки, если она доводится нам родственницей (искренне желаю каждому из читателей побольше таких родственниц)! Каким милым, добродушным существом она нам кажется! С какой почтительной улыбкой провожает ее младший товарищ фирмы «Гоббс и Доббс» к ее карете, украшенной гербами и с тучным кучером на козлах! Когда она приезжает к нам погостить, с какой гордостью пользуемся мы случаем, чтобы намекнуть нашим друзьям о том положении, какое она занимает в свете! Мы замечаем вскользь (но вполне искренно):

— Я не прочь был бы иметь подпись мисс Мак-Уиртер под чеком хотя бы в пять тысяч фунтов стерлингов!

— О, она, конечно, не отказала бы в этом! — восклицает ваша жена.

На вопрос приятеля, осведомляющегося, не состоите ли вы в родстве с мисс Мак-Уиртер, вы торопитесь ответить с непринужденным, беззаботным видом, что она доводится вам теткой. Ваша жена вечно озабочена отправкой ей в знак внимания маленьких сувениров; ваши малютки дочери постоянно корпят над вышиванием ридикюлей, подушек и скамеечек — все для той же тетушки. А какой веселый огонь загорается в камине ее комнаты, когда она гостит у вас, хотя собственная супруга ваша

затягивается в корсет в нетопленной спальне. Ваш дом в течение пребывания в нем почтенной родственницы принимает такой праздничный, щегольской, приветливый, веселый, уютный вид, какого он в другую пору никогда не имеет. Сами вы, любезный друг, после обеда отказываетесь от желания вздремнуть и внезапно обнаруживаете большую охоту сыграть один-другой роббер в вист (хотя и проигрываете неизменно). А какие вкусные обеды подаются теперь у вас! Каждый день к столу появляются дичь, чудесная мадера и самая разнообразная рыба, выписываемая прямо из Лондона. Даже прислуга на кухне и та приобщается к общему благоденствию; и пока в доме гостит тучный кучер мисс Мак-Уиртер, пиво в людской почему-то становится крепче, а в детской, где кушает ее камеристка, чай и сахар потребляются без всяких ограничений. Так это или не так? Взываю к искренности средних общественных классов!

О милостивые боги! Что стоило бы вам ниспослать мне старушку тетку — старую деву, конечно с гербами на каретных дверцах и накладкой кофейного цвета на голове. С какой охотой занялись бы мои девочки вышиванием для нее рабочей корзинки и чего, чего и я и моя Юлия — мы оба — не предприняли бы, чтобы обставить почтенную родственницу всевозможными удобствами! О, сладостное, ах, какое сладостное видение!

Безумные, безумные мечты!

ГЛАВА X

Мисс Шарп начинает обзаводиться друзьями

Теперь, когда мисс Ребекка была принята на правах члена в милое семейство, портреты отдельных представителей которого мы набросали на предыдущих страницах, для нее прямым долгом являлось — так по крайней мере она утверждала — стараться угодить своим благодетелям и по мере сил и возможности заслужить их доверие. Можно ли не восхищаться подобным чувством признательности со стороны беззащитной сироты? А если к ее расчетам примешивались и кой-какие собственные интересы, то кто может отрицать, что благоразумие молодой особы вполне оправдывалось обстоятельствами?

«Я одна в целом мире, — говорила себе бедная не имевшая друзей девушка. — Я должна рассчитывать лишь на то, что мне могут принести мои собственные старания. Маленькая розовенькая Амелия, не обладая и половиной моей сообразительности, обеспечена десятью тысячами фунтов и всем остальным, тогда как бедная Ребекка все свои надежды должна возлагать единственно на себя да на свой ум, хотя она и гораздо красивее ее. Ну, хорошо, посмотрим, поможет ли мне мой ум добиться приличного положения и не смогу ли я рано или поздно показать мисс Амелии свое над ней превосходство? Не то чтобы я ненавидела бедную Амелию — кто может не любить это безобидное добродушное суще-

ство? — но все же, как счастлива буду я в тот день, когда займу в свете положение более высокое, нежели она. И отчего бы этому и не быть?»

Так рисовала себе картины своего будущего наша маленькая романтическая приятельница. И пусть вас не коробит то обстоятельство, что во всех воздушных замках Ребекки главным его обитателем являлся супруг. О чем ином могут мечтать молодые девицы, как не о суженом? О чем ином помышляют милые их маменьки?

«Я должна быть сама себе матерью», — размышляла Ребекка, не без болезненного раздражения вспоминая о постигшей ее в Рессель-сквере неудаче с Джозом Седли.

Таким образом, Ребекка мудро решила сделать свое положение в Куинс Кроули насколько можно прочным и приятным и с этой целью вознамерилась завязать дружеские отношения со всеми теми из окружающих ее лиц, кто мог бы воспрепятствовать ее благосостоянию.

Так как миледи не принадлежала к этой категории особ и к тому же была существом настолько ничтожным и безвольным, что не пользовалась никаким значением даже в собственном доме, Ребекка скоро пришла к заключению, что ей нет надобности снискивать ее расположение, тем более что добиться этого было почти невозможно. Впрочем, она не упускала беседовать со своими воспитанницами об их «бедной маменьке», а в личных отношениях с миледи неукоснительно проявляла холодную почтительность, но главное свое внимание она мудро обратила на прельщение остальных членов семьи.

В отношении девочек, совершенным расположением которых Бекки не замедлила заручиться, методы ее были весьма просты: она и не подумала слишком обременять учением юные головки, предоставив им широкий простор развиваться самостоятельно, ибо какой воспитательный метод действительней, нежели самообразование?

Старшая из девочек более тяготела к чтению, и так как в старинной библиотеке Куинс Кроули оказался значительный запас французских и английских произведений легкой литературы прошлого столетия (они были приобретены секретарем учреждения, ведавшего приложением государственных печатей, в эпоху немилости), и так как к книжным шкафам никто, кроме Ребекки, не прикасался, она и оказалась в состоянии преподать Розе с удовольствием для себя и как бы между прочим довольно много сведений.

Таким образом, мисс Шарп прочла, совместно с Розой, много французских и английских сочинений, среди которых мы отметим произведения ученого доктора Смоллетта¹ остроумного Генри Филдинга², изящного и фантастичного Кребийона-младшего³, которым так восторгался наш бессмертный поэт Грей⁴, и, наконец, всеобъемлющего Вольтера⁵. Однажды, когда мистер Кроули осведомился, что читают молодые девушки, гувернантка ответила:

— Смоллетта!

— А, Смоллетта! — произнес мистер Кроули, вполне удовлетворенный. — Его история, правда, несколько суховата, но далеко не так опасна, как история Юма⁶. Вы, конечно, читаете его историю?

— Да, — ответила Роза, забыв, однако, пояснить, что читали-то они «Историю мистера Хамфри Клинкера»⁷.

¹ *Тобиас Джордж Смоллетт* (1721–1771) — шотландский романист, поэт, переводчик.

² *Генри Филдинг* (1707–1754) — английский писатель и драматург, один из основоположников реалистического романа..

³ *Клод Кребийон, Кребийон-сын* (1707–1777) — французский писатель, автор нескольких циничных романов, имевших в свое время большой успех.

⁴ *Томас Грей* (1716–1771) — английский поэт-сентименталист, предшественник романтизма, историк литературы.

⁵ *Франсуа-Мари Аруэ Вольтер* (1694–1778) — французский философ-просветитель, поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк и публицист.

⁶ *Дэвид Юм* (1711–1776) — шотландский философ эпохи Просвещения, историк, публицист.

⁷ «*Путешествие Хамфри Клинкера*» — роман Т. Д. Смоллета, написанный в эпистолярном стиле.

В отношении девочек, совершенным расположением которых Бекки не замедлила заручиться, методы ее были весьма просты: она и не подумала слишком обременять учением юные головки, предоставив им широкий простор развиваться самостоятельно, ибо какой воспитательный метод действительней, нежели самообразование?

В другой раз мистер Питт весьма смутился, застав сестру за чтением французской комедии, но гувернантка и тут нашлась, пояснив, что таким путем легче всего усваивается разговорный язык; и он был вынужден этим удовольствоваться. Мистер Питт Кроули чрезвычайно гордился своим умением говорить как дипломат, по-французски (ибо он все еще был светским человеком), и ему доставляли немало удовольствия комплименты, постоянно расточаемые ему гувернанткой по поводу его образованности.

Мисс Вайолет обладала вкусами более грубыми и шумными, нежели ее сестра Роза. Ей были известны заповедные уголки, где куры клали яйца, она не прочь была карабкаться на деревья, чтобы выкрасть из гнезд пернатых певцов их пестрый выводок. Особенное же удовольствие доставляло мисс Вайолет скакать, взобравшись на жеребенка по полям. Она была любимицей отца и всех конюхов и пользовалась милостью у повара, хотя в то же время и была для него пугалом, так как всегда умела добраться до сокровенных уголков, где хранились банки с вареньем, и, если эти тайники становились ей доступными, учиняла на них нападение; она постоянно затевала драки с сестрой. Но если мисс Шарп и становились известны провинности ее воспитанниц, она не сообщала о них леди Кроули, ибо та не замедлила бы довести о них до сведения отца или, того хуже, мистера Кроули. Мисс Ребекка обещала не говорить о проказах Вайолет, если она будет доброй девочкой и будет любить свою воспитательницу.

В отношении мистера Кроули мисс Шарп проявляла послушание и уважение. Она часто советовалась с ним касательно некоторых непонятных ей мест в французских книгах, хотя и была дочерью француженки, и мистер Кроули брался за перевод сам, к великому удовлетворению Ребекки.

Помимо помощи, какую наш дипломат оказывал Бекки в изучении светской литературы, он простер свою любезность до того, что выбирал для нее книги и более серьезного содержания и в своих беседах чаще всего обращался к ней.

Она превыше меры восхищалась речью, которую мистер Кроули произнес в обществе, имевшем целью оказание помощи дикарям Квашимабу, проявила интерес к его брошюре о солоде и нередко бывала до слез растрогана его вечерними проповедями.

— О, благодарю вас, сэръ! — восклицала она, вздыхая и поднимая глаза к небу, и доводила мистера Питта до того, что он снисходил пожать ей руку.

«В конце концов, происхождение — это все! — говаривал себе аристократ-проповедник. — Как воодушевляют мисс Шарп мои речи, а между тем, они никого здесь не трогают... Я слишком изыскан для них... Я должен упростить свой стиль... Но она меня понимает! Ведь ее мать была Монморанси!»

Действительно, как теперь выяснилось, мисс Шарп по матери происходила из этого достославного рода; конечно, она умалчивала о том, что мать ее подвизалась на подмостках; подобное признание покорило бы религиозную щепетильность мистера Кроули. Увы, скольких благородных эмигрантов повергла в нищету ужасная революция!

Прожив несколько месяцев в Кроули, мисс Шарп составила себе изрядный запас рассказов о подвигах главных своих предков, и иные из них мистер Кроули проверил впоследствии по словарю Озье, имевшемуся в библиотеке, и это укрепило его веру в их достоверность, а также в знатность ее происхождения. Могла ли наша героиня предположить, основываясь на этой любознательности и розысках в словаре,

что мистер Кроули был к ней равнодушен? Нет, он относился к ней чисто дружески. Ведь мы уже упоминали, что чувства мистера Кроули принадлежали леди Джен Шипшанск.

Он раз-другой пытался поставить Ребекке на вид все неприличие ее игры в шашки с сэром Питтом, находя, что шашки — развлечение богопротивное и что ей лучше бы заняться чтением «Наследия Тремпа» или «Слепой мурфильдской прачки» или каким-либо другим более серьезным делом. Мисс Шарп на это возражала, что ее покойная маменька обыкновенно игрывала в эту игру со старым графом де Триктракком и почтенным аббатом дю Корне. Таким образом, и этому суетному развлечению она умела найти оправдание, как и всему прочему.

Расположение хозяина маленькая гувернантка снискала не одной только игрой в шашки. Она нашла немало иных способов сделаться ему необходимой; с неутомимым терпением перечитывала она судебные дела, которыми еще до приезда ее в Куинс Кроули сэр Питт обещал ее развлекать; она сама предложила ему переписывать набело его письма и ловко изменяла в них правописание соответственно современным правилам; она интересовалась всем, касавшимся имения, аренды, парка, сада и конюшен, и оказалась таким превосходным товарищем, что баронет редко совершал теперь после завтрака свою обычную прогулку без нее (а следовательно, и дочерей). Он совещался с Бекки о деревьях, которые следовало подрезать в роще, о грядах, которые надлежало вскопать, о выборе лошадей для сельскохозяйственных работ и в упряжь. Не прошло и года со времени переселения мисс Шарп в Куинс Кроули, как она всецело завладела доверием баронета; застольные беседы между сэром Питтом и дворецким Горроксом сменились теперь разговорами, происходившими почти исключительно между сэром Питтом и мисс Шарп. Она едва ли не являлась неограниченной хозяйкой в доме, когда мистер Кроули отсутствовал. Однако в своем новом и высоком положении Ребекка держала себя с достаточной скромностью и осторожностью, чтобы не задеть самолюбия кухонных и конюшенных властей, в отношении которых она была всегда чрезвычайно сдержанна и приветлива. Никто не узнал бы теперь в Ребекке той высокомерной, подозрительной и озлобленной девочки, какую мы знали раньше. Эта перемена обнаруживала большое благоразумие девушки, ее искреннее стремление исправиться и, во всяком случае, незаурядную нравственную силу. Насколько сердце принимало участие в принятой Ребеккой системе угодливого и покорности, покажет дальнейшее повествование. Система лицемерия, длительно проводимая двадцатилетним существом, редко дает благоприятные результаты. Так или иначе, пусть читатель не забывает, что героиня наша, хотя и молодая годами, была уже умудрена жизнью и опытом. Но все наши усилия пояснить это окажутся бесплодными, если читатели не пришли еще сами к тому заключению, что Ребекка — особа весьма умная.

Старший и младший сыновья семейства Кроули представляли собой нечто вроде джентльмена и дамы на барометре: они никогда не бывали дома одновременно, искренно ненавидя друг друга. Впрочем, драгун Раудон Кроули вообще презирал деревенскую жизнь и почти никогда не показывался в Куинс Кроули, за исключением тех периодов, которые совпадали с прибытием туда его тетки.

Лучшее и главное достоинство этой старой леди было нами уже указано. У нее был капитал в семьдесят тысяч фунтов стерлингов, и она почти усыновила Раудона. Старший племянник был ей в высшей степени ненавистен, и она попросту презира-

ла его, почитая за мокрую курицу. В свою очередь, и Питт утверждал, что душа ее бесповоротно погибла, и держался того мнения, что немногим лучшая участь ожидает на том свете и его брата Раудона.

— Она величайшая безбожница, — говорил мистер Кроули, — она возвращается в обществе атеистов и французов. Я не могу без трепета думать о ее поистине ужасном состоянии. И как может она, стоя на краю могилы, так предаваться суетности, светскому легкомыслию, распущенности и сумасбродству!

Действительно, старуха пренебрегала его длительными вечерними проповедями, и, когда она появлялась в Куинс Кроули, мистер Питт бывал принужден прерывать свои молитвы.

— Спрячься со своими проповедями, Питт, когда сюда придет мисс Кроули! — внушал ему отец. — Она мне прямо так и отписала, что не выносит их!

— О сэр, подумайте о наших слугах!

— Да пусть они хоть в тартарары провалятся! — отвечал сэр Питт.

И сын его думал, что, если они будут лишены благодати его поучений, с ними может произойти и что-либо худшее.

— К черту их, Питт, не будешь же ты таким дураком и не допустишь ведь, чтобы из нашего дома уплыли три тысячи годового дохода!

— Что деньги по сравнению с нашими душами, сэр! — продолжал мистер Кроули.

— Скажи лучше, тебе досадно, что старухины деньги не тебе достанутся!

И, кто знает, не скорбел ли об этом мистер Кроули.

Старая мисс Кроули действительно была большой нечестивицей. У нее был маленький уютный особнячок в Парк-Лейне, и так как в течение сезона в Лондоне она не отказывала себе ни в еде ни в выпивке, она летом выезжала на поправку в Харроугэт или Чельтенхам.

Она была самой веселой и гостеприимной из старых дев и, по собственным ее уверениям, некогда слыла красавицей (кому же, впрочем, не известно, что все старушки были в свое время красавицами!). По своему времени она была страшной радикалкой. Она побывала во Франции (предание гласит, что Сен-Жюст¹ внушил ей несчастную страсть к себе) и с тех пор полюбила французские романы, французскую кухню и французские вина. Она читала Вольтера, а Руссо² знала наизусть, высказывалась очень вольно по вопросу о разводе и решительно стояла за права женщин. Портреты мистера Фокса³ были у нее развешаны во всех комнатах, и я далеко не уверен, не была ли она его единомышленницей, когда этот государственный муж состоял в оппозиции. Когда же Фокс вступил в министерство, мисс Кроули стала кичиться тем, что склонила на его сторону сэра Питта вместе со вторым представителем Куинс

¹ Луи Антуан де Сен-Жюст (1767–1794) — французский революционер, военный и политический деятель Великой французской революции; погиб.

² Жан-Жак Руссо (1712–1778) — франко-швейцарский философ, писатель и мыслитель эпохи Просвещения. Также музыковед, композитор и ботаник. Виднейший представитель сентиментализма. Его называют предтечей Великой французской революции 1789–1799 гг. Проповедовал «возврат к природе» и призывал к установлению полного социального равенства.

³ Чарльз Джеймс Фокс (1749–1806) — английский политический деятель и парламентарий, вождь левого крыла партии вигов, идеолог британского либерализма, убежденный оппонент короля Георга III.

Кроули, хотя сэр Питт сдался бы и сам, без всякого давления со стороны старой леди. Я думаю, нет надобности упоминать о том, что политические воззрения сэра Питта круто изменились, как только скончался великий глава вигов¹.

Эта достойная старая леди привязалась к Раудону Кроули, когда тот был еще мальчиком, послала его в Кембридж назло его брату, находившемуся в Оксфорде, а когда юноше после двухлетнего пребывания в Кембридже было предложено университетским начальством покинуть университет, она же купила ему офицерский патент, и он был зачислен в гвардию.

Этот молодой офицер был совершеннейший денди, славившийся на весь город. Бокс, крысиная травля, игра в мяч и езда четверкой цугом — таково было последнее слово моды тогдашней британской аристократии, и Раудон являлся усердным жрецом всех этих благородных искусств. Хотя Раудон Кроули принадлежал к составу тех полков, на которые главным образом падала охрана особы принца-регента² и которые поэтому не имели случая проявить свою доблесть за рубежом, молодой офицер участвовал уже в трех кровавых поединках, поводом к которым послужила игра, любимая им до крайности, и вполне доказал в них свое презрение к смерти.

— ...и к тому, что за ней последует! — замечал по этому поводу мистер Кроули, возводя к потолку глаза, напоминавшие цветом крыжовник. Питт вечно размышлял о спасении души своего брата, как равно и всех тех, кто расходился с ним во мнениях, — занятие, которому предаются многие серьезные люди для самоуслаждения.

Взбалмошная и романтически настроенная мисс Кроули не только не приходила в ужас от бесстрашия своего любимца, но после каждой дуэли неукоснительно уплачивала его долги и не желала прислушиваться к нашептываниям относительно его безнравственности.

— Со временем он перебесится! — твердила старая девица. — Во всяком случае цена ему куда выше, чем его брату, этому чахлому ханже!

¹ *Виги* — старинное название британских дибералов и созданной ими в 1780-е гг. политической партии

² После того, как в 1811 г. сумасшествие английского короля Георга III было признано неизлечимым, управление страной перешло в руки его сына, впоследствии короля Георга IV (1762–1830).

ГЛАВА XI

Аркадская простота

Кроме честных обитателей замка (простота их и сельская чистота нравов достаточно знаменуют преимущества сельской жизни над городской), мы должны познакомить читателя с родственниками и соседями сэра Питта, а именно с мистером Бьютом Кроули и его супругой.

Достопочтенный Бьют Кроули был плотный, веселый мужчина, носивший широкополую шляпу и пользовавшийся в графстве несравненно большей популярностью, нежели его брат, баронет. В бытность свою

в колледже Бьют считался первым гребцом и брал верх над лучшими кулачными бойцами города. Любовь к боксу и другим атлетическим упражнениям не оставляла его и впоследствии. Он никогда не пропускал — на расстоянии двадцати миль в окружности — ни одного состязания, скачек, гонок, бала, выборов и даже обеда, будь он официальный или просто лакомый. Вы могли встретить гнедую кобылу священника и зажженные фонари его джига на расстоянии многих миль от его дома, если только устраивался обед у Федльстона, Роксби, Уапшота Голле или у кого-нибудь из крупных лордов графства, с которыми Бьют был на короткой ноге. У него был прекрасный голос, и он охотно распевал: «Ветер южный, тучки в небе...», был неизменным запевалой при хоровом пении, вызывая дружные аплодисменты, выезжал на охоту в сером кафтане и был самым искусным рыболовом в графстве.

Миссис Кроули, его жена, была маленькой бойкой особой, сочинявшей для своего супруга духовные проповеди. Склонная к семейной жизни и проводя время по большей части дома, с дочерьми, она пользовалась в усадьбе священника неогра-

нической властью, мудро предоставляя супругу полную свободу. Ему позволялось приезжать и обедать в гостях так часто, как это ему заблагорассудится, ибо миссис Кроули была бережливой и знала цену портвейну.

Завладев молодым священником из Куинс Кроули, миссис Кроули сделалась заботливой и домовитой хозяйкой. Она происходила из хорошей семьи и была дочерью подполковника Гектора Мак-Тэвиша (мисс Мак-Тэвиш и ее маменька завлекли и поймали Бьюта Кроули в Харрогэте); несмотря, однако, на все ухищрения жены, священник вечно сидел в долгах. Ему пришлось убить по меньшей мере десять лет на то, чтобы распутаться с векселями, выданными им еще при жизни его отца, в пору студенчества. В 17... году, когда Бьют наконец выкарабкался из-под этого гнета, он проиграл крупное пари на Кенгуру, взявшем приз на скачках. Мистеру Бьюту пришлось занять денег под разорительные проценты, и с тех пор он не вылезал уже из тисков. Сестра помогала ему от времени до времени сотней фунтов, но мистер Бьют все свои надежды основывал на ее смерти, после которой Матильда должна была, черт побери, оставить ему половину своих денег.

Таким образом, у баронета и у его брата имелись налицо все основания, чтобы не терпеть друг друга. При бесчисленных семейных столкновениях сэр Питт брал обыкновенно верх. Молодой Питт не только охотился на церковной земле, но устроил под самым носом дядюшки молитвенный дом. Раудону же предстояло, как это всем было известно, унаследовать большую часть капитала мисс Кроули. Подобные денежные расчеты, упования на жизнь и на смерть и безмолвная борьба за спорную добычу, конечно, мало способствуют приязни братьев на ярмарке тщеславия. Я лично знаю случай, когда банковый билет в пять фунтов нарушил и разрушил более полувека длившееся согласие между братьями. Положительно восхищаешься, думая, как прекрасна и прочна любовь на земле!

Нельзя допустить, чтобы прибытие в Куинс Кроули такой особы, как мисс Ребекка, и постепенное внедрение ее в милость всех тамошних обитателей не могли остаться незамеченными для миссис Бьют Кроули — для миссис Бьют Кроули, которой было известно, на сколько дней хватало в замке ростбифа, сколько белья отдавалось в стирку, сколько персиков созревало у южной стены и сколько приемов лекарства давалось в день миледи, когда она бывала больна; подобные сведения полны великого интереса для иных провинциальных жительниц. Так вот, говорю я, эта миссис Бьют Кроули уж, конечно, не могла пропустить новой гувернантки, не наведя самых точных справок касательно ее происхождения и личности. Между прислугой замка и прислугой священника всегда наблюдалось полное взаимное понимание; на кухне миссис Кроули всегда находилась добрая кружка пива для челяди баронета, — дома оно бывало гораздо слабее, миссис Бьют прекрасно знала, сколько солоду кладется на каждую бочку пива в замке. Наконец, замковую прислугу и прислугу священника связывали и узы родства, точь-в-точь как и их господ. Таковы были пути, благодаря которым каждое семейство было прекрасно осведомлено обо всем, происходившем в другом. Впрочем, это можно рассматривать как общее положение: пока вы живете с вашим братом в согласии, вы к его поступкам относитесь безразлично, но как только вы с ним рассоритесь, вы начинаете неустанно следить за каждым его шагом, словно приставленный к нему соглядатай.

Итак, вскоре по приезде Ребекка стала постоянно упоминаться в бюллетенях, какие доставлялись миссис Бьют из замка. Они гласили:

«Черный поросенок заколот. Он весил столько-то фунтов. Реберную часть посолили, а на обед был подан свиной пудинг и окорок. К сэру Питту приезжал Крамп, переговорить относительно заключения в тюрьму Джона Блэкмора. Мистер Питт ездил на митинг (перечислялись все участники собрания). Здоровье миледи — как всегда. Девицы с воспитательницей».

Потом приходили новые донесения:

«Новая гувернантка — редкая хозяйка. Сэр Питт очень к ней благоволит, мистер Кроули тоже, он читает ей религиозные брошюры».

— Ах негодная тварь! — восклицала при этом маленькая, бойкая, черненькая и язвительная миссис Бьют Кроули.

Под конец донесения гласили, что гувернантка всех оплела, что она заведует корреспонденцией сэра Питта, помогает ему в делах, ведет счета и командует всем домом, миледи, мистером Кроули, девочками, словом, всеми.

На это миссис Бьют Кроули уже прямо заявила, что гувернантка — великая пройдоха и наверное преследует гнусные цели. Таким образом, происходившее в замке давало немало пищи для разговоров в доме священника, и острые глазки миссис Бьют выслеживали в неприятельском лагере не только то, что там делалось, но и многое сверх того.

«От миссис Бьют Кроули к мисс Пинкертон. Чизуикский бульвар.

Куинс Кроули.

... декабря 18.. г.

Любезнейшая мисс Пинкертон!

Хотя и много лет протекло с тех пор, как я пользовалась вашими драгоценными и превосходными наставлениями, я навсегда сохранила благороднейшую и почтительнейшую память о милой школе. Надеюсь, что вы пребываете в добром здравии — на благо миру и на пользу воспитательного дела. Да ниспошлет вам всевышний здравия на долгие, долгие лета.

Когда моя приятельница, леди Федльстон, упомянула, что нуждается в воспитательнице для своих дочерей (я лично недостаточно богата, чтоб содержать гувернантку, но не получала ли я воспитание в Чизуикском пансионе?), я тотчас же решила: с кем же и посоветоваться в этом деле, как не с превосходной, несравненной мисс Пинкертон? Короче сказать, не найдется ли у вас, милостивая государыня, среди ваших воспитанниц особы, которая оказалась бы пригодной для моей дорогой приятельницы и соседки? Смею вас уверить, что она возьмет гувернантку не иначе как по вашему выбору.

Мой дорогой муж рад засвидетельствовать, что ему нравится все, выходящее из заведения мисс Пинкертон. Ах, как я желала бы представить его и дорогих моих дочерей другу моей юности, которым восхищался и сам великий наш лексикограф! Мистер Кроули поручает мне передать вам, сколь приятно было бы ему — если вы когда-либо предпримете поездку в Гэмпшир — видеть наш сельский дом, украшенный вашим присутствием. Он служит скромным, но счастливым кровом для вечно приятельной вам *Марты Кроули*.

P. S. Брат мистера Кроули, баронет, с которым мы, увы, живем далеко не в том согласии, которое приличествовало бы родственникам, имеет при своих дочерях гувернантку; она, как мне сообщали, имела счастье воспитываться в Чизуикской школе.

Об этой особе до меня доходят самые разноречивые толки, а так как я питаю нежную привязанность к маленьким моим племянницам и смотрю на них, несмотря на семейные недоразумения, как на собственных дочерей, и так как жажду оказать внимание каждой из ваших воспитанниц, дорогая моя мисс Пинкертон, я очень просила бы вас сообщить мне историю этой девицы, с которой, единственно из уважения к вам, я желала бы установить дружеские отношения.

М. К. ».

«От мисс Пинкертон к миссис Бьют Кроули.

Чизуикский бульвар, Джонсон-Хауз.

... декабря 18.. г.

Сударыня!

Имею честь уведомить вас о получении любезного вашего письма и спешу на него ответить.

Истинной услугой на моем многотрудном поприще является всякое свидетельство тому, что материнские мои попечения о моих питомицах не пропадают втуне. Узнать в любезной миссис Бьют Кроули мою талантливую и преисполненную всех совершенств мисс Марту Мак-Тэвиш! Я счастлива тем, что имею ныне на своем попечении дочерей многих леди, бывших в свое время вашими товарками по моему заведению. Мне, конечно, доставило бы истинное удовольствие, если бы и ваши милые дочери могли встретить надобность в моем руководительстве.

Свидетельствуя чувства глубочайшего почтения леди Федльстон, я почитаю за честь представить миледи письменно двух из моих юных приятельниц — мисс Туффин и мисс Гауки.

И та и другая в полной мере обладают всеми нужными знаниями для преподавания греческого и латинского, начал древнееврейского, испанского, французского и итальянского языков, а равно математики, истории, географии, музыки — вокальной и инструментальной — танцев, без всякой помощи танцмейстера, так же как и начал естественных наук. В отношении умения пользоваться глобусом эти особы достигли совершенства. Независимо от этого мисс Туффин — дочь почтенного покойного Томаса Туффина, бывшего профессором в Кембридже, — может преподавать также сирийский язык и основы конституционного права. Но так как особе этой всего лишь восемнадцать лет и так как она отличается чрезвычайно привлекательной наружностью, ее кандидатура может встретить возражения в семействе сэра Федльстона.

Что касается мисс Летиции Гауки, то она в отношении наружности одарена далеко не столь счастливо. Ей двадцать девять лет, у нее рябое лицо и рыжие волосы, при этом она несколько косит и отличается некоторым несовершенством походки — она прихрамывает.

Обе эти особы одарены всеми возможными нравственными качествами и религиозными добродетелями. Условия они ставят, соответственные тем высоким достоинствам, кои им присущи.

Посылая почтительные приветствия и мою признательность почтенному мистеру Бьюту Кроули, имею честь пребывать вашей, сударыня, покорнейшей и послушнейшей слугой.

Барбара Пинкертон.

Р. S. Мисс Шарп, о которой вы упоминаете как о гувернантке при детях сэра Питта Кроули, баронета, члена парламента, воспитывалась у меня, и я про нее не могу сказать ничего дурного. Правда, ее внешность весьма неприятна, но мы бессильны против природы; родители же ее были личности с потерянной репутацией (отец — живописец, неоднократно объявлявшийся несостоятельным должником, а мать, как я узнала позднее, к своему ужасу, танцовщица в опере). Впрочем, дарования ее весьма значительны, и я нисколько не сожалею, что призрела ее из милости, но я страшусь одного: как бы правила матери, которая была выдана мне за бежавшую от ужасов революции французскую графиню, но которая, как я потом узнала, была особой весьма низкого сорта и нравственности, не сказались бы по наследственности и на дочери, несчастной молодой девушке, которую я взяла к себе, когда она была всеми отвержена. До сих пор она держала себя вполне благопристойно; я надеюсь, я уверена, что в превосходном избранном кругу высокославного сэра Питта Кроули едва ли может случиться что-либо, что могло бы печально отозваться на ее нравственности».

«От мисс Ребекки Шарп к мисс Амелии Седли.

Вот уже несколько недель, как я не писала моей любимой Амелии, но что занимательного может быть в тех будничных разговорах и занятиях, каким мы предаемся в этой Обители Бестолочи, как я ее окрестила. Может ли вас интересовать урожай рапса? И сколько весит предназначенный для убоя боров — тридцать или сорок фунтов? Хорошо ли откармливать скот свеклой? Здесь всякий день походит на предшествовавший. Перед завтраком — прогулка с сэром Питтом и двумя его уродцами; после завтрака — занятия, самые разнообразные, в классной; после классов — чтение бумаг с сэром Питтом и переписка писем к адвокатам по поводу поставок, каменноугольных копей и каналов (ведь я превратилась в секретаря при баронете); после обеда следуют либо поручения мистера Кроули, либо игра в шашки с баронетом. Но и то и другое развлечения оставляют миледи безучастной. Впрочем, с некоторого времени она стала для окружающих интереснее, так как начала прихварывать, и ее недуги привели в замок нового посетителя в лице молодого лекаря. И вот, я вам скажу, моя дорогая, нам, молодым девушкам, никогда не следует отчаиваться: молодой врач дал понять известной вам особе, что если бы она пожелала превратиться в миссис Глаубер, то оказалась бы желанным украшением его аптекарской лавочки. Я оборвала дерзкого, объявив ему, что для ее украшения достаточно и блестящей ступки с пестиком. В самом деле, неужели же я рождена для того, чтобы сделаться женой деревенского лекаря? Мистер Глаубер убрался восвояси, весьма смущенный наклеенным ему носом, однако принял жаропонижающее и теперь совсем оправился. Сэр Питт громко одобрял мое решение; я думаю, ему было досадно лишиться своего маленького секретаря. Впрочем, я уверена, что старый плут расположен ко мне настолько, насколько он вообще на это способен. Действительно, это было бы недурно — выйти замуж за деревенского аптекаря, после того как... Нет, нелегко забываются старые отношения, о которых я, впрочем, распространяться не буду. Вернусь лучше к Обители Бестолочи.

С некоторого времени это уже больше не Обитель Бестолочи, моя дорогая. Сюда приехала мисс Кроули, на своих откормленных лошадях, с отъевшимися людьми и ожиревшей болонкой, — важная, богатая мисс Кроули, обладательница капитала в семьдесят тысяч фунтов в пятипроцентных бумагах, которую, или, вернее, который,

чрезвычайно почитают оба ее братца. Вид у бедняжки весьма апоплектический, и не удивительно, что ее братья так озабочены ее здоровьем. Если бы вы могли только видеть, как состязаются они, стараясь ей угодить! Как торопятся подложить подушку или подать кофе!

— Когда я приезжаю сюда, в деревню, — замечает мисс Кроули, ибо она не лишена юмора, — я оставляю свою компаньонку, мисс Бриггс, дома. Мои братья так хорошо за мной ухаживают, что хоть двум приживалкам впору!

Действительно, когда мисс Кроули наезжает сюда, весь замок раскрывается, так сказать, нараспашку, и в течение целого месяца кажется, что воскрес давно умерший сэр Уольполь. У нас званые обеды и поездки в коляске четверкой цугом, лакеи разделены в новейшие ливреи канареечного цвета; мы пьем кларет и шампанское так, словно привыкли пить их ежедневно. Даже в классной мы жжем теперь восковые свечи, и у нас топится камин, у которого мы греемся. Леди Кроули наряжается в платье цвета зеленого горошка, наиболее яркое из имеющихся в ее гардеробе, а мои воспитанницы, сбросив свои грубые башмаки и старые узкие клетчатые пелерины, щеголяют в шелковых чулках и кисейных платьицах, как и подобает нарядным дочерям баронета. Розу вчера постигла большая беда: ее любимица, вильтширская свинья, подошла к ней, потерлась об нее и совсем измяла и разорвала девочке восхитительное лиловое шелковое платье цветами. Случись это неделю назад, сэр Питт разбил бы девочку, надавал бы бедняжке пощечин и посадил бы ее на целый месяц на хлеб и воду. Теперь же он ограничился замечанием:

— Вот погоди, уедет тетушка, тогда я тебе задам! — и сам посмеялся над этим происшествием, как над сущим пустяком.

Будем надеяться, что гнев его уляжется до отъезда мисс Кроули. В интересах Розы хотелось бы этому верить. Ах, каким примиряющим и успокоительным свойством обладают деньги! Не менее удивительно сказываются мисс Кроули и ее семьдесят тысяч на взаимоотношениях братьев — я имею в виду баронета и священника. Целый год они питают друг к другу непримиримую вражду, но на Рождество проникаются вдруг нежными чувствами. Я уже писала вам, что этот отвратительный мистер Бьют Кроули, священник-жокей, взял обыкновение читать нам нелепые проповеди в церкви и что сэр Питт отвечал ему на них только храпом. С приездом мисс Кроули о ссорах нет и помину; мистер Бьют навещает замок, сэр Питт — дом священника, и они ведут дружелюбные беседы о свиньях, браконьерах и делах графства и не затевают ссор, сидя над послеобеденными стаканами.

Я думаю, миролюбие их объясняется тем, что мисс Кроули не терпит распрей между братьями и клятвенно обещалась, если они будут ее раздражать, все свои деньги завещать шропшайрским Кроули. Я полагаю, будь шропшайрские Кроули поумнее, им бы и достались все деньги старухи, но шропшайрский Кроули такой же священник, как и его гэмпширский сородич, и он смертельно обидел мисс Кроули (которая помчалась туда в припадке гнева на своих непокладистых братьев) откровенным намеком на ее безнравственность. Если я не ошибаюсь, он собирался отправлять церковную службу у себя на дому.

Когда приезжает мисс Кроули, мы прячем наши молитвенники, а мистер Питт, которого она не терпит, считает более удобным удалиться в город. С другой стороны, молодой денди — капитан Кроули — появляется в замке. Я полагаю, вам небезынтересно будет узнать, что это за личность.

*Если бы вы могли только видеть, как состязаются они, стараясь ей угодить!
Как торопятся подложить подушку или подать кофе!*

Так вот, это очень высокий молодой денди, он шести футов ростом, говорит громко, охотно прибегает к крепким словам и помыкает прислугой, которая тем не менее его обожает. Он весьма щедр, и челядь готова для него на все. На прошлой неделе егери чуть не убили шерифа и его помощника, которые явились из Лондона арестовать капитана и подстерегали его за оградой парка; они избили их, окатили водой и пристрелили бы их под тем предлогом, будто они браконьеры, не вмешайся в дело баронет.

Капитан, по-видимому, от всего сердца презирает отца и одаряет его бесчисленными милыми прозвищами, вроде того: „старый олух“, „старый пошляк“, „жеванная ветчина“ и т. д. Среди дам он пользуется ужасной репутацией. Он явился сюда со своими охотничьими лошадьми, водит знакомство со сквайрами графства, приглашает кого вздумает к обеду, а сэр Питт не смеет и пикнуть из опасения оскорбить мисс Кроули и лишиться наследства, когда она умрет от паралича.

Рассказать вам, каким комплиментом удостоил меня капитан? Да, я должна рассказать, потому что это так мило. Однажды вечером у нас вздумали танцевать — съехались сэр Гедльстон Федльстон с семьей, сэр Джильс Уашнот со своими девицами и еще много других, и я слышала, как капитан сказал:

— Клянусь честью, премиленькая проказница! — намекая на вашу покорнейшую слугу.

Он удостоил меня чести протанцевать со мной две кадрили подряд.

Он недурно развлекается с молодыми помещиками, пьет с ними, держит пари, разъезжает верхом и ведет разговоры об охоте и стрельбе, причем утверждает, что с местными девицами одна скука, и я не думаю, чтобы он был неправ. Посмотрели бы вы, с каким презрением смотрят они на меня, бедняжку! Обыкновенно, когда собираются танцевать, я скромно усаживаюсь за фортепьяно, но в описываемый вечер капитан, выйдя из столовой весьма разругавшимся и увидав меня на обычном посту, стал громко клясться, что я лучшая танцорка во всем зале, и обещал даже выпить из Медберри скрипачей.

— Я сыграю вам кадрили, — вызвалась с большой готовностью миссис Бьют Кроули — маленькая, черненькая старушка в тюрбане, сутуловатая, но с блестящими глазками.

И после того, как капитан и ваша маленькая бедняжка Ребекка протанцевали, она даже почтила меня комплиментом по поводу плавности моих движений. Это было неслыханно. Меня похвалила надменная миссис Бьют Кроули, двоюродная сестра графа Типтоффа, которая и леди Кроули-то удостоивает посещениями только при наездах богатой золовки! Бедная леди Кроули! Во время всех этих развлечений она сидит у себя наверху и принимает пилюли.

Мисс Бьют внезапно почувствовала ко мне большое расположение.

— Дорогая мисс Шарп, — убеждала она меня, — отчего вы никогда не заглянете с девочками к нам? Их двоюродные сестры были бы так счастливы их видеть!

Я, впрочем, отлично понимаю сокровенные ее мысли. Синьор Клементи¹ обучал нас игре на фортепьяно не напрасно, и миссис Бьют хочет заполучить даровую учительницу музыки для своих дочерей. Я издаലെка вижу все ее хитрости так ясно, как если бы она мне их открыла. Но, конечно, я отправлюсь в дом священника, так как

¹ *Муцио Клементи* (1752–1832) — итальянский композитор, пианист и педагог. Имел школу в Лондоне.

решила быть приятной всем — разве это не обязательно для бедной гувернантки, у которой во всем мире нет ни друга ни покровителя? Миссис Бьют осыпала меня похвалами по поводу успехов, сделанных моими воспитанницами; в своем деревенском простодушии бедняжка думала этим мне польстить, — как будто мне это не безразлично!

Ваши платья, дорогая Амелия, индийской кисеи и розовое шелковое, по общим отзывам, очень мне к лицу. Теперь эти платья уже порядком поистрепались, но вы знаете, мы, бедные девушки, не можем приобретать себе свежих туалетов. Счастливая, счастливая вы! Вам достаточно проехаться по Сент-Джеймс-стрит. Ведь у вас есть дорогая маменька, которая вам ни в чем не откажет!

Прощайте, чудеснейшее существо!

Любящая вас

Ребекка.

P. S. Дорого бы я дала, чтобы вы могли взглянуть на вытянутые физиономии обеих мисс Блэкбрук — дочерей адмирала Блэкбрука, моя дорогая! — очень красивых девиц, раздетых в лондонские наряды, когда капитан Раудон избрал меня своей дамой! Прощайте, прощайте!»

После того, как миссис Бьют Кроули, хитрости которой так скоро разгадала наша умница Ребекка, заручилась обещанием мисс Шарп посетить дом священника, она

убедила всемогущую мисс Кроули оказать должное воздействие на сэра Питта, и добродушная старая дева, любившая и сама повеселиться и видеть вокруг себя только веселые и довольные лица, изъявила восхитительную готовность окончательно примирить и сблизить братьев. Поэтому было решено, что младшее поколение обеих семей будет отныне часто посещать друг друга. Но приязни этой, конечно, было суждено длиться лишь до тех пор, пока старая посредница охраняла мир тут же, на месте.

— И зачем ты пригласила на обед этого бездельника Раудона Кроули? — сказал священник своей жене, когда они возвращались домой пешком через парк. — Мне этот молодец вовсе не нравится. Он смотрит на нас, деревенщину, сверху вниз, словно на чернокожих. И перестает ломаться только тогда, когда завидит у нас за столом вино с желтой печатью. А оно стоит мне, черт возьми, десять шиллингов бутылка! Да и вообще он отчаянный малый — игрок, пьяница и развратник. Он убил на дуэли человека, сидит по уши в долгах и лишает меня с семьей большей части состояния мисс Кроули. Уокси утверждает, будто сестра назначила этому... — Тут священник погрозил кулаком луне и произнес что-то похожее на бранное слово, а затем меланхолично продолжал: — Пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Значит, на всех остальных останется не больше тридцати тысяч...

— Я думаю, она не заживется, — сказала жена священника. — Когда мы встали из-за стола, она была совсем багровой. Мне пришлось даже распустить ей шнуровку.

— Она выпила семь бокалов шампанского, — сказал, понизив голос, достоинственный джентльмен, — преотвратительного шампанского, которым нас отравляет братец. Да разве вы, женщины, понимаете в этом толк?

— Да, конечно, в этом мы ничего не понимаем, — сказала миссис Бьют Кроули.

— Она пила после обеда вишневку, — продолжало его преподобие, — да выпила еще кюрасо¹ с кофе. Я бы и за пять фунтов не согласился выпить рюмку этой гадости, так от нее жжет под ложечкой! Она не перенесет этого, миссис Кроули, она должна помереть! Ни кровь, ни плоть не вынесут этого! Держу пари, не пройдет и года, как Матильда протянет ноги!

Священник и его жена некоторое время шли, погрузившись в торжественные размышления и думая о своих долгах, о сыне Джиме, учившемся в колледже, о Франке, который был в Вульчиче, и о четырех дочерях; бедняжки не были красавицами и не могли получить от родителей ни одного пенни сверх того, что тем досталось бы из пресловутого наследства их тетки.

— Не может же Питт быть таким отъявленным негодяем, чтобы продать кому-нибудь право второго представителя от Кроули при жизни теперешнего?! А этот слюнтяй-методист, старший его сынок, тоже ведь рассчитывает попасть в парламент! — продолжал, помолчав, мистер Бьют.

— Сэр Питт Кроули способен на все, — заметила его жена, — надо убедить мисс Кроули, чтобы она заставила баронета обещать представительство от Кроули Джеймсу.

— Питт посулит что хочешь, — ответил брат, — ведь обещал же он, когда умер отец, уплатить все мои университетские долги! Обещал пристроить к нашему дому флигель! Обещал передать мне поле Джиббса и шесть акров луга. А что вышло из этих обещаний? И вот сыну-то этого человека — негодяю, шулеру, расточителю,

¹ *Кюрасо* — апельсиновый ликер.

убийце — словом, Раудону Кроули, эта Матильда отдает большую часть своего капитала! Должен сказать, это не по-христиански; клянусь богом! Ведь этот паршивый пес вмещает в себе все пороки, кроме лицемерия, которое целиком досталось его братцу!

— Тише, дорогой мой, ведь мы во владениях сэра Питта! — остановила его жена.

— Я утверждаю, миссис Кроули, что Раудон — вместилище всех пороков! Нечего ворчать на меня, сударыня! Разве не он застрелил капитана Файрбрэса? Не он обобрал молодого лорда Довдэля в трактире «Кокосовая пальма»? Не он впутался в состязание между Биллем Сомасом и Чишайрским Козырем и не заставил меня поплатиться сорока фунтами? Тебе отлично известно, что он все это проделывал. А что касается его возни с бабами, то разве ты сама не слышала, как он у меня же, тут же, в камере судьи...

— Избавь меня, ради бога, от подробностей! — воскликнула миссис Кроули.

— И ты вдруг приглашаешь этого подлеца к себе в дом! — продолжал мистер Бьют, загораясь гневом. — Ты, мать малолетних дочерей, супруга священнослужителя англиканской церкви! Клянусь честью!

— Бьют Кроули, ты дурак! — сказала ему с презрением жена.

— Прекрасно, сударыня! Дурак я или нет — все равно! Я не говорю, что так же умен, как ты, Марта! Я никогда этого не утверждаю. Но я не желаю видеть Раудона Кроули — так и знай! Я отправляюсь к Гедльстону, — клянусь тебе, я это сделаю! — возьму у него его серую гончую да и натравлю Ланселота на Раудона! Пускай это стоит мне хоть пятьдесят фунтов, а я все-таки это сделаю! Если не раздобуду Ланселота — приведу какую-нибудь другую собаку, но не потерплю у себя присутствия этой скотины Раудона!

— Ты просто, по обыкновению, напился! — только и могла возразить на эти угрозы миссис Кроули.

На следующее утро, когда мистер Бьют проснулся и потребовал пива опохмелиться, миссис Бьют напомнила ему о его обещании съездить в субботу к мистеру Гедльстону Федльстону, а так как мистер Бьют и сам не сомневался, что «намочит при этой okazji нос», то супруги порешили на том, что домой мистер Бьют вернется лишь в воскресенье утром, как раз к началу службы. Таким образом, как мы видим, прихожане Кроули могли лишний раз убедиться, что имеют в особе мистера Кроули священника столь же удачного, как и помещика.

Вскоре по прибытии в замок мисс Кроули чары Ребекки пленили сердце взбалмошной старой девы так же, как и сердца простосердечных провинциалов, о чем нами уже было рассказано. Однажды, собираясь на обычную прогулку в экипаже, мисс Кроули сочла приличным, чтобы маленькая гувернантка сопровождала ее в Медбери. И раньше чем они вернулись домой, Ребекка окончательно победила мисс Кроули, заставив ее четыре раза расхохотаться и потешая ее в течение всего маленького путешествия.

— Отчего бы мисс Шарп не обедать за общим столом? — сказала она сэру Питту, который затеял парадный обед и приглашал соседних баронетов. — Бог мой, неужели же ты воображаешь, что я стану болтать о детской с леди Федльстон или обсуждать судейские дела с этим старым гусаком, сэром Джильсом Уапшотом? Я требую присутствия мисс Шарп! Пусть леди Кроули остается наверху, если не хватает места, но малютку Шарп мне подайте! Это единственная особа во всем графстве, с которой еще можно поболтать!

Конечно, после столь решительного заявления мисс Шарп, гувернантка, получила приказание обедать внизу, вместе с благородными гостями. И вот, когда сэр Гедльстон подвел торжественно мисс Кроули под руку к столу и готовился занять место рядом с ней, старуха громко закричала:

— Бекки Шарп! Мисс Шарп! Подите сюда, садитесь здесь и занимайте меня, а сэр Гедльстон пусть сядет возле леди Уапшот!

А когда гости откланялись и экипажи покатали прочь, ненасытная мисс Кроули сказала:

— Пойдемте, Бекки, ко мне, перемоем косточки всей компании!

И две приятельницы выполнили это у мисс Кроули в совершенстве: старый сэр Гедльстон за столом ужасно сопел, у сэра Джильса Уапшота привычка громко чавкать, когда он ест, а леди Гедльстон помаргивает левым глазом; все это Бекки прекрасно изобразила в лицах. Точно так же удачно были воспроизведены подробности вечерних разговоров о политике, войне, парламентских заседаниях, о знаменитом скаковом состязании между мистером Х и мистером У — все скучные и сухие темы, в пределах которых вращались беседы провинциальных джентльменов. Что касается туалета мисс Уапшот и знаменитой желтой шляпки леди Федльстон, то мисс Шарп разобрала их до последней нитки, к великой потехе своей слушательницы.

— Моя милая, вы для меня настоящая находка! — призналась мисс Кроули. — Я хотела бы, чтобы вы приехали ко мне в Лондон, и уж, конечно, я не сделала бы из вас мишени для насмешек, вроде мисс Бриггс. Для этого вы, маленькое лукавое создание, слишком умны. Не правда ли, Фиркин?

Миссис Фиркин, которая занята была расчесыванием крошечного пучочка волос мисс Кроули, изображавшего ее косу, вздернула голову и произнесла с самым саркастическим выражением:

— Я думаю, мисс чрезвычайно умна!

Миссис Фиркин отличалась ревнивым характером, свойственным каждой честной женщине.

Отвергнув бесцеремонно услуги сэра Гедльстона Федльстона, мисс Кроули распорядилась, чтобы ее водил ежедневно к обеденному столу Раудон Кроули, а Бекки следовала за нею с подушкой; иногда же она, наоборот, брала руку Бекки, а подушкой вооружался Раудон.

— Мы должны сидеть рядом, — говорила старуха, — нас, моя душа, всего только трое христиан во всем графстве!

Таким образом, оставалось признать, что религиозный уровень в гэмпширском графстве был куда как не высок. Отличаясь столь тонким благочестием, мисс Кроули была, как мы имели случай заметить, великой либералкой по своим убеждениям и не упускала случая высказывать их самым откровенным образом.

— Ну что такое происхождение, моя дорогая! — говорила она Ребекке. — Взгляните на моего брата Питта; взгляните на Гедльстонов, которые осели здесь еще во времена Генриха II, взгляните на беднягу Бьюта, — разве кто-нибудь из них может сравниться с вами по уму и воспитанию? Да не то что с вами — они не под стать даже моей компаньонке, доброй Бриггс, или моему дворецкому Боульсу. Вы, моя прелесть, прямо совершенство, положительно, маленькое сокровище! У вас одной больше ума, нежели у целой половины графства, и если бы каждому воздавалось по заслугам, то вам надлежало бы быть герцогиней; впрочем, по-настоящему, никаких герцогинь и

не должно быть, но вам не пристало занимать зависимого положения. По крайней мере, я смотрю на вас как на равную себе во всех отношениях. И... подложите немножко угля в камин, моя дорогая. И возьмите, пожалуйста, это платье и переделайте его. Вы так хорошо умеете это делать!

Таким образом старая филантропка заставляла свою ровню бегать по поручениям, выполнять разную работу по шитью и зачитывать себя всякий вечер до усыпления французскими романами.

В описываемую эпоху, как, пожалуй, припомнят некоторые пожилые мои читатели, великосветское общество было повержено в немалое волнение двумя происшествиями, которые, как сообщали газеты, должны были особенно занимать джентльменов, носящих длинные одеяния. Прапорщик Шэфтон бежал с леди Барбарой Фитцкурс, дочерью и наследницей графа Бруйна, а несчастный Вэр Вэн, джентльмен лет за сорок, дотоле пользовавшийся общим уважением и взрастивший большую семью, внезапно и гнусно покинул супружеский кров из-за мадам Ружмон, актрисы, которой было шестьдесят пять лет.

— Это было лучшей стороной характера милейшего лорда Нельсона, — восклицала старая дева. — Он готов был хоть к самому дьяволу в пасть из-за любимой женщины. В мужчине, который способен на это, всегда кроется что-то привлекательное... Я обожаю безрассудные браки! И больше всего мне нравится, когда какой-нибудь аристократ берет за себя дочь мельника — в том роде, как это было, например, с лордом Флоуэрдэлем. Это приводит всех женщин в негодование. Ах, моя душечка, как я желала бы, чтобы и вас похитил какой-нибудь знатный джентльмен! Уверю вас, вы для этого достаточно прекрасны, моя милая!

— Ах, да! И увез бы в почтовой карете с форейтором! Это было бы восхитительно! — признавалась Ребекка.

— А потом мне еще ужасно нравится, если какой-нибудь бедняк увозит богатую девушку. Я готова жизнь отдать, чтобы Раудон кого-нибудь похитил!

— Но кого же? Бедную или богатую?

— О, глупенький гусенок! У Раудона нет ни шиллинга за душой кроме того, что я ему даю. Он кругом в долгах; ему необходимо поправить свои обстоятельства и приобрести прочное положение в свете.

— А что, он умен? — спросила Ребекка.

— Умен ли он, милочка? Да он ни о чем понятия не имеет, кроме лошадей своего полка, охоты и карточной игры. Но он будет преуспевать: он так восхитительно испорчен! Неужели же вы не слышали, как он убил соперника, а оскорбленному отцу только прострелил шляпу? Его обожают в полку, а вся молодежь, бывающая у Вотье и в «Кокосовой пальме», только его именем и клянется!

Описывая своей задушевной подруге вечеринку в Куинс Кроули и то, как капитан подарил ее впервые вниманием, Ребекка, как это ни странно, сообщила ей о происшедшем не вполне точно. Капитан и ранее отличал Бекки; он встречался с ней на перекрестках аллей, многократно попадался ей в разных коридорах и переходах и не менее двадцати раз в вечер приходил облокотиться о фортепьяно, когда за ним распевала мисс Шарп (миледи была больна и вниз не спускалась, так что стесняться было некого). Капитан писал ей записки, насколько это удавалось громадному глупому драгуну, но ведь глупостью женщин можно пленить не хуже, чем другими качествами. Однако, когда Раудон вложил первое из своих посланий между листками нот,

по которым пела Ребекка, маленькая гувернантка встала из-за фортепьяно, извлекла изящным жестом треугольную записочку, помахала ею, словно треуголкой, а затем подошла к врагу и бросила записку в огонь, после чего низко присела перед капитаном и запела веселее, чем когда-либо.

— Что случилось? — спросила мисс Кроули, послеобеденная дремота которой была нарушена внезапным прекращением музыки.

— Так, пустяки, фальшивая нота! — ответила мисс Шарп со смехом, а Раудон Кроули вскипел от обиды и раздражения.

Как мило было со стороны миссис Бьют Кроули, когда она, подметив очевидное пристрастие мисс Кроули к новой гувернантке, не только не приревновала к ней своей родственницы, но, напротив, радушно приветствовала молодую особу в доме священника, — и не только ее, но даже и Раудона Кроули, соперника ее супруга по пятипроцентным бумагам старой девы. Теперь миссис Кроули и ее племянник стали находить великое удовольствие в общении друг с другом. Раудон не охотился больше, перестал посещать офицерский клуб в Медбери, отказывался от приглашений в Федльстон и преимущественно развлекался тем, что шагал к дому священника, куда заглядывали и девочки Кроули. А так как леди Кроули нездоровилось, то почему было бы им не ходить туда в сопровождении мисс Шарп? И вот девочки (дорогие малютки!) и приходили сюда с мисс Шарп; вечером же часть общества возвращалась домой пешком. Разумеется, старая мисс Кроули предпочитала свой экипаж, но прогулка при луне по полям священника и дальше, через калитку парка, среди темных насаждений и вдоль перекрещивающихся аллей, до Куинс Кроули, представлялась очаровательной для таких любителей живописных картин природы, как капитан и мисс Ребекка.

— О, эти звезды, эти звезды! — восклицала Ребекка, обращая к ним свои сияющие зеленые глаза. — Когда я на них люблюсь, я чувствую, словно сама превращаюсь в бесплотный дух!

— О, да... черт... действительно... Это точь-в-точь как и я, мисс Шарп! — отвечал и другой энтузиаст. — Вас не стесняет моя сигара?

Но оказывалось, что мисс Шарп запах сигар на воздухе любила превыше всего на свете и иногда даже самым восхитительным образом притрагивалась губками к сигаре, пробуя курить, но лишь только она издавала «пуф», как тотчас же испускала легкий крик, чихала и возвращала этот деликатес капитану; тот крутил ус, усиленно попыхивал сигарой, так что она начинала ярко светиться среди темной листвы, и уверял:

— Клянусь честью... Да... черт... Кха... Это самая вкусная сигара, какую я когда-либо курил! Право!

Находчивость и разговорчивость капитана были одинаково блестящи и вполне соответствовали неповоротливости молодого драгуна.

Старый сэр Питт, потягивая в кабинете пиво, покуривая трубочку и обсуждая с Джоном Горроксом вопрос о том, какого барана заколоть, подсмотрел как-то из окна углубившуюся в занимательную беседу парочку; он разразился потоком ругательств и поклялся, что, не гости у него сейчас мисс Кроули, он схватил бы Раудона за шиворот и вытолкал бы его за двери, как истинного негодяя.

— Что и говорить, хорош молодчик! — заметил на это Горрокс. — Да и лакей его Флезерс — истый разбойник: такой поднимает в комнате ключницы шум из-за обе-

да и пива, что хоть лорду впору! Но думается мне, — прибавил он, после некоторого молчания, — что и мисс Шарп как раз капитану под стать.

И поистине, она одинаково приходилась под стать — как отцу, так и сыну.

Дорого бы я дала, чтобы вы могли взглянуть на вытянутые физиономии обеих мисс Блэкбрук — дочерей адмирала Блэкбрука, моя дорогая! — очень красивых девиц, разодетых в лондонские наряды, когда капитан Раудон избрал меня своей дамой!

ГЛАВА XII, Весьма чувствительная

Мы должны теперь распрощаться с Аркадией и милыми лицами, изощрявшимися в сельских добродетелях, вернуться назад в Лондон и узнать, что случилось с мисс Амелией.

«Мы нисколько ею не интересуемся, — пишет мне неведомая корреспондентка красивым мелким почерком в записочке, заклеенной розовой облаткой. — Она бесцветна и скучна». — И она прибавляет еще несколько милых замечаний в таком же духе, которых я никогда бы не передал, если бы они не были весьма лестными для молодой особы, к которой они относятся.

Неужели же любезному читателю, при всей его светской опытности, не доводилось слышать подобных же замечаний со стороны добродушных его приятельниц? Вспомните, как они удивлялись:

— Что находите вы в мисс Смисс, которую вы считаете столь привлекательной?

Или:

— Что могло побудить майора Джонса сделать предложение глупой, ничтожной, приторно улыбающейся мисс Томпсон, ведь у нее лицо восковой куклы!

— Ну, что, в самом деле, нашли вы в этих розовых щечках и голубых глазках? — допрашивают милейшие критики, мудро указывая на то, будто гениальность, интеллектуальные совершенства, дамское знание ботаники и геологии, стихотворная сноровка да умение отбарабанить несколько сонат во вкусе Герца и т. д. являются в женщине несравненно более драгоценными достоинствами, нежели преходящие прелести, которые через немного лет должны неминуемо поблекнуть. Поистине, крайне назидательно слушать размышления женщин, когда они рассуждают о тщете и недолговечности красоты.

Конечно, добродетель — вещь прекрасная, и злополучным существам, страдающим недугом красоты, неукоснительно надлежит помнить о судьбе, их ожидающей. Женщины же воздают, по-видимому, героическому женскому характеру хвалу и пред-

почтение гораздо большие, нежели доброте, свежести, ласковости, простодушию и нежности маленьких домашних фей, которым склонны поклоняться мужчины. Тем не менее представительницы прекрасного пола последней категории могут утешиться: ими-то мужчины и восхищаются, и вопреки предостережениям и протестам со стороны милейших наших приятельниц, мы повинемся этому заблуждению и безумию и будем продолжать в таком духе и до самого конца главы. Что касается лично меня, то мне неоднократно приходилось слышать от особ, к коим я питаю глубочайшее почтение, будто мисс Браун — ничтожная куколка, а за миссис Уайт говорит единственно ее мордочка, в похвалу же миссис Блэк нельзя будто сказать ровно ничего; однако я отлично помню, что вел с миссис Блэк очаровательные беседы (конечно, я не буду их разглашать, любезные сударыни!); равным образом я вижу, как мужчины окружают кресло миссис Уайт или как молодежь наперерыв отбивает друг у друга во время танцев мисс Браун, и это невольно заставляет думать, не является ли для женщины ненависть, обнаруживаемая в отношении ее особами ее пола, лучшим из возможных комплиментов.

Молодые особы, составлявшие обычное общество мисс Амелии, весьма способствовали ее успеху, действуя подобным же образом. Едва ли, например, существовал вопрос, в котором обе мисс Осборн, сестры Джорджа, и девицы Доббин были бы столь согласны, как в оценке своей приятельницы, и они прямо недоумевали, какое очарование могли находить в ней их братья.

— Конечно, мы с ней любезны, — заявили девицы Осборн, две изящные чернобровые особы, у которых не было недостатка в наиготворнейших гувернантках, наставницах и портнихах.

Они относились к Амелии действительно с такой чрезвычайной любезностью и снисходительностью и так нестерпимо покровительственно, что бедная маленькая Амелия лишалась в их присутствии языка и становилась совсем глупенькой, именно такой, какой они ее и считали.

Амелия, однако, всячески старалась полюбить их, как это ей повелевал долг в отношении к будущим золовкам. Она проводила с ними долгие утра, скучнейшие и то-скливейшие. Она торжественно выезжала с ними в их поместительной семейной карете в сопровождении их гувернантки, мисс Вирт, высохшей весталки. Они приглашали Амелию на вечера старинной музыки с целью доставить ей удовольствие, на оратории и в собор Святого Павла, где пели дети, воспитывающиеся на счет общественной благотворительности, причем Амелия бывала настолько подавлена страхом перед приятельницами, что не смела растрогаться детским пением. Дом Осборнов был удобен, стол богат и вкусен; общество — торжественно прилично, уважение, питаемое ими к себе, — безгранично; они занимали самую видную скамью в Фаундлинге; все их привычки церемонны и чинны, и все развлечения невыразимо скучны и благопристойны. И после каждого визита Амелии (как она бывала рада, отбыв его!) все: и обе мисс Осборн, и мисс Вирт, их гувернантка-весталка — вопрошали друг друга:

— И что нашел в ней Джордж?

— Как же так: — воскликнет иной насмешливый читатель. — В пансионе у Амелии было столько почитательниц, и она пользовалась общей любовью, а по вступлении ее в свет она встречает вдруг недоброжелательство со стороны представительниц своего же зоркого пола!

Любезный сэр, в заведении мисс Пинкертон не было ни одного мужчины, за исключением старичка танцмейстера, и не можете же вы допустить, чтобы из-за него

подруги стали ссориться. Но несколько не удивительно, что, когда Джордж, красивый брат, начал исчезать из дому после первого же завтрака и обедать вне дома чуть ли не шесть раз в неделю, сестры его, будучи покинуты, почувствовали некоторое негодование. Ведь нельзя же думать, чтобы молодую мисс Осборн могло порадовать то обстоятельство, что Буллок-младший (банкирская фирма «Голькер Буллок и К°», Ломбард-стрит), ухаживавший за мисс Марией целые два сезона, вздумал пригласить Амелию протанцевать с ним котильон? И тем не менее мисс Осборн, в качестве истинно правдивого, бесхитростного и всепрощающего существа, утверждала, будто это доставило ей даже удовольствие.

— Я в восхищении, что вам нравится эта милочка Амелия! — заметила она с большим чувством мистеру Буллоку по окончании танцев. — Она помолвлена с моим братом Джорджем, и хотя она и не представляет собой ничего особенного, тем не менее она самое добродушное и непритязательное создание, и мы все так ее любим!

Милая девушка! Кто сумел бы так передать всю глубокую прочувзованность пылко брошенного ею слова!

Мисс Вирт и обе чувствительные молодые особы так серьезно и настойчиво распространялись перед Джорджем об огромности жертвы, какую он собирается принести, и о романичности великодушия, с каким он отдается во власть Амелии, что я далеко не уверен: не возмнил ли он себя, принимая ее любовь, достойнейшим во всей британской армии лицом?

Как бы то ни было, Джордж покидал домашний очаг всякое утро и, как уже сказано, обедал вне дома шесть раз в неделю, а сестры его полагали, что влюбленный молодой человек ни на шаг не отходит от фартучка Амелии; в действительности же он далеко не всегда пребывал у Амелии, вопреки светским толкам, рисовавшим его у ног возлюбленной. И когда капитан Доббин заходил навестить своего приятеля, мисс Осборн (она относилась к капитану с большой внимательностью, проявляла великий интерес к военным его рассказам и постоянно осведомлялась о здоровье дорогой его матушки) указывала с улыбкой на противоположную сторону сквера и говорила:

— Вам следует искать его у Седли. Мы Джорджа никогда не видим, ни днем, ни вечером!

На эти шутливые замечания капитан только улыбался с нелепым и застенчивым видом, переменял, не хуже чем какой-нибудь изошренный в светских тонкостях франт, разговор и начинал распространяться на общие темы, вроде оперы, последнего бала у принца в Карлтон-Хаусе или спасительной при всех обстоятельствах погоды.

— Что за невинный простак твой возлюбленный! — не упускала мисс Мария случая уязвить свою сестру, мисс Джейн, когда капитан наконец удалялся. — Ты заметишь, как он покраснел, когда ты сказала, что Джордж на обычном дежурстве?

— Можно только пожалеть, что Фредерик Буллок не позаимствует у капитана хоть капельку его скромности, Мария! — возражала ей на это старшая сестра, покачивая головой.

— Скромности? Ты, верно, хотела сказать — неуклюжести, Джейн? Но я вовсе не хочу, чтобы Фредерик обрывал мне кисейные платья, как это капитан проделал с тобой на вечере у миссис Перкинс!

— Твои платья? Ха, ха, ха! Желала бы я узнать, как мог бы Фредерик оборвать твоё платье! Разве он танцевал не с Амелией?

В действительности же капитан Доббин и краснел, и чувствовал себя неловко, потому что помнил о некоторых обстоятельствах, о которых считал излишним распространяться перед мисс Осборн. Он побывал уже в доме мистера Седли, конечно, под предлогом увидеть Джорджа, но Джорджа там не оказалось; бедняжка Амелия сидела с печальным, задумчивым личиком у окна гостиной и после бессодержательного разговора решила наконец спросить Доббина: правда ли, что его полк получит скоро приказ двинуться за границу и не видал ли он сегодня мистера Осборна.

Полк приказа выступать еще не получал, и Джорджа капитан Доббин не видел.

Вероятно, он у сестер, успокоил Амелию капитан; не сходить ли ему, Доббину, туда и не привести ли к ней лентяя? На это Амелия ласково и благодарно протянула капитану ручку, и тот отправился через улицу; но бедняжка ждала и ждала, а Джордж так и не пришел.

Бедное нежное сердечко! Оно не переставало надеяться и трепетать, ожидать и верить!

Как видите, для романиста тут мало пищи, и едва ли что-либо из всего рассказанного может быть названо событием — одно лишь трепетное ожидание возлюбленного и единственный помысел за весь день: придет ли он? С этой единственной мыслью Амелия и засыпала, и пробуждалась.

Именно в то время, если я не ошибаюсь, когда Амелия осведомлялась у капитана Доббина о Джордже, он играл на Сваллоу-стрит на бильярде с капитаном Канноном, ибо Джордж был малый веселый и общительный и отличался во всех играх, требовавших ловкости.

Однажды, после трехдневного отсутствия жениха, мисс Амелия надела шляпку и сделала набег на дом Осборнов.

— Как, вы оставили брата, чтобы прийти к нам?! — воскликнули обе девушки. — Или, может быть, вы поссорились? Расскажите же нам!

Никакой ссоры не было, увы!

— Можно ли с ним поссориться? — сказала она, причем глаза ее наполнились слезами. Она зашла только затем, чтобы повидать подруг — они так давно не видались!

В этот день Амелия окончательно показала им столь ограниченную и неловкую, что обе мисс Осборн и их гувернантка, внимательно следившие, как печально девушка брела через улицу к себе домой, более чем когда-либо недоумевали, что мог найти Джордж в этой маленькой беденькой Амелии. И это было вполне понятно. Могла ли Амелия выставить свое сердце напоказ этим бестрепетным черноглазым девицам? Она предпочитала замкнуться в себе и молчать. Разумеется, мисс Осборн были превосходными знатоками, когда дело касалось кашемировых шалей и розовых шелковых накидок; они отлично замечали, если мисс Тернер перекрашивала свое красное платье и переделывала его на спенсер¹, а мисс Пикфорд перекраивала горностаевую накидку на муфту и опушку для шубки; смею вас уверить, эти изменения от внимания вышесказанных догадливых особ не ускользали. Но есть, видите ли, на свете множество вещей более тонкого свойства, нежели меха и шелка, нежели вся пышность царя Соломона и все великолепие гардероба царицы Савской, и эти-то тонкости и скрыты от глаз многих знатоков. Точно так же существуют нежные, скромные, маленькие

¹ *Спенсер* — короткий женский жакет с длинными рукавами.

сердца, которые распускаются, благоухают и нежно расцветают только в укромной тени; и, наоборот, бывают садовые украшения, похожие на блестящие медные грелки и способные смутить самое солнце. Но мисс Седли не принадлежала к числу подсолнечников, и я скажу даже, что было бы нарушением всех законов гармонии, если бы скромная благоуханная фиалка разрослась до размеров махровой гигантской далии.

Впрочем, в жизни молодой простодушной девушки, живущей в родительском гнездышке, не могут иметь место потрясающие приключения, которые приличествуют разве героине романа. Силок или выстрел могут погубить опытную птицу, когда она отыскивает себе корм; повстречается ей на пути ястреб — она или спасется, или погибнет; птенцы же, не покинувшие родимого гнезда, предаются чудесному, спокойному, хотя и не слишком романическому прозябанию среди пуха и соломы, пока

не придет их черед выпорхнуть оттуда. И вот, в то время как Бекки Шарп порхала на приволье, перепрыгивая с ветки на ветку среди расставленных ей многочисленных тенет и собирала корм без препон и не без успеха, Амелия спокойно пребывала под родительским кровом в Рессель-сквере, и если и появлялась в свете, то не иначе как под охраной старших. Никакое зло, казалось, не могло обрушиться ни на нее, ни на богатый, веселый, уютный дом, в котором она находила ласковый приют. У ее маменьки были свои утренние занятия, ежедневные выезды и восхитительные визиты к знакомым и в магазины, составляющие развлечение или ремесло — назовите, как хотите, — богатой лондонской леди.

Папенька же Эмми производил тем временем свои таинственные операции в Сити, охваченном смятением в те дни, когда война бушевала в Европе и судьбы целых государств ставились на карту, когда газета «Курьер» имела десятки тысяч подписчиков, когда один день приносил известие о битве под Витторией, а другой — о сожжении Москвы; когда в обеденное время в Рессель-сквере раздавался рожок газетчика и оповещал о событиях в таком роде: «Битва под Лейпцигом. В бою участвовало 600 000 человек. Полное поражение французов. 200 000 убитых».

Старик Седли раз или два возвращался домой весьма сосредоточенным. Впрочем, тут нечему удивляться: известия, подобные приведенным выше, волновали все сердца и все биржи Европы.

Тем временем жизнь в Рессель-сквере текла так, как если бы в Европе все было по-старому. Лейпцигское отступление нимало не сказалось на количестве кушаний, поглощаемых в людской мистером Самбо; союзники уже вторглись во Францию, а обещанный колокол звонил по заведенному порядку, как обыкновенно. Не думаю, чтобы бедняжку Амелию сколько-нибудь волновали Бриенн или Монмирайл или чтобы она серьезно интересовалась войной, пока не последовало отречение императора. Тут она всплеснула руками, вознесла молитву к создателю — и какую признательную! — и бросилась в объятия Осборна, к удивлению всех очевидцев этого порыва.

Факт был налицо: мир был возвещен, Европа собиралась отдохнуть, корсиканец был ниспровергнут, а следовательно, полк Осборна освобождался от посылки на театр военных действий. Такова была нить рассуждений Амелии. Для нее судьбы Европы сводились к лейтенанту Джорджу Осборну: он избавлялся от опасности, и она готова была славословить господу. Джордж был для нее Европой, он был ее императором, и союзными монархами, и самым августейшим принцем-регентом. Он был для нее солнцем и луною, и, я полагаю, в ее представлении даже и великолепная иллюминация и бал в честь монархов совершились все для того же Джорджа Осборна.

Нам уже приходилось говорить о тех лишениях, борьбе и бедности — этих печальных учителях, — которые воспитали Бекки Шарп. Последнею же учительницей Амелии Седли была любовь, и можно лишь подивиться, какие успехи сделала наша юная приятельница под руководством этой столь популярной наставницы. В течение пятнадцати или восемнадцати месяцев, что молодая девушка неукоснительно следовала указаниям этой выдающейся руководительницы, завершавшей ее воспитание, Амелия постигла множество тайн, о которых не имели понятия ни мисс Вирт, ни черноглазые молодые девицы по ту сторону сквера, ни даже сама Пинкертон в Чизуике. Да и что вообще могли знать эти безупречные и почтенные девственницы! Что касается мисс Вирт и мисс Пинкертон, то из их обихода нежная страсть вообще исключалась, и я не осмелился бы даже помыслить применительно к ним о чем-либо по-

добном! Мисс Мария Осборн была, правда, «привязана» к мистеру Фредерику Аугустусу Буллоку, члену фирмы «Голькер, Буллок и К°», но привязанность эта была в высшей степени респектабельной, и мисс Мария точно так же вступила бы в союз и с Буллоком-старшим; ее внимание было устремлено на то, на что и полагается устремляться вниманию благородных молодых девиц: на дом в Парк-Лейне, дачу в Уимбелдоне, прекрасную коляску, пару огромных лошадей и таких же выездных лакеев и четвертую часть ежегодных прибылей славной фирмы «Голькер, Буллок и К°», а все эти преимущества воплощались в особе Фредерика Аугустуса. Будь уже в те времена избреты венки из померанцевых цветов (трогательная эмблема девичьей непорочности, ввезенная к нам из Франции, где, впрочем, процветает обычай продавать дочерей в замужество), мисс Мария украсилась бы гирляндой непорочности и уселась бы в дорожную карету бок о бок даже и со старым плешивым подагриком с носом вроде бутылки, словом с Буллоком-старшим, и посвятила бы, с образцовым смирением, свою юность уходу за стариком, но старый джентльмен был уже женат, а потому мисс Мария свое молодое чувство могла направить лишь в сторону младшего товарища фирмы. О, эти нежные померанцевые цветы! На днях я видел, как мисс Троттер украсилась ими и впорхнула в дорожную карету, поданную к церкви Святого Георга на Ганновер-сквер, а вслед за ней туда проковылял и лорд Мафусаил. С какой предупредительной поспешностью опустила новобрачная занавески на дверцах! Милая непорочность! На это бракосочетание съехала половина карет с ярмарки тщеславия.

Не такова была любовь, завершившая воспитание Амелии и в течение какого-нибудь года превратившая добрую девочку в добрую молодую женщину, которой предстояло сделаться и доброй женой, когда пришло бы это счастливое время. Эта юная особа (может быть, со стороны ее родителей было весьма неблагоприятно поощрять ее и поддерживать столь безрассудные и романтические фантазии) полюбила всем сердцем несколько уже знакомого нам молодого офицера, состоявшего на действительной королевской службе. Едва проснувшись, она начинала мечтать о нем, и имя Джорджа было последним, какое она произносила в вечерних молитвах. Никогда не видывала Эмми человека более красивого и умного. Как он хорош верхом! А какой он танцор! И какой герой! Рассказывают об изяществе поклона принца-регента. Но разве может он сравниться с Джорджем! Она видела мистера Браммела, которого все так превозносят. Но можно ли сравнить его с Джорджем? Среди всех красавцев, завсегдатаев оперы (в те дни эти красавцы носили совсем оперные головные уборы), не было никого, кто мог бы сравниться с ним. Он обладал всеми чертами сказочного принца, и разве с его стороны не было истинным великодушием обратить внимание на такую смиренную Золушку?

Будь мисс Пинкертон наперсницей Амелии, она, весьма вероятно, попыталась бы умерить это слепое обожание, хотя вряд ли бы в этом и преуспела. Обожание лежит уже в самой природе некоторых женщин; одни из них созданы для интриг, другие — для любви, и я желаю каждому уважаемому холостяку, который будет читать эти строки, найти себе подругу, которой он больше всего понравится.

Находясь всецело во власти всепоглощающего чувства, мисс Амелия самым жестоким образом забыла своих двенадцать приятельниц, как это обыкновенно и бывает с людьми в ее состоянии. Она могла думать лишь об одном, а мисс Сольтайр была слишком холодна, чтобы годиться в наперсницы; писать об этом мисс Суорц, курча-

вой наследнице из Сент Китса, Амелии не могло прийти и в голову. Правда, она брала к себе на праздники малютку Лауру Мартин, и я полагаю, что ее-то она и сделала своей поверенной; Амелия взяла с нее слово, что та придет к ней и будет жить у нее, когда она выйдет замуж, и сделала ей немало сообщений по поводу любовной страсти, которые, вероятно, поразили малютку своей новизной и вряд ли могли бы ей быть особенно полезны. Увы, увы, я боюсь, что бедняжка Амелия далеко не обладала достаточно уравновешенным умом!

Но что делали ее родители? Почему не уберегли они ее, почему допустили, чтобы так сильно билось сердце их дочери? Старик Седли вообще мало что замечал вокруг себя, к тому же он в последнее время стал задумчивее, и дела в Сити совсем его поглощали; миссис Седли была по натуре своей настолько добродушна и не любопытна, что даже и не ревновала; мистер же Джозеф пребывал далеко, осаждаемый в Чельтенгаме ирландкой-вдовушкой. Таким образом, Амелия была вполне предоставлена себе. Увы, порою даже и слишком! Она не терзалась сомнениями, ибо, конечно, Джордж находился в казармах. Не мог же он вечно брать отпуск! Наконец, должен же он был видаться с друзьями и с сестрами, бывать в свете, наезжая в город (он-то, являвшийся таким прекрасным украшением всякого общества!). А будучи в полку, он, конечно, слишком уставал, чтобы писать длинные письма. Я знаю, где хранила Амелия сверток, ведь я могу прокрасться в комнату, как какой-нибудь Якимо¹. Впрочем, зачем же, как Якимо? Это было бы слишком дурно, лучше поступлю, как мирное лунное сияние, которое заглядывает в постель, где надежда, красота и невинность покоятся среди сладостных грез.

Но если письма Осборна и отличались солдатской краткостью, то — нельзя не признаться, — вздумай мы опубликовать письма мисс Седли к Осборну, нам пришлось бы растянуть эту повесть на множество томов, и их не переварил бы и самый сентиментальный читатель. Амелия не только заполняла с полями целые листы бумаги большого формата, но с удивительным упорством исписывала их еще и поперек; без всякого милосердия вставляла она в письма целые страницы стихотворений, подчеркивала с неистовым одушевлением отдельные слова и целые фразы, а в конце посланий не упускала случая делать обычные указания на свои чувства. Она не была героиней. Ее письма были полны повторений. Орфография ее бывала иногда несколько сомнительной, а в своих стихах она допускала всевозможные метрические вольности. Но, ах милостивые государыни, если вам не разрешают трогать сердца вопреки правилам синтаксиса и если вас нельзя любить, пока вы не постигли разницу между триметром и тетраметром, то пусть летит к черту вся поэтика и да погибнут позорно все школьные учителя!

¹ *Якимо* — персонаж пьесы В. Шекспира «Цимбелин», пробравшись тайно в комнату дочери короля Британии Цимбелина, Имогены, он похитил ее браслет и представл ее мужу как доказательство измены жены.

ГЛАВА XIII

Сентиментальное и иное

боюсь, что джентльмен, которому адресовались письма Амелии, был критиком достаточно бесчувственным. За лейтенантом Осборном, при всех его переездах, следовала такая масса записок, что он конфузился шуток своих товарищей, и он раз навсегда приказал своему лакею передавать ему письма только на квартире. Случалось, что иной из записочек он раскуривал сигару, к ужасу капитана Доббина, который, я не сомневаюсь в этом, отдал бы банковый билет за подобный документ.

Некоторое время Джордж пытался скрывать свои отношения с Амелией. Единственное, в чем он признавался, это в том, что в дело замешана женщина.

— Да оно ведь и не впервые! — сказал прапорщик Спуні прапорщику Стебблсу.

— Чертовский ловкач этот Осборн! В Демераре по нем чуть с ума не сошла дочка судьи, а потом, в Сен-Винсенте, помнишь, — эта красавица квартеронка, мисс Пай! А с тех пор, как вернулся домой, он стал заправским донжуаном, клянусь честью!

Стебблс и Спуні полагали, что «стать заправским донжуаном» — одно из величайших достижений, какое только может выпасть на долю смертного, и репутация Осборна среди полковой молодежи окончательно упрочилась.

Он был прекрасным певцом, отличался на парадах и щедро сыпал деньгами, которыми родитель снабжал его с избытком: его плащи были лучше, и их у него было больше, чем у кого бы то ни было другого в полку. Товарищи его обожали. Он мог перепить кого угодно в собрании, включая и старину Гэвитопа, полковника. В боксе он превзошел даже самого Некльса — рядового, имя которого фигурировало в списке лиц, постоянно бравших призы, и который давно был бы произведен в капралы, не будь он пьяницей. В крикет и кегли Джордж был лучшим игроком из всего полкового клуба. У него была собственная лошадь, Гризд Лайтнинг, а на скачках в Квбеке он взял кубок. И помимо Амелии многие преклонялись перед Осборном: Стебблс и Спуні

видели в нем до некоторой степени Аполлона, Доббин почитал его наравне с адмиралом Кричтоном, а супруга майора О'Дауда признавала его за изящнейшего денди, который напоминал ей Фитцджеральда Фогарти, младшего сына лорда Кэстль Фогарти.

Итак, Стебблс, Спун и другие пускались в самые романические предположения относительно корреспондентки Осборна; одни воображали, будто это лондонская герцогиня, влюбившаяся в лейтенанта, другие уверяли, что это генеральская дочь, обрученная с другим лицом, но до безумия влюбившаяся в Осборна, третьи намекали на жену члена парламента, якобы предложившую лейтенанту четверку лошадей и побег, — наконец, высказывались и иные предположения относительно жертвы страсти, чрезвычайно пылкой, романической и грозившей обесславить всех заинтересованных лиц. Все эти предположения Осборн оставлял без разъяснений, предоставляя своим молодым поклонникам и друзьям переделывать его роман и украшивать его по собственному вкусу. И истинной сути дела в полку никогда бы не дознались, не проболтайся капитан Доббин.

Однажды капитан завтракал в офицерской столовой в то время, как Каккль, младший полковой хирург, и оба вышеназванные уважаемые поклонники лейтенанта рассуждали об интриге Осборна. Стебблс утверждал, что дама — герцогиня, принадлежавшая ко двору королевы Шарлотты¹, а Каккль клялся и божился, что она всего лишь оперная певичка, и притом пользующаяся наихудшей славой. Услышав это, Доббин возмутился, и, несмотря на то, что рот у него был набит яйцами и хлебом с маслом, и на то, что ему не следовало говорить, он не мог удержаться, чтобы не рывкнуть:

— Каккль, ты болван! И, как всегда, бесстыдно врешь! Осборн и не помышляет удирать с герцогинями или губить модисток. Мисс Седли — самая очаровательная молодая девушка, какая когда-либо существовала на свете. Он давно уже обручен с ней. И если кто вздумает о ней злословить, пусть лучше делает это не в моем присутствии!

Тут сильно раскрасневшийся Доббин поперхнулся чаем и умолк. Рассказ об этом событии облетел уже через полчаса весь полк, а супруга майора О'Дауда в тот же вечер написала своей невестке Глорвине в О'Даудстоун, чтобы та не спешила выезжать из Дублина, так как оказывается, что молодой Осборн уже преждевременно помолвлен.

В тот же вечер она поздравила лейтенанта за стаканом грога приличной случаю речью, и он вернулся домой к Доббину (этот последний от вечеринки у О'Даудов уклонился, он сидел дома, играл на флейте и, если я не ошибаюсь, сочинял стихи весьма меланхолического свойства) побраниться с ним за то, что он разгласил его тайну.

— Дернул тебя черт болтать о моих делах! — накинулся Осборн с негодованием на Доббина. — На кой черт нужно всему полку знать, что я собираюсь жениться? И чего вздумала эта старая кляча, эта сплетница Пэгги О'Дауд распространяться обо мне за своим проклятым ужином и оповещать о моей помолвке все Соединенное Королевство? В конце концов, какое ты, Доббин, имел право говорить об этом и вообще совать нос не в свои дела?

— Мне казалось... — начал Доббин.

— Черт бы побрал твое «мне казалось»! — прервал его младший товарищ. — Я многим тебе обязан, и я это знаю, черт возьми! И тем не менее я не желаю выслу-

¹ *София Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая* (1769–1818) — жена короля Великобритании Георга III, мать принца-регента.

шивать от тебя твои вечные наставления, которые ты позволяешь себе только потому, что ты на пять лет старше меня! Пускай меня повесят, если я стану терпеть эту твою манеру, твой снисходительный и покровительственный тон! Да, снисходительный и покровительственный! Желал бы я знать, чем я хуже тебя?

— Ты помолвлен или нет? — ответил ему на его упреки Доббин.

— На кой черт тебе знать — тебе или кому-нибудь другому, — помолвлен я или нет? — негодовал Джордж.

— Ты стыдишься этого? — спросил Доббин.

— По какому праву задаете вы мне, сэр, подобный вопрос, хотел бы я знать? — сказал Джордж.

— Боже мой, ведь не хочешь же ты сказать, что собираешься порвать с Амелией? — спросил Доббин, вставая.

— Другими словами, вы спрашиваете, порядочный ли я человек? — спросил Осборн в бешенстве. — Вы это разумеете? Вы в последнее время держите себя со мною так, что пусть я... пусть я буду проклят, если стану сносить это дальше!

— Да что я сделал, Джордж? Я сказал тебе, что ты небрежен в отношении чудесной молодой девушки, я сказал, что, когда ты наезжаешь в город, тебе приличнее было бы бывать с Седли, нежели в игорных домах.

— Понимаю! Вы просто желаете получить поскорее мой должок! — усмехнулся Джордж.

— Ну, конечно, желаю! Когда же я этого не желал! — ответил Доббин. — Нечего сказать, благородно ты себя держишь.

— Нет, Уильям, прости меня! — прервал его тут Джордж, впадая в раскаты. — Бог свидетель, ты всегда был мне другом! Ты десятки раз вызволял меня из затруднений! Когда меня обыграл гвардеец Кроули, разве ты не ссудил меня деньгами? Я погиб бы, если бы не ты! Это так! Но ты не должен относиться ко мне так строго! Не должен читать мне наставлений! Я очень люблю Амелию, обожаю ее и все такое... Не смотри же на меня, пожалуйста, так сердито! Она безукоризненна, я это знаю! Но, видишь ли, если нам что-либо дается без труда, то в этом нет ничего занимательного... черт возьми! Полк наш только что вернулся из Вест-Индии, и должен же я немного покутить! Когда я женюсь — я стану другим, клянусь честью! И... вот, я скажу тебе, Доббин, ты не сердись: сто фунтов я верну тебе в будущем месяце, к тому времени, я знаю, отец должен здорово заработать! А завтра я отпрошусь у Гэвитопа, поеду в город и повидаяюсь с Амелией. Ну, что же, удовлетворяет тебя это?

— На тебя, Джордж, долго сердиться нельзя. — признался добродушный капитан, — а что касается денег, милый мой, я знаю: понадобится им мне — ты поделишься со мною последним шиллингом!

— Ну конечно, Доббин, клянусь честью! — сказал Джордж с видом величайшего великодушия, хотя и не имел никогда гроша за душой.

— Я только желал бы, чтобы ты Джордж наконец, перебесился. Если бы ты видел личико бедной Амелии, когда она о тебе справлялась! Право, ты бы послал к черту бильярд! Поезжай утешь ее, негодный! Пойди напиши ей письмо подлиннее. Сделай же что-нибудь, чтобы ее порадовать, ведь для этого немного и нужно!

— Ведь она адски влюблена в меня! — сказал лейтенант самодовольно и отправился в офицерское собрание закончить вечер с веселыми товарищами.

Тем временем в Рессель-сквере Амелия смотрела на месяц, сиявший над этим мирным уголком, так же как и над сквером у Чатамских казарм, где жительствова­вал лейтенант. Она размышляла, чем-то занимается теперь ее герой?

«Вероятно, он обходит часовых, — думала она, — или, пожалуй, он сам на дежурстве! А может быть, сидит у постели раненого товарища или занят изучением военного искусства в своей одинокой комнатке!»

И ее сочувственные думы неслись, словно они были ангелы и имели крылья, вдоль реки, по направлению к Чатаму и Рочестеру, и пытались проникнуть в казармы, где находился Джордж.

Принимая все это в соображение, я полагаю, было и лучше, что в казармах все ворота были заперты, и часовой не пропускал туда никого, и бедный маленький ангел в белоснежных ризах не мог услышать тех бесшабашных песен, которые там орались молодыми людьми над пуншем.

На следующий после короткого разговора в чатамских казармах день, молодой Осборн, желая доказать, что он умеет держать данное им слово, собрался в город, чем и заслужил одобрение капитана Доббина.

— Хотелось бы мне сделать ей какой-нибудь подарочек, — признался Осборн приятелю, — да вот сижу без денег, пока отец не расщедрится!

Разумеется, Доббин не мог не поддержать подобного доброго и великодушного порыва и снабдил Осборна несколькими банковыми билетами, которые тот и взял после легкого колебания. И, смею думать, он наверное купил бы Амелии что-нибудь красивое, если бы, выйдя из экипажа на Флит-стрит, не соблазнился красивой булавкой, приглянувшейся ему на выставке ювелира. И он против искушения не устоял. А когда он заплатил за нее, денег для дальнейших упражнений в великодушии осталось очень немного. Но это и несущественно. Можете быть уверены, не в подарках нуждалась Амелия. Когда он явился в Рессель-сквер, лицо Амелии тотчас же просияло, словно он был самым солнцем. Маленькие заботы, опасения, слезы, робкие сомнения, тревожные мысли многих, многих дней и ночей были тут же забыты под мгновенным влиянием этой знакомой неотразимой улыбки. Он смотрел на нее с порога гостиной, словно какое-то божество, во всем великолепии своих выхоленных усов.

Самбо, лицо которого неизменно кривилось в сочувственную улыбку, когда он докладывал о приходе лейтенанта «Осбина» (причем молодой офицер неизменно производился в следующий чин), видел, как молодая девушка встала, вспыхнула и отскочила от обычного своего наблюдательного места у окна. Он удалился, и, как только за ним закрылись двери, Эмми бросилась к лейтенанту на грудь, словно это было единственным убежищем, где ей подошло укрываться. О бедная, трепещущая птичка! Красивейшее в целом лесу дерево, с прямым стволом, мощными ветвями и густой листвой, на котором ты думаешь свить гнездо и заворковать, уже обречено на сруб и скоро с треском рухнет... Какое старое сравнение — человек и дерево!

Тем временем Джордж любовно целовал невесту в лоб и глаза и был весьма нежен и добр, а Эмми находила, что его бриллиантовая булавка, которой она раньше на нем не замечала, — самое изящное украшение, какое только можно себе представить.

Наблюдательный читатель, который обратил уже раньше внимание на поведение молодого лейтенанта и не забыл о недавней его краткой беседе с капитаном Доббином, вероятно, уже пришел к известному заключению относительно характера мистера Осборна. Один циничный француз заметил, что в любовных делах всегда бывают две стороны: одна, которая действительно любит, и другая, которая снисходительно позволяет себя любить. Причем любящей стороной иногда является мужчина, а иногда женщина. И вот какой-нибудь влюбленный принимает бесчувственность за скромность, ограниченность — за девичью стыдливость, отъявленную пустоту — за нежную застенчивость, — словом, гусыня в его глазах рисуется лебедем. И, наоборот, иная из наших читательниц, влюбляясь, наделяет простого осла всем великолепием и богатством своего воображения; в своем восхищении она принимает тупость за мужественную простоту, преклоняется перед эгоизмом избранника, принимая его за мужское превосходство, его ограниченность — за величавую вдумчивость и вообще относится к нему так же, как блистательная волшебница Титания¹ к некоему афинскому ткачу. Мне нередко приходилось наблюдать подобные происходящие в жизни комедии ошибок. Достоверно, во всяком случае, то, что Амелия считала своего возлюбленного за самого любез-

¹ Титания — королева эльфов в комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь», которая влюбилась в ткача Основу, превращенного в осла.

ного и блестящего кавалера в Соединенном Королевстве, и возможно, что и лейтенант Осборн придерживался того же мнения.

Он был несколько необуздан — таковы многие молодые люди; но разве молодые девушки не отдадут повесам предпочтения перед маменькиными сынками? Ну и, разумеется, Джордж еще не перебесился, но он не замедлит это сделать и оставит военную службу; теперь, по объявлении мира, когда корсиканское чудовище водворено на Эльбу¹ и всякие надежды на быстрое производство исчезнут, случаев проявить в настоящей обстановке несомненные свои дарования и доблесть будет мало, и его собственных достатков вместе с приданным Амелии с избытком хватит, чтобы устроиться где-нибудь уютно в провинции, по соседству с местами спорта. Он будет охотиться, поведет помаленьку сельское хозяйство, и они будут очень счастливы. Остаться же, женившись, на военной службе — совершенно невозможно. Представьте себе миссис Джордж Осборн, проживающей в штаб-квартире, в провинциальном захолустье! Или, еще хуже, она попадает вдруг в Восточную или Западную Индию, в офицерскую среду, под покровительство майорши О'Дауд!

Амелия умирала со смеху при рассказах Осборна о супруге майора О'Дауда. Он любит Амелию слишком нежно, утверждал он, чтобы навязать ей общество этой ужасной женщины, со всей ее пошлостью, и обрекать ее суровой доле офицерской жены. О себе Джордж, право, нисколько не хлопочет, но его дорогая малютка должна занять в обществе подобающее его жене место. И, поверьте, Эмми сочувствовала всем этим планам, как, впрочем, сочувствовала бы и всяким другим затеям, лишь бы они исходили от того же начинателя.

Молодая пара провела час-другой, разговаривая и строя бесконечные воздушные замки, причем Амелия украшала их всевозможными цветниками, дорожками, деревянными церквями, воскресными школами и т. п., а Джордж мысленно распоряжался уже на конюшне, псарне и в винном погребе. Затем, так как лейтенант мог оставаться в городе только один день и ему предстояло устроить не одно серьезное дело, он предложил Эмми отобедать вместе у будущих ее невесток. Предложение было радостно принято. Джордж проводил Амелию к сестрам, где он оставил ее болтающей так оживленно, что эти дамы только дивились и мысленно допустили даже, что Джорджу, пожалуй, и действительно удастся перевоспитать невесту. Лейтенант же отправился по своим делам.

Итак, он вышел из дому, зашел в кондитерскую на Черинг-Кросс, съел там мороженого, примерил затем заказанное на Пэлл-Мэлл новое пальто, завернул к «Старому Слоутерсу» осведомиться, не приехал ли капитан Каннон; сыграл с капитаном на бильярде одиннадцать партий, выиграл из них восемь и вернулся наконец в Рессельсквер, опоздав к обеду на полчаса, но обретаясь в наилучшем расположении духа.

Не таково было настроение мистера Осборна-старшего.

Когда этот джентльмен возвратился из Сити и был встречен в гостинной дочерьми и изящной мисс Вирт, они сразу же догадались по его лицу, которое в добрые времена бывало торжественно надутым и желтым, а на этот раз хмурым, с судорожно подергивавшимися черными бровями, — что за белым жилетом объемистое родительское сердце возмущено и расстроено. Когда Амелия выступила вперед для приветствия — а выполняла она эту повинность всегда с великим трепетом и робо-

¹ 1 апреля 1814 г. союзники вступили в Париж; Наполеон был низложен и 3 мая отправлен на остров Эльбу.

стью, — Джон Осборн только глухо крикнул и выпустил ее маленькую ручку из своей волосатой лапы, не проявив ни малейшего поползновения удержать ее подольше; он мрачно оглянулся на старшую дочь, и та, поняв значение взгляда, явственно вопрошавшего: «На кой черт она здесь?», не замедлила ответом:

— Джордж в городе, папенька. Он отправился в управление конной гвардии и к обеду вернется.

— Вернется? Вот как? Я не намерен, Джейн, ждать из-за него с обедом! — объявил старик, погружаясь в свое кресло, после чего в изящной, красиво убранной гостиной воцарилась мертвая тишина, прерываемая лишь тревожным тиканьем больших французских часов.

Когда этот хронометр, увенчанный веселенькой бронзовой группой, изображавшей жертвоприношение Ифигении¹, пробил, словно глухой соборный колокол, пять, мистер Осборн гневно дернул правой рукой сонетку. Буфетчик прибежал тотчас же.

— Обедать! — прорычал мистер Осборн.

— Мистер Джордж еще не вернулся, сэр! — почтительно доложил буфетчик.

— К черту мистера Джорджа, сударь! Хозяин я у себя в доме или нет? Обедать!

Тут мистер Осборн совсем уж нахмурился. Амелия затрепетала, три остальные дамы обменялись телеграфным сообщением с помощью взгляда, а послушный колокол в нижнем этаже уже сзывал к обеду. Когда колокол умолк, глава семейства засунул руки в задние карманы своего просторного синего сюртука, украшенного медными пуговицами, и, не дожидаясь дальнейшего доклада, поплелся с лестницы, бросая через плечо угрюмые взгляды на четырех дам.

— В чем дело, милая? — спрашивали они друг друга, вставая и опасливо трюся за хозяином.

— Должно быть, курс упал! — прошептала мисс Вирт, и оробевшая дамская компания проследовала в трепете и молчании за мрачным своим главой. В молчании же расселись они за столом, и старик проворчал молитву, прозвучавшую как проклятие.

Огромные серебряные копаки были сняты с блюд. Амелия дрожала, сидя в ближайшем соседстве со страшным Осборном, тогда как по другую ее сторону оставалась пропасть, образовавшаяся вследствие отсутствия Джорджа.

— Супу? — произнес гробовым голосом мистер Осборн, беря разливательную ложку и пронизывая девушку взглядом. Разлив всем горячее, он умолк.

— Уберите тарелку мисс Седли! — сказал он через некоторое время. — Мисс Седли не может есть этот суп! Я тоже не могу, он отвратителен! Уберите суп, Гикс, а ты, Джейн, завтра же прогонишь повара!

Покончив критиковать суп, мистер Осборн сделал несколько коротких, столь же ядовитых замечаний по поводу рыбы и разнес Биллингсгэт с одушевлением, вполне соответствующим этому месту. Затем мистер Осборн впал в молчание, все более и более хмурясь, и принялся потягивать, рюмку за рюмкой, вино, пока веселый толчок в дверь не возвестил о появлении Джорджа. Все оживились.

Джордж не мог вернуться раньше. Генерал Дагилет задержал его в конной гвардии. Все равно — супу или рыбы, ему безразлично. Чудесная баранина, да и вообще все прекрасно!

¹ *Ифигения* — Дочь спартанского царя Агамемнона.

*Когда колокол умолк, глава семейства засунул руки в задние карманы
своего просторного синего сюртука*

Его оживление составляло прямой контраст с суровостью отца, и в течение обеда он болтал неумолкаемо, к удовольствию всех, а особенно одной особы, которую едва ли надо называть.

Как только дамы справились с апельсинами и рюмкой вина, служившими обычным завершением унылых банкетов в доме мистера Осборна, был подан сигнал к отплытию в гостиную; дамы поднялись и ушли. Амелия надеялась, что Джордж не замедлит к ним присоединиться. Она принялась разыгрывать в гостиной любимые жеманством, недавно ввезенные в Англию вальсы на большом рояле, покрытом кожаным чехлом и покоившемся на толстых резных ножках. Однако эта маленькая хитрость не привела Джорджа в гостиную; он оставался глух к призывам вальсов, которые делались все глуше и глуше, пока опечаленная исполнительница не встала наконец из-за громадного инструмента; и хотя три ее приятельницы и принялись за самые блестящие и громовые новые вальсы своего репертуара, она не слышала ни единой ноты и сидела в задумчивости, предчувствуя что-то недоброе.

Мрачный вид старика Осборна, всегда ее смущавший, никогда не пугал ее так смертельно, как сегодня. Старик проводил ее из столовой таким взглядом, точно она в чем-то провинилась. И, когда ей подали кофе, она даже вздрогнула, словно буфетчик Гикс подносил ей чашу с ядом. Какая тайна крылась во всем этом?

О, эти женщины! Они вечно питают и лелеют предчувствия и носятся с мрачными мыслями, как матери с наиболее хилым из своих детей.

Угрюмость родительского лица встревожила и Джорджа Осборна. Каким образом добыть денег, если глава дома так хмурит брови и имеет такой воинственный вид? А между тем Джордж отчаянно в них нуждался. Он начал расхваливать отцовское вино. Обычно это считалось удачным приемом, чтобы задобрить старого джентльмена.

— Даже и в Вест-Индии не лакомились мы такой мадерой, как ваша, батюшка! Полковник Гэвитоп высосал у меня целых три бутылки из того вина, что вы мне прислали.

— Правда? — сказал старик. — А она стоит мне восемь шиллингов бутылка!

— Не возьмете ли вы по шести гиней за дюжину, батюшка? — сказал Джордж, засмеявшись. — Одно из самых важных лиц в королевстве хочет приобрести мадеру.

— Хочет приобрести? — проворчал старик. — Ну, желаю ему достать ее!

— Видите ли, когда генерал Дагилет был в Чатаме, Гэвитоп устроил ему завтрак и попросил у меня вина. Генералу оно страшно понравилось, и он пожелал приобрести бочонок для главнокомандующего. А ведь он правая рука его высочества!

— Да, винцо чертовски доброе! — произнесли нахмуренные брови и несколько расправились. Джордж собирался было воспользоваться благоприятным моментом и выдвинуть вопрос о денежном восполнении, но отец опять напустил на себя суровость и предложил ему, правда, с большей, нежели раньше, приветливостью, позвонить, чтобы подали кларет.

— Посмотрим, Джордж, так ли он хорош, как мадера, которая, конечно, к услугам его высочества! И пока мы ее попиваем, я поговорю с тобой относительно одного важного обстоятельства.

Амелия, сидевшая в волнении наверху, услышала относившийся к кларету звонок. Он показался ей таинственным и зловещим. Предчувствия, посещающие людей, иногда и сбываются.

— Я хочу знать, — произнес старый джентльмен, медленно смакуя первую рюмку кларета, — я хочу знать, как у тебя там... с этой девочкой наверху? Как обстоят дела?

— Я полагаю, это достаточно ясно, — ответил Джордж с самодовольной усмешкой. — Даже слишком ясно! Какое превосходное вино!

— Что ты разумеешь под этим «ясно»?

— Черт побери, не требуйте от меня подробностей! Я человек скромный. Я... гм... не выдаю себя за покорителя сердец, однако не могу не сознаться, что она влюблена в меня отчаянно... Да это может видеть даже и слепой!

— Ну, а ты?

— Да разве, батюшка, вы не указывали мне сами на ней жениться? И разве я не послушный мальчик? Разве вы и ее родители не согласились на этот счет давным-давно?

— Да, что и говорить! Послушный мальчик! Будто я не слыхал, сударь, о твоих подвигах с лордом Тарквином, гвардейцем капитаном Кроули, достопочтенным Дьюисом и прочими! Ой, берегись! Говорю тебе, берегись!

Эти аристократические фамилии старый джентльмен перечислил, однако, с явным удовольствием.

Встречаясь со знатными особами, старый Осборн пресмыкался перед ними и не упускал случая титуловать их с тем усердием, на какое только способен свободнорожденный бритт. О каждом новом знакомом он старался по возвращении домой узнать все биографические подробности в «Истории пэрства», вводил его фамилию в круг ежедневных бесед и пускался в рассказы о нем даже с дочерьми. Осборн падал ниц перед каждым аристократом и грелся в его лучах, словно неаполитанский нищий на солнце.

Джордж, услышав названные фамилии, струхнул. Он испугался: не осведомлен ли его отец относительно некоторых его денежных операций, имеющих отношение к карточной игре? Но старик успокоил его, сказав добродушно:

— Ну да ладно, ладно! Молодость есть молодость! Меня утешает, Джордж, то, что ты вращаешься в лучшем английском кругу, — по крайней мере, я надеюсь, что это так. Я думаю, что это так... Мои средства тебе это позволяют...

— Очень вам благодарен, батюшка, — заторопился Джордж, подхватывая на лету желанный случай. — Только со всеми этими важными господами нельзя водить знакомство без ничего, а мой кошелек — взгляните! — Тут он вынул связанный когда-то Амелией сувенир, содержавший последний полученный от Доббина банковый билет.

— Ну, в этом ты нуждаться не будешь! Сын британского купца не должен нуждаться в деньгах! Мои гинеи не хуже золота любого аристократа, Джордж, мой мальчик! Я не трясусь над ними! Зайди завтра к Чопперу, когда будешь в Сити; у него кое-что для тебя найдется! Я не стану жалеть денег, зная, что ты вращаешься в хорошем обществе, ибо я знаю, что в хорошем обществе ты с пути не собьешься. Я не горд. Я родился в скромной доле, но ты находишься в более выгодных условиях. Постарайся же воспользоваться ими, сходишь с молодыми дворянами. Ведь многие из них, мой мальчик, доллара не могут истратить там, где ты можешь швырять гинеями! А что касается розовых шляпок (тут из-под густых бровей последовал понимающий и не слишком приветливый взгляд) — молодость всегда молодость! Впрочем, одного я приказываю тебе остерегаться — это карточной игры, и если ты ослушаешься, то, клянусь тебе, не получишь от меня больше и шиллинга!

— О, конечно, батюшка! — поспешил успокоить его Джордж.

— Ну, а теперь вернемся к первому делу, то есть к Амелии... Я, право, не знаю, Джордж, почему бы тебе не позаботиться о партии повиднее, чем дочь какого-то маклера!

— Но ведь таков был семейный уговор! — сказал Джордж, шелкая орехи. — Вы и мистер Седли порешили нашу судьбу сто лет тому назад!

— Я этого не отрицаю, только положение людей меняется, милый мой! Я не отрицаю, Седли устроил мою судьбу, или, вернее, помог мне, с помощью моих же талантов и дарований, выйти на дорогу и создать себе то почтенное, смею сказать, положение, которое я занял между торговцами салом в частности и в Сити вообще. Я выказал благодарность Седли, он мог в этом недавно убедиться, об этом свидетельствует моя чековая книжка. Джордж, говоря между нами, мне не нравится положение дел Седли. Не нравится оно и Чопперу, моему старшему клерку, а он делец опытный и знает биржу, как никто в Лондоне. Голькер и Буллок тоже посматривают на Седли косо. Боюсь, что он промахнулся в расчетах. Говорят, что судно «Амелия» с грузом патоки, захваченное недавно американским пиратом, принадлежало ему. Дело ясное. И пока мне не выложат на стол десять тысяч фунтов приданого Амелии — ты на ней не женишься! Я не желаю вводить в свою семью дочь неисправного плательщика. Передай-ка вино, а еще лучше — позвони, чтобы подавали кофе.

С этими словами мистер Осборн развернул вечернюю газету, и Джордж по этому намеку понял, что папенька собирается вздремнуть.

Взволнованный он поспешил вверх к Амелии. Что побуждало его в этот вечер относиться к ней с таким вниманием, с каким он не относился к ней уже давно? Что заставляло его усиленно занимать Амелию, быть с ней особенно нежным и особенно блестящим в разговоре? То ли, что его великодушное сердце прониклось теплотой в предвидении бедствия? Или же это происходило потому, что мысль утратить дорогое маленькое сокровище заставляла более ценить его?

Впоследствии она долго жила воспоминаниями этого счастливого вечера, припоминая слова Джорджа, его взгляды, романс, который он пел, его позу, когда он склонился над ней или смотрел на нее из отдаления. Ей казалось, что ни один вечер не пролетал так скоро в доме мистера Осборна, и она даже почти рассердилась, когда за ней преждевременно пожаловал мистер Самбо с шалью.

На следующее утро Джордж пришел к Седли и нежно распрощался с Амелией, затем он поспешил в Сити, посетил Чоппера, старшего клерка отца, и получил от этого джентльмена документ, который он обменял у «Голькера и Буллока» на деньги, причем они едва уместились в карманах лейтенанта. При входе Джорджа в банк он заметил, что старый Джон Седли выходил из приемной банкиров весьма подавленный. Но крестник был слишком радостно настроен, чтобы обратить внимание на угнетенное состояние почтенного маклера. Джордж не заметил даже печального взгляда, каким его окинул старый джентльмен. Да и молодой Буллок не проводил старика из приемной с приятной улыбкой, как он привык это делать в прежние годы. Когда же за мистером Седли дверь «Голькера и Буллока» закрылась, мистер Квилль, кассир (приятная обязанность которого сводилась к выдаче измятых банковых билетов из конторки и к отсчитыванию золота медной лопаточкой), подмигнул мистеру Драйверу, клерку, сидевшему за конторкой справа от него. Мистер Драйвер подмигнул, в свою очередь.

— Бедная маленькая Амелия, дорогая маленькая Амелия! — произнес Джордж, пробежав послание. — Как она меня любит!...

— Плохо дело! — прошептал мистер Драйвер.

— Совсем плохо! — подтвердил мистер Квилль. — Мистер Джордж Осборн, какими вам угодно получить?

Джордж поспешно сунул пачку банковых билетов в карман и в тот же вечер вернул Доббину в офицерской столовой пятьдесят фунтов.

А Амелия в тот же вечер написала Джорджу нежнейшее из своих длинных писем; сердечко ее было преисполнено нежности, но все еще чувствовало беду.

«Что за причина мрачности мистера Осборна? — спрашивала она. — Не возникло ли между ним и ее отцом каких-нибудь разногласий? Бедный папенька вернулся из Сити совсем расстроенным и встревожил всех домашних».

В заключение следовали четыре мелко исписанные листа уверений в любви и выражения страхов, надежд и предчувствий.

— Бедная маленькая Амелия, дорогая маленькая Амелия! — произнес Джордж, пробежав послание. — Как она меня любит!.. И, боже мой, как у меня болит голова от всей этой мешанины, этого пунша.

ГЛАВА XIV

Мисс Кроули дома

коло того же времени, к чрезвычайно уютному и комфортабельному дому в Парк-Лейне подъезжала дорожная карета, украшенная гербами, с толстым доверенным слугой на козлах и недовольной особой женского пола в локонах и под зеленой вуалью внутри. То был экипаж нашей приятельницы, мисс Кроули, возвращавшейся из Гэмпшира. Окна кареты были подняты, а откормленная болонка, морда и язык которой обычно вывешивались в одно из окон кареты, покоилась теперь на коленях недовольной особы. Когда экипаж остановился, из него был извлечен, при помощи многочисленной челяди и молодой леди, имевшей в своем ведении целую охапку накидок, круглый ворох шалей. Ворох этот содержал в себе мисс Кроули, которая и была доставлена прямо наверх и уложена в кровать в жарко натопленной комнате, как это

и подобало для принятия заболевшей. Тотчас же были посланы гонцы за постоянным врачом и за другим медиком. Они посоветались, прописали лекарство и исчезли. К концу их совещания в комнату вошла молодая спутница мисс Кроули, она выслушала врачебные наставления и принялась применять противовоспалительные снадобья, предписанные учеными мужами.

На следующее же утро из Найтсбриджских казарм прибыл гвардии капитан Кроули; вороная его лошадь взрывала копытом солому, которой была устлана мостовая перед домом больной тетки. Капитан с большим участием расспрашивал о здоровье любезной родственницы. По-видимому, представлялось немало оснований для наихудших опасений. Горничную мисс Кроули (недовольную особу) капитан нашел в удрученном и угнетенном состоянии, а компаньонку тетюшки, мисс Бриггс, — одиноко проливающей в гостиной слезы. Мисс Бриггс, узнав о болезни любимой подруги, тотчас же поспешила домой. Она жаждала броситься к ее ложу — к тому ложу,

которое она, Бриггс, так часто оправляла во время ее болезни! — однако не была допущена в апартамент мисс Кроули. Чужая подавала ей лекарство, чужая из графства, какая-то ненавистная мисс! Тут слезы пресекли красноречие компаньонки, и она скрыла свои оскорбленные чувства и свой бедный старый красный нос в платке.

Раудон Кроули послал через удрученную печалью горничную доложить о себе, и новая компаньонка мисс Кроули спустилась из комнаты больной; она вложила свою маленькую ручку в руку капитана, бросившегося ей навстречу, окинула презрительным взглядом смятенную Бриггс и, сделав знак гвардейцу, увела его из задней гостиной в маленькую приемную комнатку, перед пустынной столовой, где раньше задавались лакомые пиршества.

Здесь молодые люди поговорили наедине минут десять, обсуждая, несомненно, состояние лежащей наверху больной. Под конец их беседы в приемной раздался звонок, и на него тотчас же явился мистер Боульс, доверенный слуга мисс Кроули (который в продолжение почти всего разговора пребывал у замочной скважины), после чего капитан вышел, покручивая усы, и вскочил на свою вороную лошадь, взрывавшую копытом солому, к великому восторгу собравшихся на улице мальчишек. Раудон глядел в окна столовой и шпорил лошадь, которая танцевала, и играла, и выкидывала курбеты, а в окне на мгновение мелькнула какая-то молодая особа, однако она тотчас же исчезла, — несомненно, она отправилась наверх, к исполнению трогательных подвигов милосердия. Желал бы я знать, кто была эта молодая особа?

В тот же вечер, когда в столовой был подан обед на две персоны, миссис Фиркин, горничная мисс Кроули, шмыгнула в спальню своей госпожи и начала там усиленно возиться, благо новая сиделка отлучилась и сидела с мисс Бриггс за скромной трапезой.

Бриггс была настолько расстроена, что с трудом могла глотать пищу, молодая же особа разрезала с большим изяществом птицу и так отчетливо попросила передать ей яичный соус, что бедная Бриггс, перед которой стояла эта великолепная приправа, приподнялась было, поболтала ложкой в соусе и тотчас же впала опять в истерическое состояние.

— Не подадите ли вы вина мисс Бриггс, — сказала молодая особа толстому доверенному слуге, что тот и исполнил. Бриггс бессознательно схватила рюмку, проглотила судорожно вино, постонала немного и принялась возиться с цыпленком на своей тарелке.

— Я полагаю, мы могли бы сами помочь друг другу, — сказала молодая особа чрезвычайно вежливо, — и обойтись без любезных услуг мистера Боульса. Мистер Боульс, мы позвоним когда понадобится!

Боульс ушел и обрушился внизу на ни в чем не повинного, подчиненного ему лакея.

— Очень жаль, что вы принимаете все это так близко к сердцу, мисс Бриггс, — произнесла молодая особа с холодным и слегка саркастическим видом.

— Мой дорогой друг так болен и не хо-о-очет меня видеть! — простонала Бриггс в новом припадке горести.

— Теперь ей уже не так плохо, успокойтесь, дорогая мисс Бриггс! Она объелась, вот и все! Ей уже гораздо лучше, а вскоре она и совсем поправится. Она ослабела от банок и от лекарств, но не замедлит выздороветь. Прошу вас, успокойтесь! И выпейте еще капельку вина!

— Но почему, почему не хочет она меня видеть?! — проблеяла мисс Бриггс. — О, Матильда, Матильда. Это ли благодарность за двадцать три года нежной привязанности твоей бедной Арабеллы!

— Не плачьте так, бедная Арабелла, сказала, слегка усмехаясь, молодая особа. — Она не хочет видеть вас, потому что утверждает, будто вы ухаживаете за ней не так хорошо, как я.

Мне совсем не доставляет удовольствия просиживать ночи напролет без сна. Я была бы очень не прочь, чтобы вы меня заменили.

— Я опраивала эту дорогую постель в течение многих лет, — воскликнула Арабелла, — и теперь...

— И теперь она предпочла вам другую! Но право же, у больных всегда бывают всякие фантазии, и им приходится потакать. Когда она поправится — я уеду!

— Никогда! Никогда! — воскликнула Арабелла, до одурения вдыхая нюхательные соли.

— Никогда не оправится или я никогда не уеду, мисс Бриггс? — спросила другая все с тем же раздражающим добродушием. — Недельки через две она будет здорова, и я уеду назад, в Куинс Кроули, к моим маленьким воспитанницам и их маменьке, которая, несомненно, больна более тяжело, нежели наш друг. Дорогая мисс Бриггс, вам незачем ревновать ко мне вашу покровительницу. Я бедная и не имеющая друзей девушка и не собираюсь делать зла никому. Я совсем не желаю лишать вас милости мисс Кроули. Я уеду — и она меня через две недели забудет; привязанность же ее к вам сильна — ведь она вырабатывалась годами. Пожалуйста, налейте мне капельку вина, моя дорогая, и будем друзьями. Уверю вас я очень нуждаюсь в друзьях!

При этом призыве миролюбивая и мягкосердечная мисс Бриггс протянула ей, не говоря ни слова, руку, но с тем большей силой почувствовала свою покинутость и горько, горько посетовала на непостоянство Матильды. Спустя полчаса обед кончился, и мисс Ребекка Шарп (ибо такова была фамилия той незнакомки, которая так находчиво именовалась доселе молодой особой) ушла опять наверх, в комнату больной и выпроводила оттуда, с величайшей предупредительностью и учтивостью, бедную Фиркин.

— Благодарю вас, миссис Фиркин. Вполне достаточно! Как вы все это хорошо делаете! Я позвоню, если что-нибудь понадобится!

— Благодарю вас! — и Фиркин бурно спустилась вниз, преисполненная ревности, которая была тем опаснее, что ее приходилось скрывать.

Уж не эта ли буря распахнула дверь гостиной, когда Фиркин проходила через площадку нижнего этажа? Нет, она была приоткрыта украдкой рукой Бриггс. Бриггс стояла на страже. Бриггс отлично слышала, как неслась по лестнице с шумом и звеня ложкой и кастрюлькой из-под кашки, вставшая в немилость женщина.

— Ну что, Фиркин? — спросила Бриггс, когда та вошла в комнату. — Ну что, Джейн?

— Плохо, совсем плохо, мисс Бриггс, — ответила Фиркин, покачивая головой.

— Разве ей не лучше?

— Она всего только разошлась и заговорила. Я ее спрашиваю, не легче ли ей, а она мне и говорит, чтобы я держала свой глупый язык за зубами. Ох, мисс Бриггс, никогда не думала я дожить до такого дня!

И шлюзы заработали вновь.

— Что это за особа — мисс Шарп, Фиркин? Не думала я, веселясь на святках в изящном доме давнишних моих друзей, достопочтенного мистера Лайонеля Деламира и его любезной супруги, что мне придется увидеть, как чужая похитит расположение и привязанность моей дорогой — все же дорогой — Матильды!

Мисс Бриггс, как показывает ее речь, отличалась некоторым сентиментальным и литературным уклоном и однажды напечатала (по подписке!) том своих стихотворений «Трели соловья».

— Мисс Бриггс, эта молодая особа всех к себе приворожила, — ответила Фиркин. — Сэр Питт не хотел ее отпускать, да только он ни в чем не осмеливается отказать мисс Кроули. Жена священника — туда же: когда не видит этой Шарп, места себе не находит! А капитан — тот совсем от нее без ума, да и мистер Кроули смертельно ее к нему ревнует! А когда мисс Кроули заболела, так никто к ней и не подходил близко, кроме мисс Шарп, а почему и отчего — никак не поймешь. Я думаю, околдовала она их как-нибудь!

Ребекка провела эту ночь, неусыпно ухаживая за мисс Кроули. Но уже следующую ночь мисс Кроули спала так хорошо, что Ребекка смогла прикорнуть на несколько часов на диванчике, в ногах своей благодетельницы. Вскоре мисс Кроули настолько оправилась, что могла уже сидеть и хохотала от всего сердца, слушая, с каким искусством Ребекка передразнивает мисс Бриггс и ее горе. Сопение мисс Бриггс при всхлипываниях и ее манера пускать в ход платок передавались ею с таким совершенством, что мисс Кроули окончательно развеселилась, к великому удовлетворению прибывших медиков, которые немало этому дивились, издавна привыкнув к тому, что почтенная светская дама впадала при малейшем недомогании в полное уныние, опасаясь умереть.

Капитан Кроули приезжал ежедневно и получал от Ребекки бюллетени о здоровье тетушки. Поправлялась она быстро, и бедной Бриггс было наконец разрешено увидеть свою благодетельницу. Нежные сердца могут без труда представить себе волнение чувствительной особы, а равно и всю трогательность свидания. Вскоре мисс Кроули стала часто требовать к себе Бриггс. Ребекка взяла за обыкновение передразнивать мисс Бриггс в ее же присутствии, сохраняя при этом удивительную серьезность, вследствие чего это передразнивание приобретало для почтенной покровительницы двойную остроту.

Причины, породившие печальный недуг мисс Кроули и ускорившие ее отъезд из имения брата, были такого нероманического свойства, что их вряд ли можно коснуться в этой деликатной и чувствительной повести. Ибо можно ли намекнуть на то, что особа женского пола, нежная и принадлежащая к лучшему обществу, переела и перепила? Возможно ли, чтобы горячий омар, поданный на ужин в доме священника и поглощенный в значительном количестве, был причиной недомогания мисс Кроули? Сама она утверждала, что болезнь ее надлежит приписать единственно сырой погоде.

Приступ болезни был настолько силен, что Матильда, по выражению его преподобия, «чуть не кикнула»; вся семья впадала в лихорадку, памятуя о завещании, а Раудон Кроули решил, что к началу лондонского сезона будет уже иметь в своем распоряжении по меньшей мере сорок тысяч фунтов. Мистер Кроули препроводил тетушке пачку избранных религиозных брошюр, дабы приуготовить ее к переходу из ярмарки тщеславия и Парк-Лейна в другой мир. Но призванный вовремя искусный саутгэмптонский врач победил омара, чуть было не оказавшегося для нее роковым, и помог ей

настолько, что она оказалась в силах вернуться в Лондон. Баронет не скрывал своей чрезвычайной досады при том обороте, какой приняли обстоятельства.

В то время как все ухаживали за мисс Кроули и гонцы ежечасно отправлялись из дома священника к болящей за вестями о ее здоровье, в другом конце замка находилась другая леди, которая была тяжело больна, но на которую никто не обращал никакого внимания, и это была сама хозяйка Куинс Кроули. Искусный саутгэмптонский врач, осмотрев ее, покачал головой. Сэр Питт согласился на этот осмотр, так как платить за него особо не приходилось, а затем больной было предоставлено увядать в своей одинокой комнате без всякого ухода, словно сорной былинке в поле. Молодые девушки также лишились многих неоценимых преимуществ преподавания своей гувернантки. Мисс Шарп оказалась настолько нежной сиделкой, что мисс Кроули соглашалась принимать лекарство лишь из ее рук. Фиркин была устранена еще задолго до отъезда своей госпожи. Преданная служанка обрела себе мрачное утешение лишь по возвращении в Лондон, убедившись, что мисс Бриггс так же терзается муками ревности и что с ней поступили так же вероломно, как и с ней самой.

Капитан Раудон испросил себе, по случаю болезни тетки, продление отпуска и водворился, как ему повелевал долг, в замок. Он неотлучно пребывал в приемной (больная лежала в парадной спальне, в которую попадали через маленькую голубую гостиную). Его отец всегда подстерегал его там, и даже когда Раудон прокрадывался по коридору, дверь отцовской комнаты неуклонно открывалась и из нее высовывалось лицо старого джентльмена, напоминающее гиену. Что побуждало их так выследживать друг друга? Несомненно, благородное соревнование и стремление выказать наибольшее внимание дорогой страдальце в парадной спальне. Обыкновенно Ребекка выходила оттуда и утешала их, то одного, то другого. Каждый из этих почтенных джентльменов горел нетерпением узнать новости о состоянии больной от маленькой доверенной вестницы. За обедом, к которому она спускалась на полчаса, она поддерживала мир между ними, после чего исчезала на всю ночь. Раудон отправлялся верхом в запасной эскадрон 150-го полка в Медбери, оставляя отца в обществе мистера Горрокса и пунша.

Бекки провела в спальне больной мисс Кроули две недели, такие утомительные, какие редко выпадали на долю смертной, но ее маленькие нервы были словно отлиты из стали, и ее вовсе не утомляли скучные обязанности в комнате больной. И только много времени спустя призналась Ребекка, как утомительны были эти обязанности, какой мнительной пациенткой оказалась веселая старуха, как она была ворчлива, как не спала, боясь смерти, как много ночей провела в стенаниях, бредя загробным миром, с которым нисколько не считалась, находясь в добром здравии. Нарисуйте себе, прелестная молодая читательница, светскую себялюбивую, безжалостную, неблагодарную, неверующую старуху, терзаемую болями и страхами, и к тому же без парика! Нарисуйте ее себе и, прежде чем состариться, научитесь молиться и любить!

Тем не менее мисс Шарп пребывала у этого отвратительного ложа с неизменным терпением; ничто не ускользало от ее внимания, и она, как благоразумная хозяйка, предусматривала все. Впоследствии она поведала немало рассказов о болезни мисс Кроули, рассказов, заставлявших эту леди краснеть под искусственным румянцем. За время ее недуга Бекки ни разу не пришла в раздражение, она всегда была бодра, сон ее был безмятежен, как у особы с безупречно чистой совестью, и к тому же она могла засыпать почти мгновенно. Благодаря этому на ее внешности следов утомления по-

чти не замечалось. Правда, лицо ее немного побледнело, а круги вокруг глаз сделались несколько темнее, но, когда бы Бекки ни вышла из комнаты больной, она всегда была улыбающейся, свежей, чистенькой и выглядела в своем домашнем платице и чепчике так нарядно, как в самом пышном вечернем туалете.

Капитан думал так же, неуклюже рассыпаясь перед ней. Зазубренная стрела любви пронзила его толстую шкуру. Шесть недель тесного сближения и благоприятные обстоятельства доконали его окончательно. В наперсники себе он брал тетушку, жену священника, и весь свет. Миссис Кроули подсмеивалась над ним — она подметила его сумасшествие, — она предостерегала его, и в конце концов согласилась, что маленькая Шарп — умнейшее, забавнейшее, причудливейшее, добродушнейшее, искреннейшее и милейшее создание во всей Англии; однако Раудону не следовало шутить с ее привязанностью, дорогая мисс Кроули никогда бы этого ему не простила, да и сама она, миссис Бьют, совершенно очарована маленькой гувернанткой и полюбила ее, как родную дочь. Раудон должен удалиться, вернуться в свой полк, в этот гадкий Лондон, и не играть чувством бедной простодушной девушки.

Эта добрая дама, сочувствуя безнадежным страданиям гвардейца, много-много раз доставляла ему случай свидеться с мисс Шарп в доме священника и проводить ее домой, как мы уже это видели. Сударины, если мужчина известного сорта находится в состоянии влюбленности, то, как бы ясно ни видел он крючок и лесу и весь тот снаряд, с помощью которого ему предстоит быть уловленным, он все-таки хватается за приманку — он должен прийти к этому, он должен проглотить ее; и вот он лежит на берегу, пойманный и трепещущий. Раудон ясно видел умысел миссис Кроули прельстить его Ребеккой. Он, правда, не был слишком дальновиден, но он знал жизнь и не чужд был известной опытности. Свет пронзил его темную мысль, как ему показалось, когда он пораздумал над словами миссис Бьют.

— Попомни мои слова, Раудон, — сказала она, — когда-нибудь ты породнишься с мисс Шарп!

— Породнюсь? Что, Франц равнодушен к ней, а? Уж не кузиной ли она мне сделается? — спросил лукавый офицер.

— Ближе, — сказала миссис Бьют, и ее черные глаза сверкнули.

— Не Питт же! Да и не достанется она ему! Этот ханжа ее не стоит, да к тому же Питт помолвлен с леди Джейн Шипшанск!

— Ничего-то вы, мужчины, не замечаете! Ах ты, глупое, слепое существо! Ведь, если что-нибудь случится с леди Кроули, мисс Шарп станет твоей мачехой! Вот что будет!

При этом заявлении Раудон Кроули, эсквайр, громчайшим образом свистнул от удивления. Он не мог отрицать этого: от него не ускользнула очевидная склонность родителя к мисс Шарп. Он хорошо знал нрав старого джентльмена.

— Менее бесцеремонного старого... — он не закончил фразы и отправился домой, покручивая усы и уверенный, что нашел ключ к разгадке тайны миссис Бьют.

«Клянусь честью, — скверно! — думал Раудон. — Совсем скверно, клянусь честью! Я вижу, эта женщина хочет погубить бедную девочку, чтобы только она не вошла в семью как леди Кроули.»

Когда Раудон увидался с Ребеккой наедине, он стал со своею обыкновенною тонкостью шутить по поводу страсти, внушенной ею отцу. Она гневно подняла голову и взглянула ему прямо в глаза:

— Отлично! Предположим, он в меня влюблен. Мне известно это так же, как и другим. Не думаете ли вы, что я боюсь его, капитан Кроули? Или, может быть, вы полагаете, что я не сумею защитить свою честь? — сказала маленькая женщина с видом королевы.

— О... нет... Видите ли... Я хочу только вас предостеречь... будьте осторожны... Вы знаете... Вот и все! — только и нашелся ответить капитан, покручивая усы.

— Вы намекаете на что-то неблагоприятное? — спросила она, вспыхнув.

— Но, боже мой... В самом деле, мисс Ребекка... — возразил грузный драгун.

— Может быть, вы думаете, что у меня нет чувства собственного достоинства, потому что я бедна и не имею друзей, как не имеют их богатые люди? Или вы думаете, что я, гувернантка, не могу претендовать на такой ум, чувства и воспитание, как ваша гэмпширская знать? Я — Монморанси! Что ж, Монморанси хуже Кроули?

Когда мисс Шарп волновалась и начинала вспоминать материнскую родню, у нее появлялся легкий иностранный акцент, придававший большое очарование ее чистому звонкому голосу.

— Нет, — продолжала она, смягчаясь по мере того, как говорила, — я могу выносить бедность, но не позор, пренебрежение, но не оскорбление. А оскорбление от вас...

Тут она дала свободу своим чувствам и залилась слезами.

— Черт возьми!.. Мисс Шарп! Ребекка! Ну, клянусь честью! Клянусь душой! Я и за тысячу фунтов не хотел бы... Да погодите же, Ребекка!

Она ушла.

В этот день она поехала с мисс Кроули кататься. Это было до болезни последней. За обедом Бекки была необычайно оживлена и блестяща и совсем не замечала намеков, кивков и неловких оправданий посрамленного и ослепленного гвардейца. Подобные стычки имели место беспрестанно в течение всей этой малой кампании, их скучно было бы описывать, да и имели они неинтересный результат: тяжелая кавалерия Кроули ежедневно теряла самообладание, неистовствовала и, разбитая наголову, обращалась в бегство.

Если бы владелец Куинс Кроули не страшился потерять наследство сестры, он ни за что не согласился бы лишить своих дорогих дочерей тех благодетельных наставлений, какие они получали от бесценной своей воспитательницы. Старый замок казался без нее пустынным — настолько полезно и приятно сумела сделать себя здесь Бекки. С тех пор как маленькая секретарша уехала, письма сэра Питта оставались неисправленными и непереписанными, счета были запущены, а хозяйственные дела и бесчисленные тяжбы заброшены. Уже из самого слога и орфографии многочисленных писем, посылаемых сэром Питтом Бекки, с убеждениями и понуждениями поскорее вернуться явствовало, насколько необходим баронету секретарь. Чуть ли не каждый день приносил с собой письмо от баронета, заключавшее настойчивейшие просьбы к мисс Шарп о возвращении и содержавшие патетические жалобы перед мисс Кроули касательно ущерба, наносимого воспитанию дочерей баронета. Впрочем, этим документам мисс Кроули уделяла мало внимания.

Мисс Бриггс не была смещена формально, но положение ее стало синекурой и могло казаться насмешкой; ее общество сводилось к толстой болонке в гостиной да недовольной Фиркин в комнате домоправительницы. Старая леди и слышать не хотела об отъезде Ребекки, однако эта последняя определенной должности в Парк-Лейне не имела. Подобно многим богатым людям, мисс Кроули придерживалась обычая

принимать максимум услуг от низших, а когда они переставали быть ей нужны, она расставалась с ними весьма дружелюбно. Благодарность вряд ли известна или присуща некоторым богатым людям: они принимают услуги от нуждающихся как должное. Да и вы, прихлебатели и приживальщики, какое право имеете вы жаловаться на равнодушие? Ведь привязанность ваша к богатым столь же искренняя, как и благодарность, за нее получаемая. Вы любите не человека, а деньги, и если бы Крез поменялся ролью со своим слугой, вы прекрасно знаете, несчастный паразит, кто из них пользовался бы выгодами вашего верноподданничества.

И я не уверен в том, что, несмотря на всю простоту и изобретательность Ребекки, несмотря на ее любезность и неизменную предупредительность, хитрая лондонская леди, на которую изливались все эти сокровища дружбы, не относилась с тайным недоверием к искренности своей любящей сиделки и приятельницы. Не раз, должно быть, мелькало в голове мисс Кроули, что никто ничего не делает даром. И если старуха отдавала себе отчет в собственном отношении к людям, то она прекрасно разумела и те истинные чувства, какие к ней мог питать свет, и, вероятно, мисс Кроули полагала, что тот, кто сам ко всем равнодушен, обрекается на неимение друзей.

Пока же Бекки оказывалась для мисс Кроули чрезвычайно удобным и полезным человеком. Мисс Кроули подарила ей два новых платья, старое ожерелье и шаль и проявила свою дружбу к ней еще и тем, что наговорила ей всякой всячины про своих добрых знакомых (а чем иным можно более трогательно доказать доверие?). Кроме того, мисс Кроули довольно туманно подумывала оказать Бекки какое-то громадное благодеяние в будущем: выдать ее замуж за аптекаря Клемпа, или пристроить как-нибудь на иной выгодный лад, или же в крайнем случае просто отправить ее назад в Куинс Кроули, когда начнется лондонский сезон, а девочка ей наскучит.

Когда мисс Кроули начала выздоравливать и стала выходить в гостиную, Бекки ей пела и старалась развлечь ее всякими другими способами. А когда состояние здоровья позволило старухе выезжать, Бекки же ей сопутствовала. И при этих прогулках куда же могли привести мисс Кроули ее восхитительные благосклонность и дружба, как не в Рессель-сквер в Блумсбери, к дому Джона Седли, эсквайра?

Однако, раньше чем это случилось, любящие подруги обменялись, как это легко себе представить, не одним письмом. За время пребывания Ребекки в Гэмпшире, вечная дружба (следует ли в этом признаться?) подверглась значительному ослаблению, дала трещину и настолько померкла от времени, что грозила совсем увянуть. Дело в том, что у каждой из подруг было достаточно собственных забот: Ребекка хлопотала о том, чтобы преуспеть у своих хозяев, Амелия же была всецело поглощена своим предметом.

Когда девушки свиделись, они обнялись с пылкостью, отличающей обхождение молодых особ; Ребекка разыграла свою роль в дружеских объятиях с отменной горячностью и энергией, бедная же маленькая Амелия вспыхнула, целуя подругу, так как чувствовала себя виноватой в холодности к приятельнице или в чем-то в этом роде.

Первое их свидание было весьма кратким. Амелия собиралась на прогулку, а старая мисс Кроули ждала внизу, в экипаже, причем слуги ее чрезвычайно дивились кварталу, в который заехали, и поглядывали на честного Самбо, едва ли не подозревая, что этот чернокожий блумсберийский слуга — один из странных туземцев этой местности. Когда же Амелия спустилась вниз, милая и улыбающаяся (Ребекка должна была представить ее своему другу, мисс Кроули жаждала ее видеть, но чувствова-

ла себя слишком слабой, чтобы выйти из экипажа), так вот, говорю я, когда Амелия спустилась вниз, эта ливрейная аристократия из Парк-Лейна была окончательно изумлена тем, что подобное существо могло появиться в Блумсбери. Сама мисс Кроули была также в достаточной мере пленена нежным, раскрасневшимся личиком девушки, которая приблизилась так робко и грациозно, чтобы приветствовать покровительницу своей подруги.

— Ах, какой у нее цвет лица, моя дорогая! И что за сладостный голосок! — говорила мисс Кроули, направляясь после этого краткого свидания в западную часть города. — Милая моя Шарп, ваша маленькая подруга просто очаровательна! Привезите ее в Парк-Лейн, слышите?

Мисс Кроули обладала хорошим вкусом, ей нравилась естественность манер, а некоторая застенчивость только лучше оттеняла это. Она любила видеть около себя красивые лица, как любила смотреть и на изящный китайский фарфор. Она много раз с восхищением вспоминала в этот день Амелию и упомянула о ней и перед Раудоном Кроули, захавшим по чувству долга разделить с тетушкой ее цыпленка.

При этом Ребекка, разумеется, немедленно сообщила, что Амелия давно уже помолвлена с неким лейтенантом Осборном, — это была старинная привязанность!

— Армейского полка? — спросил капитан Кроули и не без усилия, как это и подобало гвардейцу, попытался припомнить номер этого полка.

Ребекка полагала, что это и был тот самый полк.

— Там еще капитан Доббин. — пояснила она.

— Такой долговязый, неловкий, который на всех натывается? — сказал Кроули. — Я знаю его. А Осборн — красивый малый с большими черными усами?

— С огромными! — сказала Ребекка. — Я уверяю вас, он страшно ими кичится!

Капитан Кроули вместо ответа громко расхохотался. Дамы потребовали, чтобы он объяснил им, чем вызвана такая веселость, что он и сделал по миновении приступа смеха.

— Он воображает, будто умеет играть на бильярде! — сказал он. — Я обыграл его в «Кокосовой пальме» сотни на две. Нечего сказать — играет! Размазня эдакий! И он не отделался бы так дешево, если бы его не увел его приятель, капитан Доббин, черт бы его побрал!

— Раудон, Раудон, не будь таким гадким! — заметила мисс Кроули, в высшей степени довольная.

— Да что! Из всей армейской молодежи, какую я знал, этот молодец чуть ли не самый зеленый! Тарквин и Дьюсис обчищают его вовсю! Осборн готов хоть к черту на рога, только бы его видели с лордами! Он расплачивается в Гринвиче за их обеды, а те приводят на эти обеды целую ораву гостей!

— И, позволю себе сказать, каких!

— Вы совершенно правы, мисс Шарп! Вы правы, как всегда, мисс Шарп! Компания на редкость, ха, ха, ха! — и капитан снова залился смехом, думая, что удачно сострел.

— Раудон, веди себя прилично, — сказала его тетка.

— Ведь отец Осборна — купец из Сити. Говорят, страшно богат. Ну и черт их возьми, этих купчишек из Сити, им-то и следует делать кровопускание! А с Осборном я еще не покончил, позвольте вам доложить! Ха, ха, ха!

— Фу, капитан Кроули! Я предостерегу Амелию. Супруг — игрок!

— Не правда ли, это ужасно? — произнес капитан с большой важностью и тут же прибавил, словно его осенило: — Бог мой, да отчего бы нам и не пригласить сюда Осборна?

— Достаточно ли он приличен, чтобы показать его в обществе? — осведомилась тетка.

— Приличен ли? О, да, вполне! Вы не отличите его от других! — ответил капитан Кроули. — Пригласите его, когда начнете понемногу принимать! И пусть бы пришла и эта — ну, как ее, словом, его возлюбленная, а, мисс Шарп? Как ее звать? А я напишу ему и приглашу сюда. Кстати и посмотрю: так же ли он хорошо играет в пикет, как и на бильярде! Где он живет, мисс Шарп?

Мисс Шарп сообщила Кроули городской адрес лейтенанта, и через несколько дней после этого разговора лейтенант получил письмо, написанное ученическим почерком капитана Кроули, с приложением приглашения от мисс Кроули.

Ребекка также послала приглашение своей милой Амелии, и вы можете быть уверены, что та не преминула его принять, узнав, что к мисс Кроули приглашен и Джордж.

Было решено, что Амелия проведет утро в Парк-Лейне, где все отнеслись к ней чрезвычайно любезно. Ребекка приняла в отношении Амелии спокойно-покровительственный тон — ведь Бекки была много умнее, а подруга ее была настолько кротка и непротивоположна, что всегда была готова подчиниться, если кто-нибудь начинал ею распоряжаться. Так и теперь Амелия добросердечно и покорно подчинилась Ребекке.

Любезность мисс Кроули была также замечательна.

Она продолжала восторгаться Амелией и отзывалась о ней в ее же присутствии так, как если бы она была игрушкой, или служанкой, или картиной. Старуха любовалась девушкой с самым искренним изумлением. Я восхищен тем восхищением, каким знатный мир дарит иногда заурядных смертных! Нет более умирительного зрелища, как видеть снисходительность, проявляемую обитателями Мейфэра!¹

Неумеренная благосклонность мисс Кроули утомила бедняжку Амелию, и я далеко не уверен, что из всех трех дам в Парк-Лейне честная Бриггс не показалась ей наиболее приятной. Эмми сочувствовала ей, как и вообще всем унижаемым и кротким существам.

Явился и Джордж, приглашенный отобедать с капитаном Кроули на холостую ногу.

Большая семейная карета Осборнов доставила его из Рессель-сквера в Парк-Лейн, а неприглашенные молодые девицы, хотя и обнаружили полное равнодушие к такому невниманию, однако все-таки заглянули в «Справочную книгу пэров» и вычитали там все, что этот труд мог сообщить касательно фамилии Кроули, их родословной, их свойственников Бинки и пр. и пр.

Раудон Кроули принял Осборна с большой любезностью и радушием; он расхвалил его игру на бильярде, осведомился, когда тому будет угодно взять реванш, весьма интересовался подробностями его полковой жизни и предложил бы ему в тот же вечер партию в пикет, если бы мисс Кроули не запретила решительно всякую игру в карты у себя в доме, так что кошелек молодого лейтенанта не был облегчен его радушным хозяином — по меньшей мере в этот вечер.

¹ *Мейфэр* — аристократический квартал в центре Лондона.

Как бы то ни было, они согласились встретиться где-нибудь в ближайшие же дни, посмотреть лошадь, которую продавал Кроули, проездить ее в Парке, а там можно будет и пообедать вместе, а вечер провести в обществе веселых товарищей.

— Конечно, в том случае, если вы не будете дежурить при хорошенькой мисс Седли! — сказал Кроули, хитро подмигнув Осборну. — Адски хорошенькая девушка, клянусь честью, Осборн! Недурное приданое, я полагаю?

Осборн дежурить не собирался и с превеликим удовольствием присоединится к Кроули. И когда они сошлись на следующий день, этот последний расхвалил верховую езду своего нового приятеля (ибо он мог это сделать с полной искренностью) и свел его с несколькими молодыми людьми отборнейшего сорта, так что новое знакомство чрезвычайно польстило скромному молодому офицеру.

— А как, между прочим, поживает маленькая мисс Шарп? — осведомился Осборн у приятеля с видом денди, потягивая вино. — Премиленькая девочка! На месте ли она в Куинс Кроули? В прошлом году мисс Седли очень ею увлекалась.

Капитан Кроули свирепо взглянул на лейтенанта своими маленькими голубыми глазками и стал упорно следить за ним, когда тот отправился наверх возобновить знакомство с красивой гувернанткой. Но поведение Бекки должно было вполне успокоить Кроули, если в сердце гвардейца и шевельнулась ревность.

Когда молодые люди поднялись наверх, Осборн был представлен мисс Кроули, после чего направился с покровительственным и развязным видом к Ребекке. Он готов был оказать ей любезность и даже пожать руку, как подруге Амелии. Кинув ей: «А, мисс Шарп! Как вы поживаете?» — он протянул ей левую руку, думая поразить ее этой честью. Мисс Шарп, в свою очередь, подала ему только указательный палец правой руки и кивнула с такой убийственной холодностью, что Раудон Кроули, наблюдавший из соседней комнаты за происходившим, едва мог удержаться от смеха при виде растерянности, с какой Осборн решился наконец взять протянутый ему для пожатия пальчик.

— Клянусь честью, она осадит хоть черта! — воскликнул капитан.

Лейтенант же, для начала разговора, любезно осведомился, нравится ли Ребекке ее новое место.

— Мое место? — холодно переспросила Ребекка. — Как мило напомнить мне об этом! О, да, место довольно сносное, и жалованье мне платят достаточное. Конечно, не такое высокое, какое получает, вероятно, мисс Вирт у ваших сестер в Рассель-сквере. А как их здоровье? Впрочем, едва ли мне пристало об этом спрашивать!

— Почему же? — спросил Осборн.

— Да потому, что они никогда не снисходили до того, чтобы заговорить со мной или пригласить меня к себе, когда я гостила у Амелии. Но нам, бедным гувернанткам, не привыкать к такого рода пренебрежению, как вы знаете.

— Дорогая мисс Шарп! — произнес Осборн.

— По крайней мере, так повелось в некоторых семьях, — продолжала Ребекка. — Однако, представьте, бывает и совсем иначе. Мы, например, в Гэмпшире далеко не отличаемся таким богатством, как вы, счастливы, в Сити. Но зато я в дворянской семье, это известный старинный английский род. Я полагаю, вам известно, что отец сэра Питта отказался от звания пэра? Ну и вот вы можете видеть, как со мной тут обращаются; я чувствую себя здесь превосходно. Это действительно хорошее место. Но как мило, что вы об этом справились!

Осборн был в бешенстве. Маленькая гувернантка отнеслась к нему свысока и так его высмеяла, что молодому британскому льву стало не по себе, и он не мог с честью выпутаться из этого приятного разговора.

— А мне казалось, что семьи наших горожан в Сити вам прежде нравились в высокой степени, — сказал он высокомерно.

— То есть вы хотите сказать, в минувшем году, когда я только что вышла из этого ужасного вульгарного пансиона? Ну, конечно, тогда мне и Сити нравился! Ведь каждая девочка рада-радешенька выбраться на праздники домой. Да и как могла я знать тогда, где хорошо и где лучше? Но, ах, мистер Осборн, если бы вы знали, как научает опыт, вынесенный за восемнадцать месяцев! Восемнадцать месяцев, проведенных — простите за откровенность — в кругу истинно благородных людей. Что касается Амелии, то она, конечно, настоящая жемчужина и очарует всех! Ну вот, я вижу,

вы начинаете расцветать! Но эти странные чудаки в Сити! Хотя бы мистер Джоз! Что подельывает удивительный мистер Джоз?

— А я-то, представьте, воображал в прошлом году, что этот удивительный мистер Джоз вовсе не был вам неприятен!

— Как это зло!.. Говоря между нами, сердце мое никогда особенно по нем не разрывалось, но если бы он предложил мне то, на что намекают ваши взгляды (очень выразительные и любезные), я не сказала бы «нет»!

Мистер Осборн посмотрел на нее так, как если бы хотел сказать: «В самом деле, какую бы честь сделала!»

— Вы думаете, для меня было бы чрезвычайной честью иметь вас свояком? Быть невесткой Джорджа Осборна, эсквайра, сына Джона Осборна, эсквайра, внука... кем был ваш дедушка? Полно, не сердитесь! Не можете же вы изменить своей родословной! Я согласна с вами, что мне следовало бы выйти замуж за мистера Джозефа Седли. Да и что лучшего могла бы сделать бедная девушка-бесприданница? Теперь вы знаете правду. Я вполне откровенна и ничего не скрываю. Принимая же во внимание все обстоятельства, с вашей стороны было очень любезно делать подобный намек! Очень любезно и вежливо! Амелия, милочка, мы беседуем тут с мистером Осборном о вашем бедном брате! Как его здоровье?

Таким образом, Джордж был приведен в полное смущение. Нельзя сказать, чтобы Ребекка была права, но она ловко придала разговору такой оборот, что Осборн остался кругом виноват. И он бежал с позором, сознавая, что — продлись беседа еще минуту — он будет поставлен в присутствии Амелии в совершенно глупое положение.

Хотя Ребекка и одержала верх, а Джордж был выше того, чтобы сплетничать и мстить женщине, он тем не менее не упустил на другой день благоразумно сообщить капитану Кроули кое-какие свои соображения относительно мисс Ребекки. Он пояснил, что считает ее за особу лукавую, опасную и за отчаянную кокетку. Со всем этим Кроули, смеясь, соглашался, и не прошло и двадцати четырех часов, как все отзывы Осборна о Ребекке стали ей известны.

Они усилили те своеобразные чувства, какие она питала к Джорджу. Женский инстинкт подсказал ей, что именно Осборн помешал успеху первоначальных ее любовных замыслов, и в соответствии с этим она и питала к нему надлежащее расположение.

— Я только предостерегаю вас, — сказал Джордж Раудону Кроули с многозначительным видом, после того как купил у него лошадь и проиграл ему несколько десятков гиней после обеда. — Я только предупреждаю вас, я знаю женщин и советую вам быть осторожным...

— Очень вам благодарен, мой милый! — сказал Кроули со странным взглядом, вряд ли выражавшим признательность. — Я вижу, вы очень дальновидны!

И Джордж ушел, полагая, что Кроули вполне прав.

Он рассказал Амелии о том, что он сделал и как он посоветовал Раудону Кроули — этому чертовски славному прямому малому — остерегаться маленькой хитрой интриганки Ребекки.

— Остерегаться кого? — воскликнула Амелия.

— Да вашей приятельницы-гувернантки! Что вы смотрите на меня с таким изумлением?

— О, Джордж, что вы наделали! — сказала Амелия.

Ее женский глаз, который любовь изошрила, в одно мгновение разгадал тайну, бывшую невидимой ни для мисс Кроули, ни для бедной девственницы Бриггс, ни прежде всего для ничего не понимающих глаз молодого усатого фата, лейтенанта Осборна.

Когда Ребекка укутывала Амелию в верхнем этаже, куда подруги удалились поболтать тайком и затеять один из тех разговоров, какие услаждают женскую жизнь, Амелия взяла ее руки в свои и сказала:

— Ребекка, я все вижу!

Ребекка ее поцеловала. И ни одного слова больше не было произнесено девушками по поводу очаровательной тайны.

Но тайне суждено было скоро открыться.

Вскоре после описанных мною происшествий, в то время, когда Бекки пребывала еще в доме своей покровительницы в Парк-Лейне, на Гаунт-стрит, среди траурных гербов, составляющих обычное украшение этого мрачного квартала, появился новый. Это было на доме сэра Питта Кроули. Но герб этот отнюдь не знаменовал собою кончину почтенного баронета. Означенный герб несколько лет тому назад был изготовлен как траурное украшение по случаю смерти старухи, матери сэра Питта, вдовствующей леди Кроули. Когда он отслужил свою службу, он был снят с фасада дома и заброшен в далекие кладовые особняка сэра Питта. Теперь этот же герб появился вновь на свет ради бедной Розы Даусон: сэр Питт стал опять вдовцом.

Гербовые фигуры, помещенные на щите рядом с таковыми баронета, уж, конечно, не могли принадлежать бедняжке Розе, у которой никакого герба не было, но нарисованные на щите херувимы столько же могли годиться для жены баронета, сколько и для его матери, а под щитом красовалась надпись: «Resurgam»¹, с фамильными горлицей и змеей.

Гербы, геральдические принадлежности и надпись «Resurgam» — это ли не удобный повод для нравственных размышлений?

Мистер Питт Кроули один ухаживал за бедной, одинокой больной. Миледи покинула свет, утешенная теми словами и наставлениями, на какие оказался способен ее пасынок. В течение многих лет его приязнь была единственным утешением, какое она знавала; единственно его дружба хоть сколько-нибудь поддерживала эту слабую, одинокую душу. Сердце ее умерло гораздо раньше тела: она продала его, чтобы сделаться супругой сэра Питта.

Сколько матерей и дочерей чуть ли не ежедневно вступают в подобные же сделки на ярмарке тщеславия!

Когда жена сэра Питта умирала, он находился в Лондоне, где хлопотал по поводу одной из бесконечных своих тяжб и возился с многочисленными своими ходатаями. Тем не менее он находил время часто наезжать в Парк-Лейн и посылать Ребекке бесчисленные записки с мольбами, убеждениями и приказаниями поскорее вернуться к ее юным деревенским воспитанницам, оставшимся за болезнью матери совсем без призора, но мисс Кроули и слышать не хотела об отъезде Ребекки. Вряд ли во всем Лондоне нашлась бы другая светская женщина, которая бы с большей непринужденностью порывала с друзьями, пресытившись их обществом, и вряд ли вообще они на-

¹ Воскресну! (лат.)

доедали кому-нибудь столь быстро; однако, пока у мисс Кроули длился каприз, сила ее привязанности бывала изумительной. И она все еще крепко цеплялась за Ребекку.

Известие о смерти леди Кроули вызвало в семейном кругу мисс Кроули не больше горя или толков, нежели это можно было ожидать.

— Я полагаю, мне придется отказаться от приглашения на третье число, — сказала мисс Кроули и, помолчав, прибавила: — Надеюсь, у брата хватит совести не жечься вновь!

— В какое бешенство впадет Питт, если он выкинет такую штуку! — заметил Раудон со свойственным ему уважением к старшему брату.

Ребекка не сказала ничего. Из всей семьи она казалась наиболее смущенной и тронутой этим событием. В этот день она удалилась из гостиной раньше Раудона, но по случайности они столкнулись внизу, когда капитан уходил, и побеседовали немного.

На следующее утро Ребекка, спокойно смотревшая в окно, испугала мисс Кроули, занятую чтением французского романа. Она воскликнула встревоженным голосом:

— Сударыня, сэр Питт!

Вслед за этим заявлением раздался стук баронета.

— Милая моя, я не могу его принять! Я не хочу его видеть! Скажите Боульсу, что меня нет дома, или спуститесь и поясните баронету, что я чувствую себя слишком плохо, чтобы принимать кого бы то ни было! Мои нервы не вынесли бы в настоящую минуту свиданья с братом! — воскликнула мисс Кроули и обратилась к роману.

— Мисс Кроули чувствует себя слишком дурно и не может принять вас, — сказала Ребекка, поспешно спускаясь вниз, навстречу к сэру Питту, собиравшемуся подняться.

— Тем лучше, — ответил сэр Питт, — я желаю видеть вас, мисс Бекки. Пройдемте со мной в приемную.

И они вошли туда.

— Я хочу, чтобы вы вернулись в Куинс Кроули, мисс! — произнес баронет, устремляя глаза на девушку и снимая черные перчатки и шляпу, повязанную широкой траурной лентой.

Глаза его имели такое странное выражение, и он так упорно смотрел на Ребекку, что она вздрогнула.

— Я надеюсь скоро вернуться, — произнесла она тихо. — Как только мисс Кроули станет лучше, я сейчас же приеду к милым девочкам.

— Вы это твердите целых три месяца, Бекки, — возразил сэр Питт, — и все липнете к моей сестре! А она вышвырнет вас, как старый башмак, когда вы надоедите! Говорю вам: вы мне нужны! Я еду на похороны. Хотите вернуться домой со мною? Да или нет?

— Я не смею... Не думаю... Конечно, следовало бы... Но жить с вами вдвоем, сэр!.. — проговорила Бекки, приходя, по-видимому, в большое волнение.

— Я опять повторяю: вы мне нужны! — проговорил сэр Питт, барабаня пальцами по столу. — Я не могу обойтись без вас. Я не понимал этого, пока вы не уехали. В доме все пошло вверх дном, ничего узнать нельзя! Все мои счета перепутались! Вы должны вернуться! Возвращайтесь! Дорогая Бекки, возвращайтесь!

— Вернуться, но в качестве кого, сэр? — с трудом переводя дыхание, спросила Бекки.

— Возвращайтесь в качестве леди Кроули, коли это вам любо! — воскликнул баронет, комкая свою траурную шляпу. — Ну, что, удовлетворяет это вас? Возвращайтесь и будьте моей женой! По уму это вам пристало! Что же касается происхождения, так черта ли в нем! Вы такая совершенная леди, каких я доселе не видывал! В одном вашем мизинчике больше ума, чем в мозгах жены любого баронета нашего графства. Ну, что ж, хотите теперь ехать со мной? Да или нет?

— О сэр Питт! — произнесла Ребекка, весьма растроганная.

— Скажите «да», Бекки! — продолжал сэр Питт. — Я старый человек, но в сущности еще бодрый. Я проживу, пожалуй, еще лет двадцать! Я сделаю вас счастливой! Вы убедитесь, что я говорю сухую правду. Вы будете делать, что хотите, будете тратить, сколько вздумаете, я во всем буду сообразоваться с вашими желаниями и позабочусь о выдеде для вас — все обставлю законно! Ну вот, смотрите! — И старик упал на колени, глядя на нее глазами сатира.

Ребекка отшатнулась, изобразив собою статую смущенья.

В течение всей настоящей повести нам никогда еще не приходилось замечать, чтобы Бекки утрачивала самообладание, но тут она растерялась и расплакалась самыми непритворными слезами, какие когда-либо проливали ее глаза.

— О сэр Питт! — сказала она. — О сэр!.. Я... я... уже замужем!

ГЛАВА XV, в которой на короткое время появляется муж Ребекки

итателю, склонному к чувствительности (а иных мы себе и не желаем), должна прийти по вкусу картина, которой завершился последний акт рассказанной нами маленькой драмы, ибо что может быть восхитительнее Амура, склоняющегося перед Красотой? Но когда Амур услышал от Красоты ужасное признание, что она уже замужем, он оставил свою смиренную позу, вскочил на ноги и стал издавать такие восклицания, которые повергли бедную маленькую Красоту в больший страх, нежели тот, какой она испытала, когда делала свое признание.

— Замужем? Вы шутите! — воскликнул баронет после первого взрыва бешенства и удивления.

— Вы просто смеетесь надо мной, Бекки! Кто бы женился на вас, когда у вас нет за душой и шиллинга!

— Я замужем, замужем! — рыдала Ребекка, изнемогая от слез; ее голос прерывался от волнения, она прикладывала платок к покрасневшим глазам и опиралась в полном изнеможении о камин, воплощая собою скорбь, способную растрогать даже самое жестокое сердце.

— О сэр Питт, дорогой сэр Питт, не считайте меня неблагодарной за милости, которыми вы меня осыпали! Единственно ваше великодушие вырвало у меня эту тайну!

— К черту великодушие! — заорал сэр Питт. — Кто он — тот, за которого вы вышли? Где это произошло?

— Позвольте мне вернуться с вами в деревню, сэр! Позвольте мне заботиться о вас так же преданно, как и раньше! О, не разлучайте меня с дорогим Куинс Кроули!

— Значит, обольститель вас бросил? Так ведь? — произнес баронет, начинавший, как он думал, понимать суть дела. — Ну, Бекки, возвращайтесь ко мне, коли хотите.

Что ж тут поделаешь, коли вы не можете ни получить, ни съесть свадебного пирога! Во всяком случае, предложение я вам сделал завидное! Ну, что ж! Возвращайтесь ко мне гувернанткой, обещаю вам: все будет по-вашему!

Она протягивала руки к старику и рыдала так, словно у нее разрывалось сердце; локоны закрыли ей лицо и рассыпались по каминной доске, на которую она уронила голову.

— Так, значит, негодяй удрал, а? — сказал сэр Питт, уже начиная тешить себя гнусными вожделениями. — Не горюйте, Бекки! Я позабочусь о вас!

— О сэр! Радостью всей моей жизни было бы вернуться в Куинс Кроули и принять на себя заботу о детях и о вас, как в былое время, когда вы говорили, что вам приятны услуги маленькой Бекки. Когда я думаю о том, что вы мне сейчас предлагали, мое сердце исполняется благодарностью, верьте мне! Я не могу быть вам женой, но позвольте мне быть вам дочерью!

Говоря это, Ребекка опустилась трагическим движением перед стариком на колени, схватила черную жесткую лапу сэра Питта своими белыми мягкими, как атлас, руками и взглянула ему в лицо с выражением самого восхитительного пафоса и доверчивости, но тут... тут распахнулась дверь, и в комнату вплыла мисс Кроули.

Миссис Фиркин и мисс Бриггс, которых случайность привела к двери приемной, вскоре после того, как туда вошли баронет и Ребекка, столь же случайно подсмотрели в замочную скважину, как старый джентльмен преклонил колени перед гувернанткой, и подслушали великодушное сделанное ей предложение.

Едва это предложение успело сорваться с уст баронета, миссис Фиркин и мисс Бриггс мчались уже наверх; они ворвались в гостиную, где мисс Кроули читала французский роман, и доложили старой даме удивительную весть о том, что сэр Питт стоит перед гувернанткой на коленях и делает ей предложение. Если вы рассчитаете время, какое пошло на вышеизложенное объяснение и какое потребовалось Бриггс и Фиркин, чтобы долететь до гостиной, а мисс Кроули — изумиться, выронить из рук томик Пиго-Лебрена¹ и спуститься вниз, то вы убедитесь, что наше повествование чрезвычайно точно и что мисс Кроули должна была появиться в приемной именно в то мгновение, когда Ребекка приняла смиренную позу.

— Значит, не джентльмен, а дама на коленях! — воскликнула с величайшей насмешкой мисс Кроули. — А мне сказали, будто вы, сэр Питт, стоите на коленках! Пожалуйста, падите опять ниц и дайте мне полюбоваться на коленопреклоненную очаровательную парочку!

— Я только благодарила сэра Питта Кроули, сударыня, — сказала Ребекка, поднимаясь, — и сказала ему, что никогда леди Кроули не сделаюсь...

— Вы отказали ему?! — сказала мисс Кроули, еще более изумляясь.

Бриггс и Фиркин, стоявшие у дверей, открыли глаза и рты от удивления.

— Да, отказала! — подтвердила Ребекка скорбным голосом, в котором слышались слезы.

— Могу ли я поверить своим ушам? Вы сделали ей предложение, сэр Питт? — спросила старая леди.

— Да, — сказал баронет, — я сделал предложение.

¹ Антуан Пиго-Лебрен (1753–1835) — популярный в свое время французский романист и драматург.

— И она вам отказала, как она утверждает?
— Да... — подтвердил сэр Питт с широкой усмешкой.
— И, по-видимому, это вовсе не сокрушает вам сердца? — заметила мисс Кроули.
— Нисколько! — ответил сэр Питт спокойно и добродушно, чуть не повергнув изумленную мисс Кроули в неистовство.

Старый джентльмен с отменным положением, стоящий на коленях перед не имеющей за душой ни гроша гувернанткой и разражающийся смехом, когда та ему от-

казывает, а наряду с ним — бесприданница гувернантка, отказывающая баронету и обладателю четырех тысяч фунтов дохода, — это оказывалось тайной, превышающей понимание мисс Кроули, и превосходило по сложности все интриги в столь любимых ею романах Пиго-Лебрена!

— Меня весьма радует, что вы посмотрели на это как на шутку, — продолжала мисс Кроули.

— И даже как на превосходную! — ответил баронет. — Кто бы мог это подумать! У, хитрый чертенок! Ах, что это за лисичка! — бормотал он про себя, одобрительно посмеиваясь.

— Кто мог бы подумать — что? — воскликнула мисс Кроули, топая ногой от нетерпенья. — Да скажите же, мисс Шарп, вероятно, вы ждете, чтобы принц-регент развелся с супругой, и считаете нашу семью недостойной вас?

— Поза, в которой вы меня застали, сударыня, когда вошли сюда, вовсе не показывает, чтобы я пренебрегала честью, какую угодно было меня удостоить этому добору, благородному джентльмену. Или вы считаете меня бессердечной? Разве вы все не любили и не ласкали бедную сироту, эту всеми покинутую девочку? Неужели же я останусь ко всему этому бесчувственной?

О мои друзья, мои благодетели! Неужели же моя привязанность, вся моя жизнь и безупречное выполнение долга не доказывают вам моего желания отплатить за доверие, с каким вы все ко мне относились? Неужели же, мисс Кроули, вы хотите отказать мне хотя бы в простом чувстве признательности? Это слишком! Мое сердце переполнено!

Тут Бекки упала в кресло так патетично, что большинство присутствовавших были совершенно растроганы ее скорбью.

— Выйдете вы за меня замуж или нет, но вы славная маленькая девочка, Бекки! И знайте, я всегда буду вам другом! — заключил сэр Питт. Он надел на голову свою шляпу с траурным бантом и вышел из комнаты, к великому облегчению Ребекки; тайна ее осталась не открытой для мисс Кроули, и Бекки получала некоторую отсрочку.

Приложив платок к глазам и отрицательно покачав головой честной Бриггс, собравшейся было следовать за ней наверх, она поднялась в свою комнату. Бриггс и мисс Кроули в состоянии великого возбуждения занялись обсуждением происшедших странных событий, а не менее взволнованная Фиркин ускользнула в кухню и не замедлила оповестить о случившемся все тамошнее мужское и женское общество. Миссис Фиркин была настолько потрясена всеми этими новостями, что сочла необходимым написать с отходившей в тот же вечер почтою миссис Бьют Кроули, что она свидетельствует ей свое уважение, так же как и всей ее почтенной семье, и что заходил сэр Питт, и что он сделал мисс Шарп предложение выйти за него, а та ему отказала, и все этому очень даже удивляются.

Обе сидевшие в столовой дамы, из которых достойная мисс Бриггс была восхищена тем, что она вновь допущена покровительницей к конфиденциальной беседе, вдоволь дивились и предложению сэра Питта, и отказу Ребекки; Бриггс с большой проникательностью высказала догадку, что тут, вероятно, кроются особые препятствия в виде более ранней привязанности, иначе какая молодая женщина в здравом уме отказалась бы от столь выгодной партии?

— Вы бы приняли предложение сэра Питта, Бриггс, не правда ли? — любезно осведомилась мисс Кроули.

— Разве я не приобрела бы таким образом преимущества сделаться сестрой мисс Кроули? — ответила Бриггс скромно и уклончиво.

— Ну, конечно! А ведь Бекки, в конце концов, была бы отличною леди Кроули! — заметила мисс Кроули (ее смягчил отказ девушки, и теперь, когда от старухи не требовалось никаких жертв, она готова была проявить широту и великодушие). — Ума в ней сколько угодно. В одном ее мизинце уместится больше мозга, чем во всей вашей голове, бедная моя Бриггс, а манеры мисс Шарп, с тех пор как я приложила к этому руку, просто безукоризненны! Она ведь Монморанси, а это чего-нибудь да стоит, хотя я лично и не придаю этому значения. И уж, конечно, в отношении всех этих

надутых гэмпширских тупиц Бекки сумела бы поставить себя куда лучше, чем та бедняжка, дочь торговца железом!

Бриггс, по обыкновению, вполне согласилась со своей благотельницей, а затем обе они обратились к догадкам относительно «более ранней привязанности».

— Вы, бедные одинокие создания, всегда заводите себе какую-нибудь сумасбродную страсть, — заметила мисс Кроули. — Вы вот, Бриггс, влюбились в учителя чистописания, — не плачьте, пожалуйста, вечно вы плачете, как будто это может его воскресить! Эта бедняжка Бекки тоже оказалась сентиментальной дурой и увлеклась каким-нибудь аптекарем, домоправителем, живописцем, викарием или чем-нибудь в этом роде.

— Ах, бедная, бедная! — сказала мисс Бриггс (она возвратилась к событиям за двадцать четыре года назад, к слабогрудому юному учителю чистописания, желтый клок волос которого и письма, прекрасные в своей неразборчивости, она хранила еще и посейчас, сберегая их наверху, в старом столе). — Бедная, бедная! — восклицала Бриггс, и ей казалось, будто сама она превращается в восемнадцатилетнюю глупенькую девочку со свежими щечками, что она сидит в церкви за вечерней службой и распевает дрожащим голосом псалмы по одному молитвеннику с чахоточным учителем чистописания.

— После подобного поступка со стороны Ребекки, — заявила мисс Кроули, воодушевляясь, — наша семья должна для нее что-нибудь сделать. Узнайте, Бриггс, кто ее предмет. Знаете, я дам ему средства обзавестись лавкой, или закажу ему портрет, или попрошу за него моего двоюродного брата, епископа! Ну, а самой Бекки я сделаю приданое! У нас будет свадьба, Бриггс, вы позаботитесь о завтраке и будете подружкой!

Бриггс объявила, что это будет восхитительно, и клялась, что ее дорогая мисс Кроули всегда была добра и великодушна, а затем поднялась наверх, к Ребекке, утешить ее, поболтать о сделанном предложении и последовавшем отказе, а также и о причине последнего, а равно намекнуть о великодушных намерениях мисс Кроули и вывести, наконец, кто тот джентльмен, что овладел сердцем мисс Шарп.

Ребекка была чрезвычайно взволнована, растрогана и мила; она откликнулась на нежное сочувствие Бриггс со всем пылом благодарности, призналась, что действительно питает втайне некую привязанность. О, привязанность эта — очаровательная тайна (ну что стоило мисс Бриггс задержаться лишних полминуты у замочной скважины! Может быть, Ребекка сказала бы и больше).

Но не прошло и пяти минут после появления мисс Бриггс в комнате Ребекки, как туда пожаловала и сама мисс Кроули — честь, доселе неслыханная! Мисс Кроули овладело нетерпение, она не могла дожидаться завершения длительных операций своей посланницы, пожаловала самолично и приказала Бриггс оставить комнату. Мисс Кроули выразила полное одобрение поведению Ребекки, она осведомилась о всех подробностях ее свидания с сэром Питтом и о тех предшествовавших обстоятельствах, какие привели баронета к удивительному его предложению.

Ребекка рассказала, что она давно уже заметила расположение, которым ее удостоивал сэр Питт, — ведь ему было свойственно обнаруживать свои чувства открыто и без всякого стеснения. Оставляя в стороне причины личного характера, рассказом о которых она вовсе не желает утруждать мисс Кроули, Бекки полагает, что возраст сэра Питта, его положение и все его привычки делают брак совершенно невыносимым; да, наконец, разве могла бы сколько-нибудь уважающая себя и понимающая

приличия женщина благосклонно отнестись к предложению, когда не была еще погребена только что скончавшаяся супруга искателя?

— Все это глупости, моя милая, никогда бы вы ему не отказали, не будь тут замешан кто-нибудь иной, — сказала мисс Кроули, сразу подходя к сути интересовавшего ее вопроса. — Объясните вы мне ваши причины личного характера! Какие такие это причины? Тут кто-нибудь да замешан! Кто же этот некто, похитивший ваше сердце?

Ребекка опустила глаза и призналась, что все это действительно так и есть.

— Вы угадали, дорогая миледи, — сказала она просто, нежным дрожащим голосом, — вас, может быть, удивит, что у бедного одинокого существа может быть сердечная привязанность. Но я никогда не слыхивала, чтобы бедность от нее спасала! Ах, как бы я желала, чтобы это было так!

— Бедное дитя! — воскликнула мисс Кроули, всегда готовая расчувствоваться. — Неужели же ваша страсть не нашла отклика? Неужели же мы томимся втайне от всех? Расскажите мне все и дайте мне вас утешить!

— Я хотела бы, дорогая сударыня, чтобы вы могли это сделать! — сказала Ребекка тем же прочувствованным тоном. — Я, право, нуждаюсь в утешении!

Тут она склонила голову на плечо мисс Кроули и разрыдалась так искренно, что старая леди, невольно охваченная сочувствием, обняла девушку почти с материнской нежностью, уверяя ее в своем расположении, и поклялась, что любит ее, как родную дочь, и сделает все от нее зависящее, чтобы ей помочь.

— Ну, а теперь скажите мне, кто он? Уж не брат ли этой миленькой мисс Седли? Вы мне рассказывали о чем-то таком, связанном с ним. Я позову его, и он будет ваш. Ну, конечно же, будет!

— Не спрашивайте меня сейчас ни о чем, — сказала Ребекка, — скоро вы все узнаете. Обещаю вам это, дорогой друг мой, если вы разрешите мне вас так назвать!

— Можете, дитя мое! — ответила старая леди, целуя ее.

— Но сейчас я ничего не могу сказать, — всхлипывала Ребекка. — Бедная я, несчастная! Только любите меня всегда! Обещайте мне, что вы будете всегда любить меня!

В слезах, проливаемых и той и другой стороной, — ибо волнение молодой девушки разбудило сочувствие в старшей леди, — это обещание было торжественно дано, и мисс Кроули покинула свою питомицу, призывая на нее благословение свыше и восхищаясь этим милым, бесхитростным, мягкосердечным, любящим, но непостижимым созданием.

Бекки была наконец предоставлена одиночеству и могла подумать о всех внезапных и удивительных событиях дня, о том, что уже свершилось и что могло еще произойти.

Каковы, по вашему мнению, могли быть причины личного характера у мисс, или нет — прошу у нее извинения, — миссис Ребекки? Если несколькими страницами выше автор претендовал на право заглядывать в комнатку мисс Седли и проникать с всеведением романиста в сущность ее горестей и страстей, омрачающих ее невинное изголовье, то почему бы ему не объявить себя наперсником и Ребекки, доверенным ее тайн и хранителем печати от совести этой молодой женщины?

Ребекка прежде всего предалась вполне искренним и трогательным сожалениям о том, что в тот момент, когда восхитительная Фортуна уже совсем было далась ей в руки, она оказалась вынужденной отклонить от себя ее дары.

Это вполне естественное огорчение, конечно, поймет всякий здравомыслящий человек. Какая добрая мать не пособолезнует девушке-бесприданнице, которая могла бы сделаться миледи и участницей в расходовании годового дохода в четыре тысячи фунтов?

Едва ли на ярмарке тщеславия найдется хотя бы одна благовоспитанная особа, которая не почувствует сожаления к прилежной, умной, достойной молодой девушке, которой делается почтенное, выгодное и соблазнительное предложение, но — увы! — в ту минуту, когда та уже лишена возможности его принять. Я уверен, отчаяние нашей приятельницы Бекки вполне заслуживает общего сочувствия.

Помню, был я однажды на званом вечере на ярмарке тщеславия. Я видел там старую мисс Тоди, она обращала на себя общее внимание необычайной приветливостью и нежностью, какие она проявляла в отношении маленькой миссис Бриффлесс, жены адвоката, которая, конечно, происходила из хорошей семьи, но, как это всем было известно, была бедна до последней степени.

«Какая может быть причина подобной ласковости мисс Тоди? — размышляла я. — Уж не получил ли Бриффлесс места при суде в графстве или не оставил ли кто-нибудь наследства его жене?»

Мисс Тоди не замедлила сама разъяснить мне мои недоумения с той непринужденностью, которая вообще отличает ее обращение.

— Вы знаете, — сказала она, — ведь миссис Бриффлесс доводится внучкой сэру Джону Рэдганду, а он так заболел в Чельтенгаме, что, верно, больше полугода не протянет. Батюшка миссис Бриффлесс является его наследником, и, таким образом, она, как видите, сделается дочерью баронета!

И Тоди тут же пригласила Бриффлесса с супругой к обеду на следующей же неделе.

Если одна только предстоящая надежда сделаться дочерью баронета обеспечивает даме внимание со стороны света, то, конечно, как же не соболезновать скорби молодой женщины, утратившей возможность стать супругой баронета! Но можно ли было мечтать о том, что леди Кроули умрет так скоро?

«Она принадлежала к тем болезненным существам, которые тянут существование десятков лет, — думала Ребекка, терзаясь раскаянием. — Я могла бы теперь быть миледи! Я могла бы распоряжаться стариком, я могла бы отблагодарить и миссис Бьют за ее покровительство, и мистера Питта за его несносную снисходительность... У меня был бы в городе заново отделанный и обставленный дом! Я завела бы экипаж, лучший во всем Лондоне, и ложу в опере! И я удостоилась бы в следующем сезоне представления ко двору!.. Все это могло бы быть, а теперь — теперь всё сомнения и неизвестность!»

Но Ребекка была молодой женщиной, слишком решительной и энергичной, чтобы позволить себе бесполезно печалиться о непоправимом.

Итак, воздавши ему приличную дань сожалений, она мудро сосредоточила все свое внимание на будущем, которое представляло для нее несравненно большую важность.

Она взвесила свое положение, надежды, сомнения и возможности. Во-первых, она была замужем — обстоятельство чрезвычайно важное. Сэр Питт знал об этом. Она сделала это признание не потому, что была застигнута врасплох, но под влиянием внезапно пришедшего ей на ум расчета.

Тайна должна была рано или поздно открыться — так почему же не теперь, а позже? Тот, кто хотел сам жениться на Бекки, должен по меньшей мере промолчать.

Но как примет эту весть мисс Кроули? Это являлось большим вопросом. У Ребекки были на этот счет опасения, но она помнила слова мисс Кроули, ее презрение к родовитости происхождения, ее смелые либеральные суждения, ее склонность ко всему романическому, ее пристрастие к племяннику и, наконец, неоднократно высказываемое ею расположение к Ребекке.

«Она так любит Раудона, — соображала Ребекка, — что простит ему что угодно. Ко мне она очень привыкла, и я сомневаюсь, удобно ли ей будет меня лишить. Конечно, когда все выяснится, последует сцена, потом истерика и полный разрыв, а затем все завершится полным примирением. Во всяком случае, какая польза оттягивать развязку? Жребий брошен, и сегодня ли, завтра ли — результат будет тот же.

Итак, склоняясь к тому, чтобы довести новость до сведения мисс Кроули, молодая женщина принялась обсуждать в уме, что было бы наилучшим для этого способом: встретить предстоящую бурю лицом к лицу или обратиться перед нею в бегство и переждать первый взрыв негодования?

В подобных колебаниях Ребекка написала следующее письмо:

«Мисс Элизе Стайлс, у мистера Барнета, седельщика, Найтсбридж.

Дорогой друг!

Великий кризис, который мы так часто обсуждали, наступил. Часть тайны открылась, и я думала и передумывала и решила, что настало время во всем признаться. Сэр Питт был у меня сегодня утром, и — представьте себе — сделал мне предложение! Бедная я! Я могла бы стать леди Кроули! Как довольна была бы миссис Бьют, да и тетушка тоже, если бы я получила первенство над ними! Я могла бы сделаться чьей-то матерью, вместо того чтобы... О, я трепещу, когда думаю, как скоро мы должны будем во всем покаяться!

Сэру Питту уже известно, что я замужем, но не известно, за кем, и потому он не слишком недоволен. Тетушка же разгневана моим отказом ее брату. Вообще же она — сама благосклонность и любезность. Она снизошла даже до признания, что я была бы баронету доброй женой, и клянется заменить мать вашей маленькой Ребекке. Как будет она потрясена, когда впервые услышит истину! Следует ли нам опасаться чего-нибудь, кроме минутной вспышки гнева? Думаю, что нет, даже уверена, что нет. Она вас любит необычайно (хотя вы и скверный негодник) и простит вам что угодно. А следующее место в ее сердце, как мне думается, занимаю я, и она без меня будет несчастна. Дорогой мой, что-то говорит мне, что мы победим! Вы покинете ваш противный полк, бросите игру и скачки и сделаетесь пай-мальчиком. Мы все будем жить вместе в Парк-Лейне, и тетушка оставит нам свои денежки.

Завтра, в три часа, я попытаюсь выйти к условленному месту. Если меня будет сопровождать мисс Б., то вам придется пожаловать к обеду и принести ответ, который вы и вложите в третий том проповедей Портеуса.

Во всяком случае приходите к ожидающей вас *Ребекке*».

Я полагаю, едва ли кто-нибудь из читателей настоящего повествования окажется столь недалеким, чтобы не угадать, что мисс Элиза Стайлс (старая

школьная подруга, уверяла Ребекка, с нею Бекки завела в последнее время деятельную переписку, и та предпочитала сама забирать посылаемые ей письма от седельщика) носила шпоры, длинные выющиеся усы и была не кем иным, как капитаном Раудоном Кроули.

ГЛАВА XVI

Письмо, пришпиленное к булавочной подушке

ак они поженились — никого не касается. Что может помешать капитану, давно достигшему совершеннолетия, и взрослой молодой особе получить разрешительное свидетельство и соединиться брачными узами в любой церкви города? И нужно ли прибавлять, что если женщина пожелает чего-нибудь, то она, несомненно, найдет пути к осуществлению своего желания.

Мне дело представляется так. В один прекрасный день, когда мисс Шарп отправилась провести утро с дорогой своей подругой мисс Амелией Седли в Ресель-сквер, некая дама, весьма похожая на Бекки, отлично могла войти в церковь где-нибудь в Сити в обществе джентльмена с нафабранными усами, а через какую-нибудь четверть часа тот же джентльмен усадил ту же даму в ожидавшую у паперти извозчиью карету — к этому и свелось все скромное венчание.

И какой смертный усомнится, при наличии ежедневных примеров, в правдоподобии того, что любой джентльмен способен вступить в брак с кем угодно. Сколько мудрецов и ученых женились на своих кухарках! Разве лорд Эддон, благоразумнейший из мужей, не удрал, похитив предварительно невесту? Разве Ахилл и Аякс не влюблялись в своих служанок?

Точно так же разве можно было ожидать от грузного драгуна с сильными страстями, но скудными мозгами, никогда в жизни не умевшего сдерживать своих порывов, чтобы он внезапно превратился в мудреца и отказался купить любую ценою удовлетворение засевшей ему в голову фантазии? Если бы человечество вступало только в благоразумные браки — какая бы произошла задержка в приросте населения!

Что касается меня, то, на мой взгляд, брак мистера Раудона был самым благородным поступком, какой нам приходится занести в какую-либо часть биографии этого джентльмена, поскольку она соприкасается с настоящим повествованием.

Едва ли кто-либо скажет, что мужчине не подобает быть плененным женщиной, а будучи плененным — жениться на ней; восхищение же, поклонение, страсть, удивление, безграничное доверие и неистовое обожание, с каким наш грузный воин привык относиться к маленькой Ребекке, являются чувствами, какие, по крайней мере на взгляд читательниц, никак уже нельзя поставить капитану в вину. Когда Ребекка пела, каждый издаваемый ею звук потрясал малоподатливую душу капитана и прошибал его толстую оболочку. Когда она заговаривала, он напрягал все свои мозги, чтобы слушать ее и ею восторгаться. Когда она шутила, он долго переворачивал в голове ее словечки и раздражался — иной раз по прошествии получаса — по поводу их смехом на улице, к недоумению груга, если тот сидел бок о бок с ним в тильбери¹ или товарищей, если он ехал с ними верхом по Роттен-Роу. Каждое слово Бекки было для Раудона словом оракула, а любой ее поступок отличался, на его взгляд, непогрешимым изыскачеством и мудростью.

«Как она поет! А как она рисует! — размышлял он. — А как ловко справлялась она с норовистой кобылой там, в Куинс Кроули!»

И порой, в минуты излияний, он говаривал ей:

— Клянусь честью, Бекки, вы созданы быть главнокомандующим или Кентерберрийским архиепископом!

Редки ли подобные случаи? И не встречаем ли мы ежедневно на белом свете добряков-Геркулесов, цепляющихся за юбку Омфал², и здоровенных усатых Самсонов, повергающихся перед Далилами?

Итак, когда Бекки возвестила Раудону, что великий кризис близится и что наступило время действовать, он выразил такую же готовность поступить согласно ее указаниям, с какою бросился бы со своим полком в атаку по первой команде командира. Ему не пришлось даже вкладывать записочки в третий том Портеуса: Ребекка легко нашла предлог отделаться от своей спутницы Бриггс и встретила с верным своим другом в «обычном месте» на следующий же день. Она целую ночь обдумывала обстоятельства дела и сообщила Раудону свое окончательное решение. Он, разумеется, со всем согласился. Он был совершенно уверен, что все решено прекрасно, что ее предложение — наилучшее из всех возможных, что мисс Кроули, несомненно, сдастся и скоро повернет «налево кругом», как он выражался. Будь решения Ребекки прямо противоположны ныне принятым, он повиновался бы им столь же беспрекословно.

— Вашего ума хватит на нас обоих! — сказал он. — Я уверен, вы выпутаете нас из беды. Я никогда не встречал никого, кто мог бы с вами сравниться! А ведь я видывал немало великолепнейших женщин!

Изложив в этой упрощенной форме свое кредо, уязвленный любовью драгун предоставил Бекки выполнять и выпадавшую на его долю часть плана, который она составила, имея в виду их обоих.

¹ *Тильбери (тильбюри)* — легкая открытая двухколесная карета

² *Омфала* — мифическая царица Лидии, пленившая Геркулеса, отнявшая у него атрибуты его воинственности и заставившая его облачиться в женское платье.

А план состоял в том, чтобы снять для капитана и миссис Кроули в Бромптоне или где-нибудь поближе к казармам спокойную квартирку, ибо Ребекка решила — и весьма благоразумно, думается нам, — бежать от мисс Кроули. Раудона это решение преисполнило восторгом: в течение многих недель он постоянно убеждал ее согласиться на этот шаг. Он бросился снимать квартиру со всей необузданностью влюбленного и так скоро согласился платить за нее две гиней в неделю, что хозяйка пожалела, зачем не спросила дороже. Он приказал поставить мебель и фортепьяно, закупил чуть не половину оранжереи растений и кучу красивых вещей. Что же касается шалей, перчаток, шелковых чулок, золотых французских часов, браслетов и парфюмерии, то этого добра капитан припас там со всею расточительностью любви и неограниченного кредита. Облегчив душу подобным излиянием щедрости, Раудон отправился в клуб и трезвожно пообедал в чаянии торжественнейшей минуты своей жизни.

Происшествия предыдущего дня, похвальное поведение Ребекки, отклонившей столь соблазнительное предложение, сулившее ей богатые выгоды, таинственное, тяготевшее над ней горе, кротость и безропотность, с какими она переносила свое несчастье, — все это растрогало мисс Кроули и сделало ее необычайно нежной. События такого порядка, как брак, или отказ, или предложение, переворачивают весь внутренний строй женщины и приводят в действие все их истерические наклонности.

В качестве исследователя человеческой природы, я в течение всего сезона светских бракосочетаний неукоснительно посещаю церковь Святого Георгия в Ганновер-стрит. И никогда не приходилось мне замечать, чтобы шаферы женихов источали слезы или чтобы священнодействующие церковнослужители и кистеры впадали в чувствительность; зато я нередко бывал свидетелем того, как плачут женщины, не имеющие никакого отношения к совершаемой церемонии, — старухи, для которых давно миновала брачная пора, толстухи зрелых лет с кучею сыновей и дочерей, — не говоря уже о хорошеньких молодых девицах в розовых шляпках (им, пожалуй, как состоящим на очереди, естественно интересоваться брачной церемонией), так вот, говорю я, это совершенно обычное явление — наблюдать, как все эти дамы пускаются в слезы; они всхлипывают, прячут лица в бесполезные крошечные платочки, и все — и старые и молодые — задыхаются от волнения. Когда мой друг, модный фронт Джон Пимлико, сочетался браком с очаровательной леди Бельгравией Грин Паркер, волнение среди присутствующих было настолько всеобщим, что даже маленькая, перепачканная нюхательным табаком старушонка, присматривающая за церковными скамьями и проводящая меня на место, — и та заливалась слезами.

«Из-за чего? — спрашивал я себя. — Ведь не ее же выдают замуж!»

Словом, после происшествия с сэром Питтом мисс Кроули и мисс Бриггс начали роскошествовать в проявлении сентиментальных чувств, и Ребекка стала предметом нежнейшего их участия. В ее отсутствие мисс Кроули единственное развлечение находила в чтении наивчувствительнейших романов своей библиотеки. Малютка Шарп сделалась героиней дня.

В этот вечер Ребекка пела так восхитительно и беседовала так занимательно, как никогда в Парк-Лейне. Она оплетала сердце старой мисс Кроули. Она говорила в легком тоне и смеялась о предложении сэра Питта, вышутила его безумную старческую затею, а потом глаза ее наполнились слезами, и сердце Бриггс невыразимо сжалось от боли, когда Бекки сказала, что не жаждет лучшей доли, как остаться навеки у своей благодетельницы.

— Милая моя крошка, — ответила на это старуха, — я и не намерена с вами расставаться. Вы можете положиться на это! Что же касается вашего возвращения к моему негодному брату, то, разумеется, после всего происшедшего об этом не может быть и речи. Итак, вы остаетесь со мной и с Бриггс. Бриггс часто приходится навещать родных. Теперь, Бриггс, вы можете разъезжать, сколько вздумается. Ну а вам, моя дорогая, придется уж сидеть дома да ухаживать за мной, старухой!

Случись Раудон в этот момент у тетки, вместо того чтобы волноваться в клубе и распивать там кларет, вероятно, наша парочка тут же бы опустилась перед старой де-вой на колени, во всем бы покаялась и немедленно вымолила бы себе прощение. Но эта удача молодой чете не была суждена, несомненно, с той целью, чтобы могла быть написана настоящая повесть о многих удивительных приключениях этих супругов, приключениях, которые никогда бы не имели места, если бы Раудон с женой обрели благополучное и прозаическое прощение мисс Кроули.

В хозяйстве Парк-Лейна под началом миссис Фиркин находилась молодая девушка, уроженка Гэмпшира. В число ее обязанностей входило, между прочим, будить мисс Шарп по утрам стуком в дверь и подавать ей горячую воду, — миссис Фиркин скорее согласилась бы погибнуть, чем прислуживать водворившейся в доме интриганке.

У этой деревенской девушки был в эскадроне Кроули брат, и если добаться до истины, то оказалось бы, что ей небезызвестны некоторые приготовления и сборы, тесно связанные с нашей историей.

Во всяком случае, ей перепали от Ребекки три гиней, на которые и были приобретены: желтая шаль, зеленые ботинки и голубая шляпка с красным пером, а так как маленькая Шарп не была слишком либеральна в смысле обращения со своими деньгами, то, несомненно, Бетти Мартин получила эту мзду лишь за оказанные услуги.

На второй день после предложения, сделанного Бекки сэром Питтом, солнце взошло, как и всегда, и Бетти Мартин, прислуживавшая наверху, постучалась к гувернантке в обычный час. Ответа, однако же, не последовало; Бетти постучалась вновь — тишина не нарушалась, и Бетти приотворила дверь и вошла с кипятком в спальню: маленькая белая канифасовая постель оставалась прибранной так же аккуратно, как и накануне вечером, когда Бетти собственноручно ее оправила. Два небольших сундучка, перевязанные веревкой, стояли в углу, а на столике у окошка к булавочной подушке — большой пухлой подушке на розовой подкладке и простеганной, словно дамский ночной чепец, — было припилено письмо. Оно покоилось там, вероятно, всю ночь.

Бетти приблизилась к письму на цыпочках, точно боясь его разбудить, осмотрела его, обвела комнату чрезвычайно изумленным и удовлетворенным взглядом, взяла письмо и понесла его, переворачивая во все стороны и ухмыляясь, вниз, в комнату мисс Бриггс.

Желал бы я знать: откуда Бетти могла узнать, что письмо предназначалось мисс Бриггс? Образование Бетти сводилось к воскресной школе миссис Бьют, и она так же мало сумела бы прочесть по-писанному, как и по-еврейски.

— Ах, мисс Бриггс — воскликнула девушка. — Ах, мисс! Никак что-то стряслось: в комнате мисс Шарп никого нет, постель нетронута, она сбежала и оставила вам, мисс, письмо!

— Как?! — воскликнула Бриггс, роняя гребень, причем жиденькая косичка ее бесцветных волос упала ей на плечо. — Похищение? Мисс Шарп сбежала? Что это значит? — И, живо сломав аккуратно приложенную печать, она принялась, как принято говорить, «пожирать содержание» адресованного ей письма.

Два небольших сундучка, перевязанные веревкой, стояли в углу, а на столике у окошка к булавочной подушке — большой пухлой подушке на розовой подкладке и простеганной, словно дамский ночной чепец, — было припилено письмо

«Дорогая мисс Бриггс, — писала беглянка, — нежнейшее сердце, каким вы обладаете, заставит вас отнестись ко мне с сожалением и сочувствием и найдет мне извинение. Со слезами, молитвами и с благословениями покидаю я этот дом, где бедная сирота впервые встретила ласку и любовь. Но тот, кто имеет надо мной права, превышающие те, какие принадлежат моей благотельнице, призывает меня, и я уйду, повинаясь прямому своему долгу, к моему мужу. Да, я замужем! Мой муж приказывает мне явиться в скромный уголок, который мы называем нашим. Дорогая мисс Бриггс, передайте эту весть, как подскажет вам нежное сочувствие, моему любимому другу и благотельнице.

Скажите ей, что, прежде чем покинуть ее кров, я не раз смочила слезами ее дорогое моему сердцу изголовье, ту подушку, которую я так часто взбивала во время ее болезни. О, как жажду я и впредь ухаживать за моей покровительницей! С какою радостью вернулась бы я назад, в милый Парк-Лейн! О, как трепещу я перед ответом, который решит мою судьбу! Когда сэр Питт соблаговолил предложить мне свою руку, — а чести этой, по отзыву моей любимейшей мисс Кроули, я заслуживаю (да благословит ее небо за то, что она сочла бедную сироту достойной стать ее сестрой!), я призналась баронету, что я уже замужем. Даже и он простил мне это! Но храбрость покинула меня, когда я собиралась верить ему остальное, а именно что не могу стать его женой, так как довожусь ему дочерью: я обвенчана с наилучшим и благороднейшим из всех мужчин, — Раудон мисс Кроули стал теперь моим Раудоном!

По его же приказанию открываю я теперь свои уста и следую за ним в наш скромный дом, как пошла бы за ним повсюду. О мой превосходный и добрый друг! Похороните перед любимой нами тетюшкой Раудона за него и за ту бедную девушку, к которой вся его благородная семья неизменно проявляла беспримерное расположение. Упросите мисс Кроули принять ее детей!

Я ничего не могу прибавить больше, но благословение божие да пребывает надо всеми в этом доме, который я должна покинуть.

Преданная вам и признательная *Ребекка Кроули*.

Полночь».

Едва успела мисс Бриггс окончить чтение этого трогательного и интересного документа, восстанавливавшего ее в положении первой наперсницы мисс Кроули, как в комнату вошла миссис Фиркин.

— Сейчас прибыла из Гэмпшира в почтовой карете миссис Бьют Кроули и просит чаю. Не спуститесь ли вы, мисс, вниз и не угостите ли ее завтраком?

К великому удивлению Фиркин, мисс Бриггс, запахнув капот, с не подколотой косичкой, мотавшейся сзади, и в папильотках, вздымавшихся гроздьями над ее лбом, помчалась навстречу миссис Бьют, неся в руке письмо с поразительной вестью.

— О миссис Фиркин! — сказала запыхавшаяся Бетти. — Ну и дела! Мисс Шарп удрала с капитаном! Они убежали в Гретна-Грин!

Мы могли бы посвятить целую главу описанию волнения миссис Фиркин, если бы более достойное описание бури страстей, забушевавшей в груди почтенной миссис Фиркин, не отвлекало нашей благовоспитанной музыки.

Когда миссис Бьют Кроули, окоченевшая от ночного путешествия и обогревшаяся у затопленного Э трещащего камина в приемной, услышала от мисс Бриггс весть о тайном браке, она объявила, что само провидение посылает ее поддержать бедную

мисс Кроули в постигшем ее испытании, что Ребекка всегда была коварной и продувной плутовкой, к которой она лично относилась недоверчиво; что же касается капитана Раудона Кроули, то она никогда не могла понять пристрастия к нему тетюшки и издавна считает его за потерянное и беспутное существо. Но этот ужасный поступок, сказала миссис Бьют, будет иметь хоть то доброе следствие, что откроет, наконец, мисс Кроули глаза на истинные свойства этого гадкого человека.

Миссис Бьют откушала с комфортом чаю с печеньем, и так как теперь благодаря бегству Ребекки в доме оказывалась свободная комната, то ей не было надобности возвращаться в глостерскую гостиницу, где ее высадила почтовая карета; поэтому она приказала лакею, состоящему адъютантом при мистере Боульсе, доставить откуда ее вещи.

Надо сказать, мисс Кроули никогда не покидала своей комнаты раньше полудня; она пила в кровати шоколад, пока Бекки читала ей утренние газеты, или же убивала время как-нибудь иначе.

Заговорщицы условились пощадить чувства дорогой миледи, пока она не перейдет в гостиную, и только доложили ей, что миссис Бьют приехала из Гэмпшира с почтой и остановилась в глостерской гостинице, что она приветствует мисс Кроули и просит позволения позавтракать с мисс Бриггс.

Весть о визите миссис Бьют Кроули, которая в иную пору не вызвала бы никаких восторгов, на этот раз была принята мисс Кроули с чрезвычайным удовлетворением; она заранее предвкушала всю приятность посудачить с невесткой насчет кончины леди Кроули, похоронных приготовлений и неожиданного предложения, сделанного сэром Питтом Ребекке. Но это произошло не раньше чем мисс Кроули погрузилась в свое удобное кресло в гостиной, и родственницы покончили с прелиминарными¹ приветствиями и расспросами. Тут заговорщицы сочли своевременным подвергнуть жертву операции.

Кто не восхищался теми ухищрениями и деликатными намеками, какими женщины обыкновенно готовят друзей к злополучным вестям!

Прежде чем перейти к сути дела, приятельницы мисс Кроули пустили в ход весь аппарат таинственности и довели старуху до надлежащей степени тревоги и беспокойства.

— И она отказала сэру Питту, моя дорогая, дорогая мисс Кроули? Ну, так приготовьтесь же... — говорила миссис Бьют, — это произошло потому, что поступить иначе ей было невозможно!

— Разумеется, должна же она была иметь для этого причину! — ответила мисс Кроули. — Конечно, она любит другого. Я так и сказала вчера Бриггс.

— Любит другого? — прошептала Бриггс. — О мой дорогой друг, она уже замужем!

— Уже замужем! — пустила тут в ход и свои куранты миссис Бьют, и обе они сели, сложив руки и поглядывая то на свою жертву, то друг на друга.

— Пошлите ее ко мне, как только она вернется! Ах, хитрая, скверная девчонка! Как же она смела не рассказать мне этого?! — воскликнула мисс Кроули.

— Не скоро она вернется! Приготовьтесь, дорогой друг! Она удалилась надолго! Она покинула вас совсем!

¹ *Прелиминарный* — то же, что предварительный.

— Боже милостивый, да кто же будет теперь варить мне шоколад? Пошлите за ней и верните ее! Я хочу, чтоб она вернулась! — воскликнула старая леди.

— Она сбежала еще минувшей ночью, — сказала миссис Бьют.

— И оставила мне письмо! — добавила мисс Бриггс. — Она вышла замуж за...

— О, пожалейте же сестрицу! Приготовьте ее, ради самого неба! — молила жена священника. — Не терзайте же ее, дорогая моя мисс Бриггс!

— Она вышла замуж — за кого? — воскликнула старая девственница, впадая в бешенство.

— За... родственника... За вашего родственника...

— Она отказала сэру Питту! — вскричала жертва. — Говорите сразу, не сводите меня с ума!

— О миледи! Мисс Бриггс, да подготовьте же ее, ради бога! Увы, она вышла замуж... за... Раудона Кроули!

— Раудон женился... на Ребекке!.. На гувернантке... Ничтож... Пошли вон из моего дома! Ах вы, дрянные идиотки! Да как вы осмелились, Бриггс, старая дура! Вы все в заговоре! Это вы, вы его опутали, вы, в надежде, что я лишу его наследства! Это сделали вы, Марта! — выкрикивала бедная мисс Кроули истерично.

— Я, сударыня? Чтобы я позволила себе склонить члена нашей семьи ввести в нее дочь учителя рисования!

— Ее мать урожденная Монморанси! — воскликнула старуха, принимаясь изо всех сил звонить в колокольчик.

— Ее мать была оперной фигуранткой! Была на сцене, если того не хуже! — сказала миссис Бьют.

Мисс Кроули издала заключительный вопль и запрокинулась на кресле в обмороке.

Они были принуждены перетащить ее обратно в комнату, которую она только что оставила; один истерический припадок следовал за другим; послали за доктором, явился аптекарь, а миссис Бьют поместилась у кровати в качестве сиделки.

— Долг родных — дежурить около больной! — сказала эта любезная дама.

Едва успели водворить мисс Кроули в спальне, как явилось еще одно лицо, которому также необходимо было сообщить новость. Это был сэр Питт.

— Где Бекки? — спросил он, входя. — Где ее поклажа? Она едет со мной в Куинс Кроули!

— Разве вы не слышали поразительной вести о ее тайном союзе? — спросила Бриггс.

— А мне какое дело? — ответил сэр Питт. — Я знаю, что она вышла замуж. Да это ничего не значит! Скажите ей, чтобы она поскорей спускалась и не задерживала меня!

— Разве вам не известно, сэр, — спросила мисс Бриггс, — что мисс Шарп покинула этот кров, к ужасу мисс Кроули, которая почти убита вестью о ее браке с капитаном Раудоном?

Услышав, что Бекки вышла замуж за его сына, сэр Питт принялся извергать такое сквернословие, которое едва ли можно здесь повторить и которое заставило бедную Бриггс выбежать в трепете из комнаты. Мы затворим вместе с ней дверь перед зрелищем впавшего в неистовство старика, обезумевшего от ненависти и несбывшихся вожделений.

День спустя баронет вернулся в Куинс Кроули; словно бешеный кинулся он в комнату, которую занимала в замке Ребекка, потоптал там все ее картонки, раскидал все ее платья, бумаги и другие реликвии. Некоторыми из них завладела мисс Горрокс, дочь дворецкого, другие тряпки подобрали девочки; они рядились в них и разыгрывали театральные представления. Это было всего лишь через несколько дней после того, как бедную их мать зарыли среди чужих в уединенном склепе, никем не оплаканную и не почтенную.

— Предположим, что старуха не сдастся... — сказал Раудон своей жене, сидя с ней в уютной квартирке в Бромптоне. Все утро Бекки провела, пробуя новое фортепьяно. Новые перчатки пришлись ей как раз впору; новые шали были ей изумительно к лицу; новые кольца сверкали на маленьких ручках, и новые часы потикивали у нее за поясом.

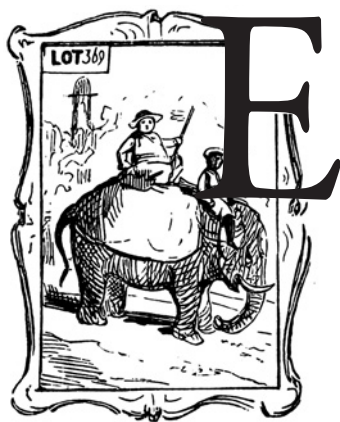
— Предположим, она не сделает налево кругом, а, Бекки?

— Тогда я сама составляю твое счастье! — последовал ответ, и Далила потрепала Самсона по щеке.

— Ты можешь сделать все что угодно! — сказал он, целую маленькую ручку. — Клянусь честью, — можешь! А пока что двинемся обедать в «Звезду и подвязку».

ГЛАВА XVII

Как капитан Доббин покупал фортепьяно

Если есть на ярмарке тщеславия место, где сатира и чувствительность появляются рука об руку и где вы можете наблюдать самые удивительные противоположности, вызывающие смех и слезы, где вы можете быть нежно-патетичны и вместе с тем грубо-циничны с полным для этого основанием, то это именно на тех собраниях, объявления о которых ежедневно печатаются на последней странице газеты «Таймс» и на которых обыкновенно так достойно председательствовал мистер Джордж Роббинс.

Немного, я думаю, найдется в Лондоне лиц, которые не побывали бы на подобных сборищах, и всякий, кто не лишен вкуса к размышлению, должен был бы подумать с чувством своеобразного интереса о дне, когда придет и его черед и мистер Гаммердаун продаст по приказу до-

веренных Диогена или вследствие распоряжения душеприказчиков Эпикура с публичного торга библиотеку, обстановку, посуду, гардероб и отменный погреб почившего.

Любой участник ярмарки тщеславия, как бы он ни был себялюбиво предрасположен, не может не испытать чувства сожаления и соболезнования, являясь свидетелем неопрытанной стороны похорон отошедшего в вечность друга.

Останки милорда Креза покоятся в фамильном склепе, каменщики высекают на памятнике надпись, правдиво гласящую о его добродетелях и скорби его наследника, распоряжающегося его имуществом. Кто из бывших гостей-сотрапезников пройдет без вздоха мимо того знакомого дома, где когда-то к семи часам вечера приветливо загорались огни, где для всех радушно распахивалась дверь, где вас встречала лъстивая прислуга, а имя ваше возглашалось, когда вы поднимались по лестнице, от площадки к площадке, пока вы не достигали покоев, где веселый старый Крез приветствовал своих друзей. Сколько их у него было! Как благородно принимал он их! И как остроумны бывали здесь люди, неизменно становившиеся сумрачными, лишь только дверь затворялась за ними. И как вежливы и дружелюбны бывали здесь лица, которые в другом месте только поносили и ненавидели друг друга! Он был надменен, но при наличии такого повара чего не проглотить! Он был, может быть, скучноват, но разве такое вино не делало всякую беседу занимательной?

— Надо во что бы то ни стало достать несколько бутылок его бургундского! — восклицают оплакивающие его в его клубе.

— Я приобрел эту табакерку на распродаже после старого Креза, — говорит Пинчер, показывая коробочку окружающим. — Это одна из фавориток Людовика XV, великолепная вещь! Не правда ли? Тончайшая миниатюра! — И они беседуют о том, как молодой Крез пустился уже проматывать доставшееся ему наследство.

А как переменился теперь его дом! Фасад весь заклеен объявлениями, и в них крупнейшими буквами перечисляются подробности продаваемой обстановки. Из окна верхнего этажа висит обрывок ковра; поддюжины носильщиков топчутся на загрязненных ступенях лестницы; приемная кишит темными личностями с восточными физиономиями; они суют вам в руки свои карточки с предложением торговаться за вас на аукционе; какие-то старухи и покупатели-любители вторглись уже в верхние покои; они ощупывают занавеси у кроватей, тычут пальцами в перины, похлопывают по матрацам и то выдвигают, то задвигают в шкафах ящики; предприимчивые молодые люди, обзаводящиеся хозяйством, измеряют зеркала, соображая, подойдут ли эти украшения к их новой обстановке (иной сноб потом целый год будет похвально, как выгодно сторговал он на распродаже после Креза то или иное), а мистер Гаммердаун уже водворился на огромном столе красного дерева внизу, в столовой, помахивает молоточком слоновой кости и пускает в ход все ухищрения: красноречие, энтузиазм, уговоры и отчаяние, он покрикивает на своих помощников, подсмеивается над нерешительностью мистера Дэвидса, поощряет миссис Мосс связаться в торг — просит, приказывает и кричит, пока молоток не опустится, словно рок, и мы переходим к следующему номеру.

О Крез! Кто мог бы подумать, когда мы сживали за этим просторным столом, сверкавшим драгоценной посудой и белоснежной скатертью, что в один прекрасный день во главе этого стола окажется такое кушанье, как орущий аукционист!

Распродажа близилась уже к концу. Превосходная обстановка гостиниой, вышедшая из рук лучших мастеров, редкие вина, собранные, невзирая на цену, опытом и вкусом известного знатока хозяина, полный богатый фамильный сервиз были уже проданы в предшествовавшие дни; некоторые из отборнейших вин, пользовавшиеся славой среди соседей-любителей, были приобретены для своего хозяина, хорошо знавшего их вкус, дворецким нашего знакомого Джона Осборна, эсквайра в Рессель-сквере. Небольшая часть наиболее необходимых принадлежностей серебряного сервиза досталась нескольким молодым биржевикам из Сити. Теперь публика приглашалась к покупке второстепенных вещей, и вот оратор распинаясь со своего стола перед покупателями, восхваляя достоинство картины, которой он собирается прельстить своих клиентов; но публика оказывается уже далеко не столь многочисленной и не столь избранной, как та, которая принимала участие в аукционе в предшествовавшие дни.

— Номер 369-й! — выкликает мистер Гаммердаун. — Портрет джентльмена на слоне! Кто купит джентльмена на слоне? Поднимите картину, Блоумэн, и дайте публике взглянуть на нее!

Высокий, худой, военного вида джентльмен, задумчиво сидящий у стола красного дерева, не может удержаться от улыбки, когда этот ценный предмет показывается публике.

— Поверните-ка слона к капитану, Блоумэн! Что мы предложим, сэр, за слона?

Но капитан краснеет и отворачивается; тем не менее аукционист продолжает свое:

— Не предложим ли мы двадцать гиней за это произведение искусства? Скажем — пятнадцать? Десять? Один джентльмен без слона — и тот стоит по меньшей мере пять фунтов!

— Портрет джентльмена на слоне! Кто купит джентльмена на слоне?

— Еще бы! Я и то дивлюсь, как не подгибаются у слона ноги! — замечает какой-то присяжный шутник. — Всадник куда какой грузный!

Это замечание (всадник действительно был изображен здоровенным толстяком) вызвало в комнате дружный смех.

— Пожалуйста, не обесценивайте продаваемой картины, мистер Мосс! — сказал мистер Гаммердаун. — Пусть публика хорошенько всмотрится в это художественное произведение! Поза доброго животного передана поразительно естественно. Джентльмен в нанковой куртке и с ружьем в руке готовится отправиться на охоту. А там, вдали, виднеется фиговая пальма и пагода — вероятно, это точное воспроизведение какого-нибудь уголка наших славных восточных владений. Кто покупает картину? Пожалуйста, господа, не задерживайте меня целый день над одной картиной!

Кто-то предложил пять шиллингов, и военный джентльмен, обернувшись в ту сторону, откуда последовало это щедрое предложение, увидел другого джентльмена, стоявшего под руку с молодой дамой; они, по-видимому, весьма забавлялись происходившей сценой, и им в конце концов картина и досталась за полгиней. Сидевший у стола чрезвычайно изумился и смутился, приметив эту пару; он спрятался с головой в свой военный воротник и повернулся к ним спиной, не желая быть узнанным.

Мы отнюдь не намерены перечислять все предметы, какие мистер Гаммердаун предлагал в этот день на продажу; единственное исключение мы сделаем для маленького фортепьяно, которое было снесено из горней области квартиры (новый большой рояль был продан уже раньше). Молодая леди не преминула испробовать его беглою и искусною рукой (что опять заставило офицера покраснеть), и, когда очередь дошла до продажи инструмента, его стал торговать агент дамы.

Тут, однако, он встретил соперника. Еврей, состоявший в роли адъютанта при сидевшем у стола офицере, принялся, в свою очередь, набавлять цену против еврейского джентльмена, действовавшего по полномочию покупателей слона, и за фортепьяно произошло оживленное сражение, при энергичном поощрении со стороны мистера Гаммердауна.

После некоторой борьбы капитан и леди, овладевшие слонем, уклонились от дальнейших надбавок, и, когда молоток опустился, аукционист произнес:

— За мистером Льюисом — двадцать пять!

И доверитель мистера Льюиса сделался таким образом обладателем маленького фортепьяно.

Совершив эту покупку, офицер сел с видом большого облегчения, а несчастливая его соперница, заметив его в это мгновение, сказала своему спутнику:

— Посмотри, Раудон, ведь это капитан Доббин!

Я полагаю, Бекки была недовольна новым фортепьяно, которое муж взял для нее напрокат, или же владелец инструмента забрал его назад, отказав капитану в дальнейшем кредите, или же, наконец, она воспыкала особенным пристрастием к маленькому фортепьяно, которое захотела приобрести, вспомнив о давно минувших днях, когда она играла на нем в маленькой гостиной нашей милой Амелии Седли.

Распродажа эта происходила в старом доме в Рессель-сквере, где мы провели не один вечер в начале этого рассказа.

Старый добряк Джон Седли разорился. Он был объявлен на бирже неисправным плательщиком, и вслед за тем последовало объявление о его банкротстве. Дворецкий мистера Осборна явился скупить часть прекрасного портвейна и перетачил

его в погреб по ту сторону сквера. Что касается дюжины серебряных изящной работы ложек и вилок и подобной же дюжины десертных принадлежностей, то три молодых биржевых маклера (Дэль, Спиготт и Дэль с Трэднидль-стрит), которые имели в прошлом дела со стариком и видели от него много хорошего в те времена, когда он был добр ко всем, кто имел с ним дело, послали эти жалкие обломки кораблекрушения вместе с изъявлением своего почтения доброй миссис Седли. Относительно же фортепиано, принадлежавшего до сих пор Амелии, заметим, что так как Амелии могло не хватать его и так как она могла нуждаться в нем, а капитан Доббин мог играть на нем столь же мало, как танцевать на туго натянутом канате, то следует предположить, что инструментом этим капитан обзавелся не для собственной надобности.

Одним словом, это фортепьяно в тот же вечер прибыло в очаровательный маленький домик на улице, ведущей от Фульгам-род — одной из тех улиц с восхитительными романтическими названиями (эта называлась Вилла святой Аделаиды, Анна-Мария-род, Вест), где дома похожи на кукольные домики; когда их обитатели выглядывают из окон первого этажа, вам кажется, что они неизбежно должны упираться ногами в гостиную нижнего; кустики в маленьких цветничках, разбитых перед фасадами, круглый год цветут детскими нагрудничками, маленькими красными носочками, чепчикками и т. п. (*polyandria polygynia*¹); до вас доносятся дребезжащие звуки спинета и женское пение; здесь же на заборах сушатся на солнышке пивные кружки и сюда же каждый вечер бредут на ночевку усталые клерки из Сити.

Вот здесь-то и имел пребывание мистер Клапп, клерк мистера Седли, и в этом пристанище укрыл свою голову добрый старый джентльмен, вместе со своей женой и дочерью, когда его постиг крах.

Джоз Седли поступил так, как поступил бы и всякий другой человек его свойств, если бы до него дошла весть о семейной катастрофе: он не поехал в Лондон, но письменно предложил матери брать у его банкиров столько денег, сколько потребуется, так что его добрые удрученные старые родители могли не бояться бедности в настоящем. Поступив таким образом, Джоз продолжал посещать чельтенгамские рестораны столь же усердно, как и прежде, разъезжал в своем кабриолете, попивал кларет, поигрывал в вист; рассказывал свои индийские истории, а вдова-ирландка утешала его и льстила ему по-прежнему.

Денежный его дар, как он ни был нужен, произвел мало впечатления на его родителей, и я слышал, как Амелия говорила, что отец ее впервые поднял голову после катастрофы, когда был получен пакет от молодых биржевых маклеров, содержащий вилки и ложки вместе с изъявлением сочувствия; старик разрыдался над ними, как ребенок, и растрогался этими знаками внимания гораздо больше, чем его жена, которой этот подарок предназначался. Эдуард Дэль, младший товарищ фирмы, по правде сказать, был сильно заинтересован Амелией и добивался ее руки несмотря ни на что. Он женился в 1820 году на мисс Луизе Кеттс, дочери владельца фирмы «Гаям и Кеттс», крупного хлеботорговца, и взял за нею прекрасное состояние; он живет теперь с своей многочисленной семьей в роскоши, в нарядной вилле в Мусуэлл Гилле.

Но воспоминания об этом добром малом не должны отвлекать нас от главной нашей темы.

¹ *Polyandria* (греч.) — полиандрия, многомужество, *polyginia* (греч.) — полигиния, многоженство.

Надеюсь, что читатель имеет достаточно высокое мнение о капитане и о миссис Кроули и уж, конечно, не предположит, чтобы им могло прийти в голову отправиться с визитом в отдаленный Блумсбери и почтить посещением людей, которые к свету не принадлежали, денег не имели и ни в каком смысле не могли быть им полезными. Ребекка была чрезвычайно изумлена, увидев старый удобный дом, где ее некогда так радушно принимали, разграбляемым маклаками и барышниками, а все семейное добро Седли преданным поруганию и расхищению.

Спустя месяц после бегства Бекки вспомнила об Амелии, и Раудон, расхохотавшись своим лошадиным смехом, выразил полную готовность повидаться с Джорджем Осборном.

— Приятное знакомство, Бекки! — прибавил шалопай. — Я очень не прочь сбить ему и другую лошадь! Да и на бильярде не дурно бы сыграть с ним партию-другую. Как раз теперь он мог бы оказаться нам чрезвычайно полезным, миссис Кроули, ха, ха, ха!

Из этой беседы было бы неправильно заключить, что Раудон Кроули преднамеренно собирался объегорить мистера Осборна; нет, он был лишь не прочь воспользоваться преимуществами своего мастерства, а каждый джентльмен, снующий по ярмарке тщеславия, смотрит на извлечение выгоды из своих близких почти как на должное.

Старуха тетка медлила сдаваться. Прошел уже целый месяц, а мистер Боульс упорно захлопывал перед Раудоном дверь; его слуги не могли водвориться в людских Парк-Лейна, а его письма возвращались нераспечатанными. Мисс Кроули из дому не выезжала — она была нездорова, — а миссис Бьют сидела при ней по-прежнему, ни на минуту ее не покидая. И от ее продолжительного пребывания в Парк-Лейне ни Кроули, ни его жена ничего доброго не ждали.

— Бог ты мой, теперь я начинаю смекать, зачем она нас постоянно сводила в Куинс Кроули! — сказал Раудон.

— Вот лукавая женщина! — воскликнула Ребекка.

— Но я все же несколько не жалею об этом, — признался капитан, все еще находившийся под любовными чарами супруги, которая вместо ответа наградила мужа поцелуем, хотя, в сущности, несколько не была растрогана нежным его признанием.

«Будь Раудон хоть немножко умнее, — размышляла она. — Я бы из него что-нибудь да сделала!»

Она никогда не давала Раудону заметить то невысокое мнение, какое она о нем имела; с неутомимой снисходительностью выслушивала она его рассказы о лошадях и офицерской столовой, смеялась на его шуточки, проявляла живейший интерес к Джеку Спаттердашу, упряжная лошадь которого пала, к Бобу Мартингэлю, которого арестовали в игорном доме, и к Тому Синкбарсу, который готовился к скачкам. Когда Раудон возвращался домой, Бекки была весела и счастлива, а если он собирался выйти, она поддерживала его в этом намерении; если же он оставался дома, она ему играла, пела, готовила вкусные напитки, хлопотала об обеде, согревала туфли и всемерно старалась обставить его возможным комфортом.

Впрочем (я слышал это еще от бабушки), даже лучшие из женщин — великие лицемерки. Мы и не подозреваем, как много они от нас скрывают и как они всегда бьют настороже, даже когда кажутся нам совершенно искренними и бесхитростными. А как часто их доверчивые улыбки, на которые они так щедры, служат им тем оружием, с помощью которого они завлекают нас, проводят и укрощают. Я отнюдь не имею в виду кокеток, но говорю об одних образцовых семьянинках и носительницах всяче-

ских женских добродетелей. Кто из нас не знал женщин, умевших скрывать тупость мужа и утихомиривать разбушевавшегося супруга? Мы охотно принимаем эту их любезную рабскую угодливость, ценим за нее женщину и называем это невинным плутовством. Но добрая жена-семьянинка — по необходимости обманщица, и супруг самой Корнелии¹ был таким же слепым простофилей, как и Пентефрий, только на другой лад.

Благодаря подобным проявлениям внимания со стороны жены даже такой законченный повеса, как Раудон Кроули, превратился в счастливого и покорного супруга. Его прежние приятели больше его не видели: они справились о нем раз-другой в его клубе, но отсутствие его не было для них слишком чувствительно; впрочем, в подобных балаганах на ярмарке тщеславия люди мало страдают от отсутствия друг друга. Жена-домоседка, неизменно улыбающаяся и приветливая, маленькая удобная квартирка, обеды наедине и вечера, проводимые по-семейному, — все это имело для Раудона прелесть новизны и таинственности.

О браке их не было еще ни оповещено в свете, ни опубликовано в газетах, — все кредиторы набросились бы на него, если бы узнали, что он связал свою судьбу с бесприданницей.

— Что касается моей родни, то она оплакивать меня не станет! — заметила по этому поводу Бекки с горькой усмешкой, соглашаясь с тем, что необходимо выждать примирения с теткой, прежде чем занять в свете подобающее ей место. Так она и жила в Бромптоне, ни с кем не встречаясь, если исключить немногих товарищей мужа, которые допускались в ее маленькую столовую. Все они были от нее в восторге. Маленькие обеды, смех и болтовня, а после обеда музыка, восхищали всех, кто участвовал в этих удовольствиях. Майору Мартингэлю и в голову не приходило спрашивать о брачном свидетельстве супругов, капитан Синкбарс восхищался умением Бекки делать пунш, а юный лейтенант Опаттердаш, который обожал пикет и которого Кроули частенько приглашал, оказался явно поработанным миссис Кроули; впрочем, осмотрительность и скромность никогда ее не покидали, а установившаяся за Кроули слава забияки и ревнивца всего лучше охраняла его маленькую жену.

В нашей столице немало водится светских мужчин, которые никогда не бывают в дамских гостиных; таким образом, если о браке Раудона и судачили в гэмпширском графстве, где эту новость разгласила миссис Бьют, то в Лондоне она оставалась под сомнением, или на нее не обращали внимания, или же она вообще не была известна. И таким образом, Раудон мог спокойно существовать за счет кредита.

Он имел крупный капитал в виде долгов, а если им благоразумно распорядиться, на него можно существовать долгие годы; иные лица в нашей столице научаются жить с помощью этого отрицательного капитала и даже во сто крат лучше денежных людей.

Разве каждый из нас, толкаясь по Лондону, не сможет назвать чуть ли не с полдюжины людей, проезжающих мимо вас в пышных экипажах, пользующихся всеобщим поклонением, следящих за модой, низкопоклонно приветствуемых торговцами, ни в чем себе не отказывающих и живущих бог весть на что. Мы видим, например, как Джак Трифтлэсс гарцует по парку или развезжает в собственном экипаже по Пэлл-Мэлу, мы лакомимся его обедами, подаваемыми на удивительном серебре. «Откуда

¹ Корнелия (II в. до н. э.) — римская матрона, дочь Публия Корнелия Сципиона Африканского, жена тиберия Семпрония Гракха. Стала матерью двенадцати детей, в том числе двух братьев Гракхов — Тиберия и Гая.

все это берется? — удивляемся мы. — И чем все это кончится?». Впрочем, я слышал однажды, как Джак кому-то признавался:

— Любезный друг, в Европе нет столицы, где бы у меня не было долгов!

Разумеется, рано или поздно наступает развязка, но пока что Джак благоденствует, а окружающим могут быть только лестны его рукопожатия; не обращая никакого внимания на темные слухи, распространяющиеся о нем от времени до времени, они всюду славословят его добродушие, приветливость и беспечность.

Истина побуждает нас признаться, что именно за подобного джентльмена вышла замуж Ребекка. В их доме было всего вдоволь, кроме наличных денег, а в них-то наше молодое хозяйство вскоре и ощутило надобность. Поэтому, вычитав в один прекрасный день в газетах, что «лейтенант Д. Осборн за оставлением полка Смисом производится в капитаны», Раудон и высказал некоторые соображения относительно обожателя Амелии, и они-то и привели нашу парочку в Рессель-сквер.

Когда Раудон и его жена пожелали переговорить на аукционе с капитаном Доббином и разузнать от него поподробнее о катастрофе, постигшей старинных друзей, капитан уже исчез, и сведения, какие им удалось собрать, они получили от барышников и толкущихся на аукционе лиц.

— Взгляни на них, на эти крючковатые носы, — весело сказала Бекки, усаживаясь в бегги с приобретенной на аукционе картиной под мышкой, — разве они не похожи на коршунов на поле сражения?

— Не знаю! Никогда не бывал в деле! Спроси Мартингэля, он был в Испании адъютантом при генерале Блэзесе!

— А премилый был старичок мистер Седли! — сказала Ребекка. — Я, право, очень сожалею, что с ним случилась такая беда!

— Ну, знаешь, среди маклеров банкротство — вещь обыкновенная! — сказал Раудон, сбивая муху с уха лошади.

— Досадно, что мы не могли купить посуду, Раудон, — продолжала сентиментальным голосом его жена. — Двадцать пять гиней за фортепьяно — это чудовищно дорого! Мы выбрали его у Бродвуда, когда Амелия вышла из пансиона, и оно стоило тогда всего тридцать пять гиней...

— Ну а этот, как его там... да — Осборн! Он, пожалуй, задаст теперь стрекача, раз Седли вылетел в трубу. Здорово это подрежет твою хорошенькую приятельницу, Бекки, а?

— Смее думать — переживет! — сказала Бекки, улыбаясь, и они покатили дальше, беседуя о другом.

ГЛАВА XVIII

Кому пришлось играть на фортепьяно, которое купил Доббин

Наше прерванное повествование, подходя к рубежу истории, переплетается со славными событиями и героями.

В то время орлы Наполеона Бонапарта, этого корсиканского выскочки, из Прованса, где они спустились после недолгой передышки на Эльбе, полетели дальше, от одной колокольни к другой, и добрались наконец до башен собора Парижской Богоматери¹. Я сомневаюсь, чтобы императорские птицы сколько-нибудь интересовались уголочком блумсберийского прихода в Лондоне, который, казалось, был так мирен, что ни хлопанье, ни свист этих мощных крыльев не должны были бы быть там замечены.

«Наполеон высадился в Канне». Весть эта, разумеется, могла создать панику в Вене, загнать Пруссию в угол, заставить Россию бросить карты, а Талейрана² вместе с Меттерни-

хом³ покачать головой, князя же Гарденберга⁴ и поныне здравствующего маркиза Лондондерри⁵ — ввергнуть в полное недоумение, но, спрашивается, с какой стороны эта

¹ 26 февраля 1815 г. сосланный на Эльбу Наполеон покинул места своего заточения и высадился 1 марта во главе небольшой армии в бухте Жуан. Дальнейший поход его превратился в триумфальное шествие, и 20 марта того же года он вступил в Париж.

² *Шарль Морис де Талейран-Перагор* (1754–1838) — французский дипломат. Один из главных вершителей судеб Европы на Венском конгрессе, где он представлял Францию. Инициатор реставрации Бурбонов.

³ Граф, затем (с 1813 г.) князь *Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург цу Бейльштейн* (1773–1859) — австрийский государственный канцлер, председатель Венского конгресса, опора европейского абсолютизма.

⁴ Граф, затем (с 1814 г.) князь *Карл Август Гарденберг* (1750–1822) — прусский канцлер.

⁵ *Роберт Стюарт, виконт Каслри, 2-й маркиз Лондондерри* (1769–1822) — руководитель английской иностранной политики, направленной к низвержению Наполеона; принимал участие в Венском конгрессе.

весть могла коснуться молодой особы в Рессель-сквере? Когда эта молодая леди почивала, ночной сторож выкликал перед ее дверью часы; когда она выходила в сквер, ее охраняли там решетка и церковный сторож, а когда она отправлялась неподалеку на Саусгэмптон-роу, купить ленточку, ее сопровождал черномазый Самбо с огромной тростью; словом, о ней заботились неустанно: и одевали, и укладывали в постельку, и оберегали с помощью ангелов-хранителей, состоящих и не состоящих на жалованье.

Бог мой, скажу я, разве это не ужасно, что роковое столкновение великих враждующих держав не может произойти, не отразившись на судьбе маленькой безобидной восемнадцатилетней девочки, которая мирно воркует, вышивая кисейный воротничок в Рессель-сквере? Неужели же мощный рев военной бури сметет долой и ее, хотя она и притаилась в укромном Гольборне? Наполеон ставит последнюю ставку, и счастье бедной Амелии Седли, так или иначе, составляет в ней некоторую долю.

Прежде всего роковая эта весть смела все состояние ее злосчастного отца. Старому джентльмену в последнее время не везло в спекуляциях: рискуя на бирже, он терпел неудачи; купцы, с которыми у него были дела, объявляли себя банкротами, а бумаги подымались, в то время как он рассчитывал на их падение. Зачем нам пускаться в подробности? Если успех приходит редко и медленно, то кому же неизвестно, что разорение наступает легко и быстро? Тем не менее старик Седли хранил постигавшие его беды про себя.

Казалось, все шло по-старому в покойном богатом доме; добродушная его хозяйка, ничего не подозревая, по-прежнему предавалась шумливому безделью и повседневным пустячным занятиям; дочь, всецело поглощенная эгоистически-нежной мыслью, пребывала равнодушной ко всему окружающему, и вдруг на почтенную семью обрушилась катастрофа.

Однажды вечером миссис Седли занималась писанием пригласительных карточек — Осборны давали вечер, и ей не годилось отставать. Джон Седли, который вернулся из Сити лишь поздно вечером, безмолвно сидел у камина, слушая болтовню жены; Эмми ушла к себе наверх, печальная и подавленная.

— Она несчастна, — начала ее мать, — Джордж Осборн к ней небрежен. Меня начинает выводить из терпения чванство этих людей. Девушки не были у нас целых три недели, а Джордж дважды приезжал в город и к нам не зашел. Эдуард Дэль видел его в опере... Я уверена, Эдуард охотно посватался бы к Амелии, да, я думаю, и капитан Доббин тоже. Только я, по правде сказать, недолюбливаю военных, по крайней мере таких денди, каким сделался теперь Джордж. Такая воинственность и важность! Нет, некоторым людям приходится напомнить, что мы не хуже их! Следует только поощрить Эдуарда Дэля — и ты увидишь! Мы должны позвать гостей...

Отчего ты мне ничего не отвечаешь, Джон? Не назначить ли вечер через две недели, во вторник? Ну, что ж ты молчишь? Боже мой, Джон, что случилось?

Джон Седли поднялся с кресла навстречу бросившейся к нему жене, принял ее в свои объятия и сказал торопливо:

— Мы разорились, Мери! Перед нами широкий мир, и мы можем начать борьбу снова, моя дорогая... Я предпочитаю сказать тебе все и сразу...

Тут он затрясся всем телом и чуть было не упал. Он думал сразить этой вестью жену, жену, которой во всю жизнь не сказал жесткого слова, но случилось так, что из них двоих он оказался наиболее потрясенным, несмотря на то, что для его жены эта новость была совершенно неожиданной. Когда старик Седли упал обратно в кресло, жене его

пришлось взять на себя обязанность утешительницы. Она схватила его дрожащую руку, поцеловала ее, обвила ею свою шею; называла старика своим Джоном, своим дорогим Джоном, своим милым старичком мужем; у нее вырывались сотни слов, выражавших ее бескорыстную любовь и нежность, и искренний ее голос и простодушные ласки невыразимо тронули это печальное сердце и ободрили и утешили его отягченную душу.

За всю долгую ночь, что они просидели напролет, пока Седли раскрывал перед женой свое стесненное сердце и изливался в признаниях о потерях и неудачах, об измене старейших из своих друзей, о чисто мужском великодушии, встреченном со стороны тех, на кого он и не думал рассчитывать, — верная жена только один раз позволила вырваться своему горю:

— Боже мой! Это разобьет сердце Эмми!

Отец совершенно забыл о бедной девочке, сама же Эмми лежала наверху, бодрствующая и несчастная. В обществе друзей и любящих родителей она была одинока. Много ли найдется людей, кому можно было бы все доверить? Да и кто станет открывать свою душу, не ожидая встретить сочувствия? Кто станет всерьез свои тайны неспособным их понять? Вот потому-то наша милая Амелия и чувствовала одиночество. Если хотите, у нее не было наперсницы с той самой поры, как у нее явилось, что поведать. Она не могла поверить старухе матери свои недоумения и заботы; будущие же ее невестки с каждым днем становились ей все более чужды. А между тем у Эмми бывали подозрения и опасения, в которых она не решалась откровенно признаться даже самой себе, хотя и постоянно терзалась ими.

Ее сердце пыталось упорствовать в убеждении, что Осборн достоин ее и верен ей, хотя она и чувствовала, что это не так. Чего-чего не высказывала она Джорджу, не встречая в нем отклика. На сколько улик эгоизма и равнодушия приходилось ей наталкиваться; как часто посещали ее сомнения, которые она упорно преодолевала! И кому же могла поверить маленькая страдалница свои постоянные терзания и борьбу? Даже самый ее герой понимал ее лишь наполовину. Она не осмеливалась сказать себе, что человек, которого она полюбила, недостоин ее; точно так же не решалась она сознаться в том, что преждевременно подарила ему свое сердце, но поскольку оно уже было отдано, чистая, робкая и нежная девушка оказывалась слишком женщиной, чтобы взять его обратно. Мы ведем себя по отношению к любящим нас женщинам совсем как турки и заставляем их подчиняться нашим правилам. Правда, мы позволяем их телесному облику свободно выходить из дома, прикрываясь улыбками, локонами и розовыми шляпками вместо покрывал и якмаков¹, но открывать свою душу им разрешается лишь одному человеку, и они повинуются этому, пожалуй, даже и не неохотно, и соглашаются сидеть дома в качестве наших рабынь, ухаживая за нами и выполняя за нас всю черную работу.

Вот в таком-то плену и в таких-то терзаниях пребывало это нежное сердце, когда в марте месяце лета от рождества Христова тысяча восемьсот пятнадцатого Наполеон высадился в Канне, Людовик XVIII² бежал, вся Европа всполошилась, бумаги упали, а Джон Седли разорился.

¹ *Якмак* — разновидность восточной женской накидки наподобие чадры или паранджи.

² *Людовик XVIII* (1755–1824) — французский король, брат казненного Людовика XVI. Во время революции эмигрировал за границу, где проживал под именем графа де Лилля. Введен на трон в апреле 1814 г., по провозглашению сенатом реставрации Бурбонов. После возвращения Наполеона с о. Эльба бежал в Бельгию.

Мы не последуем за почтенным старым биржевым маклером через все муки и агонию разорения, через которые ему пришлось пройти, прежде чем совершилась его коммерческая кончина. Его имя было обесславлено на бирже; он не появлялся в конторе, векселя его были опротестованы, а о несостоятельности его объявлено официально. На дом и обстановку в Рессель-сквере наложили запрещение, а затем и то и другое было продано с торгов, Седли с семьей был, как мы видели, выброшен на улицу, и ему было предоставлено приютить свою голову, где это ему удастся сделать.

У Джона Седли не хватило духа свидеться со своей челядью, которая от времени до времени появлялась на этих страницах и с которой он вследствие обрушившейся на него нищеты вынужден был расстаться. Жалованье всем этим почтенным людям было выплачено с той аккуратностью, какую нередко обнаруживают лица, задолжавшие крупные суммы; прислуга, правда, посетовала, что ей приходится покидать хорошее место, но за всем тем сердце ее не слишком терзалось при разлуке с обожаемыми господами. Горничная Амелии не поскупилась на усердные соболезнования и ушла, твердо порешив поправить свое положение в более знатной части города; черный Самбо, с ослеплением, свойственным людям его профессии, решил открыть гостиницу. Честная старуха Бленкинсоп, присутствовавшая некогда при помолвке Джона Седли и его жены, пожелала остаться при господах без жалованья, так как составила себе изрядный капиталец, и временно последовала за ними в новое и скромное их убежище, где и обслуживала их и брюзжала на них в течение некоторого времени.

Из числа преследователей Седли, обнаружившихся при переговорах с кредиторами и настолько терзавших униженного старого джентльмена, что он в какие-нибудь шесть недель состарился больше, чем за пятнадцать лет, наиболее несговорчивым и настойчивым оказался его старый приятель и сосед Джон Осборн, тот самый Джон Осборн, которого Седли поставил в свое время на ноги, который был обязан Седли сотнями одолжений и сын которого собирался жениться на его дочери. Впрочем, каждое из указанных обстоятельств являлось для Осборна достаточным основанием, чтобы быть особенно настойчивым в своих требованиях.

Если вы особенно обязаны кому-либо и если вы рассоритесь с этим лицом, то вы, по установившемуся обычаю, становитесь более неумолимым врагом своему прежнему другу, нежели кто-либо другой. В оправдание своего жестокосердия и неблагодарности вам надлежит во что бы то ни стало доказать преступление другой стороны. Таким образом, оказывается, что это не вы жестоки и раздражены неудавшейся спекуляцией, — нет, отнюдь нет! — но во все беды вас вовлек ваш противник путем гнуснейших обманов и из самых злостных побуждений. Уж из одной простой последовательности вам надлежит доказать, что противник ваш мошенник, иначе вы сами окажетесь негодяем. Ведь за общее правило, каким оправдывают себя неумолимые кредиторы, принимается, будто все запутавшиеся люди бесчестны. Они что-то скрыли, они преувеличили шансы на успех или умолчали об истинном положении своих дел, они распространялись о процветании своих предприятий, когда те оказывались безнадежными, они продолжали улыбаться (но скорбная то была улыбка), находясь на волос от несостоятельности, и хватались за всевозможные предлоги, чтобы только добиться отсрочки или денег и тем оттянуть неизбежную развязку.

— Пора же положить конец этому надувательству! — восклицает торжествующий кредитор, принимаясь поносить утопающего врага.

— Да и к чему хвататься за соломинку, дуралей! — говорит утопающему холодный здравый смысл.

— И чего этот негодяй так боится увидеть свое банкротство пропечатанным в газетах? — недоумевает преуспевающий перед беднягой, барахтающимся в мрачном болоте.

Кто не замечал готовности, с какой самые близкие друзья и честнейшие люди подозревают и обвиняют друг друга в мошенничестве, как скоро дело доходит до денежных расчетов? Каждый поступает так. Мне думается, все они правы и мир состоит из одних мошенников.

К тому же Осборна преследовало сознание благодеяний Седли, раздражавшее и озлоблявшее его; благодеяния всегда бывают основанием для враждебности! Наконец, Осборну предстояло расстроить помолвку его сына с дочерью Седли, а так как это дело зашло довольно далеко и разрыв неминуемо должен был разбить счастье бедной девочки и скомпрометировать ее, то для этого надлежало измыслить достаточно веские причины, и Джону Осборну оставалось упорно настаивать на том, что Джон Седли — негодяй.

Поэтому Осборн и проявлял к Джону Седли жестокость и презрение, разрывавшие сердце бедного банкрота на части. Старый Осборн немедленно заставил Джорджа порвать все отношения с Амелией, угрожая молодому человеку проклятием в случае послушания и обвиняя бедную девочку в низости и лисьем коварстве. Одним из главнейших условий злобы и ненависти является необходимость поверить лжи, изобретаемой против предмета ненависти, чтобы остаться последовательным, как мы уже заметили.

Когда наступил окончательный крах — оглашено разорение, покинут Рессельсквер, объявлен разрыв между Джорджем и Амелией и покончено с ее любовью и верой в людей, — грубое письмо Джона Осборна сообщило ей в нескольких строках, будто поведение ее отца таково, что делает невозможным соблюдение прежних обязательств между обеими семьями. Но приговор этот потряс Амелию далеко не так сильно, как этого ожидала ее мать (что касается Джона Седли, то он был всецело поглощен своим разорением и утратой доброго имени).

Амелия отнеслась к этому известию спокойно и как бы равнодушно. Ведь эта новость оказалась лишь подтверждением давнишних ее смутных предчувствий. Это было лишь оглашением приговора за совершенное Амелией преступление, а заключалось оно в том, что она полюбила Джорджа слишком горячо, беззаветно и безрассудно. О своих мыслях она говорила теперь так же мало, как и прежде. Она вряд ли была несчастнее теперь, когда всякая надежда была потеряна, нежели раньше, когда она чувствовала, что надежды уже нет, но не решалась в этом сознаться. Из обширного дома в Рессель-сквере Эмми переселилась в тесную квартирку так равнодушно, точно это не составляло для нее никакой разницы. Она даже меньше сидела в своей комнатке, но безмолвно чахла и постепенно приближалась к смерти.

Я отнюдь не хочу сказать этим, что все женщины таковы. Я, например, отнюдь не думаю, дражайшая моя мисс Буллок, чтобы ваше сердце разрывалось бы подобным образом. Вы молодая особа, здравомыслящая и наделены твердыми правилами. Точно так же я не решусь сказать, что разорвалось бы от этого сердце и у меня самого. Правда, мое сердце страдало, однако, должен признаться, оно выжило. Но существуют души и более хрупкие, нежные и деликатные.

Когда старый Джон Седли размышлял об отношениях Амелии и Джорджа или затрагивал эту тему в разговоре, он проявлял озлобление не хуже Осборна. Об Осборне и его семье он отзывался как о бессердечных, развращенных и неблагодарных людях, клялся, что никакая земная власть не заставит его выдать дочь за сына подобного негодяя и велел Амелии выкинуть Джорджа из головы и вернуть ему все письма и подарки, когда-либо от него полученные.

Эмми обещалась это исполнить и пыталась повиноваться. Она собрала две-три безделушки; что же касается писем, то она вынула их из уголка, где они хранились, перечитала вновь, точно не знала их наизусть, но расстаться с ними не могла. Это оказалось выше ее сил, и она спрятала письма к себе на грудь. Вам случалось, вероятно, видеть, как женщина укачивает свое уже мертвое дитя. Маленькая Амелия чувствовала, что она умрет или сойдет с ума, если у нее будет отнято это последнее ее утешение.

Как она краснела и сияла, когда приходили письма! Как убегала с бьющимся сердцем, чтобы прочесть записку без свидетелей! Если порою письма Джорджа бывали холодны, к каким ухищрениям не прибегало ее славное сердечко, чтобы истолковать и дурное в хорошую сторону! Если они были кратки и преисполнены эгоизма, какие извинения изобретала она писавшему!

Она подолгу сживала над этими ничтожными бумажками. Она жила прошлым, и каждое письмо напоминало ей какую-нибудь его подробность. Как она хорошо все помнила! И вид Джорджа, и его тон, и его костюм, и что он говорил, и как он говорил! Эти остатки воспоминаний об умершей привязанности были единственным, что ей оставалось в мире. И единственным занятием Эмми в ее теперешней жизни стало бдение над трупом любви.

Смерть призывала она с невыразимым нетерпением. «Там, — мечтала она, — я буду всегда с ним!»

Я не хвалю ее поведения и не буду ставить ее мисс Буллок за образец для подражания. Мисс Буллок лучше умеет управлять своими чувствами, чем это бедное маленькое существо. Она не отдала бы себя так всецело, как это сделала неосторожная Амелия, которая подарила свою любовь бескорыстно и не получила взамен ничего — одни лишь бранные обещания, которые мгновенно рассеялись и превратились в ничто. Длительная помолвка представляет собою соглашение, при котором одна сторона вольна поддерживать его или разорвать, тогда как другая затрачивает на это весь свой капитал. Поэтому, молодые леди, будьте осторожны и связывайте себя с должной осмотрительностью. Остерегайтесь беззаветной любви, не признавайтесь никогда в ваших чувствах, а еще лучше — чувствуйте поменьше. Имейте всегда в виду последствия, к каким ведут преждевременность и доверчивость, и не верьте ни себе, ни другим! Выходите замуж так, как это делается во Франции, где наперсниками являются законники. Во всяком случае, никогда не отдавайтесь во власть чувствам, которые могут оказаться для вас неудобными, и не давайте обещаний, которые вы были бы бессильны в любую минуту изменить и нарушить. Таков истинный способ достигнуть преуспевания, почтения и доброй славы на ярмарке тщеславия.

Если бы Амелия слышала все пересуды в том кружке, из которого ее изгнало разорение ее отца, она поняла бы, в чем заключается ее преступление и до какой степени пошатнулась ее репутация. Подобной преступной неосторожности миссис Смит никогда не знавала; подобной ужасной фамильярности миссис Браун никогда бы не потерпела, и да послужит эта развязка предостережением ее дочерям!

— Разумеется, не может же капитан Осборн жениться на дочери банкрота! — заявили мисс Доббин. — Достаточно и того, что старик нас всех обманул. Что же касается этой маленькой Амелии, то ее безрассудство превосходит все...

— Что — все? — заорал капитан Доббин. — Разве они не были помолвлены с малолетства? И разве это не равносильно браку? И неужели же у кого-нибудь повернется язык сказать что-нибудь про эту невиннейшую, чистейшую, нежнейшую и добродетельнейшую из всех девушек?

— Ну, ну, Уильям, не выходи из себя! — сказала мисс Джейн. — Мы ведь не мужчины и состязаться с тобой не будем! Ведь мы ничего против мисс Седли не имеем, но нельзя не заметить, что поведение ее было чрезвычайно опрометчиво, чтобы не сказать хуже, а родители ее уж, конечно, заслужили постигшее их несчастье!

— Отчего бы тебе, Уильям, не сделать предложения мисс Седли теперь, когда она свободна? — спросила насмешливо мисс Анна. — Это была бы выгодная партия!

— Мне жениться на ней? — сказал Доббин, сильно покраснев и заторопившись. — Если вы готовы сделать из брака торг, то не думайте того же про нее. Вы можете шутить и смеяться над этим ангелом. Она не слышит этого, к тому же она несчастна, бедна и, следовательно, заслуживает насмешек. Продолжай твои шутки, Анна. Ты гордость семьи, и всем приятно тебя послушать!

— Мне приходится снова напомнить тебе, что ты не в казарме, Уильям, — заметила мисс Анна.

— Не в казарме? Клянусь честью, посмотрел бы я, как бы мне осмелился кто-нибудь в казарме сказать то, что говоришь ты! — закричал выведенный из терпения британский лев. — Хотел бы видеть, чтоб кто-нибудь пикнул о ней слово, клянусь богом! Впрочем, мужчины ничего подобного никогда себе и не позволят, Анна. Ведь только женщины, собираясь вместе, кудахчут, и шипят, и визжат. Ну, полно, не начинай плакать! Ведь только всего и было, что я назвал вас гусынями, — сказал Доббин, заметив, что красные глаза Анны начинают, по обыкновению, увлажняться. — Ну, хорошо! Вы не гусыни, а лебедки, словом, что хотите, только, пожалуйста, оставьте мисс Седли в покое!

Трудно себе представить более нелепую вещь, чем смиренное поклонение Уильяма маленькому, глупенькому, ветреному, строящему глазки существу. Так думали и маменька и сестрицы Доббин, трепеща, как бы Амелия, разойдясь с Джорджем, не подцепила другого своего поклонника и капитана. Предположение это достойные особы основывали, вероятно, на собственном опыте (хотя им до сих пор еще и не представлялось случая ни выйти замуж, ни пококетничать), в соответствии с их пониманием, что хорошо и что дурно.

— По счастью, маменька, полк получил приказание выступать за границу. Так что эта опасность, во всяком случае, минует брата!

Так оно и было на самом деле, и, таким образом, императору Франции выпадает на долю сыграть свою роль в семейной комедии из нравов ярмарки тщеславия, которую мы представляем. Представление это не состоялось бы, если бы сюда не замешался августейший персонаж без слов. Это он погубил и Бурбонов, и мистера Джона Седли. Это его прибытие в его столицу призвало всю Францию к оружию для его защиты и ополчило на него всю Европу.

В то время как французский народ и французская армия присягали на Майском поле на верность императорским орлам, четыре могущественных европейских вла-

стителя стоваривались относительно охоты за орлами; и в этой охоте в числе прочих имела принять участие и британская армия, а оба наши героя, капитан Доббин и капитан Осборн, входили в состав этой последней.

Весть о бегстве Наполеона и о его высадке была принята доблестным *** полком с великим восторгом и энтузиазмом, вполне понятным для каждого, хоть сколько-нибудь знакомого с доблестным духом этого полка. Все чины *** полка, от полковника и до последнего барабанщика, преисполнились надеждами, честолюбием и патриотическим пылом и даже благодарили французского императора за нарушение европейского мира как за лично им оказанное одолжение. Приближалась минута, которой *** полк жаждал горячо: теперь полк был в состоянии показать своим ратным сотоварищам, что он мог драться так же хорошо, как и ветераны, стяжавшие славу на Пиринейском полуострове, и что ни боевая удача ни доблесть не погибли в *** полку от вест-индского измора и желтой лихорадки. Сгедббль и Спуни мечтали о производстве в ротные командиры за отличие по службе, супруга майора О'Дауда надеялась, что перед концом кампании, которую решила разделять, она будет подписываться: «Жена полковника и кавалера М. О'Дауд»; наши оба приятеля (Доббин и Осборн) были взволнованы так же сильно, как и все прочие, и выполняли свой долг каждый по-своему: мистер Доббин — со свойственным ему спокойствием, а мистер Осборн — с шумной энергией, и каждый из них надеялся пожать свою долю лавров и отличий.

Волнение, которым была охвачена вся страна и армия под влиянием этих вестей, было настолько сильно, что все частные дела отодвинулись в сторону. По этой причине Джордж Осборн, о производстве которого в ротные командиры только что состоялся приказ, деятельно занимался приготовлениями к неминуемому походу: он жаждал дальнейших отличий, и все другие события волновали его далеко не так сильно, как это случилось бы при более спокойных обстоятельствах. Надо сознаться, катастрофа, постигшая доброго старого мистера Джона Седли, особенного впечатления на Джорджа не произвела. Он был занят примеркой нового мундира, который очень ему шел и сидел на нем превосходно (а происходила эта примерка именно в день первого собрания кредиторов несчастного джентльмена). Джон Осборн поведал сыну о якобы злостных и бессовестных мошеннических поступках банкрота и напомнил сыну о том, что внушал ему и ранее относительно Амелии и что отношения их порваны навсегда.

В тот же вечер Джон Осборн снабдил Джорджа крупной суммой для уплаты за заказанную форму и новые эполеты, которые были ему весьма к лицу. Деньги были всегда кстати нашему расточительному молодому человеку, и он взял их без лишних слов. Когда он направлялся вечером в старую гостиницу Слоутерса, где останавливался, приезжая в город, на доме Седли, где он провел много, много счастливых часов, уже красовались объявления о продаже и ему резко бросились в глаза эти объявления, белевшие при лунном свете. Итак, удобный старый дом запер свои двери перед Амелией и ее родителями; где-то нашли они себе приют? Мысль об их разорении весьма растрогала Джорджа, и он был весьма меланхоличен в тот вечер в кофейне Слоутерса и много пил, как заметили его товарищи. Туда же явился Доббин и уговаривал его не пить, что тот делал, по его собственным словам, потому, что «чертовски приуныл»; когда же приятель пустился в щекотливые расспросы и стал многозначительно спрашивать о новостях, Осборн уклонился от дальнейшей беседы, признавшись, что чувствует себя расстроенным и несчастным.

Три дня спустя Доббин застал Осборна у себя в комнате в казарме склонившимся над какими-то бумагами. Молодой капитан был, по-видимому, в полном отчаянии.

— Она... она... вернула мне безделушки, которые я ей дарил... Вон они валяются, проклятые!.. Взгляни!

На столе лежала маленькая записочка, написанная хорошо знакомым почерком и адресованная капитану Джорджу Осборну, и тут же валялись разбросанные вещицы: колечко, серебряный ножичек, который Джордж купил для Эмми еще мальчуганом на ярмарке, золотая цепочка и медальон, заключавший в себе его же волосы.

— Все кончено! — сказал он со вздохом, выразившим боль и раскаяние. — Вот, посмотри, Уилль, и прочти, если хочешь!

Он протянул другу записочку, которая содержала лишь несколько строк:

«Папа приказывает мне вернуть вам подарки, которые вы мне делали в более счастливые дни. И я пишу вам в последний раз. Я полагаю, я это знаю, что вы ощущаете удар, над нами разразившийся, так же сильно, как и я. Я первая освобождаю вас от обязательства, которое невыполнимо при нашем настоящем несчастье. Я уверена, вы сами тут ни при чем и не разделяете жестоких подозрений мистера Осборна, которые являются самым тяжким ударом из всего, что нам пришлось пережить. Прощайте, прощайте! Я молю бога дать мне силы перенести это и все другие несчастья. Да хранит он вас вечно!

Я часто буду играть на фортепьяно, на вашем фортепьяно. Это было так похоже на вас — послать его мне!»

Доббин был весьма мягкосердечен. Вид горюющих женщин и детей всегда его трогал. Он представил себе Амелию с разбитым сердцем и в одиночестве, его добрая душа пришла в волнение, и он предался такой чувствительности, какая показалась бы иному даже и неуместною для мужчины. Он поклялся, что Амелия — сущий ангел, и это подтвердил от всего сердца и Осборн. Он также возобновил в памяти историю их жизни и представил себе Эмми, какой она была от самого детства и по настоящую пору, — нежной, невинной, так очаровательно-безыскусственной, любящей и кроткой. О, как мучительно было все это утратить, обладать всем — и ничего не оценить! Тысячи нежных сцен и воспоминаний толпились перед Джорджем, и всюду в них выступала она, добрая и прекрасная. Что касается его самого, то Джордж краснел от стыда и раскаяния, припоминая собственный эгоизм и равнодушие, так непохожие на ее безупречную непорочность. На мгновение и слава, и война, и все прочее было забыто, и оба друга говорили только об Амелии.

— Где они? — спросил Осборн после долгого разговора и последовавшего за ним длительного молчания; он немало был пристыжен сознанием, что не предпринял никаких шагов, чтобы разузнать, что с ней.

— Где они? В записке адреса не значится...

Доббин этот адрес знал. Он не только послал туда фортепьяно, но написал даже миссис Седли письмо, в котором просил позволения посетить ее, и был у нее вчера, перед тем как вернуться в Чатам, и видел Амелию; более того, он же и привез записочку и сверток, так растрогавшие их обоих.

Миссис Седли охотно приняла его; она была весьма взволнована присылкой фортепьяно и решила, что эта любезность исходит не от кого иного, как от Джорд-

жа, и свидетельствует о дружеском его расположении. Капитан Доббин не стал выводить достойную леди из заблуждения и с большим сочувствием выслушал ее жалобы и всю ее повесть об их несчастьях. Он вполне сочувствовал ее потерям и лишениям и не мог не порицать вместе с ней жестокого поведения мистера Осборна в отношении первого его благодетеля. Когда миссис Седли облегчила свою переполненную душу и излила все свои горести, Доббин расхрабрился и пожелал повидаться с Амелией, которая, по обыкновению, сидела у себя наверху. Мать свела ее вниз, дрожащую от волнения. У нее был такой трагический вид, и взгляд ее выражал такое горестное отчаяние, что честный Уильям Доббин ужаснулся и прочел на этом бледном и безжизненном личике самый фатальный приговор. Посидев минуту-другую, она вложила Доббину в руку сверток и сказала:

— Передайте, пожалуйста, это капитану Осборну... Я надеюсь... он здоров... С вашей стороны было очень мило к нам заглянуть... Новая квартира всем нам нравится... И я... я думаю, маменька, мне лучше уйти к себе наверх... Я не особенно хорошо себя чувствую...

С этими словами бедное дитя улыбнулось и пошло к себе. Провожая ее, мать кинула Доббину тревожный взгляд. Но бедняга и не нуждался в подобном призыве, он любил ее слишком сильно; невыразимые скорбь, жалость и ужас охватили его, и он ушел, чувствуя себя чуть ли не преступником оттого, что навязал бедняжке это свидание.

Когда Осборн узнал, что его друг разыскал Амелию, он стал горячо и нетерпеливо расспрашивать его о бедняжке:

— Ну, что с ней? Как она выглядит? Что она говорит?

Товарищ взял его за руку и, посмотрев ему прямо в лицо, сказал:

— Джордж, да ведь она умирает! — И не мог говорить больше.

В том домике, где семья Седли нашла себе пристанище, все домашние обязанности исправляла дородная ирландка. Эта девушка во все предшествовавшие дни тщетно пыталась развлечь или утешить Амелию. Эмми была слишком подавлена, чтобы ей отвечать или хотя бы заметить попытки ее успокоить.

Через четыре часа после приведенного разговора между Осборном и Доббином, горничная вошла в комнату Амелии, где та, по обыкновению, сидела, молчаливо размышляя над заветными письмами — ее маленьким сокровищем. Девушка посмотрела на нее, лукаво и радостно улыбаясь, и постаралась привлечь внимание бедняжки Амелии, однако без всякого успеха.

— Мисс Эмми! — сказала она.

— Иду! — ответила Амелия, даже не оглянувшись.

— Вам письмо! — продолжала девушка. — Там кто-то... что-то... Там кто-то пришел!.. Не читайте старых писем — вот вам новое!

Она подала Эмми записку, которую та взяла и начала читать.

«Я должен вас видеть, — гласила записка. — Драгоценная Эмми, драгоценная моя любовь, драгоценная моя жена, приди ко мне!»

А Джордж и ее мать стояли за дверью и ждали, когда Амелия прочтет записку.

ГЛАВА XIX

Мисс Кроули на попечении сиделки

Мы уже упоминали, что Фиркин, горничная миледи, узнав о важном событии, касавшемся семьи Кроули, сочла своим долгом тотчас же известить о нем миссис Бьют Кроули. Упоминали мы и о том, как исключительно внимательна и мила была эта добрая дама по отношению к доверенной горничной мисс Кроули. Не менее милостиво и дружелюбно относилась миссис Бьют и к компаньонке — мисс Бриггс; расположение последней супруга священника обеспечила себе целым рядом знаков внимания и обещаний, которые ничего не стоят и так приятны и ценны для того, к кому они обращены.

Разумеется, всякий сведущий экономист и домовод знает, как дешево и удобно это средство и какой аромат придает оно большинству домашних блюд в жизни.

Глупец тот, кто пустил изречение, будто масленным словом каши не намажешь! Половина всех кушаний в жизни подается сдобренная только этим соусом. Подобно тому, как бессмертный Алексис Сойер¹ может изготовить за полпенни гораздо лучший суп, нежели неумелый повар из многих фунтов овощей и мяса, иной искусный

¹ *Алексис Бенуа Сойер* (1809–1858) — известный французский кулинар, ведавший кухней в Версале. После революции 1830 г. эмигрировал в Англию. Во время голода в Ирландии английское правительство поручило Сойеру организацию столовых в Дублине. Изобретатель походной кухни.

артист с помощью нескольких простых и приятных фраз достигает большего, нежели какой-нибудь невежественный стряпка, располагающий более существенным материалом. Впрочем, мы знаем, что яства существенные нередко обременительны для желудка, тогда как приятных слов каждый из нас переваривает сколько угодно и, больше того, вечно жаждет все новых порций этого же кушанья.

Миссис Бьют так часто рассказывала Бриггс и Фиркин о силе своего к ним расположения, а также о том, как поступила бы она со своими верными друзьями, будь у нее уже состояние мисс Кроули, что вышеупомянутые дамы оказывали ей глубочайшее уважение и относились к ней с таким доверием, словно она уже нагрозила их великими и щедрыми милостями.

И наоборот, Раудон Кроули, как истый эгоист и неповоротливый драгун, несколько не заботился расположить в свою пользу тетушкиных адъютантов; он выражал им явное презрение, заставлял Фиркин стаскивать с себя сапоги и гонял ее под дождем с зазорными поручениями, и если и дарил ей иногда гиней, то швырял ей монету в лицо таким образом, словно собирался дать пощечину. А так как тетушка делала себе из Бриггс развлечение, то и капитан, следуя этому примеру, позволял себе по отношению к старой приживалке шутки, столь же деликатные, как ласка копытом его скакуна. Напротив, миссис Бьют совещалась с Бриггс в вопросах вкуса и иных затруднительных обстоятельствах, восхищалась поэтическими ее произведениями и тысячей ласковых и вежливых способов показывала, как высоко ценит она мисс Бриггс. И если миссис Бьют делала Фиркин грошовый подарок, то приношение это сопровождалось всевозможными комментариями и превращалось в сердце признательной горничной в полновесное золото, независимо от надежд на великие благостыни, какие имели свалиться ей на голову в тот день, когда миссис Бьют вступит в обладание своим состоянием.

Различие в поведении этих двух лиц я предлагаю вниманию вступающим в свет особам. Хвалите, пожалуйста, всех, советую я им, никогда не задумывайтесь, восторгайтесь в лицо и за спиной, если только у вас имеется основание думать, что слова ваши будут услышаны. Пожалуйста, никогда не упускайте случая сказать сладкое слово! Подобно тому как Коллингвуд¹, заметив в своих владениях незасеянную плешинку, неукоснительно лез в карман, вынимал оттуда желудь и сажал его в землю, поступайте так и вы в жизни с комплиментами. Желудь не стоит ничего, а разрастись может в преогромное дерево.

Словом, пока Раудон Кроули был у тетки в милости, ему повиновались, хотя и с неудовольствием; когда же он впал в опалу, то не нашлось никого, кто вздумал бы помочь ему или ему посочувствовать.

Когда миссис Бьют приняла под свое начало дом мисс Кроули, весь тамошний гарнизон пришел в восторг оттого, что ему придется действовать под такого рода предводительством, и ожидал всяких выслуг, основываясь на ее обещаниях, ее щедрости и ее добрых словах.

Впрочем, миссис Бьют совсем не рассчитывала на то, чтобы Раудон Кроули признал бы себя побежденным после первого же поражения и не попытался завладеть позицией. Миссис Бьют Кроули считала Ребекку слишком умной, толковой и отча-

¹ Катберт Коллингвуд, 1-й барон Коллингвуд (1750–1810) — британский вице-адмирал. Умер главнокомандующим британского флота Средиземного моря.

янной особой, чтобы допустить, что она сдастся без борьбы. Супруга священника со знавала, что следует готовиться к бою и неустанно опасаться штурма, мин и всяких иных неожиданностей. Прежде всего, хотя она и заняла крепость, могла ли она положиться на главного ее обитателя? Выдержит ли характер мисс Кроули? Не имеет ли она тайного поползновения примириться с изгнанным противником? Старуха любила Раудона, а также и Ребекку, которая забавляла ее, а миссис Бьют не могла скрыть от себя того обстоятельства, что вряд ли кто из ее приверженцев мог бы в такой же мере способствовать развлечению светски воспитанной леди.

— Я знаю, что пение моих девочек после пения этой маленькой ненавистой гувернантки покажется невыносимым, — признавалась себе откровенно супруга священника. — Мисс Кроули всегда удалялась на покой, когда Марта и Луиза начинали исполнять свои дуэты. А школьнические манеры Джима и болтовня милого бедного Бьюта о собаках и лошадях всегда ее раздражали. Если бы я перевезла ее к себе, она рассорилась бы со всеми и удрала бы — я уверена в этом! — и затем очутилась бы снова в лапах ужасного Раудона и погибла бы жертвою этой маленькой змеи Шарп. А между тем для меня ясно, что старуха чувствует себя очень плохо и, во всяком случае, не будет в состоянии двинуться с места в течение нескольких недель; в этот срок надо найти способ, чтобы защитить ее от ухищрений этих безнравственных людей.

Если даже в самые благоприятные времена кто-нибудь говорил мисс Кроули, что она больна или что у нее плохой вид, испуганная старая леди тотчас же посылала за врачом. Она чувствовала себя весьма дурно после неожиданного семейного происшествия, которое могло бы потрясти и более крепкие нервы. Во всяком случае, миссис Бьют решила, что прямой ее долг — убедить и врача, и аптекаря, и компаньонку, и всю прислугу, что здоровье мисс Кроули находится в самом опасном положении и что всем им надлежит действовать согласованно. Миссис Бьют распорядилась устлать улицу соломой по колено лошадям, а молоток и металлическая доска у дверей были сняты стараниями мистера Боульса; далее она настояла на том, чтобы врач посещал больную дважды в день, и душила пациентку всякими микстурами. Если кто-нибудь входил в комнату, супруга священника выпускала такое тревожное «ш-ш-ш!», что бедная старуха пугалась в кровати и не могла оттуда выглянуть без того, чтобы не встретить блестящих глаз миссис Бьют, упорно следивших за ней из кресла, придвинутого к постели. Казалось, глаза супруги священника светятся и в темноте (она держала все занавески опущенными), в то время как она движется по комнате словно кошка на бархатных лапках.

И вот несчастная мисс Кроули так и лежала день за днем много дней подряд, а миссис Бьют утешала ее чтением религиозных книг. Не лучше проводила больная и ночи — долгие ночи, — прислушиваясь к переключке сторожей и треску ночника; около полуночи ее осматривал аптекарь, и затем ей предоставлялось мирно любоваться блестящими глазами миссис Бьют да желтым отблеском огня на зловеще темневшем потолке. Сама Гигея¹ заболела бы при таком уходе, а тем более бедная старая жертва нервов. Мы уже упоминали, что, находясь в добром здравии и веселом настроении, эта почтенная ревнительница ярмарки тщеславия придерживалась самых вольных взглядов на предметы веры и нравственности (хотя бы и самому Вольтеру подстать!), но если с ней приключались какие-нибудь недуги, они еще более усилива-

¹ Гигея (Гигиеня, Гигия) — в греческой мифологии богиня здоровья.

лись от ее малодушного страха смерти; безграничный ужас овладевал изнемогающей старой грешницей.

Назидания у одра болящих и благочестивые размышления, разумеется, совершенно неуместны в романах, и мы не собираемся (по моде, пущенной современными романистами) трогать публику проповедями, когда читатель платит деньги, чтобы смотреть комедию. Но и без всякого ханжества нельзя не отметить той истины, что показные блеск, смех, веселье и успех ярмарки тщеславия далеко не всегда сопутствуют актеру в частной его жизни и им подчас овладевают мрачная подавленность

и плачевнейшие сокрушения. Память о самых пышных банкетах вряд ли может утешить больного эпикурейца: воспоминание о самых красивых нарядах и о блистательнейших триумфах на балах является лишь слабой усладой для увядающей красавицы. Даже государственные мужи мало радуются воспоминаниям об одержанных некогда блестящих победах — словом, успех вчерашнего дня утрачивает для нас всякую ценность, когда перед нами начинает обрисовываться известный, хотя и неопределенный день, нас ожидающий. О брат мой по пестрому балаганному балахону, неужели тебе неведомы минуты, когда душе становятся несносны суета, и смех, и наглость скomorошеских колпаков и звон бубенчиков? И вот, дорогие мои собратья и товарищи, я задался похвальной целью — провести вас по всей ярмарке, показать вам все балаганы и представления и убедить вас, что, покидая этот блеск, шум и веселье, мы возвращаемся домой глубоко несчастными.

«Какую пользу мог бы принести этой несчастной старухе при подобных обстоятельствах мой бедный муж! — думала миссис Бьют Кроули. — Если бы у него была голова на плечах, он мог бы заставить ее раскаяться в неприличном ее нечестии и сводомыслии, мог бы укрепить ее на стезе долга, мог бы совершенно изгнать ненавистного развратника, опозорившего и себя и семью, мог бы побудить старуху воздать должное моим милым девочкам и обоим мальчикам, которые так нуждаются в поддержке родственников и так ее заслуживают!»

А так как ненависть к пороку равносильна преуспеянию в добродетели, то миссис Бьют Кроули и старалась всемерно поселить в душе невестки должное отвращение к многочисленным порокам Раудона Кроули; супругой его дяди был составлен столь обширный список его проступков, что его хватило бы на осуждение целого полка офицеров. Если кто совершил в жизни прегрешение — едва ли он найдет более строгого критика и более неумолимого изобличителя содеянных им перед лицом света проступков, нежели собственные его родственники. Таким образом, миссис Бьют Кроули обнаружила чрезвычайную семейную участливость и полное знакомство со всеми похождениями Раудона. Ей оказались известны все подробности некрасивого его столкновения с капитаном Файрбрэсом, завершившегося тем, что Раудон, хотя он и был кругом виноват в этом столкновении, уложил капитана на месте. Также подробно была она осведомлена и о том, как несчастный лорд Довдэль, — маменька которого нарочно переселилась в Оксфорд, чтобы ее сын получил там образование, — не бравший в руки карт до приезда в Лондон, был совлечен Раудоном с пути в «Кокосовой пальме», втянут этим негодяем в беспробудное пьянство и обыгран им на целых четыре тысячи фунтов. Она описывала с живейшими подробностями все терзания провинциальных семейств, которые Раудон загубил, повергнув сыновей в бесчестие и нищету, а дочерей в погибель. Она знала всех несчастных купцов, которых Раудон разорил своей расточительностью; ей были известны все низкие приемы, какие пускались в ход капитаном; она рассказывала о той удивительной лжи, с помощью которой этот негодяй втирал очки великодушнейшей из теток, а равно и о гнусной неблагодарности и насмешках, которыми он платил ей за ее жертвы.

Все эти сообщения супруга священника делала мисс Кроули постепенно, дабы та всецело прониклась ими; она дала понять мисс Кроули, что выполняет прямой долг, который предписан ей, как истинной христианке и матери семейства, и что ей даже совсем неведомы ни чувство раскаяния, ни жалость к жертве, которую закалывал ее язык; мало того, супруга священника полагала, что поведение ее в этом случае заслуживает истинной похвалы, и кичилась решительностью, с какою выступала. Говорите, что хотите, — если дело касается нареканий на человека, никто не выполнит этого дела лучше, чем его родственники.

Что касается этого несчастного бродяги Раудона Кроули, то, нужно сознаться, одной правды о нем было бы вполне достаточно, чтобы его осудить, и все скандальные измышления являлись излишним беспокойством со стороны его друзей. Немаловажное место в милостивых расследованиях миссис Бьют отводилось также и Ребекке, породнившейся теперь с Кроули. Неутомимая искательница истины, приказав строго-настроено не пропускать к невестке ни послов ни писем от Раудона, взяла экипаж мисс Кроули и отправилась на Чизуикский бульвар, к своей старой прятельнице мисс Пинкертон, которой и поведала ужасную весть об обольщении капитана Раудо-

на девицей Шарп и узнала взамен многие удивительнейшие подробности касательно происхождения и раннего детства бывшей гувернантки.

Приятельница лексикографа могла сообщить о Бекки сведений сколько угодно. Мисс Джемиме приказано было разыскать все расписки и письма учителя рисования; одно было написано им из арестного дома, другое молило об уплате денег вперед, третье было преисполнено выражений благодарности за принятие Бекки в пансион, наконец, в последнем документе, вышедшем из-под пера неудачливого художника, он, лежа на одре смерти, поручал сироту покровительству мисс Пинкертон. Тут же нашлась и коллекция детских записочек самой Ребекки, просивших об оказании помощи отцу или выражавших ее признательность.

Ведь на ярмарке тщеславия нет, может быть, более злой сатиры, чем письма. Возьмите, например, связку писем вашего закадычного друга лет за десять назад, — того закадычного друга, которого вы теперь возненавидели, или посмотрите на кипу писем хотя бы вашей сестрицы. Ах, как были вы привязаны друг к другу, прежде чем рассориться из-за наследства в двадцать фунтов! Или посмотрите на крупные каракульки вашего сына, сокрушившего впоследствии вам сердце своим эгоизмом и непокорностью. Или, наконец, полюбуйтесь на пачку собственных ваших посланий, дышащих пламенной страстью и вечною любовью, — они были возвращены вам повелительницей вашего сердца после того, как она заблагорассудила выйти замуж за набоба, и которой вы теперь интересуетесь столь же мало, как и королевой Елизаветой.

Клятвы, любовь, обещания, нежные признания, благодарность — как смешно читать все это по прошествии некоторого времени! Следовало бы установить законом, чтобы на ярмарке тщеславия все писанные документы (за исключением расписок в получении денег) уничтожались по истечении надлежащего непродолжительного срока. Всех же шарлатанов и врагов человечества, возвещающих о невыцветающих японских чернилах, надлежало бы предавать погибели вместе с их нелепыми изобретениями. Лучшие чернила, которые можно было бы рекомендовать для употребления на ярмарке тщеславия, были бы те, которые через два дня совсем бы выцветали, оставляя бумагу снова чистой и годной для того, чтобы писать на ней кому-нибудь другому.

От мисс Пинкертон неутомимая миссис Бьют пустилась по следам Шарп и его дочери в меблированные комнаты на Грин-стрит, где когда-то проживал покойный художник и где стены и поднесь еще были украшены портретами хозяйки в белом шелковом платье и ее супруга в одеянии с медными пуговицами; портреты эти были написаны Шарпом взамен квартирной платы за четверть года. Миссис Стокс оказалась особой словоохотливой и не замедлила выболтать все, что знала о мистере Шарпе; тут выяснилось, как беден он был, как необуздан, как вечно преследовали его бесчисленные судебные приставы и докучные займодавцы; как, к ужасу хозяйки, Шарп обвенчался с танцовщицей (она не выносила эту женщину!) лишь незадолго до ее смерти; какой забавной лисичкой была его маленькая дочка, как она всех потешала своими шутками и передразниванием; как она бегала в кабачки за джином и была известна во всех студиях квартала; короче говоря, миссис Бьют собрала здесь подробнейший запас сведений о родстве, воспитании и поведении новой племянницы, запас данных настолько подробный, что он едва ли бы пришелся по вкусу Ребекке, если бы только она могла знать, что о ней наводятся подобные справки. Со всеми этими кропотливыми изысканиями мисс Кроули была ознакомлена во всех подробностях. Миссис Радон Кроули оказывалась дочерью оперной фигурантки, сама была танцов-

щицей, позировала художникам, словом, воспитывалась так, как подобало дочери ее матери: она пила джин с отцом и т. д. Бекки была потерянная женщина, вышедшая замуж за потерянного человека. Мораль же, вытекавшая из повествований миссис Бьют, была та, что плутоватость парочки неискоренима и что надлежало воспитанным людям не следовало с ними знаться.

Таковы были материалы, благоразумно собранные миссис Бьют Кроули в Парк-Лейне, — военные снаряды и припасы, которыми она укрепила дом в чаянии той осады, какою его обложили Раудон совместно с супругой.

Если в распоряжениях миссис Бьют и была допущена ошибка, то только в одном: она переусердствовала; слишком уж рьяно она действовала. Она делала мисс Кроули более тяжело больной, нежели это было надо; и хотя беспомощная старуха и подчинилась ее авторитету, этот последний был слишком утомителен и строг, и бедная жертва ощущала желание избавиться от гнета при первом же благоприятном случае.

Женщины властные, составляющие истинное украшение своего пола, женщины, которые распоряжаются всеми и каждым и лучше самих заинтересованных знают, что является для них настоящим благом, не принимают в расчет одного, именно возможности домашнего возмущения или других подобных крайних результатов их чрезмерной власти.

Так, например, миссис Бьют, несомненно преследуя благие намерения и смертельно изнуряя себя воздержанием от сна, еды и свежего воздуха — все ради больной невестки, — так далеко зашла в уверенности в болезни старухи, что почти уложила ее в гроб. Она даже ставила на вид мистеру Клемпу, аптекарю, постоянно посещавшему мисс Кроули, все приносимые ею жертвы и достигнутые ими результаты.

— Я знаю, дорогой мистер Клемп, — говорила она, — что сделала все, что могла, чтобы восстановить здоровье нашей дорогой больной, которую неблагодарность племянника повергла на одр болезни. Я не считаю с беспокойством. Я всегда готова на самопожертвование!

— Да, конечно, нельзя не признать, преданность ваша удивительна, — ответил мистер Клемп с глубоким поклоном, — но...

— Я не знаю, удавалось ли мне заснуть со времени моего приезда, я приношу в жертву и сон, и здоровье, и удобства! Когда мой бедный Джемс заболел оспой, могла ли я потерпеть, чтобы за ним ухаживали наемные руки? Конечно, нет!

— Да, вы поступили так, как и подобало превосходной матери, милостивая государыня, можно даже сказать — лучшей из матерей, но...

— Как мать семейства и супруга англиканского священника, я, смею думать, держусь добрых правил, — вымолвила миссис Бьют со счастливым сознанием своей добродетели, — и пока мне позволяют силы, ни за что не сойду с того поста, на который меня поставил долг. Пусть иные и повергли эти несчастные седины на одр страданий (тут миссис Бьют широким взмахом руки указала на старую накладку кофейного цвета, надетую на болванку на столе в уборной), но я, я никогда их не покину... Ах, мистер Клемп! Я боюсь, я знаю, что это страдальческое ложе нуждается в духовном утешении столько же, сколько и во врачебной помощи.

— Так вот-с, сударыня, я, с своей стороны, позволил бы себе заметить, — перебил ее тут любезно решительный мистер Клемп, — да-с, я собирался заметить в ту минуту, когда вы выражали свои чувства, делающие вам, милостивая государыня, величай-

шую честь, что, по моему мнению, вы совершенно напрасно тревожитесь о нашем общем друге и слишком расстраиваете ради него ваше собственное здоровье.

— Я готова пожертвовать жизнью ради долга или любого из родственников мужа! — перебила его миссис Бьют.

— Я не сомневаюсь, сударыня, если бы в том встретилась действительная необходимость... Но зачем же обрекать миссис Бьют Кроули на мученичество? — добавил Клемп галантно. — Поверьте, доктор Скуиллс и я, мы оба отнеслись к болезни мисс Кроули с должной заботливостью и вниманием, но мы находим, что она лишь упала духом и несколько нервна; семейные неприятности потрясли ее...

— Он придет к гибели, ее племянник! — воскликнула миссис Кроули.

— ...потрясли ее! И вот тут явились вы, словно ангел-хранитель, — положительно, как ангел-хранитель, — чтобы облегчить ей бремя ее страданий. Но ни мистер Скуиллс, ни я не думаем, чтобы состояние нашей приятельницы требовало пребывания в постели. Она подавлена, но пребывание в постели может только усилить эту подавленность. Ей, напротив, полезна была бы перемена впечатлений, свежий воздух, развлечения. Это в нашей фармакопее наиболее действительные средства, — пояснил мистер Клемп, улыбаясь и оскаливая безупречные зубы. — Убедите-ка вы ее, сударыня, встать с постели; извлеките ее из постели и помогите избавиться от дурного настроения! Убедите мисс Кроули предпринимать небольшие прогулки в экипаже, они же восстановят розы и на ваших щеках, если мне позволено дать подобный совет достопочтеннейшей миссис Бьют Кроули.

— Одной случайной встречи в парке с ее ужасным племянником, который катается там вместе с наглой сообщницей его преступлений, — воскликнула миссис Бьют (обнаруживая вдруг тайные себялюбивые опасения), — достаточно, чтобы потрясти мисс Кроули настолько, что она опять сляжет! Нет, мистер Клемп, она не должна выходить! Она не выйдет из дома, пока будет на моем попечении. Что же касается моего здоровья, то стоит ли вообще об этом говорить? Я с полной готовностью жервую им. Я возлагаю его на алтарь долга!

— Так знайте же, сударыня, — объявил уж тут мистер Клемп напрямик, — я снимаю с себя всякую ответственность за жизнь мисс Кроули, если ее будут держать взаперти, в темной комнате. Она настолько нервна, что не сегодня-завтра с нею и на самом деле случится беда, и если вы желаете, чтобы капитану Кроули досталось после нее наследство, то я откровенно предупреждаю вас: вы как нельзя более играете ему на руку!

— Милосердный боже! Неужели же жизнь ее в опасности! — воскликнула миссис Кроули. — Так зачем же, зачем, мистер Клемп, не предупредили вы меня раньше?

Накануне вечером мистер Клемп и мистер Скуиллс обсуждали за бутылкой доброго вина положение мисс Кроули, каковая консультация происходила в доме и в присутствии сэра Лапина Уоррена, супруга которого готовилась принести ему тринадцатое по счету божье благословение.

— Ну и змея же эта маленькая особа, Клемп, прискакавшая из Гэмпшира и забравшая в лапы старую Тилли Кроули! А ведь мадера-то чертовски хороша!

— Ну и дурак же этот Раудон Кроули, — ответил Клемп, — вздумал жениться на гувернантке! Положим, в девочке что-то есть!

— Зеленые глазки, славный цвет лица, красивая фигурка, прекрасное развитие лобных костей, — подтвердил Скуиллс. — Да, девочка недурна, но все же Кроули оказался в дураках, Клемп!

— Да он и был всегда дураком, — ответил аптекарь.

— Ну и, конечно, он попадет теперь у старухи в немилость! — Помолчав, Скуиллс прибавил: — Я полагаю, она действительно огорчена!

— Она огорчилась, — подтвердил Клемп с улыбкой, — а мне ее огорченья принесут двести фунтов!

— Ну так имейте в виду, Клемп, что эта гэмпширская особа уложит мисс Кроули в гроб в каких-нибудь два месяца, если будет орудовать над ней так и дальше! — сказал доктор Скуиллс. — Старая женщина, полнокровная, притом субъект нервный, страдает сердцебиениями; прилив крови к мозгу, апоплексия — и конец! Нет, милый мой, так нельзя! Подымайте ее с постели! Скорее вон из постели, иначе я предсказываю вам, что вы весьма недолго будете получать условленные двести фунтов гонорара!

Действуя в соответствии с советом собрата, почтенный аптекарь и высказался столь любезно перед миссис Бьют Кроули.

Захватив старую леди в свои руки и удерживая ее в кровати вдали от близких, миссис Бьют неоднократно пыталась убедить ее переделать духовное завещание. Но свойственный мисс Кроули страх смерти лишь возрастал от зловещих предложений, и мисс Бьют убедилась, что сначала надлежит поднять в пациентке бодрость духа и настроение, а потом уже переходить к осуществлению тех благих намерений, какие преследовала супруга священника.

Куда же вывозить больную — было следующим затруднительным вопросом. Единственным местом, где наверное можно было не встретить отвратительного Раудона, была церковь, но миссис Бьют отлично понимала, что подобный выезд не доставит больной удовольствия. «Мы должны объехать во время наших прогулок все восхитительные окрестности Лондона, — думала она. — Я слышала, что это самые живописные места в мире».

И вот у миссис Бьют пробудился внезапный интерес к Гэмпстеду, Горнсею, и она находила очаровательным даже Дульвич. Итак, усадив свою жертву в карету, миссис Бьют повезла ее по деревенским закоулкам, сдабривая эти маленькие путешествия разговорами о Раудоне и его жене и пересказывая старой леди все, что могло усилить ее негодование против этих отверженцев.

Возможно, что миссис Бьют слишком напрягла струны, ибо, хотя она и добилась того, что поселила наконец в мисс Кроули прочное неудовольствие против непокорного племянника, больная стала испытывать к ней тайный ужас и жаждала от нее отделаться. Вскоре она решительно восстала против Гайгета и Горнсея и пожелала прокатиться по парку. Миссис Бьют предвидела, что они встретят там негодяя Раудона, и не ошиблась. Однажды на дороге, охватывающей парк кольцом, показался кабриолет Раудона; Ребекка сидела рядом. Во вражеском экипаже мисс Кроули занимала свое обычное место, имея по левую руку миссис Бьют, а перед собой — пуделя и мисс Бриггс. Это было тревожным мгновением, и у Ребекки сердце забилось сильнее, когда она узнала карету. И когда оба экипажа встретились, она всплеснула руками и бросила на старую деву взгляд, преисполненный отчаяния и преданности. Сам Раудон вздрогнул и покраснел под своими нафабранными усами. Но — увы! — в другом экипаже только одна старая Бриггс умилилась, беспокойно взглянув своими большими глазами на бывших друзей. Чепец мисс Кроули решительно повернулся в сторону Серпантин, а миссис Кроули пребывала в восторженном созерцании пуделя, называя его «милочкой», «красавчиком» и «чудным песиком».

Так экипажи и разъехались, каждый в свою сторону.

— Не выгорело, клянусь честью! — сказал Раудон жене.

— Попробуем еще разок, Раудон! — сказала Бекки. — Нельзя ли хоть колесами сцепиться, мой милый?

Но у Раудона не хватило духу проделать этот маневр. Когда экипажи повстречались вновь, он привстал в своем кабриолете и потянулся, глядя во все глаза, рукой к шляпе, чтобы ее поднять. На этот раз лицо мисс Кроули в сторону не отворачивалось, напротив, и она и миссис Бьют уничтожающе посмотрели племяннику прямо в лицо. Он упал с проклятием обратно на сиденье, выбрался из вереницы экипажей и помчался в отчаянии домой.

То было блестящим и решительным успехом для миссис Бьют. Но она сознавала опасность повторения подобных встреч, ибо заметила явное волнение мисс Кроули; она решила, что ради здоровья драгоценного друга надо как можно скорее покинуть город, а потому и принялась усиленно настаивать на поездке в Брайтон.

ГЛАВА XX,
в которой капитан Доббин выступает вестником Гименея

Капитан Уильям Доббин, сам не зная как, оказался устроителем, распорядителем и вершителем брака Джорджа Осборна и Амелии. Если бы не он — этому браку не бывать бы никогда; он не мог не сознавать этого и горько улыбался тому, что из всех людей на свете забота об устройстве этого брака упала именно на него. Но хотя это дело и являлось для него самой тяжелой задачей, какая когда-либо выпадала ему на долю, капитан, когда ему предстояло выполнить какой-нибудь долг, не знал многословия или колебаний. Так и в данном случае, придя к убеждению, что мисс Седли умрет от отчаяния, если будет разлучена с желанным, он решил пустить в ход все средства, чтобы сохранить ей жизнь.

Я отказываюсь входить в дальнейшие подробности свиданья между Амелией и Джорджем, когда он благодаря вмешательству своего друга, честного Уильяма, был приведен к ногам (или, может быть, нам следовало бы сказать — в объятия) молодой возлюбленной. Даже и более суровое сердце, нежели сердце Джорджа, смягчилось бы при виде этого нежного личика, искаженного скорбью и отчаянием, и слушая безыскусственную и нежную исповедь этого маленького, разбитого сердечка. Так как Эмми в обморок не упала, когда мать ввела к ней, трепеща, Осборна, и так как она нашла исход переполнявшему ее горю в том, что, склонившись головой на плечо к возлюбленному, облегчила себя обильными, нежными и освежающими слезами, то старая миссис Седли успокоилась; она вышла из комнаты, в то время как Эмми плакала, нагнувшись над рукой Джорджа и покорно ее целуя, словно он был ее верховным судьей и владыкой, а она — недостойной и провинившейся рабой, ждущей от него помилования и снисхождения.

Эта слабость и нежная безропотная покорность чрезвычайно тронули Джорджа Осборна и польстили ему. В стоящем перед ним простом, верном, податливом создании он видел рабыню, и душа его втайне трепетала от сознания своего могущества.

Если бы он был султаном, он проявил бы великодушие и, подняв коленопреклоненную Эсфирь, сделал бы ее царицей. Кроме того, печаль и красота Эмми тронули его не менее ее покорности, и он ободрил ее и, так сказать, простил. Все ее надежды и чувства, которые увядали и умирали, лишившись света, сразу расцвели теперь, когда к ней вернулось ее красное солнце.

Пожалуй, вы едва бы узнали в этом личике, сиявшем с подушки в этот вечер, ту бледную, безжизненную и ко всему равнодушную Амелию, которая покоилась там лишь накануне.

Честная горничная-ирландка, восхищенная переменой, попросила позволения поцеловать это личико, так внезапно порозовевшее. Амелия обвила шею девушки руками и поцеловала ее от всего сердца, как ребенок. Да она и на самом деле была ребенком. В эту ночь ее посетил сладкий, освежающий сон, а какая весна неизъяснимо-го счастья засияла перед ней, когда она проснулась при свете утреннего солнца!

«Он придет сегодня опять! — думала Амелия. — Он великодушнейший и лучший из всех людей!»

По правде сказать, Джордж, пожалуй, и сам считал себя великодушнейшим из всех живущих и думал, что приносит громадную жертву, женись на этом чудесном молодом существе.

В то время как Эмми с Джорджем наслаждались наверху восхитительным свиданием с глазу на глаз, старая миссис Седли и капитан Доббин беседовали внизу о положении дел, о возможностях, какие представлялись молодым людям, и о их будущем. Миссис Седли, сведя, как настоящая женщина, влюбленных вместе и оставив их нежно обнявшимися, стала выражать опасения, что никакая земная власть не заставит мистера Седли согласиться на брак дочери с сыном человека, поступившего с ним так постыдно и чудовищно зло. Она рассказала длинную историю о своих счастливых днях и прежнем великолепии в то время, когда Осборн жил весьма скромно на Нью-роде и жена его бывала более чем обрадована, получая кой-какие детские вещи Джоза, которыми миссис Седли помогала ей при появлении у Осборнов новорожденных. Злобная неблагодарность именно этого человека — она была в этом уверена — разбила сердце мистера Седли; что касается брака, то он никогда, никогда, никогда, никогда на него не согласится!

— Они должны бежать, — сказал Доббин, смеясь, — и последовать примеру капитана Раудона и подруги мисс Амелии, маленькой гувернантки.

— Возможно ли? Вот никогда бы не подумала! — миссис Седли пришла в необычайное волнение при этой вести.

Она сожалела, что тут не было миссис Бленкинсоп, чтобы услышать эту новость; она всегда относилась к этой Шарп с недоверием. И как еще благополучно выпутался из этой истории Джоз! И старуха пустилась описывать уже хорошо известную нам любопытную эпопею между Ребеккой и сборщиком из Боггли-Уолла.

Впрочем, Доббин опасался гнева не столько со стороны мистера Седли, сколько со стороны другого заинтересованного в настоящем деле родителя и сознался, что его беспокоят сомнения и страхи относительно того, как поступит этот старый русский тиран, словом, купец с черными бровями из Рессель-сквера. Он раз навсег-

да воспретил сыну думать об этом браке, а капитану было небезызвестно, как упрям и решителен Осборн и насколько он господин своего слова.

«Помочь примирению Джорджа с отцом могло бы лишь одно: если бы он отличился в предстоящую кампанию, — рассуждал Доббин. — А если он умрет? За ним последует и Амелия... И если ему не удастся отличиться — что тогда? Я слышал, у него есть кой-какие деньги от матери, которых хватит, пожалуй, на покупку чина майора; или же он может продать свой капитанский патент и искать золото в Канаде или обзавестись фермой в провинции».

Имей он сам подобную спутницу жизни, он не возражал бы и против Сибири. Странно сказать, этот безрассудный и весьма неосмотрительный молодой человек вовсе не сознавал, что отсутствие средств для того, чтобы содержать красивый экипаж и лошадей, и дохода, который позволил бы обладателю его устраивать надлежащие приемы друзьям, и в самом деле может явиться препятствием к союзу между Джорджем и мисс Седли.

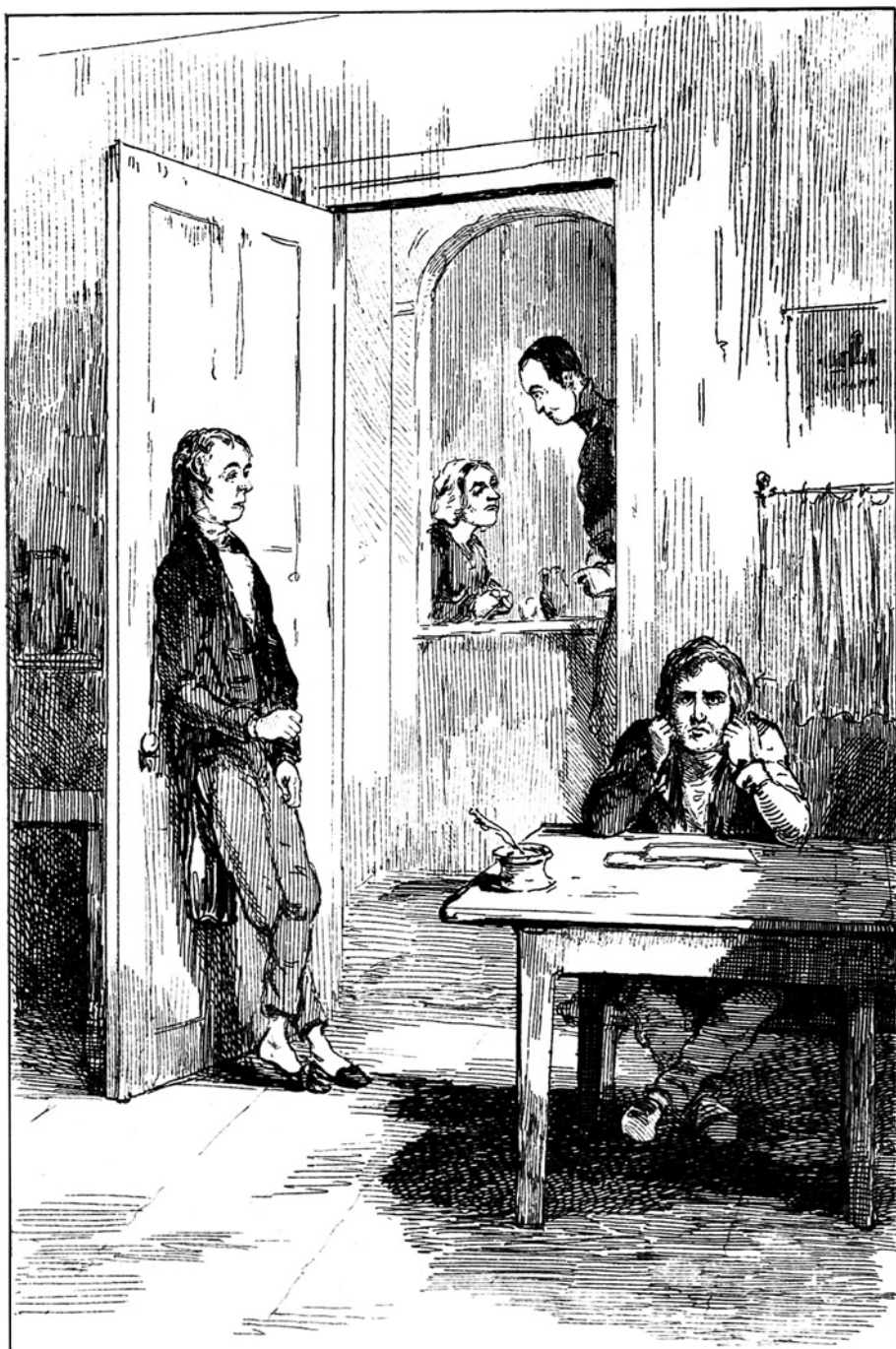
А может быть, именно эти веские соображения и привели Доббина к заключению, что свадьба должна иметь место как можно скорее.

Желал бы я знать, хотел ли Доббин, чтобы брак этот уже состоялся, подобно тому как некоторые люди торопятся с похоронами, если умирает близкий им человек, и ускоряют разлуку, если она неизбежна. Несомненно одно: мистер Доббин, взяв это дело в свои руки, повел его с необычайной энергией. Он доказывал Джорджу необходимость действовать немедленно, указывал ему на возможности к примирению с отцом, каковое, несомненно, произойдет, если в газетах появятся благоприятные упоминания о Джордже. Если понадобится, он готов идти уговаривать обоих отцов. Во всяком случае, он советовал Джорджу покончить с делом раньше, чем состоится ожидаемый приказ о выступлении полка за пределы Англии и о передаче его в иноземную службу.

Озабоченный всеми этими брачными соображениями, мистер Доббин с одобрения и соизволения миссис Седли, которой не хотелось заводить с мужем речь о сватовстве Джорджа самой, отправился разыскивать Джона Седли в его деловое пристанище в Сити, именно в кофейню «Тапиока», где бедный, потерпевший крушение джентльмен, со времени закрытия его собственной конторы и посыпавшихся на него ударов судьбы, проводил обыкновенно целые дни, писал и получал письма и соединял их в таинственные пачки, некоторые из которых носил в карманах своего сюртука.

Я не знаю ничего более печального, нежели деловитость, суетливость и озабоченность разорившегося человека. Эти письма от богатых людей, которые вам показываются, эти затасканные, засаленные документы, сулящие поддержку и выражающие сочувствие, которые молчаливо перед вами выкладываются и на которых несчастный строит надежды на восстановление своей репутации и будущее благосостояние! Мой любезный читатель несомненно сам неоднократно наблюдал подобных неудачников; они заманивают вас в уголок, вытаскивают из зияющего кармана пачку бумаг, развязывают ее, берут шнурок в зубы и принимаются отбирать избранные письма, которые раскладываются перед вами. Кто не знаком со скорбным, пристальным, полубезумным взглядом, каким смотрят на вас их безнадежные глаза!

Таким-то повстречал теперь Доббин некогда веселого, румяного и преуспевающего Джона Седли. Его платье, раньше всегда сидевшее на нем щеголевато и опрят-

*Таким-то повстречал теперь Доббин некогда веселого, румяного и преуспевающего
Джона Седли*

но, теперь белело по швам, а облезшие пуговицы сквозили медью. Его небритые щеки ввалились, его брыжи и шейный платок мотались над висевшим мешком жилетом. В прежние времена Седли, обращаясь в трактире к прислуге, кричал и смеялся громче, чем кто-либо, и любил, чтобы лакеи сустились возле него, теперь же было положительно тяжело видеть то смирение и ту учтивость, с какими старик обращался к Джону в «Тапиоке», пожилому слуге с гноющимися глазами, в грязных чулках и стоптанных башмаках, которому всего и дела-то было, что подавать рюмки с облатками, бутылки с чернилами да тарелки с чистой бумагой завсегдатаям этого мрачного трактира, где едва ли что-либо иное и потреблялось. Что касается Уильяма Доббина, которого старик неоднократно угощал щелчками в детстве, а позднее постоянно подшучивал над ним, то теперь старый Седли протянул ему руку нерешительно, смиренно величая его «сэр». Будучи встречен старым джентльменом подобным образом, Доббин ощутил такое чувство стыда и смущения, словно сам был повинен в злоключениях, доведших Седли до такого унижения.

— Очень рад видеть вас, сэр! — сказал Седли, взглянув неуверенно раз-другой на посетителя, долговязая фигура и военная осанка которого произвели в кофейне впечатление, заставив лакея в стоптанных бальных башмаках вытаращить гноющиеся глаза, а старуху в черном платье, сидевшую за стойкой и клевавшую носом посреди старых грязных кофейных чашек, проснуться.

— Как здоровье почтенного альдермана и миледи — вашей превосходной матушки, сэр?

Произнося слово «миледи», Седли оглянулся на слугу, словно желая сказать: «Прислушайте-ка, Джон, у меня ведь еще водятся друзья высокопочтенные и с высоким положением!»

— Вы пожаловали по делу? Мои молодые друзья Дэль и Спиггот ведут все мои дела, пока не откроется новая моя контора. Ибо, капитан, вы, конечно, понимаете, что я принимаю здесь временно. Итак, что можем мы для вас сделать? Да не прикажете ли что-нибудь закусить?

Доббин с большим замешательством и запинаясь удостоверил, что ему ни пить ни есть не угодно, что он явился не для деловых переговоров, а просто для того, чтобы осведомиться о здоровье мистера Седли и пожать руку старому другу; он прибавил с отчаянным извращением истины:

— Матушка здорова... то есть была очень больна... и выжидает первого хорошего дня, чтобы выехать и посетить миссис Седли... Как поживает миссис Седли, сэр? Надеюсь, что она вполне здорова? — Тут Доббин умолк, удивляясь совершенству собственного лицемерия; день стоял чудесный, и солнце сияло, как только могло, в этой похоронной яме, где ютилась кофейня «Тапиока»; мистер Доббин помнил, что видел миссис Седли всего лишь час назад, когда свез Джорджа в своем джиге в Фальгам и оставил его там с глазу на глаз с Амелией.

— Жена моя будет весьма рада повидаться с миледи, — ответил Седли, вытаскивая свои бумаги. — У меня тут весьма любезное письмо от вашего батюшки, сэр, и я попросил бы вас передать ему мои почтительнейшие приветствия. Леди Доббин, правда, застанет нас в домике несколько тесноватом, не в том, где мы привыкли принимать наших друзей, но в нем уютно, и к тому же перемена воздуха живительно действует на мою дочь, которая в городе все болела. Вы помните маленькую Эмми, сэр?.. Да, так вот она весьма сильно у нас прихворнула...

Глаза старого джентльмена блуждали, пока он говорил.

Он барабанил пальцами по бумагам, мял потертый красный шнурок и думал о другом.

— Вот вы человек военный, — продолжал он. — Я спрашиваю вас, Уильям Доббин, мог ли кто учесть возвращение с Эльбы корсиканского разбойника? Когда союзные монархи были здесь в прошлом году, и мы задавали им пир в Сити, и когда мы все, сэр, любовались на Храм Согласия, фейерверк и китайский мост в Сент-Джеймс-парке, мог ли какой-нибудь разумный человек предположить, что мир не заключен окончательно, после того как мы отпраздновали его даже торжественным молебствием! Я спрашиваю вас, Доббин, мог ли я подозревать, что австрийский император¹ — проклятый изменник! Изменник и более ничего! Я ведь не буду смягчать слов! Двуличный чертов изменник, который все время измышлял, как бы призвать назад своего зятя! И я скажу, что побег Бони с Эльбы был чертовским обманом и заговором, сэр, в котором замешана половина европейских держав, чтобы обесценить наши бумаги и погубить наше отечество! Вот это и привело меня сюда, Уильям! Вот поэтому-то мое имя и попало в газеты! А почему, сэр? Потому что я верил русскому императору и принцу-регенту! Вот, посмотрите. Видите, каков был курс 1 марта? Вот как котировались французские 5%-ные бумаги! А как они стоят теперь?.. Тут была стачка, сэр, иначе негодяю никогда бы не ускользнуть с острова! Где же, спрашивается, находился в то время английский комиссар, который допустил побег? Его следует отдать под суд и расстрелять, ей-богу!

— Вот мы и собираемся теперь преследовать Бони, сэр, — сказал Доббин, встревоженный гневом старика, у которого вздулись жилы на лбу и который гневно ударял кулаком по бумагам. — Мы готовимся прогнать его, сэр. Герцог² уже в Бельгии, а мы поджидаем приказа о выступлении каждодневно!

— Не давайте ему пощады, сэр! Принесите с собой голову негодяя, сэр! Пристрелите этого труса, сэр! — вопил старик. — Клянусь, я бы и сам пошел в солдаты. Но я никуда не гоюсь, я сломленный горем старик, разоренный вконец проклятым разбойником. Им да еще шайкой сущих воров, которых я же, сэр, поставил на ноги, а теперь они разезжают в собственных каретах! — прибавил он дрогнувшим голосом.

Доббин был весьма потрясен зрелищем этого некогда добродушного старого друга, сраженного несчастьем и взволнованного бессильным старческим гневом. Пожалейте о потерпевшем крушение джентльмене, вы все, для которых деньги и общественное мнение являются главным благом — а ведь таковы все завсегдатаи ярмарки тщеславия!

— Да, — продолжал он, — ведь есть же такие ехидны, которых отогреешь на своей груди, и они же тебя потом ужалят! Ведь есть такие нищие, которых сам посадишь на лошадь, и они первые растопчут тебя копытами! Вы понимаете, Уильям, милый мой мальчик, на кого я намекаю? Я намекаю на теплящегося своим кошельком

¹ *Франц II* (1768–1835) — король Германии (римский король), император Священной Римской империи германской нации (последний император); первый император Австрии, в качестве императора Австрии (а также короля Богемии и Венгрии) носивший династический номер *Франц I*. Царствовал во время Наполеоновских войн, после ряда поражений был вынужден ликвидировать Священную Римскую империю и выдать дочь Марию-Луизу за Наполеона I.

² *Артур Уэлсли, 1-й герцог Веллингтон* (1769–1852) — британский полководец и государственный деятель, фельдмаршал, участник Наполеоновских войн, победитель битвы при Ватерлоо (1815). 25-й и 28-й премьер-министр Великобритании.

негодяя в Рессель-сквере, которого я знал без шиллинга в кармане и которого я надеюсь увидеть таким же нищим, каким он был, раньше чем я с ним подружился.

— Я кое-что слышал от моего друга Джорджа, — сказал Доббин, жаждавший перейти к истинной цели своего посещения. — Ссора между вами и его отцом весьма огорчила Джорджа, сэр. И, в сущности, я даже имею к вам от Джорджа поручение.

— А, так вот какова причина вашего визита! — воскликнул старик, вскочив. — Вот как! Вероятно, он шлет мне свои соболезнования! Так ведь? Как это любезно со стороны этого накрахмаленного нахала, с его фатовскими замашками и вест-эндским чванством! Он норовит опять влезть ко мне в дом? Не так ли? Обладай мой сын достаточной мужскою доблестью, он пристрелил бы его! Он такой же негодяй, как и его отец! Я не желаю, чтобы и имя его упоминалось в моем доме! Я проклинаю день, когда ввел его к себе! Я предпочел бы скорей видеть дочь мертвой, чем выдать ее за него!

— Нельзя же ставить, сэр, Джорджу в вину жестокость его отца. Если ваша дочь любит Джорджа, то это дело столько же ваших, сколько и его рук. По какому праву играете вы чувством двух молодых людей и по собственному произволу разбиваете им сердца?

— Заметьте себе, что не его отец, а я расстраиваю этот брак! — воскликнул старик Седли.

— Я запрещаю его! Его семья и моя разошлись навеки. Пусть я низко пал, но не настолько, нет, нет! Так и передайте всей их породе — и сыну, и отцу, и сестрам, и всем!

— Я полагаю, сэр, вы не имеете ни власти, ни права разлучать эту пару. И если вы даже откажете вашей дочери в согласии на брак, ее долгом будет обойтись без него. Нет оснований обрекать девушку на смерть или на несчастную жизнь только потому, что вы не хотите взглянуть на вещи здраво. Как я понимаю, мисс Амелия считает себя настолько неразрывно связанной с женихом, как если бы о браке их было оповещено во всех лондонских церквях. Да и что могло бы послужить лучшим ответом на обвинения мистера Осборна — ибо они действительно имеют место, — как тот факт, что сын его добивается чести войти в вашу семью и жениться на вашей дочери?

Проблеск чего-то похожего на удовлетворение промелькнул на лице старика Седли, когда ему был представлен этот последний довод; тем не менее он утверждал, что с его согласия браку Амелии с Джорджем не бывать.

— В таком случае они должны обойтись без него, — сказал Доббин, улыбаясь, и рассказал Седли, как накануне и миссис Седли, о побеге Ребекки с капитаном Кроули.

Эта история явно позабавила старого джентльмена.

— Ужасный вы народ, господа капитаны, — сказал он, связывая свои бумаги, и на лице его мелькнуло что-то вроде улыбки, к удивлению вошедшего слуги с гноящимися глазами, который не видел еще подобного выражения на лице Седли с тех пор, как он стал посетителем жалкой кофейни.

Мысль нанести подобный удар своему врагу Осборну, пожалуй, немало утешила старого джентльмена, и так как разговор был окончательно исчерпан, то он и Доббин расстались достаточно добрыми друзьями.

— Сестры говорят, у нее бриллианты с голубиное яйцо! — рассказывал Джордж, смеясь.

— Воображаю, как они ей к лицу! Когда она нацепит себе на шею все эти драгоценности, — это, должно быть, настоящая иллюминация! У нее волосы черные

как смоль и курчавятся, как у Самбо. Наверное, когда она представлялась ко двору, у нее было в ноздрах кольцо, а на затылке пучок перьев, и она поистине была *belle sauvage*!¹

Джордж потешался в беседе с Амелией над внешностью молодой особы, с которой недавно познакомились его сестры и отец и которая являлась теперь в Рессель-сквере предметом величайшего почитания. По слухам, она была обладательницей не-сметного количества плантаций в Вест-Индии, кроме того, у нее имелся изрядный капитал в государственных бумагах; фамилия ее значилась в списке крупнейших акционеров Ост-Индской компании; кроме того, у нее было имение в Соррее и особняк на Портландской площади. О богатой наследнице с обычными восхвалениями упоминалось в газетах. Миссис Гаггистун, вдова полковника, ее родственница, выво-

зила ее в свет и вела ее дом. Она только что покинула пансион, где заканчивала свое воспитание, и Джордж и его сестры познакомились с нею на вечере в доме старика Голькера на Девонширской площади («Голькер, Буллок и К°» долгое время состояли корреспондентами ее дома в Вест-Индии), и девицы Осборн отнеслись с задушевнейшей предупредительностью к богатой наследнице, проявившей к ним большую благосклонность.

— Сирота, одинокая и с ее деньгами так интересна! — говорили девицы Осборн. Они были полны своей новой подругой, вернувшись с бала у Голькера и описывая его мисс Вирт, своей компаньонке. Они уже уговорились о постоянных встречах и, получив в свое распоряжение карету, поехали к ней на следующий же день. Миссис Гаггистун, вдова полковника, родственница лорда Бинки, беспрестанно о нем говорившая, поразила милых, простодушных девушек своим высокомерием и рассказами о знатном родстве, что же касается самой мисс Роды, то лучшего они не могли и желать,

¹ Прекрасная дикарка (*фр.*).

— она оказалась прямишим, милейшим и приятнейшим существом, нуждающимся немного в лоске, но таким добродушным! И девушки сразу стали называть друг друга по имени.

— Если бы вы видели, Эмми, ее наряд для представления ко двору! — восклицал Джордж Осборн, смеясь. — Она приехала показаться в нем сестрам перед тем, как ехать к леди Бинки, которая в родстве с Гаггистунами и которая должна была везти ее во дворец. Ведь эта Гаггистун со всеми в родстве! Бриллианты на ней так и сверкали, совсем как Воксхолл в тот вечер, когда мы там были!.. Помните, Эмми, Воксхолл и Джоза, распеваящего перед своей «душечкой, своим сокровищем»? Бриллианты — и кожа цвета красного дерева, моя дорогая, вы только представьте себе этот контраст! И вдобавок — белые перья в волосах, то есть я хотел сказать в шерсти!.. А серьги ее походили на канделябры, ей-богу! Прямо хотелось их зажечь!.. В довершение всего на ней было желтое платье с длиннейшим шлейфом, который волочился за ней, словно хвост за кометой!

— Сколько ей лет? — спросила Эмми, которой Джордж выбалтывал эти подробности о темнокожей красавице в утро их примирения, причем, конечно, делал это так, как никто в мире.

— Чернокожей принцессе? Ну, хотя она и только что вышла из пансиона, однако, я полагаю, ей должно быть года двадцать два, двадцать три... А посмотрели бы вы, как она пишет! Обыкновенно это делает за нее миссис Гаггистун, но в минуту откровенности она написала сестрам сама. Она пишет «шелг» вместо «шелк» и «Сан Жамс» вместо «Сент-Джеймс»!

— Это, наверное, та самая мисс Суорц, которая была у нас в таком почете в школе и за которой все так ухаживали, — заметила Эмми, вспоминая добродушную мулатку, которая до истерики волновалась из-за отъезда Эмми из пансиона мисс Пинкертон.

— Вот, вот! Эту фамилию она и носит! Ее отец был немецкий еврей, как рассказывают, торговец невольниками, и как-то был связан с островами людоедов. В прошлом году он умер, а воспитание его дочери довершала мисс Пинкертон. Она может сыграть две пьески на фортепьяно да спеть три романса, написать два слова, если миссис Гаггистун при ней, чтоб подсказывать... Джейн и Мария сразу полюбили ее, как родную сестру!

— Хотела бы я, чтобы они полюбили меня, — сказала печально Эмми. — Но они так холодны ко мне!

— Моя дорогая малютка, они полюбили бы и вас, если бы у вас было двести тысяч приданого, — сказал Джордж. — Такое уж воспитание получили мои сестрицы! Мы ведь держимся общества банкиров и денежных тузов Сити — черт бы их побрал — и всех, кто беседует с вами, побрякивая гинейями в кармане. Таков и этот дурень, Фред Буллок, который женится на Марии, таков и Голькер, директор Ост-Индской компании, таков и Дирлей, торгующий салом, — это ведь наша специальность! — сказал Джордж, принужденно засмеявшись и покраснев. — Будь они прокляты, все эти пошляки, копающиеся в деньгах! Я всегда засыпаю на их скучных обедах! Я стыжусь нелепых торжественных приемов отца. Я привык жить с джентльменами, с людьми общества, светскими, Эмми, а не с толпой торгашей, питающихся черепахами! Милая моя малютка, из всего нашего мирка вы единственная, кто выглядит, говорит и думает, как настоящая леди. И это потому, что вы ангел, и с этим ничего не подела-

ешь! Не возражайте! Вы единственная леди! Разве не сказала о вас того же мисс Кроули, а она ведь вращалась среди лучшего общества Европы! А что касается гвардейца Кроули, то, черт возьми, он славный малый, и я ужасно люблю его за то, что он женился на девушке, которая пришла к нему по сердцу!

Амелия по этой же причине чрезвычайно восторгалась мистером Кроули. Она верила, что Ребекка будет с ним счастлива, а Джоз (тут она усмехнулась) утешится. Парочка продолжала болтать, совсем как в былые дни. Доверие теперь совершенно вернулось к Амелии, хотя она и обнаруживала сильнейшую ревность к прекрасной мисс Соурц и, будучи лицемеркой, уверяла что страшно боится, как бы Джордж не забыл ее ради этой богатой наследницы и ее владений в Сент-Китсе. На самом же деле, она чувствовала себя слишком счастливой, чтобы питать какие бы то ни было страхи, сомнения и опасения; имея Джорджа опять подле себя, она не страшилась никаких наследниц, никакой красоты, никаких иных напастей.

Капитан Доббин вернулся к Седли после полудня. Он сделал это весьма охотно, так как сочувствовал им чрезвычайно. И у него просветлело на сердце, когда он увидел, как Амелия помолодела вновь, как она смеялась, и болтала, и распевала за роялем знакомые старые романсы; ее пение было прервано звонком у входной двери, возвещавшим возвращение из Сити Седли, и этот звонок послужил сигналом, по которому Джордж ретировался.

Если не считать признательной улыбки, — да и та была чистейшим лицемерием, ибо появление гостя было для мисс Седли совсем некстати, — она не обращала на Уильяма ни малейшего внимания. Но он был доволен уже тем, что видел ее счастливой, и благодарил судьбу, избравшую его орудием для этого.

ГЛАВА XXI

Ссора из-за богатой наследницы

Любая молодая девушка, одаренная такими достоинствами, какими обладала мисс Суорц, должна была внушить любовь к себе, и вот в душе старого мистера Осборна зародились честолюбивые мечтания, которые должны были осуществиться через эту особу. Он поощрял с величайшими энтузиазмом и радостью привязанность дочерей к наследнице и высказывал свое отеческое удовлетворение тем, что любовь этих девочек так хорошо направлена.

— Вы под нашим скромным кровом в Ресель-сквере не найдете, конечно, того великолепия и не встретите того круга, с которыми свыклись в Вест-Энде, мисс, — говорил он мисс Роде. — Мои дочери — девушки простые, бескорыстные, и сердце у них доброе; они почувствовали к вам привязанность, дела-

ющую им честь, именно — делающую им честь! Что до меня, то я простой, прямодушный и скромный британский купец, честный, что могут засвидетельствовать мои уважаемые друзья Голькер и Буллок, с которыми имел дела и ваш покойный и оплакиваемый родитель. Вы найдете в нас дружную, простую, счастливую и, смею думать, почтенную семью; простой стол, простые люди, радушное гостеприимство, дорогая моя мисс Роде, — вы позволите мне назвать вас так, потому что, право, я отношусь к вам чрезвычайно тепло! Я человек откровенный и чувствую к вам симпатию... Бокал шампанского? Гике, подать шампанского мисс Суорц!

Нельзя усомниться в том, что старый Осборн верил тому, что высказывал, и что дочери его были искренни, выражая свое расположение к мисс Суорц. Публика ярмарки тщеславия льнет к богачам вполне искренно. Если даже простые люди относятся к богатству с немалым уважением (я ручаюсь: никакой бритт не станет оспаривать того, что понятие «богатство» вызывает в нем благоговение и удовольствие, да и сами вы, если вам скажут, что у вашего соседа по обеду полмиллиона денег, по-

смотрите на него с интересом), если даже простой человек взирает благосклонно на деньги, то тем более почитают их искушенные светские люди. Их чувства рвутся навстречу деньгам, чтобы их приветствовать. И в них сразу же пробуждается любовь к их интересным обладателям. Я знаю весьма почтенных людей, которые прямо считают себя не вправе вступать в дружбу с личностями, не располагающими известным достатком и весом в обществе. Они дают своим чувствам свободу лишь в надлежащих случаях. И доказательством этому служит хотя бы то обстоятельство, что семья Осборна, не сумевшая найти для Амелии за пятнадцать лет сердечного слова, в течение одного вечера прониклась к мисс Суорц такой внезапной любовью, какая пришлось бы по вкусу только самому романическому поборнику дружбы.

— Какая это была бы партия для Джорджа! Насколько лучше, чем эта маленькая ничтожная Амелия! — соглашались в один голос и сестры и мисс Вирт.

Такой ловкий молодец, как он, с его внешностью, положением и достоинствами, был бы для мисс Суорц самым подходящим супругом. Картины балов на Портландской площади, представления ко двору и мечты о знакомстве с пэрами наполняли умы молодых девушек, и они не переставали твердить своей новой дорогой подруге о Джордже и его важных светских знакомствах.

Да и старый Осборн находил, что мисс Суорц была бы для сына чудесной партией. Джордж оставит военную службу, вступит в парламент, займет видное положение в свете и на государственной службе. Кровь старика закипала благородной британской амбицией, он уже видел фамилию Осборнов облагороженной в лице его сына и мечтал сделаться родоначальником новой славной линии баронетов. Он навел справки в Сити и на бирже и разузнал все, касавшееся наследницы: как помещены ее капиталы и где находятся ее владения. Молодой Фред Буллок, один из главных его информаторов, не прочь был бы, по его словам, и сам просить ее руки, но он был уже помолвлен с Марией Осборн. Лишенный возможности получить мисс Суорц в жены, бескорыстный Фред вполне одобрял ее в качестве невестки.

— Пусть Джордж действует и заполучает ее немедленно! Вы знаете: куй железо, пока горячо! Действуйте же, пока она еще новичок в городе. Пройдет несколько недель, и как раз объявится какой-нибудь проклятый малый из Вест-Энда, с титулом и разоренным родовым именем, и заставит нашего брата из Сити отъехать с носом, как это проделал в прошлом году лорд Фитцруфус, подцепивший мисс Грограмм, которая была уже просватана за Поддэра, члена фирмы «Поддэр и Браун». Чем скорее это будет сделано, тем лучше, мистер Осборн, — во всяком случае, таково мое мнение.

Но когда Осборн покинул приемную банкира, мистер Буллок вспомнил Амелию — какая она хорошенькая девушка и как привязана к Джорджу Осборну; не менее десяти минут своего драгоценного времени посвятил он сожалению о беде, обрушившейся на эту несчастную юную особу.

Таким образом, в то время как добрые чувства Джорджа Осборна и старания его друга и доброго гения Доббина влекли легкомысленного обожателя к ногам Амелии, родители и сестры Джорджа налаживали для него эту великолепную партию, насколько не подозревая, что он может и воспротивиться подобному плану.

Когда Осборн-старший прибегал к тому, что он называл намеком, то самый тупой субъект утрачивал возможность не угадать его намерений. Так, он говорил, что сделал намек слуге, когда спускал его головой вниз с лестницы. Точно так же он со свойственной ему прямоотой и деликатностью заявил миссис Гэггистун, что вручит ей чек на

десять тысяч фунтов в тот день, когда сын его обвенчается с ее опекаемой, и назвал это намеком, полагая, что это было весьма ловким образчиком дипломатии. Наконец, он сделал такой же намек Джорджу, приказав ему жениться на богатой наследнице, как приказал бы дворецкому раскупорить бутылку или клерку написать письмо.

Подобный безапелляционный намек немало смутил Джорджа. Он находился под первым восторженным обаянием вторичного увлечения Амелией и обретал в этом неизъяснимую сладость. Контраст между манерами и внешностью Эмми и свойствами мисс Суорц делали в его глазах мысль о союзе с ней вдвойне смешной и ненавистной.

«Сидеть с ней в ложе или экипаже! — думал он. — Великолепная перспектива — показываться рядом с этой очаровательницей цвета красного дерева!»

Прибавьте к этому, что Осборн-младший был не менее упрям, чем Осборн-старший; если он чего-либо желал, он был так же тверд в своем решении добиться желаемого, как и его отец, и когда впадал в гнев, то оказывался столь же неукротимым, как и его родитель в самые сильные минуты злобы.

Когда мистер Осборн сделал Джорджу впервые официальный намек на то, что ему предстоит повергнуть свои чувства к ногам мисс Суорц, Джордж попытался сначала оттянуть время.

— Надо было думать об этом раньше, — сказал он. — Это невыполнимо теперь, когда мы со дня на день ожидаем приказа выступить за границу. Подождите моего возвращения — если только я вернусь!

Он стал доказывать, что время для сватовства было выбрано весьма неудачно, так как полк в любой день мог покинуть Англию; те немногие недели, которые ему предстояло провести дома, следует посвятить делу, а не любовным занятиям; для этого будет достаточно времени, когда он вернется на родину с отличием.

— Обещаю вам, — говорил он самодовольно, — рано или поздно вы прочтете имя Джорджа Осборна в газетах!

Ответ отца основывался на сведениях, полученных в Сити, а именно: вест-эндские щелкоперы непременно завладеют наследницей, если допустить малейшее промедление; если он не может жениться на мисс Суорц теперь, он может, во всяком случае, связать ее письменным обязательством, которое будет выполнено позднее, по возвращении Джорджа в Англию; да, наконец, человек, который может пользоваться доходом в десять тысяч фунтов стерлингов, сидя спокойно на родине, прямо идиот, если собирается рисковать жизнью за рубежом.

— Значит, вы желаете, чтобы я выказал себя трусом, и желаете видеть наше имя обесчещенным ради денег мисс Суорц? — сказал Джордж.

Это замечание поставило в тупик старого джентльмена, но так как он должен был что-нибудь ответить и так как решение его было твердо, то он и сказал:

— Сэр, вы явитесь завтра сюда обедать, и всякий раз, когда мисс Суорц будет здесь, вы также будете находиться здесь, чтобы свидетельствовать ей свое уважение! А если вам нужны деньги, обратитесь к мистеру Чопперу!

Таким образом, перед Джорджем возникало новое препятствие, и по этому поводу он не раз имел с Доббином тайные совещания. Мы уже знакомы с мнением его друга насчет того, какой линии поведения следовало держаться Джорджу; что же касается самого Осборна, то если он желал чего-нибудь — всякое новое препятствие делало его только более настойчивым.

Темнокожий объект заговора, задуманного главами осборновского семейства, ничего не подозревал о касавшихся его планах (как ни удивительно, опекунша мулатки и ее друг ей их не раскрыла); принимая же лесть девиц Осборн за настоящие чувства, мисс Суорц, одаренная от природы, как мы уже имели случай показать, пылкостью и порывистостью, отвечала на их приязнь с истинно тропической страстностью. И если говорить правду, то придется сказать, что у нее были и эгоистические побуждения, влекшие ее в дом в Рессель-сквере, словом, она находила Джорджа Осборна весьма интересным молодым человеком. Его усы произвели на нее впечатление в первый же вечер, когда она увидела его на балу у Голькеров, и нам небезызвестно, что она была не первой женщиной, очарованная ими. Действительно, у Джорджа был вид, одновременно дерзкий и меланхоличный, томный и пылкий, он походил на человека, носившего в себе страсти и тайны и раздираемого тоской, на человека, много испытывавшего. Голос его был богат и глубок. Когда он говорил своей собеседнице: «Какой теплый вечер!», или предлагал мороженого, тон его был так печален и задушевен, словно капитан сообщал ей о смерти ее матери или готовился признаться в любви. Он был неизмеримо выше всех франтов того круга, в котором вращался его отец, и был героем молодежи третьего сорта; одни смеялись над ним и ненавидели его, другие, как например Доббин, были фанатическими его поклонниками. И вот усы Джорджа начали делать свое дело. Они протянулись нежными нитями к сердцу мисс Суорц.

Если только предвиделся случай встретить Джорджа в Рессель-сквере, эта простодушная и добрая девица рвалась повидаться с дорогими мисс Осборн. Она не жалела расходов на новые платья, браслеты, шляпки и изумительные перья. Она украшала свою особу, как могла, чтобы прельстить победителя, и выставляла все свои слабые совершенства, чтобы завоевать его благосклонность. Девушки Осборн просили ее с величайшей серьезностью что-нибудь сыграть, и она принималась за свои две пьески и три романа и повторяла их всякий раз, как ее о том просили, и с каждым разом это занятие доставляло ей самой все возрастающее удовольствие.

Во время этих усадительных развлечений мисс Вирт и опекунша сидели рядышком и ворковали о пэрах или же беседовали о родовом дворянстве.

День спустя после того, как Джордж выслушал намек отца, он сидел, незадолго до обеда, удобно развалившись на диване в гостиной, в самой естественной и весьма ему идущей позе, выражавшей его меланхолическое настроение. Он побывал, согласно указанию родителя, у Чоппера в Сити (хотя старый джентльмен и выдавал сыну значительные суммы, однако он никогда не назначал определенных и постоянных выдач, оставляя за собою право награждать сына по усмотрению); затем съездил в Фульгам, провел три часа с Амелией, со своей милой Амелией, а по возвращении домой застал сестер, разодетых в туго накрахмаленные платья, сидящими в гостиной вместе с вдовой, болтавшей на заднем плане, и с доброй Суорц в ее любимом атласном платье янтарного цвета, украшенной бирюзовыми браслетами, цветами, перьями и прекрасной, как трубочист в майский день.

После тщетных попыток вовлечь его в беседу, девушки разговорились о модах и последнем приеме во дворце и довели его своею болтовней почти до одурения. Он сравнивал их обхождение с манерами Эмми, их пронзительные визгливые голоса с ее нежно переливающимися интонациями, их манеры и острые локти и их напыщенность с ее мягкими и скромными движениями и кроткой грацией. Бедная Суорц за-

Джордж застал сестер, разодетых в туго накрахмаленные платья, сидящими в гостиной вместе с вдовой, болтавшей на заднем плане, и с доброй Суорц в ее любимом атласном платье янтарного цвета, украшенной бирюзовыми браслетами, цветами, перьями и прекрасной, как трубочист в майский день

нимала именно то место, где имела обыкновение сидеть Эмми, ее покрытые драгоценностями руки покоились на коленях, обтянутых желтым атласом, ее украшения и серьги сверкали, она тарашила глаза и с полным удовольствием предавалась безделью, воображая себя очаровательной. Ведь сестры Джорджа находили, что ничто не красит так, как атлас!

— Черт возьми! — признавался потом Джордж одному своему близкому другу. — Она напоминает мне китайского болванчика, который целый день только и делает, что ухмыляется и покачивает головой. Клянусь честью, Уилль, немало понадобилось мне самообладания, чтобы не запустить в нее диванной подушкой!

Тем не менее от этого проявления своих истинных чувств Джордж воздержался.

Сестры принялись играть «Праздский бой».

— Перестаньте вы барабанить эту проклятую штуку! — взвыл Джордж с дивана в бешенстве. — Она сведет меня с ума! Сыграйте уж, пожалуйста, вы, мисс Суорц, или спойте нам что-нибудь, только не «Праздский бой»!

— Что же мне спеть? «Голубооую Мери» или арию из «Кабинета»?

— Ах, это чудо, эта ария из «Кабинета»! — воскликнули обе сестрицы.

— Ну, мы уж достаточно ее наслушались! — возразил с дивана наш мизантроп.

— Я могла бы спеть «Струи Тахо», — сказала мисс Суорц скромно, — если бы у меня были ноты.

То было последним сокровищем в репертуаре достойной молодой особы.

— Ах, «Струи Тахо», у нас есть этот романс! — воскликнула Мария и отправилась разыскивать нотную тетрадь. И случилось так, что этот романс, бывший тогда самым модным, был подарен девицам одной их подругой, имя которой и значилось на обложке. И вот, когда мисс Суорц пропела романс, отобранный даже Джорджем (он вспомнил, что это был любимый романс Амелии), и перебирала нотные листки в надежде услышать просьбу о повторении, взгляд мулатки упал на заголовок, где в уголке виднелась надпись: «Амелия Седли».

— Боже мой, — воскликнула мисс Суорц, быстро повертываясь на табурете. — Неужели же это моя Амелия? Та Амелия, которая была в пансионе мисс Пинкертон в Хаммерсмите? Ну, конечно, это она, я узнаю ее почерк! Расскажите мне о ней, где она?

— Не упоминайте о ней! — поспешно сказала мисс Мария. — Ее семья опозорила себя, ее отец обманул батюшку, и ее имени здесь упоминать нельзя!

Это была отместка мисс Марии за грубую выходку Джорджа по поводу «Праздского боя».

— Вы дружны с Амелией? — спросил Джордж, вскакивая. — Да воздаст вам Бог за это, мисс Суорц! Не верьте тому, что болтают девочки, она-то уж ни в коем случае не заслуживает порицания. Она — сама...

— Ты же знаешь, Джордж, что о ней нельзя говорить! — воскликнула Джейн. — Папенька запретил это!

— Кто может помешать мне? — воскликнул Джордж. — Я буду о ней говорить и скажу, что она — наилучшая, добрейшая, милейшая и прелестнейшая девушка в Англии: разорились они или нет, но мои сестры совсем недостойны ее. Если вы любите Амелию, мисс Суорц, поезжайте и повидайтесь с ней. Она, бедняжка, теперь так нуждается в дружбе! И да благословит Бог каждого, кто ее приласкает! Всякий, кто похвалит ее — друг мне, а кто отзовется о ней дурно — мне враг! Благодарю вас, мисс Суорц!

И он подошел к ней и пожал ей руку.

— Джордж, Джордж! — взмолилась одна из сестер.

— Я повторяю, — яростно продолжал Джордж, — что благодарю каждого, кто любит Амелию Сед...

Он остановился: в комнате стоял старик Осборн, побледневший от гнева и с глазами, сверкавшими, как раскаленные угли.

Хотя Джордж замолк, не dokonчив фразы, тем не менее кровь у него расходилась и его не уняли бы теперь целые поколения Осборнов. Мгновенно овладев собой, он ответил на яростный взгляд отца столь решительным и вызывающим взглядом, что старик смешался, в свою очередь, и отвернулся. Он почувствовал, что столкновение неизбежно.

— Миссис Гагистун, позвольте провести вас в столовую! — сказал он. — Джордж, подай руку мисс Суорц! — И все двинулись.

— Мисс Суорц, я люблю Амелию, и мы были обручены с ней чуть ли не всю нашу жизнь! — сказал Осборн своей спутнице.

В течение всего обеда Джордж болтал с одушевлением, удивлявшим его самого, и этим удвоил нетерпение отца приступить к объяснениям, которые произошли, как только дамы удалятся.

Разница между Осборнами, старшим и младшим, была та, что, в то время как отец был криклив и вспыльчив, сын чуть ли не в три раза превосходил родителя выдержкой и отвагой и был столько же способен на нападение, сколько и на сопротивление. Понимая, что минута решительного объяснения с отцом наступила, капитан в ожидании его принялся за обед с полным самообладанием и аппетитом. Старик Осборн, напротив, только раздражался и много пил. Он сбивался, разговаривая со своими соседками, а хладнокровие Джорджа только усиливало его гнев. И он чуть не сошел с ума, когда увидел, с каким спокойствием Джордж, щегольски помахивая салфеткой, склонился перед дамами и открыл им дверь; затем, наполнив рюмку вином, Джордж принялся смаковать его, глядя старику в лицо и как бы говоря: «Гвардейцы, первый залп принадлежит вам!»

Старик, в свою очередь, обратился за подкреплением к бутылке, но она зазвенела о рюмку при его попытке ее наполнить.

Глубоко вздохнув, с побагровевшим, искаженным лицом, Джон Осборн начал наконец:

— Как вы осмелились, сэр, произнести в моей гостиной в присутствии мисс Суорц имя этой особы? Я вас спрашиваю: как вы смели...

— Остановитесь, батюшка, — ответил Джордж, — воздержитесь от слов «осмелиться» и «смесь», эти слова едва ли уместны в отношении к офицеру британской армии!

— Я, сэр, буду говорить с своим сыном, как захочу! Если мне вздумается, я гроша ему не дам больше! Я могу сделать его нищим, если пожелаю! Я буду выражаться, как мне заблагорассудится! — сказал старший.

— Я джентльмен, сэр, хотя и ваш сын! — ответил Джордж. — Какие бы сообщения или приказания вы не имели мне сделать, я попросил бы вас изложить их языком, к какому я привык!

Каждый раз, как этот молодец напускал на себя высокомерие, оно приводило родителя в ярость и смущение. Старик Осборн втайне трепетал перед сыном, как перед джентльменом, и, может быть, мои читатели из собственного опыта, приобретенного на ярмарке тщеславия, знают, что все низменные люди боятся настоящих джентльменов.

— Мой отец не дал мне того воспитания, какое получили вы, я не пользовался теми преимуществами, какими пользовались вы, я не располагал деньгами, какими располагаете вы. Если бы я вращался в обществе, в каком вращаются иные прочие благодаря моим же деньгам, то весьма вероятно, сын мой не имел бы оснований похвастаться своим надо мной превосходством и своими вест-эндскими повадками! — эти слова были сказаны самым саркастическим, присущим Осборну тоном. — В мое время оскорблять отца не было в обычае у джентльменов. Вздумай я позволить себе нечто подобное — мои родители спустили бы меня с лестницы, сэр!

— Я и не думал вас оскорблять, батюшка! Я только просил вас не забывать одного: что ваш сын такой же джентльмен, как и вы. Я прекрасно знаю, что вы щедро снабжаете меня деньгами, — сказал Джордж, притрагиваясь к пачке банковых билетов, полученной утром от мистера Чоппера. — Вы достаточно часто напоминаете мне об этом, незачем опасаться, что я это забуду!

— Я желал бы, чтобы вы также хорошо помнили и иное, сэр! — возразил на это владыка.

— Я советовал бы вам, капитан, не забывать, что в этом доме, который вам угодно удаивать своими посещениями, хозяин я, и это имя, которое я... то есть, которое вы... я хочу сказать...

— Которое что, сэр? — спросил Осборн с едва заметной усмешкой, вновь наполняя рюмку кларетом.

— О, черт! — воскликнул гневно отец. — Чтобы имена этих Седли никогда не упоминались здесь, сэр! Я не желаю слышать ни о ком из этой проклятой шайки!

— Не я первый заговорил о мисс Седли, сэр! Сестры стали дурно о ней отзываться, а я, клянусь вам, буду защищать ее где бы то ни было. Никто в моем присутствии не посмеет произносить это имя легкомысленно! Я полагаю, наша семья и так уже достаточно причинила им зла и может перестать порочить их хоть теперь, когда они уж и без того достаточно унижены. Я пристрелю всякого, за исключением вас, кто осмелится сказать хоть одно слово...

— Продолжайте, продолжайте! — прохрипел старик, у которого глаза вылезали уже на лоб.

— Продолжать, — но о чем же? Не о том ли, как мы поступили с этим ангелом? Кто внушал мне, что я должен ее любить? Это дело ваших рук! Может быть, я оставил бы свой выбор и на ком-нибудь другом, искал бы партии в обществе более избранном, нежели ваше. Но я послушался вас. А теперь, когда Амелия отдала мне свое сердце, вы приказываете мне отшвырнуть его прочь и наказать ее, убить ее, может быть, за ошибки других людей! Клянусь честью, это позор! — воскликнул Джордж все более волнуясь и раздражаясь по мере того, как высказывался. — Вести бесчестную игру в отношении неопытной девушки да еще такого ангела, как она! Она настолько лучше всех людей, среди которых она живет, что могла бы возбудить зависть, если бы не была так мила и добра, и было бы удивительно, если бы кто-нибудь мог ее возненавидеть. И потом, сэр, если бы даже я ее и покинул, неужели вы думаете, что она забудет меня?

— Я не хочу, чтобы у меня в доме говорили об этих проклятых сентиментальностях и дурачествах! — воскликнул отец. — Я не допущу в своей семье браков с нищими! Если вы предпочитаете отказаться от дохода в восемь тысяч фунтов стерлингов, который могли бы иметь, то вы вольны это сделать. Но, клянусь богом, после этого вы можете уложить ваши вещи и убираться вон из моего дома, сэр! Раз и навсегда — желаете вы поступить так, как я приказываю, или нет?

— То есть жениться на мулатке? — сказал Джордж, небрежно оправляя воротник. — Мне не нравится цвет ее кожи! Пригласите лучше ей в женихи того негра, что метет обыкновенно мостовую там, напротив, на Флитмаркете! Я не собираюсь брать себе в жены готтентотскую Венеру!

Мистер Осборн схватил в бешенстве звонок, которым обычно призывался дворецкий, когда требовалось вино, и приказал ему, почти почернев от гнева, позвать капитану Осборну извозчика.

— Я покончил, — сказал Джордж, входя расстроенный и бледный час спустя к Слоутерсу.

— Ну, как, мой мальчик? — спросил Доббин.

Джордж рассказал, что произошло между ним и отцом.

— Женюсь на ней завтра же! — воскликнул капитан. — Я с каждым днем все больше и больше люблю ее, Доббин!

ГЛАВА XXII

Одно бракосочетание и кусочек медового месяца

амый стойкий и отважный враг не может устоять против голода. И Осборн-старший после описанного столкновения с сыном пребывал совершенно спокоен.

«Как только выйдут у Джорджа запасы, он сдастся на капитуляцию, — успокаивал себя старик. — Конечно, это было неудачно, что парень получил подкрепление в тот самый день, как произошла первая стычка, но подкрепление это временное, — думал старый Осборн. — Оно только отсрочит капитуляцию Джорджа».

Отношения между отцом и сыном на несколько дней прервались; первый сердился на его молчание, но особенно не беспокоился, ибо знал, как он говорил, где он может принажать, и только выжидал результатов этой операции. Осборн сообщил дочерям об исходе своего столкновения с сыном, но приказал об этом молчать

и встретить Джорджа, когда тот придет, так, как будто ничего не произошло. Прибор для Джорджа ставился, как и обычно, и, может быть, старый джентльмен ждал сына даже и с некоторым волнением; но тот не приходил. О Джордже справлялись у Слоутерса, но там ответили, что и он и его друг, капитан Доббин, выбыли из города.

В один ненастный ветреный день в конце апреля месяца, когда дождь заливал мостовую старой улицы, где в свое время находился «Старый Слоутерс», Джордж Осборн вошел в кофейню крайне расстроенный и бледный, хотя и достаточно щегольски одетый в голубой сюртук с медными пуговицами и нарядный жилет из буйволонной кожи, по тогдашней моде. Тут же оказался и его друг, капитан Доббин, который тоже был в голубом сюртуке с медными пуговицами: он расстался на этот раз с мундиром и серыми брюками, обычно облекавшими его долговязую фигуру.

Доббин дожидался в кофейне уже с час, если не больше. Он перебрал все газеты, но ему не читалось: десятки раз смотрел то на часы, то на улицу, где хлестал дождь, то на прохожих, шаркавших деревянными калошами по блестящей мостовой и отбрасывавших длинные тени на плиты. Он постукивал пальцами по столу, обгрызал ногти почти до крови (таким способом он отделявал обычно свои громадные руки); пытался установить ложку в равновесии на молочнике, опрокидывал этот последний и т. д. Словом, Доббин обнаруживал все признаки беспокойства и делал отчаянные попытки развлечься, к которым прибегают обыкновенно люди, когда они встревожены или взволнованы, или кого-нибудь ждут.

Некоторые из его приятелей, случившиеся тут же в кофейне, принялись подшучивать над великолепием его костюма и над его волнением. Кто-то задал Доббину вопрос: не женится ли он? Доббин рассмеялся и пообещал своему знакомому (это был майор инженерных войск Уогстафф) прислать ему кусок свадебного пирога, когда произойдет это событие.

Наконец капитан Осборн прибыл, весьма элегантный, но очень бледный и взволнованный, как мы уже говорили. Он отер свое бледное лицо большим желтым индийским фуляром, основательно надушенным, пожал Доббину руку и приказал лакею Джону подать себе кюрасо. Этого живительного напитка Джордж проглотил с жадностью две рюмки. Его друг участливо осведомился о его здоровье.

— До самого рассвета заснуть не мог! — сказал Джордж. — Адская головная боль и лихорадка... Встал в девять и отправился в турецкие бани. Знаешь, Добб, я чувствую себя так, как в то утро, в Квебеке, когда дрался с Рокотом...

— Я чувствую себя так же, — ответил Уильям. — Чертовски было мне не по нутру в то утро! Куда хуже твоего! Помню, ты тогда обстоятельно подкрепился завтраком. Съешь что-нибудь!

— Ты добрый старый друг, Уилль! Лучше я выпью за твое здоровье и на прощание с...

— Нет, нет, двух рюмок достаточно! — прервал его Доббин. — Джон, уберите ликер! Подбавь кайенского перца к каплуну! Да торопись, нам пора уже быть на месте!

Пробило час, когда произошла эта встреча и разговор между двумя капитанами. Извозчичья карета, в которую слуга Осборна уложил уже его шкатулку с туалетными принадлежностями и чемодан, поджидала их уже некоторое время; оба джентльмена поспешили, укрываясь от дождя зонтиками, в нее усесться, а слуга вскочил на козлы, проклиная непогоду и мокрого кучера, от которого валил пар.

— Слава богу, у церкви нас поджидает экипаж почище! — сказал он.

Карета тронулась вдоль Пикадилли, где Апслей-Хауз и госпиталь Святого Георга были еще одеты в красные мундиры, где горели еще маслянные фонари, где Ахилл еще не рождался, а арка Пимлико не была еще возведена и где и в помине не было безобразного конного чудовища, которое словно собирается раздавить улицу и прилегающую местность. Таким-то образом добрались наши друзья по Бромптону до Фульгамского бульвара и остановились у одной церкви.

Тут их ждала коляска четверкой цугом и, кроме того, экипаж того типа, какой именуется зеркальной каретой. По причине ужасного ливня собралась лишь небольшая кучка зевак.

— Черт возьми! Ведь я же сказал — парную закладку! — сказал Джордж.

— А мой барин приказал заложить четверку, — сказал ожидавший слуга мистера Джозефа Седли; и он и слуга мистера Осборна последовали за Джорджем и Уильямом, когда те направились в церковь, и оба согласились, что свадьба самая дрянная и ни на что не похожа, и завтрака-то не будет, да и вообще никакого угощения!

— Наконец-то! — произнес, встречая их, наш старый приятель Джоз Седли. — Милый мой Джордж, ты опоздал на пять минут! А какова погодка? Совсем напоминает начало дождливой поры в Бенгалии! Впрочем, в мою карету, как вы убедитесь, дождь не проникает. Пойдемте! Матушка и Эмми уже в ризнице.

Джоз Седли казался еще толще; воротничок его рубашки был еще выше, лицо его было еще краснее, чем обыкновенно, а над пестрым жилетом красовались пышные брыжи. Лакированной обуви в те времена еще не было, но ботфорты на его великолепных ногах блеснули так, как на той старинной картине, на которой сапог служит зеркалом джентльмену, занятому брадобритием, и на его светло-зеленом сюртуке цвел красивый свадебный бант, подобный громадной белой распустившейся магнолии.

Джордж ставил главную ставку в своей жизни — он собирался жениться. Отсюда его бледность и его нервность, бессонная ночь и утреннее волнение. Я не раз слышал от людей, которые проделывали эту же штуку, будто все испытывают то же самое. Разумеется, после трех-четырех подобных церемоний с ними и освоишься, но проделывать это впервые, воля ваша, ужасно!

Невеста была в коричневом шелковом салопе (как впоследствии сообщил мне капитан Доббин) и в соломенной шляпе с розовыми лентами; поверх шляпы была надета вуаль из белых шантили¹ — дар ее брата, мистера Джозефа Седли. Капитан Доббин, в свою очередь, испросил разрешения поднести Амелии золотую цепь и часы, которые и красовались на ней теперь; мать подарила невесте свою бриллиантовую брошку — чуть ли не единственную оставшуюся у нее драгоценность. Во время службы миссис Седли сидела на скамейке и заливалась горячими слезами; ее утешали горничная-ирландка и миссис Клапп, хозяйка меблированной квартиры. Старый Седли на венчании не присутствовал, место его заступал Джоз, который и передал сестру жениху, а капитан Доббин служил своему другу Джорджу шафером.

В церкви не было никого, кроме священнодействовавших и небольшого общества участников брачной церемонии и их прислуги. Оба лакея сидели гордо поодаль. Дождь барабанил в окна и слышался в промежутках службы так же явственно, как и рыдания миссис Седли с ее скамьи. Голос священника уныло отдавался в пустых стенах. «Да» Осборна было произнесено глухим басом, а ответ Эмми, выпорхнувший через ее уста прямо из сердца, едва ли был кем слышан, кроме капитана Доббина.

Когда церемония окончилась, Джоз Седли выступил вперед и поцеловал ново-брачную сестру, впервые за много месяцев. Волнение Джорджа улеглось, и он сиял гордостью.

— Теперь твоя очередь, — сказал он, с нежностью, кладя руку на плечо Доббину, и Доббин, продвинувшись вперед, прикоснулся губами к щечке Амелии.

Затем они прошли в ризницу и стали расписываться в книге.

— Да благословит тебя бог, старина, — сказал Джордж, обхватывая Доббина рукой, и что-то похожее на влагу заблестело в его глазах. Уильям на это ответил лишь наклоном головы, сердце его было слишком переполнено, чтобы что-нибудь сказать.

¹ Шантили — французские шелковые кружева.

— Напиши же поскорей, — сказал Джордж, — и приезжай к нам, не откладывая! После того как миссис Седли истерически распрощалась с дочерью, молодая чета направилась к карете.

— Прочь с дороги, чертенята! — закричал Джордж на кучку мокрых оборванцев, лепившихся возле церковных дверей.

Дождь хлестал в лица новобрачным, когда они усаживались в карету. Ленты форейторов липли к их курткам, по которым струилась вода, а кучка мальчуганов издавала зловещий крик, когда карета тронулась с места, разбрызгивая грязь.

Уильям Доббин нелепо стоял на паперти и смотрел на экипаж. Немногочисленная кучка зрителей зубоскалила над капитаном, но он не замечал ни их, ни их смеха.

— Едем домой и позавтракаем, Доббин! — произнес чей-то голос; пухлая рука легла капитану на плечо, и размышлениям честного малого был положен конец. Но капитан был вовсе не так настроен, чтобы завтракать с Джозом Седли; он усадил плачущую старую даму вместе с Джозом и их свитой в экипаж и распростился с ними без дальнейших слов.

Этот экипаж тоже отъехал, и вновь раздались насмешливые крики чумазных мальчуганов.

— Вот вам, попрошайки! — сказал Доббин, бросая несколько шестипенсовых монеток, и отправился в одиночестве под дождем.

Свершилось.

Они обвенчаны и счастливы. Он молит за них бога. С тех пор как Доббин перестал быть ребенком, он никогда еще не чувствовал себя таким несчастным и одиноким. С болью в сердце жаждал он, чтобы скорее миновали первые несколько дней и он мог бы опять увидеть Амелию.

Дней через десять после вышеописанной церемонии трое молодых наших знакомых наслаждались чудесным видом, какой в Брайтоне открывается путешественнику на стрельчатые окна с одной стороны, и на голубое море — с другой.

Восхищенный лондонец глядит на океан, когда тот собирается в бесчисленные морщинки ряби, словно улыбаясь, и пестреет белыми крапинками-парусами, в то время как сотни кабинок лобзают опушку голубой его одежды; другие, почитающие зрелище человеческой природы превыше всех других, устремляют взоры к окнам, на человеческий рой, который они являют. Из одного окна несутся звуки фортепьяно, на котором по шести часов в день упражняется молодая дама в локонах, к усладе прочих обитателей дома; в другом окне можно видеть, как прелестная Полли-кормилица, баюкает на руках мистера Омниума, в то время как его папаша Джекоб занят едой креветок и пожирает за завтраком газету «Таймс» внизу у окна. Еще дальше девицы Лири высматривают молодых офицеров тяжелой кавалерии, которые, наверное, выйдут прогуляться по набережной; а там опять этот обитатель Сити, с повадками морского волка и телескопом с добрую пушку величиной, направленным на море; он обзоревает яхты, рыбацьи лодки и кабинки¹, которые приближаются к берегу или отваливают от него. Но разве у нас есть досуг пускаться в описание Брайтона, этого чистенького Неаполя с его благовоспитанными лаццарони², Брайтона, всегда такого нарядного, веселого и щеголева-

¹ В Брайтоне, как и во многих других местах морских купаний, для купающихся заведены колесные будочки, вывозимые лошадьми в море.

² *Лаццарони* — итальянские нищие.

того, словно куртка арлекина, Брайтона, который, в эпоху нашего рассказа, отстоял от Лондона на расстоянии шести часов, а теперь уже оказывается в ста от него минутах и бог весть насколько еще приблизится в будущем, если только туда не явится ненароком Жуанвиль¹ и не подвергнет город несвоевременной бомбардировке.

— Что за адски красивая девушка в квартире над портнихой! — замечает один из трех прогуливающих своим спутникам. — Послушайте, Кроули, заметили вы, какие она состроила мне глазки, когда я проходил мимо?

— Не шалите, Джоз, вы разобьете ей сердце! — отвечает тот. — Не играйте безжалостно с ее чувством, донжуан вы этакий!

— Отстаньте, пожалуйста! — говорит Джоз, весьма польщенный, и пускает смертоубийственный взгляд вышеозначенной горничной.

Теперь, в Брайтоне, Джоз еще более великолепен, нежели на свадьбе сестры. Каждый из ослепительных его жилетов привел бы в восторг заурядного щеголя. На нем был сюртук со шнурами военного покроя, украшенный кисточками, черными пуговицами и затейливым шитьем. Он с недавних пор принял воинственные обличия и осанку и гулял со своими друзьями, принадлежавшими к военной профессии; он звякал шпорами, невероятно чванился и бросал убийственные взгляды на всех служаков, которые заслуживали быть сраженными.

— Что же нам делать? — спросил наш франт; дамы выехали в его экипаже прокатиться до Роттингина.

— Сыграем партию на бильярде! — предложил один из друзей, высокий и с нафабранными усами.

— Нет, нет, будь он проклят! — возразил с некоторым раздражением Джоз. — Никаких бильярдов сегодня, Кроули! Будет с вас и вчерашнего!

— Вы прекрасно играете, — сказал Кроули, — не правда ли, Осборн? Разве не хорош был вчера этот удар, рикошетом в угол, а?

— Превосходно! — подтвердил Осборн. — Наш Джоз чертовски искусился на бильярде и во всем прочем. Жалко, что здесь не бывает охоты на тигров, мы бы пристрелили с Джозом парочку перед обедом! Вот идет прехорошенькая девочка, Джоз, прелестные ножки! Расскажи-ка нам что-нибудь про охоту на тигров и как вы там в джунглях справляетесь с этим зверьем! Это изумительная история, Кроули!

Тут Джордж Осборн зевнул.

— Довольно-таки скучно здесь! Чем бы нам заняться?

— Не сходить ли к Снэффлеру посмотреть лошадей, которых он пригнал с льюисской ярмарки? — предложил Кроули.

— А не пойти ли нам к Доттону полакомиться мороженым? — сказал Джоз, рассчитывая убить двух зайцев разом. — Там, у Доттона адски хорошенькая продавица.

— А я предложил бы другое, — сказал Джордж. — Пойдемте дождемся прихода «Молнии», теперь ему самое время прибыть!

¹ *Франсуа Орлеанский*, полное имя *Франсуа Фердинанд Филипп Луи Мария Орлеанский, принц де Жуанвиль* (1818–1900) — третий сын французского короля Луи Филиппа I Шрлеанского. В 1861 г, когда началась война между Севером и Югом в США, Жуанвиль вместе со своим сыном, герцогом де Пентьевр, и племянником, графом Парижским и герцогом Шартрским, отправился в США, где его сын поступил в морское училище, а сам Жуанвиль участвовал на стороне северян в походе 1862 г.

Это предложение одержало верх над конюшной и вареньем, и они повернули к почтовой станции, чтобы встретить дилижанс.

Дорогою они встретили экипаж — открытую коляску Джоза Седли, с его великолепнейшими гербами, роскошную колымагу, в которой Джоз обыкновенно разъезжал по Чельтенгаму в величественном одиночестве, со скрещенными на груди руками и небрежно надвинутой на глаза шляпе, особенно счастливый, если в его экипаже сидели дамы.

Теперь экипаж занимали две особы: одна маленькая, светловолосая, одетая по всем требованиям моды; другая в коричневом шелковом салопе и соломенной шляпке с розовыми лентами, с румяным круглым личиком, на которое было приятно смотреть. Она остановила экипаж, поравнявшись с тремя джентльменами, но, проявив подобную самостоятельность, сконфузилась и невероятно покраснела.

— Мы чудесно прокатились, Джордж, — сказала она, — и так рады вернуться! Джозеф, не позволяй ему опаздывать!

— Пожалуйста, не вводите наших мужей в соблазн, мистер Седли, гадкий, гадкий вы человек! — сказала Ребекка, грозя Джозефу хорошеньким маленьким пальчиком, облитым прекрасной французской перчаткой. — Смотрите, никаких бильярдных трубок и подобных шалостей!

— Дорогая миссис Кроули! Да нет же! Клянусь честью! — вот все, что мог изречь Джоз в ответ, однако он не замедлил принять живописную позу, склонил голову набок и смотрел на свою жертву, улыбаясь, закинув одну руку за спину и опершись ею о палку, а другой (той, которая была украшена бриллиантовым перстнем) теребил свои брыжи и многочисленные поджилетники. Когда экипаж отъехал, Джоз послал дамам поцелуй — все тою же бриллиантовой рукой. Дорого бы дал Джоз, чтобы весь Чельтенгам, весь Чоугингги и вся Калькутта могли видеть его в этой позе, помахивающим рукой очаровательной женщине, в обществе знаменитого щеголя, каким слыл гвардеец Раудон Кроули.

Наши новобрачные избрали Брайтон как уютное местечко, где они могли провести первые после свадьбы дни. Заняв помещение в Корабельной гостинице, они наслаждались тишиной и спокойствием, пока к ним не присоединился Джоз. Впрочем, их сотоварищем там оказался не только он. Однажды, когда Осборны возвращались в гостиницу после обеденной прогулки по морскому берегу, они неожиданно наткнулись на миссис Ребекку с ее мужем. Они тотчас же узнали друг друга. Ребекка бросилась в объятия своей дорогой подруги, Кроули и Осборн радушно пожали друг другу руки, и Бекки через несколько часов заставила Джорджа забыть о том маленьком неприятном обмене слов, который произошел когда-то между ними.

— Вы помните, когда мы встретились с вами последний раз, у мисс Кроули, я была с вами резка... Мне показалось, что вы недостаточно внимательны к Амелии. Это меня и рассердило. Оттого-то я и дразнила вас и была к вам неприветлива и нелюбезна... Пожалуйста, простите меня!

Она протянула Джорджу руку с такою искренностью и подкупающей грацией, что Осборну только и оставалось пожать ее.

Ты не можешь себе представить, сын мой, как может послужить тебе во благо, если ты смиренно и откровенно признаешь себя виновным! Я знавал некогда одного весьма достаточного джентльмена, участника ярмарки тщеславия; так вот, он нароч-

но делал маленькие неприятности своим ближним только для того, чтобы потом повиниться перед ними открытым мужественным образом. И что же получалось? Мой друг Кроки Дойль был всеми любим и слыл за буяна, но за честнейшего малого. Точно так же и извинение Бекки сошло за искренность. И у той и у другой пары было о чем рассказать друг другу. Оба брака были рассмотрены в подробностях, и взаимные планы на будущее подверглись обсуждению с величайшей откровенностью и интересом с обеих сторон. Сообщить отцу о состоявшемся бракосочетании Джорджа было предоставлено его другу капитану Доббину, и молодой Осборн порядком побаивался за исход этого посольства. Мисс же Кроули, на которую возлагались все надежды Раудона, продолжала упорствовать. Любящие племянник и племянница, которым не удалось проникнуть в Парк-Лейнскую обитель, последовали за тетушкой в Брайтон, и тут их соглядатаи денно и нощно сторожили у подъезда старой леди.

— Желал бы я, чтобы вы полюбовались на друзей Раудона, которые осаждают наши двери! — сказала, смеясь, Ребекка. — Приходилось ли вам как-нибудь видеть кредиторов или судебного пристава с его помощником? Эти два негодяя стерегли нас целую неделю из лавки зеленщика, что напротив нас. Мы не могли выехать раньше воскресенья. Что делать, если тетушка не сдастся?

Раудон с громовым хохотом сообщил с дюжину забавнейших анекдотов по поводу своих заимодавцев и о том, как ловко справляется с ними Ребекка. Он клялся, что во всей Европе не найдется другой женщины, которая умела бы так заговаривать им зубы. Практика Бекки началась тотчас же после свадьбы, и ее супруг обрел в жене истинное сокровище. Кредит у них был обширный, но зато и неоплаченные счета сыпались на них в изобилии, и им приходилось изошряться, не имея наличных денег. Нарушали ли, однако, все эти затруднения душевное спокойствие Раудона? Нисколько! Каждый, кто знаком с ярмаркой тщеславия, знает, как хорошо живет тем, кто прочно и по уши сидит в долгах, как они ни в чем себе не отказывают и как невозможно-радостно их настроение. Раудон с супругою занимали лучшее помещение в брайтонской гостинице; хозяин, появляясь с первым блюдом, низко склонялся перед ними, как перед самыми важными из постояльцев; Раудон уничтожал обеды и вина с такой отвагой, что с ним не мог бы поспорить и любой тамошний вельможа. Известно, что мужественная внешность, безукоризненная обувь и костюм и счастливая наденность в обращении нередко служат человеку таким же подспорьем, как и счет, открытый у банкира.

Обе пары постоянно посещали друг друга. После двух-трех вечеров джентльмены уселись за пикет, предоставив дамам беседовать. Подобное времяпрепровождение и прибытие Джоза Седли, явившегося в своей роскошной коляске и сыгравшего несколько партий на бильярде с капитаном Кроули, отчасти пополнили пустоту кошелька Раудона и снабдили его преимуществом в виде обладания теми деньгами, над получением которых ломают себе голову подчас даже и великие умы.

Итак, три наших джентльмена направились встречать «Молнию». Дилижанс появился с точностью до одной минуты, битком набитый и внутри и снаружи. Рожок кондуктора протрубил обычный мотив, и экипаж, спустившись по улице, остановился у станции.

— Э! Вот и старина Доббин! — воскликнул в восторге Джордж, завидя своего старого, взгромоздившегося наверх дилижанса друга, приезд которого все откладывался.

— Как живешь, старина? Рад, что ты приехал! Эмми будет страшно рада тебя видеть! — сказал Осборн, горячо пожимая руку товарища, когда тот закончил наконец свое нисхождение с колымаги, и затем прибавил тихо и взволнованно: — Что нового? Побывал ли ты в Рессель-сквере? Что сказал отец? Рассказывай скорей!

Доббин был бледен и серьезен.

— Я виделся с твоим отцом, — сказал он. — Как здоровье Амелии... миссис Джордж? Я сейчас расскажу тебе... Я привез величайшую новость, а именно...

— Ну, ну, — сказал Джордж, — говори скорей, старина!

— Нам объявлен поход на Бельгию. Вся армия выступает туда — и гвардия и все полки. У Гэвитопа подагра, и он чуть с ума не сходит оттого, что не может встать. О'Дауд принимает командование над полком, на будущей неделе мы грузимся уже на суда в Чатаме.

Эта новость не могла не потрясти наших влюбленных и заставила всех этих джентльменов весьма призадуматься.

ГЛАВА XXIII

Капитан Доббин действует по задуманному плану

Что такое тот тайный месмеризм¹, которым обладает дружба и под действием которого человек, обычно неповоротливый, безучастный и робкий, становится ради блага других мудрым, деятельным и решительным.

Подобно тому как Алексис после нескольких магнетических пассов доктора Эллиотсона не чувствует страданий, читает книгу за тылком, видит на расстоянии многих миль, прорицает будущее за неделю вперед и совершает иные чудеса, на которые отнюдь не способен в нормальных условиях, — точно так же можно иногда наблюдать и в мирских делах, как под влиянием магнетизма дружки иной скромный человек превращается в смельчака, застенчивый делается говорливым, лентяй становится деятельным, а буян — разумным и сдержанным.

С другой стороны, что заставляет адвоката опасаться проиграть общественный процесс и понуждает его обращаться за советом к ученому собрату? Что побуждает врача, когда он заболевает, посылать за своим соперником, вместо того чтоб сесть попросту перед зеркалом, освидетельствовать свой язык и прописать себе лекарство за собственным своим письменным столом? Предоставляю ответить на все эти вопросы мудрым читателям, которые знают, насколько все мы легковверны и недоверчивы, уступчивы и упорны; как решительны в отношении других и мнительны, когда дело касается нас.

Во всяком случае, достоверно одно: наш приятель Уильям Доббин, человек в личных делах настолько податливый, что — нажми родители на него покрепче — он спустился бы, пожалуй, в кухню и женился на кухарке, — настолько равнодушный

¹ Месмеризм — учение доктора Ф. А. Месмера (1734–1815) о «животном магнетизме», которым весьма увлекались в конце XVIII в.

к собственным интересам, что не побеспокоился бы перейти ради них улицу, в деле Осборна оказался таким настойчивым дельцом, каким мог бы быть самый заядлый эгоист, добивающийся успеха в важном для него деле.

В то время как наш друг Джордж и его молодая жена наслаждались первыми цветущими днями медового месяца в Брайтоне, честный Уильям оставался, в качестве уполномоченного Джорджа, в Лондоне, чтобы наладить деловую сторону брака. На его обязанность было возложено навещать старика Седли с женой и поддерживать в нем доброе настроение, сблизить Джоза со свояком с тою целью, чтобы значение Джоза и его видное положение начальника округа Боггли-Уолла возместило бы в обществе утраченный вес старика Седли, и стараться примирить старого Осборна с этим родством, а в заключение сообщить Джону Осборну о браке его сына таким образом, чтобы не слишком прогневать старого джентльмена.

Прежде чем подступить к главе дома Осборнов с вестями, какие ему приходилось сообщать, Доббин счел весьма политичным войти в доверие к остальным членам его семьи и по возможности склонить на свою сторону дам.

«В глубине души, — думал он, — они вряд ли будут возмущены. Никакая женщина не станет возмущаться романическим супружеством. Может быть, сестры Джорджа и поплачут немного, но в конце концов перестанут сердиться на брата, и тогда мы поведем атаку на мистера Осборна втроем!»

Тут наш пехотный капитан в роли дипломата стал измышлять подходящие стратегические приемы, с помощью которых он мог бы осторожно и постепенно посвящать сестер Джорджа в его тайну.

Наведя справки о полученных его матерью приглашениях, он скоро выяснил, кем из ее друзей давались вечера в этом сезоне, на которых он мог бы встретить сестер Осборна, и, хотя он и питал к балам и раутам то отвращение, какое — увы! — к ним питают многие разумные люди, он все-таки скоро узнал о вечере, на котором должны были присутствовать девицы Осборн.

Явившись на этот вечер, он танцевал с обеими девушками, был чрезвычайно к ним предупредителен и под конец, собравшись с духом, попросил мисс Джейн Осборн уделить ему на следующее утро несколько минут для важного сообщения. Что заставило мисс Осборн отшатнуться назад, взглянуть на капитана, опустить глаза и сделать вид, будто она сейчас упадет в обморок в его объятия? Но тут он наступил ей нечаянно на большой палец, и это обстоятельство вернуло самообладание мисс Осборн. Почему же она так разволновалась, выслушав просьбу Доббина? Этого мы никогда не узнаем. Но когда он явился на следующий день, Марии не было с сестрой в гостинной, а мисс Вирт вышла оттуда под предлогом привести мисс Марию; таким образом, капитан и мисс Джейн остались одни.

Молчание не прерывалось, так что тиканье каминных часов с жертвоприношением Ифигнии было слышно вполне отчетливо.

— Как удался вчерашний вечер! — начала наконец мисс Джейн, желая поощрить Доббина. — И... и... как вы, капитан Доббин, усовершенствовались в танцах! Конечно, кто-нибудь обучил вас! — прибавила она кокетливо.

— Посмотрели бы вы, как я пляшу вертушку с миссис О'Дауд, супругой майора нашего полка! А жигу! Видели вы когда-нибудь, как танцуют жигу? Впрочем, я думаю, с вами, мисс Осборн, может танцевать каждый, — вы так прекрасно танцуете!

— Вероятно, миссис О'Дауд — молодая и красивая дама, капитан? — продолжала прекрасная допросчица. — Ах, как страшно быть женой военного! Я просто удивляюсь, как могут они танцевать, особенно в это ужасное время! О, капитан Доббин, я иногда вся трепещу, когда думаю о нашем дорогом Джордже и о той опасной доле, которая ждет каждого воина! А что, капитан, в вашем полку много женатых офицеров?

— Честное слово, слишком уж откровенно ведет она свою линию! — пробормотала мисс Вирт, но это замечание было сделано как бы в скобках и не донеслось из-за полуоткрытой двери, позади которой производила свои наблюдения гувернантка.

— Вот и сейчас один из наших офицеров женился, — сказал Доббин, приступая к цели, — это была давнишняя привязанность, парочка бедней церковной крысы!

— Ах, как это прекрасно, как романтично! — воскликнула мисс Осборн, когда капитан упомянул о давнишней привязанности и бедности.

Ее сочувствие поощрило его.

— Это чудеснейший товарищ в полку, — продолжал он, — едва ли во всей армии найдется другой такой красавец и храбрец. А как очаровательна его жена! Как бы она вам понравилась, как бы вы полюбили ее, если бы узнали ее поближе, мисс Осборн!

Судя по волнению Доббина, по подергиванию его лица, по тому, как он постукивал по полу своей огромной ногой и беспрестанно то застегивал, то расстегивал пуговицы мундира, молодая леди подумала, что решительный момент наступил; она полагала, что капитан откроется ей, когда несколько успокоится, и с нетерпением готовилась его выслушать. Когда часы с Ифигенией на алтаре стали бить после предварительных конвульсий двенадцать, ей показалось, что бой затянется до часу, так медленно отзывались эти звуки в сердце смущенной стареющей девицы.

— Я пришел сюда говорить не о браке... То есть... этот брак... то есть... Я хочу сказать... Милая мисс Осборн, это касается нашего дорогого друга Джорджа! — сказал Доббин.

— Джорджа? — сказала Джейн с таким разочарованием, что Мария и мисс Вирт по ту сторону двери фыркнули, да и сам злополучный бедняга Доббин с трудом удержался от улыбки, ибо он не совсем был в неведении относительно истинного положения вещей. Джордж неоднократно подшучивал над приятелем, говоря: «Черт побери, Уилль, почему бы тебе и не взять за себя старуху Джейн? Она не откажет, если ты вздумаешь сделать ей предложение! Пари держу!»

— Да, Джорджа! — продолжал капитан. — Между ним и мистером Осборном произошло недоразумение. А я так хорошо отношусь к нему. Вы знаете, мы ведь как родные братья. Так вот, я надеюсь, я прошу вас уладить это недоразумение. Мы должны на днях выступать за границу, мисс Осборн, и со дня на день ждем приказа об этом. Почем знать, что может случиться во время кампании? Не пугайтесь, дорогая мисс Осборн, но все же им было бы лучше расстаться друзьями!

— Да ведь ничего особенного и не произошло, капитан Доббин, обычная маленькая размолвка с отцом! — ответила молодая леди. — Мы поджидаем Джорджа всякий день. То, чего требовал папенька, было для его же блага! Вернись он — я уверена — все обойдется отлично! Милая Рода, которая уехала от нас в огорчении и гневе, конечно, все ему простит. Женщины слишком охотно прощают, капитан Доббин!

— Такой ангел, как вы, конечно, простил бы! — сказал мистер Доббин с отчаянным лицемерием. — И со стороны мужчины непростительно, если он причиняет страдание женщине. Что бы вы сделали, если бы мужчина изменил вам?

— Я погибла бы! Я выбросилась бы из окна... Я отравилась бы... Я зачала бы и умерла! Я знаю, что это было бы так! — воскликнула мисс, которая пережила два или три сердечных разочарования, и не помыслив о самоубийстве.

— А ведь, пожалуй, и другие отличаются такой же верностью и таким же нежным сердцем! Я, разумеется, имею при этом в виду не вест-индскую наследницу, мисс Осборн, но ту бедняжку, которую Джордж полюбил некогда и которую с ранних лет учили думать только о нем. Я видел ее в постигшей ее бедности, нисколько не ропчущую, с разбитым сердцем, но такую же безупречную. Я говорю о мисс Седли... Дорогая мисс Осборн, неужели же ваше великодушное сердце может поставить брату в вину его верность невесте? Да разве простила бы ему его собственная совесть, если бы он отвернулся от мисс Седли? Будьте же ей другом! Она так любила вас всегда!.. И я... пришел с поручением от Джорджа. Мне надо передать вам, что ваш брат считает священнейшим долгом сохранить прежние отношения к невесте и умоляет вас стать на его сторону.

Когда мистером Доббином овладевало сильное чувство, он хотя и запинаясь на первых словах, зато потом продолжал речь плавно; так было и в этом случае, и красноречие его произвело на собеседницу некоторое впечатление.

— Вот как! — промолвила она. — Это чрезвычайно странно, чрезвычайно при-
скорбно и, можно даже сказать, чрезвычайно удивительно. Но как отнесется к этому папенька? Ведь Джордж пренебрег чудеснейшей партией, какая ему представлялась! Во всяком случае, в вас, капитан Доббин, он нашел отважного заступника! Только все это ни к чему не поведет, — продолжала она, помолчав. — Я, конечно, самым искренним образом сочувствую бедной мисс Седли, самым искренним, уверяю вас! Мы никогда не смотрели на эту партию как на удачную, хотя и относились к Эмми приветливо, даже очень приветливо. Только папенька никогда не согласится, я в этом уверена! Впрочем, воспитанная девушка, девушка рассудительная не захочет и сама... Ну, вы меня понимаете... Словом, Джордж должен с ней разойтись, дорогой мой капитан Доббин. Положительно должен!

— Значит, мужчина должен порвать с девушкой, которую полюбил, именно тогда, когда на нее обрушивается беда? — произнес капитан, протягивая руку. — Милая мисс Осборн, от вас ли я слышу эти рассуждения? Дорогая моя, вам-то и следовало бы быть ей другом! Он не может отказаться от нее! Он не должен! Что сказали бы вы, если бы ваш возлюбленный должен был отказаться от вас, если бы вы были бедны?

Этот ловко поставленный вопрос весьма тронул сердце мисс Джейн Осборн.

— Право, не знаю, следует ли нам, бедным девушкам, верить словам мужчин, капитан. Нам, женщинам, свойственна мягкость, и она побуждает нас слишком легко верить вам. Я боюсь, я опасюсь, что все вы жестокие обманщики!

Доббин почувствовал ее рукопожатие. Но в волнении он выпустил ее руку.

— Обманщики? — повторил он. — Нет, дорогая мисс Осборн, не все мужчины обманщики. Вот хотя бы ваш брат — он не обманщик! Джордж любит Амелию Седли с детских лет. И никакое богатство не заставит его жениться на ком-либо, кроме нее. Что же, должен он покинуть Амелию? Неужели же вы посоветуете ему поступить так?

Что могла сказать на это мисс Джейн, особенно преследуя свои цели? Она не могла ответить прямо и сказала уклончиво:

— Ну если и не обманщики, то, во всяком случае, весьма романтичны!

Однако капитан Доббин оставил это замечание без возражений. Потом, найдя, что мисс Осборн подготовлена для того, чтобы выслушать всю истину, он сказал ей:

— Джордж не может оставить Амелию. Джордж женился на ней! — Ии затем Доббин рассказал ей все известные уже нам обстоятельства брака: как бедняжка наконец умерла бы с горя, если бы ее возлюбленный не сдержал слова, как старик Седли отказал в своей согласии на этот брак, как было добыто свидетельство для венчания, как Джоз Седли приехал из Чельтенгама передать невесту, как молодые отбыли в коляске Джоза четверкой цугом в Брайтон и о том, что Джордж возлагает все надежды на добрых дорогих сестер, которые, в качестве женщин, и притом таких отзывчивых и нежных, конечно, сделают все для примирения его с отцом. И вот, испросив позволения повидаться с ней еще раз (данное весьма охотно), капитан Доббин откланялся и ушел, правильно рассчитав, что не пройдет и пяти минут после его ухода, как принесенная им весть станет достоянием и остальных дам.

Едва вышел он из дому, как мисс Мария и мисс Вирт поспешили к мисс Осборн, и эта удивительная тайна была сообщена им этой леди. Надо отдать справедливость сестрам Джорджа, ни одна из них не встретила этой вести враждебно. В тайных браках есть что-то, что не позволяет большинству женщин относиться к ним отрицательно. Амелия даже выросла в их глазах, так как проявила большую храбрость, согласившись на брак при подобных условиях. И когда они обсуждали это происшествие, недоумевая, как им поступить, в дверь раздался громовой удар, словно предвестие страшного суда, заставивший наших заговорщиц затрепетать.

«Это, должно быть, папенька!» — подумали они.

Но это был не он, а всего лишь Фредерик Буллок, явившийся, согласно уговору, из Сити, чтобы взять дам на цветочную выставку.

Этот джентльмен, как и следовало ожидать, недолго оставался в неведении тайны. Но когда он выслушал новость, лицо его изобличило изумление, отнюдь не похожее на сентиментальное недоумение, отражавшееся на лицах сестер. Мистер Буллок был человек светский и притом младший товарищ богатой торговой фирмы. Он знал, что значат деньги, и понимал их истинную ценность. Восхитительный трепет надежды заставил заблестать его маленькие глазки; он улыбнулся своей Марии: он тут же сообразил, что благодаря сумасбродству Джорджа цена его невесты поднялась, пожалуй, тысяч на тридцать фунтов против того, что он надеялся получить к ней в придачу.

— Бог мой! — воскликнул он, поглядывая с некоторым интересом даже и на старшую сестру. — Как будет огорчен Ильс, что не женился на вас! Ведь вы стоите теперь, пожалуй, целых пятьдесят тысяч фунтов!

Сестры Джорджа до этой минуты не помышляли еще о денежном вопросе, но Фред Буллок подшучивал над этим событием с изящной игривостью в течение всей их утренней прогулки, так что, когда девицы Осборн возвращались, закончив утреннее развлечение, домой, к обеду, их уважение к себе значительно возросло.

Да не возмущается уважаемый читатель подобным эгоизмом как чем-то неестественным. Еще сегодня поутру ваш летописец ехал из Ричмонда в омнибусе, и, пока перепрягали лошадей, он заметил, сидя наверху, трех ребятишек у станции, весьма грязных, дружных и счастливых, копошившихся в луже. К этим трем подошла еще крошка.

— Полли, — заявила она, — твоей сестре дали пенни!

Дети немедленно выбрались из лужи и помчались ухаживать за Пегги. А когда омнибус тронулся, я увидел, как Пегги во главе всей этой процессии с величавым достоинством направлялась к ближайшему ларьку продавщицы сластей.

ГЛАВА XXIV,
в которой мистер Осборн снимает с полки семейную библию

одготовив таким образом сестер, мистер Доббин поспешил в Сити выполнить и остальную, более трудную часть взятой на себя задачи. Перспектива оказаться лицом к лицу со старым Осборном немало волновала капитана, и он не раз задумывался, не предоставить ли молодым девицам сообщить отцу тайну, которую они — он был в этом уверен — не смогли бы долго скрывать. Но Доббин обещал Джорджу сообщить ему, как примет старик Осборн это известие, и вот, добравшись до родительской конторы на Темз-стрит в Сити, капитан послал оттуда записку мистеру Осборну, прося его уделить ему полчаса времени для объяснения по делам его сына Джорджа.

Посланный Доббина вернулся из конторы мистера Осборна, передал капитану его приветствия и сообщил, что мистер Осборн будет рад принять капитана немедленно. И вот капитан отправился к Осборну.

Когда Доббин проходил через первую комнату, где председательствовал мистер Чоппер, этот последний приветствовал его из-за своего письменного стола так весело, что капитан смутился еще больше. Мистер Чоппер подмигнул ему и сказал, кивая и указывая на дверь патрона пером, с самым заразительным добродушием:

— Вы найдете начальство в добром настроении!

Осборн тоже поднялся навстречу капитану, сердечно пожал ему руку и спросил:

— Как поживаете, мой дорогой? — так приветливо, что заставил посла Джорджа почувствовать свою виновность вдвойне. Рука его лежала, словно мертвая, в руке старого джентльмена. Он чувствовал, что он, Доббин, был более или менее причиною всего случившегося. Это он заставил Джорджа вернуться к Амелии, это он одо-

брал и поощрял и почти осуществил этот брак, о котором должен был сообщить теперь отцу Джорджа, а старик принимал его с радушной улыбкой, хлопал по плечу и называл «мой милый Доббин». У капитана было действительно достаточно оснований повесить голову.

Мистер же Осборн был совершенно убежден, что Доббин является вестником капитуляции сына. Мистер Чоппер как раз обсуждал с принципалом дело Джорджа, когда от Доббина пришел посланный, и оба они решили, что Джордж изъявляет свою покорность; оба ждали этого уже несколько дней.

— И, боже ты мой, Чоппер, какую мы закатим свадьбу! — сказал Осборн своему клерку, пощелкивая толстыми пальцами, позвякивая гинейями и шиллингами в просторных карманах и окидывая подчиненного торжествующим взглядом.

Повторяя ту же операцию в карманах, с веселым многозначительным видом оглядывал Осборн со своего кресла молчаливого и бледного Доббина, усевшегося против него.

«Да это не капитан королевской армии, а просто вахлак¹ какой-то!» — думал старый Осборн. — Удивляюсь, как Джордж не обучит его лучшей выправке!

Наконец Доббин собрался с духом и приступил к объяснению.

— Сэр, — начал он, — я принес вам весьма важные вести. Я побывал утром в конной гвардии и теперь нисколько не сомневаюсь, что наш полк получит приказ выступать за границу; раньше чем через неделю мы будем уже на пути в Бельгию. И вам известно, сэр, домой мы вернемся только после тяжких боев, которые для многих из нас могут оказаться роковыми...

Осборн стал серьезен.

— Смею думать, мой с... то есть полк... выполнит свой долг, сэр! — сказал он.

— Французы сильны, сэр, — продолжал Доббин, — русские и австрийцы придут нам на помощь нескоро. Следовательно, нам первым предстоит вынести всю силу неприятельского огня, а, поверьте, Бони позаботится угостить нас на славу!

— К чему вы это ведете, Доббин? — спросил его собеседник, беспокойно хмурясь. — Я полагаю, истый бритт не струсит перед какими-нибудь французишками!

— Я хочу только сказать, что, если между вами и Джорджем существуют какие-либо недоразумения, было бы хорошо, сэр, раньше чем мы выступим... ввиду несомненно значительного риска... если бы вы протянули друг другу руку. Не так ли? Случись что с Джорджем, я полагаю, вы никогда не простите себе, что расстались с сыном недружелюбно.

Высказав это, бедный Доббин сильно покраснел. Он сознавал себя предателем. Не будь его — не было бы и никакого раздора. И почему было не отложить эту свадьбу? Какая надобность была так страшно торопиться? Он отлично понимал, что Джордж, во всяком случае, расстался бы с Амелией без особенного огорчения, а что касается Амелии, то, может быть, и она смогла бы перенести удар. Единственно по его, Доббина, настоянию и устроился этот брак и все, что отсюда следовало. А почему это все случилось? Да потому, что Доббин любил ее так сильно, что для него стало невыносимо видеть ее страдания, или, может быть, потому, что его собственные муки из-за отсрочки предстоящего брака сделались еще несноснее, и он рад был с ними покончить, — подобно тому как мы торопимся похоронить поскорее близко-

¹ *Вахлак (разг., пренебр.)* — неотесанный мужчина, неряха.

го покойника и, если нам угрожает разлука с теми, кого мы любим, мы успокаиваемся только тогда, когда она свершится.

— Добрый вы малый, Уильям! — сказал Осборн смягченным голосом. — Нам с Джорджем не след расставаться в ссоре, это правда! Но рассудите сами. Я для него старался, как самый заботливый отец. Он получал от меня по меньшей мере в три раза больше того, что дает вам отец, ручаюсь вам! Впрочем, я не буду этим хвастаться! Не стану говорить и о том, как я для него трудился и работал и пускал в ход все свои способности и энергию! Спросите Чоппера. Спросите его самого. Спросите в Сити... Хорошо. А теперь я предложил ему партию, которой бы возгордился любой аристократ в нашем отечестве. Это было единственной просьбой за всю жизнь, с какой я обратился к сыну. И он мне отказал. Неужели же я неправ? Неужели же я зачинщик ссоры? О чем я хлопочу, как не о его же благе, я, который надрываюсь над работой с тех самых пор, как он родился? Никто не скажет, что во мне говорит эгоизм! Пусть он вернется! Вот вам моя рука — я все забуду и прошу... Что же касается женитьбы, то о ней теперь, разумеется, не может быть и речи. Пусть он столкнется с мисс Суорц, а свадьбу мы сыграем, когда Джордж вернется полковником, ибо он будет полковником, ей-богу, будет, если только этому можно помочь деньгами! Я рад, что вы его наконец образумили! Уж это дело ваших рук, Доббин! Ведь вы его не впервые вызволяете из беды! Пусть возвращается домой. Суров я с ним не буду... Приходите сегодня же обедать оба в Рессель-сквер. По-старому — в ту же лавочку, в тот же час! На обед будет седло дикой козы... И никаких щекотливых вопросов!

Высказанные похвалы и доверие сильно смутили сердце Доббина. По мере того как разговор продолжался в этом же тоне, капитан чувствовал себя с каждым мгновением все более виноватым.

— Сэр, — сказал он, — боюсь, что вы заблуждаетесь! Я даже уверен в этом. Джордж слишком благороден, чтобы жениться из-за денег. Угрозы ваши лишит его наследства могут иметь следствием только противодействие.

— Желал бы я знать, мой молодец, уж не называете ли вы угрозой предложение заполучить в свое распоряжение годовой доход в восемьдесят тысяч фунтов стерлингов? — спросил мистер Осборн добродушно-вызывающим тоном. — Да бог ты мой! Пожелай мисс Суорц меня в мужья — я ни минуты не колебался бы! Уж я-то не стал бы разбирать, какого цвета у нее кожа! — и старый джентльмен значительно подмигнул и грубо расхохотался.

— Вы забываете, сэр, более ранние обязательства, которыми связал себя капитан Осборн, — произнес серьезно посол Джорджа.

— Какие обязательства? — сказал мистер Осборн, исполняясь гневом и удивлением и впервые проникаясь новой мыслью. — О чем, черт возьми, вы толкуете? Ведь не хотите же вы сказать, что этот проклятый дурак все еще носится с девчонкой старого обманщика, негодая, банкрота! Ведь не пожаловали же вы уверять меня, что он желает жениться на ней? Жениться на ней! Нечего сказать, хорошая была бы штука! Чтобы мой сын женился на дочери уличного нищего! Да черт его побери совсем! Если он затевает такое, пусть покупает метлу и метет улицы! Я помню, как она вечно перед ним манерничала и строила ему глазки! Я понимаю, все это вытворялось по наущению этого бродяги, ее папаша!

— Мистер Седли был вам добрым другом, сэр, — перебил старика Доббин, почти радуясь тому, что начинает впадать в гнев. — Было время, когда у вас находились

для него и более ласковые приветствия, нежели «негодяй» и «бродяга»! Этот брак затеян вами же! И Джордж не имел права вести бесчестную игру...

— Вести бесчестную игру! — взревел старик Осборн. — Вести бесчестную... Ведь это, черт возьми, те же слова, какими мой джентльмен задавал передо мной тон в прошлый четверг да бахвалился своим офицерством перед собственным отцом! Так это вы подучили его? Очень вам признателен, господин капитан! Так это вы хлопчете ввести в мою семью нищую? Так это вас надо благодарить за эту вздорную затею? Жениться на ней — ему-то? На кой черт, спрашивается? Да я об заклад побьюсь, что она мигом прибежит к нему и без всякого...

— Сэр! — воскликнул Доббин, вскакивая и нисколько уже не скрывая своего гнева. — Я никому не позволю оскорблять в моем присутствии эту молодую девушку! А вам это пристало еще менее, нежели всякому другому!

— Что же, вы меня на дуэль, что ли, вызовите? Уж не прикажете ли позвонить, чтоб нам подали пистолеты? Или мистер Джордж прислал вас оскорблять своего старика отца, не так ли? — сказал старик, дергая сонетку¹.

— Мистер Осборн, — произнес Доббин дрожащим голосом, — вы оскорбляете самое лучшее создание в мире. И вам следовало бы быть осмотрительней, ибо она жена вашего сына!

С этими словами, чувствуя, что он не в силах больше ничего прибавить, Доббин вышел, а Осборн запрокинулся в кресле, дико уставившись вслед уходящему. Послушный звонку клерк вошел в кабинет, и не успел капитан еще выйти за ворота дома, где помещалась контора мистера Осборна, как за ним уже мчался вдогонку, с непокрытой головой старший клерк, мистер Чоппер.

— Бога ради, что случилось? — сказал Чоппер, хватая капитана за фалды. — Что такое натворил мистер Джордж?

— Он пять дней тому назад женился на мисс Седли, — ответил Доббин. — Я был у него шафером на свадьбе, а вы, милый Чоппер, сохраните ему вашу дружбу!

Старый конторщик только мотнул головой.

— Если таковы, капитан, ваши вести, то дело скверно! Патрон никогда не простит этого сыну!

Доббин попросил Чоппера сообщить ему о дальнейших событиях в гостиницу, где он остановился, и побрел, грустный и весьма озабоченный и происшедшим и будущим.

Когда семья, жившая в Рессель-сквере, собралась в тот вечер к обеду, глава ее уже сидел на обычном месте, но с тем мрачным выражением, которое всегда заставляло окружающих хранить молчание.

И девицы и мистер Буллок, который остался у них обедать, поняли, что новость уже сообщена Джону Осборну. Мрачные взгляды старика так повлияли на мистера Буллока, что он затих и присмирел. Он был чрезвычайно предупредителен и любезен к мисс Марии, возле которой он сидел, и к ее сестре, сидевшей во главе стола.

Таким образом, мисс Вирт, по другую сторону, оказалась в одиночестве: между ней и мисс Джейн было незанятое место. Это было место, которое занимал Джордж, обедая дома. Прибор для него, как мы уже упоминали, ставился по-прежнему в чаянии возвращения беглеца. Тишина за обедом ничем не нарушалась, если не считать нерешительного конфиденциального шепота улыбающегося мистера Фредерика

¹ Сонетка (устар.) — комнатный звонок для вызова прислуги.

да звона серебра и посуды. Слуги неслышно двигались вокруг стола, выполняя свое дело, — факельщики на похоронах не могли быть мрачнее, нежели домашние мистера Осборна. Седло дикой козы, разделить которое любезно приглашался Доббин, было разрезано хозяином в полном молчании, и собственная его порция была убрана почти нетронутой. Зато старик много пил, и буфетчик усердно наполнял его рюмку.

К концу обеда глаза Осборна, останавливавшиеся по очереди на каждом из присутствующих, задержались на приборе, поставленном для Джорджа. Он указал на него левой рукой. Дочери смотрели на отца, не понимая или не желая понять его жеста, да и прислуга не сразу поняла приказание.

— Уберите этот прибор! — воскликнул он наконец, вставая с проклятием, и, оттолкнув стул, удалился к себе.

Позади столовой мистера Осборна находилась комната, известная в доме под названием кабинета и служившая священным убежищем для главы семейства. Сюда мистер Осборн удалялся утром в воскресенье, если не расположен был идти в церковь; он проводил тут утренние часы, сидя в красном кожаном кресле за газетами. В комнате стояли два шкафа с стеклянными дверцами, с книгами в роскошных переплетах: «Адрес-календарь», «Журнал для мужчин», «Проповеди» Блэра¹, Смоллетт и Юм. Хотя сам Осборн не дотрагивался в продолжение года ни до одной из этих книг, никто из членов семьи не дерзнул бы под страхом смерти прикоснуться к этим томам. Иногда, в редкие воскресные вечера, когда не бывало званных обедов, с полки снималась громадная красная библия, помещавшаяся рядом с «Книгой пэров»; в комнату по звонку сходилась вся прислуга, и Осборн принимался читать скрипучим голосом, зычно и торжественно вечернюю службу. Никто из чад и домочадцев не переступал порог кабинета без некоторого ужаса.

Тут проверялись счета ключницы, просматривалась книга буфетчика, ведавшего винным погребом; отсюда же через чистый, усыпанный мелким гравием двор Осборн мог наблюдать черный ход в конюшни, сообщавшиеся с кабинетом звонком, и в этот же двор кучер въезжал, как в док, а Осборн ругал его из окна своего кабинета. Четыре раза в год в этом апартаменте появлялась мисс Вирт за получением жалованья, столь же часто допускались туда и дочери за причитающимися им карманными деньгами. В этой же комнате неоднократно подвергался в детстве порке Джордж, а мать его, сидя на лестнице, прислушивалась с болью в сердце к свисту хлыста. Домашние не могли припомнить, чтобы Джордж когда-либо заплакал; когда он выбирался из кабинета, бедная мать ласкала его украдкой и дарила ему деньги.

Над камином висела семейная группа, перемещенная сюда после смерти миссис Осборн из столовой; Джордж был изображен на ней верхом на пони, старшая сестра — протягивающей ему охапку цветов, а мать — ведущей за руку младшую; все с румянцем на щеках, с пунцовыми губами и слащаво улыбающиеся друг другу по принятому для фамильных портретов шаблону. Теперь мать давно лежала в земле, всеми забытая, у сестер и брата были свои различные интересы, и все они, хотя и были родными по крови, оставались совершенно чужими друг другу. Проходит десяток-другой лет, изображенные на портрете старятся, и какой горькой насмешкой оказываются все эти хвастливые семейные детские группы, с их показной сентимен-

¹ *Хью Блэр* (1718–1800) — шотландский духовный писатель. Его «Проповеди», появившиеся в 1777 г., отличаются ясностью и красотой изложения.

тальностью, улыбающимся притворством и самодовольной невинностью! Торжественный портрет Джона Осборна, с большой серебряной чернильницей и в кресле, занимал в столовой место, покинутое семейной группой.

В этот-то кабинет и удалился теперь старик Осборн, к великому облегчению оставшегося небольшого общества.

Когда прислуга удалилась из столовой, обедавшие сначала оживленно заговорили шепотом, а потом тихо поднялись наверх в сопровождении мистера Буллока, осторожно ступавшего в своих скрипучих башмаках. У него не хватило духу сидеть в одиночестве за вином в столовой, так близко от ужасного джентльмена, скрывшегося в кабинете.

По меньшей мере час спустя после наступления сумерек, буфетчик, не получая никаких приказаний, осмелился постучать в дверь кабинета, внес туда свечи и подал чай. Глава дома сидел в кресле с газетой, как будто читая; слуга поставил около него на стол свечи и чай и удалился, после чего мистер Осборн встал и запер дверь на ключ. На этот раз никто уже не сомневался больше — весь дом понял, что должна разразиться ужасная гроза, которая, вероятно, обрушится на голову Джорджа.

Один из ящиков обширного полированного письменного стола красного дерева был отведен специально под дела и бумаги, касающиеся сына. В нем старик хранил все документы, имевшие отношение к Джорджу, начиная с самого его детства. Тут были и его тетрадки чистописания и рисования, удостоившиеся похвального отзыва, где ясно обнаруживались и его старания и поправки учителя, тут сохранялись и первые его письма, писанные крупным круглым почерком и содержавшие выражения любви и просьбы о присылке сладких пирожков. Не раз упоминался в них и дорогой крестный Седли. Проклятье вырвалось из побелевших губ старика Осборна, и ужасные ненависть и отчаяние охватили его сердце, когда он натолкнулся, пробегая некоторые из этих писем, на это имя. Все бумаги были снабжены отметкой о содержании и перевязаны красным шнурком. Пометки гласили: «От Джорджи, просит 5 шилл., 23 апреля 18.. г., отвечено 25 апреля», или: «От Джорджи о пони, октября 18-го» и т. д. В другой пачке хранились: «Счета доктора Суиштейля», «Счета портного Джорджи и за военные принадлежности, оплаченные моей конторой по приказу Джорджа Осборна-младшего», его письма из Вест-Индии, письма поверенного и, наконец, газеты, содержащие сообщения о назначениях Джорджа; тут же были спрятаны и его детский хлыстик и завернутый в бумагу медальон с его волосами, который некогда носила покойная мать Джорджа. Не один час провел здесь старик, перебирая все это и раздумывая над этими памятками. Сокровеннейшие упования, честолюбивейшие мечты — все это было здесь. Как гордился Осборн своим мальчиком: он был красивейшим ребенком, когда-либо виданным. Все в один голос утверждали, что это настоящее дворянское дитя! Одна из принцесс обратила на него внимание в Кью-гардене, поцеловала его и осведомилась о его фамилии. Кто другой в Сити мог бы похвалиться подобным сыном? Да разве какой-нибудь лорд мог больше заботиться о своем сыне, чем он о Джорджи? Все, что могли купить деньги, было к услугам сына Осборна. Не раз в дни актов старик ездил в школу сам четверкой цугом, с выездными лакеями в новых ливреях, и осыпал мальчуганов, товарищей Джорджи, новенькими шиллингами; перед отплытием юноши в Канаду он отправился с ним в полк и задал там офицерам такой обед, что к нему не стыдно было бы пригласить и самого герцога Йоркского! Разве Осборн отказывал когда-нибудь в уплате по его счетам? Вот они, все тут, все оплачены без возражений! Немного генералов в армии обладали такими

лошадьми, на каких ездил Джордж. Джорджи вставал перед его глазами в сотнях различных сцен, какие рисовала отцу память. Вот после обеда Джорджи подходит с независимостью настоящего лорда, становится возле отца у хозяйского места и лакомится из его рюмки вином... Или вот он в Брайтоне отважно перескакивает на пони через изгородь и увязывается следом за охотниками... В день представления принцу-регенту ни на выходе, ни во всем Сент-Джеймском дворце не оказалось более изысканного молодого человека. И теперь — это! Теперь — конец всему! Жениться на дочери банкрота, пренебречь долгом и успехом!.. Какой позор! И какое безумие! Какие муки беспомощного бешенства, обманутых надежд и честолюбия, какую боль отвергнутой любви и даже нежности приходилось переносить теперь суетному старику!

Пересмотрев бумаги и поразмыслив над тем и другим в горчайшей из всех бесильных мук, с какою несчастный человек может думать о счастливом прошлом, отец Джорджа вынул из ящика всю кипу бумаг, хранившихся там так долго, переложил в портфель, замкнул его, перевязал и запечатал. Затем Осборн открыл книжный шкаф и снял с полки большую красную библию, о которой мы уже говорили, великолепную, редко раскрываемую книгу, всю блиставшую золотом. На заглавном листке ее был изображен Авраам, приносящий в жертву Исаака, и тут же, на отдельном вклеенном листке, Осборн записал, согласно обычаю, писарским крупным почерком день своей свадьбы и кончины жены и дни рождений и имена детей. Выше других было записано имя Джейн, потом шло имя Джорджа Осборна, а там уже следовала Мария Фрэнсис, и против каждого была пометка о дне его крещения.

Взяв перо, старик тщательно зачеркнул имя Джорджа и, когда листок высох, поставил библию в шкаф, на прежнее место. Потом Осборн из другого уже ящика, где хранились личные его бумаги, вынул какой-то документ, прочел его, скомкал, зажег о свечу, бросил в камин и проследил, чтобы бумага сгорела дотла.

То было духовное завещание мистера Джона Осборна. Когда оно совсем сгорело, старик присел к столу, написал письмо и, позвонив слуге, приказал снести его утром по назначению.

Утро уже занималось, когда Осборн отправился спать; дом был ярко освещен солнцем, и птицы пели в свежей листве Рессель-сквера.

Уильям Доббин старался заручиться расположением всех членов семьи Осборна и его служащих и создать как можно больше друзей Джорджу в часы его отверженности. Зная, как на людское сердце влияют хорошие обеды и вина, капитан, вернувшись в гостиницу, тотчас же написал радушнойшую пригласительную записку Томасу Чопперу, эсквайру, прося его пожаловать отобедать с ним, Доббином, у Слоутерса. Записка застала мистера Чоппера в Сити, и на нее последовал немедленный ответ, гласивший: «Мистер Чоппер, свидетельствуя глубокое почтение капитану Доббину, будет иметь честь и удовольствие ждать его завтра».

Приглашение капитана и черновой ответ были предъявлены вечером миссис Чоппер и ее дочерям по возвращении клерка домой в Сомерстаун, и семья, сидя за чайным столом, пустилась в нескончаемые и оживленные толки об офицерах и вест-эндской знати. Когда девочки ушли спать, мистер и миссис Чоппер занялись обсуждением необычайных событий, происшедших в семье патрона. Никогда клерк не видывал принципала столь расстроенным. По уходе капитана Доббина мистер Чоппер, войдя к Осборну, нашел хозяина вне себя, с почерневшим лицом. Очевидно, между мистером Осборном и молодым капитаном произошла страшная ссора, он был в том уве-

рен. Чопперу тут же было приказано сделать по счетам выборку всех сумм, какие выплачивались капитану Осборну за последние три года.

— Да, знатные денежки спустил он за это время! — заметил по этому поводу старший клерк, и уважение его к старому и молодому хозяевам даже возросло вследствие либеральности, с какой они сыпали гинеями.

Супруги Чоппер поспорили по поводу мисс Седли. Миссис Чоппер уверяла, что жалеет молодую девушку, которой приходится лишиться такого красивого молодчика, как капитан, мистер же Чоппер воздавал мисс Седли, как дочери неудачливого дельца, платившего ничтожные дивиденды, не слишком большое уважение. Мистер Чоппер почитал фирму Осборна превыше всех прочих в Сити, и его мечтой

было, чтобы капитан Джордж женился на дочери аристократа. В ту ночь клерк спал несравненно спокойнее принцепала; после завтрака, который Чоппер уничтожил с большим аппетитом, хотя скромная чаша его жизни подслащивалась не сахаром, а только патокой, он расцеловал детей и отправился в контору в лучшем праздничном платье и сорочке с брыжами, обещая любовавшейся на него супруге не слишком налегать вечером на капитанский портвейн.

Когда мистер Осборн явился в обычное время в Сити, он поразил всех служащих, привыкших по понятным причинам следить за выражением хозяйского лица, своим

мрачным и утомленным видом. В полдень явившийся по его приглашению мистер Гиггс («Гиггс и Блэзеруик», стряпчие, Бредфорд-Роу) был проведен в кабинет хозяина, где они и просидели, запершись, более часу.

Около часа дня мистер Чоппер получил от капитана Доббина через посыльного записку со вложением письма к мистеру Осборну, которую клерк и передал по назначению. Спустя некоторое время мистер Чоппер и мистер Барч, второй клерк, были позваны в кабинет и приглашены расписаться в качестве свидетелей под каким-то документом.

— Я составил новое завещание, — пояснил мистер Осборн, и названные джентльмены учинили рукоприкладство по установленной форме. Никаких разговоров при этом не было. Когда в конце концов мистер Гиггс вышел в контору, он был необычайно серьезен и только сурово посмотрел на мистера Чоппера, но объяснения никакого не последовало. Замечено было, что мистер Осборн был особенно тих и спокоен в течение всего дня, к немалому удивлению служащих, которые, основываясь на его мрачном виде, предрекали дурное. Он никого не разбрал в этот день и ни разу не выругался. Он рано оставил контору, а перед уходом призвал к себе еще раз старшего клерка и, сделав ему общие распоряжения, спросил его после некоторого колебания и явного нежелания говорить, в городе ли капитан Доббин.

Чоппер ответил, что капитан, кажется, еще не уехал; в действительности же оба они были прекрасно осведомлены о пребывании капитана в столице.

Осборн взял письмо, адресованное этому офицеру, и, передав его клерку, велел немедленно доставить его капитану в собственные руки.

— Ну а теперь, Чоппер, — сказал он, берясь за шляпу и со странным выражением лица, — дух мой спокоен!

Тут пробило два часа, и (вероятно, таков был уговор) в контору вошел мистер Фредерик Буллок; с ним вместе мистер Осборн и удалился.

Командиром *** полка, где господа Доббин и Осборн командовали ротами, был старый генерал, который первый свой поход делал еще под начальством Вольфа¹ в Квебеке и теперь, конечно, был слишком стар и дряхл для командования. Тем не менее он интересовался полком, главой которого был номинально, и радушно принимал у себя кое-кого из подчиненных ему офицеров — гостеприимство, которое, насколько мне известно, в настоящее время далеко не обычно среди его собратьев. Капитан Доббин пользовался особенным расположением старого генерала; Доббин был хорошо знаком с литературой, относящейся к их профессии, и мог беседовать о Фридрихе Великом, императрице Марии Терезии и войнах с таким же почти знанием дела, как и генерал, который был равнодушен к современным триумфам и сердце которого тяготело к тактикам, жившим за полстолетия назад. Он пригласил Доббина позавтракать с ним в то утро, когда мистер Осборн переделал духовное завещание, а мистер Чоппер облекся в наилучшую из своих сорочек с брыжами; генерал объявил своему молодому любимцу давно уже ожидаемую всеми и подлежащую в скором времени опубликованию новость о предстоящем полку приказе выступить в Бельгию.

¹ Джеймс Вольф (1727–1759) — британский военный деятель, участник Семилетней войны (1756–1763), которая шла как в Европе, так и за океаном: в Северной Америке, в странах Карибского бассейна, в Индии, на Филиппинах. В войне приняли участие все европейские великие державы того времени, а также большинство средних и мелких государств Европы и даже некоторые индейские племена. Войну считают колониальной, так как в ней столкнулись колониальные интересы Великобритании, Франции, Португалии и Испании.

Приказ должен был выйти через день-другой, и, так как судов для перевозки войск было заготовлено достаточно, полк мог выступить даже и на той же неделе. Он пополнился рекрутами еще в Чатаме, и старик генерал надеялся, что полк, содействовавший в былые времена поражению французов в Канаде и Вашингтона¹ в Лонг-Айленде, достойным образом поддержит свою историческую репутацию новыми подвидами на проторенных нидерландских военных путях.

— Итак, мой друг, если у вас есть какая-нибудь *affaire là*², — сказал старый генерал, беря понюшку дрожащими старыми белыми пальцами и указывая ими на то место, где у него под халатом все еще слабо билось сердце, — если у вас есть какая-нибудь Филлида³, которую вам предстоит утешать, или если вам надо попроситься с отцом и матерью или сделать распоряжения, то мой совет приступить к этому без промедления.

Тут генерал протянул своему молодому другу палец для пожатия и проводил его добродушным кивком напудренной головы, украшенной косичкой в виде свиного хвостика. А когда дверь за Доббином закрылась, старик уселся писать *roulet*⁴ (он чрезвычайно гордился знанием французского языка) мадемуазель Аменаиде из королевского театра.

Эта весть заставила Доббина сосредоточиться, и он задумался о друзьях в Брайтоне, хотя и устыдился затем, что Амелия во всех его мыслях занимает первенствующее место (всегда и преимущественно перед остальным — раньше отца, и матери, и сестер, и даже долга, и неотступно во время прогулок, и перед сном, и в течение целого дня напролет). Вернувшись в гостиницу, Уильям послал коротенькую записку мистеру Осборну с уведомлением старика о только что полученном им сообщении в надежде, что эта новость может помочь примирению старика с Джорджем.

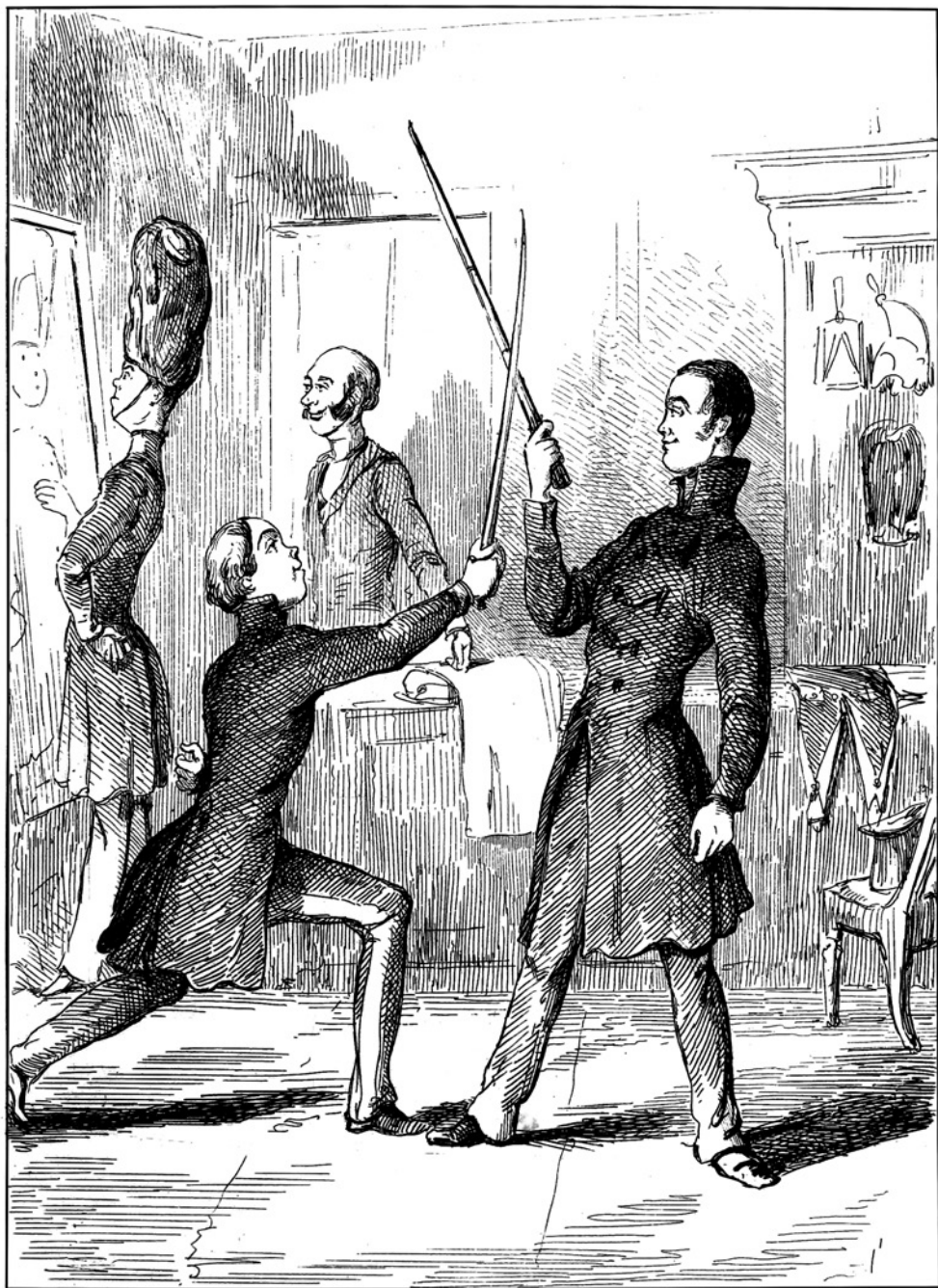
Эта записка, пересланная с тем же посланным, который приносил Чопперу приглашение на обед, весьма испугала почтенного клерка. Письмо Осборну было вложено в конверт, адресованный Чопперу, и последний, распечатывая его, трепетал, не отменен ли уж обед, на который он рассчитывал. Он испытал неизъяснимое облегчение, найдя в конверте напоминание для себя. («Я буду ждать вас в 5½ часов», — писал Доббин.) Дела патрона и его семьи весьма интересовали клерка, но, что поделаешь, званный роскошный обед имел к нему несравненно большее касательство, нежели дела прочих смертных. Доббин был уполномочен генералом передавать это известие всем офицерам полка, с которыми он мог встретиться при разъездах по городу; таким образом, он сообщил эту весть прапорщику Стебблю, столкнувшись с ним у поверенного, и тот пришел в такой воинственный азарт, что немедленно отправился к оружейному мастеру и купил себе новую саблю. Этот молодой человек, которому было всего семнадцать лет и который от рождения был хил и вдобавок расстроил свое здоровье преждевременным употреблением грога, обладал несомненной храбростью и львиным

¹ Джордж Вашингтон (1732–1799) — один из главных борцов за независимость Северо-Американских штатов и первый их президент.

² Сердечное дело (*фр.*).

³ Филлида — персонаж древнегреческой мифологии, фракийская царевна, жившая возле Родопских гор, которая повесилась, когда ее жених, афинский царевич Демофонт, отлучился на родину и долго не возвращался. В эпоху Ренессанса, западноевропейского барокко (особенно в текстах пасторальной тематики) и вплоть до начала XIX в. Филлида — популярный символ страдающей возлюбленной.

⁴ Любовная записочка (*фр.*).

С яростными криками и топоча своими маленькими ножками, Стеббл сделал с ужасающей энергией несколько выпадов против капитана Доббина, которые тот, посмеиваясь, парировал бамбуковой тростью

сердцем. Он принялся вращать и размахивать саблей, пробуя ее и представляя себе, как он будет косить французов. С яростными криками и топоча своими маленькими ножками, Стеббль сделал с ужасающей энергией несколько выпадов против капитана Доббина, которые тот, посмеиваясь, парировал бамбуковой тростью.

Мистер Стеббль, как это и явствовало из его роста и худобы, принадлежал в полку к команде вольтижеров¹; наоборот, прапорщик Спун, высокий юноша, состо-

ял в гренадерской роте капитана Доббина; прапорщик Спун примерял в магазине офицерских вещей опушенный медвежьим мехом кивер, делавший его старше и сообщавший ему свирепый вид. Эти оба молодца отправились к Слоутерсу и, заказав великолепный обед, уселись писать письма любящим родителям, преисполненные любви, пламенной отваги и ошибок. Да, немало сердец тревожно билось в ту пору во всех уголках Англии, и не в одной семье возносились молитвы богу!

Увидав юного Стеббля трудящимся за одним из столиков Слоутерса над сочинением (слезы стекали у него по носу: бедняга думал в этот момент о своей маменьке,

¹ *Вольтижёр* — здесь: легкий пехотинец во французских войсках при Наполеоне I.

которой он, пожалуй, никогда уже больше не увидит), Доббин тоже решил написать Джорджу Осборну, но раздумал и закрыл свой портфель.

«К чему? — сказал он себе. — Зачем омрачать ей ночь? Утром я съезжу пораньше повидаться с родителями, а потом отправлюсь сам в Брайтон.

Доббин встал, подошел к Стебблю, положил ему свою большую руку на плечо и сказал ему, стоя за спиной молодого героя, что если он хочет сделаться таким же добрым солдатом, каким был всегда добросердечным малым, то он должен отказаться от грога. Глаза юного Стеббля радостно заблестели при этой похвале, так как Доббин пользовался в полку особенным уважением, как лучший и умнейший офицер.

— Благодарю вас, Доббин, — ответил он, утирая глаза кулаками. — Я как раз... как раз писал маменьке, что не буду больше... Вы, сэр, и представить себе не можете, как чертовски она добра ко мне!

Тут шлюзы заработали снова, и я далеко не уверен, не увлажнились ли глаза и у доброго капитана.

Оба прапорщика, капитан Доббин и мистер Чоппер обедали за одним столом. Чоппер принес письмо от мистера Осборна, в котором последний свидетельствовал свое почтение капитану и которое сопровождало другое, для передачи капитану Джорджу Осборну. Больше Чоппер ничего не знал; правда, он описал подробно вид Осборна, его свидание со стряпчим, выразил удивление, что принципал никого не разнес в этот день в конторе; а когда стали разливать вино, Чоппер пустился в нескончаемые отвлеченные рассуждения и догадки, но они с каждой новой рюмкой становились все туманней и наконец сделались и совсем непостижимыми. Поздно вечером усадил капитан Доббин в извозчий экипаж своего гостя, икавшего и клявшегося, что он навеки пребудет вернейшим другом капитана.

Мы упоминали уже о том, что Доббин, расставаясь с мисс Осборн, испросил у нее позволения посетить ее вновь, и стареющая девица поджидала его на следующий день в течение нескольких часов. Приди он и задай ей вопрос, на который у нее был готов ответ, мисс Джейн, вероятно, открыто стала бы на сторону брата, и, таким образом, между Джорджем и гневающимся отцом могло бы состояться примирение. Но хотя она и ждала его, капитан не явился. Ему надо было устроить свои собственные дела, посетить и успокоить родителей, занять пораньше место в дилижансе и отправиться к своим друзьям в Брайтон.

В этот же день мисс Осборн услышала, как ее отец отдал приказ, если явится капитан Доббин, — этот негодяй, сующий свой нос в чужие дела, — не пускать его на порог; таким образом, всем надеждам, какие она, может быть, лелеяла втайне, был внезапно положен конец. А там явился мистер Фредерик Буллок. Он был необычайно нежен с Марисей и внимателен к старому расстроенному джентльмену; и хотя этот последний и уверял, что совершенно успокоился, однако меры, к каким он прибегал для своего успокоения, были, по-видимому, недействительны, события последних дней явно его сломили.

ГЛАВА XXV,
в которой главные действующие лица признают своевременным
покинуть Брайтон

Будучи проведен в Корабельной гостинице к дамам, Доббин вооружился весельем и болтливостью, ясно обнаруживавшими, насколько молодой офицер с каждым днем совершенствовался в лицемерии. С одной стороны, он пытался скрыть свои личные чувства при встрече с миссис Джордж Осборн в ее новой обстановке, с другой — ему хотелось замаскировать свою боязнь при мысли о том, что привезенные дурные вести слишком потрясут Амелию.

— Я держусь того мнения, Джордж, что не пройдет и трех недель, как французский император двинется на нас со всем

своим войском, пешим и конным, и заставит герцога протанцевать такой танец, перед которым испанская война покажется детской забавой. Только, знаешь, тебе незачем рассказывать это миссис Осборн... В конце концов, нам, может быть, и не придется участвовать в боях, и вся наша деятельность в Бельгии сведется просто к оккупации. Многие так думают, и Брюссель переполнен щеголями и светскими дамами.

Таким образом, задачи британской армии в Бельгии решено было изобразить Амелии в самом невинном свете.

Подготовив заговор, лицемерный Доббин приветствовал миссис Осборн весьма весело; он попытался сказать ей одну-другую любезность, относящиеся к новой ее жизни (надо заметить, это выходило у него неловко, и слова застревают у него в гортани), а затем распространился о Брайтоне, морском воздухе этого местечка, о красоте только что совершенного им пути и, наконец, о достоинствах дилижансов «Молния» и их упряжек. Все это говорилось капитаном весьма бессвязно, и Амелия иногда его совсем не понимала, к великой потехе Ребекки, которая наблюдала за капитаном, как и за всяким, с кем она сталкивалась в жизни.

Нельзя не признаться, маленькая Амелия была весьма невысокого мнения о друге своего мужа, капитане Доббине; он заикался, был простоват, очень некрасив, чрез-

вычайно застенчив и неловок; он нравился ей тем, что был привязан к ее мужу (хотя, конечно, не его в том была заслуга!); она считала своего Джорджа необычайно великодушным и добрым за то, что он дарил дружбой своих братьев-офицеров. Джордж неоднократно передразнивал перед женой заикание и забавные манеры Доббина, хотя, надо отдать ему справедливость, о душевных качествах своего друга он отзывался всегда с уважением. В эти дни недолгого своего торжества Амелия не знала его еще близко; она легкомысленно судила о честном Доббине, а он, будучи о том хорошо осведомлен, мирился с этим весьма смиренно. Наступило, правда, время, когда Амелия узнала капитана лучше и когда она изменила свое представление о нем, но до этого нам еще далеко.

Что касается Ребекки, то не успел капитан провести в обществе дам и двух часов, как она уже разгадала его тайну. Доббин Ребекке не нравился, в глубине души она побаивалась его; да и капитан не слишком был к ней расположен. Он был настолько прямодушен, что ее уловки и лесть нисколько на него не действовали, и он инстинктивно чуждался ее. Ребекка отнюдь не превосходила представительниц своего пола, чтобы быть выше ревности, и особенно не любила Доббина за его обожание Амелии. Тем не менее в обращении с ним она была весьма сердечна и внимательна. Друг Осборнов! Друг дорогих ее благодетелей! Бекки клялась, что всегда будет любить его искренно. Она отлично помнила вечер в Воксхолле, как она заметила лукаво Амелии, и она немножко подтрунила над капитаном, когда обе дамы удалились наверх переодеться к обеду. Раудон Кроули обращал на капитана мало внимания, считая его добродушным простофилей и плохо воспитанным купчишкой; Джоз, со своей стороны, относился к нему покровительственно, хотя и не без некоторого высокомерия.

Когда Доббин и Джордж оказались наконец одни в комнате последнего, капитан вынул из портфеля письмо, которое мистер Осборн поручил ему передать сыну.

— Это не отцовский почерк! — сказал Джордж встревоженно.

Оно и не было от отца, а исходило от поверенного мистера Осборна и гласило следующее:

«Бетфорд-роу, 7 мая 1815 г.

Милостивый государь!

По поручению мистера Осборна я извещаю Вас, что он остается при решении, каковое выразил Вам лично. Ввиду же того брака, в который Вам угодно было вступить, он отныне отказывается считать Вас членом своей семьи. Решение это окончательное и бесповоротное.

Хотя деньги, издержанные на Вас еще до Вашего совершеннолетия, а равно и чеки, какие Вы щедро выдавали в последние годы на контору Вашего батюшки, значительно превышают капитал, на какой Вы вправе рассчитывать (ибо он составляет лишь третью часть наследства после Вашей матушки, покойной миссис Осборн, отказанного Вам и Вашим сестрицам: мисс Джейн Осборн и мисс Марии Фрэнсис Осборн), тем не менее я уполномочен сообщить Вам, что мистер Осборн отказывается от всяких претензий на Ваше имущество, и капитал этот в две тысячи фунтов стерлингов в 4%-ных государственных облигациях (составляющий треть наследства, оставленного Вам Вашей матушкой, и простирающийся до шести тысяч фунтов стерлингов) будет выплачен Вам, милостивый государь, по курсу дня, по представлении Вами или уполномоченным Вами лицом расписки на сей предмет.

Ваш покорный слуга *С. Гигс*.

«Р. S. Мистер Осборн желает, чтобы я заявил Вам, что он раз навсегда уклоняется от получения от Вас каких-либо писем, вестей и сообщений по этому и по всяким иным предметам».

— Нечего сказать, прекрасно ты уладил дело! — сказал Джордж, свирепо взглянув на Доббина. — Полюбуйся на это письмо, Доббин! — И он бросил ему письмо отца. — Ну вот, я теперь нищий! А все из-за моей проклятой сентиментальности! Будто нельзя было подождать! Какая-нибудь шальная пуля прикончила бы меня на войне... Да это может случиться и теперь, и желал бы я знать, насколько улучшится положение Эмми от того, что она останется вдовой нищего! Это все дело твоих рук! Ты не мог успокоиться, пока не заставил меня жениться и не разорил меня вконец! Ну, что я могу, черт побери, сделать на две тысячи фунтов? Я вон, с тех пор как здесь, проиграл Кроули в карты и на бильярде сто сорок фунтов! Можно сказать, здорово ты устраиваешь дела!

— Разумеется, что и говорить, положение тяжелое, — ответил тот, прочитав письмо и поблуднев. — И ты правильно говоришь, это до некоторой степени дело моих рук! Однако нашлись бы люди, которые охотно поменялись бы с тобой судьбою! — прибавил он со скорбной улыбкой. — Много ли у нас в полку капитанов, у которых нашлось бы две тысячи фунтов про черный день! Как ты думаешь?.. Тебе придется жить на жалованье, пока не смягчится отец. А если ты умрешь, ты оставишь жене доход в сто фунтов...

— Неужели же ты думаешь, что человек с моими привычками может существовать на жалованье с прибавкой сотни фунтов в год? — воскликнул Джордж в сильном гневе. — Ведь надо быть идиотом, чтобы говорить подобное, Доббин! Каким образом, черт возьми, буду я в состоянии поддерживать положение в свете на такие несчастные гроши?! Я не могу изменить своих привычек! Я привык пользоваться известными удобствами! Я не так воспитан с детства, чтобы довольствоваться похлебкой, как Мак-Уиртер, или картофелем, как старый О'Дауд. Ведь не допускаешь же ты мысли, чтобы моя жена занялась стиркой солдатского белья или следовала за полком с обозом?

— Ну, полно, полно! — успокаивал его добродушно Доббин. — Все уладится! Но только, милый мой Джордж, покорись и помни: сейчас ты развенчанный принц. Веди же себя скромно, пока не пронесется буря. Ведь это ненадолго! Если твоя фамилия будет напечатана в газетах, я уверен, отец смягчится!

— Будет напечатана в газетах? В каком отделе, желал бы я знать? Того и гляди, попадешь в список убитых или раненых, возвращающихся на родину! Да еще, пожалуй, в самом его начале! Как будто этого не может быть! Это даже весьма вероятно!

— Ну, достаточно будет времени плакаться, когда это произойдет! — сказал Доббин. — Случись беда, ты знаешь, у меня тоже есть кое-что, и я не собираюсь жениться. И в своем завещании я, конечно, не забуду своего крестника! — прибавил он с улыбкой, и после этого спор между Доббином и Осборном закончился, как заканчивался не раз и раньше, заявлением последнего, что на Доббина нельзя сердиться долго, и великодушным прощением обид, которые он сам же нанес Уильяму, не имея на то никаких причин.

— Послушай, Бекки! — закричал из своей комнаты Раудон Кроули жене, которая наряжалась у себя к обеду.

— В чем дело? — спросил звонкий голосок. Она смотрела на себя через плечо в зеркало. Она надела восхитительное новое белое платье с широким вырезом и голубым кушаком и с своим скромным ожерельем на шее являла собою образ девической чистоты и безмятежности.

— Я говорю: что станет с миссис Осборн, когда Осборн уйдет с полком? — сказал Кроули, входя в комнату и разыгрывая дуэт на голове с помощью двух громадных щеток. Он с восхищением глядел на свою маленькую хорошенькую жену.

— Я полагаю, она выплачет себе глаза! — ответила Бекки. — Она уже десять раз принималась ныть при одном только упоминании о предстоящей разлуке.

— А тебе вот все равно! — сказал Раудон полусердито, раздраженный недостатком чувства в Ребекке.

— Ах, бессовестный! Будто ты не знаешь, что я намерена ехать вместе с тобой! — сказала Бекки. — Но ты — другое дело. Ты отправляешься на войну адъютантом генерала Тефта. Да и к тому же мы ведь не пехота! — сказала миссис Кроули, вздернув головку столь восхитительно, что муж нагнулся и поцеловал ее.

— Раудон, милый, не думаешь ли ты, что было бы лучше получить от этого Купидона деньги, раньше чем он уедет? — продолжала Бекки, бросая на мужа смертоносный взгляд.

Купидоном она окрестила Джорджа Осборна. Она уже не раз говорила ему комплименты по поводу его наружности и нежно посматривала на него, играя с ним в экарте¹, когда он забегал к Раудону за полчаса до отхода ко сну.

Она нередко называла Осборна ветреником и ужасным мотом и угрожала рассказать Эмми о плохом его поведении и гадких расточительных его привычках. Она угощала Джорджа сигарами, сама их закуривая; она знала, какое действие оказывают подобные маневры, испытав их в былые дни на Раудоне Кроули.

Бекки казалась Осборну веселой, бойкой, лукавой, изысканной и очаровательной особой. Во время маленьких прогулок и обедов она, конечно, совершенно затмевала бедняжку Эмми, которая всегда безмолвствовала и робела, в то время как миссис Кроули и Осборн забавлялись болтовней, а капитан Кроули, а с ним вместе и Джоз, после того как он присоединился к новобрачным, жадно и молча набрасывались на еду.

Однако в сердце Амелии зарождалось недоверие к подруге. Остроумие Ребекки, ее ум и все ее совершенства смущали и тревожили ее. С момента их брака прошла лишь неделя, а Джордж начинал уже скучать и жаждать общества. Она трепетала за будущее.

«Ну, какая я буду ему спутница в жизни, — думала она, — такому блестящему и такому умному, я, ничтожное, глупое создание! И как благородно было с его стороны жениться на мне, всем пожертвовать и спуститься до меня! Мне следовало отказать ему, но у меня не хватило духу... Я не должна была покидать дома, а должна была утешать бедного папеньку!»

Мысль о равнодушии к родителям (а это обвинение беспокойная совесть предъявляла бедной Амелии не совсем безосновательно) появилась у нее впервые и заставила ее краснеть от раскаяния.

«Какой я была скверной эгоисткой, — думала она, — бросив их в тяжелой беде и заставив Джорджа на мне жениться! Я знаю, что недостойна его, знаю, что он был бы гораздо счастливее без меня... Но я ведь так старалась от него отказаться!»

Нехорошо, если подобные мысли возникают в сознании новобрачной и причиняют ей терзания в первые же дни брака. Тем не менее оно так и было; и еще вечером накануне того дня, когда Доббин присоединился к своим друзьям, в чудную сияющую лунную майскую ночь, такую теплую и благоуханную, что все окна на балконе стояли открытыми настежь и Джордж и миссис Кроули любовались на балконе на расстилающийся перед ними спокойный океан, в то время как Джоз и Раудон были заняты в комнате игрою в карты, — всеми забытая Амелия, откинувшись в спокойном кресле и наблюдая за обеими парами, чувствовала раскаяние и отчаяние, — горькие товарищи для нежного и одинокого сердца!

Прошла лишь неделя — и вот! Будущее, если бы она взглядела в него попристальней, представило бы ей и еще худшие перспективы, но Эмми была слишком робка, чтобы заглядывать в него и пускаться, если так можно выразиться, в одиночестве в беспредельное море, и неспособна управлять ладьей без кормчего и покровителя. Я знаю, мисс Смит невысокого о ней мнения, но многие ли обладают вашей необычайной решимостью, моя дорогая леди!

¹ *Экарте* — карточная игра для двух лиц.

Когда Джордж и миссис Кроули любовались на балконе на расстилающийся перед ними спокойный океан, в то время, как Джоз и Раудон были заняты в комнате игрою в карты, — всеми забытая Амелия, откинувшись в спокойном кресле и наблюдая за обеими парами, чувствовала раскаяние и отчаяние

— Бог мой, что за чудная ночь и какая яркая луна! — произнес Джордж, попыхивая сигарой, дым от которой медленно поднимался к небесам.

— Ах, как ароматна ваша сигара! Я обожаю их!.. И кто мог бы подумать, что луна отстоит от нас на 236 847 миль? — прибавила Бекки, глядя с улыбкой на лунный диск. — Не правда ли, я умница, что все это помню? Мы зубрили это все у мисс Пинкертон... А какая тишь на море и как ясно все освещает луна! Уверю вас, я вижу очертание французского берега!

И ее большие зеленые глаза уставились в ночь и пронзали мрак, как будто могли различить предметы.

— Знаете, что мне хочется сделать как-нибудь утром? Я хорошо плаваю, и вот когда компаньонка тетушки Кроули, старая Бриггс, — вы помните ее, эта особа с крючковатым носом и длинными жиденькими косицами, — так вот, когда она отправится купаться, я нырну к ней в кабинку и заставляю ее пообещать мне в воде примирить нас с теткой! Недурной план, правда?

Джордж расхохотался, представив себе эти водяные переговоры.

— Ну, что у вас там? — крикнул Раудон, тряся стаканчик с костями. Амелия же разволновалась чуть не до истерики и удалилась к себе, чтобы выплакаться на свободе.

В этой главе рассказ наш обречен скакать то вперед, то назад, и мы, доведя повествование до завтрашнего дня, сейчас же возвращаемся вспять, к вчерашнему, чтобы все разъяснить, как следует.

Это как во дворцах на приемах. Кареты посланников и высоких сановников принимают своих седоков у личного подъезда и отъезжают с ними, а дамам капитана Джонса приходится еще долго ждать. Или как, например, в приемной секретаря государственного казначейства, где собралось с полдюжины просителей; все они терпеливо ждут аудиенции, пока их выкликают одного за другим, но вот внезапно появляется ирландский представитель парламента и, не считаясь ни с кем, немедленно проникает в кабинет помощника секретаря.

То же происходит и с повествованием; романисту иной раз приходится проявлять подобное же пристрастие: и надо бы взяться за подробности, а их приходится отодвигать в сторону, если в рассказ внедряются важные события, а, конечно, то событие, которое привело Доббина в Брайтон, то есть выступление союзных войск в Бельгию и поступление армии под команду его светлости герцога Веллингтона, это почтенное событие, смею думать, достаточно многозначительно, чтобы получить первенство перед ничтожными мелочами, из которых главным образом и сплетается наша история. Отсюда и проистекает небольшая бессвязность и сумбур повествования, вполне, впрочем, извинительные и даже приличествующие случаю.

Теперь мы забежали достаточно далеко за пределы двадцать второй главы, чтобы застать своих героев в их комнатах, где они переодеваются к обеду, который должен был иметь место, как и обыкновенно, в тот день, когда Доббин прибыл в Брайтон.

Джордж был слишком гуманен или слишком занят завязыванием галстука, чтобы сразу преподнести Амелии новость, привезенную товарищем из Лондона. Впрочем, он вошел в комнату, держа письмо поверенного отца с таким важным и торжественным видом, что его жена, бывшая всегда настороже и всегда ожидавшая бед, подумала, что пришло самое ужасное. Она бросилась к своему дорогому Джорджу, умоляя его сказать всю правду: вероятно, он получил приказ отправляться на континент, сражения начнутся на будущей неделе, так ведь?

Дорогой Джордж отклонил вопрос о предстоящем походе и сказал, меланхолично покачав головой:

— Нет, Эмми, не то! И я беспокоюсь не о себе, а о тебе. Я получил дурные вести от отца. Он не желает меня видеть, он отрекается от нас и обрекает нас на нищету... Что касается меня, я сумел бы с этим примириться, но ты, моя дорогая, как ты пере-несешь бедность? Вот, прочти! — И он передал ей письмо.

Эмми тревожно слушала благородного героя, пока он высказывал великодушные чувства, а затем, присев на кровать, погрузилась в письмо, которое Джордж протянул ей торжественно, с видом мученика. Но когда она прочла этот документ, лицо ее тот-час же прояснилось. Мысль разделить с любимым человеком бедность и лишения от-нюдь не была неприятна этой добросердечной молодой женщине, как мы уже гово-рили, и подобная картина представлялась Эмми даже привлекательной. Потом она, по обыкновению, устыдилась, что осмеливается считать себя счастливой в столь не-подходящую минуту и, скрыв свою радость, сказала не без лицемерия:

— О, Джордж, верно, твое бедное сердце обливается кровью от разрыва с ба-тюшкой!

— Поистине, обливается! — ответил Джордж с изнемогающим видом.

— Но ведь он не может долго на тебя гневаться! — продолжала Эмми. — На тебя никто не может сердиться долго, я уверена в этом! И он простит тебя, моего милого, дорогого мужа! О, я никогда не простила бы себе, если бы вы не примирились!

— Пойми, я страдаю не за себя, а за тебя, моя бедная Эмми! — сказал Джордж. — Я не боюсь бедности и скажу без хвастовства, у меня хватит способностей пробить себе дорогу и самому.

— Ну, еще бы! — подтвердила его жена, соображая, что война скоро кончится и ее муж немедленно получит генеральский чин.

— Я смогу пробить себе дорогу не хуже всякого другого, — продолжал Осборн, — но я не могу перенести, чтобы ты, моя дорогая девочка, была лишена тех удобств и того положения в обществе, на которые ты вправе рассчитывать, будучи моей женой! Моя дорогая девочка в казарме! Чтоб она, как какая-нибудь жена солдата, следовала с полковым обозом! Чтоб она подвергалась невзгодам и лишениям! Одна мысль об этом приводит меня в отчаяние!

Эмми, весьма обрадованная тем, что ее мужа смущают только подобные пустяки, взяла его руку и с сияющим лицом стала повторять слова известной песенки: «Ста-рая, шаткая лестница...», в которой героиня, упрекая Тома за невнимательность, об-ещает штопать ему панталоны и готовить грог, если он будет нежен к ней и ве-рен ей.

— И, кроме того, — сказала после некоторого молчания Эмми, очаровательная и счастливая, какой пожелала бы быть каждая молодая женщина, — разве две тысячи фунтов не огромная сумма, Джордж?

Джордж только рассмеялся этой наивности, и они пошли наконец обедать, при-чем Эмми повисла на руке Джорджа, шепеча: «Старая, шаткая лестница...» — и чув-ствуя себя довольной и радостной, как никогда за последние дни.

Таким образом, этот обед, который наконец наступил, вместо того чтобы быть скучным, оказался чрезвычайно веселым и оживленным. Возбужденный мыслью о предстоящей кампании, Джордж даже не слишком огорчился вестью о лишении на-следства. Доббин же продолжал взятую им на себя роль болтуна. Он занимал публи-

ку рассказами о лагере в Бельгии. Пребывание там, по его словам, должно было превратиться в сплошной ряд пиршеств, веселья и светских развлечений. И под конец, преследуя уже особую цель, капитан пустился описывать, как миссис О'Дауд, супруга майора, укладывала свой гардероб и гардероб мужа, как она запрятала лучшие эпoletы в чайную шкатулку, а знаменитый желтый тюрбан с райской птицей поместила, обернув его бумагой, в жестяной футляр из-под майорской треуголки. Уильям представлял себе впечатление, какое этот головной убор произвел бы при дворе в Генте¹ или на больших военных балах в Брюсселе.

— В Генте? В Брюсселе? — воскликнула Амелия, внезапно затрепетав и впадая в волнение. — Да разве полк получил уже приказ выступать, Джордж? Неужели же это правда?

Выражение ужаса появилось на нежном, смеющемся личике, и Амелия инстинктивно прильнула к Джорджу.

— Не пугайся, дорогая моя, — сказал ей муж ласково, — это лишь двенадцати-часовой переход, он не утомит тебя! Ведь ты отправишься с нами, Эмми!

— Я тоже намерена ехать! — сказала Бекки. — Впрочем, я принадлежу к штабу! Генерал Тефто усиленно за мной ухаживает. Правда, Раудон?

Раудон, по обыкновению, громко загоготал, а Уильям Доббин вспыхнул.

— Но она не может ехать с нами! — сказал он. — Подумайте только об... — «опасности», хотел он прибавить, но разве все его речи не клонились к тому, чтобы доказать отсутствие всякой опасности?

Он сконфузился и умолк.

— Я должна и хочу ехать! — воскликнула Амелия в величайшем волнении, и Джордж, одобряя ее решимость, потрепал ее по подбородку и спросил присутствующих, видывал ли кто-нибудь такую задорную женщину, и выразил согласие взять Эмми с собой.

— Ты будешь находиться под покровительством миссис О'Дауд, — сказал он.

Разве это не было ей безразлично?! Только бы ее муж был с нею! Таким образом, горечь отъезда была смягчена. Хотя война и опасность продолжали висеть над ними по-прежнему, но война и опасность могли не обрушиться им на голову еще целые месяцы; во всяком случае, предвиделась отсрочка, и это одно делало маленькую робкую Амелию такой счастливой. В конце концов и сам Доббин в тайниках своего сердца должен был признаться, что подобный исход был для него наиболее желательным; величайшим счастьем и целью его жизни было видеть Амелию, и он обдумывал уже втайне, как он будет заботиться о ней и охранять ее.

«Будь я ее мужем, я, конечно, не потерпел бы, чтобы она ехала со мной, — думал он, — но ведь Джордж — владыка». И его друг считал неприличным оспаривать его решение.

Обвив рукой талию подруги, Ребекка увлекла Амелию из столовой, где обсуждались такие важные вопросы, и мужчины были предоставлены самим себе и веселой беседе за вином.

Пока они сидели за столом, Раудону подали записочку от жены, и хотя он и сжег ее немедленно на свече, тем не менее мы успели пробежать ее, еще стоя за плечом Ребекки.

¹ В Генте находился двор бежавшего из Парижа Людовика XVIII.

«Великая новость! — писала она. — Миссис Бьют уехала! Получи деньги с Купидона сегодня же, так как возможно, что он завтра уедет. Не забудь! Р.».

И вот когда маленькое общество собралось переключаться к дамам, чтобы приняться за кофе, Раудон тронул Джорджа за локоть и, отойдя с ним в сторону, сказал ему любезно:

— Послушай, дорогой Осборн, если это для тебя не стеснительно, я позволю себе напомнить, ну, знаешь, о нашем небольшом расчете...

Это было весьма стеснительно, тем не менее Джордж вынул деньги из бумажника и тут же уплатил ему значительную часть долга, а на остальную выдал приказ своему поверенному произвести платеж в недельный срок.

После этого между Джорджем, Джозом и Доббином состоялся военный совет за сигарами, и они порешили совершить общий отъезд в коляске Джоза на другой же день.

Мне думается, Джоз охотно отложил бы свой отъезд до отбытия из Брайтона Раудона Кроули, но Доббин и Джордж, переубедили его, и в конце концов было решено, что он отвезет общество завтра в своей коляске. Джоз тут же приказал приготовить четверку лошадей, как это и подобало его достоинству. На этой четверке они и отбыли на следующий день после завтрака.

Амелия поднялась в это утро рано и с величайшей бодростью принялась за укладку своего маленького сундучка, пока Осборн валялся в кровати и ныл, что у его жены нет горничной для услуг; она же, наоборот, только радовалась, что должна все делать сама. Смутное недовольство против Ребекки уже наполняло ее душу, тем не менее, прощаясь, они нежно расцеловались. Все мы знаем, что значит ревность, и, конечно, это чувство было свойственно Амелии наравне со всеми прочими добродетелями ее пола.

Кроме всех этих персонажей, которые то приезжали на наших глазах в Брайтон, то уезжали оттуда, там пребывали и еще кое-кто из наших давнишних знакомых, а именно мисс Кроули со своим обычным штатом. Однако, хотя Ребекка и ее супруг жительствоваали в нескольких шагах от ее дома, дверь престарелой девственницы оставалась для них, как и в Лондоне, безжалостно закрытой. Пока миссис Бьют Кроули пребывала возле невестки, она неотступно оберегала свою дорогую Матильду от пагубного волнения, какое могла причинить ей встреча с негодным племянником. Если старая дева предпринимала прогулку, верная миссис Бьют сидела в экипаже рядом с ней, если миссис Кроули отправлялась в кресле подышать воздухом — миссис Бьют шествовала по одну сторону ее колесницы, а честная Бриггс прикрывала свою покровительницу с другого фланга. Если они случайно встречались с Раудоном и его женой и он отвешивал низкий поклон, компания мисс Кроули проходила мимо с таким убийственным равнодушием, что Раудон начинал уже совсем впадать в отчаяние.

— С таким же успехом мы могли бы и не выезжать из Лондона! — говорил нередко капитан с убитым видом.

— Удобная гостиница в Брайтоне во всяком случае предпочтительней долгового отделения на Чансэри-Лейн, — возражала на это Бекки, отличавшаяся более бодрым настроением. — Вспомни об адъютантах судебного пристава, мистера Мозеса, подстерегавших нас целую неделю у нашего дома... Конечно, наши здешние друзья весьма тупы, тем не менее Джоз и капитан Купидон более приятные товарищи, нежели приспешники мистера Мозеса, любовь моя!

- Дивлюсь я одному: как они не прислали сюда исполнительных листов?!
- Ну, если они это и сделают, мы ускользнем! — решила неустрашимая малютка Бекки, не упустив тут же поставить супругу на вид все выгоды и преимущества общения с Джозом и с Осборном, весьма своевременно принесшим Раудону некоторое подкрепление в виде тех денег, какими он располагал теперь.
- Но их едва ли хватит, чтобы расплатиться в гостинице! — проворчал гвардеец.

— А что за необходимость платить? — возразила на это леди, у которой на все был готов ответ.

Через слугу Раудона, продолжавшего поддерживать вялое знакомство с мужской половиной застойной мисс Кроули и получившего приказание угощать кучера мисс Кроули, где бы они ни встретились, нашей молодой чете был известен каждый шаг старой мисс Кроули. Да и Ребекка весьма удачно притворилась больной, чтобы позвать к себе аптекаря, пользовавшего старую леди; таким образом, они были осведомлены о ней достаточно хорошо.

Мисс Бриггс втайне не питала к Раудону и его жене недружелюбных чувств, хотя внешне и была принуждена сохранять враждебный вид. Конечно, она была доброго и прощающего нрава, и теперь, когда у нее отпала причина ревновать Матильду к Ре-

бекке, у нее исчезла также и всякая неприязнь к последней, и ей невольно вспоминались неизменная ласковость и приветливость Бекки. В довершение же всего и Бриггс, и Фиркин, да и вообще вся челядь мисс Кроули втайне роптали на деспотизм торжествующей мисс Бьют.

Как это часто бывает, эта добрая, но властная женщина слишком широко пользовалась своими успехами и преимуществами и в несколько недель привела больную невестку в состояние такой беспомощной покорности, что бедняжка подчинилась ей всецело, не осмеливаясь даже жаловаться на свое порабощение Бриггс или Фиркин.

Миссис Кроули отмеривала с неукоснительной аккуратностью разрешенное мисс Кроули количество вина, к большому неудовольствию миссис Фиркин и буфетчика, которые оказались лишены возможности распорядиться даже хересом. Она распределяла на порции сладкие пироги, варенье, цыплят и всему определяла счет и меру. И ночью, и утром, и в полночь она являлась с отвратительными лекарствами, прописанными врачами, и заставляла пациентку глотать их с трогательным послушанием, так что даже Фиркин восклицала:

— А бедная миледи кушает все эти снадобья, как кроткая овечка!

Она предписывала прогулки в экипаже и в кресле, словом, вполне подчинила себе выздоравливающую старую леди, как это и удастся женщинам, действующим по силе своего разума и произвола, коль скоро они одарены истинно материнскими и милосердными инстинктами.

Если пациентка делала попытку к возмущению, моля о лишнем кусочке за обедом или об уменьшении порции лекарства, сиделка грозила ей немедленной гибелью, и мисс Кроули тотчас же сдавалась.

— Всякой бодрости ее, бедненькую, лишили, — соболезновала Фиркин перед мисс Бриггс, — за три недели хоть бы раз меня дурой обозвала!

Наконец миссис Бьют решила рассчитать упомянутую горничную миледи, толстого доверенного слугу Боульса и даже самое мисс Бриггс и послать за своими дочерьми, чтобы потом везти дорогую больную в Куинс Кроули. Но тут произошел ужасный случай, который отвлек миссис Бьют от всех ее приятных обязанностей.

Достопочтенный Бьют Кроули, ее супруг, возвращаясь как-то ночью верхом, упал с лошади и сломал себе ключицу. У него сделалась лихорадка, появились симптомы воспаления, и миссис Бьют волей-неволей принуждена была уехать из Суссекса в Гэмпшир. Она, впрочем, обещала, как только Бьют поправится, тотчас же вернуться к дорогому другу и преподала, уезжая, строжайшие указания прислуге, как ей надлежало вести себя в отношении больной. Когда она уселась, наконец, в соутгэмптонскую карету, весь дом мисс Кроули возликовал, и все собравшееся там общество испытало чувство освобождения.

В то же утро мисс Кроули уклонилась от послеобеденного приема лекарства, мистер Боульс откупорил после обеда для себя и миссис Фиркин свежую бутылочку хереса, а вечером мисс Кроули вместо назидательного чтения проповедей Портеуса на сон грядущий предалась с мисс Бриггс пикету. Словом, повторилась старинная сказка, в которой дубинка позабыла колотить собаку, и вследствие этого произошел мирный и счастливый переворот во всех дальнейших событиях.

Мисс Бриггс трижды или дважды в неделю в ранний утренний час направлялась обычно к кабинке и плескалась в море в фланелевом купальном костюме и клеенча-

том чепце. Ребекке, как мы видели, это обстоятельство было известно, и хотя она не хотела, конечно, учинять над Бриггс насилия и не собиралась, как она угрожала, являться в кабинку и поражать мисс Бриггс неожиданным вторжением под эту священную сень, тем не менее она твердо решила атаковать Бриггс, когда та будет уходить после купанья, освеженная и в добром настроении.

И вот в ближайший день, рано утром, Бекки перенесла к себе, в выходившую на взморье гостиную, огромную зрительную трубу и навела ее на кабинки. Увидев, что Бриггс появилась, вошла в кабинку и погрузилась затем в море, Бекки тотчас же очутилась на берегу, как раз в тот момент, когда нимфа, свидания с которой она искала, вылезала из каретки на прибрежные голыши. Картина была очаровательная: взморье, лица купальщиц, длинный ряд утесов и зданий — все это цвело и сияло на солнце. Когда Бриггс показалась наконец из кабинки, Ребекка протянула ей ласково и нежно свою красивую белую ручку. Что оставалось старой девице, как не пойти навстречу этому приветствию?

— Мисс Шар... миссис Кроули! — протянула она, но миссис Кроули уже держала ее руку в своей руке, прижимала ее к сердцу и затем, внезапно поддавшись чувству, обняла мисс Бриггс и поцеловала.

— Дорогой, дорогой друг! — воскликнула Ребекка так естественно и искренно, что Бриггс стала сразу же размякать, да и прислужница в кабинке расчувствовалась также.

Тут Ребекка без всяких затруднений вовлекла мисс Бриггс в продолжительную, откровенную и усладительную беседу.

Все случившееся, начиная с того самого утра, когда Бекки внезапно покинула дом мисс Кроули в Парк-Лейне, и по настоящий день, включая сюда и благословенное удаление миссис Бьют, было обстоятельно доложено болтливой Бриггс. Все симптомы болезни мисс Кроули, особенности ее, способы лечения были переданы наперсницей с той полнотой и точностью, какую так любят женщины. Надоедает ли когда-нибудь женщинам жаловаться на докторов и рассказывать о них друг другу? И Бриггс не надоедало это рассказывать, а Ребекке ее слушать. Ах, как благодарила Бекки создателя — благодарила от чистого сердца, — что милой дорогой Бриггс, и верной неоценимой Фиркин было дозволено оставаться при их общей больной благодетельнице в течение всей ее болезни! Небо да благословит ее! Хотя она, Ребекка, и поступила, казалось бы, вопреки долгу в отношении мисс Кроули, однако разве ее прегрешение не естественно и не извинительно? Разве могла она отказать в своей руке человеку, который всецело завладел ее сердцем? Бриггс, девица чувствительная, только закатила глаза в ответ на этот вопрос и издала сочувственный вздох, вспомнив, что некогда — много лет назад — она и сама подарила любовью милого! Она признала, что Ребекка не была такой уж великой преступницей.

— Разве я могу забыть когда-нибудь ту, которая дружески отнеслась к одинокой сироте? Конечно, нет! И хотя она и отталкивает меня, — продолжала Бекки, — я никогда не перестану ее любить и готова посвятить служению ей всю свою жизнь! Я, дорогая моя мисс Бриггс, люблю и уважаю мисс Кроули больше всех женщин в мире: и как свою почтенную благодетельницу, и как родственницу, обожаемую моим дорогим Раудоном; а после нее я люблю всех тех, кто верен ей! Уж я никогда бы не отнеслась к людям, преданным тетушке, так, как это позволила себе эта отвратительная лживая жена священника! Хотя обращение Раудона и может показаться иной раз не-

брежным и резким, однако он весь сердце, — продолжала Ребекка, — и он сотни раз со слезами на глазах говорил мне, что благословляет небо, даровавшее его дорогой тетушке таких удивительных и заботливых сиделок, как преданная Фиркин и чудесная мисс Бриггс!

Ребекка умоляла мисс Бриггс помнить, — если бы ужасная миссис Бьют преуспела в своих кознях, чего можно было опасаться, и если бы любящие мисс Кроули были бы отторгнуты от ее сердца и изгнаны из ее дома, а сама несчастная леди оказалась бы жертвой этой гарпии, — что хотя ее собственный дом и очень скромен, однако он всегда готов приютить мисс Бриггс.

— Дорогой друг! — восклицала она в порыве воодушевления. — Ведь есть сердца, которые не забывают благодеяний! Не все женщины похожи на миссис Бьют Кроули... Но зачем мне жаловаться на нее, — прибавила Ребекка, — не ее ли хитростям обязана я моим дорогим Раудоном?

И Ребекка раскрыла мисс Бриггс тайну поведения миссис Бьют в Куинс Кроули, которая была ей раньше непонятна и которая достаточно выяснилась при дальнейших событиях. Тогда-то и разгорелась пламенем та страсть, которую поощряла миссис Бьют, и два ни в чем не повинных существа очутились в силках, хитро для них расставленных: они полюбили друг друга, соединились браком и вот теперь разорены вследствие ее происков!

Все это было совершенно верно. Бриггс ясно поняла козни миссис Бьют, способствовавшей браку Раудона и Ребекки.

Но хотя сама Бекки во всем этом и являлась ни в чем не повинной жертвой, тем не менее Бриггс не сочла себя вправе скрыть от своего дорогого друга, что прежнее расположение мисс Кроули к Ребекке безнадежно умалилось и что старая леди вряд ли простит племяннику его безрассудный брак.

Но у Бекки на этот счет было свое мнение. Если мисс Кроули не простит их теперь — кто знает, — не сдастся ли она позднее? В сущности, между званием баронета и Раудоном стоял лишь чахлый и болезненный Питт, и если с ним что-нибудь случится — все будет хорошо. Во всяком случае, уж одно то, что Бекки удалось раскрыть карты миссис Бьют и навлечь на нее тень подозрения, являлось удовлетворением для миссис Раудон и могло благоприятно сказаться на интересах Раудона; поэтому Ребекка после часовой болтовни с вновь обретенным другом рассталась с Бриггс с самыми нежными изъявлениями симпатии, вполне убежденная, что весь происходивший между ними разговор дойдет до мисс Кроули в самом скором времени.

По окончании свидания Ребекка только-только успела вернуться в гостиницу; все вчерашнее общество сидело уже за прощальным завтраком. Ребекка и Амелия простились весьма нежно, как это и подобало дамам, любящим друг друга, словно родные сестры, причем Бекки прибегала к носовому платку, обнимала свою приятельницу так, как если бы прощалась с ней навеки, и махала отъезжающим платком, который, кстати сказать, был совершенно сух. Продолав все это, она вернулась к столу и покушала креветок с таким аппетитом, какого никак нельзя было предположить в особе, столь расстроенной разлукой. Лакомясь этим деликатесом, Ребекка передала Раудону о том, что произошло между ней и Бриггс во время утренней прогулки. Ее надежды весьма укрепились, и она заставила Раудона разделить их, как, впрочем, и всегда заставляла его разделять свои мысли, безразлично — печальные или радостные.

— А теперь, мой дорогой, не угодно ли вам присесть к столу и написать хорошенькое письмецо мисс Кроули и рассказать ей, какой вы славный мальчик и все прочее!

Раудон послушно сел и стремительно написал: «Брайтон. Вторник. Дорогая тетюшка!», но тут воображение изменило доблестному офицеру. Он усиленно грыз перо и смотрел на жену, та же не могла удержаться от смеха при виде его жалобного лица. Заложив руки за спину, маленькая женщина принялась ходить взад и вперед по комнате и диктовать мужу письмо, которое тот послушно записывал.

— «Покидая отечество и пускаясь в предприятие, которое может оказаться для меня роковым...»

— Как? — воскликнул Раудон с изумлением, однако, уловив двусмысленность фразы, немедленно написал ее, ухмыляясь.

— «...оказаться для меня роковым, я прибыл сюда...»

— Отчего бы не сказать: «Я приехал сюда», Бекки? В этом ведь никакой ошибки против грамматики не будет? — сказал драгун.

— «Я прибыл сюда, — упорствовала Бекки, топнув ножкой, — чтобы проститься со старейшим и дражайшим моим другом. Я умоляю позволить мне, раньше чем я уеду, с тем может быть, чтоб не вернуться больше, пожать ту руку, от которой я во всю жизнь видел только ласку».

— Только ласку! — повторил Раудон, нацарапав эти слова и дивясь той легкости, с какой он сочинял это послание.

— «Я не желаю ничего больше, как расстаться с вами, примирившись. Мне приуща наша семейная гордость, хотя и не во всем. Я женился на дочери художника, и нисколько не стыжусь этого союза».

— Нисколечко! Пускай меня повесят — не стыжусь! — выпалил Раудон.

— Ах ты, дурачок! — сказала Ребекка, ущипнув его за ухо и заглядывая, не надедал ли муж ошибок.

— Рауди! «Умоляю» пишется через «о», а не через «а»!

В соответствии с этим указанием Раудон поспешил исправить ошибку, преклоняясь перед совершенством знаний своей супруги.

— «Я думаю, вам небезынтересно, как разрасталась во мне эта привязанность, — продолжала диктовать Ребекка, — я знал, что миссис Бьют Кроули одобряла мои искания и поощряла их. Но я не упрекаю ее. Я женился на бедной девушке и доволен тем, что сделал. Распорядитесь вашим капиталом, милая тетюшка, как вам заблагорассудится. Поверьте, я никогда не позволю себе жаловаться на ваши распоряжения. Я хотел бы убедить вас, что люблю вас не ради ваших денег. Я хотел бы примириться с вами, прежде чем покину Англию. Позвольте мне увидеть вас. Через несколько недель или месяцев это, может быть, будет уже слишком поздно. Я не могу примириться с мыслью покинуть отечество, не услышав от вас прощального привета».

— Она не узнает в этом письме моего слога, — сказала Бекки, — я нарочно старалась выдумывать фразы покороче и попроще.

Собственноручное послание Раудона было запечатано и послано по назначению на имя Бриггс.

Старая мисс Кроули только засмеялась, когда Бриггс с великой таинственностью подала ей это простодушное и чистосердечное излияние.

— Так как миссис Бьют нет, мы можем прочесть письмо! — сказала мисс Кроули. — Прочтите его, Бриггс!

Когда Бриггс дочитала послание до конца, ее покровительница расхохоталась еще больше.

— Неужели же, гусыня вы эдакая, — сказала она Бриггс, растроганной благородными чувствами, наполнявшими это произведение, — неужели же вы не понимаете, что Раудон в этом письме ни словом не повинен! Он никогда не написал мне строки, иначе как с просьбой о деньгах, и все его письма бывали полны ошибок, клякс и помарок. («Это все штуки этой маленькой змеи гувернантки! — решила про себя мисс Кроули. — Они все жаждут моей смерти!») Я ничего не имею против свидания с Раудоном, — продолжала она, помолчав, совершенно равнодушным тоном, — мне совершенно безразлично, пожмем ли мы лишний раз друг другу руку или нет, — если только он не затеет сцены. Против этого я ничего не имею. Но всякому терпению есть предел. Знайте, моя дорогая, при всем моем уважении к миссис Раудон, я решительно не желаю принимать ее у себя. Этого-то уж я не потеряю!

И мисс Бриггс принуждена была удовольствоваться этим слабым намеком на возможность примирения; она рассчитала, что всего лучше свести старую леди с племянником, заставив их повстречаться якобы случайно, и предупредила Раудона, чтобы он ждал их на берегу, когда мисс Кроули выедет туда в своем кресле подышать свежим воздухом.

Там они и встретились.

Мне неизвестно, ощутила ли мисс Кроули тайное волнение и прилив благоволения, увидав прежнего своего любимца, но она протянула ему два пальца для пожатия с такой приветливой и добродушной улыбкой, словно они только что расстались. Что касается Раудона, то он покраснел как рак и чуть не оторвал Бриггс руку, потрясая ее, — так сильно был он взволнован и смущен свиданием. Может быть, в нем говорила корысть, а может быть, и чувство; возможно также, что он был тронут переменной, какую за последние две недели произвела в тетке болезнь.

— Она всегда действует на меня, словно большой шлем!¹ — докладывал позднее Раудон о свидании. — Я, знаешь, совсем опешил и все такое... Я все время шел возле ее этого... ну, как это называется... и дошел с нею до самого ее дома. Ну, тут явился Боульс, помочь ей... И мне очень хотелось войти, но...

— Но ты не вошел, Раудон? — простионала его жена.

— Нет, моя дорогая! Пусть меня повесят, если меня не взяла оторопь, когда я собирался перешагнуть через ее порог...

— Дурак ты! Ты должен был войти туда хотя бы силой, с тем чтобы уж никогда не выходить оттуда! — сказала Ребекка.

— Не ругайся! — сказал грозный гвардеец. — Пусть я поступил глупо, но ты не должна говорить так!

Он бросил на жену взгляд, на какой был способен, будучи в гневе, и который вряд ли мог доставить кому-нибудь удовольствие.

— Ну, хорошо, хорошо, дорогой, — сказала Ребекка примирительно, желая успокоить возмущившегося супруга, — придется завтра повидаться с ней, будет ли она тебя звать или нет...

¹ *Большой шлем* — карточный термин из игры в бридж.

На это Раудон ответил, что сделает так, как захочет, а ей будет весьма благодарен, если она придержит свой язык; после этого оскорбленный супруг удалился в билярдную, где и просидел все утро, молчаливый, недовольный и обиженный.

Однако, прежде чем наступил вечер, Раудон вынужден был смириться и отдать, по обыкновению, должное мудрости и дальновидности своей жены, ибо предчувствия ее, вызванные его оплошностью, подтвердились самым плачевным образом.

Мисс Кроули, естественно, должна была несколько взволноваться, встретившись и поздоровавшись с племянником, и она долго раздумывала над этой встречей.

— Раудон очень потолстел и постарел, Бриггс, — заметила она своей компаньонке, — у него красный нос, и он страшно опустился. Брак с этой женщиной чрезвычайно его опошил. Миссис Бьют всегда говорила, что они пьют, и я в этом не сомневаюсь! От него разлило джином. Я это заметила, а вы?

Тщетно пыталась Бриггс возражать, что миссис Бьют обо всех отзывалась плохо и что, насколько позволительно судить особе в ее скромном положении, она...

— ...лукавая и коварная женщина! Ну, конечно! И она ни о ком доброго слова не скажет... Но я уверена, что та, другая, просто спаивает Раудона. Вся эта сволочь, вышедшая из ничтожества...

— Он, кажется, был очень растроган встречей с вами, — сказала компаньонка, — я уверена, если вы подумаете о том, что он отправляется на поле опасности...

— Сколько он посулил вам, Бриггс? — вскричала старая дева, приходя в бешенство. — Ну, конечно, теперь вы начинаете реветь! Терпеть не могу сцен! Уйдите, вы плачьтесь в своей комнате, а ко мне пришлите Фиркин! Впрочем, нет! Перестаньте плакать, садитесь, высморкайтесь и напишите письмо капитану Кроули!

Бедная Бриггс приблизилась и покорно уселась за бювар¹. Листы пропускной бумаги в нем хранили следы твердого, крупного и быстрого почерка недавнего секретаря старой девы, миссис Бьют Кроули.

— Начните так: «Милостивый государь!» Или нет! «Дорогой сэр!» Пишите так: «По желанию миссис, нет, мисс Кроули»... Впрочем, нет: по требованию пользующего мисс Кроули врача, мистера Кримера, вы поставлены в необходимость сообщить ему, что мое здоровье крайне ненадежно, и сильные волнения отзываются на нем губительно; поэтому я принуждена воздерживаться от всяких семейных переговоров и свиданий. Потом поблагодарите Раудона за то, что он приехал ради меня в Брайтон. А главное, убедите его из-за меня здесь не задерживаться! Ну а еще, мисс Бриггс, вы можете прибавить, что я шлю ему свои пожелания счастливого пути, и что, если ему будет угодно заехать к моему поверенному в Грэй-Инн-сквер, он найдет для себя пакет... По крайней мере, это побудит его уехать из Брайтона!

Благожелательная Бриггс выписала последнюю фразу с чрезвычайным удовлетворением.

— Напасть на меня в самый день отъезда миссис Кроули! — продолжала старуха. — Да это верх неприличия! Бриггс, моя дорогая, напишите миссис Кроули! Скажите ей, чтобы она сюда не возвращалась. Я этого не хочу! Ей незачем возвращаться! Я не желаю быть рабой в собственном доме и не хочу, чтобы меня морили голодом и отравляли всякими снадобьями! Все они хотят известить меня, все! — И с этими сло-

¹ Бювар — папка с пропускной бумагой, употребляемая для осушения написанного чернилами письма.

вами старуха начала истерически рыдать. Последняя печальная сцена ее лицедейства на ярмарке тщеславия приближалась; разноцветные лампочки гасли одна за другой, и недалеко была та минута, когда темный занавес должен был опуститься.

Заключительный параграф письма, которым Раудон приглашался посетить поверенного мисс Кроули в Лондоне и который доброжелательная мисс Бриггс приписала от всего сердца, несколько утешил драгуна и его супругу в их первом горьком разочаровании и произвел именно то действие, на которое и рассчитывала старая леди, а именно он заставил Раудона ускорить свой отъезд в Лондон. Он расплатился по счету в гостинице проигрышами Джоза и банковыми билетами Джорджа, и хозяин ее, вероятно, и посейчас не подозревает, как ненадежно было получение денег по этому счету. Подобно генералу, отправляющему перед сражением обоз в тыл, Ребекка мудро уложила все, что у нее было ценного, и отправила все это обратно с дилижансом, под охраной слуги Джорджа Осборна, которому была поручена доставка сундуков в Лондон. Тем же способом вернулись на следующий день и Раудон с женой.

— Я не прочь был бы повидаться со старухой перед отъездом, — сказал Раудон, — она очень изменилась и смотрит такой больной, что едва ли долго протянет... Хотел бы я знать, на какую сумму даст мне чек Вэкси! Вероятно, сотни на две, уж никак не меньше двух сотен, Бекки, а?

Дабы избежать повторных визитов джентльменов, портреты которых мы уже приводили на предыдущих страницах, Раудон и его супруга не вернулись в свою прежнюю квартиру в Бромптоне, а остановились в гостинице. На следующий день, рано утром, Бекки имела случай видеть их, проезжая по предместью по дороге в Фульгам, к старой миссис Седли, куда она направлялась с целью повидаться со своей милой Амелией и брайтонскими друзьями. Они все уехали в Чатам, а оттуда в Гарвич, чтобы сесть там на судно и двинуться с полком в Бельгию; добрая старая миссис Седли, находившаяся в полном одиночестве, была весьма расстроена и в слезах. Вернувшись из поездки, Ребекка застала дома мужа, который побывал в Грей-Инне и узнал то, что его интересовало. Он приехал взбешенный.

— Черт побери, Бекки! — сказал он. — Она расщедрилась всего на двадцать фунтов!

Хотя это и было явной насмешкой, но она была так удачна, что Бекки не могла не расхохотаться, глядя на разочарованное лицо Раудона.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА XXVI

Между Лондоном и Чатамом

П окинув Лондон, наш друг Джордж, как и подобало лицу, занимающему видное положение и следящему за модой и притом путешествующему в коляске четверкой цугом, торжественно подкатил к превосходной гостинице в Кавэндиш-сквере, где для Джорджа и его молодой супруги было уже приготовлено прекрасное помещение из нескольких комнат и где их ждал великолепно сервированный стол, с полудюжиной безмолвных черных лакеев. Джордж принимал Джоза и Доббина с видом владетельной особы, а Амелия заняла впервые, чрезвычайно смущаясь и стесняясь, место хозяйки «у себя за столом», как выразился Джордж.

Он браковал вина и отдавал приказания прислуге совсем по-королевски; Джоз с жадностью поглощал суп из черепахи, а Доббин то и дело пополнял его тарелку, так как хозяйка, перед которой стояла миска, настолько плохо разбиралась в ее содержимом, что совсем было собралась налить мистеру Седли супу, не положив ни кусочка черепахи.

Роскошь угощения и апартаментов, где оно происходило, встревожила Доббина, и он стал образумливать своего друга, когда Джоз уснул после обеда в глубоком кресле. Но он тщетно негодовал на невероятные размеры черепахи и обилие шампанского, которые могли бы оказать честь и столу архиепископа.

— Я привык путешествовать, как подобает джентльмену, и жена моя будет путешествовать, как подобает истинной леди, черт побери! Пока есть порох в пороховницах, она ни в чем нуждаться не будет! — сказал великодушный молодой человек, весьма довольный собой и широтой своего размаха. И Доббин не пытался уверять его, что счастье Амелии не заключается в супе из черепахи.

Спустя некоторое время после обеда Амелия робко выразила желание отправиться в Фульгам повидаться с маменькой, на что Джордж, поворчав немного, изъ-

явил соизволение. Амелия побежала в свою огромную спальню, посреди которой стояла огромная кровать, напоминавшая катафалк, — на этом самом ложе «извозчица почивать сестра императора Александра в бытность здесь союзных монархов». Эмми быстро и с величайшей радостью надела шляпку и шаль. Когда она вернулась в столовую, Джордж все еще продолжал пить кларет и не обнаруживал желаний двинуться с места.

— Разве ты, дорогой мой, не поедешь со мной? — спросила она его.

Нет, дорогову предстояло дело. Его лакей возьмет экипаж и проводит ее. Когда извозчица карета была подана к подъезду, Амелия простилась с ним разочарованно, заглянула ему раз-другой в лицо и печально спустилась вниз по широкой лестнице. Капитан Доббин последовал за ней, усадил ее в карету и проводил глазами отъезжавший экипаж. Даже лакей постыдился указать кучеру перед гостиничной челядью, куда ехать, и пообещал сделать это потом, когда они уедут.

Доббин пошел пешком в свое старое пристанище, к Слоутерсу, размышляя, как было бы чудесно сидеть в карете вдвоем с миссис Осборн; у Джорджа вкусы были, очевидно, совсем иные; выпив достаточно вина, он отправился в театр смотреть за полцены¹ Кина в роли Шейлока. Капитан Осборн был великий любитель драмы и неоднократно и сам исполнял разные роли на спектаклях во время полковых праздников. Что касается Джоза, то он проспал до глубоких сумерек и проснулся внезапно, разбуженный шумом, который производил его лакей, прибирая посуду со стола и опустошая стоявшие на нем графины; опять пришлось посылать на биржу за извозчиком, который и доставил грузного героя домой и в кровать.

Можете не сомневаться: миссис Седли прижала дочку к сердцу со всей материнской пылкостью и любовью, когда карета остановилась у садовой калитки; она выбежала на улицу приветствовать плачущую и трепещущую новобрачную. Старый мистер Клапп, возившийся без сюртука в цветнике, сконфузился и поспешил скрыться. Молодая же служанка-ирландка опрометью прибежала из кухни и приветствовала Амелию восклицанием:

— Благослови вас бог, миссис! — так что Амелия только с большим трудом могла пробраться по тротуару и по ступенькам лестницы в гостиную.

Читатель, сколько-нибудь склонный к чувствительности, без труда может себе представить, как мать и дочь плакали и обнимались в этом святилище. Когда только не плачут женщины? При каких только okazиях, радостных, горестных и всяких иных, не проливают они слез? А уж, конечно, после такого события, как свадьба, мать и дочь имели право дать простор чувствительности, изъятие которой одновременно и сладостно и облегчает. Я видывал женщин, которые ненавидели друг друга, и тем не менее принимались целоваться и плакать, как только речь заходила о брачных делах. Насколько же ярче их чувства, когда они любят друг друга! Добрые матери как бы снова выходят замуж на свадьбах своих дочерей; что же касается следующих за этим событий, то кому неизвестно, какую ультраматеринскую нежность проявляют бабушки? В самом деле, пока женщина не сделается бабушкой, она зачастую и не ведает вовсе, что значит быть матерью. Обойдем же почтительным молчанием то, о чем шептались и плакали и по поводу чего смеялись в сумерках гостиной Амелия и ее мать. С таким же уважением отнесся к этому и старый мистер Седли.

¹ После 9 часов вечера в второстепенных театрах Лондона места продаются за полцены.

Вот он-то не догадался, кто мог подъехать в карете, не побежал навстречу дочери, хотя и расцеловал ее горячо, когда она вошла в комнату, где он, по обыкновению, размышлял над своими бумагами, актами и счетами; посидев короткое время с женой и дочерью, он весьма мудро предоставил маленькую комнатку в полное их распоряжение.

Лакей Джорджа смотрел с большим презрением на мистера Клаппа, занимавшегося в одном жилете поливкой розовых кустов. Впрочем, он с большой снисходительностью снял шляпу перед мистером Седли, когда тот осведомился у него о зяте, об экипаже Джоза, и о том, брал ли последний с собой лошадей в Брайтон; при этом не забыты были и этот чертов изменник Бонапарт и война, а там из дома вышла служанка-ирландка с бутылкой вина на подносе, старый джентльмен настоял на том, чтобы самому угостить лакея. Он дал ему еще и полгинеи в придачу, которую лакей запрятал в карман со смешанным чувством удивления и презрения.

— Выпейте за здоровье ваших господ, Троттер, — сказал мистер Седли, — а на это — за свое собственное, когда вернетесь домой!

Прошло всего девять дней с тех пор, как Амелия покинула маленький коттедж и родительский кров, а между тем каким далеким казался уже тот день, когда она простилась с ними! Какая пропасть образовалась между ее настоящим и этой ее прошлой жизнью! Она оглядывалась на это прошлое с теперешней своей пристани, рассматри-

вая, словно какое-то другое существо, ту девочку, которая, будучи поглощена своей любовью, не видела ничего, кроме объекта своей любви, и принимала родительские ласки хотя и с благодарностью, но совершенно равнодушно и как нечто должное; ее чувства и мысли были устремлены на осуществление лишь одного желания. Обозрение прошлого, хотя и столь недавнего, но столь уже далекого, заставило Эмми устыдиться самой себя, а вид добрых родителей исполнил ее сердце нежным раскаянием.

Желанный приз — небесная мечта — не оказался ли все-таки сомнительным, и выигравшая его была ли удовлетворена?

Обыкновенно романист, после того как герой и героиня благополучно минуют брачный барьер, опускает занавес, словно драма закончилась, и все сомнения и борьба преодолены, и супругам остается, причалив в страну супружества и обретя ее цветущей и радостной, брести, дружно обнявшись и потихоньку, к старости, наслаждаясь счастьем.

Но наша маленькая Амелия только ступила на берег новой отчизны, и уже со страхом оглядывалась назад, на печальные дружественные лица, которые посылали ей привет с другого далекого берега.

В честь приезда новобрачной миссис Седли сочла необходимым устроить праздничное угощение и после первых излиятий покинула на минутку миссис Осборн и нырнула в нижнюю область дома, в комнатку возле кухни (служившую убежищем мистеру и миссис Клапп, а по вечерам и мисс Фланниганд, служанке-ирландке, когда та, перебив посуду, снимала наконец папильотки), чтобы принять меры для пышной сервировки чая, — всякий выражает нежность по-своему, а миссис Седли казалось, что маффины¹ и апельсиновый мармелад, разложенный на маленькие хрустальные блюдечки, будут особенно приятны Амелии в настоящем ее состоянии.

Пока эти деликатесы заготавливались внизу, Амелия оставила гостиную, поднялась наверх и очутилась, сама не зная как, в маленькой комнатке, которую занимала до замужества, в том самом кресле, где провела немало горьких часов. Она упала в его объятия, словно это был ее старый друг, и предалась размышлениям о минувшей неделе и предшествовавшей ей жизни. Уже оглядываться назад с печалью и сомнениями, вечно стремиться к чему-то, испытывая при достижении желаемого скорее неудовлетворенность и грусть, нежели радость, — такова была доля бедного существа, этой кроткой странницы, затерявшейся в толпе состязающихся на ярмарке тщеславия.

Она сидела здесь, любовно призывая тот образ Джорджа, перед которым она преклонялась до замужества. Признавалась ли она себе, насколько отличался реальный человек от того великолепного молодого героя, которому она поклонялась? Требуется много, много лет, да и сам мужчина должен быть действительно уж очень плох, чтобы гордость и самолюбие женщины позволили ей себе в этом признаться.

Но тут перед Эмми встали блестящие зеленые глаза Ребекки и жуткая ее улыбка и ей стало страшно. Она просидела некоторое время, погрузившись в свойственную ей безотчетную мечтательность и безучастную меланхолию, в какой ее застала некогда служанка-ирландка, подав ей письмо от Джорджа, в котором он возобновлял свое предложение.

Амелия смотрела на маленькую беленькую кроватку, еще несколько дней тому назад служившую ей, и невольно подумала, как хорошо было бы поспать в ней хоть эту

¹ *Маффин* — американский вариант кекса, маленькая круглая или овальная выпечка, преимущественно сладкая, в состав которой входят разнообразные начинки, в том числе фрукты.

ночь, а наутро, как в былое время, проснуться под улыбающимся взглядом матери. Потом она с ужасом вспомнила о громадном шелковом катафалке посреди обширной мрачной парадной спальни, который ждал ее в важной гостинице в Кавэндиш-сквере. Милая маленькая беленькая постелька! Сколько долгих ночей проплакала она на этих подушках! Как она отчаивалась тут и призывала к себе смерть! А теперь? Разве не осуществились все ее желания и разве ее возлюбленный, с которым она уже отчаивалась соединиться, не принадлежит ей навеки?.. Добрая маменька, с каким терпением и нежностью оберегала она эту постель! Амелия подошла к кровати, опустилась перед ней на колени, и тут это уязвленное, робкое, но доброе и любящее сердце стало искать утешения в молитве, хотя, надо признаться, наша девочка прибегала к ней не слишком часто. До сих пор верой ее была любовь, но огорченное, истекающее кровью и разочарованное сердечко почувствовало необходимость в ином утешителе.

Имеем ли мы право подслушивать ее молитву и повторять ее? Это, друзья мои, тайна, и лежит она за пределами ярмарки тщеславия, которой ограничивается наш рассказ. Мы можем только сказать, что когда чай был наконец подан и молодая леди спустилась вниз, она в значительной мере повеселела; она не отчаивалась, не оплакивала своей судьбы, не думала ни о холодности Джорджа ни о зеленых глазах Ребекки, что привыкла делать в последнее время. Спустившись вниз, она расцеловала отца и

мать, разговорилась со старым джентльменом и привела его в такое веселое настроение, в каком он не был давно. Эмми присела к фортепьяно, купленное для нее в свое время Доббином, и пропела отцу все его любимые старые романсы; чай она нашла превосходным и расхвалила изящество, с каким был разложен мармелад на маленьких блюдечках. Решив сделать всех счастливыми, Эмми просветлела и сама и позднее крепко уснула на величественном катафалке. Она проснулась, вся улыбающаяся, только тогда, когда Джордж вернулся из театра.

На следующее утро Джорджу предстояло более серьезное дело, нежели то, которое заставило его накануне восхищаться Кином в Шейлоке. Немедленно по прибытии в Лондон он написал поверенному отца и важно оповестил его, что свидание их состоится на следующий день. Проигрыши на бильярде и в карты в гостинице почти опустошили кошелек молодого человека, и его требовалось пополнить, прежде чем пускаться в путешествие, а для этого у Джорджа был единственный ресурс — сделать позаимствование из двух тысяч фунтов, каковую сумму поверенный отца уполномочен был ему выплатить.

Джордж был глубоко убежден, что отец не замедлит сдаться. Какой родитель мог бы устоять перед чарами подобного сына? А если воспоминаний о прошлом и личных его достоинств оказалось бы недостаточно для смягчения родительского сердца, он твердо решил как-нибудь удивительно отличиться в предстоящую кампанию, и тогда старый джентльмен непременно должен будет уступить. Ну, а если нет? Ба, мир открыт перед ним! Да, наконец, ему может повезти и в карты, а пока что двух тысяч фунтов стерлингов хватит на многие траты!

Он еще раз отправил Амелию в карете к ее маменьке со строгим наказом приобрести все необходимое для такой леди, как супруга мистера Джорджа Осборна, отправляющаяся в заграничное путешествие, предоставив обеим дамам полную свободу в выборе покупок. В их распоряжении был всего лишь один день для сборов, и, как это можно легко себе представить, хлопот им предстояло немало. Миссис Седли уехала, как и в прежние времена, в карету и кидалась от модистки в магазин белья, откуда ее провожали до экипажа лстивые приказчики и любезные купцы. Она словно родилась вновь и впервые со времени своего несчастья почувствовала себя счастливой. Миссис Амелия также не презирала наслаждения, доставляемого выбором и покупкой красивых обновок (какой, даже и весьма философски настроенный, мужчина, даст хоть грош за женщину, которая не будет всем этим интересоваться?). Послушная приказанию своего супруга, Эмми даже немножко раскутилась и накупила целую груду дамских тряпок, причем обнаружила большой вкус и понимание, как утверждала вся магазинная публика.

А что касается надвигавшейся войны, то миссис Осборн особенно не волновалась: конечно, Бонапартишка будет раздавлен, и даже почти без сопротивления!

Суда из Маргэта отходили всякий день, переполненные светскими людьми и знатными леди, спешившими в Брюссель и Гент; все это общество отправлялось не столько на войну, сколько в модное путешествие. Газеты высмеивали недостойного выскочку и глумились над проходимцем. Чтобы этот негодай-корсиканец устоял перед европейскими армиями и гением бессмертного Веллингтона? Амелия презирала его, так как это податливое и нежное создание — нужно ли говорить об этом? — заимствовало свои мнения от окружающих. Эта девочка была слишком скромна и слишком преданна, чтобы мыслить самостоятельно.

Словом, для Эмми и ее матери это был день великих закупок, и в это первое свое светское выступление в Лондоне наша девочка выполнила свою задачу с немалым толком и с таким же удовольствием.

Тем временем Джордж, надев шляпу набекрень, расставив локти и приняв самодовольно воинственный вид, направился на Бедфорд-роу и вошел в контору стряпчего с таким видом, словно был владыкой всех бледноликих клерков, скрипевших там перьями.

Джордж велел кому-то известить мистера Гиггса, что его ждет капитан Осборн, и сделал это так надменно и покровительственно, точно стряпчий, у которого, по сравнению с нашим молодцом, было в три раза больше ума, в пятьдесят раз больше денег и в тысячу раз больше опытности, был каким-то несчастным ничтожеством и должен был немедленно бросить все свои дела, чтобы содействовать удовольствию капитана. Джордж не заметил презрительной усмешки, которая обошла комнату, — от старшего клерка к ответственным помощникам, и от ответственных помощников к оборванным писцам и рассыльным, одетым в слишком узкое для них платье, в то время как капитан Осборн сидел, похлопывая себя по сапогу тросточкой и думая о том, какая несчастная и жалкая сволочь его окружает.

А эта жалкая сволочь была прекрасно осведомлена обо всех его делах и по вечерам, заседаая в трактирах, судачила о них за пинтой пива с клерками из других контор. Чего только не знают стряпчие из того, что творится в Лондоне! Ничто не скрыто от их пытливости, и они безмолвно владычествуют над судьбами столицы.

Вероятно, входя в кабинет мистера Гиггса, Джордж ожидал услышать от этого джентльмена, что отец его готов пойти на компромисс и примирение. Его надменность и холодность должны были быть приняты за признак его недовольства и мужества, но высокомерие его наткнулось на такую ледяную холодность и равнодушие со стороны стряпчего, что всякое дальнейшее фанфаронство было бы просто бессмысленным. Когда капитан вошел в кабинет, стряпчий сделал вид, будто углублен в писание.

— Потрудитесь присесть, сэр! Мы сейчас займемся вашим дельцем! Мистер По, разыщите передаточную запись! — сказал он клерку и опять обратился к писанию.

Когда По принес бумаги, его принципал рассчитал, сколько надлежит выплатить за облигацию в 2000 фунтов стерлингов по курсу дня, и осведомился, угодно ли капитану получить чек на банк или же сделать распоряжение насчет покупки процентных бумаг.

— Хотя один из душеприказчиков покойной миссис Осборн и находится в настоящее время в отлучке, — сказал мистер Гиггс равнодушно, — тем не менее моему клиенту угодно пойти навстречу вашим желаниям и закончить дело.

— Дайте лучше чек, сэр, — сказал угрюмо капитан. — Черт с ними, с шиллингами и полупенсами! — прибавил он, видя, что стряпчий, раньше чем выписать чек, принялся за точное вычисление процентов, и самодовольно думая что сконфузил этой щедростью дерзкого старика. Джордж сунул полученный чек в карман и гордо вышел из конторы.

— Через два года этот молодец будет в долговом отделении, — сказал мистер Гиггс мистеру По.

— Разве вы не считаете, сэр, возможным, чтобы мистер Осборн умилился?

— Скорее памятник повернется на своем пьедестале! — ответил мистер Гиггс.

— Да, этот молодчик времени не теряет, — сказал клерк. — Женат он всего неделю, а я сам видел, как он и еще несколько военных шалопаев подсаживали миссис Гайфлайер после спектакля в карету.

Тут законники обратились к текущим делам, и мистер Джордж Осборн был предан ими полному забвению.

Чек был выписан на контору наших знакомых, Гелькера и Буллока на Ломбард-стрит, где Джордж и получил деньги, все еще продолжая думать, что занят делом. Фредерик Булок, желтое лицо которого можно было разглядеть из-за бухгалтерской книги, над которой корпел клерк, оказался в конторе, когда туда вошел Джордж. Желтое лицо Буллока приняло еще более мертвенный оттенок, когда он завидел капитана, и банкир шмыгнул, словно виноватый, во внутренние покои. Джордж был слишком занят рассматриванием своих денег (доселе у него не бывало на руках подобной суммы), чтобы заметить поведение и бегство этого мертвенного поклонника своей сестрицы. Фред Булок рассказал старику Осборну о появлении и поведении его сына у него в конторе.

— Явился с ужасной наглостью, точно меднолобый какой-то, — сказал Фредерик, — и вынул все деньги до последнего шиллинга! Интересно знать, надолго ли хватит молодцу этих немногих сотен?

Осборн выругался и ответил, что ему нет дела до того, скоро ли спустит капитан свои деньги. Фред ежедневно обедал теперь в Рессель-сквере.

Так или иначе, но Джордж был чрезвычайно доволен делом, обделанным в этот день. Его личные сборы и закупки находились в стадии завершения, а за покупки, сделанные Амелией, он уплатил чеками на своего банкира, проявив при этом щедрость истого лорда.

ГЛАВА XXVII,
в которой Амелия присоединяется к своему полку

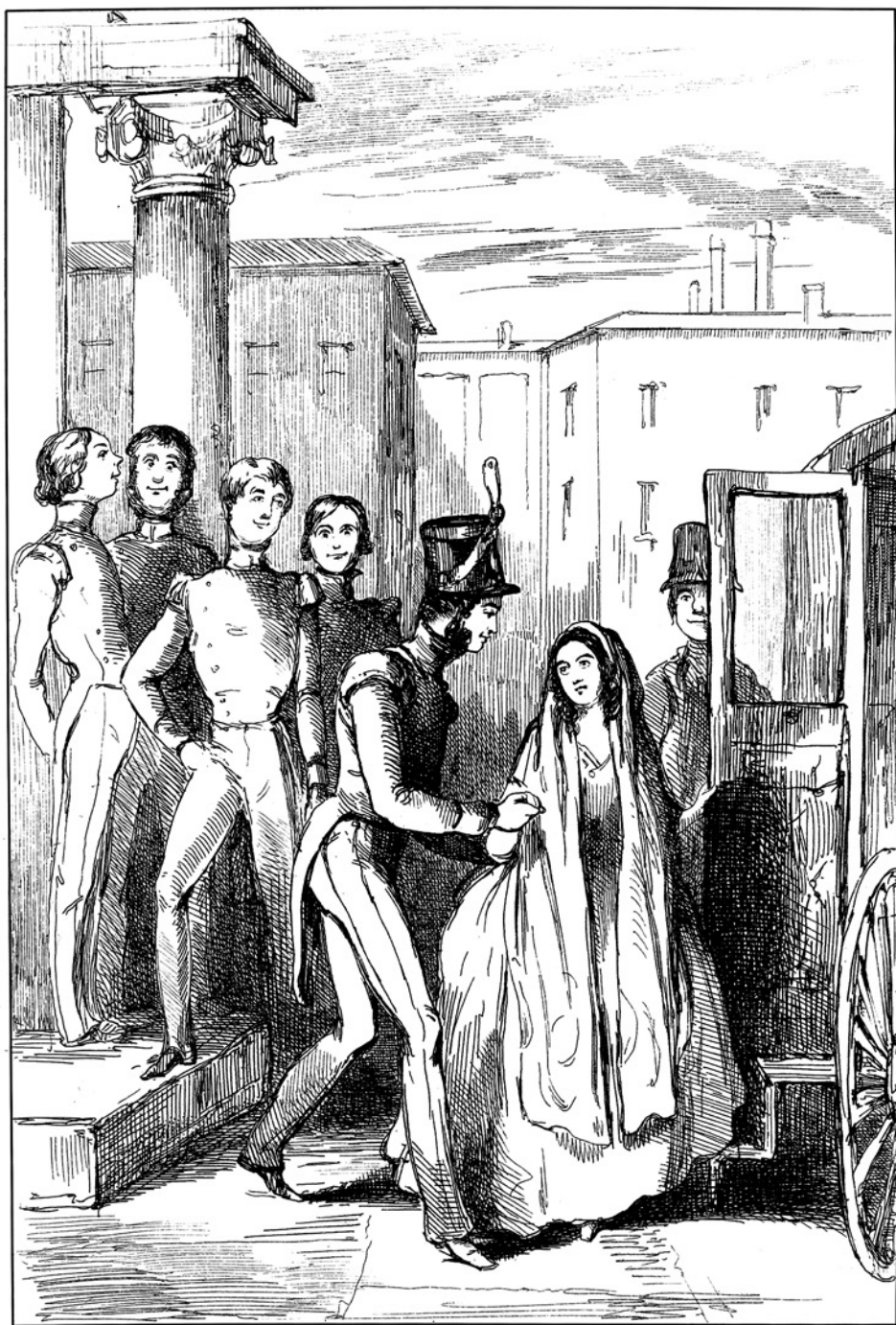

Когда великолепный экипаж Джоза подъехал к дверям гостиницы в Чатаме, Амелии прежде всего бросилась в глаза дружественная фигура Доббина, который в течение целого часа прогуливался по улице, поджидая прибытия друзей. Капитан, с блестящими пуговицами на мундире, при сабле и малиновом шарфе, имел весьма воинственный вид, так что Джоз весьма возгордился подобным знакомством. Толстый сборщик приветствовал капитана с радушием, резко отличавшимся от того, каким он удоставлял Доббина в Брайтоне или на Бонд-стрит.

Когда коляска приблизилась к гостинице, прапорщик Стеббл, стоявший у квартиры капитана, воскликнул:

— Бог мой, какая хорошенькая девочка! — и горячо одобрил выбор Осборна. Действи-

тельно, Амелия, в своем свадебном салопе и розовых лентах, разругавшаяся от езды на открытом воздухе, была свежа и прелестна и вполне оправдывала комплимент прапорщика, а Доббин еще более полюбил юношу за сделанное им замечание. Когда капитан подошел, чтобы помочь леди выйти из экипажа, Стеббл заметил, какую хорошенькую ручку она ему подала и какая хорошенькая ножка спустилась с подножки. Он сильно покраснел и отдал ей самый изящный поклон, на какой только был способен; Амелия, с своей стороны, увидев номер *** полка, вышитый на шапочке прапорщика, ответила застенчивой улыбкой и присела, что окончательно сразило юного прапорщика. Доббин с этого дня сделался еще более благосклонен к мистру Стебблю и поощрял его беседовать об Амелии, когда они гуляли вместе или посещали один другого. Впрочем, среди славной молодежи *** полка скоро вошло в моду восхищаться миссис Осборн и обожать ее. Ее простота и естественность и скромная приветливость победили неискушенные сердца, но, конечно, очарования этого нельзя описать пером. Кто не наблюдал его в женщинах и не признавал в них существование всякого рода совершенств, хотя они и не сказали вам ничего, кроме того, что уже

Когда капитан подошел, чтобы помочь леди выйти из экипажа, Стеббль заметил, какую хорошенькую ручку она ему подала и какая хорошенькая ножка спустилась с подножки

приглашены на кадрили или что сегодня страшно жарко! Джордж, бывший неизменным любимцем в полку, чрезвычайно вырос во мнении полковой молодежи вследствие благородства, какое проявил, женившись на бесприданнице и выбрав себе такую хорошенькую и милую спутницу жизни.

В гостиную, ожидавшей наших путешественников, Амелия, к своему удивлению, нашла письмо, адресованное «супруге капитана Осборна». Это была треугольная розовая записочка, щедро припечатанная голубым сургучом, на котором красовалась оттиснутая печаткой голубка с оливковой ветвью; написана она была крупным, но неуверенным женским почерком.

— О, это вышло из рук Пегги О'Дауд! — воскликнул Джордж, смеясь. — Узнаю ее по сургучным кляксам!

Действительно, записка была от миссис О'Дауд, изъявлявшей надежду видеть миссис Осборн у себя в тот же вечер, в маленьком дружеском кружке.

— Ты должна пойти, — решил Джордж. — Ты познакомишься там с полком. О'Дауд вступает в командование полком, а Пегги — в командование О'Даудом!

Но не успели они достаточно порадоваться письму миссис О'Дауд, как дверь распахнулась, и в комнату вошла полная цветущая дама в амазонке¹ в сопровождении двух офицеров «нашего» полка.

— Право, я не могла дожждаться вечера! Джордж, милый, представьте меня своей жене! Мадам, счастлива вас видеть и представить вам моего мужа, майора О'Дауда! — с этими словами цветущая дама в амазонке горячо схватила руку Амелии, и последняя сразу поняла, что перед ней была та леди, над которой ее муж так часто издевался.

— Вы, конечно, часто слыхивали обо мне от вашего мужа? — сказала супруга майора с оживлением.

— Часто слыхивали, — прозвучало верное эхо из уст ее супруга, майора.

Амелия ответила, улыбаясь:

— Как же, не раз!

— Ну и, конечно, он наговорил обо мне мало доброго! — сказала миссис О'Дауд и прибавила: — Этот Джордж — большой повеса!

— Клянусь честью, это так! — подтвердил майор, пытаясь принять многозначительный вид, что заставило Джорджа расхохотаться. Но тут миссис О'Дауд ударом хлыста призвала майора к порядку и потребовала, чтобы ее представили супруге капитана Осборна по всей форме.

— Позволь, дорогая моя, познакомить тебя! — проговорил Джордж с величайшей серьезностью. — Это мой добрый, милый и превосходный друг, Аурелия Маргарита, иначе именуемая Пегги...

— Правда, истинная правда! — подтвердил майор.

— ...именуемая Пегги, супруга майора нашего полка Майкеля О'Дауда, дочь Фитцджеральда Берсфорда де Бурго-Малони из Гленмалони в Кильдэрском графстве...

— ...в Мериэн-сквере в Дублине, — досказала леди со спокойным превосходством.

— В Мериэн-сквере, — прошептал майор.

— Да-с, там то, милый мой, вы и начали приударять за мной! — сказала леди, и майор подтвердил и это, как подтвердил бы и всякое другое положение, высказанное его супругой в обществе.

¹ *Амазонка* — здесь: женское длинное платье для верховой езды.

Майор О'Дауд, служивший своему государю во многих углах света и каждое продвижение по службе купивший мужеством и доблестью, более чем равноценными достигнутым отличиям, был самым скромным и самым молчаливым незаметным человеком,

с лицом ягненка, а жене своей был послушен, как если бы был ее пажом. В офицерской столовой майор сидел обыкновенно молча и много пил; когда же ублаговлялся достаточно, то отправлялся, пошатываясь, домой; заговаривал же майор лишь для того, чтобы согласиться с собеседниками по всем мыслимым вопросам, и жизнь его протекала, таким образом, в полном спокойствии. Жгучее солнце Индии не разожгло его крови, и даже вельхернские перемежающиеся лихорадки не могли растряссти его; на неприятельскую батарею он лез с таким же спокойствием и равнодушием, с какими отправлялся к обеденному столу; он ел и конину и суп из черепахи с одинаковыми наслаждением и аппетитом; была у него старушка мать, миссис О'Дауд в О'Даудстане, и он пребывал ей неизменно послушен, за исключением двух случаев: когда удрал из дома и завербовался на военную службу и когда настоял на своем и женился на ужасной Пегги Малони.

Пегги была одной из пяти сестер и одним из одиннадцати отпрысков благородного дома Гленмалони; ее супруг и в то же время двоюродный брат доводился ей родственником по матери и, следовательно, не обладал неоценимым преимуществом принадлежать к роду Малони, каковая фамилия, по искреннему убеждению Пегги, была наизнатнейшей в свете. Попытав судьбу в течение девяти сезонов в Дублине и

двух — в Чельтенгаме и не приискав себе спутника жизни, мисс Малони приказала кузену Мику на себе жениться, когда ей было около тридцати трех лет; добрый малый немедленно повиновался и увез ее в Вест-Индию начальствовать над дамами *** полка, куда был только что назначен.

Не успела миссис О'Дауд пробыть в обществе Амелии и получаса (впрочем, то же бывало и при всяком новом знакомстве), как любезная леди сообщила своему новому другу все имевшее касательство к ее происхождению и родословной.

— Дорогая моя, — сказала она добродушно, — ведь я и сама собиралась породниться с Джорджем: моя невестка Глорвина отлично подошла бы ему. Но что сделано, то сделано! Он женился на вас, и я решила принять вас, как сестру родную, — так я на вас теперь и смотрю и так вас полюбила, словно вы член моей семьи! Ей-богу, у вас такое милое и доброе личико, и обхождение такое славное, что я уверена, мы сойдемся и вы будете отличным добавлением к нашей полковой семье!

— Разумеется, будет! — промолвил одобрительно О'Дауд, и Амелия была и расстрогана и распотешена тем, что ее так внезапно и радушно приобщили к столь обширному родственному кругу.

— Мы все здесь славные ребята! — продолжала супруга майора. — Вряд ли во всей армии найдется другой полк с таким дружным составом и с такой приятной офицерской столовой! У нас никогда не бывает ни ссор, ни сплетен! Мы все так любим друг друга!

— Особенно миссис Медженис! — сказал Джордж, смеясь.

— Я помирилась с миссис Медженис, хотя, сказать по правде, ее выходки заставят меня поседеть и вгонят меня в гроб!

— Как было бы жалко, моя дорогая Пегги, если бы твоя чудная темная накладка поседела! — сказал майор.

— Придержи язык, Майкель! Вечно эти мужья суются, куда не надо, дорогая миссис Осборн! Что касается моего Мика, то я уж столько раз советовала ему открывать рот только для команды да для того, чтобы есть да пить! Когда мы будем одни, я расскажу вам про полк и предостерегу вас! А теперь познакомьте меня с вашим братцем — какой бравый, видный мужчина! Точь-в-точь один из моих двоюродных братьев Ден Малони — из тех Малони, моя милая, что родом из Беллималони, женат на Офелии Скелли из Ойстерс-Тауна, а та доводится двоюродной сестрой лорду Польдуди... Мистер Седли, сэр, я счастлива с вами познакомиться! Я надеюсь, вы будете сегодня обедать в нашей офицерской столовой! Только смотри, Мик, помни, что тебе советовал этот чертов доктор! Думай о том, что делаешь, и постарайся воздержаться хотя бы ради моего вечера!

— Ведь сегодня, моя дорогая, 150-й полк дает нам обед, — возразил майор. — Впрочем, мы легко добудем приглашение мистеру Седли!

— Сбегайте-ка, Симплъ, — прапорщик Симплъ нашего полка, моя дорогая Амелия, я забыла его вам представить, — сбегайте живо к полковнику Тэвишу, засвидетельствуйте ему почтение от миссис О'Дауд и скажите, что капитан Осборн прибыл сюда вместе с шурином и что оба они явятся в пять часов к обеду в столовую 150-го полка! А мы, дорогая моя, перехватим чего-нибудь здесь, если вы ничего не имеете против.

Прежде чем приказание это слетело с уст миссис О'Дауд, юный прапорщик, уже мчался вниз исполнять желание супруги майора.

— Повиновение — душа армии! А теперь мы отправимся к исполнению наших обязанностей, а миссис О'Дауд останется у нас и будет просвещать тебя, Эмми, — сказал капитан Осборн.

Тут оба капитана подхватили майора под руки и удалились с этим офицером, улыбаясь друг другу через его голову.

Заполучив новую приятельницу в полное свое распоряжение, неукротимая миссис О'Дауд принялась выкладывать ей такое количество сведений, воспринять какое не могла бы память ни одной маленькой бедной женщины. Супруга майора сыпала тысячами подробностей о многочисленной семье, членом которой очутилась изумленная молодая леди.

— Миссис Гэвитоп, супруга полковника, умерла в Ямайке от желтой лихорадки и от разбитого сердца, потому что ужасный этот человек, старик полковник, — представьте, голова у него голая, словно ядро пушечное, — строил там нежные глаза всем туземкам... Миссис Медженис, хотя и без всякого образования, женщина добрая, но язык у нее дьявольский, а как сядет в вист, так готова надуть и родную мать!.. А жена капитана Кирка при одном упоминании о невиннейшей игре закатывает свои рабы глаза, тогда как мой батюшка — самый богобоязненный человек, когда-либо посещавший дом божий, — всю свою жизнь всякий вечер играет в мушку или вист... Впрочем, на этот раз никто из них в поход с полком не идет, — добавила миссис О'Дауд. — Фанни Медженис остается с матерью, которая торгует где-то в Айлингтоне, под Лондоном, углем и картофелем, хотя сама она и постоянно хвастается судами своего отца, и вечно нам их показывает, когда они поднимаются по реке; миссис Кирк со всею детворой поселяется на Вифездской площади, чтобы быть поближе к своему любимому проповеднику, доктору Рамсгорну. Миссис Бенни в интересном положении; вечно она в ожидании, честное слово, и подарила уже бедняге поручику семерых!.. А жена прапорщика Поски, которая присоединилась к полку за два месяца до вас, моя милая, уже десятки раз ссорилась с мужем, на всю казарму идет у них гвалт и крик; рассказывают даже, будто дело у них доходило до битья посуды и потом никто не мог дознаться, как это Тома Поски угораздило запастись фонарем под глазом! Ну а теперь она совсем разъезжается с мужем и возвращается к своей мамаше; та ведь содержит пансион для девиц в Ричмонде; впрочем, и поделом ей — зачем сбежала тайком из родительского дома!.. А вы, моя дорогая, где вы получили образование? На меня вот не жалели ни издержек ни забот, и я воспитывалась у мадам Фланаган в Иллисус-Грове, это, знаете, в Бутерс-Тауне, близ Дублина, — прекраснейшее заведение! Там маркиза обучала нас чистейшему парижскому выговору, а отставной французский генерал-майор был приставлен к нам для письменных упражнений!

Таким образом, удивленная Амелия оказывалась неожиданно для себя членом разношерстной семьи, со старшей сестрицей в лице миссис О'Дауд; она была представлена за чаем другим родственникам, и так как она держалась скромно и добродушно и не была слишком красива, то и произвела на дам благоприятное впечатление. Однако когда господа офицеры явились с обеда в 150-м полку и все в один голос стали восхищаться юной супругой капитана, сестры ее, как и следовало ожидать, открыли в ней недостатки.

— Будем надеяться, что Осборн действительно перебесился, — сказала миссис Медженис миссис Бенни.

— Если шалопаи исправляются, то, конечно, Амелию ожидает счастливая доля с Джорджем! — заметила супруге майора миссис Поски, которая утрачивала теперь ранг младшей и негодовала на узурпаторшу.

Что касается миссис Кирк, то ученица доктора Рамсгорна задала Амелии несколько принципиальных вопросов по богословию, желая удостовериться, насколько та созрела, исполняет ли обязанности истинно верующей христианки и т. п.; усмотрев, однако, из простодушных ответов миссис Осборн, что она блуждает еще в беспросветной тьме, миссис Кирк тут же вручила ей три грошовых брошюры: «Воздыхания в пустыне», «Прачка Уондсвортской общины» и «Лучший штык британского воина»; страстно желая извлечь эту душу из мрака невежества, миссис Кирк умоляла Амелию ознакомиться с назидательными произведениями в тот же вечер, перед отходом ко сну.

Мужчины, как и подобало столь добрым малым, толпились вокруг хорошенькой жены товарища и ухаживали за ней с военной галантностью. Словом, это было маленьким триумфом Амелии, который поднял в ней бодрость и заставил заблестеть ее глазки. Джордж гордился ее успехом и был весьма доволен манерой жены (весьма веселой, грациозной, хотя и наивной и не чуждой робости) принимать от мужчин знаки внимания и отвечать на их комплименты. А он-то сам, какой он был красавец в мундире и насколько превосходил всех мужчин, находившихся в комнате! Она чувствовала, что муж наблюдает за ней с нежностью, и сияла от его ласковости.

«Я буду приветлива со всеми его друзьями! — решила она в своем сердце. — Буду любить всех, кто его любит... Постараюсь быть веселой, радостной и сделаю его дом счастливым!»

Полк, разумеется, с восторгом принял в свою среду Амелию. Капитаны ее одобряли, лейтенанты хвалили, прапорщики ею восторгались. Старый доктор Кетлер отпустил одну-другую шуточку, которых нам повторять не следует, так как они носили чисто профессиональный характер; Каккль, ассистент, удостоенный степени доктора медицины в Эдинбурге, снизошел даже до того, что проэкзаменовал Эмми по литературе, прибегнув к трем своим лучшим французским цитатам. А юный Стеббл то и дело переходил от одного товарища к другому и шептал:

— Черт возьми, правда ведь, прехорошенькая особа! — и не спускал с нее глаз, пока не подали негус¹.

Что касается капитана Доббина, то он разговаривал с Амелией в этот вечер меньше, чем когда-либо. Зато он совместно с капитаном Портером 150-го полка доставил в гостиницу Джоза, который был в самом плачевном состоянии и который произвел громадное впечатление своим рассказом об охоте на тигров — сначала в офицерской столовой, а потом, вечером, даже и на самое миссис О'Дауд в тюрбане с райской птицей. Сдав сборщика на руки лакею, Доббин стал прохаживаться, куря сигару, перед гостиницей.

Тем временем Джордж бережно укутал жену в шаль и увел ее от миссис О'Дауд после всеобщих рукопожатий; молодые офицеры усадили ее на извозчика и проводили кликами, когда экипаж наконец тронулся. Выходя из него, Амелия протянула Доббину свою маленькую ручку и пожурела его шутя за то, что он во весь вечер ни разу не обратился к ней.

Капитан продолжал свое пагубное развлечение в виде курения еще долгое время спустя после этого; он проследил, как свет исчез в окнах гостиной Джорджа и перекочевал в смежную спальню. Было уже почти утро, когда Доббин вернулся к себе на квартиру; он слышал крики, которые неслись по реке, где уже шла погрузка военных припасов на транспортные суда перед отправкой их к устью Темзы.

¹ *Негус* — напиток вроде пунша.

ГЛАВА XXVIII, в которой Амелия производит нашествие на Нидерланды

олк с его офицерами должен был быть переправлен на транспортных судах, зафрахтованных для этого королевским правительством. Спустя два дня после торжественного собрания в апартаментах миссис О'Дауд эти суда уже пустились вниз по реке, по направлению к Остенде, напутствуемые приветственными криками со стоявших тут же индийских судов и возгласами пребывавших на берегу войск; оркестры исполняли национальный гимн «Боже, храни короля!», офицеры махали фуражками, а команда их восторженно восклицала «ура». Галантный Джордж выразил свое согласие сопровождать свою сестру и супругу майора, множество пожитков которых, включая сюда и знаменитую райскую птицу и тюрбан, было отправлено с полковым обозом, так что наши героини отбыли в Рамсгет не слишком обремененные. Там

стояло большое количество готовых к отплытию почтовых судов; на одном из них они добрались довольно скоро до Остенде.

Период жизни, наступавший для Джоза, был настолько богат приключениями, что запаса их хватило ему на долгие годы, и даже пресловутая история об охоте на тигров отошла на второй план перед потрясающими рассказами, какие он вывез о великой Ватерлооской кампании. Было замечено, что с того момента, как Джоз заявил о своем согласии сопровождать сестру, он немедленно же перестал брить верхнюю губу.

Джоз с великим прилежанием следил в Чатаме за воинским учением и смотрами. Он с большим вниманием прислушивался к рассказам своих товарищей-офицеров (как он именовал их иногда позднее) и старался запомнить как можно больше военных имен. В этом деле большую помощь оказывала ему несравненная миссис О'Дауд;

а в тот день, когда они наконец сели на судно «Прекрасная роза», долженствовавшее доставить их к месту назначения, Джоз появился в украшенном шнурами двубортном сюртуке, парусиновых панталонах и в фуражке с козырьком, обшитой франтовским золотым галуном.

Везя с собой собственный экипаж, Джоз каждому на борту давал понять, что он направляется в армию герцога Веллингтона, и добрые люди принимали его за важную особу — за генерального комиссара или по меньшей мере за правительственного курьера. Он отчаянно страдал во время путешествия, в течение которого, впрочем, лежали и наши дамы; но к Эмми вернулась вся бодрость, когда судно приблизилось к Остенде и она заметила транспортные суда, доставлявшие ее полк и вступившие в порт почти одновременно с «Прекрасной розой». Джоз отбыл в гостиницу совсем ослабевший, а капитан Доббин, проводив дам, занялся вызволением коляски и багажа Джоза сначала с судна, а затем из таможни. Джоз остался без лакея: слуга Осборна и его собственный избалованный камердинер стакнулись в Чатаме и решительно отказались следовать с господами за море. Этот заговор, неожиданно обнаружившийся в последний день, настолько взволновал мистера Седли-младшего, что он и сам готов был отказаться от экспедиции, однако капитан Доббин (проявивший, по заявлению Джоза, большую услужливость в этом деле) уговаривал его и высмеивал; к тому же Джоз уже заранее отпустил усы, и это обстоятельство побудило его пуститься в путь. Вместо хорошо вышколенного и упитанного лондонского лакея, говорившего только по-английски, Доббин раздобыл Джозу и его спутникам смуглого маленького бельгийца, который вообще ни на каком языке не говорил, но который быстро снискал благоволение мистера Седли своей расторопностью и тем, что, адресуясь к нему, неизменно величал его «милордом».

Теперь в Остенде обстановка изменилась, и из всех бриттов, которые там бываю, весьма немногие походят на лордов; они держат себя далеко не так, как подобало бы представителям родовой аристократии, производят впечатление небрежно и грязно одетых и тяготеют к бильярду, водке, сигарам и грубой жирной пище. Зато неоспорим тот факт, что всякий англичанин, принадлежавший к армии Веллингтона, был прекрасным плательщиком, каковое обстоятельство вполне отвечало интересам этой нации лавочников. Для страны, любящей коммерцию, явились благодатью внедрение в нее такой армии клиентов и необходимость кормить столь кредитоспособных воинов. Страна, которую они пришли защищать, отнюдь не была военной и в течение длительного исторического периода лишь предоставляла другим народам сражаться на своей территории. Пишущий эти строки, отправившись взглянуть на ватерлооское поле, обратился к кондуктору дилижанса, статному, воинственного вида ветерану, с вопросом, не участвовал ли он в славном бою.

— *Pas si bête!*¹ — был ответ, по своему характеру совсем не свойственный французу; кондуктор, который нас вез, оказался виконтом и сыном впавшего в нищету генерала эпохи Империи и охотно выпил кружку дешевого пива, поднесенному ему в дороге путешественниками.

Эта плоская, цветущая и беззаботная страна никогда не казалась такою богатой и благоденствующей, как в начале лета 1815 года, когда зеленые ее поля и спокойные городки оживились многочисленными красными мундирами, а широкие дороги закишели английскими экипажами, когда ее поместительные барки, скользя по кана-

¹ Я не так глуп (*фр.*).

лам вдоль тучных пастбищ, приветливых своеобразных деревушек и старинных замков, ютящихся между старых дерев, переполнились зажиточными английскими путешественниками, когда солдат, заходя в деревенский кабачок, не только пил там, но и платил за потребленное, а какой-нибудь Дональд-шотландец, пребывавший на постое на фламандской ферме, укачивал в люльке хозяйскую малютку, пока Жан и Жанетта мирно занимались уборкой сена¹. Наши художники проявляют теперь склонность к картинам на военные темы, так вот я предлагаю им прекрасный сюжет для живописания благородных начал честной английской войны.

Все в Бельгии было так блестяще и невинно, словно это был парад в Гайд-парке, а тем временем Наполеон, укрывшись под защиту пограничных крепостей, подготовлял вторжение, которое должно было залить страну кровью, повергнуть этих добронравных людей в неистовство и многих из них уложить в землю.

Пока же все полагались на главнокомандующего. Герцог Веллингтон сумел внушить английскому народу такую веру в себя, какую можно сравнить разве с энтузи-

азмом французов в отношении их императора в известный период времени; страна производила впечатление готовой к обороне и в случае надобности могла получить близкое и надежное подкрепление; поэтому никто не испытывал страха, и наши путешественники, из которых двое были весьма робкого характера, нисколько не тревожились, как и остальные многочисленные туристы. Славный полк, со многими офицерами которого мы уже познакомились, был переправлен на барках по каналам в Брюгге и Гент, а оттуда должен был следовать сухим путем в Брюссель.

Джоз сопровождал наших дам в плавании по каналам на пассажирских судах, роскошь и удобство которых должны быть хорошо памяты тем, кто путешествовал в былые времена по Фландрии. Продовольствие на этих тихоходных, но чрезвычайно комфортабельных судах было настолько замечательно, что сложилась даже легенда

¹ Случай этот упоминается мистером Глейгом в его «Истории Ватерлооской битвы».

об англичанине-путешественнике, который приехал в Бельгию на неделю и пришел в такой восторг от стола, путешествуя на одном из подобных судов, что беспрерывно плавал взад и вперед между Гентом и Брюгге, пока не были изобретены железные дороги; и когда его судно совершало последний рейс, он бросился в воду и утонул. Джозу подобного рода смерть предопределена не была, и он испытывал полное наслаждение, а миссис О'Дауд уверяла, что ей для полноты блаженства не хватает только ее невестки Глорвины. Мистер Седли сидел на палубе, целый день попивая фламандское пиво, беспрестанно требуя своего слугу Исидора и галантно беседуя с дамами. Храбрость его была необычайна.

— Чтобы Бони напал на нас? — воскликнул он. — Не бойся, моя бедная милая Эмми, никакой опасности нет! Союзники уже через два месяца будут в Париже, говорю тебе! И я свожу вас пообедать в Пале-Рояль, клянусь честью! Триста тысяч русских вступают в настоящее время во Францию и переходят Рейн и Майнц, — триста тысяч под начальством Витгенштейна¹ и Барклая де Толли², моя бедняжка! Ты, милая, в военных делах ничего не понимаешь, а я кое-что в них смекаю, так вот, уверяю тебя: никакая французская пехота не устоит против русской! У Бони нет ни одного генерала, который годился бы снять сапоги Витгенштейну! А потом у нас есть еще австрийцы — их не более не менее как пятьсот тысяч — все как один человек, и находятся они в данное время всего на расстоянии десяти переходов от границы, и ими командуют Шварценберг³ и принц Карл⁴. Затем — прусаки под предводительством храброго фельдмаршала⁵. Назовите мне другого такого начальника кавалерии, теперь, когда нет Мюрата⁶, а, миссис О'Дауд? Есть ли у нашей маленькой Эмми какое-нибудь основание тревожиться? Исидор, следует ли нам трусить, как, по-вашему, сэр? Подавайте-ка еще пива!

Миссис О'Дауд отвечала, что ее Глорвина не боится никаких мужчин, не говоря уж о французах. Она опрокинула кружку пива и подмигнула; это означало, что напиток ей по вкусу.

Постоянно находясь в виду неприятеля, другими словами, встречаясь с дамами в Чельтенгаме и Бате, наш друг — сборщик податей — значительно исцелился от своей первоначальной робости и стал разговорчив, особенно когда подкреплялся спирт-

¹ Граф *Петр Христианович Витгенштейн* (1768–1843) — русский фельдмаршал.

² Князь *Михаил Богданович Барклай де Толли* (1761–1818) — русский фельдмаршал, главнокомандующий 1-й армией, с которой он вступил в 1815 г. в пределы Франции.

³ *Карл I Филипп цу Шварценберг* (1771–1820) — князь Шварценберг, ландграф Клеттау, граф Зульц, австрийский фельдмаршал, главнокомандующий союзными войсками, сражавшимися с Наполеоном I в Битве народов под Лейпцигом.

⁴ *Карл Теодор Максимилиан Август Баварский* (1795–1875) — принц Баварский, баварский фельдмаршал, второй сын и младший ребенок короля Максимилиана I.

⁵ *Гейхарт Леберехт фон Блюхер, князь Вальштадтский* (1742–1810) — прусский фельдмаршал, участник ряда Наполеоновских войн, командующий прусскими войсками в боевых действиях против вернувшегося Наполеона, победитель в битве при Ватерлоо.

⁶ *Иоахим Мюрат* (1767–1815) — король неаполитанский, маршал Франции, был женат на младшей сестре Наполеона. Изменил Бонапарту, заключив тайный договор с Австрией. Тем не менее, когда Наполеон вернулся с Эльбы, Мюрат двинул свои войска ему на помощь, но Наполеон не пожелал его видеть, так что в Ватерлооской битве Мюрат участия не принимал, хотя, по заявлению Наполеона, это могло бы изменить исход сражения.

ными напитками. В *** полку он пользовался популярностью, так как великолепно угощал молодых офицеров и забавлял их своим стремлением походить на военного. Джордж подшучивал над свояком, говоря, что в армии существует полк, выступающий, не иначе как имея во главе колонны козла, и другой, впереди которого идет олень; их же полк выступает теперь, не иначе как со слоном.

С тех пор, как Амелия приобщилась к полку, Джордж стал стыдиться некоторых его членов, с которыми был вынужден познакомиться жену, и он решил даже, как он признавался Доббину, перевестись поскорее в какой-нибудь полк получше, чтобы избавить ее от этих проклятых вульгарных баб (вряд ли приходится говорить, насколько это обстоятельство порадовало Доббина). Это низменное свойство стыдиться чьего бы то ни было общества гораздо распространеннее среди мужчин, нежели среди женщин (за исключением, конечно, дам высшего круга, которым оно весьма присуще). Миссис Амелия, простая и естественная, отнюдь не была заражена подобной суетностью, которую ее супруг считал в себе за необычайную тонкость чувств. Таким образом, когда его жена находилась в обществе миссис О'Дауд, украшенной шляпой с петушиными перьями и с громадными часами с репетицией на животе, которые она заставляла бить при каждом удобном и неудобном случае, рассказывая при этом, как они были подарены ей ее папенькой, когда она собиралась сесть в карету после брачной церемонии — все это в соединении с прочими внешними особенностями супруги майора заставляло капитана Осборна испытывать мучительные страдания, тогда как Амелия только забавлялась чудачествами этой леди и нисколько не стыдилась ее общества.

Во время этого путешествия, совершить которое считал впоследствии своим долгом едва ли не каждый англичанин среднего класса, можно было найти спутницу более образованную, нежели супруга майора, но вряд ли более занимательную.

— И что вы рассказываете о здешних барках, мои дорогие! Посмотрели бы вы на барки между Дублином и Баллинаслоз! Вот уж там путешествуешь так действительно быстро! А какой же там скот! Папенька получил золотую медаль за четырехлетнюю телку, честное слово! Сам его превосходительство отведал кусочек и сказал, что он в жизни не едал ничего лучше! Пусть бы мне кто показал такую в здешних местах!

И Джоз со вздохом соглашался, что хорошей говядины, в меру проросшей жирком, не найти ни в какой другой стране, кроме Англии.

— За исключением Ирландии, откуда к вам идет лучший скот! — сказала миссис О'Дауд и пустилась, как это нередко бывает с патриотами, в лестные для ее родины сравнения. Однако самая мысль о сопоставлении рынка в Брюгге с дублинским, хотя и самую же ею предложенная к обсуждению, вызвала с ее стороны чрезвычайное раздражение и насмешки.

— Я была бы вам очень благодарна, если бы вы мне объяснили, что они хотят сказать этим старым глупым торчком в том конце рынка! — сказала она столь язвительно, что надо было удивляться, как эта старая башня тут же не рухнула.

Всюду, где они проезжали, местность кишела английскими солдатами. Английский рожок будил их поутру; с наступлением вечера они ложились спать под звуки английских флейт и барабанов; вся страна, как и вся Европа, была уже под ружьем, величайшее историческое событие надвигалось, тем не менее честная Пегги О'Дауд, которой грядущие события должны были коснуться так же, как и многих других,

продолжала болтать о Беллинафаде, о лошадях в конюшнях Глементалони и о кларете, который там пили; Джозеф Седли не упускал случая оттенить достоинства керри и риса в Думдуме, а Амелия думала о своем муже и о том, как бы ей лучше выказать ему свою любовь словно все это были самые важные мировые вопросы.

Тот, кто любит, отложив книжку истории в сторону, пометать, что произошло бы на белом свете, не случись роковым образом того, что произошло в действительности (а подобные размышления весьма интересны, завлекательны и назидательны), тот, несомненно, не раз раздумывал над тем, как исключительно неудачно выбрал Наполеон время для возвращения с острова Эльба и перелета своих орлов из бухты Сан-Жуан к собору Парижской богородицы. Дружественные нам историки утверждают, что по неисповедимому промыслу провидения, силы союзников находились в этот момент в состоянии полной боевой готовности и могли каждую минуту обрушиться на бежавшего с Эльбы императора.

У августейших торгашей, собравшихся в Вене¹ и перекраивавших государства Европы по мере своего разума, было немало причин для ссор, и победившие Наполеона силы легко могли бы ополчиться друг на друга, если бы не возвращение объекта общей ненависти и страха. Один монарх захватил всю Польшу и намеревался удерживать ее; другой прибрал к рукам пол-Саксонии и всячески старался сохранить это приобретение; Италия оказывалась предметом воцелений для третьего. Каждый из них протестовал против алчности других, и если бы корсиканец выждал в заточении той минуты, когда все участники дележа передерутся, он мог бы вернуться и сесть на трон беспрепятственно. Но что случилось бы тогда с нашим рассказом и со всеми нашими друзьями? Впрочем, что случилось бы с самим морем, если бы высохли одна за другой все капли, его составляющие?

Тем временем житейские дела и особенно погоня за удовольствиями продолжали идти своим чередом, словно ничто не могло остановить их обычного течения и словно впереди не было неприятеля.

Когда наши путешественники прибыли в Брюссель, где был расквартирован их полк (что, по общему мнению, было весьма удачно), они очутились в одной из самых веселых и самых блестящих маленьких столиц Европы, где балаганчики ярмарки тщеславия раскинулись во всем их соблазнительном оживлении и блеске. Здесь играли и плясали и задавались такие пиры, какие могли восхитить даже и такого обжору, как наш Джоз; в театре удивительная Каталани² очаровывала слушателей, восхитительные прогулки верхом оживлялись воинственным великолепием всадников, а диковинный старинный городок восхищал и очаровывал Амелию своеобразием одежды, населения и замечательной красотой архитектуры; никогда не видавшая еще иных стран, она, поселившись на прелестной квартире, которую сообща сняли Джоз и Джордж, располагавший в изобилии деньгами и преисполненный внимания к жене в эти последние две недели их медового месяца, была довольна и счастлива, как и всякая новобрачная.

¹ *Венский конгресс 1814–1815 гг.* — общеевропейская конференция, в ходе которой была выработана система договоров, направленных на восстановление феодально-абсолютистских монархий, разрушенных Великой французской революцией 1789 г. и Наполеоновскими войнами, и были определены новые границы государств Европы. Переговоры проходили в условиях тайного и явного соперничества, интриг и закулисных сговоров.

² *Анжелика Каталани-Валабрег* (1780–1849) — знаменитая итальянская певица.

В течение этого благодатного времени каждый день приносил с собой какое-нибудь новое развлечение обществу. То предстояло осматривать какой-нибудь храм или картинную галерею, то предполагалась прогулка или посещение оперы. Полковые оркестры гремели целый день без умолку, знатнейшие особы английской аристократии прогуливались по парку; это было нескончаемое военное празднество.

Джордж всякий вечер возил жену то на прогулку, то на пикник и был, по обыкновению, чрезвычайно доволен собой, уверяя, что стал настоящим семьянином. Прогулки и пикники с ним! Разве этого не было достаточно, чтобы заставить это маленькое сердце радостно забиться? Ее письма к матери дышали в этот период восторгом и благодарностью; ее супруг заставлял ее покупать кружева, наряды, драгоценности и всевозможные безделушки; о, он самый щедрый и самый добрый из всех мужей!

Лицемерие многочисленных лордов, леди и светских людей, толпившихся в городе и появляющихся на всех публичных собраниях, наполняло истинно британское сердце Джорджа величайшим восхищением. Они сбрасывали с себя самодовольную важность и чванство, отличающие нашу аристократию у себя дома, и, появляясь в общественных местах, удостаивали смешиваться с остальным обществом, какое там встречали. Однажды на вечере у начальника дивизии, к которой принадлежал *** полк, Джордж удостоился чести танцевать с леди Бланш Систлвуд, дочерью лорда Бэракса; он суетился, добывая благородным леди мороженое и прочее угощение, толкался, протискиваясь за каретой, и так хвастал, рассказывая дома о знакомстве с графиней, что вряд ли бы его превзошел в этом и собственный его отец. Он на следующий же день посетил этих дам, сопровождал их верхом в парке, пригласил все семейство отобедать с ним в ресторане и пришел в неистовый восторг, когда оно снизошло принять его приглашение. Старик Бэракс, который был не слишком горд и обладал отменным аппетитом, пошел бы ради обеда куда угодно.

— Надеюсь, что, кроме нас, никаких дам не будет! — сказала леди Бэракс, поразмыслив над приглашением, сделанным и принятым с излишней поспешностью.

— Милосердное небо! Не полагаете же вы, что этот человек приведет с собой и жену! — провизжала леди Бланш, накануне долгие часы танцевавшая с изнемогающим видом только что вошедший в моду вальс с Джорджем. — Мужчины еще терпимы, но их женщины!..

— Да ведь это же его жена!.. Они молодожены!.. Говорят, прехорошенькая! — сказал старый граф.

— Ну, моя дорогая Бланш, — сказала графиня, — если папенька желает ехать на обед, то мы должны ехать тоже! Но, конечно, нам нет никакой необходимости встречаться с ними в Англии!

Таким образом, порешив оборвать знакомство на Бонд-стрит, эти знатные особы явились к обеду в Брюсселе и снизошли до того, что позволили Джорджу заплатить за их угощение; свое же достоинство они проявили тем, что все время ставили его жену в неловкое положение, старательно обходя ее в разговоре. В такого рода проявлении достоинства великосветская британская леди не знает себе соперниц, и наблюдать за поведением благородных дам в отношении нижестоящих женщин является прекрасным развлечением для философски настроенного завсегдатая ярмарки тщеславия.

Это пиршество, на которое щедрый Джордж потратил достаточно много денег, было для Амелии самым мрачным развлечением за весь ее медовый месяц. Она по-

слала домой горестный отчет о том, как графиня Бэракс не удостоивала ее ответами, когда она пыталась с ней заговаривать, как леди Бланш рассматривала ее в лорнет, как капитан Доббин был взбешен их поведением, как милорд, встав из-за стола, потребовал, чтобы ему показали счет, и заявил, что обед был чертовски скверен и чертовски дорог. Но хотя Амелия и рассказывала матери о грубости гостей и о своем неудовольствии, старая миссис Седли все-таки была чрезвычайно довольна и трезвонила о приятельнице Эмми графине Бэракс так усердно, что слух о том, что Джордж Осборн принимает у себя пэров, дошел в конце концов и до его отца в Сити.

Тот, кто знает теперешнего Джорджа Тефто, генерал-лейтенанта и кавалера ордена Бани, и кто видывал, как он надменно выступает во время сезона всякий день по Пэлл-Мэлл, подбитый ватой и затянутый в корсет, в лаковых сапогах на высоких каблуках, заглядывая под шляпки встречным женщинам, или видел, как он красуется на своем великолепном гнедом и строит глазки проезжающим в брумах¹ в парке, тот едва ли признает в нем отважного офицера, прославившегося в Испании и под Ватерлоо. Теперь у него густые выющиеся каштановые волосы, черные брови и огненно-рыжие бакенбарды. Но в 1815 году он был светловолос и лыс, и икры и стан его были полнее; теперь же ноги его особенно отощали. Так вот, когда ему было около семидесяти лет (теперь он приближается к восьмому десятку), волосы его, редкие и совершенно белые, внезапно стали густыми, выющимися и каштановыми, а брови и бакенбарды приняли теперешний свой цвет. Злонамеренные люди уверяют, будто грудь генерала подложена ватой и что на нем парик, так как волосы его никогда не отрастают. Том Тефто, с отцом которого генерал рассорился уже много лет назад, уверяет, будто волосы повыдрала его дедушке в театральном фойе мадемуазель Жеси, актриса французского театра. Однако кому не известно, насколько зол и завистлив Том Тефто, да, наконец, парик генерала и не имеет никакого касательства к нашей истории!

Однажды, когда некоторые из наших друзей, принадлежавшие к *** полку, бродили по цветочному рынку в Брюсселе после осмотра ратуши, которая, по заявлению миссис О'Дауд, была далеко не так велика и красива, как замок ее родителя в Гленмалони, к рынку подъехал офицер в высоком чине, имея позади себя ординарца; он спешил и, очутившись среди цветов, выбрал самый красивый букет, какой только было можно получить за деньги. После того как этот прекрасный букет был тщательно упакован в бумагу, генерал снова вскочил на лошадь, передав цветы попечению своего военного грума, который и повез их, ухмыляясь, вслед за начальством, весьма торжественно и самодовольно отъехавшим прочь.

— Посмотрели бы вы на цветы в Гленмалони! — сказала миссис О'Дауд. — У батюшки трое садовников-шотландцев и девять подручных. У нас оранжереи тянутся на целый акр, а ананасы так же обычны, как и горох летом... Виноград у нас такой, что кажется, кисть весит шесть фунтов, а магнолии, говоря по чистой совести, дают у нас цветы чуть не с чайник величиной!

Доббин, никогда не позволявший себе «заводить» миссис О'Дауд, что с величайшим удовольствием проделывал Джордж (к немалому ужасу Амелии, умолявшей мужа пощадить супругу майора), фыркнул, бросился в толпу и, удалившись на надлежащую дистанцию, разразился хохотом среди изумленной рыночной публики.

¹ *Брум* — небольшая двухместная закрытая карета.

— Ну, скажи, пожалуйста, О’Дауд, разве магнолии в Гленмалони не с чайник величиной?

— Чего этот долговязый раскудахтался? — сказала миссис О'Дауд. — Или у него опять кровь носом пошла? Он всегда говорит, что кровь у него перестает идти, если он хорошенько высморкается... Ну, скажи, пожалуйста, О'Дауд, разве магнолии в Гленмалони не с чайник величиной?

— Что правда, то правда, Пегги! — подтвердил майор. — А иной раз даже и побольше!

Тут разговор был прерван появлением офицера, купившего букет.

— Великолепная лошадь!.. Кто это? — спросил Джордж.

— Посмотрели бы вы на Моласса, лошадь моего брата Моллоя Малони, что взяла приз на скачках! — воскликнула миссис О'Дауд, собираясь продолжать свой семейный рассказ, но муж перебил ее, ответив на вопрос Джорджа:

— Это генерал Тефто, командующий *** кавалерийской дивизией! — и спокойно прибавил: — Мы с ним были одинаково ранены в ногу в сражении при Талавере...

— Откуда вы и вывезли вашу походку? — сказал Джордж. — Генерал Тефто! Ну, дорогая моя, значит, и Кроули приехали!

Сердце Амелии жалось, она сама не знала почему. Ей показалось, что солнце светит уже не так ярко, а высокие старинные кровли и фронтоны сразу утратили свою живописность, хотя на самом деле закат был великолепный, и это происходило в один из самых ясных и прекрасных последних майских дней.

ГЛАВА XIX

Брюссель

Мистер Джозеф взял в Брюсселе пару лошадей для своей коляски и, разъезжая по городу в своем щегольском лондонском экипаже, производил достаточно внушительное впечатление. Джордж приобрел для своих личных надобностей верховую лошадь и нередко сопровождал, вместе с Доббином, коляску, в которой Джоз с сестрой совершали свои каждодневные экскурсии. Когда они выехали в тот же день в парк на обычную прогулку, догадка Джорджа о прибытии Раудона Кроули и его жены вполне подтвердилась. Они увидели в центре небольшой группы всадников, состоявшей из весьма важных особ, пребывавших в Брюсселе, Ребекку в красиво обтягивающей ее амазонке, верхом на прекрасной маленькой арабской лошадке, которой она управляла в совершенстве, научившись этому искусству в Куинс Кроули, где и ба-

ронет, и мистер Питт, и сам Раудон давали ей уроки. Рядом с ней находился доблестный генерал Тефто.

— Ну, конечно, это сам герцог! — воскликнула миссис О'Дауд, обращаясь к Джозу, который начал багроветь. — А вот, на гнедой, это лорд Эксбридж! Какой щеголь! Он и мой брат Моллой Малони как две капли воды похожи друг на друга!

Ребекка сначала не обратила внимания на коляску, но потом, узнав свою старую приятельницу, приветствовала ее нежными восклицаниями и улыбкой и послала в сторону экипажа воздушный поцелуй, шаловливо помахав ручкой. Затем она вернулась к беседе с генералом Тефто, который осведомился:

— Кто этот толстый офицер в фуражке с галунами? — на что Ребекка ответила, что это один офицер, служивший в Индии.

Что касается Раудона Кроули, то он, отделившись от остальных, подскочил к экипажу, сердечно пожал руку Амелии и сказал Джорджу:

— Как живешь, старина? — после чего так пристально уставился на миссис О'Дауд и ее черные петушиные перья, что она немедленно решила, что покорила его.

Отставший Джордж подъехал почти тотчас же вместе с Доббином, и они приветствовали, приложив руку к фуражке, высоких особ, среди которых Осборн немедленно узнал Ребекку. Джордж пришел в восхищение при виде Раудона, дружески склонившегося к его коляске и беседовавшего с Амелией, и ответил на сердечное приветствие адъютанта более чем с равносильным жаром; поклон же, каким обменялись Раудон и Доббин, был весьма слабым образчиком вежливости.

Кроули сообщил Джорджу о том, что они остановились вместе с генералом Тефто в гостинице «Парк». Джордж, со своей стороны, взял с него слово, что он не замедлит посетить его в его резиденции.

— Очень сожалею, что мы не встретились три дня тому назад, — сказал Джордж. — Я устроил обед в ресторане. Было довольно мило. Лорд Бэракрс, графиня и леди Бланш доставили нам удовольствие и пообедали вместе с нами. Жалко, что тебя не было!

Намекнув, таким образом, приятелю о своей претензии принадлежать к свету, Осборн расстался с Раудоном, который последовал за важной кавалькадой, несшейся галопом по аллее, тогда как Джордж и Доббин заняли свои обычные места по сторонам коляски Амелии.

— Как хорош герцог! — заметила миссис О'Дауд. — Ведь Уэлсли в родстве с Малони. Но, конечно, я, бедная, и мечтать не могу быть ему представленной, пока его светлость не найдет нужным вспомнить о нашем родстве!

— Да, это замечательный воин! — сказал Джоз, чувствуя себя несравненно свободнее после того, как высокая особа отъехала. — Многие ли выигрывали такие сражения, как под Саламанкой¹, а, Доббин? Ведь я, миссис О'Дауд, знал его и раньше; мы оба танцевали на одном и том же вечере с мисс Кетлер, дочерью того Кетлера, что в артиллерии... Адски славная девочка!.. Это было в Думдуме!..

Появление высоких особ было предметом общего разговора во время прогулки и за обедом — до самого того часа, когда наступило время отправляться в оперу.

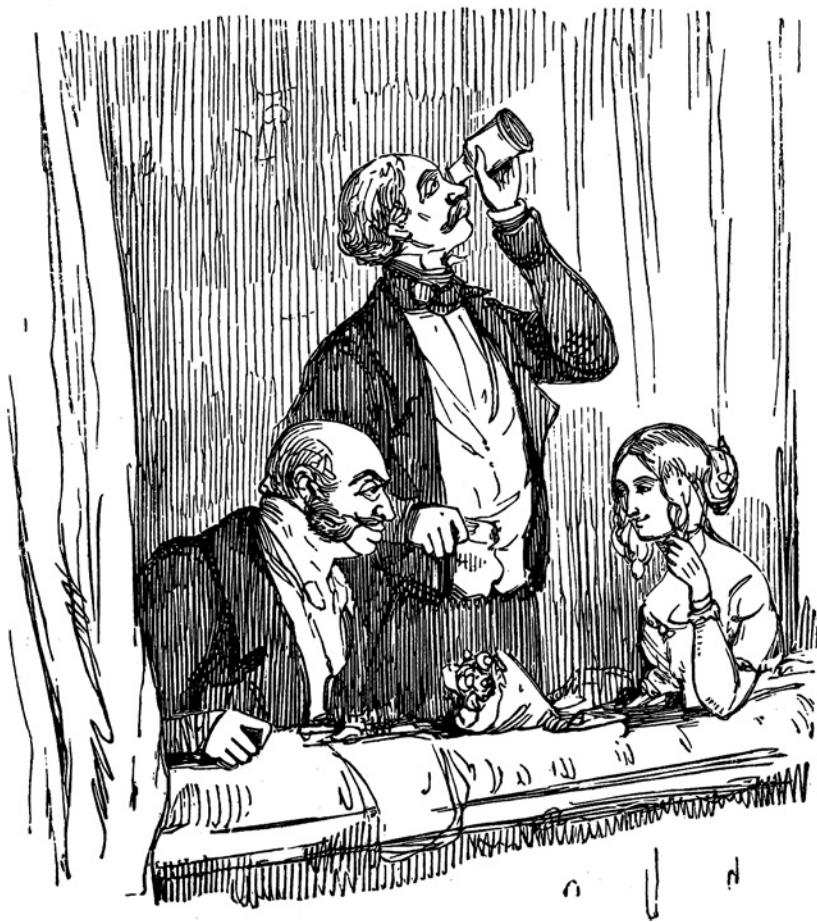
Там было почти совсем как в доброй старой Англии. Театр был переполнен знаковыми британскими лицами и туалетами, издавна на весь мир прославившими британских дам. Миссис О'Дауд по своему великолепию занимала среди них далеко не последнее место. На лбу у нее были завитушки и убор из ирландских алмазов и дымчатых топазов, перед которыми, по ее мнению, меркли драгоценности всего зала. Ее присутствие всегда терзало Джорджа, но супруга майора неукоснительно разделяла все развлечения, в которых принимали участие ее молодые друзья, и ей никогда не приходило в голову, что ее общество могло вызвать в них какое-нибудь чувство, кроме восторга.

— Конечно, она была полезна тебе, моя дорогая, — говорил Джордж своей жене, которую мог покидать без особенных угрызений, зная, что она остается в обществе супруги майора. — Но как хорошо, что приехала Ребекка! Она составит тебе компанию и мы сможем избавиться от этой проклятой ирландки!

На это Амелия не ответила ни «да», ни «нет», и как нам знать, каковы были ее мысли?

¹ 22 июня 1812 г. герцог Веллингтон (Уэлсли) разбил со своей англо-испанской армией французов под Саламанкой.

Картина, какую представлял собой брюссельский оперный театр, не произвела на миссис О'Дауд такого впечатления, как театр в Дублине на Фишамбль-стрит, а французскую музыку, по ее мнению, нельзя было сравнить с мелодиями ее родины. Супруга майора благосклонно делилась с друзьями замечаниями, которые делала весьма громогласно, с самым самодовольным видом размахивая при этом громадным скрипучим опахалом.

— Что за странная женщина сидит рядом с Амелией, милый Раудон? — сказала одна леди в ложе напротив; наедине она почти всегда бывала вежлива с мужем, а в обществе проявляла к нему сугубую нежность. — Разве ты не видишь там странное существо с какой-то желтой штукой на тюрбане, в красном атласном платье и с огромными часами?

— Возле хорошенькой женщины в белом? — осведомился джентльмен средних лет, сидевший рядом со спрашивающей дамой, с ленточкой в петлице, в нескольких жилетах и с туго повязанным белым шейным платком.

— Эта хорошенькая женщина в белом — Амелия, генерал! Вы видите всех хорошеньких женщин, гадкий человек!

— Клянусь: всегда лишь одну! — воскликнул восхищенный генерал, а леди слегка ударила его большим букетом, который держала в руке.

— Ну вот, ей-же-ей, — это он! — сказала миссис О'Дауд. — И букет тот самый, который он купил на цветочном рынке!

И когда Ребекка, поймав взгляд приятельницы, вновь проделала операцию воздушного поцелуя, миссис О'Дауд приняла это приветствие на свой счет и вернула его с такой любезной улыбкой, что заставила несчастного Доббина выскочить из ложи.

По окончании акта Джордж тотчас же вышел и направился к ложе Ребекки засвидетельствовать ей свое почтение. Но в коридоре он встретил Кроули, с которым и обменялся несколькими фразами о происшедшем за последние две недели.

— Ну что, мой чек оказался в порядке? — спросил Джордж значительно.

— В наилучшем, мой милый! — ответил Раудон. — Буду счастлив дать тебе отыграться! Ну как, родитель сдается?

— Нет еще, — ответил Джордж, — но он сдается! Ведь ты знаешь, у меня независимое состояние от матери! А как тетушка?

— Проклятая скряга прислала мне двадцать фунтов! Когда мы встретимся? Во вторник генерал не обедает дома. Не придете ли во вторник? Послушай, заставь Седли сбрить усы! На какого, спрашивается, черта ему усы при сюртуке с дурацкими шнурами? Ну, а теперь до свиданья! Постарайтесь быть во вторник! — И Раудон обратился к двум блестящим щеголям, которые, как и он, принадлежали к штабу генерала.

Джордж был лишь отчасти удовлетворен приглашением к обеду именно в тот день, когда генерал обедал не с ними.

— Я зайду засвидетельствовать свое почтение твоей жене, — сказал он.

— Гм... Как тебе угодно, — произнес Раудон с весьма недовольным видом, а оба молодых офицера многозначительно переглянулись. Джордж расстался с ними и пошел по коридору к ложе генерала, номер которой он тщательно рассчитал.

— Entrez!¹ — прозвучал ясный голосок, и наш приятель очутился перед Ребеккой, которая вскочила, захлопала в ладоши и протянула ему обе ручки — так она была очарована, что видит его наконец. Генерал с ленточкой в петлице уставился на прибывшего офицера, мрачно нахмурившись, словно желая сказать: «Это еще что за дьявол?»

— Дорогой мой капитан Джордж! — восклицала Ребекка восторженно. — Как мило с вашей стороны зайти ко мне! Мы с генералом скучали тут в одиночестве... Генерал, это мой капитан Джордж, о котором я вам рассказывала!

— Как же, — подтвердил генерал, едва заметно кивнув. — В каком полку капитан Джордж?

Джордж назвал номер своего полка; с каким наслаждением назвал бы он при этом какой-нибудь блестящий кавалерийский полк!

— Кажется, недавно из Индии? В последней кампании не участвовали? Квартируете здесь, капитан Джордж? — продолжал генерал с убийственным высокомерием.

— Ну, какой же он капитан Джордж, вы, глупенький! Капитан Осборн! — сказала Ребекка.

Генерал дико смотрел то на одного, то на другую.

¹ Войдите! (*фр.*)

— Ну, конечно, капитан Осборн! — поправился он. — Вы в родстве с Осборнами из Л***?

— У нас один и тот же герб, — сказал Джордж, и это было действительно так. Обзаводясь пятнадцать лет тому назад экипажем, мистер Осборн посоветовался с одним гербоведом из Лонг-Акра и выбрал себе из «Книги пэров» герб Осборнов из Л***.

Генерал промолчал на это заявление, взял театральную трубку (биноклей в то время еще не было) и сделал вид, будто оглядывает зрительный зал. Но Ребекка отлично видела, что его невооруженный глаз работает в ее направлении, бросая на нее и на Джорджа убийственные взгляды.

Она удвоила свою приветливость.

— А как поживает дорогая Амелия? Впрочем, незачем и спрашивать! Она очаровательна! А кто эта особа в вашей ложе, такая красивая и такая, по-видимому, добродушная? Ваша пассия? О вы, гадкие мужчины! А вон и мистер Седли кушает мороженое и, как видно, чрезвычайно им наслаждается! Генерал, отчего нам не дают мороженого?

— Прикажете пойти и принести? — спросил генерал, впадая в бешенство.

— Разрешите мне пойти! — сказал Джордж. — Прошу вас!

— Нет, я лучше пойду к Амелии в ложу... Милая, дорогая малютка!.. Дайте мне руку, капитан Джордж!.. — И с этими словами она кивнула генералу головкой и вышла в коридор. Когда они остались наедине, она посмотрела на Джорджа странно и многозначительно, словно желая сказать: «Видите, как обстоят дела? Как я его дурачу!» — но он этого не видел — он был занят собственными планами, наслаждаясь сознанием своей неотразимости.

Проклятия, которым генерал дал свободный выход после того, как Ребекка и ее покоритель оставили ложу, были слишком выразительны, чтобы записать их здесь, и никакой наборщик не дерзнул бы набрать подобных слов. Они непосредственно вылились из генеральского сердца: удивительно, как человеческое сердце может порождать подобные продукты и извергать из себя по мере надобности такое обилие гнева, бешенства, страсти и ненависти!

Нежные глаза Амелии тоже с беспокойством устремились на пару, поведение которой привело в негодование ревнивого генерала, но Ребекка, войдя в ложу Амелии, кинулась к приятельнице с сердечнейшей радостью, несмотря на то, что это происходило в публичном месте; Бекки обнимала милую подругу на виду всего зрительного зала или по меньшей мере перед генеральской трубкой, направленной на ложу Осборна. Миссис Раудон приветствовала Джоза также с величайшей любезностью, восхищалась громадной брошкой и великолепными ирландскими алмазами миссис О'Дауд и не хотела верить, чтобы они происходили не из Голконды. Она суетилась, болтала, оборачивалась, вертелась, улыбалась одному, кокетничала с другим, предельная все это перед ревниво устремленной на нее из противоположной ложи зрительной трубкой.

А когда настала очередь балета (вряд ли там была танцовщица, которая разыгрывала бы свою роль и жеманилась с большим совершенством, нежели Бекки!), она поспешила к себе в ложу, опираясь на этот раз на руку капитана Доббина. Нет, она не хочет отвлекать Джорджа! Он должен остаться здесь и разговаривать с милой, дорогой маленькой Амелией!

— Что за лукавая притворщица! — пробормотал Джорджу честный старина Доббин, вернувшись из ложи Ребекки, куда отвел ее, не разжимая губ и с мрачностью гробовщика. — И вертится, и извивается, словно змея какая-то! Неужели же ты не заметил, что все время, пока она была тут, она разыгрывала комедию для генерала?

— Притворщица?.. Разыгрывала комедию?.. Чепуха!.. Она прелестнейшая маленькая женщина во всей Англии! — возразил Джордж, показывая свои белые зубы и покручивая благоуханные усы. — Ты человек не светский, Доббин! Посмотри-ка туда, она уже утешила генерала, видишь, как он смеется? Черт возьми, что за плечи! Эмми, почему ты без букета? Все дамы с букетами!

— Так отчего же вы ей не купили? — сказала миссис О'Дауд, а Амелия и Уильям Доббин мысленно поблагодарили ее за это своевременное замечание. Но после этого ни одна из этих леди уже не шутила больше: Амелия была подавлена блеском, ослепительностью и любезным разговором своей светской соперницы, и даже сама О'Дауд притихла под впечатлением блестящего появления Ребекки и едва ли сказала за весь вечер слово о Гленмалони.

— Когда же ты перестанешь играть, Джордж? Ты мне это уже сто лет обещаешь! — сказал Доббин своему другу спустя несколько дней после посещения оперы.

— А когда ты перестанешь читать мне наставления? — ответил на это другой. — И чего ты так волнуешься, черт побери? Мы играем по маленькой, а вчера я даже выиграл... Ведь не подозреваешь же ты Кроули в плутовстве? Впрочем, и при настоящей игре результат в конце года будет тот же!

— Только я не думаю, чтобы он мог заплатить тебе в случае проигрыша! — сказал Доббин. Но советы его имели тот успех, какой обыкновенно и имеют советы. Осборн и Кроули встречались теперь весьма часто. Генерал Тефто почти всегда обедал вне дома, и Джордж был постоянным гостем в апартаментах, занимаемых адъютантом и его супругой (по близости к генеральским).

Поведение Амелии во время визита Осборнов к Кроули чуть не повело к первой размолвке между супругами. Джордж страшно разбранил жену за то, что она держала себя так гордо и высокомерно в отношении миссис Кроули, своей старой приятельницы. Амелия не произнесла в ответ ни слова, но при вторичном посещении миссис Кроули, под взглядом мужа и испытующе смотревшей на нее Ребекки, она была еще подавленнее и застенчивее (если это вообще было возможно), нежели при первом. Зато Ребекка удвоила свою любезность и словно совсем не замечала холодности подруги.

— Мне кажется, Эмми стала особенно гордой с тех пор, как ее отец... как на мистера Седли обрушилось несчастье! — сказала Ребекка Джорджу, милосердно смягчая для него выражения. — Честное слово, мне уже и в Брайтоне казалось, что она удостаивает меня ревностью! А теперь ей, вероятно, представляется неприличным, что я и Раудон поселились вместе с генералом. Но, дорогой мой, как могли бы мы, при наших средствах, существовать, не имея друга, который разделял бы наши расходы? А может быть, вы полагаете, что Раудон не сумеет позаботиться о моей чести? Но я очень, очень ей признательна!

— Фу, ревность! — ответил Джордж. — Все женщины ревнивы!

— Да и мужчины тоже! Разве вы оба не приревновали меня тогда в опере: вы — к генералу, а генерал — к вам? Ведь он готов был съесть меня за то, что я вышла с вами проводить эту вашу маленькую глупенькую жену! Как будто я сколько-нибудь интересуюсь вами обоими! — сказала супруга Кроули, дерзко вздернув голову. — Хотите

пообедать со мной? Мой драгун обедает у главнокомандующего. Волнующие новости: говорят, французы перешли границу! Мы пообедаем спокойно!

Джордж принял приглашение, хотя его жене и нездоровилось в тот день. С момента их свадьбы прошло не более шести недель, а другая женщина уже высмеивала Амелию и издевалась над нею, и он не возмущался. Он не возмущался и собой, этот покладистый малый.

«Конечно, это нехорошо, — говорил он себе, — но, черт возьми, если хорошенькая женщина становится вам поперек дороги — что тут делать нашему брату?» Ведь я придерживаюсь широких взглядов в отношении женщин!» — говаривал он не раз Стебблю, Спуну и другим товарищам по офицерской столовой, улыбаясь и многозначительно кивая, и все они скорее уважали, нежели порицали капитана за это удалство. Любовные победы, наравне с военными, с незапамятных времен заставляли гордиться мужчин ярмарки тщеславия, иначе стали бы разве школьники хвастаться своими амурными делами, а донжуаны приобрели бы такую популярность?

Таким образом, мистер Осборн был твердо убежден, что он неотразим для женщин и создан для того, чтобы одерживать над ними победы, и не пытался бороться против рока, подчиняясь ему не без самодовольства. А так как Амелия молчала и не мучила его ревностью, а только была бесконечно несчастна и страдала втайне, то Джордж предпочел уверить себя, что жена его нисколько не подозревает того, о чем были прекрасно осведомлены все его знакомые, а именно что он отчаянно ухаживает за миссис Кроули. Он ездил с ней верхом, когда она бывала свободна, ссылаясь дома на полковые дела (хотя ему никогда и не удавалось обмануть Амелию этой ложью) и обрекая жену одиночеству или обществу ее брата, и проводил вечера у Кроули, проигрывая деньги мужу и уверяя себя, что его жена умирает от любви к нему. Весьма возможно, что эта достойная чета и не составляла прямого заговора против Джорджа и что Кроули не сговаривались: одна — завлекать молодого джентльмена, а другой — обыгрывать его в карты, но они понимали друг друга отлично, и Раудон добродушно предоставлял Осборну приходить и уходить.

Джордж был настолько увлечен этим знакомством, что виделся теперь с Уильямом Доббином далеко не так часто, как раньше. Джордж даже избегал его и в обществе и в полку и, как мы уже видели, весьма неохотно выслушивал наставления, преподавать которые ему был не прочь старший товарищ. Поведение Джорджа в некоторых отношениях весьма беспокоило Доббина и заставляло его задумываться; однако какая польза была убеждать его, что он, несмотря на его пышные усы и его уверенность в своей опытности, был зелен, как школьник, что Раудон избрал его своей жертвой, как это он проделывал раньше и со многими другими, и что, используя Джорджа, он оттолкнет его с презрением. Джордж не послушал бы его все равно. Доббин встречался с ним теперь так же редко, как и в былые дни, когда, приходя в дом Осборнов, видел своего старого приятеля только случайно, и теперь эти редкие встречи исключали возможность тяжелых и бесполезных разговоров, и наш друг Джордж мог невозбранно предаваться всем удовольствиям ярмарки тщеславия.

Никогда еще со времени Дария¹ не бывало у армии такой блестящей свиты, как та, которая последовала в 1815 году за армией герцога Веллингтона в Нидерланды, вовлекая ее в танцы и пированье вплоть до самого момента сражения.

¹ *Дарий I* (550–485 гг. до н. э.) — персидский царь, известный своим походами, в которых принимало участие весьма многочисленное для своего времени войско.

Бал, который дала в Брюсселе одна высокородная герцогиня 15 июня того же года, стал историческим. Он переполюшил весь город, и я слышал от дам, которые находились в то время в Брюсселе, что представительницы их пола говорили об этом бале и интересовались им гораздо больше, нежели неприятелем, наступавшим с фронта. Для того чтобы заручиться приглашением на бал, они пустили в ход все старания, интриги и мольбы, на какие только способны англичанки, лишь бы попасть в общество великих их нации. Джоз и миссис О'Дауд, хотя и страстно жаждавшие приглашения, тщетно хлопотали о билетах. Но другие из наших друзей оказались более счастливыми. Так, благодаря протекции лорда Бэракса и как бы в отплату за обед Джордж получил приглашение, адресованное капитану Осборну с супругой, заставившее его чрезвычайно возгордиться. Уильям Доббин, состоявший в дружеских отношениях с командиром дивизии, в состав которой входил *** полк, забежал однажды к миссис Осборн и показал ей, смеясь, такое же приглашение. Оно вызвало зависть Джоза и заставило Джорджа подивиться: какой дьявол помогает Доббину пробираться в общество? Конечно, приглашены были и мистер и миссис Кроули, как это и полагалось друзьям генерала, начальника кавалерийской бригады.

В назначенный вечер Джордж, заказавший Амелии новый наряд и всевозможные украшения, повез жену на пресловутый бал, где у нее не было ни души знакомой. Он разыскал леди Бэакрс, которая его оборвала, найдя, что с него вполне достаточно и приглашения, а затем, усадив Амелию на скамью, предоставил ее собственным размышлениям, полагая, что поступил достаточно великодушно, привезя ее на бал, где она могла развлекаться, как ей заблагорассудится. Но мысли Амелии были далеко не из приятных, и рассеять их не явился никто, за исключением доброго капитана Доббина.

Если появление Амелии прошло на балу совершенно незамеченным (как это и почувствовал с некоторым раздражением ее муж), то, наоборот, дебют миссис Раудон Кроули оказался весьма блистательным. Она приехала очень поздно. Лицо ее сияло, а изысканностью своего туалета она выделялась среди собравшихся, под направленными на нее отовсюду лорнетами. При этом Ребекка оставалась столь же спокойна и сохраняла такое же самообладание, как, сопровождая в свое время в церковь маленьких воспитанниц, мисс Пинкертон. Множество знакомых мужчин и денди теснились вокруг нее. Что касается дам, то среди них шло перешептывание, будто Раудон похитил жену из монастыря и будто она в родстве с Монморанси. Бекки говорила по-французски настолько хорошо, что толкам этим можно было вполне поверить, и все признали, что манеры у нее отличные и что она весьма изящна. Полсотни кавалеров толпились вокруг нее, добиваясь чести танцевать с ней, но она отвечала, что уже приглашена или что не собирается много танцевать, и прежде всего направилась туда, где сидела никем не замечаемая и глубоко несчастная Эмми. И вот, чтобы окончательно добить бедняжку, миссис Раудон поспешила к ней с любезными приветствиями и немедленно же стала оказывать ей покровительство. Она раскритиковала ее наряд и прическу, удивляясь, как можно быть так *chaussée*¹ и обещала завтра же прислать милой Амелии свою *corsetière*². Ребекка находила бал восхитительным: собрались все значительные особы, а незначительных было лишь очень немного. В ка-

¹ Обутой (*фр.*).

² Корсетницу (*фр.*).

кие-нибудь две недели, после трех обедов в обществе, эта молодая леди настолько усвоила себе благородный жаргон, что даже и кровный член этого общества не мог бы изъясняться лучше, и только по ее безукоризненной французской речи можно было узнать, что она не прирожденная светская женщина.

Джордж, который покинул Амелию при входе в зал, не замедлил вернуться, как только увидел Ребекку рядом с ее дорогой подругой. Как раз в этот момент Бекки читала миссис Осборн наставления по поводу безумств, какие совершал ее супруг.

— Ради бога, удержите его от игры, моя дорогая, — говорила Ребекка, — или он погубит себя! Они с Раудоном каждую ночь играют в карты, а ведь ваш муж весьма небогат, и Раудон оберет его до последнего шиллинга, если Осборн не будет благодарен! Отчего вы не положите этому конец, маленькое беспечное создание? Отчего бы вам не прийти к нам вечером, вместо того чтобы киснуть в обществе этого капитана Доббина? Хотя он и *très aimable*¹ — смею думать, — не может же нравиться мужчине с такими огромными ногами! Вот у вашего мужа нога — чудо!.. А, вот и он!.. Где вы были, бессовестный человек? Эмми все глазки выплакала тут по вас! Вы пришли звать меня на кадрили?

Она бросила свой букет и шаль возле Амелии и упорхнула с Джорджем.

Только женщины умеют так ранить. Кончики их отравленных маленьких стрел колют тысячу раз больше, нежели грубое мужское оружие. Наша бедная Эмми, никогда никого не ненавидевшая и ни над кем не издевавшаяся, оказывалась в руках маленького безжалостного врага совершенно беспомощной.

Джордж танцевал с Ребеккой два... три раза... Амелия не знала точно, сколько раз. Она сидела в своем углу, никем не замечаемая, и только Раудон обратился к ней с несколькими неловкими словами да позднее капитан Доббин расхрабрился, принес ей какое-то угощение и сел возле нее. Ему не хотелось осведомляться о причине ее грусти, но она сама сказала ему, желая найти оправдание стоявшим у нее в глазах слезам, что миссис Кроули напугала ее сообщением о том, что Джордж продолжает играть.

— Странное дело, если мужчина пристрастится к картам, то нет такого беспутного негодяя, которому он не позволил бы надувать себя! — сказал на это Доббин, и Эмми односложно ответила:

— Да, действительно!

Она думала о другом, и не денежные потери огорчали ее.

Наконец Джордж пришел за шалью и цветами Ребекки. Она уезжала и не снизошла до того, чтобы вернуться и проститься с Амелией.

Бедняжка предоставила ему прийти и уйти, не сказав ни слова, только голова ее опустилась еще ниже. Доббина в это время отозвали; он шептался со своим другом, начальником дивизии, и не видел этой сцены. Джордж ушел с букетом, и, когда он вручал его владелице, в букете оказалась записочка, притаившаяся среди цветов, словно змея. Ребекка сейчас же ее заметила. Ей с детства приходилось иметь дело с записками. Она протянула руку, взяла букет, и, когда глаза их встретились, Джордж понял, что ей было известно, что она там найдет. Муж торопил ее; по-видимому, он все еще был слишком углублен в собственные мысли, чтобы заметить признаки симпатии между женою и приятелем. Конечно, это была просто шутка. Ребекка протянула

¹ Весьма любезен (*фр.*).

Джорджу руку со свойственным ей быстрым и многозначительным взглядом, присела и удалилась. Джордж же только склонился над ее рукой и ничего не ответил на какое-то замечание Кроули, он даже не слышал его, голова его кружилась от торжества и возбуждения, и он дал им уйти, не сказав ни слова.

Его жена была свидетельницей лишь части сцены с букетом. Было вполне естественно, что Джордж пришел за шалью и цветами Ребекки, в этом не было ничего нового, он проделывал это двадцать раз и раньше в течение последних нескольких дней, но теперь это показалось бедняжке Эмми не под силу.

— Уильям, — сказала, она, внезапно прислонясь к Доббину, который стоял рядом, — вы всегда были добры ко мне... Мне нехорошо... Проводите меня домой!

Эмми не заметила, что назвала капитана по имени, как это делал обыкновенно Джордж. Доббин быстро ушел с Амелией. Квартира Осборнов находилась поблизости, и они беспрепятственно пробрались сквозь толпу, хотя на улице происходила еще большая толкотня, нежели в бальном зале.

Джордж не раз сердился, заставляя жену бодрствующей по возвращении домой после пирушек, которые посещал довольно часто, поэтому Амелия тотчас же улеглась в постель, но хотя она и не спала и на улице стоял несмолкаемый шум и гам и слышался непрерывный топот лошадей, она не слышала ничего, — иное беспокойство отогнало ее сон.

Тем временем Осборн подошел, взволнованный, к карточному столу и принялся ставить очертя голову карту за картой. Он выигрывал непрерывно.

«Сегодняшний вечер мне все удастся!» — думал он.

Но даже удача в игре не могла успокоить его волнения; спустя некоторое время он встал, сунул выигрыш в карман и направился к буфету, где выпил несколько рюмок вина.

Здесь и нашел его Доббин громко разговаривающим и хохочущим и чрезвычайно возбужденным от алкоголя. Доббин уже разыскивал приятеля за карточными столами и был настолько же серьезен и бледен, насколько тот был весел и красен.

— Эй, Добб! Поди сюда, выпьем, дружище!.. Прекрасное вино у герцога!.. Ну-ка, вы, сэр, дайте-ка мне еще! — сказал он, вновь протягивая за вином ходившую уже в руке рюмку.

— Уходи отсюда, Джордж! — сказал Доббин по-прежнему серьезно. — Не пей больше!

— Не пить? Да что же может быть лучше?.. Выпей и ты, старина! Дай разгореться своим поблекшим ланитам!.. Вот, возьми!

Доббин подошел к нему ближе и что-то шепнул ему. Тут Джордж дико закричал «ура!», опорожнил рюмку, стукнул ею по столу и поспешно удалился, опираясь на руку друга.

— Неприятель перешел Самбру, — сказал ему Доббин, — и на левом фланге уже началось сражение. Идем! Через три часа мы выступаем...

Джордж ушел, потрясенный этой вестью, столь давно ожидаемой и показавшейся столь неожиданной, когда она наконец пришла. Что были теперь любовь и интриги? За короткое время, пока он быстро шагал к своей квартире, он передумал о тысяче других вещей, только не об этом: о своей прошлой жизни и видах на будущее, о судьбе, какая могла ему предстоять, о жене и ребенке, которого он, может быть, так и не увидит. О, как раскаивался он в поступке, совершенном этой ночью! Как хотел бы

он, прощаясь с нежным и кротким существом, к любви которого он относился с таким равнодушием, иметь чистую совесть! Он задумался над своей короткой супружеской жизнью. За эти немногие недели он изрядно растратил свой небольшой капитал. Как безрассуден и беспечен он был! Случись с ним теперь беда — что оставит он жене? Как мало он ее достоин! И зачем он на ней женился? Он совсем не годился для семейной жизни. Зачем ослушался он отца, всегда проявлявшего к нему такое великодушие... Надежды, укоры совести, честолюбивые мечтания, нежность и эгоистические сожаления наполняли сердце Джорджа. Он сел и начал писать отцу, вспоминая то, что уже высказывал ему однажды, накануне предстоявшей ему дуэли... Заря слабо занималась в небе, когда он закончил прощальное письмо; он запечатал его и поцеловал надписанный адрес. Он вспомнил, как он расстался с великодушным отцом и какую доброту проявлял к нему тысячу раз непреклонный старик.

Придя домой, Джордж заглянул в спальню к Амелии; она лежала тихо, глаза ее, казалось, были закрыты, и он порадовался, что она заснула. Вернувшись с бала, капитан застал вестового за сборами к походу; тот понял сделанный ему знак не шуметь и продолжал укладку быстро, но бесшумно. Джордж колебался: войти и разбудить Амелию или же оставить записку ее брату, прося его сообщить ей о выступлении? Он пошел взглянуть на нее еще раз.

Когда Джордж входил в ее комнату в первый раз, Амелия не спала. Но она не открыла глаз, чтобы бодрствование ее не показалось ему упреком. Робкое ее сердечко почувствовало облегчение оттого, что он вернулся так скоро после нее, и, когда он выходил потихоньку из комнаты, она повернулась лицом к дверям и задремала. Джордж вошел теперь, ступая еще осторожнее, и посмотрел на нее вновь. При слабом свете ночника он мог видеть ее нежное лицо; покрасневшие, опущенные темными ресницами веки были смежены, а белая рука, круглая и гладкая, лежала поверх одеяла. О, боже милостивый, как чиста была Амелия! Как она кротка, нежна и как одинока! А он — как груб, эгоистичен и преступен!

С болью в сердце, убитый стыдом, стоял Джордж в ногах кровати и смотрел на спящую. Смел ли он — он-то! — молиться за это непорочное создание?.. Да хранит ее бог!.. Да хранит ее бог!.. Он подошел еще ближе, взглянул на ее руку, на маленькую, нежную, мирно покоящуюся руку, и бесшумно склонился над подушкой к кроткому бледному личику.

Две прекрасные руки нежно обвили его шею, когда он наклонился.

— Я не сплю, Джордж, — произнесло бедное дитя с рыданием, способным разорвать сердце, приютившееся теперь так близко около сердца мужа.

Бедняжка проснулась — но для чего? В этот момент на плацдарме зазвучал военный рожок, призыв этот был подхвачен повсюду, и весь город проснулся от барабанного боя и резких звуков шотландских вольноок.

ГЛАВА XXX

«Милую покинул я...»

Мы отнюдь не имеем претензии вторгаться в область военных летописцев. Наше место отнюдь не среди воюющих. Когда палуба очищается перед открытием огня, мы спускаемся вниз и покорно ждем. Мы явились бы только помехой для отважных молодцов, действующих там, наверху, над нашими головами. Мы последуем за *** полком не далее городских ворот и, предоставив майора О'Дауда его обязанностям, вернемся к его супруге, дамам и обозу.

У майора и его жены, не приглашенных на бал, описанный нами в последней главе, на котором присутствовали другие наши друзья, было гораздо больше времени для живительного и естественного отдыха в постели, нежели у тех, кто желал примирить светские развлечения с выполнением служебного долга.

— Я уверен, моя дорогая Пегги, — сказал майор, невозмутимо натягивая ночной колпак на уши, — что через денек-другой начнется такой пляс, какого многие из веселящихся сегодня никогда не видывали!

После мирно выпитого стакана вина ему было гораздо приятнее уснуть, нежели принимать участие в каком-либо ином развлечении. Что касается Пегги, то она не прочь была бы показать на балу свой тюрбан и райскую птицу, если бы муж не сообщил ей вести, заставившей ее весьма призадуматься.

— Прошу разбудить меня за полчаса до сбора! — сказал майор жене. — Разбуди меня, милая Пегги, в половине второго и присмотри, чтобы мои вещи были готовы! Может статься, я и не вернусь к завтраку, миссис О'Дауд!

И с этими словами, выразившими предположение, что полк может двинуться утром в поход, майор умолк и уснул.

Она приготовила его походный чемодан, вычистила плащ и фуражку и разложила прочее воинское снаряжение, а в карман запрятала небольшой, удобный для хранения, запас продовольствия

Облачившись в ночную кофточку и в папильотках, миссис О'Дауд, как дельная хозяйка, решила, что при таких обстоятельствах ее обязанностью было не спать, а действовать.

— Для этого будет достаточно времени, — сказала она, — когда Мик уйдет!

Она приготовила его походный чемодан, вычистила плащ и фуражку и разложила прочее воинское снаряжение, а в карман запрятала небольшой, удобный для хранения, запас продовольствия и плетеную фляжку, или так называемый «карманный пистолет», содержащий около пинты крепчайшего коньяку, который весьма одобрялся и ею и майором. Когда стрелки ее знаменитых часов указали половину второго, а механизм их пробил (бой этот был совершенно такой же, как и на соборной башне, по отзыву их прекрасной обладательницы) этот роковой час, миссис О'Дауд разбудила майора и приготовила ему чашку такого вкусного кофе, какой едва ли подавался в это утро где-либо в Брюсселе. Кто станет отрицать, что в этих приготовлениях достойной леди выражалось не меньше чувства, нежели в истерических припадках и потоках слез, какими высказывали свою любовь более сентиментальные особы, и что совместное кофепитие, которым они занялись, пока рожки трубили сбор, а барабаны били в разных частях города, было более подходящим к случаю и более полезным, нежели всякое иное выражение чувствительности? В результате этого майор явился на сборный пункт чистый, свежий, с хорошо выбритым розовым лицом и, сев на лошадь, внушил бодрость и уверенность всему полку. Офицеры приветствовали супругу майора, когда полк проходил мимо балкона, где стояла, приветливо махая платком, эта славная женщина, и, я смею думать, отнюдь не недостаток отваги, но лишь чувство женской скромности и приличия воспрепятствовали супруге майора лично повести доблестный *** полк в сражение.

По воскресеньям и в других случаях торжественного характера миссис О'Дауд имела обыкновение читать весьма прилежно отрывки из объемистого тома проповедей ее дядюшки-декана. Проповеди эти послужили ей большим утешением, когда О'Дауды, возвращаясь на родину, чуть было не потерпели кораблекрушение на пути из Индии. И теперь, после ухода полка, супруга майора обратилась к этому тому и благочестивым размышлениям. Возможно, что она мало понимала читаемое, и что мысли ее блуждали далеко, вместе с тем она не могла и спать при виде покоившегося на подушке колпака бедного Мика. Но так всегда бывает на свете. Джек или Дональд пускаются в поход, в поисках славы, с ранцем за плечами и выкидывая носок под звуки марша «Милую покинул я...», и милая действительно остается в тылу и страдает, имея достаточный досуг для размышлений, скорби и воспоминаний.

Сознавая всю бесцельность сетований, зная, что несдержанность делает людей только еще более несчастными, Ребекка решила не давать простора бесплодной скорби и перенесла разлуку с супругом со спартанской твердостью. Даже и сам капитан Раудон Кроули был более тронут при расставании, нежели эта маленькая решительная женщина. Она всецело подчинила себе эту грубую необузданную натуру; Раудон любил жену, поклонялся ей и восхищался ею, как умел. Ребекка сделала его таким счастливым, каким он не был никогда. Прежние наслаждения, какие он обретал в скачках, кутежах, охоте и за карточным столом, все предшествовавшие увлечения модистками и оперными танцовщицами и все другие легкие победы этого неуклюжего военного Адониса, казались ему теперь пресными по сравнению с законными супружескими радостями, какими он наслаждался с недавних пор. Бекки сумела по-

стигнуть искусство непрестанно развлекать мужа, и Раудон находил свой дом и общество жены в тысячу раз привлекательней всякого иного общества, какое ему приходилось посещать от детских лет и поднесь. Капитан проклинал прошлые сумасбродства и расточительность, особенно оплакивая свои неоплатные долги, которые теперь являлись препятствием для дальнейшего преуспевания в свете его жены. Не раз вздыхал он об этом во время своих полуночных бесед с Бекки, тогда как, будучи холостым, он никогда о долгах не думал. Он и сам поражался этому явлению.

— Пусть меня повесят, — замечал он (порой прибегая даже и к более сильным выражениям из свойственного ему незамысловатого лексикона), — пока я не был женат, мне было все равно, под какими векселями подписывал я свое имя, и если Мозес соглашался ждать, а Леви — переписывать векселя каждые три месяца, я нисколько не тревожился. Ну а с тех пор, как я женился, я, ей-богу, ни разу не прикасался к вексельной бумаге, если не считать, конечно, переписки старых векселей!

Но Ребекка всегда умела разогнать эти меланхолические мысли.

— Ах ты, милый дурачок! — утешала она его. — Мы ведь не покончили еще с тетушкой! А если она нас и подведет, мы можем рассчитывать на твоё продвижение по службе... Или, погоди, если пресечется жизнь твоего дядюшки Бьюта, у меня есть и другой план для тебя. Ведь младшим сыновьям всегда предоставляется приход, и я не вижу, почему бы тебе не продать капитанский патент и не превратиться в священника!

Мысль о таком превращении повергла Раудона в неудержимый хохот; взрыв его прокатился по всей гостинице, и даже генерал Тефто услышал в полночь эти мощные «ха-ха!» в своем помещении над их головами. А на следующий день за завтраком Ребекка весьма остроумно описала эту сцену и даже сочинила первое слово Раудона к будущей его пастве, к великому удовольствию генерала.

Но все это — давно минувшие дни и разговоры! Когда пришла наконец весть о том, что кампания началась и что войска должны выступить, Раудон сделался так серьезен, что Бекки стала потешаться над ним, чем даже несколько покорибила чувства гвардейца.

— Я надеюсь, ты не думаешь, что я трушу, Бекки! — сказал он с дрожью в голосе. — Но я довольно хорошая мишень для пули, и, ты понимаешь, если она меня уложит, после меня останется одно, а может быть, и два существа, о которых я желал бы позаботиться. Ибо на мне лежит вина за то, что я вовлек вас в беду. Во всяком случае, это вовсе не смешно, миссис Кроули!

Ребекка и ласками, и нежными словами принялась успокаивать своего оскорбленного возлюбленного. Хотя живость и чувство юмора и брали обыкновенно перевес в этой бойкой натуре и Бекки легко впадала в смешливое настроение, она тем не менее так же легко могла надеть на себя и личину грусти.

— О мой любимый! — ответила она мужу. — Неужели же ты можешь заподозрить меня в бесчувственности? — И быстро смахнув что-то с глаз, она с улыбкой заглянула в лицо мужа.

— Взгляни сюда, — сказал Раудон, — если я буду убит, посмотрим, что у тебя останется... Мне довольно-таки везло здесь. Вот двести тридцать фунтов. В кармане у меня тридцать золотых. Это столько, сколько мне может понадобиться, так как генерал платит за все с княжеской щедростью. Если я буду убит, тебе не придется плакать, так как я ничего не буду стоить! А может быть, я и уцелею, чтобы изводить тебя!.. По-

том, ни одной из своих лошадей я с собой не возьму, а отправлюсь на генеральском гнедом, — так будет дешевле; я сказал ему, что мои захромали. Если я погибну, то за эту пару ты кое-что получишь, — Григг мне еще вчера предлагал девяносто фунтов за кобылу, раньше чем пришло это проклятое известие, и я был таким дураком, что не хотел ее отдать меньше как за двести фунтов. За Бельфинча точно так же можно взять в любое время свою цену; только тебе лучше продать его здесь, на месте; у барышников так много моих векселей, что, я полагаю, ему лучше не возвращаться в Англию. За маленькую кобылу, которую тебе подарил генерал, тоже можно кое-что выручить... Повторяю, здесь тебе незачем опасаться проклятых векселей, какие я надавал в Лондоне за содержание лошадей! — добавил Раудон со смехом. — Вот эта туалетная шкапулка стоила мне двести фунтов, то есть я задолжал за нее столько! Одни золотые крышки и флаконы в ней стоят фунтов тридцать-сорок... Прибавь сюда мои булавки, кольца, часы, цепочку и прочие вещи. Все это стоит больших денег. Я знаю, мисс Кроули заплатила за тикалки с цепочкой сто фунтов! Что касается золотых крышек и флаконов, то, черт возьми, досадно, что я не взял их побольше! Эдуардс навязывал мне серебряную вызолоченную машинку для снятия сапог, и я мог бы получить полный несессер с серебряной грелкой и серебряным прибором... Из того, что у нас есть, надо постараться извлечь как можно больше, понимаешь, Бекки?

Делая таким образом последние распоряжения, капитан Кроули, который до последних месяцев, когда им завладела любовь, редко думал о ком-либо, кроме себя, просматривал небольшой список своих вещей, прикидывая, как бы они могли быть обращены его женой в деньги в случае какого-нибудь несчастья с ним. Он доставил себе удовольствие записать карандашом своим крупным ребяческим почерком несколько предметов своей движимой собственности, которые могли бы быть проданы к выгоде его жены.

— Моя мэнтоновская двустволка, скажем — сорок гиней; плащ для верховой езды на соболем меху — пятьдесят фунтов; дуэльные пистолеты в ящике розового дерева, те самые, из которых я уложил капитана Маркэра, — двадцать фунтов; мои форменные седельные пистолеты и чепрак; еще пистолеты работы Леруа... и так далее.

Распоряжаться всеми этими предметами Раудон уполномочил Ребекку.

Верный своему плану экономии, капитан надел самый старый, затасканный сюртук и такие же эполеты, а все новое платье оставил на сбережение жене (или будущей вдове). И этот прославленный в Виндзоре и Гайд-парке денди пустился в поход одетый так же скромно, как какой-нибудь сержант, шепча про себя что-то вроде молитвы за женщину, которую он покидал. Он поднял ее с пола и продержал несколько мгновений на руках, крепко прижимая к сильно бившемуся сердцу. Его лицо покраснело, а глаза увлажнились, когда он, наконец, опустил ее на землю и расстался с ней. Он ехал рядом с генералом, молчаливо куря сигару, пока они нагоняли части бригады, состоявшие под командой Тефто и ушедшие вперед. Капитан перестал курить и нарушил молчание, не раньше как они отъехали много миль от города.

Ребекка, как мы уже говорили, мудро решила не предаваться напрасной чувствительности по поводу разлуки с мужем. Она помахала ему на прощание рукой, послала воздушный поцелуй из окна и постояла там, пока муж ее не скрылся из виду.

Соборная колокольня и высокие кровли причудливых старинных домов начинали розоветь в лучах восходящего солнца. Ребекка не спала в эту ночь, она все еще

была в своем бальном наряде, с упавшими на плечи развившимися светлыми волосами: вокруг глаз у нее были темные круги от бессонной ночи.

«Как ужасно я выгляжу! — подумала она, рассматривая себя в зеркало. — И какой бледной делает меня розовый цвет!»

С этими словами она сбросила с себя розовое одеяние, причем из-за корсажа у нее вывалилась записочка, которую Бекки подняла с улыбкой и заперла в туалетную шкатулку. Затем она поместила свой бальный букет в стакан с водой, улеглась в постель и спокойно уснула.

В городе стояла полная тишина, когда Бекки проснулась в девять часов, отдохнув и успокоившись, и принялась за кофе после всех утренних волнений и горестей.

Покончив с трапезой, она возобновила расчеты, какие Раудон делал минувшей ночью, обсуждая свое положение. Случись наихудшее — оно, если принять в соображение все эти вещи, оказывалось вовсе не дурным. В дополнение к тому, что ей оставил, отъезжая, муж, у нее были ее драгоценности и ее наряды. Великодушие Раудона в первое время их супружества было нами уже описано и восхвалено по заслугам. Кроме этого и ее маленькой кобылы у нее было множество подарков от генерала Тефто, ее раба и обожателя, в виде кашемировых шалей, купленных им на аукционе у одной разорившейся француженки-генеральши, и большое количество подношений из ювелирных магазинов, свидетельствовавших о вкусе и богатстве поклонника. Что касается «тикалок», как их называл бедный Раудон, то их тиканье наполняло все апартаменты Бекки: ей случилось однажды сказать, что часы, подаренные ей Раудоном, — английской работы и идут плохо, и на следующее же утро ей была прислана крохотная драгоценность с маркой Леруа, крышка которой и цепочка были осыпаны бирюзой, и другая с маркой Брегета, усыпанная жемчугом и величиною не бо-

лее полукроны. Генерал Тефто купил ей одну, а другую галантно преподнес капитан Осборн. У миссис Осборн часов не было, но, воздавая справедливость Джорджу, следует сказать, что если бы она выразила желание иметь таковые, он, конечно, подарил бы их ей. Что же касается достойной миссис Тефто в Англии, то она была обладательницей старинного снаряда, доставшегося ей еще от матери, и он, пожалуй, с успехом мог бы заменить ту серебряную грелку, о которой вспоминал Раудон. Если бы господа Гоуэлль и Джемс оповещали во всеобщее сведение списки клиентов, которым они продают драгоценности, как были бы поражены некоторые семьи! И если бы все эти украшения поступали в распоряжение законных жен и дочерей всех этих джентльменов, какое изобилие драгоценностей выставлялось бы на показ в самых благородных домах ярмарки тщеславия!

Произведя расценку своих ценностей, миссис Ребекка убедилась не без острого чувства торжества и самодовольства, что в случае неблагоприятных обстоятельств она может рассчитывать по меньшей мере фунтов на шестьсот-семьсот, чтобы начать новую жизнь, и провела утро приятнейшим образом, рассматривая, приводя в порядок и пряча свое имущество. Среди записок в бумажнике Раудона она нашла чек на двадцать фунтов, выданный на банкира Осборна, и это заставило ее вспомнить и о миссис Осборн.

— Пойду разменяю его, — сказала она себе, — а потом навещу бедную маленькую Амелию!

Если рассказ наш не имеет героя, то мы, во всяком случае, претендуем на изображение героини. Ни один мужчина из всей выступившей в поход британской армии, включая сюда и самого доблестного герцога, не проявил большего хладнокровия и присутствия духа в этих заботах и затруднениях, нежели стойкая маленькая жена адъютанта.

У нас есть еще один знакомый, которому пришлось остаться в тылу, как несражающемуся, и потому мы имеем право ознакомиться с его поведением и переживаниями. Это наш приятель, бывший сборщик податей в Боггли-Уолла, покой которого, как и всех других, был нарушен ранним утром звуками рожков.

Так как Джоз любил поспать и понежиться в постели, то весьма вероятно, что он продремал бы до обычного часа, несмотря на все волынки, рожки и барабаны британской армии, если бы ему не помешало особое обстоятельство, виновником которого был, конечно, не Джордж Осборн, хотя и занимавший одну квартиру с Джозефом, однако слишком занятый собственными делами и разлукой с женой, чтобы думать о прощании с почивающим шурином.

Итак, говорю я, отнюдь не Джордж Осборн явился преградой между Джозом Седли и сном, но капитан Доббин, который пришел, во что бы то ни стало желая позвать ему перед отъездом руку.

— Это весьма любезно с твоей стороны, — сказал Джоз, зевая и внутренне посылая капитана к черту.

— Я... я... знаешь, не хотел уехать, не простившись с тобой, — сказал Доббин довольно бессвязно. — Знаешь, иной из нас, пожалуй, и не вернется... А мне так хотелось видеть всех вас в добром здравии... Ну... и... ну, знаешь, словом, все такое...

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Джоз, протирая глаза.

Капитан не слышал и не видел дородного джентльмена в ночном колпаке, к которому якобы питал такой нежный интерес. Этот лицемер напряженно присматривал-

ся и прислушивался к происходившему в квартире Джорджа; он шагал взад и вперед по комнате, опрокидывал стулья, постукивал пальцами, грыз ногти и обнаруживал всякие другие признаки внутреннего волнения.

Джоз всегда был скорее невысокого мнения о капитане, а тут он усомнился даже в его храбрости.

— Чем я могу быть тебе полезен? — осведомился он насмешливо.

— Я скажу тебе чем, — ответил капитан, подходя к кровати. — Через четверть часа мы выступаем, Седли, и, может быть, ни я, ни Джордж не вернемся... Так вот, помни, тебе не следует уезжать из города, пока ты не удовлетворишься, как обстоят дела. Ты должен оставаться здесь и охранять сестру, утешать ее и заботиться, чтобы с ней не произошло никакой беды. Если с Джорджем что-нибудь случится, не забудь, что, кроме тебя, у него нет никого, кто позаботился бы о ней. Если дело обернется плохо, ты должен благополучно доставить ее в Англию. Обещай мне, что ты ни в каком случае не покинешь ее! Я знаю, что ты этого не сделаешь! В отношении денег ты всегда отличался широтой. А может быть, тебе нужны деньги? То есть я хочу сказать, достаточно ли у тебя золота, чтобы в случае несчастья увезти ее обратно?

— Сэр, — ответил на это Джоз величественно, — когда мне встречается надобность в деньгах, я знаю, куда мне за ними обратиться! Что касается моей сестры, то не вам учить меня, как мне вести себя!

— Ты говоришь как разумный человек, Джоз, — ответил Доббин добродушно, — и я рад, что Джордж оставляет жену в таких надежных руках... Итак, я могу передать Джорджу, что ты честным словом обязуешься поддержать Амелию в случае крайности?

— Ну, конечно! — ответил мистер Джоз, щедрость которого Доббин оценил вполне правильно.

— И в случае поражения увезешь ее из Брюсселя?

— Поражения? Черт возьми, это невысказано! Не старайся меня запугать, — воскликнул герой со своего ложа, и Доббин совершенно успокоился, слыша, как решительно говорит Джоз о своих обязанностях к сестре.

«По крайней мере, — думал капитан, — в случае беды она сможет возвратиться беспрепятственно...»

Если капитан Доббин ожидал получить какое-нибудь утешение и радость лично для себя от последнего свидания с Амелией перед выступлением полка в поход, то эгоизм его был наказан достойным образом.

Дверь спальни Джоза выходила в большую гостиную, и как раз против этой двери приходилась дверь в комнату Амелии. Рожки разбудили всех, и теперь уже незачем было скрывать истину. Слуга Джорджа укладывал вещи в гостиную, а Осборн то входил в смежную спальню, то выходил обратно, бросая ему вещи, которые, по его мнению, могли понадобиться в походе. Теперь Доббину представился случай, которого жаждало его сердце: он увидел Амелию, но какую! Она была так бледна и так убита отчаянием, что воспоминание об этом лице преследовало потом Уильяма, как укоры совести, терзая его невыразимыми муками жалости и любви. Амелия была в белом утреннем платье, волосы ниспадали ей на плечи, а большие черные глаза померкли и смотрели неподвижно. Желая помочь в приготовлениях к отъезду и показать, что и она может быть полезна в столь критическую минуту, она вынула из ящика шарф Джорджа и ходила с ним взад и вперед за мужем, безмолвно глядя, как он укладыва-

ется. Она вышла в гостиную и прислонилась к стене, приложив шарф к груди, на которой он алел, как большое пятно крови.

Наш мягкосердный капитан взглянул на Амелию и почувствовал раскаяние.

«Боже милостивый, — подумал он. — И я осмелился сунуться к ней в минуту такой скорби!»

Помочь было невозможно. Никакими способами нельзя было успокоить, смягчить это беспомощное безмолвное отчаяние. Он постоял мгновение, глядя на нее, как раздираемый жалостью отец смотрит на свое страдающее дитя.

Наконец Джордж взял Эмми за руку и увел в спальню, откуда вышел уже один. Супруги расстались, и Джордж ушел.

«Благодарение богу, это уже миновало!» — думал он, стремительно спускаясь с лестницы и придерживая саблю; он быстро направился к сборному пункту, где полк уже строился и куда спешили солдаты и офицеры с отведенных им под постой квартир. Пульс Осборна бился учащенно, и щеки его горели; великая игра начиналась, и он был один из ее участников. Какой мощный напор надежд, сомнений и восторга! Какой страшный риск — победа или проигрыш! Что были в сравнении с этим все азартные игры, в какие он когда-либо играл! Молодой человек с раннего детства с жаром кидался во все состязания, требовавшие ловкости и отваги. Он был прославленным победителем и в школе, и в полку, и рукоплескания товарищей сопутствовали ему везде, начиная от состязания в крикет, когда он был мальчиком, и кончая гарнизонными скачками. Джордж одерживал сотни побед, и где бы он ни появлялся, женщины восхищались им, а мужчины ему завидовали. Что больше всего способствует мужчине в деле успеха, как не физическое превосходство и храбрость? Сила и храбрость с незапамятных времен служили темой для бардов и баллад; со времен Трои и до наших дней поэзия всегда избирала в герои воина. И причина того, что люди так восхищаются отвагой и ставят воинскую доблесть превыше всех похвал, не коренится ли именно в том, что человечество, в сущности, вообще трусливо?

Итак, когда раздался боевой призыв, Джордж вырвался из нежных объятий, в которых задержался (не потому, чтобы жена имела над ним такую власть), не без чувств стыда за то, что пребывал в них так долго.

То же чувство нетерпения и возбуждения испытывали и все товарищи Осборна, с которыми мы уже не раз встречались, начиная со старшего из них, дородного майора, которому предстояло вести полк в бой, и кончая маленьким прапорщиком Стебблем, которому в этот день предстояло нести полковое знамя.

Солнце только всходило, когда полк двинулся. Это было величественное зрелище. Во главе колонны шел оркестр, исполнявший полковой марш, за ним следовал майор, командующий полком, верхом на Пираме, собственном могучем боевом коне, затем маршировали гренадеры со своим капитаном, в центре старший и младший прапорщики несли два знамени, а потом шел и Джордж со своей ротой. Он взглянул вверх, улыбнулся Амелии и прошел, а там вскоре замерли и звуки полковой музыки.

ГЛАВА XXXI,
в которой Джоз Седли проявляет заботу о сестре

И так, когда все старшие офицеры были призваны к исполнению долга, Джоз Седли остался начальником маленькой колонии в Брюсселе. Гарнизон, которым он командовал, состоял из больной Амелии, слуги-бельгийца Исидора и служанки. Хотя Джоз и был расстроен и покой его был нарушен вторжением Дobbина и прочими событиями утра, тем не менее он еще долго оставался в постели без сна, ворочаясь с боку на бок, пока не пробил обычный час его вставания.

Солнце поднялось уже высоко, а наши доблестные друзья *** полка отметили немало миль, когда сборщик подачей появился к завтраку в своем затканном цветами халате.

Отсутствие Джорджа нисколько его не трогало. Возможно, что в душе Джоз был даже доволен отбытием Осборна, ибо, пока тот находился тут, он играл в доме лишь весьма второстепенную роль; к тому же Осборн не давал себе труда скрывать свое пренебрежение к толстому сборщику. Но Эмми всегда была ласкова и внимательна к брату, заботилась о его удобствах, наблюдала за приготовлением любимых его блюд, гуляла и каталась с ним (для чего у нее оказывалось достаточно, даже слишком достаточно досуга, ибо Джордж часто отсутствовал); она же примиряюще обращала свое нежное и милое личико к обиженному брату и презиравшему его мужу. Не раз укоряла она робко Джорджа за брата, но Осборн обрывал эти увещания с присущей ему резкостью.

— Я человек прямой, — говорил он, — и если испытываю какие-либо чувства, то и обнаруживаю их открыто, как и подобает честному человеку. Какого черта хочешь ты, дорогая моя, чтобы я почтительно обращался с таким дураком, как твой брат?!

Итак, Джоз был доволен отсутствием Джорджа. Его шляпа и перчатки, покинутые на буфете, в сопоставлении с мыслью, что владелец их далеко, доставили Джозу тайную радость.

«Теперь он не будет волновать меня! — думал он. — Не будет раздражать своим фатовским видом и своей наглостью!..»

— Отнесите шляпу капитана в прихожую! — приказал он Исидору.

— Пожалуй, она и не понадобится ему больше! — ответил лакей, многозначительно взглянув на своего господина. Он тоже ненавидел Джорджа, грубость которого в отношении его была истинно английской.

— И спросите мадам, не пожалеет ли она к завтраку? — сказал Джоз величественно, стесняясь вступать с лакеем в обсуждение своей неприязни к Джорджу, хотя, говоря по правде, он уже десятки раз поносил перед ним шурина.

Увы, мадам пожаловать к завтраку не могла и, следовательно, не могла и приготовить тартинок, которые так любил мистер Джоз. Мадам была слишком больна для этого и находилась в ужасном состоянии с момента отъезда ее супруга, утверждала ее горничная. Джоз выразил сочувствие сестре, налив ей большую чашку чаю. Это было его способом выказать внимание; он пошел и дальше: он не только послал ей завтрак, но стал обдумывать, какие деликатесы могли бы ей быть приятны к обеду.

Исидор угрюмо поглядывал на вестового Осборна, когда тот укладывал вещи капитана для похода, во-первых, потому, что ненавидел Осборна, обращение которого с ним, как и со всеми, ниже его стоящими, было заносчиво (на континенте слуги не любят, чтобы с ними обращались с такою грубостью, какая нравится нашим, более покладистым, английским); а во-вторых, ему было досадно, что столько ценных вещей ускользает из его рук и достанется, когда англичане будут побиты, кому-нибудь другому. Относительно предстоящего англичанам поражения Исидор, как и многие другие в Брюсселе и Бельгии, нисколько не сомневался. Общее мнение было таково, что император разрежет прусскую и английскую армии, уничтожит их одну за другой и вступит в Брюссель не позднее чем через три дня, и вот тогда-то вся подвижность его теперешних господ, которые будут убиты, или обратятся в бегство, или попадут в плен, станет собственностью мосье Исидора на законном основании.

Прислуживая Джозу в многотрудном и сложном ежедневном его туалете, верный слуга прикидывал уже в уме, что он предпримет с предметами, служившими для украшения его особы. Серебряные флаконы для духов и туалетные безделушки Исидор подарит одной молодой леди, к которой он неравнодушен; английские бритвы и булавку с крупным рубином он оставит себе; она будет так красива на чудесной рубашке с брыжами! В этой рубашке, в фуражке с золотым галуном, в сюртуке со шнурами, который легко можно будет пригнать по его фигуре, с капитанской тростью, что с золотым набалдашником, и с рубиновым перстнем, который он переделает затем на великолепные серьги, он будет настоящим Адонисом и легко завоюет мадемуазель Рейн.

«Как пойдут мне эти запонки! — думал он, застегивая мистериу Седли манжеты на толстых и мясистых его руках. — Мне так хочется иметь запонки!.. А капитанские ботфорты с медными шпорами, что стоят в соседней комнате! Черт побери, какой эффект произведут они на Алле-Верт!»

И вот, в то время как мосье Исидор придерживал своими реальными перстами нос Джоза и брил ему нижнюю часть лица, воображение рисовало ему уже его разгуливающим по Алле-Верт в сюртуке со шнурами и в кружевах в обществе мадемуазель

Рейн, или прогуливающимся по набережной и смотрящим на тихо скользящие по каналу, под прохладной сенью деревьев, баржи, или же, наконец, освежающимся кружкой фара¹ на скамье у пивной по дороге в Лекен².

Мистер Джозеф Седли, по счастью для его спокойствия, так же мало знал о том, что происходит в голове его слуги, как и почтенный читатель и я сам знаем о том, что думают о нас Джон или Мери, состоящие у нас на жалованье. Что думают о нас наши слуги? Да будь нам известно, что думают о нас даже самые близкие наши друзья и родственники, мы не знали бы, куда бежать, и пребывали бы в таком душевном состоянии и в таком вечном страхе, что жизнь стала бы для нас совершенно невыносимой.

Так вот, слуга Джоза намечал себе жертву, подобно тому как повара мистера Пайнтера³ на Лиденхолл-стрит украшают спину ничего не подозревающих черепах бумажкой с надписью: «Суп завтра».

Гораздо менее эгоистична была служанка Амелии. Лишь весьма немногие из зависимых лиц, входя в соприкосновение с этим кротким и сердечным созданием, не платили обычной дани верности и любви его ласковой и любящей природе. И добрая кухарка Полина утешила Амелию в это злосчастное утро лучше, чем кто-либо иной. Узнав, что Амелия, молчаливая, неподвижная и растерянная, уже несколько часов не отходит от окна, у которого она следила за тем, как последние штыки колонны исчезали из виду, добрая Полина подошла к Амелии, взяла ее за руку и сказала:

— *Tenez, madame, qu'il n'est pas aussi à l'armée, mon homme à moi?*⁴

После чего залилась слезами. Амелия, бросившись к ней в объятия, сделала то же, и таким образом обе они взаимно утешали и жалели друг друга.

В течение этого утра слуга мистера Джоза, Исидор, то и дело выбегал из квартиры и устремлялся в город, к воротам гостиниц, расположенных вокруг парка, где главным образом и проживали англичане, и тут, болтая с лакеями, курьерами и прочей прислугой, собирал носившиеся слухи и возвращался с бюллетенями для информации своего господина. Почти все эти джентльмены были в душе горячими приверженцами императора и придерживались собственного мнения относительно близости конца кампании. Прокламация Наполеона, выпущенная в Авене, была широко распространена в Брюсселе. Она гласила:

«Солдаты! Наступает годовщина битв при Маренго и Фридланде, уже дважды решавших судьбы Европы. Мы проявили тогда излишнее великодушие, как и после Аустерлица и Ваграма. Мы поверили клятвенным обещаниям властителей и оставили их на их тронах. Пойдемте померяться с ними еще раз! Разве мы не все те же? Солдаты! Те самые пруссаки, что так заносчивы нынче, шли на нас трое против одного под Иеной и шестеро против одного под Монмирайлем. Те из вас, кто побывал в плену в Англии, могут рассказать своим товарищам, каким ужасным мучениям подверглись они на английских блокшифах!⁵ Безумцы! Мгновение удачи ослепило их. И если они вторгнутся во Францию, то только для того, чтобы обрести там могилу!»

¹ *Фаро* — брюссельское пиво.

² *Лекен* — загородный дворец в Брюсселе.

³ *Пайнтер* — лондонский ресторатор.

⁴ Послушайте-ка, сударыня, а разве мой-то не в армии тоже? (*фр.*)

⁵ Блокшифы — старые раснащенные суда, служившие для содержания арестантов в Англии.

А приверженцы французов предвещали даже и еще более скорое истребление врагов императора и дружно соглашались, что пруссакам и бриттам иначе не вернуться, как пленными, в хвосте победоносной великой армии.

Таковы были вести за день, долженствовавшие воздействовать на мистера Седли. Ему было сообщено, будто герцог Веллингтон отправился собирать армию, разбитую наголову при наступлении минувшей ночью.

— Разбитую наголову! — сказал Джоз, дух которого всегда повышался за завтраком. — Герцог отправился разгромить императора, как громил раньше всех его генералов!

— Бумаги его сожжены, обоз отброшен назад, а главная квартира уже занимает герцогом Далматским!¹ — ответил информатор Джоза. — Эти сведения я имею от его дворецкого! Люди герцога Ричмонда² уже все укладывают. Его светлость уже удрал, а герцогиня ждет, пока уложат серебро, чтобы присоединиться к французскому королю, находящемуся в Остенде...

— Французский король в Генте, приятель! — сказал Джоз недоверчиво.

— Он бежал еще прошлой ночью из Брюгге, а сегодня отплывает из Остенде. Герцог Беррийский³ взят в плен. Кто хочет остаться цел, тот должен поскорей уезжать, потому что завтра будут разобраны все плотины, и, когда страна будет под водой, бежать будет поздно!

— Глупости, сэр! Одних наших войск вдвое больше того, что может выставить Бони! — возражал Седли. — А австрийцы и русские уже надвигаются... Он должен быть разбит и будет разбит! — решил Джоз, ударя кулаком по столу.

— Под Иеной пруссаков было вдвое больше, однако он захватил все их войско и королевство в одну неделю! Под Монмирайлем пруссаков приходилось шестеро против одного, а он разогнал их, словно баранов! Австрийская армия, правда, подступает, да что у них? Только императрица⁴ да римский король!⁵ Ну, а что касается русских, так они отступят! Англичанам не будет никакой пощады за их жестокость к нашим храбрецам, побывавшим на их блокшифах! Вот, взгляните-ка сюда, тут написано черным по белому! Это прокламация его величества императора! — сказал новоявленный сторонник Наполеона, и, вынув из кармана листок, Исидор дерзко сунул его прямо в лицо своему господину. На сюртук со шнурами и прочие ценности

¹ *Никола Жан де Дье Сульт, герцог Далматский* (1769–1851) — французский маршал, начальник штаба Наполеона.

² *Чарльз Гордон Леннокс, 5-й герцог Ричмонд и 5-й герцог Леннокс* (1791–1860) — британский офицер, политик, принимал участие в военных действиях на Пиренейском полуострове, был адъютантом герцога Веллингтона, участвовал в сражении при Ватерлоо.

³ *Шарль Фердинанд, герцог Беррийский* (1778–1820) — командующий войсками парижского гарнизона. После возвращения Наполеона с острова Эльбы отступил вместе с Людовиком XVIII в Гент.

⁴ *Мария-Луиза Австрийская* (1791–1847) — вторая жена Наполеона I, дочь австрийского императора Франца I.

⁵ *Наполеон II, полное имя Наполеон Франсуа Жозеф Шарль Бонапарт, король Римский*, он же *Франц, герцог Рейхштадский* (1811–1832) — сын и наследник (единственный законнорожденный ребенок) Наполеона I Бонапарта и Марии-Луизы Австрийской. При рождении получил титул короля Римского. После первого падения Наполеона I был привезен в Австрию и поселен вместе с матерью в замке Шёнбрунн под Веной. Вернувшись с острова Эльба, Наполеон I требовал от австрийского правительства возвращения жены, но безуспешно.

он смотрел уже как на свою военную добычу. Джоз, хотя и не слишком еще встревоженный, однако достаточно расстроенный, приказал:

— Подайте мне пальто и фуражку, сэр! И следуйте за мной! Я пойду сам проверить, сколько правды в этих рассказах!

Исидор вознегодовал, увидя, что Джоз облекся в сюртук со шнурами.

— Милорду лучше бы не надевать военного платья! — сказал он. — Французы поклялись не пощадить ни одного британского солдата!

— Молчать, сэр! — крикнул Джоз, все еще сохраняя твердость, и с непобедимой решимостью сунул руку в рукав. На этом проявлении героизма застала его миссис

Раудон Кроули, собравшаяся навестить Амелию и вошедшая в этот критический момент без звонка в прихожую.

Ребекка, как и всегда, была одета изящно и элегантно; покойный сон после отъезда Раудона освежил ее, и теперь, когда лица всех других носили следы глубокого волнения и печали, приятно было смотреть на ее розовые смеющиеся щечки. Она рассмеялась при виде судорожных усилий, какие делал толстый джентльмен, чтобы влезть в сюртук.

— Как, и вы, мистер Джозеф, собираетесь в армию? — спросила она. — Неужели же никто не останется в Брюсселе, чтобы защитить нас, бедных женщин?

Джозу удалось наконец закончить свое погружение в сюртук, и он пошел, краснея, навстречу красивой посетительнице, заикаясь и бормоча извинения. Как она чувствует себя после утренних событий и утомления вчерашнего бала?

Мосье Исидор исчез в смежную спальную, унося с собой затканный цветами халат.

— Как мило, что вы об этом осведомляетесь! — сказала Бекки, пожимая руку толстяка обеими руками. — Как вы хладнокровны и спокойны теперь, когда все теряют голову! Как здоровье нашей дорогой маленькой Эмми? Должно быть, ее расставание с мужем было ужасно, ужасно?

— Чудовищно! — сказал Джоз.

— Вы, мужчины, можете все перенести! — ответила леди. — И разлука, и опасность — ничто для вас! Признайтесь, ведь вы собираетесь уехать в армию и покинуть нас на произвол судьбы? Я знаю, что это так, что-то говорит мне это! Я так испугалась, когда эта мысль пришла мне в голову! Потому что я иногда думаю о вас, оставаясь одна, мистер Седли! И я немедленно бросилась сюда, просить и умолять вас не бежать от нас!

Эта речь могла бы быть переведена следующим образом: «Дорогой мистер Седли, если с армией случится беда и если отступление будет неизбежно, я надеюсь обеспечить себе местечко в нашем удобном экипаже!»

Не знаю, сумел ли Джоз уразуметь истинный смысл речи миссис Раудон. Он был глубоко обижен невниманием Ребекки во время их пребывания в Брюсселе; он не был представлен никому из знатных знакомых Раудона Кроули; он почти не бывал приглашаем на вечера к Ребекке, ибо был слишком нерешителен, чтобы играть по крупной, и присутствие его одинаково тяготило и Раудона и Джорджа, которым, может быть, было неприятно иметь свидетеля развлечения, столь их поглощавшего.

«Ага, — подумал Джоз, — теперь, когда я ей понадобился, она пришла ко мне! Когда никого другого нет под рукой, она вспоминает о старом Джозефе Седли!»

Но, несмотря на эти подозрения, Джоз все-таки почувствовал себя польщенным догадкой, высказанной Ребеккой по поводу его храбрости.

Он сильно покраснел и принял важный вид.

— Я, конечно, не прочь был бы посмотреть на военные действия. Какой же любознательный человек не пожелает этого? В Индии мне приходилось видеть кое-что, однако не в таком масштабе!

— Вы, мужчины, рады все принести в жертву своей потехе! — ответила Ребекка. — Капитан Кроули покинул меня утром такой радостный, словно отправлялся на охоту! Что ему? Да и вообще, разве кто-нибудь из вас думает о страданиях бедной покинутой женщины? «Удивительно, право, — мелькало у нее в голове. — Неужели же этот толстый, ленивый обжора мог бы действительно отправиться в армию?..» О, дорогой мистер Седли, я пришла искать у вас утешения и ободрения... Я все утро провела на коленях, я трепещу при мысли о той страшной опасности, какая висит над нашими мужьями, друзьями, над нашим храбрым войском и войсками союзников! Я прихожу сюда искать защиты и нахожу моего друга — последнего оставшегося мне друга! — готовящимся броситься в это ужасное побоище!

— Моя дорогая леди! — сказал Джоз, начиная размякать. — Не тревожьтесь, я ведь только хотел сказать, что был бы не прочь отправиться в армию! Какой британец не пожелал бы этого? Но долг удерживает меня здесь. Я не могу покинуть это несчастное создание! — и он указал пальцем на дверь спальни, за которой скрывалась Амелия.

— О добрый, благородный брат! — воскликнула Ребекка, прикладывая платок к глазам и вдыхая запах одеколона, которым он был смочен. — Я была несправедлива к вам, — оказывается, у вас есть сердце; я думала, что у вас его нет!

— Клянусь честью! — сказал Джоз и сделал жест, словно желая приложить руку к тому органу, о котором шла речь. — Вы ко мне несправедливы, право же, дорогая миссис Кроули!

— Нет, теперь я справедлива: ваше сердце предано сестре! Но я не забываю того, что произошло два года тому назад, когда оно оказалось вероломным по отношению ко мне! — сказала Ребекка, на мгновение устремив свой взор на Джоза, и затем отошла к окну.

Джоз отчаянно покраснел.

Орган, в отсутствии которого упрекала его Ребекка, усиленно забился. Ему припомнились дни, когда он бежал от нее, страсть, некогда его обуявшую, — дни, когда он катал ее в своем кабриолете и она вязала ему зеленый шелковый кошелек, а он сидел зачарованный, созерцая ее белые руки и блестящие глаза.

— Я знаю, вы считаете меня неблагодарной, — продолжала Ребекка тихим дрожащим голосом, отходя от окна и снова взглядывая на Джоза. — Ваша холодность, ваша уклончивость, ваше поведение при наших встречах в последнее время и теперь, когда я пришла сюда, — все это только подтверждает мне это! Но разве у меня нет причин избегать вас? Пусть ваше сердце само ответит на этот вопрос! Не считаете ли вы, что муж мой должен относиться к вам приветливо? Единственные горькие слова, которые я слышала от моего мужа, — я буду справедлива к капитану Кроули! — были именно из-за вас, и это были самые, самые жестокие слова!

— Боже милостивый, что же я сделал? — спросил Джоз с приятным изумлением. — Что я сделал...

— Значит, ревность — ничто? — сказала Ребекка. — Из-за вас он заставляет меня страдать теперь... Независимо от того, что могло быть раньше, мое сердце всецело принадлежит ему... Теперь я ни в чем не повинна... Или, может быть, это не совсем так, мистер Седли?

Кровь Джоза вскипела от восторга при взгляде на жертву своих чар. Несколько ловко брошенных слов, один или два многозначительных нежных взгляда — и сердце его вновь воспламенилось, и все сомнения и подозрения были забыты. Разве со времен Соломона женщины не дурачили и более мудрых мужчин, нежели Джоз?

«Если теперь и произойдет самое худшее, мне обеспечено в коляске хорошее место!» — подумала Ребекка.

Неизвестно, к каким пылким объяснениям могли бы привести Джоза обуревавшие его страсти, если бы в эту минуту не появился вновь Исидор и не занялся бы выполнением своих обязанностей: Джоз, собравшийся было излиться в признаниях, чуть не задохнулся от волнения, которое принужден был подавить. Ребекка тоже подумала, что пора идти с утешениями к ее дорогой Амелии.

— Au revoir!¹ — сказала она, послав мистеру Седли воздушный поцелуй, и тихонько постучалась к его сестре.

Когда Бекки вошла туда и притворила за собой дверь, Джоз упал в кресло и стал дико смотреть по сторонам, вздыхать и отчаянно отдуваться.

¹ До свидания! (фр.)

— Очень уж этот сюртук узок милорду! — сказал Исидор, не будучи в силах отвести глаз от кисточек, но Джоз не слышал его, мысли его были в другом месте; он то воспламенялся до безумия, представляя себе образ очаровательницы Ребекки, то, чувствуя себя преступником, содрогался перед видением ревнивого Раудона Кроули, с его вьющимися зверскими усами и его страшными пистолетами, уже заряженными и со взведенными курками.

Появление Ребекки ужаснуло Амелию и заставило ее отшатнуться. Оно вернуло ее к действительности и к воспоминаниям о вчерашнем. Под влиянием всепоглощающего страха за завтрашний день Амелия забыла и Ребекку, и ревность, и все другое, за исключением того, что муж ее уехал и находится в опасности.

Пока это неустрашимое дитя света не входило к ней, не отпирало замка, не нарушало запрета, мы не дерзали вступать в это убежище скорби. Сколько времени простояла бедняжка на коленях! Сколько часов провела она в безмолвной молитве, в горьком оцепенении!

Военные хроникеры, блестяще описывающие сражения и победы, едва ли поведают нам о подобном горе; это слишком незначительная подробность пышного зрелища, и вы не услышите плача вдов и рыдания матерей, среди криков и ликований торжественного победного хора. И, однако, было ли когда-нибудь время, чтобы они не плакали, с разбитыми сердцами, смиренно ропщущие, никем не слышимые, среди грома побед?

После первого движения ужаса, охватившего Амелию, когда перед ней засверкали зеленые глаза Ребекки и она, шурша свежими шелками и блистая драгоценностями, кинулась к Амелии с распростертыми объятиями, чувство страха сменилось в ней чувством гнева, смертельно бледное ее лицо вспыхнуло, и спустя мгновение она ответила Ребекке таким твердым взглядом, что он удивил и даже несколько смутил ее соперницу.

— Дорогая Амелия, вам очень не по себе? — сказала посетительница, протягивая руку к руке Амелии. — Что с вами? Я не могла успокоиться, не узнав, как вы себя чувствуете.

Амелия отдернула руку; до сих пор этому доброму существу никогда еще не приходилось не верить в чье-либо расположение и не отвечать на проявление привязанности. Но теперь она отдернула руку и вся задрожала.

— Зачем вы здесь, Ребекка? — сказала она, продолжая смотреть на нее своими большими глазами, и взгляд их встревожил посетительницу.

«Вероятно, она заметила, как Осборн передал мне письмо!» — подумала Ребекка.

— Не волнуйтесь, милая Амелия, я пришла только посмотреть, не могу ли я... ну, словом, узнать, как вы себя чувствуете?

— А вы? — ответила Амелия. — Смеем думать — хорошо. Вы не любите своего мужа. Если бы вы его любили, вы не были бы здесь... Скажите, Ребекка, что сделала я вам, кроме добра?

— Конечно, ничего! — ответила та с потупленным по-прежнему взором.

— Кто подругился с вами, когда вы были бедны? Разве я не была вам сестрой? Вы видели нас и в более счастливую пору, раньше чем Джордж женился на мне. Тогда я была всем для него. Что как не благородное желание сделать меня счастливой заставило его пожертвовать и состоянием и своей семьей? Так зачем же вы становитесь

теперь между мной и моим любимым? Кто призвал вас разлучать тех, кого соединил сам бог, и отнимать у меня сердце моего милого, моего дорогого мужа? Не думаете ли вы, что могли бы любить его, как я? Его любовь была для меня всем! Вы знали это и захотели ее украсть. Стыдитесь, Ребекка, злая, дурная женщина! Вероломный друг и вероломная жена!

— Амелия, видит бог, это не так! Перед мужем я ни в чем не виновата! — сказала Ребекка, отворачиваясь.

— А передо мной вы не виноваты, Ребекка? Вам это не удалось, но вы пытались тем не менее... Спросите собственное сердце, не так ли это?

«Она ничего не знает!» — подумала Ребекка.

— Он вернулся ко мне. Я знала, что он вернется! Я знала, что никакая лесть, никакая ложь не отвратят его от меня надолго! Я знала, что он вернется! Я молилась об этом!

Бедное дитя произнесло эти слова с неожиданными для Ребекки силой и убеждением, и эта речь заставила ее онеметь.

— Что я вам сделала? — продолжала Амелия более жалобным тоном. — Что заставило вас отвлечь его от меня? Ведь он был моим всего лишь шесть недель. Вы могли бы пощадить меня хоть в эти дни! Но нет, вы явились чуть ли не в первый день нашего супружества и отравили его мне! Теперь, когда мой муж уехал, вы приходите опять — не для того ли, чтобы посмотреть, как я несчастна? Вы достаточно причинили мне горя за последние две недели и могли бы пощадить меня сегодня!

— Я... я ведь никогда не бывала здесь... — возразила Ребекка с печальной откровенностью.

— Да, здесь вы не бывали, вы зазывали его к себе! Что же, вы пришли отнять его у меня? — продолжала Амелия дико. — Он был здесь, но он уехал! Вот на этом самом диване сидел он — не смейте к нему прикасаться! Мы сидели здесь и говорили, он держал меня на коленях, мои руки обнимали его, и мы читали вместе «Отче наш»! Да, он был здесь, но они пришли и увели его от меня! Но он обещал вернуться!

— Он вернется, дорогая моя! — воскликнула Ребекка, растроганная против воли.

— Вот, посмотрите, — сказала Амелия, — это его шарф, правда, какой красивый цвет? — она подняла кисть и поцеловала ее. В течение дня она иногда обертывала его вокруг талии. Она забыла, по-видимому, и гнев, и ревность, и присутствие соперницы и молчаливо, почти с улыбкой направилась к кровати и стала гладить подушку Джорджа,

В молчании покинула комнату Ребекка.

— Ну, что Амелия? — спросил Джоз, пребывавший в кресле в прежней позе.

— При ней должен кто-нибудь находиться! — ответила Ребекка. — Мне кажется, она очень нездорова! — И Бекки удалилась, серьезная, уклонившись от настоячивых приглашений Седди остаться и разделить с ним заказанный им ранний обед.

Ребекка была скорее добродушного и предупредительного нрава и любила Амелию, а упреки приятельницы были даже лестны для нее, — ведь это были жалобы побежденной! Встретив миссис О'Дауд, которую проповеди ее дядюшки-декана несколько не успокоили и которая печально блуждала по парку, Ребекка подошла к супруге майора, к немалому удивлению последней, ибо миссис О'Дауд не была избалована вежливостью со стороны миссис Раудон Кроули, и сообщила ей, что бедная ма-

— Вы достаточно причинили мне горя за последние две недели
и могли бы пощадить меня сегодня!

ленькая миссис Осборн находится в состоянии отчаяния и совсем потеряла голову от горя; она убеждала добродушную ирландку немедленно пойти к ней и попытаться утешить ее любимицу.

— У меня и своих забот довольно! — ответила супруга майора степенно. — И, я думаю, бедной Амелии сегодня не до общества! Впрочем, если она чувствует себя так дурно, как вы утверждаете, а сами вы не можете помочь подруге, которую всегда так любили, я, пожалуй, и попытаюсь пособить ей чем-нибудь... Итак, до свиданья!

И с этими словами обладательница знаменитых часов рассталась, кивнув головой, с миссис Кроули, общества которой совсем не искала.

Бекки проводила удалявшуюся супругу майора улыбкой. Миссис Раудон чувствовало юмора было присуще настолько, что взгляд через плечо, которым уходящая миссис О'Дауд думала поразить ее, словно парфянской стрелой, только рассеял ее серьезность.

«Мое почтение, прекрасная мадам! Очень рада была видеть вас такой веселой! — думала в то же время Пегги. — Уж вы-то, во всяком случае, не выплачете своих глазок от горя!» — И она быстро направилась к квартире миссис Осборн.

Бедняжка, почти обезумевшая от горя, все еще стояла у постели, где ее оставила Ребекка. Супруга майора, женщина более твердого ума, приложила все старания, чтобы утешить свою маленькую приятельницу.

— Вы должны взять себя в руки, моя дорогая Амелия! — сказала она ласково. — Нехорошо, если вы будете больны, когда ваш муж пошлет за вами после победы! Ведь вы не единственная женщина, судьба которой решается сегодня!

— Я знаю это! Я очень дурная, очень малодушная! — ответила Амелия.

Да, она достаточно сознавала свое малодушие, и присутствие более решительного друга помогло ей так или иначе совладать с собой. Его критика и общество заставили ее почувствовать себя лучше. Так просидели они около двух часов; сердца их следовали за полком по мере того, как он уходил все дальше и дальше. Страшные опасения и тревога, молитвы и страхи и невыразимая скорбь сопровождали полк. То была дань женщин войне. Она в одинаковой мере облагает ею и мужчин и женщин, заставляя первых проливать кровь, а вторых — слезы.

В половине третьего произошло важное в повседневной жизни мистера Джозефа событие — наступил час обеда.

Воины могли сражаться и погибать, но Джоз должен был обедать. Он вошел было в комнату Амелии посмотреть, не удастся ли уговорить ее прийти к столу, чтобы разделить с ним эту трапезу.

— Попробуй только! — убеждал он ее. — Суп очень хорош! Право, попробуй, Эмми! — И Джоз поцеловал ей руку, чего не делал в течение многих лет, за исключением того случая, когда она выходила замуж.

— Ты очень добр и мил, Джозеф, — ответила Эмми, — и все ко мне добры, но разреши мне остаться сегодня в моей комнате!

Аромат супа показался, однако, привлекательным обонянию миссис О'Дауд, и она решила составить компанию Джозу. И вот они уселись вдвоем за стол.

— Да благословит Бог эту трапезу! — произнесла супруга майора торжественно; она думала о своем честном Мике, верхом во главе полка. — Плохой будет обед сегодня у бедняг! — заметила она со вздохом и затем, как истый философ, принялась за еду.

Дух Джоза ободрялся по мере насыщения. Он хотел выпить за успех полка или придумать какой-нибудь иной предлог, чтобы побаловать себя бокалом шампанского.

— Не выпить ли нам за О'Дауда и доблестный *** полк, — предложил он, галантно кланяясь госте, — а, миссис О'Дауд? Наполните бокал миссис О'Дауд, Исидор!

Но Исидор внезапно вздрогнул, и супруга майора бросила на стол нож и вилку. Окна комнаты были раскрыты, они выходили на юг, откуда донесся отдаленный звук, прокатившийся по залитым солнцем крышам.

— Что это? — спросил Джоз. — Отчего вы не наливаете, лентяй?

— *C'est le feu!*¹ — воскликнул Исидор, устремляясь на балкон.

— Спаси нас, боже!.. Это пушки! — воскликнула в свою очередь миссис О'Дауд, вскакивая и подходя к окну.

Тысячи бледных и встревоженных лиц уже выглядывали из других окон, и чуть ли не все городское население высыпало на улицы.

¹ Это пальба! (*фр.*)

ГЛАВА XXXII,
в которой Джоз обращается в бегство, а война приходит к концу

ы, жители мирного города Лондона, никогда не видывали и, бог даст, никогда не будем свидетелями того зрелища суеты и тревоги, какое являл в этот день Брюссель.

Толпы народа, валили к Намюрской площади, со стороны которой доносился грохот, а многие продвигались и дальше по ровному шоссе, чтобы поскорее получить какие-либо сведения об армии. Каждый осведомлялся у соседа о новостях, и даже важные английские лорды и

леди снисходили до разговоров с незнакомыми лицами. Странники французов высыпали уже им навстречу, вне себя от возбуждения предсказывая торжество императору. Купцы запирали лавки и выходили на улицу, приумножая собою общий тревожный хор. Женщины спешили в церковь и толпились в часовнях, преклоняя колени на паперти и даже на мостовой. Глухой звук пушек раскатывался, раскатывался... Экипажи с отъезжающими начинали уже покидать город и мчались прочь через Гентскую заставу.

Предсказания приверженцев французов становились правдоподобными.

— Он разрезал армию надвое! — рассказывали одни.

— Он идет прямо на Брюссель! Он осилит англичан и будет здесь еще вечером!

— Он осилит англичан и будет здесь еще вечером! — кричал Исидор своему господину.

Он поминутно то кидался на улицу, то возвращался домой, всякий раз с самыми свежими подробностями бедствия. Лицо Джоза становилось все бледнее и бледнее. Тревога все сильнее овладевала сердцем толстого сборщика. И даже самое шампанское, которое он пил, не придавало ему отваги. Прежде чем закатилось солнце,

он впал в нервное состояние, к большому удовлетворению нашего приятеля Исидора, теперь уже твердо рассчитывавшего на контрибуцию с обладателя пресловутого сюртука.

Женщины все это время отсутствовали. Прислушавшись минутку к пальбе, дородная супруга майора вспомнила о подруге в соседней комнате и бросилась помочь Амелии и по возможности утешить. Мысль, что она должна поддержать беспомощное и слабое существо, усилила прирожденное мужество честной ирландки. Пять часов провела она возле приятельницы, то увещая, то ободряя ее оживленным разговором, главным же образом — пребывая в молчаливом страхе и немой молитве.

— Я не выпускала ее руки из своих рук, — рассказывала впоследствии полная леди, — до заката солнца, когда прекратилась пальба.

Служанка Полина стояла на коленях в ближайшей церкви, молясь за своего возлюбленного.

Когда прекратился наконец грохот канонады, миссис О'Дауд вышла из комнаты Амелии в гостиную, где Джоз сидел над двумя опорожненными бутылками, утратив всякую храбрость. Он заглянул раз или два в спальню сестры с очень взволнованным видом, словно собираясь что-то сказать. Но супруга майора пребывала на своем посту, и Джоз уходил, не решаясь высказаться; он стыдился признаться ей, что намерен обратиться в бегство. Когда же супруга майора вышла наконец в столовую, где он сидел в печальном обществе двух пустых бутылок от шампанского, он приступил к общению ей своих планов.

— Миссис О'Дауд, — сказал он, — хорошо было бы собрать вещи Амелии...

— Вы хотите взять Амелию на прогулку? — сказала супруга майора. — Право, она слишком слаба, чтобы двигаться...

— Я... я... приказал приготовить экипаж, — сказал он, — и... и почтовых лошадей. Исидор пошел за ними... — продолжал Джоз.

— И что вам вздумалось кататься? — ответила леди. — Не лучше ли ей оставаться в постели? Я только что уложила ее...

— Так подымите ее! — воскликнул Джоз. — Она должна встать, говорю вам! — И он решительно топнул ногой. — Говорю вам, лошади заказаны! Все кончено, и...

— ...и что? — спросила миссис О'Дауд.

— И я отправлюсь в Гент! — ответил Джоз. — Все уезжают, место найдется и для вас! Мы трогаемся через полчаса!

Супруга майора посмотрела на Джоза с бесконечным презрением.

— Я не двинусь с места, пока О'Дауд не сообщит мне маршрута! — сказала она наконец. — Вы, мистер Джозеф, вольны ехать, если это вам угодно, но Амелия и я — мы, конечно, останемся здесь!

— Она поедет! — сказал Джоз, еще раз топнув ногой.

Миссис О'Дауд подбоченилась и встала перед дверью спальни.

— Вы хотите свезти ее к матери? — сказала она. — Или вам самому захотелось к маменьке, мистер Седли? До свиданья! Приятного вам путешествия, сэр! *Von voyage*¹, как они говорят здесь, и примите мой совет: сбрейте усы, или они доведут вас до беды!

¹ Счастливого пути! (*фр.*)

— Черт! — заревел Джоз вне себя от страха, бешенства и обиды. Но тут в комнату влетел Исидор, бранясь, в свою очередь.

— *Pas des chevaux, sacrebleu!*¹ — прошипел он в бешенстве.

Все лошади были в разгоне: Джоз был не единственным в Брюсселе, кого в этот день обуяла паника.

Однако страху Джоза, и так уже достаточно жестокому, суждено было дойти до крайней степени, прежде чем миновала ночь.

Мы уже говорили, что у служанки Полины тоже был возлюбленный в рядах армии, выступившей против императора Наполеона. Он был уроженцем Брюсселя и служил в бельгийских гусарах². Войска этой национальности в течение памятной кампании прославились всем чем угодно, только не храбростью, и молодой ван Кестом, обожатель Полины, был слишком хорошим солдатом, чтобы послушаться приказа своего полковника бежать. Пока полк стоял в Брюсселе, молодой Регул (он был рожден в революционную пору) чувствовал себя очень привольно, проводя почти все свои досуги на кухне у Полины, и вот несколько дней тому назад, с карманами и кобурой, набитыми всякими вкусными вещами из кладовой, он распростился со своей рыдающей любезной и пустился в поход.

Поскольку дело касалось его полка, кампания была уже закончена. Он входил в состав дивизии, находившейся под начальством наследного принца Оранского³; в отношении длины сабель и усов и богатства обмундирования и снаряжения Регул с товарищами представлял такой бравый отряд, какой только мог явиться на звук военной трубы.

Но когда Ней⁴ устремился вперед и стал занимать одну неприятельскую позицию за другой, пока прибытие главного корпуса британского войска из Брюсселя не изменило характера сражения при Катр-Бра, — эскадроны, среди которых гарцевал Регул, проявили величайшую энергию в отступлении перед французами; изгоняемые с одной позиции, они с рвением поспешали занимать новую. Их маневр был остановлен только продвижением англичан. Вражеская кавалерия (ненасытную кровожадность которой нельзя достаточно порицать) была в конце концов принуждена остановиться и получила возможность войти в соприкосновение с храбрыми бельгийцами, которые, однако, предпочли встретить бриттов, нежели французов и, сразу же повернув, пустились сквозь английские ряды, бывшие у них в тылу, и рассыпались по всем направлениям. Фактически полк перестал существовать — его не было. Он не имел и квартиры. Регул оказался мчащимся в галоп в нескольких милях от поля сражения, в полном одиночестве, а затем, спрашивается, где же ему было естественнее всего искать прибежища, как не на кухне, в верных объятиях, которыми Полина так часто его встречала?

¹ Лошадей нет, черт поberi! (*фр.*)

² Военные силы, выдвинутые союзниками против Наполеона, образовали 4 армии: голландскую — из английских, голландско-бельгийских и нассауских войск под начальством Веллингтона, нижнерейнскую — из прусских и северо-германских под начальством Блюхера, среднерейнскую — из русских войск Барклая де Толли и верхнерейнскую — из австрийских и южногерманских войск под начальством Шварценберга.

³ *Вильгельм II Фридрих Георг Людвиг* (1792–1849) — принц Нассау-Оранский, фельдмаршал Нидерландов, король Нидерландов, именовался одновременно Великим герцогом Люксембурга, а также герцогом Лимбурга; получил почетный чин английского фельдмаршала.

⁴ Маршал *Ней* руководил французскими войсками в битве при Катр-Бра.

Около десяти часов вечера на лестнице дома, где Осборны, согласно континентальным обычаям, занимали отдельный этаж, послышался лязг сабли. В дверь кухни раздался стук, и бедная Полина, только что вернувшаяся из церкви, чуть было не упала в обморок от ужаса, когда, приотворив дверь, увидела перед собой гусара, на котором лица не было. Он был так же бледен, как тот драгун, что являлся в полночь смущать Ленору¹. Полина была готова кричать, но крик ее мог привлечь господ и обнаружить присутствие ее милого друга. Она подавила крик и затем, введя своего героя в кухню, подала ему пива и лучшие куски, оставшиеся от обеда, к которому у Джоза не было охоты притронуться. Гусар доказал, что он не привидение, уничтожив невероятное количество мяса и пива, и, жадно глотая, поведал повесть своих злоключений.

Полк его совершил чудеса храбрости и в течение некоторого времени выдерживал натиск всей французской армии. Но под конец он был опрокинут врагом, так же как и вся британская армия к этому времени. Ней крошил каждый надвигавшийся на

него полк; тщетно старались бельгийцы спасти англичан от кровавой бойни; брауншвейгцы были разбиты и бежали, их герцог² был убит. Словом, произошло полное расстройство, и Регул пытался потопить скорбь по поводу поражения в потоках пива.

¹ Ленора — героиня баллады Г. Бюргера «Ленора».

² Фридрих-Вильгельм Брауншвейг-Вольфенбюттельский и Эльсский (1771–1815, в битве при Катр-Бра) — генерал прусской армии, один из наиболее известных немецких полководцев эпохи Наполеоновских войн, командир Черного корпуса, носивший прозвище Черный герцог.

Исидор, зашедший в кухню, слышал разговор и тотчас же бросился сообщить о нем своему господину.

— Все кончено! — завопил он. — Милорд герцог взят в плен, герцог Брауншвейгский убит, британская армия бежит со всех ног, спасся только один человек, и он теперь в кухне! Выйдите и послушайте его!

И Джоз, шатаясь, добрался до этого апартамента, где Регул все еще продолжал сидеть на столе, прилепившись к кружке пива. Самым лучшим своим французским языком, правду сказать, не слишком правильным, Джоз попросил гусара поведать свою повесть. По мере того как Регул говорил, бедствия стужались. Он оказывался единственным уцелевшим из всего полка. Он видел, как пал герцог Брауншвейгский; черные гусары бежали, а шотландцы полегли у пушек.

— А *** полк? — пролепетал Джоз.

— Искрошен в куски! — сказал гусар, после чего Полина воскликнула:

— О, ma bonne petite dame!¹ — и впала в истерику, огласив весь дом своими воплями.

Обезумев от ужаса, мистер Седли не знал, куда и к кому обратиться за помощью. Он кинулся из кухни назад в гостиную и бросил умоляющий взгляд на дверь, кото-

¹ О моя добрая маленькая госпожа! (фр.)

рую миссис О'Дауд закрыла и заперла на ключ перед самым его носом, но он вспомнил, с каким презрением она отнеслась к нему, и, подождав немного и послушав у двери, отошел и решил выйти на улицу, впервые за этот день. И вот, схватив свечку, он стал искать свою фуражку с золотым галуном, которую и нашел в обычном месте в прихожей у зеркала, где имел обыкновение охорашиваться, закручивая виски и кокетливо прилаживая шляпу, раньше чем показаться на люди. Сила привычки такова, что даже и теперь, несмотря на весь свой ужас, Джоз стал механически приглаживать волосы и поправлять головной убор и с изумлением увидел свое бледное лицо, выступившее из зеркала, а особенно усы, достигшие в течение их семинедельного существования значительной величины.

«Они примут меня за военного!» — подумал он, вспомнив слова Исидора относительно того, что всей побежденной английской армии грозило избиение. Шатаясь, бросился он назад в спальню и стал неистово рвать колокольчик, призывая лакея.

Исидор отозвался на зов.

Джоз упал в кресло, сорвал с себя шейный платок, отвернул воротник и сидел, держа обеими руками за горло.

— *Coupez moi, Isidor, — кричал он, — vite! Coupez moi!*¹

Исидор на мгновение подумал, не спятил ли его господин с ума и не требует ли он, чтобы ему перерезали горло.

— *Les moustaches, — продолжал он, — les moustaches! Coupy, rasy, vite!*²

Таков был его французский язык, беглый, хотя и не блиставший особенной правильностью.

Исидор снес усы одним взмахом бритвы и с неописуемым восторгом услышал приказание подать обыкновенный сюртук и шляпу.

— *Ne porty plov habit militaire! Bonny... Bonny á voo prennny dehors!*³

Таково было решение Джоза. Сюртук и фуражка стали наконец собственностью Исидора.

Совершив этот дар, Джоз выбрал из своих запасов простой черный сюртук и жилет, повязал шею широким белым платком и нахлобучил гладкую касторовую шляпу. Имей он возможность раздобыть широкополую священническую шляпу, он охотно водрузил бы ее на себя. Но и в таком наряде его можно было принять за цветущего толстого английского священника.

— *Venny maintenong, — продолжал он, — sweevy, ally, party dong la roo!*⁴

И, сказав это, он быстро пустился по лестнице на улицу.

Хотя Регул и клялся, будто он единственный человек из полка и даже из всей союзной армии, не искрошенный в куски Неем, его утверждения оказывались неверными, от избиения спаслось немало число предполагаемых жертв. Многие десятки товарищей Регула вернулись в Брюссель и, сознавшись, что бежали, уверили весь город в поражении союзников. Прибытие французов ожидалось с часу на час; паника продолжалась, и всюду шли приготовления к бегству.

¹ Режьте меня, Исидор! Скорее, режьте! (*искаж. фр.*)

² Усы! Режьте усы, брейте скорей! (*искаж. фр.*)

³ Исковерканные французские слова, означающие: «Я не буду больше носить военную одежду! Отдаю ее вам, уберите ее прочь!»

⁴ Исковерканные французские слова, означающие: «Теперь пойдемте! Следуйте за мной, идемте на улицу!»

«Нет лошадей!» — думал Джоз в ужасе. Он посылал Исидора уже ко многим разузнать, нельзя ли нанять или купить лошадей, и по мере того, как приносились отрицательные ответы, все более и более падал духом. Не предпринять ли путешествие пешком? Но даже и самый страх не мог побудить грузную особу Джоза к подобному моциону.

Почти все гостиницы, населенные в Брюсселе англичанами, были расположены поблизости к парку, и Джоз нерешительно блуждал в числе других в этой части города, снедаемый страхом и любопытством. Некоторые семьи, более счастливые, нежели он, добыли лошадей и грохотали теперь по улицам, другие находились в таком же положении, как и он, то есть ни за какую мзду не могли достать необходимых для бегства перевозочных средств. Среди этих будущих беглецов Джоз заметил леди Бэракс и ее дочь; они сидели в карете у ворот гостиницы с упакованным уже имуществом; единственным препятствием их бегству являлось все то же отсутствие движущей силы, обрекавшее на неподвижность и Джоза.

В этой же гостинице занимала помещение и Ребекка Кроули, имевшая по сию пору немало враждебных столкновений с дамами семейства Бэракс. Миледи Бэракс, встречаясь случайно на лестнице с миссис Кроули, не устаивала ее поклоном, и, где бы при графине ни упоминалось имя Ребекки, она неуклонно отзывалась о ней дурно. Графиню корбила близость генерала с супругой адъютанта; леди Бланш сторонилась Бекки, словно та была заразой, и только граф, выходя из сферы влияния своих дам, поддерживал с ней тайное и летучее знакомство.

Теперь Ребекке представился удобный случай отомстить этим дерзким врагам. В гостинице стало известно, что капитан Кроули оставил своих лошадей в городе, и, когда началась паника, леди Бэракс снизошла до того, что отрядила к супруге капитана свою горничную с приветствиями от ее милости и вопросом, сколько пожелает миссис Кроули за своих лошадей.

Миссис Кроули ответила запиской, в которой, в свою очередь, выражала приветствия и заявляла, что не привыкла вступать в торг с горничными. Этот резкий ответ привел в помещение Ребекки самого графа, который, однако, преуспел не больше, нежели первый посол.

— Прислать ко мне горничную! — восклицала миссис Кроули. — Удивляюсь, как миледи Бэракс не приказала мне самой запрягать ей лошадей? Кому нужно бежать — миледи или ее камеристке?

Таков был ответ, принесенный графом графине.

Чего не сделает нужда? После поражения второго посла графиня отправилась оболящать миссис Кроули сама. Она настойчиво просила Бекки назначить цену, предлагала даже пригласить миссис Раудон Кроули в Бэракс-Хаус, если только та даст ей возможность вернуться в ее резиденцию. Миссис Кроули на это только рассмеемась.

— Очень мне нужно, чтобы меня принимали ваши прислужники в ливреях! — сказала она. — Да вряд ли вы и доедете! Во всяком случае, — без ваших бриллиантов! Ими, конечно, завладеют французы! Они придут сюда через два часа, а я тем временем буду уже на пути в Гент... Нет, я не продам вам лошадей даже и за те два крупных бриллианта, которыми ваша милость щегольнула на балу!

Леди Бэракс задрожала от бешенства и страха: бриллианты были зашиты ею в платье и в ватную подкладку милорда и запряганы в его сапоги.

— Поймите, мои бриллианты сданы на хранение банкиру! И у меня будут лошади!

Ребекка рассмеялась ей прямо в лицо.

Взбешенная графиня спустилась вниз и села в свой экипаж. Ее служанка, курьер и супруг опять были посланы во все концы города на розыски лошадей, и горе тому, кто опоздал бы вернуться! Миледи решила уехать, как только лошади откуда-нибудь появятся, — с мужем или без мужа.

Ребекка имела удовольствие любоваться на ее милость, сидевшую в карете без лошадей; глядя на нее в упор, она громогласно соболезновала затруднениям графини.

— Не добыть лошадей, — воскликнула Бекки, — имея при этом кучу драгоценностей, зашитых в экипажные подушки! Какая добыча для французов, когда они придут сюда! Я разумею, конечно, экипаж и бриллианты, а не леди!

Она сообщила эти сведения слугам, хозяину гостиницы, постояльцам и бесчисленным празднующимся. Леди Бэракс готова была пристрелить ее на месте.

Наслаждаясь таким образом унижением врага, Ребекка приметила Джоза, который завидя ее, тотчас же направился к ней.

Его искаженное страхом толстое лицо красноречиво говорило о его заботе: он тоже хотел бежать и выискивал к тому средства.

«Он купит моих лошадей, — сообразила Ребекка, — а я уеду на моей кобыле!»

Джоз подошел к приятельнице и задал миссис Кроули вопрос, который задавал за последний час чуть ли не сотню раз: не знает ли она, где можно достать лошадей?

— Как, вы собираетесь бежать? — спросила Ребекка со смехом. — А я-то воображала, что вы защитник всех женщин!

— Я... я не военный человек... — пролепетал он, задышав.

— А Амелия? Кто же станет защищать вашу бедную сестру? — спросила Бекки. — Вы, конечно, не покинете ее?

— Какую пользу могу я ей принести, если... если неприятель явится сюда, — ответил Джоз. — Женщин они помилуют, а мой человек утверждает, будто эти подлые трусы поклялись не давать пощады ни одному мужчине.

— Это ужасно! — воскликнула миссис Кроули, наслаждаясь его растерянностью.

— Да мне и нет надобности бросать сестру! — сказал брат. — Она не будет покинута. В моей коляске найдется место и для нее, и для вас, дорогая миссис Кроули, если вы захотите ехать. Только бы достать лошадей! — вздыхал он.

— Я продаю своих, — сказала леди, и при этой вести Джоз почувствовал страстное желание броситься к ней в объятия.

— Тащите сюда экипаж, Исидор! — кричал он. — Мы нашли лошадей!

— Но мои лошади никогда не ходили в упряжке, — добавила Бекки, — Бельфинч разнесет экипаж вдребезги, как только на него накинут сбрую!

— Ну, а как он под верх? — робко спросил наш сборщик.

— Под верх он смирен, как ягненок, и быстр, как заяц! — ответила Ребекка.

— А как вы думаете, выдержит он меня? — спросил Джоз.

Он уже видел себя верхом на лошади и совершенно забыл про бедную Амелию. Кто, любя побарышничать, мог бы удержаться от подобного соблазна?

В ответ на вопрос Джоза Ребекка пригласила его войти в ее комнату, куда он и последовал за ней, задышав от нетерпения, чтобы поскорее закончить сделку.

Редко выпадали Джозу в жизни полчаса, которые стоили бы ему так дорого! Ребекка, соизмерив ценность имеющегося у нее для продажи имущества с нетерпением покупателя, а равно и с редкостью предложения этого товара назначила за лошадей такую чудовищную цену, что заставила нашего сборщика попотеть.

Она продаст или обеих, или ни одной, объявила она решительно. Раудон не позволил ей расставаться с лошадьми, иначе как за назначенную ею цену. Лорд Бэракс, внизу, давно давал ей эти деньги, и, как она ни любит и ни уважает семейство Седли, милый мистер Джозеф должен понять, что бедным людям тоже надо существовать; словом, едва ли кто мог быть более любезен и вместе с тем более тверд в деле.

Джоз кончил тем, что согласился, как и следовало ожидать. Сумма, которую он должен был ей выплатить, была так велика, что он принужден был попросить отсрочки; для Ребекки же она являлась целым маленьким состоянием, и Бекки быстро рассчитала, что, если она присоединит к этой сумме результаты продажи движимости Раудона и вдовью пенсию — в случае если ее муж будет убит, — она сможет занять в свете независимое положение и спокойно взирать на свое будущее.

Раз или два в этот день Бекки подумывала, конечно, о бегстве, но разум подсказывал ей лучший совет.

«Предположим, сюда явятся французы, — думала Бекки, — что могут они сделать вдове бедного офицера? Времена осад и поголовных избиений давно миновали. Нам позволят спокойно уехать домой, а не то я могу приятно прожить и за границей с маленьким доходом!»

Тем временем Джоз и Исидор отправились в конюшню осмотреть новоприобретенных лошадей. Джоз приказал своему слуге тотчас же седлать. Он уедет этой же ночью, сейчас же! И, оставив лакея готовить лошадей, Седли пошел домой собираться к отъезду, который должен был произойти втайне. Он проникнет в комнату с заднего крыльца — ему не хотелось встретиться лицом к лицу с миссис О'Дауд или Амелией и признаться, что он собирается бежать.

Но пока между Джозом и Ребеккой происходила сделка и пока осматривались лошади, опять уже почти наступило утро. Хотя полночь давно уже миновала, город не отдыхал и все население было на ногах, в домах горели огни, у дверей толпились люди, а на улицах шла суета. Самые разнообразные слухи передавались из уст в уста; одна весть гласила, будто пруссаки разбиты наголову, другая — будто англичане атакованы и побеждены, третий слух утверждал, что англичане удержали позицию. И этот последний слух укреплялся. Французы не появлялись. Отделившиеся от армии приносили все более и более благоприятные сведения, наконец в Брюссель прибыл адъютант с донесением коменданту, который немедленно оповестил весь город официальными сообщениями об успехе союзников при Катр-Бра и об оттеснении ими после шестичасового боя французов под начальством Нея. Вероятно, адъютант прибыл в то самое время, как Ребекка и Джоз заключали сделку или когда последний осматривал покупку. Достигнув своего дома, Джоз застал у дверей нескольких человек из многочисленных его обитателей, обсуждающих новости, в истине которых нельзя было сомневаться. Джоз поднялся наверх сообщить их бывшим на его попечении дамам. Он счел, конечно, излишним рассказывать, как он собирался покинуть их, как покупал лошадей и сколько заплатил за них.

Победа или поражение, — вопрос этот имел второстепенное значение для тех, чьи помыслы сосредотачивались на спасении любимых. Амелия при вести о победе

взволновалась еще больше, нежели раньше. Она была готова сейчас же отправиться в армию, она со слезами умоляла брата проводить ее туда. Ее страхи и сомнения дошли теперь до крайних пределов; бедное дитя, которое многие часы перед тем провело в оцепенении, металось теперь из угла в угол в истерическом безумии, являя собой поистине жалкое зрелище. Едва ли какой-либо воин в пятнадцати милях оттуда, на столь тяжело отстаиваемом поле, где после боя лежало так много храбрых, страдал больше, чем эта бедная незлобивая жертва войны. Джоз не мог вынести зрелища ее страданий, он оставил сестру на попечении ее более стойкой подруги, а сам спустился вниз, к дверям дома, где толпа все еще не расходилась, ожидая новостей.

Пока он стоял тут, рассвело совсем и с театра военных действий стали притекать новые вести, приносимые людьми, уже отыгравшими в трагедии боя свою роль. Фуры и длинные деревенские телеги, нагруженные ранеными, вкатывались одна за другой в город: ужасные стоны слышались оттуда, и бескровные лица скорбно приподнимались с соломы. Джоз Седли загляделся с мучительным любопытством на одну из таких повозок: жалобы находящихся там были ужасны, а истомленные лошади едва тянули телегу.

— Стойте, стойте!.. — раздался слабый голос с соломы, и телега остановилась перед домом мистера Седли.

— Это Джордж! Я знаю, это он! — закричала Амелия, бросаясь в то же мгновение на балкон, с побледневшим лицом и распутившимися волосами.

Это был, однако, не Джордж, но лучшее, что могло быть, — весть о нем.

То был бедный Том Стеббл, который двадцать четыре часа тому назад маршировал так храбро, выходя из Брюсселя и неся полковое знамя, не менее храбро охраняемое на поле сражения. Французский улан ранил юного прапорщика копьем в ногу, он упал, но отважно продолжал держать знамя, а когда бой пришел к концу, бедному мальчику нашли место на телеге, и он был привезен обратно в Брюссель.

— Мистер Седли!.. Мистер Седли!.. — звал мальчик, замирающим голосом, и потрясенный Джоз подошел на зов. Он не мог разобрать сначала, кто его зовет. Маленький Том Стеббл протянул к нему бессильную горячую руку.

— Возьмите меня... — сказал он, — Осборн... и... Доббин сказали, что меня возьмут... Заплатите этому человеку два наполеондора... Моя мать вернет вам...

Мысль юноши в течение долгих часов лихорадки, проведенных на телеге, пребывала в приходе отца, которого он покинул несколько месяцев тому назад, и в бреду он порой даже забывал о страданиях.

Дом был обширен, и люди добры, и все находившиеся в телегах были внесены и размещены по разным постелям. Юный прапорщик был доставлен наверх, в помещение Осборнов. Супруга майора и Амелия кинулись к нему, как только последняя узнала его с балкона. Вы можете себе представить чувства этих женщин, когда им сказали, что день прошел благополучно и что мужья их здоровы и невредимы. В каком восторге бросилась Амелия на шею своей доброй подруге и поцеловала ее! В какой восторженной молитве упала она на колени и возблагодарила силы, даровавшие ее мужу спасение!

Молоденькой женщине, в ее лихорадочном и нервном состоянии, даже и врач не мог бы прописать более целительного средства, нежели то, какое ей доставил случай. Она и миссис О'Дауд бодрствовали над раненым, сильно страдавшим юношей, и за этим занятием Амелия не имела времени ни предаваться размышлениям о личных

заботах, ни отдаваться во власть страхов и обычных предчувствий. Юный пациент описал со свойственной ему простотой события дня и подвиги наших друзей доблестного *** полка. Они пострадали сильно; полк потерял очень много офицеров и солдат. Под майором была убита лошадь, и все думали, что майор погиб и что Доббину предстоит заступить в порядке старшинства его место, но, когда полк вернулся из атаки на прежнюю позицию, майор был обретен сидящим на трупе Пирама и подкрепляющимся из фляжки. Капитан Осборн сшиб французского улана, проколовшего прапорщику ногу. Амелия так побледнела при упоминании об этом, что миссис О'Дауд остановила повествование юного прапорщика. А капитан Доббин в конце дня, хотя и сам раненный, взял молодого человека на руки и стащил его к хирургу, а потом на телегу, которая должна была отвезти его в Брюссель. Он-то и посулил вознице два луидора, если тот разыщет в городе квартиру мистера Седли и сообщит жене капитана Осборна, что бой кончился и что муж ее остался здоров и невредим.

— Ну, конечно, у Уильяма предоброе сердце, хотя он и вечно потешается надо мной! — сказала миссис О'Дауд.

Юный Стебблз клялся, что другого такого офицера не сыскать во всей армии, он был неистощим в похвалах старшему капитану, его скромности, доброте, хладнокровию и удивительной неустрашимости в ратном поле, но Амелия к этой части рассказа отнеслась рассеянно, она прислушивалась к нему только тогда, когда речь заходила о Джордже, когда же о нем не говорили, она начинала думать о нем.

Ухаживая за пациентом и размышляя о вчерашнем чудесном спасении мужа, Амелия провела второй день уже не так тягостно. Вся армия сводилась для нее к одному-единственному человеку, и, нельзя не признаться, пока он был невредим, все передвижения армии были для Эмми малоинтересны. Вести, какие приносил с улицы Джоз, воспринимались ею смутно, хотя они в достаточной мере тревожили этого трусливого джентльмена, так же как и многих других из числа тогдашних обитателей Брюсселя.

Конечно, французы были отброшены, но лишь после жестокой и ничего не решившей борьбы; в деле участвовала всего лишь одна французская дивизия. Император с главными силами находился в Линьи; он совершенно истребил там пруссаков и мог теперь невозбранно бросить все свои силы на союзников. Герцог Веллингтон отступает к столице, и генеральное сражение, исход которого более чем сомнителен, произойдет, вероятно, у самых городских стен. У герцога Веллингтона было всего двадцать тысяч британских войск, на которые он мог положиться, немецкое же состояло сплошь из необстрелянных солдат, а бельгийцы пребывали в полном расстройстве. И с этой-то горстью людей его светлости предстоит дать отпор полутростотысячному войску, вторгшемуся в Бельгию и предводимому Наполеоном! Наполеоном! Какой военачальник, будь он как угодно славен и искусен, мог состязаться с ним!

Джоз размышлял обо всем этом и трепетал так же, как и все остальные в Брюсселе; все сознавали, что вчерашний бой — не что иное, как прелюдия к другой неизбежной великой битве.

Одна из армий, действовавших против императора, была уже рассеяна. Немногие английские отряды, какие еще могли ему сопротивляться, конечно, погибнут на своем посту, и по их трупам завоеватель войдет в город. Горе тем, кого он застанет там! Приветственные адреса были уже готовы, должностные лица собирались и со-

вещались втайне; отводились помещения, шились трехцветные флаги и сооружались победные эмблемы — все для того, чтобы приветствовать прибытие его величества императора.

Отъезд из города продолжался, и все семьи, находившие средства передвижения, обращались в бегство. Когда Джоз зашел в полдень 17 июня в гостиницу к Ребекке, оказалось, что большая карета Бэраксов укатила наконец со двора. Граф раздобыл где-то, назло миссис Кроули, лошадей и катил теперь по дороге в Гент. Людовик Желанный также укладывал в этом же городе свои чемоданы; казалось, злой рок не уставал приводить в движение этого неповоротливого изгнанника.

Джоз чувствовал, что вчерашняя передышка была только отсрочкой и что, наверное, придется пустить в дело купленных им за дорожную цену лошадей.

Весь этот день терзания его были ужасны. Поскольку между Брюсселем и Наполеоном находилась еще английская армия, в немедленном бегстве нужды не было, но он все-таки велел перевести лошадей из отдаленной конюшни в конюшню, находившуюся во дворе того дома, где он проживал; таким образом, лошади были у него на глазах, и он был обеспечен от риска, что их сведут. Исидор безотлучно стерег у дверей конюшни, лошади стояли оседланными, чтобы в любую минуту быть готовыми к путешествию. Он страстно жаждал этого события.

После приема, какому Ребекка подверглась накануне, она не имела желания сталкиваться со своей дорогой Амелией. Она подрезала букет, который ей принес Джордж, поставила его в свежую воду и перечитала записку, которую он в него вложил.

— Бедная дурочка! — сказала она, вертя бумажку в пальцах. — Я могла бы уничтожить ее этим! И из-за подобного человека разбивает она себе сердце! Из-за глупого хлыща, который нисколько ее не любит! Мой бедный добряк Раудон в десять раз лучше! — И она перешла к мыслям о том, что ей предпринять, если с добряком Раудоном случится что-нибудь, и о том, как это удачно вышло, что он оставил ей лошадей.

В течение дня миссис Кроули, не без раздражения видевшая отъезд Бэраксов, вспомнила о предосторожности, принятой графиней, и, в свою очередь, занялась рукоделием; она зашила большую часть своих драгоценностей, векселей и кредитных билетов в бывшее на ней платье и, подготовившись таким образом, решила ждать событий, то есть бежать, если она найдет это необходимым, или оставаться на месте и приветствовать победителя, будь он бриттом или французом. Я далеко не уверен, не снилось ли ей в эту ночь, что она превратилась уже в герцогиню и *madame la maréchale*¹, в то время как Раудон стоял под дождем на дежурстве на биваке у Мон-Сен-Жан и, кутаясь в плащ, всеми своими помыслами уносился к маленькой оставленной им жене.

Следующий день был воскресным, и миссис О'Дауд с удовлетворением заметила, что оба ее пациента воспрянули и духом, и телом после сна, которым подкрепились за ночь; сама она уснула в большом кресле, в комнате Амелии, готовая прийти на помощь бедной подруге или прапорщику, если бы это понадобилось тому или другой. С наступлением утра эта бодрая женщина вернулась на квартиру, отведенную майору и ей, и тщательно и великолепно оделась, как приличествовало дню; весьма возможно, что оставшись одна в комнате, где обитал ее муж, где на подушке еще лежал его

¹ Супругу маршала (*фр.*).

колпак и где в углу стояла его трость, она вознесла к небесам молитву о благополучии доблестного воина Майкеля О'Дауда.

Возвращаясь к Амелии, супруга майора прихватила молитвенник и пресловутый сборник проповедей дядюшки-декана, которые никогда не упускала читать в день субботний; может быть, она и не все понимала и неправильно произносила многие слова, которые были длинны и непостижимы, ибо декан был человек ученый и любил длинные латинские слова, но читала она с большой внушительностью и выражением и в общем достаточно точно.

«Как часто слушал мой Мик эти проповеди, когда я читала ему их в тиши каюты!» — думала она. Она предложила возобновить это упражнение и в наступающий день, имея в качестве паствы Амелию и раненого прапорщика. Та же служба читалась в этот же день и в этот же час в двадцати тысячах церквях, и миллионы бриттов мужского и женского пола молили на коленях отца небесного о покровительстве. Они не слышали грохота, отвлекавшего внимание нашей маленькой паствы в Брюсселе, который был много громче того, что взволновал их два дня тому назад. Пушки Ватерлоо начали грохотать как раз в то время, когда миссис О'Дауд читала обедню самым своим звучным голосом.

Когда Джоз услышал этот ужасный звук, он решил, что он не в состоянии выносить вечный страх и что ему надо бежать. Он влетел в комнату раненого, заставив трех наших друзей прервать молитву, и сказал, страстно обращаясь к Амелии:

— Я больше не могу выносить этого, Эмми! Не хочу выносить! И ты должна ехать со мной! Я купил для тебя лошадь — все равно, сколько я заплачу! Одевайся и едем! Ты сядешь сзади Исидора!

— Да простит мне бог, мистер Седли, но вы просто трус! — сказала миссис О'Дауд, откладывая молитвенник в сторону.

— Говорю тебе, Амелия, едем! — продолжал сборщик. — Пускай она говорит!.. Неужели же нам оставаться здесь и ждать, чтобы нас прирезали французы?

— Вы забываете *** полк, милейший, — сказал маленький раненый герой Стеббл со своего ложа. — И... и... вы же не покинете меня, миссис О'Дауд?

— Нет, милый мальчик, — ответила супруга майора, подходя к юноше и целуя его. — С вами не приключится никакого зла, пока я здесь. А я с места не тронусь, пока не получу на то приказания от Мика! Хороша была бы я, увязавшись на седле позади этого молодца, не правда ли?

Эта картина заставила юного пациента разразиться в постели хохотом, и даже Амелия улыбнулась.

— Я и не прошу ее! — закричал Джоз. — Я предлагаю ехать не этой ирландке, а тебе, Амелия! Раз навсегда: хочешь ты ехать со мной или нет?

— Без моего мужа, Джозеф? — спросила Амелия, удивленно взглянув на него, и протянула руку супруге майора.

Терпение Джоза истощилось.

— В таком случае прощай! — крикнул он, потряс в бешенстве кулаком и хлопнул дверью.

И на этот раз он действительно дал распоряжение к отбытию и сел во дворе на лошадь. Миссис О'Дауд слышала стук копыт, когда они выезжали за ворота, и, выглянув в окно, сделала презрительное замечание по адресу бедного Джоза, схавшего по улице вместе со следовавшим за ним Исидором в фуражке с золотым галуном. Засто-

*Но тут наши всадники помчались галопом вниз по улице,
выводившей на Гентскую дорогу, а миссис О'Дауд преследовала их огнем насмешек,
пока они не скрылись из виду*

явившиеся за несколько дней лошади резвились и шли вскачь. И Джоз, неуклюжий и робкий наездник, выглядел в седле далеко не авантажно.

— Посмотрите-ка на него, дорогая Амелия! Он собирается вскочить к кому-то через окно в гостиную! Господи, такого чудища я не видывала даже и в китайских лапочках!

Но тут наши всадники помчались галопом вниз по улице, выводившей на Гентскую дорогу, а миссис О'Дауд преследовала их огнем насмешек, пока они не скрылись из виду.

Весь этот день, с утра и даже после захода солнца, не прекращался грохот орудий. Уже стемнело, когда канонада внезапно смолкла.

Каждый из нас читал о том, что произошло за этот промежуток времени. Рассказ об этом на устах у каждого англичанина. И вы, и я, бывшие детьми, когда это великое сражение выигрывалось одними и проигрывалось другими, никогда не уставали внимать повествованию об этом знаменитом событии. Воспоминание о нем все еще жжет сердца миллионов соотечественников погибших храбрецов. Они жаждут отомстить за унижение, и если бы произошло столкновение, которое завершилось бы победою для них, заставив их возгордиться, в свою очередь, а нам оставило бы проклятое наследство в виде ненависти и бешенства, то не было бы конца так называемой славе, постыдным поражениям и сменам успешной и неуспешной резни, которой предались бы две высококультурные нации. Столетиями могли бы мы, французы и англичане, похвастаться и убивать друг друга, мужественно осуществляя требования дьявольского кодекса чести.

Все наши друзья принимали участие в великой битве и сражались как подобает истым мужам. В течение целого дня, пока женщины молились за десять миль оттуда, ряды неустрашимой английской пехоты выдерживали и отражали бешеные атаки французской конницы. Пушки, которые были слышны в Брюсселе, косили их, но, в то время как одни товарищи падали, оставшиеся в живых только теснее смыкались. К вечеру бешенство французских атак, столь доблестно повторявшихся и отражавшихся, стало ослабевать. У французов были и другие враги, кроме британцев, с которыми им приходилось сражаться, а может быть, они готовились к последнему приступу. И вот пришел и его черед. Колонны императорской гвардии двинулись к холмам Сен-Жан, чтобы наконец смести одним натиском англичан с высоты, которую они удерживали весь день, невзирая ни на что. Темная колонна устремилась к холмам, не страшась грохота английской артиллерии, изрыгавшей смерть. Казалось, вот-вот займет она высоту, но вдруг она заколебалась и расстроилась, хотя все еще продолжала стоять лицом к выстрелам неприятеля. Но английские войска уже бросились с позиций, с которых враг не мог их сбить. Гвардия показала тыл и обратилась в бегство. Пальба уже не была слышна в Брюсселе — преследование продолжалось на многие мили от него. Мрак спустился на поле битвы и на город. Амелия молилась за Джорджа, а он уже лежал ничком, мертвый, с простреленным сердцем.

ГЛАВА XXXIII,
в которой родственники мисс Кроули проявляют о ней заботу

Пока армия движется из Фландрии после героических подвигов и занимает, прежде чем захватить всю страну, неприятельские пограничные крепости, пусть любезный читатель припомнит, что в Англии проживает целый ряд лиц, имеющих касательство к настоящему рассказу, которые должны быть упомянуты в нашей хронике.

В то время, когда происходили все эти битвы и ужасы, мисс Кроули жила в Брайтоне, и совершавшиеся великие события волновали ее не слишком. Правда, великие события делали газеты довольно интересными, и в одной из них мисс Бриггс вычитала прославления доблести Раудона Кроули и сообщение о его производстве в подполковники.

— Как жалко, что этот молодой человек сделал непоправимый шаг! — сказала его тетка.

— В его положении и с его изяществом он мог бы жениться на дочери пивовара с четвертью миллиона приданого, вроде мисс Грэнс. Или мог бы породниться с лучшими семьями Англии... Рано или поздно он получил бы мои деньги — он или его дети, так как я вовсе не спешу убраться, мисс Бриггс, хотя вы, пожалуй, и не прочь отделиться от меня поскорее! И вместо всего этого он обречен на бедность с какой-то танцовщицей в качестве жены!

— Неужели же дорогая мисс Кроули не подарит милостивым взглядом доблестного воина, имя которого отныне занесено в славные летописи отчизны? — спросила мисс Бриггс, которая была весьма взволнована ватерлооскими событиями и которая любила романтически выразиться, если к тому представлялся случай. — Разве капитан — или полковник, как я могу теперь именовать его, — не совершил подвигов, прославивших фамилию Кроули?

— Бриггс, вы дура! — ответила мисс Кроули. — Полковник Кроули втоптал фамилию Кроули в грязь! В самом деле, жениться на дочери учителя рисования! Жениться на компаньонке — потому что она не более как компаньонка, точь-в-точь как вы, моя милая, только моложе, красивее и значительно умнее! Желала бы я знать, были ли вы сообщницей этой отъявленной негодяйки, жертвою злых козней которых сделался Раудон и которой вы так восхищались? Я уверена, что были! Однако предупреждаю вас, мое завещание вас разочарует! Вы будете добры написать мистеру Уокси и сказать ему, что я желаю видеть его немедленно!

Мисс Кроули усвоила себе за последнее время привычку писать своему поверенному, мистеру Уокси, чуть ли не ежедневно. Все ее распоряжения относительно ее состояния были отменены, и она пребывала в большом недоумении, как ей распорядиться своими деньгами в будущем. Старая дева значительно поправилась, что блистательно подтверждалось ее возросшей энергией и постоянными насмешками над мисс Бриггс; бедная компаньонка переносила эти нападки со смирением и трусливой покорностью, столь же великодушными, сколько и лицемерными, — словом, Бриггс обнаруживала ту рабскую угодливость, какую принуждены проявлять женщины в ее положении и с ее характером. Кто не видал, как женщины помыкают женщинами? Какие мучительства, выпадающие на долю мужчинам, могут сравниться с повседневными уколами, глумлениями и жестокими намеками, которыми донимают бедных женщин тираны их же пола? Несчастные жертвы! Впрочем, мы уклонились от нашей темы, именно от рассказа о том, как раздражительна сделалась мисс Кроули, когда стала поправляться. Раны, как говорится, зудят особенно сильно, когда начинают затягиваться. Когда же мисс Кроули стала, к общей радости, совсем выздоравливать, мисс Бриггс оказалась единственной жертвой, допускаемой к больной; тем не менее все родные мисс Кроули, находившиеся вдали от нее, не забывали своей любимой родственницы и всевозможными подарками, знаками внимания и приветливыми письмами старались укрепить себя в ее памяти.

Прежде всего мы упомянем здесь о ее племяннике Раудоне Кроули. Несколько недель спустя после славной Ватерлооской битвы, когда «Ведомости» известили мисс Кроули о доблести и о производстве нашего выдающегося офицера, дьепская почта доставила ей в Брайтон посылку с подарками и почтительное письмо от племянника-полковника. В ящике оказалась пара французских эполет, крест Почетного легиона и эфес сабли — все трофеи с поля сражения. Письмо весьма остроумно сообщало, что эти реликвии принадлежали одному из старших офицеров той гвардии, которая клялась, что она «умирает, но не сдается», что этот храбрец был взят в плен простым солдатом, сломавшим саблю французского офицера прикладом мушкета, после чего Раудон и завладел обломком эфеса; что касается эполет и креста, то они принадлежали полковнику французской кавалерии, павшему от руки адъютанта во время битвы, и Раудон Кроули не мог сделать из этих трофеев лучшего употребления, как послать их в дар добрейшему и любимейшему своему другу. Может ли он писать мисс Кроули из Парижа, куда направляется союзная армия? Может быть, он окажется в состоянии сообщить ей какие-нибудь любопытные вести из этой столицы, а равно и о тех старых ее друзьях из бывших эмигрантов, в отношении которых она была так добра во время их злоключений.

Старая дева приказала Бриггс написать в ответ любезное и приветливое письмо и поощрить Раудона к дальнейшей переписке. Это первое письмо было настолько занимательно, что она с удовольствием будет ждать последующих.

— Я, разумеется, знаю, — поясняла она мисс Бриггс, — что Раудону никогда не написать такого письма, так же как и вам, бедная моя Бриггс; каждое слово продиктовано ему этой маленькой умной негодяйкой Ребеккой, но я не вижу причины, почему бы племяннику не развлекать меня. Итак, я желаю дать ему понять, что я настроена весьма благодушно...

Хотел бы я знать, было ли ей известно, что Бекки не только написала письмо, но что это она послала домой все эти трофеи, купленные за несколько франков у одного из бесчисленных старьевщиков, которые немедленно же начали торговать реликвиями войны. Романист, которому известно все, знает и это. Как бы то ни было любезный ответ мисс Кроули значительно ободрил наших молодых друзей — Раудона и его супругу, — которые, основываясь на явно умиротворенном настроении тетушки, уповали на лучшее. Они старались развлекать ее многочисленными восхитительными письмами из Парижа, куда, как говорил Раудон, они имели счастье попасть следуя по пятам победоносной армии.

Письма к супруге священника, которая принуждена была уехать в Куинс Кроули, вправлять переломанную ключицу своему супругу, были далеко не столь благосклонны. Миссис Бьют, эта бодрая, деятельная, живая и властная женщина, сделала по отношению к невестке самую роковую ошибку. Она не только угнетала ее и всех ее домашних, она наскучила мисс Кроули. И если бы бедная мисс Бриггс сколько-нибудь обладала характером, она была бы осчастливлена поручением своей благодетельницы написать миссис Бьют Кроули, что здоровье мисс Кроули значительно улучшилось с тех пор, как миссис Бьют ее оставила, и что она просит миссис Бьют отнюдь не беспокоиться и ни в коем случае не покидать ради нее своей семьи. Это торжество над особой, проявившей по отношению к мисс Бриггс жестокость и высокомерие, доставило бы большинству женщин радость, но, говоря по правде, у мисс Бриггс совсем не было характера, и как только враг ее бывал повергнут во прах, она тотчас же начинала ему сочувствовать.

«Как я была глупа, — думала миссис Бьют и не без основания, — намекнув, что собираюсь приехать, в этом глупом письме, когда мы посылали мисс Кроули птицу, за которую заплатили целую гинею. Следовало, не говоря ни слова, поехать к этому дорогому, старому, неразумному существу и вырвать его из когтей этой дуры Бриггс и злобной гарпии камеристки! О Бьют, Бьют, зачем сломал ты себе ключицу!»

Зачем, в самом деле? Мы видели, что миссис Бьют, имея на руках все козыри, вела свою игру слишком уверенно. Она управляла домом мисс Кроули решительно и безусловно и должна была подвергнуться такому же решительному и безусловному поражению, как только наступил благоприятный для возмущения момент.

Впрочем, и сама миссис Бьют, и ее домашние понимали, что она стала жертвой ужасного эгоизма и вероломства и что за ее самоотречение мисс Кроули заплатила ей черной неблагодарностью.

Повышение Раудона и лестное упоминание о нем в «Ведомостях» точно так же преисполнило примерную христианку тревогой. Не смягчится ли тетка к нему теперь, когда он стал подполковником и кавалером ордена Бани, и не попадет ли эта ненавистная Ребекка опять к ней в милость? Супруга священника написала для своего мужа проповедь о суете военной славы и о процветании нечестивцев, и достойный священник прочел ее так прочувствованно, как только мог, не поняв в ней ровно ни слова. Питт Кроули был одним из его слушателей — Питт, который явился в церковь

с обеими единокровными сестрами, ибо старого баронета уже никак нельзя было залучить туда.

Со времени отъезда Бекки Шарп этот старый нечестивец всецело предался своим порочным склонностям, к великому возмущению всего графства и немому ужасу сына. Ленты на чепце мисс Горрокс становились с каждым днем роскошнее. Все порядочные семьи в ужасе сторонились замка и его владельца. Ради попоек сэр Питт захаживал в дома своих арендаторов, распивал в дни ярмарки пунш со своими фермерами в Медбери и иных местечках по соседству и разъезжал по Саутгэмптону в семейном экипаже четверкой цугом, бок о бок с мисс Горрокс, а жители графства, равно как и его сын, всякую неделю ждали в безмолвном трепете, не оповестят ли местные газеты о браке с нею баронета. Поистине, это было тяжким крестом для мистера Кроули.

Красноречие мистера Питта было теперь парализовано и на миссионерских митингах и на прочих религиозных собраниях в соседнем округе, где он обыкновенно председательствовал и ораторствовал целыми часами; когда он вставал, он чувствовал, что аудитория думает: «Это сын старого нечестивца Питта, который, вероятно, пьянствует в эту самую минуту в кабаке!»

И однажды, когда Питт повествовал о душевном мраке короля Тимбукту и о бесчисленном множестве его жен, также пребывающих во тьме, какой-то пьяный бездельник спросил его:

— А в Куинс Кроули их сколько, молодой ханжа? — к изумлению аудитории и к полному провалу речи мистера Питта.

Девицам в Куинс Кроули было бы предоставлено дичать на свободе (ибо сэр Питт поклялся, что ни одна гувернантка не переступит отныне его порог), если бы в дело не вмешался мистер Питт и не заставил старого джентльмена угрозами отправить девочек в школу.

Но, несмотря на распри между родственниками, дорогие племянники и племянницы мисс Кроули были единодушны в своей любви к ней и посылке ей знаков внимания. Таким образом, миссис Бьют Кроули посылала ей живность, за которую платила гиней, и удивительную цветную капусту, хорошенькие кошельки и подушечки для булавок собственной работы ее милых дочерей, умолявших дражайшую тетеньку сохранить им хотя бы маленькое местечко в памяти, тогда как мистер Питт снабжал тетку персиками, виноградом и дичью из замка. Саутгэмптонский дилижанс обыкновенно доставлял мисс Кроули все эти знаки преданности в Брайтон, а порою отвозил туда и самого мистера Кроули, ибо разногласия с сэром Питтом побуждали теперь мистера Кроули часто отлучаться из дома; кроме того, Брайтон имел для него особую притягательную силу в лице леди Джейн Шипшанкс, о предстоящем союзе с которой мистера Кроули уже упоминалось в нашем рассказе. Эта леди и ее сестра проживали в Брайтоне вместе с их матушкой, графиней Соусдаун, отличавшейся выдающимся умом.

Мы должны хотя бы в нескольких словах коснуться ее милости и всей ее благородной семьи, связанной с домом Кроули узами родства, настоящего и предстоящего.

Что касается главы дома Соусдаунов, Клемента Уильяма, четвертого сына графа Соусдауна, то о нем нет надобности распространяться: достаточно упомянуть, что он вступил в парламент (еще лордом Уольси) под покровительством мистера Уилбер-

форса¹ и одно время оправдывал рекомендацию своего политического поручителя, будучи поистине солидным молодым человеком. Никакие слова не могут передать чувств превосходной родительницы милорда, когда она узнала, вскоре после кончины ее благородного супруга, что ее сын состоит членом многих светских клубов, что он сильно проигрался в карты у Вотье и в «Кокосовой пальме», что он занимает деньги с обязательством уплатить по получении наследства и уже расстроил родовое имение, что он правит четверкой, покровительствует бегам и что у него в опере ложа, куда он приглашает самую сомнительную холостую компанию. Имя сына упоминалось теперь в кружке вдовствующей графини не иначе как со вздохами.

Леди Эмилия была на много лет старше брата и занимала в кругу сильных умов почетное место, как автор прекрасных, неоднократно приводившихся нами бесчисленных гимнов и душеспасительных произведений. Перезрелая дева, имевшая смутное представление о браке, все свои сердечные чувства сосредоточила на любви к чернокожим. Если я не ошибаюсь, мы обязаны ей восхитительной поэмой:

На запад, к солнечным и знойным островам,
Туда, туда, в неведомые дали,
Где вечно хочется смеяться небесам,
Где негры вечно слезы льют в печали!..

Она поддерживала переписку с духовными лицами почти во всех наших ост- и вест-индских владениях и втайне была равнодушна к достопочтенному Силасу Горнблауэру, который был татуирован на островах в Южном море.

Что касается леди Джейн, на которой, как уже сказано, сосредоточивались нежные чувства мистера Питта Кроули, то это была милая, застенчивая, молчаливая и робкая особа. Несмотря на отпадение брата, она оплакивала его, хотя и стыдясь того, что продолжает его любить. Она все еще посылала ему маленькие, украдкой написанные записочки, тайком относя их на почту. Единственная страшная тайна, тяготевшая над нею, заключалась в том, что она как-то раз, вместе со старой ключницей, посетила братца Соусдауна в его меблированных комнатах в Олбани и застала его — о несчастный, дорогой, всеми отверженный грешник! — курящим сигару, со стоявшей перед ним бутылкой кюрасо! Она восхищалась сестрой, обожала мать, почитала мистера Кроули за удивительнейшего и совершеннейшего человека — после Соусдауна, этого падшего ангела. Ее матушка и сестра, леди самого высокого сорта, распоряжались за нее и относились к ней с той милой снисходительностью, какая всегда имеется в запасе у действительно выдающихся женщин. Ее маменька, графиня Соусдаун, выбирала ей платья, книги, чепчики и даже самые мысли для ее обихода, она должна была ездить верхом, играть на фортепьяно или заниматься другими полезными физическими упражнениями, когда миледи признавала это уместным. И ее милость, пожалуй, водила бы дочку, несмотря на ее двадцатishестилетний возраст, в детском фартучке, если бы его не пришлось сбросить, когда леди Джейн была представлена королеве Шарлотте.

После прибытия этих дам в их брайтонский дом мистер Кроули вначале посещал только их, довольствуясь оставлением визитной карточки в доме тетки и скромно

¹ Уильям Уилберфорс (1759–1833) — член палаты общин, английский филантроп, прославившийся своей деятельностью по освобождению негров.

справляясь у мистера Боульса или его помощника-лакея о состоянии здоровья больной. Встретившись однажды с мисс Бриггс, которая возвращалась домой из библиотеки с целым грузом книг под мышкой, мистер Кроули покраснел, что было ему совсем не свойственно, и подал руку компаньонке мисс Кроули; он представил ее даме, с которой шел, — это была леди Джейн Шипшанкс, — сказав:

— Леди Джейн, позвольте представить вам самого доброго и самого преданного друга моей тетушки, и самую преданную ее сожительницу, мисс Бриггс, известную вам под другим именем, как автор очаровательных поэм «Лирика сердца», которые так вам нравятся.

Леди Джейн также покраснела, протянула мисс Бриггс свою милую маленькую ручку и, сказав что-то очень вежливое и несвязное о своей маменьке, выразила желание посетить мисс Кроули и изъявила радость познакомиться с друзьями и родственниками мистера Кроули; она проводила ее своими голубыми голубиными глазами, а Питт Кроули отвесил мисс Бриггс такой же глубокий придворный поклон, каким приветствовал в свое время герцогиню Пумперникель в бытность свою атташе при тамошнем дворе.

Искусный дипломат и ученик последователя Макиавелли¹ Бинки! Он же поднес леди Джейн экземпляр ранних поэм бедной Бриггс, который видел в Куинс Кроули, с посвящением от автора его мачехе; он вспомнил о нем и привез этот томик с собой в Брайтон, прочитав его, раньше чем отдать милой леди Джейн, в саутгемптонском дижансе и сделав в нем соответствующие пометки.

Он же поставил на вид леди Соусдаун те великие выгоды, какие могли бы произойти от сближения ее семьи с мисс Кроули, — выгоды одновременно и светского и духовного характера, как он утверждал, ибо мисс Кроули была теперь одинока; чудовищное мотовство и брак его брата Раудона лишили этого потерянного молодого человека ее привязанности; алчная тирания и скаредность миссис Бьют Кроули заставили старую леди возмутиться против безобразных притязаний со стороны ее семьи; сам же он хотя и не старался никогда поддерживать дружбу с мисс Кроули — может быть, вследствие ложной гордости, — теперь вполне сознает, что хорошо было бы принять надлежащие меры и спасти ее душу от гибели, а вместе с тем и обеспечить ему, как главе дома Кроули, состояние тетки.

Высокоумная леди Соусдаун вполне согласилась с обоими предложениями будущего зятя и стояла за немедленное обращение мисс Кроули. Эта рослая благочестивая поборница истины разбрасывала у себя дома — в Соусдауне и Троттерморе — среди поселян и арендаторов, разъезжая по своим владениям в коляске с форейтором, целые тюки душеспасительных брошюр; она предписывала Гафферу Джонсу обратиться к истинной вере совсем так, как приказывала Гуди Гиксу принять слабительного, — не терпя ни возражений, ни сопротивления, ни вмешательства со стороны духовенства. Милорд Соусдаун, покойный ее супруг, благородный дворянин, страдавший эпилепсией и скудоумием, имел привычку одобрять все, что ни делала и ни замышляла его Матильда. И каким бы изменениям ни подвергались ее личные верования (а они приспособлялись к великому разнообразию мнений, заимствуемых

¹ *Никколо Макиавелли* (1469–1527) — итальянский политический писатель-теоретик, идеи которого о государстве были лишены всякого морального основания.

ею от всевозможных учителей диссентерства¹), она неуклонно требовала от своих фермеров и подчиненных, чтобы они веровали так, как она. Таким образом, в зависимости от того, увлекалась ли она наставлениями достопочтенного Мак-Нитра, шот-

ландского прорицателя, или достопочтенного Льюка Уотерса, кроткого последователя Уэсли², или же достопочтенного Джайльса Джаульса, сапожника-прозорливца, который возвел себя собственной властью в священнослужителя так же, как Наполеон произвел себя в императоры, — ее фермеры, ее дети и все ее арендаторы должны были становиться на колени вместе с ее милостью и произносить «аминь» после молитв каждого из этих учителей. Во время всех этих упражнений старому Соусдауну, из уважения к его немощам, разрешалось оставаться в своей комнате, пить негус и слушать газеты. Леди Джейн была любимой дочерью старого графа, искренно его

¹ *Диссентеры* — протестантская секта в Англии, возникшая при королеве Елизавете, задачей которой было «возвратить церковь к первоначальной ее чистоте».

² *Джон Уэсли* (1703–1791) — основатель секты методистов в Англии.

любила и ухаживала за ним; что же касается леди Эмилии, автора «Прачки Финчлейской общины», то ее пророчица по поводу загробной кары (впрочем, только в этот период, так как позднее она изменила свои мысли) были так страшны, что повергали в ужас старого джентльмена, ее родителя, и врачи утверждали, что припадки у него всегда бывали после проповедей ее милости.

— Я, конечно, приму это в соображение, — сказала леди Соусдаун в ответ на предложение нареченного ее дочери, мистера Питта Кроули. — Кто лечит мисс Кроули?

Мистер Кроули назвал мистера Кримера.

— В высшей степени опасный и невежественный врач, мой дорогой Питт! Волею промысла я послужила орудием для удаления его из многих домов, хотя, к сожалению, в одном или двух случаях не успела сделать этого своевременно. Я не могла спасти бедного дорогого генерала Гландерса, который погибал на руках этого невежды, прямо-таки погибал! Здоровье его стало несколько улучшаться благодаря пилюлям Роджерса, которые я посоветовала генералу, но, увы, было уже слишком поздно. Зато кончина его была поистине утешительна, и для него эта перемена была только к лучшему... Итак, мой дорогой Питт, Кример должен быть удален от вашей тетки!

Питт изъявил на это полное согласие. Он также подпал под энергичное воздействие высокородной родственницы и будущей тещи и был принужден принимать Саундерса, Мак-Нитра, Льюка Уотерса, Джайльса Джаульса, пилюли Поджерса, пилюли Роджерса, эликсир Покея и всякие иные духовные и светские целительные средства ее милости. Он никогда не покидал ее дома, иначе как почтительно унося с собой грудку снадобий ее шарлатанской теологии и медицины. О, милые мои братья и сотоварищи по ярмарке тщеславия, кому из вас неведомы подобные благожелательные депоты и кто из вас не страдал от их тирании? Напрасно уверяете вы их: «Сударыня, я по вашему же приказанию принимал в минувшем году средство Поджерса и уверовал в него. Так зачем же, зачем мне отказываться от него и обращаться к снадобьям Роджерса?» Если убежденная прозелитка¹ не может воздействовать на вас с помощью аргументов, она разразится слезами, и упрямец в конце поединка вынужден будет проглотить предлагаемую ему пилюлю и сказать: «Ну, хорошо, хорошо, пусть будет Роджерс!»

— Что же касается духовного ее состояния, — продолжала миледи, то, конечно, на него следует обратить внимание немедленно. Если ее лечит Кример, она может умереть ежеминутно и в каком состоянии, мой дорогой Питт, в каком состоянии! Я сейчас же направлю к ней достопочтенного мистера Айронса... Джейн, напиши несколько слов достопочтенному Берсоломью Айронсу — в третьем лице! — и сообщи ему, что я желаю иметь удовольствие видеть его у себя за чаем сегодня в половине седьмого! Этот человек умеет пробуждать сознание! Ему следовало бы повидаться с мисс Кроули сегодня же, раньше чем она отойдет ко сну... Эмили, дорогая моя, приготовь пачку книг для мисс Кроули! Положи туда «Глас из пламени», «Вещую иерихонскую трубу» и «Разбитую миску, или Обращенного людоеда»!

— И «Прачку Финчлейской общины», мама, — заметила леди Эмили. — Лучше начинать с более умеренного...

— Остановитесь, дорогие мои леди! — сказал наш дипломат Питт. — При всем моем уважении к мнениям почтенной и любимой мной леди Соусдаун я пола-

¹ Прозелитка — приверженка, последовательница.

гаю, было бы нежелательно и преждевременно затрагивать перед мисс Кроули такие серьезные материи. Вспомните о болезненном ее состоянии, о том, как мал, как бесконечно мал в ней навык к размышлениям, связанным с загробным благосостоянием...

— Может ли это быть когда-нибудь преждевременно? — сказала леди Эмилия, вскакивая с места с шестью брошюрами в руке.

— Если вы приступите к этому резко, вы ее только запугаете. Я слишком хорошо знаю суетные наклонности тетушки и убежден, что резкость будет самым худшим средством, какое могло бы быть употреблено для благополучия этой несчастной. По всей вероятности, она отшвырнет брошюры и уклонится от всякого знакомства с теми, кто их ей предложит.

— Вы, Питт, так же суетны, как и мисс Кроули! — сказала Эмили и вышла с брошюрами из комнаты.

— Мне незачем говорить вам, дорогая моя леди Соусдаун, — продолжал Питт тихим голосом, оставляя это замечание без возражения, — как пагубно отзовется недостаток мягкости и осторожности на надеждах, какие мы можем питать в отношении земных благ тетушки. Вспомните, ведь у нее семьдесят тысяч фунтов стерлингов! Подумайте о ее возрасте, деликатном здоровье и ее нервозности! Я знаю, она уничтожила завещание, которое было сделано в пользу моего брата, полковника Кроули. Только лаской можем мы направить эту мятежную душу на стезю истины, отнюдь не запугиванием! Поэтому, я полагаю, вы согласитесь со мной, что... что...

— Ну, конечно, конечно! — сказала леди Соусдаун. — Джейн, моя дорогая, не надо посылать эту записку мистеру Айронсу! Если состояние здоровья тетушки таково, что размышления для нее утомительны, мы обождем, пока она поправится. Я навещу мисс Кроули завтра!

— И если мне позволено будет дать совет, добрейшая моя леди, — сказал Питт кротким голосом, — было бы лучше, если бы дорогая наша Эмилия вас в этом случае не сопровождала: она слишком восторженна! Пусть лучше вас сопровождает наша нежная, кроткая леди Джейн!

— Ну, конечно, Эмили погубила бы все! — сказала леди Соусдаун.

На этот раз миледи согласилась отступить от своего обыкновения, заключавшегося, как мы видели, в том, что, прежде чем учинить личное нападение на особу, которую замышлялось победить, миледи обстреливала угрожаемую сторону бесчисленными трактатами (подобно тому как атаке французов всегда предшествует убийственная канонада). Итак, из уважения ли к состоянию здоровья мисс Кроули и ее благосостоянию или же к ее деньгам, но леди Соусдаун согласилась повременить.

На следующий день поместительная семейная, предназначавшаяся для обслуживания дам, карета графини, с графской короной и гербом (в зеленом щите Соусдаунов три скачущих серебряных ягненка и соболев, с перевязью, обремененной тремя червлёными табакерками Бинки) торжественно подъехала к дому мисс Кроули, и высокий важный выездной вручил мистеру Боульсу карточку ее милости для мисс Кроули, а также и другую — для мисс Бриггс. В виде же компромисса леди Эмилия в тот же вечер препроводила этой последней целый пакет, заключающий в себе экземпляр «Прачки...» и других умеренных и всеми восхваляемых брошюр для собственного употребления мисс Бриггс; прочие же, несравненно более сильные по содержанию, вроде «Крошек из чулана», «Сковороды и огня», «Ливреи порока» и т. д., посылались для людской.

ГЛАВА XXXIV,
в которой выбрасывается за окно трубка Джеймса Кроули

Любезное обхождение мистера Кроули и приветливость, обнаруженная леди Джейн при первом знакомстве, в высокой степени польстили мисс Бриггс, и она нашла случай замолвить за нее словечко после того, как мисс Кроули были поданы визитные карточки семьи Соусдаунов. Карточка графини, оставленная лично ей, Бриггс, тоже доставила немалое утешение бедной одинокой компаньонке.

— Желала бы я знать, что имела в виду леди Соусдаун, оставив карточку вам, Бриггс? — сказала республиканка мисс Кроули.

На это компаньонка кротко ответила: она полагает, нет особенной беды в том, что родовитая леди обласкала вниманием бедную, но порядочную женщину, и запрягла карточку в свой рабочий ящик, вместе с самыми своими драгоценными сокровищами. Затем мисс Бриггс поведала ей, как она встретила накануне с мистером Кроули, гулявшим со своей двоюродной сестрой, а вместе с тем и невестой, с которой он был уже давно помолвлен; она рассказала, как мила и любезна была эта особа и какой скромный, чтобы не сказать простенький, был на ней костюм, все принадлежности которого, начиная шляпкой и кончая башмаками, она описала и оценила с женской точностью.

Мисс Кроули дала Бриггс высказаться, не слишком часто ее прерывая; теперь, когда она поправилась, она жаждала общества. Мистер Кример, пользовавший ее врач, и слышать не хотел о ее возвращении в Лондон, к прежнему рассеянному образу жизни и старым привычкам. Престарелая дева была чрезвычайно рада какому бы то ни было обществу в Брайтоне и не только послала в тот же день ответную карточку Соусдаунам, но любезно пригласила Питта Кроули навестить свою тетку. Он явился и привел с собой леди Соусдаун и ее дочь. Вдова ни словом не обмолвилась о состоянии души

мисс Кроули, но с большим тактом беседовала о погоде, о войне и о падении чудовища Бонапарта, главным же образом — о врачах-шарлатанах и необычайных достоинствах доктора Поджерса, которому она тогда покровительствовала.

Во время этого свидания Питт Кроули сделал весьма удачный ход, и ход этот показал, что, если бы Питт не загубил в самом начале своей дипломатической карьеры по собственной небрежности, он достиг бы на этом поприще высоких степеней. Когда вдовствующая графиня Соусдаун напустилась на корсиканского выскочку, как это было тогда принято, изображая его злодеем, запятнанным всеми мыслимыми преступлениями, трусом, тираном, недостойным даже существования на белом свете, и гибель которого была предрешена, Питт Кроули неожиданно поднял оружие в защиту этого избранника судьбы. Он описал первого консула, каким знал его в Париже, при заключении Амьенского договора¹, когда он, Питт Кроули, удостоился счастья познакомиться с великим и доблестным мистером Фоксом, государственным мужем, которым нельзя не восхищаться, хотя и расходишься с ним во взглядах, государственным мужем, который всегда питал глубокое уважение к императору Наполеону; затем мистер Кроули выразил сильнейшее негодование по поводу вероломного поведения союзников в отношении к сверженному монарху, который благородно предоставил себя их усмотрению и был обречен на унижительное, жестокое изгнание, тогда как на смену ему пришла ханжеская папистская чернь, тиранившая теперь Францию.

Эта правоверная ненависть к папизму и католическому суеверию спасла Питта Кроули во мнении леди Соусдаун, а преклонение перед Фоксом и Наполеоном весьма возвысило его в глазах мисс Кроули. О ее дружбе с почившим британским государственным деятелем мы уже упоминали в самом начале рассказа, когда впервые вывели на сцену мисс Кроули. Верная сторонница вигов, мисс Кроули оставалась в оппозиции в течение всей войны, хотя, разумеется, падение императора взволновало старую леди не слишком, а чинимые над Наполеоном несправедливости не сократили ее дней и не лишили ее естественно отдохновения, тем не менее Питт тронул ее сердце похвалами обоим ее кумирам и этой одной речью немало преуспел в ее расположении.

— А вы что об этом думаете? — спросила мисс Кроули молодую девушку, к которой почувствовала симпатию с первого же взгляда, как это бывало с ней обыкновенно в отношении красивых и скромных молодых особ, хотя, говоря по правде, привязанности ее остывали так же быстро, как и возникали.

Леди Джейн сильно покраснела и сказала, что она ничего не понимает в политике и предоставляет судить о ней более мудрым умам, нежели ее собственный, что маменька ее, несомненно, права, хотя и мистер Кроули говорил прекрасно. Когда обе леди, отбыв визит, стали прощаться, мисс Кроули выразила надежду, что леди Соусдаун будет так добра и разрешит леди Джейн заходить в свободное время к бедной больной и утешать ее в ее одиночестве. Обещание было любезно дано, и они расстались весьма дружески.

— Пусть леди Соусдаун сюда больше не является! Она глупа и напыщенна, как и все ваши родичи по матери, которых я никогда не могла выносить! Но милую, добрую маленькую Джейн приводи так часто, как захочешь!

¹ 25 марта 1802 г. в Амьене был заключен мирный договор, которым должен был быть положен конец распрям между Англией, Францией, Испанией и Батавской республикой.

Питт так и сделал. Он не передавал графине Соусдаун печального мнения, какое составила себе о ней его тетка, а графиня воображала, что произвела на мисс Кроули внушительное и чарующее впечатление.

Таким образом, леди Джейн, нисколько не тяготясь ухаживанием за больной леди, может быть, и не сожалела в тайниках своего сердца о том, что освобождалась от времени до времени от унылых речей достопочтенного Бэрсомомью Айронса и общества угрюмых угодливых соучеников величественной графини, ее матушки, собиравшихся вокруг ее скамейки для коленопреклонений. Леди Джейн сделалась обычной посетительницей мисс Кроули, сопровождала ее на прогулках и часто развлекала старуху по вечерам.

Леди Джейн была по натуре так добра и мягка, что не возбуждала ревности даже и в Фиркин, а кроткая мисс Бриггс находила, что ее друг обращается с ней менее жестоко в присутствии доброй леди Джейн. Отношение мисс Кроули к молодой девушке было очаровательно. Старая дева рассказывала ей тысячу анекдотов из своей юности, но в повествованиях своих держалась совсем иного тона, нежели тот, каким она привыкла беседовать с маленькой вольнодумкой Ребеккой, ибо в невинности леди Джейн таилось нечто такое, что всякие нескромные речи были бы равносильны оскорблению кроткой девушки, а мисс Кроули была слишком порядочна, чтобы осквернять подобную чистоту. Молодая же леди никогда ни от кого ласки не видела, за исключением этой старой девы, отца и брата, и на пристрастие мисс Кроули отвечала бесхитростной нежностью и преданностью.

В осенние вечера (когда Ребекка красовалась в Париже, самая веселая из всех веселых победительниц, а наша бедная сраженная Амелия мыкала свое горе неизвестно где) леди Джейн просиживала в сумерках гостиной мисс Кроули, приятно напевая ей немудреные песенки и гимны, пока солнце закатывалось, а море бушевало у набережной. Обыкновенно, когда песенки прекращались, старая дева выходила из дремоты и требовала новых. А что сказать о Бриггс и тех неисчислимых счастливых слезах, какие она теперь проливала, сидя за вязанием и поглядывая на величественный океан, темневший перед окнами, в то время как небесные лампы разгорались все ярче и ярче? Желал бы я знать, кто был бы в состоянии описать теперь счастье и чувствительность Бриггс?

Тем временем, Питт сидел в столовой с трактатом о хлебных законах или миссионерским справочником или предавался отдыху, одинаково приличному в послеобеденную пору как романтическим, так и солидным людям; он потягивал мадеру, строил воздушные замки, думал о том, какой он славный малый, чувствовал себя влюбленным в леди Джейн больше, чем за все минувшие семь лет, в течение которых их роман длился без малейших признаков нетерпения с его стороны, и погружался в дремоту. Когда же наступало время пить кофе, мистер Боульс шумно входил в столовую и окликал эсквайра Питта, которого обретал в полной темноте погруженным в книги.

— Хотелось бы мне, моя дорогая, найти кого-нибудь, кто бы играл со мной в пикет, — сказала мисс Кроули однажды вечером, когда буфетчик подавал в гостиную свечи и кофе, — играть с Бриггс все равно что играть с курицей — так она глупа (старая дева никогда не упускала случая обидеть мисс Бриггс в присутствии прислуги). — Мне кажется, если бы я сыграла вечером партию, мне спалось бы лучше!

Тут леди Джейн покраснела до самого кончика своих маленьких ушек и хорошеньких пальчиков, и, когда мистер Боульс вышел из комнаты и дверь за ним плотно притворилась, она сказала:

— Мисс Кроули, я немножко умею играть... Я... обыкновенно играла с бедным дорогим папенькой...

— Подойди и поцелуй меня, моя крошка! Сейчас же подойди и поцелуй, добрая ты душа! — воскликнула мисс Кроули в восторге.

И за этой-то живописной и дружеской забавой застал мистер Питт старую и молодую леди, поднявшись с трактатом в руке наверх. И как же краснела бедная леди Джейн весь этот вечер!

Не следует думать, что ухищрения мистера Питта Кроули могли ускользнуть от внимания дорогих его родственников в доме священника в Куинс Кроули. От Гэмпшира до Суссекса рукой подать, и у миссис Бьют Кроули были в последнем друзья, которые брали на себя заботу осведомлять ее обо всем, происходившем в доме мисс Кроули в Брайтоне, и даже и сверх того.

Питт задерживался там все дольше и дольше, целыми месяцами не показываясь в замке, где его ужасный старый отец всецело предался пуншу и ненавистной семье Хороксов. Успехи Питта приводили семью священника в бешенство, и миссис Бьют более, чем когда-либо, сожалела (хотя впоследствии и неохотно в этом признавалась) о том, что совершила чудовищную ошибку, оскорбив мисс Бриггс и проявив высокомерие и скаредность в отношении Боульса и Фиркин, вследствие чего среди домашних мисс Кроули не оказалось никого, кто мог бы доставлять ей сведения о том, что там делалось.

— Во всем виновата ключица Бьюта! — упорствовала она. — Не сломайся она, я никогда бы ее не покинула! Я жертва своего долга и твоей отвратительной, неприличной для священника страсти к охоте, Бьют!

— Моей страсти к охоте? Чепуха! Это ты напугала ее, Марта! — возразил священник. — Ты умная женщина, но характер у тебя чертовский, и ты любишь сидеть на деньгах, Марта!

— Если бы я не сидела на деньгах, ты давным-давно сидел бы в тюрьме, Бьют!

— Я знаю, что это было бы так, моя милая, — ответил священник добродушно. — Ты умная женщина, да только, знаешь, слишком уж пересаливаешь! — И благочестивый священник выпил для успокоения большую рюмку портвейна. — И какого черта нашла она в этом Питте Кроули? — продолжал он. — Этот малый так труслив, что и гусыни боится! Я помню, как Раудон, — что ни говори, а он настоящий мужчина, черт бы его побрал! — как он гонял Питта, словно волчок в конюшне, и как Питт выл, убегая домой, к своей ма-аме, ха, ха, ха! Ведь любой из моих молодцов опрокинет его одной рукой! Джим уверяет, что его и сейчас еще поминают в Оксфорде как «мисс Кроули»... Послушай, Марта! — прибавил он после некоторого молчания.

— Ну, что? — сказала Марта, кусавшая ногти и барабанившая пальцами по столу.

— Я говорю, отчего бы нам не послать Джима к старухе в Брайтон и не попытаться — не сумеет ли он ее обойти? Ведь сама знаешь, он скоро получит ученую степень! Он проваливался на экзаменах только два раза, точь-в-точь как я! Но он перещеголял меня, окончив университет... Он знаком с лучшими тамошними ребятами. Гребет на лодке Бонифация... Он красивый малый... черт возьми, напусти-ка его на старуху, а? А если Питт вздумает сказать хоть слово, пусть он его отдует, ха, ха, ха!

— Конечно, Джим может туда съездить, повидаться с ней, — сказала мать семейства, и прибавила со вздохом: — Ах, если бы можно было сбыть ей хоть одну из девочек! Но она не потерпит их, потому что они некрасивы!

Пока мать говорила, обе эти несчастливые, но благовоспитанные девицы, разделывали в соседней комнате непослушными пальцами трудную пьесу на фортепьяно. Они целый день то занимались музыкой, то сидели с железной линейкой за спиной для приобретения надлежащей осанки, то корпели над историей и географией. Но какая польза на ярмарке тщеславия от всех этих добродетелей бедным, малорослым, некрасивым, неуклюжим и обладающим дурным цветом лица девушкам? Миссис Бьют в лучшем случае могла надеяться, что пристроит их за викария.

Тут в комнату впрыгнул через окно Джеймс, вернувшийся из конюшни, с трубкой, заткнутой за ленту клеенчатой шляпы; он пустился с отцом в толки о пари на Сен Леже¹, и, таким образом, беседа между священником и его супругой была прервана.

Миссис Бьют ничего доброго для дела не предвидела, отправляя сына послом, она смотрела на эту поездку довольно безнадежно. Да и сам юноша не ждал от нее удовольствия, после того как ему разъяснили его миссию; однако он утешал себя надеждой на то, что старая леди снабдит его хорошеньким подарком, который даст ему возможность покрыть к началу ближайшего семестра в Оксфорде некоторую часть наиболее срочных долгов. Таким образом, он занял место в саутгэмптонском дилижансе и был благополучно доставлен в Брайтон в тот же вечер, вместе со своим чемоданом, любимым бульдогом Грубианом и огромной корзиной с произведениями фермы и огорода, которую дорогие обитатели дома священника посылали дорогой мисс Кроули. Считая, что было уже слишком поздно беспокоить больную, он остановился в трактире и явился к мисс Кроули лишь на следующий день после полудня.

Джеймса Кроули тетушка видела в последний раз неуклюжим подростком, в том невыгодном возрасте, когда голос перескакивает с небесного дисканта к сверхъестественному басу, а лицо обыкновенно зацветает теми украшениями, от которых весьма действительным считается средство Роуланда; когда мальчиков можно заставить бреющимися украдкой сестриными ножницами; когда вид посторонних молодых дам повергает их в невыразимый ужас; когда их большие руки и ноги вылезают из одежды, ставшей им не по росту; когда послеобеденное общество этих юнцов бывает чрезвычайно стеснительно для дам, шепчущихся в сумерках гостиной, и невыразимо возмущает джентльменов за обеденным столом — после того как с нее снимут скатерть, — которых присутствие этой неуклюжей невинности лишает возможности свободно беседовать и наслаждаться обменом шуток; когда после второго стаканчика папеньки говорят: «Джек, мой мальчик, сбегай-ка, посмотри, какая погода!» — и юноша, который и рад бы освободиться, все же уязвляется тем, что не дорос до мужчины, и покидает выпивку раньше ее окончания. Словом, Джеймс был тогда неловким подростком, а теперь превратился в молодого человека, обладающего всеми преимуществами университетского образования, и приобрел тот неоценимый лоск, который достигается широким образом жизни в теплой компании, деланием долгов, временными исключениями из университета и провалами на экзаменах.

Тем не менее он был красивым малым, когда явился представиться тетушке в Брайтон, а красивая внешность всегда давала право на приобретение капризного расположения старой леди; его неловкость и готовность обливаться рюмлянцем только

¹ *Сен-Леже* — коммуна во Франции.

способствовали этому, и ей нравились все эти здоровые проявления простодушия в юном джентльмене.

Он пояснил, что приехал на один-два дня, повидаться с товарищем, «и в то же время засвидетельствовать почтение вам, сударыня, от имени батюшки и матушки, которые надеются, что вы находитесь в добром здравии».

Питт пребывал в комнате вместе с теткой, когда было доложено о юноше, и сильно смутился при его имени. Старая леди, весьма склонная к юмору, позабавилась замешательством корректного племянника. Она с большим участием осведомилась обо всех обитателях дома священника и сказала, что собирается их посетить. Она похвалила юношу, нашла, что он весьма возмужал и похорошел, выразила сожаление, что его сестры не пошли в него наружностью, затем, узнав из расспросов, что Джеймс остановился в гостинице, она не захотела слышать, чтобы он оставался там дольше, и приказала мистеру Боульсу немедленно послать за вещами мистера Джеймса Кроули.

— Послушайте, Боульс! — прибавила старуха, проявляя большую предупредительность. — Вы будете добры заплатить в гостинице по счету мистера Джеймса? — И она метнула на Питта такой торжествующий и лукавый взгляд, что дипломат едва не задохся от зависти: как ни старался он войти в милость у тетки, она никогда не приглашала его остаться под ее кровом, а тут является молодой повеса в сразу же становится желанным гостем!

— Прошу прощения, сэр, — сказал Боульс с глубоким поклоном приблизившись к Джеймсу, — из какой гостиницы прикажете доставить ваши вещи?

— О, ч... — воскликнул Джеймс, вскакивая, словно чем-то встревоженный.

— Я схожу сам!

— Откуда же? — спросила мисс Кроули.

— Из трактира «Под гербом Тома Крибба», — ответил Джеймс, сильно покраснев.

При этом названии мисс Кроули разразилась хохотом, мистер Боульс, в качестве доверенного слуги, позволил себе фыркнуть, однако сейчас же подавил в себе взрыв веселости, дипломат на все это только улыбнулся.

— Я... я... не знал, что здесь есть гостиницы получше, — сказал Джеймс, потупившись. — Я никогда не бывал здесь... Кучер указал мне...

Юный лжец! На самом деле Джеймс Кроули встретил накануне в саутгэмптонском дилижансе Любимца Тетбер», ехавшего в Брайтон для состязания с Роттингдинским Вралем; очарованный беседой Любимца, Джеймс весь вечер скоротал в названном трактире в обществе этого ученого мужа и его друзей.

— Я лучше пойду и расплачусь сам! — продолжал Джеймс. — Я никак не думал обременять вас, сударыня! — прибавил он рыцарски.

Эта деликатность заставила его тетку вновь расхохотаться.

— Отправляйтесь и уплатите по счету, Боульс! — приказала она, махнув рукой дворецкому. — И привезите мне счет!

Бедная леди не знала, что делала.

— Но там... там... у меня соба-ачка! — протянул Джеймс с виноватым видом. — Право, мне лучше сходить за ней самому, она хватает лакеев за икры!

При этом пояснении все общество разразилось хохотом; засмеялись даже Бриггс и леди Джейн, сидевшая молча в течение всей беседы мисс Кроули с ее племянником, а Боульс вышел из комнаты.

Тем не менее, желая досадить старшему племяннику, мисс Кроули продолжала быть весьма приветливой к юному оксфордцу. Ее доброта и любезность не имели границ, если она начинала кого-либо ими уداивать. Она объявила Питту, что он может прийти к обеду, и настояла на том, чтобы Джеймс сопровождал ее на прогулку; усадив племянника на заднее сиденье, мисс Кроули торжественно повезла его вдоль залива. В течение всей этой прогулки она снисходительно занимала его приятной беседой, приводила бедному ошалевшему юноше итальянские стихи, уверяла, что он весьма образованный студент, и не сомневалась в том, что он окончит первым по математике.

— Ха, ха, ха! — засмеялся Джеймс, ободренный этими комплиментами. — Первым по математике? Ну, нет! Это не из нашей лавочки!

— Как так не из вашей лавочки? — спросила старая леди.

— Первые по математике выходят из Кембриджа, а не из Оксфорда! — ответил он со знающим видом.

Весьма вероятно, он пустился бы и в дальнейшие откровенности, но тут на берегу неожиданно показалась тележка, влекомая, согласно моде, хорошеньким пони, в которой сидели его друзья — Любимец Тетбери и Реттингдинский Враль с тремя другими их знакомыми в белых фланелевых костюмах с перламутровыми пуговицами; они вежливо приветствовали сидевшего в коляске Джеймса. Это обстоятельство настолько омрачило настроение остроумного юноши, что в течение всей остальной прогулки от него нельзя было добиться ничего, кроме «да» и «нет».

По возвращении Джеймс нашел свою комнату приготовленной, а чемодан развязанным и мог бы заметить сосредоточенный, озадаченный и сострадательный взгляд мистера Боульса, когда тот провожал его в предназначенное ему помещение. Но Джеймс о Боульсе не задумывался, он оплакивал то ужасное положение, в каком очутился, попав в дом, наполненный старухами, болтающими по-французски и по-итальянски и разглагольствующими с ним о стихах.

— Вот так приперли к стенке, черт побери! — восклицал наш скромник, не осмелившийся взглянуть в лицо даже самой приветливой из собеседниц, мисс Бриггс, когда та с ним заговаривала. А между тем, перенесись Джеймс в Иффлей-Лок, он утер бы нос и самому отважному гребцу!

К обеду Джеймс явился, до удушения обмотавшись белой косынкой, и удостоился чести вести к столу под руку леди Джейн, тогда как Бриггс и мистер Кроули следовали за ними, сопровождая старую леди со всем сложным арсеналом ее сверточков, шалей и подушечек. Половина обеда для Бриггс проходила в заботе о доставлении надлежащих удобств больной и нарезании цыпленка для насыщения толстой болонки.

Джеймс немного говорил, но зато усиленно предлагал всем дамам вина, а затем, чокаясь с мистером Кроули, осушил большую часть бутылки шампанского, подать которое в его честь было приказано Боульсу. Когда дамы удалились и двоюродные братья остались вдвоем, Питт, бывший дипломат, разговорился с юношей дружески.

Он осведомился об университетских делах Джеймса, о видах, какие у него были на будущее, выразил уверенность, что он преуспеет, словом, был откровенен и внимателен. Язык Джеймса развязался благодаря портвейну, и он, бойко опустошая стоявшие перед ним бутылки и переходя со счастливой быстротой от портвейна к мадере, поведал двоюродному брату всю свою жизнь, надежды, долги, неудачи проверочных экзаменов и столкновения с университетским начальством.

— Тетушка очень любит, — сказал мистер Кроули, наполняя свою рюмку, — чтобы ее гости вели себя в ее доме непринужденно. Это обитель свободы, Джеймс, и ты ничем так не угодишь мисс Кроули, как распорядясь у нее, словно дома, и требуя все, что ни вздумается... Я знаю, вы там, в Куинс Кроули, потешаетесь надо мной за то, что я тори по убеждениям... Мисс Кроули достаточно либеральна, чтобы быть терпимой к любым мнениям. По своим принципам она республиканка и презирует всякие титулы и отличия.

— Так зачем вы женитесь на графской дочери? — сказал Джеймс.

— Мой милый друг, не забудь: бедная леди Джейн не виновата в том, что происходит из аристократического рода, — ответил Питт с находчивостью истого придворного. — Она не может изменить своего происхождения. Да к тому же, ты знаешь, я сам тори...

— О, что до этого, — сказал Джеймс, — то что может быть лучше благородной крови! Черт возьми это все! Ведь я и сам не принадлежу к радикалам! Я, черт побери, прекрасно понимаю, что значит порода! Посмотрите-ка на гребцов во время гонок или на боксеров! Или возьмите хотя бы собаку в крысиной травле! Кто всюду оказывается победителем? Тот, кто обладает породой! А ну-ка, Боульс, тащите-ка сюда еще портвейна, старина, а пока я прикончу эту бутылочку! Да, так о чем я говорил?

— Мне кажется, ты говорил о крысиной травле, — мягко напомнил Питт, протягивая двоюродному брату бутылку, которую он обещал прикончить.

— Да, так я травил крыс! Ну, а вы, Питт, занимаетесь спортом? Показать вам собаку, которая ловко душит крыс? Если хотите, так пойдемте со мной к Тому Кордюру на Кастль-стрит Мьюз. Я вам покажу там такого бультерьера, что... Эх я, телятина! — воскликнул вдруг Джеймс, рассмеявшись своей несообразительности. — Как будто вы можете интересоваться собаками или крысами! Вот чепуха! Я был бы идиотом, если бы мог допустить, что вы можете отличить собаку от утки!

— Я вспомнил! — продолжал Питт с все возрастающей ласковостью к двоюродному брату. — Ты говорил о породе, о том, какие личные преимущества дает людям благородное происхождение... А вот и свежая бутылка!

— Вот именно! — сказал Джеймс, глотая рубиновую влагу. — Порода — это все, сэр, и в лошадях, и в собаках, и даже в людях! Да вот, в последний семестр, как раз когда меня исключили на время из университета, — я хочу сказать, когда у меня была корь, ха, ха, ха! — сидим мы с Рингвудом за пивом в «Колоколе», в Бленгейме, а тут подвернулся лодочник из Банбери, который и предложил нам состязание на пинту пунша. Я вызова принять не мог; рука у меня была забинтована, и я не мог ею двигать: накануне подлая кобыла упала со мной, когда я ездил с Абингдоном, и я думал уж, не сломал ли я ее, — так вот, я с лодочником померяться не мог, ну а Боб — тотчас же сюртук долой и пошел, и пошел, и в три минуты загонял банберийца, а на четвертом разе отделал его под лак! Спрашивается: почему, отчего? Да все благодаря породе, только благодаря породе, сэр!

— Ты совсем не пьешь, Джеймс, — сказал бывший дипломат. — В мое время в Оксфорде молодые люди справлялись с бутылками живее, чем вы!

— Ну, уж это, положим, — сказал Джеймс, прикладывая палец к носу и подмигивая двоюродному брату посоловевшими глазами, — вы меня, старина, не проведе-

те! И не пытайтесь! Вы хотите меня загонять, да это вам не удастся! *In vino veritas*¹, старина! *Mars, Bacchus, Apollo vivorum*², а?.. Хорошо было бы, если бы тетка послала этого вина родителю! Великолепное вино!

— А ты ее попроси! — сказал Макиавелли. — А пока не теряй времени! Помнишь, что говорит поэт:

Nunc vino pellite curas
Cras ingens iterabimus æquor³.

И, говоря это, поклонник Вакха с манерами члена парламента, отпил с наперсток вина и высоко поднял рюмку.

Когда в доме священника откупоривалась после обеда бутылка портвейна, девицы получали по рюмочке домашней смородиновки, миссис Бьют выпивала свою рюмочку портвейна, а честный Джеймс обыкновенно и парочку, но родитель его становился весьма сумрачен, если сын проявлял и дальнейшую предприимчивость, так что добрый малый обычно воздерживался от повторных поползновений на бутылку и обращался либо к смородиновой наливке, либо к грогу, которым услаждался тайно в конюшне в обществе кучера и его трубки. В Оксфорде, правда, количество вина бывало неограниченно, но качество его было невысоко. Поэтому в тех случаях, когда количество не уступало качеству, как это было в доме мисс Кроули, Джеймс обнаруживал, что может оценить его действительно, и вряд ли нуждался в поощрениях двоюродного брата, чтобы выкачать вторую бутылку, доставленную мистером Боульсом.

Однако, когда наступило время пить кофе и возвращаться к дамам, внушавшим Джеймсу страх, приятная откровенность покинула молодого джентльмена, — он впал в присущую ему угрюмую застенчивость и в течение вечера ограничивался лишь тем, что отвечал «да» и «нет», посматривал хмуро на леди Джейн да опрокинул чашку с кофе.

Но если он не говорил, то зевал отчаянно, и его присутствие омрачило скромные вечерние развлечения, так как мисс Кроули и леди Джейн за пикетом, а мисс Бриггс за работой чувствовали устремленные на них яростные взоры юноши, и им было не по себе под этим пьяным взглядом.

— Он, кажется, очень молчаливый, робкий и неловкий малый, — заметила мисс Кроули мистеру Питту.

— В мужской компании он более общителен, нежели с дамами! — сухо ответил наш Макиавелли; может быть, он был несколько обескуражен тем, что портвейн не развязал языка Джеймсу.

Следующее утро Джеймс провел за письмом к матери, в котором самым цветистым образом рассказывал ей о приеме, оказанном ему мисс Кроули. Но, увы, он и не подозревал, какие беды должен был принести ему наступавший день и как недолго судьба будет к нему благосклонна.

В ночь, предшествовавшую появлению юноши в доме тетки, в трактире «Под гербом Тома Крибба» имело место одно обстоятельство, хотя и незначительное, но

¹ Истина в вине (*лат.*).

² Марс, Вакх и Аполлон — боги мужчин (*лат.*).

³ Вином прогоните печали,

Завтра опять в беспредельное море!

(Гораций. Ода к Мунацию Планку, пер. А. Фета (*лат.*))

роковое, о котором Джеймс совершенно забыл. А заключалось оно в нижеследующем: Джим, который всегда отличался великодушием и который, подвыпив, бывал особенно гостеприимен, угощал в течение вечера тетберийского чемпиона и роттингдинца вкупе с их друзьями несколько раз грогом, и таким образом на счет Джеймса Кроули было поставлено ни больше ни меньше как восемнадцать стаканов этого напитка, по восьми пенсов за стакан.

Когда буфетчик тетушки, Боульс, отправился по приказанию своей госпожи расплачиваться за молодого джентльмена, конечно, не общая сумма, составившаяся из этих восьмипенсовиков, оказалась роковой для бедного Джеймса; фатальным для него обстоятельством послужило количество выпитого джина. Содержатель трактира, боясь, как бы буфетчик не отказался платить, торжественно покаялся, что молодой джентльмен самолично поглотил до капли указанные в счете спиртные напитки. Боульс в конце концов заплатил по счету, но, вернувшись домой, показал его миссис Фиркин, которая была потрясена этим ужасающим количеством джина и отнесла счет мисс Бриггс, как главному счетоводу; та сочла своим долгом упомянуть об этом обстоятельстве своей госпоже, мисс Кроули.

Старая дева простила бы Джеймсу хотя бы и дюжину бутылок кларета; мистер Фокс и мистер Шеридан¹ пили кларет, да и вообще все джентльмены пили кларет. Но поглотить в гнусном кабаке восемнадцать стаканов джина в обществе боксеров — было преступлением отвратительным и вряд ли прощаемым.

Все складывалось неблагоприятно для нашего молодца. Он вернулся домой, благоухающий конюшней, куда ходил навестить свою собаку Грубиана; он собирался вывести своего друга проветриться, когда встретил мисс Кроули с ее страдавшей одышкой блеггэймской болонкой, которую Грубиан наверное растерзал бы, если бы она не бросилась под защиту к мисс Бриггс, тогда как жестокий хозяин бульдога стоял, явно потешаясь этим ужасным преследованием.

В этот день застенчивость покинула незадачливого юношу; за обедом он был очень оживлен и шутив и даже отпустил одну-другую шуточку по адресу Питта Кроули. Джеймс пил вино так же усердно, как и накануне, и затем отважно перебрался в гостиную и принялся развлекать дам отборнейшими оксфордскими анекдотами. Он описал различные боевые достоинства Молино и голландца Сама, игриво предложил леди Джейн держать с ним пари за Любимца Тетбери или роттингдинца или наоборот, как ей заблагорассудится, и в довершение всего стал уговаривать Питта Кроули сразиться с ним — в перчатках или без перчаток.

— И это, милейший мой, самое выгодное для вас предложение! — заявил он громко, шлепая Питта по плечу. — Мне это присоветовал батюшка, он готов участвовать в пари вполровину, ха, ха, ха!

И с этими словами обязательный молодой человек выразительно подмигнул бедной мисс Бриггс, шутиво указывая ей через плечо большим пальцем на Питта Кроули.

Возможно, что Питту это и весьма не понравилось, но в общем он чувствовал себя не слишком несчастным. Бедняга Джеймс высмеял весь свой смех и, когда старая леди собралась удалиться, подошел к ней, покачиваясь, с ее подсвечником, поклонился ей с самой нежнейшей пьяной улыбкой, затем простился со всеми прочими и

¹ *Ричард Бринсли Шеридан* (1751–1816) — знаменитый английский драматург и политический деятель. Во время министерства Фокса занимал должность секретаря казначейства.

ушел наверх, в свою спальню, весьма довольный собой и с приятной уверенностью, что деньги тетки будут завещаны ему, предпочтительно перед его папенькой и прочими родственниками.

Казалось бы, после того как Джеймс добрался до спальни, он не мог уже больше ухудшить дела, однако этот неудачливый юноша именно это и сделал. Луна приветливо сияла над морем, и Джим, привлеченный к окну романтическим зрелищем океана

и небес, решил наслаждаться им дальше за трубкой — запаха табака никто не почувствует, если он откроет потихоньку окно и высунет голову и трубку на воздух. Так он и поступил; однако, находясь в возбужденном состоянии, бедный Джим забыл, что дверь его комнаты все время оставалась открытой, так что дувший с моря свежий ветерок и образовавшийся приятный сквозняк понесли по лестнице к мисс Кроули и мисс Бриггс облака дыма, ничего не утратившего из своего аромата.

Эта трубка довершила дело. Но семья священника никогда не узнала, во сколько тысяч фунтов она ей обошлась. Фиркин тотчас же бросилась вниз к Боульсу, читавшему громким и гробовым голосом «Огонь и сковороду» своему адъютанту; миссис Фиркин поведала им ужасную весть с таким перепуганным видом, что и Боульс

и его помощник в первую минуту подумали, не забрались ли в дом разбойники, ноги которых были, очевидно, обнаружены этой особой под кроватью мисс Кроули. Когда обстоятельства дела выяснились, мистеру Боульсу потребовалось не больше минуты, чтобы взбежать через три ступеньки вверх к ничего не подозревавшему Джеймсу, окликнуть его и прокричать сдавленным от ужаса голосом:

— Мистер Джеймс! Ради самого бога, бросьте вашу трубку, сэр!.. О, мистер Джеймс, что вы наделали? — прибавил буфетчик с глубочайшим пафосом, выбрасывая этот инструмент за окно. — Что вы наделали, сэр! Ведь ее милость этого не выносят!

— Так пускай ее милость и не курят! — ответил Джеймс с неистовым и неуместным хохотом, отнесясь ко всему этому, как к великолепной шутке. Чувства его, однако, в значительной мере изменились, когда утром помощник Боульса, производивший должные манипуляции над сапогами Джеймса и подававший ему воду для бритья той бороды, появления которой он так нетерпеливо ждал, вручил ему, пока он лежал еще в постели, записку, писанную рукой Бриггс.

«Любезный сэр! — гласила она. — Мисс Кроули провела весьма тревожную ночь по причине зловония, осквернившего весь дом. Чувствуя себя слишком плохо для того, чтобы повидаться с вами перед вашим отъездом, мисс Кроули приказала мне передать вам ее сожаление по этому поводу, а главным образом по поводу того, что побудила вас покинуть трактир, где вы, как она уверена, будете чувствовать себя несравненно приятнее в течение дальнейшего вашего пребывания в Брайтоне».

На этом и закончилась карьера честного Джеймса как кандидата на милость тетки. Он и в самом деле неведомо для себя сделал то, чем угрожал Питту, — сразился с двоюродным братом, но в перчатках.

Где же находился тем временем тот, кто когда-то был первым фаворитом в этом состязании на наследство?

Бекки и Раудон соединились, как мы видели, после Ватерлоо и проводили зиму 1815 года в Париже, в блеске и веселье. Ребекка была хорошей хозяйкой, а сумма, которую бедный Джоз Седли уплатил ей за пару лошадей, была вполне достаточной, чтобы поддержать их небольшое хозяйство по меньшей мере в течение года.

Таким образом, не было никакой надобности обращать в деньги ни тех пистолетов, «из которых я уложил капитана Маркэра», ни золотого несессера, ни плаща, подбитого соболями. Бекки переделала его себе на шубку и разъезжала в ней по Булонскому лесу, пленяя всех. Видели бы вы свидание между нею и восхищенным мужем, к которому она присоединилась, когда армия вступила в Камбре, и то, как она принялась распарывать платье и выкладывать часы, украшения, банкноты, чеки и прочие ценности, преловко упрятанные в стеганую подкладку, в чаянии предполагаемого бегства из Брюсселя! Тефто был в восхищении, а Раудон, заливаясь от восторга хохотом, клялся, что это, ей-богу, интереснее любого театрального представления: бесконечно же забавный рассказ Бекки о том, как она обработала Джоза, довел восторг Раудона до последней степени. Впрочем, он верил в жену, как французские солдаты в Наполеона.

Успех ее в Париже был замечательным. Французские леди провозгласили ее очаровательной; языком их она владела восхитительно и сразу усвоила себе их грацию, любезность, живость и манеры. Супруг ее был, конечно, туповат, но все англичане таковы, к тому же в Париже глупость мужа только повышает расположение к нему жен-

— Мистер Джеймс! Ради самого бога, бросьте вашу трубку, сэр!..
О, мистер Джеймс, что вы наделали?

щин; Кроули был наследником богатой и просвещенной мисс Кроули, дом которой был радушно открыт для стольких знатных французов в эпоху эмиграции. Теперь они любезно принимали в своих особняках жену полковника.

«Почему бы, — писала одна, весьма знатная дама мисс Кроули, которая некогда по-княжески заплатила ей, купив у нее кружева и всякие другие мелочи, и угощала ее обедами в лихую послереволюционную пору, — почему бы нашей дорогой мисс не приехать теперь в Париж, к племяннику и племяннице и к любящим ее друзьям? Весь свет без ума от очаровательной миссис Кроули и ее дразнящей красоты. Да, в ней оживает грация, очарование и остроумие нашего дорогого друга, мисс Кроули! Король обратил на нее вчера милостивое внимание в Тюильри, и все мы завидуем тому вниманию, с каким к ней относится монсеньор¹. Видели бы вы злость, обуявшую некую глупую леди Бэракс (ее орлиный нос, ток и перья торчат над всеми головами на всех собраниях), когда герцогиня Ангулемская², августейшая дочь и друг короля, выразила особенное желание познакомиться с мадам Кроули, как с вашей милой родственницей и любимицей, и принесла ей от лица Франции благодарность за все благодеяния, какие вы оказывали нам, несчастным, когда мы были в изгнании. Миссис Кроули — желанная гостя на всех вечерах и балах, хотя сейчас она уже и не танцует. И все же как привлекательно и мило это прелестное создание, окруженное поклонением со стороны мужчин и готовящееся стать матерью! Людоед расчувствовался бы и прослезился, слушая, как она отзывается о вас, ее покровительнице и матери! О, как она вас любит! И как все мы любим нашу чудесную и почтенную мисс Кроули!»

Я боюсь, что это письмо знатной парижанки несколько не способствовало пробуждению сочувствия к мисс Ребекке со стороны ее чудесной и почтенной родственницы. Напротив, бешенство старой леди не имело границ, когда она узнала, какое положение создала себе Ребекка и с какой дерзостью воспользовалась ее именем, чтобы добиться доступа в парижское общество.

Слишком ослабевшая и духом, и телом для того, чтобы сочинять ответное письмо своей корреспондентке по-французски, мисс Кроули продиктовала Бриггс гневный ответ на родном языке, опровергая всякую близость с миссис Кроули и советуя всем остерегаться этой хитрейшей и опаснейшей особы. Но так как герцогиня провела в Англии всего лишь двадцать лет, то она и не понимала по-английски ни слова и удовольствовалась тем, что при ближайшей встрече с миссис Раудон сообщила ей о получении от дорогой мисс очаровательного письма, полного благосклонных отзывов о миссис Кроули, которая и стала питать серьезные надежды на то, что старая леди смягчится.

Итак, Бекки продолжала быть самой веселой и самой любимой из всех англичанок; вечера ее представляли собою маленький европейский конгресс: в эту зиму в Париже собрался весь мир: пруссаки и казаки, испанцы и англичане, и при виде всех звезд и лент в скромной гостиной Бекки, вся Беккер-стрит побледнела бы от зависти.

Знаменитые воины сопровождали верхом ее экипаж в Булонском лесу и толпились в ее скромной маленькой ложе в опере. Раудон ликовал; в Париже у него не было

¹ *Монсеньор* — здесь: титул, который присваивали во Франции младшему брату короля; *Карл X, Шарль (Карл) Филипп граф Артуа* (1757–1838) — дядя некоронованного Людовика XVII и младший брат правящих королей Людовика XVI и Людовика XVIII.

² *Мария Тереза Шарлотта Французская* (1757–1851) — герцогиня Ангулемская. Дочь короля Людовика XVI и Марии-Антуанетты. После Великой французской революции долгое время находилась в заключении, а затем — в эмиграции.

еще надоедливых кредиторов; у Вери и Бовилье собирались ежедневно, игра шла во всю, и Раудону везло. Тефто дулся: миссис Тефто приехала в Париж по собственному приглашению; помимо этого досадного обстоятельства, за Бекки увивались десятки генералов, так что, когда она ехала в театр, ей оставалось лишь выбирать из многих дюжин букетов.

Леди Бэракрс и иные столпы английского общества — тупые, хотя и безупречные женщины — выходили из себя при виде успехов маленькой выскочки Бекки, ядовитые шуточки которой заставляли содрогаться и возмущаться их целомудренные сердца. Мужчины были на ее стороне, а против женщин она боролась с неукротимым мужеством, тем более что они не могли сплетничать о ней ни на каком другом языке, кроме своего, английского.

Таким образом, зима 1815/16 г. прошла для мисс Раудон Кроули в празднествах, удовольствиях и успехах, и она так приспособилась к светской жизни, точно ее предки были светскими людьми в течение целых столетий, и благодаря своему уму, дарованиям и предприимчивости поистине заслуживала занять почетное место на ярмарке тщеславия. Раннею весной 1816 года журнал «Галиньяни» поместил в соответствующем интересном столбце следующее объявление: «Двадцать шестого марта супруга полковника лейб-гвардии *** полка Кроули разрешилась от бремени сыном и наследником». Это известие было перепечатано другими лондонскими газетами, и, таким образом, Бриггс прочла его мисс Кроули в Брайтоне за завтраком.

Событие это, не будучи неожиданным, вызвало кризис в делах дома Кроули. Бешенство старой девы дошло до крайних пределов; она сейчас же послала за своим племянником Питтом и на Брунсуик-сквер, за леди Соусдаун и потребовала, чтобы брак, столь долго откладываемый обеими семьями, был совершен немедленно. Она изъявила намерение выдавать, пока жива, молодой чете по тысяче фунтов ежегодно; после же ее смерти все ее состояние должно было быть закреплено за ее племянником и дорогой племянницей, леди Джейн Кроули. Явился Уокси и оформил завещание. Лорд Соусдаун передал сестру жениху, церемонию совершил епископ, а не достопочтенный Бэртеломью Айронс, к большому огорчению этого самозванного священника.

После свадьбы Питт хотел было предпринять с женой свадебное путешествие, как это и подобало особам их положения, но привязанность старой леди к леди Джейн чрезвычайно возросла, и она признавалась, что не может расстаться со своей любимицей. Поэтому Питт и его жена приехали к мисс Кроули и поселились у нее (к великому огорчению бедного Питта, который считал весьма оскорбительным для своего достоинства то обстоятельство, что ему приходилось подвергаться капризам, с одной стороны, его тетки и, с другой — его тещи); леди Соусдаун, проживавшая по соседству, самодержавно распоряжалась всей семьей — Питтом, леди Джейн, мисс Кроули, Бриггс, Боульсом, Фиркин и всем. Она безжалостно угощала их своими душещепательными брошюрами и лекарствами, удалила Кримера, приставила Роджерса и вскоре лишила мисс Кроули даже призрачного авторитета. Бедняжка так оробела, что даже перестала издеваться над Бриггс, и тянулась к своей племяннице, с каждым днем привязываясь к ней все больше и больше и с каждым днем становясь все более запутанной.

Мир тебе, добрая, эгоистичная, суетная и великодушная язычница! Мы тебя больше не увидим. Будем надеяться, что леди Джейн любовно заботилась о ней и вывела ее своей нежной рукой из суеты и неутомной возни ярмарки тщеславия.

ГЛАВА XXXV

Вдова и мать

Вести о великих боях при Катр-Бра и Ватерлоо достигли Англии одновременно. «Ведомости» первыми опубликовали сообщение о результатах этих сражений, и вся Англия дрогнула от гордости и ужаса при этом славном известии. Затем последовали подробности, и вслед за объявлением о победах появились списки раненых и убитых. Кто может описать тот страх, с каким эти списки разворачивались и читались? Представьте себе эту великую весть в каждом селении и каждом жилище чуть ли не трех королевств и те чувства ликования, благодарности, утраты и ужасного страха, какие испытывали близкие, когда списки военных потерь пошли по рукам и стало известно, жив или пал дорогой друг или

родственник. Тот, кто возьмет на себя труд просмотреть ряд газет того времени, переживет еще и сейчас это захватывающее дух томление. Списки убитых и раненых пополнялись изо дня в день, прерываясь, как рассказ, продолжение которого в следующем номере. Подумайте, какие чувства должен был вызывать каждый выходящий из-под печатного станка номер газеты; и если подобный интерес мог быть ощущаем в нашей стороне по поводу битвы, в которой участвовало всего лишь двадцать тысяч наших соотечественников, то вообразите себе настроение всей Европы двадцать лет тому назад и миллионы, а не тысячи сражающихся, причем каждый участник сражения, поражая врага, в то же время наносил ужасную рану какому-нибудь другому, ни в чем не повинному сердцу далеко от бранного поля.

Весть, которую эти знаменитые «Ведомости» принесли Осборну, страшно потрясла всю семью и ее главу. Девицы безудержно предались горю. Мрачный старик еще более согнулся под ударами судьбы. Он силился уверить себя, что это было возмездием молодому человеку за его непокорность. Он не осмеливался сознаться себе, что жестокость приговора испугала его и что исполнение его последовало слишком скоро за от-

цовским проклятием. Иногда он содрогался от ужаса, словно он был виновником беды, накликаемой на сына. Раньше все-таки была возможность примирения. Жена его мальчика могла умереть, или он мог вернуться и сказать: «Отец, я виноват!» Но теперь не оставалось уже никакой надежды. Он стоит на другом недостижимом берегу, преследуя своего отца печальными глазами. Он уже видел их однажды такими, когда Джордж был болен горячкой и когда все были убеждены, что юноша умрет, и он лежал в кровати, безмолвный, с устремленным куда-то ужасным скорбным взором. Боже милостивый, как цеплялся тогда отец за врача, с какой тревожной тщательностью выполнял он его предписания! И какое тяжкое бремя свалилось у него с души, когда кризис миновал и юноша поправился и посмотрел на него сознательными глазами! Но теперь уже не могло быть ни помощи, ни исцеления, ни надежды на примирение. И — что еще ужаснее — не могло быть и покаянных слов, чтобы уладить оскорбленное и разгневанное родительское самолюбие и вернуть к естественному течению взбудораженную бешенством кровь. Трудно сказать, отчего больше разрывалось сердце гордого старика: оттого ли, что сын его был вне пределов его прощения, или оттого, что исчезла возможность услышать его мольбы о нем, которых жаждала его гордость.

Каковы бы ни были его чувства, суровый старик наперсника себе не искал. Он ни разу не произнес имени сына перед дочерьми, но приказал старшей одеть всю женскую прислугу в траур и распорядился переодеть мужскую во все черное. Всякие выезды и приемы, конечно, должны были быть отменены. Будущему зятю никаких сообщений сделано не было. День свадьбы был уже назначен, но вид мистера Осборна отнюдь не поощрял мистера Буллока расспрашивать или торопить с брачной церемонией. Он шептался иногда об этом с девицами в гостиной, куда отец не заходил никогда. Он постоянно сидел в своем кабинете, и парадная половина дома была закрыта на все время траура.

Недели приблизительно через три после славного дня 18 июня сэр Уильям Доббин, знакомый Осборна, позвонил у его дома в Рессель-сквере, бледный и расстроенный, и выразил настойчивое желание повидать этого джентльмена. Будучи проведен в кабинет, после нескольких слов, которых не понял ни говорящий, ни хозяин, первый достал письмо с большой красной печатью.

— Мой сын, майор Доббин, — произнес альдерман с некоторым колебанием, — прислал мне письмо с одним офицером *** полка, приехавшим сегодня в город. В письме было вложено это письмо к вам, Осборн.

Альдерман положил письмо на стол, и Осборн уставился на него в молчании. Вид его ужаснул посла, который, взглянув виновато на убитого горем человека, удалился, не сказав ни слова.

Письмо было надписано хорошо знакомым бойким почерком. Это было письмо, написанное 16 июня, на рассвете, перед тем как капитан расстался с Амелией. Большая печать носила на себе отпечаток подложного герба, который Осборн заимствовал из гербовника, с девизом «*Pax in bello*»¹; это был герб герцогского дома, в родстве с которым пытался уверить себя тщеславный старик. Рука, писавшая письмо, никогда уже не будет держать ни пера, ни сабли, а перстень с печатью был похищен, когда мертвое тело Джорджа лежало на поле битвы. Отец ничего не знал об этом, он сидел и смотрел на письмо в ужасающем оцепенении. Он чуть не упал, распечатывая его.

¹ «Мир во время войны» (лат.).

Случалось ли вам порывать с близким человеком?

Как укоряют и ранят его письма, относящиеся к периоду любви и доверия! Какое печальное занятие — останавливаться на этих выразительных свидетелях умершего чувства! Какой лживой эпитафией представляются они над трупом умершей привязанности! Какой это мрачный и жестокий комментарий к жизни и тщете! Большинство из нас получало или писало целые ящики подобных писем. Они — то привидение, которое живет в доме и которого мы боимся.

Долго сидел Осборн над письмом мертвого сына.

Письмо бедного мальчика сказалось немногим. Он был слишком горд, чтобы признаваться в нежности, таившейся в его сердце. Он писал лишь о том, что накануне великой битвы желает проститься с отцом и торжественно закликает его оказать покровительство его жене, а может быть, и ребенку, которых он оставит по себе. Он сознавался с сокрушением, что вследствие своей расточительности и беспорядочности он уже растратил большую часть незначительного материнского состояния. Он благодарил отца за прежнюю щедрость и обещал — падет ли он на поле брани или останется в живых — не уронить носимого им имени.

Английский склад характера, гордость, а может быть, и застенчивость, воспрепятствовали Джорджу сказать больше. Отец не мог видеть, как Джордж целовал письмо, надписывая его, и мистер Осборн уронил его в горчайшей смертельной муке отвергнутой любви и неудовлетворенной жажды мщения. Его сын был все еще любим и не прощен.

Два месяца спустя обе мисс Осборн, отправившись с отцом в церковь, увидели, что он занял место не на той скамье, на которой сидел обыкновенно, присутствуя на богослужении, но по другую сторону, и посмотрел на стену над их головами. Это заставило молодых девушек также посмотреть в том направлении, куда устремлялись скорбные взоры их отца; они увидели тщательно выполненный горельеф, изображающий Британию, рыдающую над урной, а переломленный меч и покоившийся лев знаменовали, что изваяние это сделано в честь павшего воина. В те дни у скульпторов был немалый запас похоронных эмблем, как о том свидетельствуют стены церкви святого Павла, покрытые сотнями хвастливых языческих аллегорий: на них оказывался постоянный спрос в течение первых пятнадцати лет настоящего столетия.

Под описанным памятником красовался известный нам пышный герб, а надпись гласила, что «монумент посвящается памяти эсквайра, покойного капитана пехотного его величества *** полка Джорджа Осборна-младшего, павшего 18 июня 1815 года, 28 лет от роду, сражаясь за короля и отечество в достославный день Ватерлооской победы. *Dulce et decorum est pro patria mori!*¹».

Вид памятника так расстроил нервы сестер, что мисс Мария вынуждена была удалиться из церкви. Молящиеся почтительно расступились перед плачущими, одетыми в глубокий траур девушками и пожалели сурового старика отца, сидевшего против памятника павшему воину.

— Простит ли он миссис Джордж? — задавали себе вопрос девицы, когда первый взрыв скорби миновал.

Немало толков было и среди знакомых Осборнов, осведомленных о разрыве между отцом и сыном из-за женитьбы последнего, касательно вероятности примире-

¹ Почетно и сладостно умереть за отчизну! (лат.)

ния с молодой вдовой. По этому поводу в Сити и Рессель-сквере происходили даже пари между джентльменами.

Если девицы Осборн питали опасения относительно возможности признания Амелии членом их семьи, то опасениям этим суждено было еще более усилиться осенью, после заявления их отца, что он отправляется за границу. Он не сказал, куда именно, но они сейчас же поняли, что путь его должен лежать в сторону Бельгии. Им было известно, что вдова Джорджа оставалась еще в Брюсселе. Они были достаточно осведомлены о бедной Амелии благодаря леди Доббин и ее дочерям. Наш добрый капитан был произведен за смертью на бранном поле второго штаб-офицера полка в следующий чин, а храбрый О'Дауд, который отличился здесь так же, как и везде, где представлялся случай показать хладнокровие и доблесть, получил чин полковника и был пожалован орденом Бани.

Многие из храбрецов *** полка, тяжело пострадавших в дни сражений, находились в Брюсселе еще и осенью, оправляясь от полученных ран. Город этот после великих битв на многие месяцы превратился в обширный военный госпиталь, а когда солдаты и офицеры стали поправляться после всех перенесенных невзгод, сады и общественные места переполнились увечными воинами: едва избежав смерти, они предавались игре, развлечениям и любви, как это и полагается на ярмарке тщеславия. Мистер Осборн без труда отыскал кое-кого из чинов *** полка. Он хорошо знал форму полка, привык следить за производством и переменами в его составе и так любил говорить о нем и его офицерах, словно сам принадлежал к его семье. На следующий же после приезда в Брюссель день Осборн, выйдя из гостиницы, обращенной фасадом к парку, увидел солдата в хорошо знакомой форме, отдыхающего в саду на каменной скамье. Осборн подошел и присел, содрогаясь, возле выздоравливающего воина.

— Вы не из роты капитана Осборна? — спросил он и прибавил: — Это был мой сын, сэр!

Солдат оказался не из роты капитана, однако он приложил здоровую руку к головному убору и почтительно и печально приветствовал растроганного и подавленного джентльмена, обратившегося к нему с вопросом.

— Во всей армии не было лучшего и более красивого офицера! — сказал солдат. — Сержант роты покойного капитана (теперь ею командует капитан Раймонд) тут же, в городе, и уже оправился от раны в плечо. Ваша честь могли бы повидаться с ним, если желаете, и он рассказал бы вам все, что вам угодно знать про подвиги *** полка... Впрочем, ваша честь, конечно, виделись уже с майором Доббином, близким другом храброго капитана, и с миссис Осборн, которая тоже здесь и которая была очень плоха, как говорили... Впрочем, ваша честь знаете это, прошу прощения! — сказал солдат.

Осборн сунул ему в руку гиней и добавил, что он получит и другую, если доставит к нему в гостиницу «Парк» сержанта; это обещание и привело вскоре последнего к мистеру Осборну. Первый же солдат ушел и рассказал кой-кому из товарищей о прибытии отца капитана Осборна и о том, какой он щедрый и великодушный джентльмен, после чего они все вместе хорошо повеселились, выпив и закусив так основательно, как это позволили гиней, вышедшие из великолепного кошелька печального старика отца.

В обществе выздоравливающего сержанта мистер Осборн предпринял путешествие в Ватерлоо и Катр-Бра, совершаемое в те дни тысячами наших соотечественников. Осборн усадил сержанта в экипаж и поехал осматривать под его руководст-

вом оба поля сражения. Он видел поворот дороги, откуда *** полк двинулся 16 июня к бою, и склон, по которому он гнал французскую кавалерию, напиравшую на отступавших бельгийцев; место, где доблестный капитан сшиб французского офицера, схватившегося с юным прапорщиком из-за знамени, когда оба находившиеся при нем сержанта были убиты; по этой же дороге *** полк отступал на следующий день, а вон там, на земляном валу, он имел стоянку в ночь на 17-е число. Далее была позиция, заняв которую полк держался в течение всего дня, то смыкаясь под натиском неприятеля, то залегая под прикрытие вала от бешеной канонады французов. А вот у этого откоса вечером, когда вся английская линия получила приказ наступать и когда неприятель отступил после последней атаки, капитан Осборн бросился с холма с криком «ура!» и, размахивая саблей, угодил под пулю и упал мертвым.

— Майор Доббин увез тело капитана назад в Брюссель, — сказал сержант тихо, — и похоронил его, как известно вашей чести.

Пока сержант рассказывал, крестьяне и прочие охотники за трофеями битвы кричали вокруг наших путников, предлагая им купить у них на память о сражении всевозможные предметы, вроде крестов, эполет, вдавленных лат и орлов.

Осборн щедро наградил сержанта после осмотра арены последних подвигов своего сына. Могилу его он уже видел. Он поехал туда немедленно по приезде в Брюссель. Тело Джорджа нашло себе успокоение на хорошеньком лекенском кладбище близ города; посетив это место однажды с целым обществом, капитан выразил беспечное желание быть там похороненным; его друг и похоронил здесь молодого офицера в неосвященном углу кладбища, отделенном низенькой изгородью от часовен, усыпальниц и цветников, под которыми покоились умершие католики. Старику Осборну показалось унижительным, что сын его, английский джентльмен, капитан славной английской армии, признан недостойным лежать в земле, где покоятся всякие иноземцы. Сколько суетности таится в самых пламенных наших привязанностях и как эгоистична наша любовь!

Старый Осборн не размышлял над смешанной природой своих чувств и над тем, как его инстинкт и эгоизм боролись друг с другом. Он твердо верил, что все, что он ни делал, было правильно и что ему при всех обстоятельствах надлежит поступать по-своему. И при малейшем сопротивлении он вооружался ненавистью, словно оса или змея жалом. Он гордился своей ненавистью, как и всем прочим. Всегда чувствовать себя правым, попирая все, пробираясь вперед, и никогда не сомневаться — разве это не те именно великие качества, с помощью которых ограниченность правит миром?

Когда после поездки в Ватерлоо экипаж мистера Осборна приближался на закате солнца к городским воротам, он встретил коляску, где сидели две дамы и джентльмен, а рядом с коляской ехал верхом офицер. Осборн откинулся назад, и сержант, сидевший рядом, с удивлением посмотрел на соседа, когда тот приподнял шляпу перед офицером, бессознательно ответившим на поклон. То была Амелия бок о бок с молодым прапорщиком, и против нее — ее верная подруга миссис О'Дауд. То была Амелия, но как изменилась она и как не походила теперь на ту свежую и пригожую девушку, какую знал Осборн! Ее лицо похудело и побледнело, прекрасные ее каштановые волосы были разделены на пробор под вдовьим чепчиком — бедное дитя! Глаза смотрели пристально, но не видели ничего. Она посмотрела прямо в лицо Осборну, когда экипажи поравнялись, но не узнала его, да и он не признал бы ее, если бы, подняв глаза, не увидел Доббина, едущего рядом с экипажем; только тогда понял он, кто

это был. Он и сам не подозревал, как он ее ненавидел, пока не встретил ее здесь. Когда экипаж проехал, он повернулся и взглянул на посмотревшего на него невольно спутника с таким проклятием и вызовом во взгляде, словно хотел сказать: «Ну да! Я ненавижу ее! Разве она не повергла во прах все мои надежды, всю мою гордость?»

— Скажите этому бездельнику, чтобы он ехал скорей! — крикнул он вдруг с ругательством сидевшему на козлах слуге.

Минуту спустя позади экипажа по мостовой зазвенели подковы нагонявшей Осборна лошади, и к коляске подскочил Доббин. Его мысли витали где-то, когда коляски встретились, и, только проехав, он вспомнил, что встретил именно Осборна; он оглянулся на экипаж, чтобы проверить, какое впечатление произвела на Амелию встреча со свекром, но бедное дитя и не заметило проехавшего. Тогда Уильям, обыкновенно сопровождавший вдову на прогулках, вынул часы и, сославшись на свиданье, о котором внезапно вспомнил, извинился и отъехал прочь. Амелия не заметила и этого; она сидела и смотрела вперед, на давно знакомый пейзаж, в сторону отдаленного леса, куда ушел Джордж.

— Мистер Осборн! Мистер Осборн! — крикнул Доббин, подскочив к экипажу и протягивая руку. Но Осборн не сделал ни малейшего движения, чтобы взять эту руку, и еще раз, с новым ругательством, крикнул слуге ехать скорее.

Доббин опустил руку на крыло коляски.

— Мне нужно видеть вас, сэр! — сказал он. — У меня к вам поручение...

— От этой женщины? — яростно спросил Осборн.

— Нет, — ответил тот, — от вашего сына.

Осборн откинулся в угол коляски, а Доббин, пропустив экипаж вперед, поехал за ним следом; они ехали так, не произнося ни слова, через весь город, пока не достигли гостиницы мистера Осборна. Майор последовал за Осборном в его помещение. Джордж часто бывал в этих комнатах: это были те, которые занимали Кроули во время своего пребывания в Брюсселе.

— Прошу вас! У вас есть ко мне поручение, капитан Доббин, — виноват, мне следовало сказать, майор Доббин, ибо с тех пор, как лучших людей не стало, вы сели на их место! — сказал мистер Осборн саркастическим тоном, к которому любил иногда прибегать.

— Да, лучших людей не стало... — ответил Доббин. — И об одном из них я и хотел с вами поговорить...

— Будьте кратки, сэр! — сказал Осборн, мрачно глядя на посетителя.

— Я явился сюда в качестве близкого друга Джорджа, — продолжал майор, — и исполнителя его воли. Он составил перед нашим выступлением завещание. Известно ли вам, как ничтожны его средства и в каких стесненных обстоятельствах находится его вдова?

— Я не знаю его вдовы, сэр! — ответил Осборн. — Пусть она возвращается к своему отцу!

Но джентльмен, к которому он обращался, решил не терять самообладания и продолжал, оставив без внимания это заявление:

— Известно ли вам, сэр, истинное положение миссис Осборн? Ее здоровье и рассудок сильно пострадали вследствие этого удара. Сомнительно даже, сможет ли она оправиться от него вполне. Правда, некоторая доля надежды есть, и вот об этом-то я и явился переговорить с вами. Она скоро станет матерью. Перенесете ли

вы обиду, причиненную вам сыном, на голову младенца или простите ребенку ради бедного Джорджа?

Осборн разразился бессвязными самовосхвалениями и проклятиями: с помощью первых он старался оправдать свое поведение перед собственной совестью, с помощью вторых он преувеличивал проступок Джорджа. Ни один отец во всей Англии не мог быть более великодушен к сыну, который возмутился против него так коварно; он умер, не сознавшись в своей вине, так пусть же на него и падут последствия его безрассудства и непокорности. Что касается его, мистера Осборна, то он господин своего слова, он поклялся не говорить с этой женщиной и не признавать ее женой своего сына.

— И это вы можете передать ей! — закончил он с проклятием. — И от этого я не отступаю до конца моих дней!

Итак, с этой стороны не было надежды на поддержку. Вдова должна была существовать либо на свои скудные средства, либо на ту помощь, какую ей мог оказать Джоз.

«Она не обратит на это никакого внимания, если я расскажу ей об этом», — думал печально Доббин. Со времени катастрофы, постигшей бедную женщину, мысли ее отсутствовали, она оцепенела от горя, и добро и зло были для нее одинаково безразличны. Так же относилась она и к дружбе, и к ласке: она безропотно принимала их проявления и тотчас же возвращалась к своему горю.

Предположим, что со времени приведенного разговора в жизни Амелии протекало двенадцать месяцев. Первую половину этого времени она провела в такой глубокой и жалостной скорби, что даже мы, кто наблюдал и описывал некоторые из переживаний этого нежного и слабого сердца, принуждены были отступить перед жестоким горем, заставлявшим его кровоточить. Обойдем же безмолвно то злополучное ложе, на котором изнемогала бедняжка, притворим тихонько дверь темной комнаты, где она страдала, как это делали добрые люди, ходившие за ней в первые месяцы ее горя и не оставлявшие ее, пока небо не послало ей утешение. Наступил наконец день устрашающего восторга и изумления — бедная вдова-девочка прижала к своей груди младенца, младенца с глазами Джорджа, прекрасного, как херувим. Каким чудом было услышать первый его крик!

Как она смеялась, как рыдала над ним! Как чудесно возродились в ней любовь и надежда, когда возле нее приютился новорожденный! Она была спасена.

Доктора, которые ее пользовали и которые боялись за ее жизнь и рассудок, могли сказать, что опасность миновала, только после этого события. И те, кто неотступно ходил за больной, были вполне награждены за многие месяцы опасений и страха, когда ее глаза вновь засветились навстречу им нежностью.

Одним из них был наш друг Доббин. Это он привез Амелию обратно в Англию, к ее матери, когда миссис О'Дауд, получив категорическое распоряжение от своего полковника, была принуждена покинуть пациентку.

Картина, какую являл Доббин с малюткой на руках и торжествующе смеющейся Амелией рядом, доставила бы удовольствие всякому наблюдателю, склонному к юмору. Уильям был крестным отцом ребенка и изоощрял свою изобретательность в приобретении чашек, ложек, рожков и погремушек для этого маленького христианина. Излишне рассказывать, как мать баюкала младенца, как она одевала его, как жила им одним, как удаляла от него всех нянюшек и как не терпела, чтобы кто-нибудь, кроме нее, касался ребенка; как считала, что оказывает величайшую милость его крестному, майору Доббину, разрешая ему нянчить его иногда. Это дитя стало ее существованием,

Она очень веселилась однажды, когда майор Сладкий Горошек, подъехав к дому, вышел из кэба, нагруженный деревянными лошадками, барабанами, трубами и тому подобными воинственными игрушками

которое сводилось к материнской ласке. Она окружила слабое и беспомощное создание любовью и обожанием. Самую ее жизнь пил крошка, питаясь от ее груди. По ночам, в одиночестве, она испытывала тайные сосредоточенные восторги материнской любви, какие господь в своей неисповедимой благодати дарует инстинкту женщины. Эти радости выше разума и непостижимы для него. Чудесное слепое обожание, доступное лишь материнскому сердцу! Занятием Уильяма Доббина стало теперь размышлять над душевными движениями Амелии и наблюдать за ее сердцем, и если его любовь и позволяла ему быть прозорливым в отношении чувств, волновавших сердце Амелии, то — увь! — он с роковой ясностью видел, что ему в нем не было места. Но и сознавая это, он переносил свою судьбу смиренно, покорно и безропотно.

Я думаю, отец и мать Амелии разгадали сокровенные намерения майора и были не прочь поощрять их, потому что майор ежедневно посещал их дом и целые часы проводил с ними, с Амелией или честным домохозяином, мистером Клаппом, и с его семьей. Под тем или иным предлогом он почти ежедневно привозил подарки то тому, то другому, а маленькая дочь хозяина, любимица Амелии, прозвала его «майор Сладкий Горошек». Эта же девочка обыкновенно изображала собою церемониймейстера и докладывала миссис Осборн о его прибытии. Она очень веселилась однажды, когда майор Сладкий Горошек, подъехав к дому, вышел из кэба, нагруженный деревянными лошадками, барабанами, трубами и тому подобными воинственными игрушками для маленького Джорджи, которому было тогда едва шесть месяцев и для которого вышеозначенные предметы были весьма преждевременны.

Ребенок спал.

— Ш-ш... — прошептала Амелия, возможно, что и раздосадованная скрипом сапог майора. Она протянула ему руку и улыбнулась, увидав, что Доббину ее не пожать, пока он не освободится от привезенных игрушек.

— Ступай вниз, малютка Мери! — обратился он к ребенку. — Мне надо поговорить с миссис Осборн.

Амелия взглянула на майора с некоторым удивлением и положила младенца в кроватку.

— Я приехал проститься с вами, Амелия, — сказал он, бережно беря ее маленькую худенькую ручку.

— Проститься? Куда же вы уезжаете? — спросила Эмми, улыбаясь.

— Посылайте письма моему поверенному, — ответил он, — он будет направлять их дальше. Ведь вы будете писать мне, не правда ли? Я уезжаю надолго...

— Я буду писать вам о Джорджи! — ответила она. — Милый Уильям, как добры были вы всегда ко мне и к нему!.. Взгляните на него, разве он не похож на ангелочка?

Маленькие розовые ручки бессознательно уцепились за палец честного солдата, а Амелия взглянула на него с выражением ясной материнской радости. Самый жестокий взгляд не мог бы ранить больше, нежели это безнадежно ласковое выражение. Он склонился над матерью и ребенком и некоторое время не мог вымолвить ни слова, и ему пришлось сделать над собой громадное усилие, чтобы произнести:

— Да хранит вас бог!

— Да хранит вас бог! — ответила Амелия и, подняв к нему лицо, поцеловала его.

— Ш-ш... Не разбудите Джорджи! — прибавила она, когда Уильям направился, тяжело ступая, к дверям. Она не слышала, как застучали колеса кэба, когда Уильям отъезжал от дома, — она смотрела на ребенка, который улыбался во сне.

ГЛАВА XXXVI

Как можно хорошо прожить, не имея никакого дохода

думаю, вряд ли на ярмарке тщеславия найдется человек, настолько не любознательный, чтобы не задумываться о мирских делах своих знакомых, и настолько исключительно милосердный, чтобы не допытываться, каким образом его сосед Джонс или его сосед Смит умудряются сводить концы с концами. При всем моем, например, почтении к семейству Дженкинсов (я обедаю у них два или три раза в сезоне), я не могу не сознаться, что появление их в парке в большой коляске с сажеными лакеями будет интриговать меня и приводить в недоумение до последнего дня моей жизни. Я знаю, что экипаж лишь наемный и что прислуга живет у Дженкинсов только из-за стола и квартиры, тем не менее три лакея и экипаж должны обходиться по меньшей мере 600 фунтов стер-

лингов в год. А посчитайте, чего стоят великолепные обеды, содержание двух сыночек в Итоне, дипломированные гувернантка и учителя для девочек и осенние поездки на континент или в Истборн и Уортинг¹. А ежегодный бал с ужином от Гентера (который, кстати сказать, и поставляет большинство первоклассных обедов, даваемых Дженкинсами для избранных лиц; это мне хорошо известно. Я однажды был приглашен к ним, чтобы заполнить оставшееся пустым место, и тотчас же убедился, что эти банкеты далеко превосходят обычные угощения, на какие получают приглашения более скромные их знакомые). Так вот, говорю я, кто, хотя бы из самых доброжелательных побуждений, не будет недоумевать по поводу того, как они устраивают свои дела? Кто такой Дженкинс? Нам всем известно, что он чиновник учрежде-

¹ *Истборн* и *Уортинг* — приморские города в Восточном Суссексе и Западном Суссексе в Англии.

ния, ведающего приложением государственных печатей, и что он получает годовой оклад в 1200 фунтов стерлингов. Может быть, у жены его есть состояние? Отнюдь нет! Мисс Флинт — один из одиннадцати отпрысков мелкого букингамшайрского помещика. Единственно, что она получает от своих родителей — это какую-нибудь индейку к Рождеству, в благодарность за которую ей приходится содержать двух или трех сестер в продолжение мертвого сезона и кормить и поить братьев, когда они наезжают в город. Как же уравнивает Дженкинс свой расход и доход?

Я повторяю то, что должен сказать и каждый из его друзей: я просто удивляюсь, что он до сих пор не сидит в тюрьме и что он вообще вернулся в минувшем году из Булони.

«Я» введено здесь как олицетворение светской молвы или вместо какой-нибудь миссис Гренди, имеющейся в числе знакомых каждого из почтеннейших читателей, которые могут назвать не одну семью, существующую неведомо на что. Несомненно, многие из нас выпили достаточно рюмок вина, чокаясь с гостеприимным хозяином и недоумевая, как он, черт побери, заплатил за него.

Вряд ли кто из многочисленных посетителей, бывавших на обедах у Раудона Кроули и его супруги, не задавал себе относительно них подобного вопроса три или четыре года спустя после того, как они возвратились из Парижа и устроились в маленьком уютном особнячке на Керзон-стрит, в Мейфэре. Романисту, как уже говорилось, известно все, и поэтому я и имею возможность рассказать публике, каким образом жил Кроули с супругой, не имея ровно никакого дохода. Но да будет мне позволено обратиться к газетам, перепечатавающим обычно извлечения из уже вышедших периодических изданий, с настоятельнейшей просьбой не опубликовывать нижеследующих расчетов и сообщений, ибо должен же я, в качестве последователя (и притом понесшего, конечно, издержки), извлечь из них какую-нибудь для себя выгоду.

«Сын мой, — сказал бы я, если бы судьба благословила меня потомством, — путем внимательного изучения людей и постоянного общения с ними ты сможешь постигнуть, как прожить на белом свете в свое удовольствие, не имея никаких средств. Однако же лучше не вступать в близкое знакомство с джентльменами, искусившимися в подобной профессии, а оперировать уже известными данными, как при логарифмах, ибо выведение этих формул на собственном опыте обойдется тебе недешево».

Итак, Кроули и его супруга жили в Париже, не имея никакого дохода, в спокойствии и довольстве в течение двух или трех лет, которые мы можем очертить лишь вкратце. За этот период времени Раудон продал свой патент и оставил службу. Таким образом, теперь, когда мы встречаемся с ним опять, одни только его усы да чин полковника, проставленный на визитной карточке, говорят о бывшей его военной профессии.

Мы уже упоминали, что Ребекка, вскоре по прибытии в Париж, заняла видное и первенствующее положение в столичном обществе и встретила самый радушный прием в некоторых домах вернувшейся во Францию знати. К тому же за Бекки ухаживали и проживавшие в Париже светские англичане, к великому неудовольствию их супругов, которые терпеть не могли этой выскочки. В течение нескольких месяцев салоны Сен-Жерменского предместья, где ей было обеспечено место, и великолепие нового двора, где она была отмечена, очаровывали и даже несколько кружили голову миссис Кроули, которая в этот период времени была даже, пожалуй, склонна относиться с некоторым пренебрежением к скромным молодым людям, преимущественно военным, составлявшим общество ее мужа.

Сам же полковник отчаянно зевал в обществе герцогинь и знатных придворных дам. Старухи, игравшие в экарте, поднимали такой шум из-за каждого пятифранковика, что ему не стоило присаживаться к их столу. Остроумия их беседы он не мог оценить, не зная их языка.

И какой, спрашивал он себя, прок для его жены в том, что она целыми вечерами приседает перед сонмищем принцесс? В конце концов он предоставил Ребекке посещать светские собрания, а сам вернулся к своим старым привычкам и развлечениям в обществе друзей по собственному его выбору.

В сущности, когда мы говорим о джентльмене, что он живет роскошно, не имея никакого дохода, мы употребляем слово «никакого» для обозначения чего-то нам неизвестного, иначе говоря, мы просто хотим дать понять, что нам неизвестно, каким образом данный джентльмен покрывает свои расходы.

Наш приятель полковник отличался большой склонностью к азартным играм, и так как он постоянно упражнялся над картами, игральными костями и кием, то вполне естественно предположить, что он достиг в обращении с этими предметами несравненно большего искусства, нежели лица, пользующиеся ими лишь случайно.

Искусное пользование, например, кием совершенно тождественно с пользованием карандашом, флейтой или рапирой: вооружившись этими инструментами впервые, вы справляетесь с ними лишь с трудом. Однако после повторных настойчивых упражнений и при наличии врожденного предрасположения человек может преуспеть в обращении с каждым из них. Таким образом, и Кроули из блестящего

любителя бильярдной игры превратился в законченного артиста и, подобно великому полководцу, только изощрял свой гений в минуты опасности. Если счастье ему не благоприятствовало в течение всей партии и пари держались против него, он с замечательным искусством и смелостью делал удивительнейшие удары, сразу решавшие состязание, и к концу его оказывался победителем, к удивлению всех, или, вернее, тех, кому были неизвестны его приемы игры. Те же, которые привыкли к ним, остерегались ставить против игрока, имевшего в запасе такие неожиданные ресурсы и игравшего со столь блестящим и подавляющим искусством.

Так же искусен был Раудон и в игре в карты. Правда, в начале вечера он неизменно бывал в проигрыше, играл небрежно, делая такие промахи, какие нередко заставляли новичков пренебрежительно думать о его таланте. Однако было замечено, что по мере того, как игра оживлялась, а внимание Кроули после повторных небольших выигрывшей настораживалось, он начинал играть иначе, и тогда можно было сказать с уверенностью, что он побьет противников, раньше чем наступит день. В самом деле, очень немногие джентльмены могли похвастаться тем, что брали над ним перевес. И так как его удачи в картах были постоянны, то неудивительно, что завистники и побежденные отзывались о них иногда с горечью. Подобно тому как французы, говоря относительно не знавшего поражений герцога Веллингтона, что неизменным победителем делало его лишь стечение счастливых случайностей, все-таки допускают, что он сплутовал под Ватерлоо и только потому был в состоянии проделать этот последний великий фокус, так и в штаб-квартире игроков в Англии намекалось, будто единственно нечистой игрой и можно объяснить постоянное счастье полковника Кроули.

Хотя в Париже в ту пору и были уже открыты «Фраскати» и «Салон», страсть к картам была распространена там так широко, что для удовлетворения общего рвения игорных домов было недостаточно, и игра в частных домах велась с таким оживлением, точно не было никакой возможности насытить эту страсть в общественных местах.

У Кроули, на их очаровательных небольших вечерних собраниях, это роковое развлечение было обычным, к немалому неудовольствию маленькой доброй миссис Кроули. Она отзывалась о страсти супруга к игре с глубочайшей скорбью; она жаловалась на эту пагубную страсть всем посетителям своего салона. Она убеждала молодых людей никогда, никогда не притрагиваться к игральным костям, а когда молодой стрелок Грин проиграл у них весьма значительную сумму, Ребекка провела всю ночь в слезах и, как рассказывала несчастному молодому джентльмену служанка, опустилась даже на колени перед мужем, умоляя его простить долг и сжечь расписку. Но как мог тот это сделать? Он как раз сам проиграл столько же гусару Блэкстону и графу Пентеру, ганноверскому кавалеристу. Разумеется, он готов был предоставить Грину время для уплаты, но, конечно, Грин должен был заплатить, и говорить о сожжении расписки было чистым ребячеством.

И другие офицеры, преимущественно молодежь — ибо она-то и окружала миссис Кроули, — возвращались с ее вечеров с вытянутыми лицами, проставив за ее роковым столом большую или меньшую сумму. Ее дом начинал мало-помалу приобретать довольно печальную славу, и опытные игроки предупреждали новичков относительно угрожавшей им там опасности. Полковник О'Дауд *** полка, одного из расквартированных в Париже, предостерегал на этот счет прапорщика того же полка Спуни. Однажды в «Кафе де Пари» между пехотным полковником, обедавшим

там с своей леди, и полковником гвардии, также обедавшим там с миссис Кроули, произошла громкая и жестокая ссора. В пререканиях приняли участие и дамы; миссис О'Дауд щелкнула пальцами прямо перед носом миссис Кроули, обозвав ее мужа чуть ли не шулером. Полковник Кроули тут же вызвал полковника О'Дауда, кавалера ордена Бани. Главнокомандующий, узнав об этом столкновении, послал за полковником Кроули, готовившим уже пресловутые пистолеты, из которых он «уложил капитана Маркэра», и так побеседовал с ним, что дуэль была отменена; если бы Ребекка не встала на колени перед генералом Тефто, Кроули был бы выслан назад в Англию. После этого приключения он несколько недель не играл в карты с военными.

Однако, несмотря на несомненное искусство и постоянную удачу Раудона, для Ребекки, в результате всех этих происшествий, стало очевидно, что положение их весьма сомнительно и что, хотя они и не платили почти никому, капитал их мог однажды свестись к нулю.

— Карточная игра, мой милый, — говорила она, — хороша как подспорье, но не как доход. В один прекрасный день наши знакомые могут наконец утомиться от карт, и что мы тогда будем делать?

Раудон согласился с ней; по правде говоря, он и сам уже неоднократно замечал, что после одного-другого «ужина» джентльмены «утомлялись» играть с ним и не слишком охотно возвращались в их дом, несмотря на чары Ребекки.

Как ни приятно, как ни спокойно было пребывание Кроули в Париже, оно все-таки было лишь веселым отдыхом и проволочкой времени. Ребекка видела, что должна устраивать карьеру Раудона в их собственной стране. Ей было необходимо добыть мужу место с определенным содержанием на родине или в колониях, и она решила двинуться в Англию, как только путь для нее будет туда расчищен. В виде первого шага к этому она заставила Кроули продать патент, бросить военную службу и перейти на половинную пенсию. Его обязанности при генерале Тефто прекратились уже раньше. Ребекка повсюду высмеивала генерала (который завел в Париже тупей¹), его корсет, его вставные зубы, его претензию быть победителем женских сердец и, главным образом, его нелепое тщеславие, заставлявшее его воображать, что каждая женщина, с которой он знакомился, тотчас же в него влюбляется. Теперь внимание генерала, его букеты, обеды в ресторанах, ложи и драгоценные безделушки были принесены к ногам густобрововой миссис Брент, супруги интенданта Брента. Бедная миссис Тефто была несчастлива по-прежнему и принуждена коротать длинные вечера одна с дочерьми, зная, что ее генерал уезжал из дому, надушенный и завитой, чтобы простоять вечер в театре за стулом миссис Брент. Конечно, Бекки завела себе взамен генерала целую дюжину обожателей, а своим остроумием она могла совершенно резать соперницу. Но, как мы уже говорили, Ребекка начинала уставать от праздной светской жизни, ей прискучили ложи и обеды в ресторанах, из букетов нельзя было делать запасов на будущее, и она не могла существовать на безделушки, кружевные платки и лайковые перчатки. Словом, она осознала суетность развлечений и жаждала более осязательных благ.

В подобной обстановке пришла весть, распространившаяся между многочисленными парижскими кредиторами полковника и доставившая им большое удовлетво-

¹ *Тупей* — старинная прическа в виде хохла.

Она уехала в его экипаже вместе с горничной-француженкой и маленьким сыном, сидевшим с ней рядом, а превосходные хозяин и хозяйка провожали ее, стоя у ворот, улыбками

рение: мисс Кроули, богатая тетка, после которой он ждал громадного наследства, умирала, и полковнику надо было спешить к одру умирающей, а миссис Кроули оставалась с ребенком в Париже ждать возвращения мужа. Он уехал в Кале и, казалось бы, после того как он благополучно достиг этого порта, ему надлежало бы отплыть в Дувр, однако он сел в почтовую карету, отправлявшуюся в Дюнкирхен, и проехал оттуда в Брюссель, так как питал к этому городу давнишнее пристрастие. Дело заключалось в том, что он задолжал в Лондоне еще больше, чем в Париже, а потому и предпочитал мирный бельгийский уголок всем шумным столицам.

Тетка его умерла. Миссис Кроули заказала себе и маленькому Раудону глубочайший траур. Полковник был занят устройством наследственных дел. Теперь они могли занять в гостинице помещение в первом этаже вместо той маленькой квартирки наверху, какую занимали до сих пор. В связи с этим миссис Кроули и хозяин гостиницы имели совещание относительно новых занавесей, а затем дружескую стычку из-за ковра и покончили со всем, кроме счета.

Она уехала в его экипаже вместе с горничной-французенкой и маленьким сыном, сидевшим с ней рядом, а превосходные хозяин и хозяйка провожали ее, стоя у ворот, улыбками. Генерал Тефто пришел в негодование, узнав об отъезде Ребекки, а его негодование вызвало негодование миссис Брент. Лейтенант Спунни был поражен этим отъездом в самое сердце, а хозяин гостиницы стал немедленно готовить лучшее свое помещение к возвращению маленькой обаятельной женщины и ее супруга. Он с величайшей заботливостью хранил сундуки, порученные миссис Кроули его особому вниманию, однако, когда они были вскрыты несколько позднее, содержимое их оказалось далеко не ценным.

Прежде чем съехаться с супругом в бельгийской столице, миссис Кроули предприняла путешествие в Англию, оставив своего маленького сына на континенте, на попечении горничной-французенки. Прощание Ребекки и маленького Раудона не причинило особенного огорчения ни одной из сторон. Говоря по правде, она виделась с юным джентльменом не слишком часто начиная от самого дня его рождения. Согласно милому обычаю французских матерей, Бекки отдала его кормилице в деревню близ Парижа; здесь маленький Раудон провел первые месяцы своей жизни — не особенно, впрочем, несчастливо — в многочисленном обществе молочных братьев в деревянных башмаках. Отец нередко наезжал верхом повидать сына, и отеческое сердце Раудона согревалось при виде его, румяного, грязного, неистово вопящего и с увлечением занимающегося изготовлением пирожков из грязи под наблюдением жены садовника, его кормилицы.

Ребекка не особенно баловала своего сына и наследника приездами и посещениями: он испортил ей однажды новую серую шубку. Ласки другой женщины Рауди предпочитал материнским, и, когда его разлучили наконец с веселой кормилицей и почти родительницей, он кричал целым часами, и его утешило лишь обещание матери отправить его на следующий день обратно; да и кормилице, которая, вероятно, тоже была опечалена разлукой, было сказано, что ребенок будет возвращен ей немедленно, и она в течение некоторого времени и в самом деле с большим нетерпением поджидала его возвращения.

Дело в том, что наши приятели были, так сказать, первыми ласточками той стаи дерзких английских авантюристов, которая впоследствии наводнила континент, занимаясь всякими мошенническими проделками во всех европейских столицах.

В счастливые 1817–1818 годы велико было уважение к богатству и честности бриттов. В ту пору они, насколько мне известно, еще не научились торговаться при покупке с тем упорством, какое отличает их теперь. Большие города Европы не были еще предоставлены предприимчивости наших плутов. В настоящее же время вряд ли найдется город в Италии и Франции, где бы вы не встретили наших благородных соотечественников, проникнутых самодовольным чванством и наглостью, которые мы носим всюду, надувающих содержателей гостиниц, сбывающих подложные чеки до-

верчивым банкирам, крадущих экипажи у каретников, драгоценные вещи — у ювелиров, деньги, при помощи карт, — у зажиточных путешественников и даже книги в общественных библиотеках. Тридцать же лет тому назад вам достаточно было быть английским милордом, путешествующим в собственном экипаже, чтобы кредит был открыт вам всюду, и джентльмены, вместо того чтобы надувать, сами являлись объектом надувательства.

Потери содержателя гостиницы, в которой проживали Кроули во время их пребывания в Париже, выяснились только после их отъезда, после того как мадам Марабу несколько раз наведлась в гостиницу с маленьким счетцем за вещи, поставленные мадам Кроули, и после того как мосье Дидло из Буль д'Ора в Пале-Рояле осведомился с полдюжины раз, вернулась ли эта очаровательная миледи, купившая у него множество часов и браслетов. Даже бедная жена садовника, вскормившая ребенка Ребек-

ки, не получила ничего за человечность и доброту, которыми она снабдила шумного и здорового маленького Раудона. Даже кормилица не получила расчета! Без сомнения, Кроули слишком спешили, чтобы вспомнить об этом пустяшном долге. Что же касается содержателя гостиницы, то он до конца дней своих не переставал неистово проклинать всю английскую нацию и осведомляться у всех путешественников, не знают ли они некоего полковника, лорда Кроули, и его жену, маленькую, чрезвычайно умную даму.

— О, мосье, — прибавлял он, — они ужасно меня обошли!

Грустно было слышать скорбный тон, каким он повествовал об этой катастрофе.

Целью поездки Ребекки в Лондон было добиться какого-нибудь соглашения с многочисленными кредиторами мужа и предложить им по шиллингу за фунт, если они позволят ему спокойно вернуться на родину. Нам не пристало следить за шагами, какие Ребекка предпринимала для осуществления этой далеко не легкой сделки; убедив кредиторов, что сумма, которую она была уполномочена предложить им, составляет весь капитал ее мужа и что полковник предпочтет вечное пребывание на континенте возвращению на родину, если долги его не будут погашены, она дала им понять, что Раудону неоткуда ждать прироста капитала, а потому для них не остается никакой надежды на уплату на более выгодных условиях, нежели те, какие она уполномочена передать им. Она заставила кредиторов полковника единодушно сдаться на ее предложение и приобрела за 1500 фунтов наличными деньгами все количество его долгов, в десять раз превышающее эту сумму.

При всех этих переговорах миссис Кроули к помощи поверенного не обращалась. Дело было простое: надо было или добиться соглашения, или уезжать, как она и заметила вполне основательно. Она предоставила поверенным кредиторов уладить дело самим, и мистер Льюис, представитель мистера Дэвидса из Рэд-Лайон-сквера, и мистер Мосс, действовавший за мистера Манассэ с Кэрзитор-стрит — главные кредиторы полковника, — поздравили его жену с блестящим выполнением дела и признались, что ее не превзойти и заправскому профессионалу.

Ребекка приняла эти поздравления с большой скромностью; она приказала подать поверенным бутылку хереса и печенье в маленькую грязную комнатку, которую занимала, пока велись переговоры, пожала им в превосходном настроении на прощание руки и немедленно возвратилась на континент к мужу и сыну, сообщить первому приятную новость о полном его освобождении; что же касается второго, то он оказался достаточно заброшенным, оставшись в отсутствие маменьки на попечении ее горничной-француженки, мадемуазель Женевьевы; почувствовав привязанность к солдату из гарнизона Кале, эта молодая особа забывала в обществе воина о своих обязанностях, и маленький Раудон чуть не утонул на отмелях, где отлучившаяся Женевьева оставила его и потеряла.

Итак, полковник и миссис Кроули прибыли в Лондон и, поселившись в Мейфэре, в особнячке на Керзон-стрит, поистине обнаружили то искусство, каким надлежит обладать всем, кто обречен существовать, не имея никаких доходов.

ГЛАВА XXXVII

Продолжение предыдущей

Прежде всего, и ввиду чрезвычайной важности этого вопроса, мы должны рассказать каким образом можно зажить своим домом при абсолютном отсутствии годового дохода. Особнячки в Лондоне сдаются либо без мебели (а затем, если вы пользуетесь кредитом у господ Гиллоуса или Бэнтингса, вам великолепно обставят и изукрасят нанятый дом сообразно вашим вкусам), либо они сдаются меблированными — условие менее затруднительное и сложное для большинства нанимателей. Такой именно дом и предпочли снять для себя Кроули и его жена.

До того, как мистер Боульс вступил в заведывание домом и винным погребом мисс Кроули в Парк-Лейне, дворецким у этой особы служил некий мистер Рэггас, появившийся на свет в родовом поместье Куинс Кроули в качестве младшего сына тамошнего садовника. Благодаря отменному поведению, красивой внешности, хорошо развитым икрам и важной осанке Рэггас постепенно

восходил от чистки ножей на кухне до стояния на запятках при господской карете, а с запяток кареты переместился в буфетную в ранге дворецкого. Пробыв некоторое число лет во главе хозяйства мисс Кроули, в течение которых он получал хорошее жалованье, имел солидные побочные доходы и обширные возможности к накоплению, он объявил, что намерен вступить в брак с бывшей кухаркой мисс Кроули, безбедно существовавшей на заработок с прачечного катка и на доходы с зеленой лавочки, которую она содержала по соседству. Сказать по правде, свадебная церемония совершилась тайком несколько лет тому назад, однако весть о ней дошла до мисс Кроули только благодаря мальчику и девочке лет семи-восьми, постоянное присутствие которых на кухне привлекло внимание мисс Бриггс.

Мистер Рэггас получил тогда увольнение и самолично вступил в заведывание лавочкой и зеленью. К товарам своим он присоединил молоко, сливки, яйца и отлич-

ную деревенскую свинину, и, в то время как другие отставные дворецкие торговали в кабачках спиртными напитками, мистер Рэггас довольствовался продажей простейших продуктов сельского хозяйства. А так как он имел обширное знакомство среди дворецких соседних домов, а при лавочке — уютную комнатку, где вдвоем с миссис Рэггас принимал бывших своих братьев, то его молоко, сливки и яйца имели прекрасный сбыт у многих членов буфетного братства, и доходы мистера Рэггаса год от году возрастали. Из года в год он спокойно и скромно копил денежки, и когда уютный и великолепно обставленный на холостую ногу дом № 201 на Керзон-стрит, в Мэйфейре, бывший последней резиденцией достопочтенного Фредерика Дьюсиса за выездом его за границу, пошел наконец с молотка со всей удобной и богатой мебелью работы первых мастеров, — кому же и было явиться на торги и оставить за собой и дом, и обстановку, как не Чарльзу Рэггасу? Правда, часть денег ему пришлось призанять, и под довольно высокие проценты, но гораздо большую часть он выложил из собственного кармана, и миссис Рэггас с немалой гордостью ложилась почивать на резную кровать красного дерева с шелковым балдахинном, имея напротив себя огромное трюмо и гардероб таких размеров, что в него можно было запрятать и ее, и Рэггаса, и все их семейство.

Разумеется, они и не собирались постоянно занимать сами такое роскошное помещение. Рэггас купил дом для того, чтобы сдавать его внаймы. Как только подходящий наниматель нашелся, Рэггас снова вернулся в зеленую лавочку. Но большую радость ему доставляло, выйдя из своего заведения, прогуляться на Керзон-стрит и полюбоваться там на свой дом — свой собственный дом! — с геранью на окнах и резным бронзовым молотком у дверей. Ливрейный лакей, если таковой случайно глазел у дворовой решетки, почтительно ему кланялся; кухарка забирала зелень в его лавочке и величала его «домовладельцем»; и что бы ни делали жильцы, какое бы кушанье ни подавалось у них за обедом, — обо всем этом Рэггас мог бы быть осведомлен, если бы пожелал.

Он был добрый человек; добрый и счастливый. Дом приносил ему ежегодно такой прекрасный доход, что он решил отдать своих детей в хорошие школы, и в соответствии с этим, невзирая на расходы, Чарльз был помещен пансионером в заведении доктора Суиштэйля, в Шугаркейн-Лодже, а маленькая Матильда — к мисс Пэкоуэр, в Лаурентинум-Хаус, в Клаппгэме.

Рэггас любил и боготворил семейство Кроули, так как считал, что именно им обязан всем благополучием своей жизни. В задней комнате при лавке у него висел силуэт его прежней хозяйки и исполненный самою старою девою рисунок тушью, изображавший домик привратника в Куинс Кроули. Единственное добавление, какое сам Рэггас сделал к убранству дома на Керзон-стрит, сводилось к гравюре с видом Куинс Кроули в Гэмпшире, резиденции сэра Уольполя Кроули, баронета, причем сам баронет был изображен в золоченой колеснице, влекомой шестеркой белых лошадей по берегу озера, на котором плавали лебеди и барки с дамами в фижмах и музыкантами с флагами и в париках. Рэггас и в самом деле был убежден, что на всем свете не существует лучшего дворца и более знатной фамилии.

По счастливой случайности дом Рэггаса на Керзон-стрит оказался свободным в момент возвращения в Лондон Раудона Кроули с женой. Полковник хорошо знал и дом, и владельца; связь последнего с семейством Кроули поддерживалась постоянно, потому что Рэггас приглашался на подмогу мистеру Боульсу всякий раз, ког-

да мисс Кроули устраивала у себя приемы для своих знакомых. И старик не только сдал полковнику свой дом, но исполнял и обязанности дворецкого, когда у Раудона собирались гости, а миссис Рэггас действовала внизу на кухне и посылала наверх обеды, которые удостоились бы одобрения и самой старой мисс Кроули. Так вот каким способом Кроули зажили своим домом, не истратив ни гроша. И хотя Рэггас должен был платить подати и налоги, проценты по займу собрату-дворецкому да взносы по страхованию своей жизни, должен был нести расходы по обучению детей в школе, оплачивать стоимость съестных припасов и напитков, поглощаемых его собственной семьей, а некоторое время содержать и полковника; хотя бедняга вконец разорился благодаря этой сделке и дети его были вышвырнуты на улицу, а он сам попал в тюрьму Флит, — однако кто-нибудь да должен же расплачиваться за джентльменов, живущих в свое удовольствие, не обладая никакими доходами. И вот злополучному Рэггасу выпало на долю представлять собою отсутствующий капитал полковника Кроули.

Интересно знать, сколько семейств вовлекаются в нищету и разорение по милости ловкачей вроде Кроули? Сколько знатных представителей дворянства обкрадывают своих мелких поставщиков, достаивают выманивать у своих же нищих слуг жалкие гроши и плутуют из-за нескольких шиллингов? Когда мы читаем, что такой-то знатный барин выселился на континент, а у такого-то наложен арест на имущество и что один или другой задолжал шесть-семь миллионов, то самое падение это представляется чуть ли не достославным, и мы относимся к жертве с уважением, приличествующим грандиозности ее крушения. Но кто пожалеет нищего цирюльника, который не может получить денег, причитающихся ему за пудрение голов ливрейных лакеев; или бедняка плотника, разорившегося на постройке затейливых беседок, в которых сервировался *déjeuner*¹ у миледи; или горемыку портного, пользовавшегося покровительством управляющего и истратившего все свои деньги, даже влезшего в долги, чтобы изготовить ливреи, о которых милорд совещался с ним в виде особой чести? Когда рушится знатный дом, эти несчастные гибнут под развалинами, никем не замечаемые. Истинно говорится в старинных преданиях: прежде чем грешник сам отправится в преисподнюю, он спровадит туда немало христианских душ!

Раудон и его супруга великодушно оказывали покровительство тем из бывших поставщиков и торговцев мисс Кроули, какие теперь выражали желание служить им. Некоторые оказались очень не прочь от этого, особенно те, что победнее. Можно было подивиться настойчивости, с какою прачка каждую субботу привозила из Тутинга тележку с бельем и неделю за неделей таскала с собой неоплаченные счета. Мистер Рэггас должен был из собственных средств расплачиваться с оптовиками за зелень. Счет за портер, бравшийся для прислуги в пивной под вывеской «Военное счастье», являлся диковинкой в летописях питейного дела. Всей прислуге задолжали жалованье за несколько месяцев, и таким образом все оказывались насильственно заинтересованными в процветании дома. Фактически не платили никому: ни слесарю, которого призывали отпереть замок, ни стекольщику, вставлявшему стекло, ни каретнику, отпускавшему внаем экипаж, ни груму, правившему лошадьми, ни мяснику, поставившему баранью ногу, ни за уголь, на котором эта нога жарилась, ни кухарке, ее жарившей, ни прислуге, подававшей жаркое. И так, говорят, нередко поступают люди, живущие широко, не имея никакого дохода.

¹ Завтрак (фр.).

В маленьком городке такие дела, конечно, не могут пройти незамеченными. Там знают, какое количество молока забирает сосед, и тщательно следят за кусками мяса или за птицей, которые покупаются на его обед. Вероятно, в № 200 и № 202 на Керзон-стрит тоже знали, что творится в доме, находящемся посередине, потому что прислуга сообщалась между собою через дворовую ограду. Но Кроули, его жена и их знакомые не знали №№ 200 и 202. Всех же, приходивших в № 201, встречали с сердечным радушием, приветливой улыбкой, угощали хорошим обедом; хозяин и хозяйка крепко пожимали руку всякому, точь-в-точь как если бы они были бесспорными обладателями трех-четырёх тысяч ежегодного дохода. Да, впрочем, они им и обладали, если не в виде денег, то в виде продуктов и чужого труда, — пусть они не платили за баранину, но они ее имели; а если они не давали золота в обмен на вино, — так откуда нам об этом знать? Вряд ли у кого-нибудь за столом подавались лучшие красные вина, чем у почтенного Раудона; вряд ли где обеды бывали веселее и изящнее сервированы. Гостиные его были самые хорошенькие, маленькие и скромные комнатки, какие себе можно представить: Ребекка убрала их с величайшим вкусом тысячей безделушек, вывезенных из Парижа. А когда она садилась за фортепьяно и с легким сердцем распевала романсы, — гость решал, что он попал в рай домашнего уюта, и соглашался, что если муж и глуповат, то жена очаровательна и обеды как нельзя более приятны.

Остроумие, ловкость и дерзость вскоре обеспечили Ребекке известность среди определенного класса лондонского общества. К дверям ее дома подъезжали солидные экипажи, из которых выходили весьма важные особы. В парке ее коляску окружали прославленные денди. В ее маленькой ложе, в третьем ярусе оперы, постоянно виднелось множество голов, беспрестанно сменявшихся. Но, нужно признаться, дамы чуждались ее, и двери их домов оставались закрытыми для нашей маленькой авантюристки.

Что касается мира светских дам и его обычаев, то автор, разумеется, может говорить только понасышке. Мужчине так же трудно проникнуть в эти тайны и понять их, как узнать, о чем беседуют дамы, удалившись после обеда наверх. Единственно путем расспросов и настойчивости удастся иногда заполучить хоть намек на эти тайны. Благодаря такому же старанию всякий гранильщик тротуаров на Пэлл-Мэлл и посетитель столичных клубов знает кое-что о лондонском обществе — или самолично, или через знакомого, с которым играет на бильярде или разделяет кусок жаркого. И как есть мужчины (вроде Раудона Кроули, положение которого мы только что описали), представляющиеся важными персонами в глазах людей несведущих и впервые попавших в Парк, потому что они видят их там в обществе знаменитейших модных львов, — так есть и дамы, которых можно назвать фаворитками мужчин, ибо их радостно встречают все мужчины, но им не кланяются или ими пренебрегают жены этих мужчин. К числу таких дам принадлежит миссис Файрбрэс — особа с прелестными белокурыми локонами, которую вы ежедневно встречаете в Гайд-парке, окруженную самыми прославленными денди нашей страны. Миссис Роквуд — вторая: о вечерах ее старательно публикуют в светских хрониках, а на обедах у нее бывают всякие посланники и знатные вельможи. И многих еще можно было бы назвать, если бы они имели касательство к нашей повести. Но в то время как простаки, далекие от светских сфер, или провинциалы, тяготеющие к знати, любят в общественных местах на этих дам в их кажущейся славе или завидуют им издалека, — люди более осве-

домленные могли бы им сообщить, что эти дамы, предмет их зависти, имеют не больше шансов утвердиться в «свете», чем коснеющая во мраке жена мелкопоместного сомерсетширского дворянина, читающая об их подвигах в «Утренней почте». Любям, живущим в Лондоне, знакомы эти ужасные тайны. Вы узнаете, с какой жестокостью многие дамы, обладающие известным положением и средствами, исключаются из «света». Чудовищные усилия, какие они делают, чтобы прорвать этот круг унижения и оскорбления, каким они из-за этого подвергаются, способны вызвать изумление всякого, кто занимается изучением человечества или женской его половины. А погоня за великосветскостью через все препятствия представила бы великолепную тему для всякой выдающейся личности, обладающей необходимыми для такого поведенья талантом, досугом и знанием английского языка.

И вот немногие дамы, водившие с миссис Кроули знакомство на материке, не только не пожелали бывать у нее, когда она перебралась по сию сторону канала, но подчеркнуто не кланялись ей, встречаясь с нею в общественных местах. Странно было видеть, до какой степени эти важные дамы выбросили ее из своей памяти, а самой Ребекке наблюдать это было, без сомнения, не особенно приятно. Леди Бэракс, столкнувшись с нею в вестибюле оперы, собрала возле себя своих дочерей, словно они могли заразиться от прикосновения к Бекки, и, отступив шага на два, загородила их собою и устремила пронзительный взгляд на свою маленькую неприятельницу. Но, для того чтобы смутить Бекки взглядом, требовались более грозные молнии, чем те, какие могли метать выцветшие глаза дряхлеющей старухи Бэракс. А леди де ла Моль, десятки раз катавшаяся с Бекки верхом в Брюсселе, встретив миссис Кроули в открытой коляске в Гайд-парке, вдруг ослепла и не могла узнать свою бывшую приятельницу. Даже миссис Блэнкинсон, жена банкира, и та отвернулась от нее в церкви. Бекки теперь регулярно ходила в церковь; и очень назидательно было смотреть, как она появлялась туда бок о бок с Раудоном, несшим два больших раззолоченных молитвенника, и затем с серьезнейшим смирением выстаивала всю службу.

Раудона сначала очень огорчало пренебрежение, с каким относились к его жене, он хмурился и выходил из себя. Он даже грозил вызвать на дуэль мужей или братьев всех дерзких дам, не проявлявших должного уважения к его супруге. И только благодаря настойчивым увещаниям Бекки удерживался в границах приличия.

— Не можешь же ты ввести меня в свет выстрелами, — говорила она добродушно. — Не забывай, милый, что я была простой гувернанткой, а у тебя самого, бедный глупенький мой старичок, отвратительнейшая репутация игрока, человека, запутавшегося в долгах и погрязшего во всяких пороках. Со временем у нас будет столько друзей, сколько мы сами пожелаем, а пока будь пайнойкой и слушайся твоей наставницы во всем, что она тебе скажет. Когда мы узнали, что твоя тетка почти все состояние отказала Питту и его семье, помнишь, как ты взбесился? Ты разболтал бы об этом всему Парижу, если бы я не заставила тебя утихомириться. И что бы с тобой теперь было? Ты сидел бы в Сент-Пелажи¹ за долги, а не жил бы в прекрасном доме в Лондоне, окруженный полным комфортом. А ведь ты был в такой ярости, что готов был убить своего брата, этакий ты злобный Каин! А какой прок вышел бы из того, что ты продолжал бы злиться? Никакая злость не вернет нам денег твоей тетки, а нам гораздо выгоднее дружить с семьей твоего брата, чем враждовать, как поступают глупые

¹ Сент-Пелажи — тюрьма в Париже.

Бьюты. Когда умрет твой отец, мы с тобой с удовольствием станем проводить зиму в Куинс Кроули. Если мы разоримся, ты будешь нарезать жаркое за столом и присматривать за лошадьми, а я поступлю в гувернантки к детям леди Джейн. Разоримся! Чепуха! До тех пор я еще раздобуду тебе хорошее местечко, а может быть Питт и его сынишка умрут и мы превратимся: ты — в сэра Раудона, а я — в миледи. Пока мы живы, нельзя терять надежды, и я еще сделаю из тебя человека. Кто тебе продал лошадей? Кто заплатил за тебя долги?

Раудон вынужден был сознаться, что всеми этими благодеяниями он обязан своей жене, и обещал довериться и на будущее время ее руководству.

Действительно, когда мисс Кроули покинула этот мир и деньги, за которыми так ревностно охотились все ее родственники, в конце концов достались Питту, Бьют Кроули, узнав, что ему завещано всего пять тысяч фунтов вместо двадцати, на которые он рассчитывал, впал при этом разочаровании в такую ярость, что разразился страшнейшими ругательствами в адрес племянника, и ссора между ними, разгораясь все сильнее, завершилась полным разрывом. В то же время Раудон Кроули, получивший всего сто фунтов, повел себя так, что удивил брата и привел в восторг невестку, вообще склонную к доброжелательному отношению ко всем членам мужниной семьи. Раудон написал Питту из Парижа очень откровенное, благородное и веселое письмо. Убежденный в том, что он из-за своего брака лишился расположения тетки, он, хотя и не скрывает огорчения по поводу ее непреклонной жестокости, все же очень рад, что деньги удержались в их ветви фамилии Кроули, и от души поздравляет брата с удачей. Он посылал сердечный привет невестке и выражал надежду, что она отнесется благосклонно к миссис Кроули, — и письмо заканчивалось собственноручной припиской этой последней Питту. Она просила разрешения тоже присоединиться к поздравлениям мужа. Она никогда не забудет доброго отношения, проявленного к ней мистером Кроули в былые дни, когда она была сиротой, лишенной друзей, и воспитывала его маленьких сестриц, к дальнейшему благоденствию которых она относится с неизменным и нежнейшим интересом. Она выражала Питту пожелания счастья в семейной жизни, просила разрешения послать привет леди Джейн (о доброте которой она так много наслышана) и, выражая надежду, что когда-нибудь ей будет дозволено представить своего сынка его дядюшке и тетушке, просила их удостоить малютку своим расположением и покровительством.

Питт Кроули отнесся к этому посланию очень благосклонно — гораздо благосклоннее, чем принимала мисс Кроули некоторые из предыдущих сочинений Ребекки, переписанных Раудоном. А леди Джейн была совершенно очарована письмом и ожидала, что муж ее сейчас же разделит теткино наследство на две равных части и пошлет половину своему брату в Париж.

Однако, к удивлению благородной леди, Питт уклонился от снабжения брата чеком в тридцать тысяч фунтов. Но он предложил Раудону свою существенную поддержку, если тот возвратится в Англию и пожелает ею воспользоваться. И, выразив благодарность миссис Кроули за лестное мнение о нем и о леди Джейн, любезно изъявлял готовность быть во всем полезным ее сынку.

Таким образом, между братьями состоялось почти полное примирение. Когда Ребекка приехала в Лондон, Питта и его жены не было в городе. Много раз проезжала она мимо знакомого подъезда в Парк-Лейне, чтобы узнать, поселились ли они уже в доме мисс Кроули. Но новые владельцы не появлялись, и Бекки только от Рэггаса уз-

навала об их действиях: как вся прислуга мисс Кроули была отпущена с приличными награждениями, а мистер Питт, всего один раз приезжавший в Лондон, останавливался на несколько дней в доме, уладил дела с поверенными и сбыв все французские романы мисс Кроули букинисту на Бонд-стрит. У Бекки были свои причины желать скорейшего приезда новых родственников. «Когда леди Джейн придет, — думала Бекки, — она введет меня в лондонский свет. А что касается дам, — ну, им поневоле придется приглашать меня, когда они убедятся, что их мужьям приятно меня видеть».

Для женщины в подобном трудном положении подруга является такою же необходимой принадлежностью, как брум или букет. Я всегда дивился ловкости, с какою эти нежные создания, не могущие жить без сочувствия, обзаводятся невероятно безобразной приятельницей и становятся почти неразлучны с нею. Вид неизбежной спутницы в линиялом платье, восседающей на передней скамеечке в кабриолете, производит на меня всегда полезное и нравоучительное впечатление, служа таким же живым напоминанием, как череп, красовавшийся на пирах египетских бонвиванов¹, — особым сардоническим напоминанием о ярмарке тщеславия. Как? Даже такая разбитная, наглая, бессердечная и бессовестная красавица, как миссис Файрбрэс, чей отец умер, не перенесла позора за нее; даже прелестная отважная миссис Мэнтрэп, что берет все барьеры, которые под силу лучшим ездокам Англии, и сама правит серой запряжкой в Парке, тогда как ее мамаша и посейчас содержит мелочную лавочку в Бэте, — даже они, такие смелые, что, казалось бы, не побоятся ничего, — не решаются показываться в свет без подруги! Привязчивые создания непременно должны за кого-нибудь цепляться! И их никогда не встретишь в общественном месте без прыщавой компаньонки в крашеном шелковом платье, сидящей где-нибудь в тени позади них.

— Раудон, — сказала Бекки однажды поздним вечером, когда целый кружок мужчин сидел у потрескивавшего камина в ее гостиной (мужчины приезжали к ней заканчивать вечера, и у нее имелись для них мороженое и кофе — лучшие в Лондоне), — мне надо завести овчарку!

— Что? — переспросил Раудон, оторвавшись от столика, за которым он играл в экарте.

— Овчарку? — воскликнул молодой лорд Соусдоун. — Дорогая миссис Кроули, что за фантазия! Почему не завести датского дога? У меня есть на примете такой, ростом с жирафа, честное слово. Пожалуй, свезет ваш брум. Или персидскую левретку, а?.. Предлагаю!.. Или малюсенькую моську, которая помещалась бы в одной из табакерок лорда Стэйна? У одного человека в Бэйсуотере есть моська с таким носом, что... Записываю короля... с таким носом, что на него можно повесить шляпу.

— Записываю взятку, — внушительно промолвил Раудон. Он обычно внимательно следил за игрой и не вмешивался в разговоры, разве только когда речь заходила о лошадях и ставках на пари.

— И зачем вам понадобилась овчарка? — продолжал веселый маленький Соусдоун.

— Я подразумеваю овчарку в переносном смысле, — ответила, смеясь, Бекки и посмотрела на лорда Стэйна.

¹ Бонвиван (фр. bon vivant) — человек, любящий пожить в свое удовольствие.

- Это еще что за чертовщина? — спросил высокородный лорд.
- Собаку, которая не подпускала бы ко мне волков, — пояснила Бекки. — Компания!
- Милая невинная овечка, вам действительно нужна овчарка, — сказал маркиз; челюсть его выдвинулась, и он отвратительно захихикал, шурясь маленькими глазками на Ребекку.

Вельможный лорд Стэйн стоял у самого камина, прихлебывая кофе. Огонь приятно потрескивал и пылал. На каменной доске горело с десятков свечей во всевозможных оригинальных подсвечниках: золоченых, бронзовых, фарфоровых. Свет их эффектно озарял фигуру Ребекки, сидевшей на диване, обитом материей с узором из пестрых цветов. На ней было розовое платье, свежестью напоминавшее розу; ее ослепительно белые плечи и руки сверкали сквозь небрежно накинутый прозрачный газовый шарф; волосы ниспадали локонами на шею, одна ножка выглядывала из-под свежих шуршащих складок шелка — прелестнейшая ножка в прелестнейшей туфельке и тончайшем в мире шелковом чулке.

Свечи озаряли и лоснящуюся плешивую голову лорда Стэйна, обрамленную бахромкой рыжих волос. У него были густые косматые брови над испещренными красными жилками мигающими глазками, окруженными тысячей морщин. Нижняя челюсть у

него отвисала, а когда он смеялся, обнаруживались два белых торчащих зуба, придавая его улыбке свирепое выражение. Он приехал после обеда с особами королевской семьи, облеченный орденом Подвязки и лентой. Его лордство был коротенький человечек, широкогрудый и кривоногий, но очень гордился аристократическим размером ноги и тонкостью щиколотки и беспрестанно поглаживал украшенную орденом коленку.

— Значит, для охраны ягненокка пастуха недостаточно? — спросил он.

— Пастух слишком любит играть в карты и ходить в клубы, — смеясь, ответила Бекки.

— Смотрите-ка, что за развращенный Коридон!¹ — воскликнул милорд. — Пристало ли ему такое поведение?

— Я ставлю себе за ваши три взятки два очка, — объявил в эту минуту за карточным столом Раудон.

— Послушайте-ка этого Мелибея! — проворчал благородный маркиз. — Он и в самом деле предается пастушескому занятию: стрижет Соусдауна. Вот простодушный баран! Черт возьми, какое белоснежное руно!

Глаза Ребекки блеснули презрительной насмешкой.

— Милорд, — сказала она, — ведь и вы рыцарь этого ордена!

Действительно, на шее его красовался орден Золотого руна, пожалованный ему недавно восстановленным на троне испанским королем.

Лорд Стэйн в молодости славился смелостью и удачей в карточной игре. Однажды он провел два дня и две ночи за азартной игрой с министром Фоксом. Он обыгрывал самых высокопоставленных особ в королевстве; поговаривали, будто и самый титул маркиза достался ему за игорным столом. Но он не любил намеков на эти былые «шалости». Ребекка заметила, как густые брови его досадливо нахмурились. Она встала с дивана, подошла и с коротеньким книксеном взяла у него кофейную чашку.

— Да, — сказала она, — мне нужен сторожевой пес. Но на вас он не будет лаять. — И перейдя в другую гостиную, села за фортепиано и принялась распевать французские песенки таким прелестным серебристым голосом, что смягченный лорд поспешно перешел за ней туда же, и видно было, как он в такт раскачивал головой и склонялся над музыкантшей.

Раудон и его приятель продолжали между тем играть в экарте, пока не надоело. Раудон выиграл. Но как бы часто и много он ни выигрывал, ночи, подобные этой, — а их выдавалось несколько на неделе, — когда все разговаривали с его женой и восхищались ею, а он молча просиживал вне кружка, не понимая ни слова из шуток, намеков и загадочных аллегорий, которыми там сыпали, — ночи эти были, вероятно, довольно тягостны для бывшего драгуна.

— Как поживает супруг миссис Кроули? — спрашивал его обычно при встрече лорд Стэйн вместо приветствия. И, действительно, это сделалось теперь его назначением в жизни. Он перестал быть полковником Кроули. Он был супруг миссис Кроули.

Что касается маленького Раудона, то если о нем до сих пор не говорилось, так это потому, что он прячется где-нибудь на чердаке или сполз вниз на кухню, ища компании. Мать едва ли когда замечала его. Он проводил дни с бонной-французенкой, пока та находилась в семье мистера Кроули, а когда французенка уехала, над мальчуганом,

¹ *Коридон, Мелибей* — идиллические пастухи, персонажи «Буколик», сборника стихотворений Публия Вергилия Марона, написанных в жанре «пастушеской поэзии».

плакавшим ночью в одиночестве, сжалилась горничная, забрала его из пустынной детской к себе в постель, помещавшуюся тут же, рядом, на чердаке, и успокоила.

Ребекка, милорд Стэйн и еще двое-трое гостей распивали в гостиной чай после оперы, когда наверху раздался плач.

— Это мой херувимчик плачет по своей няне, — сказала Ребекка, но и с места не сдвинулась пойти посмотреть, что такое с ребенком.

— Не расстраивайтесь видом его горя, — насмешливо заметил лорд Стэйн.

— Ах, — возразила она, как будто слегка покраснев, — он наплачется и уснет! — И все заговорили об опере.

Однако сам Раудон незаметно выбрался из комнаты взглянуть на своего сына и наследника и вернулся к гостям, узнав, что верная Долли успокаивает ребенка. Туалетная полковника помещалась в той же горней области. И там происходили его свидания с сыном по утрам, когда полковник брился. Раудон-младший сидел на сундуке возле отца и с неизменным удовольствием наблюдал эту процедуру. Они с отцом были большие приятели. Отец приносил ему сладости от десерта и прятал их в старую коробку из-под эполет, где мальчуган их разыскивал и радостно смеялся, обнаружив сокровище. Но смеялся не слишком громко, — ведь мама спала внизу, и ее нельзя было будить. Она ложилась всегда очень поздно и редко вставала раньше полудня.

Раудон покупал мальчику кучи книжек с картинками и заваливал детскую игрушками. Стены детской полковник сплошь оклеил собственноручно картинками, которые покупал за наличные деньги. Когда он бывал свободен от службы при миссис Раудон в Парке, он забирался наверх и проводил с сыном целые часы; мальчик прыгал у него на коленях, дергал за длинные усы, словно это были вожжи, и готов был резвиться целый день. Комната была низкая, и однажды, когда мальчугану еще не было пяти лет, отец, высоко подкидывая его на руках, сильно ударил бедняжку головой о потолок, а испугавшись, чуть не выронил из рук. Раудон-младший уже скривил рожицу для отчаянного рева — сила удара вполне оправдывала это намерение, — но едва он собрался заорать, отец сказал:

— Ради бога, Рауди, не разбуди маму! — И мальчик, серьезно и жалобно взглянув на отца, закусил губки, стиснул ручонки и даже не пикнул. Раудон рассказывал об этом происшествии в клубах, в офицерском собрании, всем в городе.

— Ей-богу, сэр, — заявлял он всем, — что за чудесный мальчишка у меня растет, такой молодец! Я чуть не пробил потолок его головой, ей-богу, а он даже не заплакал из боязни обеспокоить мать!

Иногда — раз или два в неделю — леди посещала горнюю обитель, где помещался ребенок. Она появлялась, словно ожившая картинка из модного журнала, нежно улыбаясь, в прелестнейшем новом платье, перчаточках и башмачках. Изумительнейшие шарфы, кружева, драгоценности так и сверкали на ней. И всегда на ней была новая шляпка с вечноцветущими цветами, а то с великолепно завитыми страусовыми перьями, мягкими и белыми, словно лепестки камелии. Раз-другой она покровительственно кивала головой мальчугану, который взглядывал на нее, отрываясь от обеда или от раскрашивания рисунков с солдатами. Когда она покидала комнату, запах роз или другой какой-нибудь волшебный аромат еще долго стоял в детской. В глазах мальчугана она была неземным созданием, выше отца, выше всех на свете, требующим обожания и восхищения издали. Кататься с нею в коляске было торжественным обрядом: он сидел на передней скамеечке и не смел говорить, только во все глаза

любовался прекрасной принцессой, сидевшей против него. Джентльмены на великолепно гарцующих лошадях подъезжали к экипажу, улыбались и разговаривали с нею. Как сияли ее глаза всем этим господам! Ее рука трепетала и грациозно помахивала им, когда они отъезжали. Для выездов с матерью на него надевали новый красный костюм. Дома годился и старый коричневый, холщовый. Иногда, когда ее не бывало дома, а горничная Долли оправаляла ее постель, мальчик пробирался в спальню матери. Эта комната представлялась ему обиталищем феи — волшебным чертогом роскоши и очарования. Вот в гардеробе развешаны те чудесные платья — розовые, голубые и разных цветов. Вот шкатулка для драгоценностей с серебряной застежкой; и таинственная бронзовая рука на туалетном столике, сверкающая чуть не сотней колец. А там трюмо, чудо искусства, где он видит свою собственную изумленную голову и отражение Долли (странно искривленное), взбивающей и оправаляющей подушки словно на потолке. Бедный, одинокий, заброшенный мальчик! Мать все равно что имя бога для детских сердец и уст; а этот бедняжка боготворил камень!

Даже Раудон Кроули, при всем своем беспутстве, обладал некоторой благородной склонностью к сердечным привязанностям и был еще способен любить и ребенка, и женщину. К Раудону-младшему он питал тогда втайне глубокую нежность, не ускользавшую от Ребекки, хотя она и не касалась этой темы в разговорах с мужем. Это не раздражало ее — она была слишком добродушна, — а только усилило ее презрение к нему. Раудон сам отчасти стыдился этой отцовской нежности и скрывал ее от жены, — он предавался ей, только оставаясь наедине с мальчиком.

Он часто брал с собою Рауди по утрам, и они вместе отправлялись в конюшни и в Парк. Маленький лорд Соусдаун, добродушнейший из людей, готовый отдать шляпу со своей головы и главнейшим занятием своей жизни считавший покупку всяких безделушек для того, чтобы их раздаривать, подарил мальчугану крошечного пони, немногим больше крупной крысы, как выразился даритель. И рослому отцу маленького Раудона доставляло удовольствие сажать мальчугана на вороного шотландского пигмея и кататься с ним вместе по Парку. Ему приятно было взглянуть и на свое бывшее обиталище, и на бывших однополчан-гвардейцев у Найтсбриджа: он начал вспоминать о своей холостой жизни с чувством, похожим на сожаление. Старые вояки радостно встречали бывшего офицера и нянчились с сынишкой полковника. А полковник Кроули находил, что обедать в полковом собрании с товарищами-офицерами чрезвычайно приятно.

— Черт поberi, я недостаточно умен для своей жены, я знаю. Она не будет скучать без меня, — говорил он и был прав: жена по нему не скучала.

Ребекка любила мужа. Она всегда бывала с ним приветлива и ласкова. Она даже не очень выказывала ему свое презрение; может быть, он и нравился ей больше за то, что был глуп. Он был для нее старшим слугой и метрдотелем. Он бегал по ее поручениям, безоговорочно исполнял ее приказания, безропотно катался с нею в коляске по кругу, отвозил в оперу, утешался сам в клубе, пока шел спектакль, и пунктуально возвращался за нею в назначенное время. Ему хотелось, чтобы она была поласковее с мальчиком; но и тут он примирился.

— Черт поberi, она, знаете, такая умница, — говорил он. — А я человек не книжный и все такое, знаете...

Действительно, как мы уже говорили, чтобы обыграть в карты и на бильярде, требуется не бог весть какая мудрость, а Раудон ни на какой иной вид искусства и не претендовал.

— Его отец тоже был под Ватерлоо, — сказал старик, державший мальчика на руках. —
Так ведь, Джорджи?

Когда появилась компаньонка, его домашние обязанности сделались совсем не обременительны. Жена сама уговаривала его обедать вне дома, освободила от обязанности ездить в оперу.

— Не сиди и не томись дома сегодня вечером, милый, — говорила она. — У меня соберутся люди, которые будут тебя только раздражать. Я бы не стала их приглашать, но ведь ты знаешь, это ради твоей же пользы. И теперь, когда у меня есть овчарка, мне нечего бояться оставаться одной.

«Овчарка-компаньонка! У Бекки Шарп — компаньонка! Разве это не потеха!» — думала про себя миссис Кроули. И эта мысль немало щекотала присущее ей чувство юмора.

Однажды в воскресенье утром, когда Раудон Кроули, его сынишка и пони совершали обычную прогулку в Парке, они повстречались со старым знакомым и сослуживцем полковника, капралом Клинком: он разговаривал с приятелем, старым джентльменом, державшим на руках мальчугана такого же возраста, как и маленький Раудон. Мальчуган ухватился руками за медаль в память битвы при Ватерлоо, красовавшуюся на груди у капрала, и с восхищением разглядывал ее.

— Доброе утро, ваша честь, — ответил Клинок на полковничье: «Здорово, Клинок». — А этот молодой джентльмен — ровесник маленькому полковнику, сэр, — продолжал капрал.

— Его отец тоже был под Ватерлоо, — сказал старик, державший мальчика на руках. — Так ведь, Джорджи?

— Да, — подтвердил Джорджи. Он и мальчуган, сидевший на пони, смотрели друг на друга во все глаза, торжественно и пылливо, как смотрят дети.

— В линейном полку, — снисходительно пояснил Клинок.

— Он был капитаном *** полка, — торжественно добавил старик. — Капитан Джордж Осборн, сэр, — может быть, вы его знавали? Он умер геройской смертью, сэр, сражаясь против корсиканского тирана.

Полковник Кроули сильно покраснел.

— Я хорошо знал его, сэр, — ответил он. — И его жену, его прелестную молоденькую жену, сэр. Как она поживает?

— Она моя дочь, сэр, — сказал старик, опуская наземь мальчика. И, вынув визитную карточку, с важностью вручил ее полковнику. На карточке стояло:

«М-р Седли, единственный агент угольного товарищества «Черный алмаз», Бэнкерова пристань, Темз-стрит и коттедж Анна-Мария, Фульгам-род, Вест».

Маленький Джорджи тем временем подошел к пони и разглядывал его.

— Не хотите ли покататься? — спросил с седла Раудон-младший.

— Да, — ответил Джорджи.

Полковник, с интересом смотревший на мальчика, поднял его и посадил на пони позади Раудона-младшего.

— Держитесь за него, Джорджи, — сказал он, — обхватите моего сына за талию; его зовут Раудон. — И оба мальчугана принялись хохотать.

— Пожалуй, сегодня мы навряд ли увидим парочку лучше этих двоих, сэр, — заявил добродушный капрал. И полковник, капрал и старый мистер Седли со своими зонтиком двинулись дальше рядом с детьми.

ГЛАВА XXXVIII

О семействе, находящемся в весьма стесненных обстоятельствах

Предположим, что маленький Джордж Осборн прокатился верхом от Найтсбриджа до Фульгама, что он остановится в этой деревушке и наведет справки о некоторых знакомых, покинутых нами там. Оправилась ли миссис Амелия после удара, нанесенного ей под Ватерлоо? Жива ли она и благоденствует ли? Что случилось с майором Доббином, кэб которого постоянно томился в ожидании у ее квартиры? И есть ли какие-нибудь вести о сборщике податей в Боггли-Уолла? Факты, касающиеся этого последнего, вкратце таковы.

Достойный тучный друг наш Джозеф Седли вернулся в Индию вскоре после своего бегства из Брюсселя. То ли истек срок его отпуска, то ли он бо-

ялся встречи со свидетелями его бегства под Ватерлоо, как бы то ни было, он вернулся к своим служебным обязанностям в Бенгалии очень скоро после того, как Наполеон водворился в свою резиденцию на острове Святой Елены, где Джоз и видел бывшего императора. Послушав рассказы мистера Седли на корабельной палубе, всякий подумал бы, что он встретился тогда с корсиканцем не впервые, и что французскому полководцу здорово досталось от нашего чиновника еще под Мон-Сен-Жан. У Джоза имелась тысяча анекдотов о прославленных боях; он знал позиции всех полков и потери, понесенные каждым из них. Он не отрицал, что сам был причастен к этим победам, что он состоял при армии и доставлял депеши герцогу Веллингтону. И он рассказывал, что делал и говорил герцог в любой момент дня Ватерлооской битвы с таким точным знанием всех чувств и действий его светлости, что было ясно: он, несомненно, провел весь этот день бок о бок с победителем, хотя имя его, как не участвовавшего в бою, и не упоминалось в общеизвестных документах, относящихся к этому сражению. Вероятно, он доболтался до того, что и сам поверил, будто действительно находился

в действующей армии; несомненно, что в Калькутте он производил некоторое время громадное впечатление и получил прозвище Ватерлооский Седли, сохранившееся за ним в течение всего его дальнейшего пребывания в Бенгалии.

Векселя, выданные Джозом при покупке злополучных лошадей, были беспрекословно оплачены им и его агентами. Никто не слышал от него намеков на эту сделку, и никому достоверно не известно, что случилось с лошадьми и как Джоз разделился с ними и с Исидором, слугой-бельгийцем, продававшим осенью 1815 года серую лошадь, очень похожую на ту, на которой ездил Джоз.

Лондонские агенты Джоза имели приказ выплачивать ежегодно по сто двадцать фунтов стерлингов его родителям в Фульгаме. Это и являлось главной поддержкой престарелой четы, ибо спекуляции мистера Седли в годы, последовавшие за его разорением, ни в коем случае не способствовали восстановлению нарушенного благосостояния старого джентльмена. Он пытался торговать вином, углем, брался за коммиссионную агентуру какой-то лотереи и т. д. Принимаясь за новую коммерцию, он всякий раз рассылал своим знакомым циркулярные объявления, заказывал новую медную дверную дощечку и напыщенно заявлял, что он еще поправит свои дела. Но фортуна так и не улыбнулась ослабевшему и пришибленному старику. Один за другим покидали его друзья, устав покупать у него дорогой уголь и скверное вино, и, если в какое-нибудь утро он плелся в город, во всем мире одна только его жена воображала, что он еще делает там какие-то дела. Вечером он тихонько приползал обратно, а попозже отправлялся в жалкий клуб в таверне, где рассуждал о государственных финансах. Курьезно было слышать его разговоры о миллионах, ажиотаже, дисконте, о том, что делают Ротшильд и братья Бэринги. Старик говорил о таких огромных суммах, что члены клуба (аптекарь, гробовщик, подрядчик плотничных и строительных работ, приходский клерк, которому негласно дозволялось сюда ходить, и старый наш знакомый мистер Клапп) прониклись к нему уважением.

— Когда-то я жил в лучших обстоятельствах, сэр, — не упускал он сообщить каждому из «завсегдатаев» заведения. — Мой сын, сэр, в данный момент занимает высокий пост в Рамгундже, в президентстве Бенгалии, и получает каждый месяц свои четыре тысячи рупий¹. Моя дочь могла бы стать полковницей, если б захотела. А я, сэр, могу выдать вексель на сына, старшего чиновника магистрата, на две тысячи фунтов стерлингов, срочный, завтрашнего числа, сэр, и Александр оплатит мой вексель наличными, сэр, выложит наличными на конторку, сэр! Но семейство Седли всегда отличалось гордостью.

И я, и вы, дорогой читатель, можем когда-нибудь очутиться в таком же положении; разве многих из наших друзей не постигла та же участь? Счастье может нам изменить, силы — покинуть нас, и наше место на сцене займут иные лица, моложе и лучше нас; волны житейского успеха откатятся и оставят нас разбитыми, выброшенными на берег. Тогда люди начнут переходить на другую сторону улицы при встрече с вами или, еще того хуже, протягивать вам два пальца и покровительствовать из жалости; тогда, можете быть уверены, не успеете вы отойти, ваш бывший друг сейчас же скажет: «Бедняга, каких оплошностей он наделал, какие возможности упустил этот человек!» Да, да, но карета и три тысячи годового дохода не являются высшей наградой или последним словом на божьем суде над людьми. Если шарлатаны так же часто

¹ Рупия — индийская историческая серебряная монета, равнялась 16 английским пенсам.

процветают, как и проваливаются, если шуты преуспевают и плуты наживают состояние, и *vice-versa*¹, если каждому выпадают на долю удачи и неудачи наравне со способнейшими и честнейшими из нас, то я скажу, братья, что дарам и наслаждениям ярмарки тщеславия не следует придавать большого значения, и, вероятно... Впрочем, мы слишком удалились от темы нашего рассказа.

Будь миссис Седли женщиной с энергией, она проявила бы ее после разорения мужа и, наняв большой дом, стала бы сдавать комнаты жильцам. Потерпевший крушение Седли отлично исполнял бы роль мужа хозяйки пансиона, номинального главы и хозяина, эконома, разрезывателя жаркого и скромного супруга обладательницы запыленного трона. Я видал людей незаурядного ума и хорошего воспитания, в свое время сильных и подававших надежды; в молодости они устраивали пиры для местных сквайров и держали охотничьих лошадей, а теперь смиренно нарезают жаркое из бараньей ноги для сварливых старых ведьм и спорят из-за председательского места на своих унылых трапезах. Но миссис Седли, повторяем, не обладала достаточной силой духа, чтобы суетиться из-за «немногих избранных постояльцев», которым предлагается «поселиться в приятном музыкальном семействе», о чем приходится читать в «Таймсе». Она довольствовалась тем, что лежала на берегу, куда ее выбросила судьба; и ясно, что карьере старой четы пришел конец.

Не думаю, чтобы они были несчастливы. Может быть, они стали надменнее в падении, чем были во времена благополучия. Миссис Седли всегда оставалась важной особой в глазах своей домовой хозяйки миссис Клапп, когда спускалась в подвал или в прибранную кухню и проводила там с миссис Клапп по несколько часов. Чепцы и ленты горничной-ирландки Бетти Флэнаган, ее нахальство, лень, беспечная расточительность в отношении сжигаемых на кухне свечей, поглощаемого ею чая, сахара и так далее занимали и развлекали старую даму не меньше, чем сутолока в ее прежнем хозяйстве, когда у нее были и Самбо, и кучер, и грум, и мальчик-посыльный, и экономка со множеством женской прислуги ее прежнего хозяйства, о котором почтенная дама вспоминала сотни раз ежедневно. А помимо Бетти Флэнаган, миссис Седли сама, как «единая прислуга», держала под наблюдением служащих со всей улицы. Она знала про каждого из нанимателей соседних коттеджей, кто заплатил, а кто задолжал свою грошовую наемную плату. Она отступала в сторону, когда мимо нее проходила актриса миссис Ружмон со своими сомнительного происхождения детьми. Вскидывала голову, когда жена аптекаря миссис Пэстлер проезжала мимо в профессиональном одноконном шарабане своего мужа. Она вела беседы с зеленщиком по поводу грошового пучка любимой мистером Седли репы, следила за молочником, за мальчишкой в булочной; наносила визиты мяснику, продававшему сотни бычьих туш, вероятно, с меньшим шумом, чем какой поднимался из-за бараньего филея, облюбованного миссис Седли; вела счет картофелю, что подавался к жаркому по воскресеньям, и в этот день, разодевшись в самое лучшее платье, дважды отправлялась в церковь, а вечером читала «Проповеди Блэра».

По воскресеньям же, — ибо в будни предаваться такому удовольствию мешали «дела», — старик Седли любил пройтись вместе с внуком Джорджи в соседние парки или в Кенсингтонский сад, поглазеть на солдат или покормить уток. Джорджи любил красные мундиры, а дед рассказывал ему, что его отец был славный воин, и

¹ Наоборот (*фр.*).

представлял его многочисленным сержантам и другим чинам, украшенным ватерлоо-скими медалями; старый дед торжественно рекомендовал ребенка как сына капитана Осборна *** полка, что погиб славной смертью в славный день 13 июня. Видали, как он угощал этих отставных воинов стаканчиком портера, и, действительно, в первые же воскресные прогулки он обнаружил склонность баловать маленького Джорджи и так усердно напичкивал его яблоками и пряниками, в ущерб его здоровью, что Амелия заявила: она никогда больше не пустит Джорджи с дедушкой, если тот торжественно, честью своей не обещает не кормить ребенка пирожными, леденцами и никакими лакомствами, продаваемыми в ларьках.

Между миссис Седли и ее дочерью установилась некоторая холодность из-за мальчика и тайная ревность. Однажды вечером, в дни раннего детства Джорджа, Амелия, сидевшая за работой в маленькой гостиной, не заметила, что старуха вышла из комнаты; услышав крики ребенка, спавшего в детской, она бросилась наверх и застала миссис Седли, тайком вливавшую ребенку эликсир Даффи. Увидев такое втор-

жение в ее материнские права, Амелия, кротчайшая и нежнейшая из всех заурядных смертных, затрепетала и затряслась от гнева. Обычно бледные щеки ее вспыхнули и стали такими красными, какими были у нее в двенадцатилетнем возрасте. Она вырвала ребенка из рук матери, потом схватила пузырек и отбежала от старухи, которая гневно смотрела на нее, держа в руке орудие преступления — чайную ложку.

Амелия с треском швырнула пузырек в камин.

— Я не хочу, чтобы малютку отравляли, мама! — закричала Эмми; она сильно раскачивала ребенка, обхватив его обеими руками, и обернулась к матери, сверкая глазами.

— Отравляли, Амелия? — воскликнула старуха. — Такие слова мне?!

— Он не будет принимать никаких лекарств, кроме тех, какие присылает мистер Пэстлер. Он сказал мне, что эликсир Даффи — яд!

— Прекрасно, значит, ты считаешь меня убийцей, — ответила миссис Седли. — Вот как ты со мной разговариваешь! Меня постигли несчастья, я низко пала в жизни: я имела собственный экипаж, а теперь хожу пешком, но до сих пор я не знала, что я — убийца, и благодарю тебя за эту новость!

— Мама, — заговорила бедняжка, уже готовая расплакаться, — не будьте так строги ко мне! Я не думала... я не хотела... то есть я не думала обвинять вас в том, что вы хотите причинить вред малютке, только...

— О, нет, милочка, ты только сказала, что я убийца; в таком случае меня лучше отправить в тюрьму. Хотя я не отравила тебя, когда ты была маленькой, а дала тебе самое лучшее воспитание, нанимала самых дорогих учителей, каких можно достать за деньги. Да, я выкормила пятерых детей и похоронила троих. И вот та из моих детей, кого я больше всех любила, выходила и от крупы, и когда зубки шли, и от скарлатины, и от коклюша, — та самая дочь, для которой я нанимала заграничных учителей, невзирая на расходы, и отдала дня усовершенствования в «Минерва-Хаус» (сама я, будучи девушкой, ничего этого не имела и стремилась почитать родителей, чтобы быть долговечной на земле и приносить пользу, а не дулась по целым дням в своей комнате, разыгрывая из себя важную особу), — эта самая дочь называет меня убийцей! Ах, миссис Осборн, желаю вам не вскормить на груди змею, вот о чем я буду молиться!

— Мама, мама! — воскликнула растерявшаяся Эмми, а малютка у нее на руках разразился страшнейшим криком.

— Убийца, подумайте! Встань лучше на колени, Амелия, и помолись богу, чтобы он очистил твоё злое и неблагодарное сердце и простил тебя так, как прощаю я! — И миссис Седли величественно вышла из комнаты, еще раз прошепив слово «яд» и завершив тем свое милосердное прощение.

До самой смерти миссис Седли эта размолвка между ней и дочерью так и не сгладилась. Ссора доставила старухе неисчислимые преимущества, которыми она неукоснительно пользовалась с женской изобретательностью и настойчивостью. Так, например, в течение ближайших следовавших недель она почти не разговаривала с Амелией. Она запрещала прислуге прикасаться к ребенку, говоря, что миссис Осборн рассердится. Упрашивала дочь посмотреть и самой удостовериться, что в кашки, которые готовятся для Джорджи, не подмешано яду. Если соседи осведомлялись о здоровье мальчугана, старуха колко направляла их к миссис Осборн. Сама она никогда не осмеливается спросить, здоров маленький или нет. Сама она никогда не прикасается к ребенку, хотя он ей внук, и горячо любимый, потому что она ведь не умеет обращаться с детьми и может причинить ему смертельный вред. А когда мистер Пэстлер являлся для врачебного осмотра малютки, она принимала «доктора» с таким насмешливым и презрительным видом, что тот уверял, будто даже леди Систлвуд, которой он имеет честь оказывать медицинскую помощь, не напускает на себя такой важности, как старая миссис Седли, а между тем он никогда не берет с нее никакой платы. Весьма вероятно, Эмми, с своей стороны, тоже ревновала ребенка, но какая мать не ревнует ко всем, кто ухаживает за ее детьми или становится кандидатом на первое место в их привязанностях? Достоверно одно: если кто-нибудь нянчился с ребенком, Эмми делалось не по себе, и она одинаково не позволяла миссис Клапп и

горничной одевать малютку и ухаживать за ним, как не допускала их мыть портрет-миниатюру мужа, висевший над ее узенькой кроваткой, той самой кроваткой, которую бедняжка покинула ради супружеского ложа и к которой теперь опять вернулась на долгие, молчаливые, преисполненные слез, но все же счастливые годы.

В этой комнатке сосредоточились все сокровища и вся любовь Амелии. Здесь нянчилась она со своим сынишкой и выхаживала его от многочисленных детских болезней с настойчивостью страстной материнской любви. Старший Джордж как бы возвращался в малютке, только в исправленном виде, словно слетел к ней с неба. Сотнями интонаций, взглядами, движениями сын настолько напоминал отца, что сердце вдовы трепетало, когда она прижимала к нему ребенка, и мальчик часто спрашивал, о чем она плачет. Она плакала оттого, что он был так похож на отца, и не стеснялась говорить об этом Джорджу. Она постоянно рассказывала ему о покойном отце и распространялась о своей любви к Джорджу перед невинным и недоумевающим ребенком гораздо больше, чем когда-либо говорила об этом самому Джорджу или какой-нибудь наперснице своей юности. С родителями Эмми никогда не касалась этого предмета: она стеснялась раскрывать перед ними свое сердце. Малютка Джорджи, весьма вероятно, понимал ее не больше, чем поняли бы они, но в его ушки — и только в его — она изливала свои сердечные тайны без удержу. Самая радость у этой женщины носила отпечаток скорби или по крайней мере была настолько сентиментально-нежной, что выражалась в слезах. Чувства ее были так робки и трепетны, что, пожалуй, их не следовало бы описывать в книге. Доктор Пэстлер (ныне он весьма известный врач по женским болезням, разъезжает в роскошной темно-зеленой карете и рассчитывает на скорое возведение в рыцарское достоинство и на собственный домик в Манчестер-сквере) рассказывал мне, что горе Амелии, когда мальчика пришлось отнимать от груди, растрогало бы самого Ирода. В былое время мистер Пэстлер отличался большим мягкосердечием, и жена смертельно ревновала его к миссис Амелии и тогда, и еще долго спустя.

Пожалуй, докторша имела основательные причины для ревности: большинство женщин, составлявших маленький кружок знакомых Амелии, разделяли это чувство, и восторженное отношение к Амелии противоположного пола вызывало в них сильное раздражение. Ибо почти все мужчины, соприкасавшиеся с ней, влюблялись в нее, хотя, несомненно, и сами не могли бы объяснить, почему. Она ничем не блистала: ни остроумием, ни чрезвычайным умом, ни особенной красотой. Но где бы она ни появлялась, она умиляла и очаровывала поголовно всех мужчин так же неизменно, как возбуждала пренебрежение и недоверие среди представительниц своего собственного пола. Я думаю, что главное очарование Амелии заключалось в ее беспомощности — в нежной покорности и мягкости, словно взывавших к каждому встречавшемуся на ее пути мужчине о сочувствии и покровительстве. Мы видели, как в полку, хотя она мало с кем из тогдашних товарищей Джорджа вступала в беседу, все юные воины в офицерском собрании готовы были обнажить сабли на ее защиту; так же и в тесном пансионе и кружке Фульгама она интересовала всех и всем нравилась. Будь Амелия самой миссис Манго из знаменитой фирмы «Манго, Плантен и Ко», что в Крэтчед-Фрайрсе, обладательницей великолепной дачи Пайнери в Фульгаме, устраивавшей летние *déjeuners* для герцогов и графов и разъезжавшей по всему приходу с лакеями в торжественных желтых livreaх и на таких гнедых лошадях, каких не найти и в королевских кенсингтонских конюшнях, — повторяю, будь Амелия самой миссис Манго или женою ее сына, леди Мери Манго (дочерью графа Кэстльмууди, удостоившей главу фирмы своей руки), то и

тогда бы местные торговцы не смогли проявить к ней большей почтительности, чем теперь неизменно оказывали кроткой молодой вдове, когда она проходила мимо их лавок или заходила в них за скромными своими покупками.

Так, не только мистер Пэстлер, сам доктор, но и его юный ассистент, мистер Линтон, лечивший слуганок и мелких торговцев и ежедневно сидевший в докторской приемной за чтением «Таймс», открыто заявлял себя рабом миссис Осборн. Он был представительным молодым человеком и встречал у миссис Седли гораздо более радужный прием, чем его принципал; если с Джорджи случалось что-нибудь неладное, он заходил проведать малютку по два, по три раза в день, даже и не помышляя о гонораре. Он извлекал из ящиков докторской аптеки мятные лепешки, тамаринды¹ и другие снадобья для Джорджи и составлял для него капли и микстуры такой волшебной сладости, что болезнь превращалась для ребенка в сущее удовольствие. Вместе с Пэстлером, своим начальником, он просидел две ночи напролет возле мальчика в ту памятную и страшную неделю, когда Джорджи болел корью и когда, глядя на ужас матери, можно было подумать, что до сих пор никто в мире не хворал корью. А разве стали бы они поступать так по отношению к другим? Разве они просиживали ночи ради обитателей Пайнери, когда Ральф Плантадженет и Гуэндолин и Гуиневвер Манго хворали тою же самою детскою болезнью? Разве они дежурили возле маленькой Мери Клапп, хозяйской дочки, заразившейся корью от Джорджи? Истина заставляет нас признаться, что нет. Они преспокойно спали — по крайней мере, когда хворала Мэри — и заявили, что это случай легкий и пройдет без лечения, а когда девочка стала поправляться, заставили ее просто ради приличия принимать одно-два лекарства, в которое с полнейшим равнодушием намешали хины.

Далее, напротив жил французик-шевалье² что давал уроки своего родного языка в нескольких окрестных школах, а по ночам разыгрывал у себя на квартире старинные дребезжащие гавоты и менуэты на хрипучей старой скрипке. Когда этот напудренный учтивый старичок, не пропускавший ни одной воскресной службы в монастырской церкви в Хаммерсмите и во всех отношениях, образом мыслей, поведением и манерами, совершенно непохожий на бородатых дикарей из своей нации, что и по сие время ругают коварный Альбион на *Quadrant arcades* и косятся на вас поверх своих сигар, — когда старенький шевалье де Талонруж говорил о миссис Осборн, он сначала втягивал хорошую понюшку табаку, изящным жестом смахивал приставшие частицы табачной пыли, собирал пальцы в пучок и, поднеся ко рту, распускал их с поцелуем и восклицал: «*Ah, la divine créature!*»³ Он клялся, что когда Амелия прогуливается по Бромптонлену, то под ее ножками расцветают ковры цветов. Джорджи он называл Купидоном и спрашивал его, здорова ли его мамаша Венера; а изумленную Бетти Флэнаган уверял, что она одна из трех граций и любимейшая прислужница здешней *Reine des Amours*⁴.

Можно было бы привести множество примеров этой легко приобретенной и невольной популярности. Разве добрый и любезный викарий приходской церкви, к кото-

¹ *Тамаринд индийский, или индийский финик* — растение семейства бобовых, тропическое дерево, мякоть плодов которого используется как слабительное средство.

² *Шевалье* — здесь: кавалер одного из орденов.

³ Ах, божественное создание! (*фр.*)

⁴ Царицы любви (*фр.*).

рой была приписана семья Седли, не навещал усердно вдову, не качал на коленях мальчугана и не предлагал учить его латинскому языку, к досаде своей сестры, старой девы, заведовавшей его хозяйством? «В ней ничего нет, Бельби! — уверяла последняя. — Когда она приходит к нам на чай, она слова не проронит за весь вечер. Она просто жалкое сентиментальное создание и, по-моему, совершенно бессердечна. Вы, все мужчины, восхищаетесь в ней только хорошеньким личиком. Мисс Грэтс, на мой вкус, в тысячу раз приятнее — у нее вдвое больше характера, пять тысяч фунтов, да еще виды на будущее; и будь она красива, я знаю, вы сами признали бы ее совершенством».

Вероятно, мисс Бинни была в значительной степени права. Действительно, красивое личико порождает симпатию в сердцах мужчин, этих испорченных негодяев. Женщина может обладать мудростью и целомудрием Минервы, — мы не подарим ее и взглядом, если у нее некрасивое лицо. Какое безрассудство не простится ради пары ярких глаз! Какая пошлость не покажется приятной, когда она произносится алыми губками и нежным голосом! И вот, с присущим им чувством справедливости, дамы выводят заключение, что, если женщина красива, значит, она глупа. О дамы, дамы! Многие из вас и некрасивы, и неумны!

Описывая жизнь нашей героини, мы вынуждены говорить только о самых заурядных событиях. Повесть ее не изобилует чудесами, как, несомненно, уже заметил

благосклонный читатель; и, если бы велся дневник всем ее деяниям за семь лет, истекших со дня рождения ее сына, в этом дневнике нашлось бы лишь немного событий

примечательней кори, о которой рассказывалось на предыдущей странице. Впрочем, однажды, к великому изумлению Амелии, его преподобие, только что упомянутый мистер Бинни, предложил ей переменить фамилию Осборн на его собственную; тогда, сильно покраснев и со слезами на глазах и в голосе, она поблагодарила викария за оказанную ей честь, выразила признательность за внимание к ней и ее бедному мальчику, но заявила, что никогда, никогда не сможет подумать ни о ком, кроме... кроме мужа, которого она лишилась.

Двадцать пятого апреля и восемнадцатого июня, в годовщины свадьбы и смерти мужа, Амелия совсем не выходила из своей комнаты, целиком посвящая эти дни (и неизвестно сколько часов одиноких ночных размышлений, когда малютка спал рядом с нею в колыбели) памяти утраченного друга. В обычное время, днем, она проявляла большую активность. Учила Джорджа читать, писать, немножко — рисованию. Читала сама книги, чтобы потом рассказывать мальчику разные вычитанные истории. По мере того как глазки его раскрывались шире, а ум развивался под впечатлением окружающего внешнего мира, она старалась, всеми своими скромными силами, научить его познавать творца всего сущего; и каждое утро, и каждый вечер (в торжественном и трогательном единении, при воспоминании о котором затрепещет сердце всякого, кто наблюдал или сам переживал его) мать и сын вместе молились небесному отцу, причем мать вкладывала в молитву все свое смиренное сердце, а малютка лепетал за нею слова молитвы. И всякий раз они молили бога благословить дорогого папу, как если бы он был жив и находился в одной комнате с ними.

Много часов уходило на умывание и одевание юного джентльмена, на прогулки с ним по утрам, перед завтраком и уходом дедушки «по делам», на сооружение ему изумительных и замысловатых костюмчиков, для которых бережливая вдова перекраивала и перешивала всякий пригодный лоскут из нарядов, сохранившихся в ее гардеробе от времен замужества, ибо (к огорчению матери, предпочитавшей цветные платья, особенно со времени постигшего ее несчастья) миссис Осборн сама носила теперь только черные платья и соломенные шляпки с черной лентой. Остальные часы она посвящала заботам об отце и матери. Она постаралась научиться играть в криббедж¹ и помогала отцу коротать за этой игрой вечера, когда он не уходил в клуб. Она пела ему, когда он бывал в настроении ее слушать, и это служило хорошим признаком, потому что он неизменно сладко засыпал под музыку. Она переписывала его многочисленные памятные записи, письма, циркуляры и проекты. Ее рукой уведомлялось большинство прежних знакомых старого джентльмена о том, что мистер Седли состоит агентом угольной компании «Черный алмаз» и готов поставить своим друзьям и почтеннейшей публике наилучший беззолный уголь по столько-то шиллингов за чельдрон². Самому же старику оставалось только снабдить циркуляры своей подписью и росчерком да надписать дрожащим конторским почерком адреса. Один из таких документов был отправлен майору Доббину на Риджент-стрит, через посредство господ Кокс и Гринвуд; но так как майор в то время находился в Мадрасе, то угля ему особенно не требовалось. Он, впрочем, узнал руку, писавшую объявление. Боже милостивый! Чего бы он ни дал, чтобы поддержать ее в своей! Затем пришло второе объявление, уведомлявшее майора, что «Седли и К^о», учредив агентства в Опорто, Бордо и Сен-Мари, имеют возмож-

¹ *Криббедж* — карточная игра для двух игроков.

² *Чельдрон* — мера веса, ок. 2000 фунтов, по которой обычно продается в Англии уголь.

ность предложить своим друзьям и публике вообще знаменитейшие сорта портвейна, хереса и красных бордосских вин по скромным ценам и на необычайно выгодных условиях. Основываясь на этом предложении, Доббин отчаянно наседал на губернатора, главнокомандующего войсками, на судей, на полки, на всех, кого знал в президентстве, и послал «Седли и К°» столько заказов на вина, что поверг в полное изумление мистера Седли и мистера Клаппа, олицетворявшего в предприятии «компанию». Но после прилива этой первой удачи, на основании которой бедняга старик Седли уже готов был построить себе дом в городе, обзавестись полком клерков, собственным доком и корреспондентами на всем земном шаре, дальнейших заказов не последовало. Старый джентльмен утратил былую тонкость понимания в винах: на майора Доббина посыпались жалобы из всех офицерских собраний за отвратительные напитки, попавшие туда через его посредство; так что ему пришлось скупить обратно большую часть этих вин и продать их с публичного торга, потерпев при этом огромный убыток.

Что касается Джоза, который к этому времени занял кресло в Совете департамента доходов в Калькутте, то он пришел в дикую ярость, когда почта доставила ему целую пачку этих сногшибательных циркуляров при личном письме отца, в котором последний заявлял, что рассчитывает на его помощь в затаянном предприятии и выслал ему некоторое количество отборных вин, указанных в фактуре, выписав от его имени векселя на сумму фактуры. Джоз, так же мало допускавший, чтобы его отец — отец Джоза Седли, члена Совета департамента доходов! — торговал вином и выпрашивал заказы, как и то, чтобы он сам выступил в роли простачка, гневно отказался от уплаты по векселям и грубо ответил старику, рекомендуя ему самому позаботиться о своих делах; протестованные векселя отправились обратно. «Седли и К°» пришлось их выкупить на барыши, вырученные от мадрасской операции, да еще прибавить часть сбережений Эмми. Кроме вдовьей пенсии в размере пятидесяти фунтов в год, после смерти Осборна у агента его оставалось пятьсот фунтов, согласно заявлению душеприказчика Джорджа — Доббина; эту сумму майор, в качестве опекуна маленького Джорджа, предложил поместить из восьми процентов годовых в одну индийскую агентурную фирму. Мистер Седли, заподозрив майора в тайных корыстных видах на эти деньги, решительно восстал против его плана; он отравился к агентам, чтобы лично протестовать против подобного употребления денег, но тут, к изумлению своему, узнал, что такой суммы в их руках не имеется, что все состояние покойного Джорджа, при наличии непокрытых долгов, составляет неполных сто фунтов и что упомянутые пятьсот фунтов представляют, вероятно, какую-то отдельную сумму, происхождение и назначение которой должны быть известны майору Доббину. Более чем когда-либо убежденный, что происходит какое-то мошенничество, старик обрушился на майора. В качестве ближайшего друга своей дочери, он властно потребовал у него отчета в суммах, оставленных покойным капитаном. Нерешительные ответы, краска на лице и смущение Доббина только усилили подозрение старика, что он имеет дело с плутом; и он торжественным тоном высказал ему свое «мнение», как он выразился, попросту заявив, что, по его убеждению, майор противозаконно удерживает деньги его покойного зятя.

При этих словах Доббин вышел из себя, и, будь его обвинитель не так стар и слаб, между ними произошла бы ссора в комнате при кафе Слоутерса, где происходил разговор обоих джентльменов.

— Пойдемте наверх, сэр, — пробормотал майор. — Я требую, чтобы вы пошли наверх, и я покажу вам, кто из нас является потерпевшею стороной: бедняга Джордж или

я! — И, притащив старика в свою спальню, он извлек из конторки счетные записи и пачку долговых расписок Осборна, которые последний, надо отдать ему справедливость, выдавал с величайшей готовностью. — Он расплатился по своим векселям в Англии, — добавил Доббин, — но, когда его убили, у него не было и ста фунтов за душой. Это я и двое-трое товарищей-офицеров собрали между собой ту маленькую сумму из своих последних средств, а вы смеете говорить нам, что мы хотим обобрать вдову и сироту.

Седли был очень огорчен и сконфужен, хотя в действительности Уильям Доббин изрядно налгал старику: он сам дал полностью все пятьсот фунтов, похоронил на свой счет приятеля и оплатил все расходы, связанные с его смертью и с переездом бедной Амелии.

Об этих расходах старик Седли не дал себе труда подумать, как не подумал никто из родственников Амелии, ни она сама. Она доверяла счетоводным способностям Доббина, принимала его довольно-таки путанные вычисления за достоверные и никогда не догадывалась, как много она ему должна.

Два-три раза в год, согласно данному обещанию, она писала Доббину письма в Мадрас, письма, целиком посвященные Джорджи. И как он берег эти бумажки! На каждое письмо Амелии он отвечал, но никогда не писал ей сам. Зато без конца посылал напоминания о себе и ей, и крестнику. Заказал и прислал целую картонку с шарфами и фигурные шахматы из слоновой кости, выписанные из Китая. Пешек изображали зеленые и белые человечки с настоящими мечами и щитами, кони были со всадниками, туры — на слонах. «У миссис Манго в Пайнери шахматы гораздо хуже этих», — заметил мистер Пэстлер.

Эти шахматные фигуры доставляли огромную радость Джорджи, и первые печатные буквы он вывел, уведомляя крестного о получении этого подарка. Доббин посылал консервы, варенье и пикули, — последними юный джентльмен полакомился тайком у буфета и чуть не задохнулся. Он решил, что это наказание за воровство, так они были едки! Эмми описала в комическом духе это злоключение майору; и тот обрадовался, подумав, что настроение ее улучшается, что она может теперь иногда испытывать веселость. Он послал две шали: белую — Эмми, и черную с пальмовыми листьями — ее матери, и два красных теплых шарфа для старого мистера Седли и Джорджа. Шали стоили по самой низкой оценке не меньше пятидесяти гиней каждая, как то хорошо понимала миссис Седли. Она надевала свою в парадных случаях, отправляясь в церковь в Бромптоне, и знакомые дамы поздравляли ее с роскошной обновкой. Белая шаль тоже очень украшала скромное черное платье Эмми.

— Как жаль, что она и думать о нем не хочет! — говорила миссис Седли миссис Клапп и всем своим знакомым в Бромптоне. — Джоз никогда не посылал нам таких подарков и урезывает нас во всем. Ясно, что майор по уши влюблен в нее, но стоит мне только намекнуть на это, она покраснеет, расплечется, уходит наверх и сидит там перед своей миниатюрой. Как мне опротивела эта миниатюра! Как я была бы рада, если б мы никогда не видели этих отвратительных Осборнов, кичащихся своим богатством!

Среди таких скромных сцен и окружения протекало раннее детство Джорджа, и мальчик рос хрупким, чувствительным, властным, изнеженным, командуя над кроткой матерью, которую он любил со страстной нежностью. Он командовал и всем остальным маленьким мирком, окружавшим его. По мере того как он становился старше, взрослые дивились его высокомерию и все увеличивавшемуся сходству с отцом. Он задавал вопросы решительно обо всем, по примеру всех любознательных детей. Глубина его заме-

чаний и расспросов поражала старика деда, который отчаянно изводил клуб, собиравшийся в таверне, рассказами о гениальности и научных познаниях мальчугана. Бабушку Джорджи терпел с добродушным безразличием. Тесный кружок, в котором он вращался, был убежден, что равного ему ребенка не существует на всем земном шаре. Джордж унаследовал отцовскую гордость и, пожалуй, думал, что они не ошибаются.

Когда ему минуло шесть лет, Доббин начал очень часто писать ему. Майор желал знать, ходит ли Джордж в школу, и выражал надежду, что он с честью справится со всем, что там требуется. Или, может быть, Джордж предпочитает иметь хорошего воспитателя дома? Ему уже пора начинать учиться; и крестный отец и опекун намекал, что он надеется, ему будет дозволено принять на себя расходы по воспитанию мальчика, которые иначе лягут слишком тяжелым бременем на скудные средства матери. Словом, майор постоянно думал об Амелии и ее сынишке и приказал своим доверенным снабжать последнего книжками с картинками, красками, пюпитрами и всевозможными пособиями для обучения и забавы. За три дня до шестой годовщины рождения Джорджа к дому мистера Седли подъехал господин в кабриолете, сопровождаемый слугой, и пожелал видеть мастера¹ Джорджа Осборна: то был мистер Уольси, военный портной с Кондьют-стрит, явившийся по приказу майора снять мерку с юного джентльмена, чтобы сшить ему суконный костюм. Он имел честь шить на капитана, папашу юного джентльмена.

Иногда, и тоже, без сомнения, по желанию майора, его сестры мисс Доббин езжали в фамильной карете за Амелией и ее мальчиком и везли их кататься, если тем того хотелось. Покровительственная любезность этих дам очень стесняла Амелию, но она переносила ее довольно кротко, ибо уступчивость лежала в ее натуре; а кроме того карета и пышный выезд доставляли маленькому Джорджу огромное наслаждение. Иногда девицы упрашивали Амелию отпустить к ним ребенка на весь день, и Джорджи с радостью отправлялся в красивый дачный дом на Дэнмарк-Хилле, где жили Доббины и где в теплицах росли персики, а по шпалерам² — такой чудесный виноград.

Однажды они любезно явились к Амелии с вестями, которые, разумеется, поражают ее, — нечто очень интересное, касающееся их милого Уильяма.

— Что же это такое? Он возвращается домой? — спросила Амелия, и глаза ее засияли от удовольствия.

Ах, нет, ничего подобного, но они имеют большие основания думать, что милый Уильям собирается жениться на родственнице близкой подруги Амелии — на мисс Глорвине О'Дауд, сестре сэра Майкэля О'Дауда; она поехала к леди О'Дауд в Мадрас. Все говорят, очень красивая и благовоспитанная девушка.

Амелия сказала: «Ах!» Амелия действительно очень обрадовалась. Но она подумала, что Глорвина не может быть похожа на ее бывшую приятельницу, которая была так добра, но... но она была действительно очень рада. И по какому-то странному побуждению, значения которого я не могу объяснить, она схватила на руки Джорджа и принялась целовать его с необычайной нежностью. Когда она спустила мальчика на землю, глаза ее были влажны, и она едва ли вымолвила слово в продолжение всей прогулки — хотя была в самом деле очень, очень рада.

¹ *Мастер* (устар.) — здесь: обращение к мальчику, который слишком молод, чтобы называть его мистер.

² *Шпалера* — решетка для поддержки вьющихся растений.

ГЛАВА XXXIX

Глава циничная

бязанность наша заставляет нас теперь вернуться к некоторым нашим старым гэмпширским знакомцам, чьи надежды относительно распределения состояния их богатой родственницы были так жестоко обмануты. Получить вместо тридцати тысяч фунтов, на которые он рассчитывал, всего пять тысяч — было для Бьюта Кроули тяжким ударом; из этой суммы, за уплатой его собственных долгов и студенческих долгов сына Джима, на долю его четырех некрасивых дочерей оставалась сущая безделица. Миссис Бьют никогда не узнала, или по крайней мере никогда не призналась, насколько ее собственное тираническое поведение способствовало разорению ее мужа. Она клялась и уверяла,

что сделала все, что может сделать женщина. Ее ли вина, что она не обладает льстивою услужливостью, какую пустил в ход ее племянник, лицемер Питт Кроули? Она желает ему того счастья, которого он заслужил своей добытой кривыми путями наживой.

— По крайней мере, деньги хоть останутся в семье, — милостиво говорила она. — Питт ни за что их не растратит, мой милый, за это можно поручиться; ведь большего скряги не найти во всей Англии, и он так же противен — хотя и в другом смысле — как его расточительный братец, отщепенец Раудон!

Итак, миссис Бьют после первого взрыва ярости и отчаяния начала старательно приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам, урезывая и экономя на всем, на чем могла. Она учила своих дочерей переносить бедность весело и придумывала тысячи замечательных способов скрывать или обходить ее. С похвальной энергией таскала их по балам и общественным собраниям во всем округе; мало того, устраивала своим знакомым радушные и веселые приемы в пасторате и даже гораздо чаще, чем до того, как наследство мисс Кроули пролетело мимо. Судя по внешности никто бы не заподозрил, что семья Бьюта обманулась в своих ожиданиях, никто бы не догадался по частым ее появлениям в обществе, насколько она была стеснена и голодала дома. Девицам покупалось гораздо больше модных нарядов, чем они имели когда-ли-

бо раньше. Они аккуратно появлялись на всех собраниях в Саутгэмптоне и Уинчестере, забирались даже в Коус, когда по случаю скачек или гребных гонок там устраивались балы или празднества; их карета, влекомая лошадьми, взятыми от плуга, безостановочно разъезжала взад-вперед, так что у всех чуть не установилось убеждение, что четыре сестры получили порядочные состояния от тетки, имя которой вся семья произносила при посторонних не иначе как с нежнейшей благодарностью и почтением. Я не знаю более частого вида лжи на ярмарке тщеславия, как именно этот, и надо заметить, что люди, прибегающие к такой лжи, проникаются уважением к себе за свое лицемерие и считают себя необычайно добродетельными и достойными похвалы за способность обманывать весь свет относительно размера своих средств.

Миссис Бьют, разумеется, считала себя одной из добродетельнейших женщин в Англии, а зрелище, какое представляла собою ее счастливая семья, было назидательно для непосвященных. Девушки были так веселы, так нежны, так благовоспитанны, так простодушны. Марта прелестно рисовала цветы и снабжала своими произведениями половину всех благотворительных базаров в графстве. Эмма была настоящим песнопевцем графства, и ее стихи, печатавшиеся в «Гэмпширском телеграфе», служили украшением его «Поэтической странички». Фанни и Матильда пели дуэты, мамаша аккомпанировала, а две другие сестры сидели, обняв друг друга за талию, и внимали им с любовью. Никто не видел, как бедные девушки долбили эти дуэты в уединении. Никто не видел, как строго муштровала их мамаша ежедневно по целым часам. Словом, миссис Бьют бодро смотрела в лицо несчастью и соблюдала приличия самым доблестным образом.

Все, что может сделать хорошая и почтенная мать, миссис Бьют проделывала. Она залучала к себе всех гонщиков из Саутгэмптона, пасторов из соборной ограды в Уинчестере, офицеров из тамошних казарм. Пыталась заманить в сети юных адвокатов из сессий присяжных и уговаривала Джима привозить с собой товарищей, с которыми он отправлялся охотиться. Чего не сделает мать ради блага возлюбленных чад!

Ясно, что между такою женщиной и ее деверем, ненавистным баронетом, жившим в замке, общего могло быть очень мало. Разрыв между Бьютом и его братом сэром Питтом произошел полный, да и между сэром Питтом и всем графством, для которого старик являлся позором, тоже. Его отвращение к порядочному обществу возрастало с годами, и ворота в парк не открывались ни для одного барского экипажа с тех самых пор, как Питт и леди Джейн приезжали с обязательным свадебным визитом.

То был жуткий и злосчастный визит, о котором семья вспоминала не иначе, как с ужасом. Питт с мрачным видом попросил жену никогда не напоминать о нем, и вообще подробности приема, оказанного сэром Питтом сыну и невестке, сделались известны только благодаря миссис Бьют, по-прежнему знавшей обо всем, что происходило в замке.

Проезжая по главной аллее парка в щеголеватой, изящно отделанной карете, Питт с испугом и гневом заметил большие просеки между деревьями — его деревьями, срубленными баронетом совершенно самовольно. Парк представлял зрелище крайнего запустения и разрушения. Аллеи для катания содержались дурно, и щегольская карета хлюпала и проваливалась в грязные лужи, стоявшие на дороге. Большая площадка перед террасой и главным подъездом почернела и заросла мхом, когда-то нарядные цветочные клумбы исчезли под травой и бурьяном. Почти все ставни по фасаду дома были закрыты, засов с парадного подъезда сняли лишь после продолжи-

тельного звона в колокол; видно было, как некая особа, увешанная лентами, порхнула вверх по почерневшей дубовой лестнице, когда Горрокс наконец выпустил наследника Куинс Кроули и его молодую жену в вестибюль их предков. Горрокс повел их в так называемую «библиотеку» сэра Питта, и запах табачного дыма становился все сильнее по мере приближения Питта и леди Джейн к этой комнате. Горрокс, как бы извиняясь, заметил, что сэр Питт не совсем здоров, и дал понять, что хозяин его страдает прострелом.

Библиотека выходила окнами на главную аллею и парк. Сэр Питт, приотворив одно из окон, кричал из него на почтальона и слугу Питта, видимо собиравшихся снимать багаж.

— Не смейте снимать ни одного из этих чемоданов! — кричал он, тыча трубкой, которую держал в руке. — Тэкер, дурак, ведь это простой утренний визит. Господи, отчего это у лошади такие трещины на копытах? Неужели в «Кингс-Хэде» некому их смазать? Здравствуй, Питт! Здравствуйте, милая. Приехали провести старика, а? Ба! Да у вас премиленькая мордочка! Вы не похожи на свою мамашу, эту старую кобылицу. Подойдите и поцелуйте старого Питта, как подобает славной пай-девочке.

Объятия несколько смутили невестку, как вообще смущают ласки небритых и пропахших табаком стариков. Но она вспомнила, что ее брат Соусдаун тоже носит усы и курит сигары, и не слишком неохотно подчинилась ласкам баронета.

— Питт потолстел, — сказал баронет после этих проявлений родственных чувств. — А он не зачитывает вас длиннейшими проповедями, милочка? Сотый псалом, вечернее песнопение, а, Питт? Ступай и принеси рюмку мальвазии и печенья для леди Джейн, Горрокс, болван, не стой и не пялся тут, словно жирный боров! Я не стану приглашать вас остаться погостить, моя дорогая, вы сами нашли бы это глупым, да и мы с Питтом тоже. Я ведь теперь совсем старик и не могу отказаться от своих слабостей, ни от трубки, ни от триктрака¹ по вечерам.

— Я умею играть в триктрак, сэр, — с улыбкой возразила леди Джейн. — Я часто играла с папой и мисс Кроули, не правда ли, мистер Кроули?

— Леди Джейн действительно знает игру, к которой вы так привержены, по вашим словам, сэр, — надменно подтвердил Питт.

— Но не стоит же ей из-за этого оставаться! Нет, нет, возвращайся лучше в Медбери и дай поживиться миссис Ринсер или поезжай к дядюшке и попроси Бьюти накормить вас обедом. Он, знаешь ли, будет в восторге повидаться с тобой, он ведь так благодарен тебе за то, что ты подцепил старухины денежки, ха-ха! Часть из них пригодится на то, чтоб заделать дыры в замке, когда меня не станет.

— Я заметил, сэр, — заговорил Питт, повысив голос, — что ваши люди производят порубку деревьев.

— Да, да, чудеснейшая погода и как раз подходящая для этой поры года, — ответил сэр Питт, внезапно пораженный глухотой. — Но вот я очень старею, Питт. Впрочем, черт возьми, тебе ведь и самому под пятьдесят! Но он хорошо сохранился, не правда ли, миленькая моя леди Джейн? Это от набожности, трезвости и нравственной жизни. Посмотрите-ка на меня, а мне ведь недалеко до восьмидесяти, хе-хе! — Он засмеялся, втянул понюшку и, подмигнув, ущипнул невестку за руку.

Питт снова завел было речь о порубках, но баронет опять моментально оглох.

¹ *Триктрак (нарды)* — старинная французская настольная игра.

— Я сильно старею и очень мучился этот год от прострелов. Я теперь уж недолго протяну, но я рад, что вы заглянули ко мне, невестушка. Мне нравится ваше личико, леди Джейн, оно совсем не напоминает костлявых и дьявольски высокомерных Бинки, и я подарю вам хорошенькую штучку, в которой вы можете явиться ко двору, моя милая. — Он заковылял через комнату к шкафу и вынул из него старинный футляр с дорогим ожерельем. — Возьмите это, моя дорогая, — сказал он, — оно принадлежало моей матери, а от нее перешло к первой леди Бинки. Прекрасный жемчуг, дочери железоторговца я никогда его не давал. Нет, нет! Возьмите и спрячьте поскорее, — говорил он, суя в руки невестке футляр, и поспешно захлопнул дверцы шкафа, так как вошел Горрокс, неся угощение на подносе.

— Что это вы прятались и дарили жене Питта? — спросила особа в лентах, когда Питт и леди Джейн распростились со старым джентльменом. То была мисс Горрокс, дочь дворецкого — притча во языцех для всего графства, — госпожа, почти самодержавно царившая в Куинс Кроули.

Появление и возвышение этих Лент было с негодованием отмечено семьей и всем графством. Ленты завели текущий счет в отделении сберегательной кассы в Медберри; Ленты ездили в церковь, безраздельно завладев шарабаном и пони, раньше находившимися в пользовании всех домочадцев замка, прислуга увольнялась по личному усмотрению Лент. Садовник-шотландец, все еще пребывавший в усадьбе, гордясь своими шпалерами и теплицами, и выручавший недурные доходы с сада, который арендовал, чтоб продавать фрукты и зелень в Саутгэмптоне, в одно солнечное утро застал Ленты у южной шпалеры за поглощением персиков, а когда запротестовал против такого покушения на его собственность, получил затрещину. Ему самому, его жене-шотландке и детям-шотландцам — единственным добропорядочным обитателям Куинс Кроули, пришлось выселиться со всем своим добром и скарбом, покинув обширные и уютные сады на запустение, а цветники — на зарастание бурьяном. Розовые клумбы бедной леди Кроули превратились в унылую пустыню. В старинной мрачной людской дрожали всего двое-трое слуг. Конюшни и службы стояли пустые, запертые и полуразвалившиеся. Сэр Питт жил замкнуто и по вечерам напивался с дворецким Горроксом (теперь он стал именоваться управляющим) и с развращенными Лентами. Сильно изменились времена с тех пор, как эта особа ездила в тележке в Медберри и величала мелких торговцев «сэр». То ли от стыда, то ли от нелюбви к соседям, но старый циник из Куинс Кроули теперь почти совсем не выезжал за ворота своего парка. Он ссорился со своими поверенными и прижимал своих арендаторов письменно. Дни он проводил за ведением своей корреспонденции; поверенные и управляющие ферм, имевшие к нему дело, попадали к нему только через посредство Лент. Ленты встречали их у дверей комнаты экономки, находившейся возле черного входа, через который они впускались. Таким образом, дела баронета с каждым днем запутывались все сильнее, и затруднения, окружавшие его, все возрастали.

Можно себе представить ужас Питта Кроули, когда слухи о сумасбродстве отца дошли до этого примернейшего и корректнейшего джентльмена. Он ежедневно трепетал, опасаясь услышать, что Ленты провозглашены его законной второй мачехой. После описанного первого и последнего визита имя отца никогда не произносилось в приличной и уютной квартире Питта. Оно являлось напоминанием о семейном горе, и вся семья обходила его в молчании и ужасе. Графиня Соусдаун, правда, продолжала, проезжая мимо ворот замка, забрасывать самые энергичные поучения, при

чтении которых волосы могли бы встать дыбом. Миссис Бьют в пасторате каждую ночь поглядывала, не стоит ли зарево над вязами, скрывавшими замок, и не пылает ли дом. Сэр Дж. Уопшот и сэр Г. Феддльстон, старинные друзья дома, отказывались садиться на скамью рядом с сэром Питтом на заседаниях мирового суда, и резко отвернулись от него на Хай-стрит в Саутгэмптоне, когда отверженец потянулся было к ним со своими грязными стариковскими руками. Но на старика ничто не действовало, он засунул руки в карманы и расхохотался, влезая в свою карету, запряженную четверкой; хохотал он и над поучениями леди Соусдаун; хохотал над сыновьями, над всеми на свете, даже над Лентами, когда те изволили гневаться, что бывало нередко.

Мисс Горрокс водворилась в Куинс Кроули на правах экономки и правила всеми домохозяевами с большим величием и суровостью. Всей прислуге было приказано величать ее «мэм» или «мадам», а одна молоденькая служанка, желавшая выслужиться, упорно именовала ее «миледи», не встречая никаких возражений со стороны экономки.

— Бывали леди лучше меня, бывали и хуже, Эстер, — отвечала мисс Горрокс на это обращение своей подчиненной. Так она правила самодержавно всеми, исключая собственного отца, но и к нему тоже относилась с большой надменностью, предостерегая его от излишней фамильярности с той, кому «предстоит стать женой баронета». Она репетировала эту возвышенную житейскую роль с величайшим самодовольством, к немалой забаве старого сэра Питта, который хихикал над ее ужимками и ломанием и часами хохотал над ее напускным достоинством и стремлением изображать из себя светскую даму. Он клялся, что смотреть, как она разыгрывает роль светской дамы, стоит любой комедии, и заставил ее однажды надеть придворное платье первой леди Кроули, причем уверял (к полному удовольствию мисс Горрокс), что платье замечательно ей идет, и он готов хоть сию минуту везти ее ко двору в карете четверкой. Мисс Горрокс было разрешено рыться в гардеробе обеих покойных леди, и она перекраивала и перефасонивала оставшиеся после них наряды на свою фигуру и по своему вкусу. Ей очень хотелось забрать и их драгоценности и безделушки, но старый баронет держал их на запоре в своем комоде, а ключей она никак не могла выманить у него ни ласками, ни умасливанием. Достоверно известно, что спустя некоторое время после того, как она покинула Куинс Кроули, была обнаружена тетрадка, принадлежавшая этой госпоже, и выяснилось, что она втайне прилагала большие усилия, чтобы научиться писать вообще и в особенности писать свою собственную фамилию: леди Кроули, леди Бетси Горрокс, леди Элизабет Кроули и т. п.

Хотя почтенные люди, жившие в пасторате, никогда не заглядывали в замок и сторонились его владельца — ужасного старого сумасброда, однако, они в точности знали все, что там случалось, и каждый день поджидали роковой развязки, на которую возлагала нетерпеливые надежды и мисс Горрокс. Но вмешалась завистница судьба и лишила ее награды, заслуженной такой непорочной любовью и добродетелью.

Однажды баронет застал «ее милость», как он шутя называл экономку, в гостиной, за старым, глухим фортепьяно, к которому едва ли кто прикасался с тех пор, как Бекки Шарп разыгрывала на нем кадрили. Она сидела за фортепиано с необычайной серьезностью и вопила во всю мочь, подражая слышанной когда-то музыке. Покровительствуемая ею маленькая судомойка стояла возле хозяйки в полном восторге от исполнения и, покачивая головой, восклицала:

— Господи, мэм, как чудесно! — точь-в-точь как иной высокородный льстец в светской гостиной.

Это происшествие заставило баронета, по обыкновению, разразиться хохотом. В течение вечера он добрых десять раз описал его Горроксу, к великому расстройству мисс Горрокс. Он барабанил пальцами по столу, словно по фортепьяно, и завывал, подражая ее пению. Он клялся, что такой прекрасный голос требует обработки, и заявил, что ей необходимо пригласить учителей пения, причем она не нашла в этом предложении ничего смешного. Старик был очень в духе в тот вечер и выпил со своим приятелем-дворецким нисомверное количество грога, — лишь поздней ночью верный друг и слуга отвел своего барина в спальню.

Полчаса спустя в доме поднялись большая суматоха и шум. В старинном одиноком, пустынном замке, где владелец обычно занимал всего две-три комнаты, от окна к окну перебегали огни. Затем мальчик на пони поскакал в Медбери за доктором. А еще через час (каковой факт удостоверяет, с каким тщанием превосходная миссис Бьют Кроули поддерживала сношения с знатым домом) эта леди, в капоре и калошах, достопочтенный Бьют Кроули и Джеймс Кроули, ее сын, проследовали из пастората через парк и вступили в замок через открытый главный подъезд.

Они миновали вестибюль и маленькую, отделанную дубом приемную, где на столе еще стояли три стопки и пустая бутылка из-под рома, послужившая для попойки сэра Питта; через эту комнату вступили в кабинет сэра Питта и тут застали мисс Горрокс, преступную носительницу лент: совсем ошалев, она пыталась с помощью связки ключей отпереть шкафчики и шкатулки. С испуганным криком она выронила ключи, когда глаза маленькой миссис Бьют сверкнули на нее из-под капора.

— Взгляните-ка сюда, Джеймс и мистер Кроули! — закричала миссис Бьют, указывая на перепуганную фигуру черноглазой преступной негодницы.

— Он сам мне их дал, он сам мне их дал! — воскликнула та.

— Отдал вам, развратное вы создание! — завопила миссис Бьют. — Будьте свидетелем, мистер Кроули, мы застали эту негодную женщину в то время, как она похищала имущество вашего брата, и быть ей повешенной, как я всегда это предсказывала!

Бетси Горрокс, окончательно перепуганная, упала на колени и залилась слезами. Но всякий, кому известно, что представляет собою истинно порядочная женщина, знает, что она не слишком податлива на прощение и что унижение врага заставляет ликовать ее душу.

— Позвони в колокольчик, Джеймс, — сказала миссис Бьют. — Звони до тех пор, пока не соберется вся прислуга!

На непрестанные бречащие призывы быстро собрались трое или четверо слуг, обитавших в заброшенном старом доме.

— Посадите эту женщину под замок, — приказала миссис Бьют. — Мы поймали ее на том, как она обкрадывала сэра Питта! Мистер Кроули, вы напишите заявление об ее задержании, а вы, Бэддоуз, отвезете ее завтра утром в тележке в саутгэмптонскую тюрьму.

— Милая, ведь она только... — возразил было судья и пастор.

— Не найдется ли здесь кандалов? — продолжала миссис Бьют, топя калошами. — Здесь были когда-то кандалы. Где отвратительный отец этой твари?

— Он сам мне их отдал, — продолжала твердить бедная Бетси, — ведь правда, Остер? Вы же видели, ведь вы видели, как он мне давал, еще давно, на другой день после ярмарки в Медбери, они мне вовсе и не нужны. Возьмите их, если думаете, что они не мои! — Тут злополучная плутовка вытащила из кармана пару больших башмачных пряжек с поддельными бриллиантами, составлявших предмет ее вожделения и только что извлеченных ею из одного из книжных шкафов в кабинете, где они лежали.

— Ах, Бетси, как вы можете выдумывать такую неправду, — заявила Эстер, маленькая судомойка, жаждавшая повышения, — да еще мадам Кроули, такой доброй и ласковой, и его преподобию (она сделала книксен)! Вы можете обыскать все мои сундуки, мэм, пожалуйста, вот ключи, потому что я честная девушка, хотя я дочь бедных родителей и выросла в рабочем доме, вы не найдете у меня ни кусочка кружевца, ни шелкового чулочка из всех нарядов, которые вы наворовали, или мне никогда не видеть храма божьего!

— Подайте сюда ключи, закоснелая воровка! — прошипела добродетельная маленькая леди в капоре.

— Вот свечка, мэм, пожалуйста, мэм, я провожу вас в ее комнату, мэм, и покажу шкаф в кладовой, мэм, где она напратала кучу всяких вещей, мэм, — не переставая приседать, усердствовала маленькая Эстер.

— Взгляните-ка сюда, Джеймс и мистер Кроули! — закричала миссис Бьют, указывая на перепуганную фигуру черноглазой преступной негодницы.

— Попридержите, пожалуйста, свой язык. Я и без вас отлично знаю комнату, которую занимает эта тварь. Миссис Броун, будьте добры пойти со мной, а вы, Бэддоуз, не спускайте глаз с этой женщины, — сказала миссис Бьют, беря свечу. — Мистер Кроули, вы бы лучше пошли наверх и посмотрели, не убивают ли там вашего несчастного брата. — И капор, сопровождаемый миссис Броун, направился в комнату, которую миссис Бьют, действительно, знала отлично.

Бьют поднялся наверх и застал доктора из Медбери, хлопотавшего вместе с испуганным Горроксом над баронетом, лежавшим в кресле. Они собирались пустить сэру Питту кровь.

Ранним утром пасторша, принявшая на себя команду надо всем и просидевшая ночь возле баронета, послала к мистеру Питту Кроули нарочного. Старик до некоторой степени был возвращен к жизни: он не мог говорить, но, по-видимому, всех узнавал. Миссис Бьют решительно водворилась у его изголовья. Маленькая женщина как будто не испытывала ни малейшей потребности в сне и всю ночь ни на минуту не сомкнула пронзительных верных глаз, хотя доктор храпел тут же в кресле. Горрокс сделал было несколько отчаянных попыток проявить свой авторитет и поухаживать за барином, но миссис Бьют обозвала его негодным старым пьяницей и запретила показываться в доме, пригрозив, что в противном случае она отправит его в тюрьму, как и его негодяйку дочь.

Устрашенный ее обращением Горрокс поплелся в дубовую приемную, где находился мистер Джеймс; последний, освидетельствовав бутылку и убедившись, что она пуста, приказал мистеру Горроксу принести другую бутылку рома, которую тот подал вместе с чистыми стаканами; пастор с сыном подсел к бутылке, а Горроксу велели немедленно сдать ключи и никогда больше не показываться в доме.

Подавленный всем происшедшим Горрокс сдал ключи и вместе с дочерью тихонько удалился во мраке ночи, отказавшись от командования над домом в Куинс Кроули.

ГЛАВА XL, в которой Бекки признается членом семьи

Наследник Кроули прибыл домой своевременно вслед за катастрофой и с тех пор, можно сказать, воцарился в Куинс Кроули. Ибо, хотя старый баронет прожил еще несколько месяцев, разум и дар речи к нему вполне уже не возвращались, и управление поместьем перешло к его старшему сыну, Питт нашел свои владения в странном состоянии. Сэр Питт все время то прикупал землю, то закладывал; имел двадцать поверенных и с каждым из них находился в ссоре; у него были ссоры со всеми арендаторами и тяжбы с ними, тяжбы с поверенными, тяжбы с компаниями копей и доков, в которых он участвовал, тяжбы со всеми, с кем он имел дела. Разобраться в этой путанице и привести в ясность дела по имению было задачей, достойной вашего аккуратного и настойчивого пумперникельского дипломата, и он взялся за дело с огромным усердием. Разумеется, вся его семья переселилась в Куинс Кроули, туда же явилась, конечно, и леди Соусдаун. Она принялась

сворачивать в свою веру весь приход под носом у пастора, и в замке появилось неправовое духовенство, к негодованию разгневанной миссис Бьют. Сэр Питт не успел продать прав на доходы с церковного прихода в Куинс Кроули, ее милость предложила по истечении срока прежней запродажи взять на себя приискание будущего пастора и представить молодого протеже, но дипломатичный Питт на эту тему отмалчивался.

Намерения миссис Бьют в отношении мисс Бетси Горрокс не получили осуществления, и последняя не нанесла визита в саутгэмптонскую тюрьму. Бывшая домоправительница и ее отец покинули замок, и Горрокс принял в заведование гостиницу под гербом Кроули в поселке, на что имел договор с сэром Питтом. Бывший дворецкий имел там и небольшой клочок земли, дававший ему право голоса на выборах. Второй голос имел пастор, и они двое да еще четверо других составляли все избирательное собрание, посылавшее в парламент двух депутатов от Куинс Кроули.

Затем начался парад любезностей между дамами пастората и дамами, обитавшими в замке, между молодыми по крайней мере, потому что миссис Бьют и леди Соусдаун при каждой встрече ссорились и постепенно перестали видаться друг с другом. Ее милость не показывалась из своей комнаты, когда дамы из пастората навещали своих кузена и кузину в замке. Пожалуй, мистер Питт не особенно огорчался этими случайными отсутствиями тещи. Он считал семью Бинки знатнейшею, умнейшею и интереснейшею во всем свете, и ее милость долго имела на него огромное влияние, но иногда он чувствовал, что она уж слишком им командует. Считаться молодым, несомненно, приятно, но в сорок шесть лет видеть, что с тобой обращаются, как с мальчишкой, — подчас обидно. Леди Джейн, конечно, во всем уступала матери. Она только втайне обожала своих детишек, и, к ее счастью, разнообразные занятия леди Соусдаун, ее совещания с духовными лицами, переписка со всеми миссионерами в Африке, Азии, Австралазии и т. д. сильно отвлекали почтенную графиню, и она лишь редкие досуги могла посвящать своей внучке, маленькой Матильде, и внуку, мастеру Питту Кроули. Последний рос хилым ребенком, и леди Соусдаун уверяла, что ей удастся поддерживать его жизнь только чудовищными дозами каломели¹.

Что касается старого сэра Питта, то он был водворен в те самые апартаменты, где ранее угасла леди Кроули, и там за ним усердно и заботливо ухаживала мисс Эстер, добившаяся наконец повышения. Какая любовь, какая преданность и постоянство могут сравниться с любовью, постоянством и преданностью сиделки, получающей хорошее жалованье? Они взбивают подушки, варят аррорут², встают по ночам, выносят обиды и капризы, они видят, как за окном светит солнце, и не смеют выйти из комнаты, они спят в кресле, обедают и ужинают в одиночестве, они проводят длинные вечера в безделье, смотря на угли в камине и на питье для больного, закипающее в кастрюльке, они читают еженедельную газету всю неделю напролет, а какой-нибудь «Строгий приказ завета» или «Совокупность христианских обязанностей» составляют весь их материал для чтения на круглый год. А мы еще браним их, когда родственники, навещая их раз в неделю, тайком проносят им капельку джина в белье-вой корзине. Милостивые государыни, любовь какого мужчины выдержит искус ухаживания в течение целого года за больным предметом своей страсти? А сиделка не отходит от вас за каких-нибудь десять фунтов в три месяца, и мы еще думаем, что платим ей слишком дорого. По крайней мере, мистер Кроули изрядно ворчал, платя половину этой суммы мисс Эстер за неуспынный уход за его отцом, баронетом.

В солнечные дни старого джентльмена выкатывали на террасу в кресле, том самом, что употреблялось для мисс Кроули в Брайтоне и было перевезено оттуда в Куинс Кроули вместе с многочисленными вещами леди Соусдаун. Леди Джейн всегда сопровождала старика на прогулках и явно пользовалась его расположением. Когда она входила в комнату, он несколько раз подряд кивал ей головой и улыбался, а когда она уходила, — невнятно жалобно стонал. Когда же дверь за леди Джейн затворялась, он принимался всхлипывать и плакать, в ответ лицо и обращение Эстер, всегда необычайно кроткой и ласковой в присутствии миледи, сразу менялось, она строила

¹ *Каломель* — редкий минерал, хлорид ртути. В XIX в. использовался как лекарственное средство.

² *Арроут* — вест-индский крахмал, получаемый из корневища особого вида растений, употребляется в медицине и пекарном деле вместо пшеничного и рисового крахмала.

старику гримасы, сжимала кулаки и кричала: «Замолчи, старый дуралей!», а потом откатывала его кресло от огня, на который он любил глядеть, и он принимался плакать еще пуще, потому что от семидесяти с лишним лет плутней и борьбы, пьянства и изворотов, грехов и себялюбия осталось только одно — хныкающий старый идиот, которого укладывали в постель и поднимали с нее, мыли и кормили, словно грудного младенца.

Наконец настал день, когда услуги сиделки больше не потребовались. Ранним утром, когда Питт Кроули корпел в кабинете над расходными книгами управляющего и дворецкого, в дверь постучали, вошла Эстер и, сделав книксен, сказала:

— Извините, сэр Питт, сэр Питт нынче утром скончался, сэр Питт. Я поджарила ему греночек, сэр Питт, для каши, сэр Питт, которую он кушал каждое утро в шесть часов, сэр Питт, и вдруг мне показалось, что я услышала вроде как стон, сэр Питт, и... и...

Она опять сделала книксен.

Что вызвало такой яркий румянец на бледное лицо Питта? То ли, что наконец-то он сделался сэром Питтом, обладателем кресла в парламенте, с перспективой дальнейших почестей в будущем?

«Теперь можно привести имение в порядок и затратить на него наличные деньги», — подумал он, быстро соображая, как велика задолженность и какие улучшения он предпримет. До сих пор он не решался пускать в ход теткины деньги, опасаясь, как бы отец не оправился и сделанные им, Питтом, затраты не пошли прахом.

Все шторы в замке и в пасторате были спущены, звонил церковный колокол, алтарь задрапировался в траур, и Бьют Кроули не пошел на собрание в беговом обществе, а мирно пообедал в Феддльстоуне, где за портвейном поговорили о его покойном брате и о молодом сэре Питте. Мисс Бетси, к тому времени вышедшая замуж за седельника в Медбери, порядочно поплакала. Домашний врач приехал почтительнейше выразить свое соболезнование и осведомиться о здоровье высокородных леди. О кончине баронета толковали в Медбери и в гостинице под гербом Кроули, хозяин последней недавно помирился с пастором, и всем было известно, что тот иногда заходит в приемную мистера Горрокса отведать его вкусного пива.

— Не написать ли мне вашему брату, или вы напишете сами? — спросила леди Джейн своего мужа, сэра Питта.

— Конечно, я напишу ему, — ответил сэр Питт, — и приглашу его на похороны: этого требует простое приличие.

— И... и... миссис Раудон тоже? — робко спросила леди Джейн.

— Джейн! — воскликнула леди Соусдаун. — Как ты можешь даже думать об этом?

— Разумеется, миссис Раудон тоже должна быть приглашена, — решительно заявил сэр Питт.

— Но не в то время, когда я нахожусь в доме! — отрезала леди Соусдаун.

— Я попрошу вашу милость вспомнить, что глава этого дома — я, — возразил Питт. — Леди Джейн, будьте добры написать письмо миссис Раудон Кроули и попросите ее посетить нас по случаю прискорбного события.

— Джейн, я запрещаю тебе брать перо в руки! — крикнула графиня.

— Я полагаю, что глава это дома — я, — повторил сэр Питт. — И как бы я ни сожалел о всяком поводе, который повлек бы за собой отъезд вашей милости из

Когда же дверь за леди Джейн затворялась, он принимался всхлипывать и плакать, в ответ лицо и обращение Эстер, всегда необычайно кроткой и ласковой в присутствии миледи, сразу менялось

этого дома, но, простите меня, я буду продолжать поступать так, как нахожу нужным.

Леди Соусдаун поднялась с таким же величием, как миссис Сиддонс в роли леди Макбет¹, и приказала закладывать лошадей в свою карету. Если сын и родная дочь гонят ее из дома, она сокроет свою горесть где-нибудь в одиночестве и станет молить бога, чтобы он обратил их к лучшим помыслам.

— Мы не гоним вас из дома, мама, — взмолилась робкая леди Джейн.

— Вы приглашаете к себе таких людей, с которыми ни одна христианка не захочет встречаться, и я желаю, чтоб лошади были поданы мне завтра утром.

— Будьте добры, Джейн, написать под мою диктовку, — промолвил сэр Питт, вставая и принимая повелительную позу, какая изображена на «Портрете джентльмена», красовавшемся на последней выставке. — Пишите: «Куинс Кроули. 14 сентября 1822 года. Любезный брат...»

Услышав эти решительные и ужасные слова, леди Макбет, выжидавшая признака слабости или колебания со стороны зятя, встала и, бросив на него испуганный взгляд, вышла из библиотеки. Леди Джейн посмотрела на мужа, как будто собираясь пойти за мамашей и утешить ее, но Питт запретил ей трогаться с места.

— Она не уедет, — сказал он. — Она сдала свой дом в Брайтоне и потратила все доходы, полученные за последние полгода. Для графини поселиться в гостинице — это значит погубить свою репутацию. Я давно ждал случая, чтоб предпринять эту... этот решительный шаг, моя милая, потому что вы должны сами понять: в доме не может быть двух хозяев. А теперь, пожалуйста, будем продолжать диктовку: «Любезный брат, печальная весть, которую я считаю своею обязанностью сообщить членам нашей семьи, вероятно уже дошла до тебя...»

Словом, Питт, воцарившись в замке и благодаря удаче, а вернее, благодаря собственным заслугам, как он полагал, заполучив почти все состояние, на которое рассчитывали другие его родственники, решил относиться к родне любезно и добропорядочно и вернуть замку Куинс Кроули былую славу гостеприимного дома. Ему приятно было сознавать себя главой семьи. Он решил использовать обширное влияние, которое, несомненно, скоро приобретет в графстве своими дарованиями и положением, чтобы как следует устроить брата и кузенов; отчасти, пожалуй, к этому побуждали его укоры совести при мысли, что он один завладел всем, на что они рассчитывали. За три-четыре дня царствования обращение Питта изменилось, и намерения его вполне определились: он решил действовать честно и справедливо, осадить леди Соусдаун и установить возможно дружеские отношения со всеми своими кровными родными.

Итак, он продиктовал письмо своему брату Раудону, торжественное, тщательно обдуманное письмо, заключавшее много глубоких замечаний, выраженных в неимоверно длинных словах, и преисполнившее изумлением маленькую простодушную секретаршу, писавшую по указаниям своего супруга.

«Каким замечательным оратором он будет, — думала она, — когда попадет в палату общин (на этот счет и насчет тирании леди Соусдаун Питт иногда проговаривался, лежа с женой в постели). — Какой он умный и добрый, какой гений мой муж! А я-то считала его немножко холодным! Но нет, он так добр и так гениален!».

¹ *Леди Макбет* — жена шотландского короля в трагедии В. Шекспира «Макбет», принудившая его убить двоюродного брата, короля Дункана.

В действительности же Питт Кроули знал наизусть каждое слово в этом письме; с таинственностью дипломата он обдумывал его глубоко и всесторонне задолго до того, как признал нужным сообщить своей изумленной жене.

Письмо, украшенное широким траурным бордюром и печатью, было надлежащим образом отправлено сэром Питтом Кроули своему брату, полковнику, в Лондон. Получение его нельзя сказать, чтобы обрадовало Раудона Кроули.

«Какой смысл тащиться в это дурацкое место! — подумал он. — Я не выношу оставаться вдвоем с Питтом после обеда, а за лошадей в оба конца придется заплатить не меньше двадцати фунтов».

Он пошел с письмом наверх к Бекки, как всегда делал во всех затруднительных случаях, и одновременно понес ей шоколад, который всегда сам готовил и подавал ей по утрам.

Он поставил поднос с завтраком и с письмом на туалетный столик, за которым Бекки причесывала свои золотистые волосы. Она взяла траурное послание и, прочитав, вскочила со стула с криком «ура!» и замахала письмом над головой.

— Ура? — спросил Раудон, с удивлением глядя на маленькую фигурку, прыгавшую в развевавшемся фланелевом капоте и с растрепанными локонами. — Он нам ничего не оставил, Бекки. Я получил свою долю наследства при достижении совершеннолетия.

— Ты никогда не будешь совершеннолетним, глупый мой старичок, — возразила Бекки.

— Беги сейчас к мадам Брюнуа, потому что мне необходимо траурное платье, и купи себе креп на шляпу и черный жилет, кажется, у тебя такого нет, прикажи доставить его сюда завтра, чтобы мы могли выехать в четверг.

— Неужели ты собираешься поехать? — возразил было Раудон.

— Разумеется, я собираюсь поехать! Я рассчитываю, что леди Джейн в будущем году представит меня ко двору. Я рассчитываю, что твой брат выхлопочет тебе кресло в парламенте, глупое ты создание! Я рассчитываю, что ты и твой брат подадите голос за лорда Стэйна, милый мой, глупенький старый муженек, и что ты получишь пост министра по ирландским делам, или губернатора Вест-Индии, или казначея, или консула, или что-нибудь в этом роде.

— Поездка на почтовых будет нам стоить кучу денег, — пробормотал Раудон.

— Мы можем ехать в карете Соусдауна, в качестве родственника он тоже должен присутствовать на похоронах. Но нет, я думаю нам лучше ехать в дилижансе. Это им больше понравится. Так будет гораздо скромнее...

— Рауди, конечно, тоже поедет? — осведомился полковник.

— Ничего подобного, к чему платить за лишнее место! Он слишком велик, чтоб везти его всю дорогу на коленях. Пусть остается дома, а Бриггс сошьет ему траурный костюмчик. Иди же и сделай то, что я тебя просила. И еще скажи своему лакею Спарксу, что старый сэр Питт умер и что тебе достанется порядочная сумма, когда все дела будут улажены. Он расскажет Рэггасу, который просил денег, и бедняга Рэггас успокоится. — И Бекки принялась за шоколад.

Когда верный лорд Стэйн заехал вечером, он застал Бекки и ее компаньонку, которая оказалась не кем иной, как нашей старой приятельницей мисс Бриггс, за работой: они старательно собирали, распарывали, кроили и рвали всевозможные черные лоскутья, пригодные для печальной оказии.

— Мисс Бриггс и я погружены в скорбь и отчаяние по случаю смерти нашего папеньки, — сказала Ребекка. — Сэр Питт Кроули скончался, милорд. Мы все утро рвали на себе волосы, а вот теперь раздираем старые наши платья.

— Ах, Ребекка, как вы можете?! — только и могла выговорить Бриггс, закатывая глаза к потолку.

— Ах, Ребекка, как вы можете, — словно эхо отозвался милорд.

— Так значит, старый плут умер, в самом деле, умер? Он мог бы быть пэром, разыграй он свои карты получше. Мистер Питт чуть-чуть не произвел его в пэры, но старик переметывался всегда невпопад. Настоящий старый Силен был покойник.

— А я могла бы быть вдовой Силена, — вставила Бекки. — Помните, мисс Бриггс, как вы подглядывали в дверь и увидели старого сэра Питта на коленях передо мной? — Наша старинная приятельница мисс Бриггс сильно покраснела при этом

напоминании и обрадовалась, когда лорд Стэйн приказал ей отправиться вниз и приготовить ему чаю.

Бриггс была тем сторожевым псом, которым Ребекка обзавелась для охраны своей невинности и репутации. Мисс Кроули оставила ей маленькую пожизненную пенсию.

Бриггс хотелось остаться в семье Кроули, у леди Джейн, относившейся к ней ласково, как и ко всем вообще. Но леди Соусдаун уволила бедняжку Бриггс со всею поспешностью, какую позволяло приличие, а мистер Питт, считавший себя обделенным неуместным великодушием своей покойной родственницы к особе, десятки лет служившей ей верой и правдой, не возражал против этого проявления своеволия тещи. Боульс и Фиркин тоже получили завещанные им деньги и отставку; они поженились и открыли меблированные комнаты, согласно обычаю своих собратьев.

Бриггс попробовала поселиться с родственниками в провинции, но попытка эта оказалась неудачной, ибо Бриггс привыкла вращаться в хорошем обществе. Родственники, мелкие торговцы провинциального городка, ссорились из-за сорока фунтов годового дохода Бриггс более яростно и более открыто, чем родня мисс Кроули из-за всего наследства старухи. Брат Бриггс радикал, торговец шляпами и галантереей, обзывал сестру аристократкой, кичащейся своим кошельком, за то, что она не пожелала вложить часть своего капитала в его предприятие; она же, вероятно, так и поступила бы, если бы не сестра, жена сапожника-диссидента, рассорившаяся с галантерейщиком и шляпочником, принадлежавшим к другой пастве; она доказала Бриггс, что брат их накануне банкротства, и на некоторое время завладела сестрой. Диссидент-сапожник, в свою очередь, желал, чтобы Бриггс платила за его сына в колледж и сделала из него джентльмена. Обе эти семьи высосали значительную часть сбережений, сделанных самою Бриггс, и в конце концов она сбежала в Лондон, преследуемая проклятиями обоих, и решила снова поступить в рабство, признав его гораздо менее накладным, чем свобода. Поместив в газетах объявление о том, что «дама, обладающая приятными манерами и вращавшаяся в высшем обществе, желает...», она поселилась на Хаф-Мун-стрит у мистера Боульса и стала ожидать результатов объявления.

Тут случай свел ее с Ребеккой. Однажды блестящая коляска миссис Раудон, запряженная парой пони, неслась по улице как раз в то время, когда мисс Бриггс подходила к двери Боульса, утомленная докучным хождением в контору «Таймс», в Сити, для помещения в шестой раз своего объявления. Ребекка правила сама, она сразу узнала даму, обладающую приятными манерами, и, будучи, как мы видели, дамой весьма добродушной и питавшей некоторое расположение к Бриггс, она остановила пони у подъезда, бросила вожжи груму и, выскочив, схватила Бриггс за обе руки прежде, чем дама с приятными манерами опомнилась от изумления при встрече со старой знакомой.

Бриггс всплакнула, а Бекки расхохоталась и расцеловала даму с приятными манерами, как только они вошли в коридор, а оттуда в гостиную миссис Боульс, выходящую окнами на улицу; гостиная была украшена занавесами из красной шерстяной камки¹ и круглым зеркалом с прикованным над ним орлом, созерцавшим обратную сторону наклеенного на окошко объявления: «Сдаются комнаты».

¹ Камка — здесь: шелковая цветная ткань с узорами.

Бриггс рассказала историю своих злоключений, сопровождая свой рассказ совершенно пустыми всхлипываниями и изумленными восклицаниями, с какими женщины ее чувствительного характера приветствуют старых знакомых или воспринимают случайную встречу на улице. Ибо хотя люди встречаются друг с другом каждый день, однако находятся среди них такие, что усматривают в этом чудеса; а женщины, даже если и терпеть не могли друг друга, при встрече начинают плакать, с сожалением вспоминая о том времени, когда они в последний раз поссорились. Словом, Бриггс рассказала всю свою историю, а Бекки сообщила повесть своей жизни с обычной своей безыскусственностью и прямоотой.

Миссис Боульс, бывшая Фиркин, злобно подслушивала в коридоре истерические сморкания и хихиканья, не смолкавшие в гостиной. Бекки никогда не пользовалась ее расположением. Обосновавшись в Лондоне, чета Боульс часто виделась с прежним своим приятелем Рэггсом, и им не нравились рассказы последнего о порядках в доме полковника.

— Я бы не стал доверять ему, Рэгг, милый мой, — говорил Боульс.

А его жена, когда миссис Раудон вышла из гостиной, ограничилась лишь очень сухим книксеном, и пальцы ее были холодны и безжизненны, как сосиски, когда она протянула их миссис Раудон, непременно пожелавшей пожать руку отставной горничной. Бекки помчалась на Пикадилли, с лучезарнейшей улыбкой кивая мисс Бриггс, высунувшейся из окна под самым объявлением и тоже кивавшей, а через минуту уже катила по парку, окруженная полудюжиной денди, гарцевавших возле ее экипажа.

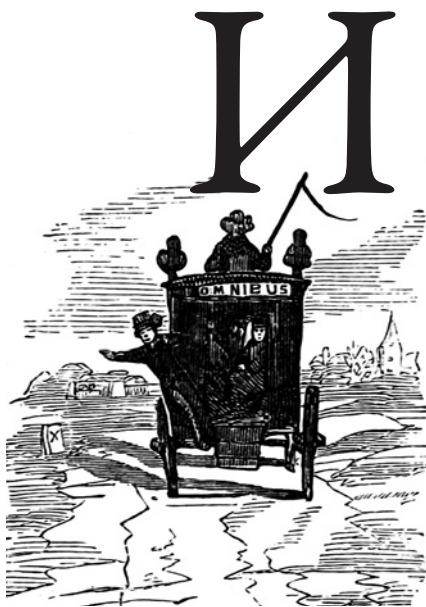
Выяснив положение приятельницы и сообразив, что за получением порядочного наследства от мисс Кроули жалованье не представляет особого значения для дамы с приятными манерами, Бекки моментально выработала некие благожелательные внутренние планы касательно мисс Бриггс. Как раз такая компаньонка вполне подходила к ее дому, и Бекки пригласила Бриггс к себе на обед в тот же вечер, обещая ей показать своего ненаглядного малютку Раудона.

Миссис Боульс уговаривала жиличку не бросаться в львиную пещеру.

— Вы покаетесь, мисс Бриггс, попомните мои слова, это так же верно, как то, что моя фамилия Боульс!

Бриггс обещала быть очень осторожной. В результате этой осторожности она на следующей неделе переселилась к миссис Раудон, и не прошло полугода, как она дала взаймы Раудону Краули шестьсот фунтов из завещанного ей капитала.

ГЛАВА XLI, в которой Бекки вновь посещает чертоги своих предков

И так, по изготовлении траурного платья и отправке уведомления сэру Питту о своем приезде полковник Кроули и его жена заняли два места в том самом старом гайфлайерском дилижансе, в котором девять лет тому назад Ребекка впервые пустилась в свет в обществе покойного баронета. Как живо сохранились в ее памяти Инн-Ярд, и конюх на постоялом дворе, которому она не дала денег, и вкрадчивый кембриджский юнец, кутавший ее дорогой в свой плащ. Раудон поместился на козлах и не прочь был бы сам править лошаадьми, но этому мешал траур. Он сидел рядом с кучером и все время толковал о лошадах, о дороге; расспрашивал, кто содержит постоялые дворы, кто ставит лошадей для дилижанса, в котором он столько раз ездил с Питтом, когда они мальчиками учились в Итоне. В Медбери их ожидала коляска, запряженная парой, с кучером в траурной ливрее.

— Ведь это тот самый старый рыдван, Раудон, — сказала Ребекка, когда они сели в коляску. — Как мошь источила обивку! А вот и пятно, из-за которого сэс Питт... ага, вон железоторговец Даусон поднял жалюзи, из-за которого сэс Питт поднял такой шум. Он разбил бутылку вишневой настойки, которую мы ездили покупать в Саутгэмптон для вашей теткн. Как летит время! Нет, неужели же это Полли Толбойс, вон та полная девушка, что стоит с матерью у коттеджа? Я помню ее совсем маленькой грязнулей, когда она полола траву в саду.

— Славная девушка, — сказал Раудон, поднося два пальца к траурной ленте на шляпе в ответ на приветствие стоявших у коттеджа. Бекки приветливо кивала и кланялась, узнавая то тут, то там знакомых. То, что ее тоже узнавали, было ей невыразимо приятно. Ей казалось, что она перестала быть самозванкой и возвращается в дом своих предков. Зато Раудон был скорее смущен и подавлен. Какие воспоминания детства проносились в его голове? Какие смутные угрызения, какие сомнения и стыд терзали его?

— Твои сестры теперь наверное уже взрослые девушки, — сказала Ребекка, вспомнив о девочках, пожалуй, впервые с тех пор, как рассталась с ними.

— Не знаю, я совсем растерялся, — ответил полковник. — Хелло! Вот старуха матушка Локк. Как поживаете, миссис Локк? Вы меня еще помните? Мастер Раудон, а? Черт возьми, как живучи эти старухи! Ей наверно уже стукнуло сто лет, когда я был мальчишкой.

Они въехали в главные ворота, охраняемые старой миссис Локк; Ребекка непременно захотела пожать ей руку, в то время как она отворяла старинные скрипучие железные ворота и коляска проезжала мимо двух столбов, поросших мхом и увенчанных горлицею и змеєю.

— А ведь старик изрядно-таки повырубил деревья, — промолвил Раудон, оглядываясь по сторонам, и умолк, умолкла и Бекки. Оба были взволнованы и задумались о минувших временах. Он — об Итоне, о матери, которую помнил всегда холодной и печальной, об умершей сестре, которую очень любил, о том, как колотил Питта, и о маленьком Раудоне, оставленном дома. А Ребекка думала о своей юности, о мрачных тайнах этих рано запятнанных дней, о том, как она вступила в жизнь через эти самые ворота, о мисс Пинкертон, о Джозе, об Амелии.

Усыпанная гравием аллея и площадка были выскоблены начисто. Грандиозный щит с нарисованным траурным гербом уже был прибит над главным подъездом, и две высоких, чрезвычайно торжественных фигуры распахнули половинки дверей, когда коляска остановилась у знакомых ступенек. Раудон покраснел, а Бекки чуть-чуть побледнела, когда они под руку проходили по старинной галерее. Бекки даже стиснула руку мужа, вступая в дубовую приемную, куда сэр Питт и его жена вышли их встретить. Сэр Питт в трауре, леди Джейн в трауре, а миледи Соусдаун в огромном головном уборе из черного стекляруса и перьев, развевавшихся над головой ее милости, как над катафалком.

Сэр Питт правильно рассудил, что она не покинет имения. Она ограничилась тем, что в обществе Питта и его взбунтовавшейся жены хранила торжественное каменное молчание, а в детской пугала детей жуткой мрачностью своего настроения. Лишь еле заметный наклон головного убора и перьев приветствовал Раудона и его жену при возвращении этих блудных чад в лоно семьи.

Сказать по правде, ни на того, ни на другую эта холодность не произвела особого впечатления. Как ни странно, ее милость представлялась им в тот момент личностью лишь второстепенного значения: они были всецело поглощены тем приемом, какой окажут им царствующие брат и сестра.

Питт, заметно раздумавшийся, двинулся навстречу и потряс руку брату, потом приветствовал Ребекку рукопожатием и очень низким поклоном. А леди Джейн схватила невестку за обе руки и нежно ее поцеловала. Эта ласка почему-то вызвала слезы на глазах у маленькой авантюристки, а — как мы знаем — она очень редко прибегала к этому украшению. Бесхитростное проявление расположения и доверия растрогало и обрадовало ее, а Раудон, поощренный этим наглядным доказательством чувств невестки, покрутил усы и попросил разрешения приветствовать леди Джейн поцелуем, чем заставил ее милость ярко вспыхнуть.

— Чертовски славная бабенка, эта леди Джейн! — таков был его приговор, когда они с женой остались наконец вдвоем. — А Питт растолстел и ведет дом на широкую ногу.

— У него есть на это средства, — отозвались Ребекка и согласилась с дальнейшими отзывами мужа, что «теща — отвратительная старая ведьма, а сестры — довольно миленькие девушки».

Их тоже выписали из школы для присутствия на погребальной церемонии. По-видимому, сэр Питт Кроули счел необходимым, в интересах дома и фамилии, собрать как можно больше людей, одетых в траур. Все слуги и служанки в доме, старухи из богадельни, у которых старший сэр Питт обманом удерживал значительную часть того, что им полагалось, семья приходского клерка и главные приверженцы пастората и замка облачились в траур; к ним надо присоединить еще десятка два факельщиков: с креповыми повязками на рукавах и шляпах, они придали большую торжественность обряду погребения. Но все они в нашей драме — лица без речей, и так как им нечего ни говорить, ни делать, то незачем отводить им здесь много места.

Что касается молоденьких золовок, то Ребекка и не пыталась притвориться, будто забыла о своем прежнем положении гувернантки, наоборот, она очень мило и откровенно вспоминала прошлое, расспрашивала с большой серьезностью об их занятиях и заявила, что вспоминала их много-много раз и жаждала узнать, как им живется. Можно было и в самом деле поверить, что, расставшись с ними, она ни на минуту не забывала о них и с живейшим интересом продолжала следить за их судьбой. Такое впечатление вынесли сама леди Кроули и ее молоденькие золовки.

— Она почти не изменилась за эти восемь лет, — сказала мисс Розалинда мисс Вайолет, когда они одевались к обеду.

— Такие рыжеволосые всегда удивительно моложавы, — отозвалась та.

— У нее волосы стали гораздо темнее, чем раньше, она наверно их красит. И она пополнела и вообще похорошела, — продолжала мисс Розалинда, сама сильно предположенная к полноте.

— Во всяком случае, она не важничает и помнит, что когда-то была нашей гувернанткой, — сказала мисс Вайолет, намекая этим, что всем гувернанткам надлежит помнить свое место, и совершенно забывая, что сама-то она внучка не только сэра Уольполя Кроули, но и мистера Даусона из Медбери и, следовательно, имеет в своем гербе корзину с углем. Немало найдется благонамеренных людей, с которыми ежедневно встречаешься на ярмарке тщеславия и которые, несомненно, проявляют такую же забывчивость.

— Должно быть, неправда то, что говорят девочки из пастората, будто ее мать была танцовщицей в опере.

— Человек не волен в своем происхождении, — с большим свободомыслием возразила Розалинда. — И я согласна с братом, что раз уж она вошла в нашу семью, мы обязаны относиться к ней внимательно. И, по-моему, тетушке Бьют следовало бы помолчать: она стремится выдать Кэт за молодого Гонера, сына виноторговца, и велела ему непременно самому приходиться в пасторат за каждым заказом.

— Интересно, уедет ли леди Соусдаун, она так свирепо смотрела на миссис Раудон, — заметила другая сестра.

— Я была бы очень рада. Я не желаю читать «Прачку Финчлейской общины», — созналась Вайолет. С этими словами, минуя коридор, в конце которого, в запертой комнате, стоял некий ящик, охраняемый двумя дежурными и окруженный неугасимыми свечами, молодые особы спустились к семейному обеду, на который призывал обычный колокол.

Но ранее этого леди Джейн провела Ребекку в приготовленные для нее комнаты, которые, так же как и весь вообще дом, приняли гораздо более уютный и жилой вид с тех пор, как Питт принял бразды правления. Здесь, убедившись, что скромные чешмоданы миссис Раудон уже привезены и поставлены в спальне и примыкающей к ней туалетной, леди Джейн помогла невестке снять хорошенькую траурную шляпку и перлерину и осведомилась, не может ли чем-нибудь быть ей полезной.

— Мне очень хотелось бы пройти в детскую и познакомиться с вашими милыми малышами, — сказала Ребекка.

Тут обе дамы весьма приветливо взглянули друг на друга и рука об руку направились в детскую.

Бекки принялась восхищаться маленькой Матильдой, которой еще не минуло четырех лет, и признала ее очаровательнейшим в мире ребенком; мальчик, двухлетний крошка, бледненький, с большой головой и мутными глазами, был, по ее словам, совершенным чудом по росту, смышленности и красоте.

— Я бы очень хотела, чтобы мама не заставляла его принимать так много лекарств, — со вздохом промолвила леди Джейн. — Я часто думаю, что без них мы все были бы гораздо здоровее.

Вслед за этим леди Джейн и ее новообретенная приятельница завязали одну из конфиденциальных бесед о детских недугах, составляющих, как мне известно, сущее наслаждение для всех матерей и большинства женщин. Пятьдесят лет тому назад, когда пишущий эти строки был интересным мальчуганом и после обеда удалялся из столовой вместе с дамами, я хорошо помню, что беседы их вращались вокруг их немощей; впоследствии, поднимая этот вопрос с двумя-тремя своими знакомыми, я всегда убеждался, что времена и теперь не изменились. Пусть мои прекрасные читательницы сами проверят это хоть сегодня же вечером, когда покинут после десерта столовую и соберутся священнодействовать в гостиной. Словом, за полчаса Бекки и леди Джейн успели тесно и интимно подружиться, а вечером ее милость сообщила сэру Питту, что, по ее мнению, их новая невестка — премилая, откровенная, непритязательная и любящая особа.

Заручившись, таким образом, без труда расположением дочери, неутомимая маленькая женщина вознамерилась склонить на свою сторону и величественную леди Соусдаун. Застав как-то графиню одну, Ребекка повела на нее атаку, сразу затронув вопрос об уходе за детьми, и сообщила, что ее собственный мальчуган был спасен — воистину спасен! — усиленными приемами каломели, когда все врачи в Париже уже отказались от дорогого больного. Затем она сообщила, что очень много слышала о леди Соусдаун от превосходного человека, от почтенного Лоуренса Грилса, пастора церкви в Мейфэре, которую она постоянно посещает. Сказала о том, как изменились ее взгляды под влиянием обстоятельств и несчастий, и выразила надежду, что прошлая жизнь, проведенная в мирской суете и заблуждениях, не лишила ее способности к более серьезным размышлениям о жизни будущей. Она распространилась о том, как много обязана мистеру Кроули за бывшие наставления в истинной вере, мимоходом коснулась «Прачки Финчлейской общины», заявив, что прочла эту книгу с величайшей пользой для себя, и осведомилась о даровитой ее авторше, леди Эмили, причем выяснилось, что последняя ныне именуется леди Эмилией Горнблюэр и пребывает в Кейптауне, где ее супруг имеет серьезные виды сделаться епископом Кафрарии.

Все это Ребекка увенчала и утвердилась в милостях леди Соусдаун тем, что после похорон притворилась чрезвычайно расстроенной и больной и обратилась к старой леди за медицинским советом. И вдовствующая графиня не только преподала его, но прокралась ночью в комнату Бекки в ночной сорочке — и более чем когда-либо похожая на леди Макбет — принесла пачку своих излюбленных брошюр и лекарство собственного изготовления, настойчиво рекомендуя миссис Раудон сейчас же принять его.

Бекки сначала взяла брошюры и принялась с величайшим интересом их просматривать, вовлекая вдовствующую графиню в беседу о них и о спасении своей души,

в надежде избавить этим способом свое тело от врачевания. Но когда религиозные темы оказались исчерпанными, леди Макбет не пожелала покинуть комнату Бекки, пока не будет выпита принесенная чашка с ночным питьем. И бедная миссис Раудон должна была изобразить на своем лице признательность и проглотить лекарство под носом у неумолимой старухи, после чего та оставила наконец свою жертву, призвав на нее благословение неба.

Оно не очень утешило миссис Раудон, и вид у нее был весьма плачевный, когда она рассказывала о случившемся вошедшему Раудону. А он, по обыкновению, разразился громким хохотом, когда Бекки, с нескрываемой насмешливостью — хотя в данном случае смеялась над самой собой — описала ему свое приключение и как она пала жертвой леди Соусдаун. Лорд Стэйн и ее сынишка в Лондоне тоже немало посмеялись над этой историей, когда Раудон и его жена вернулись домой в Мейфэр. Бекки разыграла перед ними всю сцену в лицах. Она нарядилась в ночной чепчик и капот. Произнесла длинную проповедь в надлежащем серьезном тоне: прочитала лекцию о целебных свойствах лекарства, которое якобы заставляла принимать, — и все это с такою серьезностью и искусством подражания, что всем казалось, будто именно через римский нос графини исходит ее гнусавая речь. «Представьте нам леди Соусдаун с ее черной микстурой!» — постоянно просили завсегдатаи маленькой гостиной Бекки на Мейфэре. И в первый раз в жизни вдовствующая графиня Соусдаун оказалась забавной.

Сэр Питт помнил знаки почтения и уважения, какие Ребекка в былые дни оказывала ему лично, и был настроен по отношению к ней довольно милостиво. Брак, при всей его опрометчивости, послужил Раудону на пользу — это подтверждала перемена в привычках и поведении полковника, — и в то же время разве этот союз не принес счастья самому Питту? Хитрый дипломат посмеивался про себя, признаваясь, что именно этому браку он обязан своим богатством, и соглашался, что ему-то, во всяком случае, не приходится им возмущаться. Удовольствие Питта не нарушали и теперешние признания Ребекки, ее поведение и речи.

Она удвоила почтительность, и прежде пленявшую его, она так умела возбуждать его красноречие, что Питт даже сам себе удивлялся, хотя вообще был склонен ценить собственные таланты, тем более восхищался он ими теперь, когда Ребекка их подчеркивала. Невестке Ребекка сумела убедительно доказать, что это миссис Бьют Кроули устроила ее брак с Раудоном, а потом сама же принялась о них злословить; что только жадность миссис Бьют, рассчитывавшей заполучить все состояние мисс Кроули и лишить Раудона расположения тетки, заставляла ее выдумывать и распускать отвратительные небылицы насчет Ребекки.

— Ей удалось сделать нас нищими, — говорила Ребекка с видом ангельской кротости, — но разве я могу сердиться на женщину, которой обязана лучшим из мужей в мире? И разве ее жадность не достаточно наказана крушением ее собственных надежд и тем, что ей не досталось состояние, на котором она строила столько расчетов? Мы бедны! — воскликнула она. — Дорогая леди Джейн, что значит для нас бедность? Я привыкла к ней с детских лет, и я часто радуюсь, что деньги мисс Кроули пошли на восстановление величия благородной фамилии, принадлежать к которой я почитаю за великую честь. Я уверена, что сэр Питт сделает из них гораздо лучшее употребление, чем Раудон!

Все эти речи передавались преданнейшей из жен сэру Питту и усиливали благоприятное впечатление, производимое Ребеккой, настолько, что на третий день после похорон, когда вся семья собралась за обедом, сэр Питт Кроули, разрезавший на верхнем конце стола дичь, обратился к миссис Раудон буквально так: «Гм, Ребекка, позвольте предложить вам крылышко!» — обращение, при котором глаза молодой женщины засверкали от удовольствия.

Пока Ребекка преследовала вышеописанные планы и надежды, пока Питт Кроули устанавливал церемониал погребения и устраивал прочие дела, связанные с буду-

щим своим преуспеянием и величием, а леди Джейн занималась в детской, поскольку это ей позволяла мать, пока солнце всходило и закатывалось, а колокол на замковой башне, по обыкновению, созывал на обед и на молитву, — тело скончавшегося владельца Куинс Кроули покоилось в комнатах, которые он занимал при жизни, непрестанно охраняемое профессиональными служителями, приглашенными для сего обряда. Одна-две женщины и три-четыре могильщика — лучшие, каких можно было достать в Саутгэмптоне, — в траурных балахонах и с приличным случаю таинственным и трагическим выражением лица, охраняли останки, дежуря возле них по очереди, а одевшись, направлялись в комнату ключницы, где при закрытых дверях играли в карты и попивали пиво.

Члены семьи и домашняя прислуга держались в отдалении от мрачного покоя, где лежал прах потомка древнего рода рыцарей и джентльменов в ожидании окончательного водворения в фамильный склеп. Никаких сожалений не вызывал этот прах, за исключением разве скорби бедной женщины, надевавшейся стать женой и вдовой сэра Питта, но с позором бежавшей из замка, которым правила почти самовластно. Кроме нее да любимого старого пойнтера, к которому и старик сохранял привязанность, даже утратив разум, сэр Питт не имел ни одного друга, который бы горевал о нем, — правда, во всю свою жизнь он никогда не постарался заручиться таким другом. Если бы самый лучший и добрый из нас имел возможность, покинув этот мир, снова вернуться на землю, я думаю, он или она, убедившись, как быстро живые предадут покойника забвению, испытали бы укол самолюбия (если, конечно, допустить, что какие-либо чувства, господствующие на ярмарке тщеславия, сохраняются и за пределами того мира, с которым мы связаны). Так и сэр Питт был позабыт — подобно лучшему и добрейшему из нас — всего через несколько недель.

Желающие могут последовать за его телом до могилы, куда оно было опущено в назначенный день наиприличнейшим образом. Члены семьи в траурных каретах держали под носом платки в чаянии слез, которые так и не пролились; гробовщик и его подручные являли картину глубокой скорби; крупные арендаторы выражали печаль из угождения новому землевладельцу; экипажи местного дворянства, пустые, но в глубокой горести, двигались со скоростью трех миль в час; пастор произнес установленную речь о «покинувшем нас дорогим брате во Христе». Пока мы не расстались с прахом человека, мы тешим на его счет свое тщеславие: окружаем его фокусами и церемониями, парадно полагаем в гроб, обряженный бархатом и золотой мишурой, и завершаем круг своих обязанностей, поставив над ним камень, со всех сторон inscribed ложью.

Викарий Бьюта, щеголеватый молодой оксфордец, вкупе с сэром Питтом Кроули сочинили соответствующую латинскую эпитафию для покойного, всеми оплакиваемого баронета, а первый произнес классическую проповедь, увещевая присутствующих не слишком предаваться горю и предупреждая их в почтительнейших выражениях, что им тоже предстоит со временем ступить за мрачную и таинственную дверь, которая только что затворилась за останками оплакиваемого их брата. Затем арендаторы снова взгромоздились на своих верховых лошадей или отправились подкрепиться в трактир под гербом Кроули. Затем, после завтрака, предложенного в застольной Куинс Кроули кучерам, экипажи местной знати покатали в разные стороны; затем могильщики, подобрав веревки, покровы, бархаты, страусовые перья и прочие погребальные принадлежности, взобрались на катафалк и уехали в Саутгэм-

птон. Их лица приняли естественное выражение, когда лошади, миновав главные ворота, перешли на бойкую рысь на открытой дороге; отрядики их черными пятнами роились у входов придорожных кабачков, поблескивая на солнце оловянными кружками. Катающееся кресло сэра Питта увезли в сарайчик для садовых инструментов; старый пойнтер вначале частенько принимался выть, но это были единственные звуки скорби, какие слышались в замке, где баронет сэр Питт Кроули провластвовал почти шестьдесят лет.

Так как дичь водилась в имении в изобилии, а охота на куропаток составляет, можно сказать, обязанность английского джентльмена со стремлениями к государственной деятельности, то сэр Питт Кроули, когда улеглись первые приступы горя, стал понемножку выезжать и принимать участие в этой забаве, надевая белую шляпу с повязкой из траурного крепа. Вид полей, покрытых жнивьем и турнепсом, ныне перешедших в его обладание, доставлял ему много тайных радостей. Иногда, в избытке скромности, он не брал с собою ружья, а выходил с мирной бамбуковой тростью, а рослый брат его Раудон и егеря сопровождали его, сияя охотничьими доспехами. Деньги Питта и многочисленные акры земли, находящейся в его владении, производили большое впечатление на его брата. Обедневший полковник сделался очень услужлив и почтителен к главе семьи и перестал презирать «мокрую курицу» Питта. Раудон сочувственно выслушивал предположения старшего брата относительно лесонасаждения и осушения почвы, сам подавал советы касательно конюшен и рогатого скота, съездил в Медбери посмотреть кобылу, которая, по его мнению, годилась под верх для леди Джейн, и предложил эту кобылу обездить и т. д. Буйный драгун совсем присмирел, покорился и превратился в наидостойнейшего младшего брата. Он постоянно получал от мисс Бриггс бюллетени о здоровье маленького Раудона, оставленного в Лондоне, и мальчик сам присылал о себе весточки. «Я здоров, — писал он. — Надеюсь, вы тоже здоровы. Надеюсь, мама здорова. Пони здоров. Грэй берет меня кататься верхом в парке. Я выучился скакать галопом. Я встретил маленького мальчика, с которым катался раньше. Он заплакал, когда лошадь поскакала. А я не плачу». Раудон читал эти письма брату и леди Джейн, приходившей от них в восторг. Баронет обещал взять на себя заботы по обучению мальчика в школе, а добросердечная жена его вручила Ребекке банковый билет с просьбой купить на него подарок маленькому племяннику.

Дни следовали один за другим, и дамы в замке проводили время в мирных занятиях и развлечениях, какими довольствуются сельские обитательницы. Колокол призывал то к трапезе, то к молитве. Молодые девицы каждое утро после завтрака упражнялись на фортепьяно, и Ребекка помогала им своими указаниями. Потом надевали ботинки на толстой подошве и отправлялись в парк, в оранжереи или за ограду, в деревню, заходили в коттеджи, принося лекарства и душеспасительные брошюры от леди Соусдаун для тамошних больных. Леди Соусдаун выезжала в шарабане, запряженном пони; тогда Ребекка располагалась рядом с вдовствующей графиней и с величайшим интересом внимала ее степенным речам. По вечерам Ребекка пела родственникам Генделя и Гайдна, затеяла огромное вязание из шерсти и предавалась ему с таким увлечением, как будто родилась для этого занятия и как будто ей предстояло вести такой образ жизни, пока она не сляжет в могилу в очень преклонном возрасте, оставив по себе большие сожаления и процентные бумаги на солидную сумму, — словно не было забот и настойчивых напоминаний о долгах, ухищрений, изворотов

и бедности, поджидавших за воротами парка и готовых вцепиться в нее, как только она снова вернется в свет.

«Нетрудно быть женою провинциального джентльмена, — размышляла Ребекка. — Думаю, я была бы хорошей женщиной, имей я пять тысяч годового дохода. И я бы толкла воду в детской и вела счет абрикосам на шпалерах. И я бы поливала цветы в оранжерее и обрезала сухие листья с герани. И я бы расспрашивала старух об их ревматизмах и приказывала варить на полкроны суп для бедных. Из пяти тысяч годового дохода убыток был бы невелик! Я даже могла бы ездить за десять миль на обед к соседям и наряжаться позапрошлогодней моде. Я тоже ходила бы в церковь и не дремала бы, сидя на отгороженной семейной скамье; а не то спала бы и там, под прикрытием занавесок и спустив вуаль, стоило бы только напрактиковаться. И расплачивалась бы со всеми, имей я только для этого деньги. А здешние маги и волшебники именно всем этим и гордятся. Они взирают с состраданием на нас, жалких грешников, не имеющих денег. Они воображают себя щедрыми и великодушными, если дадут нашим детишкам пятифунтовый билет, а нас — достойными презрения за то, что мы такого билета не имеем».

И, почем знать, может быть, Ребекка была права в своих размышлениях и разницу между нею и честною женщиною составлял только вопрос денег и имущественного положения? Если принять во внимание искушения, то кто решится утверждать, буд-то он праведнее соседа? Материальная обеспеченность если не создает честных людей, по крайней мере помогает сохранить честность тем, кто ею обладал. Какой-нибудь альдерман, возвращающийся с парадного обеда, где кушал суп из черепахи, не станет выскакивать из экипажа, чтоб стянуть баранью ногу; но заставьте того же альдермана умирать с голоду и посмотрите, не украдет ли он каравай хлеба. Бекки утешала себя, подводя таким образом баланс удачам и неудачам и уравнивая распределение добра и зла на земле.

Старые излюбленные места отдыха, знакомые поля и леса, рощицы, пруды и сады, комнаты в старинном доме, где семь лет тому назад она провела два года, — все это Бекки заботливо посетила вновь. Она была юна тогда или сравнительно юна, потому что не помнила того времени, когда была действительно юной, но она помнила мысли и чувства, которыми она жила семь лет назад, и противопоставляла их теперешним своим мыслям и чувствам, когда она повидала свет, пожила с великими мира сего и значительно возвысилась над первоначальным своим скромным положением.

«Я возвысилась над своей прежней долей, потому что у меня есть мозги, — думала Бекки, — а почти все остальные люди на свете глупы. Я не могла бы вернуться к прошлому и общаться теперь с теми, с кем я встречалась в мастерской у отца. Ко мне приезжают лорды со звездами и Подвязками, а не бедняки художники, в карманах у которых водится только щепотка табаку. Муж мой — джентльмен, а невестка — графская дочь, вошедшая в ту самую семью, где я немного лет назад занимала положение чуть-чуть получше горничной. Но в материальном отношении намного ли лучше я обставлена теперь, чем тогда, когда была дочерью бедняка художника и ублажала хозяина мелочной лавочки, чтобы оттянуть уплату за взятый в долг чай и сахар? Если бы я вышла замуж за Фрэнсиса, который так любил меня, вряд ли я была бы намного беднее, чем сейчас. Ах, с какою радостью я променяла бы свое положение в свете и всю свою родню и связи на кругленькую сумму, помещенную в трехпроцентные государственные бумаги!»

Так ощущала Бекки тщету человеческих дел, и такова была надежная пристань, где она желала бросить якорь.

Может быть, ей приходило в голову, что, оставаясь она честной и скромной, выполняя свой долг и шествуя она прямым путем, это привело бы почти к такому же счастью, к какому она стремилась сейчас окольными тропинками. Но как в Куинс Кроули дети обходили комнату, где покоилось тело их отца, так и Бекки — если ее когда-нибудь посещали эти мысли — привыкла обходить их, не заглядывая в них поглубже. Она избегала их и презирала или, во всяком случае, считала себя обязанной идти по другому пути, отступление с которого было теперь невозможно. Лично я убежден, что совесть — наименее активное из всех моральных чувств человека, ее легче всего заглушить, когда она просыпается, а у многих она и совсем никогда не просыпается. Мы горюем, когда нас уличают, и при мысли о позоре или наказании; но простое сознание совершенного дурного поступка делает несчастными лишь очень немногих на ярмарке тщеславия.

Леди Джейн и ее супруг простились с миссис Раудон с самыми теплыми изъятиями благорасположения. Они с удовольствием ожидали времени, когда родовой дом на Гаунт-Стрит будет отремонтирован и отделан, так как рассчитывали видаться в Лондоне. Леди Соусдаун приготовила для отъезжающей целый тючок лекарств и вручила ей письмо для передачи достопочтенному Лауренсу Гриллсу, прося этого джентльмена озаботиться о восстановлении репутации той, «которая удостоит» передать ему настоящее письмо. Питт отвез отъезжающих в карете на четверке до Медбери, куда их багаж был отправлен раньше на телеге, с запасом дичи.

— Воображаю, как вы будете рады увидеть вашего прелестного мальчика! — сказала леди Кроули, прощаясь с невесткой.

— Ах, да, ужасно буду рада! — ответила Ребекка, закатывая к небу зеленые глаза. Она была невыразимо рада выбраться отсюда, и в то же время ей жаль было уезжать. В Куинс Кроули было страшно скучно, но воздух там был как будто чище того, каким она привыкла дышать. Все тамошние обитатели были скучны, но все по-своему относились к ней хорошо.

«Это все — влияние длинного ряда обладателей трехпроцентных бумаг», — говорила себе Бекки и, весьма вероятно, не ошибалась.

Как бы ни было, лондонские фонари светили очень приветливо, когда дилижанс въехал на Пикадилли, а Бриггс развела яркий огонь в камине на Керзон-стрит, и маленький Раудон не ложился спать, чтоб встретить вернувшихся папу и маму.

ГЛАВА XLII, повествующая о семье Осборнов

ного времени прошло с тех пор, как мы виделись с почтенным другом нашим, старым мистером Осборном из Рессель-сквера. Он далеко не стал счастливейшим из смертных за это время. Происшедшие события не способствовали улучшению его характера, и не раз случалось, что ему не удавалось поставить на своем. Стеснение в этом разумном желании всегда казалось старому джентльмену чрезвычайно обидным; сопротивление стало вдвое несноснее, когда подагра, старость, одиночество и горечь многих разочарований соединились вместе, чтобы придавить его своею тяжестью. Его жесткие черные волосы начали быстро сесть после смерти сына, лицо еще побагровело, руки дрожали все сильнее,

когда он наливал себе в стакан портвейну. В Сити он отравлял жизнь своим клеркам; дома его семье жилось немногим лучше. Сомневаюсь, чтобы Ребекка, благоговевшая, как мы видели, перед государственными процентными бумагами, согласилась променять свою бедность и полную волнений необеспеченность своего существования на деньги Осборна и окружавшую его мрачную тоску. Он сделал предложение мисс Суорц, но был презрительно отвергнут родственниками этой леди, и ее выдали замуж за юного отпрыска шотландского дворянства. Осборн способен был жениться и на женщине из простонародья и потом страшно колотил бы ее. Но не попалось особы, которая пришла бы ему по вкусу, и вот вместо жены он тиранил жившую при нем незамужнюю дочь. Она пользовалась прекрасным экипажем и прекрасными лошадьми, председательствовала за столом, уставленным богатейшим серебром. Имела чековую книжку, годного на выставку ливрейного лакея, сопровождавшего ее на прогулках, пользовалась неограниченным кредитом, поклонами и приветствиями со стороны всех торговцев и всеми прочими преимуществами, присущими богатой наследнице, но жизнь влачила жалкую. Маленькие сиротки в воспитательном доме, метельщицы улиц, последняя судомойка в людской были счастливицами по сравнению с злополучной и теперь уже немолодой девушкой.

Фредерик Буллок, эсквайр, член фирмы «Голькер, Буллок и К^о», женился на Марии Осборн после целого ряда затруднений и воркотни со стороны мистера Буллока. Так как Джордж умер и к тому же был вычеркнут из отцовского завещания, то Фредерик стал требовать, чтобы половина всего состояния старика была закреплена за его Марией, и действительно долгое время отказывался «расписаться» (по собственному выражению мистера Фредерика) на каких-либо иных условиях. Осборн говорил, что Фред согласился взять за его дочь двадцать тысяч, и он, Осборн, на большее не желает обязываться. «Фред может согласиться, и благо ему, или отказаться и убраться к черту!»

Фред, надежды которого возросли, когда Джорджа лишили наследства, считал себя бессовестно обманутым старым купцом и некоторое время вел себя так, как будто хотел порвать помолвку. Осборн закрыл тогда свой текущий счет у «Голькер, Буллок и К^о», явился на биржу с хлыстом и поклялся, что отделаает им спину некоего негодяя, которого не желает называть, и вообще вел себя со свойственной ему необузданностью. Джейн Осборн жалела свою сестру Марию во время этой семейной распри.

— Я всегда говорила тебе, Мари, что он любил не тебя, а твои деньги! — утешала она.

— Во всяком случае, он выбрал меня и мои деньги, а не тебя и не твои деньги, — отвечала Мария, скидывая голову.

Однако разрыв оказался лишь временным. Отец Фреда и старшие участники фирмы посоветовали ему взять Марию хотя бы и с обусловленными двадцатью тысячами, — половина которых выплачивалась тотчас же наличными, а половина — после смерти мистера Осборна — и с надеждами на дальнейший раздел имущества. И вот Фред «сдался», опять-таки по его собственному выражению, и послал старика Голькера с миролюбивыми предложениями к Осборну. Фредерик уверял, будто о браке не хотел слышать его отец и он-то и создавал затруднения; сам же Фредерик очень желал, чтобы прежний уговор остался в силе. Извинения были приняты мистером Осборном довольно кисло. Голькер и Буллок считались знатью среди аристократии Сити и имели связи даже с вест-эндской знатью. Старику было лестно при случае сказать: «Мой зять, сэр, член фирмы «Голькер, Буллок и К^о», сэр; кузина моей дочери, сэр, леди Мери Манго, сэр, дочь высокородного графа Кэстльмоуди».

Мысленно он видел свой дом наполненным «знатью». И потому простил младшего Буллока и дал согласие на брак.

То было великое событие, родные жениха устроили завтрак у себя, так как они жили близ церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер, где происходило венчание. Была приглашена «вест-эндская знать», и многие ее представители расписались в церковной книге. Присутствовали мистер Манго и леди Мери Манго, с прелестными молоденькими Гуэндолин и Гуиневер Манго, выступавшими в роли подружек невесты; полковник Блэдайр гвардейского драгунского полка (старший сын фирмы «Братья Блэдайр», на Минсинг-Лейне), тоже приходившийся двоюродным братом жениху, с почтенною миссис Блэдайр; благородный Джордж Бультер, сын лорда Леванта, с супругою, урожденною мисс Манго; лорд виконт Кэстльтодди; благородный Джеймс Мак-Мелл и миссис Мак-Мелл (бывшая мисс Суорц) и целая толпа аристократов и аристократок, породнившихся путем брака с семьями с Ломбард-стрит и немало способствовавших облагораживанию Корнгиля.

Молодая чета имела дом близ Бэркли-сквера и маленькую виллу в Регэмптоне, среди тамошней колонии банкиров. Женская половина семьи Фреда считала, что он совершил *mésalliance*¹; правда, дед Буллоков воспитывался в бесплатной школе для бедных, но потомки его благодаря бракам породнились с высшей английской аристократией. Это обязывало Марию возмещать скромность своего происхождения крайней гордостью и особой заботливостью в ведении списка визитов, с отцом же и сестрою видаться как можно реже.

Нелепо предположить, чтобы она собиралась совсем порвать отношения со стариком, у которого оставалось еще много десятков тысяч фунтов. Фред Буллок никогда не допустил бы до этого. Но она была молода и не умела скрывать своих чувств; а тем, что приглашала папашу и сестру на вечеринки третьего сорта, чрезвычайно холодно обращалась с ними, когда они к ней приезжали, сама избегала Рессель-сквера и неделикатно упрашивала отца переехать из этого отвратительного места, — она так испортила дело, что его не могла поправить и вся дипломатия Фредерика; таким образом, Мария, поистине ветреное и беспечное создание, подвергла опасности свои шансы на получение наследства.

— Так значит Рессель-сквер недостаточно хорош для миссис Марии, а? — сказал старый джентльмен, поднимая стекла в карете, когда однажды вечером отъезжал вместе с Джейн с обеда у миссис Буллоков. — Так она приглашает родных отца и сестру на разогретый обед (черт меня побери, если эти кушанья, или антри², как она их называет, не подавались уже вчера!) и сводит нас только с купцами из Сити да с какими-то писаками, а графов, леди и всяких высокородных приберегает для себя. Высокородные! Черт бы побрал этих высокородных! Я простой британский купец, а всех этих нищих собак могу купить не раз и не два. Лорды, подумашь! Да я сам видел на одном из ее сваре³, как кто-то из них разговаривал с несчастным скрипачом, которого даже я презираю. И будто они действительно не желают приезжать в Рессель-сквер? Да я голову прозакладываю, что у меня найдется вино получше и подороже, что я выставлю такой серебряный сервиз, такой обед подам на свой стол из красного дерева, каких они у себя никогда не видят, — подлое, скаредное дурачье! Поезжайте скорее, Джеймс! Я хочу скорее вернуться в Рессель-сквер, ха-ха! — И с злобным хохотом откинулся в угол кареты.

Таковыми размышлениями о собственных своих заслугах и преимуществах старик утешался нередко.

Джейн Осборн не могла не соглашаться с этой оценкой поведения сестры; а когда у миссис Фредерик родился первенец, Фредерик-Аугустус-Говард-Стенли-Дивре Буллоков, старик Осборн, приглашенный на крестины в качестве крестного отца, ограничился посылкой новорожденному золотого кубка, всыпав в него двадцать гиней для кормилицы.

— Это побольше того, что подарят ваши лорды, в этом-то я уверен! — сказал он и отказался присутствовать на церемонии.

Однако великолепие подарка произвело сильное впечатление на Буллоков.

¹ *Мезальянс* (фр.) — брак, в котором муж или жена находятся в неравном по отношению друг к другу положении, в смысле происхождения, богатства и т. п.

² *Антре* (искаж. фр. *entrée* — «вход», «вступление») — холодная закуска, подаваемая за час-полтора перед обедом.

³ *Soir* (фр.) — вечер.

Мария решила, что отец очень ею доволен, а Фредерик стал рассчитывать на всевозможные блага для своего малыша и наследника.

Можно себе представить, какие муки испытывала мисс Осборн в уединении Рессель-сквера, читая «Утреннюю почту», где имя ее сестры время от времени попадалось в рубрике «Великосветские собрания» и где она имела случай ознакомиться с описанием туалета, бывшего на миссис Ф. Буллок, когда ее представляла ко двору леди Фредерик Буллок. Образ жизни самой Джейн не допускал и мысли о подобном величии. Это была ужасная жизнь. Зимой ей приходилось вставать до света и готовить завтрак сердитому старику отцу, который разогнал бы весь дом, если бы в половине девятого ему не подали чая. Молча сидела она против отца, прислушиваясь к шипению чайника и трепеща, пока родитель просматривал газету и поглощал положенную порцию булочек и чая. В половине десятого он вставал и отправлялся в Сити, а ей предоставлялась свобода до обеда — производить ревизии в кухне и бранить прислугу, выезжать и заходить в лавки, где ее встречали с величайшим почетом, забрасывать карточки, свои и папашины, в мрачные почтенные дома знакомых в Сити или сидеть одной в обширной гостиной, в ожидании визитеров, работать над огромным вязанием, примостившись на диване у камина, возле больших часов с фигурой Ифигении, тикавших и звонивших особенно уныло и громко в мрачной комнате. Большое зеркало над камином, висевшее против второго большого простеночного зеркала на противоположном конце комнаты, отражало, многократно повторяя, коричневый холщовый чехол, надетый на люстру; эти коричневые чехлы постепенно исчезали в бесконечной перспективе, а комната, где сидела мисс Осборн, казалась центром целой системы гостиных. Когда она снимала тисненый кожаный чехол с большого рояля и пыталась извлечь из него несколько звуков, они раздавались жалобно и заунывно и пробуждали во всем доме печальное эхо.

Портрет Джорджа был снят и убран в кладовую на чердаке; и, хотя воспоминание о Джордже не умерло, а дочь и отец часто инстинктивно знали, что оба думают о нем, имя храброго и когда-то нежно любимого сына никогда не упоминалось.

В пять часов мистер Осборн возвращался к обеду, который и он и дочь вкушали в молчании (редко нарушаемом, за исключением тех случаев, когда старик ругался и выходил из себя, если кушанье ему чем-нибудь не нравилось), а дважды в месяц разделяли с обществом угрюмых знакомых одного с Осборном ранга и возраста. Старый доктор Гэल्प и его жена из Блумсбери-сквера; старый мистер Фроузер, адвокат с Бедфорд-Роу, очень богатый человек, удалившийся от дел, но поддерживавший тесные сношения с «вест-эндской знатью»; старый полковник Ливермур, состоявший в бомбейской армии, и миссис Ливермур, с Эппер-Бедфорд-плэс; старик юрист Тэффи и миссис Тэффи, а иногда и старый сэр Томас Кеффин с леди Кеффин, из Бедфорд-сквера. Сэр Томас слыл за большого знатока вина, и когда он обедал у мистера Осборна, подавался особый красный портвейн.

Эти господа и им подобные оплачивали пышному купцу с Рессель-сквера такими же пышными обедами, какими угощал их он. В меру выпив, они поднимались наверх и торжественно усаживались за роббер-другой виста, а экипажи подавались к подъезду в половине одиннадцатого. Многие богачи, которым наш брат-бедняк имеет привычку завидовать, безропотно ведут образ жизни, подобный вышеописанному. Джейн Осборн среди своих знакомых почти не встречала мужчин моложе шестиде-

сяти лет, а единственный холостяк, появлявшийся в их обществе, был мистер Смирк, знаменитый женский врач.

Нельзя сказать, что никакие события не нарушали однообразия этого ужасного существования. Факт тот, что в жизни бедняжки Джейн завелась тайна, заставившая ее отца хмуриться и беситься гораздо больше, чем это обычно вызывалось его характером, гордостью и обременением желудка. К тайне этой была причастна мисс Вирт: у нее был двоюродный брат, художник, мистер Сми, впоследствии знаменитый портретист и член Королевской Академии, но тогда он бывал рад, если находил уроки рисования у светских дам. Мистер Сми теперь забыл, где находится Рессель-сквер, но в 1819 году, когда мисс Осборн брала у него уроки, он бывал там очень охотно.

Сми (бывший ученик Шарпа с Фрис-стрит, расточительного, беспорядочно-неудачника, но обладавшего большими познаниями в области своего искусства), будучи, как мы сказали, двоюродным братом мисс Вирт, был представлен этой последней, мисс Осборн, сердце которой было все еще свободно после ряда незавершенных романов, проникся к ней горячею любовью и, по-видимому, внушил и ей такую же. Мисс Вирт была поверенной в этой любовной интриге. Не знаю, уходила ли мисс Вирт из комнаты, где учитель и ученица занимались рисованием, специально для того, чтобы дать им возможность обменяться клятвами и изъявлениями чувств, которые неудобно выражать в присутствии третьего лица; не знаю также, надеялась ли она, что в случае если ее кузену удастся жениться на дочери богатого купца, то он уделит своей кузине частицу богатства, приобретенного благодаря ее помощи, — но достоверно одно, что мистер Осборн каким-то образом проведая об этой сделке, вернулся из Сити в неурочное время и явился с бамбуковой тростью в гостиную; застав художника, ученицу и компаньонку крайне бледными, он выгнал первого из дома, пригрозив переломать ему кости, а через полчаса таким же образом уволил мисс Вирт, спустил с лестницы ее сундуки, растоптал ее картонки и продолжал грозить ей кулаком, когда она уезжала на извозчике.

Джейн Осборн несколько дней не выходила из спальни. Ей больше не позволяли обзаводиться компаньонкой. Отец поклялся, что не даст ей ни шиллинга, если она вздумает выйти замуж без его согласия. А так как ему нужна была женщина присматривать за хозяйством, то он вовсе не желал, чтобы Джейн вообще выходила замуж, и ей пришлось отказаться от всяких планов, к которым имеет касательство Купидон. И вот, при жизни папаши, она примирилась с описанным образом жизни и довольствовалась своим положением старой девы. У сестры ее тем временем из года в год появлялись новые дети — каждый раз со все более красивыми именами, — и связь между сестрами все более и более ослабевала.

— Джейн и я возвращаемся в разных житейских сферах, — говорила миссис Булок. — Но, разумеется, я всегда смотрю на нее как на сестру. — Это значило... Что может значить, когда какая-нибудь леди говорит, что смотрит на такую-то как на сестру?

Мы уже говорили, что девицы Доббин жили с отцом в красивой вилле на Дэн-марк-Хилле, где рос чудный виноград и персики, приводившие в восторг маленького Джорджа Осборна. Девицы Доббин, часто приезжавшие в Бромптон навестить нашу милую Амелию, заглядывали иногда и в Рессель-сквер, с визитом к старинной своей знакомой мисс Осборн. Я думаю, что они дарили вниманием миссис Джордж по просьбе брата-майора, находившегося в Индии (и пользовавшегося большим ува-

жением со стороны их отца). Майор, крестный отец и опекун сынишки Амелии, все еще надеялся, что со временем удастся смягчить деда мальчика и он признает его из любви к покойному сыну. Девицы Доббин держали мисс Осборн в курсе дел Амелии; рассказывали, как она живет с отцом и матерью, как они бедны, как их самих удивляет, что мужчины, и даже такие, как их брат или дорогой капитан Осборн, могут находить что-нибудь интересное в столь незначительном маленьком создании; что она по-прежнему все такая же жеманная, вялая и неестественная, но что мальчик поистине чудеснейший благороднейший ребенок в мире, — ведь всякое женское сердце смягчается перед ребенком, и даже самая хмурая старая дева приветливо ему улыбается.

Однажды, после долгих увещаний со стороны девиц Доббин, Амелия отпустила с ними Джорджа на целый день на Дэнмарк-Хилл, а сама провела часть этого дня за писанием письма майору в Индию. Она поздравила его с радостной вестью, только что сообщенной ей его сестрами. Она молила бога о благополучии майора и его избранницы. Она благодарила его за тысячи и тысячи любезных услуг и доказательств неизменного дружеского расположения к ней в ее горе. Она рассказывала последние новости о малютке Джорджи, о том, как он именно сегодня отправился с его сестрами к ним на дачу. Многие места в письме она подчеркнула и подписалась «любящим другом Амелией Осборн». Она забыла послать дружеский привет леди О'Дауд — как намеревалась — и не назвала Глорвину по имени, а только невестой (подчеркнув это слово) майора и призывала на нее благословения, подчеркнув и это слово. Но весть об этом браке вывела Амелию из замкнутости, какую она всегда проявляла по отношению к майору. Она была рада возможности сознаться и самой почувствовать, как тепло и с какою благодарностью она к нему относится, — а что касается мысли о ревности к Глорвине (к Глорвине, подумаешь!), то Амелия отвергла бы ее с презрением, хотя бы ее уверял в этом сам ангел с неба.

Вечером, когда, к великому удовольствию мальчика, старый кучер сэра Уильяма Доббина привез Джорджи в шарабане, запряженном пони, мать увидела на шее сына красивую золотую цепочку и часы. Он рассказал, что какая-то старая некрасивая дама подарила их ему и при этом плакала и очень долго его целовала. Но она ему не понравилась. А виноград очень понравился. А любит он только одну свою маму. Амелия встревожилась и вздрогнула: в робкой душе ее зародилось страшное предчувствие, когда она узнала, что родня отца видела ее мальчика.

Мисс Осборн вернулась домой обедать с отцом. Он сделал удачную спекуляцию в Сити, был хорошо настроен и даже заметил волнение, в каком находилась дочь.

— В чем дело, мисс Осборн? — удостоил он поинтересоваться.

— Ах, сэр! — девушка залилась слезами. — Я видела маленького Джорджа. Он красив, как ангел, и так похож на отца!

Старик, сидевший против нее, не проронил ни слова, но сильно покраснел и задрожал всем телом.

ГЛАВА XLIII,
в которой читателю приходится огибать мыс

И зумленному читателю предлагается перенестись за десять тысяч миль, на военную стоянку в Бендльгендже, находящуюся в Мадрасском округе индийских владений Англии, где наши храбрые давнишние знакомцы из *** полка расквартированы под командой доблестного полковника сэра Майкеля О'Дауда. Время обошлось милостиво с этим энергичным офицером, как оно обычно щадит людей со здоровым желудком, хорошим характером и не слишком переутомляющих себя умственными занятиями. Полковник усердно работает ножом и вилкой за вторым завтраком и снова с большим успехом пускает в ход эти приспособления за обедом. После обеих этих трапез он закуривает трубочку и, когда его пробирает жена, попыхивает дымком с такою же невозмутимостью, как и под огнем французов при Ватерлоо. Годы и жара не умалили энергии и красноречивости наследницы славных родов Медони и Меллой. Ее милость, наша старинная знакомая, чувствует себя одинаково хорошо и в Мадрасе, как в Брюсселе, на зимних квартирах, как в палатке. Во время похода ее можно было видеть во главе полка, восседающей на королевском слоне — зрелище полное величия. Восседая на этом животном, она участвовала в охотах на тигров в джунглях; неоднократно представлялась разным туземным принцам, которые принимали ее и Глорвину в уединении своих зенан¹ и подносили ей шали и драгоценности, от каковых она с болью в сердце отказывалась. Где бы она ни появилась, часовые всех родов оружия берут ей на караул, а она в ответ на их приветствие важно подносит руку к шляпе. Леди О'Дауд — одна из самых важных дам в Мадрасском президентстве; ее ссора с леди Смес, женою младшего судьи сэра Майноса Смиса, до сих пор жива в памяти многих мадрасцев: полковница щелкнула тогда пальца-

¹ *Зенана* — женская половина дома, недоступная для посторонних

ми прямо подом нос судейше и заявила, что ни в коем случае не уступит первенства жене какого-то несчастного штафирки¹. Даже и сейчас, хотя с тех пор прошло уже двадцать пять лет, многие помнят, как леди О'Дауд, в губернаторском доме танцуя джигу, уморила двух адъютантов, майора мадрасской кавалерии и двух джентльменов, состоящих на гражданской службе; вияв увещаниям майора Доббина, кавалера ордена Бани и старшего штаб-офицера *** полка, пожаловать к ужину в столовую, она *lassata nondum satiata recessit*².

Пэгги О'Дауд действительно осталась такою же, какою была: доброю на словах и на деле, порывистой, властолюбивой, тиранящей своего Майкеля, грозой всех полковых дам, матерью для молодых офицеров, за которыми она ухаживает, когда они хворают, вступается за них, когда они напроказят, и пользуется среди них огромной популярностью. Но жены субалтерн-офицеров³ и капитанов (майор не женат) постоянно интригуют против нее. Они говорят, что Глорвина напускает на себя страшную важность, а сама Пэгги властолюбива до невозможности. Она вмешалась в маленький кружок, образованный миссис Керк, насмешками разогнала молодых людей с ее проповедей и заявила, что жене воина не пристало разыгрывать из себя пастора и что миссис Керк следовало бы лучше заняться починкой платья своего мужа, а если полку нужны проповеди, так у нее имеются такие, лучше каких не найти, написанные ее дядей, соборным деканом.

Она резко положила конец ухаживаниям лейтенанта Стеббля за женою полкового врача, пригрозив Стебблю, что взыщет деньги, которые он у нее занял (ибо этот молодчик по-прежнему предавался мотовству), если он сейчас же не бросит свою затею и не уедет в Кап, взяв отпуск по болезни. С другой стороны, она приютила у себя и защитила миссис Поски, вынужденную однажды ночью бежать из своего бунгало, спасаясь от взбешенного мужа, усидевшего две бутылки водки, а потом сама выходила Поски от белой горячки и отучила от пьянства, овладевшего этим офицером, как овладевают людьми все дурные привычки. Словом, в беде она была лучшим утешителем, в счастье — докучнейшим из друзей; при этом всегда сохраняла самое высокое мнение о своей особе и неукротимую решимость ставить на своем.

Среди прочих затей полковница забрала в голову выдать Глорвину замуж за нашего старого приятеля майора Доббина. Миссис О'Дауд знала, какая карьера открывается перед майором, ценила его положительные качества и глубокое уважение, каким он пользовался в военных кругах. Глорвина, очень красивая, цветущая, черно-волосая и голубоглазая молодая особа, умеющая ездить верхом и разыграть сонату с любой девицей в графстве Корк, казалась полковнице именно той женщиной, которой суждено обеспечить счастье Доббина гораздо больше, чем добродушной, бесхарактерной бедняжке Амелии, с которою он так носился.

— Взгляните, как Глорвина входит в комнату, — говорила миссис О'Дауд, — и сравните ее с беденькой миссис Осборн, ведь та похожа на мокрую курицу! Глорвина вполне подходит вам, майор, — вы человек смирный, и вам нужна жена, которая

¹ *Штафирка* (разг., устар.) — презрительное название военными штатского человека.

² Усталая, но все еще не удовлетворенная, отступила (*лат.*).

³ *Субалтерн-офицер* (от *лат.* sub — «под», и alter — «другой») — в некоторых армиях общее название военнослужащих, состоящих на должностях младших офицеров роты, эскадрона или батареи.

могла бы за вас вступиться. Правда, она не такой благородной крови, как Мелони и Маллой, но, позвольте вам сказать, она принадлежит к такому древнему роду, что всякий дворянин может гордиться женитьбой на ней.

Но прежде чем сама Глорвина пришла к этому решению и вознамерилась покорить майора Доббина своими чарами, надо признаться, что она уже усердно пускала их в ход в других местах. Один сезон она провела в Дублине и бог весть сколько — в Корке, Килларнее и Мэллоу. Она кокетничала со всеми подходящими для супружества офицерами, какие оказывались в гарнизонах ее провинции, и со всеми неженатыми сквайрами, представлявшимися также годными для этой цели. Раз десять ей делали предложение в Ирландии, не считая пастора в Бэте, поступившего с нею так вероломно. В течение всего пути до Мадраса она кокетничала с капитаном и старшим штурманом корабля Ост-Индской рамчундерской компании, а затем провела, целый сезон в президентстве с братом и миссис О'Дауд, жившими там, в то время как майор командовал полком на стоянке. В Мадрасе все восхищались ею, все танцевали с нею, но ни один из тех, за кого стоило бы выйти замуж, не сделал ей предложения; двое-трое чрезвычайно юных субалтерн-офицеров вздыхали по ней да один или двое безусых штатских; но этих она отвергла, как не удовлетворяющих ее требованиям; а тем временем другие девицы, и моложе Глорвины, преспокойно выходили замуж.

Есть женщины, даже красивые женщины, которым вот так не везет в жизни. Они влюбляются с величайшей легкостью, катаются верхом и гуляют с половиной личного состава армии, хотя и приближаются к сорокалетию, и все-таки как были они мисс О'Трэди, так мисс О'Трэди и остаются. Глорвина утверждала, что не будь у леди О'Дауд злосчастной ссоры с женой судьи, она, Глорвина, сделала бы в Мадрасе хорошую партию, потому что старый мистер Сет Чэтни, стоявший во главе гражданского управления, вот-вот собирался сделать ей предложение (потом он женился на мисс Дэлби, юной особе, всего тринадцати лет от роду, тотчас по ее приезде из Европы, где она училась в школе).

И вот, хотя леди О'Дауд и Глорвина ссорились ежедневно множество раз и по всяким поводам, какие можно себе вообразить, — не обладай Майк О'Дауд таким ангельским характером, он, имея на шее двух таких женщин, конечно, сошел бы с ума, — они тем не менее сошлись в одном: что Глорвина должна выйти замуж за майора Доббина, и решили не оставлять майора в покое, пока не доведут дела до конца. Не смущаясь сорока или пятьюдесятью понесенными ранее поражениями, Глорвина повела на майора осаду. Она беспрестанно пела ему ирландские песенки. Так часто и трогательно просила: «Не хотите ли прогуляться в беседку?», что было бы чудом, если б какой-нибудь мало-мальски чувствительный человек смог уклониться от приглашения. Она беспрестанно осведомлялась, не омрачала ли скорбь дней его юности; и готова была рыдать, как Дездемона¹, выслушивая его рассказы об опасностях, каким он подвергался, и о походах, в каких он участвовал. Мы уже упоминали, что наш почтенный и любезный старинный друг любил в уединении поиграть на флейте; Глорвина заставила его разыгрывать с ней дуэты, а леди О'Дауд поднималась и откровенно покидала комнату, когда парочка предавалась этому занятию. Глорвина заставляла майора кататься с нею по утрам верхом. Весь лагерь смотрел, как они выезжали и возвра-

¹ *Дездемона* — жена венецианского генерала-мавра в трагедии В. Шекспира «Отелло», полюбившая своего мужа, по его выражению, «за его муки» в прошлом.

*Не смущаясь сорока или пятьюдесятью понесенными ранее поражениями,
Гловина повела на майора осаду*

щались. Она постоянно писала ему на дом записочки, брала у него книги, жирно подчеркивая карандашом чувствительные или забавные места, понравившиеся ей. Она брала у него лошадей, прислугу, ложки, паланкин — немудрено, что общественная молва соединила ее с ним и что сестры майора в Англии вообразили, что вот-вот обзаведутся невесткой.

Тем временем Доббин, подвергаемый столь энергичной осаде, пребывал в состоянии отвратительнейшей невозмутимости. Он смеялся, когда молодые товарищи по полку подшучивали над явным вниманием к нему Глорвины.

— Ба, — говорил он, — она просто набивает руку: она практикуется на мне, как на фортепьяно мистера Тозера, потому что у него самый удобный инструмент во всем лагере. Я слишком стар и разбит для такой изящной молодой особы, как Глорвина.

И продолжал кататься с нею верхом, переписывать ей ноты и стихи в альбомы, играть с величайшей покорностью в шахматы. Ибо в этих скромных развлечениях обычно коротают досуги некоторые офицеры в Индии, тогда как другие, менее склонные к домоседству, охотятся на кабанов, стреляют бекасов и куликов, играют в карты, курят манильские сигары и наливаются пуншем.

Что касается сэра Майкеля О'Дауда, то, хотя жена и сестра уговаривали его понудить майора к решительным объяснениям и не терзать так постыдно бедную невинную девушку, старый воин категорически отказывался от всякого участия в заговоре.

— Право же, майор достаточно взрослый человек и сам знает, что ему делать, — говорил сэр Майкель, — когда понадобится, он сам вам сделает предложение. — Или же обращал все в шутку, заявляя, что «Доббин слишком юн, чтоб обзаводиться семьей, и написал домой, прося позволения у мамы». Он шел даже еще дальше и в частных беседах с майором предостерегал его и старался подбодрить:

— Смотрите в оба, Добб, дружище, у этих девчонок всегда каверзы на уме — моя жена только что получила короб платьев из Европы, среди них розовое атласное для Глорвины, и оно вас прикончит, Добб, если только во власти женщины или атласа расшевелить вас.

В действительности же ни красота, ни модные наряды не могли покорить майора. В мыслях нашего почтенного друга царил образ только одной женщины, и этот образ нисколько не походил на мисс Глорвину О'Дауд в розовом атласе. Тихая маленькая женщина в трауре, с большими глазами и темными волосами, редко заговаривавшая сама и только отвечавшая, когда к ней обращались, и тогда говорившая голосом, нисколько не похожим на голос мисс Глорвины; нежная молодая мать, ласкающая младенца и с улыбкой приглашающая майора полюбоваться им; румяная девушка с пением вбегавшая в комнату на Рессель-сквере или опирающаяся на руку Джорджа Осборна, счастливая и любящая, — один только этот образ и днем и ночью заполнял мысли нашего почтенного майора и царил в них безраздельно. Весьма вероятно, Амелия и не походила на портрет, созданный фантазией майора; в модном журнале у его сестер в Англии оказалась картинка, которую Уильям потихоньку стащил и наклеил на крышку письменной шкатулки, найдя в рисунке какое-то сходство с миссис Осборн, но я видел эту картинку и могу поклясться, что она представляет всего-навсего платье с высокой талией и глупо улыбающееся поверх него нелепое кукольное лицо; так что, может быть, сентиментальная Амелия мистера Доббина была похожа на настоящую не больше этой нелепой модной картинки, которую он так берег. Но кто из нас, влюбленных мужчин, проявляет большую осведомленность и становимся ли мы

счастливец, когда видим и сознаем свое заблуждение? Доббин находился под таким же очарованием. Он не надоедал друзьям и знакомым описаниями своих сердечных чувств и не утрачивал из-за них здорового сна и аппетита. Голова его поседела с тех пор, как мы виделись с ним в последний раз; да и в ее мягких каштановых волосах тоже появились две-три серебряных нити. Но чувства майора ни на йоту не изменились и не постарели, и любовь его остается такою же свежей, как воспоминания взрослого мужчины о собственном детстве.

Мы уже говорили, что обе мисс Доббин и Амелия, европейские корреспондентки майора, писали ему письма из Англии; миссис Осборн с большою сердечностью и искренностью поздравила его с предстоящим бракосочетанием с мисс О'Дауд.

«Ваша сестра только что любезно посетила меня, — писала Амелия в своем письме, — и сообщила мне интересную весть, по поводу которой приношу вам свои искреннейшие поздравления. Надеюсь, что молодая особа, с которой, как мне говорят, вы собираетесь *соединиться*, окажется во всех отношениях достойною того, кто сам является олицетворением доброты и любезности. Бедная вдова может предложить лишь свои молитвы и сердечные пожелания *благополучия*. Джорджи шлет привет своему дорогому крестному и надеется, что вы не забудете его. Я сказала ему, что вы собираетесь заключить *иной союз*, с особой, которая, я уверена, заслуживает всей вашей любви, но что, хотя эти узы, разумеется, должны быть священнее и крепче и перевесить *все остальное*, я все же уверена, что вдова и ребенок, которых вы когда-то охраняли и любили, всегда *найдут уголок в вашем сердце*». Письмо, о котором мы упоминали раньше, продолжалось в том же духе, заверяя о великой радости писавшей его.

Письмо это, прибывшее на том же корабле, что привез короб с лондонскими нарядами для леди О'Дауд (можете быть уверены, что Доббин распечатал его раньше всех остальных, доставленных ему с тою же почтой), повергло адресата в такое настроение, что Глорвина, ее розовое атласное платье и все вообще относящееся к ней стали совершенно ненавистны майору. Он проклинал женскую болтливость и женский пол вообще. Все в этот день раздражало его: на полковом учении было невыносимо жарко и скучно. Боже милостивый! пристало ли разумному человеку убивать жизнь на то, чтобы изо дня в день осматривать португези и учить дураков ружейным приемам! Бессмысленная болтовня молодежи в офицерской столовой надоедала больше, чем когда-либо. Какое дело ему, человеку почти вплотную подошедшему к сорока годам, до того, сколько куликов застрелил лейтенант Смес или какие курбеты выкидывает кобыла прапорщика Брауна? Шутки за столом вызывали в нем чувство стыда. Слишком он был стар, чтобы слушать рассказы младшего врача и пошлости молодых офицеров, над которыми старый О'Дауд, плешивый и покрасневшийся, хохотал без всякого стеснения. Старик слышал эти самые шутки во всякое время в течение последних тридцати лет, — Доббин сам слушает их уже пятнадцать лет. А после тяжелой скуки в столовой — ссоры и скандалы полковых дам! Это невыносимо, постыдно.

«Ах, Амелия, Амелия, — думал майор, — ты, ты, которой я был так верен, — ты упрекаешь меня! Только потому, что ты не можешь разделить моих чувств, я тяну эту несносную лямку. И в награду за годы преданности ты благословляешь меня на брак с этой наглой ирландской девчонкой, только этого не доставало!»

Больным и несчастным почувствовал себя бедняга Уильям; как никогда, жалким и одиноким. Он готов был покончить с жизнью и со всею ее суетой — такой бесцель-

ной и пустой показалась ему борьба, такими безотрадными и мрачными все виды на будущее. Всю ночь провел он без сна, с тоской думая о родине. Письмо Амелии придавило его, как камнем. Так, значит, никакая верность, никакое постоянство истинной любви не в силах согреть ее сердце. Она даже не замечает, как он ее любит. Ворочаясь в постели, он взывал к ней:

«Боже мой, Амелия! Неужели вы не знаете, что во всем мире я люблю только вас — вас, которая холодна ко мне, как камень? Вас, за которую я ухаживал в долгие месяцы болезни и горя, вас, которая простилась со мной с улыбкой на устах и забыла меня, еще не успела закрыться за мною дверь!»

Слуги-туземцы, лежавшие возле веранды, с недоумением смотрели, как майор, всегда такой спокойный и хладнокровный, теперь так сильно взволнован и угнетен. Пожелала ли бы его Амелия, если бы увидела его сейчас? Он читал и перечитывал все письма, какие когда-либо от нее получал: деловые письма, по поводу маленькой суммы, оставленной ей — по его уверениям — мужем, коротенькие пригласительные записочки, каждую строчку, посланную ею, — как холодны, как приветливы, как безнадежны, как эгоистичны были все эти послания!

Найдись под рукой добрая и нежная душа, которая сумела бы понять и оценить это молчаливое великодушное сердце, почем знать, может быть, царству Амелии пришел бы конец, и любовь нашего приятеля Уильяма излилась бы в более гостеприимное русло. Но налицо имелась только Глорвина со смоляными локонами, он поддерживал короткое знакомство только с нею, а эта блестящая молодая особа стремилась не сама любить майора, а заставить майора преклоняться перед нею — тщетная и безнадёжная задача, по крайней мере принимая во внимание те средства, какими бедная девушка обладала для ее выполнения. Она завивала волосы и выставляла ему напоказ свои плечи, словно говоря: «Видали вы когда-нибудь такие смоляные локоны и такое сложение?» Она улыбалась ему так, что он мог удостовериться, что все зубы у нее целы, — а он даже и не замечал всех этих прелестей.

Вскоре по прибытии короба с нарядами, и, пожалуй, именно в их честь, леди О'Дауд и дамы королевского полка задали бал полкам ост-индского округа и гражданским чиновникам станции. Глорвина щеголяла в смертоносном розовом платье, а майор, присутствовавший на балу и печально бродивший по комнатам, так и не заметил розового наряда. Глорвина носилась перед ним, неистово танцуя со всеми местными молодыми субалтернами, а майор не проявлял ни малейшей ревности по случаю ее поведения и не рассердился, когда ротмистр Бэнгльс повел ее к ужину. Ни ревность, ни платья, ни плечи не могли взволновать его, а кроме этого у Глорвины ничего больше не было.

Так, оба они — и каждый в отдельности — являли собою пример суетности земных желаний, и каждый стремился к тому, чего он или она не могли добиться. Глорвина плакала от злости по поводу постигшей ее неудачи. Она возлагала надежды на майора «больше, чем на всех прочих», признавалась она, рыдая.

— Он разобьет мне сердце, Пэгги, — жаловалась она невестке, когда не была с нею в ссоре. — Непременно разобьет! Мне приходится ушивать все платья, — от меня скоро останется один скелет!

Толстая ли, худая ли, смеющаяся или печальная, на коне или на табурете за роялем — майору все было безразлично. А полковник О'Дауд, попыхивая трубкой и слушая эти жалобы, советовал Глорвине выписать из Лондона в следующий раз несколько черных платьев и рассказал таинственную историю о некой ирландской леди, которая умерла с горя об утрате супруга, не успев еще им обзавестись.

Пока майор тянул эти танталовы муки, не делая предложения и отказываясь влюбиться, пришел другой корабль из Европы, привезший опять письма, и в их числе несколько для бессердечного героя. То были письма из дома, с более ранним почтовым штемпелем, чем полученные с прошлой почтой. Узнав на одном почерк сестры, которая всегда исписывала письма к брату вдоль и поперек, сообщая все неприятные вести, какие успевала собрать, пробирала его и читала нравоучения с чисто сестринской откровенностью, причем «дорогой Уильям» после прочтения такого письма на целый день впадал в уныние, — надо сказать правду, что дорогой Уильям не поспешил теперь сломать печать на письме мисс Доббин, а решил отложить его до более благоприятного времени и настроения. К тому же за две недели до этого он послал ей выговор за то, что она наговорила разных небылиц миссис Осборн, а этой последней отправил ответ, почтительно опровергая дошедшие до нее слухи и уверяя в том, что «не имеет и тени намерения вносить какие-либо перемены в теперешнее свое положение».

Два или три дня спустя после прибытия второй пачки писем майор довольно приятно провел вечер у леди О'Дауд, и Глорвине показалось, что он внимательнее обычного слушал «Встречу», «Менестреля» и еще две-три песенки, которыми она его удостоила (по правде сказать, он так же мало слушал Глорвину, как шакалов, завывавших при луне за окном, и она, по обыкновению, самообольщалась). Сыграв с ней партию в шахматы (криббедж с полковым врачом составлял любимое вечернее развлечение леди О'Дауд), майор Доббин в обычный час простился с семейством полковника и удалился домой.

На столе белело упреком письмо сестры. Он взял его, пристыженный за такое невнимание к нему, и приготовился провести неприятный час в общении с отсутствующей родственницей, обладавшей таким неразборчивым почерком.

Прошел, пожалуй, час со времени ухода майора из дома полковника; сэр Майкель спал сном праведных; Глорвина закрутила свои черные локоны в бесчисленные бу-мажные лоскутки, в которые она обыкновенно запирывала их на ночь; леди О'Дауд тоже удалилась на покой в супружескую спальню в нижнем этаже и подоткнула полог от москитов вокруг своих пышных форм, когда часовой, стоявший у ворот командирского дома, увидел в лунном свете майора Доббина, спешившего к дому быстрым шагом и в большом волнении; часовой пропустил его, и майор подошел к окнам полковничьей спальни.

— О'Дауд! Полковник! — позвал Доббин и стал громко стучать в окно.

— Господи, майор! — воскликнула Глорвина, высунув из окна голову в папильотках.

— В чем дело, Добб, милый мой? — спросил полковник, предположив, что на станции пожар или пришел от главной квартиры приказ о выступлении.

— Я... Мне необходим отпуск. Я должен поехать в Англию — по самым неотложным домашним делам! — сказал Доббин.

«Боже милостивый, что случилось?» — подумала Глорвина, дрожа всеми своими папильотками.

— Я должен уехать сейчас... сегодня же ночью! — продолжал Доббин. Полковник встал и вышел переговорить с ним.

В исписанном вдоль и поперек письме мисс Доббин майор наткнулся на приписку, гласившую следующее:

«Вчера я заезжала навестить твою старую знакомую миссис Осборн. Ужасную местность, где они поселились после разорения, ты знаешь; мистер С., судя по медной дощечке на двери его лачуги (дом немногим лучше), торгует теперь углем. Мальчик, твой крестник, несомненно, красивый ребенок, и хотя не по годам развитой, но дерзкий и упрямый. Но согласно твоему желанию мы присматривали за ним и познакомили его с его теткой, мисс О., которой он, кажется, понравился. Может быть, деда — не банкрота, тот почти впал в детство, а мистера Осборна из Рессель-сквера — удастся смягчить по отношению к ребенку твоего друга, его заблудшего и свовольного сына. Амелия же будет не прочь от него отделаться. Вдова утешилась и собирается выйти замуж за джентльмена духовного звания, именно за преподобного мистера Бинни, одного из бромптонских викариев. Партия неважная. Но миссис О. стареет, я заметила у нее много седых волос, она была в прекраснейшем настроении, а твой крестник у нас объелся. Мама шлет тебе привет вместе с таковым же от любящей тебя *Анни Доббин*».

ГЛАВА XLIV

Между Лондоном и Гэмпширом

Родовой дом наших старых знакомцев Кроули на Грэт-Гаунт-стрит все еще имеет на фронтоне траурный герб, водруженный там в знак скорби по кончине сэра Питта Кроули, но эта геральдическая эмблема сама по себе представляла великолепное и пышное украшение, да и вообще весь особняк принял гораздо более щеголеватый вид, чем при жизни покойного баронета. Почерневшую наружную облицовку кирпичей счистили, и они весело сияют, покрытые свежей белой штукатуркой. Старинные бронзовые львы на дверном молотке ярко вызолочены, перила покрашены, и самый угрюмый дом на всем Грэт-Гаунт-стрит стал самым красивым во всем квартале еще раньше, чем зеленая листва сменила в Гэмпшире желтевшие листья на деревьях главной аллеи в Куинс Кроули, когда старый сэр Питт Кроули проследовал под ними в последний раз.

Маленькая женщина в таком же маленьком экипаже постоянно вертелась у этого дома; можно было заметить, что туда же ежедневно являлась и пожилая дева, сопровождаемая маленьким мальчиком. То была мисс Бриггс с малюткой Раудоном, на которую была возложена обязанность наблюдать за внутренним обновлением дома сэра Питта, надзирать за мастерицами, шившими шторы и занавеси, разбирать и очищать ящики и комоды, заваленные грязными реликвиями и соединенной рухлядью, накопленными двумя поколениями леди Кроули, составлять опись фарфора, хрусталя и прочего имущества, находящегося в шкафах и кладовых.

Миссис Раудон Кроули была генерал-аншефом надо всеми этими переменами; она получила от сэра Питта широкие полномочия продавать, менять, конфисковать и покупать все нужное и с удовольствием предавалась этому занятию, дававшему полный простор ее вкусу и изобретательности. Решение подновить дом было принято в ноябре, когда сэр Питт приезжал в город повидаться с поверенными и провел почти неделю на Керзон-стрит под кровом любящих брата и невестки.

Он остановился сначала в гостинице, но Бекки, как только узнала о приезде баронета, сейчас же отправилась одна приветствовать его, а час спустя возвращалась на Керзон-стрит в коляске бок о бок с сэром Питтом. Порою невозможно было устоять перед гостеприимством этой бесхитростной крошки, так любезно оно навязывалось, так искренно и дружески предлагалось. Когда Питт согласился переехать, Бекки схватила его за руку в порыве благодарности.

— Благодарю вас! — сказала она, сжимая ему руку и смотря в глаза баронету, который слегка покраснел. — Каким счастьем это будет для Раудона!

Она суежилась в спальне Питта, указывая прислуге, куда поставить принесенные чемоданы. Со смехом сама притащила корзину с углем из своей комнаты.

Огонь уже пылал в комнате сэра Питта (кстати, это была комната мисс Бриггс, которую переселили наверх, к горничной).

— Я знала, что привезу вас, — сказала Бекки, и глаза ее засияли от удовольствия. Она действительно искренно радовалась, что залучила его погостить.

Пока Питт жил у них, Бекки раза два спровадила Раудона обедать вне дома, под предлогом дел, и баронет провел эти счастливые вечера только с нею и с Бриггс. Бекки сама отправилась вниз, на кухню, и приготовила для него какие-то особенные блюда.

— Разве это не вкусное сальми?¹ — спросила она. — Я сама приготовила его для вас. Я умею готовить еще более вкусные блюда. И буду готовить их для вас, когда вы будете навещать меня.

— Все, что вы делаете, прекрасно, — любезно ответил баронет. — А это сальми действительно превосходно.

— Жена бедняка должна все уметь делать, вы знаете, — весело встала Бекки.

В ответ Питт принялся божиться, что она достойна быть женой императора, а что касается хозяйственных способностей, то они составляют одно из очаровательнейших качеств в женщине. И с чувством, похожим на огорчение, сэр Питт вспомнил о леди Джейн, оставшейся дома, и о некоем пироге, который она вздумала испечь и подала ему к обеду, — претовратительнейший то был пирог!

Помимо сальми, приготовленного из фазанов, поднесенных лордом Стэйном и доставленных из Стильбрукского коттеджа его милости, Бекки угостила шурина бутылкой белого вина, привезенного Раудоном из Франции и доставшегося ему прямо задаром, сказала выдумщица. На самом же деле вино это, марки «Белый Эрмитаж», исходило из прославленных погребов маркиза лорда Стэйна, и заставило вспыхнуть бледные щеки баронета, разлив теплоту по всему его тщедушному телу.

Затем, когда он осушил бутылочку этого *petit vin blanc*², она взяла его под руку и привела в гостиную, уютно усадила на диван у горящего камина, сама села рядышком и с нежнейшим сочувствием стала внимать его речам, подрывая рубашечку для своего милого малютки. Когда миссис Раудон хотелось проявить особое смирение и добродетель, эта рубашечка всегда извлекалась из ее рабочего ящика. Однако Раудон успел из нее вырасти задолго до того, как она была закончена.

И вот Ребекка слушала Питта, разговаривала с ним, пела ему, ластилась к нему, ухаживала за ним, так что он с каждым днем все больше и больше радовался, уходя от

¹ Сальми — рагу из жареной дичи.

² Легкого белого вина (фр.).

своих поверенных из Грэйс-Инна к пылающему камину на Керзон-стрит, — радость эту разделяли и юристы, ибо разглагольствования Питта были весьма пространны, — а когда настало время уезжать, ощутил настоящую печаль при разлуке. Как хороша она была, посылая ему ручкой воздушный поцелуй из коляски и махая платочком, когда он сел в дилижанс! Она даже поднесла платочек к глазам. Баронет надвинул поглубже шапку из котикового меха, когда дилижанс тронулся, и, откинувшись на спин-

ку сиденья, стал размышлять о том, как Ребекка его уважает, и как он этого заслуживает, и насколько глуп и туп Раудон, не умеющий и вполтину ценить свою жену, и как бессловесна и глупа его собственная жена по сравнению с блестящей и милою Бекки. На все эти размышления, пожалуй, навела его сама Бекки, но так деликатно, так осторожно, что никак нельзя было сказать, когда именно и где. А перед разлукою решили, что дом в Лондоне надо к будущему сезону заново отделать, и что на Рождество семьи братьев опять свидятся в деревне.

— Жаль, что ты не выманила у него хоть сколько-нибудь денег, — угрюмо оказал Раудон жене после отъезда баронета. — Надо бы дать хоть немножко старику Рэггласу, черт возьми! Нехорошо, знаешь, что старик не получает никогда ни гроша. Это просто неудобно, и он может сдать дом кому-нибудь другому, знаешь.

— Скажи ему, — ответила Бекки, — что, как только сэр Питт уладит свои дела, все будет заплачено, и дай ему пока какой-нибудь пустяк. Вот чек, который Питт оставил для мальчика. — Она вынула из сумочки и отдала мужу бумажку, врученную ей баронетом для сына и наследника младшей ветви семейства Кроули.

Сказать по правде, Бекки по собственному почину уже позондировала почву, на которую супруг пожелал натолкнуть ее, — позондировала очень осторожно и нашла небезопасной. Даже при слабом намеке на денежные затруднения сэр Питт Кроули сразу насторожился и испугался. И завел длинную речь, объясняя, насколько он сам стеснен в денежном отношении; как арендаторы не платят, как отцовские дела и расходы, связанные с кончиной старого джентльмена, заставили его самого запутаться, как ему нужно платить повинности и подати, а у банкиров и агентов забрана не только вся наличность, но даже есть долги; и Питт Кроули закончил все эти рассуждения соглашением с невесткой и вручил ей ничтожную сумму в подарок ее сынишке.

Питт знал, как сильно нуждается брат и его семья. От внимания такого холодного и опытного дипломата не могло ускользнуть, что семье Раудона жить не на что, а дома и экипажи достаются ведь не даром. Отлично знал он и то, что является обладателем, или, вернее, присвоителем, денег, которые, по всем расчетам, должны были достаться его младшему брату, и, несомненно, испытывал втайне угрызения совести, подкалывавшей ему, что он должен совершить какой-нибудь акт, который восстановил бы справедливость или, скажем, хотя бы компенсировал обиженных родственников. Человек справедливый, порядочный, неглупый, читавший молитвы, знавший катехизис и всю жизнь исполнявший свои обязанности по отношению к окружающим, он не мог не сознавать, что должен сделать что-то и по отношению к брату и что морально он состоит должником Раудона.

Но ведь когда время от времени на столбцах газеты «Таймс» натыкаешься на странные объявления канцлера казначейства, извещающие о получении 50 фунтов стерлингов от А. В. или 10 фунтов от У. Т., вносимых в качестве налогов, причитающихся с названных А. В. или У. Т. и ими утаенных, получение каковых взносов показавшиеся просят высокородного джентльмена подтвердить через посредство печати, — то, без сомнения, канцлер, а также и читатель понимают, что вышепоименованные А. В. и У. Т. уплачивают лишь ничтожную долю того, что они в действительности должны, и что человек, посылающий двадцатифунтовый билет, весьма вероятно, утаил много сотен и тысяч, за которые ему также следовало бы рассчитаться. Таково, по крайней мере, мое впечатление, когда я вижу эти недостаточные проявления раскаяния А. В. или У. Т. И я не сомневаюсь, что сокрушение Питта Кроули или его доброты по отношению к младшему брату, благодаря которому он получил столько выгод, представляла лишь очень ничтожный дивиденд с капитала, должного им Раудону. Не всякий охотно заплатит даже и такую малость. Расстаться с деньгами — это жертва, непосильная почти всем людям, наделенным чувством порядка. Едва ли найдется смертный, который не счел бы себя достойным величайших похвал за то, что дал ближнему пятифунтовый билет. Расточительный даст, но не из благожелательной радости даяния, а ради пустого удовольствия сорить деньгами. Он не откажется ни от одного наслаждения: от ложи в опере, от лошади, от обеда, ни даже от удовольствия дать пять фунтов бедному Лазарю. Бережливый, добрый, рассудительный, справедливый, не имеющий ни одного пенни долгу, проходит мимо нищего, торгуется до упаду с извозчиком или отрекается от бедных родственников, — и я не знаю, кото-

рый же из двоих себялюбивее другого: только деньги имеют для каждого разную ценность.

Словом, Питт думал, что надо же сделать что-нибудь для брата, а потом думал, что подумает об этом как-нибудь в другой раз.

Что же касается Бекки, то не такую она была женщиной, чтобы слишком рассчитывать на великодушие ближнего, и потому была вполне довольна всем, что Питт Кроули сделал для нее. Глава семьи признал ее. Если Питт и не даст ей ничего, он со временем что-нибудь ей устроит. Если она не получила от деверя денег, она получила то, что стоит денег, — кредит. Рэггс заметно успокоился, видя доброе согласие между братьями и получив маленькую сумму наличными с обещанием уплаты гораздо большей в ближайшем будущем. А мисс Бриггс, которой перед рождеством надо было платить проценты на маленький занятый у нее капиталец, Ребекка заплатила с такой искренней радостью, как будто казна ее ломилась от золота, и сказала, под строжайшим секретом, что она советовалась с сэром Питтом — а он ведь замечательный финансист — относительно Бриггс: о том, как ей выгоднее всего поместить остающийся свободным капитал, и что сэр Питт после долгих размышлений, придумал очень верное и выгодное помещение для денег Бриггс; а будучи расположен к ней, как к преданному другу покойной мисс Кроули и всей их семьи, сэр Питт еще задолго до своего отъезда просил ей передать, чтобы она держала деньги наготове, дабы по первому указанию воспользоваться благоприятным случаем и купить акции, какие сэр Питт имеет в виду. Бедная мисс Бриггс была чрезвычайно польщена этим знаком внимания со стороны сэра Питта; эта такая неожиданность, говорила она, потому что она ни за что не додумалась бы до того, чтобы тронуть деньги, лежащие в государственных бумагах, а деликатность предложения еще усугубляет доброту, его подсказавшую. И она обещала безотлагательно повидаться со своим поверенным и держать свой капиталец наготове до нужного момента.

И эта достойная женщина прониклась такой благодарностью к Ребекке за ее любезное посредничество в этом деле, а равно и к великодушному своему благодетелю, полковнику, что сейчас же отправилась и истратила значительную часть полученных полугодовых процентов на покупку черного бархатного костюмчика для маленького Раудона; хотя, кстати сказать, мальчик уже вырос из черных бархатных костюмчиков, и по годам и по росту ему пора было перейти к мужской жакетке и длинным панталонам.

Он был красивый мальчик, с открытым лицом, голубыми глазами и длинными льняными волосами; грубоватого сложения, но великодушный и мягкосердечный, он нежно привязывался ко всем, от кого видел ласку: к пони, к лорду Соусдауну, подарившему ему лошадку (он краснел и весь сиял, когда видел этого доброго молодого дворянина), к груму, ходившему за пони, к кухарке Молли, пичкавшей его по вечерам рассказами о привидениях и вкусными вещами, припрятанными от обеда, к Бриггс, которую мучил и высмеивал, и в особенности к отцу, любовь которого к мальчику курьезно было наблюдать. На этом к восьми годам привязанности его, можно сказать, кончались. Чудесное видение, каким ему некогда представлялась мать, спустя некоторое время поблекло. В течение двух лет Ребекка почти не разговаривала с ребенком: она его не любила. Он хворал корью и коклюшем. Он надоел ей. Однажды, когда он стоял на площадке, куда сполз из горней своей обители, привлеченный звуками ее голоса, когда она пела для лорда Стэйна, дверь гостиной внезапно распахнулась и об-

наружила маленького соглядатая, за минуту до того в полном очаровании слушавшего музыку.

Мать вышла из комнаты и дала ему две звонких пощечины. Он услышал из гостиной смех маркиза (которого позабавило это свободное и безыскусственное проявление темперамента Бекки) и убежал вниз, на кухню, к своим друзьям, заливаясь слезами в порыве горя.

— Мне не больно, — с трудом выговорил Раудон. — Только... только... — Конец фразы заглушили слезы и бурные рыдания. У мальчугана болела не щека, а сердце. — Отчего мне нельзя слушать, как она поет? Почему она никогда не поет мне, — а этому плешивому и зубастому поет?

Эти гневные и горестные вопросы прерывались рыданиями. Кухарка взглянула на горничную; горничная многозначительно посмотрела на лакея, — грозная кухонная инквизиция, что творит суд в каждом доме и все знает, судила в этот момент Ребекку.

После этого случая нелюбовь матери усилилась до ненависти; сознание, что ребенок находится в доме, являлось для нее упреком и мучило ее. Самый вид сына стал ей неприятен. Да и в сердце мальчика зародились страх, недоверие и желание сопротивления. С того дня, когда мать надавала ему пощечин, она стала ему чужою.

Лорд Стэйн тоже откровенно недолюбливал мальчика. Когда, по какой-нибудь несчастной случайности, они встречались, он отвешивал Рауди саркастические поклоны, отпускал язвительные замечания или смотрел на него, злобно сверкая глазами. Раудон в ответ глядел ему прямо в лицо и сжимал кулаки. Он знал, кто его враг; и этот господин, один из всех, бывавших в доме, возбуждал в нем сильнейшую злобу. Однажды ливрейный лакей застал Рауди в передней, грозящим кулаками шляпе лорда Стэйна. Лакей рассказал об этом кучеру лорда Стэйна как о забавной штуке; тот поделился сообщением с камердинером лорда Стэйна и со всей людской. И вскоре после этого, когда миссис Раудон Кроули появилась в Гаунт-Хаусе, привратник, отворивший ворота, слуги в ливреях всех видов и цветов, торчавшие в вестибюле, официанты в белых жилетах, выкрикивавшие с площадки на площадку имена полковника и миссис Раудон Кроули, знали о ней все или воображали, что знают. Официант, подносивший ей прохладительные напитки и стоявший за ее стулом, обсуждал ее характер с видным джентльменом в пестром одеянии, выстроившимся рядом с ним. *Воп Dieu*¹, какой ужас, эта инквизиция со стороны прислуги! Вы видите даму на парадном вечере в великолепном салоне, окруженную преданными поклонниками, бросающую направо и налево сверкающие взгляды, одетую в совершенство, завитую, на румяненную, улыбающуюся и счастливую. Разоблачение почтительно приближается к ней в образе высокого человека с толстыми икрами и в напудренном парике, несущего поднос с мороженым; за ним следует Клевета (столь же роковая, как Истина) в образе неловкого малого, предлагающего вафельные бисквиты. Мадам, эти люди будут подробно обсуждать ваши тайны сегодня же ночью в каком-нибудь кабаке, этом лакейском клубе. За трубкой и оловянной кружкой с пивом Джеймс расскажет Чарльзу все, что ему известно о вас. Многим господам на ярмарке тщеславия следовало бы держать для услуг только немых — немых, не умеющих писать. Если вы знаете за собою вину — трепещите! Субъект, стоящий за вашим стулом, может оказаться яны-

¹ Боже милостивый (*фр.*).

чаром с удавкой в кармане плюшевых штанов. Если вы ни в чем не виноваты — соблюдайте внешние приличия: нарушение их столь же пагубно, как действительная вина.

Виновна Ребекка или не виновна? Фемгерихт¹, заседавший в людской, вынес ей обвинительный приговор.

И, мне стыдно признаться, она не пользовалась бы кредитом, если бы ее признали невиновной. Вид горящих во мраке глубокой ночи фонарей кареты маркиза Стэйна, дежурящей у подъезда Ребекки, «подбодрял» Рэггласа, как он сам потом говорил; именно эти фонари, гораздо больше, чем все ухищрения и умасливания Ребекки.

И вот — весьма вероятно, невиновная — она изворачивалась и проталкивалась к тому, что называется «положением в свете», а прислуга уже указывала на нее пальцами как на погибшую и отпетую. Так иногда видишь утром, как горничная Молли сначала внимательно следит за пауком, раскинувшим свою паутину у дверного косяка, как он выпускает ниточку и старательно взбирается по ней, а потом надоест смотреть, — Молли поднимает половую щетку и смахивает и паутину и самого искусника.

За день или за два до рождества Бекки, ее муж и сын собрались и поехали провести праздники в резиденции своих предков в Куинс Кроули. Бекки предпочла бы оставить мальчугана дома и так бы и сделала, если бы не настойчивые просьбы леди Джейн привезти Рауди и не признаки возмущения и недовольства, проявленные Раудоном по поводу ее небрежности и равнодушия к сыну.

— Лучшего мальчугана не найти в Англии, — с упреком говорил отец, — а ты обращаешь на него меньше внимания, чем на свою болонку, Бекки. Он тебе не помешает: дома он будет находиться в детской, далеко от тебя, а в дороге он поедет со мной на козлах.

— Где ты сам поедешь, потому что не можешь обойтись без своих отвратительных сигар!

— Однако я помню время, когда они тебе нравились, — ответил муж.

Бекки расхохоталась: она почти всегда сохраняла хорошее расположение духа.

— Это было, когда я добивалась повышения, простачок, — сказала она. — Бери с собой Раудона на козлы и дай ему сигару, если хочешь.

Раудон не прибег к этому способу согревания сына во время зимнего пути, но вдвоем с Бриггс укутал ребенка в шали и кашне. Утром, еще до света, мальчика почтиительно посадили на крышу дилижанса при свете фонарей, горевших у погребка «Белая лошадь». С немалым удовольствием наблюдал он восход зари и совершил свое первое путешествие в то место, которое отец все еще обозначал словом «домой». Путешествие доставило мальчику бесконечное удовольствие, потому что все дорожные приключения представляли для него громадный интерес. Отец отвечал ему на все связанные с ними вопросы, рассказывал, кто живет в белом доме направо, кому принадлежит парк. Мать, расположившаяся внутри колымаги с горничной, мехами, одеялами, флакончиками с нюхательными солями, так ворчала, что можно было подумать, она никогда в жизни не ездила в почтовой карете; никто бы не поверил, что десять лет тому назад ее высадили из этого самого дилижанса, чтобы взять на ее место платного пассажира.

¹ Фемгерихт — тайное вестфальское судилище в Средние века.

Уже наступили сумерки, когда маленького Раудона разбудили, чтобы в Медбери пересесть в дядюшкину карету; он с изумлением выглядывал из нее на распахнувшиеся железные ворота, на проплывавшие мимо белые стволы лип, пока наконец карета не остановилась у освещенных окон замка, приветливо снявшего огнями по случаю рождества. Растворился главный подъезд — в огромном старинном камине пылал яркий огонь, пол из расположенных в шахматном порядке черных и белых плит был застлан ковром.

«Это старый турецкий ковер, что прежде лежал в дамской галерее», — подумала Ребекка; в следующую минуту она уже целовала леди Джейн.

С сэром Питтом она обменялась тем же приветствием с большою серьезностью; но Раудон, пропахший сигарным дымом, несколько отклонился от невестки, в то время как двое детей ее подходили к своему кузену. Матильда протянула ему руку и поцеловалась с ним, а Питт Бинки Соусдаун, сын и наследник, стоял в сторонке и разглядывал Рауди, как маленькая собачка разглядывает большого пса.

Потом приветливая хозяйка провела гостей в уютные комнаты, пылавшие веселыми огнями. Немного спустя явились девицы и постучались к миссис Раудон, под предлогом оказания ей каких-либо услуг, но в действительности ради удовольствия освидетельствовать содержимое ее баулов и картонок с платьями, хотя и траурными, но самых модных фасонов. Они рассказали Ребекке, насколько замок изменился к лучшему, что старая леди Соусдаун уехала, что Питт постепенно занял в графстве выдающееся положение, как и подобает представителю рода Кроули. А когда прозвонил обеденный колокол, вся семья собралась за столом и Раудон-младший был посажен рядом с теткой, доброй хозяйкой дома; сэр Питт проявлял необычайное внимание к невестке, сидевшей по правую его сторону.

Маленький Раудон обнаружил прекрасный аппетит и вел себя, как полагается джентльмену.

— Мне нравится здесь обедать, — сказал он тетке по окончании обеда, когда по прочтении сэром Питтом молитвы, маленький сынок и наследник был представлен обществу и посажен на высокий стульчик рядом с баронетом, а дочка заняла место возле матери и вступила во владение приготовленной для нее рюмочкой вина.

— Мне нравится здесь обедать, — повторил Раудон-младший, глядя в ласковое лицо тетки.

— Почему? — спросила добрая леди Джейн.

— Дома я обедаю на кухне, — ответил Раудон-младший, — или с Бриггс.

Но Бекки была так поглощена разговором с хозяином, баронетом, так изливалась в комплиментах и восторгах, так восхищалась маленьким Питтом Бинки, которого объявила красивейшим, умнейшим, аристократичнейшим малюткой и вдобавок необыкновенно похожим на отца, что не слышала признаний собственного своего сына, восседавшего на другом конце широкого, ярко освещенного стола.

В качестве гостя и по случаю первого дня приезда, Раудону-второму разрешили остаться со взрослыми, пока не убрали чай, после чего перед сэром Питтом была положена большая раззолоченная книга, вся прислуга явилась в комнату, и сэр Питт стал читать молитвы. Бедный мальчик впервые присутствовал при такой церемонии и даже не слышал о ней.

Дом значительно изменился к лучшему даже за короткое время правления баронета, и Бекки, осмотрев в сопровождении хозяина весь замок, объявила его безукло-

*Раудон, пропахший сигарным дымом, несколько отклонился от невестки,
в то время как двое детей ее подходили к своему кузену*

ризенным, прелестным, восхитительным. Что касается маленького Раудона, осматривавшего его под руководством детей, то ему замок показался настоящим дворцом, полным волшебства и чудес. Здесь были длинные галереи и старинные парадные спальни, были картины, старинный китайский фарфор и всякое оружие. Были комнаты, в которых умер дедушка и мимо которых дети проходили с испуганными лицами.

— Кто был дедушка? — спросил Рауди. — И ему объяснили, что он был очень старый и его возили в садовом кресле на колесиках, а потом показали и самое кресло, ржавевшее в сарайчике, где оно лежало с того дня, как старика увезли вон туда, к церкви, колокольня которой блестела над вязами парка.

Взрослые братья имели вдоволь занятий на несколько дней: осматривали по утрам усовершенствования, произведенные гением и экономностью сэра Питта. И, расхаживая или разъезжая верхом при этих осмотрах, они разговаривали, не слишком надоедая друг другу. Питт постарался разъяснить Раудону, каких громадных издержек потребовали все эти улучшения и как владелец обширной земельной собственности и крупного капитала, лежащего в государственных бумагах, часто бывает очень стеснен из-за каких-нибудь двадцати фунтов.

— Ведь вот эта новая сторожка у ворот в парк, — сказал Питт, скромно указывая на нее бамбуковой тростью, — я так же могу расплатиться за нее до получки январских процентов, как и полететь.

— Я могу ссудить тебя деньгами до января, — ответил сокрушенно Раудон. Они подошли и осмотрели отремонтированную сторожку, возле которой как раз высекали из камня фамильный герб; старая миссис Локк, впервые за много лет, имела теперь плотно затворявшиеся двери, не протекавшую крышу и окна без разбитых стекол.

ГЛАВА XLV

Между Гэмпширом и Лондоном

Сэр Питт Кроули не ограничился одною починкой изгородей и ремонтом развалившихся сторожек в поместье Куинс Кроули. Как человек благоразумный, он занялся восстановлением пострадавшей репутации своей фамилии и заделыванием дыр и разрушений, причиненных славе рода старым недостойным и расточительным его предшественником. Представителем от местечка баронет был избран вскоре после кончины отца; в качестве мирового судьи, члена парламента, магната в графстве и представителя древнего рода он счел своим долгом показываться в гэмпширском обществе, щедро жертвовал на местные благотворительные учреждения, прилежно посещал всех местных землевладельцев, словом, из кожи вылезал, чтобы занять в Гэмпшире, а потом и в королевстве

то положение, на которое, по его мнению, давали право его замечательные таланты. Леди Джейн было предписано поддерживать дружеские отношения с Федльстонами, с Уапшотами и с другими достославными баронетами, их соседями. Экипажи последних теперь частенько появлялись на главной аллее Куинс Кроули; очень часто соседи обедали в замке (где стол был так хорош, что было ясно: леди Джейн очень редко прилагала к нему руку), а взамен Питт и его жена энергично разъезжали на званные обеды во всякую погоду и на любые расстояния. Ибо, хотя Питт, человек холодный, не любил веселья и обладал слабым здоровьем и плохим аппетитом, он все же находил, что положение обязывает его быть гостеприимным и обходительным, и всякий раз, как у него разбалчивалась голова от слишком продолжительного сидения за послеобеденной беседой, он чувствовал себя мучеником долга. Он беседовал с виднейшими людьми графства об урожаях, зерновых законах, о политике. Он (раньше склонный к печальному вольнодумству в этих вопросах) теперь с жаром восставал

против браконьерства и ратовал за введение новых законов, охраняющих дичь. Сам он не охотился: он не был охотником, он был человек кабинетный, с мирными наклонностями, но он полагал, что коневодство в графстве необходимо поддерживать, а следовательно, надо заботиться и о разведении лисиц¹, и если бы друг его сэр Гедльстон Федльстон пожелал охотиться на его земле и устроить, как в старину, сборный пункт для охотников в Куинс Кроули, то он, с своей стороны, был бы рад увидеть у себя и сэра Федльстона и джентльменов, участвующих в затеянной им охоте. И, к ужасу леди Соусдаун, Питт с каждым днем становился все правовернее: перестал читать проповеди в общественных местах и появляться на молитвенных собраниях, храбро ходил в церковь, сделал визиты епископу и всему уинчестерскому духовенству и не возражал, когда почтенный архидиакон Трейдер выразил желание сыграть партию в вист. Какие муки должна была испытывать леди Соусдаун, каким отпетым отверженцем должен был показаться ей зять, допускавший подобные богопротивные развлечения! И когда по возвращении семьи с оратории, которую ездили слушать в Уинчестер, баронет объявил сестрам, что на будущий год, весьма вероятно, будет вывозить их на «местные балы», они принялись обожать его за эту милость. Леди Джейн проявила величайшую покорность и, пожалуй, сама была рада повеселиться. Вдовствующая графиня сочинила свирепейшее описание суетного поведения своей дочери и отправила его авторше «Прачки Финчлейской общины» в Каптоун, а так как дом ее в Брайтоне к этому времени оказался свободным, она вернулась в этот купальный курорт, причем дети не особенно горевали об ее отсутствии. Можно допустить, что и Ребекка при вторичном посещении Куинс Кроули не проявила особого огорчения по поводу отсутствия почтенной леди с ее аптечкой; впрочем, она написала ее милости поздравительное письмо к рождеству, в котором почтительно напоминала леди Соусдаун о своем существовании, выражала благодарность за наслаждение, полученное от бесед с ее милостью во время прошлого пребывания в Куинс Кроули, распространялась о доброте, проявленной к ней ее милостью во время ее болезни, и заявляла, что все в Куинс Кроули напоминает ей отсутствующего друга.

Перемену в поведении сэра Питта и возросшую его популярность в значительной мере следует приписать советам хитрой маленькой особы с Керзон-стрит.

— Вы останетесь баронетом? Вы согласитесь быть простым помещиком? — говорила она ему, когда он гостил у нее в Лондоне. — Нет, сэр Питт Кроули, я знаю вас лучше! Я знаю ваши таланты и ваше честолюбие. Вы воображаете, будто скрыли и то и другое, но вы никогда ничего не утаите от меня. Я показывала вашу брошюру о солоде лорду Стэйну. Она была ему уже знакома: он сказал мне, что, по мнению всего кабинета, это лучшая вещь, написанная по этому предмету. Министерство обратило на вас внимание, и я знаю, чего вы хотите. Вы хотите отличиться в парламенте, все говорят, что вы лучший оратор в Англии (ведь ваши оксфордские речи до сих пор у всех в памяти). Вы хотите быть представителем от всего графства, где, имея свой собственный голос и поддержку вашего местечка, вы сможете командовать всем. И вы хотите быть бароном Кроули из Куинс Кроули и будете им рано или поздно. Я все это разгадала. Я сумела прочитать в вашем сердце, сэр Питт! Будь у меня муж, который обладал бы вашим умом так же, как он обладает вашим именем, мне иногда думается, я

¹ *Охота на лис* — традиционная английская конная спортивная охота с гончими, запрещена в начале XXI в.

оказалась бы не совсем недостойной его. Но... но я теперь ваша родственница, — добавила она со смехом. — Нищая бедняжка, я немножко заинтересовалась, и, почему знать, может быть, мышка сумеет помочь льву.

Питт Кроули был поражен и очарован ее словами.

«Как эта женщина понимает меня! — думал он. — Я так и не мог добиться, чтобы Джейн прочла несколько страничек этой брошюрки о солоде. Она-то и представления не имеет, что я обладаю административными талантами и тайными честолюбивыми планами. Вот как! Они помнят мое выступление в Оксфорде? Негодяи! Теперь, когда я состою представителем местечка и могу стать представителем графства, они начинают припоминать меня! А в прошлом году на высочайшем выходе лорд Стэйн не поклонился мне. Наконец-то они начинают соображать, что Питт Кроули кое-что значит. Да, человек остался таким же, каким и был, когда эти господа им пренебрегали: недоставало только подходящего случая, и теперь-то я уж докажу им, что умею говорить и действовать не хуже, чем пишу. Ахилл ничем не проявлял себя, пока ему не дали в руки меча. Меч у меня в руках, и мир еще услышит о Питте Кроули!»

Вот почему этот плутоватый дипломат стал вдруг таким гостеприимным, проявлял такое внимание к ораториям и больницам, такую любезность к деканам и каноникам, вот почему он радушно угощал обедами и сам охотно принимал приглашения на них, так ласково обращался с фермерами в базарные дни, так заинтересовался делами графства, и вот почему рождество в замке оказалось таким веселым, какого не помнили уже много-много лет.

В день рождества состоялось большое семейное собрание. Все Кроули из дома священника прибыли к обеду. Ребекка проявила такую искреннюю сердечность по отношению к миссис Бьют, как будто та никогда не была ее врагом, любовно интересовалась милыми девочками, дивилась успехам, достигнутыми ими в музыке за то время, как они не видались. Она даже пожелала непременно повторить один дуэт из толстых нотных тетрадей, и Джим, с ворчанием, принужден был притащить их под мышкой из пастората. Миссис Бьют пришлось волей-неволей соблюдать приличия в обращении с авантюристкой, но, разумеется, она отвела душу потом, обсуждая с дочерьми нелепую почтительность, проявляемую сэром Питтом к невестке. Зато Джим, сидевший рядом с Бекки за обедом, заявил, что она козырь-баба, и все решительно в семье священника признали, что маленький Раудон — славный мальчуган. Они почитали в нем возможного баронета, ведь между ним и этим титулом стоял только болезненный, бледный Питт Бинки.

Дети очень подружились. Питт Бинки был слишком маленьким щеночком, чтоб играть с такой большой собакой, как Раудон; а Матильда, девочка, разумеется не являлась подходящим товарищем для молодого джентльмена без малого восьми лет от роду, которому весьма скоро предстояло облечься в мужскую жакетку. Раудон сразу занял первое место в маленькой компании, — девочка и мальчик почтительно слушались его, когда он устаивал забавляться с ними. Он чувствовал себя необыкновенно счастливым и довольным в деревне. Ему страшно понравился огород, цветники — поменьше, но голубятня, птичник и конюшни, когда ему позволяли туда заглядывать, приводили его в совершенный восторг. Он сопротивлялся, когда девицы Кроули выражали желание его поцеловать, но позволял леди Джейн обнимать его и любил сидеть возле нее, когда давался сигнал к удалению в гостиную и дамы оставляли мужчин посидеть за кларетом, он садился рядом с ней, а не с матерью. Ребекка, увидев, что

нежность здесь в моде, однажды вечером подозвала к себе Раудона и, пригнувшись, стала целовать его в присутствии всех дам.

После этой процедуры он взглянул ей прямо в лицо, задрожал и сильно покраснел, как всегда с ним бывало, когда он волновался.

— Дома вы никогда не целуете меня, мама! — сказал он. Ответом на это заявление было общее молчание и смущение и отнюдь не ласковый взгляд со стороны Бекки.

Раудон-старший полюбил невестку за ласку к его сыну. На этот раз между леди Джейн и Бекки царила уже не такая пылкая дружба, как при первом посещении Раудонов, когда полковница всячески старалась понравиться. Две фразы мальчика породили между невестками некоторый холодок. Пожалуй, сэр Питт был чересчур внимателен к гостье.

Впрочем, Рауди, как и полагается в его возрасте и при его росте, предпочитал мужское общество женскому, ему никогда не надоедало сопровождать родителя в конюшни, куда полковник удалялся выкурить сигару, и Джим, сын пастора, иногда сопровождал кузену и в этом развлечении и в других. Джим водил тесную дружбу с егерем баронета, одинаковая любовь к «собачкам» сильно тянула их друг к другу. Однажды мистер Джеймс, полковник и егерь Горн отправились пострелять фазанов и взяли с собой маленького Рауди. В другое блаженное утро эти же четверо джентльменов приняли участие в травле крыс в амбаре, — благороднее этой потехи Рауди не видел ничего в жизни. Одни выходы дренажных канав, прорытых под амбаром, заложили, а в противоположные запустили хорьков и сами встали возле молча, с высоко поднятыми палками в руках, а взволнованный терьер (знаменитая «собачка» мистера Джеймса, Форсепс), задыхаясь от нетерпения, замер в неподвижности на трех ногах и прислушивался к слабому писку крыс под землей. Осмелев от отчаяния, преследуемые хорьками крысы выскочили наконец наружу, терьер прикончил одну, егерь вторую, Раудон второпях и от волнения свою крысу упустил, но зато чуть не убил хорька.

Но самым великим днем был день, когда на лужайке Куинс Кроули появились охотничьи собаки сэра Гедльстона Федльстона.

Для маленького Раудона это представило замечательное зрелище. В половине одиннадцатого утра на главной аллее появился на рысях ловчий сэра Гедльстона Федльстона Том Муди в сопровождении тесно сомкнутой стаи породистых гончих, арьергард составляли два пикера¹ в ярко-красных кафтанах — веселые парни с топорными лицами, сидевшие на породистых поджарых лошадях; они с необыкновенной ловкостью вытягивали концами своих длинных тяжелых бичей по самому чувствительному месту всякую собаку, которая осмеливалась отойти от стаи, настораживалась или даже просто поводила мордой на выскакивавших под самым ее носом зайцев и кроликов.

Дальше ехал грум Джек, сын Тома Муди, он весит семьдесят фунтов, ростом сорок восемь дюймов и никогда крупнее не станет. Он, как курица на насесте, сидит на рослом сухощавом коне, больше половины спины у коня под большущим седлом. Этот конь — любимец сэра Гедльстона Федльстона, Ноб. Одна за другой подъезжают еще лошади, на них тоже сидят маленькие грумы, они поджидают хозяев, которые вот-вот должны появиться.

¹ Пикер — охотник на лошади с собаками.

Том Муди подъезжает к главному подъезду замка, дворецкий здоровается с ним и предлагает стаканчик винца, но Том отказывается. Потом ловчий со своей стаей удаляется в укромный конец полянки, там собаки катаются по траве, играют или злобно рычат друг на дружку, а по временам яростно грызутся, но быстро успокаиваются под влиянием голоса Тома, несравненного мастера ругаться, или от удара змеистых ремешков бичей.

Несколько молодых джентльменов, в гетрах по колено, подсакивают галопом на чистокровных лошадях и заходят в дом выпить стаканчик вишневой настойки и засвидетельствовать свое почтение дамам; те, что поскромнее и больше придерживаются охотничьих традиций, переменяют обувь, пересаживаются с разгонных лошадей на охотничьих скакунов и разогревают себе кровь пробной проскачкой по лужайке. Потом они собираются в уголке, где расположилась стая, и беседуют с Томом Муди о прошлых охотах и о достоинствах Плаксы и Алмаза, о состоянии отъезжего поля и о все уменьшающемся количестве лисиц.

Наконец появляется сэр Гедльстон на красивом жеребце, он подъезжает к замку, заходит отдать долг вежливости дамам, а затем, будучи человеком немногословным, сейчас же приступает к делу. Собак сгоняют к главному подъезду, Рауди спускается к ним, возбужденный, но несколько испуганный ласками, какие они ему расточают, в виде ударов своими мотающимися хвостами, грозным оскалом клыков и рычанием, которое с трудом сдерживают язык и хлыст Тома Муди.

Тем временем сэр Гедльстон грузно взобрался на Ноба.

— Попытаем сначала в Соустеровой пустоши, Том, — говорит баронет. — Фермер Мангль рассказывал мне, будто видел там двух лисиц.

Том трубит в рог и пускается рысью, за ним следует стая, оба пикера, молодые уинчестерские господа, соседние фермеры и местные поселяне пешком, для последних сегодняшний день — большой праздник. Сэр Гедльстон и полковник Кроули составляют арьергард, и весь кортеж скрывается в глубине аллеи.

Достопочтенный Бьют Кроули (из скромности он не появляется на съезде, происходящем под окнами племянника), которого Том Муди помнит стройным студентом богословия, ездившим на самых бешеных лошадях, перескакивавшим самые широкие ручьи и волочившимся за всеми красотками в графстве, каким Бьют был сорок лет назад, его преподобие, повторяем, как будто случайно выезжает со своего лужка на сильном вороном коне как раз в ту минуту, когда мимо проезжает сэр Гедльстон, и присоединяется к почтенному баронету. Собаки и всадники исчезли, а маленький Раудон все еще стоит на ступеньках подъезда, преисполненный удивления и счастья.

За эти памятные праздники маленький Раудон если не особенно привлек к себе симпатии дядюшки, всегда строгого и холодного, запиравшегося в кабинете, где он погружался в дела по мировому суду, и окруженного управляющими и фермерами, зато снискал расположение своих замужних и незамужних теток, обоих детишек в замке и Джима из пастората; последнего сэр Питт поощрял к ухаживанию за одною из своих молоденьких сестер, несомненно, в том расчете, что Джим заменит отца на его посту, когда этот пост освободится после гонящегося за лисицами старика. Сам Джим отказался от этой забавы и ограничивается безобидной охотой на уток и бекасов да на рождество разок потравил крыс; после праздников он вернется в университет, будет держать экзамены и постарается на этот раз не провалиться. Он уже по-

кончил с зелеными фраками, красными галстуками и прочими светскими украшениями и серьезно готовится к перемене в своей житейской обстановке. Таким дешевым и выгодным путем сэр Питт пытается заплатить свой долг родне.

Точно так же, еще до окончания этих веселых рождественских праздников, сэр Питт собрался с духом и дал брату еще один чек на своих банкиров, на этот раз на целых сто фунтов; поступок этот вначале стоил сэру Питту жестоких мук, но зато потом не раз заставил покраснеть от радости при мысли, что он один из великодушнейших людей в мире. Раудон и его сын покинули замок с тяжелым сердцем. Но Бекки и дамы расстались не без удовольствия, и наша приятельница вернулась в Лондон и приступила к занятиям, за которыми мы застали ее в начале этой главы. Заботами ее дом на Грэт-Гаунт-стрит совсем помолодел и был готов принять в свои стены сэра Питта с семейством, когда баронет прибудет в Лондон к исполнению парламентских обязанностей и к занятию того положения в государстве, какое приличествовало его всеобъемлющим дарованиям.

Однако в первую сессию этот закоренелый притворщик затаил свои планы и не раскрывал рта, за исключением одного раза, когда представил петицию от Медбери. Но он аккуратнейшим образом являлся на свое место и основательно изучал парламентские порядки и дела. Дома он усердно изучал Синие книги¹, к тревоге и недоумению леди Джейн, находившей, что он убивает себя поздним сидением по ночам и усиленными занятиями. Он познакомился с министрами, с руководителями своей партии, решив занять место в их рядах уже в ближайшие же годы.

Доброта и мягкость леди Джейн внушили такое презрение Ребекке, что ей лишь с трудом удавалось его скрывать. Кротость и простодушие, присущие леди Джейн, раздражали Бекки, и порою она просто не могла не показать своего презрения или не позволить невестке о нем догадаться. Ее присутствие тоже стесняло леди Джейн. Муж ее постоянно разговаривал с Бекки. Они чуть ли не обменивались условными знаками, и Питт беседовал с нею о таких предметах, о каких ему никогда не приходило в голову заговорить с леди Джейн. Положим, леди Джейн вероятно ничего бы не поняла, но тем не менее обидно было постоянно молчать; еще обиднее было сознавать, что тебе нечего сказать, слушать, как эта смелая маленькая миссис Раудон перескакивает с предмета на предмет, для каждого находит подходящее слово и шутку, а самой сидеть у себя же в доме одной у камина и смотреть, как все мужчины толпятся около соперницы.

В деревне, когда леди Джейн рассказывала сказки детям, прильнувшим к ее коленям (включая и маленького Раудона, очень полюбившего тетку), если Бекки входила в комнату и с улыбкой презрительно взглядывала зелеными глазами, бедная леди Джейн тотчас умолкала под этими губительными взглядами. Ее простенькие вымыслы испуганно разбегались, словно сказочные феи при появлении могущественного духа зла. Она не могла продолжать, хотя Ребекка с едва уловимым оттенком сарказма в голосе умоляла ее досказать прелестную сказочку. А миссис Бекки, в свою очередь, терпеть не могла умеренных мыслей и скромных развлечений, они не гармонировали с ее натурой, она питала отвращение к людям, способным находить в них удовольствие, относилась пренебрежительно к детям и к людям, любящим детей.

¹ *Синие книги* — так называли (по цвету обложки) издаваемые в Англии правительством книги для представления парламенту.

— Я не охотница до булки с маслом, — говорила она лорду Стэйну, изображая в карикатурном виде леди Джейн и ее образ жизни.

— Так же как и до ладана, — ответил его милость с поклоном и гримасой и расхохотался скрипучим смехом.

Таким образом, обе дамы не очень часто виделись друг с другом, за исключением случаев, когда жена младшего брата посещала невестку с целью что-нибудь у нее выманить. Они усердно называли друг друга «милочкой» и «дорогой», но держались подальше друг от друга, тогда как сэр Питт, даже и среди многочисленных своих занятий, ежедневно находил время повидаться с невесткой.

Когда давался обед первому спикеру¹, сэр Питт придрался к случаю показаться невестке в полном параде — в старом мундире дипломата, в котором он щеголял в качестве атташе пумперникельской миссии.

По поводу этого костюма Бекки наговорила ему пропасть комплиментов и восхищалась им не меньше, чем жена и дети, которым баронет не преминул показать-ся перед выездом из дома. Она сказала, что только чистокровный дворянин может носить придворный костюм без ущерба для своей внешности: «Только вам, потомкам древних родов, пристала culotte court²». Питт самодовольно посмотрел вниз на свои ноги, по правде сказать, отличавшиеся не большей симметричностью линий и полнотой, чем тоненькая короткая шпага, болтавшаяся у него на боку, посмотрел на свои ноги и подумал, что он неотразим.

Когда он уехал, миссис Бекки нарисовала на него карикатуру и показала лорду Стэйну, явившемуся ее навестить. Его милость забрал рисунок, восхищенный точностью сходства. Он неоднократно оказывал сэру Питту честь встречаться с ним у миссис Бекки и проявлял величайшую любезность к новому баронету и члену парламента. Питт с, своей стороны, был поражен, увидев, с какою почтительностью знатный вельможа относится к его невестке, непринужденностью и блеском ее разговора и восторгом, с каким остальные мужчины в этом кружке внимают ее речам. Лорд Стэйн выразил уверенность, что баронет только еще начинает свою карьеру на общественном поприще, и заявил, что с большим интересом ожидает его ораторских выступлений; принимая во внимание, что они близкие соседи (Грэт-Гаунт-стрит выходит на Гаунт-сквер, а Гаунт-Хаус, как всем известно, занимает одну из сторон последнего), милорд высказал надежду, что по возвращении леди Стэйн в Лондон она будет иметь честь познакомиться с леди Кроули. День или два спустя он завез соседу визитную карточку, а когда этим соседом был предшественник сэра Питта, милорд не уда-стаивал его замечать, хотя они и прожили почти бок о бок без малого сотню лет.

Среди этих интриг, светских собраний, умных и блестящих гостей Раудон с каждым днем чувствовал себя все более одиноким. Ему разрешалось чаще посещать клубы, обедать с холостыми приятелями, уходить и возвращаться, когда пожелает, без всяких расспросов. И он часто уходил с Раудоном-младшим на Гаунт-стрит и просиживал там с хозяйкой и детьми, пока сэр Питт сидел наедине с Ребеккой, по пути в парламент или возвращаясь оттуда.

Отставной полковник просиживал часами в доме брата почти в полном безмолвии, думая и делая насколько возможно меньше. Но он с готовностью исполнял и

¹ Спикер — президент палаты общин в Англии.

² Короткие панталоны (*фр.*).

какое-нибудь поручение: пойти и навести справку о лошади или прислуге, нарезать жаркое из баранины для детского обеда. Он был повержен, усмирен и приведен к ленивой бездеятельности и покорности. Далила пленила его и обрезала ему волосы. Отважный, беспечный молодой удалец, каким он был десять лет тому назад, был поработан и превратился в равнодушного, покорного, тучного пожилого джентльмена.

А беденькая леди Джейн знала, что Ребекка околдовала ее мужа; тем не менее, и она, и миссис Раудон при каждой встрече именовали друг друга по-прежнему «милочкой» и «дорогой».

ГЛАВА XLVI

О внутренней борьбе и испытаниях

Тем временем наши бромптонские друзья проводили рождественские праздники по-своему и нельзя сказать чтобы особенно весело.

Из ста фунтов, составлявших почти весь годовой доход вдовы Осборн, она обыкновенно около трех четвертей отдавала отцу и матери на покрытие расходов по содержанию своему и сына. С прибавкой еще ста двадцати фунтов, присылаемых Джором, семья из четырех человек, пользуясь услугами единственной горничной-ирландки (прислуживавшей также Клаппу и его жене), ухитрялась скромно, но прилично прожить год, да еще не падать духом после перенесенных ранее житейских бурь и разочарований, а порою даже предлагать чашку чая своим друзьям. Седли по-прежнему сохранял свое влияние в семье ми-

стера Клаппа, бывшего своего клерка. Клапп помнил те времена, когда, сидя на краешке стула за роскошным столом купца в Рессель-сквере, поднимал бокал за здоровье «миссис Седли, мисс Эмми и мистера Джозефа, находящегося в Индии». Время усиливало блеск этих воспоминаний в сердце почтенного клерка. Каждый раз, приходя из своей приемной, ютившейся внизу, в кухне, наверх, в гостиную, чтобы выпить с мистером Седли стакан чаю или грога, он говорил:

— Это не то, к чему вы в свое время были привычны, сэр! — и так же серьезно и почтительно провозглашал тост за здоровье дам, как и в дни величайшего их благополучия. Он считал игру мисс Амелии на рояле божественнейшей музыкой в мире, а саму Амелию — воплощением красоты и изящества. Он никогда не садился при Седли даже в клубе и не позволял никому из членов этого собрания подшучивать над характером старого джентльмена. Он видел, как первые богачи в Лондоне пожимали руку мистеру Седли.

— Я знал его в те времена, когда на бирже можно было каждый день встречать Ротшильда об руку с ним, и сам я ему всем обязан!

Клапп, имевший великолепнейшую репутацию и обладавший прекраснейшим почерком, без труда нашел себе другую службу вскоре же после несчастья, постигшего его прежнего хозяина.

— Такая маленькая рыбешка, как я, может плавать в любой бадье! — говорил он, и один из членов фирмы, от которой отпал Седли, с удовольствием воспользовался услугами мистера Клаппа и положил ему хорошее жалование. В конце концов все богатые друзья Седли отшатнулись от него, и только этот бедняк, бывший его подчиненный, сохранял к нему неизменную привязанность.

Амелия должна была проявлять величайшую бережливость и искусство, чтобы на ничтожную долю дохода, которую она оставляла себе, одевать своего любимца, как подобало сыну Джорджа Осборна, и платить еще в школу, куда она после многих сомнений и колебаний, скрытых терзаний и опасений согласилась наконец отдать мальчика. Она просиживала ночи, зубря уроки и разбираясь в бестолковых учебниках грамматики и географии, чтобы потом учить Джорджа этим наукам. Она принялась даже за начатки латинской этимологии в любовной и безрассудной надежде, что сумеет научить его латинскому языку. Расставаться с ним на целый день, посылать его на произвол учительской трости и грубости товарищей — для нежной, робкой и чувствительной матери было почти равносильным вторичному отнятию его от груди. Он же, наоборот, бежал в школу с величайшим удовольствием. Он жаждал перемены. Эта детская радость больно ранила мать, потому что ей самой всегда бывало горько расставаться с ним. Порою ей думалось, что она предпочла бы видеть его огорченным, а потом внутренне горячо каялась в эгоизме, побуждавшем ее желать печалей родному сыну.

Джорджи отлично учился в школе, которую содержал приятель почтенного мистера Бинни, неизменного поклонника Амелии. Он приносил домой бесчисленные награды и похвальные отзывы. Каждый вечер рассказывал матери бесконечные истории о школьных товарищах: какой славный малый Лайонс и какой трусишка Сниффин, что отец Стиля поставляет для школы мясо, а мать Гольдинга приезжает за ним по субботам в карете, что Бит носит панталоны со штрипками — нельзя ли и ему сделать такие же? А Буль-старший так наострился (хотя только по Евтропию¹), что, пожалуй, утрет нос самому классному наставнику, мистеру Уорду. Таким образом, Амелия знала всех мальчиков в школе не хуже, чем сам Джорджи, а по вечерам она помогала ему в письменных работах и забывала себе головку его уроками с таким усердием, как будто сама должна была наутро предстать перед учителем. Однажды, после драки с мистером Смисом, Джордж явился домой с синяком под глазом и страшно хвастался матери и восхищенному деду своей храбростью в сражении, хотя, по правде сказать, вел себя не особенно геройски и потерпел решительное поражение. Но Амелия и до сих пор не простила Смиса, хотя ныне он мирный аптекарь близ Лестор-сквера.

Среди таких мирных трудов и безобидных забот протекала жизнь тихой вдовы, и время протянуло две-три серебряных нити в ее волосах и проложило еле заметную морщинку на ее красивом лбу. Она с улыбкой взирала на эти отпечатки времени. «Что это значит для такой старухи, как я?» — говорила она. Единственное, о

¹ *Евтропий* — римский историк IV в.

чем она мечтала, — это дожить до того времени, когда ее сын станет великим, знаменитым и прославленным, как того заслуживает. Она хранила его тетрадки с прописями, рисунки, сочинения и хвасталась ими в своем маленьком кружке, словно то были изумительные проявления гения. Она доверила несколько экземпляров этих произведений мисс Доббин, чтобы она показала их мисс Осборн, тетке Джорджа, показала самому мистеру Осборну: пусть старик раскается в своей жестокости и дурных чувствах к тому, кого уже нет. Все недостатки и слабости своего мужа она похоронила в могилу вместе с ним: она помнила лишь возлюбленного, который женился на ней, пожертвовав всем, благородного мужа и храброго красавца, к груди которого она прильнула в то утро, когда он пошел в бой и умер доблестной смертью, сражаясь за своего короля. Герой, вероятно, улыбался с неба, взирая на точное свое подобие в лице сына, которого он оставил покоить и утешать ее.

Мы уже видели, как один из дедушек Джорджа (мистер Осборн), сидя в вольтеровском кресле в Рессель-сквере, с каждым днем становился все раздражительнее и угрюмее и как его дочь, несмотря на щегольскую карету, прекрасных лошадей и на то, что ее имя фигурировало в списках половины благотворительных учреждений столицы, превратилась в одинокую, несчастную и гонимую старую деву. Мысли ее постоянно возвращались к встреченному однажды хорошенькому мальчику, сыну ее брата. Она мечтала о том, чтобы ей разрешили поехать в чудесной своей карете в скромный дом, где он жил, и, одиноко катаясь по Парку, она ежедневно выглядывала в окошко в надежде увидеть этого мальчика. Ее сестра, супруга банкира, изредка удостоивала нанести визит старому дому в Рессель-сквере и его обитателям. Она привозила с собой двух болезненных детишек, сопровождаемых первоклассной няней, и томным жеманным голосом, картавя, рассказывала сестре о своих знатных знакомых, о том, что ее маленький Фредерик — вылитый портрет лорда Клода Лоллипопа, а на ее милочку Марию обратила внимание баронесса, когда они катались в Регэмптоне в колясочке, запряженной осликом. Она упрашивала сестру повлиять на отца, чтобы он сделал что-нибудь для милых малюток. Она решила, что Фредерик должен поступить в гвардию, и когда он окажется старшим в роде (а мистер Буллок положительно разоряется и все жилы из себя вытягивает на скупку земли), — чем же они смогут обеспечить милую дочурку?

— Я надеюсь на тебя, дорогая, — говорила миссис Буллок, — потому что, ведь ты понимаешь, моя доля из папенькиного наследства должна перейти к главе рода. Милая Рода Мак-Мелл хочет выкупить свое имение Кэстльтодди, как только бедный милый лорд Кэстльтодди скончается, его ведь совсем разбил паралич, и маленький Макдеф Мак-Мелл будет тогда виконтом Кэстльтодди. Оба мистера Блэдайр с Минсинг-Лейна закрепили свое состояние за сыном Фанни Блэдайр. Миленький мой Фредерик непременно должен стать старшим представителем рода, и... попроси папу перенести текущий счет на Ломбард-стрит, как было раньше, милочка, хорошо? А то как-то неловко, что он ведет дела со Стэмпи и Роуди.

После такого рода речей, в которых светские сплетни перемешивались с грубым расчетом, и после поцелуя, напоминающего прикосновение устрицы, миссис Фредерик Буллок собирала своих накрахмаленных питомцев и с улыбкой ныряла в карету.

Но каждый визит, который эта представительница хорошего тона наносила своим родным, обращался лишь во вред ее планам. Отец чаще и больше прежнего вносил деньги к Стэмпи и Роуди. Ее наставления становились для него все более неснос-

ными. Бедная вдова в маленьком коттедже в Бромптоне, оберегавшая там свое сокровище, и не подозревала, как страстно некоторые люди желали завладеть им.

В тот вечер, когда Джейн Осборн сказала отцу, что видела его внука, старик ничего не ответил ей. Но он не рассердился и, уходя к себе, ласково пожелал ей покойной ночи. И, вероятно, он размышлял над тем, что услышал от нее, и навел кое-какие справки у семьи Доббин относительно ее визита, потому что недели две спустя он спросил ее, куда девались французские часики и цепочка, которые она всегда носила.

— Ведь я купила их на свои деньги, сэр! — испуганно ответила она.

— Поезжайте и закажите другие такие же или лучше, если достанете, — сказал старик и снова погрузился в молчание.

За последнее время мисс Доббин неоднократно обращались к Амелии с просьбой опять отпустить к ним Джорджа. Его тетка явно к нему расположена, может быть, намекали они, и сам дед не прочь с ним примириться. Разумеется, Амелия не могла отклонять таких благоприятных возможностей для своего сына. Она и не отклоняла, но поддавалась на уговоры с очень тяжелым сердцем и подозрительно, всегда беспокоилась во время отсутствия ребенка, а когда он возвращался, встречала его с такой горячностью, словно он спасся от какой-то опасности. Он привозил с собой деньги и игрушки, на которые вдова смотрела с тревогой и ревностью, всегда расспрашивала, не видел ли он какого-нибудь господина.

— Только старого сэра Уильяма, который покатал меня в четырехколесном шарабане, и мистера Доббина, он приехал под вечер на чудесном гнедом коне и был в зеленом фраке и розовом галстуке, а хлыст — с золотым набалдашником; он обещал показать мне лондонский Тауэр и взять на охоту с сэррейскими гончими!

Наконец он сообщил:

— Был! Старый джентльмен, с косматыми бровями, в широкополой шляпе, с толстой цепочкой и печатями. Он приехал как раз в то время, когда конюх катал Джорджи по лужайке на сером пони. Он очень долго смотрел на меня. И очень сильно дрожал. После обеда я прочитал: «Меня зовут Норваль». Тетушка принялась плакать. Она всегда плачет!

Так сообщил в тот вечер Джордж.

Тут Амелия узнала, что мальчик свиделся с дедом, и с тревогой стала ждать предложения в уверенности, что оно последует, и действительно, через несколько дней оно последовало. Мистер Осборн формально предлагал взять мальчика и сделать его наследником состояния, которое он намеревался завещать его отцу. Он вызывался выплачивать миссис Джордж Осборн ренту, достаточную для вполне приличного существования. Если миссис Осборн предполагает вторично выйти замуж, согласно слухам, дошедшим до мистера Осборна, то он и в таком случае не прекратит этой выплаты. Но, само собой разумеется, ребенок будет жить с дедом в Рессель-сквере или в другом месте по усмотрению мистера Осборна, и что ему будет разрешено по временам посещать миссис Джордж Осборн в месте ее жительства. Это послание было доставлено, или, вернее, прочтено, ей в один прекрасный день, когда матери не было дома, а отец, по обыкновению, находился в Сити.

За всю свою жизнь Амелия сердилась всего раза два или три, и в один из этих раз ее посчастливилось увидеть поверенному мистера Осборна. Она встала, вся дрожа и сильно покраснев, и, как только мистер Поу по прочтении передал ей письмо, она разорвала его на мелкие клочки и растоптала.

— «Чтобы я во второй раз вышла замуж? Чтобы я взяла деньги за разлуку с сыном! Кто смеет оскорблять меня такими предложениями? Скажите мистеру Осборну, что это подлое письмо, сэр, подлое письмо! Я не желаю на него отвечать! Желаю вам доброго утра, сэр!» И выпроводила меня кивком головы, словно королева в трагедии, — говорил юрист, рассказывая эту историю.

Родители не заметили в тот день ее волнения, а она никогда не рассказывала им об этом свидании. Они интересовались своими собственными делами — делами, которые глубочайшим образом касались и наивной, ничего не ведающей вдовы. Старый джентльмен, ее отец, вечно путался в спекуляциях. Мы уже видели, как ему не повезло с винной и с угольной аферой. Но вечно и неустанно шатаясь по Сити, он наткнулся на какое-то другое предприятие и так в него уверовал, что впутался в него, несмотря на увещания мистера Клаппа, которому он даже не решился сказать, на какую значительную сумму он связал себя с этим предприятием. А так как мистер Седли принципиально никогда не говорил о денежных делах при женщинах, то они не подозревали о предстоящих им бедствиях, пока злополучный старик не оказался вынужденным постепенно признаться в своих преступлениях.

Прежде всего оказались непокрытыми платежи по маленькому хозяйству, которые производились еженедельно. «Перевод из Индии еще не пришел», — сказал с расстроенным лицом мистер Седли жене. Так как до сих пор она расплачивалась по счетам очень аккуратно, то один или двое из поставщиков, которых бедной старухе пришлось обойти с просьбой повременить, очень рассердились по поводу отсрочки, хотя легко давали ее менее аккуратным клиентам. Взнос, охотно сделанный Эмми вперед без всяких расспросов, дал, однако, возможность семье существовать на полонинных рационах. И первые шесть месяцев прошли сравнительно благополучно: старик Седли продолжал верить, что купленные им акции поднимутся в цене и все уладится.

Однако в конце полугодия никаких шестидесяти фунтов на подкрепление хозяйства не появилось, оно все более и более расстраивалось, — миссис Седли, сильно ослабевшая и упавшая духом, молчала или заливалась слезами на кухне у миссис Клапп. Мяслик стал необыкновенно угрюм, мелочной торговец говорил дерзости, раза два маленький Джорджи жаловался на плохой обед, и Амелия, сама готовая довольствоваться на обед ломтем хлеба, не могла не заметить, что о сыне ее не заботятся, и на собственные деньги прикупала чего-нибудь, чтобы здоровье мальчика не страдало.

В конце концов старики признались ей, вернее, рассказали запутанную историю, какие всегда выдумывают люди в затруднительных обстоятельствах. Однажды, получив свои собственные деньги и намереваясь сделать обычный взнос родителям, Амелия, ввиду того что сию уже была уплачена часть денег авансом, решила удержать некоторую сумму, так как заказала для Джорджа новый костюм.

Тут обнаружилось, что перевода от Джоза не получено, что родителям приходится очень трудно. «Амелия сама должна была бы это заметить, — сказала мать, — но ей ни до чего нет дела, кроме Джорджи». Тогда Амелия, не говоря ни слова, протянула матери через стол все свои деньги и ушла к себе в комнату, чтобы выплакаться. На нее напала в этот день особенная чувствительность, когда пришлось идти и отменять заказ на костюм, прекрасный костюм, который она так любовно готовила для рождественского подарка Джорджи, так долго обсуждала его покрой и фасон с дешевой портнихой, своей приятельницей.

Всего тяжелее было объявить об этой неудаче Джорджи. Он поднял крик. Всем делают на рождество новые костюмы. Другие мальчишки его высмеют. У него должен быть новый костюм. Ведь она сама ему обещала. Бедная вдова могла подарить ему только свои поцелуи. В слезах принялась она чинить старый костюм. Потом порвалась в своих скромных нарядах и украшениях, соображая, нельзя ли продать что-нибудь и на вырученные деньги приобрести желанную обновку. Ей попалась шаль, присланная Доббином. Она вспомнила, что когда-то бывала с матерью в богатом магазине на Ледгэт-Хилле, торговавшем индийскими товарами, и что дамы производили там всякие сделки и обмены. Она даже разругалась, и глаза ее засияли от удовольствия при мысли об этой возможности, и, отправляя утром Джорджи в школу, она расцеловала его, весело улыбаясь. Во взгляде ее мальчик прочитал хорошие вести.

Завернув шаль в платочек (тоже подарок доброго майора), Амелия спрятала сверток под пелерину и, бодрая, румяная, направилась в Ледгэт-Хилл вдоль ограды парка, перебегая так быстро через перекрестки, что мужчины оборачивались и заглядывались на ее хорошенькое розовое личико. Она соображала, как распорядится выручкой от продажи шали: кроме костюма, она купит сыну книжки, которые ему так хотелось, заплатит за полугодие в школу и купит отцу плащ вместо старой накидки, в которой он сейчас ходит. Она не ошиблась в ценности майорского подарка. Шаль была тонкая, чудесная ткань, и торговец сделал выгодную аферу, заплатив за нее двадцать гиней.

Ошеломленная и обрадованная, она поспешила с своим богатством в книжный магазин Дартона, у ограды собора Св. Павла и там купила «Отцовского помощника» и «Сендфорда и Мертон», которых жаждал Джорджи, села в омнибус и приехала домой, не помня себя от радости. С каким удовольствием надписала она на титульных листах красивым мелким почерком: «Джорджу Осборну — рождественский подарок от любящей его матери». Книги эти сохранились и по сей день, с красивой нежной надписью.

Взяв книги, она пошла из своей комнаты положить их на столик Джорджи, чтобы он нашел их, как только вернется из школы. В коридоре она столкнулась с матерью. Тисненые золотом переплеты семи хорошеньких томиков бросились в глаза старухе.

— Что это за книги? — спросила она.

— Книжки для Джорджи, — краснея, ответила Амелия. — Я... я обещала их ему к рождеству.

— Книжки? — возмущенно закричала старуха. — Книжки, когда вся семья сидит без хлеба! Книжки, когда для того, чтоб содержать тебя и твоего сына в роскоши и спасти твоего отца от тюрьмы, я продала все до одной свои безделушки, индийскую шаль с своих плеч, все до последней ложки, лишь бы поставщики не оскорбляли нас и мистер Клапп получал плату за квартиру, на что он особенно в праве рассчитывать, как добрый хозяин, вежливый человек и отец семейства! Ах, Амелия, ты разрываешь мне сердце своими книжками и своим сыном, которого ты губишь, хотя расстаться с ним не желалась! Ах, Амелия, я молю бога, чтобы сын твой лучше помнил свой долг по отношению к тебе, чем помнят его мои дети! Там Джоз бросает отца на старости лет на произвол судьбы, тут Джордж, которому все подай, который должен быть богачом, ходить в школу, словно лорд, обвешанный золотыми часами и цепочками, в то время как мой милый, дорогой старик муж не имеет и одного... одного шиллин-

га! — Истерические рыдания и вскрики прервали речь миссис Седли, они раскатились громким эхом по всем комнатам маленького дома, и все прочие его обитательницы расслышали каждое слово этого разговора.

— О, мама, мама! — воскликнула со слезами Амелия. — Вы мне ничего не говорили. Я... я обещала ему книги. Я... я только сегодня утром продала свою шаль. Вот деньги — возьмите все. — Дрожащими руками она вытаскивала серебро и соверены — драгоценные свои золотые соверены — и совала их в руки матери, где они не уместились, рассыпались и покатались по лестнице.

Потом она убежала к себе и упала на постель в отчаянии и страшном горе. Теперь она прозрела. Она приносит сына в жертву своему эгоизму. Не будь ее, он имел бы богатство, положение, образование и занял бы то место, которого его отец лишился из-за нее же. Ей достаточно сказать слово — и ее отец получит необходимые средства для существования, а сын станет богачом. Ах, каким укором явилось это осознание для любящего раненого сердца!

ГЛАВА XLVII

Гаунт-Хаус

Всем известно, что городской дворец лорда Стэйна находится в Гаунт-сквере, от которого ведет начало Грэт-Гаунт-стрит, куда мы сразу отвезли Ребекку еще при жизни покойного сэра Питта Кроули. Если заглянуть через решетки и сквозь черные деревья разбитого в сквере сада, увидишь несколько унылых гувернанток с бледными лицами питомцами; они кружат по саду, топчутся вокруг унылой куртины газона, в центре которой высится статуя лорда Гаунта, отличившегося в сражении при Миндене и изображенного в парике с тремя прядями¹, но во всем ином облаченного наподобие римского императора. Гаунт-Хаус занимает почти целую сторону Сквера. Остальные три стороны заняты особняками, отошедшими из владения лорда Стэйна в качестве вдовьих выделов, — большие темные дома с оконными наличниками, выложенными из камня или оживленными более светлым красным кирпичом. Вероятно, свет скупо проникает в эти узкие, неудобные окна; а гостеприимство так же покинуло эти двери, как и расшитые галунами

лакеи и факельщики, что в старину водружали факелы в пустые железные гасители, и посейчас торчащие возле фонарей над ступеньками у подъездов. Теперь в Сквер проникли медные дверные дощечки, на них значатся фамилии докторов, «Западное отделение Диддльсекского банка», «Англо-Европейское собрание» и т. п., — но Сквер хранит тот же угрюмый вид, и столь же угрюм дворец милорда Стэйна. Из всего его великолепия я только и видел, что обширную ограду, что тянется по переднему фасаду, грубые колонны у въездных ворот, в которые иногда хмуро выглядывает жирное и красное лицо старого привратника, а над оградой — окна чердаков и спален да трубы, откуда теперь очень редко вьется дымок. Ибо теперешний лорд Стэйн живет в Неаполе и красоты Неаполитанского залива, Везувия и Капри предпочитает скучному виду ограды в Гаунт-сквере.

¹ Обычно мужские парики делались с двумя длинными прядями.

В нескольких десятках ярдов дальше по Нью-Гаунт-стрит, вдоль которой вытянулись службы Гаунт-Хауса, приютилась скромная дверца; с первого взгляда ее не отличить от прочих дверей, ведущих в конюшни. Но не одна изящная закрытая каретка останавливалась в старину у этой дверцы, как сообщил мне мой осведомитель (маленький Том Ивс, знающий все на свете и показывавший мне это место).

— Принц и Пердита бывали за этой дверцей, сэр, — частенько рассказывал он мне. — Марианна Кларк проходила в нее вместе с герцогом. Она ведет в знаменитые *petits appartements*¹ лорда Стэйна; там одна комната, вся отделана слоновой костью и белым атласом, сэр, другая — черным деревом и черным бархатом; там есть маленькая банкетная столовая, копия с той, что была в доме Саллюстия² в Помпее³, расписанная художником Косуэем, специальная маленькая кухонька, где все до единой кастрюльки серебряные, а вертела золотые. Здесь Орлеан Эгалите⁴ жарил куропаток в ту ночь, когда вместе с маркизом Стэйном обыграл в ломбер⁵ некую высокопоставленную особу на сто тысяч фунтов. Половина этих денег пошла на французскую революцию, половина — на покупку лордом Гаунтом титула маркиза и ордена Подвязки, а остальное... — Впрочем, в наш план вовсе не входит описывать, на что были истрачены остальные деньги, хотя маленький Том Ивс, знающий дела всех и каждого, готов дать отчет о каждом шиллинге из этих денег, и даже гораздо больше того.

Кроме городского дворца, маркиз владел замками и дворцами в различных концах трех королевств, и описание их можно найти в путеводителях: замком Строгбоу и лесами на берегу Шенона; замком Гаунтли в Кармарсеншире, где был заключен Ричард II⁶; в Йоркшире ему принадлежал Гаунтли-Холл, где будто бы для гостей имелся серебряный чайный сервиз на двести персон и все прочее в соответствии с этой роскошью; а в Гэмпшире — Стильбрук, ферма милорда, скромная дачка, изумительную обстановку которой мы все помним, когда она распродалась после кончины милорда ныне покойным и тоже знаменитым аукционистом.

Маркиза Стэйн происходила из прославленного древнего рода Кэрлайонов, маркизов де Камело, державшихся старинной веры еще со времени обращения в христианство почтенного друида⁷, родоначальника фамилии; его же родословие восходит

¹ Маленькие апартаменты (*фр.*).

² Гай Саллюстий Крисп (87 или 86 г. до н. э. — 35 г. до н. э.) — древнеримский историк.

³ Помпеи — древнеримский город недалеко от Неполя, погребенный под слоем вулканического пепла в результате извержения Везувия в 79 г.

⁴ Луи-Филипп II, герцог Орлеанский (1747–1793) — французский военный и политический деятель. Отличался либеральными взглядами. Во время Великой французской революции примкнул к революционерам, отказался от титула, стал «гражданином» и принял фамилию Эгалите (*фр. égalite* — «равенство»).

⁵ Ломбер — карточная игра.

⁶ Ричард II Бордоский (1367–1400) — король Англии, представитель династии Плантагенетов. В его царствование произошло знаменитое крестьянское восстание под руководством кровельщика Уота Тайлера. В 1399 г. низложен парламентом, осужден на пожизненное заключение и тайно вывезен из Тауэра и перевезен в замок Понтефракта в Йоркшире. Там он и провел остаток своих дней.

⁷ Друиды — жрецы у древних кельтских народов, организованные в виде замкнутого, но не наследственного сословия, также выполняли функции судей, занимались врачеванием и астрономией.

к дате, значительно предшествующей появлению на наших островах короля Брюса¹. Представитель рода носит титул Пендрагона. Сыновья с незапамятных времен именовались Артурами, Усерами, Карадоками. Многие из них сложили головы в политических заговорах. Королева Елизавета² отрубила голову Артуру, жившему в ее эпоху; он состоял камергером при Филиппе³ и Марии и развозил письма между королевою шотландскою⁴ и ее дядюшками Гизами. Младший сын этой же ветви состоял на службе у великого герцога⁵ и отличился в знаменитой Варфоломеевской резне⁶. В течение всего времени заточения Марии фамилия Камело устраивала заговоры для ее освобождения. Имущественное состояние фамилии сильно пострадало как от тягот, павших на нее при снаряжении флотилии против испанцев во времена Армады⁷, так и благодаря пеням и конфискациям, налагавшимся на нее королевою Елизаветою за укрытельство католических священников, упорную приверженность к учению нонконформистов и беззакония папизма. Один малодушный, живший при короле Иакове⁸, прельщенный доводами царственного богослова, ненадолго отступился от веры предков, и благодаря его своевременной слабости богатство рода было отчасти восстановлено. Но уже в царствование Карла⁹ граф Камело вернулся к старинной вере предков,

¹ Роберт I Брюс (1274–1329) — король Шотландии, один из величайших шотландских монархов, организатор обороны страны в начальный период войны за независимость против Англии, основатель королевской династии Брюсов.

² Елизавета I, *Добрая королева Бесс, Королева-дева* (1533–1603) — королева Англии и Ирландии, последняя из династии Тюдоров. Дочь короля Англии Генриха VIII Тюдора от брака с Анной Болейн.

³ Филипп II (1527–1598) — король Испании из династии Габсбургов и его вторая жена Мария I Тюдор (1516–1558) — первая коронованная королева Англии, старшая дочь Генриха VIII от брака с Екатериной Арагонской. Также известна как *Мария Кровавая* (или *Кровавая Мери*), *Мария Католичка*.

⁴ Мария I, урожденная Мария Стюарт (1542–1587) — королева Шотландии с 6 дня жизни, а также королева Франции (как супруга короля Франциска II) и претендентка на английский престол. Ее трагическая судьба, наполненная «литературными» по драматизму поворотами и событиями, привлекала писателей романтической и последующих эпох.

⁵ Генрих I де Лоррен по прозвищу Меченый или Рубленый, герцог де Гиз, принц де Жуанвиль (1550–1588) — пэр Франции, французский военный и государственный деятель времен Религиозных войн во Франции. Глава Католической лиги. Один из организаторов и вдохновителей избиения гугенотов (Варфоломеевская ночь). Старший сын Франсуа Лотарингского, герцога де Гиза.

⁶ Варфоломеевская ночь (фр. massacre de la Saint-Barthélemy — «резня святого Варфоломея») — массовое убийство гугенотов во Франции, устроенное католиками в ночь на 24 августа 1572 г., в канун дня святого Варфоломея. По различным оценкам, в Париже в этот день погибло около 3000 человек, а по всей Франции в погромах было убито около 30 тысяч гугенотов.

⁷ Непобедимая армада, или Великая и славнейшая армада — крупный военный флот (около 130 кораблей), собранный Испанией в 1586–1588 гг. для вторжения в Англию во время англо-испанской войны (1585–1604).

⁸ Яков (Иаков) VI Шотландский, он же Яков I Английский (1566–1625) — король Шотландии и первый король Англии из династии Стюартов. Яков I был первым государем, правившим одновременно обоими королевствами Британских островов. Преследовал папизм, хотя в молодости сам примыкал к католической партии.

⁹ Карл I (1600–1649) — король Англии, Шотландии и Ирландии из династии Стюартов. Его

а затем весь этот род продолжал бороться за нее и разоряться, пока в живых оставался хоть один Стюарт¹, способный стать во главе мятежа или подстрекнуть на восстание.

Леди Мери Кэрлайон воспитывалась в парижском монастыре, и супруга дофина Мария-Антуанетта² была ее крестной матерью. В расцвете красоты она была выдана замуж — а иные говорят, — продана лорду Гаунту, жившему тогда в Париже и на очень значительную сумму обыгравшему ее брата на одном из банкетов у Филиппа Орлеанского. Знаменитую дуэль, состоявшуюся между графом Гаунтом и графом де ля Маршем, офицером «серых мушкетеров», молва приписывала тому обстоятельству, что последний (бывший пажом и оставшийся любимцем королевы) будто бы претендовал на руку красавицы леди Мери Кэрлайон. Ее обвенчали с лордом Гаунтом, пока граф мучился от полученных на дуэли ран, и она переехала на жительство в Гаунт-Хаус и некоторое время являлась украшением блестящего двора принца Уэльского. Фокс провозглашал в честь ее тосты; Моррис и Шеридан воспевали ее в стихах. Мальмсбери³ проделывал перед нею изящнейшие из своих поклонов, Уольполь⁴ объявил ее очаровательной, Девоншир⁵ мучился из-за нее ревностью. Но леди Гаунт пугали необузданные потехи и развлечения общества, в которое она оказалась заброшенной, и, произведя на свет двух сыновей, она замкнулась в уединении и набожности. Неудивительно, что лорд Стэйн, любивший удовольствия и веселье, уже вскоре после свадьбы стал избегать общества этой трепещущей, молчаливой, суеверной и несчастной женщины.

Вышеназванный Том Ивс (не имеющий никакого отношения к этому повествованию, за исключением того, что он знает всех высокопоставленных лиц и все фамильные истории и тайны) имел некоторые дополнительные сведения о миледи Стэйн, возможно, правдивые, а возможно, и нет.

— Унижения, какие эту женщину заставляли переносить в ее же собственном доме, были ужасны, — рассказывал Том. — Лорд Стэйн заставлял ее сидеть за одним столом с такими женщинами, что я скорее бы умер, чем позволил миссис Ивс водиться с ними. И с леди Крекенбери, с миссис Чиппенгэм, с мадам де ля Крюшкассэ, женою французского посольского секретаря (от любой из этих дам Том Ивс — готовый отказаться от своей жены за знакомство с ними — с радостью принял бы поклон или приглашение на обед), словом, со всеми царствующими фаворитками милорда. И не-

политика абсолютизма и церковные реформы вызвали восстания в Шотландии и Ирландии и Английскую революцию. В ходе гражданских войн Карл I потерпел поражение, был предан суду парламента и казнен 30 января 1649 года в Лондоне.

¹ *Стюарты* — династия королей Шотландии, Англии, Ирландии и Великобритании. Девиз Стюартов: «Мужество крепнет в ране».

² *Мария-Антуанетта*, урожденная *Мария Антония Йозефа Иоганна Габсбург-Лотарингская* (1755–1793) — королева Франции и Наварры, младшая дочь императора Франца I и Марии-Терезии. Супруга короля Франции Людовика XVI. После начала Великой французской революции была объявлена вдохновительницей контрреволюционных заговоров и интервенции. Осуждена Конвентом и казнена на гильотине.

³ *Джеймс Харрис, 1-й граф Малмсбери* (1746–1820) — английский дипломат. Был министром иностранных дел в кабинете графа Дерби, позже — хранителем печати.

⁴ *Хорас Уолпол, 4-й граф Орфорд* (1717–1797) — английский писатель, основатель жанра готического романа.

⁵ *Уильям Кавендиш, 5-й герцог Девонширский* (1748–1811) — британский аристократ и политик, кавалер ордена Подвязки, лорд-казначей Ирландии.

ужели можно допустить, чтобы эта женщина, принадлежащая к фамилии, гордостью не уступающей Бурбонам¹, и для которой какие-нибудь Стаины все равно что лакеи, вчерашние выскочки (потому что, в конце концов, они вовсе не старинные Гаунты, а происходят от младшей сомнительной ветви этой фамилии), — неужели возможно допустить (читатель должен помнить, что все это говорит Том Ивс), чтобы маркиза Стэйн, надменнойшая из всех женщин в Англии, стала покорно склоняться перед мужем, если бы на это не было какой-нибудь причины? Ба! Говорю вам, на это имеются тайные причины! И я вам скажу, что аббат де ля Марш, появившийся здесь во время эмиграции и участвовавший в Киберонской экспедиции² вместе с Пюизе и Тэntenиаком, и есть тот самый полковник «серых мушкетеров», что в 1786 году дрался со Стэйном на дуэли, и что маркиза опять с ним свиделась. А когда преподобного полковника убили в Бретани, леди Стэйн отдалась той необыкновенно набожной жизни, какую она сейчас ведет. Она каждый день запирается со своим духовником, — она ведь каждое утро ходит в церковь на Испанской площади, я сам ее там подкараулил, то есть случайно встретил, проходя, — и я уверен, что в этом деле кроется тайна. Люди не бывают такими несчастными, если не имеют поводов к раскаянию, — добавлял Том Ивс, многозначительно кивая головой, — и, поверьте мне, эта женщина никогда бы не проявляла такой покорности, не имей маркиз против нее камня за пазухой.

Итак, если сведения мистера Ивса верны, то весьма правдоподобно, что этой высокопоставленной даме приходилось в личной жизни подвергаться многим унижениям и под спокойной внешностью таить немало скорби. А мы, братья мои, чьи фамилии не занесены в Красную книгу³, утешимся приятной мыслью о том, что существование особ, выше нас стоящих, бывает бедственнее нашего, и что над головой Дамокла⁴, восседающего на атласных подушках и кушающего с золотых тарелок, висит меч в виде судебного пристава, наследственной болезни или семейной тайны, и что меч этот по временам высовывается из-за расшитых шпалер и рано ли, поздно ли поразит Дамокла в надлежащее место.

Если сравнить положение бедного человека с положением знатного и богатого, то для первого имеется и еще один источник утешения (опять-таки по словам мистера Ивса). Наш брат, не могущий ни завещать, ни унаследовать больших капиталов, может оставаться в добрых отношениях и со своим отцом и с сыном, тогда как наслед-

¹ *Французские Бурбоны* — французская королевская династия, правившая Францией с 1589 по 1792 г. и с 1814 по 1830 г. Династия Бурбонов являлась младшей ветвью династии Капетингов, правившей Францией с 987 по 1328 г. Родоначальником династии был Роберт де Клермон, сын французского короля Людовика IX Святого из династии Капетингов.

² *Киберонская экспедиция* — во время Великой французской революции и периода Вандейского мятежа 1795 г., снаряженная английским правительством и французскими эмигрантами экспедиция для оказания поддержки роялистам Вандеи и Бретани. *Киберон (Киброн)* — узкий полуостров на южном побережье Бретани, вдающийся в Бискайский залив Атлантического океана.

³ *Красная книга* — здесь: справочник английской титулованной знати.

⁴ *Дамокл* — любимец сиракузского тирана Дионисия Старшего (405–367 гг. до н. э.). Получил в полное распоряжение дворец тирана и некоторое время наслаждался жизнью, но однажды увидел над своей головой меч, свисающий на конском волосе, и сам попросил отпустить его из дворца. Отсюда выражение «дамоклов меч», о неизбежной и постоянно грозящей опасности.

ник знатного вельможи, вроде милорда Стэйна, естественно, должен негодовать на то, что его оттирают от уготованного могущества, и смотрит на счастливого обладателя далеко не благосклонным взглядом.

— Можете признать за правило, — утверждал язвительный старик Ивс, — что во всех знатных семьях отцы и старшие сыновья ненавидят друг друга. Наследный принц всегда в оппозиции к короне и нетерпеливо стремится поскорее захватить ее. Шекспир хорошо знал свет, любезный мой сэр, и, описывая, как принц Гэль (от которого семья Гаунтов будто ведет свое начало, хотя они такая же родня Джону Гэлю, как мы с вами) примеривает отцовскую корону, он дает нам подлинное изображение всех бесспорных наследников. Если бы вы были наследником герцогства и дохода фунтов с тысячу в день, как вы полагаете, — разве вы не стали бы стремиться поскорее заполнить их в свое владение? Ба! И совершенно понятно, что если каждый вельможа питал подобные чувства к своему отцу, то он должен знать, что и его сын питает такие же к нему самому, и потому между ними не может быть никаких иных отношений, кроме подозрительности и вражды.

А потом дальше, возьмите отношение старших сыновей к младшим. Дорогой мой сэр, вы должны знать, что каждый старший брат смотрит на младших своих братьев как на природных врагов, лишаящих его тех наличных денег, которые по праву должны были бы достаться ему. Я нередко слышал от Джорджа Мак-Терка, старшего сына лорда Баязета, что, будь его воля, он при вступлении в обладание титулом распорядился бы по-султански и сразу бы очистил имения от долгов, обезглавив всех своих младших братьев. И все они рассуждают приблизительно так же. Уверяю вас, в глубине души все они не лучше турок. Ба, сэр, они хорошо разумеют свет!

Здесь случайно появился какой-то вельможа, шляпа слетела с головы Тома Ивса, и сам он бросился вперед с поклоном и улыбками, доказывавшими, что и он тоже хорошо знал свет, — по его, Тома Ивса, разумению, конечно. Вместе с тем, поместив свои деньги до последнего шиллинга в процентные бумаги, Том мог позволить себе относиться без задней мысли к своим племянникам и племянницам и не испытывать к лицам, выше его стоящим, никаких чувств, кроме постоянного и великодушного желания разделить с ними обед.

Между маркизой Стэйн и естественным нежным чувством матери к детям жестокую преграду воздвигала разница вероисповедания. Самая любовь, которую робкая и набожная женщина питала к сыновьям, усиливала ее боязнь и делала ее еще более несчастной. Пропать, отделявшая ее от них, была роковой и непроходимой. Она не могла через нее ни протянуть своих рук, ни перетянуть детей на тот берег, вне которого, по ее убеждению, не существовало спасения. Пока сыновья были малы, лорд Стэйн, образованный человек и любитель богословской казуистики, не знал лучшей забавы как срамливать по вечерам в деревне воспитателя мальчиков, преподобного мистера Трэйля (ныне милорда епископа Элинга) с духовником ее лордства, отцом Молем, и заставлять представителя оксфордской учености состязаться за стаканом вина с носителем сент-ашельской мудрости. Он восклицал то: «Браво, Латимер!¹», то: «Хорошо сказано, Лойола!²», обещал произвести Моля в епископы, если он перейдет в ан-

¹ *Хью Латимер* (1485–1555) — епископ Вустерский, известный деятель английской Реформации. Во времена правления королевы Марии I был сожжен на костре как еретик.

² *Игнатий (Игнасио) де Лойола* (1491–1556) — римо-католический святой, основатель ордена

гликанство, и клялся пустить в ход все свое влияние, чтобы раздобыть Трэйлю кардинальскую шляпу, если тот поступится своим протестантством. Но ни тот, ни другой из духовных отцов не сдавался; и хотя любящая мать надеялась, что ее младший и любимый сын примирится с ее церковью — с церковью господствующей, — ужасное и пе-

чальное разочарование постигло набожную женщину, и здесь разочарование, явившееся как бы судом Божиим за самую греховность ее брака.

Милорд Гаунт женился, как известно всем заглядывающим в «Книгу пэров», на леди Бланш Систлвуд, отпрыске благородного дома Бэракрсов, о котором мы уже имели случай упоминать в этой правдивой истории. Молодой чете был отведен отдельный флигель в Гаунт-Хаусе, потому что глава семьи желал господствовать надо всеми и, пока властвовал, властвовать безраздельно. Но сын и наследник его мало жил дома, не ладил с женою и занимал под обязательства, срочные «по смерти отца», столько денег, сколько ему требовалось сверх весьма скромных сумм, какие соблаго-

на иезуитов, видный деятель Контрреформации, был офицером на испанской военной службе.

волял давать ему отец. Маркиз знал все долги сына до последнего шиллинга. После его оплаканной кончины оказалось, что он сам является владельцем многих обязательств своего наследника, его милость задешево скупил их и разделил между детьми младшего сына.

А так как, к огорчению милорда Гаунта и к насмешливому удовольствию его природного врага и родителя, леди Гаунт была бездетна, лорду Джорджу Гаунту было приказано возвратиться из Вены, где он предавался вальсированию и дипломатии, и вступить в брачный союз с высокородною Джоаной, единственной дочерью Джона Джонса, новопожалованного барона Гельвельнна и главы банкирского дома «Джонс, Броун и Робинсон», на Срэднидль-стрит; от этого брака произошли многочисленные сыновья и дочери, деяния которых не имеют касательства к настоящему повествованию.

Брак поначалу был счастлив и благополучен. Милорд Джордж Гаунт умел не только читать, но и писал вполне грамотно. Он довольно бегло говорил по-французски и слыл за одного из лучших вальсеров в Европе. С такими талантами и при том положении, какое он уже занимал на родине, не приходилось сомневаться, что его милость достигнет самых высоких ступеней и в служебном отношении. Миледи, его супруга, убедилась, что придворные сферы — ее стихия, а ее богатство давало ей возможность устраивать роскошнейшие приемы в континентальных столицах, куда дипломатические обязанности бросали ее супруга. Уже шли толки о назначении его министром, а в Клубе Путешественников¹ держали пари, что он вскоре будет послом, как вдруг пришли вести о странном поведении посольского секретаря. На большом дипломатическом обеде, который давал глава посольства, Гаунт вскочил и объявил во всеуслышание, что *rate de foie gras*² отравлен. На бал к баварскому посланнику графу Шпрингбок-Гогенлауфену он явился с выбритой головой и в костюме капуцинского монаха, хотя то был вовсе не костюмированный бал, как пытались утверждать иные. «Тут что-то неладно, — зашептались люди. — Его дед был такой же. Это у них в роду».

Жена и дети его вернулись на родину и поселились в Гаунт-Хаусе. Лорд Джордж покинул свой пост на европейском континенте и, судя по газетам, был перемещен в Бразилию. Но люди знали дело лучше: из бразильской экспедиции он так и не вернулся, не умер там, не жил там, никогда там и не был. Его не было нигде: он совершенно исчез.

— Бразилия, — говорил с усмешкой один сплетник другому, — Бразилия — это Сент-Джонсская лесная дача. Рио-де-Жанейро — коттедж, обнесенный четырьмя стенами; и Джордж Гаунт аккредитован при надзирателе, который пожаловал его орденом Смирительной рубашки.

Вот какими эпитафиями поминают друг друга люди на ярмарке тщеславия!

Два или три раза в неделю несчастная мать ранним утром выезжала казнить за свои грехи и навещала больного. Иногда он смеялся при виде ее (и этот смех было тяжелее видеть, чем его слезы); иногда она заставляла блестящего щеголя и дипломата, подвизавшегося на Венском конгрессе, за тем, как он возил по комнате игрушечную колясочку или кормил куклу надзирательской дочки. Иногда он узнавал мать и отца Моля, ее духовника и обычного спутника; но еще чаще не помнил матери, как позабыл жену, детей, любовь, честолюбие, тщеславие. Единственное, о чем он помнил, — это об обеде, и принимался плакать, если ему подавали вино, слишком уже разбавленное водой.

¹ *Клуб Путешественников* — лондонский клуб XIX в.

² Паштет из гусяной печени (*фр.*).

То была таинственная зараза в крови: несчастная мать привнесла ее из своего древнего рода. Бедствие это разражалось два или три раза и в семье отца задолго до того, как впала в прегрешения леди Стэйн и принялась искупать их постами, слезами и епитимиями¹. Гордость расы была сражена, как первенец фараона. Мрачное роко-

вое пятно тяготело над домом Гаунтов, несмотря на геральдические короны и резные гербы, венчавшие его высокий старинный подъезд.

Между тем дети отсутствующего лорда лепетали и росли, не сознавая страшной участи, грозившей и им. Сначала они вспоминали отца и строили разные планы в связи с его возвращением. Потом имя живого мертвеца стало повторяться все реже, наконец перестало упоминаться совсем. Но убитая горем старуха бабушка трепетала при мысли, что малютки унаследуют от отца и позорный недуг, как унаследуют поче-

¹ *Епитимия* — вид наказания, накладываемый церковью.

сти, и с болезненной чуткостью ожидала дня, когда наследственное проклятие обрушится и на них.

Это мрачное предчувствие угнетало и лорда Стэйна. Он пытался утопить в красных волнах вина и веселья страшный призрак, стороживший его изголовье; и порой ему удавалось потерять его из виду в толпе и сутолоке развлечений. Но он всегда возвращался к нему, как только милорд оставался один, и с годами становился все грознее. «Я сразил твоего сына, — говорил призрак, — почему мне не сразить тебя? И тебя я могу запереть в тюрьму, как твоего сына Джорджа. Я могу завтра же стукнуть тебя по голове, и прощай, наслаждение и почести, пиры и красавицы, друзья, льстецы, французские повара, чудесные лошади и дома; вместо всего этого — больничная камера, надзиратель и соломенный тюфяк, как у Джорджа Гаунта». Но тогда милорд бросал вызов грозившему ему призраку, ибо ему было известно средство, которым он мог сокрушить своего врага.

Итак, за высоким резным порталом Гаун-Хауса с закопченными коронами и вензелями обитали роскошь и богатство, но мало было счастья. Празднества там задавались самые пышные в Лондоне, но мало кому они доставляли большое удовольствие, за исключением гостей, сидевших за столом милорда. Не будь он таким знатным вельможей, вероятно, очень немногие вообще стали бы посещать его: но на ярмарке тщеславия к прегрешениям высокопоставленных особ относятся снисходительно. «*Nous regardons à deux fois*!», — сказала одна дама-француженка, прежде чем осудить лицо такой непререкаемой знатности, какова знатность милорда. Иные заведомые хулители и брюзгливые моралисты поносили лорда Стэйна заглазно, но с большой готовностью являлись к нему, когда он их приглашал.

— Лорд Стэйн очень дурной человек, — говорила леди Слингстон, — но все у него бывает, и, разумеется, я позабочусь, чтобы с моими девочками там не случилось беды.

— Я обязан его милости очень многим в жизни, пожалуй, всем, — рассуждал высокопреподобный доктор Трэйль, думая о том, что архиепископ сильно дряхлеет, а миссис Трэйль и его молоденькие дочери скорее пропустили бы церковную службу, чем какой-нибудь прием у его милости.

— Нравственные его качества очень невысоки, — говорил маленький лорд Соус-даун сестре, наслушавшейся от мамы страшных легенд о деяниях маркиза и слабо протестовавшей против посещения Гаунт-Хауса, — но, черт его побери, у него лучшее во всей Европе сухое шампанское марки «Силлери»!

А что касается сэра Питта Кроули, баронета, сэра Питта, этого образца приличий, сэра Питта, отказавшегося даже от диссидентских собраний, то он ни минуты не думал о том, чтобы не поехать к Стэйну.

— Там, где встречаешь таких особ, как епископ Элингский и графиня Слингстон, будьте уверены, Джейн, — заявлял баронет, — там можем без ущерба бывать и мы. Высокое происхождение и ранг лорда Стэйна дают ему власть господствовать над людьми нашего положения. Лорд-наместник графства — особа вполне почтенная, моя дорогая. Кроме того, я был в молодости очень близок с Джорджем Гаунтом: он был младше меня чином, когда мы оба состояли атташе при пумперникельской миссии.

Словом, каждый являлся засвидетельствовать почтение знатному вельможе, кого он ни приглашал: как явились бы вы, любезный читатель (пожалуйста, не отрицайте!), и я, пишущий эти строки, если бы получили приглашение.

¹ Мы смотрим два раза, т. е. бываем осмотрительны (*фр.*).

ГЛАВА XLVIII, в которой читатель вводится в самое избранное общество

В конце концов любезности и вниманию Бекки к главе семьи мужа суждено было увенчаться громадной наградой; и, хотя награда эта, несомненно, должна быть признана отчасти невещественной, маленькая женщина добивалась ее много усерднее, чем иных, гораздо более положительных, благ. Если она и не желала вести добродетельную жизнь, она, во всяком случае, желала пользоваться репутацией добродетели, а мы знаем, что в светском обществе ни одна леди не может обладать этим предметом своих вожделений, пока не нацепит на себя шлейфа и перьев и не будет представлена ко двору своего государя. После этого торжественного свидания они выходят с печатью порядочной женщины. Лорд Чемберлен выдает им свидетельство, удостоверяющее их добродетельность. Как сомнительные товары и письма пропускают в карантинах сквозь печь, опрыскивают ароматическим уксусом и потом объявляют обеззараженными, так и иная леди, чья репутация иначе слыла бы сомнительной и могущей передать заразу, подвергшись целительному испытанию королевского присутствия, выходит затем свободная от всякого пятна.

Легко было миледи Бэракс, миледи Тефто, миссис Бьют Кроули в провинции и прочим дамам, соприкасающимся с миссис Раудон Кроули, восклицать «фи!» при мысли о том, что отвратительную авантюристку допустили приветствовать реверансом самого монарха, и заявлять, что, будь жива добрая королева Шарлотта¹, она бы никогда не допустила такую невероятно развращенную личность в свою целомудрен-

¹ Умерла в 1818 г.

ную гостиную. Но если мы примем во внимание, что миссис Раудон подверглась испытанию в высоком присутствии первого джентльмена Европы и, так сказать, выдержала экзамен на репутацию, то, разумеется, будет низким нарушением верноподданничества продолжать сомневаться в ее добродетели. Я лично отношусь с любовью и благоговением к этой великой исторической личности. Ах, как высока и благородна должна была быть оценка джентльменства на ярмарке тщеславия в ту пору, когда это почитаемое августейшее лицо было облечено, по единодушному признанию утонченной и образованной части своих подданных, титулом *Premier Gentilhomme*¹ своего королевства! Помнишь ли ты, дорогой М., друг моей юности, как в один благословенный вечер, двадцать пять лет тому назад, когда ставился «Лицеме́р» под режиссурой Эллистона и при участии Даутона и Листона, два мальчика получили от верноподданных наставников приказ отправиться из Слоутер-Хаусской школы, где они воспитывались, в Дрери-Лейнский театр, чтобы выступить там на сцене в толпе, собравшейся приветствовать короля. Короля! Он присутствовал в театре. Перед высочайшей ложей стояли мясоеды²; за креслом, на котором он восседал, толпились маркиз Стэйн и другие важные сановники. А он сидел — цветущий лицом, грузный телом, покрытый орденами и увенчанный богатейшей шапкой кудрявых волос. Как мы пропели «*God save the King*»³! Как весь театр вздрагивал от кликов при этой великолепной музыке! Как все кричали, вопили, махали носовыми платками! Дамы плакали, матери обнимали своих малюток, многие от волнения попадали в обморок. У людей перехватывало под ложечкой, клики и рев неслись из корчившейся и орущей толпы, высказывавшей готовность и действительно почти готовой умереть за него. Да, мы видели его! Этого рок уже не сможет отнять у нас. Иные видели Наполеона. Немногие из живущих сейчас на земле видели Фридриха Великого⁴, доктора Джонсона, Марию-Антуанетту и т. д., — мы же можем по справедливости похвалиться нашим детям, что видели Георга Доброго, Великолепного, Великого.

И вот настал счастливый день в жизни миссис Раудон Кроули, когда этот ангел был допущен в придворный рай, куда она так стремилась: невестка разыграла при этом случае роль ее крестной матери. В назначенный день сэр Питт и его супруга в большой фамильной карете (только что приобретенной и в готовности ожидающей вступления баронета в должность главного судьи своего графства) подъехала к домику на Керзон-стрит, в назидание Рэггласу, который выглядывал из зеленой лавочки и усмотрел внутри кареты чудесные перья, а в петлицах новых ливрей у выездных — огромные пучки цветов.

Сэр Питт, в сверкающем мундире и со шпагой, болтавшейся между ног, вылез из кареты и вошел в дом. Маленький Раудон прильнул к оконному стеклу в гостиной и, улыбаясь, кивал изо всех сил тетушке, сидевшей в карете; а вскоре сэр Питт появился из дома, ведя даму, украшенную роскошными перьями, закутанную в белую шаль и деликатно придерживавшую шлейф из богатейшей парчи. Она поднялась в карету, словно принцесса, привыкшая всю жизнь ежедневно ездить ко двору, ласко-

¹ Первого дворянина (*фр.*).

² *Мясоеды* — прозвище английских лейб-гвардейцев.

³ «Боже, храни короля!» — английский национальный гимн.

⁴ *Фридрих II*, или *Фридрих Великий*, известный также по прозвищу *Старый Фриц* (1712–1786) — король Пруссии с 1740 г. Яркий представитель просвещенного абсолютизма, основоположник прусско-германской государственности.

во улыбнувшись лакею, стоявшему у каретной дверцы, и сэру Питту, севшему вслед за нею в карету.

Затем показался Раудон в старом своем гвардейском мундире, который ужасно износился и стал ему чересчур тесен. Он должен был следовать за процессией и ожидать свою повелительницу в кэбе; но добрая невестка настояла на том, чтобы ехать всем вместе, по-семейному. Карета была большая, дамы не особенно полны, а шлейфы они подберут на колени, — в конце концов все четверо отправились по-братски, и их карета вскоре присоединилась к ряду прочих верноподданных экипажей, двигавшихся вниз по Пикадилли и Сент-Джеймс-стрит, в направлении к старому кирпичному дворцу, где брауншвейгский звездоносец готовился принять свое благородное дворянство и знать.

Бекки чувствовала себя так, что готова была из кареты рассыпать благословения на прохожих, — так весело было у нее на душе, так сильно было в ней сознание почетности положения, которого она наконец-то достигла в жизни. Даже и наша Бекки имела слабости; а как часто мужчины гордятся преимуществами, которых не замечают другие как; например, Комус твердо уверен, что он величайший трагический актер в Англии, как Браун, знаменитый романист, жаждет прослыть не гением, а светским щеголем, а Робинсон, известнейший юрист, нисколько не ценит своей репутации в Вестминстер-Холле и воображает себя несравненным на ристалище, перед барьерами скакового круга, — так и жизненная цель Бекки заключалась в том, чтобы быть, и в особенности считаться, порядочной женщиной, и она обхаживала знатных людей с поразительной настойчивостью, предупредительностью и успехом. Мы уже говорили, что по временам она воображала себя и в самом деле знатной леди и забывала, что дома в ящике нет ни гроша, у ворот кредиторы, поставщиков надо уговаривать и улачивать — словом, что под ногами нет почвы. И сейчас, когда она ехала ко двору в карете — в фамильной карете, — она напустила на себя такой важный, самодовольный, непринужденный и внушительный вид, что даже леди Джейн стало смешно. Она вступила в королевские апартаменты, так гордо вскинув голову, что под стать императрице, и я не сомневаюсь, что, будь она императрицей, она бы в совершенстве разыграла эту роль.

Мы можем удостоверить, что *costume de cour*¹ миссис Раудон по случаю ее представления государю был изящен и блестящ сверх всякого описания. Многие леди из тех, кого видели мы, носящие звезды и ленты и присутствующие на приемах в Сент-Джеймском дворце, а равно и мы, что топчемся в грязных сапогах взад вперед по Пэлл-Мэлл и заглядываем в кареты, везущие изукрашенную перьями знать, — так вот, многие светские дамы, повторяю, которых мы видели в день выхода, около двух часов пополудни, когда расшитый галунами оркестр лейб-гвардейцев трубит триумфальные марши, гарцуя на табуретах, словно на строевых конях сливочного цвета, — многие дамы отнюдь не представляют приятного и чарующего глаз предмета в эту раннюю пору дня. Какая-нибудь тучная шестидесятилетняя графиня, *decolletée*², накрашенная, сморщенная, нарумяненная вплоть до отвисших век, в парике, сверкающем бриллиантами, представляет полезное и назидательное, но отнюдь не приятное зрелище. У нее тусклый взгляд, напоминающий освещение на Сент-Джеймс-Стрит ранним утром, когда половина фонарей погасла, а остальные слабо мерцают, словно

¹ Придворный костюм (фр.).

² Декольтированная (фр.).

готовы исчезнуть, как ночные духи, убегающие перед зарей. Такие прелести, какие мы видим мельком, когда мимо нас проезжает карета ее милости, должны бы показываться вне дома только глубокой ночью. Если даже Цинтия¹ кажется бледной днем, как нам не раз приходилось замечать в течение настоящего зимнего сезона, когда глязевший на нее с неба Феб² выпивал взглядами краски с ее лица, то как же может поднимать голову старая леди Кэстльмоуди, когда солнце светит прямо на нее в окна кареты и показывает все щели и трещины, которыми время избородило ее лицо? Нет, приемы при дворе надо назначать в ноябре или на первый туманный день; или же престарелых султанш нашей ярмарки тщеславия надо вывозить в наглухо закрытых носилках, выпускать в крытых переходах и заставлять их отвешивать придворный реверанс под защитой вечернего освещения.

Наша милая Ребекка не нуждалась, однако, в таком дружественном свете, чтобы ярче подчеркнуть свою красоту. Цвет ее лица пока еще мог выдержать солнечные лучи любой яркости; а ее наряд — хотя, если бы показать его сейчас, всякая дама на теперешней ярмарке тщеславия назвала бы его самым нелепым и безобразным, какой можно вообразить, но двадцать пять лет тому назад он являлся в ее собственных глазах и в глазах остальных — таким же блестящим костюмом, как самый нарядный туалет первейшей модницы нынешнего сезона. Пройдет лет двадцать, и это чудо моды отойдет в область нелепости, вместе со всеми предшествующими суетными пустяками. Но мы слишком отвлеклись. Платье, бывшее на миссис Раудон в знаменательный день ее представления ко двору, было признано *charmante*³. Даже добрая бедняжка леди Джейн была вынуждена в этом сознаться, окинув взглядом свою свойственницу; вместе с тем она с горечью призналась себе, что обладает гораздо меньшим вкусом, чем миссис Бекки.

Она не знала, сколько забот, размышлений и гениальности вложила миссис Раудон в это платье. По части вкуса Ребекка могла поспорить с лучшей европейской портнихой, и она обладала таким необыкновенным умением устраивать разные дела, о каком леди Джейн и представления не имела. Последняя быстро заметила великолепную парчу на ее шлейфе и чудесные кружева на платье.

Бекки сказала, что парча — завалившийся остаток, а кружева — это удивительная удача: они у нее лежат уже сто лет.

— Милая миссис Кроули, ведь они должны стоять целое состояние, — сказала леди Джейн, оглядывая свои собственные кружева, — они были гораздо хуже; потом, рассмотрев качество старинной парчи, из которой был сделан придворный костюм миссис Раудон, она почувствовала желание сказать, что не позволила бы себе сделать такое дорогое платье, но с усилием подавила это желание, как слишком жестокое по отношению к невестке.

Однако, если бы леди Джейн узнала правду, я думаю, что даже ее кротость изменила бы ей. Дело в том, что, приводя в порядок дом сэра Питта, миссис Раудон нашла кружева и парчу в старых шкафах, принадлежавших прежним хозяйкам дома;

¹ Цинтия — возлюбленная древнеримского элегического поэта Секста Проперция (около 50 г. до н. э. — после 15 г. до н. э.)

² Феб — «лучезарный», «сияющий», в древнегреческой и древнеримской мифологиях прозвище Аполлона, златокудрого сереброкудого бога света, покровителя искусств, предводителя и покровителя муз, предсказателя будущего, бога-врачевателя, покровителя переселенцев, олицетворение мужской красоты.

³ Очаровательным (*фр.*).

она преспокойно унесла и то и другое к себе, а потом использовала для своей собственной особы. Бриггс видела, как она забирала вещи, но не задавала вопросов и никому ничего не рассказывала; но я думаю, что она вполне сочувствовала в этом деле Бекки, — посочувствуют и многие другие честные женщины.

А бриллианты...

— Откуда, черт возьми, ты раздобыла эти бриллианты, Бекки? — спросил муж, восхищаясь драгоценностями, которых раньше у нее никогда не видел; они в изобилии сверкали теперь в ее ушах и на шее.

Бекки чутьточку покраснела и несколько секунд пристально смотрела ему в лицо. Питт Кроули тоже слегка покраснел и выглянул в окно кареты. Дело в том, что он подарил ей незначительную частицу бриллиантов: хорошенький бриллиантовый фермуар, замыкавший жемчужное ожерелье на ее шее; и баронет забыл рассказать об этом обстоятельстве своей жене.

Бекки взглянула на мужа, потом на сэра Питта с видом наглого торжества, словно говоря: «Выдать тебя или нет?»

— Отгадай! — сказала она мужу. — Ну, глупый мой старичок, — продолжала она, — как же, ты думаешь, я их достала — все, за исключением фермуара, который мне давным-давно подарил один близкий друг? Разумеется, я взяла их на прокат. Взяла на прокат у мистера Полониуса на Ковент-стрит. Неужели ты воображаешь, что все бриллианты, которые видишь при дворе, действительно принадлежат тем, кто в них появляется, как прекрасные камни на леди Джейн, они ведь гораздо лучше тех, что на мне.

— Это фамильные драгоценности, — промолвил сэр Питт, опять почувствовав себя неловко.

Семейная беседа продолжалась, пока карета катилась по улице и не освободилась наконец от своего груза у ворот дворца, где государь восседал уже в полном параде.

Бриллианты, возбудившие восторг Раудона, так и не вернулись к мистеру Полониусу на Ковент-стрит, да этот джентльмен никогда и не требовал их возвращения. Вернулись же они в маленькое секретное хранилище, в старинную письменную шкапу, много, много лет тому назад подаренную Бекки Амелией; Бекки хранила в ней много полезных, а может быть, и ценных вещей, ничего не говоря о них Раудону. Не знать ничего или знать очень мало — таков удел иных мужей. В природе скольких женщин лежит — скрывать? О дамы, сколь многие из вас утаивают от мужей счета портних! У скольких из вас есть платья и браслеты, которых вы не смеете показать или надеваете с трепетом! Вы трепещете и улыбками утешаете сидящего рядом с вами мужа, а он и так не умеет отличить нового бархатного платья от старого, нового браслета от прошлогоднего и не имеет ни малейшего представления о том, что похожий на тряпку желтый кружевной шарф стоит сорок гиней и мадам Робино каждую неделю надоедает письмами, требуя денег.

Так и Раудон ничего не узнал о чудесных бриллиантовых серьгах и о великолепной бриллиантовой брошке, украшавшей прекрасную грудь его супруги. Но лорд Стэйн, находившийся на своем месте при выходе, в качестве одного из важнейших сановников и знаменитых защитников английского трона, увешанный всеми своими звездами, подвязками, орденскими лентами и цепями и особенно любезно отнесшийся к маленькой женщине, — тот знал, откуда явились эти драгоценности и кто за них заплатил.

Склонившись перед Бекки, он улыбнулся и процитировал избитые, но прекрасные строки из «*Rare of the Lock*»¹ о бриллиантах Белинды, «которые евреи жаждали лобызать, а неверные — обожать».

— Но, я надеюсь, ваша милость не уклоняется от правотверия, — ответила маленькая женщина, вскинув головку. И многие из находившихся поблизости дам принались шептаться и переговариваться, а многие джентльмены закивали головами и тоже зашептались, заметив, какое подчеркнутое внимание проявляет к маленькой авантюристке могущественный вельможа.

Такому слабому и неопытному перу, как мое, не подобает пытаться описывать подробности свидания между Ребеккой Кроули, урожденной Шарп, и ее царственным властелином. Перед самой мыслью об этом смежаются ослепленные глаза. Верноподданническое благоговение и приличие запрещают даже и воображению слишком зорко и дерзко оглядываться по сторонам в священном аудиенц-зале, а потому мы поспешно и безмолвно пятимся к двери, почтительно отвешивая глубокие поклоны августейшему государю.

Одно можно сказать, что после этого свидания во всем Лондоне нельзя было найти более верноподданное сердце, чем Бекки. Имя короля не сходило с ее уст, и она объявила государя обаятельнейшим из всех мужчин. Она отправилась в магазин Кольнаги и заказала лучший портрет короля, какой создавало искусство и какой оказалось возможным получить в кредит. Она выбрала знаменитый портрет, на котором лучший из монархов изображен в камзоле с меховым воротником, в коротких штанах и шелковых чулках, полулежащим на софе и улыбающимся из-под темного кудрявого парика. Она заказала себе брошку с миниатюрой Георга IV и носила ее постоянно, — она потешала и отчасти изводила своих знакомых вечными разговорами о любезности и изяществе короля.

Почем знать? Может быть, маленькая женщина мечтала разыграть роль Ментенон² или Помпадур³.

Но всего забавнее было слушать ее рассуждения о добродетели после того, как она удостоилась представления ко двору. У нее было несколько знакомых дам, надо признаться, не пользовавшихся особенно высокой репутацией на ярмарке тщеславия. Теперь, сделавшись, так сказать, порядочной женщиной, Бекки не пожелаала больше водить знакомства с сомнительными особами и не поклонилась леди Крэкенбери, когда последняя кивала ей из оперной ложи, а встретившись на Ринге с миссис Вашингтон-Уайт, она ее даже не заметила.

— Нужно же показать, что имеешь кое-какое положение, мой милый, — говорила она мужу. — Нельзя появляться в обществе сомнительных особ. Мне от души жаль леди Крэкенбери, а миссис Вашингтон-Уайт, по-моему, очень добрая женщина. Ты, разумеется, можешь бывать у них и обедать, сыграть один-другой роббер. Но я не могу и не хочу бывать у них, и ты, пожалуйста, прикажи Смису говорить, что меня нет дома, когда кто-нибудь из них ко мне придет.

¹ «Похищение локона» — поэма Александра Попа (1668–1744).

² Франсуаза д'Обинье, маркиза Ментенон (1635–1719) — возлюбленная, а затем тайная жена французского короля Людовика XIV.

³ Жанна-Антуанетта Пуассон, маркиза де Помпадур (1721–1764) — фаворитка французского короля Людовика XV.

Описание костюма Бекки появилось во всех газетах — со всеми перьями, лентами, чудесными бриллиантами и всем прочим. Миссис Крэкенбери прочитала заметку с горечью в сердце и принялась судить и рядить со своими поклонниками о важности, какую напустила на себя эта женщина. Миссис Бьют Кроули и ее дочери, получив в сельском уединении номер «Утренней почты» из города, дали волю своему благородному негодованию.

— Вот если бы у тебя были песочного цвета волосы, зеленые глаза и ты была дочерью французской канатной плясуньи, — сказала миссис Бьют старшей дочери (наоборот, очень смуглой, низенькой и курносой девице), — у тебя наверное были бы великолепные бриллианты, и твоя кузина леди Джейн представила бы тебя ко двору. Но ты только простая дворянка, бедное мое милое дитя. В твоих жилах течет только благороднейшая английская кровь, а в приданое тебе достались хорошие правила и богобоязненность. Я сама, супруга младшего брата баронета, никогда и не помыслила о такой чести, чтобы быть представленной ко двору, — не помыслили бы и другие, если бы жива была добрая королева Шарлотта.

Так утешала себя почтенная пасторша, а ее дочери вздыхали и весь вечер просидели над «Книгой пэров».

Через несколько дней после знаменитого представления добродетельная Бекки удостоилась другой великой и чрезвычайной чести. Карета леди Стэйн подъехала к подъезду мистера Раудона Кроули, и выездной лакей, вместо того чтобы опрокинуть дом, что, судя по его оглушительному стуку, ему, по-видимому, хотелось сделать, смягчился и вручил прислуге две визитных карточки с выгравированными именами маркизы Стэйн и графини Гаунт. Будь эти обрезки картона прекраснейшими картинами или будь на них намотано сто ярдов мехельнских кружев¹, стоящих вдвое большее количество гиней, едва ли Бекки рассматривала бы их с большим удовольствием. Можете быть уверены, карточки эти заняли видное место в пузатой китайской вазе, стоявшей на столике в гостиной, куда Бекки складывала карточки своих визитеров. Боже! Боже! С какой быстротой карточки бедных миссис Вашингтон-Уайт и леди Крэкенбери, всего несколько месяцев тому назад доставлявших такую радость нашей маленькой приятельнице и составлявших предмет гордости глупенького создания, — боже, боже! — говорю я, с какой быстротой, при появлении тех крупных фигурных карт, погрузились на самое дно кучи эти жалкие ничтожные двойки! Стэйн! Бэракс, Джонс Гельвельин и Кэрлайон де Камело! Можете быть уверены, что Бекки и Бриггс разыскали эти величественные фамилии в «Книге пэров» и проследили все поколения благородных семейств вплоть до мельчайших разветвлений их родословного древа.

Милорд Стэйн, захав часа через два к Бекки и по привычке разглядывая все окружающее, заметил карточки своих дам, уже красовавшиеся в вазе на самом верху, в качестве старших козырей Бекки; старый циник усмехнулся, как всегда при всяком наивном проявлении человеческой слабости. Бекки не замедлила спуститься к нему сверху; когда малютка поджидала его милость, туалет ее всегда бывал безукоризнен, волосы в отличном порядке, платочки, фартучки, шарфики, сафьяновые туфельки и прочие женские финтифлюшки в исправности, и сама она сидела в изящной и неприужденной позе, готовая его встретить; когда же он заставал ее врасплох, конечно, ей

¹ *Мехельнское кружево*, или *малин* — коклюшечное кружево, изначально производимое в Мехелене, один из самых известных видов фламандских кружев.

приходилось бежать к себе, поспешно оправляться перед зеркалом и затем уже сбегать вниз приветствовать знатного пэра.

Она застала его усмехающимся над вазой. Ее изобличили, и она слегка покраснела.

— Благодарю вас, *monseigneur*¹, — сказала она. — Вы видите, ваши дамы уже были у меня. Как вы добры! Я не могла встретить вас, — я была в кухне, готовила пудинг.

— Знаю я, где вы были, я видел, как вы промелькнули по лестнице, когда я подъехал, — возразил старый джентльмен.

— Вы все видите, — ответила она.

— Очень немного, но этого нельзя не видеть, моя милочка, — сказал он добродушно. — Глупенькая вы, маленькая лгунишка! Ведь я слышал, как вы возились наверху, конечно, подрумянивались немножко. Пожертвуйте ваших румян миледи Гаунт, у нее совсем невозможный цвет лица. И я слышал, как дверь спальни отворилась, и как вы потом спускались по лестнице.

— Разве это преступление — стараться быть по красивее, когда меня навещаете вы? — жалобно спросила миссис Раудон и принялась тереть щеку носовым платком, словно желая показать, что румян нет и следа, а краска на ее лице — неподдельная и вызвана скромностью. Но разве это доказательство? Я знаю, что есть румяна, которые не стираются носовым платком, а есть и такие, что не сходят далее от слез.

— Так, значит, вы непременно хотите стать настоящей леди? — сказал старик, вертя в руках карточку жены. — Вы терзаете мою старость, заставляя меня протаскивать вас в свет.

Ведь вы там не удержитесь, маленькая вы дурочка! Ведь у вас нет денег.

— Вы нам достанете место, — поспешно встала Бекки.

— У вас нет денег, а состязаться придется с теми, у кого они есть. Бедная глиняная кружечка, вы хотите плыть по реке вместе с большими медными кувшинами. Все женщины одинаковы. Все добиваются того, из-за чего не стоит хлопотать. Ей-богу! Я вчера обедал с королем и нам подали баранью лопатку с брюквой. Обед из зелени часто бывает вкуснее жирной говядины. Вы хотите бывать в Гаунт-Хаусе? Вы не дадите старику покоя, пока не попадете туда? Но ведь там и вполовину не так мило, как здесь. Вы будете скучать там. Я скучаю. Моя жена весела, как леди Макбет, а дочери приветливостью могут сравняться с Реганой² и Гонерильей. Я боюсь спать в том месте, которое именуется моей опочивальней. Кровать там похожа на балдахин в соборе святого Петра, а картины наводят на меня страх. Я поставил себе маленькую железную кровать в гардеробной, и матрас у меня тоненький, волосяной, как у отшельника. Я — отшельник. Ха-ха! На будущей неделе вы получите приглашение на обед. Но *garde aux femmes*³, смотрите в оба и держитесь крепче. И как же вас будут изводить женщины! — То была очень длинная речь для такого скупого на слова человека, как милорд Стэйн; и это была не первая, произносимая им в назидание Бекки.

¹ *Монсеньор* (фр.) — здесь: обращение, употребляемое в разговоре с знатными лицами.

² *Регана, Гонерилья* — дочери короля Лира в трагедия В. Шекспира «Король Лир», отличавшиеся очень дурным характером.

³ Берегитесь женщин (фр.).

Бриггс выглянула из-за рабочего столика, за которым сидела в соседней комнате, и глубоко вздохнула, услышав, как легкомысленно знатный маркиз судил о представительницах ее пола.

— Если вы не выгоните эту отвратительную овчарку, — сказал лорд Стэйн, метнув на нее свирепый взгляд через плечо, — я ее отправлю.

— Я всегда кормлю свою собаку из собственной тарелки, — отозвалась Ребекка с лукавым смехом. И, потешившись некоторое время над досадой милорда, ненавидевшего бедную Бриггс за то, что она мешала его *tête-à-tête*¹ с красивой полковницей, — миссис Раудон наконец сжалась над своим поклонником и, позвав Бриггс, расхвалила погоду и велела ей идти гулять с мальчиком.

— Я не могу ее прогнать, — помолчав, заговорила Бекки печальным голоском.

— Вы задолжали ей жалованье? Вероятно, так? — сказал пэр.

— Хуже, — ответила Бекки, по-прежнему не поднимая глаз. — Я ее разорила.

— Разорили? Тогда почему же вы ее не выгоните? — спросил джентльмен.

— Мужчины так и поступают, — с горечью ответила Бекки. — Женщины не так бессовестны, как вы. В прошлом году, когда мы прожились до последней гиней, она отдала нам все, что имела. Она никогда не покинет меня, пока мы сами окончательно не разоримся, что, по-видимому, не за горами, или же пока я не расплачусь с ней до последнего фартинга.

— Сколько же это составляет? — спросил пэр, грубо выругавшись.

И Бекки, мысленно прикинув значительность его средств, назвала не только сумму, занятую у мисс Бриггс, но и почти удвоила ее.

Это заставило лорда Стэйна разразиться вторым кратким и энергичным выражением досады, в ответ на что Бекки еще ниже склонила голову и горько заплакала.

— Я ничего не могла поделать. Это был единственный выход. Я не смею признаться мужу. Он убьет меня, если я скажу ему, что я наделала. Я скрывала это от всех, кроме вас, а вы вынудили меня признаться. Ах, что мне делать, лорд Стэйн? Я так несчастна, так несчастна!

Лорд Стэйн в ответ только барабанил по столу пальцами и покусывал ногти. Наконец нахлобучил шляпу и выбежал из комнаты. Ребекка не изменила своей приниженной позы, пока дверь не захлопнулась за ним и карета его не покатила от подъезда. Тогда она встала, и зеленые глаза ее сверкнули странным выражением победоносной злобы. Раздумывая, она раза два сама с собой расхохоталась; а потом, сев за фортепьяно, разыграла на клавишах такую бравурную импровизацию, что прохожие останавливались под окнами послушать ее блестящую игру.

В тот же вечер маленькой женщине принесли из Гаунт-Хауса два письма: в одном заключалась пригласительная карточка лорда и леди Стэйн на обед в Гаунт-Хаусе в будущую пятницу, в другом был заклеен лоскуточек серой бумаги, украшенный подписью лорда Стэйна и снабженный адресом гг. Джонса, Броуна и Робинсона, на Ломбард-стрит.

Раудон слышал, как ночью Бекки раза два принималась смеяться. Она сказала, что ей так весело от радости, что она поедет в Гаунт-Хаус и встретится лицом к лицу с тамошними дамами. Но на самом деле ее занимали и многие другие мысли. Расплатиться ли ей окончательно со старухой Бриггс и отпустить ее? Удивить ли Рэггаса, расчи-

¹ Беседам с глазу на глаз (*фр.*).

*Остановившись у банка гг. Джонса и Робинсона, она предъявила документ
восседавшему за конторкой должностному лицу, которое в ответ задало ей вопрос:
какими деньгами ей угодно получить?*

тавшись с ним? Все эти мысли Бекки перебирала, лежа на подушках, и на следующий день, когда Раудон отправился утром в клуб, миссис Кроули (в скромном одеянии и под вуалью) покатила на извозчике в Сити. Остановившись у банка гг. Джонса и Робинсона, она предъявила документ восседавшему за конторкой должностному лицу, которое в ответ задало ей вопрос: какими деньгами ей угодно получить?

Она скромно заявила, что «сто пятьдесят фунтов желала бы получить мелкими купюрами, а остальное одним банковым билетом». Затем, пройдя оградой собора св. Павла, зашла в магазин и купила самое лучшее черное шелковое платье для Бриггс, какое нашлось; после чего с поцелуями и нежнейшими словами преподнесла его простодушной старой деве.

Затем Бекки отправилась к мистеру Рэггласу, приветливо расспросила о его детях и дала ему в счет долга пятьдесят фунтов. Потом побывала у каретника, у которого нанимала экипаж, и облагодетельствовала и его такую же суммой.

— Надеюсь, это послужит вам уроком, Спэвин, — сказала она, — и при следующем высочайшем приеме моему брату сэру Питту не придется тесниться и везти нас всех четверых в своей карете только из-за того, что мой экипаж не был подан.

По-видимому, при прошлой поездке на высочайший прием произошло какое-то недоразумение. А отсюда и то унижение, которому чуть не подвергся полковник, вынужденный явиться к своему государю в наемном кэбе.

По завершении этих хозяйственных дел Бекки отправилась наверх к вышеупомянутой шкатулке, подаренной ей много, много лет назад Амелией Седли и заключающей в себе множество полезных и ценных вещиц; в этот сокровенный музей она поместила крупный банковый билет, выданный ей кассиром гг. Джонса и Робинсона.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА XLIX, в которой мы вкушаем три блюда и десерт

Когда в это утро хозяйки Гаунт-Хауса сидели за завтраком, лорд Стэйн (он пил шоколад у себя, редко тревожил обитательниц дома и видел их только в дни, когда съезжались гости, или встречаясь в вестибюле, или же поглядывал на них в опере из ложи бенуара, когда они появлялись в своей ложе в бельэтаже), его милость, говорим мы, появился в это утро, среди дам и детей, собравшихся за чаем с поджаренными гренками, и тут произошло генеральное сражение из-за Ребекки.

— Миледи Стэйн, — сказал он, — я желаю видеть список приглашений на ваш обед в пятницу; и я желаю, чтобы вы написали карточку полковнику и миссис Кроули.

— Их пишет Бланш, — поспешно ответила леди Стэйн. — Их пишет леди Гаунт.

— Я не желаю писать этой особе, — заявила леди Гаунт, высокая, пышная дама, на секунду взглянув на милорда, и

сейчас же снова опустила глаза. Не так-то приятно было тем, кто вызвал гнев милорда Стэйна, встретиться с ним взглядом.

— Вышлите детей из комнаты. Ступайте! — приказал маркиз, дергая шнурок сонетки. Детишки, всегда боявшиеся деда, исчезли, мать хотела последовать за ними. — Нет, вы не уходите, — сказал он. — Вы оставайтесь. Миледи Стэйн, — продолжал он, — еще раз прошу вас подойти к письменному столу и написать это приглашение на обед в пятницу...

— Милорд, я не буду присутствовать на нем, — ответила леди Гаунт. — Я уеду домой.

— Очень буду рад и желал бы, чтобы вы там и остались. Судебные приставы у Бэракров составят вам приятную компанию, а я избавлюсь от необходимости давать деньги вашим родственникам и от ваших проклятых трагических выходов. Кто вы такая, чтобы распоряжаться здесь? Денег у вас нет. Ума тоже. Вас взяли для того, чтобы вы рожали детей, но вы не сумели сделать даже этого. Гаунту вы надоели, и единственная изо всей семьи жена Джорджа еще не желает вашей смерти. Гаунт женился бы вторично, если бы вы умерли.

— Я и сама хотела бы умереть, — ответила ее милость, и глаза ее сверкнули гневными слезами.

— Вы, разумеется, должны разыгрывать из себя добродетель, хотя моя жена — а всем известно, что она непорочная святая и за всю жизнь не сделала ничего дурного, — не возражает, однако, против приема моей молодой приятельницы, миссис Кроули. Миледи Стэйн знает, что иногда видимость говорит против самых лучших женщин, что ложь и клевета часто преследуют невиннейших из них. Пожалуйста, миледи, не хотите ли, я расскажу вам несколько анекдотиков о вашей мамаше, леди Бэакрсе?

— Вы можете оскорблять меня, сэр, и наносить мне всякие жестокие удары, если вам это нравится, — промолвила леди Гаунт. Вид мучений жены и невестки всегда приводил милорда в хорошее настроение.

— Милая моя Бланш, — ответил он, — я джентльмен и поднимаю руку на женщин только для того, чтобы их ласкать. Я только хочу исправить маленькие недостатки в вашем характере. Вы, женщины, слишком заносчивы и совершенно обделены смирением, и, я уверен, отец Моль указал бы на это миледи Стэйн, будь он здесь. Вам незачем напускать на себя важность: вы должны быть кротки и смиренны, мои милочки. Ведь леди Стэйн знает, что эта оклеветанная, наивная и добродушная миссис Кроули совершенно невинна, — даже невиннее ее самой. Личность ее супруга не особенно почтенна, но он не хуже Бэакрса, который не много играл и очень много не платил, растратил единственное имущество, которое могло вам достаться, и оставил вас нищею на мое попечение. Конечно, миссис Кроули не особенно высокого происхождения, но едва ли она по рождению ниже, чем знаменитый предок Фанни, первый де ля Джонс.

— Деньги, которые я принесла в семью, сэр... — воскликнула леди Джордж.

— Вы купили на них долю во всех правах, принадлежащих нашему роду, — мрачно отозвался маркиз. — Если Гаунт умрет, все его титулы достанутся вашему мужу; ваши сыновья унаследуют их, да мало ли что еще, кроме этого. Пока что, миледи, можете сколько угодно напускать на себя важности и добродетели перед другими, но передо мной не задавайте тона. А что касается личности миссис Кроули, то я не стану унижать себя и эту безупречную и совершенно безукоризненную особу даже намеком на то, что она будто бы нуждается в защите. И вы будете любезны принять ее с величайшим радушием, как должны принимать всех, кого я приглашаю в этот дом. Этот дом? — Он расхохотался. — Кто хозяин в этом доме? И что такое он собою представляет? Этот храм добродетели принадлежит мне. И если я приглашу сюда всех обитателей Ньюгетской тюрьмы или Бедлама¹, то вы примете любезно и их, черт возьми.

¹ *Бедлам* — дом для умалишенных в Лондоне.

После этого энергичного внушения — в таком духе лорд Стэйн расправлялся со своим «гаремом», когда под его кровом обнаруживались признаки возмущения, — оробевшим женщинам ничего не оставалось, как повиноваться. Леди Гаунт написала требуемое его милостью приглашение и вместе со свекровью поехала, с горечью и обидой в сердце, завезти миссис Раудон визитные карточки, получение которых доставило этой наивной особе такое удовольствие.

В Лондоне немало семей, которые пожертвовали бы своим годовым доходом, лишь бы удостоиться такой чести от столь знатных особ. Миссис Фредерик Буллок, например, проползла бы на коленях от Мейфэра до Ломбард-стрит, если бы леди Стэйн и леди Гаунт поджидали ее в Сити, чтобы поднять и сказать: «Приезжайте к нам в будущую пятницу», не на большое собрание и торжественный бал в Гаунт-Хаусе, на которые съезжался весь город, а на одну из священных, недоступных, таинственных, прелестных вечеринок, приглашение на которые считалось привилегией, честью, подлинным счастьем.

Строгая, безупречная и красивая леди Гаунт занимала почетнейшее место на ярмарке тщеславия. Отменная любезность, с какою лорд Стэйн относился к ней при посторонних, пленяла всех, бывших тому свидетелями, и заставляла самых строгих критиков признавать его милость совершенным джентльменом и соглашаться, что, по крайней мере, сердце у него находится там, где полагается.

Для отражения общего врага хозяйки Гаунт-Хауса призвали на помощь леди Бэракс. Один из экипажей леди Гаунт отправился на Билль-стрит за матерью ее милости, так как все собственные экипажи старухи были в руках судебных приставов, а драгоценности и платья, по слухам, были конфискованы неумолимыми израильтянами. Они же завладели и замком Бэраксов, с его драгоценными картинами, мебелью и безделушками, с великолепными ван Дейками, благородными картинами Рейнольдса, с прелестными нарядными портретами Лауренса, тридцать лет тому назад ценившимися как произведения подлинного гения, с бесподобной «Танцующей нимфой» работы Кановы, для которой в юности позировала сама леди Бэракс, тогда блиставшая красотой, богатством и знатностью, а теперь превратившаяся в беззубую, лысую старуху — в затасканный лоскут, оставшийся от прежнего роскошного платья. Супруг ее, изображенный в то же время Лауренсом в мундире полковника Систльвудской народной милиции, размахивающим саблей перед фасадом Бэракерского замка, стал высохшим, худеньким старичком в длиннополом сюртуке и парике *à la Brutus*¹. По утрам он бродил возле Грэйс-Инна и обедал в одиночестве в клубах. Он не любил теперь обедать со Стэйном. В юности они вместе состязались на поприще удовольствий, и тогда победа оставалась за Бэраксом. Но Стэйн был крепче его и оставил его за флагом. Маркиз сейчас был в десять раз богаче, чем юный лорд Гаунт в 1785-м году, а Бэракс остался без места в скачке — старый, разбитый, разорившийся и одряхлевший. Он слишком много перебрал займы денег у Стэйна, чтобы находить удовольствие в частых встречах со старым приятелем. Последний, желая повеселиться, насмешливо спрашивал леди Гаунт, почему отец не приезжает ее навестить.

— Он не был здесь четыре месяца, — говорил лорд Стэйн. — Я всегда могу проследить по своей чековой книжке, когда виделся с Бэраксом. Если бы вы знали, милые дамы, какое это удобство, что я являюсь банкиром для тестя одного из моих сыновей, а тесть другого, в свою очередь, является банкиром для меня.

¹ В подражание Бруту (его прическе) (*фр.*).

О других именитых особах, с которыми Бекки имела честь встретиться при этом первом своем вступлении в большой свет, здесь неуместно особенно распространяться. Был здесь его светлость князь Петерварадин с супругою: туго перетянутый вельможа, с широкой военной грудью, на которой ослепительно блистала звезда его княжества, а на шее болталась красная лента Золотого руна. Он владел бесчисленными стадами овец.

— Посмотрите на его лицо! Мне кажется, он сам сродни баранам, — шепнула Бекки лорду Стэйну.

И действительно, лицо его светлости, длинное, торжественное и белое, с болтавшимся у шеи орденом, имело некоторое сходство с физиономией почтенного барана, шествующего с колокольчиком впереди стада.

Присутствовал также мистер Джон Поль Джефферсон Джонс, числившийся при американском посольстве и состоявший корреспондентом «Нью-Йоркского демагога». Желая быть приятным в обществе, он спросил леди Стэйн, во время заминки разговора за обедом, нравится ли его дорогому другу Джорджу Гаунту Бразилия. Он был очень близок с Джорджем в Неаполе, и они вместе взбирались на Везувий. Мистер Джонс написал об этом обеде полный и подробный отчет, появившийся своевременно в «Демагоге». Он перечислил в нем фамилии и титулы всех гостей, сообщив краткие биографии важнейших из них. С большим красноречием описал наружность дам, обеденный сервиз, рост и ливреи прислуги, перечислил все подававшиеся блюда и вина, украшения на буфете, привел приблизительную стоимость серебра. По его расчетам, такой обед мог обойтись не дешевле пятнадцати — восемнадцати долларов с персоны. И он до самого последнего времени посылал из Америки своих протеже с рекомендательными письмами к теперешнему маркизу Стэйну, считая себя вправе поступать так ввиду коротких отношений, в которых он находился с дорогим своим другом, покойным лордом. Мистер Джонс сильно негодовал, что какой-то молодой и незначительный аристократ, граф Соусдаун, перебил ему дорогу, когда процессия двинулась в столовую. «Как раз в ту минуту, когда я шел предложить руку весьма приятной и остроумной даме, блестящей и единственной в своем роде миссис Раудон Кроуи, — писал он, — юный патриций встал между мною и этой леди и увлек за собой мою прекрасную Елену, даже не извинившись. Я вынужден был составлять арьергард в паре с полковником, супругом названной леди — представительным цветущим воином, отличившимся под Ватерлоо, где счастье благоприятствовало ему больше, чем многим его красно-мундирным собратьям в Новом Орлеане».

Полковник, очутившись в этом избранном обществе, краснел столь же часто, как шестнадцатилетний мальчик, попавший в круг школьных подруг сестры. Мы уже говорили, что почтенный Раудон ни в один из периодов своей жизни не был поклонником дамского общества. С мужчинами, в клубах или офицерских столовых он был не хуже других, готов был ездить верхом, держать пари, курить, играть на бильярде с самыми развязными смельчаками. Было время, когда и он водил дружбу с женщинами; но тому минуло уже двадцать лет, да и дамы принадлежали к тому сорту, с которыми молодой Марло из известной комедии поддерживал интимность до того времени, как оробел в присутствии мисс Гардкэстль. По нынешним временам едва ли кто-нибудь осмелится упомянуть о подобном обществе, хотя тысячи молодых людей на ярмарке тщеславия посещают его ежедневно, хотя оно каждый вечер переполняет разные казино и танцклассы, и существование его известно так же хорошо, как Ринга в

Гайд-парке или конгрегации в Сент-Джеймсе, но чрезвычайно щепетильно, если не особенно нравственное общество наше решило его игнорировать. Словом, несмотря на то, что полковнику Кроули уже стукнуло сорок пять лет, за всю жизнь ему не довелось входить в общение и с полудюжиной порядочных женщин, помимо несравненной своей супруги. За исключением жены и доброй невестки леди Джейн, кроткий нрав которой приручил полковника и завоевал ей его привязанность, все женщины наводили на него страх, и, присутствуя в первый раз на обеде в Гаунт-Хаусе, он не проронил ни одного слова, если не считать замечания о том, что погода стоит очень жаркая. Разумеется, Бекки могла бы оставить его дома, но эта воплощенная добродетель приказала супругу находиться при ней и охранять робкое и трепещущее создание во время первого ее вступления в большой свет.

При появлении Бекки лорд Стэйн двинулся ей навстречу, взял за руку и, поклонившись с изысканной любезностью, представил ее леди Стэйн и своим невестам. Их милости сделали три церемонных реверанса, а старшая леди, конечно, протянула руку новой знакомой, но эта рука была холодна и безжизненна, как мрамор.

Тем не менее Бекки взяла ее с благодарным смирением и, отвесив глубокий реверанс, который сделал бы честь лучшему танцмейстеру, распласталась, так сказать, у ног леди Стэйн: она заявила, что его милость был самым ранним другом и покровителем ее отца и что она, Бекки, научилась чтить и уважать фамилию Стэйн с первых дней детства. На самом деле лорд Стэйн однажды купил две картины у покойного Шарпа, и любящая сиротка никогда не могла позабыть своей признательности за эту милость.

Затем испытанию миссис Бекки подверглась леди Бэракс, — полковница и ей отвесила почтительнейший поклон; высокопоставленная особа ответила на него с суровым достоинством.

— Я имела удовольствие познакомиться с вашей милостью десять лет тому назад в Брюсселе, — сказала Бекки самым чарующим тоном. — Я имела счастье встретиться с леди Бэракс на балу у герцогини Ричмондской накануне Ватерлооской битвы. И я помню, как ваша милость и ваша дочь, миледи Бланш, сидели в карете у ворот гостиницы, поджидая лошадей. Надеюсь, бриллианты миледи остались целы?

Все присутствующие переглянулись. Знаменитые бриллианты, по-видимому, подверглись не менее знаменитому аресту, о чем Бекки, конечно, не знала. Раудон Кроули отошел с лордом Соусдауном к окну, и слышно было, как последний громко хохотал, когда Раудон рассказывал ему историю о леди Бэракс, ожидающей лошадей, и о том, как «ее, черт побери, здорово отдалала» миссис Кроули.

«Пожалуй, этой женщины мне нечего бояться», — подумала Бекки. И действительно, леди Бэракс обменялась испуганными и злобными взглядами с дочерью и, отойдя к столу, принялась с большим усердием рассматривать картины.

Когда появился дунайский владетельный князь, разговор перешел на французский язык, и леди Бэракс вместе с младшими хозяйками дома, к вящему своему посрамлению, должна была признать, что миссис Кроули владеет этим языком гораздо лучше них, да и выговор ее гораздо чище. Бекки встречалась с другими венгерскими магнатами, находившимися при французской армии в 1816–1817 гг. Она с большим интересом расспрашивала о своих знакомых. Знатные иностранцы приняли ее за очень высокопоставленную особу, и князь и княгиня несколько раз осведомлялись

у лорда Стэйна и у маркизы, с которыми шли к столу, кто эта *petite dame*¹ что так хорошо говорит.

Наконец, после того как процессия составила в порядке, описанном американским дипломатом, гости двинулись в апартамент, где был сервирован банкет, а так как

я пообещал читателю, что и он сможет им насладиться, то ему предоставляется свобода самому составить меню, сообразно своему вкусу.

Когда же дамы остались одни, Бекки почувствовала, что сейчас начнется свалка. И действительно, маленькая женщина оказалась в таком положении, что должна была признать правоту лорда Стэйна, предостерегавшего ее от общения с дамами, стоявшими выше нее по общественному положению. Подобно тому как, говорят, никто так не ненавидит ирландцев, как сами же ирландцы, так и женщин больше всего тиранят сами женщины. Когда бедняжка Бекки, оставшись одна с дамами, подошла к камину, где расположились знатные леди, они поднялись и завладели столом, на котором лежали альбомы. Когда Бекки последовала за ними к столу с альбомами, знатные леди одна за другой опять перебрались к камину. Она попробовала заговорить с

¹ Дамочка (*фр.*).

одним из мальчиков (она всегда проявляла любовь к детям на людях), но мамаша немедленно подозвала к себе мастера Джорджа Гаунта; в конце концов с новой знакомой знатные дамы обошлись так жестоко, что даже леди Стэйн сама пожалела ее и, подойдя, заговорила с маленькою отвергнутой женщиной.

— Лорд Стэйн, — начала миледи, и бледные щеки ее вспыхнули румянцем, — говорил мне, что вы прекрасно играете и поете, миссис Кроули. Не окажете ли вы мне любезность спеть что-нибудь?

— Я готова сделать что угодно, лишь бы доставить удовольствие лорду Стэйну или вам, — ответила Ребекка с искренней признательностью и, сев за фортепьяно, запела.

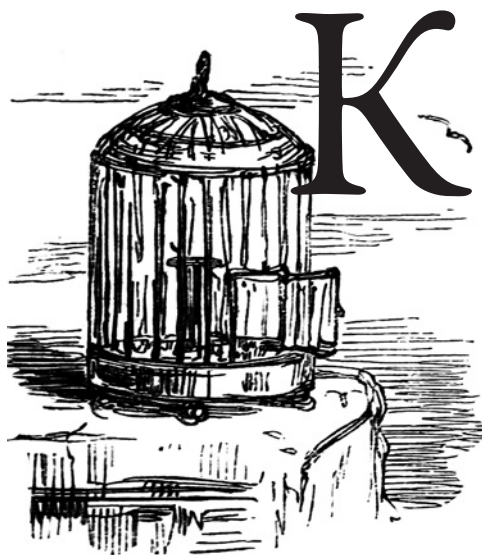
Она пела религиозные песни Моцарта, издавна любимые леди Стэйн, и пела их с такой нежностью и мягкостью, что миледи, остановившаяся около фортепьяно, тут же села и заслушалась до того, что слезы потекли у нее из глаз. Правда, дамы из оппозиции, собравшиеся в другом конце комнаты, продолжали громко болтать и шуметь, но леди Стэйн не слышала этого шума. Она превратилась опять в ребенка и вернулась сквозь чащу истекших сорока лет в монастырский сад. Те же звуки издавал когда-то церковный орган, когда сестра-органистка, которую она любила больше всех в общине, учила ее играть на нем в те далекие счастливые дни. Маркиза опять чувствовала себя девочкой, и краткий период счастья снова расцвел перед нею на часок, — она вздрогнула, когда распахнулись скрипучие двери и под громкий смех лорда Стэйна вошли мужчины, сильно навеселе.

Милорд с первого же взгляда понял все происшедшее за его отсутствие и в первый раз почувствовал благодарность к жене. Он подошел и заговорил, назвав ее по имени, чем снова вызвал румянец на ее бледном лице.

— Жена говорит, что вы пели, как ангел, — сказал он Бекки. — Правда, ангелы бывают двух сортов, но каждый из этих сортов по-своему очарователен.

Какова бы ни была первая половина вечера, конец его явился большим триумфом для Бекки. Она старалась петь как можно лучше и пела настолько хорошо, что все до одного мужчины столпились у фортепьяно. Женщины, ее враги, оказались в одиночестве. И мистер Поль Джефферсон Джонс остался в уверенности, что завоевал симпатии леди Гаунт тем, что, подойдя к ее милости, принялся расхваливать первоклассное пение ее приятельницы.

ГЛАВА I,
закрывающая описание одного заурядного события

Кто бы ни была муза, имеющая наблюдение за этой комической историей, мы должны попросить ее спуститься с благородных высот, где она доселе парила, и проникнуть под скромный кров Джона Седли в Бромптоне, дабы описать происходящие там события. И здёсь, в этом скромном убежище, тоже живут заботы, сомнения и страх. Миссис Клапп в кухне тайком ворчит на мужа из-за просроченной квартирной платы и настраивает добряка возмутиться против своего старого приятеля и патрона, а теперешнего жильца. Миссис Седли перестала навещать свою хозяйку в подвальных ее владениях; и в самом деле, она уже не в таком положении, чтобы покровительствовать миссис Клапп. Как можно относиться с терпимостью к женщине, которой вы должны что-то около сорока фунтов и которая бросает намеки о неуплаченных деньгах? Горничная-ирландка по-прежнему ведет себя кротко и почтительно, но миссис Седли кажется, что она стала груба и неблагодарна, и как вору в каждом кусте мерещится полицейский, так и старуха во всех речах и ответах горничной усматривает грозные намеки и признаки своеволия. Мисс Клапп, превратившуюся в молодую девушку, озлобленная старуха объявила несносной и бесстыдной жеманницей. Как Амелия может любить ее, пускать ее на столько времени к себе в комнату или постоянно гулять с нею, — миссис Седли этого не может понять. Горечь бедности отравила жизнь когда-то веселой и доброй женщины. Она не питает благодарности к Амелии за ее постоянное внимание и доброту; она придирается, глядя на старания дочери услужить ей; издевается над ее глупой гордостью сыном и язвит за пренебрежение к родителям. Дом стал для Джорджи совсем невеселым с тех пор, как дядя Джоз перестал присылать переводы и маленькая семья живет почти на голодной диете.

Амелия думает и думает, без конца терзает голову, изыскивая способы увеличить ничтожные средства, на которые семья скорее голодает, чем кормится. Не может ли она давать какие-нибудь уроки? Рисовать на продажу картинки? Или вышивать? Она узнает, что женщины за тяжкую швейную работу и более искусную, чем та, на какую способна она, получают не свыше двух пенсов в день. Она покупает в эстампном магазине два золотообрезных бристолевских картона и разрисовывает их как можно лучше: на одном изображает пастушка в красном камзоле, с розовым лицом, смеющегося посредине пейзажа, намеченного карандашом; на другом — пастушку, переходящую мостик, в сопровождении собачки, старательно растушеванной. Джентльмен, заведующий Хранилищем фантазии и бромптонским эмпориумом¹ изящных искусств (у которого она купила картоны в тщетной надежде, что он перекупит их, когда они будут украшены ее рукой), с трудом скрывает улыбку, рассматривая эти слабые произведения искусства. Он вопросительно смотрит на леди, ожидающую в магазине, снова заворачивает картоны в коричневатую бумагу и вручает их бедной вдове и мисс Клапп, никогда в жизни не выдавшей таких прелестных вещей и пребывавшей в глубокой уверенности, что торговец заплатит за них по меньшей мере двадцать гиней. Они обходят другие магазины в центральной части Лондона, и надежды их постепенно ослабевают. «Нам это не требуется», — говорят в одном месте. «Уходите», — сердито говорят в другом. Три шиллинга и шесть пенсов оказались истраченными понапрасну, — рисунки возвращаются в спальню мисс Клапп, продолжающей находить их прелестными.

После долгих размышлений и творческих усилий Амелия самым лучшим своим почерком пишет карточку; этой карточкою публика поставляется в известность, что «дама, располагающая свободным временем, желает заняться воспитанием нескольких девочек, обучая их английскому и французскому языкам, географии, истории и музыке. Адрес А. О. имеется у мистера Броуна». Карточку она вверяет хранителю изящных искусств, который милостиво соглашается на то, чтобы карточка валялась на прилавке, где она покрывается пылью и ее засиживают мухи. Амелия умышленно проходит несколько раз мимо двери в надежде, что мистер Броун сообщит ей хорошие вести; но он никогда не приглашает ее зайти. Когда же она заходит за какими-нибудь покупками, вестей никаких не оказывается. Бедная наивная женщина, нежная и беспомощная, тебе ли бороться с этим упрямым жестокосердым миром?

С каждым днем она становится все озабоченнее и грустнее и смотрит на сына так упорно и тревожно, что мальчик не может понять выражения ее глаз. Она вскакивает по ночам и тихонько прокрадывается в его комнату убедиться, что он спит, что его не похитили. Сама она спит теперь очень мало. Ее терзают неотвязные мысли и страх. Она плачет и молится в долгие безмолвные ночи, — как она старается скрыть от самой себя страшную мысль, постоянно возвращающуюся к ней! — она должна расстаться с сыном, она единственная преграда между ним и богатством. Она не может, она не может! Во всяком случае, не сейчас. Когда-нибудь, со временем. Ах, как тяжело об этом думать и носить в себе эту мысль!

Приходит ей в голову и еще одна мысль, от которой она краснеет и отворачивается от самой себя: пусть родители возьмут ее пенсию, — викарий женится на ней и

¹ *Эмпориум* — то же, что эмпорий; в Древней Греции складочное место товаров; центр деятельности первоначально морских торговцев-эмпоров, затем вообще крупных коммерсантов, занимавшихся торговлей оптом, в особо устроенных бараках.

приютит ее с сыном. Но портрет Джорджа и драгоценная память о нем отвращают ее от этого плана. Стыд и любовь отвергают эту жертву. Она отступает от нее, как от чего-то нечистого, и такие мысли недолго держатся в ее непорочном и кротком сердце.

Борьба, которую мы описываем двумя-тремя фразами, длилась в сердце бедной Амелии много недель; в течение их она не имела возле себя близкого человека, да и не могла иметь, как не позволяла себе допустить возможность уступки, хотя ежедневно и отступала перед врагом, с которым ей приходилось бороться. Одна истина вслед за другой вставала перед ней и занимала твердые позиции. Бедность и нищета для всех, нужда и унижение для родителей, несправедливость по отношению к мальчику, — один за другим были взяты внешние укрепления маленькой крепости, в которой бедняжка страстно охраняла свою единственную любовь и сокровище.

В начале этой борьбы Амелия написала нежное письмо брату в Калькутту, умоляя его не лишать родителей обещанной поддержки, и в трогательных безыскусственных выражениях обрисовала их одиночество и беспомощность. Она не знала истинной сути дела. Джоз по-прежнему аккуратно высылал деньги, но получал их ростовщик в Сити: старик Седди продал ему право получения за наличные деньги, которые ему понадобились на безрассудные его затеи. Эмми с нетерпением высчитывала время, необходимое на то, чтобы письмо дошло до брата и от него пришел ответ. Она записала у себя в книжечке дату отправления письма. Опекуну сына, доброму майору, Эмми не сообщила в Мадрас о своих горестях и терзаниях. Она не писала ему с тех пор, как поздравила с предстоявшей свадьбой. С тяжелым унынием думала она, что этот друг — единственный, относившийся к ней с таким вниманием, — отпал от нее.

Однажды, когда дела сложились особенно скверно, когда кредиторы проявляли чрезвычайную настойчивость, мать истерически рыдала, отец был мрачнее обыкновенного, и члены семьи избегали друг друга, каждый втайне угнетаемый собственным своим несчастьем и сознанием беды, отец и дочь случайно остались одни; и Амелия, желая утешить старика, рассказала ему о том, что сделала. Она написала Джозефу, ответ должен прийти через три или четыре месяца. Он всегда был великодушен, хотя и беспечен. Он не откажет в помощи, узнав, в каких стесненных обстоятельствах живут его родители.

Тогда бедный старик открыл ей всю правду: сын по-прежнему высылает им деньги, но они не доходят до них благодаря его собственной опрометчивости. Он не смел сказать об этом раньше. Он подумал при виде растерянных, испуганных взглядов Амелии, когда он дрожащим, слабым голосом делал свои признания, что она упрекает его за скрытность.

— Ах, — промолвил он дрожащими губами и отвернулся, — ты теперь презираешь своего старика отца.

— О папа, совсем не то! — воскликнула Амелия, обнимая его и целуя много раз. — Вы всегда добры и ласковы. Вы поступили так, рассчитывая на лучшее. Дело не в деньгах, нет, нет... Боже мой, боже мой! Сжался надо мной, дай мне силы перенести это испытание. — Она опять с горячностью поцеловала его и убежала.

Но отец так и не понял ничего в этом объяснении и во взрыве отчаяния, заставившем ее убежать. Дело было в том, что Амелия оказалась сраженной. Приговор был произнесен. Сын должен уйти от нее к другим, забыть ее! Ее сердце и ее сокровище, ее радость, надежда, любовь, ее божество! Она должна отказаться от него; а по-

том — потом она уйдет к Джорджу, и они вдвоем будут охранять ребенка и ждать, пока и он не соединится с ними на небесах.

Она надела шляпу, почти не сознавая, что делает, и пошла по лужайке, по которой Джордж обычно возвращался из школы и куда она часто ходила встречать его. Стоял май, уроки в тот день кончались в двенадцать часов. Листья распускались, погода стояла чудесная: мальчуган подбежал к матери, напевая, пышущий здоровьем, со связкой книг, болтавшихся на ремешке. Вот он. Руки ее обвились вокруг него. Нет, это невозможно! Они не могут расстаться!

— В чем дело, мама? — спросил Джорджи. — Вы совсем побледнели.

— Ничего, дитя мое, — ответила она и, нагнувшись, поцеловала его.

В этот вечер Амелия заставила сына прочитать вслух историю Самуила о том, как мать его, Анна, отняв младенца от груди, снесла его к первосвященнику Или и посвятила на служение господу. И Джорджи прочел пропетую Анной благодарственную песнь; в ней говорится о том, кто делает людей богатыми и бедными, повергает их долу и возносит горе, о том, как бедные будут воздвигнуты из праха и как сам, своею волей, ни один человек не может быть силен. Потом Джорджи прочитал, как мать сшила Самуилу рубашку и дарила ему такие рубашки из года в год, когда приходила приносить ежегодную жертву. Потом с присущей ей мягкостью и простотой мать Джорджи стала пояснять ему этот трогательный рассказ. Как Анна, несмотря на сильную любовь к сыну, все же отдала его, согласно обету. И как она, наверное, все время думала о нем, сидя дома, вдали от него, и шила ему одежду. И Самуил, конечно, никогда не забывал матери: и как счастлива бывала Анна (годы ведь проходят быстро), когда наступало время свидания с сыном, и она убеждалась, каким умным и добрым он стал. Всю эту маленькую проповедь Эмми произнесла тихим торжественным голосом, с сухими глазами, пока не дошла до описания свидания Анны с сыном, — тут речь ее внезапно оборвалась, нежное сердечко переполнилось, и, прижав мальчика к груди, она принялась качать его, безмолвно плача и изнемогая от святых слез.

Решившись, вдова приступила к мерам, которые, по ее мнению, могли ускорить осуществление ее намерений. Однажды мисс Осборн на Рессель-сквере (Амелия уже целых десять лет не писала названия и номера дома, — юность, давно прошедшие дни промелькнули перед нею, пока она надписывала адрес), однажды мисс Осборн получила от Амелии письмо, заставившее ее сильно покраснеть и взглянуть на отца, мрачно сидевшего на другом конце стола.

В простых словах Амелия объясняла причины, побуждавшие ее изменить свое первоначальное решение относительно сына. Отца ее постигли новые несчастья, окончательно его разорившие. Ее собственные средства так ничтожны, что их едва хватит на то, чтоб поддерживать родителей, и она не сможет дать Джорджу тех выгод образования, на которые он вправе рассчитывать. Как ни велики будут ее страдания при разлуке с ним, она с божьей помощью перенесет их ради блага мальчика. Она знает, что те, кому она его отдает, сделают все зависящее от них для его счастья. Она описывала характер сына, каким он ей рисовался: живой, не выносит стеснений и резкости; легко поддается на любовь и ласку. В приписке она выражала желание иметь письменное удостоверение, что ей будет разрешено видаться с сыном так часто, как она того пожелает, — она не может расстаться с ним на других условиях.

— Что? Так, значит, миссис Гордость докатилась до последней ступеньки? — воскликнул старик Осборн, когда дочь дрожащим голосом прочитала ему письмо. —

Совсем, значит, умирает с голода? Ха-ха! Я так и знал, что этим кончится. — Он попытался сохранить достоинство и, по обычаю, принялся за газету, но не мог читать. Он прерывисто хихикал и бормотал ругательства, прикрывшись газетным листом.

Наконец он швырнул газету на пол и, по привычке сердито взглянув на дочь, вышел из столовой в примыкавший к ней кабинет; вскоре он вернулся с ключом и бросил его мисс Осборн.

— Приготовить комнату над моею, ту, что была его... — приказал он.

— Да, сэр, — вся дрожа, ответила дочь. То была комната Джорджа. Она не отпиралась больше десяти лет. Несколько костюмов Джорджа, носовых платков, бумаги, хлысты, шапки, удочки, охотничьи принадлежности все еще хранились в ней. Военный листок, выдававшийся личному составу армии в 1814 году, с написанной на обложке фамилией Джорджа; карманный словарь, к которому он прибегал, когда писал, Библия, подаренная ему матерью, лежали на камине; там же оказались пара шпор и покрытая десятилетней пылью чернильница с засохшими чернилами. Ах, сколько дней и людей отошло в вечность с того времени, когда чернила эти не были сухи! На столе еще лежал бювар с отпечатками его почерка на протечной бумаге.

Мисс Осборн сильно волновалась, когда впервые вошла в эту комнату с подначальными служанками. Сильно побледнев, она опустилась на узенькую кровать.

— Это счастливая весть, мэм, право, мэм, — говорила ключница. — Опять станут прежние хорошие времена, мэм. А какой, верно, чудесный мальчик, мэм. Вот счастливчик-то! Но некоторые люди в Мейфэре будут сердиты на него, мэм. — Она отщелкнула задвижку, державшую оконную раму, и струя свежего воздуха ворвалась в комнату.

— Пошлите этой женщине денег, — сказал перед уходом мистер Осборн. — Она не должна ни в чем нуждаться. Пошлите ей сто фунтов.

— Можно мне завтра к ней съездить? — спросила мисс Осборн.

— Это ваше дело. Но помните, сюда она не должна являться. Нет, черт побери, хотя бы мне за это предлагали все деньги, какие есть в Лондоне. Но отныне она не должна ни в чем нуждаться. Значит, устройте все, как следует.

Вслед за этой краткой речью мистер Осборн простился с дочерью и отправился, по обыкновению, в Сити.

— Вот вам, папа, немножко денег, — сказала в тот же вечер Амелия, целуя старика отца, и сунула ему в руку стофунтовый билет. — И... и не будьте строги с Джорджи, мама! Он... он недолго останется с нами. — Больше она ничего не могла выговорить и молча ушла к себе. Позвольте же и нам затворить за нею дверь и предоставить ей предаваться горести и молитвам. Я думаю, нам лучше не распространяться о такой большой любви и о таком большом горе.

Мисс Осборн на следующий же день приехала повидаться с Амелией, как обещала в посланной ей записке. Они встретились дружески. Один взгляд на мисс Осборн и несколько сказанных ею слов показали несчастной вдове, что в отношении этой женщины, во всяком случае, она может быть спокойна, — не ей отвоевать первое место в привязанностях ее сына. Она была холодна, сентиментальна, незла. Пожалуй, Амелия была бы не так довольна, если бы соперница оказалась красивее, моложе, приветливее и сердечнее. Со своей стороны, мисс Осборн вспоминала старину и все минувшее и не могла не растрогаться при виде плачевной обстановки, в которой жила бедная мать. Амелию это расположило в ее пользу, и она как бы сложила ору-

жие — покорно подчинилась. В этот же день они совместно установили предварительные условия капитуляции.

На следующий день Джорджа взяли из школы для свидания с теткой. Амелия оставила их вдвоем и удалилась к себе. Она приспособливалась к разлуке: как бедная кроткая леди Джейн Грей¹ ощупывала лезвие топора, который должен был упасть и пресечь ее хрупкую жизнь. Дни проходили в переговорах, свиданиях, приготовлениях. Вдова с большими предосторожностями сообщила Джорджу о предстоящей перемене; она боялась, что он очень огорчится, когда все поймет. Но он скорее обрадовался, чем огорчился, и бедная женщина ушла от него опечаленная. Джорджи в тот же день рассказал новость школьным товарищам; рассказал, что будет жить с бабушкой, отцом своего отца, а не с тем, который иногда сюда приходит; что он будет очень богат, получит пони, экипаж, перейдет в другую школу, лучше этой, и, когда разбогатеет, купит у Лидера пенал и рассчитается с пирожницей. «Мальчик — вылитый отец», — подумала любящая мать.

Право, у меня не хватает духа, глядя на скорбь Амелии, описывать последние дни пребывания Джорджа дома.

Настал наконец роковой день, подъехал экипаж, скромные сверточки, заключающие дары любви и нежной памяти, давно уже были готовы и снесены в прихожую. Джорджи облекся в новый костюм, для изготовления которого портной приезжал снимать мерку. Мальчик вскочил вместе с солнцем и нарядился в новое платье, в соседней комнате мать в безмолвной скорби прислушивалась к его движениям. Она уже много дней готовилась к окончательной разлуке: покупала мальчику разные мелочи, переметила его белье, надписала книги, разговаривала с ним, стараясь подготовить к перемене, любовно воображая, будто его нужно к ней подготовить.

Была бы перемена — остальное его не заботило. Он жаждал перемены. Тысячей оживленных заявлений о том, что сделает, когда будет жить с бабушкой, он доказывал бедной вдове, как мало угнетает его мысль о разлуке. Ведь он часто будет приезжать на пони повидаться с мамой, говорил он, будет приезжать за ней в экипаже, повезет ее кататься по Парку, и у нее будет все, что она захочет. Бедной матери приходилось довольствоваться этими эгоистическими изъявлениями привязанности, и она пыталась убедить себя в горячей любви сына. Ведь должен же он любить ее. Все дети таковы: падки до новизны и... нет, не эгоистичны, а своевольны. Конечно, ее сын должен иметь и радости и честолюбивые планы. Она сама своей безоглядной любовью и эгоизмом лишила его до сих пор принадлежащих ему по справедливости прав и удовольствий.

Немного найдется вещей, более трогательных, чем робкое женское самоотречение и уничтожение. С какою готовностью сознается женщина, что вина лежит на ней, а не на мужчине, приписывает все недостатки себе, как домогается принять на себя кару за провинности, которых не совершала, и защищает истинного виновника.

¹ *Джейн Грей* (1537–1554) — некоронованная королева Англии с 10 по 19 июля 1553 г., в народном предании — «королева девяти дней». Правнучка короля Генриха VII. При жизни короля Эдуарда VI, будучи четвертой в очереди престолонаследия, она имела лишь призрачные шансы прийти к власти: наследницей короля-подростка была его старшая сестра Мария. Девять дней спустя Тайный совет, оценив соотношение сил, низложил Джейн и призвал на трон Марию. Джейн Грей и ее муж были заключены в Тауэр, приговорены к смерти за измену и семь месяцев спустя обезглавлены.

Маленький оборванец попросил у них милостыни, лакей, несший молитвенники, стал его прогонять, но Джорджи остановился и дал нищему монету

И как раз те, что обижают женщин, видят от них доброты больше, чем другие. Женщины от природы склонны к робости и тирании и терзают тех, кто смиренно преклоняется перед ними.

Так бедняжка Амелия приготовилась молча выстрадать разлуку с сыном и провела много, много бесконечных часов, готовясь к развязке. Джордж вертелся около матери, наблюдая за сборами без малейшего волнения. Слезы падали в его коробочки; в любимых им книгах подчеркивались избранные места; старые игрушки, священные памятки, разные детские сокровища отбирались от него и укладывались с необычайной заботливостью и аккуратностью, — и ничего этот мальчик не замечал. Дитя уходит с улыбкой, в то время как у матери разрывается сердце. Клянусь небом, печальное зрелище представляет собою на ярмарке тщеславия безответная материнская любовь!

Прошло несколько дней, и великое событие в жизни Амелии совершилось. Ни один ангел не заступился за нее. Дитя принесено в жертву року; вдова отдана во власть полному одиночеству.

Мальчик, правда, часто приезжает повидаться с нею. Он приезжает верхом на пони, в сопровождении кучера, к восторгу старого дедушки Седли, который с гордостью провожает его через весь луг. Амелия видается с сыном, но это уже не ее мальчик. Он ездит и в школу, показаться товарищам, похвастаться перед ними своим богатством и пышностью. За два дня он успел усвоить пренебрежительно-повелительный тон и покровительственные манеры. «Он рожден повелевать так же, как и его отец», — думает мать.

Стоит прекрасная погода. По вечерам в те дни, когда Джорджи не приезжает, Амелия предпринимает далекую прогулку в центр Лондона, — да, она добирается до Рессель-сквера, садится на камень у садовой решетки против дома мистера Осборна. Здесь так приятно и прохладно. Она смотрит вверх и видит освещенные окна гостиной, а около девяти часов освещается комната в верхнем этаже, где спит Джорджи. Она это знает, — он рассказал ей. Она молится здесь, когда свет гаснет, молится от всего смиренного сердца и возвращается домой, сгорбленная, безгласная. Домой она приходит очень усталая. Может быть, она будет лучше спать благодаря этой далекой, утомительной прогулке и, может быть, увидит во сне Джорджи.

Однажды в воскресенье случилось так, что Амелия прогуливалась по Рессель-скверу, неподалеку от дома мистера Осборна (но так, что все время видела этот дом); вдруг зазвонили воскресные колокола, и Джордж вышел с теткой, чтоб отправиться в церковь; маленький оборванец попросил у них милостыни, лакей, несший молитвенники, стал его прогонять, но Джорджи остановился и дал нищему монету. Да будет благословение божие над мальчиком! Эмми обежала вокруг сквера и, подойдя к нищему, тоже дала ему свою лепту. Звонили все воскресные колокола, Амелия последовала за сыном до церкви воспитательного дома и вошла туда. Здесь она выбрала место, откуда ей видна была голова сына, а над нею высился памятник его отца. Сотни свежих детских голосов пели славословия всеблатому отцу, и душа маленького Джорджи трепетала от восторга при звуках торжественного песнопения. Глаза матери заволоклись туманом, и она на несколько мгновений потеряла мальчика из виду.

ГЛАВА II,
в которой разыгрывается шарада, затруднительная, а может быть,
и незатруднительная для читателя

После того как Бекки проникла на интимные великосветские вечера милорда Стэйна, претензии этой почтенной дамы на аристократизм получили окончательное освящение; самые важные и самые высокие двери в столице не замедлили раскрыться перед нею, — двери, такие важные и высокие, что нам с вами, любезный читатель, никогда в них не проникнуть. Дорогие братья, пусть трепет объемлет нас перед этими величественными подъездами! Они рисуются мне охраняемыми ливрейными лакеями со сверкающими серебряными вилами, которыми они пронзают всех, не имеющих права на *entrée*¹. Говорят, почтенные газетчики, сидящие в вестибюле и записывающие фамилии именитых гостей, приглашенных на пиршество, умирают в самом непродолжительном времени. Они не выдерживают сияния великосветскости. Блеск ее сжигает их, как появление

Юпитера в полном параде сразило неосторожную бедняжку Семелу², — ветренный мотылек, она сама погубила себя, отважившись выйти за пределы своей естественной атмосферы. Миф о Семеле следовало бы заучивать наизусть всем поклонникам Тибурнии и Бельгравии, чтобы всегда помнить ее историю, а может, и историю Бекки тоже. Ах, леди! спросите достопочтенного мистера Серифера, и он скажет, что Бель-

¹ Вход (*фр.*).

² Семела — дочь мифического основателя Фив Кадма, возлюбленная Зевса, пожелала увидеть Зевса во всем его величии и стореда, когда он предстал пред нею в пламени перунов.

гравия — медь звенящая, а Тибурния — кимвал¹ бряцающий! Все это суета. Даже и это скоропреходяще. И рано или поздно (но, слава богу, случится это после нас) сады Гайд-парка будут известны не больше чем знаменитые сады окрестностей Вавилона, а Бельгрэв-сквер будет так же безлюден, как Бейкер-стрит или Тадмор² в пустыне.

Милостивые государины, известно ли вам, что великий Питт жил на Бейкер-стрит? Чего бы не дали ваши бабушки, чтоб получить приглашение на вечер к леди Эстер в ныне обветшалом доме! А я там обедал — *moi qui vous parle*³. Я населял столовую призраками великих покойников. Когда мы скромно восседали там за кларетом, духи усопших вошли и заняли свои места за темным столом. Кормчий, выдержавший бурю, осушал большие кубки воображаемого портвейна; тень Дондаса⁴ не отставала от него ни на единый призрачный недопитый стакан. Эддингтон⁵ раскланивался, жутко улыбаясь, и не мешкал, когда бесшумная бутылка обходила круг; Скотт⁶ из-под густых бровей подмигивал призрачным приятелям, появлявшимся на фланге; Уильберфорс закатывал глаза к потолку и, казалось, не замечал, как полный до краев стакан приближался к его рту и опускался пустой на стол; этот потолок еще вчера только высился над нами, и все великие люди последних лет поглядывали на него. А ныне этот дом сдается под меблированные комнаты. Да, леди Эстер когда-то жила на Бейкер-стрит и покоится теперь вечным сном в пустыне.

Все это, конечно, суета; но кто станет отрицать, что и он не прочь от нее. Желал бы я знать, какой здравомыслящий ум отвергнет ростбиф на том только основании, что ростбиф преходящ? Пусть это суета, но я от души желаю, чтобы каждый читающий эти строки всю жизнь располагал приличной порцией ростбифа, хотя бы число моих читателей и возросло до пятисот тысяч. Присаживайтесь же, господа, и принимайтесь за него с откровенным, здоровым аппетитом: с жирком, без жиру, с подливкой, с хреном, как хотите — не стесняйтесь! Еще стаканчик вина, Джонс, мой мальчик, — поживем и мы минутку на солнце! Да, наедемся до отвала этой преходящей штукой и будем за это благодарны. И постараемся извлечь все лучшее из аристократических развлечений Бекки, потому что и они тоже, как все радости смертных, были преходящи.

Последствием визита Бекки к лорду Стэйну явилось то, что его светлость князь Петерварадин не преминул возобновить знакомство с полковником Кроули, встретившись с ним на следующий день в клубе, и приветствовал миссис Кроули на Ринге в Гайд-парке, низко опуская перед нею шляпу. Она и ее муж были немедленно приглашены на один из небольших вечеров князя в Левант-Хаусе, который его светлость занимал в течение кратковременного отсутствия из Англии благородного его владель-

¹ Кимвалы — музыкальный инструмент, в виде двух металлических тарелок.

² *Тадмор*, или *Пальмира* — один из богатейших городов поздней античности (обычно ограничиваемый III–VI вв.), расположенный в одном из оазисов Сирийской пустыни, между Дамаском и Евфратом. Город основал царь Митанни Кирта I в 1500 г. до нашей эры как защитную крепость от арамейских набегов. Согласно Библии и Иосифу Флавию, Пальмира была основана израильским царем Соломоном как передовой оплот против нападений арамейских орд на его владения, простиравшиеся до берегов Евфрата.

³ Я, разговаривающий с вами (*фр.*).

⁴ *Джеймс Уитли Динс Дандас* (1785–1862) — английский адмирал. Участвовал в блокаде Александра, в защите Штральзунда и взятии Копенгагена.

⁵ *Генри Эддингтон, 1-й виконт Сидмут* (1757–1844) — британский государственный деятель.

⁶ *Вальтер Скотт* (1771–1831) — знаменитый английский романист.

ца. После обеда Бекки пела в очень маленьком *comité*!¹ Присутствующий в числе приглашенных маркиз Стэйн отечески следил за успехами своей питомицы.

В Левант-Хаусе Бекки встретилась с одним из изящнейших джентльменов и величайших государственных мужей, когда-либо существовавших в Европе, — с герцогом де ля Жаботьером, состоявшим тогда посланником всехристианнейшего короля, а затем министром этого монарха. Признаюсь, я преисполняюсь гордостью оттого, что эти прославленные имена выписываются моим пером; и я невольно задумываюсь над тем, в какой блестящей компании вращается моя Бекки. Она сделалась постоянной гостьей во французском посольстве, и ни один вечер там не считался удачным, если на нем не присутствовала очаровательная мадам Раудон Кроули.

Господа де Трюффины (из рода Перигор) и Шампиньяк, оба — атташе посольства, окончательно потеряли голову от чар прекрасной полковницы, и оба заявляли, по свойственной их нации привычке (ибо видал ли кто француза, побывавшего в Англии, который не оставил бы там с полдюжины разбитых семей и не увез с собою столько же сердец в бумажнике?), оба, говорю я, заявляли, будто находятся *au mieux*² с обворожительной мадам Раудон.

Но я сомневаюсь в достоверности этого утверждения. Шампиньяк был большой любитель экарте и по вечерам играл с полковником по несколько партий, пока Бекки в другой комнате угощала пением лорда Стэйна; а что касается Трюффины, то всем известно, что он не смел показываться в Клубе Путешественников, потому что задолжал там даже лакеям, и не имея он возможности обедать в посольстве, этот достойный молодой джентльмен умер бы с голоду. Так вот я и говорю: я сомневаюсь, чтобы Бекки избрала одного из этих молодых людей в качестве лица, которое она пожелала бы подарить своим особым вниманием. Они бегали по ее поручениям, покупали ей перчатки и цветы, влезали в долги, чтоб запастись для нее ложами в оперу, старались быть приятными на тысячу ладов. И говорили по-английски с восхитительным простодушием, к постоянному развлечению Бекки и милорда Стэйна. Бекки откровенно передразнивала того или другого своего обожателя и так серьезно поздравляла его с успехами в усвоении английского языка, что ее покровитель — маркиз, старый насмешник, не мог удержаться от хохота. Трюффиня подарил Бриггс шаль, желая задобрить наперсницу Бекки, и упросил ее передать письмо предмету своей страсти; простодушная старая дева публично вручила его адресатке, а самое послание немало позабавило всех, кто его читал. Прочел его маркиз Стэйн, прочли все, кроме верного Раудона; но ведь его незачем было посвящать во все, что происходило в маленьком особнячке на Мейфэре.

Здесь Бекки вскоре стала принимать не только «избранных» иностранцев (по выражению, принятому в нашем благородном светском жаргоне), но даже кое-кого из «избранных» наших соотечественников. Я вовсе не подразумеваю под этими словами, что она принимала самых добродетельных или же самых недобродетельных, умнейших или глупейших, богатейших или знатнейших, нет, просто «избранных», — словом, людей, относительно которых не возникает никаких сомнений, вроде знаменитой леди Фитц-Уиллис, знаменитой леди Слоубор, знаменитой леди Гризель Макбет (урожденной леди Г. Глоури, дочери лорда Грэя Глоури) и им подобных. Когда графиня Фитц-Уиллис (ее милость происходит из семьи, обитающей на Кинг-стрит, смотри ука-

¹ Общество (*фр.*).

² В наилучших отношениях.

затели Дебретта и Берка) обращала внимание на какое-нибудь лицо, то дело этого лица было сделано: оно становилось уже вне вопросов. И не потому, что леди Фитц-Уиллис лучше всех других, наоборот, это — поблекшая пятидесятисемилетняя особа, некрасивая, небогатая, неинтересная; но всеми признано, что она принадлежит к «избранным». Бывают у нее тоже «избранные». И, вероятно, из старой вражды к леди Стэйн (короны которой когда-то добивалась ее милость, в ту пору юная Джорджина-Фредерика, дочь графа Портэншерри, любимца принца Уэльского) эта важная и прославленная руководительница модного света решила признать миссис Раудон Кроули. Она отвестила Бекки отменно глубокий реверанс в собрании, где первенствовала, и не только поощряла своего сына Сент-Киттса (его милость и самое звание получил по ходатайству лорда Стэйна) бывать у миссис Кроули, но пригласила ее в свой дворец и за обедом дважды заговаривала с ней самым любезным образом и так, чтобы все это заметили. Весть об этом важном событии в тот же вечер разнеслась по всему Лондону. Люди, кричавшие «фи» по поводу знакомства с миссис Кроули, смолкли. Остряк и законовед Уэнгэм, правая рука лорда Стэйна, разъезжал по городу, расхваливая Бекки; те, что еще колебались, сразу поспешили приветствовать ее; маленький Том Тоди, некогда предостерегавший Соусдауна от посещений такой развращенной женщины, теперь умолял, чтобы его с нею познакомили. Словом, она была принята в круг «избранных». Ах, возлюбленные мои читатели и братья, не завидуйте преждевременно бедной Бекки: слава такого рода, говорят, недолговечна. Говорят, что даже в избраннейших кругах люди не счастливее бедных странников, блуждающих вне этой зоны; и Бекки, проникшая в самый центр высшего света и видевшая великого монарха Георга IV лицом к лицу, впоследствии признавалась, что и там тоже царит суета.

Однако мы не будем распространяться относительно этого периода в карьере Бекки. Подобно тому как я не рискну описывать тайны франкмасонства, хотя придирчиво и держусь того взгляда, что все это — обман, так точно и непосвященный человек не должен браться за точное изображение большого света и поступит правильно, оставив при себе свои мнения, каковы бы они ни были.

В последующие годы Бекки часто рассказывала об этой поре своей жизни, когда она вращалась в избраннейших кругах лондонского света. Успех сначала тешил, веселил ее, потом наскучил. Вначале не было занятия приятнее, как придумывать и добывать (последнее, кстати сказать, требовало немало изобретательности и хлопот для особы с такими скромными средствами, какими располагала миссис Раудон Кроули), — добывать, повторяем, красивейшие новые платья и украшения; ездить на роскошные обеды, где за нею ухаживали знатнейшие люди; с роскошных обедов — на блестящие собрания, куда являлись те же люди, с которыми она только что обедала, которых встречала накануне и увидит завтра: молодые люди, безукоризненно одетые, в красиво повязанных галстуках, в ярко блестящей обуви и белых перчатках; пожилые, тучные, с благородной осанкой, украшенные медными пуговицами, вежливые и скучные; молодые девушки, белокурые, застенчивые, в розовых платьях; мамыши, величественные, красивые, роскошные, торжественные и в бриллиантах. Разговоры велись на английском языке, а не на скверном французском, как описывают в романах. Говорили о домашних делах, характерах и знакомых семьях, точь-в-точь как Джонсы говорят о Смисах. Прежние знакомые Бекки пылали к ней ненавистью и завистью: бедная женщина сама терзалась духовной зевотой. «Желала бы я выбраться отсюда, — говорила она себе. — Лучше быть женой какого-нибудь пастора и учить детей в воскресной школе; или же-

ной сержанта и разъезжать в полковой повозке; или... ах, насколько веселее было бы нарядиться в блески и трико и поплясать перед балаганчиком на ярмарке!»

— Вы бы отлично с этим справились, — смеясь, отвечал лорд Стэйн. Она обыкновенно делилась с вельможей своими *ennuis*¹ и затруднениями со свойственной ей откровенностью, и это забавляло маркиза.

— Раудон был бы прекрасным *écuyer*², церемониймейстером или — как их там называют, этих молодцов в высоких сапогах и кафтанах, что ходят по кругу, хлопая бичом? Он такой большой, грузный, с военной выправкой. Я помню, — задумчиво продолжала Бекки, — когда я была маленькой, отец как-то взял меня в балаган на Брукгринскую ярмарку. Дома я соорудила себе ходули и танцевала на них в мастерской, к удивлению всех учеников отца.

— Хотел бы я видеть это, — сказал лорд Стэйн.

— Я хотела бы проделать это сейчас, — продолжала Бекки. — Воображаю, как леди Блинки вытаращила бы глаза и как леди Гриззель Макбет уставилась бы на меня. Тс-с! Тише. Паста³ начинает петь.

Бекки всегда старалась подчеркнуть свою предупредительность к артистам и артисткам, приглашенным на аристократические вечера: разыскивала их в уголке, где они сидели молча, пожимала им руки и улыбалась на виду у всех. Она сама была артистка, как справедливо заявляла; откровенность и скромность, с какою она признавалась в своем происхождении, раздражали, обезоруживали или забавляли слушателей, смотря по обстоятельствам. «Как хладнокровна эта женщина, — говорили одни, — какой независимый вид она на себя напускает, тогда как ей следовало бы сидеть скромненько и быть благодарною, если кто-нибудь с нею заговорит». «Какая это честная и добрая душа!» — говорили другие. «Что за ловкая маленькая кокетка!» — решали третьи. И, весьма вероятно, все были правы, но Бекки преследовала определенные цели и так очаровывала артистов, что они готовы были надорвать себе горло, лишь бы петь даром на ее вечерах и давать ей бесплатно уроки.

Да, она устраивала вечера в маленьком особнячке на Керзон-стрит. Десятки карет с зажженными фонарями заполняли улицу, к досаде № 100, не имевшего покоя от стука дверного молотка, и № 102, впадавшего в бессонницу от зависти. Гиганты-выездные, сопровождавшие экипажи, были чересчур громоздки для крошечного вестибюля Бекки, им выдавались особые билетки, по которым они могли угощаться в соседних кабачках, откуда в случае надобности их вызывали мальчишки, выкликавшие экипажи. Знаменитейшие лондонские денди жались и наступали друг другу на ноги на узенькой лестнице, подтрунивая над тем, что попали сюда; безупречные строгие леди из высшего общества сидели в маленькой гостиной, слушая профессиональных певцов, по привычке певших так громко, словно хотели выдуть стекла из окон. А на следующий день в «Утренней почте» под рубрикой «Великосветские собрания» появлялась заметка примерно в таком роде:

«Вчера у полковника и миссис Кроули, в их доме, в Мейфэре, состоялся обед, на котором присутствовало избранное общество. В числе приглашенных были: его свет-

¹ Неприятностями (*фр.*).

² *Шталмейстер* (*фр.*, буквально: «начальник конюшни») — главный конюший, придворный конюшенный в чине 3-го класса; собственно для лиц, состоящих при придворной конюшне. Иногда шталмейстером называли шпрыхшталмейстера — режиссера манежа, ведущего цирковую программу.

³ Джудитта Паста (1797–1865) — итальянская певица (сопрано).

лость князь Петерварадин с княгиней, его светлость Папуш-паша, турецкий посланник (в сопровождении драгомана¹ миссии Кибиб-бея), маркиз Стэйн, граф Соусдаун, сэр Питт и леди Джейн Кроули, мистер Уогг и др. Вслед за обедом у миссис Кроули состоялся вечер, на который съехались: герцогиня (вдовствующая) Стильтон, герцог де ля Грюйер, маркиза Чишир, маркиз Алессандро Стракино, граф де Бри, барон Шапцутер, кавалер Тоски, графиня Слигстон и леди Ф. Макадам, генерал-майор и леди Д. Макбет, с дочерьми (2) мисс Макбет, виконт Паддингтон, сэр Орас Фоги, distinguished Сэндс Бэдвин, Боббаки Багайдер и другие», в числе коих читатель может переименовать кого ему угодно на протяжении двенадцати строк убористого петита.

И в великосветских своих сношениях наша милая приятельница обнаружила ту же откровенность, какою отличалось ее обхождение с низшими. Однажды, находясь в очень знатном доме, Ребекка (возможно, умышленно) разговаривала по-французски со знаменитым тенором-французом; леди Гриззель Макбет покосилась через плечо на эту парочку.

— Как хорошо вы говорите по-французски, — заметила леди Гриззель, сама говорившая на этом языке с очень заметным эдинбургским акцентом.

— Я не могу не знать этого языка, — скромно ответила Бекки, опуская глазки. — Я давала уроки в школе, а моя мать была француженка.

Леди Гриззель подкупило это смирение, она смягчилась по отношению к маленькой женщине. Она скорбела по поводу роковых уравнилельных тенденций века, отрывающих людям всех классов доступ в высшее общество, но ее милость признавала, что эта особа по крайней мере ведет себя прилично и никогда не забывает своего настоящего места. Леди Гриззель была очень добрая женщина: добрая к бедным; ограниченная, безупречная, доверчивая. И не вина ее милости, если она воображает, будто она лучше нас с вами, читатель. Ведь края одежд ее предков лобызали в течение многих столетий: говорят, прошло уже тысячу лет с тех пор, как клетчатая юбка родоначальника ее фамилии подверглась целованию со стороны лордов и советников приснопамятного Дункана² когда этот великий предок сделался королем Шотландии.

Леди Стэйн после музыкальной сцены не устояла против Бекки и, пожалуй, чувствовала к ней даже некоторое расположение. Младшие леди дома Гаунтов также были приведены к покорности. Раза два они попробовали учинить на Бекки травлю, но безуспешно. Блестящая леди Стеннингтон попробовала помериться с нею оружием, но была жестоко разбита бесстрашной Бекки. Порою, когда на нее нападали, она прибегала к особой уловке: принимала вид простушки и в этом случае оказывалась особенно опасною. В таком настроении она говорила ужаснейшие вещи с самым простодушным невозмутимым видом, а потом старательно и бесхитростно извинялась за свои промахи, так что все узнавали, что она наделала.

Мистер Уогг, прославленный остряк, подхалим и блюдолиз милорда Стэйна, в угоду дамам вздумал напасть на Бекки; достойный джентльмен, ухмыльнувшись своим покровительницам и подмигнув, словно желая сказать: «Сейчас начнется потеха», однажды вечером повел атаку на Бекки, которая, ничего не подозревая, сидела

¹ Драгоман — должность переводчика при турецких миссиях и посольствах.

² Дункан I Добрый (1001–1040) — король Стратклайда, король Альбы (Шотландии), сын Кринана Данкельдского и Беток, дочери Малкольма II, короля Шотландии, родоначальник Данкельдской династии.

за обедом и кушала. Маленькая женщина, захваченная врасплох, но никогда не складывавшая оружия, мгновенно сделала выпад, отпарировала нападение и отвечала таким чувствительным ударом, что лицо Уогга скривилось от стыда; затем она с полнейшим спокойствием и безмятежной улыбкой снова принялась за свой суп. Именитый покровитель Уогга, кормивший его обедами и ссужавший его изредка небольшими суммами, так свирепо посмотрел на несчастного, что Уогг готов был спрятаться под стол и чуть не заплакал. Жалобно посматривал он то на милорда, за весь обед не сказавшего ему ни слова, то на дам, но они тотчас же от него оттреклись. В конце концов сама же Бекки над ним сжалилась и попыталась втянуть его в разговор. После этого его не звали обедать целых шесть недель, а Фишу, доверенному слуге милорда, за которым Уогг, разумеется, усердно ухаживал, было приказано передать Уоггу, что если он еще раз осмелится сказать какую-нибудь дерзость миссис Кроули или сделать ее мишенью для своих дурацких шуток, то милорд сейчас же передаст его расписки своим поверенным и без всякой пощады распродаст его скарб с молотка. Уогг плакал перед Фишем и умолял дорогого друга о заступничестве. Он написал поэму в честь миссис Р. К., и она появилась в ближайшем же номере «*Harum-scarum Magazine*»¹ который сам же Уогг и редактировал. Встречаясь с Бекки в обществе, он всякий раз просил у нее прощения. В клубе раболепствовал и рассыпался в любезностях перед Раудоном. Через некоторое время его снова допустили в Гаунт-Хаус, а сама Бекки неизменно оставалась к нему приветлива, смеялась его шуткам, никогда не сердилась.

Визирь лорда Стэйна и главный доверенный слуга (с креслом в парламенте и за обеденным столом), мистер Уэнгэм был в своих действиях и отзывах гораздо осмотрительнее мистера Уогга. Как ни склонен был этот адъютант маркиза ненавидеть всех *parvenus*² (мистер Уэнгэм сам был закоренелый исконный верный синий тори, а его отец — мелкий угольный торговец на севере Англии), но по отношению к новой фаворитке он никогда не выказывал враждебности; зато он изводил ее своей вкрадчивой любезностью, приторной, почтительной предусмотрительностью, и Бекки это иногда раздражало больше, чем открытое недоброжелательство других людей.

Откуда Кроули брали деньги на приемы, которые они устраивали великосветскому обществу, оставалось тайной, которая в свое время порождала разговоры и, пожалуй, придавала особую пикантность этим маленьким пиршествам. Некоторые уверяли, будто сэр Питт Кроули выдает брату солидную сумму на жизнь; если это так, то власть Бекки над баронетом должна была быть поистине громадной и характер его должен был круто измениться под старость. Другие намекали, будто Бекки взимала контрибуцию со всех приятелей мужа: одному со слезами рассказывала, что в доме назначена распродажа, перед другим падала на колени и заявляла, что вся семья попадет в тюрьму или должна покончить самоубийством, если не будет оплачен такой-то счет. Поговаривали, будто лорд Соусдаун, благодаря таким патетическим сценам, поплатился на несколько сот фунтов. Молодой Фельтгэм *** драгунского полка (сын владельца фирмы «Тайлер и Фельтгэм», фабрикантов шляп и предметов военной экипировки), введенный в свет семейством Кроули, тоже числился одной из жертв Бекки в денежном отношении. Уверяли даже, будто она брала деньги с многих простаков под предлогом доставления им доверенных постов от правительства. Каких только историй не рассказывали о нашей

¹ «Легкомысленный журнал» (англ.).

² Выскочек.

милой и невинной приятельнице! Достоверно одно, что если бы она действительно имела в своем распоряжении все деньги, какие, по слухам, она выпросила, заняла или украдала, у нее составилась бы солидный капитал и она могла бы всю жизнь жить наичестнейшим образом, тогда как... Впрочем, не будем предупреждать события.

Истина же сводится к тому, что при бережливости и разумной распорядительности, воздерживаясь от траты наличных денег и не платя почти никому, можно, по крайней мере временно, производить большое впечатление даже и при очень маленьких средствах. И мы уверены, что вечера Бекки, о которых ходило столько разговоров, были в конце концов вовсе не так многочисленны и стоили ей очень немногим дороже восковых свечей, освещавших стены ее квартиры. Стилбрук и Куинс Кроули в изобилии снабжали ее дичью и фруктами. Винные погреба лорда Стэйна были в ее распоряжении, а знаменитые повара этого превосходного джентльмена хозяйничали в ее маленькой кухне или по приказу милорда доставляли прямо с кухни маркиза редчайшие деликатесы готовыми. Я заявляю во всеуслышание, что постыдно взводить на простодушное создание такие обвинения, какие в то время взводились на Бекки, и предупреждаю публику не верить и десятой доле сочиненных на ее счет историй. Если изгонять из общества всякого, кто запутается в долгах и не имеет средств расплатиться, если мы начнем вторгаться в частную жизнь каждого, входить в обсуждение его доходов, не будем ему кланяться за то, что он неразумно их тратит, да в какую же дикую пустыню, в какое невыносимое для жизни место превратилась бы ярмарка тщеславия! Ведь тогда каждый заносил бы руку на соседа, мой дорогой сэръ, и прощай все блага цивилизации! Мы бы ссорились, оскорбляли, избегали бы друг друга. Дома наши превратились бы в пещеры, и мы ходили бы в лохмотьях, потому что нам ни до кого не было бы дела. Процентные бумаги страшно упали бы в цене. Никто не стал бы устраивать приемов. Все торговцы в городе разорились бы. Вино, восковые свечи, съестные продукты, румяна, кринолины, бриллианты, парики, безделушки в стиле Людовика XIV, старинный фарфор, шарабаны для катания в Парке, великолепные горделиво выступающие упряжные лошади — словом, все улады жизни полетели бы к черту, если бы люди вздумали руководствоваться своими глупыми принципами и избегали тех, кто им не нравится и кого они осуждают. Тогда как при маленькой снисходительности и обоюдной терпимости все может обойтись весьма благополучно: мы можем сколько угодно клеветать на человека, называть его величайшим из всех неповешенных негодяев, но разве из этого следует, что мы действительно собираемся его повесить? Ничуть не бывало! При встрече мы пожимаем ему руку. Если повар у него хороший, мы прощаем этому человеку все прегрешения и отправляемся к нему на обед и рассчитываем, что и он тоже придет к нам пообедать. Таким образом, торговля процветает, цивилизация быстро движется вперед, мир не нарушается, еженедельно требуются новые платья для новых вечеров, и последний сбор винограда в Лафите вознаграждает почтенного владельца за понесенные труды.

Хотя в описываемое нами время на престоле восседал великий Георг и дамы носили рукава *gigots*¹, а в волосах огромные гребни, похожие на черепашковые лопаты, а не обыкновенные рукава и модные изящные ободки, тем не менее я полагаю, что обычаи тогдашнего избранного светского общества едва ли существенно отличались от теперешних, да и развлечения его были почти такие же. Нам, глазающим издали, через

¹ Окроком (*фр.*).

плечо полисмена, на изумительных красавиц, едущих ко двору или на бал, они могут казаться дивными неземными существами, а совершенное счастье, которым они наслаждаются, недостижимым для нас. Вот для утешения этих-то неудовольствованных бедняг мы и рассказываем о борьбе, триумфах и разочарованиях нашей милой Бекки, ибо во всем этом она, как и вообще все достойные люди, получила свою долю.

В ту пору к нам из Франции было занесено интересное развлечение — разыгрывание шарад в лицах; и эта забава вошла в большую моду в нашем отечестве, так как позволила многим нашим дамам, обладающим красотой, показывать свои прелести, а меньшинству их, одаренному умом, обнаруживать остроту сообразительности. Бекки, вероятно, убежденная, что обладает всеми перечисленными качествами, навела милорда Стэйна на мысль устроить в Гаунт-Хаусе вечер, на котором было бы разыграно несколько таких драматических сценок, и вот мы просим позволения у читателя ввести его на это блестящее *réunion*¹, но приветствуем его там не без грусти, ибо то будет последнее фешенебельное собрание, куда мы будем иметь счастье его сопровождать.

Часть великолепной залы — картинной галереи в Гаун-Хаусе — была отведена под сцену для разыгрывания шарад. Зала уже служила театром в царствование Георга III, и до сих пор еще сохранился портрет маркиза Гаунта, с напудренными волосами, перетянутыми розовой лентой, и в так называемом «римском» костюме, в роли Катона в трагедии>Addисона² того же названия, разыгранной перед их королевскими высочествами принцем Уэльским, епископом Оснабрюкским и принцем Уильямом Генрихом; все они тогда были детьми, как и сам артист. Кое-что из старых принадлежностей стащили с чердаков, где они валялись еще с той поры, и подновили для предстоящего праздника.

Молодой Бэдвин Сэндс, элегантный денди, путешествовавший по Востоку, исполнял обязанности режиссера. В те дни человек, побывавший на Востоке, пользовался особым почетом, а отважный Бэдвин, выпустивший о своем путешествии целый том *in quarto*³ и прошедший несколько месяцев в пустыне под шатром, оказывался и совсем важной особой. Книга его была украшена многочисленными изображениями самого Сэндса в различных восточных костюмах, а путешествовал он в сопровождении чернокожего слуги весьма непрезентабельной наружности — точъ-в-точъ, словно второй Бриан де Буа Гильбер. Бэдвин, его костюмы и чернокожий были восторженно встречены в Гаунт-Хаусе, как весьма ценные приобретения.

Сэндс и начал первую шараду. Турецкий офицер, с огромным султаном из перьев (предполагалось, что янычары еще существуют, а феска еще не вытеснила старинного величественного головного убора правоверных), возлежал на диване, делая вид, будто курит наргиле⁴, в которое, однако, во внимание к дамам, была положена вместо табака душистая курительная свечка. Турецкий сановник позевывает и обнаруживает признаки скуки и лени. Он хлопает в ладоши — и появляется нубиец Месрур, с голыми руками, браслетами, ятаганами и всеми полагающимися восточными украшениями, высокий, худой и отвратительный. Он делает селям⁵ перед милордом — агою.

¹ Собрание (фр.).

² *Джозеф>Addисон (1672–1719) — английский писатель, поэт и государственный деятель.*

³ В четвертую долю листа (лат.).

⁴ *Наргиле* — то же, что *шиша*, *кальян* — курительный прибор у восточных народов, сходный с кальяном, но имеющий, в отличие от него, длинный рукав вместо трубки (от перс. *nargil* — «кокосовый орех», из которого первоначально делали такие приборы).

⁵ *Селям* (араб. *salam* — «мир») — восточное приветствие, сокращенное от «селям-алей-

Трепет ужаса и восторга пробегает по зале. Дамы перешептываются. Чернокожий невольник подарен Сэндсу Бэдви́ну египетским пашой в обмен на три дюжины бутылок мараскина¹. Бог знает сколько одалисок² он позашивал в мешки и побросал в Нил!

— Позвать торговца невольницами! — приказывает турецкий сладострастник, махнув рукой. Месрур вводит к милорду торговца; за ним следует закутанная женщина. Он сбрасывает с нее покрывало. Взрыв аплодисментов раздается в зале. Это миссис Уинкуорс (урожденная мисс Авессалом), обладательница чудных глаз и волос. Она в роскошном восточном костюме; черные волосы заплетены в косы и перевиты бесчисленными драгоценностями; платье сплошь расшито золотыми пиастрами. Гнусный магометанин знаками выражает, что пленен ее красотой. Она падает на колени и умоляет отпустить ее в родные горы, где ее возлюбленный, черкес, до сих пор оплакивает исчезновение своей Зюлейки. Никакие мольбы не трогают бесчувственного Гассана. Он хохочет при упоминании о женихе-черкесе. Зюлейка закрывает лицо руками и падает, приняв позу самого пленительного отчаяния. По-видимому, все для нее кончено, но вдруг — вдруг появляется Кизляр-ага.

Кизляр-ага приносит письмо от султана. Гассан принимает и кладет себе на голову грозный фирман³. Ужас охватывает его, тогда как лицо негра (все тот же Месрур, только в другом костюме) выражает жуткую радость. «Сжался! Сжался!» — кричит паша, но Кизляр-ага, с отвратительной улыбкой вытаскивает удавку.

Занавес падает как раз в ту минуту, как он собирается пустить в ход это ужасное приспособление. Гассан за занавесом орет: «Первые два слога!», и миссис Раудон Кроули, которой тоже предстоит выступить в шараде, подходит к миссис Уинкуорс и осыпает ее комплиментами за ее удивительный вкус и красоту наряда.

Разыгрывается вторая часть шарады. Снова сцена из восточной жизни. Гассан, в другом костюме, склоняется перед Зюлейкой, которая, по-видимому, совсем с ним примирилась. Кизляр-ага преобразился в миролюбивого чернокожего раба. Над пустынею восходит солнце, и турки, обратив головы к востоку, склоняются на песок. Так как верблюдов под рукой не имеется, то оркестр шутивно наигрывает: «Вот идут, идут верблюды». На сцене помещена огромная голова египтянина. Это музыкальная голова, и, к изумлению восточных путешественников, она исполняет комическую песенку, сочиненную мистером Уоггом. Восточные путешественники пускаются в пляс на манер Папагено и мавританского короля в «Волшебной флейте». «Последние два слога!» — ревет голова.

Начинается последний акт. На этот раз — греческий шатер. Высокий, дюжий человек поκειται в нем на ложе. У изголовья висит шлем и щит. Сейчас в них нет надобности. Илион⁴ пал. Ифигения заколота. Кассандра⁵ где-то далеко, в оковах. Муж мужей (это полковник Кроули, не имеющий, в сущности, понятия ни о разрушении

кум» — «мир вам».

¹ *Мараскин* — сорт ликера, приготавливаемого из кислых вишен.

² *Одалиска* — наложница султана.

³ *Фирман* — указ шаха, султана.

⁴ *Илион*, или *Троя* — древний город-крепость в Малой Азии на полуострове Троада у побережья Эгейского моря, на берегу лагуны у входа в Дарданеллы.

⁵ *Кассандра* (*Александра*) — в древнегреческой мифологии троянская царевна, дочь последнего троянского царя Приама и его второй супруги Гекубы, наделенная Аполлоном даром пророчества и предвидевшая гибель Трои. За отказ во взаимности Аполлону он сделал так, что предсказаниям Кассандры никто не верил.

Илиона, ни о пленении Кассандры), *anax andrôn*¹ спит в своей ставке в Аргосе². Светильник отбрасывает от фигуры спящего воина широкую тень, колеблющуюся на стене, на троянские меч и щит падают блики мерцающего света. Оркестр играет мрачный отрывок из «Дон Жуана», предшествующий появлению статуи командора.

Бледный, на цыпочках, в шатер прокрадывается Эгист³. Что это за страшное лицо мрачно подглядывает за ним из-за тканой шпалеры? Он поднимает кинжал, чтобы поразить спящего, который поворачивается на ложе и обнажает широкую грудь, словно подставляя ее под удар. Эгист не решается поразить спящего благородного вождя. Быстро, словно видение, проскальзывает в шатер Клитемнестра⁴, ее белые руки обнажены, рыжие волосы струятся по плечам, лицо мертвенно бледно, глаза озарены такою страшною улыбкой, что публика, взглядевшись в нее, ахает.

Трепет пробегает по зале.

— Боже мой! — восклицает кто-то. — Неужели это миссис Раудон Кроули?

Гневно выхватывает она кинжал из руки Эгиста и приближается к ложу. Видно, как кинжал сверкает над ее головой в мерцании светильника, но... но светильник гаснет, слышится хрип, и все погружается во мрак.

Мрак и разыгранная сцена напугали публику. Ребекка разыграла свою роль так хорошо, с такою жуткой реальностью, что зрители онемели, и, только когда вспыхнули лампы в зале, все начали аплодировать и кричать.

— Браво! Браво! — покрывает всех резкий голос старика Стэйна. «Черт ее побери, она и в самом деле может это проделать», — пробормотал он сквозь зубы.

Акторов единодушно вызывает вся зала, и стены дрожат от криков:

— Режиссера! Клитемнестру!

Агамемнона⁵ не могли заставить выступить вперед в классической тунике, и он держался на заднем плане вместе с Эгистом и другими участниками представления. Мистер Бэдвин Сэндс вывел к рампе Зюлейку и Клитемнестру. Некая высокая особа выразила настойчивое желание быть представленной очаровательной Клитемнестре.

— Чего там! Проткните его насквозь хорошенько и выходите замуж за другого, а? — таково было удачное замечание, сделанное его королевским высочеством.

— Миссис Раудон Кроули была положительно смертоносна в этой роли, — подтвердил лорд Стэйн. Бекки смеялась, весело и лукаво поглядывала и продельвала такие прелестные реверансы, каких никогда не видывали.

¹ Царь царей (*греч.*).

² *Аргос* — древнейший город в Греции. Находится на высоте 42 метра над уровнем моря, в северо-восточной части полуострова Пелопоннеса.

³ Излюбленный герой греческих трагедий: у Эсхила — в трагедиях «Агамемнон» и «Хозфора», у Софокла и Эврипида в трагедии «Электра».

⁴ *Клитемнестра* — в древнегреческой мифологии дочь спартанского царя Тиндарея и Леды (сестра Елены и Диоскуров). По одной из версий, первоначально была женой Тантала, убитого Агамемноном вместе с их ребенком. Выдана замуж за микенского царя Агамемнона, возглавившего греческое войско в походе на Троию.

⁵ *Агамемнон* — в древнегреческой мифологии царь Микен. Один из главных героев «Илиады» Гомера, со ссоры которого с Ахиллом поэма и начинается. В «Илиаде» Агамемнон предстает в двух ипостасях: с одной стороны, он доблестный воин, с другой — высокомерный и неуступчивый. Именно последние качества Агамемнона-полководца и стали источником многих бедствий.

Некая высокая особа выразила настойчивое желание быть представленной очаровательной Клитемнестре

Слуги внесли подносы с разнообразными прохладительными, актеры же удалились готовиться ко второй *charade-tableau*¹.

Три слога этой шарады должны были быть обрисованы пантомимой, и разыграна она была следующим образом:

Первый слог. Полковник Раудон Кроули, кавалер ордена Бани, в широкополой шляпе, в пальто, с тростью и взятым из конюшни фонарем, проходит по сцене, окликом уведомляя жителей о позднем часе. У окна нижнего этажа сидят два комиссионера и играют, по-видимому, в криббедж, но сильно при этом зевают. К ним подходит некто, похожий на чистильщика сапог в гостинице (высокородный Д. Рингвуд, причем эту роль молодой джентльмен разыграл превосходно), и освобождает их от обуви; затем появляется горничная (высокородный лорд Соусдаун) с двумя подсвечниками и грелкой. Она поднимается в верхний этаж греть постели. Она действует грелкой, как оружием, чем привлекает внимание комиссионеров. По уходе горничной комиссионеры надевают ночные колпаки и спускают шторы. Чистильщик выходит на улицу и запирает ставни. Слышно, как он накладывает засов и дверную цепочку изнутри. Все огни гаснут. Музыка играет «Dormez, dormez, chers Amours»². Голос из-за занавеса возглашает: «Первый слог!»

Второй слог. Лампы внезапно разгораются. Музыка играет старинную арию из «Иоанна Парижского»: «Ah, quell plaisir d'être en voyage!»³ Обстановка та же. Между первым и вторым этажом дома, изображенного на декорации, виден щит с нарисованным гербом Стэйнов. По всему дому звонят колокольчики. В нижнем этаже мужчина показывает длинную полоску бумаги другому мужчине, который потрясает кулаком, бранится и клянется, что это чудовищно.

«Конюх, подать мне фаэтон!» — кричит у двери третий. Он треплет горничную (высокородного лорда Соусдауна) за подбородок; она, по-видимому, оплакивает его отъезд, как Калипсо⁴ оплакивала отъезд другого знаменитого путешественника Улисса⁵. Чистильщик сапог (высокородный Д. Рингвуд) проходит с деревянным ящиком, уставленным серебряными флаконами, и кричит: «Горшки!», с таким неподражаемым юмором и натуральностью, что вся зала гремит от рукоплесканий и к ногам его летит букет. Хлоп, хлоп, хлоп — хлопает бич. Хозяин, горничная и лакей бросаются к двери; но как раз в ту минуту, когда должен подъехать, вероятно, важный гость, занавес падает, и невидимый режиссер выкрикивает: «Второй слог!»

— Мне кажется, это должно означать «гостиница», — говорит капитан лейб-гвардии Григг; все смеются над догадливостью капитана. Он не особенно далек от истины.

Пока готовится третий слог, оркестр разыгрывает морскую интермедию: «Все на Дюнах», «Умолкни, суровый Борей», «В Бискайском заливе», «Rule Britannia»⁶ —

¹ Шарада, живая картина (*фр.*).

² Спите, спите, милые амуры! (*фр.*)

³ Ах, как приятно путешествовать! (*фр.*)

⁴ *Калипсо* — прелестная нимфа мифического острова Огигия на Крайнем западе, куда попал спасшийся Одиссей на обломке корабля, с которой он провел там семь лет.

⁵ *Улисс*, или *Одиссей* — в древнегреческой мифологии сын Лаërта и Антиклеи, супруг Пенелопы, отличавшийся умом и хитростью; герой Троянской войны.

⁶ «*Правь, Британия!*» (*англ.*) — британская патриотическая песня из поэмы Джеймса Том-

очевидно, произойдет какая-то морская сцена. В то время, как занавес раздергивается, слышен колокол. «Джентльмены, на берег!» — кричит чей-то голос. Люди прощаются друг с другом. Они тревожно всматриваются как бы в облака, которые заменены темным занавесом, и испуганно качают головой. Леди Скимс (высокородный лорд Соусдаун), с болонкой, мешками, ридикюлями, и ее супруг садятся и цепляются за веревки. Очевидно, дело происходит на корабле.

Капитан (полковник Кроули, кавалер ордена Бани) входит в треуголке и с подозрительной трубой; придерживая треуголку, он вглядывается вдаль, а фалды его мундира разлетаются, словно от ветра. Когда он опускает руку и хочет посмотреть в трубу, шляпа слетает с его головы, что вызывает громовые аплодисменты. Ветер усиливается. Музыка воет и свистит все громче и громче; матросы пробираются по сцене, пошатываясь, как будто корабль подвергается сильной качке. Корабельный лакей (высокородный Д. Рингвуд), выписывая мыслете¹, проносит шесть тазиков. Один из них он поспешно подставляет лорду Скимсу, леди Скимс щиплет свою собачонку, та начинает жалобно

выть, а леди прикладывает к лицу носовой платок и стремительно бежит как будто в каюту. Музыка доходит до величайшего остервенения, и третий слог завершен.

сона «Правь, Британия», положенная на музыку Томасом Арне в 1740 г.

¹ Мыслете (разг., шутл.) — вензеля.

Затем был маленький балет, в котором в те дни производили фурор Монтеccio и Ноблэ; мистер Уогг переделал его для английской сцены на оперу, положив свои стихи — он был большой мастер писать их — на красивую музыку балета. Действующие лица фигурировали в старинных французских костюмах, и маленький лорд Соусдаун на этот раз появился превосходно переряженным в старушку, ковылявшую по сцене с безукоризненной клюкой.

Мелодичные трели слышатся за сценой и журчат в хорошеньком картонном коттедже с трельяжем, увитым розами. «Филомела, Филомела!» — зовет старушка, и Филомела выходит.

Аплодисменты усиливаются — это миссис Раудон Кроули, в напудренном парике и с мушками, очаровательнейшая в мире маленькая маркиза.

Она выбегает, смеясь, напевая, и порхает по сцене со всею невинностью театральной юницы, потом делает глубокий реверанс. Мамаша говорит: «Ах, дитя мое, ты все смеешься и поешь» — и Филомела сейчас же начинает петь романс:

РОЗА НА МОЕМ БАЛКОНЕ

Весна! И на балконе вновь благоухает роза.
 Зимой, нагая, зябла и ждала румяных дней.
 Не спрашивай: где сон? Где бледный яд мороза?
 Их нет — затем что Феб явился на свиданье к ней.
 Певец весны, чья трель звенит сквозь лиственные сети,
 Молчал, когда ветра терзали обнаженный лес.
 И если, мама, спросишь ты, что значат песни эти, —
 Отвечу я: весна, цветы и жаркий свет небес!
 Ах, мама! Все весной горит и радостно блистает:
 И роза набирает цвет, и соловей поет...
 И сердце робкое мое вновь счастье обретает —
 И я пою. И я цвету — затем что все цветет.

В промежутки между строфами романса добродушная личность, которую певица именovala мамашей, хотя из-под чепца у той торчали густые бакенбарды, по-видимому, жаждала проявить свои материнские чувства и усердно обнимала невинное создание, игравшее роль дочери. Каждая ласка вызывала громкие взрывы смеха со стороны сочувственно настроенной аудитории. По окончании романса (оркестр исполнил тут целую симфонию, создававшую иллюзию чириканья стаи птиц) весь зал единодушно потребовал *епсого*¹; и аплодисменты вместе с букетами посыпались без конца на соловья этого вечера. Восторженный голос лорда Стэйна раздавался громче всех. Соловей, Бекки, принимала бросаемые ей цветы и прижимала их к сердцу, словно заправская актриса. Лорд Стэйн неистовствовал от восторга. Но не уступал ему и энтузиазм гостей. Куда девалась прекрасная черноокая гурия, чье появление в первой шараде вызвало такое восхищение? Она была вдвое красивее Бекки, но последняя совсем затмила ее своим блеском. Все голоса высказывались за Бекки. Публика сравнивала ее то со Стефенс, то с Корадори, то с Ренци де Боньи и утверждала не без основания, что поступи Бекки на сцену, ни одна актриса не превзошла бы ее.

¹ Еще (*фр.*).

Торжество Бекки достигло кульминационной точки: звонкие трели ее голоса покрывали бурю рукоплесканий и звенели так же громко и радостно, как ее триумф. Вслед за драматическим представлением открылся бал, и все толпились вокруг Бекки, как вокруг главной притягательной силы вечера. Присутствовавшая высочайшая особа клялась, что миссис Раудон — само совершенство, и то и дело вступала с нею в разговор. Душа маленькой Бекки пыжилась от гордости и радости при этих знаках внимания; она видела перед собой богатство, славу, закрепленный светский успех. Лорд Стэйн был совершенно поработан: ходил за нею следом, едва ли обменялся словом с кем-нибудь, кроме нее, и самым подчеркнутым образом выражал ей свое восхищение и внимание. Бекки не снимала своего костюма маркизы и протанцевала менуэт с мосье де Трюффиньи, состоявшем при герцоге де ла Жаботьере. И герцог, соблюдавший все традиции старинного двора, заявил, что, будь мадам Кроули ученицей самого Вестриса¹, она и ему сделала бы честь и могла бы служить достойным украшением Версаля. Единственно чувство собственного достоинства, подагра и строгое сознание долга, доходящее до самопожертвования, удержали его светлость от того, чтобы самому не пройти в паре с Бекки; и он заявил во всеуслышание, что особа, умеющая вести беседу и танцевать с таким искусством, как миссис Раудон, достойна быть супругой посланника при любом европейском дворе. Он утешился, только узнав, что Бекки по происхождению наполовину французенка.

— Никто, кроме нашей соотечественницы, не смог бы исполнить так этот величественный танец, — заявил его светлость.

Затем Бекки танцевала вальс с мосье де Клингеншпором, двоюродным братом и атташе князя Петербурга. Восхищенный князь, не обладавший *retenue*² своего коллеги, французского дипломата, непременно пожелал сделать сам тур вальса с очаровательницей, его светлость кружился с ней по зале, рассыпая бриллианты со своего гусарского ментика и с кисточек у сапогов, пока совсем не задохнулся. Сам Папушпаша с удовольствием потанцевал бы с нею, если бы это развлечение допускалось обычаями его родины. Все общество образовало круг около Бекки и аплодировало ей, словно какой-нибудь Тальони³ или Ноблэ. Все пришли в экстаз; и Бекки тоже, разумеется. Проходя мимо леди Станнингтон, она смерила ее презрительным взглядом. К леди Гаунт и своей пораженной и обиженной невестке отнеслась покровительственно, — она раздавила всех очаровательниц, соперничавших с нею. Что касается бедняжки мисс Уинкуорс, ее длинных волос и огромных глаз, которые произвели такой эффект в начале вечера, то куда же она девалась? Она просто исчезла с ристалища. Вырви она свои длинные волосы, выплачь свои большие глаза, — никто бы этого даже не заметил и не пожалел бы о ее поражении.

Но величайший из триумфов ожидал Бекки за ужином. Ее посадили за главный почетный стол вместе с его королевским высочеством — вышеупомянутой высокой особой, не скрывавшей своего восторга, — и прочими почетнейшими гостями. Здесь все подавалось на золоте. Если б она пожелала, ей, словно новой Клеопатре⁴, распу-

¹ *Мари Жан Огюст Вестрис* (1760–1842) — искуснейший из европейских танцовщиков, французы называли его «богом танцев».

² Сдержанностью (*фр.*).

³ *Мария Тальони* (1804–1884) — знаменитая танцовщица.

⁴ *Клеопатра VII Филопатор* (69–30 гг. до н. э.) — последняя царица эллинистического Египта из македонской династии Птолемеев (Лагидов).

стили бы жемчуг в шампанском, а Петерварадинский властелин отдал бы половину бриллиантов со своего ментика за один ласковый взгляд ее ослепительных глаз. Жаботьер даже написал о ней своему правительству во Францию. Дамы за другими столами, кушавшие на простом серебре и замечавшие неослабное внимание к ней лорда Стэйна, клялись, что это — чудовищное ослепление, грубое оскорбление, нанесенное всем дамам высокого происхождения. Если бы насмешка убивала, леди Станнингтон уложила бы Бекки на месте.

Раудон Кроули пришел в ужас от этих триумфов. Ему казалось, что они еще больше отдалят от него жену. С чувством, очень похожим на боль, он думал, как несоизмеримо выше него стоит Бекки.

Когда настал час отъезда, толпа молодых людей проводила Бекки до кареты, которую выкликали стоявшие снаружи люди; клики подхватывались факельщиками, выстроившимися за высокими воротами Гаунт-Хауса и провожавшими всех выезжавших за ворота выражениями надежды, что его милость достаточно насладился их благородным обществом.

После долгих выкриканий карета миссис Раудон Кроули подкатила наконец к воротам, въехала в освещенный двор и остановилась у крытого подъезда. Раудон усадил жену в экипаж, и тот отъехал. Мистер Уэнгэм предложил полковнику пройтись до дому пешком и угостил его сигарой. Они закурили у фонаря одного из многочисленных факельщиков, стоявших на улице, и Раудон пошел дальше со своим приятелем Уэнгэмом. От толпы отделились два лица и последовали за ними, и не успели они пройти нескольких десятков шагов по Гаунт-скверу, как один из незнакомцев нагнал Раудона и, тронув его за плечо, сказал:

— Извините, полковник, мне необходимо переговорить с вами наедине.

В это время знакомый этого джентльмена громко свистнул, и по этому сигналу от ворот Гаунт-Хауса, громохая, подкатил кэб, — адъютант джентльмена подбежал и встал перед полковником.

Доблестный воин сразу сообразил, в чем дело. Он попал в руки судебных приставов. Он отшатнулся назад и оттолкнул человека, который первый остановил его.

— Нас трое, сопротивляться бесполезно, — сказал стоявший позади.

— Кажется, это вы, Мосс? — спросил полковник, по-видимому, узнавший собеседника.

— Сколько вы взыскиваете?

— Сушие пустяки, — прошептал мистер Мосс с Керситор-стрит в Чэнсери-Лейне, помощник миддлсекского шерифа¹. — Сто шестьдесят шесть фунтов шесть шиллингов и восемь пенсов по иску мистера Натана.

— Ради бога, одолжите мне сто фунтов, Уэнгэм, — сказал бедняга Раудон. — Дома у меня найдется фунтов семьдесят.

— У меня и во всем мире не найдется десяти фунтов, — отвечал бедняга мистер Уэнгэм.

— Покойной ночи, милый друг!

— Покойной ночи, — уныло промолвил Раудон. И Уэнгэм отправился дальше, — а Раудон Кроули еще докуривал сигару, когда кэб въезжал под Темпль Бар.

¹ Шериф — судья.

Один из незнакомцев нагнал Раудона и, тронув его за плечо, сказал:
— Извините, полковник, мне необходимо переговорить с вами наедине.

ГЛАВА ЛII,
в которой лорд Стэйн проявляет себя в наилучшем свете

Когда лорд Стэйн бывал благосклонно расположен, он не умел быть добрым наполовину, и его милости по отношению к семейству Кроули делают величайшую честь его способности благодетельствовать. Добрый маркиз распространил свое благоволение и на маленького Раудона: он указывал родителям, что мальчика необходимо отдать в общественную школу, что он вступил уже в тот возраст, когда соревнование, начатки латинского языка, упражнения в кулачном бою и общество товарищей принесут ему огромную пользу. Отец возражал, что у него нет средств отдать мальчика в хорошую общественную школу; мать — что Бриггс — от-

личная учительница и прекрасно подготовила его (оно действительно так и было) по английскому языку, начальным правилам латинской грамматики и общеобразовательным предметам; но все эти возражения не устояли перед великодушной настойчивостью маркиза Стэйна. Его милость состоял одним из попечителей знаменитого старинного учебного учреждения «Белые братья».

В старину, когда примыкающий к учреждению Смесфильд был полем для турниров, здесь находился цистерцианский¹ монастырь. Сюда направляли закоснелых еретиков, сжечь которых у стен монастыря признавали за благо. Ревнитель веры Ген-

¹ *Цистерцианцы* — монашеский орден, ветвь бенедиктинского ордена; основан в 1098 г.

рих VIII¹ захватил монастырь со всеми его владениями, перевешав и замучив тех монахов, которые не умели приспособиться к темпу его реформ. В конце концов богатый купец купил здание и примыкавшую к нему землю и с помощью других богатых пожертвований землями и деньгами учредил здесь знаменитый благотворительный приют для стариков и детей. Около этого старинного, почти монашеского учреждения возникла школа для приходящих, существующая и поныне и сохраняющая средневековые костюмы и обычаи: все цистерцианцы молят бога о ниспослании ей дальнейшего процветания.

Попечителями этого знаменитого учреждения являются знатнейшие дворяне, прелаты и сановники Англии; а так как мальчики пользуются там хорошим помещением, столом и образованием, а впоследствии им предоставляют хорошие стипендии в университете и прибыльные церковные приходы, то многих юных джентльменов с самого раннего возраста родители обрекают на духовное поприще, и замечается значительное соревнование, чтобы заручиться получением стипендий. Эти последние были первоначально учреждены для сыновей бедных заслуженных клириков и мирян; но многие знатные попечители школы, с более широким, а пожалуй, более капризным взглядом на благотворительность, изливали свои щедроты и на других. Получить бесплатно образование, а в будущем обеспеченный заработок и профессию — представляло такую прекрасную перспективу, что иногда ею не пренебрегали даже и богачи; и не только родственники вельмож, но и сами вельможи отдавали своих сыновей в эту школу, высокопреподобные прелаты помещали туда своих родственников или сыновей подначального им духовенства, а с другой стороны, иные знатные дворяне оказывали покровительство детям своих доверенных слуг. Таким образом, мальчик, поступающий в эту школу, попадал в среду товарищей, происходивших из всевозможных слоев общества.

Несмотря на то, что Раудон Кроули за всю свою жизнь изучил только одну книгу, а именно «Скаковой календарь», а воспоминания его о прохождении курса наук связывались преимущественно с розгами, которыми его угощали в ранней юности в Итоне, он, подобно всем английским дворянам, питал искреннее и глубокое уважение к классическому образованию; мысль, что сын его может получить назначение, которое обеспечит его на всю жизнь и, во всяком случае, сделается образованным человеком, его очень радовала. И хотя мальчик был его единственной услугой и товарищем и полковник был связан с ним тысячью уз, о которых не распространялся перед своей женой, так как она все время проявляла полное безразличие к сыну, Раудон сразу согласился расстаться с ним, пожертвовав собственным счастьем ради блага ребенка. Он сам не знал, как сильно он любит сына, пока ему не пришлось разлучиться с ним. Когда мальчик уехал, полковник почувствовал себя совсем несчастным и убитым, но старался не показывать этого, он был огорчен гораздо больше сына, который скорее радовался, что будет жить по-новому и найдет товарищей-сверстников. Бекки неоднократно раздражалась хохотом, когда полковник застенчиво и бессвязно пытался высказать ей свою тоску по поводу разлуки с сыном. Бедняга чувствовал, что лишается величайшей удачи и самого близкого друга. Часто и подолгу заглядывался он на пустую кровать, стоявшую в его туалетной, где спал мальчик. Особенно тосковал он о нем по утрам и не мог заставить себя пойти погулять в Парк без своего маленького

¹ *Генрих VIII Тюдор* (1491–1547) — король Англии, сын и наследник короля Англии Генриха VII, второй английский монарх из династии Тюдоров.

спутника. Он и не знал, до какой степени он одинок, пока не остался без маленького Рауди. Ему было приятно видеть людей, любивших ребенка, и он уходил на долгие часы к доброй своей невестке леди Джейн и без конца говорил с ней о благородстве, красоте и сотнях положительных качеств своего сына.

Мы уже говорили, что тетка очень полюбила маленького Рауди, — так же полюбила его и ее дочка, проливавшая обильные слезы при отъезде двоюродного брата. Раудон-старший был благодарен матери и дочери за их ласку. Лучшие и благороднейшие свойства его души изливались в безыскусственных проявлениях отцовской любви, которым он предавался в их присутствии, поощряемый их сочувствием. Он завоевал не только привязанность, но и искреннее уважение леди Джейн, обнаруживая чувства, которые скрывал от своей жены. Невестки старались встречаться теперь как можно реже. Бекки язвительно высмеивала чувствительность и кротость леди Джейн, а добрая и мягкая натура последней не могла не возмущаться бессердечным отношением невестки.

Оно отчуждало и Раудона от Бекки даже более, чем он это сознавал или признавался себе. Ее это отчуждение не заботило. Она не скучала о муже, да и ни о ком вообще. На Раудона она смотрела как на рассыльного и покорного раба. Как бы он ни был угнетен или мрачен, она не замечала его настроения или же реагировала на него усмешкой. Ей впору было заботиться о собственном своем положении, о предстоящих удовольствиях или успехах в свете; она должна была занимать в нем видное место — это несомненно.

Почтенная Бриггс снарядила мальчика и уложила чемоданчик, который он должен был забрать с собой в школу. Горничная Молли плакала в коридоре, провожая его, — Молли, продолжавшая оставаться доброй и преданной, невзирая на то, что давно не получала жалованья. Миссис Бекки даже не дала мужу экипажа, чтоб отвезти мальчика в школу. Гонять лошадей в Сити! — что за нелепая фантазия. Пошли за кэбом. Она не поцеловала сына, когда он подошел к ней проститься, да и сын тоже не обнаружил намерения обнять ее. Но он расцеловал старуху Бриггс (хотя вообще стеснялся ласкаться к ней) и утешил ее сообщением, что по субботам будет приезжать домой, и тогда она будет иметь удовольствие его видеть. И в то время как кэб двинулся по дороге в Сити, экипаж полковницы покатила в Парк. Она болтала и смеялась с кучкой молодых денди у Серпентины в ту минуту, когда отец и сын входили в старинные ворота школы. Здесь Раудон расстался с сыном и отправился домой, унося в душе такое скорбное и чистое чувство, какого помятый жизнью бедняга, вероятно, не испытывал с того времени, как сам вышел из детского возраста.

Всю дорогу до дома он был мрачен и пообедал в обществе одной только Бриггс. Он был очень приветлив с ней и благодарен за любовь и заботливость, проявленные ею к мальчику. Совесть мучила его за то, что он занял у Бриггс деньги и помогал жене ввести старуху в обман. Они долго разговаривали о Рауди, потому что Бекки вернулась домой только для того, чтобы переодеться и ехать на званый обед. Потом Раудон, расстроенный, пошел пить чай к леди Джейн и, кстати, рассказать, как все произошло, каким молодцом ушел от него Рауди, как он будет носить в школе блузу и панталоны до колен и как юный Блэкболл, сын его однополчанина Джека Блэкболла, принял Рауди под свое покровительство и обещал о нем позаботиться.

В первую же неделю юный Блэкболл превратил Рауди в своего слугу, заставил чистить ему сапоги и жарить гренки к завтраку; кроме этого, он посвящал его в тай-

ны латинской грамматики и три-четыре раза поколотил, но не очень больно. Добродушная, открытая рожица мальчугана подкупала всех, поэтому Рауди получал лишь такую порцию колотушек, которая, несомненно, шла ему на пользу; а что касается чистки сапог, поджаривания гренков и вообще исполнения разных мелких услуг для старших товарищей, то разве эти обязанности не составляют необходимой части воспитательной программы для каждого юного английского джентльмена?

Впрочем, мы не намерены описывать младшее поколение и жизнь мастера Раудона в школе, так как в противном случае рассказ наш разросся бы до бесконечности. Полковник вскоре заехал навестить сына и нашел его достаточно благополучным и довольным; в черной блузе и коротких штанишках, мальчуган улыбался и весело скалил зубы.

Отец предусмотрительно сунул его учителю Блэкболлу соверен и тем обеспечил благосклонность этого юного джентльмена к его маленькому прислужнику. Вероятно, и школьное начальство было склонно относиться благожелательно к протеже знатного лорда Стэйна, племяннику представителя графства и сыну полковника, кавалера ордена Бани, фамилия которого часто упоминалась в «Утренней почте» в числе участников самых великосветских собраний.

Рауди имел много карманных денег и с царской щедростью тратил их на угощение товарищей пирожными с малиновым вареньем; его часто отпускали по субботам

к отцу, а тот устраивал в эти дни настоящий праздник. Если Раудон бывал свободен, он сам отправлялся с сыном в театр или же отпускал его туда с лакеем; по воскресеньям мальчик ходил в церковь с Бриггс, леди Джейн и ее детьми. Раудон с восхищением слушал его рассказы о школе, о драках, о том, как приходится прислуживать старшим воспитанникам. Вскоре он не хуже самого Рауди знал по фамилиям всех учителей и примечательных в каком-нибудь отношении учеников. Он пригласил как-то из школы закадычного приятеля Рауди, а после спектакля обкормил обоих мальчуганов пирожными, устрицами и напоил портером. С видом знатока он заглядывал в латинскую грамматику, когда Рауди показывал ему, какую именно часть ее он сейчас «проходит».

— Учи потверже, милый, — с большой серьезностью внушал он сыну. — Ничто не может сравниться с хорошим классическим образованием. Ничто!

Пренебрежительное отношение Бекки к мужу возрастало с каждым днем.

— Делай, что хочешь, обедай, где угодно, наслаждайся имбирным пивом и запахом опилок у Астлея или распевай псалмы с леди Джейн, только не требуй, чтобы я сама возилась с Рауди. Хватит с меня и того, что я должна заботиться о твоих интересах, раз ты не можешь позаботиться о них сам. Хотела бы я знать, где бы ты был сейчас, какое положение занимал бы в обществе, если бы обо всем этом не заботилась я?!

И в самом деле, бедняга старик Раудон, никому не был нужен на сборищах, где бывала Бекки. Да теперь ее часто приглашали и без него. Она отзывалась о высокопоставленных особах так, как будто весь Мейфэр находился в ее негласном личном владении; а когда при дворе был объявлен траур, она одевалась исключительно в черное.

Пристроив таким образом Рауди, лорд Стэйн, принимавший такое отеческое участие в делах любезной ему бедствующей семьи, сообразил, что расходы ее весьма выгодно сократятся, если уволить мисс Бриггс, так как Бекки и сама достаточно толкова, чтобы справиться со своим домашним хозяйством. В одной из предыдущих глав мы рассказали, как благодетельный вельможа дал своей протеже денег на уплату ее маленького долга мисс Бриггс; однако последняя по-прежнему продолжала жить при своих друзьях. Из этого обстоятельства милорда вывел прискорбное заключение, что миссис Кроули, видимо, употребила деньги на что-то иное, а не на то, на что они ей были даны щедрым покровителем. Однако лорд Стэйн оказался не настолько неделикатным, чтобы высказать свои подозрения по этому поводу миссис Бекки, неприятный разговор о денежных делах мог задеть ее чувствительность, а кроме того, у нее могли быть тысячи горестных причин распорядиться по-своему крупной суммой, полученной взаймы от его милости. Но маркиз все же решил выяснить истинное положение дел и произвел необходимое дознание самым осторожным и деликатным образом.

Прежде всего маркиз воспользовался первым удобным случаем вывести правду у мисс Бриггс. Это оказалось делом нетрудным. Самого маленького поощрения было достаточно, чтобы заставить почтенную женщину разболтаться и выложить всю свою душу. Однажды, когда миссис Раудон уехала кататься (а мистер Фиш, доверенный слуга его милости, без труда узнал об этом через каретника, который держал у себя экипажи и лошадей Кроули, или, вернее, отпускал им свои экипажи и лошадей напрокат), милорд явился в дом на Керзон-стрит, попросил мисс Бриггс угостить его чашкой кофе, рассказал, что имеет из школы лестные отзывы о Рауди, и в какие-нибудь

пять минут узнал, что миссис Раудон не дала своей компаньонке ничего, кроме черного шелкового платья, за что мисс Бриггс ей необычайно признательна.

Милорд про себя посмеялся этой бесхитростной истории, потому что, по правде сказать, наша милая приятельница Ребекка подробно описала ему, в какой восторг пришла Бриггс при получении денег — тысячу сто двадцать пять фунтов — и какие бумаги она на них купила; кстати, очень живо изобразила и свое собственное горе от того, что ей пришлось расстаться с такой огромной суммой. «Почем знать, — вероятно, думала бедняжка, — может быть, он даст мне еще немножко». Однако милорд не сделал такого предложения плутовке, должно быть, полагая, что уже проявил достаточную щедрость. Затем маркиз полюбопытствовал расспросить мисс Бриггс вообще о ее личных делах, и она откровенно рассказала его милости, как мисс Кроули оставила ей маленькое наследство, как родня выманила у нее часть денег, а другую часть полковник Кроули поместил под самое верное обеспечение и хорошие проценты и что мистер и миссис Раудон хлопотали за нее у мистера Питта, обещавшего поместить то, что у нее еще осталось, самым выгодным образом, как только представится к тому случай. Милорд осведомился, какую же именно сумму уже успел «поместить» полковник, и мисс Бриггс сразу и честно назвала сумму: шестьсот с чем-то фунтов стерлингов.

Но едва рассказав о своих обстоятельствах, болтливая Бриггс раскаялась в своей откровенности и стала умолять милорда не передавать миссис Кроули о сделанных ею признаниях. Полковник всегда так добр, мистер Кроули может обидеться и вернуть ей деньги, за которые она нигде не получит таких высоких процентов.

Лорд Стэйн, смеясь, обещал, что не выдаст тайны их разговора, и, прощаясь с мисс Бриггс, все еще продолжал улыбаться.

«Ах, какой это необыкновенный бесенок! — думал он. — Что за чудесная актриса и притворщица! Ведь на днях она едва не выманила у меня вторично денег своей вкрадчивостью. Она за пояс заткнет всех женщин, каких я знавал за свою недурно проведенную жизнь. Они грудные младенцы по сравнению с нею. А я сам в ее руках становлюсь молокососом и дураком, старым дураком! Но как неподражаемо она умеет лгать!»

Восхищение, с каким его милость относился к Бекки, возросло до грандиозных размеров от этого нового доказательства ее ума и изворотливости. Выманить деньги — нехитрая штука; но выманить вдвое больше того, что нужно, и никому не заплатить — это великолепнейшая штука!

«А Кроули-то, — думал милорд, — Кроули-то не так глуп, как кажется. Он тоже недурно обделывает свои делишки. По его лицу и по манере держать себя никто бы и не заподозрил, что ему известно что-нибудь об этих деньгах; однако это он подучил ее, а деньги истратил, несомненно, сам».

В этом своем мнении милорда, как мы знаем, ошибался, но оно в значительной мере отозвалось на дальнейшем обращении милорда с полковником Кроули: он стал обращаться с ним даже без того подобия видимого уважения, какое ранее оказывал этому джентльмену. Покровителю миссис Кроули и в голову не пришло, что эта милая дама припрятывает денежки лично для себя; а кроме того, если уж говорить правду, маркиз судил полковника на основании опыта, вынесенного им за время своей долгой и недурно проведенной жизни из соприкосновения с другими мужьями, и он в совершенстве познал большинство человеческих слабостей. Милорду за его век слу-

чалось подкупать так много людей, что, конечно, ему можно простить предположение, что и в данном случае он сумел определить истинную цену полковника Кроули.

При первом же случае, оставшись наедине с Бекки, он завел разговор на эту тему, потом добродушно похвалил за рассудительность, выразившуюся в том, что она просила больше денег, чем было нужно. Бекки смутилась лишь на минутку. Не в обычае этого милого создания было лгать без надобности, но в подобных важных случаях она обыкновенно лгала с величайшей непринужденностью. И тут в одно мгновение у нее сложилась другая, очень правдоподобная и обстоятельная, история, и она преподнесла ее своему покровителю. Прежнее ее утверждение было ложью, бессовестной ложью, она признается в этом; но кто заставил ее лгать?

— Ах, милорд, — говорила она, — вы и представить себе не можете, чего только мне не приходится переносить молча: вы видите меня веселой и счастливой, вы не знаете, какие муки я терплю, когда возле меня нет защитника. Муж угрозами и самым грубым обращением заставил меня выпросить у вас ту сумму, относительно которой я вас обманула. Он же, ожидая, что вы можете спросить, на что именно мне нужны деньги, вынудил меня налгать вам то, что я налагала. Это он взял деньги. Он сказал мне, что уплатил мисс Бриггс, я не хотела, не посмела не поверить ему. Простите мужу проступок, на который его вынудило отчаяние, и пожалейте несчастную, несчастную женщину! — Говоря это, она заливалась слезами. Сама гонимая добродетель не могла бы быть очаровательнее в своей скорби.

Они имели продолжительный разговор, катаясь вместе в экипаже миссис Кроули по Риджентс-парку; подробности этого разговора нам незачем приводить, но в результате его Бекки по возвращении домой вбежала к мисс Бриггс, сияя улыбкой, и объявила, что принесла ей приятную весть. Лорд Стэйн поступил как нельзя благороднее и великодушнее. Он только и думает, как бы кому-нибудь и чем-нибудь сделать добро. Теперь, когда Рауди поступил в школу, Бекки лично не нуждается в компаньонке. Мысль о разлуке с Бриггс ее страшно огорчает, но недостаток средств заставляет ее урезывать себя во всем, а горе ее смягчается при мысли о том, что ее дорогая Бриггс устроится гораздо лучше у своего великодушного покровителя, чем в их скромном доме. Миссис Пилькингтон, домоправительница замка Гаунтли, слишком стара, слаба и страдает ревматизмом; она не справляется с работой по наблюдению за обширным замком, и приходится искать ей заместительницу. Это прекрасное место. Хозяева наезжают в Гаунтли раз в два года, а то и реже. Все остальное время домоправительница — полная хозяйка великолепного замка; каждый день стол ей накрывается на четыре куверта, к ней ездят в гости духовенство и почетнейшие люди в графстве, — словом, она является фактической хозяйкой замка; а две предшественницы миссис Пилькингтон вышли замуж за пасторов в Гаунтли; миссис Пилькингтон, понятно, не могла этого сделать, потому что теперешний пастор приходится ей племянником. Место это Бриггс получит, разумеется, не сейчас; но пока она может съездить в Гаунтли повидаться с миссис Пилькингтон и посмотреть, подойдет ли ей предложение маркиза.

Какими словами описать восторженную благодарность Бриггс? Она поставила единственное условие, чтобы маленького Рауди отпускали к ней погостить. Бекки обещала и это, и что угодно. Когда вернулся муж, она побежала сообщить радостную весть и ему. Раудон обрадовался, чертовски обрадовался; с его совести снимался гнет за неотданные деньги бедняжке Бриггс. Во всяком случае, она будет обеспечена,

но... но что-то его беспокоило. Он рассказал о предложении лорда Стэйна маленькому Соусдауну, и молодой человек так посмотрел на Кроули, что тот пришел в недоумение.

Раудон рассказал леди Джейн об этом втором доказательстве доброты лорда Стэйна; но и она посмотрела на него смущенно и испуганно; так же посмотрел и Питт.

— Она слишком умна и... и весела, чтобы разъезжать одной по гостям, без компаньонки, — сказали оба. — Ты должен ездить с нею всюду, Раудон, и необходимо, чтобы при ней был кто-нибудь — хотя бы одна из девочек из Куинс Кроули, хотя, конечно, это охрана довольно ненадежная.

Кого-нибудь надо было пристроить к Бекки. Но пока что, разумеется, нельзя же было допустить, чтобы верная Бриггс упустила прекрасную возможность устроиться на всю жизнь; и вот она уложила свои сундуки и отправилась в путь. Таким образом, двое из наружных часовых Раудона оказались в руках неприятеля.

Сэр Питт приехал объясняться с невесткой по поводу увольнения Бриггс и иных щекотливых семейных интересов. Тщетно убеждала его Бекки, насколько ее бедному мужу необходимо покровительство лорда Стэйна и какую жестокостью было бы лишать Бриггс предложенного ей места. Уговоры, ласки, улыбки, слезы — ничто не могло смягчить сэра Питта, и он почти поссорился с Бекки, внушавшей ему прежде такое преклонение. Он говорил о фамильной чести, о незапятнанной репутации семьи Кроули; с негодованием высказался о том, что она принимает молодых французов — этих беспорядочных франтиков, и даже милорда Стэйна, экипаж которого вечно торчит у ее подъезда, а сам маркиз ежедневно проводит с нею целые часы; о его постоянных посещениях в свете уже идут пересуды. В качестве главы рода, он умолял Бекки быть осмотрительнее. В обществе о ней уже и сейчас отзываются не особенно лестно. Лорд Стэйн, при всей своей знатности, высоком положении и дарованиях, такой человек, что его ухаживания компрометируют любую женщину. Баронет умолял, заклинал невестку, настоятельно приказывал ей быть как можно осторожнее по отношению к маркизу.

Бекки пообещала исполнить все, чего желал Питт; но лорд Стэйн продолжал бывать у нее не реже прежнего, и неудовольствие сэра Питта усилилось. Не знаю, была ли леди Джейн опечалена или довольна тем, что ее супруг наконец несколько разочаровался в своей любимице Бекки. Так как визиты лорда Стэйна продолжались, то баронет сам перестал бывать у невестки, а его жена решила совсем прекратить всякие сношения со знатым вельможей и хотела отказаться от присланного маркизой приглашения на вечер с шарадами; но сэр Питт заявил, что поехать на этот вечер необходимо, так как на нем будет присутствовать его королевское высочество.

На вечер они поехали, но сэр Питт вернулся домой рано, а леди Джейн тоже была рада возможности уехать поскорее. Бекки с баронетом едва сказала два слова, а невестку даже и не заметила, Питт Кроули нашел ее поведение чудовищно неприличным, в резких выражениях порицал домашние спектакли и маскарады, как в высшей степени неподобающие для английской женщины, а после шарад прочел строгое наставление Раудону за то, что он решил сам и дозволил своей жене принять участие в такой неприличной выставке.

Раудон обещал, что впредь Бекки не будет участвовать в подобных развлечениях, и сам — вероятно, под влиянием намеков старшего брата и невестки — стал прояв-

лять необыкновенную бдительность и сделался примерным семьянином. Он бросил свои клубы и бильярдные и почти не выходил из дома. Ездил с Бекки на катанья и усердно сопровождал ее по гостям. Когда бы ни приехал лорд Стэйн, — он непременно заставлял полковника. А если Бекки собиралась поехать куда-нибудь одна или получала приглашения для одной себя, он решительно приказывал ей оставаться дома, и в манерах его появилось что-то такое, что заставляло ее повиноваться. Малютка Бекки, надо отдать ей справедливость, была очарована предупредительностью Раудона. Если он иногда бывал мрачен, то она — никогда. При гостях или наедине, всегда у нее была для него приветливая улыбка, всегда она заботилась об его удовольствии и удобстве. Они словно опять переживали медовый месяц: то же прекрасное настроение, предупредительность, веселость, бесхитростная доверчивость, внимание и уважение.

— Насколько приятнее сидеть в экипаже рядом с тобой, чем с этой старой дурой Бригс, — говорила она. — Давай и всегда жить так, милый Раудон! Как бы это было хорошо и какие бы мы были счастливые, будь у нас деньги!

После обеда полковник дремал в кресле; он не видел скучающего, злобного, страшного лица сидевшей против него жены; когда он просыпался, оно снова озарялось нежной улыбкой. Она весело целовала мужа. Он удивлялся, как мог питать какие-нибудь подозрения. «Нет, у него никогда не было подозрений; все эти смутные сомнения и мрачные предположения, угнетавшие его душу, вызывались только глупой ревностью. Она любит его; никогда не переставала любить. А если она блистает в свете, то это не ее вина; она затем и рождена, чтобы блистать там. Разве найдется женщина, которая сумела бы так вести разговор, петь, делать что угодно так, как умеет она? Если бы она еще любила мальчика!» — думал Раудон. Но сблизить мать и сына так и не удавалось.

И вот именно в то время, когда Раудон предавался этим сомнениям и недоумениям, и случилось происшествие, описанное нами в предыдущей главе, и злополучный полковник оказался узником, оторванным от дома.

ГЛАВА LIII

Освобождение и катастрофа

Итак, приятель наш Раудон был доставлен к дому мистера Мосса на Керситор-стрит и достождным образом водворен в этой печальной обители гостеприимства. Утро уже брезжило над веселыми крышами домов в Лэнсери-Лейне, когда дребезжание кэба пробудило здесь эхо; маленький красноглазый еврейчик, с головою, рдевшей столь же ярко, как и занимавшая заря, впустил приехавших в дом, и мистер Мосс, спутник, а с этой минуты хозяин Раудона, приветствовал его в комнатах нижнего этажа и приветливо осведомился, не пожелает ли полковник чего-нибудь горяченького после поездки.

Полковник был вовсе не так удручен, как были бы иные смертные, очутись они на запоре в долговом отделении, только что покинув дворец и *placens uxor*¹, потому что, сказать по правде, он уже и раньше бывал гостем мистера Мосса. Мы не считали нужным в предыдущем нашем рассказе упоминать об этих будничных и мелких домашних делишках; но читатель может поверить, подобные случаи не редкость в жизни человека, живущего на счет отсутствующего дохода.

Во время первого своего визита к мистеру Моссу полковник, тогда еще неженатый, был освобожден благодаря щедротам тетюшки; при второй беде малютка Бекки с величайшей находчивостью и добротой заняла денег у лорда Соусдауна и упростила кредиторов (на самом деле это был торговец, у которого она же забирала шали, бархатные платья, кружевные носовые платки, драгоценности и разные безделушки) удовольствоваться частью платежа, а на остальную сумму принять вексель Раудона;

¹ Любезную супругу (*лат.*).

таким образом, в обоих предшествовавших случаях и арест, и освобождение сопровождались изысканной любезностью с обеих сторон, а потому Мосс и полковник и теперь встретились с величайшей приязнью.

— Вы найдете здесь вашу прежнюю постель, полковник, и все удобства, могу сказать по чести, — уверял Мосс. — И, будьте уверены, ее постоянно проветривали, да и служила она только самым избранным особам. В позапрошлую ночь ее занимал высокородный капитан Фэмиш из пятидесятого драгунского полка, мамаша выкупила его, заставив просидеть две недели, просто в наказание, так она сказала. Но, господи помилуй, клянусь вам, он наказал мое шампанское, чуть не каждый день устраивал вечера и все такие важные господа к нему приезжали из клубов и из Вест-Энда: капитан Рэгг, высокородный Дьюсис, что живет в Тэмпле, и еще несколько молодых людей, понимающих толк в стакане доброго вина, можете поверить. А сейчас у меня наверху один доктор богословия, а в кофейной комнате — пятеро дворянчиков; миссис Мосс даже устраивает *table d'hôte*¹ в половине шестого, а потом играют в карты или занимаются музыкой, и мы будем очень рады видеть вас.

— Я позвоню, когда мне что-нибудь понадобится, — сказал Раудон и спокойно направился в спальню. Мы ведь говорили, что он был старый солдат, и его не смущали легкие пинки, которыми угощала его судьба. Более малодушный человек послал бы жене письмо сразу же после ареста. «Но зачем тревожить ее ночной сон? — подумал Раудон. — Она ведь не знает, у себя ли я в спальне, или нет. Успею написать, когда она выспится, да и я тоже. Заплатить ведь надо всего сто семьдесят фунтов, а такую сумму мы, черт возьми, как-нибудь наберем». И вот, подумав о маленьком Рауди (ему бы не хотелось, чтоб мальчик узнал, в какое странное место попал его отец), полковник улегся в постель, лишь недавно освобожденную капитаном Фэмишем, и заснул. Проснулся он в десять часов, и красноголовый юноша, с заметной гордостью, внес серебряный несессер для того, чтобы полковник побрился. Дом мистера Мосса, хотя и довольно грязный, был обставлен с большим великолепием. На буфете красовались захватанные подносы и вазы для охлаждения вина, на выходивших на Керситор Стрит окнах с решетками висели тяжелые пыльные золоченые карнизы с закопченными занавесями из желтого атласа, на стенах огромные позолоченные и потускневшие рамы заключали картины на библейские сюжеты или изображавшие охотничьи сцены, все работы крупнейших мастеров и стоившие огромных денег, как можно было судить по записям сделок, в силу которых они то и дело покупались и снова перепродавались, переходя из рук в руки. Завтрак полковнику подали в знакомой уже захватанной серебряной посуде. Мисс Мосс, черноглазая девица в папильотках, явилась с чайником и улыбаясь осведомилась у полковника, как он почивал.

Она принесла и номер «Утренней Почты», где были пропечатаны фамилии всех знатных особ, фигурировавших накануне на вечере у лорда Стэйна. В блистательном отзыве о вечере особо отмечалась дивная игра прелестной и совершенной во всех отношениях миссис Раудон Кроули.

После оживленной беседы с мисс Мосс (она присела на стол в непринужденной позе, обнаружившей ее спустившийся чулок и когда-то белую атласную туфлю со стоптанным каблуком) полковник Кроули попросил перо, чернил и бумаги и на во-

¹ *Табльдот* (фр., буквально: «хозяйский стол») — общий стол в гостиницах, пансионатах, ресторанах.

прос, сколько ему угодно листов бумаги, взял один из тех, что мисс Мосс придерживала указательным и большим пальцами. Немало таких листков довелось приносить черноокой деве; не один бедняга лихорадочно и торопливо царапал и перемарывал умоляющие строки, а потом шагал вдоль и поперек по ужасной комнате в ожидании посыльного с ответом. Бедные люди всегда обращаются к услугам посыльных, а не пользуются почтой. Кто не получал подобных писем с непросошедшей еще облаткой и с пояснением, что посланный дожидается в прихожей ответа?

Теперь, когда и ему пришлось прибегнуть к этому способу, Раудон не очень колебался.

«Дорогая Бекки, — писал он, — надеюсь, ты спала хорошо. Не пугайся, что я не сам принес тебе кофий. Когда я прошлой ночью, покуривая, возвращался домой, со мной произошел инцидент. Меня сцапал Мосс с Керситор-стрит, — из его раззолоченной и роскошной приемной я и пишу тебе, — тот самый, что забрал меня два года тому назад. Мисс Мосс только что подала мне чай, — она сильно растолстела, и, по обыкновению, чулки у нее сползают до пят.

Это по делу Натана — полтора фунтов, с судебными издержками — сто семьдесят. Пожалуйста, пришли мне шкатулку и какой-нибудь костюм, — я ведь в бальных башмаках и белом галстуке (он сейчас похож на чулки мисс М.), — в ней у меня семьдесят фунтов. И как получишь это письмо, поезжай к Натану — предложи ему семьдесят пять наличными и попроси переписать, скажи, я возьму у него вина, все равно ведь к обеду нужен херес; но только не картины, они чересчур дороги.

Если он не согласится, возьми мои часы и какие-нибудь из своих вещей, без которых можешь обойтись, и отправь их к Больсу, — деньги, понятно, должны быть сегодня к вечеру. Я не хочу тянуть это дело, потому что завтра воскресенье; постели здесь не очень чистые, да и другие тоже могут насесть на меня. Я рад, что в эту субботу Рауди не приезжает домой. Господь с тобой. Спешу. Твой Р. К.

P. S. Приезжай скорее».

Письмо, заклеенное облаткой, было отправлено с одним из посыльных, постоянно вертевшихся около учреждения мистера Мосса; и Раудон, убедившись в уходе посыльного, вышел на двор и закурил сигару с довольно легким сердцем, невзирая на присутствие железной решетки над головой, ибо двор мистера Мосса со всех сторон и сверху обнесен решеткой, словно клетка, на случай если бы джентльмены, находящиеся у него на хлебах, вздумали спастись бегством от его гостеприимства.

Он рассчитал, что самое большее через три часа Бекки явится и растворит двери его темницы; и он провел это время весьма беззаботно, покуривая, читая газету и разговаривая в кофейной комнате со знакомым капитаном Уокером, тоже попавшим сюда, потом несколько часов играл с тем же Уокером в карты по шести пенсов за партию, причем обоим везло почти одинаково.

Но день прошел, а посыльный не возвращался, — не являлась и Бекки. Table d'hôte мистера Мосса открылся ровно в половине шестого, и те из джентльменов, проживавших в его доме, которым по карману была плата за угощение, сошлись в вышеописанной роскошной столовой, примыкавшей к временной спальне мистера Кроули, и принимали участие в трапезе; мисс Мосс (или мисс Рэм, как ее звал папаша) появилась без утренних папилюток, а миссис Гэм угощала великолепной отварной бараниной с гарниром из брюквы, но полковник кушал без аппетита. Когда его спросили, не

поставит ли он бутылочку шампанского для компании, он согласился, и дамы выпили за его здоровье, а мистер Мосс почтительнейше «обратил на него взор».

В разгаре пира раздался звонок у дверей, юный красноволосый Мосс поднялся с места и, вооружившись ключами, отправился на призыв, а вернувшись, сказал полковнику, что пришел посыльный и принес саквояж, шкатулку и письмо, последнее он вручил мистеру Кроули.

— Без церемоний, полковник, прошу вас, — сказала миссис Мосс, помахивая рукой, и Раудон не без тревоги вскрыл письмо — хорошенькое письмецо, пахнущее тонкими духами, на розовой бумаге и со светло-зеленою печатью.

«*Mon pauvre cher petit*¹, — писала миссис Кроули, — я ни на мгновение не могла уснуть, все думала, что случилось с моим противным старым чудовищем, задремала только утром после того, как послала за мистером Бленчем (у меня поднялся жар), который прописал мне успокоительную микстуру и отдал Финетте распоряжение, чтобы меня ни в каком случае не беспокоили. Так что посланный моего бедненького старого мужа — по словам Финетты, он имел *bien mauvaise mine*² и даже *sentait le Genièvre*³ — несколько часов продежурил в прихожей, пока я не позвонила. Можешь представить мое состояние, когда я читала твое милое, печальное и не очень грамотное письмо.

Несмотря на то, что я чувствовала себя больной, я сейчас же велела подать карету и, одевшись (я даже не выпила ни капельки шоколаду, уверяю тебя, не могла выпить оттого что он был принесен не моим чудовищем), помчалась *ventre à terre*⁴ к Натану. Я повидалась с ним, я плакала, рыдала, я пала к его гнусным ногам. Ничто не могло смягчить этого отвратительного человека. Он сказал, что желает получить все деньги или будет держать мое бедное чудовище в тюрьме. Я вернулась домой с намерением нанести *triste visite chez mon oncle*⁵ (потому что, если бы даже я предоставила все свои безделушки в твое распоряжение, мы не наскребли бы и ста фунтов, ведь много их, ты же знаешь, уже находятся у се *cher oncle*⁶, но застала у нас милорда с болгарским уродом, похожим на барана, явившимся выразить мне свою похвалу за вчерашнее представление. Потом пришел Паддингтон, тягучий, картавый, постоянно приглаживающий свои волосы; потом Шампиньяк и его начальник — все с целой *foison*⁷ комплиментов и лстивыми речами — и мучили меня, несчастную, в то время, как я только и мечтала, как бы от них поскорее избавиться, и ни на одну минуту не переставала думать о *mon pauvre prisonnier*⁸.

Когда они наконец уехали, я упала на колени перед милордом, сказала ему, что нам приходится заложить все в доме, и стала умолять его одолжить мне двести фунтов. Он пыхтел и сопел от злости, уговорил меня не делать глупостей и ничего не закладывать и сказал, что посмотрит, сможет ли одолжить мне эти деньги. В конце концов он уехал, обещав мне прислать их завтра утром; итак, завтра же я привезу деньги моему бедному старому чудовищу вместе с поцелуем от любящей его *Бекки*.

¹ Мой бедный, милый маленький (*фр.*).

² Очень подозрительный вид (*фр.*).

³ От него пахло имбирем (*фр.*).

⁴ Стремглав (*фр.*).

⁵ Печальный визит к дядюшке (*фр.*).

⁶ Этого милого дядюшки (*фр.*).

⁷ Кучей (*фр.*).

⁸ Моем бедном узнике (*фр.*).

Пишу в постели. Ах, если бы ты знал, как у меня болит голова и сердце!

Прочитав письмо, Раудон так покраснел, и вид у него стал такой свирепый, что компания за табльдотом сразу догадалась, что он получил неприятные вести. Все прежние подозрения, которые Раудон пытался отогнать от себя, сразу обступили его. Она даже не может пойти и продать свои безделушки ради его освобождения! Она может смеяться и рассказывать, как ее осыпают комплиментами в то время, как он сидит в тюрьме. Из-за кого он сюда попал? Ведь с ним пошел Уэнгэм. Неужели это? Он даже не решился остановиться на мелькнувшем у него подозрении. Поспешно выйдя из столовой, он вбежал в свою комнату, отпер шкатулку, торопливо набросал несколько строк, адресовал на имя сэра Питта или леди Кроули и велел посыльному немедленно взять кэб и отвезти письмо на Гаунт-стрит, пообещав дать ему гинею, если он вернется через час.

В записке он именем бога, ради спасения своего сына и чести, заклинал дорогих брата и сестру приехать и выручить его из беды. Он в тюрьме; ему необходимо сто фунтов, чтоб получить свободу; он умолял их приехать.

Отправив посыльного, он вернулся в столовую и потребовал еще вина. Он смеялся и болтал с какою-то странной возбужденностью, как заметили присутствующие. Порой он начинал безумно хохотать над своими страхами и принимался пить и все прислушивался, не едет ли кэб, который должен привезти решение его судьбы.

По прошествии часа у ворот действительно послышался стук колес, юный привратник вышел с ключами. В кэбе оказалась дама, которую он проводил к дверям судебного пристава.

— Мне нужно видеть полковника Кроули, — сказала дама, дрожа всем телом.

Привратник с многозначительным видом запер сначала наружную дверь, потом отпер и распахнул внутреннюю и, возгласив: «Полковник, вас просят», ввел даму в заднюю комнату, отведенную полковнику.

Раудон вошел из столовой, где остальные продолжали пировать; вместе с ним в комнату ворвалась струя яркого света, озарившего даму; она стояла там, все еще сильно волнуясь.

— Это я, Раудон, — проговорила она робким голосом, которому старалась придать беззаботность. — Это я, Джейн!

Раудон совсем растерялся, услышав этот ласковый голос и увидев милое лицо. Он подбежал к невестке, схватил ее в объятия, пробормотал невнятно слова благодарности и откровенно разрыдался, припав к ее плечу. Она не догадывалась о причине его волнения.

Требования мистера Мосса были скоро удовлетворены, к немалому, пожалуй, разочарованию этого джентльмена, ибо он рассчитывал продержатъ у себя полковника хотя бы до понедельника; Джейн с радостной улыбкой и сиявшими от счастья глазами увела Раудона от судебного пристава, и они поехали домой в том самом кэбе, в котором она поспешила на помощь к полковнику.

— Когда принесли записку, Питт уже уехал на парламентский обед, — говорила она, — и, таким образом, милый Раудон, я... я поехала сама. — И леди Джейн ласково взяла его за руку.

Пожалуй, Раудону Кроули повезло, что Питт уехал на обед. Раудон без конца благодарил невестку, и с таким жаром, что растрогал и почти напугал добросердечную женщину.

— Ах, вы и не подозреваете, как я изменился с тех пор, как узнал вас и... и маленького Рауди, — говорил он с обычной своей грубоватой откровенностью. — Я... я хотел бы еще измениться. Вы понимаете, я хочу быть... — Он не закончил фразы, но леди Джейн и так его поняла. И вечером, после того как Раудон ушел, она, сидя у

кровати своего сына, смиренно помолилась за несчастного, измученного грешника.

Расставшись с леди Джейн, Раудон поспешил домой. Было уже девять часов вечера. Он торопливо шел по улицам и большим скверам ярмарки тщеславия и наконец, запыхавшись, очутился против своего дома. Он даже отшатнулся и, задрожав, прислонился к ограде, едва взглянул вверх. Окна гостиной сияли светом, а ведь жена написала ему, что больна и лежит в постели. Он постоял несколько минут не двигаясь; свет из комнат падал на его бледное лицо.

Наконец он вынул из кармана ключ от входной двери и проник в дом. Из верхних комнат до него донесся смех. Он был все еще в бальном костюме, в котором его арестовали прошлой ночью. Тихонько, держась за перила, поднялся он по лестнице. Нигде в доме не слышалось никакого движения, — очевидно, вся прислуга отпущена со двора. За дверями Раудон услышал смех... смех и пение. Бекки пела отрывок из вчерашнего романса; хриплый голос воскликнул: «Браво, браво!» — то был голос лорда Стэйна.

Раудон отворил дверь и вошел. Маленький столик был накрыт для обеда и уставлен бутылками с вином и посудой. Стэйн наклонился над диванчиком, на котором сидела Бекки. Бессовестная женщина была в ослепительном туалете, руки и пальцы ее сверкали от браслетов и колец, на груди сияли бриллианты, подаренные Стэйном. Милорд держал Бекки за руку и нагнулся ее поцеловать, как вдруг Бекки слабо вскрикнула и вскочила, увидев побледневшее лицо Раудона. В следующее же мгновение она попыталась состроить улыбку, ужасную улыбку, словно желая выразить радость по поводу возвращения мужа. А Стэйн выпрямился, скрипнув зубами, бледный и гневно сверкая глазами.

Он тоже попробовал засмеяться и двинулся вперед, протянув руку.

— Как? Вы вернулись? Как себя чувствуете, Кроули? — проговорил он, но уголки его губ кривились, когда он попытался улыбнуться вошедшему.

На лице Раудона отразилось что-то, заставившее Бекки упасть на колени.

— Я невинна, Раудон, — воскликнула она. — Клянусь богом, я невинна! — Она хваталась за его фрак, за руки, собственные ее руки были унижены браслетами, кольцами, всевозможными побрякушками. — Я невинна! Скажите ему, что я невинна, — обратилась она к лорду Стэйну.

Но тот заподозрил, что ему устроили ловушку, и был взбешен одинаково и на мужа и на жену.

— Вы невинны? Черт вас возьми! — закричал он. — Невинны! Когда все драгоценности, что на вас нацеплены, куплены мною! Я передавал вам целые тысячи фунтов, за которые этот молодчик вас продал, а деньги промотал. Невинность! Черт! Вы так же невинны, как ваша мать, балетная плясунья, и ваш буян супруг. Не воображайте, что запугаете меня, как запугивали других. Посторонитесь, сэр, дайте мне пройти. — Лорд Стэйн схватил шляпу и, глядя прямо в лицо врагу пылающими от гнева глазами, двинулся на полковника, ни на минуту не сомневаясь, что тот посторонится.

Но Раудон Кроули бросился на Стэйна и, схватив его за галстук, сдавил ему шею с такой силой, что Стэйн, задыхаясь, захрипел и стал валиться на пол.

— Ты лжешь, собака! — крикнул Раудон. — Лжешь, трус, негодяй! — И, развернувшись, закатил пэру две пощечины, от которых тот, окровавленный, рухнул на пол. Все это произошло с такой быстротой, что Ребекка не успела вмешаться. Она стояла, вся дрожа. Она восхищалась своим мужем, который оказался таким сильным, храбрым и победил.

— Подойди сюда! — приказал он. Она сейчас же повиновалась.

— Сними все это! — Дрожа, она стала снимать браслеты, кольца с трясущихся пальцев и, собрав все в кучу, трепетно посмотрела на мужа.

— Брось все на пол! — сказал он, и она опять повиновалась. Он сорвал с ее груди ожерелье и запустил им в лорда Стэйна. Оно рассекло ему лысый лоб, и шрам от удара остался у Стэйна до самой смерти.

— Пойдем наверх, — позвал Раудон жену.

— Не убивай меня, Раудон, — взмолилась она. Он дико захохотал.

— Я хочу посмотреть, лжет ли этот человек насчет денег, как он налгал на меня. Он давал тебе деньги?

— Нет, — ответила Ребекка. — То есть...

— Дай мне ключи, — потребовал Раудон, и они вышли вместе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ребекка дала ему все ключи, за исключением одного: она надеялась, что он не заметит отсутствия этого одного ключика. Он был от шкатулочки, подаренной ей в давно минувшие времена Амелией, она держала ее в потайном месте. Но Раудон перерыл все шкафы и ящики, раскидав по комнате их разнообразное содержимое, и в конце концов нашел и шкатулку. Жена принуждена была отпереть ее. В ней оказались бумаги, много лет тому назад полученные любовные письма, всевозможные безделушки и памятки, хранимые женщинами. Там же оказался бумажник, набитый банковыми билетами. Некоторые из них были выпущены десять лет тому назад, но один нашелся совсем новенький — билет на тысячу фунтов, данный ей лордом Стэйном.

— Это он дал тебе этот билет? — спросил Раудон.

— Да, — ответила Ребекка.

— Я верну его сегодня же, — сказал Раудон (уже занималась заря, потому что на поиски ушло много часов), — и расплачусь с Бриггс, которая так хорошо относилась к мальчику, и еще с некоторыми долгами. Ты дашь мне знать, куда тебе переслать, что останется. Ты могла бы не пожалеть для меня ста фунтов из этих денег, Бекки, — я всегда делился с тобою.

— Я невинна, — опять принялась уверять Бекки, но он ушел от нее, не прибавив больше ни слова.

О чем думала Бекки по уходе мужа? Несколько часов просидела она одна на краешке кровати, солнечные лучи уже заливали комнату. Все ящики были выдвинуты, а содержимое их раскидано по полу: платья и перья, шарфы и драгоценности — груда мишуры, наваленная словно после крушения. Волосы Бекки в беспорядке свешивались на плечи, платье разорвалось, когда Раудон срывал с нее бриллианты. Она слышала, как через несколько минут после ухода он спустился по лестнице, и выходная дверь хлопнула и затворилась за ним. Она знала, что он больше не вернется. Он ушел навсегда. «Неужели он убьет себя? — подумала она. — Да, может быть, но не раньше чем сразится с лордом Стэйном». Она думала о своей долгой прошлой жизни и всех печальных событиях, пережитых ею. Ах, какой скучной, какой жалкой, одинокой и бесцельной показалась ей эта жизнь! Не принять ли лауданума¹ и не покончить ли со всем — покончить со всеми надеждами, планами, долгами и триумфами? Горничная-француженка застала ее в этом положении — сидящую посреди печального разрушения, со сложенными руками и сухими глазами. Горничная была ее сообщницей и стояла на жаловании у Стэйна.

— Mon Dieu, madame², что случилось? — воскликнула она.

Что случилось? Была ли она виновата или нет? Она утверждала, что нет, но кто мог сказать, что именно было правдой из того, что слетало с этих уст, и действительно ли это порочное сердце было в данном случае чисто? Все ее лганье и хитрости, вся ее эгоистичность и пороки, весь ее ум и изворотливость завершились этим банкротством. Горничная задернула занавеси и настойчивыми уговорами и притворными ласковыми просьбами убедила ее лечь в постель. Потом спустилась в гостиную и подобрала драгоценности, валявшиеся на полу с той минуты, как Ребекка бросила их там по приказу мужа, а лорд Стэйн ушел.

¹ *Лауданум* — лекарство, в состав которого входит опиум.

² Боже мой, сударыня (*фр.*).

ГЛАВА LIV

В воскресенье после битвы

Дом сэра Питта Кроули на Грэт-Гаунт-стрит только что начал прихорашиваться для праздника, когда Раудон, все в том же бальном одеянии, которого не снимал уже двое суток, прошел мимо испуганной женщины, мывшей лестницу, прямо в кабинет к брату. Леди Джейн уже встала и, надев утренний капот, прошла наверх в детскую и там присматривала за одеванием детей и слушала, как они лепетали у ее колен утренние молитвы. Каждое утро она исполняла этот обряд наедине с детьми, задолго до руководимой сэром Питтом церемонии, на которую обязаны были собираться все домашние. В кабинете Раудон присел к столу баронета, где были разложены аккуратно переплетенные Синие книги, письма, счета с тщательными пометками и симметрично подобранные брошюры. Замкнутые на ключ приходно-расходные книги, шкатул-

ки, портфели, библия, «Quarterly Review»¹ и «Придворный календарь» — все было в строгом порядке, словно на параде, в ожидании начальнического смотра.

Сборник проповедей для домашнего обихода, которые сэр Питт обычно преподносил своим домочадцам по утрам в воскресенье, лежал также наготове на столе, в ожидании просвещенного выбора. А рядом со сборником — еще влажный, аккуратно сложенный номер газеты «Наблюдатель», выписываемой сэром Питтом исключительно для себя. Только его камердинер позволял себе просматривать газету,

¹ «Трехмесячное обозрение» (англ.).

прежде чем положить ее на стол барину. И в это утро, перед тем как принести ее в кабинет, он прочел восторженный отчет о «празднествах в Гаунт-Хаусе», с перечислением фамилий всех высоких особ, приглашенных маркизом Стэйном разделить общество его королевского высочества. Посудачив насчет этой ассамблеи с ключницей и ее племянницей за ранним утренним чаем с горячими гренками, который они распивали в апартаментах покойной леди Кроули, и выразив удивление, как это Раудону удастся «изворачиваться», камердинер подержал газету над паром и аккуратно сложил ее, чтобы она казалась совсем свежою и нетронутою к приходу барина.

Бедняга Раудон взял газету и попробовал было читать в ожидании брата. Но буквы сливались в глазах, и он ничего не понимал из прочитанного. Правительственные сообщения и назначения (сэр Питт, в качестве государственного деятеля, обязан был их прочитывать, иначе он ни в коем случае не допустил бы в своем доме воскресной газеты), театральные рецензии, описание состязания на приз в сто фунтов между Лающим Мясником и Любимцем Тэтбери, даже заметка о Гаунт-Хаусе, содержащая весьма лестный, хотя и сдержанный отзыв о знаменитых шарадах, в которых так отличалась миссис Бекки, — все это мелькало перед Раудоном, как сквозь туман, пока он ожидал появления представителя рода.

Пунктуально, как только черные мраморные часы в кабинете громко начали бить девять, в дверях кабинета появился сэр Питт, свежий, опрятный, отменно выбритый, с гладким, словно восковым, лицом; в туго накрахмаленном воротничке, с аккуратно причесанными и напوماженными редкими волосами, в накрахмаленном галстуке и сером фланелевом шлафроке, он величественно спустился по лестнице, чистая на ходу ноги, — словом, настоящий английский джентльмен доброго старого времени, образец опрятности и всякой добропорядочности. Он вздрогнул, увидев в своем кабинете беднягу Раудона в помятом платье, с налитыми кровью глазами и свисавшими на лоб волосами. Он решил, что брат нетрезв и провел всю ночь на какой-нибудь оргии.

— Боже милостивый, Раудон, — вымолвил он, побледнев, — что тебя привело сюда в такую рань? Почему ты не дома?

— Дома? — переспросил Раудон с диким хохотом. — Не бойся, Питт. Я не пьян. Запри дверь, мне надо с тобой поговорить.

Питт затворил дверь, подошел к столу, сел в другое кресло — поставленное для управляющего, поверенных и секретных посетителей, приходивших к баронету по разным делам, и усерднее, чем когда-либо, занялся чисткой ногтей.

— Питт, моя песня спета, — заговорил, помолчав, полковник. — Я конченный человек.

— Я всегда говорил, что так и будет, — воскликнул раздраженно баронет, постукивая отполированными ногтями. — Я предупреждал тебя тысячу раз. Я больше не в состоянии помогать тебе. Все мои деньги до последнего шиллинга в обороте. Даже те сто фунтов, что Джейн взяла для тебя вчера, я обещал дать завтра утром моему поверенному; и этот неожиданный расход ставит меня в очень неудобное положение. Я не хочу сказать, что отказываюсь помогать тебе в дальнейшем. Но что касается уплаты твоим кредиторам полностью, то я так же могу думать об этом, как и о том, чтоб уплатить национальный долг. Даже мечтать об этом — безумие, чистейшее безумие! Ты должен вступить с ними в сделку. Это неприятно для семейной гордости, но так поступают все. Вот хотя бы Джордж Китли, сын лорда Рэглэнда, на прошлой неделе его дело разбиралось в суде, и его

Питт затворил дверь, подошел к столу, сел в другое кресло, поставленное для управляющего, поверенных и секретных посетителей, приходивших к баронету по разным делам

присудили к тюрьме. Лорд Рэглэнд заявил, что не заплатит за него ни одного шиллинга, а между тем...

— Я прошу у тебя не денег, — прервал Раудон. — Я пришел к тебе не ради себя. Неважно, что будет со мной...

— Тогда в чем же дело? — спросил Питт с заметным облегчением.

— Дело в мальчике, — хрипло выговорил Раудон. — Я пришел просить тебя, чтобы ты о нем позаботился, когда меня не станет. Твоя милая добрая жена всегда так ласково относилась к нему, и он любит ее гораздо больше своей... черт побери! Послушай, Питт, ты знаешь, что деньги мисс Кроули должны были достаться мне. Меня воспитывали не так, как воспитывают младших братьев: напротив, меня всегда поощряли к расточительности и лени. Не будь этого, из меня вышел бы совсем другой человек. В полку я исполнял свои обязанности неплохо. Ты знаешь, каким образом я лишился денег и кому они достались.

— После всех жертв, какие я принес, и после того, как я с такой готовностью помогал тебе, я нахожу такого рода упреки неуместными, — возразил сэр Питт. — Твой брак — дело твоих собственных рук, а не моих.

— С этим теперь уж покончено, — проговорил Раудон. — С этим покончено! — Слова эти вырвались у него со стоном, заставившим вздрогнуть его брата.

— Боже мой! Она умерла? — воскликнул сэр Питт, и голос его зазвучал неподдельной тревогой и сожалением.

— Я предпочел бы умереть сам, — ответил Раудон. — Не будь Рауди, я сегодня утром перерезал бы себе горло... да и этому негодяю тоже.

Сэр Питт сразу уразумел истину и предположил, что лорд Стэйн именно та личность, на жизнь которой желал посягнуть Раудон. Полковник отрывисто и вкратце рассказал старшему брату обстоятельства дела.

— Между нею и этим негодяем все было условлено заранее, — говорил он. — На меня натравили судебных приставов: они арестовали меня, как только я вышел из его дома. Когда я написал ей о деньгах, она ответила, что лежит больная, и оставила меня под арестом до следующего дня. А когда я пришел домой, я застал ее в бриллиантах наедине с этим подлецом.

Потом он вкратце описал свое личное столкновение с лордом Стэйном. В делах такого рода, сказал он, разумеется, может быть только один исход; переговорив с братом, он сейчас же пойдет и примет все меры относительно предстоящей дуэли.

— А так как она может кончиться для меня роковым образом, — упавшим голосом закончил Раудон, — и у мальчика нет матери, то я вынужден поручить его тебе и Джейн. Питт, единственное, что меня может успокоить, это если ты пообещаешь, что будешь ему другом.

Старший брат совсем растрогался и пожал Раудону руку с редко проявляющейся у него сердечностью. Раудон провел рукой по своим густым бровям.

— Благодарю тебя, брат, — пробормотал он. — Я знаю, что на твое слово можно положиться.

— Клянусь тебе своей честью, — подтвердил баронет. Так, без долгих слов, состоялся между ними этот договор.

Затем Раудон достал из кармана маленький бумажник, найденный в шкатулке Бекки, и вынул из него пачку банковых билетов.

— Здесь шестьсот фунтов, — сказал он, — ты и не знал, что я так богат. Прошу тебя передать эти деньги Бриггс, она нам их одолжила, и она всегда была так добра к мальчугану, — меня все время мучила совесть, что мы обобрали бедную старуху. А вот эти деньги — я взял всего несколько фунтов — отдай на расходы Бекки. — С этими словами он вынул остальные билеты, чтобы вручить их брату; но руки его тряслись, и он был так взволнован, что выронил бумажник, а из него выпал билет в тысячу фунтов, бывший последним приобретением злополучной Бекки.

Питт наклонился, поднял билет и опешил, увидев такое богатство.

— Нет, не эти, — сказал Раудон. — Я надеюсь всадить пулю в человека, которому они принадлежат. — Он подумал, что хорошая будет месть — завернуть пулю в билет и прострелить ею Стэйна.

После этого разговора братья еще раз обменялись рукопожатием и расстались. Леди Джейн, узнав о прибытии полковника и женским инстинктом предчувствуя недоброе, ожидала мужа в примыкающей к кабинету столовой. Дверь в столовую случайно осталась незапертой, и миледи, конечно, направилась через нее как раз в ту минуту, когда братья выходили из кабинета. Она протянула Раудону руку и выразила удовольствие по поводу того, что он пришел к завтраку; хотя по его расстроенному небритому лицу и по мрачному виду мужа могла бы догадаться, что обоим им не до завтрака. Раудон пробормотал что-то, сославшись на ранее назначенное свидание, и крепко сжал маленькую ручку, робко протянутую ему невесткой. Ее умоляющие взоры не прочитали на его лице ничего, кроме беды, но он удалился, не прибавив больше ни слова. Не удостоил ее никаким объяснением и сэр Питт. Пришли дети поздороваться с отцом, и он поцеловал их с обычной своей холодностью. Мать прижала обоих к себе и держала их за руки, когда они стали на колени за молитвою, которую сэр Питт прочел семье и прислуге, одетой в праздничные ливреи и платья и выстроившейся у стульев по другую сторону пыхтевшего на столе чайника. Благодаря всем происшедшим задержкам, завтрак в этот день так запоздал, что семья еще сидела за столом, когда зазвонили церковные колокола; леди Джейн, по ее словам, сильно нездоровилось, и она отказалась от посещения церкви, хотя мысли ее растерянно блуждали и во время домашнего молитвословия.

Тем временем Раудон Кроули спешил по Грэт-Гаунт-стрит; ударив в дверной колокол, вделанный в большую бронзовую голову Медузы у подъезда Гаунт-Хауса, он вызвал багроволицего Силена в красном камзоле с серебряными галунами, исполнявшего при дворце обязанности привратника. Того тоже смутил растерзанный вид посетителя, и он преградил ему дорогу, словно боясь, что полковник намерен ворваться во дворец. Но полковник Кроули только вручил ему свою визитную карточку, настоятельно попросил передать ее лорду Стэйну, с просьбой заметить написанный на ней адрес и сказать, что после часа дня полковник все время будет находиться в Риджент-клубе, на Сент-Джеймс-стрит, а не дома.

Жирный краснорожий страж изумленно посмотрел вслед Раудону, когда тот побрел прочь; так же поглядывали на него и ранние прохожие в воскресной одежде, сияющие рожицы питомцев благотворительных учреждений, зеленщик, торчавший у своей лавочки, и кабатчик, закрывавший на ярком солнышке ставни по случаю начала церковной службы. Позубоскалили над внешностью Раудона и на извозничьей бирже, когда он нанимал там кэб и приказывал извозчику отвезти его в Найтбриджские казармы.

Всюду уже звонили и перезванивали колокола, когда он добрался до этого места. Выгляни полковник дорогой из кэба, он увидел бы старинную свою знакомую Амелию, направлявшуюся из Бромптона в Рессель-сквер. Толпы школьников маршировали в церковь, в предместьях лоснящиеся мостовые и тротуары были залиты толпой, вышедшей поразвлечься в воскресенье; но полковник был слишком поглощен своими размышлениями, чтобы обращать внимание на посторонние явления, и, приехав в Найтсбридж, торопливо направился в комнату своего приятеля и сослуживца капитана Макмурдо; к великому своему удовольствию, он застал последнего в казарме.

Капитан Макмурдо, старый офицер и участник Ватерлооской битвы, пользовался в полку общей любовью, и если не достиг высших ступеней по службе, то только потому, что не обладал достаточными материальными средствами; он еще мирно

предавался утренней неге в постели. Накануне он присутствовал на роскошном ужине, устроенном высокородным капитаном Джорджем Синкбэрсом в доме своем на Бромптон-сквере для полковой молодежи и нескольких кордебалетных танцовщиц, и вот старый Мак, чувствовавший себя одинаково свободно с людьми всех возрастов и рангов, водивший знакомство с генералами, собачниками, танцовщицами, кулачными бойцами, словом, с кем угодно, предавался отдыху после ночных трудов и, свободный от служебных обязанностей, возлежал в постели.

Стены его комнаты были увешаны картинами, изображавшими кулачные бои, пляски и всевозможные спортивные сцены, — все это были подарки товарищей, когда последние покидали полк или по случаю женитьбы переходили к более упорядоченному образу жизни. Так как в настоящее время капитану было под пятьдесят, а двадцать четыре года он провел в полку, то у него составилась очень примечательный музей. Он был одним из лучших стрелков в Англии, а принимая во внимание его тучность, и одним из лучших наездников; пока Кроули находился в армии, они вечно соперничали друг с другом. Словом, мистер Макмурдо лежал в постели и читал в журнале *Bell's Life* отчет об упоминавшемся уже нами бое между Любимцем Тетбери и Лающим Мясликом — почтенный бравый воин, с небольшой коротко остриженной седой головой, в шелковой ермолке, краснолицый, красноносый, с большими крашевыми усами.

Когда Раудон сказал капитану, что ему нужен друг, Макмурдо сразу понял, какого именно рода дружеская услуга от него требуется; и действительно, он уже устраивал десятки подобных дел для своих знакомых, проявляя при этом величайшую осмотрительность и такт. Даже его королевское высочество, покойный, всеми оплакиваемый главнокомандующий, питал за это глубокое уважение к Макмурдо, и потому он являлся неизменным прибежищем всех джентльменов, попавших в щекотливое положение.

— Из-за чего же драка, Кроули, дружище? — спросил старый вояка. — Не карточная ссора, вроде той, из-за которой мы ухлопали капитана Мэркера?

— Из-за... из-за моей жены, — ответил Кроули, опустив глаза и сильно покраснев.

Тот свистнул.

— Я всегда говорил, что она вас выбросит за борт, — начал было он; действительно, в полку и в клубах даже держали пари относительно вероятной судьбы полковника Кроули, — настолько мало уважения внушал характер его жены и товарищам его, и светским знакомым. Но, заметив свирепый взгляд, которым Раудон ответил на выраженное им мнение, Макмурдо счел неуместным распространяться далее на эту тему.

— И никакого другого исхода нет, старина? — продолжал серьезно капитан. — Просто подозрение, понимаете, или... или что? Какие-нибудь письма? Вы не можете отнестись к этому поспокойнее? Лучше не поднимать шума из-за таких вещей, если можно обойтись как-нибудь иначе.

«И подумать, что он только сейчас раскусил ее», — размышлял про себя капитан, вспоминая сотни интимных разговоров за столом в офицерском собрании, где от репутации миссис Кроули не оставалось камня на камне.

— Есть только один выход вообще, — ответил Раудон, — и только один выход для одного из нас, Мак, понимаете? Меня убрали с дороги — арестовали; я застал их наедине. Я сказал ему, что он лжец и трус, свалил на пол и отколотил.

— Поделом, — отозвался Макмурдо. — Кто же это?

Раудон ответил, что лорд Стэйн.

— Черт побери! Маркиз! Правда, говорили, что он... говорили, что вы...

— Какого черта вы плетете? — закричал Раудон. — Неужели вы хотите сказать, что слышали, как о моей жене дурно отзывались и не рассказали мне об этом, Мак?

— Свет ведь очень придирчив, старина, — ответил тот. — За каким дьяволом я стал бы передавать вам, что говорят разные дураки.

— Это совсем не по-приятельски, Мак, — сказал пораженный Раудон. И, закрыв лицо руками, он дал волю своему волнению, вид которого заставил даже круто-го старого воина, сидевшего против него, сморщиться от жалости.

— Полно, старина, — сказал он. — Знатный вельможа или нет, все равно мы вса-дим в него пулю, черт его побери! А что касается женщин, так они все таковы.

— Вы не знаете, как я любил ее, — едва слышно признался Раудон, — черт возьми, я бегал за ней, словно лакей! Я отдал ей все, что мог. Я стал нищим только потому, что женился на ней. Клянусь богом, сэр, я закладывал свои часы, чтоб удовлетворить какую-нибудь пустяшную ее прихоть. А она — она все время украдкой копила деньги для себя и пожалела сто фунтов, чтобы выволить меня из долгового отделения. — И он гневно и бессвязно, с волнением, в каком Макмурдо никогда его не видывал, рассказал товарищу подробности печальной истории. Советчик его поспешил ухватиться за кое-какие неясности в ней.

— В конце концов, может быть, она и невинна, — сказал он. — Она это утверждает. А Стэйн и до этого бывал наедине с ней сотни раз.

— Может быть, и так, — уныло ответил Раудон, — но вот это уж далеко не имеет невинного характера. — И показал капитану тысячефунтовый банковый билет, найденный у Бекки в бумажнике. — Это он ей дал, Мак, и она от меня скрыла. А имея в доме такие деньги, она отказалась выручить меня, когда меня посадили под замок. — Капитан не мог не согласиться, что утайка денег — факт, действительно, весьма некрасивый.

Пока они беседовали, Раудон послал слугу капитана Макмурдо на Керзон-стрит с приказанием своему лакею прислать чемодан с платьем, так как полковнику необходимо было переодеться. В отсутствие слуги с немалым трудом и с помощью словаря Джонсона, оказавшего им большую услугу, Раудон и его секундант сочинили, от имени последнего, письмо лорду Стэйну. Капитан Макмурдо имеет честь, гласило письмо, обратиться к маркизу Стэйну по поручению полковника Раудона Кроули и просит принять к сведению, что он уполномочен полковником совершить все предварительные шаги, необходимые для встречи, которую — он не смеет сомневаться — его милость намеревается потребовать и которую события минувшего утра делают неизбежною. Капитан Макмурдо почтительнейше просит лорда Стэйна указать близкое его милости лицо, с которым он (капитан Макмурдо) мог бы войти в сношения, и выражает желание, чтобы встреча произошла по возможности без промедления.

В приписке капитан сообщал, что у него находится банковый билет на значительную сумму, каковой билет полковник Кроули имеет основания считать принадлежащим маркизу Стэйну. И по поручению полковника капитан желал бы вручить указанный банковый билет по принадлежности.

Пока сочинялась эта дипломатическая нота, слуга капитана, посланный в дом полковника на Керзон-стрит, вернулся, но без саквояжа и портпледа¹, за которыми его командировали; вид у него был очень смущенный и недоумевающий.

— Они ничего не дали, — сказал слуга, — в доме сущий ералаш и все перевернуто вверх дном. Пришел домовладелец и заявил, что все принадлежит ему. Прислуга бранится в гостиной. Они сказали... они сказали, будто вы прихватили с собой серебро, полковник, — прибавил он, замаявшись. — Одна из горничных уж уехала, а Симпсон, лакей, правда он совсем пьян, очень шумел и сказал, что ничего не выпустит из дому, пока ему не заплатят жалованья.

Донесение об этой маленькой революции в Мейфэре озадачило и внесло веселую нотку в печальную до этого беседу приятелей, и оба они даже расхохотались над неудачей Раудона.

— Я рад, что мальчуган не дома, — сказал Раудон, покусывая ногти. — Вы помните, Мак, как я приводил его в манеж? Каким молодцом он держался на брыкавшемся коне. Правда?

— Еще бы не правда, старина, — подтвердил добрый капитан.

А маленький Раудон сидел в это время, среди пятидесяти мальчуганов в блузах, в церкви при школе «Белые братья» и думал не о проповеди, а о том, как в будущую субботу поедет домой и как отец, наверное, подарит ему что-нибудь, а может быть, возьмет с собою в театр.

— Прямо козырь-малый, — продолжал отец, поглощенный мыслью о сыне. — Послушайте, Мак, если дело кончится плохо, — если я свалюсь, — я хотел бы, чтобы вы... чтобы вы навестили его, понимаете... Скажите ему, что я очень его любил и что... А, черт! Передайте ему эти золотые запонки, старина, это единственное, что у меня осталось. — Он закрыл лицо грязными руками, и слезы, скатываясь по ним, бороздили их белыми полосками. Макмурдо тоже снял с головы шелковую ермолку и потер ею глаза.

— Пойдите и закажите нам завтрак! — приказал он громким и веселым голосом слуге. — Что вам заказать, Кроули? Почки, соус пикан² и селедку, скажем... Да, вот что, Клэй, достаньте полковнику что-нибудь из моего платья. Мы ведь всегда были почти одинакового роста и объема, Раудон, и не было ездовых легче нас с вами, когда мы только что поступили в полк.

С этими словами Макмурдо повернулся к стене, предоставив полковнику переодеваться, а сам продолжал прерванное чтение журнала, пока приятель не завершил туалета и не наступила очередь одеваться и самому капитану.

К туалету своему, ввиду предстоящего свиданья с лордом, капитан Макмурдо отнесся с особой тщательностью. Усы он нафабрил до ярчайшего блеска, повязал туго накрахмаленный галстук и надел щегольской лосиный жилет, так что все молодые офицеры в полковой столовой, куда капитан явился вслед за полковником Кроули, за завтраком осыпали старого Мака комплиментами и осведомлялись, не собирается ли он в это воскресенье жениться.

¹ *Портплед* — мягкая дорожная сумка для переноски одежды.

² *Пикан* — красный острый соус с мелко нарезанным луком.

ГЛАВА LV,
в которой продолжается рассказ о том же предмете

Бекки очнулась от оцепенения и растерянности, в которые события минувшей ночи повергли ее бесстрашный дух, только когда колокола церкви на Керзон-стрит зазвонили к вечерней службе; тогда она встала с постели и тоже позвонила, призывая горничную-француженку, покинувшую ее несколько часов тому назад.

Миссис Раудон Кроули тщетно звонила несколько раз, но, хотя под конец она звонила так сильно, что даже оборвала шнурок сонетки, мадемуазель Фифина не появлялась, — нет, она не появилась даже и тогда, когда разгневанная хозяйка, держа в руке оборванный шнурок, вышла с распущенными волосами на площадку и принялась громко и настойчиво звать служанку.

Дело же обстояло так, что последняя уже несколько часов тому назад покинула дом, простившись с хозяевами, что назы-

вается, на французский манер. Подобрав в гостиной валявшиеся драгоценности, мадемуазель поднялась в свои собственные апартаменты, уложила и увязала свои картонки, украдкой выбежала на улицу, наняла кэб, собственноручно стащила вниз свой багаж, не обращаясь за помощью ни к кому из прислуги, — да, вероятно, никто бы ей и не помог, так как все ее от души ненавидели, — и, не простившись ни с кем, совершила свой выезд из Керзон-стрит.

По мнению мадемуазель Фифины, игра в этом уютном семейном доме была доиграна до конца. Фифина уехала в кэбе, как уезжали и более высокопоставленные ее соотечественники при подобных же обстоятельствах; но, более предусмотрительная или более удачливая, чем они, она спасла не только свое имущество, но и часть имущества своей хозяйки (если только можно считать, что последняя вообще обладала

каким-нибудь имуществом) и прихватила с собой, помимо вышеупомянутых драгоценностей и нескольких излюбленных платьев, которые давно уже присмотрела, еще четыре роскошных вызолоченных шандала в стиле Людовика XIV, шесть альбомов с вызолоченными крышками, несколько кипсеков¹ и «Галерею красавиц», золотую эмалированную табакерку, принадлежавшую мадам дю Барри, прелестную чернильницу и перламутровый бювар, на котором Бекки писала свои очаровательные розовые записочки, — все это исчезло из дома на Керзон-стрит одновременно с мадемуазель Фифиной, так же как и все серебро, находившееся на столе, накрытом для маленького *festin*², нарушенного Раудоном. Посуду из накладного серебра мадемуазель оставила, вероятно, из-за ее громоздкости, и, несомненно, по той же причине не взяла она каминных приборов, зеркал и фортепьяно из розового дерева.

Некая особа, весьма похожая на нее, держала впоследствии модный магазин на Rue du Helder³ в Париже, где пользовалась большим уважением и покровительством милорда Стэйна. Эта особа всегда отзывалась об Англии как о самой предательской стране в мире и рассказывала своим юным молоденьким мастерицам, что была *affreusement volée*⁴ обитателями этого острова. Не подлежит сомнению, что сочувствие к ее несчастьям и побудило маркиза Стэйна проявлять такое благоволение к мадам де Сент-Амарант. Да процветает же она и впредь, как того заслуживает, — она более не появится на отмежеванном нами участке ярмарки тщеславия.

Услышав шум и движение внизу и возмущаясь нахальством прислуги, не откликающейся на ее призывы, миссис Кроули накинула капот и величественно спустилась в гостиную, откуда доносился шум.

Кухарка с чумазой физиономией сидела на чудесном диване рядом с миссис Рэггс и угощала ее мараскином. Мальчик в куртке с конусообразными пуговицами, разносивший розовые записочки Бекки и с необычайной резвостью соскакивавший с запяток ее каретки, теперь деловито погрузил всю пятерню в блюдо с кремом; лакей беседовал с Рэггсом, лицо которого выражало полное недоумение и уныние; и хотя дверь была приотворена и Бекки много раз кричала в нескольких шагах от них, никто из прислуги даже и не двинулся на ее зов.

— Выпейте еще капельку, выпейте, миссис Рэггс, — уговаривала кухарка в ту минуту, когда Бекки в развевающемся белом кашемировом капоте вошла в гостиную.

— Симпсон! Троттер! — в сильном гневе крикнула хозяйка. — Как вы смеете не являться, когда я вас зову? Как вы смеете сидеть в моем присутствии? Где горничная?

Мальчик вытащил было пальцы изо рта, на мгновение испугавшись, но кухарка взяла у миссис Рэггс рюмку с мараскином, которого та не хотела больше пить, и, поглядывая на Бекки поверх золоченой рюмочки, сама осушила ее содержимое. Ликер, видимо, придал храбрости отвратительной мятежнице.

— На вашем диване? Как бы не так! — заявила кухарка. — Я сижу на диване миссис Рэггс. Да сидите же, сидите, миссис Рэггс, мэм. Я сижу на диване мистера и миссис Рэггс, который они купили на деньги, добытые честным трудом, да и дорогонько он им въехал! И думаю я так, что если вздумаю сидеть здесь, пока не полу-

¹ *Кипсек (устар.)* — дорогие издания с картинками, гравюрами.

² Пира (*фр.*).

³ Улице Эльдер (*фр.*).

⁴ Ужасно ограблена (*фр.*).

чу своего жалованья, то сидеть придется мне очень долго, миссис Рэггс, но сидеть я все-таки буду, ха-ха! — С этими словами она налила себе еще рюмку ликера и выпила с еще более наглым и язвительным видом.

— Троттер! Симпсон! Уберите эту пьяную негодяйку! — закричала миссис Кроули.

— Я не стану, — сказал Троттер, лакей. — Убирайтесь сами. Заплатите нам денежки, а потом гоните и меня. Мы-то уж тут не задержимся!

— Вы все собрались сюда оскорблять меня? — в ярости закричала Бекки. — Когда полковник Кроули вернется, я ему...

Тут вся прислуга разразилась грубым хохотом, к которому, однако, не присоединился Рэггс, по-прежнему пребывавший в глубоком унынии.

— Он не вернется, — заявил мистер Троттер. — Он прислал за своим платьем, да я не выдал, хотя Рэггс и хотел отдать. Я думаю, что он такой же полковник, как я. Он удрал, да и вы, должно быть, собираетесь за ним следом. Вы оба просто мошенники. И, пожалуйста, не кричите на меня. Я этого не потерплю. Заплатите нам денежки, говорю вам! Заплатите денежки! — Раскрасневшееся лицо и заплетавшийся язык мистера Троттера с несомненностью указывали на то, что почтенный камердинер тоже изрядно взбодрен спиртными напитками.

— Мистер Рэггс, — воскликнула Бекки в порыве возмущения, — надеюсь, вы не допустите, чтобы этот пьяный человек оскорблял меня.

— Перестаньте, Троттер! Замолчите! — вмешался мальчик Симпсон. Его взволновало печальное положение барыни, и он успел-таки удержать лакея от еще более оскорбительного опровержения эпитета «пьяный», брошенного Бекки.

— О эм, — промолвил Рэггс, — не думал я, что доживу до такого дня. Я знаю семейство Кроули со дня рождения. Я тридцать лет прослужил дворецким у мисс Кроули и никак не думал, что один из членов этого семейства разорит меня, да, разорит! — повторил бедняга, и слезы выступили у него на глазах. — Расплатитесь вы со мной или нет? Ведь вы прожили в этом доме четыре года. Вы пользовались от меня всем содержанием, посудой, бельем. За одно масло и молоко мне причитается по счету двести фунтов, ведь вам требовались самые свежие яйца для ваших омлетов и сливки для вашей болонки.

— Зато она не заботилась о том, есть ли что у ее родного сына, — вмешалась кухарка. — Не раз бы он помер с голоду, если бы не я.

— Ну, сейчас он на общественном призрении, голубушка, — вставил Троттер с пьяным хохотом, а почтенный Рэггс продолжал жалобным голосом исчислять свои убытки. Все, что он говорил, было правдой. Бекки и ее муж разорили его. На будущей неделе ему предстоят платежи по векселям, и он не имеет денег, чтоб погасить их. Имущество его продадут с торгов, а его самого выгонят из лавки и из дома, и все потому, что он доверял семейству Кроули. Его слезы и жалобы еще больше раздражали Бекки.

— Вы, кажется, все против меня, — сказала она с горечью. — Чего вы хотите? Не могу я рассчитаться с вами в воскресенье. Приходите завтра, и я заплачу вам все до последнего гроша. Я думала, что полковник Кроули с вами уже расплатился. Если нет, он расплатится завтра. Даю вам честное слово, что сегодня утром он ушел из дома, имея в бумажнике тысячу пятьсот фунтов. Мне он ничего не оставил. Обратитесь к нему. Дайте мне шаль и шляпу, я поеду и разыщу его. Мы сегодня утром поссо-

рились. По-видимому, вы все об этом знаете. Обещаю вам своей честью, что всем вам будет заплачено. Он получил прекрасное назначение. Выпустите меня и дайте его разыскать.

Это смелое заявление Бекки заставило Рэггса и всех присутствующих переглядываться с крайним изумлением, и Ребекка свободно покинула их. Она поднялась к себе и оделась, на этот раз без помощи своей французенки. Потом прошла в комнату Раудона и там увидела чемодан и саквояж, уложенные для отправки; на них лежала записочка карандашом с указанием, что вещи должны быть выданы, когда за ними явятся. Отсюда Бекки направилась в мансарду к французенке: здесь все было чисто, ящики пусты. Она вспомнила о драгоценностях, брошенных ею на полу, и тотчас же с полной уверенностью заключила, что горничная сбежала.

— Боже мой! Видано ли, чтобы кому-нибудь так не везло, как мне! — воскликнула она. — Быть так близко к цели и все потерять! Неужели же все кончено? Нет, есть еще одна надежда.

Она оделась и вышла из дома, на этот раз беспрепятственно, но одна. Было четыре часа. Она быстро пошла по улицам (у нее не оказалось денег даже на извозчика) и остановилась только у подъезда сэра Питта Кроули на Грэт-Гаунт-стрит. Где леди Джейн Кроули? Она в церкви. Бекки не огорчилась. Сэр Питт у себя в кабинете и приказал его не беспокоить; ей необходимо его видеть, она проскользнула мимо стража в ливрее и очутилась в комнате перед сэром Питтом, прежде чем баронет успел положить бумагу, которую держал в руках.

Он покраснел и отшатнулся с выражением тревоги и ужаса в глазах.

— Не смотрите на меня так, — промолвила Бекки. — Я не виновата, Питт, милый Питт, вы были мне когда-то другом. Клянусь богом, я невиновна! Я только кажусь виновной. Обстоятельства против меня. И, боже мой, в такую минуту! Как раз тогда, когда мои надежды близились к осуществлению, как раз тогда, когда нас ожидало счастье.

— Значит, то, что я прочитал в газете, правда? — спросил сэр Питт; в ней было одно сообщение, чрезвычайно его изумившее.

— Да, правда. Лорд Стэйн сказал мне об этом в пятницу вечером на том роковом балу. Вот уже шесть месяцев, как ему все время обещали назначение для мужа. Мистер Мэртир, министр колоний, вчера сказал ему, что дело наконец устроено. Тут произошел этот несчастный арест, потом — эта ужасная встреча. Я виновата только в том, что слишком была предана интересам Раудона. Я принимала лорда Стэйна наедине сотни раз до этого. Я признаюсь, что у меня были деньги, о которых Раудон не знал. Но разве вам неизвестно, как он расточителен, и могла ли я доверить их ему? — И она продолжала изливать в уши ошеломленному Питту вполне связную и правдоподобную историю.

Гласила же эта история следующее. С полной откровенностью, но с глубоким сокрушением Бекки созналась, что, заметив увлечение лорда Стэйна (при этих словах сэр Питт покраснел) и будучи уверена в собственной добродетели, она решила использовать расположение знатного пэра в интересах своих и всей семьи.

— Я имела в виду звание пэра для вас, Питт, — сказала она (баронет снова покраснел). — Мы уже говорили об этом. Ваша гениальность и участие лорда Стэйна более чем вероятно обеспечили бы осуществление моей мечты, если бы эта ужасная беда не положила конец всем нашим надеждам. Но признаюсь, что главной моей це-

лю было устроить моего дорогого мужа, которого я люблю, несмотря на его дурное обращение со мной и его подозрения; избавить его от нищеты и гибели, постоянно угрожавших нам. Я видела, что лорд Стэйн питает ко мне склонность, — говорила она, опустив глаза. — Я сознаюсь, что делала все от меня зависящее, чтобы быть ему приятной, и, насколько это позволительно для порядочной женщины, старалась заручиться его... его уважением. Весть о смерти губернатора острова Ковентри пришла только в пятницу утром, и милорд сейчас же закрепил это место за моим дорогим мужем. Мы собирались сделать ему сюрприз, — он должен был прочитать об этом в сегодняшних газетах. Даже когда произошел этот ужасный арест (лорд Стэйн великодушно обещал мне принять на себя уплату по долгу, вызвавшему арест, так что моя помощь мужу оказывалась излишней), милорда, смеясь, говорил мне, что дорогой мой Раудон утешится, сидя в заключении у этого ужасного судебного пристава, когда прочитает в газете о своем назначении. А потом... потом он вдруг вернулся домой. Подозрения его усилились... произошла ужасная сцена между милордом и моим жестоким, жестоким Раудоном, и... о, боже мой, что же теперь будет? Питт, дорогой Питт, сжальтесь надо мной, помирите нас! — С этими словами она бросилась на колени и, заливаясь слезами, схватила Питта за руку и принялась с жаром ее целовать.

В этой именно позе застала баронета с невесткой леди Джейн; вернувшись из церкви, она вбежала в кабинет к мужу, как только узнала, что у него находится миссис Раудон Кроули.

— Я удивляюсь, как эта женщина осмелилась войти в наш дом?! — воскликнула леди Джейн, дрожа всем телом и смертельно побледнев. (Ее милость сейчас же после завтрака послала свою горничную на разведку, и та, повидавшись с Рэгглсом и прислугой Раудона Кроули, рассказала ей все и даже больше того, что они знали об этой истории, и еще много других). — Как смеет миссис Кроули входить в дом... в дом честной семьи?!

Сэр Питт отшатнулся, пораженный таким взрывом энергии у своей жены. Бекки продолжала сохранять свою коленопреклоненную позу и цепляться за руку сэра Питта.

— Скажите ей, что она не знает всего! Скажите ей, что я невинна, милый Питт, — простила она.

— Даю вам слово, милочка, мне кажется, вы несправедливы к миссис Кроули, — промолвил сэр Питт, и Ребекка воспрянула духом при этих словах. — Я в самом деле считаю, что она...

— Что она что? — воскликнула леди Джейн; звонкий голос ее дрожал, а сердце билось все сильнее, пока она говорила. — Что она развращенная женщина, бессердечная мать, неверная жена? Она никогда не любила своего славного мальчика, который прибегал сюда и рассказывал мне, как жестоко она с ним обращается. В какую бы семью она ни входила, она всюду приносила с собой несчастье, своей гнусной лезтью и ложью заставляла изменять самым священным привязанностям. Она обманывала мужа, как обманывала всех, ее душа насквозь пропитана тщеславием, суетностью и всякими пороками. Я содрогаюсь, когда прикасаюсь к ней. Я стараюсь, чтобы дети мои не видели ее. Я...

— Леди Джейн, — воскликнул сэр Питт, вскакивая. — Такие речи...

— Я всегда была вам верной и преданной женой, сэр Питт, — бесстрашно продолжала леди Джейн. — Я соблюдала свой супружеский обет, потому что дала его пе-

ред богом, и я была покорна и кротка, как полагается быть жене. Но праведная покорность имеет границы, и я заявляю, что я не потерплю, чтобы эта... эта женщина снова появилась в моем доме. Если она войдет в него, я и мои дети его покинем. Она недостойна сидеть рядом с людьми, считающими себя христианами. Вам... вам придется выбирать, сэр, или она, или я! — С этими словами миледи выбежала из комнаты, трепеща от собственной смелости и немало изумив ею Ребекку и сэра Питта.

Что касается Бекки, то она не обиделась; наоборот, она была довольна.

— Это все из-за бриллиантового фермуара, который вы мне подарили, — сказала она, протягивая руку Питту. И прежде чем она удалилась (леди Джейн, конечно, ожидала этого события, выглядывая из окна своей туалетной в верхнем этаже), баронет обещал ей разыскать брата и приложить все усилия, чтоб примирить его с женой.

В офицерской столовой Раудон застал несколько человек полковой молодежи за завтраком и без особых упрасиваний согласился разделить их трапезу, состоявшую из остро приправленной дичи и содовой воды, которыми подкреплялись молодые

джентльмены. Затем они повели беседу, приличествующую и воскресному дню, и их возрасту: о предстоявшей голубиной садке в Баттерси с соответствующим пари за Росса и Осбэльдистона, о мадемуазель Ариан из французской оперы, о том, кто ее бросил и как ее теперь утешает Пэнтер Карр, о бое между Мясником и Любимцем и о вероятностях стычки между ними. Юный Тэндимэн, семнадцатилетний герой, с превеликим усердием пощипывавший свои еле заметные усики, видел этот бой и с большим знанием дела описывал и самый бой, и качества бойцов. Ведь он и привез Мясника в своей тележке на место состязания и всю предыдущую ночь провел с ним вместе. Если бы дело велось начистоту, Мясник, конечно, выиграл бы. Но тут были замешаны все старые мастики с ринга, и Тэндимэн не желает теперь платить, нет, черт возьми, он не станет платить! Всего год назад юный корнет, ныне такой опытный игрок в залах Крибба, питал сильное пристрастие к леденцам и подвергался порке в Итоне.

Так они продолжали болтать о танцовщицах, кулачных боях, попойках и дамах полусвета, пока не пришел Макмурдо и тоже не присоединился к беседе. Он, по-видимому, не находил, что юность требует особого уважения; старик повел такие рассказы, какие были бы впору самому юному из присутствующих повес, — ни собственные седины, ни их безбородые лица его не сдерживали. Старик Мак славился анекдотами. Он не был тем, что называется, дамским кавалером, и приятели охотнее приглашали его пообедать к своим любовницам, нежели к своим матерям. Пожалуй, едва ли кто вел более низменный образ жизни, но Макмурдо был совершенно удовлетворен тем, как она сложилась, и жил, сохраняя полное добродушие, простоту и скромность в обхождении.

Пока Макмурдо поглощал обильный завтрак, большинство присутствующих покончило с едой. Юный лорд Вэринэс закурил огромную пенковую трубку, а капитан Хьюгс занялся сигарой; отчаянный чертенок Тэндимэн, зажав между ногами маленького бультерьера, с азартом играл с капитаном Льюсисом в орлянку, по шиллингу ставка (этого молодчика вечно можно было видеть если не за одной игрой, так за другой); а Мак и Раудон удалились из клуба, разумеется, даже и не намекнув на дело, которым были поглощены их мысли. Оба, впрочем, принимали оживленное участие в разговоре; да и зачем бы они стали нарушать его? Ведь обжорство, пьянство, распутство, смех сопутствуют всевозможным другим занятиям на ярмарке тщеславия. Толпы народа выходили из церквей, когда Раудон и его приятель, миновав Сент-Джеймстрит, вошли в клуб.

Старые кутилы и завсегдатаи, обычно торчащие, глаза и болтая, у большого лицевого окна клуба, еще не заняли своих постов; читальня была почти пуста. Один из присутствующих был незнаком Раудону; другому он проиграл в вист и остался должен, так что предпочел бы с ним не встречаться; третий читал у стола воскресную газету «Роялист» (славившуюся скандальными разоблачениями и приверженностью к королю и церкви); взглянув не без любопытства на полковника, этот последний сказал:

- Кроули, поздравляю вас!
- Что вы хотите сказать? — спросил полковник.
- Напечатано в «Наблюдателе», в «Роялисте» тоже, — ответил мистер Смес.
- Что? — сильно покраснев, почти крикнул Раудон. Он вообразил, что его ссора с лордом Стэйном уже попала в газеты. Смес с недоумевающей улыбкой смотрел, с каким волнением полковник взял газету и как у него дрожали руки, пока глаза его бежали по столбцам.

Мистер Смес и мистер Броун (джентльмен, с которым у Раудона были незаконченные счета по висту) перед приходом полковника как раз говорили о нем.

— Это придется как нельзя более кстати, — сказал Смес. — Я думаю, у Кроули нет и шиллинга за душой.

— Такая весть всякому придется кстати, — отозвался мистер Броун. — Теперь он не уедет, не заплатив мне двадцати пяти фунтов, которые должен.

— А какое жалованье? — осведомился Смес.

— Две или три тысячи фунтов, — ответил тот. — Но климат там отвратительный, никто долго не выживает. Ливерсидж умер через полтора года, а его предшественник скапнул, кажется, в каких-нибудь шесть недель.

— Говорят, его брат очень умный человек. Но я всегда находил его дьявольски скучным, — продолжал Смес. — Однако он, вероятно, имеет хорошие связи. Должно быть, это он выхлопотал полковнику место.

— Он? — усмехнулся Броун. — Ба! Не он, а лорд Стэйн.

— Что вы хотите сказать?

— Добродетельная жена — благодать для мужа, — двусмысленно ответил тот и погрузился в чтение газет.

А Раудон, в свою очередь, читал в «Роялисте» следующую поразительную заметку:

«Назначение губернатора на остров Ковентри.

На судне его величества «Желтый Джек», состоящем под командой Джаундерса, доставлены письма и казенные бумаги с острова Ковентри. Его превосходительство Томас Ливерсидж пал жертвой свирепствующей в Суамптоуне лихорадки. Утрата весьма чувствительная для цветущей колонии. Нам передают, что пост губернатора предложен полковнику Раудону Кроули, кавалеру ордена Бани, с честью сражавшемуся при Ватерлоо. Для управления делами колоний нам нужны люди не только испытанной храбрости, но и обладающие административными талантами; и мы не сомневаемся, что джентльмен, на которого пал выбор министерства колоний для замещения столь прискорбно освободившейся вакансии на острове Ковентри, безусловно пригоден для поста, который ему предстоит занять».

— Остров Ковентри! Где это? Кто это назначил его в правители? Возьмите меня к себе в секретари, старина, — смеясь, сказал Макмурдо, и пока Кроули и его приятель в недоумении размышляли над прочитанным сообщением, клубный лакей подал полковнику визитную карточку; на ней была выгравирована фамилия мистера Уэнгэма, и этот джентльмен желал побеседовать с полковником.

Раудон и его адъютант пошли ему навстречу в правильном предположении, что он является посланцем лорда Стэйна.

— Как поживаете, Кроули? Очень рад вас видеть, — сказал мистер Уэнгэм, льстиво улыбаясь, и с большой сердечностью пожал руку полковнику.

— Я полагаю, вы явились от...

— Совершенно верно, — перебил мистер Уэнгэм.

— В таком случае вот мой друг — капитан Макмурдо, лейб-гвардии зеленого полка.

— Чрезвычайно рад познакомиться с капитаном Макмурдо, конечно, — ответил мистер Уэнгэм и наградил улыбкой и рукопожатием секунданта, как только что

обласкал его доверителя. Мак протянул один палец, защищенный замшевой перчаткой, и очень сухо поклонился мистеру Уэнгэму, едва пригнув голову к своему тугому галстуку. По всем вероятностям, он был недоволен, что ему предстоит вести дело с каким-то штафиркой, и полагал, что лорд Стэйн мог бы прислать для этой цели хотя бы полковника.

— Так как Макмурдо действует по моему полномочию и знает мои желания, — сказал Кроули, — то я предпочитаю удалиться и оставить вас вдвоем.

— Разумеется, — подтвердил Макмурдо.

— Никоим образом, дорогой полковник, — возразил мистер Уэнгэм, — я имел честь просить о беседе лично с вами, хотя общество капитана Макмурдо, разумеется, может быть только приятно. В самом деле, капитан, я надеюсь, что наш разговор приведет нас к самым благоприятным результатам, весьма отличным от тех, которые, по-видимому, предваряет мой друг полковник Кроули.

— Гм! — промычал капитан Макмурдо. «Черт бы побрал этих штафирок, — подумал он, — вечно они норовят улаживать и болтать».

Мистер Уэнгэм взял стул, которого ему никто не предложил, вынул из кармана газету и продолжал:

— Вы уже видели это приятное сообщение в сегодняшних газетах, полковник? Правительство получило весьма ценного сотрудника, а вы, если примете, как я предполагаю, это назначение, получите превосходное место. Три тысячи фунтов в год, чудесный климат, великолепный казенный дом, полная свобода действий в колонии и верное повышение. Поздравляю вас от всего сердца. Я полагаю, джентльмены, вам известно, кому мой друг обязан этой милостью?

— Черт меня побери, если я знаю, — ответил капитан; а принципал его сильно покраснел.

— Одному из великодушнейших и добрейших людей в мире, а также одному из знатнейших — превосходнейшему моему другу, маркизу Стэйну.

— Я пристрелю его, раньше чем приму это место, — прохрипел Раудон.

— Вы раздражены против моего благородного друга, — спокойно продолжал мистер Уэнгэм. — И вот, во имя здравого смысла, скажите мне: из-за чего?

— Из-за чего? — в изумлении воскликнул Раудон.

— Из-за чего? Черт возьми! — подхватил капитан и стукнул тростью о пол.

— Действительно, черт возьми, — повторил мистер Уэнгэм с приятнейшей улыбкой. — Однако взгляните на дело как человек светский, как человек порядочный и посмотрите, не заблуждаетесь ли вы. Вы возвращаетесь домой из путешествия и застаете... что? Милорда Стэйна, ужинающего в вашем доме на Керзон-стрит с миссис Кроули. Разве это событие так необычайно или ново? Разве он не бывал сотни раз в такой обстановке и раньше? Клянусь своей честью и словом джентльмена (мистер Уэнгэм приложил руку к жилету с видом парламентского оратора), я заявляю, что считаю ваши подозрения чудовищными и крайне необоснованными, оскорбительными для почтенного джентльмена, проявившего свое расположение к вам тысячью благодеяний, и для совершенно безупречной и невинной леди.

— Не хотите же вы сказать, что... что Кроули ошибся? — спросил Макмурдо.

— Я убежден, что миссис Кроули так же невинна, как моя жена, миссис Уэнгэм, — с жаром произнес мистер Уэнгэм. — Я убежден, что, введенный в заблуждение адской ревностью, мой друг, здесь присутствующий, наносит удар не только больно-

му высокопоставленному старцу, своему неизменному другу и благодетелю, но и своей жене, своей собственной чести, которая должна ему быть дороже всего, будущей репутации своего сына и своему собственному дальнейшему благополучию.

— Я расскажу вам, что произошло, — продолжал с большой торжественностью мистер Уэнгэм. — Сегодня утром милорд Стэйн прислал за мной, я застал его в плачевном состоянии, в каком — едва ли мне нужно говорить об этом полковнику Кроули — может находиться престарелый и больной человек после столкновения с таким силачом, как вы. Говорю вам прямо в глаза: вы жестоко воспользовались своей силой, полковник. Не только тело моего благородного и превосходного друга было изранено, его сердце источало кровь, сэр. Человек, которого он осыпал благодеяниями, к которому относился с любовью, подверг его гнуснейшему оскорблению. Что такое это назначение, напечатанное в сегодняшних газетах, как не доказательство его доброго отношения к вам? Когда я сегодня утром свиделся с лордом Стэйном, он находился в таком состоянии, что на него жалко было смотреть, и он так же, как вы, жаждал смыть кровью нанесенное ему оскорбление. Я полагаю, вам известно, что он уже имел случаи доказать свою храбрость, полковник?

— Он очень храбр, — сказал полковник. — Никто этого не отрицает.

— Первым его движением было приказать мне написать вызов и вручить его полковнику Кроули. «Один из нас не должен оставаться в живых после вчерашнего оскорбления», — сказал он. — Кроули одобрительно кивнул головой.

— Наконец-то вы подошли к тому, что нужно, Уэнгэм, — сказал он.

— Я приложил все усилия, чтобы успокоить лорда Стэйна. «Боже мой, сэр, — сказал я, — как я жалею, что миссис Уэнгэм и я сам не воспользовались приглашением миссис Кроули поужинать с нею!»

— Она приглашала вас ужинать? — спросил капитан Макмурдо.

— После оперы. Вот пригласительная записочка, вот... нет, это другое; я думал, что захватил ее с собой, но это не имеет значения, и я заверяю вам этот факт словом джентльмена. Если бы мы приехали, — а помешала нам только головная боль миссис Уэнгэм: она очень страдает головными болями, особенно весной, — если бы мы приехали и вы вернулись домой, то не было бы ни ссоры, ни оскорбления, ни подозрений, а теперь положительно выходит так, что из-за головной боли моей жены вы намереваетесь подвергнуть риску смерти двух благородных людей и навлечь скорбь и позор на два древнейших и почтеннейших семейства в королевстве.

Мистер Макмурдо смотрел на своего принципала с видом полного недоумения, а Раудон испытывал бешенство при мысли, что добыча ускользает от него. Он не верил ни одному слову из рассказней Уэнгэма, но как опорочить их, как опровергнуть?

Мистер Уэнгэм продолжал с тою же красноречивой говорливостью, в которой так часто упражнялся в качестве члена парламента:

— Я просидел с час или больше у изголовья лорда Стэйна, упрашивая, умоляя его отказаться от мысли о дуэли. Я указывал ему, что в конце концов обстоятельства могли внушить подозрение, — они действительно подозрительны. Я признал, что любой человек в вашем положении мог бы впасть в заблуждение, сказал, что человек, взбешенный от ревности, во всех своих действиях и намерениях безумец и на него так и нужно смотреть, что дуэль между вами приведет к несчастью всех заинтересованных лиц, что сановник, занимающий такое высокое общественное положение, как его милость, не имеет права создавать поводов для общественного скандала.

ла, особенно в наше время, когда толпе проповедуются ужаснейшие революционные принципы и опаснейшие учения о всеобщем равенстве, и что как бы он ни был невиновен, простой народ станет утверждать, что он виновен. Словом, я умолял его не посылать вызова.

— Я не верю ни одному слову из этой истории, — сказал Раудон, скрипнув зубами. — Я убежден, что все это дьявольская ложь и что вы к ней причастны, мистер Уэнгэм. Если вызова не придет он, тогда, клянусь богом, его пошлю я!

Мистер Уэнгэм страшно побледнел при этом гневном выпаде полковника и покосился на дверь.

Но он нашел неожиданного сторонника в лице капитана Макмурдо. Этот джентльмен, выругавшись, поднялся со стула и оборвал Раудона за его речи.

— Вы поручили дело мне и должны поступать так, как найду нужным я, черт возьми, а не так, как вздумается вам! Вы не имеете права оскорблять мистера Уэнгэма подобными словами. И, черт меня побери, мистер Уэнгэм, перед вами должны извиниться! А что касается вызова лорду Стэйну, можете поручить это кому-нибудь другому, я отказываюсь. Если милорд, получив по физиономии, желает сидеть смирно, так и черт с ним! Относительно же истории с... с миссис Кроули, то мое мнение, что тут ничего не доказано, и ваша жена невиновна, поскольку это вытекает из слов мистера Уэнгэма. Во всяком случае, вы будете совершенным глупцом, если не примете назначения и не будете держать язык за зубами.

— Капитан Макмурдо, вы говорите как истинно здравомыслящий человек, — с огромным облегчением воскликнул мистер Уэнгэм. — Я забываю все слова, сказанные полковником Кроули в минуту гнева!

— Я так и думал, — с усмешкой вставил Раудон.

— Закройте рот, старый дуралей, — добродушно сказал капитан. — Мистер Уэнгэм человек не боевой и поступает совершенно правильно.

— По моему мнению, это дело должно быть предано глубочайшему забвению, — воскликнул посланец Стэйна. — Ни единого слова о нем не надо выносить за пределы этой комнаты. Я говорю столько же в интересах моего друга, как и в интересах полковника Кроули, хотя он упорно считает меня своим врагом.

— Я полагаю, лорд Стэйн едва ли станет особенно много о нем распространяться, — сказал капитан Макмурдо, — и не вижу, зачем болтать о нем нам, с нашей стороны. Как ни смотреть, дело это не особенно красивое, и чем меньше о нем говорить, тем лучше. Побиты ведь вы, а не мы, и если вы удовлетворены, то, по-моему, можем удовлетвориться и мы.

После этих слов мистер Уэнгэм взялся за шляпу, Макмурдо проводил его до двери и вышел вместе с агентом лорда Стэйна, оставив Раудона злиться в одиночестве. Когда оба они очутились за дверью, Макмурдо сурово посмотрел на мистера Уэнгэма, и круглое веселое лицо его выражало чувства, весьма далекие от уважения.

— Вы не смущаетесь пустячками, мистер Уэнгэм, — сказал он.

— Вы мне льстите, капитан Макмурдо, — ответил тот с улыбкой. — Клянусь честью и совестью, миссис Кроули приглашала нас ужинать после оперы!

— Разумеется; а у миссис Уэнгэм случайно опять болела голова. Послушайте, у меня здесь билет в тысячу фунтов, и я желал бы передать его вам, если вы дадите мне расписку. Я положу его в конверт на имя лорда Стэйна. Мой доверитель не станет драться с ним. Но мы не желаем брать его денег.

— Это все недоразумение, простое недоразумение, дорогой мой сэр, — возразил тот с невиннейшим видом, и на пороге лестницы был с поклонами отпущен капитаном Макмурдо как раз в ту минуту, когда сэр Питт Кроули поднимался по лестнице в клуб. Оба джентльмена были немного знакомы, и капитан, возвращаясь с баронетом в комнату, где находился его брат, сообщил по секрету сэру Питту, что дело между лордом Стэйном и полковником удалось уладить.

Сэр Питт, разумеется, очень обрадовался этой вести и горячо поздравил брата с мирным исходом ссоры, сделав, кстати, несколько замечаний морального характера о пагубности дуэлей и о нецелесообразности такого рода разрешения несогласий.

Вслед за этим предисловием он пустил в ход все свое красноречие с целью примирить Раудона с женой. Он повторил показания Бекки, подчеркнул все данные, говорящие за их правдивость, и высказал свое твердое убеждение в ее невинности.

Но Раудон не хотел ничего слушать.

— Она все эти десять лет копила деньги, таясь меня, — сказал он. — Она клялась еще вчера ночью, что никогда не брала денег от Стэйна. Она знала, что все между нами кончено, как только я нашел их. Если она невиновна, Питт, она все равно что виновна, и я не хочу больше никогда ее видеть, никогда! — При этих словах голова его поникла на грудь, и вид у него сделался совсем подавленный и безнадежный.

— Бедный малый, — покачивая головой, проговорил Макмурдо.

Некоторое время Раудон Кроули не соглашался принять назначение, исходатайствованное ненавистным ему покровителем; он даже хотел взять сына из школы, куда тот был помещен благодаря протекции лорда Стэйна. Однако увещания брата и Макмурдо заставили его примириться с этими благодеяниями, и в особенности подействовал на него довод Макмурдо, что Стэйн будет страшно беситься при мысли, что сам содействовал благополучию своего врага.

Когда маркиз Стэйн после этого происшествия собрался за границу, министр колоний, прощаясь с ним, выразил ему признательность от своего имени и от имени ведомства за превосходного чиновника, каким оказался его протеже. Можно себе представить, какие чувства вызвали у лорда Стэйна эти выражения признательности.

Тайна *genscontre*¹ между маркизом и полковником Кроули была предана глубочайшему забвению, по выражению Уэнгэма, поскольку речь идет о секундантах и их доверителях. Но вечер еще не перешел в ночь, когда этот казус обсуждался за пятьюдесятью обеденными столами на ярмарке тщеславия. Маленький Кэклби самолично побывал на семи вечерах и везде рассказал всю историю с комментариями и дополнениями. Как ликовала по этому поводу миссис Вашингтон-Уайт! Супруга епископа Элинга была шокирована выше всякого описания, а епископ в тот же день отправился в Гаунт-Хаус и расписался в книге для посетителей. Маленький Соусдаун был огорчен; также была огорчена и его сестра леди Джейн, очень огорчена, конечно. Леди Соусдаун немедленно написала о скандале другой своей дочери на мыс Доброй Надежды. Разговоры шли по всему городу по крайней мере три дня, и если печать молчала, то только благодаря стараниям мистера Уогга, действовавшего по внушению мистера Уэнгэма.

Судебные приставы и маклеры описали у бедного Рэггса все имущество на Керзон-стрит, а бывшая прелестная обительница этого злополучного особняка нахо-

¹ Столкновения (*фр.*).

дилась в это время... где? Кому до этого было дело? Кто интересовался ею через день или два? Была она виновна или нет? Мы все знаем, как милостив свет и как складывается приговор на ярмарке тщеславия, когда возникает сомнение. Одни говорили, будто она уехала в Неаполь, в погоню за лордом Стэйном; другие утверждали, будто его милость покинул этот город и бежал в Палермо, узнав о приезде Бекки; третьи рассказывали, что она живет в Бирштадте и попала в *dame d'honneur*¹ к королеве болгарской; некоторые — что она в Булони, а другие опять уверяли, будто видели ее в каком-то пансионе в Чельтенгаме.

Раудон назначил жене довольно сносное годовое содержание, а мы ведь знаем, что такая особа, как Бекки, сумеет и маленькие деньги заставить сойти за большие. Покидая Англию, полковник расплатился бы и со всеми долгами, если бы какая-нибудь компания согласилась принять к страхованию его жизнь; но климат на острове Ковентри так губителен, что Раудону не удалось занять денег даже и под присвоенное его должности годовое содержание. Однако он аккуратно переводил брату деньги и регулярно с каждой почтой присылал письма сыну. Макмурдо он снабжал сигарами и в огромных количествах отправлял леди Джейн раковины, кайенский перец, пикули, варенье из гуавы и колониальные продукты. Брату он высылал местную «Суамптоунскую газету», восторженно восхвалявшую нового губернатора, тогда как «Суамптоунский часовой», жена редактора которого не удостоилась приглашения в дом губернатора, отзывалась о его превосходительстве как о тиране, в сравнении с которым сам Нерон был просвещенным филантропом. Маленький Раудон любил собирать эти газеты и перечитывать все, что говорилось о его превосходительстве.

Мать Рауди не делала никаких попыток, чтобы свидеться с сыном. По воскресеньям и на праздники он приезжал в отпуск к тетке; вскоре в Куинс Кроули не было ни одного птичьего гнезда, которого бы не знал мальчик, и он даже ездил на охоту с гончими сэра Гедльстона, вызвавшими у него такой восторг в первый памятный приезд в Гэмпшир.

¹ Статс-дамы (*фр.*).

ГЛАВА LVI

Джорджи становится джентльменом

жорджи Осборн жил теперь в прекрасной обстановке в доме деда на Рессель-сквере, он занимал бывшую комнату своего отца и считался вероятным наследником всех дедовских богатств. Красота, изящные манеры и благородная внешность мальчика подкупили сердце деда. Мистер Осборн гордился им так же, как в старину гордился Джорджем-старшим.

Ребенка окружили роскошью и баловали еще больше, чем когда-то баловали его отца. За последние годы торговые дела Осборна шли необыкновенно удачно. Его богатство и влияние в Сити сильно возросли. В былое время он был рад, когда ему удалось поместить Джорджа в хорошую частную школу; а приобретение патента, дававшего сыну право на вступление в армию, было для старика немалым источником гордости; в отно-

шении же маленького Джорджа и его будущей карьеры старик метил гораздо выше. Он сделает из мальчугана настоящего джентльмена — вот что постоянно твердил мистер Осборн, когда речь заходила о Джорджи. Мысленным оком своим он видел его воспитанником знаменитого колледжа, членом парламента, может быть, баронетом. Старик мечтал, что умрет спокойно, если увидит внука на прямом пути к подобным почестям. Он пригласит для воспитания Джорджа только самого первоклассного дипломированного воспитателя, а не какого-нибудь шарлатана и хвастунишку, нет, нет! Еще немного лет тому назад мистер Осборн яростно поносил всех богословов, ученых и тому подобную братию, заявляя, что они шайка обманщиков и шарлатанов и только тем и зарабатывают хлеб, что пережевывают латынь и греческий язык; или же

называл их надменными дураками, воображающими, что они имеют право смотреть свысока на английских купцов и джентльменов, тогда как те могут купить полсотни таких молодчиков. Теперь же он в напыщенных выражениях сетовал, что собственное его воспитание велось небрежно, и не раз торжественно распространялся перед Джорджи о преимуществах классического образования и о необходимости изучения древних языков.

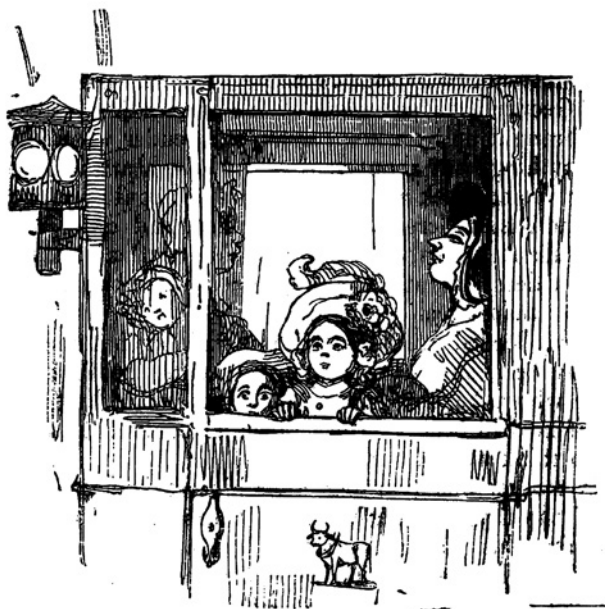
Когда сходились за обедом, дед обычно расспрашивал мальчугана, какие уроки у него были в этот день, и очень интересовался отчетом Джорджи о своих занятиях; при этом старик делал вид, будто отлично понимает все рассказываемое внуком. Нередко он попадал впросак и не раз обнаруживал свое невежество, а это, конечно, не увеличивало уважения ребенка к старику. Бойкий ум и хорошее воспитание, полученное в другом месте, не замедлили убедить Джорджи, что дед его очень недалек, поэтому мальчуган стал им командовать и смотреть на него свысока; ибо прежнее его воспитание, как бы скромно и ограничено оно ни было, выработало из Джорджи джентльмена гораздо вернее, чем это удалось бы деду со всеми его планами и затеями. Ведь Джорджа воспитывала добрая, мягкая и нежная женщина; единственной ее гордостью был он, а сердце ее было так чисто, поведение так кротко и смиренно, что она с полным основанием могла считаться истинной леди. Она всецело посвящала себя нежным заботам о сыне и скромным домашним занятиям; и если никогда не высказывала ничего блестящего, то никогда не говорила и не думала ничего неблагородного. Искренняя и простодушная, любящая и чистая, могла ли наша бедняжка Амелия быть чем-либо иным как не в полном смысле слова благородной женщиной?

Маленький Джорджи властвовал над этой мягкой и уступчивой натурой, а контраст между простотой и деликатностью матери и грубой надменностью старика, с которым ему теперь пришлось иметь дело, обеспечили ему господство и над дедом. Будь Джорджи королевским принцем, то и тогда он не имел бы больших оснований быть о себе высокого мнения.

В то время как мать тосковала о нем и, вероятно, думала о нем не только ежедневно, но и большую часть печальных одиноких ночей, юный джентльмен имел такое обилие удовольствий и утешений, что, со своей стороны, переносил разлуку с Амелией очень легко. Мальчуганы, плачущие при отправлении в школу, плачут потому, что отправляются в крайне неприятное место. Лишь очень немногие плачут оттого, что им жаль расстаться с домашними. Если вы вспомните, как в детстве глаза ваши осушались при виде имбирного пряника, а кусок пирога со сливами вознаграждал вас за горечь разлуки с мамашей и сестрами, то, пожалуй, и вы, любезный друг мой и брат, перестанете чересчур доверяться глубине ваших собственных чувств.

Итак, мастер Джордж Осборн пользовался всеми удобствами и роскошью, какие богатый и щедрый дед считал приличным ему предоставить. Кучер получил приказание купить для мальчика самого хорошенького пони, какого можно достать за деньги; на этом пони Джорджи обучали ездить сначала в манеже, а когда он выучился держаться в седле без стремян и брать барьеры, то стал ездить по Новой дороге в Риджентс-парк, а потом в Гайд-парк, где гарцевал в полном параде, сопровождаемый кучером Мартином. Старик Осборн, занятия которого в Сити теперь упростились, так как он поручил ведение дел младшим товарищам фирмы, часто выезжал вместе с мисс Осборн на прогулку в это модное место. И когда Джорджи проскакивал мимо

них галопом, с щегольским видом и по правилам опустив пятки, дед подталкивал локтем тетку мальчугана и говорил: «Посмотрите-ка, мисс Осборн!» А сам посмеивался, краснея от удовольствия, и кивал из окна кареты внуку, в то время как грум кланялся экипажу, а выездной лакей кланялся мастеру Джорджу. А там и другая тетушка, миссис Фредерик Буллок (на Ринге можно было ежедневно видеть ее карету с геральдическими тельцами ¹ на дверцах и лошадиной сбруе и с тремя выглядывавшими из нее тестообразными личиками трех маленьких Буллоков, разукрашенных кокардами и перьями), миссис Фредерик Буллок, говорю я, бросала взгляды, полные жесточайшей ненависти, на юного выскочку, проезжавшего мимо, горделиво подбоченившись и сдвинув шляпу набекрень, словно какой-нибудь лорд.

Хотя мастеру Джорджу едва минуло одиннадцать лет, он уже носил штрипки и превосходные сапожки, совсем как взрослый мужчина. У него были золоченые шпоры, хлыстик с золотым набалдашником, дорогая булавка в галстук и самые лучшие лайковые перчатки, какие можно получить у Лэмба на Кондьют-стрит. Мать подарила ему два шейных платочка, сшила и аккуратненько подрубила несколько рубашек; но когда ее Самуил приехал повидаться с нею, ее изделия оказались замененными более тонким и дорогим бельем. В батистовой манишке его красовались запоночки с драгоценными камнями. Ее скромные подарки были отложены в сторону, — я думаю, мисс Осборн отдала их сынишке кучера. Амелия старалась убедить себя, что довольна этой заменой. Да и в самом деле, она была счастлива и совсем очарована тем, что ее сынок стал таким красавчиком.

У нее был силуэт сына, заказанный когда-то за шиллинг; этот силуэт висел над ее кроватью рядом с другим портретом. Однажды Джорджи приехал, как всегда, наве-

¹ *Золото* (фр.) — в геральдике тинктура из золота и вместе с серебром, относится к классу светлых оттенков, называемых «металлами», или светлыми цветами.

стить мать; он промчался галопом по узенькой улице Бромптона, причем жители, по обыкновению, высовывались из окон полюбоваться на его великолепии. Поспешно и с торжеством, написанным на лице, он достал из кармана пальто (прехорошенького белого пальто с капюшоном и бархатным воротником), развернул и подал матери красный сафьяновый футляр.

— Я купил это на собственные деньги, мама, — сказал он. — Я подумал, что вам это доставит удовольствие.

Амелия открыла футляр и, радостно вскрикнув, схватила мальчика и принялась его целовать. То была собственная его миниатюра, прекрасно сделанная (но все-таки в натуре он вдвое лучше, разумеется, подумала вдова). Дед заказал портрет Джорджа одному художнику, прельстившись его работами, выставленными в витрине магазина на Саутгэмптонском бульваре; Джордж, имевший много карманных денег, надумал спросить художника, сколько тот возьмет за копию портрета, и заявил, что сам за нее заплатит, так как хочет подарить портрет своей матери. Польщенный и растроганный художник выполнил копию за недорогую плату, а старик Осборн, узнав об этом, одобрительно проворчал что-то и затем подарил мальчику вдвое больше совершенов, чем тот заплатил за миниатюру.

Но что значило удовольствие деда по сравнению с восторгом Амелии? Это доказательство привязанности мальчика так пленило ее, что ей казалось, ни один ребенок в мире не сравнится по доброте с ее сыном. Многие недели после этого случая мысль о любви сына преисполняла ее счастьем. Она крепче спала, положив миниатюру к себе под подушку; а сколько раз она целовала ее, плакала и молилась над нею! Даже маленький знак внимания со стороны тех, кого она любила, вызывал горячую благодарность в ее робком сердце. Со времени разлуки с Джорджи она не имела еще такой радости и такого утешения.

В новом доме своем мастер Джордж распоряжался, словно хозяин: за обедом он с величайшей серьезностью уговаривал дам выпить вина, и сам выпивал бокальчик шампанского так свободно, что старик приходил в совершенный восторг.

— Посмотрите-ка на него, — говорил старик, подталкивая локтем соседа, и багровое лицо его сияло от удовольствия, — видали вы когда-нибудь такого молодца? Господи, господа! Того и гляди, он потребует несессер с бритвами и начнет бриться, черт меня побери, если не потребует!

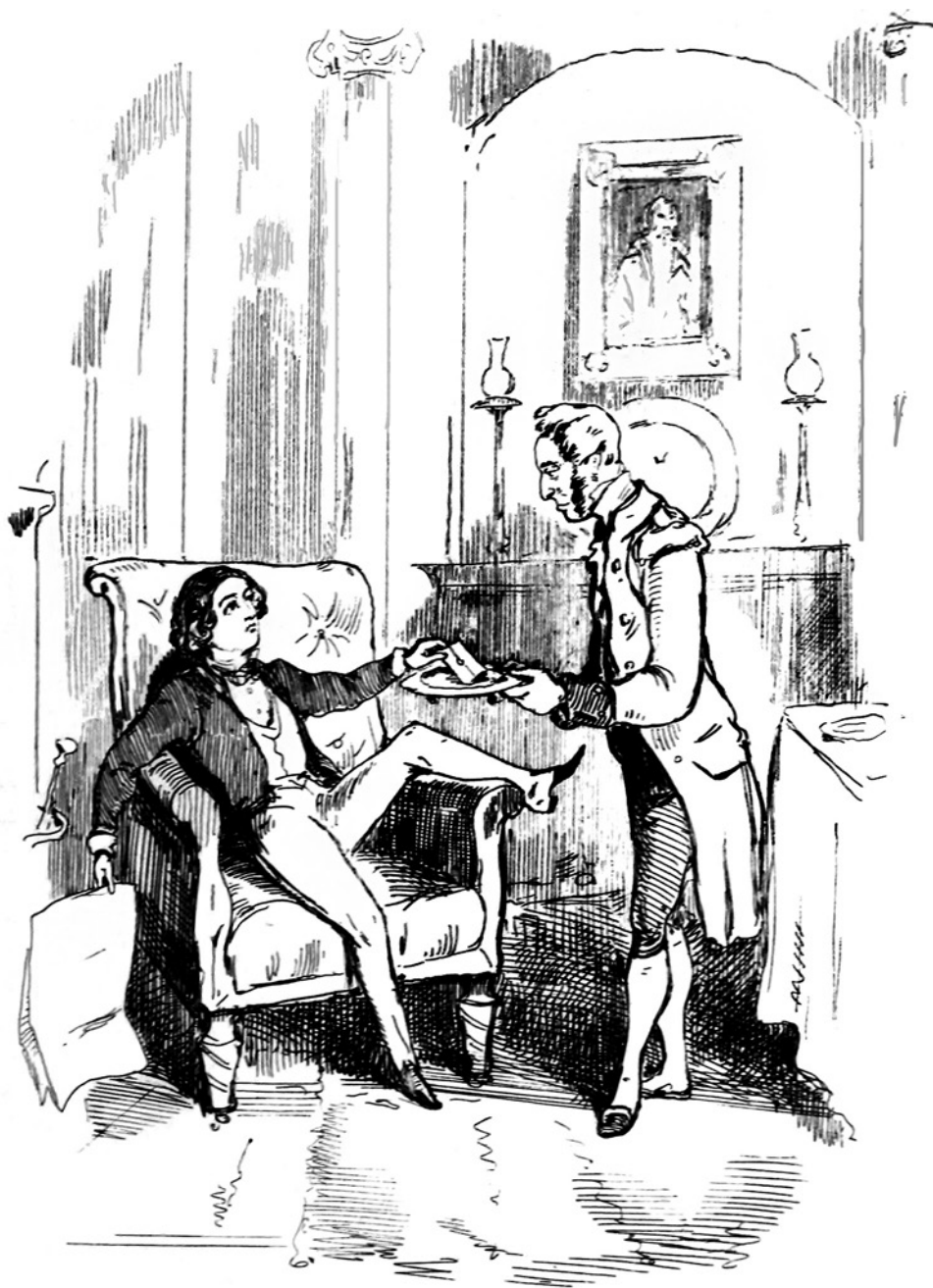
Однако проделки мальчика далеко не восхищали знакомых мистера Осборна в той мере, как восхищали старого джентльмена. Судье мистеру Коффину вовсе не доставляло удовольствия, что Джорджи вмешивается в разговор и некстати прерывает его рассказы. Полковнику Фоги не нравилось видеть мальчика полупьяным. Супруга сержанта Тоффи отнюдь не преисполнилась благодарностью, когда, задев локтем, он опрокинул на ее желтое шелковое платье рюмку портвейна, да еще расхохотался при виде этой беды. Еще меньше ей понравилось — хотя старик Осборн и тут пришел в восторг, — когда Джорджи «вздул» в Рессель-сквере третьего ее сына (юного джентльмена на год старше Джорджи, прибывшего на праздники домой из школы доктора Тиклеуса в Илинге). Дед подарил Джорджи за этот подвиг два совершенна и обещал и впредь выдавать по стольку же за каждого мальчика старше и выше ростом самого Джорджи, которого Джорджи «вздует» так же здорово. Трудно сказать, что хорошего находил старик в таких побоищах; у него было смутное представление, что драки закаляют мальчиков и что жестокость — полезное свойство, которое не меша-

ет усвоить. Впрочем, английская молодежь воспитывалась так с незапамятных времен, и можно насчитать сотни и тысячи защитников и поклонников тех несправедливостей, обид и грубостей, что совершаются в детской среде.

Возгордившись наградой и победой, одержанной над мастером Тоффи, Джордж, естественно, пожелал продолжать свои подвиги и далее, и вот однажды, когда он горделиво шествовал в необыкновенно щегольском новом костюме возле церкви св. Панкратия, а мальчишка из пекарни насмешливо отозвался о его наружности, юный патриций храбро сбросил щегольскую жакетку и, вручив ее на хранение сопровождавшему его приятелю (мастеру Тодду, с Грэт-Корэм-стрит, близ Рессель-сквера, сыну младшего компаньона торгового дома «Осборн и К^о»), попытался вздуть маленького булочника. Но на этот раз военные шансы оказались неблагоприятными, и булочник «вздул» Джорджа так, что он вернулся домой с огромным синяком под глазом, а брыжи его тонкой сорочки были залиты красным вином, пролившимся из его собственного носа. Деду он рассказал, что выдержал бой с великаном, а в Брамптоне перепугал бедную мать длинным, но отнюдь не правдивым описанием этого сражения.

Юный Тодд с Корэм-стрит, близ Рессель-сквера, был большим другом и поклонником мастера Джорджа. Оба они любили рисовать виденных на сцене в театре персонажей; любили сухари и торты с малиновым вареньем; любили кататься на коньках

... один из лакеев был приставлен специально к нему для услуг, помогал ему одеваться, бегал на звонки, а письма подавал не иначе, как на серебряном подносе

и в салазках в Риджентс-парке и на Серпентине, когда позволяла погода; любили ходить в театр, куда их сопровождал, по приказанию мистера Осборна, приставленный к мастеру Джорджу слуга и телохранитель Раусон, с которым мальчуганы весьма комфортабельно восседали в партере.

В обществе этого джентльмена они посещали все главнейшие театры в столице, знали фамилии всех актеров, от «Дрери-Лейна» до «Фонтанов Садлера» включительно, и даже разыгрывали многие пьесы в картонном своем театрике, изображая знаменитых персонажей Уэста. Лакей Раусон обладал щедрой натурой и, бывая при деньгах, нередко угощал молодого барина после спектакля устрицами и стаканчиком пунша на сон грядущий. Мы можем быть уверены, что, в свою очередь, и мистер Раусон пользовался щедротами и благодарностью молодого барина за доставленные ему лакеем удовольствия.

Знаменитому портному из Вест-Энда поручено было наряжать особу маленького Джорджа и приказано ценами не стесняться: мистер Осборн и слышать не хотел, чтобы на мальчика шили какие-то «перелицовщики» из Сити или Гольборна (хотя сам прекрасно удовлетворялся портным из Сити). И вот мистер Уольси с Кондьют-стрит дал волю своей фантазии и снабжал мальчугана наимоднейшими панталонами, жилетами и жакетами в таком количестве, что их хватило бы на целую школу маленьких денди. У Джорджа были и белые жилеточки для вечерних собраний, и бархатные с глубоким вырезом для обедов, даже прехорошенький кашемировый халат, совсем как у настоящего маленького мужчины. К обеду он переодевался ежедневно, «словно заправский вест-эндский щеголь», по замечанию деда; один из лакеев был приставлен специально к нему для услуг, помогал ему одеваться, бегал на звонки, а письма подавал не иначе как на серебряном подносе.

После завтрака Джорджи садился в столовой в кресло и углублялся в «Утреннюю почту», совсем как взрослый. «А как он кричит и ругается!» — восклицала прислуга, восхищенная его ранним развитием. Те, что еще помнили его отца, капитана, заявляли, что мастер Джордж — вылитый папаша. Он оживлял весь дом своей суетой, требовательностью, капризами и веселым добродушием.

Обучение Джорджа было поручено жившему поблизости ученому педагогу, который частным образом «подготавливал молодых дворян и джентльменов в университеты, к законодательной и ученой деятельности по системе, исключающей унижительные телесные наказания, доселе практикуемые в старинных учебных заведениях, причем в его семье воспитанники усваивают изящные манеры великосветского общества и пользуются заботами и расположением, как под домашним кровом». Таким способом достопочтенный Лауренс Уиль с Гарт-стрит, в Блумсбери, домашний капеллан графа Бэракса, совместно с супругой своею, миссис Уиль, старался заманить к себе воспитанников.

Благодаря таким объявлениям и упорным стараниям домашнему капеллану и его супруге обычно удавалось залучить одного-двух пансионеров, с которых взимались хорошие деньги под тем предлогом, будто они пользуются особым комфортом у мистера Уиля. В данное время у него жил рослый юноша из Вест-Индии, которого никто не навещал; лицо у него было цвета красного дерева и волосы, похожие на шерсть, но одевался он чрезвычайно щеголевато; другой — неуклюжий двадцатитрехлетний малый с «запущенным» воспитанием, и мистеру и миссис Уиль предстояло ввести его в образованное общество; затем — двое сыновей полковника Ост-

Индской службы Бэнгльса. Эти четверо жили и столовались у тонной¹ миссис Уиль, когда Джорджи поступил в ее заведение.

Джордж, наравне с десятком других воспитанников, поступил приходящим: он являлся утром под охраной своего приятеля мистера Раусона, и, если погода стояла хорошая, по окончании уроков за ним присылали грума с пони, и он уезжал. О богатстве его деда в школе рассказывали чудеса. Достопочтенный мистер Уиль самолично выражал Джорджи свое восхищение по этому поводу и внушал мальчику, что он призван занять высокое положение в обществе, а потому ему надлежит усидчивостью и послушанием в юности подготовиться к сложным обязанностям, которые выпадут на его долю в зрелом возрасте; что привычка к послушанию, усвоенная в детстве, — лучшая подготовка для умения повелевать в зрелости, ввиду чего он просит Джорджа не приносить в школу лакомства и не расстраивать здоровье мастерам Бэнгльсам, так как они и без того получают решительно все за изысканным и изобильным столом миссис Уиль.

Что касается самого учения, то «куррикулум»² как любил выражаться мистер Уиль, был чрезвычайно обширен, и молодые джентльмены могли узнать кое-что по всем существующим отраслям науки. У достопочтенного мистера Уиля имелись: карта звездного неба, электрическая машина, токарный станок, театр (в прачечной), химическая лаборатория и так называемая «избранная» библиотека всех произведений лучших древних и современных авторов на всех языках. Он водил воспитанников в Британский музей и распространялся там о древностях и естественно-исторических коллекциях, так что вокруг него собирались толпы слушателей, и все население Блумсбери восторженно преклонялось перед ним как перед необыкновенно образованным человеком. Говоря (а говорил он почти постоянно), он старался выбирать самые изысканные и самые длинные слова, какие существуют в словаре, справедливо рассуждая, что одинаково дешево стоит: употребить ли цветистый, звучный и длинный эпитет или коротенький и простой.

Так, например, он говорил Джорджи за уроком:

— Возвращаясь домой после наслаждения, полученного от вечерней беседы с моим превосходным другом доктором Бельдерсом, — истинным любителем и знатком археологии, джентльмены, истинным археологом, — я имел случай заметить, что окна, можно сказать, княжеского чертога вашего высокочтимого прародителя на Рессель-сквере ярко сияли, освещенные как бы для пиршества. Прав ли я в моем предположении, что мистер Осборн изволил принимать в минувший вечер за своим роскошным столом общество избраннейших умов и душ?

Юный Джордж, обладавший большим чувством юмора и с большим искусством и находчивостью передразнивавший мистера Уиля ему же в глаза, отвечал, что мистер Уиль отнюдь не заблуждается в своем допущении.

— В таком случае я готов держать любое пари, джентльмены, что друзья, имевшие честь разделить гостеприимство мистера Осборна, не имели поводов пожаловаться на предложенную им трапезу. Я сам неоднократно бывал удостоиваем этого знака внимания. (Кстати, мастер Осборн, вы немножко запоздали сегодня утром и провинились в этом отношении уже не раз.) Я сам, повторяю, джентльмены, при всей

¹ Тонный — придерживающийся хороших манер.

² *Curriculum* (лат.) — программа.

скромности моего положения, не был признан недостойным чести разделять изысканное радушие мистера Осборна. И хотя мне доводилось пиршествовать с великими и знатными мира сего — полагаю, к таковым я могу причислить моего превосходного друга и покровителя, высокородного графа Джорджа Бэракса, — однако, смею вас уверить, что стол британского негоцианта был столь же изобилен и пышно сервирован, а его прием столь же отраден и благороден. Мистер Блек, будьте любезны, сэр, продолжать тот отрывок из Евтропия, на котором нас прервало запоздалое появление мастера Осборна.

Вот этому-то великому мужу и было на некоторое время доверено воспитание Джорджа. Амелия терялась от его речей, но считала его чудом учености. Бедная вдова подружилась с миссис Уиль, преследуя собственные цели. Ей нравилось бывать в доме и присутствовать при появлении Джорджи на уроке; она любила бывать у миссис Уиль на *conversazioni*¹, происходивших ежемесячно (о чем извещали розовые пригласительные карточки с выгравированным на них заголовком АӨННН²); на этих собраниях профессор угощал своих питомцев и их знакомых и родственников слабым чаем и научными беседами. Бедняжка Амелия не пропускала ни одного из этих собраний и находила их восхитительными, если Джорджи сидел с нею рядом. В любую погоду плелась она из Бромптона и со слезами благодарности целовала миссис Уиль за очаровательный вечер, когда по уходе гостей и отбытии Джорджа с неизменным Раусоном беденькая миссис Осборн сама начинала облачаться в пальто и шали, чтобы отправиться домой.

По части знаний, которые Джорджи впитывал под руководством этого многоглазого преподавателя сотни наук, успехи мальчугана, если судить по еженедельно приносимым им ведомостям, были замечательны. Наименование двух с лишним десятков всевозможных отраслей знания были напечатаны на табличке, и успехи ученика по каждому предмету отмечались самим профессором. По греческому языку у Джорджи значилось *aristos*³, по латыни — *optimus*⁴, по французскому — *trés bien*⁵ и так далее; и в конце года каждый ученик по всем предметам получал награду. Даже мастер Суорц, юный джентльмен с волосами, напоминавшими шерсть, единокровный брат высокородной миссис Мак-Муль, и мастер Блек, «запущенный» двадцатитрехлетний питомец из сельскохозяйственных районов, и вышеупомянутый юный повеса и лентяй мастер Тодд — и те получали книжечки ценою в восемнадцать пенсов, с выгравированным на них словом АӨННН и с напыщенной латинской надписью профессора, преподносившего их своим юным друзьям.

Семья названного мастера Тодда питала чувства преданности к дому Осборнов. Старик возвел отца Тодда из простых клерков в младшие компаньоны своего предприятия.

Мистер Осборн был крестным отцом юного мастера Тодда (последний в дальнейшей своей жизни печатал на визитных карточках «Мистер Осборн Тодд» и сделался вполне светским человеком), а мисс Осборн восприняла от купели мисс

¹ Беседы (*итал.*).

² Афина (*греч.*).

³ Хорошо (*греч.*).

⁴ Отлично (*лат.*).

⁵ Очень хорошо (*фр.*).

Мери Тодд и дарила своей протееже ежегодно молитвенники, собрание душеспасительных брошюр, томик скверных стихов духовного содержания или что-нибудь в этом роде. Мисс Осборн иногда возила Тоддов кататься в своем экипаже; если у них кто-нибудь заболел, лакей мисс Осборн, в широких плюшевых штанах и камзоле, являлся из Рессель-сквера на Корэм-стрит, нагруженный вареньями и разными деликатесами. Корэм-стрит трепетал и взирал на Рессель-сквер с благоговением, и миссис Тодд, мастерица вырезать из бумаги украшения для жаркого из бараньей ноги и прехорошенькие цветочки, уточки и т. п. из репы и моркови, отправлялась «в Сквер», как у них называлось, помогать в приготовлениях к званому обеду, даже и в мыслях не имея, чтобы потом самой занять место за столом. Если кто-нибудь из приглашенных не являлся, то в последнюю минуту к обеду приглашался Тодд. Миссис Тодд и Мери являлись попозже вечером, скромно стучались и проникали в гостиную к тому времени, когда мисс Осборн вместе с приглашенными к обеду дамами поднималась туда из столовой. И здесь мать и дочь играли в четыре руки и пели, пока в гостиную не приходили мужчины. Бедная Мери Тодд, бедная девушка! Сколько ей приходилось долбить эти романсы и сонаты на Корэм-стрит, прежде чем они исполнялись перед публикой в Сквере!

Таким образом, по-видимому, самой судьбой было предназначено, чтобы Джорджи командовал всеми, с кем входил в соприкосновение, и чтобы товарищи, родные и прислуга склонялись перед мальчуганом. Нужно признаться, что сам он очень охотно примирялся с этим положением. Впрочем, так поступают и все. И Джорджи нравилось разыгрывать роль повелителя, а может быть, у него был к этому прирожденный дар.

В Рессель-сквере все боялись мистера Осборна, а сам мистер Осборн боялся Джорджа. Смелые манеры мальчика, его бойкая болтовня о книгах и учении, сходство с отцом (умершим, не примирившись, где-то далеко в Брюсселе) внушали робость старому джентльмену и обеспечивали мальчугану главенство. Старик порою вздрагивал, уловив какую-нибудь наследственную черту характера или бессознательную интонацию мальчика, — ему казалось, что он снова видит перед собой отца Джорджа. Снисходительностью к внуку он как бы старался возместить суровость, проявленную к Джорджу-старшему. Окружающие дивились, глядя на его нежность к мальчику. Он по-прежнему ворчал на мисс Осборн и бранил ее, но, если Джорджи опаздывал к завтраку, он только улыбался.

Мисс Осборн, тетка Джорджи, была увядающая старая дева, придавленная сорока с лишним годами скуки и грубого обращения. Взять верх над ней умному мальчику было нетрудно. Чего бы Джорджи ни потребовал у нее, начиная с банок варенья в ее буфетах и кончая потрескавшимися и пересохшими красками в старом ящике (том самом, которым она пользовалась, когда почти молодой и цветущей девушкой брала уроки у мистера Сми), он получал решительно все, а получив, переставал удостаивать тетку вниманием.

В качестве друзей и наставников он имел напыщенного старого учителя, который льстил ему, и прихлебателя, старше его годами, которого мог колотить. Величайшей услугой для милой миссис Тодд было оставлять Джорджи с младшей своей дочкой, Розой-Джемимой, прелестной восьмилетней девочкой. «Они такая прелестная парочка», — говорила она (но, конечно, не в присутствии обитателей Сквера). «Почем знать, что может случиться? Разве они, и правда, не подходят друг к другу?» — думала любящая мамаша.

Упавший духом старый дед с материнской стороны был тоже верноподданным маленького тирана. Мистер Седли не мог не питать уважения к мальчику, одетому в такое дорогое платье и катавшемуся верхом в сопровождении грума. Джорджи, со своей стороны, привык постоянно выслушивать грубые оскорбления и пошлые насмешки, расточаемые по адресу Джона Седли его старым безжалостным врагом, мистером Осборном. Осборн иначе не называл беднягу как старым нищим, старым угольщиком, старым банкротом или иными столь же презрительными прозвищами. Как мог маленький Джордж питать уважение к человеку, столь низко павшему? Через несколько месяцев после того, как мальчик переселился к деду с отцовской стороны, миссис Седли умерла. Между нею и Джорджем любви было мало, и он даже не пытался проявлять огорчение по поводу этой утраты. Приехав в новом траурном костюме навестить мать, он очень рассердился, узнав, что нельзя будет отправиться на спектакль, куда непременно желал пойти.

Болезнь матери явилась для Амелии занятием, а может быть, и спасением. Разве мужчины имеют какое-нибудь представление о подвижничестве женщин? Мы бы сошли с ума, если бы нам пришлось вынести сотую долю тех ежедневных мучений, какие безропотно выносятся многими женщинами. Непрестанное рабство, не находящее награды; постоянная кротость и доброта, наталкивающиеся на столь же постоянную жестокость; любовь, труд, терпение, неусыпное внимание, не встречающие признания даже в добром слове, — скольким женщинам приходится переносить все это спокойно, да еще появляться перед посторонними с веселым лицом, словно они ничем не обижены! И вот, будучи нежными рабынями, они поневоле становятся лицемерными и трусливыми.

С кресла мать Амелии перебралась на кровать, с которой так и не поднялась, а миссис Осборн отлучалась от нее только тогда, когда бегала повидаться с Джорджи. Старуха ворчала даже и по поводу его редких посещений: сама, бывшая в дни благополучия нежной, ласковой и доброй матерью, она теперь была сломлена нищетой и болезнями.

Недуги ее и холодность не действовали на Амелию, скорее они помогали ей переносить другое горе, от которого она страдала, а беспрестанные призывы больной отвлекали ее от дум о нем. Амелия кротко переносила резкости матери, оправляла смявшиеся подушки, всегда находила ласковый ответ на подозрительный, придирчивый вопрос, утешала страдальцу словами надежды, почерпаемыми из глубины своего набожного простого сердца, и она же закрыла глаза, когда-то смотревшие на нее с такою любовью.

А затем все свое время и всю нежность она посвятила на то, чтоб утешать и покоить обездоленного старика отца, сраженного обрушившимся на него ударом и оставшегося совсем одиноким на свете. Жена, честь, состояние, все, чем он дорожил на свете, было утрачено. Оставалась одна Амелия, чтобы охранять и поддерживать ласковыми руками шатающегося, убитого горем старика. Мы не станем описывать эту историю: слишком бы она показалась неинтересной и скучной. Я даже вижу, как ярмарка тщеславия зевает над нею *d'avance*¹.

Однажды, когда молодые джентльмены собрались в кабинете достопочтенного мистера Уиля и домашний капеллан высокогородного графа Бэраккса, по своему обык-

¹ Заранее (*фр.*).

новению, о чем-то разглагольствовал, к подъезду, украшенному статуей Афины, подъехала щегольская карета, и из нее вышли два джентльмена. Юные мастера Бэнгльсы бросились к окошку в смутной надежде: не приехал ли их отец из Бомбея? Двадцатитрехлетний неуклюжий верзила, втихомолку проливавший слезы над отрывком из Евтропия, совсем расплющил об оконное стекло свой «запущенный» нос и таращился на экипаж, пока *laquais de place*¹ соскакивал с козел и отворял каретные дверцы.

— Один толстый, а другой тоненький, — сказал мастер Блек одновременно с тем, как раздался оглушительный стук у дверей.

Все заинтересовались посетителями, начиная с самого домашнего капеллана, мечтавшего увидеть отцов будущих своих питомцев, и кончая мастером Джорджи, радовавшимся всякому предлогу отложить в сторону учебник.

Мальчик в затасканной ливрее с потускневшими медными пуговицами, всегда поспешно влезавший в слишком тесную для него парадную одежду, перед тем как отворить дверь, явился в кабинет и возвестил:

— Два джентльмена желают видеть мастера Осборна.

У профессора вышло утром маленькое столкновение с этим юным джентльменом, возникшее по поводу принесенных на уроки хлопушек; но тут лицо его приняло обычное выражение любезной предупредительности, и он сказал:

— Мастер Осборн, даю вам разрешение покинуть класс и принять ваших знакомых, приехавших в карете, и вместе с тем прошу вас передать им почтительный привет от меня и от миссис Уиль.

Джорджи побежал в приемную и, увидев двух незнакомых джентльменов, стал разглядывать их, вскинув голову с обычным своим высокомерием. Один был толстяк с усами, другой — в синем пальто, худой и высокий, с загорелым лицом и проседью в волосах.

— Боже мой, как он на него похож! — проговорил высокий джентльмен, невольно вздрогнув. — Вы не догадываетесь, кто мы такие, Джордж?

Мальчик покраснел, как всегда бывало, когда он волновался, а глаза его заблестели.

— Того я не знаю, — ответил он, — а вы, я думаю, наверно, майор Доббин.

И в самом деле, это был наш старинный друг. Голос его дрожал от удовольствия, когда, здороваясь с мальчиком, он взял его за обе руки и притянул к себе.

— Значит, ваша матушка рассказывала вам обо мне? — спросил он.

— Еще бы, — ответил Джорджи, — сотни, сотни раз!

¹ Выездной лакей (фр.).

ГЛАВА LVII

На море

дним из многочисленных поводов к личной гордости, которою любил тешить себя старик Осборн, являлось то обстоятельство, что Седли, бывший его соперник, враг и благодетель, под конец своих дней дошел до такой крайней нищеты и унижения, что вынужден был принимать денежные подачки из рук именно того человека, который оскорблял и преследовал его больше всех прочих. Преуспевший делец ругал старого нищего и время от времени помогал ему. Вручая Джорджи деньги для передачи матери, он давал понять мальчику намеками, высказываемыми со всегдашней его грубостью и жестокостью, что дед Джорджи с материнской стороны — никуда не годный старый банкрот и попрошайка и что Джон Седли обязан благодарить того кому и без того, должен бог знает сколько денег, за поддержку, оказываемую сейчас из милости. Джорджи отвозил эти надменные подачки матери и разбитому овдовевшему старику, беречь и покоить

которого являлось теперь главной ее заботой в жизни. Мальчуган относился к немощному и доведенному до отчаяния деду с высокомерным покровительством.

Пожалуй, можно упрекнуть Амелию за отсутствие «самолюбия», за то, что она принимала эти денежные пособия от врага своего отца. Но самолюбие и наша бедняжка Амелия никогда не были особенно близки друг с другом. По самой натуре своей она была простодушна и чувствовала потребность в покровительстве, но с той поры, как она стала женщиной, со времени ее безрадостного брака с Джорджем Осборном, в удел ей достались долгий искус бедности и унижений, ежедневных лишений, жестоких слов, безответной доброты. Когда вы видите, как люди, которые, может быть, лучше вас самих, бодро несут изо дня в день этот крест, молча страдают под ударами судьбы и, несмотря на неизменную кротость, не встречают сочувствия, —

разве вы спускаетесь с высоты своего благополучия, чтобы омыть ноги этим несчастным измученным нищим? Самая мысль о них противна и унизительна. «Должны быть классы, должны быть богатые и бедные», — говорит богач, смакуя кларет (хорошо еще, если он вышлет объедки от обеда сидящему под его окном Лазарю). Совершенно верно; но подумайте, как таинственна и часто непостижима эта лотерея жизни, в которой одному достаются пурпур и тонкое белье, а другому — лохмотья на одежду и псы в утешители.

И вот я должен признаться: не только без особого негодования, наоборот, с чувством, близким к благодарности, принимала Амелия крошки, время от времени бросаемые ей свекром на прокормление отца. Она просто считала это своим долгом, в натуре этой молодой женщины (сударини, ведь ей едва минуло тридцать лет, и нам приятно называть ее молодой женщиной даже и в этом возрасте), так вот, я говорю, в самой натуре ее лежало приносить себя в жертву и бросать к ногам предмета своей любви все, чем она обладала. Сколько долгих безотрадных ночей терзала она свои пальцы, обшивая маленького Джорджи, пока он жил с ней; сколько толчков, оскорблений, лишений, бедствий перенесла она из-за отца и матери! И среди всех этих неприметных жертв и печального самоотречения она была о себе не более высокого мнения, чем каким ее удостаивал свет; а пожалуй, в глубине души считала себя жалким, презренным созданием и недостойной выпавшего ей в жизни счастья. О бедные женщины! О несчастные тайные мученицы и жертвы, ваша жизнь — сплошное страдание, вы подвергаетесь пыткам в спальнях, вы ежедневно кладете голову на плаху у стола в гостиной; всякий мужчина, наблюдающий ваши терзания или заглянувший в мрачные застенки, где вы подвергаетесь пыткам, должен пожалеть вас и... возблагодарить бога за то, что он наделил его бородой! Я вспоминаю, как много лет тому назад в приюте для умалишенных и идиотов в Бисетре, близ Парижа, я видел одного несчастного, подавленного бременем заточения и физического недуга; кто-то из нас дал ему на полпenny нюхательного табаку в бумажном картузике, или фунтике. Этот знак внимания показался бедному эпилептику чем-то необычайным. Он зарыдал от избытка восторга и благодарности. Если бы нам с вами кто-нибудь преподнес тысячу фунтов ежегодного дохода или спас жизнь, мы и тогда не испытали бы такого сильного волнения. И точно так же, если вы безжалостно тираните женщину, вы убедитесь, что самая ничтожная ласка уже действует на нее, вызывает на ее глазах слезы, точно вы какой-то ангел и необычайно ее благодетельствовали.

Милости, вроде описанных, были наивысшим благом, каким fortuna наделила бедняжку Амелию. Жизнь ее, начавшаяся сравнительно благополучно, свелась под конец к жалкому прозябанию и долгому унизительному рабству. Маленький Джордж изредка навещал ее в затворничестве и скрашивал его слабыми проблесками поощрения. Рессель-сквер был границей ее темницы; изредка ей удавалось добираться туда, но на ночь она обязательно должна была возвращаться в свою камеру; здесь же должна была исполнять свои унылые обязанности, дежурить у постели неблагодарных больных, переносить придирки и мелкую тиранию сварливых, озлобленных стариков. Сколько тысяч людей, преимущественно женщин, обречены терпеть подобное длительное рабство? Больничные сиделки без жалования, сестры милосердия, если хотите, без романтического стремления к самопожертвованию, они надрыдают свои силы, недосыпают, недоедают, терзаются, не встречая сострадания ни с чьей стороны, и угасают жалким образом, никому неведомые. Сокровенная и

грозная Мудрость, распоряжающаяся судьбами человечества, находит удовольствие унижать и угнетать таким образом нежных, добрых и умных и возвышать себялюбцев, глупцов и злых. О братья мои, будьте смиренны, живя в благоденствии! Будьте милостивы к менее удачливым, хотя бы и недостойным большего! Подумайте, какое право имеете вы быть презрительными, вы, чья добродетель заключается в отсутствии искушения, успех зависит, может быть, от случайности, общественное положение досталось в наследие от случайных предков, а самое преуспеяние ваше, весьма вероятно, просто насмешка.

Мать Амелии похоронили на Бромптонском кладбище; точь-в-точь в такой же дождливый, пасмурный день, какой, по воспоминаниям Амелии, был, когда она венчалась с Джорджем. Сын ее, в новеньком нарядном трауре, сидел рядом с нею в церкви. Вспомнились ей старуха, присматривавшая за церковными скамьями, и клерк ее отца. Мысли ее блуждали в давно минувших временах, пока пастор читал молитвы. Если б она не держала руку Джорджа в своей руке, она, пожалуй, охотно поменялась бы местом с тою, которая... Потом, по обыкновению, она устыдилась своих эгоистических мыслей и горячо помолилась о том, чтобы Бог послал ей силы выполнить свой долг.

И вот она решила все свои силы и волю направить на то, чтобы по возможности облегчить жизнь старику отцу. Она работала как каторжная на старика Седли, штопала и чинила, пела и играла с ним в карты, читала ему газеты, готовила его любимые блюда, прилежно водила его гулять в Кенсингтонский сад или на лужайки Бромптона, с неизменными улыбками и любовным лицемерием выслушивала его рассказы или сидела с ним рядом, мечтая и погружаясь в собственные мысли и воспоминания, пока одряхлевший, ворчливый старик грелся на садовой скамейке и болтал о своих незадачах и горестях. Как печальны, как неутешительны были мысли вдовы! Дети, бегавшие по откосам и широким аллеям сада, напоминали ей отнятого у нее Джорджи; первый Джордж тоже отнят у нее, — в обоих случаях ее себялюбивая, преступная любовь подверглась осуждению и суровой каре. Она старалась внушить себе, что наказана по заслугам. Ведь она такая тяжкая, закоренелая грешница! И вот она одинока во всем мире.

Я знаю, что описание подобного уединенного заточения невыносимо скучно, если не оживляется какими-либо веселыми или забавными эпизодами вроде, например, рассказа о мягкосердечном тюремщике, или весельчаке коменданте крепости, или о мышке, прибегающей теревить узника за усы и бороду, или, наконец, о подземном ходе, вырытом под крепостью Тренком¹ с помощью ногтей и зубочистки; автор не знает ни одного такого оживляющего эпизода, который он мог бы вставить в рассказ о заточении Амелии. И вот, пожалуйста, представьте ее себе в этот период ее жизни очень печальной, но всегда готовой улыбнуться, когда с ней заговаривали; в очень скромной, бедной, чтобы не сказать пошлой, обстановке; распевавшей романсы, стряпающей пудинги, играющей в карты, штопающей носки, в постоянной заботе о старике отце. И вот, все равно, героиня она или нет, а дай бог нам с вами, ког-

¹ *Барон Фридрих фон дер Тренк* (1726–1794) — прусский авантюрист. Посаженный Фридрихом Великим по обвинению в государственной измене в одиночную камеру крепости Глац, Тренк через два года бежал с изумительной смелостью и пробрался в Россию, а затем в Австрию ко двору Марии-Терезии. Во время французской революции навлек на себя подозрения, как бывший агент Марии-Терезии, и был посажен в тюрьму Консьержери. Гильотинирован в один день с поэтом Андре Шенье (25 июля 1794 г.).

да мы сделаемся дряхлыми, ворчливыми банкротами, иметь напоследок дней милое, нежное плечо, на которое мы можем опереться, и мягкую руку, чтобы оправлять нам старые буграстые подушки, на которых мы будем мучиться подагрой.

После смерти жены старик Седли очень привязался к дочери, и Амелия имела некоторое утешение, ухаживая за больным отцом.

Но мы не намерены покинуть этих двух наших друзей надолго в столь жалком и недостойном положении. Им обоим уготованы лучшие дни, поскольку речь идет о материальном благополучии. Быть может, проницательный читатель догадался, кто был толстый джентльмен, приехавший вместе с нашим старинным приятелем майором Доббином навестить Джорджи в школе? Это тоже наш старый знакомый, возвратившийся в Англию и как раз тогда, когда его присутствие должно было послужить большим утешением для его близких, находившихся там.

Майор Доббин без труда получил отпуск от добродушного своего командира для поездки в Мадрас, а оттуда, возможно, в Европу, по срочным семейным делам; он ехал, не останавливаясь ни днем, ни ночью, пока не добрался до конца своего сухопутного путешествия, и совершил его с такою поспешностью, что в Мадрас прибыл в жесточайшей лихорадке. Сопровождавшие майора слуги доставили его в бреду в дом приятеля, где майор предполагал пробыть до отплытия в Европу; но в течение очень и очень многих дней окружающие полагали, что вряд ли ему придется совершить поездку куда-нибудь дальше кладбища при церкви св. Георгия, где над его могилой войска произведут салют и где уже покоится вдали от родины не один доблестный офицер.

Здесь, когда бедняга лежал, трясясь от лихорадки, ухаживавшие за ним не раз слышали, как он бредил Амелией. Мысль, что он никогда больше не увидит ее, угнетала его в часы просветления. Он думал, что дни его сочтены, и торжественно совершил все приготовления для перехода в вечность: привел в порядок свои земные дела и завещал маленькое имущество, которым обладал, тем, кого всего более желал благодетельствовать. Приятель, у которого он жил, засвидетельствовал завещание. Доббин выразил желание, чтобы в могилу с ним положили тоненькую цепочку из каштановых волос, которую он носил на шее; и если уж рассказывать правду, волосы эти он получил в Брюсселе от горничной Амелии, когда молодой вдове обрили голову во время горячки, которой она заболела после того, как смерть сразила Джорджа Осборна на плоскогорье Мон-Сен-Жан.

Он оправился, начал оживать, но болезнь опять возобновилась, и он подвергся лечению такими неумеренными кровопусканиями и такими чудовищными дозами каломели, что крепость его организма была доказана самым блестящим образом. Когда его водворили на корабль Ост-Индской компании «Рамчундер», состоявший под командой капитана Брагга и шедший из Калькутты с заходом в Мадрас, от Доббина остался почти что скелет; он был так слаб и истощен, что приятель, ухаживавший за ним во время болезни, пророчил, что почтенный майор ни за что не выдержит морского перехода: в одно прекрасное утро закатают его в корабельный флаг, увяжут в гамак, спустят за борт, и пойдет он на дно морское вместе со святынею, которую носит у сердца. Но помог ли тут морской воздух или проснувшаяся надежда, однако с того дня, как корабль распустил паруса и устремился в путь домой, приятель наш начал оправляться и совсем выздоровел (хотя худобой и напоминал борзую собаку) еще ранее, чем корабль обогнул мыс Доброй Надежды.

— Не видать на этот раз Керку майорского чина, — говорил Доббин, посмеиваясь, — он рассчитывал, что объявление о моей смерти и о его производстве появится ко времени возвращения полка домой.

Надо заметить, что, пока майор лежал больным в Мадрасе от непомерной торопливости поскорее туда попасть, доблестный *** полк получил наконец приказ возвратиться на родину; ведь он уже много лет пробыл за границей; по возвращении же из Вест-Индии его погнала с родины Ватерлооская кампания, а прямо из Фландрии он был двинут в Индию. Таким образом, майор мог бы плыть в обществе своих товарищей, если бы захотел дожидаться их прибытия в Мадрас.

Может быть, в настоящем своем болезненном состоянии он был не склонен вновь попадать под опеку Глорвины.

— Будь мисс О'Дауд с нами на корабле, я думаю, она бы меня прикончила, — со смехом сказал майор одному из пассажиров, — а спустив меня за борт, она принялась бы за вас, Джоз, будьте уверены, и притащила бы вас в Саутгэмптон в качестве приза, мой милый.

Действительно, толстый наш приятель тоже состоял в числе пассажиров «Рамчундера». Он прожил в Бенгалии десять лет. Постоянные обеды, завтраки, пейл-эль¹ и кларет, чудовищные количества крепкого хереса, прохладительных и грогов, с какими ему приходилось там справляться, не остались без последствий для Ватерлооского Седли. Врачи предписали ему поездку в Европу; и вот, отбыв полный срок службы в Индии, причем крупное содержание позволяло ему делать значительные сбережения, он был теперь волен или оставаться на родине, получая хорошую пенсию, или вернуться вновь в Индию и занять высокое положение, на какое ему давали право его старшинство и многообразные дарования.

Джоз, пожалуй, несколько похудел против того, каким мы видели его в последний раз, но зато выиграл в величавости и важности обращения. Он окончательно отпустил усы, заслуженные подвигами под Ватерлоо, и разгуливал по палубе в великолепной бархатной фуражке с золотым галуном, в изобилии изукрашенный булавками и разными драгоценными побрякушками. Завтракал он у себя в каюте, а перед выходом на шканцы наводил на себя такой парад, словно собирался на прогулку по Бонд-стрит или на ипподром в Калькутте. Он вез с собой слугу-туземца, исполнявшего обязанности камердинера и подавальщика трубки и носившего на тюрбане серебряный вензель Седли. Этот восточный слуга терпел горькую долю от тиранства Джоза Седли. Джоз заботился о своей наружности не меньше иной женщины, а туалету своему посвящал, пожалуй, столько же времени, как какая-нибудь увядающая красавица. Молодежь среди пассажиров, Юнг Шефферс из 150-го полка и бедняга маленький Риккетс, возвращавшийся на родину отбыв в третий раз лихорадку, обычно раззадоривали Седли в кают-компании, и он рассказывал удивительнейшие истории о себе самом и о своих победах над тиграми и Наполеоном. Он был поистине неподражаем, когда после посещения могилы императора подробно живописал — пользуясь отсутствием майора Доббина — этим джентльменам и молодым корабельным офицерам всю битву при Ватерлоо и только-только не заявил, что, не будь его, Джоза Седли, Наполеон никогда бы не попал на остров св. Елены.

¹ Пейл-эль (англ. Pale Ale — «бледный эль») — одна из разновидностей английского пива.

Покинув остров св. Елены, Седли сделался очень щедр на угощение всякими корабельными припасами, кларетом, мясными консервами и целыми ящиками содовой воды, прихваченными им для личного потребления. Дам на корабле не было, майор охотно уступил первенство нашему чиновнику, так что за столом он занимал самое почетное место, и капитан Брагг и офицеры «Рамчундера» относились к нему с уважением, подобающим его высокому рангу. Он исчез в порядочном испуге на время двухдневного шторма, приказав наглухо забить иллюминаторы своей каюты, и лежал на койке, читая «Прачку Финчлейской общины», оставленную на «Рамчундере» достопочтенною леди Эмилией Горнблоуэр, супругой преподобного Сайласа Горнблоуэра, совершавшей переезд на мыс Доброй Надежды, где его преподобие исполнял обязанности миссионера; для чтения же в более спокойное время он вез целую грудку романов и театральных пьес, охотно давал их читать всем спутникам по плаванию и произвел на всех приятное впечатление своею приветливостью и обходительностью.

В то время как судно прорезало путь по рокочущим черным волнам, а луна и звезды сияли в небе и корабельный колокол отбивал склянки, мистер Седли и майор немало ночей просидели на шканцах, беседуя о родине, майор — покуривая манильскую чируту¹, а наш чиновник — попыхивая из хуки² (род кальяна), которую ему набивал слуга..

Удивительно, с какою настойчивостью и искусством переводил майор Доббин во время этих бесед разговор на Амелию и ее мальчугана. Джоз, несколько сердитый на отца за его злоключения и за бесцеремонное обращение к сыновнему кошельку, постепенно смягчился благодаря майору, постоянно указывающему на неудачливость и дряхлость старика. Разумеется, Джозу может оказаться неудобным поселиться вместе с родителями — их привычки и строй жизни, вероятно, не подойдут к привычкам молодого человека, привыкшего к иному обществу (на этот комплимент Джоз сочувственно кивал головой), но, подчеркивал майор, Джозу Седли будет чрезвычайно выгодно зажить в Лондоне собственным домом, а не обходиться, как раньше, холостым хозяйством; сестра его Амелия — самая подходящая особа для того, чтобы стать во главе дома брата, ведь она так изящна, так мила и у нее такие изысканные манеры. Он без конца рассказывал об успехе, каким пользовалась миссис Джордж Осборн в былые дни в Брюсселе и в Лондоне, как ею восхищались люди, принадлежавшие к самому великосветскому обществу; а затем он намекал, как уместно было бы со стороны Джоза определить Джорджи в хорошую школу и сделать из него человека, потому что мать и старики наверное избалуют его. Словом, хитрый майор добился от нашего чиновника обещания позаботиться об Амелии и ее оставшемся без отцовского надзора ребенке. Он ведь еще не знал о событиях, происшедших в маленькой семье Седли; не знал, что смерть унесла у Амелии мать, а богачи отняли у нее Джорджи. Но факт тот, что, изо дня в день и неустанно влюбленный пожилой джентльмен думал о миссис Осборн и всем сердцем стремился помочь ей. Он ублажал, расхваливал Джоза Седли, ухаживал за ним с постоянством и пылом, каких, вероятно, сам не подме-

¹ *Чирута* (англ. cheroot; устар.) — сигара без фильтра, обрезанная с обоих концов.

² *Хука* (англ. hookah) — то же, что кальян; слово «хука» заимствовано англичанами после начала своего присутствия в Индии с XVII в. Согласно пакистанскому словарю, слово «хука» персидского происхождения и некогда обозначало небольшой горшок, где восточные женщины хранили свои драгоценности и благовония.

чал за собой; но мужчины, имеющие незамужних сестер или даже дочерей, конечно, припомнят, какую необычайную любезность проявляют кавалеры к родственникам молодых особ, за которыми они ухаживают; и, может быть, нашим плутом Доббином руководило подобное же лицемерие.

Сказать по правде, когда майор Доббин ступил на палубу «Рамчундера», он был очень болен, и за три дня, что корабль простоял на мадрасском рейде, нисколько не оправился; даже появление на корабле мистера Седли и возобновление старинно-

го знакомства с ним не очень подбодрило больного, пока между ними не произошел однажды разговор, во время которого майор бессильно лежал на палубе. Доббин сказал тогда, что, по-видимому, дни его сочтены, а потому он отказал по завещанию кое-какие пустяки своему крестнику; затем он выразил надежду, что миссис Осборн сохранит о нем добрую память и найдет счастье в новом браке, в который собирается вступить.

— Она выходит замуж? Ничего подобного, — ответил Джоз. Он получил от нее письмо, и она ни одним словом не обмолвилась о замужестве; а кстати, курьезно, что она пишет, будто майор Доббин собирается жениться и желает счастья ему.

А от какого числа письма, полученные Седли из Европы? Чиновник принес их. Оказалось, что они написаны двумя месяцами позже тех, что получил майор. И судовой врач потом поздравлял себя с удачным способом лечения, примененным им к новому пациенту, тогда как привезший майора мадрасский врач высказывал весьма слабые надежды на его выздоровление; ибо с этого дня, именно с того дня, когда он назначил ему новое лекарство, майор Доббин и начал поправляться. А благодаря этому обстоятельству достойный офицер, капитан Керк, не получил производства в майоры.

К тому времени как они миновали остров св. Елены, веселость и силы майора Доббина настолько возросли, что спутники его только диву давались. Он дурачился с мичманами, боролся на палках со штурманами, лазал по снастям, словно мальчишка, и даже пропел однажды вечером комическую песенку, на потеху компании, сидевшей после ужина за грогом. Короче, он сделался таким веселым, оживленным и любезным, что сам капитан Брагг, вначале не видевший ничего особенного в этом пассажире и считавший его ничтожным малым, теперь был вынужден признать, что майор хотя и сдержанный, но прекрасно образованный и достойный офицер.

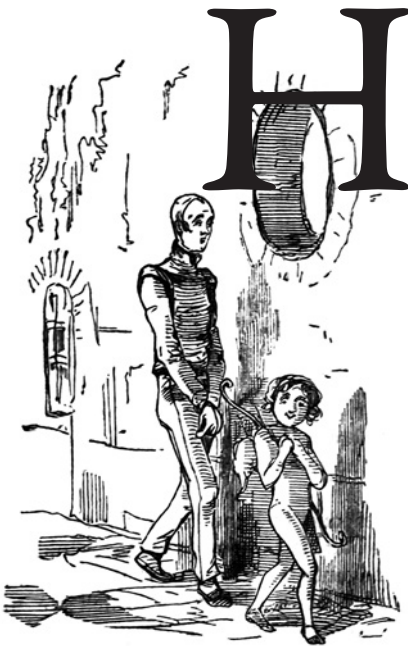
— Манеры у него не очень *distangy*¹, черт возьми, — говорил Брагг старшему штурману, — и он, пожалуй, не сумел бы держать себя в губернаторском доме, где их милости лорд и леди Уильям так отличили меня, Ропер, и пожимали мне руки на виду у всего общества, а за обедом милорд чокался со мной пивом в присутствии самого главнокомандующего. Да, манеры у него неважные, но в нем есть что-то такое, эдакое... — Высказывая такое мнение, капитан Брагг обнаруживал, что обладает пониманием людей не в меньшей мере, нежели способностями к управлению кораблем.

Но когда на расстоянии десяти дней пути от Англии «Рачмундер» попал в штиль, Доббин проявлял такое нетерпение и раздражительность, что спутники, раньше восхищавшиеся его живостью и хорошим характером, теперь совсем недоумевали. Он повеселел лишь после того, как поднялся ветер, а когда на палубе появился лоцман, возбуждение его дошло до крайних пределов. Боже мой, как же билось его сердце, когда завиднелись наконец два знакомых шпиля Саутгэмптонского собора!

¹ Приличные, благородные (англ.).

ГЛАВА LVIII

Наш друг майор

Наш майор приобрел такую популярность на «Рачмундере», что, когда вместе с мистером Седли спустился на долгожданную береговую шлюпку, которая должна была забрать их с корабля, весь экипаж, матросы и офицеры во главе с самым важным капитаном Браггом три раза прокричали «ура» в честь майора Доббина, на что он, сильно раскрасневшись, отвечал в виде благодарности усердными кивками головы. Джоз, вероятно, отнесший эти клики на счет своей особы, снял свою золотогалунную фуражку и величественно помахал ею приятелям, а затем они поплыли к берегу и с большим достоинством высадились на дамбу, откуда проследовали в гостиницу «Король Георг».

Хотя вид великолепного ростбифа и серебряного жбана, напоминающего о настоящем эле и портере местного английского производства, всегда радует взоры путника, вступающего в столовую гостиницы при возвращении из чужих краев, и действует так живительно и заман-

чиво, что человек, попавший в эту щеголеватую и уютную английскую гостиницу, не прочь погостить в ней несколько дней, однако Доббин тотчас же начал хлопотать о почтовой карете и, едва приехав в Саутгэмптон, пожелал немедленно катить в Лондон. Но Джоз и слушать не хотел о том, чтобы ехать в этот же вечер. Зачем ему проводить ночь в карете, когда здесь для него готова широкая кровать с мягким упругим пуховиком вместо отвратительной узкой и короткой койки, на которой грузный бенгальский джентльмен обречен был мучиться весь дальний путь? Он не представлял себе, как сможет двинуться куда-нибудь, пока весь его багаж не будет выпущен из таможни, как пустится в дальний путь, прежде чем хорошенько отогреется. И вот майор вынужден был переждать эту ночь, и отправил письмо к своим родным с извещением о скором своем прибытии, заручившись от Джоза обещанием, что и он напи-

шет своим близким. Джоз обещал, но обещания не сдержал. Капитан, судовой врач и два-три пассажира, тоже съехавшие на берег, отобедали с нашими обоими джентльменами в гостинице; Джоз проявил свое величие, заказав роскошный обед, и дал слово майору, что завтра же отправится вместе с ним в город. Хозяин заявил, что у него сердце радовалось, глядя на то, как мистер Седли пил свою первую пинту портера. Если бы я имел время и дерзал отклониться от темы своей повести, я написал бы целую главу об этой первой пинте портера, выпитой на английской земле. Ах, как она вкусна! Стоит нарочно покинуть родину на годик, чтобы хорошенько насладиться этой первой кружкой.

На следующее утро майор Доббин вышел из своего номера, по обыкновению гладко выбритый и аккуратно одетый. Час был настолько ранний, что никто в доме еще не поднимался, за исключением удивительного чистильщика сапог, который как будто никогда не испытывает потребности в сне; и майор имел возможность изучить разнообразное храпение многочисленных постояльцев гостиницы, разносившееся по коридорам, пока блуждал, поскрипывая половицами, по этим сумрачным переходам. Потом бессонный чистильщик зашнырял от двери к двери, забирая выставленные сапоги а-ля-Блюхер, а-ля-Веллингтон, а-ля-Оксфорд. Немного спустя поднялся слуга-туземец Джоза и занялся чисткой объемистых туалетных принадлежностей своего господина и набивкой его гуки; еще позже встали служанки и, сталкиваясь в коридоре с темнокожим индусом, испуганно вскрикивали, принимая его за дьявола. Индус и Доббин то и дело натыкались в коридорах на ведра, в то время как служанки мыли полы «Короля Георга». Когда появился первый, еще не успевший побриться лакей и отомкнул дверь гостиницы, майор решил, что время для отъезда уже настало, и тотчас же послал за почтовой каретой, чтобы немедленно тронуться дальше.

Затем он направил свои стопы в комнату мистера Седли и раздвинул занавеси у большой двуспальной кровати, на которой похрапывал мистер Джоз.

— Вставайте, Седли! — воскликнул майор. — Пора выезжать, карета будет у подъезда через полчаса.

Джоз заворчал из-под стеганого одеяла, спрашивая, который час; но, когда наконец добился от покрасневшего майора (а тот никогда не лгал, хотя бы ложь и была ему на пользу), какой на самом деле был час, — Джоз разразился такой бранью, что мы не станем ее повторять, и дал понять майору, что он рискует погубить свою душу, если встанет сейчас, что майор может убраться к черту, он не поедет с Доббином и что нарушать таким образом чужой сон в высшей степени жестоко и непорядочно, — после чего смущенный майор вынужден был удалиться, предоставив Джозу продолжать свой прерванный сон.

Вскоре подъехала карета, и майор не стал больше дожидаться.

Будь наш Доббин английским вельможей, путешествующим ради собственного удовольствия, или газетным курьером, везущим депеши (правительственные сообщения обыкновенно пересылаются гораздо медленнее), он не мог бы мчаться быстрее. Почтальоны только дивились крупным «часевым», которые он им бросал. Как сияли и зеленели поля, когда карета быстро неслась от одного верстового столба к другому; въезжала в хорошенькие провинциальные городки, где трактирщики выходили встречать с поклонами и улыбками, останавливалась у придорожных постоялых дворов с укрепленными на вязах вывесками, где лошади и возчики утоляли жажду в тени деревьев, ложившейся пятнами; проезжала мимо старинных замков и парков,

мимо деревенских домиков, ютившихся вокруг старинных серых церквей, — мимо очаровательных приветливых английских ландшафтов! Найдется ли в мире что-либо, подобное им? Путешественнику, вернувшемуся на родину, они кажутся такими ласковыми, словно тянутся пожать вам руку, когда вы проезжаете мимо. Ну а майор Доббин проезжал мимо всего этого на пути от Саутгэмптона до Лондона, не обращая внимания ни на что, кроме верстовых столбов. Оно и понятно, — ведь он так стремился поскорее увидаться со своими родными в Камберуэлле.

Он жалел о времени, потраченном на заезд с Пикадилли до старого своего пристанища у Слоутерса, куда он, верный своему постоянству, направился. Много лет прошло с тех пор, как он был здесь в последний раз, с тех пор, когда он и Джордж, молодыми еще людьми, не раз там пировали и веселились. Теперь он уже перешел на положение старого холостяка. Волосы его поседели, да и многие из юношеских страстей и чувств подернулись сединой за этот промежуток времени. А между тем вон у дверей стоит старый коридорный Джон в той же засаленной черной тройке, все с тем же двойным подбородком и дряблым лицом, с тою же огромною связкой печатей, свисающей из верхнего жилетного кармана; он по-прежнему побрякивает мелкими деньгами в карманах и встречает майора так, как будто бы тот уезжал всего на неделю.

— Снесите вещи майора в двадцать третий, это его номер, — сказал Джон, не обнаружив ни малейшего удивления. К обеду вам жареную курицу? Вы не женились? Тут говорили, будто вы женились, — у нас останавливался доктор-шотландец из вашего полка. Ах, нет, это говорил капитан Гэмби из тридцать третьего, что был расквартирован вместе с *** там, в Индии. Прикажете горячей воды? А что это вы приехали в почтовой карете, разве в дилижансе плохо?

С этими словами почтенный коридорный, знавший и помнивший всех офицеров, останавливавшихся в гостинице, — десять лет промелькнули для него, словно вчерашний день, — повел Доббина в прежний его номер, где стояла большая кровать, накрытая шерстяным одеялом, старая черная мебель, обитая полинялым ситцем, и был разостлан потертый, как будто еще больше потускневший ковер, — словом, все осталось таким же, как майор помнил со времен своей юности.

Вспомнилось ему, как Джордж накануне свадьбы ходил взад-вперед по комнате, покусывая ногти, и клялся, что старик должен сдаться, а не сдастся, так ему наплевать. Ему даже почудилось, будто Джордж входит, постучавшись в номер Доббина, примыкавший к номеру Джорджа...

— А вы не помолодели, — сказал Джон, спокойно рассматривавший своего давнишнего знакомого.

Доббин усмехнулся:

— Десять лет и перенесенная лихорадка не молодят человека, Джон, — ответил он. — Вот вы все так же молоды... Нет, вы все так же стары.

— А что случилось с вдовой капитана Осборна? — спросил Джон. — Славный был малый, господи, вот умел мотать денежки! Он ведь ни разу сюда не заглядывал с тех пор, как от нас женился. Он и посейчас должен мне три фунта. Вот посмотрите, у меня в книжечке значится: «Апрель, 10, 1815 г., капитану Осборну — £ 3¹». Я все думаю, заплатит мне его отец или нет. — С этими словами Слоутерс Джон вытащил

¹ £ — обозначение слов «фунт стерлингов».

хорошо знакомую кожаную записную книжечку, где на засаленной страничке все еще красовалась записка о выданной капитану сумме наряды со многими другими нацарапанными записями, касающимися бывших посетителей гостиницы.

Устроив постельца в номере, Джон удалился с полнейшим спокойствием; а майор Доббин, хотя и краснея и посмеиваясь над собственной глупостью, выбрал из своего багажа самый щегольской из имеющихся у него костюмов — по его мнению, этот костюм очень шел к нему — и улыбнулся своему словно выдубленному лицу и седым волосам, когда посмотрелся в тусклое зеркальце, стоявшее на туалетном столике.

«Я рад, что старик Джон не позабыл меня, — подумал он. — Надеюсь, она меня тоже узнает». И вышел из гостиницы, направляя свои стопы в Бромптон.

Все мельчайшие подробности последнего свидания с Амелией вставляли в память этого верного человека, пока он шел к ее дому. На Пикадилли появилась аркада и статуя Ахиллеса; с того времени, как он проходил здесь в последний раз, произошли сотни перемен, которые смутно отмечали его глаза и мозг. Он задрожал, выйдя на Бромптонский луг, так хорошо памятный луг, за которым начиналась улица, где жила она. Выходит она замуж или нет? Вдруг он сейчас встретит ее с мальчиком, — боже мой, что ему тогда делать? Он увидел шедшую навстречу женщину с ребенком лет пяти: не она ли? От одной этой возможности он весь затрепетал. Подойдя наконец к ряду домов, где она жила, а затем к воротам, он ухватился за калитку и остановился. Он мог бы слышать биение своего сердца, так громко оно колотилось. «Да благословит ее всемогущий, что бы ни случилось!» — подумал он.

— Ах, ведь, может быть, она отсюда переехала! — проговорил он вслух и вошел в калитку.

Окно гостиной, у которого она обычно сидела, было раскрыто, но в комнате никого не было видно. Майору показалось, однако, что он узнает фортепьяно и висевшую над ним по-прежнему картину, и волнение его возобновилось. Медная дощечка с фамилией мистера Клаппа по-старому красовалась на двери; Доббин взялся за молоток.

На стук его выскочила бойкая шестнадцатилетняя девушка, с веселыми глазами и румяными щеками, и пристально взглянула на майора, прислонившегося к столбику подъезда.

Он был бледен как призрак и едва пролепетал:

— Здесь живет миссис Осборн?

Девушка с минуту пристально вглядывалась в его лицо, тоже побледнела и воскликнула:

— Господи помилуй, да ведь это майор Доббин! — Дрожа, протянула ему обе руки и спросила: — Вы меня не помните? Я вас звала майор Сладкий Горшок.

В ответ — мне думается, это был первый случай в его жизни — майор схватил девушку в объятия и расцеловал. Она истерически засмеялась, заплакала, во все горло закричала: «Па! Ма!» — и тем вызвала из комнат своих достойных родителей, уже разглядывавших майора из окна своей разукрашенной кухни и очень удивившихся, застав в коридоре свою дочь в объятиях высокого тощего мужчины в синем пальто и белых лосиных панталонах.

— Я ведь старинный друг, — объяснил майор, все же покраснев от конфуза. — Разве вы меня не помните, миссис Клапп, и тех чудесных кексов, что вы готовили к чаю? И вы, Клапп, меня не узнаете? Я крестный отец Джорджа и только что вернулся из Ин-

дии. — Тут последовали горячие рукопожатия, миссис Клапп пришла в большое волнение и восторг и без конца призывала божье имя в маленьком коридорчике.

Хозяин и хозяйка повели почтенного майора в комнату Седли (а здесь он помнил до последних мелочей всю обстановку, начиная от старинного фортепьяно с бронзовыми украшениями, когда-то прехорошенького инструмента, вышедшего с фабрики Стосэрда, и кончая экраном и миниатюрным алебастровым памятником, в центре которого потиковали золотые часы мистера Седли), и здесь, когда гость был усажен в свободное кресло жильца, отец, мать и дочь, прерывая рассказ тысячей восклицаний, сообщили майору Доббину подробности о жизни Амелии, уже известные нам, но еще неизвестные ему, а именно: о смерти миссис Седли, о примирении между стариком Осборном и Джорджи, о том, как Амелия страдала от разлуки с сыном, и о многом другом. Дважды или трижды майор собирался затронуть вопрос о предполагаемом браке миссис Осборн, но у него не хватило духу. Ему не хотелось открывать свое сердце перед этими людьми. Под конец ему сообщили, что миссис Осборн ушла гулять с папашей в Кенсингтонский сад, куда всегда отправляется в эту пору, если стоит хорошая погода (старик ведь стал очень дряхла и сварлив, и жить с ним ей нелегко, хотя она относится к нему с ангельской кротостью).

— Я очень тороплюсь, — сказал майор, — и вечером у меня важное деловое свидание. Но я бы очень хотел повидать миссис Осборн. Может быть, мисс Мери пойдет со мной и покажет, где их разыскать.

Мисс Мери и удивилась и обрадовалась этому предложению. Она знает дорогу и проводит майора Доббина. Она часто ходит гулять с мистером Седли, когда миссис Осборн отлучается, чтобы сбежать на Рессель-сквер; она знает и скамеечку, где старик любит сидеть. Мери помчалась к себе в комнату и вскоре вернулась в самой нарядной своей шляпке и в желтой шали, заколотой большой брошкой с горным хрусталем; последние предметы она позаимствовала у мамы, желая быть достойной спутницей майору.

И вот майор, в синем пальто и лайковых перчатках, предложил юной особе руку, и они очень весело пустились в путь. Доббин был рад иметь возле себя дружески расположенного человека в момент предстоящей встречи, которой он почему-то опасался. Он задавал своей спутнице тысячу вопросов об Амелии, доброе сердце его сжималось от боли при мысли о том, что ей пришлось расстаться с сыном. Как она переносит разлуку? Часто ли с ним видится? Хорошо ли теперь обставлен мистер Седли в материальном отношении? Мери старалась отвечать на все вопросы майора Сладкий Горошек как можно обстоятельней и толковее.

А когда они прошли примерно полпути, случилось одно происшествие, само по себе совсем обыкновенное, но приведшее майора Доббина в величайший восторг. Бледный молодой человек с реденькими бачками и в туго накрахмаленном белом галстуке шел навстречу им по луку; он шел *en sandwich*¹, т. е. ведя под руку двух дам. Одна была высокая, властного вида, уже немолодая особа, чертами лица и сложением напоминавшая служителя англиканской церкви, ведшего ее под руку; а другая — маленькая и хилая смуглолицая женщина в нарядной новой шляпке с белыми лентами и в модной накидке; дорогие золотые часы красовались как раз посредине ее туловища. Джентльмен, стиснутый этими двумя дамами, тащил еще зонтик, шаль и корзинку, так что руки его были совершенно заняты и он не мог притронуться к шляпе в ответ на книксен, который ему отвесила мисс Мери Клапп.

¹ Зажатый (*фр.*).

Он только ласково поклонился ей, а обе дамы ответили на приветствие покровительственным кивком и строгим взглядом проводили незнакомую личность с бамбуковой тростью и в синем пальто, шедшую с мисс Мери.

— Кто это такие? — спросил майор после того, как, посторонившись, пропустил всех троих на узкой луговой дорожке; группа показалась ему забавной. Мери кинула на него плутоватый взгляд.

— Это наш викарий, преподобный мистер Бинни (майор вздрогнул), и его сестра мисс Бинни. Господи боже мой, как она нас изводила в воскресной школе! А другая леди, маленькая, что косит глазом, на ней еще такие красивые часы, это — миссис Бинни, бывшая мисс Грэгс. Ее папаша — колониальный торговец и держал лавку под вывеской «Настоящий китайский чай» в Кенсингтон-Гравель-питсе. Они повенчались в прошлом месяце и только что вернулись из Маргэта. У нее пять тысяч фунтов приданого, но она уже поссорилась с мисс Бинни, которая и устроила эту свадьбу.

Если майор раньше вздрогнул, то сейчас он пошатнулся и с таким азартом стукнул о землю тростью, что мисс Клапп вскрикнула: «Господи!» — и засмеялась. С минуту он стоял молча, раскрыв рот и глядя вслед удалявшейся троице, пока Мери рассказывала эту историю. Но он ничего не слышал, за исключением сообщения о женитьбе преподобного джентльмена, — от счастья у него закружилась голова. После этой встречи Доббин зашагал вдвое быстрее к месту назначения, и вот они чересчур уж быстро миновали лужайки Бромптона и вошли в старинные ворота, сделанные в ограде Кенсингтонского парка, ибо майор весь трепетал при мысли о встрече, о которой мечтал все время в течение истекших десяти лет.

— Вот они, — промолвила мисс Мери и почувствовала, как рука его опять вздрогнула. Она сразу поняла, в чем дело, поняла всю историю, словно вычитала ее в одном из излюбленных своих романов, вроде «Безродной Фанни» или «Шотландских воителей».

— А что если бы вы побежали и предупредили ее? — предложил майор.

Мери пустилась вперед так, что шаль ее развевалась по ветру.

Старик Седли сидел на скамейке, разложив на коленях носовой платок, и, по обыкновению, рассказывал какую-то старую историю о минувших днях, которую Амелия выслушивала с тою же терпеливою улыбкой, вероятно в сотый раз. Она уже научилась в таких случаях думать о своих собственных делах, улыбаться и даже вставлять кое-какие поощрительные замечания, не слыша ни слова из того, что болтал старик. Увидев бегущую Мери, Амелия вскочила со скамьи. Первою ее мыслью было, что с Джорджи что-нибудь случилось; но оживленное и радостное лицо посланницы рассеяло опасения в сердце боязливой матери.

— Новость! Новость! — восклицала посланница майора Доббина. — Он приехал! Приехал!

— Кто приехал? — спросила Эмми, все еще думая о сыне.

— Посмотрите! — ответила мисс Клапп, повернувшись и указывая пальцем назад. Посмотрев в указанном направлении, Амелия увидела тощую фигуру Доббина и длинную тень, тянувшуюся от него по траве. Амелия тоже вздрогнула, покраснела и, конечно, не преминула заплакать. Во всех радостных случаях в жизни этого простодушного создания *les grandes eaux*¹ неизменно пускались в ход.

¹ Фонтаны (*фр.*).

Майор взглянул на Амелию, — о, как нежно! — когда она побежала к нему навстречу, протянув руки. Она не изменилась. Немножко побледнела, немножко пополнила в стане. Глаза ее были те же, ласковые, доверчивые глаза. В мягких каштановых волосах появились две-три серебряных нити. Он взял обе ее руки и задержал в своих. С минуту он не мог говорить. Почему он не схватил ее в объятия и не поклялся никогда с нею не разлучаться? Она бы сдалась, она не смогла бы не повиноваться ему.

— Я... я имею сообщить вам о прибытии еще одной особы, — проговорил майор, помолчав.

— Миссис Доббин?! — воскликнула Амелия и отшатнулась назад.

Почему он не высказался сразу?

— Нет, — ответил он, выпуская ее руки. — Кто это вам налгал? Я хотел сказать, что на одном корабле со мной прибыл ваш брат Джоз, он вернулся на родину, чтобы всех вас осчастливить.

— Папа, папа! — закричала Эмми. — Вот так новость! Брат приехал в Англию, приехал, чтобы о вас позаботиться. А это — майор Доббин.

Мистер Седли вскочил и затрясся, собираясь с мыслями. Потом подошел и отвесил низкий поклон майору, которого назвал мистером Доббином, и выразил надежду, что достойный отец его, сэр Уильям, обретается в добром здравье. Он как раз собирается навестить сэра Уильяма, еще недавно удостоившего его своим посещением. В действительности сэр Уильям не был у старика уже восемь лет, и на этот-то видит Седли и собирался теперь отвечать.

— Он очень расстроен, — шепнула Эмми, когда Доббин подошел и сердечно пожал руку старику.

Хотя у майора было очень спешное дело в этот вечер в Лондоне, он, однако, согласился отложить его, получив от мистера Седли приглашение пожаловать к нему на дом и выпить чаю. Амелия взяла под руку свою юную приятельницу в желтой шали и открыла с нею шествие к дому, так что на долю Доббина осталось вести мистера Седли. Старик плелся очень медленно и рассказывал бесконечные истории о себе и о своей бедной Бесси, о своем богатстве и разорении. Мысли его, как обыкновенно бывает у незадачливых стариков, вертелись целиком в давнишнем прошлом. Настоящего, за исключением единственной, тяжело поразившей его катастрофы, он почти не сознавал. Майор с удовольствием предоставлял ему говорить. Глаза его были устремлены на шедшую впереди фигуру — дорогую маленькую фигурку, всегда присутствующую в его воображении и в молитвах, навещавшую его грезой наяву и во сне.

Амелия была очень счастлива, оживлена и улыбалась весь вечер; обязанности хозяйки на маленьком пиршестве она выполняла, по мнению Доббина, с величайшим изяществом и любезностью. В сумерках глаза его всюду следили за ней. Сколько раз мечтал он об этой минуте; в далеких краях, под знойными ветрами и во время утомительных походов, она рисовалась ему нежной и счастливой, ласково ухаживающей за своими стариками, скрашивающей бедность кроткой покорностью, — такою, какою он видел ее сейчас. Я не хочу сказать, что вкус у майора был самый изысканный или что обязанность великих умов — удовлетворяться таким скромным мещанским раем, каким довольствовался наш простодушный почтенный друг; но, худо ли, хорошо ли, желания его были именно таковы, и он готов был, при содействии Амелии, выпить такое же количество чашек чаю, какое поглощал доктор Джонсон.

— Папа, папа! — закричала Эмми. — Вот так новость! Брат приехал в Англию, приехал, чтобы об вас позаботиться. А это — майор Доббин.

Амелия, видя эту наклонность, только поощряла ее, посмеиваясь, и лукаво поглядывала на майора, наливая ему чашку за чашкой. Правда, она не знала, что майор не обедал, хотя у Слоутерса столик для него был накрыт и прибор поставлен в знак того, что место занято; а кабинет был тот самый, где майор много раз пировал с Джорджем, когда Амелия была еще совсем юной девушкой, только что приехавшей домой из пансиона мисс Пинкертон.

Первым делом миссис Осборн похвасталась майору миниатюрой Джорджа, сбегав за нею наверх, как только вернулись домой. На миниатюре он, конечно, гораздо хуже, чем в натуре, но разве это не благородно со стороны мальчика — подарить ей свой портрет? Пока папаша ее бодрствовал, она не особенно распространялась о Джордже. Слушать о мистере Осборне и Рессель-сквере старику не могло быть приятно, вдобавок он едва ли сознавал, что вот уже несколько месяцев живет главным образом на счет милостей своего богатого соперника, и одно уже упоминание об Осборне выводило его из себя.

Доббин рассказал ему все, что произошло во время плавания на «Рамчундере», и, пожалуй, несколько даже прибавил; он преувеличил благосклонные намерения Джоза в отношении отца и принятое им решение покоить его старость. На самом деле дорогой майор все время тщательно разъяснял своему спутнику эту лежащую на нем обязанность и вырвал у него обещание, что он позаботится о своей сестре и племяннике. Он смягчил раздражение Джоза из-за векселей, выданных на него стариком, со смехом рассказал, как сам пострадал точно так же благодаря присылке знаменитого вина, которым его облагодетельствовал старик; словом, сумел настроить мистера Джоза, человека от природы незлого, особенно когда ему угождали и льстили, очень благожелательно к своим европейским родственникам.

А под конец, как мне ни стыдно, но я должен сознаться, что майор настолько уклонился от истины, что заявил мистеру Седли, будто Джоз вернулся в Европу главным образом из-за желания повидаться с отцом.

В обычный час мистер Седли стал подремывать в кресле, и тут настала очередь Амелии вступить в разговор, что она и сделала с большим оживлением, ибо разговор касался исключительно Джорджа. Она ни словом не обмолвилась о своих страданиях из-за разлуки с ним, ибо достойная женщина, хотя и чувствовала себя наполовину убитой этой разлукой, считала очень дурным, со своей стороны, роптать на то, что лишилась сына; но зато она выложила все, что касалось самого Джорджи, рассказала о его хороших качествах, способностях, о его видах на будущее. Описала его ангельскую красоту, привела сотни примеров его великодушия и возвышенного образа мыслей из того времени, когда он еще жил с нею; рассказала о том, как принцесса королевской крови остановилась полюбоваться им в Кенсингтонском саду; как великолепно он теперь обставлен, имеет даже пони и собственного грума; как он развит и умен, и какой необыкновенно ученый и замечательный человек преподобный Лауренс Уиль, теперешний учитель Джорджа.

— Он знает решительно все, — говорила Амелия. — У него бывают такие прелестные собрания. Вы сами, такой ученый и начитанный, такой умный и обладающий всеми совершенствами, — пожалуйста, не качайте головой и не отрицайте: он ведь всегда так о вас отзывался, — вы тоже будете очарованы собраниями у мистера Уиля. Они бывают в последний вторник каждого месяца. И он утверждает, что нет такого места в судебном ведомстве или в сенате, на которое Джорджи не мог бы пре-

тендовать со временем. Вот, посмотрите! — Она подошла к нотной этажерке и вынула тетрадку с сочинением Джорджа. Это гениальное произведение, и посейчас хранимое матерью Джорджа, гласило следующее:

«*О себялюбии*. Из всех пороков, унижающих человеческое достоинство, себялюбие наиболее отвратительно и презренно. Чрезмерная любовь к самому себе ведет к чудовищным преступлениям и является причиной величайших несчастий как среди государств, так и в отдельных семьях. Подобно тому как себялюбивый человек повергает в бедность свою семью и нередко доводит ее до окончательной гибели, так и себялюбивый монарх разоряет свой народ и часто ввергает его в войны.

Примеры: себялюбие Ахилла, по свидетельству поэта Гомера, причинило тысячи бедствий грекам (Гом. Ил. I, 2). Себялюбие покойного Наполеона Бонапарта вызвало бесчисленные войны в Европе, а его самого привело к гибели на жалком острове, именно на острове св. Елены, находящемся в Атлантическом океане.

Из этих примеров явствует, что мы не должны руководствоваться нашим личным интересом и честолюбием, а наоборот, должны заботиться о чужих интересах столько же, сколько и о своих.

Джордж С. Осборн.

Атэнэ-Хауя, 24 апреля 1827 г.».

— Подумайте только, такой чудесный почерк, да еще цитаты из греческого, в его-то годы! — восхищалась мать. — Ах, Уильям, — прибавила она, протягивая руку майору, — какое сокровище послал мне Бог в этом мальчике! Он утешение моей жизни, он живой образ того... того, кто нас покинул!

«Могу ли я на нее сердиться за то, что она верна ему? — думал Уильям. — Могу ли я ревновать к моему же другу, лежащему в могиле, или обижаться на то, что такое сердце, какое бьется в груди Амелии, может полюбить только один единственный раз и навеки? Ах, Джордж, Джордж, как мало ценил ты клад, который тебе достался!» Мысли эти быстро мелькали в голове Доббина, когда он держал Амелию за руку, а она прикрыла платком глаза.

— Дорогой друг мой, — сказала она, сжимая его руку, — как добры, как ласковы вы всегда были со мною! Тс-с! Папа пошевелинулся. Так вы поедете и навестите завтра Джорджи?

— Завтра — нет, — ответил бедняга Доббин. — Завтра я занят. — Ему не хотелось признаться, что он еще не побывал у своих родителей и у сестры Анны, — упущение, за которое, я уверен, каждый добропорядочный человек осудит майора. Вскоре он распрощался, оставив свой адрес для передачи Джозу, когда тот приедет. И вот первый день прошел, и Доббин увиделся с Амелией.

Когда он вернулся к Слоутерсу, жареная курица, разумеется, уже давно остыла, и он съел ее холодной за ужином. Зная же, что семья его рано ложится спать и что бесцельно нарушать ее покой в такой поздний час, майор Доббин решил в этот вечер побаловать себя и купил за полцены место в Гаймаркетском театре; будем надеяться, что он там повеселился.

ГЛАВА LIX

Старое фортепьяно

Посещение майора повергло старого Джона Седли в большое волнение и возбуждение. После ухода Доббина дочь не могла убедить старика вернуться к обычным его занятиям и развлечениям. Весь вечер он рылся в своих ящиках и конторках, развязывал трясущимися руками бумаги, сортируя и подготавливая их к приезду Джоза. У него и так все хранилось в отличном порядке: счета и аккуратно подшитые реестры, квитанции, переписка с поверенными и торговыми корреспондентами, документы, касающиеся винной операции (которая не удалась по совершенно необъяснимой случайности, хотя поначалу сулила блестящий успех), угольной операции (только отсутствие капитала помешало этому предприятию развиваться в наивыгоднейшее дело из всех, какие когда-либо предлагались публике), патентованной лесопилки с попутной фабрикацией брикетов из опилок и пр.

Весь вечер, до позднего часа ночи, провел он за разборкой этих документов, шатаясь бродил из комнаты в комнату с прыгающим подсвечником в трясущихся руках.

— Вот здесь бумаги по винной операции, здесь — насчет опилок, вот тут — угольные; а вот это — мои письма в Калькутту и Мадрас и ответы от майора Доббина, кавалера ордена Бани, и мистера Джозефа Седли по тому же делу. У меня он не найдет никаких неисправностей, Эмми, — говорил старик. Эмми улыбнулась.

— Я не думаю, чтобы Джоз стал рассматривать эти бумаги, — сказала она.

— Ты ничего не понимаешь в делах, моя милая, — ответил отец, внушительно покачивая головой. И нужно признать, что в этом отношении Эмми, действительно, была очень невежественна, но нельзя не пожалеть, что иные чересчур уж сведущи. Разложив все эти документы, которым и вся цена-то была не дороже двух пенсов, старик Седли тщательно накрыл их чистым банданским платком (тоже из числа подарков майора Доббина) и торжественнейшим образом приказал горничной и хозяйке

дома не прикасаться к этим бумагам, ибо они приготовлены для мистера Джозефа Седли, который прибудет завтра утром, — «для мистера Джозефа Седли, состоящего на гражданской службе достопочтенной Ост-Индской компании в Бенгалии».

Утром он поднялся очень рано, и Амелия нашла его еще более взволнованным и таким изнуренным и слабым, каким еще никогда его не видела.

— Я очень мало спал, Эмми, моя дорогая, — сказал он. — Я все думал о моей бедной Бесси. Как бы я желал, чтобы она была жива и покаталась в экипаже Джоза! Она ведь имела собственный экипаж, и он был ей очень под стать. — Глаза его наполнились слезами, и они покатились по его морщинистому старческому лицу. Амелия отерла их платочком, улыбаясь, поцеловала отца, повязала ему шейную косынку красивым бантом и украсила булавкой самую его нарядную рубашку с брыжами; и вот в ней и в воскресной траурной паре старик с шести часов утра уселся ожидать приезда сына.

В Саутгэмптоне на Хай-стрит имеется несколько великолепных магазинов готового платья; в огромных зеркальных витринах этих магазинов выставлены всевозможные роскошные жилеты: шелковые и бархатные, золотистые и алые, а так-

же самые последние модные картинки, на которых изумительные джентльмены с нахальными моноклями, догоняющие маленьких мальчиков с необычайно большими глазами и кудрявыми волосами, глазеют на дам, гарцующих в амазонках последнего фасона мимо статуи Ахиллеса у Аспли-Хауса. Джоз, хотя и запасшийся несколькими роскошнейшими одеяниями, какие можно было достать в Калькутте, тем не менее решил, что не может показаться в Лондоне, не приобретя одного или двух модных жилетов, и выбрал пунцовый атласный, расшитый золотыми бабочками, и бархатный в черную и красную клетку с белыми полосками и отложным воротником. В этом последнем, при пышном голубом атласном галстуке с золотой булавкой, избражающей всадника из розовой эмали, перелетающего через барьер из пяти перекладин, Джоз полагал возможным совершить свой въезд в Лондон с относительным достоинством. Ибо прежняя робость и застенчивость, заставлявшие Джоза нелепо краснеть, сменились теперь более откровенным и смелым сознанием собственного достоинства. «Я нисколько не боюсь признаться, — говорил Ватерлооский Седли приятелям, — я человек, умеющий одеться». И хотя на балах в губернаторском доме он чувствовал себя довольно неловко, когда дамы смотрели на него, краснел и испуганно отворачивался от их взглядов, но избегал он дам главным образом из опасения, как бы они не влюбились в него, так как он был заклятым врагом семейной жизни. Однако меня уверяли, что в Калькутте не выдывали такого франта, как Ватерлооский Седли: у него была великолепнейшая обстановка, экипаж, он задавал самые лучшие холостые обеды, а столовое серебро и сервиз у него были самые красивые во всем городе.

Чтобы сшить вышеописанные жилеты для мужчины объема и внушительности Джоза, потребовалось не меньше целого дня; часть этого времени Джоз употребил на наем лакея, который прислуживал бы ему и его слуге-индусу, а также на распоряжения агенту, заведывавшему выправкой с таможи его багажа: сундуков, книг, которых он никогда не читал, ящиков с манго, карри и разными пряностями, шалей, привезенных для подарка людям, с которыми он еще не был знаком, и всех прочих предметов его пышного восточного обихода.

В конце концов на третий день, облачившись в новый жилет, он не спеша двинулся в Лондон. Индус, стуча зубами и закутавшись в плед, тряся на козлах рядом с новым европейским слугою, Джоз внутри экипажа изредка попыхивал из трубки с таким величественным видом, что мальчишки кричали «ура» и многие встречные принимали его за генерал-губернатора. Уж он-то, будьте спокойны, не отклонял ластивых приглашений трактирщиков, зазывавших его передохнуть и освежиться в чистеньких провинциальных городках. Плотно позавтракав в Саутгэмптоне рыбой, рисом и крутыми яйцам, он настолько уже оправился к Уинчестеру, что счел необходимым выпить стаканчик хересу. В Альтоне он вышел из экипажа, по совету лакея, и выпил немножко эля, которым славится это местечко. В Фарнгаме задержался, чтоб осмотреть Епископальный замок и слегка пообедать тушеными угрями, телячьими котлетами с зеленой фасолью и бутылочкой кларета. Когда миновали Багшот-Хис, Джоз почувствовал, что озяб, а индус стучал зубами все громче и громче, поэтому Джоз-саиб выпил немножко грогу; словом, въезжая в Лондон, он был так полон вином, пивом, мясом, пикулями, виноградной водкой и табаком, словно каюта пароходного буфетчика. Стоял уже вечер, когда карета Джоза загромыхла у скромного подъезда в Бромптоне, куда любящий сын направился прежде всего, не заглянув в апартаменты, приготовленные для него мистером Доббином у Слоутерса.

Все обитатели улицы прильнули к окнам; маленькая горничная кинулась к калитке, *mesdames*¹ Клапп выглядывали из окошка разукрашенной кухни, Эмми металась по коридору среди шляп и пальто, а старик Седли в гостиной дрожал всем телом. Джоз вылез из почтовой кареты в ужасном виде и спустился со скрипучей, шатающейся подножки при помощи нового саутгэмптонского лакея и трясущегося туземца, коричневое лицо которого от холода посинело и приняло цвет зоба индюка. Индус произвел сильное впечатление в коридоре, где миссис и мисс Клапп, пробравшиеся к дверям гостиной, чтобы подслушать, застали Лолла Джеваба на скамье, дрожащим под грудой верхнего платья: он жалобно стонал, вращая желтыми белками и скаля белые зубы.

Как видите, мы ловко притворили дверь, за которою произошла встреча Джо-за со стариком отцом и бедною кроткою сестрицей. Старик страшно волновался, его дочь — тоже; не остался бесчувственным и Джоз. За время долгой десятилетней разлуки даже величайший эгоист не раз вспоминает о родном гнезде и о детских привязанностях. Дальность расстояния освящает и то и другие. Продолжительные думы об утраченных радостях усиливают их прелесть и сладость. Джоз был непритворно рад видеть отца и пожать ему руку, хотя между ними и произошло некоторое охлаждение; рад был видеть сестренку, сохранившуюся в его памяти такой хорошенькой и веселой, и опечалился при виде перемены, которую время, горе и неудачи произвели в разбитом старике. Эмми в черном платье выскочила к нему из дверей, шепотом сообщила о смерти матери и предупредила, чтобы он не заговаривал о ней с отцом. Но предосторожность эта оказалась излишней, потому что старик Седли сам сейчас же заговорил об этом событии с большими подробностями и обильными слезами. Утрата поразила и нашего индийского путешественника и даже на время отвлекла его от мыслей о самом себе.

Результат свидания, вероятно, оказался весьма утешительным, потому что, когда Джоз опять забрался в карету и покатила в гостиницу, Эмми нежно обняла отца и с торжествующим видом спросила у него: не права ли она была, постоянно утверждая, что у брата доброе сердце?

Действительно, Джозеф Седли, растроганный жалким положением, в котором застал своих родных, и в пылу чувств, переполнявших его сердце при первой встрече, заявил, что отныне отец и сестра не будут терпеть нужды и лишений, что он вернулся на родину, во всяком случае, на довольно продолжительное время, а пока он здесь, они будут пользоваться его домом и всем, что он имеет, и что Амелия будет прехорошенькой председательницей за его столом, пока не пожелает обзавестись своим собственным.

Она печально покачала головкой и, по обыкновению, пустила в ход фонтаны. Она поняла, на что намекает брат. Она и юная ее наперсница мисс Мери уже обсудили весьма подробно эту материю в первый же вечер после посещения майора; пылкая Мери не могла сдержаться, чтоб не рассказать о сделанном ею открытии и не описать волнения и радостной дрожи, которыми майор Доббин выдал свою тайну при встрече с мистером Бинни и его женой, узнав, что ему уже нечего страшиться соперника.

— Разве вы не заметили, как он весь задрожал, когда вы спросили, не женился ли он? А как он сказал: «Кто это вам нагнал?» О, мэм, — говорила Мери, — ведь он с вас глаз не спускал, и я уверена, он и посидел-то оттого, что все время думал о вас.

¹ Дамы (*фр.*).

Индус произвел сильное впечатление в коридоре, где миссис и мисс Клапп, пробравшиеся к дверям гостиной, чтобы подслушать, застали Долла Джеваба на скамье

Но Амелия, взглянув на кровать, над которой висели портреты мужа и сына, попросила свою молоденькую протезе никогда, никогда больше не касаться этого предмета: майор Доббин был самым близким другом ее мужа и самым добрым и внимательным покровителем ее самой и ее сына; она любит его, как брата, но женщина, бывшая женой такого ангела (она указала на стену), никогда не может подумать о каком-либо новом союзе. Бедняжка Мери вздохнула: она задумалась о том, как поступила бы она, если бы юный мистер Томкинс из городской больницы, который всегда так упорно смотрит на нее в церкви и одними этими вызывающими взглядами так смутил ее робкое сердечко, что она уже готова сдаться, — как поступила бы она, если бы Томкинс умер? Она знала, что у него чахотка, у него такой яркий румянец и талия ужасно тоненькая.

Узнав о страсти почтенного майора, Амелия не то чтобы решила его оттолкнуть или почувствовала к нему неприязнь, — подобная привязанность со стороны такого подлинного и безупречного джентльмена не может рассердить ни одну женщину. Дездемона вовсе не сердилась на Кассио¹, хотя весьма сомнительно, чтобы она не заметила склонности к ней поручика (я-то, впрочем, уверен, что в печальном этом деле произошло много такого, что так и осталось неизвестным доблестному мавританскому военачальнику); а Миранда² так даже очень благоволила к Калибану³ и, можете быть уверены, по той же самой причине. Не то чтобы она сколько-нибудь поощряла его, — этого бедного неуклюжего уродца, — конечно, нет! Точно так же и Эмми никоим образом не желала поощрять своего поклонника, майора. Она только будет дарить его дружеским уважением, какого заслуживали его превосходные качества и верность; будет обращаться с ним с полнейшей сердечностью и откровенностью, пока он не сделает ей предложение.

А тогда... тогда своевременно будет поговорить с ним и положить конец надеждам, которым никогда не суждено осуществиться.

Поэтому в тот вечер после разговора с Мери она очень крепко заснула, а наутро чувствовала себя необычно счастливой, несмотря на то, что Джоз медлил с приездом.

«Я рада, что он не женится на этой О'Дауд, — думала она. — Не может у полковника О'Дауда быть сестры, которая подходила бы к такому совершенному во всех отношениях человеку, как майор Уильям».

Которая из маленького кружка ее знакомых могла бы быть ему хорошей женой? Не мисс Бинни — она слишком стара, и у нее прескверный характер; мисс Осборн? — тоже стара. Милая Мери уж чересчур юна. Миссис Осборн так и заснула, не подобрав для майора подходящей жены.

Во всяком случае, появление почтальона положило конец волнениям маленькой семьи: он принес от Джоза письмо на имя сестры, извещавшее, что Джоз чувствует себя утомленным после долгого пути и не в силах в этот день тронуться дальше, но он выедет из Саутгэмптона завтра рано утром и вечером будет у папаши и мамыши. Читая письмо отцу, Амелия выпустила последнее слово: было ясно, что брат еще не знает о постигшем их горе. Да он и не мог знать, потому что, хотя майор и оказался прав, предположив, что спутник его вряд ли за одни сутки раскачается двинуться дальше и непременно придумает какой-нибудь предлог для отсрочки, тем не менее сам он не

¹ *Кассио* — лейтенант благородного мавра Отелло в трагедии В. Шекспира «Отелло».

² *Миранда* — героиня пьесы В. Шекспира «Буря».

³ *Калибан* — раб, уродливый дикарь, герой пьесы В. Шекспира «Буря».

написал Джозу о несчастье, постигшем семью Седли: он заговорился с Амелией намного позже того часа, когда отходила почта.

В то же утро и майору Доббину, в кофейню Слоутерса, было доставлено письмо от его приятеля из Саутгэмптона; в нем Джоз умолял дорогого Добба простить ему его бешенство при пробуждении накануне утром (у него дьявольски болела голова, и он только что задремал) и просил Добба снять у Слоутерса удобное помещение для мистера Седли и его слуг. За время путешествия майор стал необходим Джозу. Он привязался к Доббину и не отставал от него. Все остальные пассажиры уехали в Лондон. Юный Риккетс и маленький Шеферс уехали в тот же день в дилижансе; Риккетс залез на козлы и сейчас же забрал вожжи у почтаря; доктор отправился к своей семье в Портси-Брагг — в город к компаньонам фирмы; а старший штурман был занят разгрузкой «Рамчундера». Мистер Джоз почувствовал себя совсем одиноким в Саутгэмптоне и назвал хозяина «Георга» распить с ним стаканчик вина в тот самый час, когда майор Доббин сидел за обеденным столом своего отца, сэра Уильяма, и сестра его дозналась (ведь майор совершенно не умел лгать), что он уже успел побывать у миссис Осборн.

Джоз так уютно расположился в Сент-Мартинс-Лейне, так свободно мог покуривать там свою хуку, а когда вздумается, с такою приятностью шататься по театрам, что, пожалуй, он и совсем бы обосновался у Слоутерса, если бы приятель его, майор, не подгакивал его постоянно под бок. Этот джентльмен решил не давать покоя бенгальцу, пока тот не выполнит своего обещания обзавестись домом для Амелии и своего отца. Джоз вообще был податливый малый; Доббин же проявлял чрезвычайную энергию во всех делах, кроме своих собственных; поэтому наш чиновник оказался не слишком строптивой жертвой невинных ухищрений добросердечного дипломата и с готовностью делал, покупал, нанимал или уступал все, что находил нужным его приятель. Лолл Джеваб, над которым мальчишки на Сент-Мартинс-Лейне жестоко издевались, как только он высовывал свою мрачную физиономию на улицу, был отправлен обратно в Калькутту на «Леди Кэльберк», принадлежавшей Ост-Индской судовой компании, пайщиком которой состоял сэр Уильям Доббин; предварительно индус обучил европейского лакея Джоза искусству приготовления карри, пилавов и хуки. Большим удовольствием и немалым занятием явилось для Джоза наблюдение за сооружением щегольской кареты, заказанной им совместно с майором поблизости в Лонг-Акре; затем к ней сторговали пару прекрасных лошадей, и Джоз в полном параде разъезжал по парку или навещал своих индийских знакомых. Нередко во время выездов его сопровождала Амелия, и тогда на передней скамеечке можно было видеть и майора Доббина. Или же карета предоставлялась в распоряжение старика Седли и его дочери, и мисс Клапп, часто сопровождавшая свою приятельницу, была очень довольна, когда ее, восседающую в карете, в накинутаой на плечи знаменитой шали, видел юный джентльмен из городской больницы, лицо которого всегда выглядывало поверх оконных занавесочек в момент, когда мисс Мери проезжала мимо больницы.

Вскоре после первого появления Джоза в Бромптоне, в скромном коттедже, где протекали последние десять лет жизни семьи Седли, произошла поистине печальная сцена. Карета Джоза (временная, а не та, что находилась в работе) подъехала однажды к подъезду и увезла старика Седли и его дочь, — увезла невозвратно. Слезы, пролитые при этом событии хозяйкой дома и ее дочерью, были столь же непритворно горестны, как и все, что проливались на протяжении нашего рассказа. За время долго-

го знакомства и тесной совместной жизни они не могли припомнить ни единого резкого слова, сказанного Амелией. Она была воплощением доброты и мягкости, всегда благодарна, всегда приветлива, даже когда миссис Клапп выходила из себя и приставала с квартирной платой. Теперь, когда доброе создание уезжало навсегда, хозяйка горько упрекала себя за то, что грубила Амелии; как она плакала, прилепляя облатками к окнам билетики с объявлением, что маленькие комнатки, бывшие так долго занятыми, теперь снова сдаются! Никогда у них не будет таких хороших жильцов, — это было совершенно ясно. Последующая жизнь подтвердила справедливость этого горестного пророчества, и миссис Клапп вознаграждала себя за испорченность человечества тем, что взимала жесточайшие контрибуции за жестянки чая и бараньи ноги, отпускаемые ею своим *locataires*¹. Многие из них ворчали и ругались; некоторые просто не платили, но ни те ни другие долго не заживались. Хозяйка по справедливости могла пожалеть о покинувших ее старинных, испытанных друзьях.

Что касается мисс Мери, то ее скорбь по поводу отъезда Амелии была так велика, что я не стану и пытаться описать ее. С самого детства она привыкла видаться с Амелией ежедневно и так горячо привязалась к милой и доброй леди, что, когда прибыла поместительная коляска, чтобы увезти Амелию туда, где ее ждали роскошь и богатство, бедняжка упала без чувств в объятия приятельницы, которая и сама была огорчена не меньше славной девочки. Амелия любила ее, как родную дочь. В течение одиннадцати лет девочка была ее неизменной союзницей и подругой. Разлука была очень горька и для нее. Но, разумеется, условились на том, что Мери будет часто приезжать гостить в новый большой дом, куда переселялась миссис Осборн и где, Меэри была уверена, она никогда не будет так счастлива, как в скромном их *coté*, — мисс Клапп именovala так коттедж, соображаясь со стилем излюбленных своих романов.

Будем надеяться, однако, что Мери ошиблась в своем суждении. Бедная Эмми не много видела счастливых дней в скромном коттедже. Мрачный рок угнетал ее там. Покинув этот дом, она не любила ни посещать его, ни встречаться с хозяйкой, которая тиранила ее, когда бывала в дурном настроении и не получала квартирной платы, или же, в хорошем настроении, обращалась с нею с грубой фамильярностью, пожалуй, еще более противной. Угодливость ее и приторные комплименты, которыми она осыпала Эмми в теперешнем ее благополучии, тоже не нравились молодой женщине. Миссис Клапп издавала восторженные восклицания по поводу всего, что видела в доме, выхваляла все предметы обстановки и украшения; щупала платья миссис Осборн и высчитывала, сколько они могут стоить. Она клялась и божилась, что нет ничего такого, что было бы чересчур изящно для милой леди. Но в пошлой подлизе, теперь ухаживавшей за ней, Эмми всегда видела грубую обидчицу, не раз заставлявшую ее страдать, когда ей приходилось просить об отсрочке, если не было денег заплатить за квартиру; она даже с негодованием упрекала Эмми в мотовстве, когда та покупала какие-нибудь лакомства больной матери или отцу, — она видела Эмми униженной и грубо давала ей это почувствовать.

Никто не знал об этих огорчениях, составлявших жизненный удел нашей милой приятельницы. Она скрывала их от отца, так как непредусмотрительность его и была причиной многих ее бед. Ей приходилось выносить попреки за его ошибки, и она была так смиренна и кротка, словно от природы была создана для роли жертвы.

¹ Жильцам (*фр.*).

Я надеюсь, что больше ей не придется страдать от такого грубого обращения. А так как вообще, согласно поговорке, нет худа без добра, то я позволю себе сообщить, что к бедной Мери, впавшей в истерику после отъезда приятельницы, был приглашен для медицинской помощи юный джентльмен из городской больницы и благодаря его попечениям она вскоре оправилась. Уезжая из Бромптона, Эмми подарила Мери почти всю мебель, находившуюся в квартире: она взяла с собой только два портрета (те самые, что висели над ее кроватью) и фортепьяно — старинное маленькое фортепьяно, издававшее теперь жалобные дребезжащие звуки, но дорогое ей по особым, ей одной известным причинам. Она была ребенком, когда впервые стала играть на нем, и родители купили его ей в подарок. Вторично оно было подарено ей, если читатель припомнит, когда имущество ее отца продавалось с молотка и один этот инструмент снова вернулся к ней после разгрома.

Наблюдая за устройством новой квартиры Джоза, которая по настоянию майора должна была отличаться изяществом и всеми удобствами, Доббин был чрезвычайно доволен, увидев, что в фургоне, прибывшем из Бромптона, среди сундуков и картонок бывших обитателей этого местечка привезено также и старое фортепьяно. Амелия попросила поставить его в своей гостиной, хорошенькой комнатке во втором этаже, смежной с комнатой ее отца, где старик обычно проводил вечера.

Когда появились носильщики, тащившие этот старый музыкальный ящик, и Амелия приказала поставить его именно в упомянутую выше комнату, Доббин совсем пришел в восторг.

— Я рад, что вы взяли его, — сказал он прочувствованным голосом. — Я боялся, что вы не вспомните о нем.

— Я дорожу им больше всего на свете, — ответила Амелия.

— Неужели, Амелия?! — воскликнул майор. Дело в том, что, купив его сам, он, хотя никогда и не говорил об этом, никак не предполагал, что Эмми могла заподозрить в покупке кого-нибудь другого, и, разумеется, воображал, будто Амелия знает, что фортепьяно — его подарок. — Неужели, Амелия? — повторил он, и вопрос, самый важный из всех вопросов, уже готов был сорваться с его уст, когда Эмми ответила:

— Разве может быть иначе? Разве не он подарил мне его?

— Я не знал, — промолвил бедняга Доббин, и радостное настроение его упало.

Эмми в ту минуту не обратила внимания на это обстоятельство, не заметила сразу и печального выражения, какое приняло честное лицо Доббина; но потом призадумалась. И тут, к невыразимому огорчению и обиде, догадалась, что подарил ей фортепьяно Уильям, а не Джордж, как она воображала. Значит, это не подарок Джорджа; не единственный подарок возлюбленного, как она думала, — вещь, которой она дорожила больше всех остальных, величайшая ее святыня и драгоценность. Она разговаривала с этим фортепьяно о Джордже, играла на нем его любимые пьесы, просиживала за ним долгие вечерние часы, разыгрывая со всем доступным ей бесхитростным искусством меланхолические пассажи, и безмолвно проливала слезы, склонившись над клавишами. И вот оказывается, оно вовсе не священный дар Джорджа. И сразу оно утратило цену. В следующий же раз, когда старик Седли попросил ее сыграть, она сказала, что оно ужасно расстроено, а у нее болит голова и она не может играть.

Потом, согласно своему обыкновению, она выбрала себя за свою досаду и неблагодарность и решила вознаградить доброго Уильяма за пренебрежение, которое

хотя и не выразила ему, но почувствовала к его подарку. Несколько дней спустя, когда они сидели в гостиной, где Джоз сладко дремал после обеда, Амелия с заметной дрожью в голосе сказала майору Доббину:

— Я должна попросить у вас прощения за одну вещь.

— За что же? — спросил он.

— За... за маленькое это фортепьяно. Я так и не поблагодарила вас, когда вы мне его подарили, много, много лет тому назад, когда я еще не была замужем. Я думала, что оно подарено мне другим. Благодарю вас, Уильям. — Она протянула руку, но сердце бедняжки обливалось кровью, а что касается глаз, то, разумеется, они были заняты своим делом.

Но Уильям уже не мог сдержаться.

— Амелия, Амелия, — проговорил он, — да, я купил его для вас. Я любил вас и тогда, как люблю сейчас. Я должен сказать вам все. Я думаю, что полюбил вас с первой минуты, как увидел, когда Джордж привез меня в ваш дом, чтоб показать мне Амелию, с которой он был помолвлен. Вы были тогда совсем еще девочкой, в белом платье, с длинными локонами; вы сбежали вниз, напевая, — помните? — потом мы поехали в Воксхолл. С тех пор я мечтал только об одной женщине на всем свете, — о вас. Я думаю, не было такого часа в течение дня за эти двенадцать лет, когда бы я не думал о вас. Я приезжал сказать вам об этом перед отъездом в Индию, но вам было не до меня, а я сам не решился заговорить. Вам было все равно, останусь я или уеду.

— Я была очень неблагодарна, — проговорила Амелия.

— Нет, только равнодушны, — с отчаянием продолжал Доббин. — Во мне нет ничего, что заставило бы женщину относиться ко мне иначе. Я знаю, что вы сейчас чувствуете. Вы поражены в самое сердце открытием относительно фортепьяно и тем, что оно подарено мною, а не Джорджем. Я позабыл, иначе ни за что не заговорил бы об этом. Это я должен просить у вас прощения за минутную мою оплошность и за мысль, что годы постоянства и преданности могли склонить вас в мою пользу.

— Вот теперь вы жестоки, — ответила Амелия не без находчивости. — Джордж мой муж и здесь и на небесах. Как могу я полюбить кого-нибудь, кроме него? Я и сейчас принадлежу ему так же, как тогда, когда вы впервые увидели меня, милый Уильям. Это он рассказал мне, как вы добры и великодушны, он научил меня любить вас, как брата. Разве вы не были всем для меня и для моего мальчика? Нашим самым дорогим, самым верным и добрым другом и покровителем? Если бы вы приехали несколькими месяцами раньше, может быть, вы избавили бы меня от этого... от этой ужасной разлуки. О, она почти убила меня, Уильям! Но вы не приехали, хотя я страстно хотела и молилась, чтобы вы приехали, и вот у меня отняли сына. Разве он не чудесный мальчик, Уильям? Оставайтесь же другом ему и мне. — Здесь голос ее пресекся, и она припала лицом к плечу майора.

Майор обвил ее руками, придерживая, словно ребенка, и поцеловал в голову.

— Я не изменюсь, дорогая Амелия, — сказал он. — Я не прошу ничего, кроме вашего расположения. Я думаю, что ничего иного мне не нужно. Позвольте мне только жить подле вас и часто видеться с вами.

— Да, часто, — промолвила Амелия.

И вот Уильяму была предоставлена свобода смотреть и томиться, — точь-в-точь как бедному школьнику приходится вздыхать, глядя на лакомства, разложенные на лотке у пирожницы.

ГЛАВА LX, возвращающая нас в порядочное общество

Счастье начинает теперь улыбаться Амелии. Мы радуемся возможности исторгнуть ее из низкой сферы, где она до сих пор прозябала, и ввести ее в порядочное общество, не такое, положим, знатное и утонченное, как то, в котором вращалась другая наша приятельница, миссис Бекки, но все же имеющее немалые претензии на порядочность и светскость. Знакомые Джоза все принадлежали к одному из президентств, а новый дом его находился в благоустроенном англо-индийском квартале, центром которого служат Мойра-плэс, Минто-сквер, Грэт-Клайв-стрит, Уоррен-стрит, Гастингс-стрит,

Октерлони-плэс, Пласси-сквер, Терраса Эсоей (удачное слово «сады» в 1827 году еще не применялось к штукатуренным домам с асфальтовыми площадками по фасаду), — кому неизвестны эти почтенные обиталища удалившейся на покой англо-индийской аристократии, короче говоря, квартал, прозванный мистером Уэнгэмом «Пещерой черномазых». Общественное положение Джоза было не так высоко, чтобы позволить ему снять дом на Мойра-плэсе, где живут только отставные члены совета и компаньоны индийских фирм (объявляющие себя несостоятельными, предварительно переведя на жен тысяч сто фунтов, и удаляющиеся в провинцию, где живут в сравнительной бедности на каких-нибудь четыре тысячи фунтов в год). Джоз снял удобный дом второго или третьего разряда на Джиллеспай-стрит, а ковры, дорогие зеркала и красивую стильную мебель работы Сиддонса приобрел у агентов мистера Скэпа, недавно вступившего компаньоном в известный торговый дом Фогля, Фэка и Крэксмэна в Калькутте; бедняга Скэп вложил в это предприятие семьдесят тысяч

фунтов, плод долгой и почтенной трудовой деятельности, и заменил в фирме Фэка, который вышел из дела и поселился в княжеском парке в Суссексе (Фогли вышли из фирмы уже давно, и сэр Горэс Фогль должен быть возведен в пэры с титулом барона Банданна); так вот, я говорю, Скэп вступил компаньоном в знаменитый торговый дом Фогля и Фэка за два года до того, как эта фирма обанкротилась на миллион, повергнув в нищету и разорение чуть не половину населения Индии.

Скэп, честный человек, разоренный и подвергшийся этому удару на шестьдесят пятом году жизни, уехал в Калькутту ликвидировать дела фирмы. Уолтер Скэп вышел из Итона и поступил приказчиком в какой-то купеческий дом. Флоренс Скэп, Фанни Скэп и их мать тихомолком уехали в Булонь; и о них ничего не было слышно. Короче говоря, Джоз въехал в дом Скэпов, купил их ковры и буфеты и засматривался на себя в зеркала, ранее отражавшие красивые приветливые лица прежних хозяев. Поставщики Скэпов, получившие все сполна, оставили свои визитные карточки и заявили полную готовность обслуживать новых квартирантов. Рослые лакеи в белых жилетах, прислуживавшие за обедами у Скэпов, зеленщики, швейцары и молочники частным образом оставили свои адреса дворецкому и постарались войти к нему в милость. А мистер Чумми, трубочист, чистивший трубы у трех последних жильцов, постарался подольститься и к дворецкому и к состоявшему при нем мальчику, на обязанности которого лежало одеваться в курточку с бесчисленными пуговками и панталоны со штрипками и служить телохранителем миссис Амелии, когда ей бывало угодно прогуляться пешком.

Хозяйство у Джоза было скромное. Дворецкий одновременно исполнял обязанности камердинера Джоза и напивался не больше того, чем полагается в скромном семействе дворецкому, относящемуся с должным уважением к хозяйскому вину. К Эмми была приставлена горничная, выросшая в пригородном имении сэра Уильяма Доббина, — славная девушка, приветливостью и смирением своим обезоруживавшая миссис Осборн. Самая мысль, что у нее отдельная горничная, сначала испугала Эмми, не знавшую даже, как ею пользоваться, и всегда обращавшуюся к прислуге с почтительнейшей вежливостью; но горничная эта оказалась очень полезной в семье, так как прекрасно ухаживала за старым мистером Седли, который почти не выходил из своей комнаты и не принимал никакого участия в увеселениях, происходивших в доме.

Миссис Осборн посещали теперь очень многие. Леди Доббин и ее дочери радовались перемене в жизни Амелии и часто заглядывали к ней. Мисс Осборн с Рессель-сквера приехала в большой карете с сверкающим чехлом на козлах, расшитым гербами лидских Осборнов. Джоз слыл страшным богачом, и старик Осборн ничего не имел против того, чтобы Джорджи в придачу к дедовскому состоянию унаследовал и состояние дядюшки.

— Черт возьми, мы сделаем из мальчугана человека, — говорил старик. — Я еще увижу его в парламенте, прежде чем умру. Вы, мисс Осборн, можете поехать и навесить его мать, хотя я, разумеется, ни в коем случае не желаю ее видеть.

И мисс Осборн поехала. Эмми, конечно, была очень рада ее видеть и таким образом стать ближе к Джорджи. Мальчику тоже разрешалось теперь навещать мать гораздо чаще, чем раньше. Раз или два в неделю он обедал на Джиллеспай-стрит и командовал там прислугой и родными совершенно так же, как и на Рессель-сквере.

Однако, к майору Доббину он относился почтительно и в присутствии этого джентльмена вел себя значительно скромнее. Джордж был умный мальчик и побаивался майора. Он не мог не восторгаться простотой своего друга, его добродушием, разнообразными сведениями, которыми он делился серьезно и спокойно, его любовью к правде и справедливости. Он еще не встречал таких людей за свою коротенькую жизнь, но у него было инстинктивное тяготение к джентльменству. Он горячо привязался к крестному и очень любил гулять в парке с Доббином и слушать его рассказы. Уильям рассказывал Джорджу о его отце, об Индии и Ватерлооской битве, обо всем решительно, но никогда о себе. Когда Джордж больше обыкновенного бывал дерзок и заносчив, майор вышучивал его, по мнению миссис Осборн, очень жестоко. Однажды майор взял его с собой в театр, но мальчик заявил, что не пойдет в партер, потому что это неприлично; майор посадил его в ложу, оставил там, а сам ушел в партер. Не просидел он там и нескольких минут, как чья-то рука в лайковой перчатке просунулась под его руку и крепко ее сжала. Джордж сознал бессмысленность своего поведения и сбежал из верхнего яруса вниз. Нежная одобрительная улыбка озарила лицо старого Доббина и засветилась в его глазах, когда он взглянул на раскаявшегося маленького мота. Доббин любил мальчика, как любил все, имевшее касательство к Амелии. А как восторгалась она, услышав об этом новом проявлении хороших наклонностей Джорджа! Глаза ее смотрели на Доббина ласковее, чем когда-либо. Ему даже показалось, что после этого взгляда она покраснела.

В разговорах с матерью Джорджи неустанно расхваливал майора.

— Я люблю его, мама, потому что он знает такую кучу вещей; и он не похож на старого Уиля, который постоянно хвастается и нанизывает такие длинные слова, понимаете. В школе ребята зовут его «длиннохвостым». Это я придумал такое прозвище, правда, здорово? А Добб читает по-латыни, как по-английски, и по-французски тоже; а когда мы гуляем, он рассказывает мне разные истории про папу, а про себя никогда. А я сам слышал, как полковник Беклер говорил дедушке, что он один из самых храбрых офицеров в армии и необыкновенно отличился на войне. Дедушка очень удивился и сказал: «Этот молодчик? А я-то думал, что он и с курицей не справится». Но я-то знаю, что справится, разве не правда, мама?

Эмми рассмеялась: она полагала, что майор, вероятно, справится.

Если между Джорджем и майором установилась искренняя сердечная привязанность, то надо признаться, что между мальчиком и его дядей особой любви не замечалось. Джордж с таким совершенством перенял манеру Джоза надувать щеки и, заложив руки в карманы, говорить: «Господи спаси мою душу, вы неправы в своем утверждении», что невозможно было удержаться от смеха. Прислуга за обедом фыркала, когда Джордж, требуя что-нибудь, чего не было на столе, передразнивал Джоза или произносил излюбленную им фразу. Даже Доббин внезапно разразился хохотом, глядя на паясничество мальчика. Если Джордж не передразнивал дядю прямо в лицо, то только потому, что его удерживали внушения Доббина и испуганные мольбы Амелии. Тем не менее почтенный наш чиновник смутно сознавал, что мальчуган считает его ослом и не прочь его высмеять; поэтому в присутствии мастера Джорджа он испытывал большое смущение и, конечно, вследствие этого напускал на себя удвоенную важность и торжественность. Когда становилось известным, что юный джентльмен прибудет на Джиллеспай-стрит пообедать с мамашей, мистер Джоз обычно вспоминал, что у него назначено свидание в клубе. Пожалуй, никто особенно не сокру-

шался о его отсутствии. В такие дни мистера Седли уговаривали спуститься из его убежища в верхнем этаже, и составлялся тесный семейный кружок, к которому почти всегда присоединялся и Доббин. Он был истинным *ami de la maison*¹: другом старика Седли, другом Эмми, другом Джорджи, советчиком и руководителем Джоза.

— Для нас он словно и не приезжал из Мадраса, — так мало мы его видим, — замечала мисс Анна Доббин в Камберуэлле.

Ах, мисс Анна, неужели вам не приходило в голову, что ведь не на вас же майор желал жениться?

Джоз Седли вел в эту пору жизнь, преисполненную важного безделья, подобающую особе его высокого положения. Разумеется, первой его задачей было записаться в члены Восточного клуба, — там он проводил утро в обществе своих собратьев, индийских чиновников, там же обедал, оттуда же приглашал гостей на обеды к себе.

Амелии приходилось принимать этих джентльменов и их жен. От них она узнавала, когда именно Смес попадет в Совет, сколько лаков² привез с собой на родину Джонс; как фирма Томсона в Лондоне отказалась платить по векселям, выданным торговым домом «Томсон, Кибобджи и К^о» в Бомбее; как неосторожно, чтобы не сказать больше, поведение миссис Броун (жены Броуна из нерегулярных ахмеднугарских войск), постоянно сидевшей на палубе с молодым лейб-гвардейцем Суанки и даже заблудившейся с ним где-то, когда они поехали кататься на мысе; как миссис Гардимэн выписала к себе тринадцать своих сестер, дочерей провинциального викария, преподобного Феликса Рэббитса, и одиннадцать из них пристроила замуж, причем семерых за очень видных чиновников; как Горнби бесится из-за того, что жена его не хочет уезжать из Европы, а Троттер назначен сборщиком податей в Уммерапуре. Такие и подобные же беседы велись на всех званных обедах в этой среде. У всех повторялись те же разговоры, выставялось одинаковое столовое серебро, подавались все те же барани седла, жареные индейки и антре. После десерта речь на короткое время переходила на политику, а дамы удалялись наверх и там беседовали о своих немощах и своих детях.

*Mutato nomine*³ всюду то же самое. Разве жены адвокатов не говорят все время о судебных процессах? А жены военных не сплетничают о полковых делах? А супруги клириков не рассуждают о воскресных школах и о том, кто за кого исполняет требы? Разве самые знатные и высокопоставленные дамы не беседуют о маленьком кружке, к которому они принадлежат? Так почему же и нашим индийским друзьям не иметь своих собственных тем для разговора? Одно только я признаю: они довольно скучны для непосвященных, которых рок иногда обрекает сидеть и слушать эти разговоры.

Вскоре Эмми обзавелась книжечкой для записывания визитов и принялась регулярно выезжать в карете, отдавая визиты леди Блэдайр (супруге генерал-майора бенгальской армии, сэра Роджера Блэдайра, кавалера ордена Бани), леди Гэфф, супруге сэра Дж. Гэффа, из бомбейской армии; миссис Пайс, супруге директора Пайса и т. д. и т. д. Все мы довольно быстро приспособляемся к переменам в нашей жизни. Карета каждый день подкатывала к подъезду на Джиллеспай-стрит, мальчик в пуговках то вскакивал на козлы, то соскакивал, вручая визитные карточки Эмми и Джоза; в

¹ Другом дома (*фр.*).

² *Лак* — единица денежного счета; ост-индское обозначение числа 100 000.

³ Если изменить имена (*лат.*).

назначенные часы Эмми в карете заезжала в клуб и забирала Джоза проветриться; или же, усадив в карету старика Седли, Эмми катала его по Риджентс-парку. Горничная и карета, книжечка для визитов и мальчик с пуговками вскоре сделались такими же привычными для Эмми, как и скромный однообразный ее обиход в Бромптоне. Она приспособилась одинаково и к тому и к другому. Если бы рок судил ей стать герцогиней, она стала бы выполнять свои обязанности и там. Дамы из кружка Джоза отзывались о ней как о довольно приятной молодой женщине: ничего особенного, но приятная, вообще, ничего себе.

Мужчинам, как всегда, нравились ее безыскусственная приветливость, изящество и простота. Развязные молодые индийские денди, находившиеся в отпуску на родине, — невероятные франты, щеголявшие усами и часовыми цепочками, разъезжавшие в лакированных кэбах, жившие в вест-эндских отелях и создававшие репутацию театрам, — и те восхищались миссис Осборн, любезно раскланивались, встречаясь

с ее каретой в парке, и считали за честь являться к ней с утренними визитами. Даже юный Суанки, опасный лейб-гвардеец и первый хват во всей индийской армии, находившийся сейчас в отпуску в Лондоне, был однажды застигнут майором Доббином *tête-à-tête*¹ с Амелией как раз в ту минуту, когда с большим юмором и красноречием описывал ей охоту на кабанов; потом Суанки рассказывал, что какой-то офицер королевской службы, черт бы его побрал, вечно торчит в доме, — длинный такой, тощий, странный пожилой малый, неприятный субъект, который по части разговора любого человека выбьет из колеи.

Обладая майор несколько большим личным тщеславием, он мог бы вспылать ревностью к такому опасному молодому хвату, каким был обошительный бенгальский капитан. Но Доббин по природе был слишком прост и благороден, чтобы усомниться насчет Амелии. Он даже радовался, что молодежь за нею ухаживает, а некоторые ею восхищаются. Разве почти с тех самых пор, как она стала женщиной, она не подвергалась все время притеснениям и унижениям? Ему радостно было наблюдать, как общее уважение помогало все ярче выявляться ее хорошим качествам, как под влиянием внешнего благополучия возрастала ее душевная бодрость. Всякий, ценивший Амелию по достоинству, обеспечивал за собой благожелательное суждение майора, если вообще можно говорить о разумности каких-либо суждений у человека, находящегося под влиянием любовного ослепления.

После того, как Джоз представился ко двору, — а можете быть уверены, что в качестве верноподданного своего государя он не преминул это сделать (показавшись предварительно в полном придворном костюме в клубе, куда за ним заехал Доббин в изрядно затасканном старом мундире), — Джоз, бывший и раньше заядлым сторонником короны и поклонником Георга IV, превратился в такого ярого тори и охранителя государственных устоев, что стал настаивать на представлении ко двору и Амелии. Каким-то образом он сумел убедить себя, что он призван печься об общественном благополучии и что король только тогда и будет счастлив и доволен, когда Джоз Седли и его домашние открыто соберутся вокруг него в Сент-Джеймском дворце.

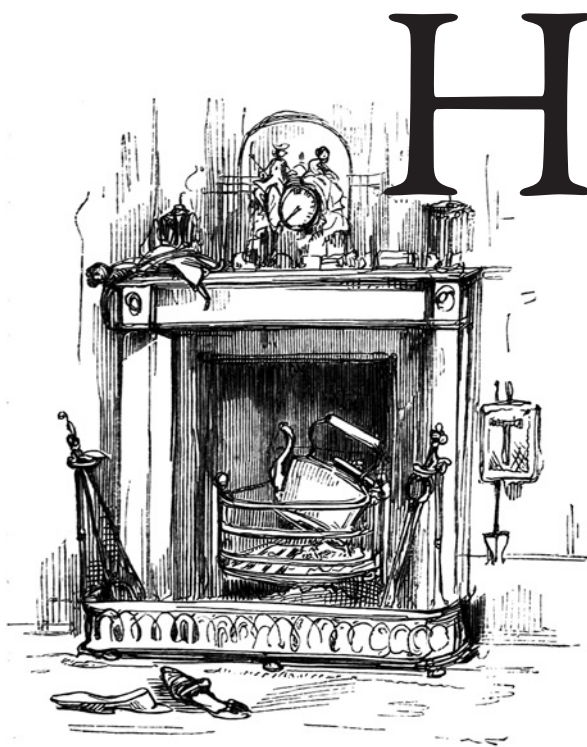
Эмми рассмеялась.

— А мне надо будет надеть и фамильные бриллианты, Джоз? — спросила она.

«Как бы я хотел, чтобы ты позволила мне купить их тебе, — подумал майор. — Не думаю, чтоб отыскились такие, которые оказались бы чересчур хороши для тебя».

¹ Наедине (*фр.*).

ГЛАВА LXI,
в которой гаснут два светильника

Настал день, когда круг официальных развлечений и торжественных приемов, которым предавалась семья мистера Джоза Седли, был нарушен событием, случавшимся во всех домах. Поднимаясь по лестнице вашего дома из гостиной в этажи, где расположены спальни, вы, вероятно, замечали прямо против себя небольшую арку в стене, одновременно бросающую свет на лестницу, ведущую из второго этажа в третий (где обычно помещаются детские и комнаты для прислуги) и служащую также для некой практической цели, о которой более подробные указания вам могут дать подручные гробовщика. Они ставят на эту арку гробы или пропускают их под нею, стараясь не потревожить неосторожным движением холодного тела, спящего под черной крышкой.

Эта арка во втором этаже лондонского дома, освещающая верх и низ лестничного пролета, командует над главным проходом, по которому движутся все обитатели дома: еще до рассвета пробегает под нею кухарка, спеша на кухню чистить кастрюли и сковородки; хозяйский сынок поднимается крадучись, сняв башмаки в прихожей, когда возвращается на рассвете после весело проведенной ночи в клубе; по этому же проходу сбегает хозяйская дочка, шурша свежими лентами и пышной кисеей, блестящая и прекрасная, готовая побеждать сердца на предстоящем балу; а мастер Томми съезжает по перилам, предпочитая этот способ передвижения всяким другим, презирая

опасность и ступеньки; по этой же лестнице любовно улыбающуюся молодую мать сносит вниз на сильных руках супруг, осторожно спускаясь со ступеньки на ступеньку в сопровождении сиделки, в тот день, когда врач объявил, что прелестная пациентка может спуститься вниз; по ней же, зевая, бредет к себе в постель Джон с потрескивающим сальным огарком в руках, для того чтобы до восхода солнца собрать сапоги, выставленные для него в коридорах; эта лестница, по которой носят вверх и вниз грудных младенцев, сводят стариков, торжественно провожают на бал гостей, пастор приходит совершать обряд крещения, врач — в комнату больного, и подручные гробовщика — в верхний этаж, — какое постоянное *memento*¹ о жизни, смерти и суете сует представляют эта лестница и эта арка, если вдуматься в суть вещей, присев на площадке и посматривая вниз и вверх! По этой же лестнице и для нас с вами, мой друг по шутловству, придет в последний раз доктор. Сиделка заглянет на нас, откинув полог, а мы и не заметим, потом распахнет на минутку окна и выпустит свежего воздуха. Потом во всем доме по фасаду спустят жалюзи на окнах и все переберутся в задние комнаты, потом пошлют за поверенными и другими людьми, одевающимися в черное, и так далее и так далее. Тогда наша с вами комедия будет доиграна до конца, и нас увезут — о как далеко! — от трубных фанфар, и кликов, и всяких поз! Если мы принадлежим к знати, на нашем последнем жилище выставят траурные щиты с золочеными херувимами и девизами, свидетельствующими, что мы «упокоились в небесах». Сын ваш заново обставит дом или, может быть, сдаст его внаймы, а сам переселится в более современный квартал; ваша фамилия появится в рубрике «Опочивших» в списках членов вашего клуба на будущий год. Как бы искренно вас ни оплакивали, ваша вдова позаботится, чтоб траурное платье ее вышло покрасивее, кухарка подаст обед или придет спрашивать, что ей закажут на завтра, живые скоро смогут выносить вид вашего портрета на каминной полке, а немного погодя его переместят с почетного места и заменят портретом вашего сына, воцарившегося после вас.

Каких покойников оплакивают всего нежнее и горячее? Мне кажется, тех, которые всего меньше любили оставшихся в живых. Смерть ребенка вызывает такой приступ горя и отчаянных слез, каких, брат мой читатель, никогда не вызовет ваша кончина. Смерть младенца, который едва узнавал вас, который за неделю отсутствия совсем позабыл бы вас, поражает вас гораздо больше, чем утрата самого близкого друга или вашего первенца — такого же взрослого, как вы, мужчины, имеющего собственных детей. Мы можем быть строги и резки с Иудой и Симеоном, но вся наша любовь и жалость изливаются на малютку Вениамина. Если вы стары, а в этом положении находятся или окажутся многие из моих читателей, — стары и богаты или стары и бедны, — вам в один прекрасный день невольно подумается: «Эти люди очень хорошо за мною ухаживают, но если я умру, они не очень будут горевать. Я очень богат, они охотятся за моим наследством», или: «Я очень беден, им надоедо помогать мне».

Срок траура по миссис Седли только что миновал, и Джоз едва успел сбросить с себя черные одежды и нарядиться в излюбленные свои роскошные жилеты, как для всех окружающих мистера Седли стало очевидно, что готовится новое событие и что старик собирается пойти разыскивать свою жену в мрачной обители, куда она удалась раньше него.

¹ Напоминание (*лат.*).

— Состояние здоровья моего отца, — торжественно заявлял Джоз Седли в клубе, — заставляет меня воздерживаться от больших приемов в этом сезоне; но если вы пожелаете скромненько прийти в половине седьмого, Четни, мой милый, и разделить мою домашнюю трапезу еще с двумя-тремя старыми приятелями, то я всегда буду очень рад вас видеть.

И вот Джоз и его знакомые обедали и бесшумно попивали кларет в то время, как наверху в жизненных часах старика песок быстро пересыпался из верхней склянки в нижнюю. Дворецкий в бархатных сапогах подавал гостям вино; после обеда они усаживались сыграть один-другой роббер, в котором иногда принимал участие и майор Доббин; даже и миссис Осборн спускалась порою, когда больной по окончании сборов на ночь впадал в легкую тревожную дремоту, посещающую изголовье стариков.

За время болезни старик Седли чрезвычайно привязался к дочери. И пищу и лекарство он принимал почти исключительно из ее рук. Уход за ним стал главной ее заботой в жизни. Кровать свою она поставила у двери, открывавшейся в комнату старика, и вскакивала при малейшем шорохе или движении ворчливого больного. Хотя, надо отдать ему справедливость, порою он целыми часами лежал безмолвно и неподвижно, боясь разбудить свою ласковую и бдительную сиделку.

Пожалуй, он любил теперь дочь с большей нежностью, чем в дни ее детства. Приветливо ухаживая за больным, любовно исполняя свои дочерние обязанности, это простодушное создание было особенно прекрасно. «Она проникает в комнату так беззвучно, словно солнечный луч», — думал Доббин, видя, как она входит к отцу и выходит от него, а лицо ее светится нежной лаской, и сама она движется неслышно и грациозно. Кто не видел на лице у женщин, когда они ухаживают за детьми или хлопчут возле больного, этого ангельского сияния любви и милосердия?

Так прекратилась тайная вражда, длившаяся уже много лет, и завершилась молчаливым примирением. В последние часы старик, тронутый ее любовью и добротой, забыл свое раздражение против нее и все обиды, какие перебирал с женой в долгие бессонные ночи: и то, что она готова пожертвовать всем ради сына, что она не заботится о старых и несчастных родителях, а думает только о ребенке, и как глупо, нелепо, даже бессовестно она вела себя, когда у нее отобрали Джорджа. Подводя последние итоги, старик Седли забыл все эти обвинения и воздал справедливость кроткой и безропотной страдальце. Однажды ночью, тихонько войдя к отцу, Эмми застала его неспящим, и сокрушенный старик исповедался перед нею.

— Ах, Эмми, я все думаю, что мы были очень суровы и несправедливы к тебе, — сказал он и протянул ей холодную слабую руку. Она опустилась на колени и стала молиться у его постели, молился и он, не выпуская ее руки.

Друг-читатель, когда подойдет и наш черед сводить последние расчеты с жизнью, как хорошо было бы и нам иметь такого же участника в наших молитвах!

Может быть, когда Седли лежал так без сна, перед ним пронеслась вся его жизнь: и преисполненные надежд стремления молодости, успехи и богатство в зрелости, падение на закате дней, и теперешняя его беспомощность; бессилие отомстить фортуне, взявшей над ним верх; ни имени, ни денег, которые можно было бы завещать; растраченная, бесцельная жизнь, состоящая из поражений и разочарований, и вот здесь — конец! И я думаю, брат-читатель, какой жребий лучше: умереть богатым и прославленным или бедным и обманувшимся в надеждах? Иметь и быть вынужден-

ным поступиться или уйти из жизни, сыграв партию и проиграв игру? Странное, должно быть чувство, когда наступит какой-то день в нашей жизни и мы скажем: «Завтра успех или неудача для меня уже ничего не будут значить: и солнце встанет, и миллионы людей, как всегда, пойдут работать или веселиться, но я-то буду уже вне этой сутолоки».

И вот наступило одно утро, и взошло солнце, все люди встали и принялись за свои разнообразные дела и развлечения, за исключением старого Джона Седли, которому уже не надо было бороться с судьбой, надеяться и строить планы, а нужно было только отправиться и занять спокойное и совершенно безвестное обиталище на бромптонском кладбище, рядом со старухой женой.

В обтянутой черным сукном карете майор Доббин, Джоз и Джорджи проводили его останки до могилы. Джоз специально для этой цели прибыл из ричмондской гостиницы «Звезды и подвязки», куда перебрался после печального события. Ему не-

интересно было оставаться в доме, где... ну, словом, при данных обстоятельствах. Но Эмми осталась и, по обыкновению, исполняла свой долг. Она не была особенно подавлена горем, скорее она была настроена торжественно, нежели печально. Она помолилась о том, чтобы и ее собственная кончина была так же спокойна и безболезненна, и с доверием и благоговением вспоминала слова, вырывавшиеся у ее отца во время болезни и свидетельствовавшие о его покорности, вере и надежде на будущую жизнь.

Да, в конце концов, я думаю, что из двух кончин эта — лучшая. Допустим, что вы чрезвычайно богаты и великолепно обставлены и говорите в свой последний день: «Я очень богат, я в достаточной мере известен, всю жизнь прожил среди самого лучшего общества и, благодарение богу, происхожу из очень почтенной семьи. Я с честью служил моему государю и родине, несколько лет заседал в парламенте, где, смею сказать, к речам моим прислушивались и очень их одобряли. Я никому не должен ни шиллинга, наоборот, я одолжил старому моему школьному товарищу Джеку Лазарусу пятьдесят фунтов, которых мои душеприказчики не станут с него взыскивать. Я оставляю моим дочерям по десяти тысяч фунтов каждой, — весьма недурной кусочек для девочек; серебро и мебель, мой дом на Бейкер-стрит в добавление к личной вдовьей части из капитала я завещаю в пожизненное владение своей жене: земельные угодья, капитал в процентных бумагах и погреб с отборными винами на Бейкер-стрит завещаю сыну. Лакею моему я завещаю пенсию в двадцать фунтов в год и смело бросаю вызов любому человеку: пусть он найдет после моей смерти малейшее пятно на моей репутации». Или предположим, с другой стороны, что лебедь ваш поет совсем иного сорта отходную, и вы говорите: «Я жалкий, истрепанный горем и разочарованиями старик, и в жизни потерпел окончательное крушение. Я не был одарен ни умом, ни удачей и признаюсь, что совершал сотни ошибок и промахов. Каюсь, нередко я забывал и свои обязанности. Я не могу расплатиться со своими долгами. На смертном одре своем я лежу смиренный и беспомощный; я молю простить мне мои прегрешения и с сокрушенным сердцем повергаюсь к стопам божественного милосердия». Как вам кажется, какая из этих двух речей была бы лучшим надгробным словом в день ваших похорон? Старик Седли произнес последнюю; и в этом смиренном настроении, держа за руку свою дочь, угас для жизни, разочарований и всяческой суеты.

— Вот видишь, — говорил старик Осборн Джорджу, — к каким результатам приводят заслуги, трудолюбие, разумная расчетливость и все такое. Посмотри на меня и на мой текущий счет в банке. А теперь посмотри на твоего несчастного деда Седли и на его разорение. А между тем двадцать лет тому назад он стоил дороже меня, дороже на целых десять тысяч фунтов.

За исключением сопровождавших покойника да семьи мистера Клаппа, приехавшей из Бромптона выразить соболезнование, ни одна живая душа ни капельки не пожалела старого Джона Седли и даже не вспомнила о том, что когда-то существовала такая особа.

Когда старик Осборн впервые услышал от своего приятеля, полковника Беклера, какой выдающийся офицер майор Доббин (мы знаем об этом от маленького Джорджа), он отнесся к этому заявлению очень презрительно и недоверчиво и выразил изумление, каким образом подобный субъект может обладать умом или хорошей репутацией. Но о славе майора ему пришлось слышать и от других членов своего кружка.

Сэр Уильям Доббин был очень высокого мнения о своем сыне и рассказал много случаев, свидетельствовавших об образованности и храбрости майора и о лестном мнении о нем различных кругов общества. В конце концов фамилия его появилась в списке участников нескольких великосветских собраний, и это обстоятельство произвело громадное впечатление на старого аристократа с Рессель-сквера.

Положение майора, в качестве опекуна Джорджа, перешедшего, так сказать, во владение деда, создавало неизбежность встречи этих двух джентльменов; и вот во время одного из таких свиданий старик Осборн, толковый делец, просмотрев отчеты майора по опеке и расчетам с матерью мальчика, усмотрел в них нечто, очень его поразившее и одновременно огорчившее и порадовавшее его, а именно: он усмотрел, что бедная вдова и ребенок существовали на деньги, в значительной части выложенные Уильямом Доббином из собственного кармана.

Вынужденный объясниться, Доббин, который никогда не лгал, покраснел, стал запинаться, но в конце концов признался.

— Этот брак, — сказал он (а лицо его собеседника омрачилось), — был в значительной мере делом моих рук. Я находил, что бедный мой друг зашел слишком далеко и что отказ от брака обесчестил бы его, а мисс Седли убил бы. И когда она осталась без средств, я считал своим долгом поддерживать ее по мере возможности.

— Майор Доббин, — произнес мистер Осборн, пристально глядя на него и тоже сильно покраснев, — вы нанесли мне большую обиду, но позвольте мне сказать вам, сэр, вы честный малый! Вот вам моя рука, сэр, но, признаюсь, мне и в голову не приходило, что плоть моя и кровная моя родня существовала на ваш счет. — И оба обменялись рукопожатием, к великому смущению майора Доббина, избалованного в человеколюбивом лицемерии.

Доббин постарался смягчить старика и примирить его с умершим сыном.

— Джордж был такой благородный малый, — сказал он, — что все мы его любили и готовы были сделать для него что угодно. Я, в те времена совсем еще молодой человек, был превыше меры польщен его расположением, и показываться в его обществе доставляло мне больше удовольствия, чем в обществе главнокомандующего. Я не видел никого, равного ему по смелости, отваге и прочим качествам, составляющим украшение воина. — И Доббин рассказал старику отцу все истории о доблести и подвигах его сына, какие мог припомнить. — И Джорджи так похож на него, — добавил майор.

— Так похож, что меня иногда даже дрожь пробирает, — подтвердил дед.

Раз или два майор приезжал обедать к мистеру Осборну (это было во время болезни мистера Седли), и вечером, когда они сидели вдвоем, беседа их вращалась почти исключительно вокруг скончавшегося героя. Отец, по обыкновению, кичился им и, рассказывая о деяниях и доблести сына, превозносил себя самого, но, во всяком случае, отношение его к бедному Джорджу стало теперь гораздо мягче и снисходительнее, и христианское сердце доброго майора радовалось этим признакам возвращающегося мира и согласия. Во второй вечер старик Осборн называл уже Доббина Уильямом, — совсем как в ту пору, когда Доббин и Джордж были мальчуганами, и почтенный наш джентльмен с удовольствием отмечал этот признак примирения.

На следующий день за завтраком, когда мисс Осборн со свойственной ее возрасту и характеру язвительностью отозвалась пренебрежительно насчет внешности и манер майора, глава дома прервал ее:

— Вы были бы очень рады заполучить его для себя, мисс Осборн. Да только зелен виноград! Ха-ха-ха! Майор Уильям — превосходный малый.

— Правда, дедушка, — одобрительно поддержал Джордж и, подойдя к старику, схватил его за длинные седые бакенбарды, добродушно расхохотался ему прямо в лицо и расцеловал его. В тот же вечер он рассказал об этом случае матери, и та вполне согласилась с мальчиком.

— Да, он действительно прекраснейший человек, — сказала она. — Твой покойный отец всегда говорил это. Он один из лучших и честнейших людей на свете.

Доббин случайно явился почти вслед за этим разговором, вызвавшим легкую краску на лице Амелии; а маленький повеса еще усилил ее смущение, рассказав Доббину вторую часть истории.

— Знаете, Добб, — сказал он, — за вас хочет выйти замуж одна необыкновенно хорошенькая девушка. У нее пропасть денег, она носит накладку и с утра до вечера грызет прислугу.

— Кто же это такая? — спросил Доббин.

— Тетушка Осборн, — ответил мальчик. — Это дедушка так сказал. А я говорю, Добб, вот бы здорово было, если б вы стали мне дядей.

В эту минуту из соседней комнаты раздался дрожащий голос старика Седли, тихо звавший Амелию, и смех прекратился.

Что настроение старика Осборна изменилось, было совершенно ясно. Он иногда расспрашивал Джорджа о его дяде и расхохотался, когда мальчуган изобразил, как Джоз говорил: «Господи спаси мою душу», и его манеру жадно глотать суп. Потом сказал:

— Непочтительно, сэр, со стороны такого мальчишки передразнивать своих родственников. Мисс Осборн, когда вы сегодня поедете кататься, завезите мою карточку мистеру Седли, слышите? Как бы ни было, промежду нас ссоры нету.

В ответ Джоз прислал свою карточку, а затем он и майор получили приглашение на обед, пожалуй, самый роскошный и самый нелепый из всех званных обедов мистера Осборна: было выставлено все фамильное серебро до последней штуки, а общество приглашено самое отборное. Мистер Седли повел мисс Осборн к столу, и она была с ним очень любезна, но с майором почти не разговаривала, и он сидел далеко от нее, рядом с мистером Осборном и держался очень застенчиво. Джоз с большой торжественностью заявил, что в жизни не едал такого вкусного бульона из черепахи, и осведомился у мистера Осборна, где он покупает свою мадеру.

— Она из вин Седли, — шепнул дворецкий хозяину.

— Она у меня давно лежит, да и заплатил я за нее хорошую цену, — громко ответил мистер Осборн гостю, а затем шепнул соседу с правой руки, что заполучил ее «на распродаже у старикашки».

Не раз расспрашивал старик Осборн майора о... о миссис Джордж Осборн, — а эту тему Доббин при желании мог развивать с большим красноречием. Он рассказал мистеру Осборну о страданиях Амелии, о ее страстной привязанности к мужу, память которого она боготворит и посейчас, о нежности и почтительности, с какими она ухаживала за родителями, и как покорно рассталась с сыном, когда признала это своим долгом.

— Вы и не подозреваете, сэр, что она выстрадала при этом, — с дрожью в голосе говорил верный Доббин, — и я надеюсь и рассчитываю, что вы примиритесь с нею.

Если она отняла у вас сына, она взамен отдала вам своего, а как бы сильно вы ни любили вашего Джорджа, поверьте мне, она своего любила в десять раз сильнее.

— Ей-ей, вы славный малый, сэр, — только и ответил на это мистер Осборн. Ему никогда и в голову не приходило, что вдова испытывает горе от разлуки с сыном, а то, что мальчик получит крупное состояние, может ее печалить. Все указывало на скорое и неизбежное примирение, и сердце Амелии уже начало трепетать при мысли о страшной встрече с отцом Джорджа.

Однако этой встрече не суждено было состояться. В течение некоторого времени свиданию препятствовали продолжительная болезнь, а затем и смерть старика Седли. Эта катастрофа и другие события, вероятно, сильно подействовали на мистера Осборна. За последнее время он сильно сдал и постарел, и мысли его были заняты теперь внутренней работой. Он послал за своими поверенными и, видимо, несколько изменил свое завещание. Заглянувший доктор нашел его ослабевшим, беспокойным, предложил сделать маленькое кровопускание и порекомендовал поездку на берег моря; но старик не последовал этим советам.

Однажды, когда ему уже следовало бы спуститься к завтраку, слуга, тщетно подождав его появления, поднялся в его туалетную и застал его лежащим в обмороке на полу возле туалетного столика. Доложили мисс Осборн, послали за докторами, вызвали из школы Джорджи; пустили кровь, поставили банки. Осборн частично вернулся в сознание, но утратил дар речи; раза два-три он мучительно старался выговорить что-то, а через четыре дня скончался. Доктора сошли вниз, подручные гробовщика поднялись в его спальню, на окнах, выходивших на Рассель-сквер, закрыли все ставни. Из Сити примчался взволнованный Буллок: «Сколько он оставил мальчишке? Не половину же, конечно? Разумеется, все поделено поровну между троими?» Минута была поистине тревожная.

Что же такое тщетно силился выговорить бедный старик? Я думаю, что ему хотелось увидеть Амелию и перед отходом из мира примириться с доброй и верной женой своего сына: вероятно, именно так оно и было, потому что завещание Осборна показало, что ненависть, которую он так долго лелеял, исчезла из его сердца.

В кармане его халата нашли письмо с большою красною печатью, которое Джордж прислал ему из-под Ватерлоо. Старик пересматривал и другие бумаги, касающиеся сына; ключ от ящика, где они хранились, тоже оказался в его кармане, конверты были вскрыты, печати сломаны, вероятно, вечером, накануне припадка, когда дворецкий принес ему чай в кабинет и застал за чтением большой красной фамильной библии.

По вскрытии завещания оказалось, что половина состояния завещана Джорджу, а остальное — поровну обеим сестрам. Мистеру Буллоку предоставлялось либо продолжать дела фирмы в общих интересах, либо выделиться, по его усмотрению. Из доходов с капитала, завещанного Джорджу, назначалась сумма в пятьсот фунтов пожизненной ренты в пользу его матери, «вдовы моего возлюбленного сына Джорджа Осборна»; ей же поручалась опека над мальчиком.

«Майор Уильям Доббин, друг моего возлюбленного сына» назначался душеприказчиком, «и так как по своей сердечности и доброте он из собственных средств поддерживал моего внука и вдову моего сына, когда последние остались без всяких средств к существованию, писал завещатель, то я здесь приношу майору Доббину сердечную благодарность за его любовь и заботу о них, и убедительно прошу его при-

нять от меня в дар сумму, достаточную для приобретения патента на чин подполковника, или же распорядиться таковою суммою по своему усмотрению».

Когда Амелия узнала, что свекор примирился с нею, она умилилась сердцем и почувствовала благодарность за оставленное ей состояние. Когда же она узнала, что Джорджи ей возвращен, узнала, как и благодаря кому; что доброта Уильяма поддерживала ее в бедности и что Уильяму же она обязана и мужем и сыном, — о, она тут же упала на колени и призвала благословения неба на это верное и доброе сердце! Она смиренно пала ниц и как бы облобызала стопы этой возвышенной и благородной привязанности.

И благодарность была единственное, чем она могла отплатить за такую бесподобную преданность и благодеяния, только благодарность! Когда же она думала о каком-либо ином воздаянии, образ Джорджа вставал из могилы и говорил ей: «Ты моя, только моя, ныне и вовеки».

Уильям знал о ее чувствах: разве он не провел всю свою жизнь, стараясь их разгадать?

Назидательно отметить, как сильно возросла миссис Осборн во мнении людей, составлявших круг ее знакомых, когда содержание духовной мистера Осборна сделалось известным в свете. Прислуга в доме Джоза, справлявшаяся о ее скромных приказаниях и тут же обычно заявлявшая, что «спросит хозяина», исполнять их или нет, теперь и думать позабыла о таком обращении. Кухарка перестала ухмыляться, поглядывая на ее поношенные старенькие платья (их действительно совершенно затмевали наряды этой особы, когда, разрядившись, она отправлялась в воскресенье на вечернюю службу), остальные тоже больше не ворчали, когда слышали ее звонок, и не запаздывали на эти призывы. Кучер, прежде ворчавший, что лошади совсем изматываются, а экипаж того и гляди развалится из-за старика и миссис Осборн, теперь возил ее с величайшим удовольствием, страшно боялся, чтобы его как-нибудь не подсадил кучер мистера Осборна, и спрашивал, «что могут знать о городе кучера с какого-нибудь Рессель-сквера и пристало ли им возить такую леди». Друзья Джоза, мужского и женского пола, внезапно заинтересовались Эмми, и карточки с выражениями соболезнования во множестве скоплялись на столе в ее передней. Сам Джоз, прежде смотревший на сестру как на добродушную, безобидную нищенку, которой братский долг повелевает ему давать кров и пищу, проникся к ней и к разбогатевшему маленькому племяннику величайшим почтением и заботился о том, чтобы «бедная милая девочка» развлекалась после пережитых волнений и невзгод; он даже начал выходить к утреннему завтраку и подробно расспрашивал ее о том, как ей угодно распорядиться сегодняшним днем.

В качестве опекуни Джорджа, Амелия, с согласия своего соопекуна майора, предложила мисс Осборн оставаться в доме на Рессель-сквере столько времени, сколько она сама пожелает там жить; но мисс Осборн, поблагодарив, заявила, что и думать не может оставаться одна в этом печальном жилище, и в глубокой скорби переселилась в Чельтенгам, взяв с собою двух старых слуг. Остальные получили щедрый расчет и увольнение; преданный старый дворецкий, которого миссис Осборн предполагала оставить, отказался сам, предпочитая на свои сбережения открыть питейное заведение, где, будем надеяться, дела его пошли недурно. За отказом мисс Осборн жить в Рессель-сквере Амелия, посоветовавшись со своими близкими, тоже раздумала переезжать в старый мрачный дом. Дом очистили: дорогую мебель и предметы

обстановки, внушительные канделябры и унылые потускневшие зеркала уложили и припрятали, богатый гарнитур гостиной из розового дерева обернули соломенными жгутами, ковры скатали в трубки и перевязали веревками, маленькую избранную библиотеку, состоявшую из роскошно переплетенных книг, забили в два ящика из-под вина, — и все имущество в нескольких огромных фургонах покатило на склад, где должно было находиться на хранении до совершеннолетия Джорджа. Большие же тяжелые темные сундуки с серебром отправили к г. Стемпи и Роуди с тем чтобы они покоились в кладовых этих знаменитых банкиров до того же знаменательного дня.

Однажды Эмми, одетая в глубокий траур и держа за руку Джорджа, посетила опустевший дом, где не бывала с поры своего девичества. Площадка перед подъездом еще была усыпана соломой, оставшейся от укладки в фургоны вещей, когда их увозили. Мать и сын вошли в большие пустынные комнаты, где на стенах виднелись следы от висевших там картин и зеркал. Потом поднялись по широкой оголенной лестнице в верхние комнаты, зашли в ту, где умер дедушка, как шепотом пояснил Джорджи, а оттуда еще выше — в комнату самого Джорджи. Мальчик все еще держался за руку матери, но она думала сейчас не о нем. Она знала, что эта комната принадлежала не только ему, но и его отцу.

Амелия подошла к одному из раскрытых окон (тех самых, на которые она с такой тоской смотрела в первые месяцы, когда у нее отняли сына); выглянув, она за деревьями Рессель-сквера увидела старый дом, где родилась сама и провела столько счастливых дней благословенной юности. Все они воскресали теперь перед нею: веселые праздники, приветливые лица, беззаботные, радостные минувшие времена; а потом долгие страдания и невзгоды, угнетавшие ее все дальнейшие годы. Она думала о них и о человеке, бывшем ее постоянным покровителем, добрым гением, единственным благодетелем, нежным и великодушным другом.

— Посмотрите, мама, — проговорил Джорджи, — вот тут на стекле выцарапано алмазом: «Д.» и «О.», я раньше никогда не видел этих букв. Это не я их вырезал.

— Это была комната твоего отца задолго, задолго до того времени, как ты родился, Джордж, — ответила Амелия и, покраснев, поцеловала мальчика.

Она была очень молчалива на обратном пути в Ричмонд, куда они временно переселились; к ней приезжали туда улыбающиеся суетливые поверенные (разумеется, не забывавшие приписать к счетам расходы по этим поездкам), и, конечно, там имелась комната для майора Доббина, тоже часто приезжавшего в Ричмонд верхом, — ему ведь приходилось договариваться о стольких делах, связанных с интересами его маленького подопечного.

Джорджи к этому времени был взят на неопределенные каникулы от мистера Уиля, а этому джентльмену было поручено сочинить эпитафию для красивой мраморной плиты, которую решили положить в церкви воспитательного дома, у памятника капитану Джорджу Осборну.

Миссис Буллок, тетушка Джорджи, хотя и ограбленная этим юным чудовищем на половину той суммы, которую она рассчитывала получить от отца, тем не менее проявила милостивое расположение духа, помирившись с матерью племянника. Регэмптон находится неподалеку от Ричмонда, и вот однажды карета с золочеными тельцами, сиявшими на дверцах, и с сидевшими в ней вялыми и бледными детьми, подкатила к дому Амелии в Ричмонде; семейство Буллок вторглось в сад, где Амелия читала книгу, Джоз в беседке мирно поглощал землянику, политую вином, а майор в индий-

ской жакетке подставлял спину Джорджи, который через него прыгал. Перескочив через голову опекуна, он ринулся навстречу маленьким Буллокам: с огромными черными бантами на шляпах и в широчайших черных кушаках, они сопровождали свою мамашу, также в глубоком трауре.

«По возрасту он как раз подходит для Розы», — подумала любящая мамаша и оглянулась на милое дитя — болезненную семилетнюю особу.

— Роза, подойди и поцелуй своего милого двоюродного брата, — приказала миссис Фредерик. — Вы не знаете меня, Джордж? Я ваша тетя.

— Я знаю вас очень хорошо, — ответил Джордж, — только я не люблю целоваться, извините, — и уклонился от послушных объятий кузины.

— Сведите меня к вашей милой маме, смешной вы мальчик, — сказала миссис Фредерик. И обе дамы встретились после более чем пятнадцатилетней разлуки. За время невзгод и бедности, свалившихся на Эмми, миссис Буллок ни разу не подумала о том, чтобы навестить ее; но теперь, когда Амелия занимала приличное положение в свете, невестка, само собой разумеется, явилась к ней.

Так же поступили и многие другие. Наша давнишняя знакомая мисс Суорц с супругом торжественно примчалась из Гэмптон-Корта в сопровождении выездных в пылающих желтых ливреях и оказалась преисполненной прежней пылкой любовью к Амелии. Суорц и всегда продолжала бы любить Амелию, если бы только виделась с нею. Но, *que voulez-vous*¹, в этом огромном городе некогда разъезжать и разыскивать старых друзей; если они выпадают из строя, они исчезают, а мы маршируем дальше без них. Чье отсутствие замечается когда-нибудь на ярмарке тщеславия?

Словом, благодаря этому, не успел еще миновать срок траура по мистеру Осборну, как Эмми очутилась центром поистине весьма приличного кружка, члены которого никак не допускали мысли, чтобы кто-либо из принадлежавших к нему не испытывал от этого большого счастья. Едва ли нашлась бы в нем хоть одна дама, не имевшая родственником пэра, хотя бы мужья их и были простыми москательщиками из Сити. Некоторые из них были очень учены и хорошо обо всем осведомлены, читали произведения миссис Сомеруиль и посещали Королевский институт; другие отличались строгостью, были склонны к евангелизму и тяготели к Экзетер Голлю. Надо признаться, Эмми совершенно терялась в их тисках и раз или два претерпела страшные муки, согласившись воспользоваться гостеприимством миссис Фредерик Буллок. Эта леди настойчиво покровительствовала ей и с величайшей любезностью решила отшлифовать Амелию. Она приискивала ей модисток, следила за ее хозяйством и за ее манерами. То и дело приезжала из Регэмптона и угощала приятельницу жеманным светским вздором и жиденькими придворными сплетнями. Джоз слушал ее с удовольствием, но майор при появлении этой особы с ее грошовой светскостью обычно сейчас же хмуро удалялся. Он даже задремал однажды после обеда, сидя под портретом лысого Фредерика Буллока на одном из самых блестящих собраний у банкира (Фред все еще хлопотал, чтобы остальное состояние Осборнов было переведено от Стемпи и Роуди в его банкирскую контору), а тем временем Амелия, не знавшая ни латинского языка, ни того, кто написал нашумевшую статью в «Эдинбургском обозрении» и нисколько не скорбевшая и не радовавшаяся по поводу недавних непонятных колебаний мистера Пиля в вопросе о роковом биле, предоставлявшем

¹ Что поделаешь (*фр.*).

льготы католикам, безмолвно сидела среди дам в большой гостиной, поглядывая в окна на бархатные лужайки, аккуратно посыпанные гравием дорожки и сверкающие стекла оранжерей.

— Она, кажется, добродушна, но совершенно бесцветна, — сказала миссис Роуди, — а этот майор, по-видимому, чрезвычайно *épris*¹.

— Грустно смотреть, до чего она лишена того, что называется *ton*², — заметила миссис Голлиок, — милая моя, вам никогда не удастся отшлифовать ее.

— Она ужасно невежественна или равнодушна, — проговорила миссис Глоури голосом, словно выходявшим из могилы, причем уныло качнула головой и тюрбаном. — Я спросила у нее, как она думает: когда совершится падение папы — в 1836 году, согласно мнению мистера Джоульса, или в 1839-м, согласно мнению министра Уапшота. А она мне ответила: «Бедный папа! Надеюсь, с ним этого не случится. Что он сделал?»

— Она вдова моего брата, дорогие друзья мои, — возразила миссис Фредерик, — и я полагаю, что все мы обязаны оказывать ей всяческое внимание и не оставлять своими указаниями при вступлении ее в свет. Вы прекрасно понимаете, что никакие меркантильные интересы не могут руководить действиями тех, чьи разочарования всем отлично известны.

— Бедненькая милая миссис Буллок, — говорил Роуди Голлиоку, когда они вместе ехали с обеда, — вечно она что-нибудь замышляет и устраивает! Вот теперь она хочет заставить миссис Осборн перевести текущий счет из нашего банка в свой. А как она ухаживает за этим мальчишкой и всячески старается усадить его рядом со своей подслеповатой Розочкой, ведь это же просто смешно!

— Хоть бы кто-нибудь удавил старуху Глоури с ее «Мужем греха» и «Армагеддонской битвой»! — крикнул Голлиок, и карета покатила через Петнейский мост.

Но это общество оказалось чересчур уже светским для Эмми, и наши друзья чуть не запрыгали от радости, когда кто-то посоветовал им прокатиться за границу.

¹ Увлечен (*фр.*).

² Уменья себя держать (*фр.*).

ГЛАВА LXII Am Rhein¹

Спустя несколько недель после того, как совершились вышеописанные заурядные события, в одно прекрасное утро, когда парламент уже закрылся, лето стояло в разгаре, а все избранное лондонское общество собиралось покинуть город и совершить ежегодные поездки в поисках развлечений или здоровья, — пароход Голландской компании отвалил от пристани Тауэра, имея на борту веселую компанию английских беглецов. Над шканцами был растянут тент, а все скамьи и ступеньки у бортов пестрели десятками румяных детишек, суетливыми няньками, дамами в прехорошеньких розовых шляпках и летних платьях, джентльменами

в дорожных каскетках, полотняных жакетах и с только что начавшими пробиваться усами, запускаемыми для предстоящего путешествия. Тут же виднелись предстательные щеголеватые ветераны в накрахмаленных галстуках и начисто выложенных шляпах, — того типа, что после окончания войны постоянно наводняют Европу и развозят по всем городам континента национальное *goddem*². Скопление шляпных картонок, баулов и несессеров достигло грандиозных размеров. Попадались тут веселые кембриджские студенты, ехавшие со своим наставником в учебную экскурсию в Нонненверт или Кенигсвинтер; ирландские джентльмены с ослепительными бакенбардами и в перстнях, неумолчно беседовавшие о лошадях и проявлявшие неимо-

¹ На Рейне (нем.).

² Проклятье (англ.; бран.).

верную любезность к молодым дамам, которых кембриджцы и их бледнолицый наставник, наоборот, избегали с девической застенчивостью; старые пэлла-мэллские шапопай, направлявшиеся на минеральные воды в Эмс и Висбаден прочистить желудки от всех поглощенных за сезон обедов и побаловаться в рулетку и *trente-et-quarante*¹, чтоб не закисло от скуки; был старый лорд Мафусаил с молоденькой своей новобрачной женой и капитаном гвардии Папильоном, таскавшим за нею зонтик и путеводители; был молодой Мэй, увлекший в увеселительную поездку свою невесту (бывшую миссис Уинтер, школьную подругу бабушки Мэя); были сэр и миледи Джон с дюжиной ребят и соответствующим штатом нянек; и гордые аристократы, семейство Бэракров, сидевшие в сторонке у самого колеса, всех разглядывавшие и ни с кем не заговаривавшие. Их экипажи, разукрашенные коронами, с заваленными кладью империалами, стояли в носовой части парохода вместе с дюжиной других таких же колымаг. Трудно было пробраться между ними, и злополучные пассажиры носовой каюты почти не имели места для движения. Там ехали несколько великолепно разодетых джентльменов из Гаундсдича; они везли с собой собственную провизию, но могли бы купить половину пассажиров из салона первого класса; несколько уса-тых почтенных молодцов с папками, — эти засели за эскизы, едва пробыв на пароходе каких-нибудь полчаса; одна-две француженки — *femmes de chambre*², жестоко захворавшие морской болезнью, как только пароход миновал Гринвич, и два-три грума; последние ютились неподалеку от судовой конюшни, где помещались вверенные их попечениям лошади, или, перегнувшись через борт у кожухов, беседовали о том, кто годится для скачки жокеев-легковесов и что они могут выиграть или проиграть в скачке на приз Гудвудского кубка.

Все курьеры, обшныряв пароход и разместив различных своих господ в каютах или на палубе, собрались вместе и принялись болтать и курить; к ним присоединились еврейские джентльмены, поглядывавшие на экипажи. Была тут огромная карета сэра Джона, вмещавшая тринадцать человек; карета милорда Мафусаила, коляска, фаэтон и фургон милорда Бэакрса, за которые платить вольно было кому угодно. Удивительно даже, откуда милорд раздобыл наличных денег для оплаты расходов по поездке. Это знали, впрочем, еврейские джентльмены. Они знали, сколько денег имеется в кармане его милости в данный момент, какие проценты он за них заплатил и кто именно ему эти деньги дал. Наконец, была еще одна новенькая, красивая дорожная карета, о которой джентльмены и завели разговор.

— *A qui cette voiture la?*³ — обратился один из джентльменов-курьеров с большой кожаной сумкой через плечо и с серьгами в ушах к другому — с серьгами в ушах и большой кожаной сумкой через плечо.

— *C'est a Kirsch je bense — je l'ai vu toute à l'heure — qui brenoit des sangviches dans la voiture*⁴, — ответил тот на прекрасном немецко-французском наречии.

Кириш, вскоре вынырнувший из расположенного поблизости трюма, где орал смешанные с разноязычною руганью распоряжения матросам, разбиравшим пассажир-

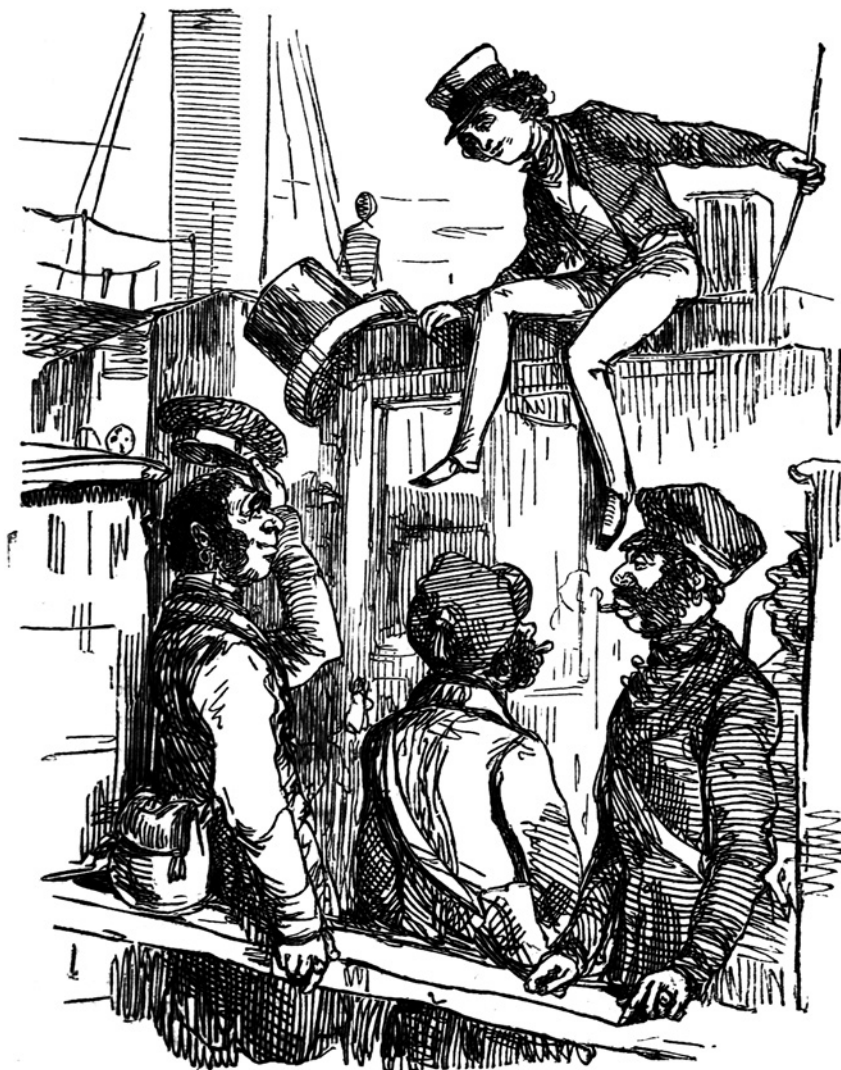
¹ Трент-е-карант (*фр.*, буквально: «тридцать и сорок») — название карточной игры.

² Горничные (*фр.*).

³ Чья это карета? (*фр.*).

⁴ Исковерканные французские слова, означающие: «Я думаю, это карета Кириша, я сейчас его видел, он брал бутерброды из кареты».

ский багаж, поспешил дать о себе отчет своим собратьям-толмачам. Он сообщил, что карета принадлежит одному набобу из Калькутты и с Ямайки, невероятному богачу, которому Кириш приглашен сопутствовать. Но тут какой-то юный джентльмен, получивший предупреждение удалиться с мостика между кожухами, спрыгнул на верх кареты лорда Мафусаила; перебираясь по прочим каретам и империалам, он добрался наконец до своей и влез через окошко внутрь кареты при одобрении глазевших на него курьеров.

— Nous allons avoir une belle traversée, monsieur Georges¹, — сказал ему курьер, оскалившись и приподнимая обшитую галуном фуражку.

¹ У нас будет спокойный переезд, господин Джордж (фр.).

— К черту ваш французский язык, — отозвался юный джентльмен. — Где тут у нас сухарики, а? — На что Кирш ответил ему по-английски или на доступном ему подобию этого языка, — ибо хотя мистеру Киршу были знакомы все языки, но как следует он не знал ни одного и говорил на всех с одинаковой беглостью и неправильно-стью.

Повелительный юный джентльмен, с жадностью принявшийся за сухарики (ему действительно пришло время подкрепиться, ибо завтракал он в Ричмонде целых три часа тому назад), был юный наш друг Джордж Осборн. Дядюшка Джоз и мамаша Джорджа находились на шканцах вместе с одним джентльменом, с которым вообще видались очень часто, а теперь они все четверо отправлялись в летнее путешествие.

Джоз в это время сидел на палубе под тентом, почти напротив графа Бэракса с семейством, и деяния этих знатных особ совершенно поглощали внимание бенгальца. Высокородная чета казалась сейчас на вид, пожалуй, моложе, чем в знаменательном 1815 году, когда Джоз видел ее в Брюсселе (в Индии он выдавал их за очень близких своих знакомых). Волосы леди Карабас, в ту пору темные, были теперь прекрасного каштанового цвета с золотистым оттенком, а бакенбарды лорда Карабаса, тогда ярко-рыжие, теперь, наоборот, стали черными как смоль, с зеленоватыми и фиолетовыми отливами на свету. Но как ни изменилась знатная чета, действия ее всецело занимали ум Джоза: присутствие лорда как бы сковывало его чарами, и он не мог смотреть ни на что иное.

— Эти господа, кажется, вас очень интересуют, — заметил Доббин, с улыбкой следивший за Джозом. Амелия тоже улыбнулась. Она была в соломенной шляпке с черными лентами и вообще одета в траур; но праздничная суета путешествия ей нравилась и возбуждала ее, и вид у нее был необыкновенно счастливый.

— Какой божественный день, — воскликнула Эмми и добавила, обнаруживая большую оригинальность: — Надеюсь, переезд будет не бурный.

Джоз махнул рукой, пренебрежительно поглядывая из-под прищуренных век на сидевших напротив знатных особ.

— Если бы тебе приходилось совершать такие путешествия, какие выпадали на долю нам, — сказал он, — ты бы не очень беспокоилась о погоде. — Тем не менее при своей искушенности в путешествиях Джоз всю ночь страшно мучился морской болезнью, забравшись в карету, где курьер отхаживал его грогом и всякими деликатесами.

В назначенное время счастливые наши путешественники причалили к набережным Роттердама, откуда на другом пароходе их доставили в город Кёльн. Здесь карета и все семейство были спущены на берег, и Джоз немало порадовался, увидев, что кельнские газеты оповестили о его приезде в такой форме: «*Herr Graf Lord von Sedley nebst Begleitung aus London*»¹. Джоз вез с собой придворный костюм; он убедил и Доббина захватить свои воинские атрибуты и регалии: он заявил, что намерен добиться представления к иностранным дворам, дабы засвидетельствовать свое уважение государям тех стран, которые он почитит своим посещением.

Всюду, где маленькая компания останавливалась и где к тому представлялся удобный случай, мистер Джоз оставлял визитные карточки — свою и майора — у «нашего посланника». С великим трудом удалось его отговорить не надевать треуголки и об-

¹ Граф лорд фон Седли со спутниками из Лондона (нем.).

тянутых панталон для посещения английского консула в вольном городе Юдштадте, когда радушный этот чиновник зазвал наших путешественников к себе на обед. Джоз вел дневник своего путешествия и аккуратно отмечал в нем недостатки и достоинства всех гостиниц, где останавливался, а также всех вин и кушаний, которыми угощался.

Что касается Эмми, то она была очень весела и довольна. Доббин обычно таскал с собою ее складной стул и рисовальный альбом и восхищался набросками простой душистой скромной художницы, как никто и никогда в жизни. Сидя на пароходной палубе, она зарисовывала скалы и замки или же, взобравшись на ослика, подымалась, в сопровождении двух своих адъютантов, Джорджи и Доббина, к старинным разбойничьим башням. Вместе с майором она смеялась над его забавной фигурой, когда он ехал верхом на осле, а длинные ноги его едва не волочились по земле. Он служил своим спутникам переводчиком, ибо, в качестве военного, хорошо знал немецкий язык, и вместе с восхищенным Джорджем он вновь переживал все сражения, происходившие на Рейне и в Палатинате¹. В течение немногих недель благодаря усердным беседам на козлах кареты с мистером Киршем Джорджи сделал поразительные успехи в усвоении немецкого языка и болтал с кучерами дилижансов и с лакеями в гостиницах так бойко, что мамаша его приходила в восторг, а опекун потешался.

Мистер Джоз лишь изредка принимал участие в послеобеденных экскурсиях своих спутников. После обеда он большею частью спал или нежился в беседах уютных гостиничных садилов. Милые рейнские садики! Прелестные пейзажи, дышащие мирной тишиной и залитые солнцем, — величественные фиолетовые горы с отражающимися в мощном потоке гребнями, — кто видел вас и не сохранил благодарного воспоминания об этих картинах ласкового покоя и светлой красоты? Отложить перо и только подумать о прекрасном прирейнском крае — от этого одного уже чувствуешь себя счастливым. В часы летних вечеров коровы стадами спускаются с холмов и, мыча и позванивая колокольчиками, бредут к старинному городку со старинными рвами, воротами, колокольнями и каштановыми деревьями, отбрасывающими длинные тени на траву; небо и река внизу пылают пурпуром и золотом, а выглянувшая уже луна кажется бледной от ярких красок заката. Солнце спускается за высокие горы с венчающими их гребни замками, ночь наступает внезапно, река становится все темнее и темнее, в ней дрожат огоньки, зажигающиеся в окнах вдоль старинных валов, и мирно мигают оконца в деревушках, расположенных у подножия холмов на противоположном берегу.

Итак, Джоз обыкновенно изрядно высыпался, прикрыв лицо восточным платком и устроившись поудобнее, или же читал английские новости и все до последнего слова из того, что печаталось в замечательной газете «Вестник Галиньяни»² (да падут благословения всех когда-либо бывавших за границей англичан на голову основателей и владельцев этого разбойничьего листка!), но — спал ли он или бодрствовал — друзья не особенно огорчались его отсутствием. Да, они были очень счастливы. По вечерам они часто отправлялись в оперу, — в уютные, неприятельные старинные

¹ *Палатинат* (нем. Palatinat, лат. palatium — «дворец»), или *Пфальц* (нем. Pfalz — «дворец») — в Средние века название ряда территорий, управлявшихся властителями со статусом графов-палатинов, или пфальцграфов. Пфальц чаще всего ассоциируется с двумя германскими территориями: Рейнским (или Нижним) Пфальцем и Верхним Пфальцем.

² «*Вестник Галиньяни*» (итал. Galiguani's Messenger) — ежедневная либеральная газета, издававшаяся с 1814 г. в Париже на английском языке.

Доббин обычно таскал с собою ее складной стул и рисовальный альбом и восхищался набросками простодушной скромной художницы, как никто и никогда в жизни

оперные театры в германских городах, где местная знать сидит, плачет и вяжет чулки по одну сторону зрительного зала, а буржуазия и мещанство — по другую; где светлейший герцог со светлейшим своим семейством — все очень тучные и добродушные — занимает большую ложу посередине яруса, а партер полон блестящими офицерами с перетянутыми талиями и соломенного цвета усами, причем полный оклад содержания этих блестящих франтов составляет всего два пенса в день. Здесь Эмми испытала необычайные восторги, впервые познакомившись с волшебными чарами Моцарта¹ и Чимарозы². Мы уже упоминали о музыкальности майора и одобряли его игру на флейте. Но, пожалуй, на этих оперных представлениях ему больше всего доставляло удовольствия наблюдать за восхищением Эмми, внимавшей исполнению. Новый мир любви и красоты раскрылся перед Амелией, когда она познакомилась с этими божественными произведениями: эта женщина была одарена чрезвычайно восприимчивой и тонкой чувствительностью, — как же могла бы она оставаться равнодушной, слушая Моцарта? Нежные сцены в «Дон Жуане»³ вызывали в ней такие сладостные ощущения, что, становясь перед сном на молитву, она даже спрашивала себя, не грешно ли испытывать такое восхищение, каким переполнялось ее кроткое сердечко, когда она слушала «Vedrai, Carino»⁴ и другие арии. Но майор, с которым она посоветовалась по этому поводу, как с наставником по богословским вопросам (он и действительно был человек верующий и набожный), сказал ей, что лично у него все прекрасное в природе и в области искусства вызывает ощущение счастья и одновременно чувство благодарности и что наслаждение, какое испытываешь, слушая хорошую музыку, любуясь звездами на небе, красивым пейзажем или картиной, есть благо, за которое надлежит благодарить небо так же искренно, как и за все прочие жизненные дары. В ответ же на слабые возражения со стороны миссис Амелии (заимствованные из некоторых душеспасительных сочинений, вроде «Прачки Финчлейской общины» и иных того же направления, которыми миссис Осборн снабжала во время ее пребывания в Бромптоне) майор рассказал ей восточную басню о сове, находившей солнечный свет невыносимым для глаз и считавшей соловья птицей, превознесенной совершенно несоразмерно с ее заслугами.

— Одному от природы назначено петь, а другому — гукать по-совиному, — смесь, закончил Доббин. — Но с таким нежным голосом, как у вас, вы, конечно, принадлежите к разряду певчих птиц.

Я охотно останавливаюсь на этом периоде в жизни Эмми, и мне приятно думать, что она была весела и счастлива. Ведь до сих пор ей почти не приходилось вести такого образа жизни и она не попадала в обстановку, способную воспитать в ней изысканные вкусы и развить ее ум. До сих пор она находилась в подчинении у заурядных умов. Таков удел большинства женщин. А так как любая представительница прекрасного пола является соперницей остальных своих сестер, то в милостивом их суждении застенчивость выдается за глупость, мягкость — за тупость, а молчаливость, — являющаяся лишь робким отрицанием и безгласным протестом против несносного

¹ Вольфганг Амадей Моцарт — (1756–1791) — австрийский композитор и музыкант-виртуоз.

² Доменико Чимароза (1749–1801) — итальянский композитор, центральная фигура в опере, особенно комической, в конце XVIII в.

³ «Дон Жуан» — опера В. А. Моцарта.

⁴ Увидишь, милый (итал.).

деспотизма властелинов, — молчаливость в особенности не находит пощады пред судом женской инквизиции. Так, дорогой мой и высокообразованный читатель, если бы мы с вами сегодня вечером очутились, скажем, в обществе зеленщиков, то возможно, что наш разговор оказался бы вовсе не блестящим; с другой стороны, очутись какой-нибудь зеленщик за нашим изысканным и просвещенным чайным столом, где каждый изошряется в остроумии и каждый, обладающий репутацией светского человека и умника, самым очаровательным образом терзает на части своих знакомых и друзей, — возможно, что этот чуждый нашей среде гость тоже не проявил бы особой разговорчивости и отнюдь не показался бы интересным или заинтересованным нашей беседой.

И надо помнить, что вплоть до настоящего момента эта бедная женщина еще ни разу в своей жизни не встречала истинного джентльмена. Может быть, они и попадаются гораздо реже, чем принято думать. Кто из нас назовет многих в своем кружке — людей, чьи цели благородны, чья честность неизменна, и не только неизменна в смысле стойкости, но и возвышенна по качеству; людей простых из-за отсутствия мелочности и низости, честно смотрящих в лицо ближним с одинаковым благородным сочувствием и к великому и к малому? Все мы знаем сотню людей, обладающих прекрасно сшитым платьем, десятки, обладающих превосходными манерами, и одного-двух счастливцев, находящихся, что называется, в самых внутренних кругах и попавших в самый центр и глазок «большого света», а сколько мы знаем истинных джентльменов? Давай-те-ка возьмем клочок бумажки и составим каждый свой список.

В свой я без всякого колебания заношу моего друга майора. У него очень длинные ноги, желтое лицо, и он слегка заикается, отчего по первому впечатлению кажется смешным. Но мыслит он правильно, мозги у него прекрасно работают, жизнь он ведет честную и чистую, и сердце у него горячее и смиренное. Конечно, у него очень большие ноги и руки, и оба Джорджа Осборна постоянно над ним потешались и рисовали на него карикатуры, а их шутки и насмешки, может быть, вводили бедную Эмми в заблуждение относительно его достоинств. Но разве мы все не заблуждались относительно наших героев и не изменяли своего мнения сотни раз? Эмми в этот счастливый период заметила, что ее мнения о достоинствах майора подверглись очень большому изменению.

Пожалуй, это время и в самом деле было самым счастливым в жизни их обоих, но они не знали этого, — да и кто знает? Кто из нас может выделить какую-нибудь пору своего существования и сказать, что она и есть кульминационная точка, вершина всех человеческих радостей? Но, во всяком случае, эта парочка испытывала полное удовольствие и наслаждалась приятным летним путешествием не меньше любой из всех, что в то лето покинули Англию. Джорджи всегда сопровождал их на спектакли, но по окончании представления шаль на плечи Эмми набрасывал майор; а на прогулках и экскурсиях мальчуган бежал впереди и карабкался на дерево или по башенной лестнице, в то время как более спокойная пара находилась внизу, и майор с величайшим спокойствием и неизменною покуривал сигару, пока Эмми зарисовывала пейзаж или развалину. Во время этого-то путешествия я, пишущий эту историю, в которой каждое слово — истинная правда, имел удовольствие впервые их увидеть и с ними познакомиться.

Впервые я увидел полковника Доббина и его спутников в маленьком уютном городке великого герцогства Пумперникельского (том самом, где сэр Питт Кроули так отличал-

ся в качестве посольского атташе; но последнее происходило в давно-давно минувшие дни и до того, как весть о сражении под Аустерлицем заставила всех английских дипломатов удалиться из Германии). Они прибыли в карете с курьером в гостиницу «Кронпринц», лучшую гостиницу в городе, и вместе обедали за табльдотом. Все присутствовавшие отметили величавость Джоза и то, с каким видом знатока он посасывал, или, вернее, высасывал, иоганнисбергер¹, поданный по его приказанию к обеду. Мальчуган, как нам тоже удалось заметить, обладал прекрасным аппетитом и поглощал Schinken², и Braten³, и Kartoffeln⁴, и брусничное варенье, и салат, и пудинг, и жареную птицу, и сласти с доблестью, делавшей честь его нации. Блюد этак после пятнадцати он завершил трапезу десертом, часть которого даже прихватил с собою, вставая из-за стола, ибо несколько молодых джентльменов, сидевших за тем же столом и немало забавлявшихся его хладнокровием и развязной и смелой непринужденностью, убедили его припрятать в карман пригоршню миндального мелкого печенья, которое он и уничтожил по дороге в театр, куда отправилось все общество веселого немецкого городка. Дама в черном, мать мальчика, смеялась и краснела, а во время обеда казалась очень довольной и сконфуженной разными проделками и espiègleries⁵ своего сына. Полковник — ибо он получил этот чин спустя очень короткое время, — я помню, с серьезным юмором подшучивал над мальчиком, указывая ему блюда, которых тот еще не попробовал, и убеждал его не подавлять своего аппетита, а скушать добавочную порцию того или другого.

В тот вечер в великолепном великогерцогском Pumpernicklisch Hof'e — иначе, в придворном театре, давалось гастрольное представление, и мадам Шредер-Девриент⁶, в ту пору в расцвете красоты и таланта, исполняла роль героини в чудесной опере «Фиделио»⁷. С наших мест в креслах мы видели наших четверых знакомцев по табльдоту, сидевших в ложе, которую хозяин «Кронпринца» Швендлер удерживал для лучших своих постояльцев; и я не мог не заметить впечатления, какое произвели великолепная актриса и сама музыка на миссис Осборн, — мы слышали, что толстый усатый джентльмен называл ее так. Во время изумительного хора пленников, когда прелестный голос певицы взвизывал над всеми голосами и парил над залом в чарующей гармонии, лицо миссис Осборн приняло выражение такого изумления и восторга, что поразило даже маленького Фиппса, посольского атташе, кажется, неспособного удивляться решительно ничему: он навел на нее бинокль и протянул: «Боже мой, положительно приятно видеть женщину, способную испытывать такое волнение!» А во время сцены в тюрьме, когда Ленора бросается к своему мужу и кричит: «Nicht, nicht mein Florestan»⁸, миссис Осборн совершенно утратила самообладание и прикрыла лицо носовым платком. Все женщины в театре в эту минуту всхлипывали и сморкались; миссис же Осборн я заметил, вероятно, потому, что судьбой мне было определено написать историю именно этой дамы.

¹ Иоганнисбергер — белое рейнское вино.

² Ветчина.

³ Жаркое.

⁴ Картофель.

⁵ Проказы.

⁶ Вильгельмина Шредер-Девриент (1804–1860) — немецкая актриса и оперная певица; soprano.

⁷ «Фиделио» — единственная опера немецкого композитора Людвиг ван Бетховена.

⁸ Ничего, ничего, мой Флорестан.

На следующий вечер ставилась другая опера Бетховена: «Die Schlacht bei Vittoria»¹. В начале представления вводится мотив «Мальбрука»², как предвестие быстрого продвижения французской армии. Затем вступают барабаны, трубы, грохот артиллерии и стоны умирающих, и, наконец, в грандиозном победном нарастании исполняется «God save the King».

В театре было, пожалуй, десятка два англичан; при звуках этой любимой и хорошо знакомой музыки все они, в том числе и мы, молодежь, сидевшая в креслах, сэр Джон и леди Бульминстер (снявшие дом в Пумперникеле для воспитания своих девятилетних детей), и толстый усатый джентльмен, и долговязый майор в белых лосинах, и дама с маленьким мальчиком, к которому он относился так любовно, даже Кирш, курьер, сидевший в галерее, — все тотчас встали с мест в доказательство своей принадлежности к славной древней британской нации. Что же касается нашего посланника Тэпуорма, то он поднялся во весь рост в своей ложе, раскланиваясь и улыбаясь, словно представлял собою все королевство. Тэпуорм был племянником и наследником старого маршала Типтофа, который упоминался в нашем рассказе под именем генерала Типтофа; перед Ватерлооской битвой он командовал *** полком, в котором служил майор Доббин, и умер в этом году, увенчанный славой, не в меру покушав особым образом приготовленного блюда из бекасиных яиц; милостивым приказом его величества полк был тогда вверен полковнику сэру Майкелу О'Дауду, кавалеру ордена Бани, неоднократно водившему его в славные бои.

Тэпуорм, вероятно, встречался с полковником Доббином в доме маршала, командира полковника, потому что в этот вечер он узнал его в театре; и посланник его величества с крайней предупредительностью вышел из своей ложи и на глазах у всех обменялся рукопожатием с вновь обретенным приятелем.

— Посмотрите на этого дьявольского хитреца Тэпуорма, — прошептал Фиппс, рассматривая своего начальника из партера. — Стоит где-нибудь показаться хорошенькой женщине, он сейчас же туда вотрется. — А я подумал: для чего же и созданы дипломаты, как не для этого?

— Я, вероятно, имею честь приветствовать миссис Доббин? — осведомился посланник с самой вкрадчивой своею улыбкой.

Джорджи расхохотался и воскликнул:

— Черт возьми, вот это здорово! — А майор и Эмми покраснели: мы заметили это из кресел.

— Эта леди — миссис Джордж Осборн, — ответил майор, — а это ее брат, мистер Седли, занимающий видный пост в бенгальском гражданском ведомстве, разрешите мне представить его вашей милости.

Джоз чуть не повалился с ног от очаровательной улыбки милорда.

— Вы не думаете пожить подольше в Пумперникеле? — спросил милорда. — Это — скучное местечко, но мы ценим общество милых людей и постарались бы сделать все, чтобы оно показалось вам как можно приятнее, мистер... к-хм... мис-

¹ «Битва при Виттории» (нем.).

² «Мальбрук в поход собрался» (фр. «Marlbrough s'en va-t-en guerre») — одна из самых популярных французских народных песен. Песню о Мальбруке сочинили французские солдаты в 1709 г. накануне знаменитого сражения при Мальплаке. В стане французов пронесся ложный слух о том, что убит виновник их предыдущих неудач в войне за испанское наследство герцог Мальборо, руководивший английскими войсками, которого французы называли на свой лад «Мальбруком».

сис... кха-кха. Я буду иметь честь посетить вас завтра же в вашей гостинице. — Затем он удалился, бросив парфянский¹ взгляд и улыбку, долженствовавшие, по его мнению, совершенно сразить миссис Осборн.

По окончании представления молодежь ринулась в вестибюль, и мы полюбовались разездом высокопоставленных особ. Вдовствующая герцогиня укатила в дребезжащей старой колымаге, сопровождаемая двумя верными истощенными и престарелыми фрейлинами и маленьким, обсыпанным нюхательным табаком флигель-адъ-

¹ *Парфяне* — древний народ, населявший западную Азию, от Евфрата до Арахозии, и область от Каспийского моря до Красного. Отличались большой воинственностью и коварством; конница их обычно после бешеной атаки обращалась в притворное бегство, причем всадники метали через плечо в преследующего неприятеля смертоносные стрелы. Отсюда выражения: «парфянское бегство» (притворное), «парфянская стрела» (коварная, попадающая в цель).

ютантом на журавлиных ножках, в коричневом парике и зеленом камзоле, усеянном орденами, среди которых особенно ярко выделялись звезда и широкая желтая лента ордена св. Михаила Пумперникельского. Забили барабаны, гвардейцы взяли на караул, и старая карета отъехала от подъезда.

Затем появился светлейший герцог со светлейшим семейством, высшими чинами двора и домочадцами. Он невозмутимо раскланивался на все стороны. И среди салютов гвардейцев в предшестве одетых в красное скороходов с пылающими факелами светлейшие экипажи двинулись по направлению к старинному герцогскому замку, высившемуся со своими башнями и зубцами на Schlossberg¹. В Пумперникеле все знали друг друга. Едва появлялся какой-нибудь иностранец, как министр иностранных дел или какой-нибудь другой крупный или мелкий государственный чиновник являлся в гостиницу «Кронпринц» и узнавал фамилию приезжих.

Мы наблюдали за ними и вне стен театра. Первым ушел Тэпуорм, кутаясь в плащ, с которым его всегда ожидал великан егерь, и стараясь придать себе возможно большее сходство с Дон Жуаном. Затем втиснулась в портшез супруга премьер-министра, а ее дочь, прелестная Ида, облеклась в капор и суконные галоши; затем появились английские путешественники: мальчик, отчаянно зевая, майор, прилагая неимоверные усилия, чтобы удержать шаль на голове миссис Осборн, и мистер Седли, — величественный, в помятом шапокляке, надетом набекрень, и засунув руку под объемистый белый жилет. Мы сняли шляпы, приветствуя наших знакомцев по табльдоту, и дама в ответ пожаловала нас улыбочкой и книксеном, за что каждый должен был быть благодарным.

Экипаж от гостиницы, под наблюдением суетливого мистера Кирша, был уже подан для путешественников; но толстый господин заявил, что желает пройтись и выкурить дорогой сигару; так что остальные трое, кивнув и улыбнувшись нам, уехали без мистера Седли. Кирш, с сигарным ящиком, поплелся в кильватере своего хозяина.

Мы пошли все вместе и завели с толстым джентльменом беседу обо всех *agrément*s² города. Местечко и в самом деле было приятное для англичан. Здесь устраивались ружейные охоты и облавы; при гостеприимном дворе задавалось множество балов и всяких увеселений; общество, безусловно, хорошее, театр великолепный, жизнь дешевая.

— А наш посланник, по-видимому, прелестная и чрезвычайно приветливая личность, — сказал наш новый приятель. — При таком представителе и... и при хорошем враче, я думаю, что местечко это может оказаться весьма подходящим. Покойной ночи, джентльмены. — И Джоз, кряхтя, стал взбираться по лестнице в свой номер, сопровождаемый Киршем со светильником. А мы возымели надежду, что хорошенькую женщину убедят пробить некоторое время в нашем городке.

¹ Замковая гора (нем.).

² Приятностях (фр.).

ГЛАВА LXIII, в которой мы встречаем старинную знакомую

С толь любезное обращение не могло не возыметь самого благотворного действия на настроение мистера Седли, и на следующее же утро за завтраком он выразил свое мнение, что Пумпер-никель — приятнейшее из всех местечек, посещенных ими во время их поездки. И побуждения, и хитрости Джоза нетрудно было понять, и Доббин со свойственным ему лицемерием только ухмыльнулся в рукав, убедившись по многозначительному виду нашего чиновника и по развязности, с какою он толковал о замке Тэпуорма и о других членах семьи дипломата, что Джоз нарочно встал пораньше и провел утро за изучением «Книги пэров», сопровождавшей его и в путешествии. Да, он видел высокородного графа Бэгуига, отца теперешнего лорда; разумеется, видел, он встретился с ним на... на высочайшем выходе, — неужели Добб не помнит? И когда Тэпуорм, верный своему обещанию, явился с визитом, Джоз принял его с таким поклоном и с такими почестями, какие редко вы-

падали на долю незначительному дипломату. По прибытии его превосходительства Джоз кивнул Киршу, и этот тайный посланец, заранее получивший надлежащие указания, тотчас отправился наблюдать за сервировкой угощения, внесенного на подносах и состоявшего из холодных закусок, заливных и других деликатесов, которыми мистер Джоз настоятельнейшим образом стал потчевать своего благородного гостя.

Пока Тэпуорму предоставлялась возможность любоваться ясными глазами миссис Осборн (а свежесть ее лица нисколько не страдала от дневного света), он не прочь был воспользоваться любым приглашением продлить свое пребывание у мистера Седли. Он задал ему один или два ловких вопроса относительно Индии и тамошних танцовщиц; осведомился у Амелии о прелестном мальчике, бывшем с нею вчера вечером, и поздравил изумленную маленькую женщину с громадным эффектом, какой

ее появление произвело в театре; а затем попытался пленить и Доббина, заговорив о минувшей войне и о подвигах пумперникельского отряда, состоявшего под командой наследного принца, ныне владетельного герцога Пумперникельского.

Лорд Тэпуорм унаследовал немалую долю семейной любезности и обрелась в счастливой уверенности, что почти всякая женщина, которую он сам подарит ласковым взглядом, сейчас же в него влюбляется. Он расстался с Эмми, убежденный, что сразил ее своим умом и привлекательностью, и домой направился для того, чтобы написать ей хорошенькое письмецо. Амелия не была очарована; только поражена его хихиканьем, улыбочками, его надушенным батистовым носовым платком и лакированными ботинками на высоких каблуках. Она не поняла половины комплиментов, которыми он осыпал ее; мало сталкивавшаяся с людьми и не научившаяся разбираться в них, она до сих пор еще ни разу не встречалась с профессиональным дамским угодником, и милорд произвел на нее впечатление скорее какой-то диковинки, нежели приятного человека; но если он не возбудил в ней восторга, то, конечно, очень удивил ее. Джоз, наоборот, был в полном восхищении.

— Как изумительно приветлив его милость, — сказал он, — какая необычайная любезность со стороны его милости сказать мне, что он пришлет мне своего врача! Кирш, вы сейчас же отвезете наши визитные карточки к графу де Шлюссельбаку: майор и я с величайшим удовольствием засвидетельствуем наши почтительнейшие чувства при дворе в самом непродолжительном времени. Достаньте мой мундир, Кирш, — оба наши мундира. Долг вежливости повелевает каждому английскому джентльмену приносить дань уважения государям тех стран, которые он посещает, а равно и представителям своей родины в этих странах.

Когда прибыл доктор Тэпуорма, доктор фон Глаубер, лейб-медик его светлости герцога, он быстро убедил Джоза, что пумперникельские минеральные источники и специальный, практикуемый им, Глаубером, метод лечения, безусловно возвратят нашему бенгальцу юность и стройность.

— Прошлый год, — говорил он, — приехал здесь генераль Белькели, английский генераль, два раза такой толстый, как ви, сэр. Я послал его назад совсем тоненький через три месяц, и он танцевал с баронесса Глаубер через два месяц.

Джоз пришел к определенному решению: источники, доктор, двор и *charge d'affaires*¹ убедили его, и он решил провести осень в этом прелестном месте. И верный своему слову *charge d'affaires* на следующий же день представил Джоза и майора Виктору Аврелию XVII, причем на аудиенцию к этому государю их сопровождал гофмаршал граф де Шлюссельбак.

Их тут же пригласили ко двору на обед, а когда стало известно об их намерении поселиться временно в городе, все знатнейшие дамы немедленно нанесли визит миссис Осборн; а так как ни одна из них, как бы бедны они ни были, не занимала ранга ниже баронессы, то восторг Джоза не поддается описанию. Он написал в Клуб путешественников своему приятелю Четни, что заслуги их ведомств встречают высокую оценку в Германии, что он намерен научить своего друга, графа де Шлюссельбака, шпиговать кабана по индийскому способу и что высочайшие друзья его, герцог и герцогиня, — олицетворение доброты и любезности.

Эмми тоже была представлена ко двору, и так как при дворе траур в известные дни не допускается, то она появилась в розовом креповом платье, с бриллиантовой брошью

¹ Дипломатический агент (*фр.*).

у корсажа, подаренной ей братом, и в этом наряде была так мила, что герцог и двор чрезвычайно ею восхищались (нечего и говорить о майоре, который едва ли видел ее когда-нибудь в вечернем туалете и клялся, что на вид ей нельзя дать и двадцати пяти лет).

В этом же наряде Амелия на придворном балу прошла в полонезе с майором Доббином, и в том же нетрудном и спокойном танце мистер Джоз имел честь выступать об руку с графиней де Шлюссельбак, престарелой и горбатой дамой, насчитывающей, однако, добрых шестнадцать четвертушек¹ в дворянских гербах и состоявшей в родстве или в свойстве с половиною царствующих домов Германии.

Пумперникель расположен среди цветущей долины, по которой струится плодородная река Пумп, сливающаяся где-то с Рейном, — у меня нет под рукой карты, так что не могу точно сказать, где именно. Местами река настолько широка, что через нее ходит паром, местами — едва вертит мельничные колеса. В самом Пумперникеле светлейший прапрапрадед теперешнего герцога, великий и достославный Виктор Аврелий XIV, построил великолепный мост, на котором высится его статуя, окруженная водяными нимфами и эмблемами победы, мира и изобилия; ногою своею он попирает поверженного турка, — история гласит, будто он в бою пронзил копьем янычара при освобождении Вены Собесским²; но, невзирая на предсмертные муки поверженного магометанина, скорчившегося у его ног самым жутким образом, монарх безмятежно улыбается, указывая жезлом по направлению к Аурелиус-платцу, где начал воздвигать новый дворец, который был бы чудом века, если бы наряду с великими замыслами этот государь обладал капиталами для их осуществления. Но завершение Монплезира (почтенные немцы называют его Монплезиром) приостановилось из-за отсутствия наличных денег, а сад и парк в настоящее время находятся в запущенном состоянии и превышают потребности двора ныне царствующего герцога ровно в десять раз.

Сады по первоначальному плану должны были соперничать с Версальским; среди террас и рощиц и посейчас сохранились огромные аллегорические фонтаны, и по торжественным дням они бьют и пеняются с такою силою, что наводят страх извергаемым ими наводнением. Есть там пещера Трофония³, в которой благодаря какому-то хитроумному приспособлению свинцовые тритоны не только извергают воду, но еще издают ужасные звуки, несущиеся из свинцовых раковин; есть купальня нимф и Ниагарский водопад, заставляющий немцев от восхищения окрестных поселян, съезжающих на годичную ярмарку при открытии заседаний палаты или на празднества, которыми счастливый народец до сих пор ознаменовывает годовщины рождений и бракосочетаний своих державных повелителей.

Тогда из всех городков герцогства, занимающего площадь примерно в десять миль: из Болькума, лежащего на западной границе и бросающего вызов Пруссии, из Грогви-

¹ При вхождении в дворянский род лица новой фамилии, герб этой последней помещается на свободном поле гербового щита основного дворянского рода.

² Ян III Собесский (1629–1696) — король польский; за блестящую победу над турками под Хотинем (1674) провозглашен польскою шляхтою королем. Во время войны Австрии с Турцией, находясь в союзе с первой, двинул свои войска к осажденной Вене и разбил турок (2 сентября 1683 г.).

³ Зевс Трофоний — божество древних греков, отождествлялся с подземным Зевсом; храм его находился в Беотии, рядом с пещерой оракула, так как Трофоний имел силу открывать людям будущее. Впоследствии в одном из мифов Трофонию приписывалась постройка знаменитого храма в Дельфах.

И в том же нетрудном и спокойном танце мистер Джоз имел честь выступать об руку с графиней де Шлюсельбак, престарелой и горбатой дамой, насчитывающей, однако, добрых шестнадцать четвертушек в дворянских гербах

ца, где находится охотничий замок герцога и где его владения отделяются рекою Пумп от владений соседа, принца Потценталля; изо всех деревушек, что сверх названных трех больших городов рассеяны на пространстве этого счастливого герцогства; из ферм и мельниц, что тянутся вдоль Пумпа, — отовсюду стекаются толпы поселянок в красных юбках и бархатных головных уборах и поселян в треугольных шляпах и с трубками в зубах; они устремляются в резиденцию, чтобы принять участие в ярмарочных развлечениях и устраиваемых празднествах. В театре тогда даются бесплатные представления, в Монплезире пускают фонтаны (слава богу, что зрителей набирается много, потому что смотреть на них в одиночку страшно), приезжают фокусники и бродячие цирки (всем известно, как его светлость увлекся одной из наездниц, и ходит слух, будто *la petite vivandière*¹, как ее звали, оказалась французской шпионкой), и восхищенному народу разрешается проходить из комнаты в комнату по всему великогерцогскому дворцу и любоваться скользким паркетом, богатыми занавесями и плевательницами, расставленными у дверей во всех бесчисленных комнатах. В Монплезире есть один павильон, построенный Аврелием Виктором XV — он был великий государь, но слишком любил веселиться, — и, судя по рассказам, являющий чудо фривольного изящества. Роспись плафонов изображает похождения Вакха² и Ариадны³, а в столовой накрытый стол поднимается и опускается с помощью особого ворота, так что пирующие обходились без вмешательства прислуги. Но павильон этот был заперт вдовой Аврелия XV, Барбарой, строгой и набожной государыней из династии Болькумской, когда она сделалась правительницей герцогства за малолетством достославного своего сына и после того как смерть пресекла усыпанный наслаждениями путь ее супруга.

Пумперникельский театр хорошо известен и славится в этой части Германии. Он несколько захирел в молодые годы ныне правящего герцога, вследствие того что его светлость приказывал ставить там сочиненные им оперы; рассказывают даже, будто однажды, присутствуя на репетиции и сидя в оркестре, он разбил фagот о голову капельмейстера за то, что тот, дирижируя, слишком замедлил темп. В это же приблизительно время и герцогиня София писала семейные комедии, смотреть которые было, вероятно, очень скучно. Но теперь герцог исполняет свои музыкальные произведения исключительно в интимном кругу, а герцогиня делится своими комедиями только со знатными иностранцами, посещающими ее радушный маленький двор.

Жизнь Пумперникельского двора протекает среди немалой роскоши и комфорта. Когда устраиваются балы и к ужину набирается даже человек четыреста, на каждых четырех гостей полагается один лакей в ярко-алой ливрее и галунах, а кушанья всем подаются на серебре. Развлечения и празднества следуют непрерывно одни за

¹ Маленькая маркитантка (*фр.*).

² *Вакх* (*Бахус, Дионис*) — в древнегреческой мифологии младший из олимпийцев, бог растительности, виноградарства, виноделия, производительных сил природы, вдохновения и религиозного экстаза.

³ *Ариадна* — в древнегреческой мифологии прекрасная царевна, дочь критского царя Миноса и Пасифаи. Когда Тесей решил убить Минотавра (единоутробного брата Ариадны), которому афиняне по требованию отца Ариадны посылали ежегодно позорную дань из семи юношей и семи девушек и таким образом избавляли отечество от чудовища, он получил от любившей его Ариадны клубок ниток, выведший его из лабиринта, где обитал Минотавр (применять нить научил ее Дедал); отсюда пошло выражение «нить Ариадны» — способ выйти из затруднительного положения, ключ к решению трудной проблемы.

другими. Герцог имеет штат камергеров и шталмейстеров, а герцогиня — гардеробмейстерину и фрейлин, точь-в-точь как и другие более могущественные государи.

Образ правления представляет или представлял собою незлостный деспотизм, умеряемый палатою, выборы в которую либо производятся, либо нет. Я, разумеется, за все время своего пребывания в Пумперникеле ни разу не слышал о происходящих заседаниях палаты. Премьер-министр занимал квартиру во втором этаже; а министр иностранных дел жил в уютной квартирке над кондитерскою Цвибака. Армия состояла из великолепного оркестра, выступавшего также и на сцене, где очень приятно было видеть этих бравых молодцов нарумяненными и марширующими в турецких костюмах, с деревянными ятаганами или в виде римских воинов с тромбонами и офиклеидами¹, — приятно было, говорю я, увидеть их вновь вечером, после того как все утро слушал их на Аурелиус-Платце, где они играли напротив того кафе, в котором мы завтракали. Кроме оркестра, пышный и многочисленный штаб офицеров и, вероятно, некоторое число солдат. Помимо регулярных часовых, трое или четверо рядовых в гусарской форме несли караул у дворца, но я никогда не видел их верхом на коне, да и в самом деле: к чему там быть кавалерии в пору полнейшего мира и где, к черту, стали бы скакать там гусары?

Все, — под всеми я разумею, понятно, лиц дворянского происхождения, ибо нельзя же от нас требовать, чтобы мы обращали внимание еще и на буржуазию и мещан, — итак, все ходили друг к другу в гости. Ее превосходительство мадам фон Вурст принимала раз в неделю, ее превосходительство мадам де Шнуррбарт имела специальный, назначенный для приемов вечер, представления в театре давались дважды в неделю, двор милостиво принимал еженедельно. Так что жизнь человека могла действительно представлять непрерывный ряд развлечений в непритязательном пумперникельском вкусе.

Нельзя отрицать, что и здесь бывали ссоры и распри, политика в Пумперникеле играла очень большую роль, и политические партии вели ожесточенную борьбу между собою. Существовала фракция Штрумпф и партия Ледерлунг: первую поддерживал наш посланник, а вторую — французский *chargé d'affaires* мосье до Макабо. В сущности, достаточно было нашему посланнику высказаться за мадам Штрумпф — а она действительно пела гораздо лучше своей соперницы мадам Ледерлунг и брала на целых три ноты больше ее, — достаточно было, повторяю, нашему посланнику высказать какое бы то ни было мнение, чтобы оно немедленно встретило отпор со стороны французского дипломата.

Все в городе примыкали к одной или другой из этих партий. Ледерлунг была, несомненно, прехорошенькое созданище и голосок (то, что от него осталось) имела очень нежный, а Штрумпф, конечно, была уже не первой молодости и красоты, и притом чересчур толста; когда, например, в последней сцене из «Сомнамбулы»² она выходила в ночной сорочке и с ночником в руках и должна была, спустившись из окна, перебираться по дощечке через мельничный ручей, то она едва-едва протискивалась в окошко, а доска гнулась и зловеще скрипела под ее тяжестью. Но зато как она исполняла финал этой оперы! С какой страстью бросалась в объятия Эльвино, — на-

¹ *Офikleид* — медный духовой инструмент с клапанами; называется также буюгельгорн.

² «*Сомнамбула, или Прибытие нового хозяина*» — опера итальянского композитора Винченцо Беллини.

верно у него совсем захватывало дух! Тогда как маленькая Ледерлунг, — но довольно этих сплетен... словом, факт тот, что две эти женщины служили знаменами французской и английской партий в Пумперникеле, и общество разделялось сообразно приверженности к той или другой из этих двух великих держав.

Мы на своей стороне имели министра внутренних дел, обер-штаалмейстера, личного секретаря герцога и воспитателя наследного принца; к французской же партии примыкали: министр иностранных дел, супруга главнокомандующего, служившего под знаменами Наполеона, гофмаршал и его супруга, очень довольная тем, что могла получать модные новинки из Парижа, так как эти новинки, а также и шляпки доставлялись ей через курьера мосье де Макабо. Секретарем его канцелярии состоял маленький Гриньяк, молодой человек, язвительный, как сатана, и рисовавший карикатуры на Тэпуорма во всех альбомах в городке.

Штаб-квартира и табльдот французов располагались в *Pariser Hof*¹ — второй гостинице города; и хотя в общественных местах эти господа, разумеется, обязаны были держать себя вежливо, тем не менее они резали друг друга эпитаграммами, острыми как бритва, подобно двум, виденным мною в Девоншире борцам, лупившим друг друга по ногам и ни одним движением лицевых мускулов не выдававшим своих страданий. Ни Тэпуорм, ни Макабо не посылали ни единой депеши своим правительствам без того, чтобы не обрушиться рядом жестоких нападок на соперника. С нашей стороны, например, писалось: «Интересы Великобритании в этой местности, а равно и во всей Германии, подвергаются серьезной опасности в случае дальнейшего пребывания на посту теперешнего французского посланника; этот человек отличается столь бесстыдным характером, что не остановится ни перед какой ложью, не задумается ни перед каким преступлением, лишь бы достигнуть своих целей. Он восстанавливает придворные сферы против английского посланника, представляет образ действий Великобритании в самом ужасном и отвратительном освещении и, к несчастью, встречает поддержку со стороны министра, невежество и материальная необеспеченность которого столь же общеизвестны, как и пагубность его влияния». Французы, в свою очередь, писали: «Мосье де Тэпуорм по-прежнему продолжает применять свою систему нелепого островного высокомерия и пошлой клеветы по отношению к величайшей в мире нации. По слухам, вчера он легкомысленно отзывался о ее королевском высочестве герцогине Беррийской²; раньше поносил известного своей доблестью герцога Ангулемского³ и осмелился намекнуть, будто его королевское высочество герцог Орлеанский замышляет заговор против августейшего трона державных лилий. Там, где его нелепые угрозы бессильны навести трепет, он пускает в ход золото. Обоими этими способами он склонил на свою сторону крестур здешнего двора, — и в результате, Пумперникель не будет спокоен,

¹ Парижская гостиница (нем.).

² Мария Каролина Неаполитанская (Бурбон-Сицилийская), герцогиня Беррийская (1798–1870) — дочь Франциска I, короля Обеих Сицилий (единственный ребёнок от первого брака с Марией Клементиной Австрийской); жена французского принца Шарля-Фердинанда, герцога Беррийского.

³ Людовик (Луи-Антуан), герцог Ангулемский (1775–1844) — представитель старшей линии французских Бурбонов, в 1830 г. несколько минут номинально «царствовал» как «Людовик XIX», а с 1836 г. и до конца жизни был главой французского королевского дома (партии легитимистов в изгнании). Адмирал Франции, последний дофин Франции.

Германия не умиротворится, Франция не будет пользоваться уважением, а Европа не почувствует удовлетворения до тех пор, пока эта ядовитая гадина не будет раздавлена под пятою», и т. д. Когда какая-нибудь из сторон сочиняла особенно пряную депешу, сведения о ней непременно становились достоянием другой.

Припоминаем, что почти в начале зимы Эмми назначила у себя вечерние приемы и принимала гостей с большим тактом и скромностью. Она обзавелась учителем французского языка, который всем расхваливал чистоту ее произношения и блестящие успехи; дело в том, что она училась этому языку в ранней молодости, а потом основательно усвоила грамматику, чтобы преподавать ее Джорджи; а мадам Штрумпф давала ей уроки пения, причем пела Амелия так хорошо, и совсем не фальшивя, что майор, живший напротив, этажом ниже премьер-министра, всегда раскрывал окна и с наслаждением слушал урок. Несколько немецких дам — они вообще очень сентиментальны, и вкусы у них простые — влюбились в Амелию и начали говорить ей сразу «*du*»¹. Все это — банальные подробности, но они хорошо рисуют то счастливое время. Майор между тем взял на себя обязанности воспитателя Джорджи, читал с ним Цезаря, занимался математикой, они тоже пригласили учителя немецкого языка и по вечерам катались верхом, сопровождая коляску Эмми. Она все так же робела и испуганно вскрикивала при малейшем недоразумении во время верховой езды. Поэтому она выезжала с какой-нибудь из своих милых приятельниц-немок, а Джоз дремал на передней скамеечке.

Джоз начал сильно увлекаться графиней Фанни де Буттерброд, весьма милой, сердечной и непритязательной молодой особой; по общественному положению она была канониссой² и графиней, но по части состояния едва ли имела десять фунтов годового дохода. Фанни, с своей стороны, заявляла, что быть сестрой Амелии — величайшее благо, какое небо может даровать ей, и Джоз, вероятно, и присоединил бы графские герб и корону к своему гербу на дверцах кареты и на вилках, если бы... если бы не произошли некоторые события и не состоялись пышные празднества по случаю бракосочетания наследного принца Пумперникельского с прелестною принцессою Алисию Гумбург-Шлиппеншлопенскую.

Празднества эти сопровождались таким великолепием, какого в скромном германском городке не видывали со времен расточительного Виктора XIV. Все соседние принцы, принцессы и вельможи были приглашены на торжество. Цены в Пумперникеле возросли до полукроны³ за постель за ночь, армия извелась, поставляя почетные караулы для разных высочеств, светлостей и превосходительств, наехавших со всех концов. Принцессу обвенчали в резиденции ее отца с уполномоченным, графом де Шлюссельбаком, представлявшим высокую особу жениха. Табакерок было роздано великое множество (мы узнали об этом от придворного ювелира, продавшего эти табакерки, а потом скупившего их обратно от удостоенных дара), и целые меры орденов св. Михаила Пумперникельского были посланы для раздачи дворянству при дворе невесты, а к нам привезли несколько корзин лент и орденских знаков Колеса св. Екатерины Шлиппеншлопенской. Французский посланник был пожалован обоими орденами.

¹ Ты (*нем.*).

² Канонисса — монахиня римско-католической церкви.

³ Полукрона — английская серебряная монета.

— Он увешан лентами, словно премированная ломовая лошадь, — сказал Тэпуорм, которому правила службы запрещали принимать какие-либо ордена. — Пусть себе утешается лентами; но вопрос: за кем осталась победа?

Действительно, происходившее бракосочетание было торжеством британской дипломатии: французская партия предлагала и всячески старалась устроить брак наследного принца с принцессой из дома Потцтаузенд-Доннерветтер, против чего мы, само собой разумеется, энергично восстали.

На свадебные торжества пригласили всех. Для встречи невесты через улицы и дороги были перекинуты гирлянды и триумфальные арки. Большой фонтан св. Михаила бил необыкновенно кислым вином, а фонтан на Артиллерийской площади пенился пивом. В парке были пущены все фонтаны, там же и в садах воздвигли мачты для счастливых поселян, которым предоставлялось сколько угодно карабкаться на них и снимать с вершины призы: часы, серебряные вилки, подвешенные на розовых ленточках колбасы и т. п. Джорджи тоже раздобыл себе колбасу, сорвав ее с вершины столба, куда мгновенно взлетел, к восторгу зрителей, и сейчас же соскользнул обратно с быстротой падающей воды. Но он проделал это просто славы ради. Колбасу мальчуган отдал крестьянину, который и сам чуть-чуть не схватил ее, а сейчас стоял у подножия мачты, опечаленный своей неудачей.

Во время иллюминации на здании французского посольства оказалось на целых шесть шкаликов больше, чем у нас; зато наш транспарант, изображавший шествие молодой четы с убегающим прочь Раздором, — причем Раздор до смешного напоминал французского посланника, — совершенно убил транспарант французов; и я не сомневаюсь, что именно этот транспарант и стяжал Тэпуорму полученные им сначала повышение по службе, а затем и орден Бани.

Толпы иностранцев — и, разумеется, англичан — съехались на празднества. Помимо придворных балов, устроены были общественные балы в городской ратуше и в редуте, а в ратуше, кроме того, отвели зал для игры в рулетку и в *trente-et-quarante*, но только на неделю празднеств; самое же устройство этих игр было поручено одной из крупных германских компаний из Эмса или Ахена. Офицерам и жителям городка игры эти были воспрещены, но к игре допускались иностранцы, крестьяне, дамы и вообще все желавшие выиграть или проиграть.

В числе других и маленький повеса Джордж Осборн, у которого карманы всегда были набиты долларами, забрался на бал в ратушу, благо родственники его отправились на парадное торжество ко двору. Сопровождал его дядюшкин курьер, мистер Киш, а так как Джордж только одним глазком заглянул в игорный зал в Баден-Бадене, проходя мимо об руку с Доббином, и там, конечно, мальчику играть не позволили, то теперь он с особенным интересом относился именно к этому развлечению и все время вертелся около столов, где усердствовали крупные и понтеры. В игре принимали участие и женщины; некоторые были в масках, — в неделю общего разгула допускалась и эта вольность.

Женщина со светлыми волосами, в низко вырезанном платье, значительно утратившем первоначальную свежесть, в черной маске, в прорезях которой загадочно сверкали ее глаза, сидела за одним из рулеточных столов; перед нею лежала карта, булавка и два флорина¹. Когда крупные выкликал цвета и номера, она аккуратно и с боль-

¹ *Флорин* (итал. *fiorino*) — название золотых монет, которые впервые начали чеканить во

шим вниманием накалывала на карте отметки и ставила свои деньги на цвета только после того, как черный или красный выходил несколько раз подряд. Она производила странное впечатление.

Но, несмотря на внимание и настойчивость, она угадывала плохо, и последние два флорина один за другим загребла лопаточка крупье после того, как он беспощадным голосом выкликнул выигравшие номер и цвет. Незнакомка вздохнула, передернула плечами, и без того почти совсем вылезавшими из платья, и, приколов карту булавкой к столу, несколько минут сидела, барабанив по ней пальцами. Потом она оглянулась и увидела славную рожицу Джорджи, глазевшего на эту сцену. Маленький негодай! Зачем он здесь?

Увидев мальчика и пристально взглядевшись в него сиявшими сквозь маску глазами, она спросила:

— Monsieur n'est pas joueur?¹

— Non, madame², — ответил мальчик. Но, вероятно, по выговору его она догадалась, какой он национальности, потому что дальше заговорила с ним уже по-английски с легким иностранным акцентом.

— Вы еще никогда не играли, — не сделаете ли вы мне маленького одолжения?

— Что именно? — спросил Джордж, покраснев. Мистер Кирш тем временем уже пристроился к игре в rouge et noir³ и не обращал внимания на молодого барина.

— Поставьте это за меня, пожалуйста, на какой-нибудь номер, все равно на какой. — Она вынула из-за корсажа кошелек, достала из него золотую монету — единственную, какая там была, — и вложила ее в руку Джорджа. Мальчик засмеялся и сделал то, что она просила.

Разумеется, вышел именно этот номер. Говорят, есть какая-то сила, которая так устраивает для новичков.

— Благодарю вас, — сказала незнакомка, придвигая к себе деньги. — Благодарю вас. Как вас зовут?

— Моя фамилия Осборн, — ответил Джорджи и стал уже ощупывать в кармане доллары, собираясь попытаться счастья, как вдруг появились майор в мундире и Джоз в костюме маркиза, вернувшиеся с придворного бала. Другие уехали из дворца еще раньше, найдя бал скучным, и предпочли развлекаться в ратуше; но возможно, что майор и Джоз засхали домой и, не найдя мальчика, отправились его разыскивать, потому что майор сейчас же подошел к нему и, взяв за плечо, быстро и решительно оттащил от места искушения. Потом, оглянув зал, он увидел Кирша, занятого указанным нами делом, подошел к нему и спросил, как он смел привести мистера Джорджа в такое место.

— Laissez-moi tranquille, — ответил мистер Кирш, сильно возбужденный игрой и вином. — Il faut s'amuser, parbleu! Je ne suis pas au service de monsieur⁴.

Заметив его состояние, майор не стал вступать с ним в пререкания, а решил сам увести Джорджа, предварительно осведомившись у Джоза, не пойдет ли он с ними.

Флоренции в 1252 г. (отсюда и название монеты) и позже стали выпускать в других странах.

¹ Мосье не игрок? (*фр.*).

² Нет, сударыня (*фр.*).

³ Руж е нуар (буквально: «красное и черное») — азартная карточная игра, особенно распространенная, наравне с рулеткой, в публичных игорных домах.

⁴ Оставьте меня в покое. Надо же повеселиться, черт возьми! Я не у вас служу.

Джоз стоял возле дамы в маске, которая играла теперь очень счастливо, и с большим интересом следил за игрой.

— Не лучше ли и вам пойти домой со мной и Джорджем, Джоз? — сказал майор.

— Я еще побуду и вернусь с этой канальей Киршем, — ответил Джоз. И из той же деликатности, какую он считал необходимым соблюдать перед мальчиком, Доббин не стал уговаривать Джоза и, расставшись с ним, пошел домой с Джорджи.

— Ты играл? — спросил майор, когда они вышли из ратуши и находились на пути к дому.

Мальчик ответил:

— Нет.

— Дай мне честное слово джентльмена, что никогда не будешь играть.

— Почему? — спросил мальчик. — Мне кажется, это очень весело.

С большим красноречием и убедительностью майор стал объяснить ему, почему этого не следует делать, и с удовольствием подкрепил бы свои доводы примером родного отца Джорджи, если бы не боялся набросить малейшую тень на память умершего. Водворив мальчика домой, он лег спать и видел, как вскоре погас огонь в маленькой комнатке, смежной с комнатой Амелии. Через полчаса погас свет и в комнате Амелии. Право, не знаю, что побуждало майора отмечать это с такою тщательностью.

А Джоз тем временем застрял у игорного стола. Он не был игроком, но изредка находил удовольствие в маленьком возбуждении, вызываемом этим развлечением, а в расшитых карманах его придворного жилета побрякивало несколько наполеондоров¹. Перегнувшись через плечо игравшей впереди него дамы, он поставил один золотой; и Джоз и дама выиграли. Незнакомка слегка подвинулась, освобождая ему место возле себя, и подобрала край платья со стоявшего рядом свободного стула.

— Садитесь и принесите мне счастье, — проговорила она все с тем же иностранным акцентом, резко отличавшимся от откровенного и чисто английского восклицания, которым она приветствовала выигранную для нее Джорджем ставку. Грузный джентльмен оглянулся, чтоб убедиться, не наблюдает ли за ним кто-нибудь из высокопоставленных особ, и сел, пробормотав:

— А в самом деле... Ну, что же, господа спаси мою душу... Ведь мне действительно очень везет... Я уверен, что принесу вам счастье, — и еще какие-то любезности, чтобы скрыть свое смущение.

— А вы часто играете? — спросила замаскированная чужестранка.

— Ставлю кое-когда нап или два, — ответил Джоз, с величественным видом швырнув золотой.

— Да, вместо того чтобы вздремнуть после обеда², — язвительно бросила незнакомка. Но, поймав испуганный взгляд Джоза, продолжала с красивым французским акцентом: — Вы играете не для того, чтобы выиграть. И я тоже. Я играю для того, чтобы забыться, но не могу. Я не могу забыть давно минувшего прошлого, мосье. Ваш маленький племянник — портрет своего отца, а вы — вы нисколько не из-

¹ *Нап* — сокр. от *наполеондор* (фр. *Napoléon d'or*, буквально; «золотой Наполеон») — денежная единица во Франции эпохи Наполеона, французская золотая монета 900-й пробы в 20 франков.

² Непереводимая игра слов: *Нап* — наполеондор, *пар* — легкий сон, дремота.

менились, хотя нет, конечно, изменились! Все изменяются, все позабывают, ни у кого нет сердца.

— Боже мой, кто это? — испуганно воскликнул Джоз.

— Вы не догадываетесь, Джозеф Седли? — спросила маленькая женщина печальным голосом и, сняв маску, взглянула на него. — Вы совсем забыли меня?

— Боже милостивый! Миссис Кроули! — прошептал Джоз.

— Ребекка, — поправила она, беря его за руку; но и глядя на него, она все время продолжала следить за игрой.

— Я остановилась в «Слоне», — продолжала она. — Спросите мадам де Родон. Я видела сегодня мою милую Амелию, какая она хорошенькая, и кажется такой счастливой. И вы тоже. Все счастливы, кроме меня, Джозеф Седли, я одна несчастна. — И она передвинула свои деньги с красного на черное как бы случайным движением руки и в то же время провела по глазам платочком, обшитым рваными кружевами.

Опять выкликнули красное, и она проиграла всю ставку.

— Пойдемте, — сказала она. — Пройдемся немного вместе, — ведь мы старинные друзья, не правда ли, дорогой мистер Седли?

И мистер Киш, к этому времени проигравший все свои деньги, также двинулся вслед за барином на залитую лунным сиянием улицу, где догорали огни иллюминации и едва виднелся транспарант, водруженный над нашим посольством.

ГЛАВА LXIV, повествующая о скитаниях

ам приходится коснуться некоторой части биографии миссис Ребекки Кроули лишь бегло и с деликатностью, какой требует свет — тот нравственный свет, который, может быть, и не особенно возражает против порока, но преисполняется непреодолимым отвращением, когда порок называют надлежащим именем. Мы знаем разные вещи на ярмарке тщеславия и сами их проделываем, но никогда о них не говорим, подобно тому как поклонники Аримана¹ считают дьявола божеством, но никогда его не поминают; а приличные люди так же не пожелают читать правдивого описания порока, как истинно утонченная англичанка или американка не допустят, чтобы слово «штаны» коснулось их целомудренного слуха. И все-таки, сударыни, и тот и другие прогуливаются по свету, ежедневно мелькая перед вашими личиками, и не слишком нас шокируют. Если бы вы стали краснеть всякий раз, как они прохо-

дят мимо вас, что стало бы с цветом вашего личика! Только когда гнусные их наименования произносятся вслух, вашей скромности представляется случай проявить тревогу или чувство оскорбления, а потому автор настоящей повести и возымел желание почтительно подчиниться господствующей ныне моде и на всем протяжении своего повествования только слегка, приятным и безобидным образом намекал на существование порочности, дабы не задеть ничьих тонких чувств. Пусть кто-нибудь осмелится сказать, что наша Бекки, несомненно, обладающая некоторыми пороками, представлена нами публике не в самом скромном и безобидном виде. описы-

¹ *Ариман* — в религии Зороастра (у древних жителей Ирана, индийцев, бактрийцев, а затем персов) олицетворение зла, противопоставлявшееся доброму началу, олицетворяемому Ормуздом.

вая эту сирену поюще и улыбающеюся, лстящею и ластящеюся, автор со скромной гордостью позволяет себе спросить всех своих читателей: забыл ли он хоть раз о законах приличия и высунул ли отвратительный хвост чудовища из воды? Нет! Желющие могут, конечно, заглянуть в волны, довольно прозрачные, и увидеть, как этот хвост там виляет и извивается, дьявольски омерзительный и скользкий, как он бьет по костям и обвивается вокруг трупов; но на поверхности, над ватерлинией, спрашиваю вас, разве не было все чисто, приятно и пристойно, и даже самый щепетильный имморалист на ярмарке тщеславия разве имеет право кричать «фи»? Впрочем, когда сирена исчезает и ныряет в глубь, к мертвецам, вода над нею, конечно, мутнеет, и с каким бы любопытством в нее ни вглядываться, это напрасный труд. Сирены очень милы, когда сидят на скале, извлекая пронзительные звуки из своих арф, расчесывают волосы, поют и манят вас приблизиться и поддержать им зеркало. Но как только они опускаются в родную свою стихию, поверьте, эти морские девы не занимаются ничем путным, и нам лучше не засматриваться на этих жестоких морских людоедов, пирующих и ликующих над несчастными просоленными своими жертвами. И точно так же, когда Бекки не на виду, можете быть уверены, что она занимается не особенно почетными делами, а потому чем меньше о них будет сказано, тем лучше.

Если бы мы вздумали дать полный отчет о деяниях, совершенных ею на протяжении двух лет, последовавших за катастрофой на Керзон-стрит, то, пожалуй, явились бы основания называть эту книгу безнравственной. Поступки людей очень суетных, ищущих наслаждения и бессердечных весьма часто бывают нечисты (как и многие ваши, о друг мой, обладающий серьезным лицом и незапятнанной репутацией; но это так, между прочим); а каковы поступки женщины, лишенной веры, любви, характера? И я склонен думать, что в жизни миссис Бекки был период, когда она была охвачена не раскаянием, а своего рода отчаянием, и совершенно пренебрегала своей личностью и даже не заботилась о своей репутации.

Эти *abattement*¹ и упадок овладели ею не сразу: она поддалась им постепенно, после постигшего ее бедствия и после долгих стараний удержаться наверху, подобно тому как упавший за борт человек цепляется за обломок доски, пока остается хоть тень надежды, а потом отшвыривает его и опускается на дно, убедившись в бесполезности борьбы.

Пока муж ее готовился к отъезду на свой правительственный пост, она томила в окрестностях Лондона; говорят, будто она не раз пыталась свидеться со своим деверем, сэром Питтом Кроули, и воздействовать на его чувства, которые ей отчасти удалось склонить в свою пользу. Однажды, когда сэр Питт и мистер Уэнгэм направлялись в палату общин, последний усмотрел миссис Раудон в черной вуали, прятавшуюся неподалеку от дворца законодательной власти. Она скользнула в сторону, встретившись глазами с мистером Уэнгэмом, и ей так и не удалось осуществить своих планов, связанных с баронетом.

Возможно, что этому помешала леди Джейн. Я слышал, что она крайне изумила своего супруга проявленной ею в этой ссоре отвагой и твердостью, с какой она отрезалась от миссис Бекки. По собственному побуждению она пригласила Раудона переехать к ним на Гаунт-стрит и прожить там до отъезда на остров Ковентри в уверенности, что при таком телохранителе миссис Бекки не станет пытаться проникнуть к

¹ Уныние (фр.).

ней в дом; она с любопытством просматривала адреса на письмах, получаемых сэром Питтом, желая выведать, не переписывается ли он с невесткой. Это не помешало бы Ребекке писать сэру Питту, если бы она захотела: но она и не пыталась ни писать, ни свидеться с Питтом у него дома, и после одной-двух неудачных попыток согласилась на его просьбу, чтобы переписка, касающаяся ее недоразумений с мужем, велась исключительно через поверенных.

Дело в том, что сэра Питта восстановили против невестки. Вскоре после происшествия с лордом Стэйном Уэнгэм виделся с баронетом и преподнес ему такую биографию миссис Бекки, что поверг представителя в парламенте от Куинс Кроули в полное изумление. Уэнгэм знал все, касающееся Бекки: кто был ее отец, в каком году ее мать танцевала в опере, историю ее ранних лет, ее поведение со времени замужества. Так как я не сомневаюсь, что большая часть его рассказов была вымышлена и подсказана далеко не бескорыстным зложелательством, то не стану их здесь повторять. Но во мнении почтенного землевладельца и родственника, когда-то скорее пристрастного к Бекки, репутация ее очень и очень сильно пострадала.

Доходы губернатора острова Конвентри невелики. Часть их его превосходительство предназначил для погашения неотложных долгов и обязательств; значительных расходов требовало также представительство, связанное с его высоким положением; в конце концов, выяснилось, что Раудон может уделять жене не более трехсот фунтов в год, и эту сумму он предложил ей выплачивать при условии, что она никогда больше не будет его беспокоить. В противном случае последует скандал, развод, обращение в суд. Но в интересах и мистера Уэнгэма, и лорда Стэйна, и Раудона, и решительно всех было выжить ее из страны и замять в высшей степени неприятное дело.

Вероятно, Бекки была настолько поглощена деловыми переговорами с поверенными мужа, что забыла предпринять какие-либо шаги относительно сына и даже не выразила намерения съездить повидаться с ним. Юный джентльмен этот окончательно перешел на попечение дяди и тетки, а последняя всегда пользовалась большой любовью мальчика. Покинув Англию, мать написала ему ласковое письмо из Булони, прося его хорошенько учиться и сообщая, что собирается совершить путешествие по континенту и с дороги с удовольствием напишет ему еще. Но так и не написала в течение целого года, не писала бы и дольше, если бы единственный сын сэра Питта, всегда очень болезненный, не умер от коклюша и кори; тогда мамаша Раудона написала преласковое послание своему возлюбленному сыночку, — благодаря вышеупомянутой случайности он сделался наследником Куинс Кроули и еще теснее, чем раньше, сблизился с доброй теткой, нежное сердце которой давно его усыновило. Раудон Кроули, рослый, красивый мальчик, вспыхнул, получив это письмо. «О, тетя Джейн, вы — моя мама, — промолвил он, — а не... не она». Однако ответил миссис Ребекке ласковым и почтительным письмом, — она в это время проживала во Флоренции, в меблированных комнатах. Впрочем, мы несколько забежали вперед.

В первый раз наша милочка скрылась не очень далеко. Она приютилась на французском берегу, в Булони — этом убежище столь многих невинно гонимых англичан; и жила там довольно мило, по-вдовьи, с собственной *femme de chambre*, занимая две комнаты в гостинице. Обедала за табльдотом, где сотрапезники находили ее очень приятной, а она развлекала соседей рассказами о своем брате, сэре Питте, и о своих знатных лондонских знакомых, вообще болтала приятный светский вздор, часто производящий неотразимое впечатление на людей невысокого происхождения и

воспитания. Многие из них считали ее за важную особу; она устраивала у себя в комнате маленькие вечеринки с чаем и принимала участие в скромных местных развлечениях: морских купаниях, прогулках в открытых экипажах, блуждании по пляжу и посещениях театра. Миссис Берджойс, жена типографа, поселившаяся на лето со всей семьей в одной гостинице с Бекки, — сам Берджойс приезжал только на субботы и воскресенья, — называла ее очаровательной, пока негодяй Берджойс не вздумал уже чересчур ухаживать за Бекки. Но во всей этой истории ровно ничего не было, просто Бекки держала себя, как всегда, приветливо, непринужденно и добродушно, а с мужчинами в особенности.

В конце сезона жители Лондона, по обыкновению, стали разъезжаться за границу, и Бекки имела много случаев по обращению знатных своих лондонских знакомых заключить о том, какого мнения держится «свет» относительно ее поведения. Однажды, скромно прогуливаясь по Булонскому молу и любясь на скалы Альбиона, сиявшие вдали, за темной синевой моря, Бекки встретила леди Партлет и ее дочерями. Движением зонтика леди Партлет собрала вокруг себя всех своих девиц и удалилась с мола, бросая свирепые взгляды на бедненькую Бекки, стоявшую в полном одиночестве.

В другой раз пришел пакетбот. Дул сильный ветер, а склонной к юмору Бекки всегда доставляло удовольствие смотреть на забавные измученные лица пассажиров, вылезавших из кают. В числе прибывших в этот день находилась леди Слингстон. Ее милость чрезвычайно страдала, забившись в свою карету, и настолько ослабела, что едва могла перебраться по мосткам с парохода на мол. Но энергия и силы мгновенно вернулись к ней, едва она увидела Бекки, насмешливо улыбавшуюся из-под розовой шляпки: метнув на нее презрительный взгляд, от которого съежилось бы большинство женщин, леди Слингстон проследовала в таможенную без всякой посторонней помощи. Бекки только рассмеялась, но не думаю, чтобы ей это понравилось. Она чувствовала себя одинокою, совсем одинокою, и сиявшие вдали утесы Англии вставали перед нею как непреодолимая преграда.

В обращении мужчин тоже произошла какая-то странная перемена. Гринстон скалил зубы и хохотал ей прямо в лицо с очень неприятной фамильярностью. Маленький Боб Сэклинг, всего три месяца тому назад проявлявший чуть не раболепство и готовый пробежать целую милю под дождем, разыскивая ее карету в веренице других, столпившихся у Гаунт-Хауса, однажды разговаривал на набережной с гвардейцем Фитцуфом (сыном лорда Гигау) в то время, когда Бекки там гуляла. Маленький Бобби кивнул ей через плечо, не приподняв даже шляпы, и продолжал беседовать с наследником Гигау. Том Райке вздумал войти в ее приемную в гостинице с сигарой в зубах; она захлопнула за ним дверь и заперла бы ее, но он просунул между створками пальцы. Она начала сознавать, что и в самом деле очень одинока. «Если бы он был здесь, — говорила себе Бекки, — эти трусы никогда не посмели бы оскорблять меня». Она вспоминала о нем с большой печалью, пожалуй, даже с тоской, — о его честной, глупой и неизменной доброте и верности, о его беспресловенном повиновении, добродушии, отваге и смелости. Весьма вероятно, она даже всплакнула по этому поводу, потому что потом была очень оживлена и больше обычного нарумянена, когда спустилась к обеду.

Она теперь регулярно румянилась, и... и горничная покупала ей коньяк сверх того, что значился в счетах гостиницы.

Однако оскорбления со стороны мужчин ей было легче переносить, чем сочувствие некоторых дам. Направляясь в Швейцарию через Булонь, проезжали миссис Крэкенбери и миссис Вашингтон-Уайт (они путешествовали под охраной полковника Горнера, молодого Бомориса и, разумеется, старика Крэкенбери и маленькой дочери миссис Уайт). Эти дамы не подумали ее избегать. Наоборот, они хихикали, болтали, сплетничали, сочувствовали, утешали и покровительствовали Бекки так рьяно, что довели ее чуть не до бешенства. «Чтобы они покровительствовали мне!» — думала Бекки, когда они удалились с улыбками и расцеловав ее. А услышав, как Боморис громко хохотал на лестнице, она отлично поняла, как следует толковать эту веселость.

После этого-то визита Бекки, аккуратно оплачивавшая недельные счета в гостинице, Бекки, старавшаяся быть приятною всем в доме, улыбавшаяся хозяйке, называвшая лакеев «мосье» и платившая горничным учтивостями и извинениями, с лихвой вознаграждавшими их за некоторую скупость по части оплаты деньгами (от нее Бекки никогда не могла отделаться), — после этого-то визита, повторяем, Бекки получила от хозяина предложение покинуть гостиницу, так как кто-то ему сказал, что ему не подобает держать в своем отеле особу, с которой английские леди не пожелают сидеть за одним столом, и она принуждена была переселиться на частную квартиру, где скука и одиночество необычайно угнетали ее.

Но все-таки, несмотря на эти щелчки, Бекки еще крепилась, старалась выработать в себе характер и выйти победительницей из скандала. Она принялась аккуратно ходить в церковь и пела там громче всех. Хлопотала о судьбе вдов потонувших рыбаков, жертвовала рукоделия и рисунки в пользу миссионеров, работавших среди дикарей Квашибоо; жертвовала деньги на религиозные собрания и перестала вальсировать. Словом, делала все, что считалось достойным уважения, и потому мы останавливаемся на этой части ее карьеры с большим удовольствием, нежели на последующих частях ее истории, далеко не столь благополучных. Она видела, что люди избегают ее, и все-таки старательно им улыбалась; по ее наружности нельзя было и заподозрить, какие муки унижения она претерпевает в душе.

В конце концов, история ее была преисполнена таинственности. Мнения о ней разделялись. Одни, те, что давали себе труд разобраться в деле, говорили, что виновата она; другие же клялись, что она невинна, как агнец, и вся вина лежит на ее отвратительном муже. Многих она склонила на свою сторону, заливаясь слезами, когда рассказывала о своем сыне, и выказывая бурную скорбь при упоминании его имени или при встрече с ребенком, похожим на Рауди. Этим способом она завоевала сердце миссис Ольдерни, считавшейся царицей английской колонии в Булони и чаще всех других задававшей балы и обеды: когда мастер Ольдерни приехал из академии доктора Суиштэля провести каникулы с матерью, Бекки разрыдалась. «Он и ее Раудон одних лет и так похожи!» — проговорила Бекки прерывающимся от волнения голосом. На самом же деле между мальчиками было пять лет разницы, а сходства не больше чем между моим уважаемым читателем и его покорным слугой. Уэнгэм, едучи за границу в Киссинген, где должен был встретиться с лордом Стэйном, просветил на этот счет миссис Ольдерни, сказав, что скорее он мог бы описать наружность маленького Раудона, нежели его мамаша, заведомо для всех ненавидевшая сына и никогда его не замечавшая; он рассказал, что Раудону тринадцать лет, тогда как маленькому Ольдерни было всего девять, что он блондин, а этот милый малютка — брюнет, — словом, заставил названную леди раскаться в своем добродушии.

Каждый раз, как только Бекки с невероятным трудом и усилиями удавалось создать возле себя маленький кружок, являлся кто-нибудь и грубо сметал все прочь, и ей приходилось проделывать всю работу с самого начала. Это было тяжело, очень тяжело: она чувствовала себя одинокой и обескураженной.

Взять хотя бы миссис Ньюбрайт: некоторое время она посещала Бекки, прельстившись нежным ее пением в церкви и правильными ее взглядами на серьезные вопросы, относительно которых в давно минувшие дни в Куинс Кроули миссис Бекки почерпнула обстоятельные сведения. Ну, что же, Бекки не только брала назидательные брошюры, но и читала их. Шила фланелевые юбки для дикарей Квашибоо; бумажные ночные колпаки для индейцев, работавших на плантациях; рисовала ручные экранчики на благотворительные базары в пользу обращения папистов и евреев; по средам слушала проповеди миссис Роульс, по четвергам — мистера Гэйльтона, по воскресеньям присутствовала на двух церковных службах, не считая вечерней беседы у дарбиста¹ мистера Байлера, — и все напрасно! Миссис Ньюбрайт пришлось вступить в переписку с графиней Соусдаун по поводу Фонда грелок для жителей острова Фиджи (для осуществления этого изумительного благодеяния был образован дамский комитет, в который входили обе названные дамы), и, когда она упомянула о своей «милой приятельнице» миссис Радон Кроули, вдовствующая графиня написала ей такое письмо о Бекки, с такими подробностями, намеками, фактами, лживыми измышлениями и туманными предостережениями, что близость между миссис Ньюбрайт и миссис Кроули тотчас же прекратилась и весь кружок серьезных людей в Туре, где произошло это несчастье, немедленно порвал всякие сношения с отверженной. Кто знаком с английскими колониями на континенте, тот знает, что мы всюду возим за собой свою гордость, свои пилюли, предрассудки, соус «Харви»², кайенский перец и прочих наших домашних ларов³, создавая везде маленькую Британию, где бы мы ни поселились.

Бекки неохотно перекочевывала из одной колонии в другую. Из Булони в Диепп, из Диеппа в Каэн, из Каэна в Тур, всеми силами стараясь быть уважаемой, но — увы! — всюду ее рано или поздно изобличали и выгоняли прочь, как выгоняют галки случайно затесавшуюся между ними птичку.

В одном из этих уголков ее обласкала миссис Гук Игльс — женщина без малейшего пятна на репутации, владевшая домом в Портмен-сквере. Жила она в гостини-

¹ *Дарбисты* — религиозная секта, названная так по имени ее главного распространителя и литературного выразителя англичанина Джона Дарби (1801–1882), в противоположность приверженцам англиканской официальной церкви строго придерживающимся рутинных церковных правил, дарбисты считают, что каждый должен добиваться спасения путем личных усилий, не полагаясь ни на какую церковную организацию.

² *Соус «Харви»* — соус изготавливаемый из анчоусов, уксуса, соли и перца.

³ *Лары* — первоначально добрые духи земли, позднее — души предков и духи-покровители обитаемых людьми мест, затем — охранители семейств. Культ ларов был очень распространен во всей Италии. Семейных ларов было всегда два, они делались из камня или металлов, избражались молодыми с рогом в поднятой правой руке и с чашей в вытянутой вперед левой и хранились в особых ящичках. Ларов часто смешивают с пенатами, которые были духами-охранителями кладовой, т. е. материального благосостояния семьи, тогда как на обязанности ларов лежало заботиться о ее духовном согласии.

це в Диеппе, куда бежала Бекки, и они познакомились сначала на море, где вместе плавали, а потом встречались за табльдотом в гостинице. Миссис Игльс слышала — да и кто не слышал? — кое-что о скандальной истории с лордом Стэйном; но после разговора с Бекки она заявила всем, что миссис Кроули — ангел, ее муж — злодей, лорд Стэйн, известный своей беспринципностью, — негодяй, а вся история, поднятая против миссис Кроули, — гнусная и злобная интрига мошенника Уэнгэма. «Если бы вы обладали хоть сколько-нибудь душой, мистер Игльс, вы бы выдрали этого мерзавца за уши при первой же встрече в клубе», — сказала она мужу. Но Игльс был миролюбивый старый джентльмен, состоявший супругом миссис Игльс, питал склонность к геологии и не обладал достаточно высоким ростом, чтобы дотянуться до чьих-либо ушей.

Миссис Игльс начала покровительствовать миссис Раудон, пригласила ее поселиться с ними в их доме в Париже, поссорилась с женою нашего посла, не пожелавшей принимать ее протече, словом, делала все, что было в ее силах, чтобы удержать Бекки на стезе добродетели и создать ей хорошую репутацию.

Вначале Бекки вела себя чрезвычайно респектабельно и добропорядочно, но вскоре пресная добродетельная жизнь неимоверно ей прискучила. Все дни проходили по раз установленному порядку, в той же скуке и комфорте; те же выезды в неизменный надоевший Булонский лес, те же гости по вечерам, те же «Проповеди» Блэра по воскресеньям, те же оперы, слышанные бесконечное число раз. Бекки умирала от скуки, когда, на ее счастье, приехал из Кембриджа юный мистер Игльс, и мамаша, видя впечатление, произведенное на него ее новой приятельницей, немедленно вы проводила Бекки.

Бекки попробовала зажить своим домом с одною знакомой; но это двойное *ménage*¹ сразу начало ссориться и запуталось в долгах. После этого Бекки решила поселиться в пансионе, и некоторое время проживала в знаменитом заведении, содержанием на Rue Royale² в Париже мадам де Сент-Амур, и здесь начала изощрять свои чары и оболстительность над потрепанными франтами и увядшими красавицами, посещавшими салоны ее хозяйки. Бекки любила общество и не могла жить без него, как курильщик опиума не может жить без своего зелья, поэтому в период пребывания в пансионе она чувствовала себя даже довольно счастливой.

— Женщины здесь так же забавны, как и в Мейфэре, — говорила она при встрече одному старому лондонскому приятелю, — только платья у них не так свежи. Мужчины носят чищенные перчатки и, конечно, ужасные бездельники, но они не хуже Джека такого-то и Тома такого-то, хозяйка дома немножко вульгарна, но, по-моему, не вульгарнее леди... — И назвала фамилию такой прославленной представительницы высшего света, что я скорее умру, чем соглашусь повторить эту фамилию.

И в самом деле, если бы вы видели апартаменты мадам де Сент-Амур, освещенные для вечернего приема, когда они заполнялись мужчинами в орденах и лентах, заседавшими за экарте, и дамами, размещавшимися в некотором отдалении, — вы, пожалуй, подумали бы, что находитесь в порядочном обществе, и приняли бы мадам за настоящую графиню. Многие так и думали, и Бекки некоторое время слыла за одну из самых блестящих дам в салонах графини.

¹ Хозяйство (*фр.*).

² Королевская улица (*фр.*).

Но, вероятно, Бекки разыскивали там старые кредиторы, потерявшие ее след с 1815 года, и заставили ее покинуть Париж, ибо бедняжке пришлось довольно поспешно бежать из этого города, и она переселилась в Брюссель.

Как хорошо помнила она этот город! Она усмехнулась, увидев маленькие антресоли¹, которые когда-то занимала, и вспомнив семейство Бэракрсов, с криком требовавших лошадей, чтобы бежать, в то время как их карета стояла под воротами отеля. Она побывала в Ватерлоо и в Лакене, где ее сильно поразил памятник, воздвигнутый на месте смерти Джорджа Осборна. Она даже сделала с него маленький набросок.

— Бедный Купидон! — промолвила она. — Как ужасно он в меня влюбился и какой он был глупый! Интересно, жива ли маленькая Амелия? Она была добренькое созданище. И этот ее толстый брат... у меня до сих пор хранится где-то в бумагах забавный портрет этого толстяка. Они были простые и добрые люди.

В Брюссель Бекки прибыла с рекомендацией от мадам де Сент-Амур к ее приятельнице *madame la Comtesse de Borodino*², вдове наполеоновского генерала, знаменитого графа Бородинского, но скончавшийся герой не оставил ей никаких средств, кроме тех, какие могли дать содержание табльдота и игорных столов. Второсортные франты и *гоуэс*³ вдовы, ведущие нескончаемые судебные процессы, и простодушные англичане, воображающие, будто в этих домах соприкасаются с «избранным континентальным обществом», спускали свои деньги или обедали за столами мадам де Бородино. За табльдотом любезные молодые люди угощали всю компанию шампанским, катались с дамами верхом или разъезжали на нанятых лошадях по окрестностям, брали в складчину ложи на спектакли и в оперу, склонившись над красивыми плечами дам, «примазывались» к игравшим в экарте и отписывали домой родителям, в Девоншир, о том, как им посчастливилось сблизиться с иностранным обществом.

Здесь, как и в Париже, Бекки была царицей меблированных комнат и властвовала в первоклассных пансионах. Она никогда не отказывалась ни от шампанского, ни от букетов, ни от загородных прогулок, ни от приглашений в ложу; но всему этому предпочитала экарте по вечерам и играла очень смело. Сначала она играла только на мелочь, потом на пять франков, потом на наполеондор, потом стала ставить и крупные билеты. А потом она оказалась не в состоянии внести месячную плату за пансион, начала занимать деньги у молодых людей, потом опять у нее завелись деньги, и она помыкала мадам де Бородино, перед которой до этого унижалась и заискивала; потом играла всего на десять су и впала в отчаянную нищету, потом получила от мужа содержание на три месяца и расплатилась по счету с мадам де Бородино и снова принялась играть в карты с мосье де Россиньолем или с кавалером де Рафф.

С грустью приходится нам сознаться, что, покидая Брюссель, Бекки задолжала мадам де Бородино за три месяца за пансион; об этом факте, игре, выпивках, о том, как она ползала на коленях перед его преподобием мистером Мэффом, англиканским священником, и заняла у него денег, как любезничала и кокетничала с милордом Нудлем, сыном сэра Нудля, питомцем преподобного мистера Мэффа, как уводила его к

¹ *Антресоль* — дополнительный половинный низенький этаж, устраиваемый в высоких комнатах.

² Графине Бородинской (*фр.*).

³ Пройдохи (*фр.*).

себе в комнату и там обыгрывала на крупные суммы в экарте, — об этих фактах и о сотнях иных ее гнусностей графиня де Бородино сообщает каждому поселяющемуся в ее заведении англичанину и заявляет, что мадам Раудон — сушая *à vipère*¹.

И вот бедная наша скиталица раскидывала свою палатку в разных европейских городах, не зная покоя, как Улисс или Бэмфилд Мур Кэрю². Все больше и больше

развивалась в ней склонность к сомнительной жизни. В короткое время она превратилась в настоящую цыганку и стала якшаться с такими людьми, при встрече с которыми у вас волосы встали бы дыбом.

В Европе не найдется сколько-нибудь известного городка, не имеющего своей маленькой колонии подонков английского общества, — субъектов, фамилии которых судебный пристав мистер Гэмп периодически выкликает в зале суда; нередко это молодые люди из очень почтенных семейств, но только эти семейства не жела-

¹ Гадюка (*фр.*).

² Бэмфилд Мур Кэрю (1693–1759) — английский мошенник, бродяга и самозванец, который утверждал, что является королем нищих.

ют их признавать; посетители бильярдных и кабачков, завсегда таи скачек и игорных домов. Они населяют долговые тюрьмы, пьянствуют и фанфаронят, устраивают драки и горланят, уезжают тайком, не расплатившись, дерутся на дуэлях с французскими и германскими офицерами, плутуют, играя с мистером Опунни в экарте, разжившись деньгами, уезжают в роскошных фаэтонах в Баден, применяют свой безошибочный способ удваивания ставок и слоняются с пустыми карманами между столами — обтрепанные буяны, нищие хвататы, — пока не надуют какого-нибудь еврейского банкира, подсунув ему подложный вексель, или не нападут на другого мистера Опунни, которого можно ограбить. Очень любопытно наблюдать смену великолепия и нищеты, переживаемую этими людьми. Жизнь их должна быть богата сильными ощущениями. Бекки — надо ли в этом признаваться? — предалась этой жизни, и предалась не без удовольствия. Она переезжала из города в город, вращаясь все время среди этих цыган. Счастливая миссис Раудон была известна во всех игорных домах Германии. Она и мадам де Крюшкассэ вместе держали открытый дом во Флоренции. Говорят, будто ее выслали из Мюнхена, а мой друг мистер Фредерик Пиджон уверяет, что именно у нее в доме в Лозанне его опоили за ужином, и майор Лодер и высокородный мистер Дьюсис обыграли его на восемьсот фунтов стерлингов. Вы понимаете, мы обязаны сообщить кое-какие данные из биографии Бекки; но чем меньше распространяться об этой эпохе ее жизни, тем, пожалуй, лучше.

Говорят, что, когда миссис Кроули особенно не везло, она кое-где давала концерты и уроки музыки. Действительно, была какая-то мадам де Родон, давшая *matinée musicale*¹ в Вильдбаде, причем ей аккомпанировал герр Шпоф, придворный пианист валашского господаря; а мой маленький приятель мистер Ивс, знающий всех на свете и всюду побывавший, неоднократно мне заявлял, что в бытность его в 1830 году в Страсбурге некая *madame Rebecque*² выступала там в опере «*Dame Blanche*»³, что дало повод к ужасному скандалу в театре. Публика свистом прогнала ее со сцены, отчасти из-за собственной ее бездарности, но главным образом из-за неуместного сочувствия некоторых лиц, сидевших в партере (куда выдавались билеты офицерам местного гарнизона); и приятель мой Ивс совершенно убежден, что упомянутая несчастная *débutante*⁴ была не кто иная, как миссис Раудон Кроули.

В сущности, она просто скиталась теперь по миру, как бродяжка. Получив от мужа деньги, она принималась играть; проигравшись, — должна была прибегать ко всяким уловкам, чтобы как-нибудь просуществовать. Кто знает, как и какими путями ей это удавалось? Рассказывают, будто однажды она появилась даже в Санкт-Петербурге, но очень быстро была выслана из этой столицы полицией, и потому ходившие впоследствии слухи, что она была русской шпионкой в Вене и в Теплице, безусловно, недостоверны. Мне передавали, что в Париже она натолкнулась на родственницу, ни более ни менее как на бабушку с материнской стороны, но оказалась она вовсе не Монморанси, а отвратительной старой каргой, сторожихой при ложах в театрике на бульварах. Происшедшая встреча, при которой, судя по намекам, оказались по-

¹ Утренний концерт (фр.).

² Мадам Ребекка (фр.).

³ «Белая дама» (фр.) — комическая опера французского композитора Франсуа Адриена Буальдье.

⁴ Дебютантка (фр.).

сторонние свидетели, была, по-видимому, весьма трогательной. Но об этом событии автор настоящего повествования не может сообщить никаких достоверных подробностей.

В Риме случилось однажды, что полугодовое содержание миссис Раудон было переведено на имя главы самой крупной местной банкирской конторы, а так как всякий клиент, имевший на счету более пятисот скуди, получал приглашение на балы, задаваемые этим купеческим королем в течение зимнего сезона, то и Бекки удостоилась пригласительной карточки и появилась на одном из великолепных вечерних приемов у князя и княгини Полонья. Княгиня была из фамилии Помпили, по прямой линии происходившей от второго по счету римского царя и Эгерии из дома Олимпа; а дед князя, Алессандро Полонья, торговал круглым мылом для бритья, духами, табаком и носовыми платками, служил на побегушках у знатных особ и ссужал деньги по мелочам. Все высшее общество в Риме стекалось в салоны князя: принцы, герцоги, послы, артисты, скрипачи, монсеньоры, юные медведи со своими жожаками — люди всех рангов и положений. Залы сияли огнями и роскошью, блистали золочеными рамами (вмещавшими какие-то картины) и сомнительными антиками; а громадные фамильные гербы и короны сиятельного владельца — золотой гриб на багряном поле (цвета фуляровых платков, которыми когда-то торговал дедушка Полонья) и серебряный водоем фамилии Помпили — красовались на всех потолках, дверях, в простенках и над пышными бархатными балдахинами, предназначенными для приема пап и императоров.

Итак, Бекки, приехавшая из Флоренции в дилижансе и скромненько поселившаяся в гостинице, получила приглашение на бал к князю Полонья, горничная одела ее с редкой тщательностью, и она явилась на этот великолепный бал, опираясь на руку майора Лодера, с которым случайно путешествовала в это время (тем самым Лодером, который в следующем году застрелил в Неаполе князя Равиоли и был избит сэром Джоном Бекскином за то, что в шляпе его оказались четыре короля, сверх полагавшихся при игре в экарте). Наша парочка вместе прошла по залам, и Бекки увидела множество знакомых лиц, которые помнила в более счастливые времена, когда была не то чтобы невинна, но еще не изобличена. Майор Лодер тоже был знаком со многими иностранцами, предприимчивого вида господами в бакенбардах, с грязными полосатыми ленточками в петлицах и весьма слабыми признаками белья. Однако соотечественники избегали майора — это надо заметить. У Бекки нашлись кое-какие знакомые дамы: вдовы француженки, сомнительные итальянские графини, пострадавшие от мужей, — впрочем, что можем мы сказать об этих отверженных и подонках, всесветных мошенниках, мы, вращавшиеся среди избраннейшего общества ярмарки тщеславия? Если уж нам играть, так давайте нам чистые карты, а не такую грязную колоду! Но всякий, кто попадал в ряды бесчисленной армии путешественников, видел этих мародеров из нерегулярных войск, примазывающихся, подобно Ниму и Пистолю¹, к боевому составу армии; они носят цвета короля и хвастаются своими чинами, но на самом деле грабят на свой страх и порою попадают на виселицы у дороги.

Итак, Бекки опиралась на руку майора Лодера, и они вместе прошли по залам, выпили очень много шампанского в буфете, где публика и в особенности ирре-

¹ Ним, Пистоль — персонажи В. Шекспира, драчливые солдаты в комедии «Виндзорские проказницы», а также в нескольких исторических трагедиях.

гулярный отряд майора вели ожесточенную борьбу из-за прохладительных напитков и угощения; насытившись и прохладившись, наша парочка двинулась дальше и, пройдя анфиладу комнат, добралась до розовой бархатной гостиной княгини (со статуей Венеры и огромными венецианскими зеркалами в серебряных рамах); здесь за круглым столом княжеская семья угощала ужином самых почетных своих гостей. То был как раз такой же маленький банкет для избранных, на каком Бекки была

однажды у лорда Стэйна, — и здесь, за столом князя Полонья, она увидела и самого милорда.

Шрам от пореза бриллиантом на его белом, лысом, лоснящемся лбу обозначался ярко-красным пятном; рыжие бакенбарды были выкрашены в черный цвет с фиолетовым отливом, отчего бледное его лицо казалось еще бледнее. На нем была орденская цепь и ордена, голубая лента и знак ордена Подвязки. Он был самым знатным из присутствующих, хотя за столом сидели владетельный герцог и принц королевской

крови с супругами; а возле милорда восседала красавица графиня Белладонна, урожденная де Гландье, муж которой (граф Паоло делла Белладонна), хорошо известный благодаря своим знаменитым энтомологическим коллекциям, находился в продолжительном отсутствии, выполняя дипломатическую миссию при особе императора Мароккского.

Когда Бекки увидела это знакомое знаменитое лицо, каким вульгарным показался ей вдруг майор Лодер и как противен стал капитан Рук, пропахший табаком! В одно мгновение почувствовала она себя снова аристократкой и попыталась принять тот вид и воскресить в себе те чувства, какими некогда пленяла в Мейфэре.

«Эта женщина производит впечатление глупой и сварливой, — подумала она. — Я уверена, что она неспособна позабавить его. Нет, наверное, ему с ней скучно, а со мной он никогда не скучал».

И сотни трогательных надежд, опасений и воспоминаний затрепетали в ее сердечке, когда она смотрела на знатного вельможу лучистыми своими глазами (от румян, наложенных на всю щеку до самых век, они мерцали). Облекаясь в свои регалии, лорд Стэйн напускал на себя и величественную важность, и говорил, и держал себя, как и подобало такому могущественному вельможе. Ах, *bon dieu*¹, каким он был приятным собеседником, какой блестящий ум, какой неиссякаемый запас разговоров, а какие манеры! И она променяла все это на майора Лодера, пропахшего сигарами и грогом, на капитана Рука, с казарменными шутками и скаковым жаргоном, и на им подобных! «Интересно, узнает он меня?» — думала она. Лорд Стэйн, смеясь, разговаривал с какою-то знатной и знаменитой дамой, сидевшей с ним рядом; вдруг он поднял глаза и увидел Бекки.

Она вся затрепетала, когда глаза их встретились, состроила очаровательнейшую из своих улыбок и сделала ему короткий, робкий, умоляющий реверанс. На мгновение он смотрел на нее растерянно, как смотрел, вероятно, Макбет на тень Банко, внезапно явившуюся перед ним на вечернем пиру, и продолжал смотреть, раскрыв рот, пока отвратительный майор Лодер не потащил ее за собою.

— Пойдемте-ка лучше в столовую, миссис Раудон, — заявил этот джентльмен, — от вида этих лопающих аристократишек у меня тоже засосало под ложечкой. Пойдемте и попробуем хозяйского шампанского.

Бекки казалось, что майор и без того уже выпил лишнего.

На следующий день Бекки отправилась гулять на холм Пинчио — Гайд-парк римских бездельников, — вероятно, в надежде снова встретиться с лордом Стэйном. Но встретила она там с другим знакомым: с мистером Фишем, доверенным слугой его милости; он подошел, довольно фамильярно кивнув ей головой и приложив палец к шляпе.

— Я знал, что мадам здесь, — сказал он. — Я следовал за вами с той минуты, как вы вышли из гостиницы. Мне хочется дать вам один совет, мадам.

— По поручению маркиза Стэйна? — спросила Бекки, напуская на себя всю доступную ей сейчас важность, потому что сильно волновалась от надежд и ожиданий.

— Нет, — ответил лакей, — по моему собственному почину. Рим очень вреден для здоровья.

— Не в это время года, мосье Фиш; он становится вредным только после пасхи.

¹ Черт возьми (*фр.*).

— А я говорю вам, что он вреден для здоровья сейчас. Некоторые люди заболевают здесь малярией во всякое время года. Проклятый болотный ветер когда угодно уносит многих. Послушайте, мадам Кроули, вы всегда были *bon enfant*¹, и я очень сочувствую вам, *parole d'honneur*². Послушайтесь меня! Уезжайте из Рима, говорю вам, а не то вы заболеете и умрете.

Бекки засмеялась, но от досады и гнева.

— Что? Неужели меня, бедненькую, собираются убить?! — воскликнула она. — Как это романтично. Неужели милорд возит с собой наемных убийц в качестве курьеров, а в фургонах — стилеты? Пустяки! Я останусь хотя бы для того, чтоб позлить его. У меня найдутся друзья, которые защитят меня, пока я здесь.

На этот раз захохотал мосье Фиш.

— Защитят вас? Кто же это? — спросил он. — Майор, капитан, любой из этих игроков, с которыми мадам водится, прикончит вас за сотню луидоров. Мы знаем такие вещи про майора Лодера (он такой же майор, как я маркиз Стэйн), что можем спровадить его на галеры, а может, и того хуже. Мы знаем все, и у нас всюду друзья. Знаем, с кем вы встречались в Париже и каких родственничков там разыскали. Да, мадам может удивляться, но мы знаем! Почему это ни один посланник на континенте не пожелал принять мадам? Оттого, что мадам кого-то оскорбила, кто никогда не прощает, и гнев его удвоился, когда он увидел вас. Вчерашней ночью, вернувшись домой, он был словно сумасшедший. Мадам де Белладонна устроила ему из-за вас сцену, а потом умчалась в бешенстве.

— Ах, так это из-за мадам де Белладонны? Правда? — спросила Бекки с некоторым облегчением, потому что предыдущие сообщения очень ее напугали.

— Нет, она в счет не идет, она ревнует ко всем. Я же говорю вам, что сам монсеньор. Напрасно вы ему показались. И если вы останетесь здесь, то раскаетесь. Запомните мои слова. Уезжайте! Ах, вон экипаж милорда! — И, схватив за руку Бекки, он увлек ее в боковую аллею сада, а через минуту мимо них пронеслась по главной аллее коляска лорда Стэйна, со сверкающими гербами и запряженная великолепными лошадьми; мадам де Белладонна, мрачная, угрюмая и цветущая, небрежно раскинулась на подушках, держа на коленях кинг-чарльза³, над головой ее развевался белый зонтик, а старый Стэйн вытянулся рядом с нею, с помертвелым лицом и стеклянными глазами. Ненависть, злоба или желание порою вызывали в них блеск, но обычно они были тусклы и казались уставшими смотреть на мир, где почти все наслаждения и знаменитейшие красавицы утратили привлекательность для изнуренного, злобно-го старика.

— Монсеньор так и не оправился от удара, постигшего его в ту ночь, — прошептал мосье Фиш миссис Кроули, когда коляска промелькнула мимо, и Бекки, высунувшись из-за скрывавших ее кустов, смотрела вслед милорду.

«Все-таки, это маленькое утешение», — подумала она.

Действительно ли милорд имел смертоубийственные замыслы против Бекки, как уверял мосье Фиш (после смерти Стэйна он вернулся на родину, где и живет, окруженный общим почетом, приобретя от своего государя титул барона Фиччи), а фак-

¹ Добрым малым (*фр.*).

² Честное слово (*фр.*).

³ Кинг-чарльз-спаниель — небольшая охотничья собака.

тотум¹ его не соглашался на убийство; или же ему просто поручено было угрозами выгнать миссис Кроули из города, где его милость намеревался провести зиму, а видеть ее вельможе было крайне неприятно, — этот пункт так и остался неразъясненным; но угроза возымела действие на маленькую женщину, и она больше не старалась попадаться на глаза своему бывшему покровителю.

Всем известен печальный конец этого вельможи, постигший его в Неаполе спустя два месяца после французской революции 1830 года: высокороднейший Джордж Густавус, маркиз Стэйн, граф Гаунт и Гаунт-Кастля, пэр Ирландии, виконт Гелльборо, барон Питчли и Гриллсби, кавалер достопочтенного ордена Подвязки, испанского ордена Золотого руна, турецкого ордена Полумесяца, первый лорд Пудер-камеры и грум Черной лестницы, полковник Гаунтовского, или собственного его высочества принца-регента милиционного полка, хранитель Британского музея, почетный брат коллегии Св. Троицы, попечитель школы «Белые братья» и Б. С. Б. (доктор гражданских прав) скончался после ряда припадков, вызванных, судя по газетам, потрясением, испытанным его милостью под влиянием крушения древней французской монархии.

В еженедельной газете напечатан был красноречивый некролог, где прославлялись его добродетели, богатство, дарования и добрые дела. Его чувствительность, его привязанность к знаменитому дому Бурбонов, с которым он был связан узами родства, были таковы, что он не смог пережить бедствий, постигших его августейших родственников. Тело его погребено в Неаполе, а его сердце — благородное сердце, откликавшееся на все возвышенное и благородное, — перевезено в серебряной урне в замок Гаунт. «В его лице, — добавлял мистер Уогг, — неимущие, а равно и изящные искусства утратили благодетельного покровителя, общество — одно из самых блестящих своих украшений, а вся Англия — величайшего патриота и незаменимого государственного мужа...» и т. д. и т. д.

Завещание его послужило предметом больших споров, сделана была попытка отобрать у мадам де Белладонны знаменитую драгоценность — бриллиант, известный под названием «Иудево око», который его милость всегда носил на указательном персте и который графиня будто бы сняла после горестной кончины милорда. Но доверенный друг и слуга маркиза, мосье Фиш, удостоверил, что перстень был подарен мадам де Белладонне за два дня до смерти маркиза, равно как и банковые билеты, драгоценности, неаполитанские и французские процентные бумаги и пр., найденные в письменном столе его милости, — все это наследники пытались оттяпать у обездоленной женщины.

¹ *Факторум (устар.)* — доверенное лицо, исполняющее разнообразные поручения.

ГЛАВА LXV, полная деловых забот и удовольствий

На следующий день после встречи за игорным столом Джоз нарядился с необыкновенной тщательностью и великолепием и, не считая нужным обмолвиться кому-либо из своих семейных о происшествиях минувшей ночи, а также не пригласив никого из них с собой на прогулку, вышел из дома очень рано, и вскоре его увидели у подъезда гостиницы «Слон», где он наводил справки. По случаю празднеств отель был набит постояльцами, у вынесенных на улицу столиков уже курили и попивали национальное жиденькое пиво многочисленные приезжие, столовая, буфет и приемные тонули в облаках дыма. Мистер Джоз, с обычной своею торжественностью спросив на исковерканном немецком языке о разыскиваемой им особе, был направлен на самый верх гостиницы — выше номеров первого этажа, где разместились бродячие коммивояжеры, выставившие свои драгоценные украшения и шелка; выше апартamentов второго этажа, занятых *état-majot*¹ игорной фирмы; выше комнаток третьего этажа, где поселилась знаменитая труппа цыган-вольтижеров² и фокусников; и еще выше — до крошечных каморок под самой крышей, где среди студентов, носильщиков, мелких торговцев и приехавших на праздник поселян нашла себе маленькое гнездышко и Бекки, — самое грязное и крошечное пристанище, в каком когда-либо укрывалась красота.

Бекки нравилась эта жизнь. Она чувствовала себя как дома со всеми, жившими здесь: с коммивояжерами, игроками, скоморохами, студентами и иными прочими.

¹ Генеральным штабом (*фр.*).

² *Вольтижёр* — здесь: воздушный гимнаст, совершающий трюковые перелеты с трапеции на трапецию или в руки партнера.

Она обладала сумасбродным, ветреным характером, унаследованным от отца и матери, которые оба были настоящими цыганами и по вкусам, и в силу обстоятельств. Если налицо не оказывалось барина, она с величайшим удовольствием болтала и с его курьером: шум, суета, пьянство, табачный дым, галдеж торговшей-евреев, торжественные хвастливые повадки нищих фигляров, подозрительные речи игроков, песни и развязное фанфаронство студентов, всеобщие кавардак и суматоха нравились маленькой женщине и подбадривали ее даже тогда, когда счастье ей изменяло и ей нечем было расплатиться по счету. Насколько же приятнее была ей эта сутолока теперь, когда кошелек ее был набит деньгами, выигранными ей накануне маленьким Джорджи!

Когда Джоз, кряхтя и пыхтя, взобрался на последние ступеньки и, не в силах выговорить ни слова, остановился на площадке, вытер лицо, а потом оглянулся, ища № 92, где, по указаниям, проживала искомая им особа, дверь противоположной комнаты под № 90, была отворена, и там лежал на кровати студент в ботфортах и грязном шлафроке и курил длинную трубку; другой студент, с длинными светлыми волосами,

в обшитой шнурами куртке, чрезвычайно щеголеватой, но и столь же грязной, стояла на коленях перед № 92 и сквозь замочную скважину орал какие-то мольбы, обращенные к находившейся в комнате особе.

— Подите прочь, — произнес хорошо знакомый голос, заставивший Джоза затрепетать.

— Я жду гостя. Я жду своего дедушку. Он не должен видеть вас здесь.

— Ангел Engländerinn!¹ — завопил коленопреклоненный студент с белобрысами колечками волос и с широким кольцом на пальце. — Сжальтесь над нами! Назначьте нам свидание. Пообедайте со мной и с Фрицем в ресторане в парке. Мы вас угостим жареными фазанами и портером, плум-пудингом² и французским вином. Мы умрем, если вы откажетесь!

— Непременно умрем, — подтвердил юный nobilis³, лежавший на кровати.

Джоз слышал этот разговор, но ничего не понял, так как никогда не изучал языка, на котором он велся.

— Newmero kattervang dooze, si vous plait⁴, — проговорил Джоз со всею величавостью, на какую был способен, как только вновь обрел дар речи.

— Quater fang tooce⁵, — повторил студент, вскакивая с колен, ринулся к себе в комнату, захлопнув дверь, и Джоз услышал, как он и товарищ его, лежавший на кровати, там хохотали.

Бенгальский джентльмен стоял, сбитый с толку этим происшествием, как вдруг дверь № 92 сама собой отворилась, и выглянуло насмешливое и недоверчивое личико Бекки. Взгляд ее упал на Джоза.

— Это вы? — сказала она, выходя. — Как я ждала вас! Нет! Подождите, — через минутку можете войти. — За эту минуту она сунула в постель баночку румян, бутылку с коньяком и тарелку с колбасой, пригладила волосы и наконец впустила посетителя.

Вместо капота на ней было розовое домино⁶, немножко вылинявшее и грязноватое, кое-где со следами помады; но из-под широких рукавов выглядывали ослепительно белые и красивые руки, а самое домино было стянуто у тоненькой талии и выгодно обрисовывало хорошенькую стройную фигурку его обладательницы. Она ввела Джоза за руку в свою мансарду.

— Войдите, — сказала она. — Войдите и поговорите со мной. Садитесь вот сюда, на стул. — И, слегка пожав руку нашего чиновника, она, смеясь, усадила его. Сама же села на кровать, но, конечно, не на бутылку и тарелку, на которые уселся бы Джоз, если бы вздумал расположиться там. И вот она сидела и болтала с давнишним своим поклонником.

— Как мало вас изменили годы, — сказала она, глядя на него с участливой нежностью. — Я бы узнала вас где угодно. Ах, как отрадно увидеть на чужбине честное и открытое лицо старинного друга!

¹ Англичанка (нем.).

² Плум-пудинг — национальное английское блюдо, приготавливаемое на Новый год.

³ «Благородный» (искаж. фр.) — так назывались в эпоху реформации студенты, соединенные в корпорации, в отличие от неорганизованных: «диких», «верблюдов», «обскурантов» и т. п.

⁴ Номер девяносто второй, пожалуйста (искаж. фр.).

⁵ Девяносто второй (искаж. фр.).

⁶ Домино — маскарадный костюм в виде плаща с рукавами и капюшоном.

Сказать по правде, честное и открытое лицо выражало в данный момент все что угодно, кроме честности и откровенности: наоборот, на нем ясно читались замешательство и недоумение. Джоз окинул взглядом странную тесную каморку, в которой нашел предмет давнишней своей страсти. Одно из ее платьев висело над кроватью, другое было зацеплено за дверной крючок; шляпка наполовину прикрывала простеночное зеркало, а на подзеркальнике стояла пара прехорошеньких бронзовых башмачков; на ночном столике у кровати валялся французский роман рядом со свечой — не восковой, а сальной. Бекки хотела было сунуть в постель и ее, но ограничилась тем, что запрятала туда бумажный ночной колпачок, которым накануне перед сном загасила свечку.

— Я узнала бы вас где угодно, — продолжала она. — Мы, женщины, никогда не забываем некоторых вещей. А вы ведь были первым мужчиной, которого я... которого я повстречала в жизни.

— Неужели и в самом деле я?.. — воскликнул Джоз. — Господи спаси мою душу, вы... нет, не говорите так!

— Когда я приехала с вашей сестрой из Чизуика, я была, в сущности, совсем еще ребенком, — продолжала Бекки. — Как поживает дорогая моя милочка? Ах, ее муж был ужасно развращенный человек, и, конечно, эта дорогая бедняжка ревновала его ко мне. Как будто мне было до него какое-нибудь дело, да еще когда в это время был кто-то другой... но нет, не будем вспоминать о давно минувших временах! — И она провела по глазам платочком с обтрепанными кружевами.

— Разве не странно видеть в такой обстановке женщину, жившую в совершенно ином мире? — продолжала она. — Я пережила много горя и обид, Джозеф Седли, меня заставили претерпеть такие жестокие страдания, что временами я почти сходила с ума. Я не могу жить спокойно на одном месте, а все время скитаюсь, не зная ни покоя, ни счастья. Все мои друзья обманули меня — все! На свете нет ни одного честного человека. Я была самой наивернейшей из всех когда-либо существовавших верных жен, хотя и вышла замуж за своего мужа с досады, потому что кто-то другой... но не будем говорить об этом! Я была ему верна, а он растоптал меня и бросил. Я была самой нежной и любящей матерью. У меня был один единственный ребенок, единственная моя радость, моя надежда, моя любовь, я прижимала его к своему сердцу со всею материнскою любовью, он был моей жизнью, моей молитвой, моим... моим благословением. Но они... они отняли его у меня отняли. — С жестом трагического отчаяния она прижала руку к сердцу и на минуту уткнулась лицом в постель.

Коньячная бутылка под одеялом звякнула о тарелку, на которой лежала холодная колбаса. Несомненно, и та и другая растрогались при проявлении такого сильного горя. Макс и Фриц с изумлением прислушивались у двери к рыданиям и всхлипываниям миссис Бекки. Джоз тоже изрядно перепугался и расчувствовался, увидев давнишнюю свою пассию в таком состоянии. Потом она сейчас же начала рассказывать свою историю — и рассказывала так гладко, просто и безыскусственно, что, слушая ее, всякий убедился бы, что если ангел в белоснежных ризах спускался когда-нибудь с неба, чтобы подвергнуться адским козням и гнусностям со стороны врагов в сей юдоли скорби, то это непорочное существо, эта несчастная мученица сидит на кровати перед Джозом, помещаясь на бутылке с коньяком.

Они имели весьма продолжительную, дружескую и конфиденциальную беседу, во время которой Джозу каким-то образом дано было понять (но так, что это нимало не

испугало и не обидело его), что сердце Бекки впервые научилось биться в его очаровательном присутствии; что Джордж Осборн, конечно, ухаживал за нею, без всякого повода с ее стороны, чем объясняется ревность Амелии и происшедшая между ними маленькая размолвка, но что Бекки никогда ничем решительно не поощряла злополучного капитана и никогда не переставала думать о Джозе, с первого дня, как увидела его, хотя, разумеется, супружеский долг свой ставила превыше всего и будет соблюдать его до самой смерти или до тех пор, пока известный своей губительностью климат места, где проживает сейчас полковник Кроули, не освободит ее от ярма, ставшего ей ненавистным вследствие жестокости мужа.

Джоз ушел от нее в убеждении, что она самая добродетельная и одновременно самая пленительная женщина в мире, и всю дорогу придумывал разные благодетельные планы, клонящиеся к облегчению ее участи. Гонениям на нее должен быть положен конец: она должна вернуться в общество, украшением которого она являлась. Он подумает, как это сделать. Ей надо переехать из этой гостиницы и поселиться в квартире поспокойнее. Амелия должна съездить к ней и обласкать ее. Он пойдет и устроит все это, посоветуется с майором. Бекки пролиwała слезы сердечнейшей благодарности, расставаясь с ним, и нежно пожала руку любезному тучному джентльмену, когда он нагнулся поцеловать ее ручку.

Затем Бекки проводила Джоза из своего чердачка с таким изяществом, как будто принимала его во дворце, а когда грузный джентльмен исчез, спускаясь с лестницы, Мак и Фриц выползли из своей норы с трубками в зубах, и Бекки, пожевывая черствый хлеб с колбасой и попивая свой любимый грог, немало позабавила их, изобразив им в комическом виде Джоза.

Джоз с большой торжественностью направился в квартиру Доббина и там поделился с ним трогательной историей, в которую только что был посвящен, не упомянув, однако, о том, что случайная встреча накануне произошла за игорным столом. И оба джентльмена стали ломать голову, придумывая наилучшие способы быть полезными миссис Бекки, кончавшей в это время свой *déjeuner à la fourchette*¹.

Как попала она в этот городок? Как случилось, что она осталась без друзей и скиталась в одиночестве? Малышей в школах начальные учебники латинского языка поучают, что тропинки, ведущие к Аверно², очень удобны для спуска. Пропустим же и мы этот период в ее истории, когда она совершала свое нисхождение. Она была и сейчас не хуже, чем в дни своего благополучия, но только счастье немножко ей изменило.

Что касается миссис Амелии, то она обладала таким мягким и неразумным характером, что стоило ей услышать о чем-либо несчастье, как сердце ее сейчас же преисполнялось сочувствием к страдальцу; а так как она сама никогда ни помыслила, ни деяниями не провинилась ни в одном смертном грехе, то она и не питала такого отвращения к испорченности, каким отличаются гораздо более сведущие проповедники морали.

Если она дарила лаской и добротой всех, с кем соприкасалась; если у собственной прислуги просила извинения за то, что обеспокоила ее звонком; если оправдывалась перед приказчиком, развертывавшим перед нею штуку шелка, и делала кник-

¹ Легкий завтрак (фр.).

² Аверно — озеро в Италии, окруженное крупными и лесистыми высотами. Здесь знаменитый греческий поэт Гомер якобы сошел в подземный мир.

сен метельщику улицы, выражая ему удовольствие по поводу прекрасного состояния его участка улицы, — а она была вполне способна на любую из этих глупостей, — то весть о несчастье старинной приятельницы, разумеется, должна была смягчить ее сердце; когда же ей говорили, что кто-нибудь сам виноват в своей беде, она и слушать не хотела. Мир, попавший под управление Амелии, оказался бы не особенно упорядоченным обиталищем, но очень немногие женщины — особенно из категории правящих — принадлежат к личностям, вроде Амелии. Я думаю, что эта особа упразднила бы в мире все тюрьмы, наказания, кандалы, плети, бедность, болезни и голод; мало того, мы должны признаться, она была настолько малодушным созданием, что могла простить даже смертельную обиду.

Когда майор узнал от Джоза о пережитом последним сентиментальном приключении, он, надо сказать, заинтересовался им далеко не так сильно, как наш бенгалец. Наоборот, его возбуждение было совершенно противоположно приятному; он выразился кратко, но отнюдь не почтительно по адресу несчастной и находящейся в бедственном положении женщины, сказав буквально следующее: «Опять эта кривляка вылезла на свет божий!» Он никогда не питал ни малейшей симпатии к Бекки, напротив, всем сердцем не доверял ей с первой же минуты, как зеленые глаза ее взглянули на него и отвернулись, встретившись с его глазами.

— Эта маленькая чертовка всюду приносит несчастье, куда ни появится, — не почтительно высказался майор. — Кто знает, какую жизнь она вела и зачем она явилась сюда, за границу, и притом одна? Не рассказывайте мне о врагах и преследователях: у порядочной женщины всегда найдутся друзья, и никогда она не расходится со своей семьей. Почему она покинула своего мужа? Может быть, он оказался непорядочным и развратным, как вы говорите. Он всегда таким и был. Я помню этого проклятого плута, и как он обыгрывал и обманывал бедного Джорджа. Разве они разошлись не вследствие какого-то скандала? Мне кажется, я слышал что-то такое, — воскликнул майор Доббин, никогда не интересовавшийся сплетнями, когда Джоз тщетно пытался убедить его, что миссис Бекки во всех отношениях несправедливо обиженная и добродетельная женщина.

— Ну, хорошо, хорошо, давайте спросим миссис Осборн, — сказал архидипломатичный майор. — Пойдемте и посоветуемся с нею. Я думаю, вы согласитесь, что уж она-то, во всяком случае, хороший судья и знает, что правильно и неправильно в таких делах.

— Гм... Ну, что же, Эмми — это хорошо, — сказал Джоз, случайно не бывший влюбленным в свою сестру.

— Хорошо? Черт возьми, сэр, я в жизни своей не видел более благородной женщины! — вскипел майор. — И я говорю сразу, пойдемте и спросим ее, следует ли возобновлять знакомство с этой особой или нет, — я подчинюсь ее решению.

Дело в том, что гнусный и коварный хитрец майор в глубине души был уверен в своей победе. Он помнил, что Эмми одно время жестоко и с основанием ревновала мужа к Ребекке и произносила ее имя не иначе как с содроганием и ужасом, «а ревнивая женщина никогда не прощает», думал майор. И вот наша парочка отправилась через улицу в дом миссис Осборн, где она с полным удовольствием заливалась трелями с пришедшей на урок мадам Штрумпф.

Когда последняя удалилась, Джоз приступил к делу со свойственной ему высокопарностью.

— Амелия, дорогая моя, — начал он. — Я только что пережил самое удивительное... да... господи спаси мою душу, самое удивительное приключение... Один старинный друг... да, один твой очень интересный и старинный друг, знавший тебя, можно сказать, в давно минувшие времена, только что прибыл сюда, и я бы очень хотел, чтобы ты повидалась с нею.

— С нею? — переспросила Амелия. — Кто же это? Майор Доббин, пожалуйста, не ломайте мои ножницы! — Майор, вращая ножницы на цепочке, на которой они иногда висели у пояса хозяйки, рисковал повредить себе глаз.

— Это — женщина, которую я очень недолюбливаю, — угрюмо вставил майор, — да и у вас нет оснований ее любить.

— Это Ребекка, я уверена, что это Ребекка! — вспыхнув, воскликнула Амелия и пришла в большое волнение.

— Вы правы; вы всегда правы, — ответил Доббин.

Брюссель, Ватерлоо, давно, давно минувшие времена, горе, муки, воспоминания нахлынули в кроткое сердце Амелии и повергли его в жестокую тревогу.

— Не заставляйте меня видаться с нею, — продолжала Эмми, — я не могу ее видеть!

— Что я вам говорил? — обратился Доббин к Джозу.

— Она очень несчастна и... и все такое, — принялся уговаривать Джоз. — Она очень бедна и незащищена; она была больна, страшно больна, а этот негодяй, ее муж, бросил ее.

— Ах! — произнесла Амелия.

— Во всем мире у нее нет ни одного друга, — продолжал Джоз не без находчивости, — и она сказала, что мысленно всегда рассчитывала на тебя. Она так несчастна, Эмми. Она почти помешалась от горя. Ее рассказ страшно взволновал меня, — клянусь честью, страшно взволновал, — смею сказать, никогда подобные жестокие преследования не переносились с такой ангельской кротостью. Ее семья отнеслась к ней до крайности жестоко.

— Бедняжка, — проговорила Амелия.

— И она говорит, что если не найдет друга, она решила умереть, — продолжал Джоз тихим, дрожащим голосом. — Господи спаси мою душу, ты знаешь, она пыталась покончить с собой! Она возит с собой лауданум, я видел пузырек в ее комнате — ужасная крошечная каморка, в третьеразрядной гостинице, в «Слоне», на самом верху, совсем под крышей. Я был там.

Последнее сообщение не произвело особого впечатления на Амелию. Она даже чуть-чуть улыбнулась. Может быть, она представила себе, как Джоз пыхтит, взбираясь по лестнице.

— Она вне себя от горя, — продолжал Джоз. — Прямо страшно слушать, какие муки вынесла эта женщина. У нее был малютка сын, одних лет с Джорджи.

— Да, да, я, кажется, припоминаю, — заметила Эмми. — И что же?

— Прелестнейший ребенок в мире, — повествовал Джоз; он очень легко умилялся и действительно растрогался тем, что ему нарасказала Бекки. — Настоящий ангел, обожавший мать. И вот эти негодяи вырвали рыдающего сына из объятий матери и не позволяют ему видаться с нею.

— Милый Джозеф, — воскликнула Эмми, порывисто вскакивая с места, — пойдем сейчас же к ней! — Она побежала в свою спальню, поспешно надела шляпку, на-

кинула на руку шаль и, выйдя, приказала Доббину идти с нею.

Он подошел и набросил ей на плечи шаль — белую кашемировую шаль, недавно присланную майору из Индии. Он понял, что ничего больше не остается, как повиноваться. Она взяла его под руку, и они отправились.

— Она живет в 92-м номере, в четвертом этаже, надо пройти восемь лестниц, — объяснял Джоз, вероятно не особенно расположенный вновь пересчитывать бесконечные ступеньки. Но он поместился у окна своей гостиной, выходявшего на площадь, где стоит гостиница «Слон», и смотрел, как наша парочка пересекала рынок.

Хорошо, что и Бекки заметила их из своего чердачка; она сидела с обоими студентами, болтала и хохотала, они подшучивали над фигурой дедушки Бекки, приход и уход которого они наблюдали; но Бекки успела прогнать их и прибрать свою каморку прежде, чем хозяин «Слона», зная, что миссис Осборн пользуется благоволением светлейшего двора, и соответственно с этим питавший к ней большое почтение, успел проводить миледи и герра майора до мансард, старательно подбодряя почетных гостей, когда восхождение близилось уже к концу.

— Милостивая государыня, — позвал хозяин, постучав в дверь к Бекки; еще вчера он называл ее просто «мадам» и отнюдь не проявлял любезности.

— Кто там? — спросила Бекки, высунув голову, и слабо вскрикнула. Перед нею стояли дрожащая Эмми и Доббин, долговязый майор с тростью.

Майор все еще стоял, выжидая, очень заинтересованный предстоящей сценой; но Эмми бросилась с распростертыми объятиями к Ребекке, мгновенно простила ей все, обняла и расцеловала ее от всего сердца. О несчастная, касались ли когда-нибудь твоих губ такие чистые поцелуи?

ГЛАВА LXVI
*Amantium irae*¹

Искренность и доброта, проявленные Амелией, вероятно, растрогали даже и такую закоснелую нечестивицу, как Бекки. На ласки и приветливые речи Эмми она отвечала с чувством, похожим на благодарность, и с волнением если и не продолжительным, то в течение некоторого времени почти искренним. Очень удачной оказалась ее выдумка насчет «рыдающего сына, вырванного из объятий матери». Именно этим раздирающим душу несчастьем и вернула себе Бекки расположение подруги, и, само собой разумеется, то была одна из самых первых тем, о которой беденькая простодушная Эмми повела речь с новообретенной приятельницей.

— Так, значит, они отняли у вас вашего дорогого малютку? — воскликнула наша простушка.

— Ах, Ребекка, бедная, дорогая моя страдальца, я знаю, что значит лишиться сына, и могу сочувствовать всякому, с кем случилось такое горе. Но, бог даст, он вернется к вам, как всеблагое провидение возвратило мне моего мальчика.

— Сына, моего сына? Ах, да, я пережила страшные муки, — призналась Бекки, пожалуй, не без угрызений совести. Ее раздражало, что приходится сейчас же начинать лгать в ответ на высказанное огромное доверие и простодушие. Но таково несчастье всякого, кто прибегает к подобному рода обманам. Когда одна выдумка принимается за правду, нужно измышлять дру-

¹ Ссоры влюбленных (лат.).

гую, чтоб поддержать первую, и таким образом запас пущенных в оборот выдумок неизбежно умножается, и опасность разоблачения возрастает с каждым днем.

— Страдания мои, когда его у меня отняли, были ужасны, — продолжала Бекки (я надеюсь, на этот раз она сидела не на бутылке). — Я думала, что умру, но, к счастью, я заболела воспалением мозга, и таким сильным, что доктор поставил на мне крест. А потом... потом я выздоровела и... и вот я здесь, нищая и одинокая.

— Сколько ему лет? — спросила Эмми.

— Одиннадцать! — ответила Бекки.

— Одиннадцать! — воскликнула Эмми. — Как, он ведь родился в том же году, что и Джордж, а ему...

— Я знаю, я знаю, — перебила Бекки, совершенно позабывшая, сколько лет Рауди. — Я очень многое перезабыла от горя, милая Амелия. Я очень изменилась, по временам я бываю полусумасшедшей. Ему было одиннадцать лет, когда его взяли от меня. Благослови Бог его милую головку, я так и не видела его с тех пор.

— Он блондин или брюнет? — продолжала глупая маленькая Эмми. — Покажите мне его волосики.

Бекки чуть не расхохоталась над ее наивностью.

— Не сегодня, милочка, когда-нибудь в другой раз, когда придут мои вещи из Лейпцига, я ведь приехала оттуда. Я покажу тогда и его портрет, который я заказала в счастливые дни.

— Бедная Бекки, бедненькая моя Бекки! — воскликнула Эмми. — Как благодарна, как бесконечно благодарна должна я быть всемогущему! — (Хотя я сомневаюсь, насколько разумна с религиозной точки зрения внушенная нам с детства нашими родственниками привычка благодарить бога за то, что мы в чем-нибудь счастливее других.) И потом начала, по обыкновению, думать, что ее сын — самый красивый, самый добрый и самый умный мальчик на всем свете.

— Вот я покажу вам моего Джорджи! — лучше этого Эмми не могла ничего придумать для утешения Бекки. Если что-нибудь вообще могло ее утешить, то это-то уж, наверное.

И вот обе молодые женщины беседовали в течение часа или больше, и Бекки успела рассказать подруге полный, подробный и окончательно исправленный вариант своей истории. Она рассказала, с какой непримиримой враждебностью относилась вся семья к ее браку с Раудоном Кроули, как ее невестка (коварная женщина) восстановила против нее ее мужа, как он вступил в связь с отвратительными женщинами и те постарались отвратить от нее его чувства, как она терпела решительно все: бедность, пренебрежение, холодность со стороны человека, которого так сильно любила, — и все ради ребенка; как, наконец, побуждаемая самыми вопиющими доказательствами неверности, она была вынуждена искать развода с мужем, но и тут негодяй не постыдился потребовать, чтобы она пожертвовала своей собственной незапятнанной репутацией, дабы он мог получить назначение через посредство очень знатного и могущественного, но совершенно беспринципного человека, именно маркиза Стэйна. Вот тоже отвратительное чудовище!

Эту часть своей богатой приключениями истории Бекки передала с чисто женской деликатностью и с видом крайне оскорбленной добродетели. Когда она в результате последнего оскорбления вынуждена была бежать из-под крова своего мужа, негодяй продолжал ей мстить и отнял у нее ребенка. И, таким образом, закончила Бек-

ки, она превратилась в бедную скиталицу, не имеющую ни друзей, ни покровителей и потерпевшую полное крушение.

Эмми отнеслась к этому рассказу, занявшему порядочное время, так, как это легко могут представить себе читатели, ознакомившиеся с ее характером. Она дрожала от негодования, слушая о гнусностях подлого Раудона и беспринципного Стэйна. Глаза ее чуть не кричали от изумления при каждой фразе, которыми Бекки живописала преследования, воздвигнутые против нее аристократической родней, и измену своего мужа. (Бекки не обвиняла его. Она говорила скорее с печалью, чем со злобой. Ведь она любила его так нежно, и разве он не был отцом ее ребенка?) А когда дело дошло до описания сцены разлучения с ребенком, то во время рассказа Бекки Эмми совсем зарылась лицом в носовой платок, и наша искушенная в трагедиях маленькая актриса по справедливости могла гордиться эффектом, произведенным ее игрой на слушательницу.

Пока дамы беседовали, бессменный провожатый Амелии, майор, разумеется, не желавший прерывать их совещания и уставший шагать по скрипучему узенькому коридорчику, потолок которого протирали ворс на его шляпе, спустился в нижний этаж гостиницы и вошел в большой зал, общий для всех посетителей «Слона», куда вела лестница. Комната эта всегда тонула в клубах дыма и была обильно полита пивом. На грязных столах стояли десятки захватанных медных подсвечников с сальными свечами для жильцов, а над свечами висели ключи от номеров. Эмми недавно прошла, краснея, через эту комнату, кишевшую всяким народом: тирольскими перчаточниками и дунайскими продавцами полотна со своими коробами, студентами, угощавшимися бутербродами и говядиной, лентяями, игравшими в карты или в домино на липких, залитых пивом столах, скоморохами, подкрепляющимися в промежутках между представлениями, — словом, всем дымом и шумом немецкой гостиницы в ярмарочную пору. Кельнер принес майору кружку пива как нечто само собой разумеющееся; а он достал сигару и постарался развлекаться этим губительным зельем и газетой в ожидании, пока состоявшая на его попечении особа призовет его к исполнению обязанностей.

Вскоре спустились с лестницы Макс и Фриц, в шапочках набекрень, звеня шпорами и с трубками, великолепно разукрашенными гербами и пышными кистями; они повесили на доску у № 90 ключ и потребовали порцию бутербродов и пива. Парочка эта присела к столику майора и завязала разговор, который ему волей-неволей пришлось отчасти слышать. Беседа сосредоточивалась преимущественно на «фуксах»¹ и «филистерах»², на дуэлях и кутежах в соседнем университете в Шоппенгаузене, из какового знаменитого рассадника просвещения они только что прибыли в Eilwagen³, по-видимому, вместе с Бекки, чтобы присутствовать на брачных торжествах в Пумперникеле.

— Маленькая англичаночка очутилась, кажется, en bays de gonnoissance⁴, — сказал Макс, знавший французский язык, своему товарищу Фрицу. — После ухода толстого дедушки явилась хорошенькая маленькая землячка. Я слышал, как они болтали и всхлипывали в комнате у нашей приятельницы.

— Надо взять билеты на ее концерт, — сказал Фриц. — У тебя есть деньги, Макс?

¹ Фукс — студент первых двух семестров.

² Филистер — все не относящиеся к студенчеству.

³ Скорой почтовой карете (нем.).

⁴ Среди знакомых (искаж. фр.).

— Ну вот еще, — ответил Макс, — этот концерт — концерт *in nubibus*¹. Ганс рассказывал, что она и в Лейпциге объявила концерт, и бурши² разобрали много билетов. Но она удрала, даже и не подумав петь. Вчера в дилижансе она говорила, будто ее аккомпаниатор заболел в Дрездене. Я уверен, что она вовсе и не может петь, у нее голос такой же надтреснутый, как у тебя, знаменитый пивоглот.

— Верно, надтреснутый. Я слышал, как она завывала у окошка какую-то *schreckliche*³ английскую балладу под заглавием «*De Rose upon de Balgony*»⁴.

— *Saufen*⁵ и *singen*⁶ вместе не уживаются, — заметил красноносый Фриц, видимо отдававший предпочтение первому из двух развлечений. — Нет, ты не бери никаких билетов. Она в прошлую ночь порядочно выиграла в *trente-et-quarante*. Я видел, как она заставила играть за себя какого-то английского мальчугана. Мы лучше истратим твои деньги тоже там или на театр, либо угостим ее французским вином или коньячком в саду Аурелиуса, но билетов не станем покупать. Что ты скажешь? Давай, выпьем еще по кружечке пива? — И оба по очереди выкупали свои светлые усы в отвратительном пойле, закрутили их и, пошатываясь, побрели на ярмарку.

¹ В облаках (*лат.*).

² Бурши — студент немецкого университета, принятый в корпорацию.

³ Ужасную (*нем.*).

⁴ «Роза на балконе» (*искаж. англ.*).

⁵ Пьянствовать (*нем.*).

⁶ Петь (*нем.*).

Майор, видевший, как они повесили на крючок ключ от номера 90, и слышавший разговор двух юных универсантов, без труда понял, что речь их касалась Бекки.

«Маленькая чертовка опять взялась за свои старые проделки», — подумал он и усмехнулся, вспомнив минувшие дни, когда наблюдал ее отчаянное кокетство с Джордом и забавный конец этого приключения. Он и Джордж впоследствии часто посмеивались над этим приключением, пока, через несколько недель после женитьбы, сам Джордж не попался в сети маленькой Цирцеи¹ и завел с ней интрижку, о которой его товарищ, конечно, подозревал, но предпочитал ее игнорировать. Уильям был слишком огорчен и слишком пристыжен за друга, чтобы допытываться до его позорной тайны, хотя однажды, и, очевидно, каясь в душе, Джордж сам намекнул на нее. Случилось это в утро Ватерлооского боя, когда молодые люди стояли впереди выстроившегося своего полка и под накрапывающим дождем наблюдали за густыми массами французов, черневшими на противоположащих возвышенностях. «Я впутался в дурацкую историю с замужней женщиной, — сказал Джордж. — И очень рад, что нам пришлось выступить. Если меня убьют, надеюсь, Эмми никогда не узнает об этой истории. Клянусь богом, я страшно жалею, что затеял ее!» И Уильяму приятно было это вспоминать и не раз утешал он вдову бедного Джорджа, рассказывая ей о том, как Осборн, расставшись с женой, и после стычки под Катр-Бра, в которую они попали в первый же день, серьезно и любовно говорил с Доббином о своем отце и о жене. На этот же факт майор усердно напирал и в разговорах со стариком Осборном, и таким путем ему удалось добиться того, что перед смертью старик примирился с памятью сына.

«Так, значит, эта чертовка по-прежнему плетет свои интриги, — думал Уильям. — Желал бы я, чтобы она находилась за сто миль отсюда. Она всюду приносит с собой несчастье».

Склонив голову на руки и уставившись, не читая, в номер «Пумперникельской газеты» от прошлой недели, он продолжал предаваться этим предчувствиям и мрачным думам до тех пор, пока кто-то не ударил его зонтиком по плечу, — он поднял голову и увидел миссис Амелию.

Эта особа усвоила привычку тиранить майора Доббина (ибо и самые слабые из людей жаждут над кем-нибудь властвовать), она командовала им, помыкала, заставляла носить поноску², словно он был большим ньюфаундлендским псом. А ему нравилось, так сказать, прыгать в воду, когда она говорила: «Пиль, Доббин», и бежать за нею, держа в зубах ее ридикюль. Книга эта написана зря, если читатель до сих пор не уразумел, что майор был простофилей.

— Отчего вы не подождали меня, сэр, чтобы проводить меня вниз? — спросила она, слегка вскинув головку и насмешливо приседая.

— Я не мог выпрямиться в коридоре, — ответил он, бросая на нее забавный умоляющий взгляд. И в восторге, что может взять ее под руку и увести из этого ужасного чадного места, он ушел бы, даже и не вспомнив о кельнере, если бы этот последний не бросился за ним и не задержал у порога «Слона», чтобы взыскать с него плату за невыпитое пиво. Эмми смеялась, назвала его плутом, сбегающим от долгов, и приня-

¹ *Цирцея (Кирка)* — в древнегреческой мифологии дочь Гелиоса и Океаниды Персы, богиня луны, чародейка и волшебница; когда на остров, где она жила, был занесен Одиссей, Цирцея обратила его спутников в свиней, но была сама побеждена Одиссеем и сделалась его возлюбленной.

² *Поноски* — вещь, которую хозяин дает собаке носить с собой.

лась подшучивать и над этим случаем и по поводу немецкого пива. Она была очень оживлена, весела и шагала через базарную площадь очень торопливо. Ей хотелось сию же минуту повидаться с Джозом. Майор посмеивался, замечая порывистое нетерпение миссис Амелии, ибо, по правде сказать, не часты бывали случаи, когда брат бывал ей нужен «сию минуту».

Они застали Джоза в его приемной в первом этаже; он шагал из угла в угол, грызя ногти, и, наверное, не меньше сотни раз поглядывал через площадь на гостиницу «Слон» в течение того часа, что Эмми провела там в мансарде с подругой, а майор внизу в ресторане барабанил пальцами по грязному столу; Джозу тоже очень хотелось поскорее увидеться с миссис Осборн.

— Ну? — спросил он.

— Ах, бедняжка, сколько она выстрадала! — воскликнула Амелия.

— Да, да, господи спаси мою душу, — подтвердил Джоз, покачивая головой, причем щеки его тряслись, как студень.

— Она займет комнату Пайн, а та перейдет наверх, — продолжала Эмми. Пайн была степенная горничная-англичанка, приставленная специально к миссис Осборн; за нею, как полагается, ухаживал курьер, а Джорджи жестоко «изводил» ее рассказами о немецких разбойниках и привидениях. Время свое она проводила главным образом в воркотне, в уходе за миледи и в заявлениях о своем твердом намерении завтра же уехать в свою родную деревушку Клэпгам. — Она займет комнату Пайн, — повторила Эмми.

— Как?! Не хотите же вы сказать, что собираетесь поселить эту женщину у себя в доме? — воскликнул майор, вскакивая с места.

— Разумеется, да, — ответила Амелия с невиннейшим видом. — Не сердитесь и не ломайте мебель, майор Доббин. Разумеется, мы поселим ее здесь.

— Разумеется, милочка, — подхватил Джоз.

— Бедняжка, она столько выстрадала, — продолжала Эмми. — Отвратительный банкир ее разорился и сбежал; муж — развратный негодяй — бросил ее и отнял у нее ребенка (при этих словах она сжала два кулачка и вытянула их вперед с таким угрожающим видом, что майор пришел в восторг от такой неустрашимости), несчастная совершенно одинока и вынуждена давать уроки пения, чтоб иметь кусок хлеба, — и в такую минуту не приютить ее у нас!

— Берите у нее уроки, дорогая миссис Джордж, — вскричал майор, — но не поселяйте ее у себя в доме! Умоляю вас, не делайте этого!

— Пуф!.. — выдохнул Джоз.

— И это говорите вы, всегда такой добрый и мягкий? По крайней мере до сих пор вы были таким. Я удивляюсь вам, майор Уильям, — воскликнула Амелия. — Когда же и помочь ей, как не тогда, когда она так несчастна? Сейчас самое время оказать ей услугу. Она стариннейшая моя подруга и не...

— Она не всегда поступала с вами по-дружески, — прервал майор, так как был сильно рассержен.

Этого намека Амелия не могла вынести, она гневно взглянула майору в лицо и крикнула:

— Стыдитесь, майор Доббин!

Выпалив это, она величественно удалилась из комнаты и поспешно захлопнула дверь за собой и за своим оскорбленным достоинством.

«Намекать на это! — говорила она, заперев дверь. — О, какая жестокость с его стороны напоминать мне об этом! — И она взглянула на портрет Джорджа, висевший, как всегда, в ее спальне, над портретом сына. — Как это жестоко! Если я простила, разве следовало ему напоминать? Нет! И потом он же сам своими устами доказал мне, насколько нелепа и неосновательна была моя ревность и что ты чист, — о, да, ты был чист и непорочен, ты, мой святой, вознесенный на небеса!»

Она ходила по комнате, дрожа от негодования. Потом остановилась у комода и, облокотившись на выдвижную доску, стала глядеть на висевший над ним портрет. Глаза мужа смотрели на нее сверху как будто с укором, и это выражение все усиливалось по мере того, как она всматривалась. Давнишние нежные и сладостные воспоминания о быстротечной поре расцвета их любви нахлынули на нее снова. Рана, едва затянувшаяся после стольких лет, раскрылась вновь и мучительно кровоточила. Амелия не могла вынести укоров, бросаемых ей портретом мужа. Этого не будет! Никогда, никогда!

Бедный Доббин, бедный глупый Уильям! Злополучная его обмолвка уничтожила старания многих лет, разрушила долготерпеливое сооружение, на которое ушла целая жизнь любви и постоянства, — сооружение, воздвигнутое над таинственным и сокрытым от посторонних глаз фундаментом, под которым были погребены страсти, несчетные усилия, неведомые жертвы; достаточно было произнести одно коротенькое слово, — и рухнул весь пышный дворец надежд; одно слово — и упорхнула птичка, которую он всю жизнь старался заманить.

Хотя по виду Амелии Уильям и понимал, что наступил какой-то важный перелом, он все-таки продолжал в самых энергичных выражениях уговаривать Седли остерегаться Ребекки; настойчиво, почти яростно заклинал Джоза не принимать ее; умолял навести, по крайней мере, хоть справки о ней, рассказал, что слышал, будто она явшается с игроками и разными подозрительными личностями; описал, каких бед натворила она в былые времена, как она вместе с Раудоном Кроули разоряла беднягу Джорджа, а теперь, по ее же словам, она разошлась с мужем, и, вероятно, не без основательной причины. Какою же опасной сожительницей окажется такая особа для его сестры, не имеющей ни малейшего понятия о житейских делах. Уильям умолял Джоза со всем красноречием, на какое был способен, и с несравненно большей энергией, чем обычно обнаруживал этот хладнокровный джентльмен, убеждая не допускать Ребекку к себе в дом.

Не прояви Доббин такой страстности или будь он половчее, он, наверное, добился бы, чего хотел от Джоза; но наш чиновник уже давно негодовал на майора за превосходство, которым — казалось Джозу — тот постоянно перед ним кичится (Джоз даже поделился этим мнением с курьером мистером Киршем, дорожные счета которого майор строго проверял, и курьер присоединился к мнению хозяина), и вот Джоз повел напыщенную речь о том, что он сам сумеет постоять за свою честь, что он не позволит никому вмешиваться в свои дела, что он решил, наконец, возмутиться против деспотизма майора, когда беседе этой — довольно продолжительной и бурной — был положен конец самым естественным и простым образом, а именно появлением миссис Бекки в сопровождении швейцара из гостиницы «Слон», притащившего весьма скудный ее багаж.

Она приветствовала хозяина с любовной почтительностью, а майора — смущенным, но дружеским поклоном; инстинкт сразу подсказал ей, что майор ее враг и старался восстановить против нее. Шум и суета, вызванные ее прибытием, заставили и Амелию выйти из своей комнаты. Она горячо расцеловала гостью, а на майора не

обратила никакого внимания, только бросила на него сердитый взгляд, такой несправедливый и презрительный, какого глазки бедной женщины не метали, вероятно, с самого дня ее рождения. Но у нее были свои особые причины, и она во что бы то ни стало желала сердиться на него. И Доббин, негодуя не на поражение, а на несправедливость, удалился, отвесив ей такой же церемонный поклон, как и убийственный реверанс, которым она соблаговолила с ним проститься.

По уходе Доббина Эмми чрезвычайно оживилась, проявляла большую нежность к Ребекке, суетилась по комнатам, устраивая свою гостью с такой энергией и рвением, какие наша тихая маленькая приятельница вообще редко обнаруживала. Но когда приходится совершать несправедливый поступок — особенно если это приходится людям слабым, — то лучше делать его как можно скорее; а Эмми воображала, будто теперешним своим поведением проявляет огромную твердость, достодолжную любовь и почитание памяти покойного капитана Осборна.

Джорджи вернулся с ярмарки к обеду и увидел стол накрытым, по обыкновению, на четыре прибора; но одно из мест было занято незнакомой дамой вместо майора Доббина.

— Эй! А где же Дobb? — осведомился юный джентльмен с присущей ему простотой речи.

— Вероятно, майор Доббин обедает не дома, — ответила мать; притянув к себе, осыпала его поцелуями, потом откинула волосы с его лба и представила сына миссис Кроули.

— Вот мой мальчик, Ребекка, — произнесла миссис Осборн таким тоном, словно хотела сказать: может ли вселенная произвести что-либо подобное?

Бекки восторженно оглядела его и любовно пожала ему руку.

— Милый мальчик! — воскликнула она. — Он так похож на... — Волнение помешало ей докончить фразу, но Амелия поняла так же ясно, как если б это было сказано, что Бекки думала о своем возлюбленном сыне. Однако общество подруги утешило миссис Кроули, и она с аппетитом скушала очень вкусный обед.

За обедом ей несколько раз приходилось разговаривать, и Джорджи всякий раз взглядывал на нее и прислушивался. За десертом Эмми вышла сделать какие-то домашние распоряжения, Джоз в глубоком кресле подремывал над «Галиньями», Джорджи и гостя сидели рядом, он продолжал многозначительно на нее поглядывать, и наконец положил на стол щипцы для щелканья орехов.

— Послушайте, — начал он.

— Что же мне послушать? — смеясь, подхватила Бекки.

— Вы та дама в маске, которую я видел за *gouge et noir*.

— Тс-с, хитрец вы этакий, — промолвила Бекки, схватила его за руку и, поднеся к губам, поцеловала. — Ваш дядюшка тоже был там, но мамочка не должна об этом знать.

— О, нет, ни в каком случае, — ответил мальчуган.

— Видите, мы уже совсем подружились, — сказала Бекки вернувшейся Эмми. И надо признаться, что миссис Осборн ввела в свой дом в высшей степени разумную и любезную сожительницу.

В великом негодовании, хотя и не подозревая о готовящейся против него измене, Уильям метался по городу, пока не наткнулся на мистера Тэпуорма, пригласившего его отобедать с ним вместе. За столом майор воспользовался случаем и стал спрашивать дипломата, не знает ли он чего-нибудь о некоей миссис Радон Кроули,

наделавшей, кажется, немало шума в Лондоне. И тут Тэпуорм, разумеется, знавший все лондонские сплетни и, кроме того, бывший родственником леди Гаунт, преподнес изумленному майору такую историю о Бекки и ее супруге, что тот был совсем ошеломлен; и он же сообщил все факты, изложенные в настоящей повести, ибо именно за этим столом пишущий эти строки имел удовольствие слышать его рассказ несколько лет тому назад. Тефто, Стэйн, Кроули и их истории, все, имеющее касательство к Бекки и ее прежней жизни, — все фигурировало в отчете язвительного дипломата. Обо всех в мире он знал решительно все, да и еще много сверх этого; словом, он совершенно поразил своими разоблачениями простодушного майора. Когда Доббин сказал, что миссис Осборн и мистер Седли приняли Бекки к себе в дом, Тэпуорм разразился хохотом, покоробившим майора, и посоветовал лучше послать в тюрьму и предложить стол и квартиру одному или двум из тех джентльменов с бритыми головами и в желтых куртках, что, скованные попарно, подметают пумперникельские улицы: их можно приставить в качестве воспитателей к шалунишке Джорджи.

Сообщение это немало удивило и даже перепугало майора. Утром (еще до свидания с Ребеккой) было решено, что Амелия поедет вечером на придворный бал. Там он с нею и поговорит. Майор отправился домой, облекся в мундир и устремился ко двору в надежде увидеть там миссис Осборн. Но она не приехала. Когда он вернулся к себе, все огни в квартире Седли были уже погашены, — значит, он мог увидеться с ней только утром. Уж не знаю, как он провел ночь, уложив с собой в постель эту ужасную тайну.

Наутро, в самый ранний час, какой допускался приличиями, он послал своего слугу с записочкой к Амелии, сообщая, что ему необходимо с нею переговорить. На это пришел ответ, что миссис Осборн сильно нездоровится и она не выходит даже из спальни.

Амелия тоже провела бессонную ночь. Она все обдумывала одну вещь, волновавшую ее уже сотни раз раньше. Сотни раз, уже готовая сдаться, она испуганно отступала перед жертвой, казавшейся ей непосильной. Она не могла, несмотря на всю его любовь и постоянство, несмотря на собственное уважение, расположение и благодарность к нему. Да и что значат благодеяния, что значат постоянство или заслуги? Колечко девичьего локона, волосок из пушистых усов в одно мгновение могут перевесить все эти достоинства. В глазах Эмми они значили не больше, чем в глазах всех женщин. Она подвергла их испытанию, попробовала убить их — не смогла, и вот теперь безжалостная маленькая женщина нашла предлог и решила остаться свободной.

Когда после полудня майор наконец удостоился приема у Амелии, то вместо сердечного и дружеского приветствия, к которому привык за последнее, довольно продолжительное время, он был встречен сухим реверансом, и протянутая ручка в перчатке сейчас же отдернулась, едва коснувшись его руки.

Ребекка тоже находилась в комнате и подошла к нему с улыбкой и протянутой рукой. Доббин смущенно подался от нее назад.

— Я... прошу вас извинить меня, сударыня, — промолвил он, — но я считаю своим долгом сказать вам, что пришел сейчас сюда не в качестве вашего друга.

— Пф-ф! Черт побери! Избавьте нас от таких вещей! — воскликнул Джоз в испуге, желая избавиться от сцены.

— Я не понимаю, что может майор Доббин возразить против Ребекки? — заговорила Амелия тихим, ясным голосом, в котором слышалась легкая дрожь, хотя глаза выражали непреклонную решимость.

— Я не желаю, чтоб такие вещи проделывались у меня в доме, — вмешался опять Джоз. — Говорю вам, я не хочу, и, Доббин, я прошу вас прекратить это, сэр! — Он сильно покраснел, дрожа, обвел всех взглядом, с шумом выдохнул воздух и направился к двери в свою комнату.

— Дорогой друг, — промолвила Ребекка с ангельской кротостью, — выслушайте, пожалуйста, то, что майор Доббин имеет сказать против меня.

— Говорю же вам, что я не желаю этого слушать, — срывающимся голосом крикнул Джоз и, подобрав полы халата, удалился.

— Перед вами только две женщины, — сказала Амелия. — Вы можете теперь говорить, сэр.

— Этот тон по отношению ко мне едва ли пристал вам, Амелия, — горделиво ответил майор, — равно не думаю я, чтоб когда-нибудь провинился в грубом обращении с женщинами. Поверьте, мне вовсе не доставляет удовольствия выполнять тот долг, ради которого я сюда пришел.

— Прошу вас, выполните его поскорее, майор Доббин, — ответила Амелия, все сильнее впадая в нетерпение. Выражение лица Доббина, когда она заговорила таким повелительным тоном, стало не из приятных.

— Я пришел сказать, — и так как вы не удалились, то я вынужден говорить это в вашем присутствии, миссис Кроули, — я пришел сказать, что, по моему мнению, вам не следует вступать членом в семью моих друзей. Особа, разъехавшаяся с мужем, путешествуя под чужим именем, посещающая игорные дома...

— Я была там, на балу! — прервала Бекки.

— ...совсем не подходящая сожительница для миссис Осборн и ее сына, — продолжал Доббин. — К этому я должен прибавить, что здесь в городе есть люди, хорошо вас знающие. Они утверждают, что поведение ваше таково, что я даже не желаю говорить о нем в присутствии... в присутствии миссис Осборн.

— Вы избрали очень скромный и удобный вид клеветы, майор Доббин, — заговорила Ребекка. — Вы оставляете меня под тяжестью обвинения, в конце концов, даже и невысказанного. В чем я обвиняюсь? В неверности мужу? Я презираю это обвинение и бросаю вызов всем: пусть докажут. Бросаю вызов и вам, слышите! Моя честь так же не запятнана, как и честь злейшего врага, когда-либо меня поносившего. Может быть, вы обвиняете меня в том, что я бедна, всеми покинута и несчастна? Да, в этих преступлениях я повинна и несу кару за них ежедневно. Позвольте мне уехать, Эмми. Стоит только допустить, что мы с вами не повстречались, и ни я сама, ни положение мое не стали хуже, чем вчера. Стоит только допустить, что ночь прошла и бедная странница снова отправилась в путь. Разве вы не помните романс, который мы с вами распевали в доброе старое время? Вот с тех самых пор я и странствую — отверженной и несчастной, презираемой за бедность и оскорбляемой потому, что я одинока. Отпустите меня, — мое пребывание в вашем доме препятствует осуществлению планов этого джентльмена.

— Вы совершенно правы, сударыня, — сказал майор. — И если я имею какую-нибудь власть в этом доме...

— Власти — никакой! — оборвала Амелия. — Ребекка, вы останетесь со мной. Я не покину вас из-за того, что вы подвергаетесь преследованиям, и не стану оскорблять вас из-за того... из-за того, что так угодно поступать майору Доббину. Пойдемте отсюда, дорогая!

И обе женщины направились к двери.

Уильям растворил ее перед ними, но, когда они выходили, взял Амелию за руку и сказал:

— Не останетесь ли вы на минутку поговорить со мной?

— Он желает говорить с вами не в моем присутствии, — воскликнула Ребекка с видом мученицы. Амелия в ответ схватила ее за руку.

— Клянусь своей честью, что буду говорить не о вас, — ответил Доббин. — Вернитесь, Амелия. — Амелия вернулась, Доббин поклонился миссис Кроули, затворяя за нею дверь. Амелия взглянула на него, прислонившись к зеркалу; лицо и губы ее совсем побелели.

— Я был расстроен во время только что происходившего разговора, — помолчав, заговорил Доббин, — и некстати употребил слово «власть».

— Да, вы это позволили себе, — ответила Амелия, стуча зубами.

— Во всяком случае, я имею право быть выслушанным, — продолжал Доббин.

— Как великодушно напоминать мне о милостях, которыми мы вам обязаны, — ответила Амелия.

— Право, на которое я ссылаюсь, завещано мне отцом Джорджа, — сказал Уильям.

— Да, а вы оскорбили его память. Вы сделали это вчера. Вы знаете, что это так. И я никогда не прощу вам этого. Никогда! — повторила Амелия. Она выпаливала каждую из этих коротеньких фраз, вся дрожа от гнева и волнения.

— Вы говорите это несерьезно, Амелия! — промолвил Уильям печально. — Не хотите же вы сказать, что слова, произнесенные сгоряча, могут перевесить преданность целой жизни? Я думаю, что не оскорбил памяти Джорджа моим к ней отношением, а если уж мы дошли до обменов упреками, то я, во всяком случае, не заслужил упрека со стороны его вдовы и матери его сына. Подумайте потом, когда у вас будет время, и собственная совесть подскажет вам взять назад это обвинение. Она говорит это даже и сейчас. — Амелия опустила голову.

— Вас взволновали вовсе не вчерашние мои слова, — продолжал Доббин. — Они просто предлог, Амелия, или я любил и изучал вас целых пятнадцать лет понапрасну. Неужели я за это время не научился читать все ваши чувства и проникать во все ваши думы? Я знаю, на что способно ваше сердце: оно может с непоколебимой верностью цепляться за воспоминание, боготворить фантазию; но оно не способно почувствовать такую привязанность, на какую вправе рассчитывать моя любовь и какой я, конечно, добился бы от женщины, обладающей более великодушным сердцем, чем ваше. Нет, вы недостойны той любви, которой я дарил вас! Я давно уже чувствовал, что приз, из-за которого я бьюсь всю жизнь, не стоит того, чтобы его добиваться, что я был глупцом, тоже ослепленным фантазией, когда все силы и весь пыл души готов был отдать за жалкие остатки вашей любви. Но больше я не стану бороться: я отступаю. Я ни в чем не упрекаю вас. Вы очень добродушны и старались сделать все, что в ваших силах; но вы не смогли — не смогли подняться до высоты чувства, какое я питал к вам и которое более возвышенная душа, чем ваша, разделила бы не без гордости. Прощайте, Амелия. Я следил за вашей борьбой. Давайте положим ей конец. Мы оба устали от нее.

Испуганно и безмолвно стояла Амелия, в то время как Уильям неожиданно порывал цепь, на которой она его держала, и заявлял о своей независимости и превосходстве. Он так долго повергал себя к ее стопам, что глупенькая маленькая женщи-

на привыкла попирать его ногами. Она не хотела выходить за него замуж, но желала удержать его возле себя. Она не хотела давать ему ничего, но сама желала получать от него все. Такие сделки нередко проводятся в любовных делах.

Вспышка Уильяма повергла ее в полное смущение и угнетение. Ее нападение оказалось давным-давно отбитым и опрокинутым.

— Должна ли я понять, что вы... что вы уезжаете, Уильям? — спросила она.

Он горько засмеялся.

— Я уже уезжал однажды, — ответил он, — и вернулся через двенадцать лет. Мы были молоды тогда, Амелия. Прощайте. Я убил порядочный кусок своей жизни на эту игру.

Пока они разговаривали, дверь из комнаты миссис Осборн чуть-чуть приотворилась: Бекки схватилась за ручку и повернула ее в ту минуту, как Доббин ее выпустил, и потому слышала весь разговор до последнего слова.

«Какое благородное сердце у этого человека, — подумала она, — и как постыдно она с ним играет». Она восторгалась Доббином и не питала к нему никакой неприязни за выступление против нее. Это был открытый ход в игре, да и вся игра велась на чистоту. «Ах, будь у меня такой муж, — думала Бекки, — человек с умом и сердцем, я не посмотрела бы на его большие ноги». И, вбежав к себе в комнату, она окончательно надумала что-то и написала майору записочку, прося его подождать несколько дней, — даже не думать об отъезде, так как она может услужить ему в деле с А.

Между тем состоялось прощание. Снова бедный Уильям направился к двери и удалился, а маленькая вдовушка, виновница всех этих дел, поставила на своем, одержала победу и была покинута, чтобы как можно полнее наслаждаться своим торжеством. Пусть дамы позавидуют ее триумфу.

В романтический обеденный час появился мастер Джорджи и вновь заметил отсутствие «старика Добба». Обед прошел среди общего молчания, причем аппетит Джоза не уменьшился, но Эмми совсем ничего не кушала.

После обеда Джорджи развалился на подушках у старинного окна, огромного углового окна в три зеркальных створа, выходившего одною стороною на Рыночную площадь, где стоит гостиница «Слон», а противоположною — «на Госуэль-стрит через дорогу», вроде бессмертного окна мистера Пикквика¹, — так вот Джорджи развалился у этого окна, а мать его сидела рядом с ним, занимаясь рукоделием, как вдруг Джорджи заметил на противоположной стороне улицы у дома майора признаки движения.

— Эй! — воскликнул он. — Вон Доббов капкан, его зачем-то вытащили со двора.

«Капканом» называлась карета, купленная Доббином за шесть фунтов стерлингов и навлекшая на него немало насмешек со стороны товарищей по путешествию.

Эмми слегка вздрогнула, но ничего не сказала.

— Эй! — продолжал Джорджи, — а вон Фрэнсис выносит портплед и чемодан, а кривой почтарь Кунц ведет через рынок тройку серых кляч. Посмотрите-ка на его сапоги и желтую куртку, — вот так чудело! Что это такое? Да ведь они запрягают лошадей в Доббов капкан! Разве он куда-нибудь уезжает?

¹ *Сэмюэл Пиквик* — главный герой романа, богатый старый джентльмен, эсквайр, основатель и бессменный президент Пиквикского клуба в романе Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба».

- Да, — ответила Эмми, — он едет путешествовать.
- Путешествовать? А когда он вернется?
- Он... он не вернется, — ответила Эмми.
- Не вернется? — вскакивая, закричал Джорджи.
- Оставайтесь здесь, сэр! — прикрикнул Джоз.
- Остайся, Джорджи, — проговорила мать, грустно глядя на сына.

Мальчик остановился, потом заметался по комнате, забрался с ногами в кресло, стоявшее у окна, соскочил с него, вообще проявлял все признаки тревоги и любопытства.

Лошади были запряжены, вещи привязаны. Фрэнсис вышел, неся связанные вместе саблю, трость и зонтик хозяина, и положил их в кузов, а письменную шкатулку и футляр с треуголкой поставил под сиденье. Затем Фрэнсис вынес и старый порыжелый синий плащ, подбитый красным камлотом¹, — он укутывал своего владельца неизменно все эти пятнадцать лет и *had manchen Sturm erlebt*², как пелось в любимой песенке того времени. В Ватерлооскую кампанию плащ этот был новенький и прикрывал Джорджа и Уильяма после ночной стычки при Катр-Бра.

Вот вышел старик Бурке, квартирный хозяин, за ним Фрэнсис с кучей мелких вещей, тех, что выносятся под самый конец, и, наконец, сам майор. Бурке полез к нему целоваться. Майора ведь обожали все, с кем ему приходилось иметь дело. И тут ему с трудом удалось отделаться от этого проявления расположения.

— Черт возьми, я пойду! — воскликнул Джордж.

— Передайте ему вот это, — шепнула Бекки, с интересом следившая за происходящим, и сунула в руку мальчика бумажку.

Джорджи в одну минуту сбежал с лестницы и перемахнул через улицу; желтый почтарь уже пощелкивал своим бичом.

Уильям влезал в колымагу, освободившись из объятий хозяина. Джорджи вскочил следом за ним, обнял майора за шею (Амелии и Бекки это видно было из окна) и засыпал его вопросами. Потом нащупал что-то в жилетном кармане и вручил Доббину записку. Уильям поспешно схватил ее, вскрыл с трепетом, но в ту же минуту выражение лица его изменилось, он разорвал бумажку надвое и выбросил из экипажа. Потом он поцеловал Джорджи в голову, и мальчик вылез из экипажа с помощью Фрэнсиса, утирая глаза кулаками, и схватился рукою за дверцу.

Желтый почтарь оглушительно щелкнул бичом, Фрэнсис вскочил на козлы, и серые лошади помчали Доббина, поникшего головой на грудь. Он даже и не взглянул, когда проезжал мимо окон Амелии, а Джорджи, оставшись один на улице, разревелся на глазах у всей толпы.

Горничная Эмми слышала, как он плакал и ночью, — она принесла ему в утешение сушеных абрикосов и вместе с ним пожалела об уехавшем майоре. Все бедные, смиренные, честные и добрые люди, знавшие майора, любили этого добросердечного и обходительного джентльмена.

А что касается Эмми, то разве она не исполнила своего долга? А для утешения у нее имелся портрет Джорджа.

¹ *Камлот* — грубая бумажная ткань из крученых ниток.

² Пережил не одну бурю (*нем.*).

ГЛАВА LXVII, закрывающая рождения, бракосочетания и кончины

Каков бы ни был секретный план Бекки, с помощью которого преданная любовь Доббина должна была увенчаться наградой, маленькая женщина решила, что с разоблачением тайны можно не торопиться, и, действительно, интересуясь чужим благополучием несравненно меньше, чем своим собственным, она должна была обдумать множество вещей, касавшихся ее самой и волновавших ее гораздо больше, чем счастье всей земной жизни майора.

Совершенно неожиданно и внезапно Бекки очутилась в уютной и комфортабельной обстановке, окруженная друзьями, приветливостью, добросердечием и простотой, каких не встречала уже много, много лет. Хотя в силу обстоятельств и личной склонности Бекки все последние годы вела кочевой образ жизни, но временами отдых бывал приятен и ей; подобно тому как самый закаленный араб, когда-либо носившийся по пустыне,

сидя между горбами верблюда, порою любит отдохнуть у воды под сенью финиковых пальм или в городах расхаживать по базарам, прохладиться в банях и молиться в мечетях перед тем, как снова отправиться на грабеж, так и палатка Джоза и его пилав пришлось по вкусу нашей маленькой измаильтянке. Она стреножила своего коня, повесила свои доспехи и с удовольствием грелась у камелька. Перерыв в бродячей беспокойной жизни был ей невыразимо сладостен и приятен.

И вот, довольная сама, она всячески старалась угодить всем окружающим, а мы знаем, как великолепно изошрилась она в искусстве доставлять людям удовольствие. Что касается Джоза, то даже и во время коротенькой беседы в мансарде «Сло-

на» она сумела вернуть себе значительную часть прежнего расположения нашего чиновника, а по истечении недели он сделался присяжным ее рабом и восторженным обожателем. Он даже не уходил спать после обеда, как делал раньше в менее интересном и оживленном обществе Амелии. Он выезжал с Бекки в открытой коляске, приглашал к себе гостей и придумывал разные увеселения в ее честь. Милорд Тэпуорм, давший такие оскорбительные отзывы о Бекки, приехал как-то на обед к Джозу, а потом стал являться каждый день засвидетельствовать свое почтение Бекки. Бедняжка Эмми, никогда не отличавшаяся разговорчивостью, а со времени отъезда Доббина ставшая еще более молчаливой и печальной, оказалась совсем позабытой с появлением этого гения высшего порядка. Французский дипломат был очарован Бекки не меньше, чем его английский соперник. Немецкие дамы, никогда не проявляющие чрезмерной щепетильности в вопросах нравственности, особенно когда дело касается англичан, восхищались умом и живостью очаровательной подруги миссис Осборн; и хотя она не выражала желания представиться ко двору, однако сами августейшие и светлейшие особы, наслышавшиеся о ее чарах, очень желали с нею познакомиться. Когда же выяснилось, что она благородного происхождения, принадлежит к старинной английской фамилии, что муж ее — гвардейский полковник, превосходительство и губернатор какого-то острова и разошлись они из-за пустячных недоразумений, не имеющих значения в стране, где все еще зачитываются «Вертером»¹, а «Wahlverwandschaften»² Гете считается назидательной нравственной книгой, — никто из представителей высшего общества в маленьком герцогстве и не подумал о том, чтобы отказаться принимать Бекки, а дамы говорили ей «ты» и клялись в вечной дружбе даже с большей готовностью, чем дарили этими бесценными благами Амелию. Любовь и свобода толкуются простодушными немцами на такой лад, что порядочным людям в Йоркшире и Сомерсетшире никогда этого не понять, и в каком-нибудь философском и цивилизованном немецком городке женщина может разводиться с мужьями сколько ей вздумается и все-таки не утратить своего положения в обществе. Дом Джоза никогда не был так приятен с тех пор, как он вообще обзавелся домом, как теперь, когда всем управляла Ребекка. Она пела, играла, смеялась, говорила на двух или трех языках, умела привлечь всех и каждого и в то же время ухитрялась убедить Джоза, что именно его замечательная общительность и остроумие сплотили вокруг него все местное высшее общество.

Что касается Эмми, которая уже не чувствовала себя хозяйкой в доме, за исключением тех случаев, когда приходилось платить по счетам, то Бекки скоро нашла способ успокаивать ее и угождать ей. Она постоянно говорила с Амелией о майоре Доббине, уехавшем по делам, не стесняясь, выражала свое восхищение этим превосходным, благородно мыслящим джентльменом и внушала Эмми, что она поступила с ним чрезвычайно жестоко. Эмми оправдывала свое поведение и указывала, что оно диктовалось чистейшими религиозными побуждениями, что женщина, однажды повенчанная и т. д., да еще с таким ангелом, каким подарила ее судьба, венчается навеки. Но она не препятствовала Бекки восхвалять майора, сколько той хотелось, и сама десятки раз в день заводила разговор все на ту же тему — о Доббине.

¹ «Страдания молодого Вертера» — роман в письмах немецкого писателя И. В. Гёте.

² «Сродство душ» (нем.). — роман И. В. Гёте.

Без труда нашлись способы завоевать расположение Джорджи и прислуги. Мы уже говорили, что горничная Амелии была душою и сердцем предана великодушно-му майору. Невзлюбив сначала Бекки за то, что она явилась виновницей отдаления майора от ее барыни, мисс Пайн вскоре примирилась с нею, потому что Бекки оказалась самой пылкой поклонницей и защитницей майора. Во время ночных совещаний, которые затевали наши дамы, возвращаясь из гостей, пока мисс Пайн расчесывала им «волосы», — так она называла золотистые локоны одной и мягкие каштановые косы другой, — почтенная горничная всегда вставляла словечко похвалы дорогому доброму майору Доббину. Заступничество горничной так же мало сердило Амелию, как и восхищение Ребекки майором. Амелия постоянно заставляла Джорджи писать крестному письма и настойчиво посылала сердечные приветы от мамыши в постскриптуме. И когда теперь по ночам она смотрела на портрет мужа, он уже не бросал ей немых укоров; пожалуй, теперь Амелия сама укоряла его за удаление Уильяма.

Эмми не чувствовала себя счастливой после своей героической жертвы. Она была очень *distracte*¹ нервна, молчалива и капризна. Никто в семье не помнил, чтобы она когда-нибудь бывала так раздражительна. Она побледнела и испытывала недомогание. Часто принималась петь определенные романсы (одним из них был «*Einsam bin ich nicht alleine*»²; эта нежная любовная песенка Вебера³ показывает, что и в те стародавние дни, когда вас, юные мои читательницы, еще не было на свете, люди тоже умели любить и петь), так вот, она пела определенные романсы, любимые майором, но, поворковав в полусумраке гостиной, вдруг обрывала романс на середине и удалялась в соседнюю комнату, где, несомненно, находила утешение в созерцании миниатюры покойного мужа.

После отъезда Доббина нашлось несколько книг с надписанной на них его фамилией, например, немецкий словарь с надписью «Уильям Доббин *** полка» на титульном листе; путеводитель с его инициалами и еще несколько томиков, принадлежавших майору. Эмми собрала эти книги и положила на полочку, где находились ее рабочий ящичек, письменная шкатулка, библия, молитвенник, — как раз под портретами обоих Джорджей. Кроме того, майор, уезжая, забыл перчатки, и достоверно известно, что несколько времени спустя Джорджи, роясь в шкатулке матери, нашел там эти перчатки аккуратно сложенными и запрятанными в так называемый секретный ящичек.

Не любя общества, даже изрядно скучая в гостях, Эмми охотно совершала в летние вечера длинные прогулки с Джорджи (Ребекка на это время покидалась в обществе мистера Джозефа), и тут мать заводила с сыном беседу о майоре, иногда с такою настойчивостью, что мальчик даже начинал улыбаться. Эмми говорила сыну, что считает майора Уильяма самым лучшим человеком в мире; самым благородным и добрым, самым храбрым и самым скромным. Без конца повторяла, что всем решительно, чем они обладают в мире, они обязаны заботам этого доброго и внимательного друга, рассказывала, как он поддерживал их в годы бедствий и нищеты, как заботился о них,

¹ Рассеяна (*фр.*),

² «В одиночестве я не одна» (*нем.*).

³ *Карл Мария фон Вебер* (1786–1826) — немецкий композитор, дирижер, пианист, музыкальный писатель, основоположник, немецкой романтической оперы, предшественник Вагнера.

когда никто не хотел их знать; как все товарищи преклонялись перед ним, хотя сам он никогда не говорил о своих подвигах, как отец Джорджи доверял ему больше всех и встречал неизменное дружеское отношение со стороны доброго Уильяма.

— Когда твой папа был еще маленьким мальчиком, он часто рассказывал мне, что Уильям защищал его от тирана той школы, где они учились, и дружба их не прекращалась с того дня и до последнего, когда твой дорогой отец пал на поле битвы.

— А Доббин убил того человека, который убил папу? — спрашивал Джордж. — Я уверен, что убил. Или непременно убил бы, если бы тот ему попался, ведь, правда, мама? Когда я буду в армии, я тоже буду ненавидеть французов. Уж я им покажу!

В таких беседах мать и сын проводили большую часть времени, когда оставались вдвоем. Бесхитростная женщина поверяла свои сокровенные чувства мальчику. А он был таким же другом Уильяма, как и все, хорошо знавшие майора.

Между прочим, миссис Бекки, чтобы не отставать в чувствительности от подруги, тоже разыскала некий портрет и повесила его у себя в комнате на удивление и потеху всем, кто видал это произведение, но, к великому удовольствию оригинала, которым был не кто иной, как наш приятель Джоз. Удостоив семейство Седли согласием погостить у них, маленькая женщина перебралась сначала с необыкновенно скромными и жалкими пожитками и, вероятно, сама стеснялась ничтожества своих чемоданчиков и картонок, потому что очень часто и с большим почтением распространялась о своем багаже, оставленном в Лейпциге, откуда она должна его получить. Когда путешественник постоянно твердит о великолепии своих вещей, которых случайно при нем не оказывается, остерегайся, сын мой, этого путешественника. В десяти случаях из одиннадцати такой путешественник — обманщик.

Но ни Джоз, ни Эмми не знали этой важной истины. Они не придавали значения тому обстоятельству, имеет или не имеет Бекки множество чудесных нарядов в невидимых чемоданах; но так как имевшийся при ней гардероб был чрезвычайно поношен, то Эмми пополняла его из собственных запасов или везла ее к лучшей портнихе в городе и там заказывала ей все нужное. Можете быть уверены, отныне вы не увидите на Бекки ни разорванных воротничков, ни линяющих шелковых косыночек, спускающихся с плеча. С изменившейся обстановкой преобразились и привычки Бекки: баночка с румянами была изъята из употребления, другое возбуждающее, к которому она уже успела привыкнуть, тоже было оставлено или, во всяком случае, употреблялось только по секрету, вроде того, например, как однажды в летний вечер, когда Эмми с сыном отправились гулять, Джоз соблазнил ее выпить немножко грогу. Но если не предавалась этой слабости Бекки, то про курьера этого сказать нельзя: негодяя Кирша невозможно было удержать от бутылки, а когда он к ней припадал, то и сам не мог сказать, много ли выпил. Нередко он и сам дивился, как быстро убывает у мистера Седли коньяк. Ну, да это ведь довольно неприятная тема. Бекки, вероятно, предавалась этой слабости значительно меньше, чем раньше, до вступления своего в приличную семью.

Наконец пресловутые сундуки прибыли из Лейпцига, — три штуки, отнюдь не поражающие размерами или великолепием; точно так же не похоже было, чтобы по прибытии сундуков Бекки извлекла из них какие-нибудь наряды или украшения. Но из одного, в котором находилась куча ее бумаг (того самого, что так злобно разрыл Раудон в поисках спрятанных Ребеккою денег), она весьма радостно достала картинку и, приколов ее булавками к стенке, подвела к ней Джоза. То был мужской портрет,

исполненный карандашом, причем по лицу художник, для оживления, прошелся розовой пастелью. Джентльмен был изображен сидящим на слоне и удаляющимся от группы кокосовых пальм и пагоды, — словом, картинка из восточной жизни.

— Господи спаси мою душу, да ведь это мой портрет! — воскликнул Джоз. Действительно, то был он, цветущий молодостью и красотой, в нанковой¹ куртке покроя 1804 года. Давнишний портрет этот висел в Рессель-сквере.

— Я купила его на аукционе, — промолвила Бекки дрожащим от волнения голосом. — Я поехала туда посмотреть, не смогу ли хоть чем-нибудь помочь моим милым друзьям. Я никогда не расставалась с этим портретом... и никогда не расстанусь.

— Неужели? — вскричал Джоз, бросив на нее взгляд, полный неопишуемого восторга и самодовольства. — Неужели вы в самом деле цените его потому, что это — мой портрет?

— Ведь вы же знаете, хорошо знаете, что это так, — ответила Бекки. — Но к чему говорить... зачем думать... зачем оглядываться назад? Теперь уже слишком поздно.

Беседа, происшедшая между ними в тот вечер, окончательно преисполнила Джоза восхищением. Эмми, вернувшись с прогулки, сейчас же легла в постель, так как чувствовала себя утомленной и нездоровой. Таким образом, Джоз и его красивая гостья провели время в очаровательном *tête-à-tête*, и Амелия, лежа без сна в соседней комнате, слышала, как Ребекка распевала Джозу старинные романсы 1815 года. Самое же удивительное, что и Джоз в эту ночь спал не больше Амелии.

Стоял июнь и, следовательно, разгар лондонского сезона. Джоз, читавший ежедневно и от строчки до строчки несравненную газету «Галиньяни» (этого лучшего друга изгнанника), любезно преподносил своим дамам выдержки из этой газеты за первым завтраком. Ежедневно в газете печатался подробный отчет о всех военных назначениях, перемещениях и производствах, и Джоз, в качестве человека, побывавшего на войне, очень интересовался этим отделом. И вот однажды он вычитал: «Прибытие *** полка. Грэвисэнд, 20 июня. Судно Ост-Индской компании «Рамчундер» сегодня утром вошло в реку, имея на борту четырнадцать офицеров и 132 рядовых этого доблестного полка. Полк отсутствовал из Англии четырнадцать лет, так как был посажен на суда через год после Ватерлооской битвы, в которой принимал деятельное участие, а в дальнейшем блестяще отличился во время бирманской войны. Заслуженный полковник сэр Майкель О'Дауд, кавалер ордена Бани, его супруга и сестра вчера же высадились на берег вместе с капитаном Поски, Стебблом, Макроу, Мелони, лейтенантами Смисом, Джонсом, Томпсоном, Ф. Томсоном и прапорщиками Гиксом и Грэди; два музыкальных оркестра приветствовали полк во время высадки посменным исполнением национального гимна, а толпа громкими кликами проводила доблестных ветеранов до отеля Уэйта, где защитникам Англии был предложен роскошный банкет. Во время банкета — излишне прибавлять, что он вполне соответствовал великолепной и общепризнанной репутации Уэйта, — восторженные клики толпы достигли такого воодушевления, что леди О'Дауд вместе с полковником вышли на балкон и подняли бокал лучшего уэйтского кларета за здоровье дорогих соотечественников».

¹ Нанка — прочная хлопчатобумажная ткань, буро-желтого цвета, изготавливаемая первоначально в китайском городе Нанкине. Часто упоминается в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»

Несколько дней спустя Джоз прочитал краткое сообщение о том, что майор Доббин присоединился к *** полку в Чатаме; затем последовала заметка о представлении ко двору полковника сэра Майкеля О'Дауда, кавалера ордена Бани, леди О'Дауд (представленной миссис Мэллоу Мэлони Бэллимэлони) и мисс Глорвины О'Дауд (представленной уже самою леди О'Дауд). Почти непосредственно вслед за этим фамилия Доббина появилась в списке произведенных в подполковники, ибо старый маршал Типтоф скончался во время морского перехода *** полка из Мадраса, и королю благоугодно было произвести полковника сэра Майкеля О'Дауда в чин генерал-майора по случаю возвращения его в Англию и вместе с тем выразить пожелание, чтобы он оставался командиром этого славного полка, находившегося так долго под его началом.

До Амелии доходили кое-какие сведения об этих событиях. Переписка между Джорджи и его опекуном отнюдь не прекращалась; со времени отъезда Уильям написал раза два-три даже самой Амелии, но письма эти были так непринужденно холодны, что бедная женщина не могла не почувствовать, что утратила всякую власть над своим другом и что он и в самом деле вернул себе свободу, как заявил о том ей самой. Он покинул ее, и она чувствовала себя несчастной. Воспоминания о его бесчисленных услугах, о высоком и любовном уважении, какое он питал к ней, воскресали перед нею и преследовали ее днем и ночью. По свойственной ей привычке, она без конца перебирала эти воспоминания, понимала теперь чистоту и благородство чувства, над которым насмеялась, и горько упрекала себя за то, что сама отшвырнула от себя такое сокровище.

А сокровище действительно исчезло. Уильям растратил его дочиста. Ему казалось, что он уже не любит Эмми так, как любил. И никогда не полюбит вновь. Чувство, какое он с такою верностью питал к ней в течение столь долгих лет, нельзя было швырнуть наземь, истоптать, изорвать, а потом подштопать в расчете, что места разрывов будут незаметны. Маленькая неосторожная тиранка именно так и искалечила его чувство. Нет, Уильям все чаще и чаще думал: «Я обманывал сам себя и настойчиво тешил себя этим обманом. Если бы она была достойна моей любви, она давно ответила бы мне взаимностью. Это было сладким заблуждением. А разве вся-то наша жизнь не состоит из таких заблуждений? И если бы мне удалось завоевать Эмми, почем знать, не разочаровался ли бы я на следующий же день после победы? Зачем же мучиться, зачем стыдиться поражения?»

Чем больше размышлял Доббин над этой долгой полосой своей жизни, тем яснее убеждался в своем заблуждении.

«Надену снова хомут, — говорил он, — и буду исполнять свой долг в той обстановке, куда судьбе было угодно меня поставить. Буду следить за тем, чтобы пуговицы у новобранцев были ярко начищены и чтобы сержанты не врали в своих счетах; буду обедать в офицерской столовой и слушать рассказы доктора-шотландца, а когда состарюсь и превращусь в развалину, выйду в отставку с половинной пенсией, и старухи сестры станут меня грызть. Зато я тоже „habe geliebt und gelebet“¹, как говорит девушка в „Валленштейне“². И теперь я человек конченный». — Заплатите по счетам и

¹ Любил и жил (нем.).

² «Валленштейн» — драматическая трилогия знаменитого немецкого поэта Фридриха Шиллера.

дайте мне сигару, Фрэнсис, да посмотрите, что сегодня дают в театре. Завтра мы отплывем на «Голландец».

Вышеприведенную речь, из которой Фрэнсис слышал только две последние фразы, майор вел с самим собою, расхаживая взад и вперед по Буумпесу в Роттердаме. «Голландец» стоял в гавани, и майор мог даже различить местечко на шканцах, где сидел с Эмми во время счастливого путешествия на континент. Что такое эта маленькая миссис Кроули хотела сообщить ему? Пфа! Завтра он пустится в море и вернется в Англию, к своим обязанностям.

В начале июля весь маленький пумперникельский придворный кружок, согласно немецким обычаям, разъезжался в сотни бальнеологических курортов, где пили минеральные воды, катались на ослах, играли в азартные игры в *gedoutes*¹, если были деньги и охота, с сотнями себе подобных обжирались за табльдотами и проводили лето в полном безделье. Английские дипломаты уехали в Теплиц и Киссинген, французские соперники их заперли свои *chancellerie*² и умчались на свой излюбленный Гандский бульвар. Светлейшее владетельное семейство также частью отправилось на воды, частью уединилось в охотничьи замки. Уезжали все, кто имел претензию на некоторую светскость, а следовательно, уехал с ними и доктор фон Глаубер, придворный врач, вместе со своею баронессою. Купальные сезоны являлись самым продуктивным периодом в практике доктора, — он соединял приятное с полезным, главным пристанищем ему обычно служило Остенде, куда съезжается много немцев и где сам доктор и его супруга пользовались случаем тоже «пополоскаться» в море, как выражался доктор.

Интересный пациент Джоз оказался для Глаубера настоящею дойною коровою, и он без труда убедил нашего чиновника, что для его собственного здоровья и здоровья его прелестной сестрицы, действительно сильно пошатнувшегося, им необходимо провести лето в этом отвратительном приморском городке. Эмми было безразлично, куда ехать. Джорджи запрыгал от радости при мысли о перемене. Что касается Бекки, то, разумеется, она заняла четвертое место в великолепной дорожной карете, купленной мистером Джозом, а прислуга поместилась впереди на козлах. Возможно, что у Бекки возникали кое-какие опасения насчет знакомых, с которыми ей, вероятно, предстояло встретиться в Остенде и которые могли порассказать о ней разные некрасивые истории, но — ба! — она чувствовала за собой силу справиться и с этим. Она теперь так прочно забросила якорь в сердце Джоза, что вырвать его оттуда потребовался бы очень сильный шторм. Маневр с портретом доконал Джоза бесповоротно. Бекки сняла со стены слона и уложила его в шкатулку, много лет тому назад подаренную Амелиєю. Эмми тоже уложила своих ларов — оба свои портрета, — и маленькая компания наших знакомцев вскоре расположилась в чрезвычайно дорогом и неудобном пансионе в Остенде.

Здесь Амелия начала брать морские ванны, извлекая из них все доступные для нее блага, и хотя десятки знакомых Бекки проходили мимо нее, не кланяясь ей, миссис Осборн, гулявшая вместе с Бекки и не имевшая никаких знакомых, даже и не подозревала об оскорблениях, которым подвергалась ее приятельница, столь благо-разумно выбранная ею себе в сожительницы. Бекки же, само собою разумеется, и в

¹ Игрных залах (*фр.*).

² Канцелярии (*фр.*).

голову не приходило посвятить Амелию в то, что происходило перед ее простодушными глазками.

Впрочем, некоторые из знакомых миссис Раудон Кроули узнавали ее очень охотно, пожалуй, даже более охотно, чем ей самой это было желательно. Среди таких знакомых оказались майор Лодер (не причисленный ни к какому полку) и капитан Рук (бывший стрелок); оба они ежедневно торчали на пляже, покуривая и разглядывая женщин, и очень скоро добились доступа к гостеприимному столу и в избранный кружок мистера Джозефа Седли. В сущности, они не признавали отказов: они врывались в дом, не спрашиваясь, находится там Бекки или нет, забирались и к миссис Осборн, наполняя ее гостиную запахом своих сюртуков и усов, называли Джоза «старым козлом», без церемонии располагались за его обеденным столом и целыми часами пили и хохотали в его столовой.

— О чем они говорили? — спросил как-то Джорджи, которому эти господа очень не нравились. — Я слышал, как майор сказал вчера миссис Кроули: «Ну, нет, Бекки, не воображайте, что старый козел достанется вам одной. Мы должны пожить хотя косточками, черт побери, а не то я выведу вас на свежую воду». Что майор хотел этим сказать, мама?

— Майор! Пожалуйста, не называй его майором! — ответила Эмми. — Не знаю я, что он хотел этим сказать.

Присутствие майора и его приятеля внушали Амелии непреодолимый ужас и отвращение. Они осыпали ее пьяными комплиментами, подмигивали ей за обедом. А капитан, ухаживая за нею, прибегал к таким приемам, что вызывал в ней чувство омерзения и тошноты, и она перестала принимать его, если при ней не было Джорджа.

Ребекка, нужно отдать ей справедливость, сама старалась не оставлять этих людей наедине с Амелией; майор был тоже холост и поклялся, что завоюет Амелию. Таким образом, двое негодяев состязались из-за этого простодушного создания, разыгрывая ее в карты за ее же собственным столом. И хотя она не подозревала об их действительных намерениях на ее счет, она испытывала в их присутствии тревогу и смущение и жаждала бежать от них.

Она убеждала и умоляла брата вернуться домой. Но он и думать об этом не хотел. Он вообще был тяжел на подъем, а тут он был связан с доктором, а может быть, и еще какими-нибудь другими узами. По крайней мере, Бекки вовсе не стремилась вернуться в Англию.

В конце концов Эмми приняла великое решение — сделала решительный прыжок. Она написала письмо одному другу, жившему за морем; о письме этом она никому не сказала ни слова, сама снесла его на почту, спрятав под шалью, да и потом не упоминала о нем. Только, встретившись с Джорджи, сильно покраснела и взволновалась, а вечером все целовала его и лгнула к нему. Вернувшись с прогулки, она не вышла из своей комнаты. Бекки решила, что ее напугали чем-нибудь майор Лодер или капитан.

«Ей нельзя здесь оставаться, — рассуждала сама с собой Бекки. — Она должна уехать, эта бедная дуручка. Она все время хнычет по своему простофиле-супругу, который умер (и хорошо сделал!) вот уже пятнадцать лет. Она не выйдет замуж ни за одного из этих молодчиков. Со стороны Лодера это просто гадость. Нет, она должна выйти за бамбуковую трость, я это устрою сегодня же вечером».

И вот Бекки понесла Амелии в спальню чашку чаю и нашла эту особу в обществе своих двух миниатюр и в самом меланхолическом и подавленном настроении. Бекки поставила чашку на стол.

— Благодарю вас, — проговорила Амелия.

— Выслушайте меня, Амелия, — сказала Бекки, расхаживая взад и вперед по комнате и поглядывая на подругу с презрительной нежностью. — Мне нужно с вами поговорить. Вы должны уехать отсюда, бежать от дерзости этих людей. Я не хочу, чтобы они приставали к вам, а если вы останетесь, они могут вас оскорбить. Говорю вам, это негодяи, люди, которым настоящее место на галерах. Не все ли равно, каким образом я с ними познакомилась? Я знакома со всеми. Джоз не может за вас заступиться, он слишком толст и слаб и сам нуждается в защите. А вы так же пригодны для жизни в свете, как грудной младенец для войны. Вы должны выйти замуж, иначе и вы сами и милый ваш мальчик, оба вы пропадете. Вы должны иметь мужа, дурочка, и ведь благороднейший из всех людей, каких я когда-либо знавала, сотни раз делал вам предложение, а вы отвергали его, глупое вы, бессердечное, неблагодарное создание!

— Я пробовала... Я всячески старалась, Ребекка, — умоляющим тоном ответила Амелия, — но я не могу забыть... — и закончила фразу взглядом, брошенным на портрет.

— Не можете забыть его? — воскликнула Бекки. — Этого себялюбивого вранья, этого невоспитанного фатишку из мещан, этого набитого дурака, который не обладал ни умом, ни манерами, ни сердцем и которого так же можно сравнить с вашим другом, разгуливающим с бамбуковой тростью, как вас с королевой Елизаветой! Да ведь он тяготился вами и бросил бы вас, если бы этот Доббин не заставил его сдержать слово. Он сам мне в этом признался. Он вовсе вас и не любил. Он постоянно высмеивал вас передо мной и спустя неделю после вашей свадьбы принялся ухаживать за мной.

— Это ложь! Это ложь, Ребекка! — вскричала Амелия, вскакивая с кресла.

— Взгляните вот на это, дурочка! — сказала Бекки все с тем же вызывающим добродушием и, вытащив из-за пояса сложенную бумажку, развернула ее и бросила на колени Эмми. — Вы ведь знаете его почерк. Так вот, он написал мне эту записку, предлагая мне бежать с ним, и передал ее мне у вас же под носом накануне того, как его убили — и хорошо сделали! — повторила Ребекка.

Эмми не слушала ее, она смотрела на записку. Это была записка, которую Джордж вложил в букет Бекки на балу у герцога Ричмондского. И все было так, как утверждала Бекки: молодой безумец уговаривал ее бежать вместе с ним. Голова Эмми упала на грудь, и, кажется, в последний раз, что ей полагается проливать слезы на протяжении этой повести, она приступила к указанному занятию. Голова ее упала на грудь, а руки поднялись к глазам; и вот в течение некоторого времени она давала волю своим чувствам, а Бекки стояла и смотрела на нее. Кто сумеет разобраться в этих слезах и сказать, были ли они горьки или сладки? Была ли она огорчена тем, что кумир ее жизни свалился с пьедестала и рассыпался в прах у ее ног, возмущалась ли тем, что любовь ее была так осмеяна, или же радовалась тому, что рухнула наконец воздвигнутая ее скромностью преграда между нею и новою, истинною привязанностью? «Теперь ничто уже не может мне помешать, — думала она. — Я могу теперь любить его всем сердцем. И я буду, буду любить его, если только он позволит и простит меня». Мне кажется, именно это чувство преобладало над всеми иными, теснившимися в кротком сердечке Амелии.

Вопреки ожиданиям Бекки она и плакала-то не так долго; подруга утешала и целовала ее — редкое проявление сочувствия со стороны миссис Бекки. Она обращалась с Эмми, как с ребенком, гладила ее по голове.

— А теперь возьмите перо и бумагу и напишите ему, чтобы он сейчас же приезжал, — сказала Бекки.

— Я... я уж написала ему сегодня утром, — призналась Эмми, страшно покраснев. Бекки так и покатилась со смеха.

— Un biglietto, eccolo qua¹, — запела она арию Розины², и весь дом зазвенел от ее пронзительного голоса.

Два дня спустя после этой сценки, хотя утро было дождливое и туманное и Амелия не спала всю ночь, прислушиваясь к завыванию ветра и терзаясь жалостью ко всем странствующим по суше и по морям, она все-таки встала очень рано и пожелала непременно совершить прогулку на пристань вместе с Джорджи. И вот она прохаживалась там под дождем, хлеставшим ей в лицо, и всматривалась на запад за темную полоску моря, поверх вздувшихся водяных валов, с шумом и пеной катившихся к берегу. Ни мать, ни сын почти не разговаривали, только мальчуган изредка старался ободрить робкую свою спутницу словом сочувствия.

— Я надеюсь, он не вздумает переправляться в такую погоду, — проговорила Эмми.

— А я ставлю десять против одного, что станет, — ответил мальчик. — Посмотрите, мама, вон и дым от парохода. — Действительно, так оно и было.

Но хотя пароход и направлялся к берегу, его-то могло ведь на нем и не оказаться; он мог не получить письма; мог не захотеть приехать. Сотни опасений, перегоняя друг друга, устремлялись в маленькое сердечко с такою же быстротой, как волны набегали на берег.

Вслед за дымом показался и пароход. Джорджи захватил с собой хорошенькую подзорную трубу и очень искусно наводил ее на судно. И, по мере того как пароход, ныряя в волнах, подходил все ближе и вырастал на глазах, Джорджи, щеголяя морскими терминами, высказывал толковые замечания о его ходе и способах причала. На дамбе, на мачте взвился и затрепыхал сигнальный флаг, обозначавший приближение английского судна. Смею сказать, что так же трепыхалось и сердце миссис Амелии.

Склонившись над плечом Джорджи, Эмми тоже попробовала поглядеть в зрительную трубу, но ничего из этого не вышло. Она увидела только темный кружок, прыгавший у нее перед глазами.

Джорджи снова взял трубу и поймал пароход в поле зрения.

— Здоровая килевая качка! — сказал он. — Волна так и перекатила прямо через нос. На палубе, кроме рулевого, только двое. Один лежит, а другой... другой в плаще и... Ура! Это Добб, ей-богу, Добб!

Он сложил трубу и обхватил руками шею матери. Что же касается этой особы, то о действиях ее позвольте нам особенно не распространяться. Конечно, она была совершенно уверена, что это Уильям. Никого другого и быть не могло. Слова ее о том, будто она надеется, что он не придет, были сущим лицемерием. Разумеется, он дол-

¹ Письмо, вот оно (*итал.*).

² *Розина* — воспитанница доктор медицины Бартоло, ее опекуна, в опере итальянского композитора Джоаккино Россини «Севильский цирюльник».

жен был приехать: что иное мог он сделать, как не приехать? Она всегда знала, что он придет.

Пароход быстро подходил все ближе и ближе. Когда наши друзья подошли к месту причала на набережной, колени Эмми так дрожали, что она едва могла идти. Она готова была тут же упасть на землю и принести благодарственную молитву небу. Ах, ей казалось, что она всю жизнь не перестанет воссылать их!

Погода была такая скверная, что когда пароход пристал к набережной, даже и зеваки не вышли его встретить; едва ли явился и комиссионер из гостиницы на ловлю постояльца среди немногих пассажиров. Юный повеса Джордж тоже куда-то убежал; так что, когда джентльмен в старом плаще на красной подкладке ступил на берег, вряд ли нашелся хоть один свидетель тому, что произошло в дальнейшем.

Произошло же вкратце следующее: дама в насквозь промокшей белой шляпке и шали подбежала к нему, протянув руки, и в следующее же мгновение исчезла под складками старого плаща; там она принялась целовать изо всех сил руки джентльмену, а он, я полагаю, был занят тем, что прижимал ее к своему сердцу (до которого как раз доходила голова дамы) и тем удерживал ее от падения. Дама бормотала что-то вроде: «Прости... дорогой Уильям... милый, милый, дорогой друг...», чмок, чмок, чмок и так далее; словом, вела себя под плащом самым нелепым образом.

Когда Эмми наконец выглянула из-под плаща, она все еще держала Уильяма за руку и взглянула ему в лицо. Оно было полно грусти, нежной любви и сострадания. Она поняла его упрек и опустила голову.

— Вы вовремя позвали меня, дорогая Амелия, — промолвил он.

— Вы никогда больше не уедете, Уильям?

— Нет, никогда, — ответил он и снова прижал бедняжку к своему сердцу.

Когда они вышли из ограды таможи, Джорджи набросился на них, приставив к глазу зрительную трубу, и приветствовал их громким смехом. По дороге к дому он плясал вокруг парочки и выкидывал разные забавные штуки. Джоз еще не вставал, Бекки тоже не показывалась (хотя и смотрела на них сквозь жалюзи). Джорджи побегал распорядиться насчет завтрака. Эмми, вручив в коридоре свою шляпку и шаль мисс Пайн, принялась расстегивать крючок у плаща Уильяма и... но, если позволите, мы лучше последуем за Джорджи и похлопочем о завтраке для полковника. Корабль введен в гавань. Доббин получил приз, которого добивался всю жизнь. Птичка наконец-то попалась. Вот она лежит, склонив головку на его плечо, воркует и ластится у самого его сердца, распустив нежные трепещущие крылышки. Это и есть то, чего он жаждал ежедневно и ежечасно в течение восемнадцати лет. Это и есть то, о чем он страдал. Вот оно — вершина, конец, последняя страница третьей части! Прощайте, полковник! Благослови вас бог, верный Уильям! Прощай, милая Амелия! Зеленой вновь, нежное растение, обвиваясь вокруг корявого старого дуба, к которому ты прильнула!

Может быть, из чувства неловкости перед добрым и простодушным созданием, единственным в ее жизни, выступившим на ее защиту, а может быть, из нелюбви ко всяким сентиментальным сценам вообще, но Ребекка удовлетворилась сыгранной ею ролью в событиях и никогда не показывалась на глаза полковнику Доббину и его жене. Она сказала, что «особые обстоятельства» призывают ее в Брюгге и укатила туда, так что на брачной церемонии присутствовали только Джорджи и его дядя. Затем Джорджи поселился с родителями, а миссис Бекки вернулась (на несколько дней)

утешать одинокого холостяка Джозефа Седли. Он заявил, что предпочитает жизнь на континенте, и уклонился от совместной жизни с сестрой и ее мужем.

Эмми очень радовалась тому, что написала майору до того, как прочла записку Джорджа и вообще узнала о ней.

— Я все время знал это, — сказал Уильям. — Но разве я мог воспользоваться этим оружием против памяти бедняги? Потому-то мне и стало так больно, когда ты...

— Никогда не поминай об этом дне! — воскликнула Эмми, и вид у нее сделался такой смущенный и смиренный, что Уильям поспешно переменял разговор и стал рассказывать о Глорвине и о милой старушке Пэгги О'Дауд, у которых он сидел, когда пришло призывное письмо Амелии.

— Если бы ты меня не вызвала, — добавил он со смехом, — неизвестно, какую фамилию носила бы теперь Глорвина.

Теперь же она — Глорвина Поски (супруга майора Поски), и вышла за него после смерти его первой жены, так как решила, что выйдет замуж только за человека, имеющего касательство к полку. Леди О'Дауд тоже к нему очень привязана, она даже говорит, что, случись что-нибудь с ее Майком, она, честное слово, вернется и выйдет замуж за кого-нибудь из его однополчан. Но генерал-майор чувствует себя прекрасно и живет в полном великолепии в О'Даудстоне, держит стаю гончих и считается первым человеком в графстве (за исключением разве их соседа Гоггарты из замка Гоггарты). Супруга его по-прежнему пляшет джигу и на последнем балу у лорда-наместника непременно пожелала пройтись в этом танце с шталмейстером его превосходительства. И она и Глорвина заявляли, что Доббин поступил с последнею постыдно, но подвернулся Поски, и Глорвина утешилась, а полученный из Парижа великолепный тюрбан смягчил и гнев леди О'Дауд.

Выйдя в отставку — а случилось это тотчас после его женитьбы, — полковник Доббин снял в аренду хорошенькое именье в Гэмпшире, неподалеку от Куинс Кроули, где с того времени, как прошел билль о реформе, безвыездно жил сэр Питт Кроули с семьей. Все мысли о возведении в пэры были оставлены, так как баронет утратил оба кресла в парламенте. Катастрофа эта ударила его и по карману, и по самолюбию, тяжело отозвалась на его здоровье, и он не переставал пророчить о скором падении власти.

Леди Джейн и миссис Доббин очень подружились; между замком и Эвергринсом, резиденцией полковника (арендованной у его приятеля майора Понто, переселившегося с семьей за границу), постоянно разъезжали запряженные пони шарабаны владельцев. Леди Джейн была восприемницей дочки миссис Доббин, которая получила имя в честь крестной мамы, крестил же малютку его преподобие Джеймс Кроули, унаследовавший приход после смерти отца. Тесная дружба установилась и между обоими юношами, Джорджем и Раудоном; во время каникул они вместе охотились, стреляли в цель, вместе поступили в один и тот же колледж в Кембридже и ссорились друг с другом из-за дочери леди Джейн, в которую, разумеется, оба были влюблены. Брачный союз между Джорджем и этой молодой особой составлял любимую мечту обеих мамаш, хотя мне передавали, что сама мисс Кроули была неравнодушна к своему кузену.

Имя миссис Раудон Кроули никогда не упоминалось ни в одной из этих семей. Для этого умолчания были веские причины. Ибо куда бы ни переезжал мистер Джозеф Седли, следом за ним переселялась и она; и этот ослепленный толстяк, по-види-

мому, превратился окончательно в ее раба. Поверенные полковника уведомили его, что брат его жены застраховал свою жизнь в очень крупной сумме, из чего можно было заключить, что он озабочен добыванием денег на погашение долгов. Он испросил у Ост-Индской компании продолжительный отпуск, и, действительно, болезни его с каждым днем усиливались.

Узнав о страховке, Амелия встревожилась и упросила мужа съездить в Брюссель, где в то время находился Джоз, и разузнать о состоянии его дел. Полковник покинул дом очень неохотно (он совсем погрузился в «Историю Пенджаба», над которой работает и поныне, а кроме того, беспокоился за свою дочурку, только что оправившуюся от ветряной оспы), но все-таки отправился в Брюссель и разыскал Джоза в одной из громадных гостиниц этого города. Миссис Кроули держала свой экипаж, задавала приемы и жила очень широко, занимая несколько апартаментов в той же гостинице.

Полковник, разумеется, не имел ни малейшего желания видаться с этой особой и вообще не считал нужным оповещать о своем приезде, а просто послал Джозу записочку через своего камердинера. Джоз попросил полковника приехать к нему вечером, когда миссис Кроули уедет на *soirée*¹ и они будут одни. Доббин застал шурина в состоянии жалкой расслабленности; он был преисполнен глубокого страха перед Ребеккой, хотя все время расточал ей пламенные похвалы. Она выходила его от ряда неслыханных болезней и проявила поразительную преданность. Она ухаживала за ним, как родная дочь.

— Но... но, ради бога, переезжайте сюда, поселитесь где-нибудь поближе и... и навещайте меня хоть изредка, — пролепетал несчастный.

При этих словах полковник нахмурился.

— Мы не можем, Джоз, — сказал он. — Принимая во внимание известные обстоятельства, Амелия не может навещать вас.

— Клянусь вам... готов поклясться на Библии, — прохрипел Джоз, порываясь поцеловать священную книгу, — она невинна, как младенец, и так же безупречна, как ваша собственная жена.

— Возможно, — угрюмо ответил полковник. — Но Эмми не может к вам приехать. Будьте мужчиной, Джоз, порвите эту непристойную связь. Вернитесь на родину в свою семью. Мы слышали, что и дела ваши запутаны.

— Запутаны? — воскликнул Джоз. — Кто это распускает такую клевету? Все мои деньги помещены чрезвычайно выгодным образом. Миссис Кроули, то есть я хочу сказать... словом, они помещены под очень высокие проценты.

— Значит, долгов у вас нет? А зачем вы застраховали свою жизнь?

— Я подумал... так, маленький подарочек ей, на случай если бы со мной что-нибудь приключилось. Вы ведь знаете, здоровье мое так плохо... просто из благодарности, понимаете... А капитал свой я весь завещаю вам... взносы же по страховке я могу выгадывать из своих доходов, право же, могу, — уверял малодушный шурин Уильяма.

Полковник умолял Джоза сейчас же бежать, вернуться в Индию, куда миссис Кроули не может за ним последовать; сделать что угодно, лишь бы порвать связь, которая может иметь для него самые губительные последствия.

Джоз всплеснул руками и воскликнул:

¹ Вечеринку (*фр.*).

— Я уеду в Индию. Я сделаю все что угодно, только надо повременить.
И, главное, пусть ничего не говорят миссис Кроули, она... она убьет меня, если узнает.

— Я уеду в Индию. Я сделаю все что угодно, только надо повременить. И, главное, пусть ничего не говорят миссис Кроули, она... она убьет меня, если узнает. Вы и представить себе не можете, что это за ужасная женщина, — жаловался бедняга.

— В таком случа, почему бы вам не уехать вместе со мною? — предложил Доббин.

Но у Джоза не хватало храбрости. Он повидается с Доббином завтра утром. И пусть Доббин ни в каком случае не говорит, что они уже виделись. А сейчас ему пора уходить, а то Бекки может вернуться.

Доббин покинул его, полный тяжелых предчувствий.

Ему больше не пришлось свидеться с Джозом. Три месяца спустя Джозеф Седли скончался в Ахене. Оказалось, что все состояние его было размотано на спекуляции и заключалось в не имеющих никакой ценности акциях различных дутых предприятий. Единственную прочную ценность представлял полис в две тысячи фунтов стерлингов на застрахование жизни Джоза, и эту сумму он завещал поровну «возлюбленной сестре своей Амелии, супруге и т. д. и другу своему и бесценной утешительнице в болезнях Ребекке, супруге подполковника Раудона Кроули, кавалера ордена Бани»; последняя назначалась также душеприказчицей.

Поверенный страховой компании клялся и божился, что это самый темный случай в его практике; он заговорил о том, что в Ахен необходимо послать комиссию для выяснения обстоятельств смерти Джоза, и компания отказалась произвести уплату по полису. Но миссис, или леди Кроули, как она себя титуловала, сейчас же приехала в город (в сопровождении своих поверенных Бьюрке, Сэртеля и Гэйса из Сэвиес-Инна) и пригрозила страховой компании иском. Поверенные требовали расследования, заявляли, что их доверительница — жертва гнусного заговора, преследовавшего ее всю жизнь, и в конце концов восторжествовали. Деньги выплатили, репутация Бекки была восстановлена, но полковник Доббин вернул свою долю наследства в страховую компанию и наотрез отказался вступать в какие-либо сношения с Ребеккой.

Она никогда не сделалась леди Кроули, хотя продолжала именовать себя так. Его превосходительство полковник Раудон Кроули скончался от желтой лихорадки на острове Ковентри, окруженный любовью и оплаканный всем населением, за шесть недель до кончины своего брата сэра Питта. Таким образом, поместье и титул перешли к теперешнему сэру Раудону Кроули, баронету.

Он тоже отказался от сношений с матерью, но назначил ей очень щедрую пожизненную ренту; да она, по-видимому, и сама обладает большими средствами. Баронет живет безвыездно в Куинс Кроули с леди Джейн и ее дочерью, а Ребекка, или леди Кроули, преимущественно обретается в Бэте или в Чельтенгаме, где очень сильная партия всеми уважаемых людей считает ее жертвой совершенно незаслуженных гонений. Есть у нее и враги. Но у кого их нет? Жизнь ее может служить ответом на их обвинения. Она занимается делами благотворительности. Ходит в церковь, притом всегда в сопровождении ливрейного лакея. Фамилия ее красуется на всех благотворительных подписных листах и в списках членов всех благотворительных учреждений. «Неимущая лоточница», «Позабятая прачка», «Бедствующий пирожник» и другие такие же общества имеют в ее лице усердную и щедрую покровительницу. Она всегда устраивает собственные киоски на благотворительных базарах в пользу этих несчастных. Недавно Эмми, ее дети и полковник, приехав в Лондон, неожиданно столкнулись с нею на одном таком базаре. Бекки скромно опустила глаза и улыб-

Бекки скромно опустила глаза и улыбнулась, когда они бросились от нее в сторону

нулась, когда они бросились от нее в сторону, — Эмми, подхватив под руку Джорджа (превратившегося в блестящего молодого джентльмена), а полковник, подняв на руки малютку Джейни, которую он любит больше всего на свете, больше даже, чем свою «Историю Пенджаба».

«Он любит ее больше, чем меня», — со вздохом думает Эмми, хотя полковник никогда не сказал ни одного слова, которое не было бы преисполнено доброты и нежности, и не подумал о каком-нибудь ее желании или потребности без того, чтобы сейчас же не постараться их удовлетворить.

Ах, *vanitas vanitatum!*¹ Кто из нас наслаждается счастьем в этом мире? Кто из нас достигает желаемого, а достигнув, бывает удовлетворен? Давайте-ка, детки, закроем наш балаганчик и спрячем куколок, ибо представление наше окончено.

¹ Суета сует! (*лат.*).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕД ПОДНЯТИЕМ ЗАНАВЕСА	7
--------------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I. Чизуикский бульвар.....	9
ГЛАВА II, в которой мисс Шарп и мисс Седли готовятся начать кампанию	17
ГЛАВА III. Ребекка в виду неприятеля	26
ГЛАВА IV. Зеленый шелковый кошелек.....	33
ГЛАВА V. Наш Доббин	46
ГЛАВА VI. Воксхолл.....	56
ГЛАВА VII. Кроули из Куинс Кроули	72
ГЛАВА VIII. Приватно и конфиденциально.....	82
ГЛАВА IX. Семейные портреты.....	91
ГЛАВА X. Мисс Шарп начинает обзаводиться друзьями	98
ГЛАВА XI. Аркадская простота	105
ГЛАВА XII, весьма чувствительная	120
ГЛАВА XIII. Сентиментальное и иное	128
ГЛАВА XIV. Мисс Кроули дома	141
ГЛАВА XV, в которой на короткое время появляется муж Ребекки	157
ГЛАВА XVI. Письмо, пришпиленное к булавочной подушке	166
ГЛАВА XVII. Как капитан Доббин покупал фортепьяно	175
ГЛАВА XVIII. Кому пришлось играть на фортепьяно, которое купил Доббин.....	183
ГЛАВА XIX. Мисс Кроули на попечении сиделки.....	193
ГЛАВА XX, в которой капитан Доббин выступает вестником Гименя.....	203
ГЛАВА XXI. Ссора из-за богатой наследницы.....	213
ГЛАВА XXII. Одно бракосочетание и кусочек медового месяца.....	222
ГЛАВА XXIII. Капитан Доббин действует по задуманному плану.....	230
ГЛАВА XXIV, в которой мистер Осборн снимает с полки семейную библию.....	235
ГЛАВА XXV, в которой главные действующие лица признают своевременным покинуть Брайтон.....	248

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА XXVI. Между Лондоном и Чатамом	266
ГЛАВА XXVII, в которой Амелия присоединяется к своему полку.....	274
ГЛАВА XXVIII, в которой Амелия производит нашествие на Нидерланды	281
ГЛАВА XIX. Брюссель	291
ГЛАВА XXX. «Милую покинул я...»	302
ГЛАВА XXXI, в которой Джоз Седли проявляет заботу о сестре	311
ГЛАВА XXXII, в которой Джоз обращается в бегство, а война приходит к концу	323

ГЛАВА XXXIII, в которой родственники мисс Кроули проявляют о ней заботу	338
ГЛАВА XXXIV, в которой выбрасывается за окно трубка Джеймса Кроули	347
ГЛАВА XXXV. Вдова и мать	362
ГЛАВА XXXVI. Как можно хорошо прожить, не имея никакого дохода	371
ГЛАВА XXXVII. Продолжение предыдущей	380
ГЛАВА XXXVIII. О семействе, находящемся в весьма стесненных обстоятельствах	393
ГЛАВА XXXIX. Глава циничная	405
ГЛАВА XL, в которой Бекки признается членом семьи	414
ГЛАВА XLI, в которой Бекки вновь посещает чертоги своих предков	423
ГЛАВА XLII, повествующая о семье Осборнов	433
ГЛАВА XLIII, в которой читателю приходится огибать мыс	439
ГЛАВА XLIV. Между Лондоном и Гэмпширом	448
ГЛАВА XLV. Между Гэмпширом и Лондоном	458
ГЛАВА XLVI. О внутренней борьбе и испытаниях	466
ГЛАВА XLVII. Гаунт-Хаус	473
ГЛАВА XLVIII, в которой читатель вводится в самое избранное общество	483

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА XLIX, в которой мы вкушаем три блюда и десерт	494
ГЛАВА L, заключающая описание одного заурядного события	501
ГЛАВА LI, в которой разыгрывается шарада, затруднительная, а может быть, и незатруднительная для читателя	510
ГЛАВА LII, в которой лорд Стэйн проявляет себя в наилучшем свете	528
ГЛАВА LIII. Освобождение и катастрофа	537
ГЛАВА LIV. В воскресенье после битвы	545
ГЛАВА LV, в которой продолжается рассказ о том же предмете	554
ГЛАВА LVI. Джорджи становится джентльменом	567
ГЛАВА LVII. На море	579
ГЛАВА LVIII. Наш друг майор	587
ГЛАВА LIX. Старое фортепьяно	597
ГЛАВА LX, возвращающая нас в порядочное общество	607
ГЛАВА LXI, в которой гаснут два светильника	613
ГЛАВА LXII. Am Rhein	625
ГЛАВА LXIII, в которой мы встречаем старинную знакомую	637
ГЛАВА LXIV, повествующая о скитаниях	649
ГЛАВА LXV, полная деловых забот и удовольствий	664
ГЛАВА LXVI. Amantium irae	672
ГЛАВА LXVII, заключающая рождения, бракосочетания и кончины	685

Уильям Теккерей
ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ

Компьютерная верстка,
обработка иллюстраций
А. Корсакова

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую, художественную
и культурную ценность для общества

Сдано в печать 25.02.2021
Объем 44 печ. листа
Тираж 6100 экз.
Заказ № 0243/21

Бумага кремовая книжная дизайнерская
Stora Enso Lux Cream

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

«Ярмарка тщеславия» — вершина творчества Уильяма Теккерея. Будущий талантливый писатель появился на свет в 1811 г. В нем рано проснулся талант сатирика. Уже в студенческие годы, в Кембридже, он издавал журнал «Сноб». В то время так называли подмастерьев сапожников, и одновременно это слово было прозвищем для невежественных самолюбивых мещан. С легкой руки Теккерея термин «снобизм» получил широкое распространение. В своем знаменитом романе он всласть поиздевался над тщеславием набравшей силу буржуазии.

Достигнув совершеннолетия, Теккерей получил наследство, пытался финансировать издание пары газет, но потерпел фиаско и практически разорился. Пришлось заняться журналистикой, которая в то время в Англии была на подъеме. В результате Теккерей познакомился с различными сторонами английского общества, в котором набравший силы капитализм сталкивался с патриархальными нравственными устоями. Теккерей написал множество очерков и статей, которые стали своеобразным материалом к роману. В это время писатель, печатая в сатирическом журнале «Панч» своеобразные карикатурные зарисовки на высшее английское общество, заработал себе репутацию ядовитого насмешника. Ироничный смех был его стихией, в которой он чувствовал себя совершенно свободно.

Любопытно, что Теккерей сам иллюстрировал свои статьи и очерки. Еще в юности он мечтал стать художником и даже учился рисованию в Париже. Большим живописцем он не стал, найдя свое призвание в качестве художника-карикатуриста. Теккерей-художник изображает своих героев в карикатурном виде, что придает «Ярмарке тщеславия» особую прелесть. Этот роман принес писателю широкую известность. Он публиковался в 1847–1848 гг. в виде ежемесячных выпусков, а затем был издан в 1848 г. в виде трехтомника. Читая название романа, просвещенная английская публика вспоминала популярное аллегорическое сочинение XVII в. Джона Беньяна «Путь паломника», в котором Лондон изображался как ярмарка житейской суеты, где выставлено на продажу все — от драгоценностей и домов, до чинов и человеческих душ. После успеха «Ярмарки» Теккерей написал еще несколько романов, читал лекции в Европе и Америке и скончался в 1863 г. от инсульта.

По реалистическим приемам Теккерей схож с Диккенсом. Его «Ярмарка» — сатира на извечные человеческие пороки. Главный герой романа — бедная девушка Бекки Шарп, решившая во что бы то ни стало с комфортом устроиться в жизни. Такой типаж нередко встречается и в современном мире. Впервые на русском языке «Ярмарка» была опубликована в 1850 г. В данном издании текст дан в прекрасном переводе В. И. Штейна.

ISBN 978-5-9603-0604-1

9 785960 306041 >

